

СУСАННА ОВАНЕСЯНИ

ОВАНЕС ТУМАНЯНИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

КНИГА ИЗДАНА ПРИ СОДЕЙСТВИИ
ВСЕАРМЯНСКОГО ФОНДА АРМЕНОВЕДЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ НАН РА

ПОСВЯЩАЕТСЯ 150-ЛЕТИЮ
ОВАНЕСА ТУМАНЯНА

ՀՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԳԵՄԻԱ
Մ. ԱՐԵՂՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՍՈՒՄԱՆՆԱ ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ

ՀՈՎՀԱՆՆԵՍ ԹՈՒՄԱՆՅԱՆԸ
ԱՌԱՋԻՆ ԱՇԽԱՐՀԱՄԱՐՏԻ
ՏԱՐԻՆԵՐԻՆ

ԵՐԵՎԱՆ

ՀՀ ԳԱԱ «ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ» ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ

2018

1329885
929: 231.981 Туманян

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РА
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. М. АБЕГЯНА

СУСАННА ОВАНЕСЯН

ОВАНЕС ТУМАНЯН
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

Р II
657846

ԵՐԵՎԱՆ
ԻԶԴԱՏԵԼՅՑՏՎՈ «ԳԻՏՄԵՆ» ՆԱՆ ՐԱ
2018

УДК 821.19.0:94(479.25)
ББК 83.3(5-Арм)+63.3(5 Арм)
О 310

Издаётся по решению НИСО НАН РА и учёного совета
Института литературы им. М. Абегиана НАН РА

Перевод Гургена Баренца
Ответственные редакторы - доктор филологических наук,
профессор Магда Джанполадян,
доктор филологических наук Вардан Деврикян
Рецензенты: академик НАН РА С.Саринян,
академик НАН РА А.Григорян

Ованесян Сусанна
0-310 Ованес Туманян в годы Первой мировой войны. Ер., изд-во
"Гитутюн", 2018. 620 стр.

В исследовании на основе богатого фактического и нововыявленного документального материала всесторонне освещается творческая, в особенности, публицистическая, а также общественная и национально-патриотическая деятельность величайшего армянского поэта Ованеса Туманяна в годы Первой мировой войны и Геноцида армян (1914-1918 гг.).

В книге представлена многослойная панорама национально-общественной и литературной, культурной жизни армянского народа в годы войны и Геноцида, приведены нововыявленные факты и фрагменты из жизни крупнейших деятелей эпохи.

Особо подчеркивается роль и участие Туманяна в рассматриваемых историко-политических событиях, его активное содействие армянским сиротам и беженцам.

Вопросы, исследуемые в монографии, представляют большой интерес не только для туманяноведов, но и для историков, филологов, литературоведов и учёных-специалистов других гуманитарных наук.

Книга предназначена также для самого широкого круга русскоязычных читателей.

УДК 821.19.0:94(479.25)
ББК 83.3(5-Арм)+63.3(5 Арм)

ISBN 978-5-8080-1206-6

© Издательство "Гитутюн" НАН РА, 2018

*Светлой памяти моего деда, битлисца
Петроса Ованесяна, который стал одной из
двух миллионов жертв Геноцида, оставив
сиротой моего годовалого отца...*

ПРЕДИСЛОВИЕ. В БЕЗБРЕЖНОМ МОРЕ АРМЯНСКОГО ГОРЯ

Есть писатели, сама жизнь которых является наилучшим комментарием и толкованием их творчества, а художественные произведения – наилучшим оправданием их жизни. По словам В. Беллинского, время преклоняет колени перед такими писателями.

В этом смысле Ованес Туманян неповторим и уникален, поскольку он принадлежит к числу тех гениальных художников слова, сила которых заключена в неразделимости поэта и человека, в гармоническом единстве национального и общечеловеческого начала. Он создал эпохальную литературу, обобщив, абстрагировав своё время и человека всех времён, принеся в армянскую литературу многослойное художественное мышление, принципиально новое поэтическое пространство и традиции.

Туманян – это обобщённый образ армянского народа, наше самосознание и генетический код, посредством расшифровки которого можно понять душу армянина, его характер, его прошлое, настоящее и будущее одновременно.

Французский литературовед Жак Неф признаётся: “У нас нет такого писателя, которого мы могли бы сделать национальным символом”. Мы же можем с уверенностью сказать, что у нас есть национальный писатель-символ. Именно Туманян является самым народным, самым национальным армянским писателем, именно он является символом армянина и армянского духа.

Величие Туманяна ощущает каждый армянин, поскольку, выражаясь словами Паруйра Севака¹, он “является нашим хлебом насущным”. Вот почему то поколение, которое даже не умело читать, или даже никогда не слышало имени Туманяна, на интуитивном уровне знало наверняка, что его творчество бессмертно: вот почему мать Севака спрашивала сына: “Раз уж ты столько читаешь, сможешь ли стать таким человеком, как автор “Гикора””. А отец Гранта Матевосяна² удивлялся: “Неужели Туманяна нужно изучать?”. И каждый из них был по-своему прав, поскольку невозможно изучать то, что нация, народ несёт в себе, в своей гене-

¹ Паруйр Рафаэлович Севак (Казарян; 24 января 1924 – 17 июня 1971) – армянский поэт и литературовед. Доктор филологических наук.

² Грант Игнатъевич Матевосян (12 февраля 1935 – 19 декабря 2002) – армянский писатель, автор повестей, рассказов и киносценариев.

тической памяти с незапамятных времён, со времени рождения первых языческих богов; нельзя изучать то, что течёт в венах каждого армянина, является его составной частью и не просто находится с ним с самой колыбели и сопутствует ему до глубокой старости, а живёт в нём ещё до рождения.

В 1904 г. в одном из писем писатель признаётся, что преходящее давно уже ушло из его сердца, а о своих связях с непреходящим он скромно умалчивает, поскольку его душа находилась в исканиях и по дороге к неизвестности, к беспредельности он нашёл свой космос, ставший для него пристанищем. Более того, он стал представителем армянского духа в космическом пространстве, тем божественным паломником, который шагает в первых рядах с величайшими деятелями других наций, других народов: “Душа моя вселенную объяла”. И, словно этого было недостаточно, он стал “хозяйном вселенной”. И по праву хозяина он своим наследием, своим творчеством и оставленными заветами старается ввести в свой туманяновский мир каждого, чтобы обеспечить причастность всех людей к возвышенному, чистому и вселенскому.

В 50-х и 60-х гг. минувшего века известные представители литературы (П.Севак, Р.Ованесян¹, Г.Эмин², С.Наровчатов³ и др.), свои отзывы о Туманяне начинали с акцентирования национального качества его дарования, сравнивая его с украинцем Шевченко, немцем Гёте, болгаринном Ботевым, венгром Петсефи, англичанами Шекспиром или Байроном, поляком Мицкевичем, грузином Руставели, то есть с самыми великими, самыми национальными, самыми общечеловеческими и самыми народными писателями. Возможно, сегодня эти слова покажутся несколько трафаретными, однако именно эти характеристики зачастую констатируют вечные реалии, как пословицы и поговорки, как афоризмы. Это означает, что уже давно закреплена уникальность и неповторимость, говоря словами Севака, “несравненность” Туманяна в истории армянской литературы и культуры, обусловленная национальными качествами его гения. Севак пишет: “И у каждого народа бывает только один такой писатель... у него могло бы и не быть имени, даты рождения и смерти, как дело обстоит с эпосами... более других армянский, более других исконный... природа дала ему всё, чтобы мы приставили к его имени определение “святой”... Он был индивидуализированной нацией...”⁴.

Невозможно представить многовековую армянскую литературу и всю историю армянского народа без Туманяна. И в мировой литературе также он является одним из тех уникальных писателей, биография которых становятся биографией эпохи. Сколько писателей мы знаем в мировой литературе, которые были бы настолько заняты во всех областях общест-

¹ Ованесян Рачия Карапетович (1919-1997) – армянский поэт.

² Геворг Эмин (Карлен Григорьевич Мурадян; 1919–1998) – армянский поэт.

³ Сергей Сергеевич Наровчатов (1919 – 1981) – русский поэт.

⁴ П. Севак, Собр. соч. в 6 тт., т. 5, Ер., «Айастан», 1974, стр. 350, 354, 357, 359.

венной жизни своего народа, одновременно председательствуя в десятках обществ (Кавказское общество армянских писателей, Общество попечительства армянских сирот, Общество Айказян, Союз земляческих обществ, Бюро “Вштапатум”, Дом армянского искусства, Комитет помощи Армении и т.д., и т.п.); кто ещё совершал столько гражданских подвигов, подвергая свою жизнь смертельной опасности? Да, велика его роль во всех областях общественной жизни. Он был гениален во всём, и не нами сказано, что всё, к чему бы он ни прикасался, превращалось в чудо.

Уникальность и неповторимость Туманяна - в неразделимости его творческого и гражданского, человеческого подвига, что было доказано самой его жизнью, начиная с 1888 года, с покупки пистолета на вырученные от продажи пальто деньги - во имя освобождения Западной Армении; наивно-романтической программы противостояния турецким властям с привлечением четырёх-пяти товарищей-патриотов; вплоть до прекращения межнациональных столкновений и предотвращения кровопролития в 1905-1906 гг.; вплоть до поездок в Западную Армению в дни Первой мировой войны, где поэт оказывал действенную помощь армянским сиротам и беженцам; вплоть до важных, нередко преисполненных лживыми обещаниями, но порой продуктивных встреч с послами и консулами разных стран – России, Германии, Испании, Австрии, с уездными начальниками и губернаторами, русскими генералами и солдатами, с армянскими добровольцами; вплоть до неудавшейся попытки предотвращения гражданской войны; вплоть до не увенчавшейся успехом командировки в Россию для встречи с императором Николаем Вторым; вплоть до должности первого председателя Комитета помощи Армении... И это ещё далеко не всё, хотя только при перечислении всех его деяний перехватывает дыхание. Кажется, что всё это всем нам давно известно, что просто стыдно не знать этого. Подобная насыщенная деятельность также уникальна и присуща апостолам, идущим на верную и осознанную смерть. Писатель прожил жизнь, полную надежд и отчаяния, ликований и разочарований, душевных подъёмов и горьких поражений; и даже среди усеянных трупами руин и пепелищ он сумел сохранить свои светлые идеалы, мечту о превращении варвара в человека, мечту, которая так и осталась неосуществлённой, как незавершённой осталась его сказка “Азаран блбул” (“Жар-птица”).

Больной и ослабевший поэт ценой невероятных усилий продолжал успевать везде и всюду и жертвовать собой для всех и для каждого, реализуя тем самым свою мечту “слиться с небом и землёй”:

Но кто пошлёт мне благодать забыть себя, не зная,
Во всех стихиях пребывать, - в их тайной глубине!

(Пер. Н. Гребнева)

В страшные месяцы 1915 г. многие не находили в себе мужества даже проезжать мимо заражённого Эчмиадзина, а иные, подобно Мартироосу

Сарьяну¹, проникнувшись патриотическими чувствами, ринулись туда, чтобы помочь обездоленным, доведённым до крайности людям, но физически не выдержали вида адовых человеческих страданий. Причём Сарьяну, возможно, в некотором смысле даже повезло: кто знает, что бы с ним могло случиться, если бы он не потерял сознание от горя и боли. А вот Араму Манукяну² не повезло: при посещении лагерей беженцев и вынужденных переселенцев он заразился смертельной болезнью и скончался. И только Туманян, прервав своё лечение, поспешил в эчмиадзинскую преисподнюю и оставался там несколько месяцев, и при этом держал при себе одну из дочерей, подвергая её жизнь смертельной опасности. Это уже другое, исключительное качество и уровень патриотизма. Предоставление всех детей в распоряжение генерала Андраника (четверых сыновей – в качестве солдат, четырёх дочерей – сёстрами милосердия) является уже не самоотверженностью, а высшей степенью жертвенности. И он был на баррикадах до самой своей кончины, когда, проигнорировав нехорошее предчувствие своей матери, наделённой даром ясновидения, не вняв её мольбам, он, уже будучи неизлечимо больным, согласился пересечь море и добраться до Константинополя, чтобы стать связующим мостом для чудом уцелевшего после геноцида западноармянского населения и бедствовавшего в недавно советизированной стране восточного армянства, чтобы помочь людям ощутить своё единство, вдохновить их на сплочение и борьбу с внешними врагами. Туманян осознавал всю рискованность и

¹ Мартирос Сергеевич Сарьян (1880 - 1972) – великий армянский живописец-пейзажист, график и театральный художник.

В 1900-х годах участвовал в выставках художественных объединений «Голубая роза», «Союз русских художников», «Мир искусства», «Чегыре искусства». Сильное влияние на стиль Сарьяна оказала живопись Поля Гогена и Анри Матисса.

² Арам Манукян (1879 – 29 января 1919), также известный как Арам-паша, Саркис Ованесян и Серж Ованесян, член АРФД (Армянская Революционная федерация (Дашнакцутюн), политический и военный деятель. Родился в армянском селении Зейва Елизаветпольской губернии. С 1903 г. в Карсе занимался доставкой оружия, боеприпасов, а также переброской добровольческих групп в Западную Армению. В 1904-1908 гг. действовал в Ване, затем работал школьным учителем в Орду, впоследствии два года жил в Женеве. В 1912 г. переселился в западноармянский город Ван, где стал местным лидером партии Дашнакцутюн. В 1915 г. возглавил оборону Вана от турецких войск. Под его руководством город продержался месяц до подхода русских войск. В течение 70 дней возглавлял Ванское губернаторство, которое было ликвидировано после неожиданного отступления русских войск. После отхода русской армии организовал переселение армянского населения Васпуракана (около 200000 человек) в Восточную Армению. В 1916 г. переехал в Тифлис. Там он работал вместе с Ованесом Туманяном в Армянском национальном бюро, где в основном занимался вопросами обустройства западноармянских беженцев. А. Манукян сыграл большую роль в организации первого съезда западных армян. В конце 1917 в качестве уполномоченного представителя Армянского Национального совета был направлен в Ереван. С мая по июль 1918 г. руководил новообразованной Республикой Армения до прибытия её правительства из Тифлиса, затем стал её первым министром внутренних дел, впоследствии был министром труда и министром обороны. Умер 29 января 1919 г., заразившись от беженцев сыпным тифом. Об Араме Манукяне народ сложил множество песен.

опасность предпринимаемого путешествия, но всё же предпочёл оказаться полезным для своего народа.

Даже если бы Туманян не был великим писателем, он всё равно остался бы в памяти армянского народа, поскольку именно он был лучшим национальным и литературным деятелем своего времени, именно он был одним из самых лучших публицистов эпохи. Как в художественном творчестве, так и в публицистике его стремлением было увидеть «конец зла». Для этой цели он считал приемлемым и единственно возможным не путь убийства и уничтожения, а честный и конструктивный путь оказания поддержки и восстановления. “Мы желаем только одного: чтобы из нашей периодики исчезли варварские обычаи, уступив место объективной, корректной критике, широкому и ясному взгляду... и, вместо того чтобы убивать, разрушать, лишать сил, мы должны стараться оказывать поддержку и оживлять”¹(6, 253).

Именно Туманян был лучшим восточноармянским публицистом и литературным критиком, государственным деятелем страны, не имевшей государственности, Поэтом всех армян, который представлял собой гармоничное единство чувственного мира армянской души, творческой мысли и бодрствующего разума, который сделал реальностью свою заветную мечту жить для всех и для каждого:

Кто ни сжигал меня: и друг, и враг!

Горел я, озарял собою мрак.

Покуда мог – свет отдавал я людям,

Свет даровал, покуда не иссяк.

(Пер. Н.Гребнева)²

Больше он уже не принадлежал себе, не существовал для себя, и поэтому никогда не опускался до проклятий и анафемы и видел свет во мраке, и это в той жизни, которая дала ему только горе и боль, как в национальном, так и в личном плане. Он горел, чтобы этого света стало больше: “Горел я, озарял собою мрак”.

Вот уже целое столетие каждый юбилей Ов. Туманяна, независимо от того, отмечается ли он народом, без каких-либо распоряжений и инструкций “сверху”, или при непосредственном руководящем и направляющем участии властей, становится ярким свидетельством его народности. Он является одним из тех счастливых творцов, величие которого признали почти все наши видные писатели. Конечно, были моменты, как при его жизни, так и после смерти, когда простоту и ясность его стиля путали с простоватостью, однако, тем не менее, Туманян является одним из тех

¹ Ованес Туманян, Полное собрание сочинений в 10 тт., т. 6, Ер., изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1994, стр. 253 (на арм. яз.). В последующем ссылке на это издание будут приводиться в тексте, с указанием тома и страницы.

² Ов. Туманян, Избранное, М., «Художественная литература», 1988, стр. 349.

редких художников слова, чьё выдающееся дарование осознавалось его современниками, даже недругами и недоброжелателями: даже слепому, благодаря его сверхчувствительности, невидимое становится очевидным. В частности, все без исключения выдающиеся армянские писатели отдавали лавры первенства Туманяну, поскольку они были действительно выдающимися и не боялись сравнения с самым лучшим, самым великим. Ав.Исаакян¹ утверждает и предупреждает грядущие поколения, что понять Туманяна-человека очень трудно, поскольку он “является психологическим сфинксом... со сложной, неутолимой фаустовской душой”, “несравненным” человеком, который, куда бы он ни направлялся, “приносил с собой солнце радости, давал свет и жизнь”, был “обворожительным человеком”, который был в ряду “легендарных людей”, рядом с которым каждый чувствовал себя счастливым, а без него весь мир становится бессмысленным и суетным. Для Чаренца² Туманян был “недосягаемым Араратом нашей поэзии”, поднимавшим кубок вместе с Гомером и Гёте. Столь же высоко оценивал поэзию Туманяна В.Терьян: «Одну «Парвану» Туманяна я не променяю на произведения вдруг ставших язычниками константинопольско-армянских поэтов»³. Эти характеристики можно продолжать до бесконечности, добавив имена Г.Агаяна⁴, Ширванзаде⁵, Шанта⁶, Д.Демирчяна⁷ и многих других. Возможно, некоторые из них преувеличивали, однако коленопреклонённое возвеличивание современника и признание его беспрекословного преимущества, действительно является редким явлением, если не исключительным. Их поклонение словно передалось последующим поколениям писателей, которое пошло ещё дальше, обожествляя Туманяна. Мы уверены, что это отношение сохранится и в последующих веках, и если сегодня многие хранят молчание, значит, они еще не дошли до осознания своей значимости, поскольку только действительно значимые писатели признаются в неоспоримом величии Туманяна.

Да, все с ощущали глубокую признательность при общении с гениальным писателем, многие считали его единственным в своём роде и

¹ Аветик Сааконич Исаакян (1875–1957) – армянский поэт, прозаик, публицист. Класик армянской литературы.

² Егише Чаренц (Егише Абгарович Согомонян; 13 марта 1897, Карс, Российская империя (ныне Турция) – 27 ноября 1937, Ереван) – армянский поэт, прозаик и переводчик.

³ В. Терьян, Грядущий день армянской литературы. В сб.: Критика и публицистика. Ереван, 1985, стр. 93.

⁴ Агаян Газарос (Лазарь) Степанович (4 апреля 1840, Болнис-Хачен, Грузия – 20 июня 1911, Тифлис) – армянский писатель, педагог.

⁵ Александр Миннасович Ширванзаде (Мовсисян, 18 апреля 1858, Шемаха – 7 августа 1935, Кисловодск) – армянский писатель и драматург.

⁶ Левон Шант (16 апреля 1869, Константинополь, Османская империя – 19 ноября 1951, Бейрут, Ливан) – армянский писатель, драматург, новеллист, член АРФД, политический деятель.

⁷ Дереник Карапетович Демирчян (6 (18) февраля 1877 - 6 декабря 1956) – армянский писатель, драматург.

исключительным, незаменимым. По словам Стефана Зорьяна¹, “если однажды состоится выставка стихотворений всех народов мира, то армянскому народу некого будет послать, кроме Туманяна – в качестве образчика истинно армянского поэта”².

Многие видели величие поэта в его единении и отождествлении с народом. Так, Рачия Ованесян говорил: “Для творчества Туманяна исходной точкой является народ и окончательной точкой – также”³. Для Сильвы Капутикян⁴ Туманян был “самым замечательным явлением природы”, “с широким и щедрым характером, с незыблемым здоровьем духа, – это признаки, которыми наделён только народ”⁵. Для Геворга Эмина Туманян – “насущенный хлеб, без которого невозможно представить жизнь человека... Великий и необходимый, – самый великий и самый необходимый”⁶.

Амо Сагиян⁷ признаётся: “Каждый раз, открывая двери в его творческий мир, удивляешься и испытываешь растерянность... Как много красок, ароматов, пламени, пропастей и вершин!.. Всегда что-то неузнаваемое”⁸. Туманян был для него самым любимым писателем на всей планете. “С мировой литературой и писателями я в той или иной мере знаком... читал. Но больше всех люблю и лучше всех воспринимаю Туманяна”⁹. В подобном духе высказывается Анаит Саинян¹⁰. “Для меня Туманян по одну сторону, вся армянская литература – по другую, – говорит она и добавляет: – Он для меня – величайший писатель в мире”¹¹. Свою статью писательница завершает, ставя знак равенства между Творцом и Туманяном: “Бог в небе, он и в нас. В небе и в нас, неотделим от нас также Туманян”¹².

А с какой точностью и туманяновской сжатостью охарактеризовал “великого лорийца” его замечательный земляк Грант Матевосян: “Мы живы Туманяном. Без Туманяна нас нет”¹³. Он обожествлял Туманяна, на-

¹ Стефан Ильич Зорьян (16 сентября 1890 - 14 октября 1967) – армянский писатель, переводчик, общественный деятель, академик АН Армении (1965).

² Ст. Зорьян, Собр. соч. в 10 тт., т. 10, Ер., «Айпетрат», 1964, стр. 313.

³ Р. Ованесян, «Туманян и мы», газета «Гракан терт», Ер., 1969, №39, 26 сентября, стр. 6-7. См. также сборник «Туманян-100», Ер., «Айастан», 1972, стр. 98 (на арм. яз.).

⁴ Сильва Барунаковна Капутикян (1919–2006) – армянская поэтесса, писатель и публицист.

⁵ Сильва Капутикян, Моё время, Ер., 1979, «Советакан грох», стр. 80 (на арм. яз.).

⁶ Геворг Эмин, Собр. соч. в 3 тт., т. 2, Ер. 1986, стр. 431 (на арм. яз.).

⁷ Амо Саакович Сагиян (Амаяк Григорян) (14.04.1915 - 17.07.1993) – армянский поэт, переводчик.

⁸ Амо Сагиян, «Удивляюсь и теряюсь», газета «Гракан терт», Тифлис, 1989, №9, 24 февраля, стр. 2. (на арм. яз.).

⁹ Там же.

¹⁰ Анаит Арамовна Саинян (20.06.1917 – 07.01.2010) – армянский прозаик, публицист.

¹¹ Анаит Саинян, «По поводу 100-летия Вернадуна», журнал «Гарун», Ер., 2000, №6, стр. 18 (на арм. яз.).

¹² Там же.

¹³ Грант Матевосян, статья «Совершенство» в кн. «Перед белой бумагой», Ер. 2004, стр. 82 (на арм. яз.).

зывая его “Сыном Божиим” и одновременно “Богом-Отцом”, который пришёл в мир и стал выразителем трагедии своего народа, но не “заложником ненависти”. Затем писатель заключает: “Такими бывают только полководцы-короли... Он не чувствует необходимости в совершенствовании своего совершенства... Он является символом совершенства своего народа”¹. По глубокому убеждению Г.Матевосяна, в мире Туманяна, в этом королевстве, с раннего детства знакомом и родном для каждого армянина, рождаются все великие деятели нашей культуры, и только побывав там, они приходят в свою страну².

Сам Туманян также знал, что для него не существует пространственно-временных границ, что он будет жить до предела беспредельности и будет исследовать тайны человеческого существования.

Масис - превыше всех армянских гор,
На высоте его вступила в разговор
Моя душа с Творцом: длинна беседа эта -
С времен небытия и до скончания света.
(Пер. Н.Гребнева)³

Туманяна с исключительной теплотой чествовали и возвеличивали и видные представители других народов, в том числе В.Брюсов, С.Городецкий, Т.Табидзе, Г.Леонидзе, Н.Тихонов, С.Шервинский, Ал.Дымшиц, А.Сурков, Д.Гранин, К.Чуковский, В.Кочевский, Л.Первомайский, К.Гамсахурдия, Г.Абашидзе, Э.Межелайтис, Ю.Збанацкий, М.Танк, М.Петровых, Б.Ахмадулина, В.Звягинцева и многие другие.

Даниил Гранин видел исключительность Туманяна в том, что он очень глубоко проник во все смежные области культуры и искусства армянского народа. По мнению Р.Фёдорова, Туманян является представителем нашего национального характера и средоточием исторического опыта. Многие произведения характеризовались как “зов души”, “заветная молитва”, “магический шёпот”.

О параллели Пушкин-Туманян говорилось всегда, начиная с современников армянского поэта – княгини Мариам Туманян и Ваана Терьяна, до наших дней. Н.Тихонов: “Туманян – Пушкин Армении”, С.Баруздин: “Туманян – писатель-символ, как Пушкин”; а известный туманяновед Эд.Джрбашян посвятил этой теме отдельную монографию, в которой научно обосновал и раз и навсегда закрепил факт духовного родства и близости Туманяна и Пушкина.

Аполлон Григорьев в 1959 г. в своей статье “Взгляд на творчество Пушкина со дня его смерти” сказал: “Пушкин – это наше всё”, и эта фраза

¹ Грант Матевосян, «Ованес Туманян – символ совершенства», «Гракан терт», Тифлис, 1989, №9, 24 февраля, стр. 2.

² Там же.

³ Ов. Туманян, Избранное, стр. 355.

стала крылатым выражением. Она бесспорно и точно характеризует также Туманяна. Если эта фраза всеохватно определяет Пушкина, который в искусстве стал носителем русского духа и характера русского человека, то насколько эти слова подходят к Туманяну, который не только в искусстве, но и во всех сферах общественной жизни, в публицистике, в огромной национальной деятельности, народной дипломатии, исторнографии, в руководстве культурной жизнью стал лучшим представителем своей нации, причём не какой-нибудь писатель или критик, а сам он провозгласил себя “Поэтом всех армян”, и народ с первой же секунды ухватился за это определение, объявив его представителем “всех армян” во всех областях – поэтом, тамадой, Отцом всех армянских сирот и т.д. Когда после него пришли Терьян и Чаренц и предопределили новые пути развития литературы, рядом с ними был и Туманян. Он рядом и с сегодняшними писателями, со всеми без исключения, даже рядом с теми, кто может отрицать его и не признавать его величие, он будет рядом и с армянскими гениями грядущих веков и будет учить их жить и проявлять мужество и стойкость.

Душа моя, живя в земном доме,
Вселенную объяла – свет и тьму,
Но то, что я владыка всей вселенной,
Кому известно, ведомо кому?
(Пер. Н.Гребнева)¹

Да, Туманян – это наше всё, в нём сосредоточено наше прошлое, настоящее и будущее, наши традиции и преодоление косных обычаев, он одновременно и земной, и нематериальный, в нём проявилась наша природа, армянская речь и письменная культура, он – наш хлеб и наша вода, будничное и вселенское, он – секрет совершенства и жертвенности, совесть армянского народа, сострадание и милосердие; он ушёл из жизни, пытаюсь найти пути выхода для своего многострадального народа.

Своей интуицией и глазами своей “то сумрачной и облачной, то спокойной и ясной” души он видел и объяснял невидимое и сокрытое.

Моя душа болит во всякий час,
Она на протяжении многих лет
Невольно и неведомо для вас
Свидетель ваших радостей и бед.
(Пер. А.Якобсона)²

Душа поэта, лишившегося родины, потерявшего сына, ставшего очевидцем нечеловеческих страданий армянских беженцев и сирот, зачастую кричала от горя и боли, но он улыбался, щедро дарил свою улыбку

¹ Ов. Туманян, Избранное, стр. 349.

² Там же, стр. 283.

всем и каждому и делал всё, чтобы радовать людей: ведь он был автором жизнеутверждающей сказки “У весельчака веселья не убудет”, хотя в его душе плескалось “безбрежное море армянского горя”. Он делал всё, чтобы скрывать свою безбрежную тоску и печаль, своё страдание и слёзы, и, возможно, так и не узнал, что, кроме его родных, эту тоску и боль заметили некоторые его современники – во время похорон Г.Агаяна, в 1915-м г. у телеги с горой трупов, в декабре 1918 года, когда случайно из газет узнал о гибели своего сына Артавазда...

Туманян был “чудом чудесным”, был “сверхчеловеческим”, который успевал везде и всюду, сочувствовал и сопереживал всем и каждому, с печатью гения на челе, с чувством народа в сердце, с историей за плечами, с настоящим и будущим перед глазами.

Как может не быть нашим всем поэт, о котором давно уже сказано, что он – “Священное писание нашей души и энциклопедия нашей жизни” (С.Наровчатов).

Туманян – это наше всё, поскольку в его поэзии одновременно живут бури, волнующие чувства и души людей, и бесчисленные горизонты будущего. Он пришёл как предводитель, как умудрённый жизненным опытом старейшина нации, как полководец и солдат, как борец против ужасов и кошмаров, обрушивавшихся на армянский народ, пришёл смягчить его горе и страдания, пришёл как врач, чтобы излечить незаживающие раны Армении, чтобы стать бальзамом и сохранить стародавнюю веру нации и её надежды на будущее. Он доподлинно знал и предупредил нас, что “зло также бессмертно”, поэтому он и был пограничником, стоявшим на границе добра и зла, чтобы защищать добро от посягательств зла и не позволить, чтобы добро подверглось соблазну и перешло границу, оказалось на другой стороне, не позволить, чтобы с противоположной стороны границу перешло зло и одержало победу над добром, беспрепятственно оказавшись в мире прекрасных грёз и мечтаний. Туманян был мудрым провозвестником, пророком веков и предупреждал бездушных властителей и тиранов: “Всегда сильнее сильного найдётся”. Он был учеником родной земли, природы и народа, и хорошо выучил урок, преподанный этими мудрыми учителями: в его сердце были любовь, печаль и слёзы, а на лице – улыбка. Те же учителя давали те же уроки и многим другим, но очень немногим, самым исключительным удавалось усвоить эти уроки. Как говорил “великий лориец”, цветок стоит посередине, но только пчела делает из него мёд. Так же и Туманян: в суровый век владычества человека-зверя, в эпоху, полную яда и желчи, он находил нектар в цветах и делал мёд, чтобы его свет одержал победу над окружающим мраком и чтобы добро одержало победу над злом.

Я видел всё: предательство и зло.

Бывало – и меня коварство жгло.

Но я любил, смотрел прощавшим взглядом,

Мне часто было и во тьме светло!

(Пер. Н.Гребнева)¹

Туманян в нашей многовековой истории был величайшим из великих. С незапамятных времён он всегда был рядом с великими, и когда Айк сражался с Белом, и когда Армения стала первым в мире христианским государством, и когда Месроп Маштоц создавал армянский алфавит, и когда решалась историческая судьба армянского народа; он всегда находился рядом с теми, кто создавал армянскую культуру и творил национальную историю. Вот почему Туманян – это наше всё, наш Пушкин и Шекспир, наш Айк и Трдат Великий, наш Месроп Маштоц и Саак Партев, наш Одзисци и Хримян Айрик, наш Нарекаци и Абовян, наш Комитас и Сарьян, наш Андраник и Нжде, наша родная земля и природа, наша история и наука. Но и это не всё.

Больше всех других Туманян высвечивал недостатки и тёмные стороны превращавшейся в бессознательную толпу, исполненной горечи народной массы. Больше всех других Туманян упрекал и осуждал каждого преступника с армянской родословной, потому что “по яблоку судят о дереве”. Больше всех других Туманян метал копья праведного гнева против пагубной ревности и зависти, невежества и ханжества, недоброжелательства, лжи и фальши, против нравственных преступлений.

Именно Туманян осмелился сказать: “Правда заключается в том, что наше единство страдает одной тяжёлой и глубокой нравственной болезнью... наша душа очень озлоблена, человек внутри нас очень испорчен”. И в качестве пред условия для выздоровления и панацеи он предлагал искреннее признание и покаяние “и в наших сердцах, и перед миром... Другого пути нет: спасение наверняка придёт изнутри, потому что мы испорчены изнутри” (6, 225).

И этим самым он стал нашим обвинителем, судьёй и защитником одновременно, нашей порядочностью, “патентом на благородство” (выражение А.Фета), диагностируя наши общественные болезни и предлагая рецепты для их лечения, для продолжения жизни. При этом в большой человеческой семье он защищал нас не только от себя самих и от наших просчётов и ошибок, но и от безжалостных чужеземцев, от их посягательств и нападков, постоянного стремления поставит нас на колени. И сегодня также для каждого врага нашего народа, для каждого властителя, стремящегося развязать войну, должны быть слышимы мудрые слова и предупреждения Туманяна, слетевшие из уст его героя Давида Сасунского.

Отстаивая авторские права армянских писателей, Туманян устанавливал нравственные законы, поскольку существовавшие законы бездействовали. Он стыдил авторов-создателей этих законов, поскольку их мало

¹ Ов. Туманян, Избранное, стр. 348.

интересовали и заботили вопросы нравственности. "...Это несправедливо... независимо от того, от имени какого закона это совершается. Есть законы, пользоваться которыми стыдно". Сос Саркисян как-то сказал: "Ованес Туманян – это наша пока еще не написанная конституция, наш паспорт, предъявляемый всему миру". Если будет написана новая, туманяновская конституция, у нас уже больше не будет законов, пользоваться которыми будет стыдно.

Мы и сегодня живём в непростое время, и нам сегодня, как, впрочем, всегда, необходим Туманян, необходим, как воздух и вода. Своим незыблемым правом "Поэта всех армян" Туманян напоминает нам, что, сколько бы ни убивали тело, сломить дух армянского народа невозможно, что нужно всегда помнить: "Не вечно ничто на земле".

Шло время. Горючие слёзы глотая,
К могиле старик припадал. Как во мгле,
На мраморе царственном вязь золотая
Виднелась: "Не вечно ничто на земле".

(Пер. А.Тарковского)¹

Не вечно ничто на земле, поскольку альтернативы нет. Паруйр Севак говорил: народы не умирают, они кончают самоубийством. А не учиться у Туманяна означает совершить самоубийство. Народ, у которого есть Туманян, не может совершить самоубийство.

¹ Ов. Туманян, Избранное, стр. 210.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ОВАНЕС ТУМАНЯН И БУДНИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
В 1912-1914 ГГ.

Политические преследования Ов. Туманяна привели к тому, что писатель вместе с другими видными представителями армянской интеллигенции был доставлен в товарном вагоне в Петербург, оказался на скамье подсудимых и обвинялся в самых тяжких преступлениях, которые в перспективе, при неблагоприятном исходе дела и обвинительном приговоре, могли обернуться пожизненным заключением или даже смертной казнью. Несмотря на то, что писателя полностью оправдали, он вернулся из Петербурга физически изнурённым и истощённым, глубоко разочарованным и озабоченным из-за многочисленных проявлений человеческой неблагодарности, несправедливого отношения к армянству и откровенно шовинистической, армянофобской политики великодержавных кругов и властных структур. Ещё не успев оправиться от последствий политических преследований, поэт сразу же подключился к двум важнейшим сферам общественной жизни – литературно-культурной и национально-патриотической. Сразу же по возвращении в Тифлис, даже не отдохнув как следует, он в том же месяце берётся за два важнейших дела, имевших общенациональную значимость как в литературной, так и в общественной жизни армянского народа первых десятилетий XX века.

В самом начале октября (3-го октября) 1912 г. Туманян учредил и с 16-го октября почти десять лет бессменно руководил единственным армянским писательским объединением досоветского периода – Кавказским обществом армянских писателей¹.

В преддверии Первой мировой войны так же, как и во время всей своей предыдущей деятельности, писатель стремился жить активной культурной и литературной жизнью. Будучи очень известным, едва ли не самым известным и авторитетным армянским писателем эпохи, Туманян получал многочисленные приглашения от самых разных армянских периодических изданий, заинтересованных в сотрудничестве с ним, в публикации его новых произведений, что неизбежно повысило бы их значение и вес в глазах армянской общественности. 13-го февраля 1914 г. Акоп Сируни² от имени редакции константинопольского литературно-художест-

¹ Подробнее об этом см. С. Ованесян, Ов. Туманян и Армянское общество армянских писателей, Ер., изд-во "Гитутюн" НАН РА, 2007, стр. 69-70 (на арм. яз.).

² Акоп Сируни (Джолоян, 1890-1973) – видный армянский филолог.

венного альманаха “Навасард” (редакторы-издатели – Даниэл Варужан и Акоп Сируни) обращается к Туманяну с просьбой о сотрудничестве. “Вопреки нашему обращению мы, к сожалению, оказались лишены возможности опубликовать в первой книге “Навасарда” Ваши столь ценные произведения. Будучи сугубо художественным изданием, “Навасард” одержим единственным желанием стать скромным стимулом для армянского искусства, и мы питаем большую надежду, что хотя бы на этот раз нам доведётся насладиться Вашими дорогими произведениями.

Позвольте, дорогой господин, с этой надеждой принести Вам своё глубокое почтение и заранее поблагодарить Вас”¹.

В феврале 1914 г. Туманян вместе с писателем Маргаром Аветисяном был озабочен проблемой создания филиалов Кавказского общества армянских писателей в Ереване и других городах². Поэт в это время был полон творческих планов, собирался, в частности, серьёзно заняться обработкой народных сказок и легенд. Стремясь ещё более углубиться в исследование проблем устного народного творчества и в особенности сказок, Туманян 8-го февраля 1914 г. обращается с просьбой к своему находящемуся в Москве сыну Артавазду привезти «Золотую книгу сказок» и «Библиографию легенд и преданий». При этом он наизусть помнил адреса крупнейших книжных магазинов Москвы, знал, в каком именно магазине имеются эти книги и даже помнил, сколько они стоили (6 рублей). В своё время, в 1912 г., ему не удалось приобрести эти книги (10, 199). И сын в феврале 1914 г. посылает ему «Золотую книгу сказок»³.

На всём протяжении жизни Ованеса Туманяна к писателю нескончаемым потоком шли самые разнородные и разнохарактерные просьбы и обращения как от близких людей и родных, так и очень дальних знакомых и даже совершенно не знакомых людей. Думаем, что не ошибёмся, если скажем, что никто из должностных лиц и богатых благотворителей эпохи не получал столько просьб и обращений за помощью, как Туманян. В этом вопросе велика также «доля вины» самого поэта. Не имея никакой работы и постоянного источника доходов (после пяти лет работы в консистории поэт никогда не работал в каком-либо учреждении), Туманян всегда был задавлен материальными проблемами и заботами своей большой, многодетной семьи, был вынужден постоянно брать деньги под большие проценты в банках, но при этом он всегда изъяснял готовность прийти на помощь каждому нуждающемуся, помогал людям всеми возможными и даже невозможными способами, причём делал это охотнее, щедрее и чаще любого богатого предпринимателя и благотворителя, вследствие чего за ним прочно закрепилась слава всемогущего и предприимчивого деятеля.

¹ Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца. ф. Туманяна, 1990 (443) (на арм. яз.).

² Ов. Туманян, Полное собр. Соч. в 10 тт. Т. 10, Ер., Изд. НАН РА, 1999, стр. 198-188 (на арм. яз.). Впоследствии в тексте будут указываться том и страницы издания.

³ Переписка семьи Туманяна. Составила Ирма Сафразбекян, Второе, дополненное издание, Ер., «Эдит принт», 2009, стр. 58 (на арм. яз.).

Бесконечное множество раз он отрывался от своих дел, от творческой деятельности и покидал свой письменный стол и рабочий кабинет, чтобы прийти кому-то на помощь, похлопотать за кого-то перед высокими должностными лицами. При этом он не жалел своего бесценного времени и своих скудных средств, и именно таким своим подходом «избаловал» очень многих просителей, которые не удовлетворялись единовременной помощью и продолжали просить поэта о содействии снова и снова; были и такие случаи, когда, устроившись по ходатайству Туманяна на службу, эти люди по каждой уважительной или не очень уважительной причине продолжали обращаться к поэту, прося и даже требуя, чтобы он взял на себя роль работодателя, третейского судьи, банкира и решил их проблемы. А когда в конце 1912 г. Туманян стал председателем Кавказского общества армянских писателей, число таких просьб и просителей возросло в сотни и тысячи раз, и поэт до конца своей жизни оставался осаждаемым нескончаемыми толпами самых разных просителей – близких и дальних родственников, соседей, знакомых и незнакомых людей, приносивших свои громоздкие, безграмотно и бессвязно оформленные заявления и прошения. В преддверии войны число таких обращений значительно возросло – в связи с резким ухудшением условий жизни людей, ростом безработицы и социальных нужд населения.

Обратимся всего лишь к нескольким письмам-прошениям, адресованным поэту в 1913-1914 гг., чтобы стало ясно, какими были повседневные, будничные заботы Туманяна, чем именно он был вынужден заниматься, кроме решения семейных проблем, кроме национально-патриотической, общественно-политической и литературной деятельности. Общественные деятели и работники культуры обращались к нему с самыми разнородными просьбами, которые касались как общественной жизни, так и самых разных проблем их личной жизни. Из современников Дереник Демирчян свидетельствует: «Он был самым общественным писателем своего времени. Правда, что общественность его эпохи обращалась к нему по каждому вопросу. Представители самых противоположных направлений находились в тесной связи с ним и обращались к нему за помощью для решения своих задач»¹.

3-го мая 1914 г. Овсеп Тарьянц от имени юбилейной комиссии Московского Лазаревского института восточных языков, отмечавшего своё столетие, просит Туманяна сделать в Тифлисе всё возможное, чтобы широко отметить предстоящий юбилей Лазаревского института, содействовать формированию положительного отношения тифлисской армянской общности освещением юбилейных мероприятий в информационных и пропагандистских публикациях в крупнейших армянских периодических изданиях, в частности, в газете «Оризон», добившись, тем самым, симпа-

¹ Туманян в воспоминаниях современников, Тексты и примечания подготовила Л. Карапетян, Ер., «Эдит Принт», 2009, стр. 41.

тии и расположения этих органов. В своём письме Тарьянц отмечает, что ему уже удалось добиться расположения целого ряда газет – таких, как русскоязычные «Русские ведомости», «Баку», а также газет «Арев» и «Мшак». При этом он особо отмечает: «Голос «Оризона» для нас очень важен. Я, к сожалению, не знаком с нашими сегодняшними товарищами, принимающими участие в редактировании «Оризона», поэтому и обращаюсь к ним не напрямую, а через тебя. Нам было бы очень больно и обидно, если бы «Оризон» предоставлял свои страницы подобного рода случайным, легковесным корреспондентам. Он тем самым нанёс бы сильный удар будущему целого культурного учреждения – и это в такой ответственный исторический момент... Наша минимальная задача – избегать негативных выражений»¹.

27-го января 1913 г. Саак Амадуни, послав Туманяну свой исследовательский труд «Слово и речь», просит содействия писателя для составления второго тома, просит послать ему фольклорный материал, «слово и речь» лорийского района, которые отсутствуют в его книге. «Прошу отобрать те слова Вашей местности, которых нет в моём исследовании, и вместе с их объяснениями и лёгкими примерами послать мне, отметив место применения слова: название села или города»².

Туманян не оставляет просьбу Амадуни без ответа, поскольку серьёзно относился к его личности и деятельности. 10-го февраля 1913 г. поэт пишет: «Получил Ваше красивое исследование «Слово и речь» и очень благодарен – и как друг, и в 1000 раз больше – как человек литературы. Без подобных исследований невозможно создать наш литературный язык. Вследствие новой жизни и новых воздействий очень быстро теряются все эти слова и речь, и тот, кто спасёт их от исчезновения и смерти, вместе с ними обессмертит и самого себя. Вы этим самым обречаете для себя бессмертие» (10, 169).

Амадуни в своём письме просил также поэта «придумать какое-нибудь средство» и заняться проблемами продажи и реализации первого тома своей книги. «Заверяю Вас, что я пожертвовал ради книги всем, - пишет Амадуни. – Уважаемый брат, прошу Вас ещё об одной услуге: чтобы Вы нашли какой-то выход для продажи моего труда. Поэтому прошу, чтобы Вы поговорили с местными книгопродавцами и выяснили, с какой скидкой и сколько экземпляров можно послать им»³.

Поэт обещает по возможности помочь автору во всех вопросах. «Сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь Вам» (10, 169). Туманян обращается в книжный магазин «Гир» и просит, чтобы продажа книги была организована как можно лучше и чтобы была назначена доступная цена для распространения книги; на литературных вечерах Кавказского

¹ МЛИ, ф. Туманяна, 1301 (1227).

² Там же, 873 (496).

³ Там же.

общества армянских писателей он поднимает животрепещущие вопросы развития литературного армянского языка, специально подчёркивая культурное и общенациональное значение исследования Аматауни. Возможно также, что поэт в период между февралём и июнем пытался выполнить и первую просьбу своего корреспондента и посылал ему материалы о лорийском диалекте, однако второй том исследования Аматауни так и не был издан, так что ни одного факта об этом не сохранилось. А после начала Первой мировой войны у писателя не было ни возможности, ни соответствующего настроения для того, чтобы заниматься этим вопросом.

Следуя совету Туманяна, 17-го февраля 1913 г. Аматауни посылает поезде из Эчмиадзина тифлисскому книжному магазину «Гир» сто экземпляров своей книги. Ещё сто экземпляров исследования автор во время празднования Дня Переводчика дарит Ошаканской школе Св. Маштоца. «Продать книгу труднее, чем написать её», - пишет Саак Аматауни¹.

Тигран Читунни по дороге из Вана в Константинополь 2-го февраля 1914 г. просит в письме к Туманяну написать рецензию на первый том своего учебного пособия «Мир родного языка». Свой учебник автор характеризует как «свидетельство силы армянского индивидуального духа»², однако при этом уточняет, что им движет не тщеславие и честолюбие, а стремление облегчить проблему продажи книги, поскольку он не доверяет ни издательским товариществам, ни книжным магазинам и книгопродавцам. «Все мои затраты пошли впустую – из-за беспечности книгопродавца, не пославшего тираж на Кавказ, – сетует Читунни и продолжает: – Моей целью не является получение прибыли от неё, однако надеюсь, покрыв расходы, потратить деньги на издание других книг... и так последовательно своими средствами и стараниями получу возможность издать имеющиеся труды. Поскольку отныне я, к сожалению, не могу полагаться на книжные издательства... наши книготорговцы отдаляются от литературы. Я больше рассчитываю на личные старания, чем на наших общественных армянских издателей...»³.

Читунни информирует также Туманяна: «На этот раз я послал книжным магазинам «Гир» и «Гутенберг» достаточное количество книг для продажи на Кавказе»⁴.

15-го марта 1914 г. Лео просит Туманяна ускорить издание своей книги «История Ереванской армянской приходской духовной семинарии. 1837-1913» в типографии Гюта Аганяна⁵. В том же письме он просит освободить его от обязанностей члена правления Кавказского общества армянских писателей в связи с ухудшением физического состояния.

¹ МЛИ, ф. Туманяна 874 (497).

² Там же, 1921 (422).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, 1325 (709).

Туманян, конечно же, обращается с ходатайством к Аганяну, с которым в тот период встречался практически ежедневно – в связи с делами Общества писателей. Однако вопрос об издании книги Лео не был решён и месяц спустя. Поэтому Лео из Еревана снова, на этот раз 5-го мая 1914 г., беспокоит Туманяна: «Скажи Тер Гюту, что он опозорил меня здесь перед юбилейной комиссией. Обещал до июня завершить издание «Истории», однако с марта месяца по сей день напечатал 48 страниц из книги, которая должна содержать 500 страниц. В комиссии есть несколько человек, которые... ещё изначально говорили мне, что издание книги запоздаст, а я был гарантом, что печатание, напротив, пойдёт очень быстро. И вот они сегодня посмеиваются надо мной. Но это ещё ничего. Суть дела в том, что после июня можно будет выбросить книги, и приходская школа понесёт огромные убытки. И кроме этого, я же не могу испечься в этой жаре, пока святой отец соблаговолит закончить издание. Я именно этого и не могу разъяснить Тер Гюту. Очень прошу, чтобы хотя бы в этом ты помог мне и принудительно потребовал, чтобы он сдержал своё слово... приходская школа... должна заблаговременно распространить эти книги... Таким образом, прошу тебя, поговори с ним, разъясни, что в итоге страдаю я... Не удивляйся, что я так настойчиво прошу об этом. Это имеет очень важное значение как для семинарии, так и для меня»¹.

Лео также просит Туманяна поинтересоваться, когда он сможет получить свой гонорар.

В те же майские дни, видимо, по просьбе Аветиса Агароняна Туманян ходатайствует перед Воронцовым-Дашковым, чтобы осуждённым по «дашнакскому делу» было дано право вернуться на Кавказ и чтобы они не подвергались гонениям (10, 582).

27-го мая и 22-го сентября к Туманяну с письмами обращается известный дашнакский деятель, один из трёх основателей партии «Дашнакцутюн» (АРФД), выдающийся патриот Симон Заварян. Он просит поэта оказать содействие в очень важном культурном начинании – в создании альбома с условными названиями «Армянин и Армения» или «Труд Армянина»².

Переписка Туманяна и Заваряна подтверждает, что эти два крупнейших национальных деятеля были связаны между собой не только общими национально-общественными делами, партийными инструкциями или распоряжениями Национального Бюро, но и как друзья и единомышленники, земляки и деятели культуры. Заварян в упомянутых двух и других, по-видимому, не сохранившихся письмах к Туманяну всегда заводил разговор об одной своей концептуальной национально-культур-

¹ МЛИ, ф. Туманяна 1326 (710).

² Письма эти не были опубликованы ни в одном из трёх томов фундаментального исследования «Симон Заварян» и хранятся в Музее литературы и искусства им. Чаренца (МЛИ), в фонде Туманяна, в деле под номером 978. Впервые мы полностью опубликовали эти письма в общепармянском вестнике «Вем», в 2013 г., в номере 4 (44), октябрь-декабрь, стр. 246-249.

ной инициативе, которую он вынашивал очень долго, более 14-и лет, и часто испытывал нужду в поддержке своего великого земляка и товарища.

С. Заварян намеревался составить и издать «специальный художественный сборник – альбом», в котором должны были найти место его рисунки и картины, созданные во время его командировок и поездок в самые разные регионы Армении, – в частности, в Сасуне, Киликии, Тароне, в предгорьях Кавказа и т.д. Одновременно Заварян выполнял серьёзные страноведческие, экономические, историко-политические и этнографические исследования почти во всех местностях Армении, в которых ему доводилось бывать. Кроме партийной работы, Заварян изучил и собрал богатейший материал об экономическом и этнографическом состоянии всех регионов Армении¹.

Оживлённая переписка по поводу составления и издания книги-альбома завязалась между Заваряном и другим видным дашнакским деятелем – Симоном Вращяном. Она продолжалась весь март и апрель 1913 г. Задавшись целью ускорить издание альбома, Заварян в марте пишет «Циркулярное письмо», а в мае впервые обращается за поддержкой лично к Ованесу Туманяну.

Своё намерение издать альбом Заварян объясняет своему знаменитому земляку следующим образом: «Наша цель заключается в том, чтобы посредством этого издания представить во всём многообразии армянскую трудовую, самостоятельную жизнь в Армении и во всех местах обитания армянства»².

Со страноведческой, родиноведческой деятельностью Заваряна Туманян ознакомился ещё в 1907 г. в Тифлисе и сразу же убедился, что труд автора уже в то время составлял «огромный том». По всей вероятности, поэт не только поощрил своего друга и земляка, но и предложил ему своё содействие. Заварян, воодушевлённый и тронутый таким изъяслением готовности оказать ему помощь и беспрекословно доверявший слову Туманяна, попросил друга переслать ему материалы о лорийском регионе, фотографии исторических памятников и достопримечательностей, а также статистическую информацию, относящуюся к быту лорийцев. Увидев в Константинополе присланное на измирляновский конкурс собрание фотоснимков Вайоц-Дзора видного этнографа Ерванда

¹ Заварян собирал статистические данные о благосостоянии какой-либо армянской семьи за 1901-1905 гг.: о её имуществе, доходах и расходах за один год; записывал имена жителей определённого армянского села, данные о климате, особенностях природы, состоянии дорог, о занятиях крестьян, статистические данные о численности сельского населения, о численности школьников в сёлах и за их пределами, о численности беженцев, о земельных наделах, и видах животноводства и домовладения, о взимаемых налогах и пошлинах, и даже о «незаконных поборах» - о вымогаемых взятках, о разбойничьих набегах курдов, о «добровольно-принудительных» отчислениях церкви, о последствиях погромов и резни 1895-1896 гг. и умонастроениях местного населения. Он намеревался отдать весь доход от издания книги «венценосному Сасуну».

² «Тараз», Тифлис, 1913, стр. 129. См. также: Ов. Туманян, ПСС, т. 7, стр. 103.

Лалаяна, 27-го мая 1913 г. Заварян обращается к Туманяну с просьбой заполучить фотоснимки бытового, археографического, пейзажного и иного характера у самого Лалаяна, а также у профессиональных фотографов, в частности, у Ермакова, или у занимающегося фотоделом актёра Вруйра, у художника Егише Тадевосяна, Тер Шнорха и других; он просит также не забыть послать ему запрошенные ранее фотоснимки Лори, Шулавера¹. Заварян пишет: «Я был уверен в твоём содействии составленному мною альбому, дорогой Ованес, однако зная о твоей чрезвычайной занятости, хотел бы, чтобы ты не затягивал это дело. Было бы хорошо взять для этого в помощники другого человека, более свободного...»².

Таким образом, Заварян выбирает Туманяна в качестве посредника и помощника в деле заполнения своего альбома красочными иллюстрациями на армянскую тематику, новыми фотографиями памятников национального зодчества, орнаментов и образцов ремесленных изделий и произведений прикладного искусства. Более того, он просит также Туманяна воспользоваться своим непререкаемым авторитетом и приобрести коллекции фотографических работ Марра и Тораманяна. «Неужели у Марра, Тораманяна нет готовых фотографий ценных антикварных предметов, найденных в округе Ани?»³.

Заварян сомневался, что все искренне заинтересуются его трудом и постараются бескорыстно ему помочь, и поэтому до поры до времени не решался открыто говорить и целях и задачах своего альбома. Одним из немногих доверенных людей на Кавказе был для него Ов.Туманян. В письме к нему Заварян пишет: «Поэтому прошу до отпусков напрямую или опосредованно обращаться и просить о помощи только упомянутых лиц, не сообщая обо всех моих целях»⁴.

Иллюстративный материал альбома должен был продемонстрировать особенности трудовой занятости населения каждого района Армении⁵. Одновременно автор намеревался обогатить и украсить свой этнографический сборник красочными пейзажными иллюстрациями всех местностей Армении. Обратившись к Туманяну с просьбой во что бы то ни стало достать такие фотографии, Заварян даёт своему другу-земляку инструкцию, состоящую из пяти пунктов:

«1) По одному укромному уголку или улице каждого села, города – с характерными домами – спереди, и с общими видами – сзади.

¹ МЛИ, ф. Туманяна, д. 1173 (978).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Представляя основные виды занятости провинций, альбом Заваряна должен был также сформировать общее представление о пчеловодстве в Лори, выращивании хлопка в Ереванс-Фархине, садоводстве в Аштараке, производстве апельсинов в Чок-Марсване, животноводстве в Сасуне, шелкопрядстве в Вардашене и Партизаке, во всех подробностях и деталях показывая сбор тутовых листьев, кормление червей-шелкопрядов, производство шёлковых нитей и т.д. См.: Ов. Туманян, ПСС, т. 7, стр. 103-104.

2) Общее фото обычной семьи в местных нарядах, одни – стоя, другие – сидя, лёжа.

3) Имеющие национально-историческое значение строения, руины местностей.

4) Произведения, относящиеся к армянскому искусству – скульптуры, памятники, хачкары, картины (свадьба, паломничество, сцены Масленицы и т.д.).

5) Какую-нибудь сцену, дающую общее представление о характерных особенностях страны»¹.

Эти инструкции, которые являются повторением значительной части циркулярного письма Заваряна, автор посылает в Тифлис Туманяну, чтобы через писателя обратиться к общественности. Эту просьбу друга поэт выполнил охотно и с любовью. Отметим при этом, что в февралемарте 1913 г. Заварян уже был тяжело болен, однако продолжал трудиться над альбомом. Примечательно не только то, что именно писатель опубликовал это письмо, но и то, что Заварян обратился к Туманяну со словами, исполненными большой надежды и упования: «Мы уверены, что Вы также, дорогой земляк, примете близко к сердцу национально-нравственную ценность этого начинания, а также его добрую цель и задачу»². Заварян просит Туманяна помочь ему в деле передачи распоряжений и инструкций о содержании, размерах фотографий и о надписях к ним фотографиям, а также в контролировании выполнения работы³. В каждой строке письма ощущается большая и искренняя любовь великого патриота Армении, прекрасного страноведа, неутомимого национального деятеля к родному краю, родной природе и живущему на этой земле трудовому народу ощущается его озабоченность судьбами своих бедствующих соотечественников, их трудной и безрадостной жизнью и неопределённым будущим. Безусловно, Туманян не мог оставаться безучастным к такому серьёзному и фундаментальному начинанию своего земляка, и поэт пуб-

¹ «Гараз», Тифлис, 1913, стр. 129.

² Симон Заварян, К семидесятилетию смерти, т. 2, Бейрут, изд-во АРФ «Дашнакцутюн», 1922, стр. 441.

³ Заварян, в частности, распоряжается, чтобы фотографии были: «1) Содержательными – интересными, выполненными со вкусом, но вместе с тем естественными, без бросающихся в глаза надуманных и искусственных линий и «галочек».

2) Суть и содержание фотографии должны быть выражены определённым образом, посредством 3-5-10 (и не более) лиц, животных.

3) Главное содержание мгновенного... рисунка должно быть расположено в центре, желательно, чтобы вдали он имел естественный фон (вспомогательные моменты труда, село, горы, небо), а на первом плане должно быть какое-нибудь растение, инструмент, живое существо.

4) Фотографии или рамки должны быть удачными и иметь размеры не менее чем 9 x 12 сантиметров и не более чем 18 x 24 сантиметра.

5) На обороте каждой фотографии должно быть указано место, время и общее содержание, действие, названия инструментов (на местном диалекте, местным стилем и названиями). См.: Ов. Туманян, ПСС, т. 7, стр. 105.

лично выступил с воззванием оказать всеобщую, всестороннюю поддержку этому энциклопедическому изданию¹.

В те годы очень большим успехом и спросом пользовалось школьное учебное пособие «Армянские писатели», одним из соавторов которого был Ов. Туманян. Когда учителя армянских школ в разных странах мира не могли достать этот учебник, то они обращались только и только к Туманяну, хотя могли бы, в принципе, обратиться и к другим соавторам пособия, скажем, к Вртанесу Папазяну. 6-го декабря 1913 г. Амазасп Аслабян из Кубани в адресованном Туманяну письме сообщает, что все их обращения к другим адресатам остались без ответа, и просит подсказать, где можно приобрести «наложенным платежом» три экземпляра первого тома учебника «Армянские писатели», и при этом просит учесть, что из-за отсутствия книги «преподавание в школе хромает»².

Из самых разных армянонаселённых стран и армянских общин к Туманяну поступают письма с просьбой послать не только составленные поэтом учебники, но и произведения других армянских писателей, причём не для школ, а для себя, для своих личных библиотек. Тачат Адамянц из Каменска в письме от 11-го декабря 1913 г. выражает уверенность, что Туманян не откажет ему в просьбе и «незамедлительно» вышлет ему роман Раффи «Самвел» и «Новый песенник», чтобы он имел возможность «совершенствовать свои юношеские мысли». Адамянц выразил также убеждение, что после посылки запрашиваемых книг поэт будет любезно отбирать книги по своему вкусу и время от времени посылать в Каменск. Адамянц пишет: «...Другие книги также нам необходимы, однако пока у нас нет точных сведений. Сейчас удовлетворимся этими двумя книгами. Ожидаем ваших посланных книг, ваши братья»³.

Едва знакомые и вовсе не знакомые люди часто обращались к Туманяну с просьбой информировать их о текущей литературной жизни Тифлиса, некоторые изъявляли желание, чтобы поэт разъяснял им те или иные литературные проблемы, анализировал произведения того или иного писателя, а зачастую – их собственные произведения. То есть многие современники Туманяна в полном смысле слова воспринимали поэта как энциклопедию текущей литературной жизни.

6-го сентября 1913 г. Анушаван Тер-Гевондян обращается из Петербурга к Туманяну «с несколькими важными проблемами». Он составил сборник детских песен и просил, чтобы поэт сообщил сведения об авторах некоторых стихотворений и о тех их произведениях, которые не были ему

¹ По свидетельству С.Врацяна, сохранились только отдельные «крохи» объёмного исследования Заваряна, одна часть хранится в Америке, другая часть – в Женеве. В 1930 г. Врацян предпринимает ещё одну попытку объединить части альбома-исследования Заваряна, однако находит всего лишь ящик с пропылившимися фотографиями в чердачном помещении редакции периодического органа «Айреник».

² МЛИ, ф. Туманяна, д. 931.

³ МЛИ, ф. Туманяна, д. 783 (217 доп.).

знакомы. «Здесь почти никто об этом не знает, так что я вынужден в данном случае побеспокоить Вас»¹. Он просит также, чтобы поэт «непрерменно» послал ему своё стихотворение «Весна», а также ходатайствовал перед Кавказским армянским издательским обществом, чтобы последнее взяло на себя расходы по изданию составленного им, Тер-Гевондяном, песенника, поскольку он очень стеснён в своих возможностях². «Издание сборника обойдётся приблизительно в сто рублей... Приношу тысячу извинений. Надеюсь, что поможете»³.

Председателем Кавказского издательского общества был в то время Аристакес Заргарян, один из самых близких друзей Туманяна, меценат поэта. Видимо, и этим обстоятельством объяснялось стремление многих людей решать все вопросы, связанные с издательством, именно через Туманяна.

Великое множество незнакомых начинающих писателей, чаще всего бесталанных графоманов, посылали Туманяну свои произведения и упорно, терпеливо дожидались ответа, при этом рассчитывая на положительный, поощрительный ответ. И поэт находил время, чтобы советовать им «создавать более талантливые произведения», «совершенствовать свою поэтическую технику», а иногда и давал им задания писать и публиковать в периодических изданиях «открытые письма», то есть публицистические статьи.

13-го июня 1913 г. некто Гадасянц посылает Туманяну свои стихотворения и просит дать им оценку. «Уважаемый господин, - пишет он, - простите меня за смелость, что, не будучи знаком с Вами, беспокою Вас личным письмом. Меня заставляет написать Вам моё стихотворение... не доверяю редакции... я не имею представления о стихотворной технике. Оставляю на Ваше восприятие. Ответьте мне каким-нибудь открытым письмом»⁴.

Не доверяет редакциям и другой любитель словесности – Амаяк Мажинян (Газаросян) из Армавира. 30-го апреля 1914 г. он посылает Туманяну своё произведение «Испорченная», чтобы писатель как «поэтический гений, а также самый лучший литературный критик» взял на себя ответственность выразить своё мнение, прежде чем это сделает редакция «Оризона». При этом он даёт конкретные инструкции, с какой точки зрения следует Туманяну рассматривать его сочинение. «Интересно, конечно, прежде всего узнать об актуальности вопроса; б) об объёме; в) о форме произведения; г) услышать Ваше авторитетное мнение с точки зрения литературного значения написанного»⁵.

¹ Там же, д. 2230.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 1110 (298 доп.).

⁵ МЛИ, ф. Туманяна, д. 1627 (513 доп.).

Туманян не отвечает своему корреспонденту. Нетрудно предположить, что он был невысокого мнения о дилетантском сочинении. Но он всё же посылает этот опус в редакцию «Оризона» и даже ходатайствует о публикации произведения. Автор письма, ожидавший похвал и высокой оценки своего труда, остался недоволен и выразил свои претензии в письме от 1-го июля 1914 г. «Многоуважаемый г-н Туманян... Я не удостоился чести получить от Вас ответа, между тем «Испорченную» опубликовали в «Оризоне». ...Меня интересовала не столько публикация, сколько Ваше мнение. ...Как бы то ни было, раз уж Вы передали произведение для публикации, спешу выразить Вам свою искреннюю признательность за Ваши хлопоты. Прошу принять от меня в дар экземпляр моего перевода «Эгмонта»»¹.

Всего лишь за полтора месяца до этого Лео послал Туманяну на отзыв произведение другого начинающего писателя, которого встретил на одной из ереванских улиц. «Вчера на улице какой-то растрёпанный крестьянин предложил мне переслать тебе своё стихотворение, - пишет Лео 15-го марта 1914 г. – Ну, я и решил послать тебе: этот сочинитель – твой собрат по перу»². В принципе, можно было бы и не выполнить просьбу этого «растрёпанного крестьянина», однако Лео, как и все другие, знал о доброжелательном отношении Туманяна ко всем начинающим писателям и даже не подумал о том, что было бы правильнее побережь бесценное время своего великого друга. Он не видит в этом никакой проблемы, тем более, что проситель представился как земляк поэта. Да и вообще, стоило кому-нибудь взять в руки перо и зарифмовать две строки, как он сразу же представлял Туманяна своим «собратом по перу». Для многих Туманян был тем очень доступным литературоведом и литературным критиком, который, по их убеждению, был попросту обязан специально выделять время и силы, чтобы осветить, истолковать для них произведения армянских классиков и современных писателей. Так, Рубен Ханзадян в коротеньком письме от 3-го ноября 1913 г. напоминает писателю: «Уважаемый господин Ованес, вынужден побеспокоить Вас, напомнив о своей просьбе, что если сегодня найдётся время, уделить мне один час, чтобы разъяснить стихотворения Саят-Новы»³.

Арам Чаргчян (Казарян) из Константинополя в своём письме Туманяну от 24-го декабря 1913 г. сообщает о своём глубоком разочаровании в Армянском издательском обществе и просит поспособствовать изданию своей книги, либо каким-то другим способом материально помочь делу. Ещё в 1911 г. он попросил правление Общества предоставить ему работу по переводу с французского и немецкого языков и получил отказ. Вместо этого Общество пообещало издать отдельной книгой сборник его сти-

¹ Там же, д. 1628 (853).

² Там же, д. 1325 (709).

³ МЛИ, ф. Туманяна, д. 1353.

хотворений, и он предоставил издательству однотомник, изданный в Венеции в 1898 г., присовокупив к нему рукописи нескольких неопубликованных стихотворений. И вот почти два года ему приходится ожидать издания книги или ответа от правления Издательского общества. Не получив этого ответа, он, в обход ответственных за это лиц – председателя правления Общества и всех его членов, не нашёл ничего лучшего, как обратиться к Туманяну и потребовать ответа от него. «Над Вами тяготеет человеческий долг – соизволить выслушать мою просьбу и, тем более, дать ей незамедлительное решение... Я умоляю Вас: во имя человечности и во имя Вашего благородного призвания защиты писателей – позаботьтесь о решении этой загадки. Вы лично знаете всех членов правления, поэтому обратитесь к ним от моего имени и растолкуйте им, чтобы немедленно вернули мои рукописи, если не должны их публиковать.

Прошу у Вас прощения за то, что так неожиданно навязал Вам роль посредника, но что я могу поделать – Вы именно тот человек, который протягивает братскую руку во все стороны... к кому же ещё мне обратиться?»¹.

Одни считали заботу Туманяна в отношении литературы и писателей «братской», другие – «отеческой», тем более, когда ощущали его протянутую руку помощи и сердобольное отношение в самые трудные дни их жизни, и с благодарностью принимали всё то, что делал поэт для каждого нуждающегося армянского писателя. Почти все обращались к Туманяну, подобно Араму Чаргчяну (Чарыгу), «во имя человечности и во имя защиты писателей».

21-го декабря 1913 г. поэт получает письмо из Баку от начинающего поэта Рена (Татаряна), который, получив посланную Туманяном помощь, в длинном письме подробно рассказывает о своих бессонных ночах, о мучениях и жертвах, которые ему приходится претерпевать во имя стихотворного творчества, и добавляет: «Со слезами радости на глазах пишу это письмо. ...Вот тот, которого я и до знакомства, и после знакомства всегда любил, именно он приходит ко мне на помощь, именно он заботится обо мне... Вы обретёте бессмертие, как обрели бессмертие в армянской литературе. Другими словами говоря, благодаря Вам армянская литература приобретёт силу, которая ...принесёт честь и славу Вашему и без того прославленному имени.

Как я могу отречься, если имею подобного Вам Литературного отца, который думает, заботится о литературных «детях», чтобы они встали на ноги, научились ходить.

Дорогой мой Литературный отец, ...с благодарностью отплачу Вам за Ваше благодеяние.

¹ Там же, д. 1918 (958).

Я настолько счастлив, настолько опьянён своей бездонной радостью, что не знаю, какими словами выразить свои искренние чувства»¹.

Сразу же после создания Кавказского общества армянских писателей Туманян на протяжении многих лет был озабочен делом материального обеспечения армянских писателей – независимо от их известности, и всячески использовал для этого как созданный им же Литературный фонд, так и юбилеи писателей. Так, в начале 1913 г. он предпринимал большие, невероятные усилия, чтобы оказать материальную помощь Вртанесу Папазяну в связи с его юбилеем. Однако из письма Мартироса Арутюняна из Еревана от 5-го января выясняется, что сделать это было очень и очень трудно. Автор письма заверяет поэта: «Материальное пособие в данном случае займёт второстепенное место, то есть выделение денег для его поощрения вообще не планируется. Если будут спонтанные подарки, это другое дело»². В качестве оправдания он отмечает, что организация юбилейного мероприятия, публикация в разных периодических изданиях статей биографического характера и литературно-критических очерков, а также все иные действия, направленные на пропаганду и популяризацию творчества В. Папазяна, очень важны «хотя бы в материальном отношении... Это всё вызовет большой интерес к писателю, сделает его ещё более народным, а это, кроме моральной ценности, станет для него и материальной поддержкой. По этому поводу его произведения станут продаваться»³. Туманян даёт официальный ход работам по организации юбилея Папазяна.

К Туманяну писатели обращались также с просьбами спасти их от политических преследований, а их переводные и оригинальные произведения – от ножиц цензуры. Так, 3-го марта 1913 г. Давид Ананун из Баку просит поэта ходатайствовать перед цензором Л.Калантаром, чтобы тот снял арест с его книги «Новые рабочие законы». Книга представляла собой перепечатку материалов из еженедельника «Еранд» и газеты «Голос Баку» и рассматривала вопросы страхования жизни рабочих. Цензура приостановила продажу книги и наложила арест на весь тираж («подвергла конфискации»). «Теперь всё издание арестовано, и я всё ещё жду, что может случиться, что и меня привлекут к ответственности, - пишет Д. Ананун. – Должен сказать, что содержание брошюры не представляет ничего подстрекательского. Подобные брошюры на русском языке издаются десятки лет, и их изданий можно насчитать очень много. Однако то, что не запрещено русскому автору и читателю, запрещено нам. Во время моего приезда в Тифлис мне сказали, что цензором армянских книг является некий господин по фамилии Калантарян, что этот господин в то же время вмешивается в наши национальные дела и даже является по-

¹ Там же, д. 1956 (970).

² Там же, д. 1488 (770).

³ Там же.

печителем в одной приходской школе. Отсюда я делаю вывод, что этот господин не должен быть недоступной личностью и, возможно, найдутся определённые способы воздействия на него, чтобы он снял арест с книги и отпустил мой воротник. Так что я очень и очень прошу позаботиться о моём произведении»¹.

Автор письма вовсе не был уверен, что Туманян знал цензора Калантаряна и имел с ним приятельские или хотя бы тёплые, приятельские отношения, но не придавал этому обстоятельству большого значения, поскольку был убеждён, что поэт во всех случаях может найти выход и с помощью другого влиятельного лица решить любой вопрос. «Если у Вас не будет возможности самолично повлиять на г. Калантаряна, – пишет Д. Ананун, – то можете сделать это при содействии Ваших знакомых приятелей. Во всяком случае, постарайтесь убедить этого человека, что он совершенно напрасно чинит препятствия армянской речи...

Я убеждён, дорогой друг, что Вы постараетесь снять арест с моей книги, что тем самым Вы освободите меня от политических злоключений»².

Конечно, Туманян никогда не отказывался помогать нуждающимся, в частности, деятелям литературы и искусства; он помогал в меру своих возможностей и в вопросе их трудоустройства, хотя даже этого зачастую оказывалось недостаточно, чтобы вывести их из трудного материального положения. Так, в июле-августе 1913 г. при посредничестве Туманяна композитор Армен Тигранян получает приглашение преподавать музыкальные предметы в гимназии Овнанян. Руководство гимназии при приеме музыканта на работу обращает внимание на отсутствие у него копии свидетельства об образовании, а также на то обстоятельство, что он в своё время отказался от работы в Александрополе, и из-за создавшейся неловкой ситуации и затягивания вопроса Тигранян оказывается вынужден снова обратиться к Туманяну. «Наверно, Вы в разговоре сообщили, что у меня нет свидетельства... Г-н Туманян, я, честно говоря, иду на большой риск с материальной точки зрения, но всё же делаю это. Если Вам это не претит, напишите письмо совету попечителей. Если бы это дело разъяснилось и если бы Вы замолвили слово, чтобы они по какому-нибудь поводу подняли мою зарплату – ну, скажем, надзор и т.д. или секретарство...»³.

Тигранян информирует также поэта, что в школе Джикрашена высвободились уроки пения Тер-Овсепяна, и просит иметь в виду его кандидатуру, а если это будет возможно, обратиться и к Ст. Лисициану, чтобы ему «предоставили уроки пения в прогимназии», и при этом заверяет, что достаточно хорошо владеет русским языком и уже много лет преподаёт

¹ Там же, д. 2202 (1151).

² Там же.

³ Там же.

даёт в государственной гимназии на русском языке, и все оставались довольны – как во время пробных уроков, так и во время посещения районных инспекторов. Своё письмо-прошение Тигранян завершает отчаянным признанием: «Наконец, если не найдётся никакого другого дополнительного заработка, то дела мои очень плохи»¹.

А в самый канун войны и в первые её дни Туманян не жалел усилий, чтобы устроить на работу сестру композитора – Арменуи Тигранян. Об этом свидетельствует переписка Туманяна и Арменуи в июле-августе 1914г. 23-го июля поэт пишет из Цагвера Арменуи Тигранян, что ходатайствовал, чтобы её приняли на работу в гимназию Овнанян, но пока что получил отказ; обещал поинтересоваться снова (ПСС, т. 10, стр. 208). Поэт пишет и о начавшейся войне, о том, насколько она помешала ему. 3-го августа Арменуи Тигранян из Манглиса информирует Туманяна, что получила письмо от Атравазда (Артика) Туманяна, что с ним всё в порядке. Примечательно, что в эти роковые и сумбурные дни, в период ужасающих последствий постигшего бедствия, остаётся место для надежд и ожиданий («Нет худа без добра, пишет она, – нужно ждать и надеяться»), когда «война день ото дня становится всё серьезнее», Ов. Туманян продолжает заниматься вопросом трудоустройства Арменуи Тигранян в гимназии Овнанян.

«Дорогой Туманян, - пишет Арменуи, - по поводу своей должности не хочу Вас очень беспокоить, но относительно моей зарплаты можете сообщить правлению, что я уже занимала на протяжении года должность исполнительницы ролей и заведующей библиотекой в александропольской гимназии Аргутян»².

Судя по всему, по сведениям, дошедшим к Арменуи Тигранян через Вардгеса Агароняна, Туманян считал открывшуюся вакансию в гимназии Овнанян не совсем подходящей для Арменуи. Однако поэт в письме из Цагвера от 23 июля 1914 г. рассеивает все сомнения: «Я не то чтобы не хотел видеть тебя на этой тяжёлой должности и в трудном положении, а напротив, даже обратился куда следует, поговорил с нужными людьми, и они ответили, что сделают это с любовью, однако, приводя какие-то доводы, дали мне понять, что не смогут помочь; сейчас, по крайней мере, ситуация такая... А если ситуация изменится, ты сможешь получить эту должность. Я в ближайшие дни узнаю, как обстоит дело» (10, 208).

Как выясняется из следующего письма Арменуи Тигранян, написанного 17 августа 1914 г., несмотря на обещание, данное Туманяну, определённые затруднения всё-таки возникли, и обеспокоенная Арменуи, не дождавшись, пока предыдущее письмо дойдёт до адресата, пишет второе письмо и оповещает о своём беспокойстве и «печали». «Для моих условий очень необходимо иметь какую-нибудь должность... Прошу Вас, поста-

¹ Там же.

² Там же, д. 2290 (1114).

райтесь устроить это хотя бы со своей стороны... Простите, что беспокою Вас»¹.

Таким образом Туманян в первые дни войны занимался также со дня на день всё более и более усложнявшейся проблемой трудоустройства разных лиц, будь то деятели культуры, писатели или школьные преподаватели; занимался также исследованием народных сказок, освещением 100-летнего юбилея Лазаревского института на страницах газеты «Оризон», открытием филиалов Кавказского общества армянских писателей, для чего ему приходилось получать специальное разрешение властей.

Поэту приходилось также прилагать определённые усилия для того, чтобы сотрудничать с литературно-художественным альманахом «Навард» и различными армянскими периодическими изданиями, чтобы решать вопросы реализации и продажи первого тома исследования Саака Амадуни «Слово и речь», ведя переговоры с дирекцией книжного магазина «Гир» о назначении доступной цены; поэту приходилось также решать текущие вопросы, поднимая на вечерах Кавказского общества армянских писателей проблемы развития литературного армянского языка, а также многочисленные проблемы, связанные с современной армянской литературой. С февраля по июнь 1914 г. поэт старался собрать материалы по диалектной лексике, «слову и речи» Лори и послать эти материалы С.Амадуни для второго тома его исследования. В феврале он писал рецензию на первый том учебного пособия Тиграна Читуня «Мир родной речи», изданного годом раньше, в 1913 г., а также обращался в книжные магазины «Гир» и «Гутенберг», чтобы договориться о продаже хотя бы части тиража книги и таким образом хоть немного материально поддержать проживавшего в Полисе автора. В период с марта по май он ходатайствовал перед книгоиздателем Гютом Аганяном об ускорении издания монографии Лео «История ереванской армянской приходской духовной семинарии. 1837-1913», интересовался сроками выплаты гонораров автору книги; ходатайствовал перед царским заместителем Воронцовым-Дашковым, чтобы осуждённым по «дашнакскому делу» и, в частности, Аветису Агароняну было предоставлено право вернуться на Кавказ, чтобы они не подвергались политическим преследованиям. Кроме того, он всячески содействовал Симону Заваряну в его очень важном и значимом культурном начинании – составлении иллюстрированного энциклопедического и статистического альбома под условным названием «Армяне и Армения» или «Труд Армян»; он послал три экземпляра первого тома своего учебника «Армянские писатели» кубанскому соотечественнику Амазаспу Асланяну; Тачату Адамянцу из Каменска для личного чтения поэт послал роман Раффи «Самвел» и «Новый Песенник», послал также армянской общине Каменска несколько книг, отобранных «по собственному вкусу», - для самообразования молодёжи.

¹ Там же, д. 2289 (1112).

Содействие Ованеса Туманяна Сааку Амадуни, Армену Тиграняну, Симону Вращану было мотивировано как тем большим уважением, с которым поэт относился к их личности и национально-патриотической и общественной деятельности, так и интересами развития национальной культуры. И Туманян не жалел для этого ни своих сил, ни драгоценного времени.

Можно, конечно, понять и Давида Анануна. Под угрозой оказался его многолетний труд, ожидаемое материальное вознаграждение и, что самое важное, над ним, подобно дамоклову мечу, повисла реальная угроза подвергнуться политическим гонениям и преследованиям. Однако очень многие просители беспокоили Туманяна из-за своих узко личных интересов и нужд, докучали ему своими заявлениями и прошениями, которыми обычно занимаются социальные службы или агентства по трудоустройству.

Сохранилось большое количество писем, авторы которых, провозгласив поэта армянским Гладстоном, даже из простой вежливости или из «дипломатических соображений» не интересовались его физическим состоянием, здоровьем, делами, а сразу же, «с места в карьер», нагружали его своими личными и семейными заботами, и при этом просили ходатайствовать не только для себя и своей семьи, но ещё и за друзей, близких или дальних родственников, соседей. Иные даже не останавливались перед угрозами и шантажом, говоря, что если они или члены их семей умрут от голода и лишения, то виноват в этом будет не кто иной, как Туманян.

10-го февраля 1913 г. Нерсес Тер-Аветисян рассказывает Туманяну о своей полной лишений и горемычной судьбе скитальца, о том, как он вопреки воле родителей поехал на чужбину, надеясь добиться материального благополучия, но поскольку ему не удалось преуспеть в жизни, он просит поэта и Ст.Лисициана ходатайствовать перед инспектором Нерсисянской школы, чтобы его приняли на работу, поскольку только в этом случае он сможет вернуться домой и позаботиться о своих престарелых родителях. Конечно, каждый проситель понимал, что обременял Туманяна, жизнь которого и без того была полна проблем и забот, понимал, что отнимает у писателя его бесценное время и силы, жизненную энергию, однако все они рассуждали следующим образом: кто же ещё, если не Туманян, должен помочь армянскому скитальцу оставить в стороне свой посох и вместо того, чтобы бродить по чужим краям с тоскующим сердцем, вернуться на родину и выйти из безвыходного положения? Нерсес Тер-Аветисян пишет: «Уважаемый Поэт всех армян, хотя моя переписка с Вами и приносит мне интеллектуальное счастье, однако мне хорошо известно, что Ваша жизнь полна больших забот и привычна к страданиям...

Но как мне теперь быть и с какой надеждой успокаивать моих престарелых родителей, единственным упованием которых я являлся?»¹. И при этом напоминает, что «в понедельник в 4 часа» он ждёт ответа от инспектора.

2-го июля 1913 г. писатель Вртанес Папазян обращается к Туманяну из Нового Нахиджевана с просьбой о трудоустройстве – как к своему собрату по перу и председателю Кавказского общества армянских писателей, хотя Общество по своему Уставу не брало на себя никаких обязательств по трудоустройству своих членов, да и не могло решать подобные вопросы. Рассказывая о своём «печальном и отчаянном» настроении и положении, Папазян сообщает, что нигде не работает, и умоляет, чтобы Туманян подыскал для него какую-нибудь должность, «хоть что-нибудь», поскольку «перспектива остаться голодным топорщится передо мной и отравляет мои минуты...

Не обременяю ли я тебя этой своей просьбой и тем, что напрямую, по-дружески сообщаю тебе о своём положении?»². Разумеется, поэта не могло не могло не разволновать то обстоятельство, что такой известный писатель, как Вртанес Папазян, был доведён до столь отчаянного положения, что был готов выполнять любую работу, был готов даже работать за мизерную зарплату корректором в «Оризоне».

Какой-то врач по имени Мкртыч, имевший высшее университетское образование и работавший в то время в харьковской клинике внутренних болезней, 31 октября 1913 г. обратился к Туманяну и попросил устроить своего зятя в городском управлении, но только не «в ломбарде», руководителем которого являлся г-н Кафян, который во время работы управляющим Нерсисянской гимназии злоупотреблял своим служебным положением, плохо обходился с его зятем и плёл против него разные интриги. Этот врач, подобно очень и очень многим другим, оказался весьма последовательным. И его обращения к Туманяну по одному и тому же вопросу не были, мягко говоря, «одноразовыми». И опять же «виновным» в глазах просителя оказывался Туманян, поскольку он всегда старался помочь и никогда не игнорировал ни одной просьбы. «Многоуважаемый г. Ованес, – пишет автор письма, – помня о Вашем исключительно любезном отношении к моей просьбе, я решаюсь снова обратиться Ваше внимание на положение моего зятя. Как пишет мой зять, в городском управлении есть две вакансии, одна в ломбарде, другая – в скотобойне; для моего зятя было бы очень затруднительно получить должность в ломбарде»³.

Заявители прекрасно понимали, что Туманян не является управляющим агентства по трудоустройству, что он также не является руководителем тех учреждений, в которых они хотели устроиться на работу, однако

¹ МЛИ, ф. Туманяна, д. 2176.

² Там же, д. 2313.

³ Там же, д. 1773 (старое 273 доп.).

они знали также наверняка, что он является настолько известным и авторитетным, что способен решить практически любой вопрос. И они не задумываясь стремились использовать себе на благо эту всенародную известность и авторитет поэта. Более того, зачастую они сами указывали пути решения своих вопросов; указывали, к кому именно следует обратиться поэту, чтобы преуспеть в своей посреднической миссии. Так, врач Мкртыч предложил Туманяну обратиться к градоначальнику Тифлиса Александру Хатисянчу¹ и, устроив на работу его зятя, обеспечить «семейный мир» в его доме. «Считаю нелишним отметить, насколько Вы меня обяжете и насколько поспособствуете семейному миру в нашем доме. Во всяком случае, Вы спасёте человека, ставшего жертвой партийных интриг. Вся моя надежда на Вас»².

После смерти приходского священника Даниэла Тер-Ованесяна его сын Никогайос Тер-Ованесян «с целью не оставить многодетную семью без призора» принимает решение занять место отца и в октябре 1912 г. обращается к Ов. Туманяну с просьбой ходатайствовать о его рукоположении в священники. «Я прошу Вас, чтобы Вы сделали всё от Вас зависящее для рукоположения Вашего покорного слуги... С использованием Вашего влиятельного круга. Вот уже месяц, как мои дела переданы в консисторию, однако всё ещё нет никакого ответа. Заканчивая своё слово, покорнейше прошу в память о моём покойном отце протянуть мне руку помощи... Какой отец даст камень сыну, просящему хлеба, или протянет змею вместо рыбы?.. Ничего подобного... таких отцов очень мало на свете. Так и Вы. Надеюсь, что Вы не откажетесь помочь и мне, бедному юноше»³.

Зная о дружбе Туманяна с некоторыми епископами, в частности, с предводителем тифлисской епархии святейшим Месропом, к поэту с

¹ Хатисянц Александр Ованнесович (Хатисов Александр Иванович) (17.02.1874, Тифлис, Грузия - 10.03.1945, Париж, Франция) - Премьер-министр Первой Республики (1919-1920), мэр г. Тифлиса. Окончил Тифлисскую 1-ой местную мужскую гимназию (1891), получил медицинское образование в Московском (3 года) и Харьковском (2 года) ун-тах (1897). В 1898 выехал за границу, совершенствовался в клиниках. Изучал гигиену, общественное здравоохранение и муниципальное дело. В 1900 вернулся в Тифлис, в 1902 избран гласным Городской думы, советником Тифлисского городского совета; с 1905 чл. городской управы, примкнул к "Армянской революционной партии "Дашнакцутюн" ("Союз)". Участник Революции 1905-1907. С 1907 заместитель гор. головы Тифлиса, в 1910-1917 городской голова Тифлиса. 20-ого сентября 1910 г. на выборах, получив 48 голосов за и 2 против, Александр Хатисянц был избран городским головой и 15-ого ноября вступил в эту должность. В 1912, во время петербургского процесса по т.н. делу «Дашнакцутюн» проходил как свидетель. С 1914 председатель Кавказского комитета Союза городов. Один из организаторов армянских добровольческих дружин в годы 1-й мировой войны и помощи армянам-беженцам - жертвам геноцида 1915-1916. В 1915-1917 избран заместителем председателя Армянского Национального Бюро (Тифлис). После Февральской революции 1917 Хатисян вступил в партию "Дашнакцутюн", Хатисян возглавил Армянское Национальное Бюро (до окт. 1917), председательствовал на Совещании армянских политических партий (март - апр.), принял участие в Закавказском крестьянском съезде (Тифлис, июнь).

² МЛИ, ф. Туманяна, д. 1773 (старое 273 доп.).

³ Там же, д. 2224.

просьбами о рукоположении в священники обращались очень часто, причём подобные просьбы поступали из разных городов и стран, в частности, из западноармянской Едесии, из тех или иных регионов России. Естественно, Туманян не мог выполнить просьбы всех желающих, и многие из тех, кому он не сумел помочь, открыто обвиняли поэта в своих неудачах. Нередко случалось и так, что на одну вакансию приходского священника к Туманяну с просьбой о ходатайстве обращалось сразу несколько человек. Каждому из просителей казалось, что именно он является самым достойным претендентом, что ему эта вакансия нужнее, чем всем остальным, и что его с Туманяном связывают наиболее близкие отношения.

Лорнец Тигран Веранян (Тер Ованес) в письме от 3-го октября 1912 г. сетует, что Туманян занимался заботами его семьи недостаточно целеустремлённо, что поэт не обратился с ходатайством к католикусу или другим церковным руководителям, и даже более того, не пообещал его жене, что устроит его приходским священником. Действительно, Туманян не давал такого обещания, поскольку ему было отказано в его ходатайстве – при негласной договорённости предводителей церкви: если в Тифлисе освобождалось место приходского священника, то оно предоставлялось одному из местных жителей. Жена Тиграна Вераняна высказала мужу предположение, что Туманян уже устал от их просьб и не хочет помочь им в решении этого вопроса, и даже напротив, будет помогать их конкуренту, Тер Егише. Автор письма не столько просит, сколько требует, иронизирует, обвиняет и осуждает Туманяна за его бездействие, за нежелание подействовать его переезду из Едесии в Тифлис. Он требует, чтобы писатель ходатайствовал перед духовными предводителями, чтобы он заставил их нарушить установленное правило и решить его персональное дело в качестве исключения.

Веранян пишет: “Ты не ответил на моё письмо. Знаю, нет времени. К тому же ты по праву большой человек – “наш величайший национальный поэт”, следовательно считаешь ниже своего достоинства отвечать прежнему другу, которого неудачно сложившиеся обстоятельства помяли и унизили. Но ведь известно же, что великий Гладстон отвечал на каждое письмо обращавшихся к нему людей.

Однако, прошу прощения, вопрос не в этом.

И, по правде говоря, я жду от Тебя не столько ответа, сколько дела... Я буду продолжать надоедать Тебе, пока не выполнишь... того, что можешь и что тебе по плечу...

...Ведь только Тебе известно, какая цель заставляет меня мытарить, скитаться” (подчёркнуто автором письма - С.О.)¹.

Веранян возмущается и негодует по поводу того, что к Туманяну за поддержкой в вопросе назначения приходским священником обратился также Тер Егише. “И Тер Егише даже не стесняется обращаться к Тебе...

¹ Там же, д. 2135.

Если бы у меня была хотя бы половина его средств, его достояния, разве я оставил бы свой “прекрасный Лори, бессонной тоской по которому” страдаю в этой заболоченной стране?.. Если я здесь умру (что вполне вероятно, если моё пребывание здесь продолжится ещё какое-то время), то Ты будешь должен полдюжине моих детей в той мере, в какой должен дюжине своих детей, которых к тому времени будет полторы дюжины...

Но если Ты захочешь, и должен захотеть... И новый Предводитель... может дать мне место в качестве исключения, войдя в моё исключительно безвыходное положение... И чем я хуже других попов, пришедших в ваши края?..

Ты отворачиваешь от меня своё лицо... Ты мне только дай работу, и – Ты ведь знаешь, что я её выполню с честью.

В конце концов мне тоже хочется на закате своей жизни увидеть свет, найти место под солнцем... Довольно с меня блуждания во мраке и в невежественной среде, в мучениях и страданиях...

И Ты, только Ты будешь тем человеком, который выведет меня на Свет Божий.

Ованес джан... я имею право так говорить с Тобой...

И Ты, да, не имеешь права загубить мою Великую веру в Тебя”¹.

К Туманяну приходили также коллективные письма-прошения. Священник Нерсес Эртевечян необоснованно обвинялся в растрате денег Красного Креста и Эчмиадзинского монастыря. Впоследствии решением судебной палаты г. Харькова он был оправдан. Однако до этого, во второй декаде января 1913 г., вся армянская община Нового Нахиджевана (Ростова-на-Дону) обратилась к Туманяну с просьбой походатайствовать перед духовным руководством Св. Эчмиадзина, чтобы священника Эртевечяна не снимали с должности (10, 168, 559)².

24-го ноября 1913 г. Ваан Терьян пишет Туманяну из Петербурга и просит послать ему займы 150 рублей. «Я болею, нахожусь в крайне трудном материальном положении... Надеюсь, Вы защитите меня от унижений, лишних пересудов. Принимаю любые условия материального характера. Жду скорого телеграфного ответа»³.

Туманян незамедлительно выполняет просьбу Терьяна, так что уже 1-го декабря молодой поэт получил запрошенную сумму, но только не займы, а в качестве подарка⁴. Вполне естественно, Туманян был более внимателен к материальным проблемам, испытываемым наиболее талантливыми деятелями армянской литературы и культуры. А они, почти все без исключения, всегда доверительно сообщали Туманяну о своих материальных трудностях и заботах. Конечно, поэт не мог каждый раз протя-

¹ Там же.

² См. также “Оризон”, 1914, 16 февраля, N 14.

³ В.Терьян, Собр. Соч., т.4, Ер., «Советакан грох», 1979, стр. 126. См. также: МЛИ, ф. Туманяна 2257.

⁴ В.Терьян, Собр. Соч., т.4, Ер., «Советакан грох», 1979, стр. 126-127.

гивать им руку помощи и решать все их финансовые проблемы. Литературный фонд, тем более в преддверии мировой войны, не имел никакой возможности удовлетворять запросы бедствующих писателей и деятелей искусства и культуры, да и сам Туманян, будучи вынужден постоянно выслушивать сетования всех окружающих его людей, находился в очень тяжёлом материальном положении, к тому же нёс на себе большой психологический груз ответственности за нищенствующих соотечественников и, возможно, по этой причине никогда не говорил во всеуслышание о своих бесконечных, не дающих ему ни минуты передышки финансовых затруднениях.

15-го марта 1914 г. Лео из Еревана пишет Туманяну: «...Я ещё не начал работать, условия для работы неблагоприятные, я каждый день проклиная эту свою судьбу за то, что вынужден ради куска хлеба заниматься такими делами, бросаю на ветер столько идей, столько трудов... чувствую, что мне придётся забрать с собой в могилу свои идеи и намерения, которые вполне могли бы оказаться очень нужными для нашей литературы»¹. Историк просит Туманяна поинтересоваться, когда он сможет получить «макет первой страницы» переданной в типографию Аганяна книги «История Ереванской армянской приходской духовной гимназии. 1837-1912». Сразу же по получении письма, 20 марта, Туманян сообщает Аганяну о беспокойстве Лео, хотя в этот момент его значительно больше волновало то, что в той же типографии задерживалось издание сборника песен Саят-Новы, инициированное Кавказским обществом армянских писателей (10, 200).

19-го июня 1914 г. Атабек Хнкоян сообщает в письме Туманяну о своём весьма незавидном материальном положении, о болезни жены, и добавляет: «Мне нужно, необходимо иметь по крайней мере 50 руб... Поэтому прошу прийти мне на помощь»². Запрашиваемая сумма была предоставлена Хнкояну.

В июне 1914 г., в самый канун войны, отдохавший в Дилижане Дереник Демирчян просит Туманяна «через святейшего или Аргутяна» увеличить количество его уроков, доведя с девятнадцати до двадцати одного («хотя бы»). «Это будет возможно, если уроки 8-го класса (новую литературу) передадут мне, - пишет Д. Демирчян. – Это часы, которые в прошлом году Малхасян забрал у меня, чтобы задеть моё честолюбие. Предоставь также ссуду на определённую сумму из Общества писателей... Я в отчаянии иду сражаться против болезни Мариам...»³. С этой целью Демирчян просит также двух друзей по Вернатуну – Туманяна и Агбаляна – стать его гарантами⁴.

¹ МЛИ, ф. Туманяна, д. 1325 (709).

² Там же, д. 1399 (739).

³ Там же, д. 1137 (611). Мариам – жена Д. Демирчяна.

⁴ Там же, д. 1138.

Тигран Вераян, заканчивая рассмотренное выше письмо Туманяну от 3-го октября 1912 г., решил про себя, что недостаточно просить содействия о своём назначении приходским священником или о переводе из Едесии в Тифлис. В постскриптуме он излагает ещё одну просьбу: заняться вопросом высшего образования его сына, обеспечив студентической стипендией.

«Ованес джан, мой Левон в этом году закончил восьмой класс Торговой гимназии; хочет поступить в университет; ты хотя бы пока что уладь этот вопрос, или найди благотворителя, или укажи верный путь. До последнего момента учился отлично...

...Мне едва удаётся доставать деньги на запросы детей; летом мне даже пришлось взять деньги в долг. В этом году... результаты гораздо скромнее, чем в прошлом году. Удача совсем отвернулась от меня»¹.

Что касается долгов, то их у поэта было неизмеримо больше, чем у кого бы то ни было. Хотя, конечно, просителей это мало интересовало. Более того, многие знакомые и даже не знакомые люди просили одолжить им денег у самого Туманяна. Так, некий Г.Варданян 15-го января 1913 г. должен был отправить сына в Петербург, для чего попросил Туманяна одолжить ему 200 рублей, обещая вернуть сумму с процентами к 20-30 сентября того же года².

К поэту очень часто обращались с просьбой устроить детей в Нерсисянскую гимназию. 3-го января 1913 г. к Туманяну обращается Вардан Амирян из Шаали с просьбой устроить сына Вагинака в Нерсисянскую гимназию и с этой целью помочь со сдачей вступительных экзаменов 8-го января.

«Позаботьтесь, пожалуйста, возьмите на себя труд, не пожалейте несколько минут Вашего времени, чтобы помочь принять моего сына в первый класс Нерсисянской гимназии.

Всей своей семьёй уповаем на Вас, который способен сделать невозможное возможным, верим, что Вы устроите нашего Вагинака»³.

Как это ни странно, даже близкие литературные друзья Туманяна считали, что для поэта не представляет никакой трудности назначить кому-то студенческую стипендию. Так, Вртанес Папазян в письме от 23-го апреля 1913 г. пишет из Полиса Туманяну и просит позаботиться о некоем «одарённом», но «почти осиротевшем ребёнке»⁴. Речь шла о Гегаме Аджемяне, который и доставил Туманяну это письмо.

Вртанес Папазян просит Туманяна походатайствовать перед инспектором и попечителями Нерсисянской гимназии, чтобы Гегам Аджемяна приняли в школу-интернат и назначили ему ежемесячную стипендию в определённом размере, чтобы мальчик имел возможность учиться.

¹ См. «Оризон», 1914, 16 февраля, N 34.

² МЛИ, ф. Туманяна, д. 2115 (1003.)

³ Там же, д. 878.

⁴ Там же, д. 2312 (1174).

«Могу ли я попросить тебя, - спрашивает Папазян, - чтобы ты на минуту отвлёкся от своей многообразной занятости и не преминул бы оказать небольшую услугу юноше, принёсшему это письмо... Я знаю, что ты можешь что-нибудь сделать, и очень надеюсь, раз пишу тебе эти две строчки»¹.

Судя по всему, поэт выполнил просьбу своего товарища. В противном случае Вртанес Папазян не обратился бы к нему снова через год, 16-го мая 1914 г., с подобной просьбой. Впрочем, на этот раз были определённые трудности. Папазян представил дело таким образом, что между инспектором школы Хунунцем и учащимся школы Мовсесом Арутюняном произошло «недоразумение». Хунунц был настроен к Мовсесу враждебно и не намеревался принять мальчика в гимназию. Обращаясь к другу, Папазян пишет: «Дорогой Ованес. Прости, что к твоим многочисленным заботам я добавляю ещё одну... Прошу сделать всё возможное и каким-либо образом устроить так, чтобы его приняли. Родине необходимы люди с серьёзным образованием, пусть же они обретут силу и мощь, чтобы было возможно расчистить эти большие авгиевы конюшни и все их омерзительные нечистоты.

Прошу тебя, будь добр пристроить мальчика»².

6-го сентября 1913 г. Акоп Айвазян из Москвы просит Туманяна, чтобы он урегулировал проблему с оплатой за его обучение и заодно позаботился о других его проблемах. Проситель сообщал, что готовится к выпускным экзаменам в Лазаревском институте, после чего намеревается продолжить учёбу в Московском университете. Он подчёркивал, что его дальнейшая судьба зависит от помощи Туманяна, хотя и считал при этом, что поэту ничего не стоит оказать ему эту помощь. И вместо того, чтобы обратиться к Овсепу Кусикяну или Александру Цатуряну, от которых действительно зависело решение его проблем, он решил обратиться к Туманяну. В своём письме проситель пишет: «Но как Вам известно, у меня нет никаких средств, поэтому я обращаюсь этим письмом к Вам и прошу, чтобы Вы оказали мне содействие, в противном случае я лишусь всякой возможности заниматься и даже буду вынужден вернуться. Вчера я... был у Ваана Терьяна и Макинцяна, после долгой беседы с ними я пришёл к тому заключению, что, если здесь у человека не будет знакомых, он не сумеет ничего добиться. Я прошу Вас, чтобы Вы написали Александру Цатуряну обо мне и попросили, чтоб он мне помог. ...А второе письмо прошу написать Кусикяну, если Цатурян не сможет ничего сделать, то,, возможно, сможет Кусикян. Эти двое, я уверен, могут сделать многое для меня, если Вы им подробно напишете и сумеете убедить, что

¹ Там же.

² Там же, д. 2315 (80 доп.).

необходимо мне помочь. В конце концов, я ведь прошу совсем не-многого...»¹.

Туманян, как это было уже отмечено, не оставлял без ответа многочисленные письма-прошения и старался в меру своих возможностей оказаться полезным. Так, для того, чтобы назначить денежное пособие Левону, сыну проживавшего и работавшего в Едессии приходского священника Тиграна Вераняна, он был вынужден обратиться к сыну Абгара Иоаннисяна, который, в свою очередь, пообещал помочь в этом деле, поскольку Левон во время учёбы в Торговой гимназии был стипендиатом имени Абгара Иоаннисяна. И, тем не менее, земляк поэта оставался при своём убеждении, что и этой помощи совершенно недостаточно, так же, как он считал недостаточным единовременное пособие в размере 100 рублей, выданное его сыну после окончания гимназии. Он был уверен, что его просьба – всего лишь мелочь, и остался недоволен Туманяном, который, по его мнению, не проявлял должной заботы о его детях. 24 сентября 1913 г. он пишет поэту новое письмо: «Хочу напомнить Тебе... о назначении Левону пособия...

О результатах, если будет время, напиши мне. А если нет, передай через Амлика моему сыну Телемаку, который учится в первом классе Нерсисянской гимназии. Надеюсь, на этот раз Твоё обещание претворится в дело»².

Туманян снова помогает, насколько может, своему настойчивому просителю. Сохранилось множество документов, которые свидетельствуют, что поэт помогал очень многим людям в приёме их детей в школу, в назначении стипендий и денежных пособий, и это в то время, как трое из его детей – Ашхен, Мушег и Амлик – в разные периоды, а Амлик именно в это время, в самом начале мировой войны, не только не получал, подобно очень и очень многим, студенческой стипендии, но и оказался перед реальной угрозой отчисления из института – из-за задержки оплаты за обучение.

В 1914-1915 учебных годах одним из принятых в Нерсисянскую гимназию и удостоенных стипендии учеников был сын руководителя Нухийского прихода священника Барсега Тер-Степаняна. В отличие от многих других просителей Туманяна, удостоившихся содействия поэта, Б.Тер-Степанян был искренне благодарен поэту. В его письме от 5-го ноября 1914 г. читаем: «Высокочтимый брат Ованес Туманянц! Очень и очень благодарен тебе. Прошу у Богородицы удачи, долгой жизни и счастливых дней вам и вашей родне – за то, что благодаря Вашему содействию наш ребёнок поступил в первый класс Нерсисянской духовной гимназии. Вы нас этим очень обязали. Я очень доволен вами и признателен вам»³.

¹ Там же, новый номер – 880.

² Там же, д. 2137.

³ Там же, д. 2254 (498/5).

В рассматриваемый период, вероятно, одним из самых упорных и настойчивых просителей, особенно часто беспокоивших Туманяна для решения своих личных вопросов, был учитель одной из школ Александрополя Амбарцум Мазманиян, который все свои письма подписывал как «уважающий ученик». Ещё можно как-то понять, если бы он просил Туманяна как председателя Кавказского общества армянских писателей назначить ему денежное пособие для своих личных нужд, хотя и в этом случае он был обязан обратиться только к правлению Общества; однако он беспрестанно, даже после получения – при непосредственном содействии Туманяна – денежного пособия, продолжал то и дело обращаться к поэту и требовать, слёзно и во всех подробностях описывая свои проблемы и горестное положение. Если, скажем, «Оризон» задерживал выплату его гонорара, он обращался с жалобой к Туманяну, а не к редактору газеты или другим её сотрудникам¹. Туманян не оставил без внимания даже это письмо и обратился в редакцию газеты с запросом, но оттуда его заверили, что гонорар уже отправлен. Писатель сразу же поставил в известность своего просителя. Однако последний с нетерпением и бестактностью снова возлагает свои проблемы на плечи Туманяна – не дожидаясь, когда деньги дойдут из Тифлиса в Александрополь. Меньше чем через неделю после первого письма (16-е мая 1913 г.), 22-го мая Мазманиян пишет второе письмо. «Дорогой г. Туманян, пишу в самый последний раз, надеюсь, вы не обидитесь из-за моего странного поведения. Возможно, я переступил границы скромности, но о какой скромности может идти речь в подобном положении?.. Я нервничаю, и каждое негативное явление создаёт для меня душевную трагедию... Не знаю, то ли я грежу во сне, то ли не могу понять свою ситуацию – не знаю, не знаю, не знаю»². Туманян снова обращается в редакцию «Оризона», и на этот раз они уже посылают автору гонорар в размере 10 рублей. Но Мазманиян снова недоволен и негодует по поводу размера гонорара, но не потому, что «Оризон» заплатил ему меньше, чем обещал, а потому, что этих денег никак не могло хватить для решения «всех его проблем». И опять же, «естественно», он выражает своё негодование не руководству «Оризона», а Туманяну, на этот раз написав из Еревана: «Я ожидал, что получу, по крайней мере, 20, которых, вероятно, хватило бы на удовлетворение всех моих потребностей. А теперь эти 10. Какие нужды покрыть ими?.. Я теперь взял в долг 15 р. (о других своих долгах даже не говорю)... одним словом, замечательная ситуация»³.

Конечно, Мазманияну действительно приходилось несладко, как и всему армянскому народу, однако, в отличие от очень и очень многих, он ежемесячно получал от Благотворительного общества пособие в 10 руб., и вовсе не исключено, что и этой помощи он добился благодаря пособию-

¹ См. письмо от 16-го мая 1913 г., МЛИ, ф.Туманяна, N 1600 (833).

² Там же, д. 1601 (834).

³ Там же, д. 1602 (853).

честву Туманяна, ну и, конечно, благодаря своей целенаправленной настойчивости и настырности. Судя по всему, Мазманян по каким-то причинам не имел семьи и друзей и решил, что при таком стечении обстоятельств самым удобным человеком, спасительной «соломинкой» является не кто иной, как Туманян, который не преминет послать ему денег на дорожные расходы, чтобы добраться из Еревана в Тифлис. Он писал поэту: «поскольку у меня нет ни родни, ни родственников, ни близких, поэтому я и решил обратиться к Вам, чтобы Вы вызволили меня из этого положения... Неужели люди, подобные мне, не могут обращаться к хорошим людям, даже если между ними и нет родственной связи... Утопающий хватается за соломинку...»¹.

В ноябре-декабре 1913 г. неуёмный Мазманян снова обращается к Туманяну с просьбой – на этот раз он просит поэта уговорить редактора «Оризона» выплачивать ему повышенные гонорары – за стихотворения, которые сам автор не считал серьёзными произведениями искусства; он скорее видел в них «карикатуру на трагическую жизнь сердца автора»². В письме, отправленном из Еревана, речь опять-таки идёт только о материальных запросах просителя. «Дорогой господин Ованес, – пишет он, – было бы очень и очень хорошо, если бы вы напомнили «Оризону», чтобы послали мне что-нибудь. Вы, разумеется, знаете, что именно заставляет меня писать Вам: это... мои запросы и долги очень большие, особенно запросы, ежедневные запросы. К тому же приближается конец года, и мне необходимы деньги на дорожные расходы и прочее...»³.

Почти та же самая история повторяется несколько месяцев спустя, начиная с 7-го марта 1914 г. К этому времени Амбарцум Мазманян работал школьным преподавателем в селе Мец Кети, однако был очень недоволен сельской средой и «серой» обстановкой, шумными разбирательствами крестьян, тем, что они курили махорку, ругались и т.д. И он просит Туманяна задуматься о том, чтобы устроить его на новую работу и в течение недели выслать ему 30 рублей. При этом он в своей манере выражает полную уверенность в том, что для поэта ничего не стоит помочь ему в подобных пустяковых просьбах. «Потому что у Вас огромные связи, вероятно, Вам удастся, обратившись к хорошим людям, и для меня также... проложить дорогу... Хотя бы благодаря Вам суметь побывать в Тифлисе по какому-нибудь делу и провести свои годы в хорошей среде... Как можно было приехать из Еревана сюда и умереть душой?.. Моя жизнь – такая серая и бессодержательная... Не бывает ни дня, чтобы какая-нибудь грубость не омрачила моей души. Это не жизнь, а сплошное мученичество»⁴.

¹ Там же.

² Там же, д. 1603 (834).

³ Там же.

⁴ Там же, д. 1604 (836).

Не будучи ни писателем, ни литературоведом, Мазманян считал и по каждому поводу и без повода повторял, что является самым бедным, самым нуждающимся деятелем литературы. 23-го марта 1914 г. из села Мец Кети он пишет: «Сейчас мне думается, что Вы должны сказать, что я – учитель, следовательно, мне не следует выдавать подобное пособие. Но я заявляю, что положение моё не лучше, чем прежде... Второй раз прошу Вас... выслать деньги»¹.

3-го апреля 1914 г. Амбарцум Мазманян пишет Туманяну новое письмо из Мец Кети и, поздравив поэта с Воскресением Христа, добавляет: «Прошу выполнить мою просьбу: выслать мне 30 рублей (эти деньги мне крайне необходимы)... В случае, если не вышлете, сообщите. Хотел телеграфировать, поскольку моё положение тяжёлое, но мне было неловко, хотел сообщить Вам закрытым письмом... Я настолько верю в Ваше доброе расположение ко мне, что считаю невозможным получение отказа»². Писатель откликается сразу же, и уже к 11-му апреля Мазманян получил запрошенную сумму. «С благодарностью получено двадцать и пять рублей», - сообщает он поэту³.

16-го мая 1914 г. Мазманян телеграммой из Александрополя просит у Туманяна срочно выслать ему 25 руб⁴. 26-го мая он сообщает, что пока ещё не получил столь необходимую ему сумму⁵. В письме, кроме выражения «Дорогой Туманян» нет ни одного слова о самочувствии, о житье-бытье, о личных или общественных делах поэта и его семьи.

Просьбы и требования Амбарцума Мазманяна не прекращаются ни в канун мировой войны, ни после её начала, тем более, что Туманяну удалось выбить для него денежное пособие – через посредство кассира Комитета армянских сирот и беженцев Бориса Еркайнабазук-Аргутяна. 13-го июня 1914 г., отправляясь из Александрополя в Налбанд, Мазманян интересуется у Туманяна, где тот собирается провести летние месяцы, чтобы через него постоянно держать под своим контролем размеры и сроки выплаты выделяемого ему пособия, и, если подвернётся такая возможность, увидеться со своим благодетелем. Одновременно он не упускает случая, чтобы попросить поэта проследить за публикацией своих стихов в «Оризоне»⁶. Спустя всего лишь три дня, 16-го июня, даже не дождавшись ответа на своё последнее письмо, Мазманян снова беспокоит Туманяна. Он снова настоятельно требует, чтобы поэт сообщил ему о своём местонахождении в ближайшие несколько месяцев, поскольку собирался поехать в Тифлис и боялся не застать поэта в городе⁷. При этом он не забы-

¹ Там же, д. 1605 (837).

² Там же, д. 1606 (856).

³ Там же, д. 1608 (839).

⁴ Там же, д. 1607 (838).

⁵ Там же.

⁶ Там же, д. 1609 (840).

⁷ Там же, д. 1611 (842).

васт снова напомнить, что поэт должен найти для него подходящую работу, «должность». Ещё три дня спустя, 19-го июня 1914 г., он пишет новое письмо, вполне осознавая, что получение трёх писем одинакового содержания за одну неполную неделю должно быть, по крайней мере, обременительно и нудно для адресата, однако это вовсе не мешает автору письма, и он открыто признаётся, что его положение вынуждает его не думать ни о чём другом. Он искренне считает, что Туманян может помочь ему избежать службы в армии. В письме от 19-го июня читаем: «Дорогой Туманян! Не очень приятно, когда человек всё время пишет о себе, это утомительно и нудно. Но для меня нет другой занимательной драмы, кроме моей жизни, поэтому я не могу писать о чём-либо другом. Когда моё положение изменится, когда я стану обеспеченным, тогда стану откликаться на чужое горе или чужую радость, а до этого я – эгоист... Через 3-4 месяца меня как солдата погонят в глубины «Матушки-России»... Если будет возможность каким-нибудь образом освободиться (у меня нет ни одной льготы)... Нет ли выхода? Прошу, напишите что-нибудь об этом. А если мне придётся пойти, найдутся ли близкие люди, которые поддержат меня и придут провожать?..

Уже давно, как я здесь, в Александрополе, ищу уроки, но ничего не нахожу и не знаю... Учительская моя зарплата давно уже закончилась, теперь проживаю на полученные от Вас 25 рублей, которые также в один прекрасный день закончатся... Нет ли возможности приехать в ваши края и найти уроки? Когда и эти деньги закончатся...»¹.

Тем не менее, давая себе отчёт, что его назойливость и упорство, по крайней мере, не очень красивы, Мазманян пишет: «Прошу, чтобы мои письма читали только Вы... Мой адрес прежний, на который вы отправили деньги»².

В Александрополе Туманян попросил Камсаракана по мере возможности помогать Мазманяну. Камсаракан предложил юноше каждый день обедать у него дома, однако это предложение показалось Мазманяну унижительным и оскорбительным. «Мне кажется, что я не соглашусь на это даже в ожидании смерти. Такое предложение можно делать только уличным попрошайкам. Умереть для меня было бы намного лучше»³.

В июне 1914 г. Амбарцум Мазманян в другом своём письме Туманяну, переданному через Камсаракана, снова подвергает писателя сильному моральному давлению. Он пишет: «Я попросил найти какую-нибудь должность для меня... Во-всяком случае, мне приходится плохо... Прошу Вас, подумайте вместе с г. Лисицианом о том, чтобы немного обеспечить меня, пока я пойду в солдаты. Я на свои имеющиеся деньги могу продержаться до 20-го июля, затем мне придётся совсем туго»⁴. А когда началась

¹ Там же, д. 1616 (851).

² Там же.

³ Там же, д. 1617 (855).

⁴ Там же.

война, и Туманян в самые первые её дни, выехав по делам из Тифлиса, не мог отвечать на письма Мазманяна, приходившие через каждые два дня, последний начал угрожать: «Довольно удивительно, что Вы не отвечаете. Если Вы решили порвать свои отношения со мной, почему хотя бы не сообщаете мне об этом?»

Если я напишу, что из-за отчаяния собираюсь покончить с жизнью, пусть это не покажется странным. Несмотря на то, что у меня ещё остаются 10 рублей, но уже близок горький кризис... Я ужасно беспокоюсь...

Тем более ужасно то, что я не знаю, находитесь ли Вы в Тифлисе, дойдёт ли это роковое письмо? Я посылаю его, потому утопающий хватается за соломинку. Если это письмо не дойдёт и Вы немедленно не пошлёте эти деньги... то прощай всё на свете»¹. И хотя Туманян всегда откликался на все просьбы Мазманяна, помогал ему в меру своих сил и возможностей и ходатайствовал за него, даже сумел на определённое время обеспечить его денежным пособием, он при этом всегда был уверен, что не столько просительный, сколько требовательный подход юноши, нуждающегося в материальной поддержке, никогда не изменится. Об этом свидетельствует письмо Мазманяна из Александрополя от 14-го июля 1914 г., из которого мы узнаём, что поэту наконец-то удалось устроить юношу на работу. «Дорогой г. Туманян, - пишет автор письма, - г. Камсаракан предложил мне лёгкое занятие здесь с зарплатой 20 руб. Всегда благодарный А.Мазманян»².

Однако и на этом обращении Мазманяна к Туманяну не заканчиваются. 30-го августа 1914 г., когда Амбарцуму уже было известно, что через две недели, а ещё точнее, 14-го сентября, он должен приступить к воинской службе в расположившемся в Караклисе подразделении русской армии, он, тем не менее, продолжает беспокоить поэта ещё одной «пустяковой просьбой». Он пишет: «Мне предстоит позаботиться о затратах на дорогу и т.д., поэтому прошу Вас в самый последний раз помочь мне, послать десять (10) рублей, которыми я смогу обойтись, прежде чем стану солдатом, когда перестану думать о материальных проблемах. Надеюсь, эту мою пустяковую просьбу Вы не оставите без последствий»³.

Параллельно письмам Мазманяна поэту приходят многочисленные другие письма-прошения. 12-го апреля 1914-го г. Акоп Ханларян рассказывает о том, что ему «никак не удаётся адаптироваться, привыкнуть к отсталой и тёмной провинциальной жизни» в Шуши⁴, и выражает уверенность, что никто на свете, кроме Туманяна, не сможет помочь ему найти в Тифлисе работу школьного учителя или найти частные уроки армянского языка и литературы, либо, по крайней мере, «подобрать должность в одном из армянских обществ», чтобы обеспечить его проживание и пропи-

¹ Там же, д. 1618 (850).

² Там же, д. 1613 (844).

³ Там же, д. 1614 (845).

⁴ Там же, д. 1380(731).

тание хотя бы на один год¹. Вместе с тем он искренне признаётся: «Если не обращусь к Вам, то к кому ещё я могу обратиться? Если возможно, покорнейше прошу Вас, сделайте что-нибудь для меня... Простите меня... Пишу Вам сегодня с сыновней смелостью.

Если я и другие мне подобные не сообщат Вам, то кому они могут рассказать свои желания и стремления?»².

Всё это не могло не утомить, не изнурить вконец любого смертного человека, не могло не отравить его жизнь, не мешать ему жить и заниматься творческим трудом. 31-го марта 1914 г. в письме, адресованном Аветису Агароняну, поэт признаётся: «Давно уже моё сердце разбито, я очень устал и питаю отвращение к нашей жизни и к нашему миру. Ты представь себе, если и моё сердце разбито и я доведён до отвращения – каким для этого должен быть этот мир!» (10, 200-201). И вот ради этого «злополучного мира» бесчисленное множество раз он с огромным трудом и зачастую с неприязненным чувством брал на себя роль посредника, ходатая и пособника, чтобы прийти на помощь какому-либо нуждающемуся человеку, почти совершенно при этом не заботясь о своих личных проблемах – настолько, что абсолютное большинство его современников практически не знало и не догадывалось, через какие лишения и страдания, через какие бытовые неурядицы и испытания, причём молча и стоически, приходилось проходить поэту и его большой многодетной семье. И только самому близкому его окружению было известно, что самый известный и самый народный армянский поэт практически не вылезал из долгов. Весной того же 1914 г., когда писателю удаётся заключить с Издательским обществом договор на перевод сказок братьев Гримм и получить аванс, он наконец-то покупает телефон, чтобы поменьше отлучаться из дому по нескончаемым делам и уделять больше времени литературному творчеству. Однако это ему так и не удаётся. «Как только я взялся за работу, через день-другой вижу, мои заимодавцы с билетами и векселями (недостатка в которых не было) посыпались на мою голову, словно град» (10, 202). То, что Издательское общество обязывалось выплатить поэту за переводы сказок, было воспринято общественностью как уже фактически выплаченная сумма, и заимодавцы поспешили потребовать вернуть свои долги. Если обращавшиеся к Туманяну просители рассказывали о своём бедственном материальном положении со слёзными и душещипательными деталями и подробностями, то сам поэт, вечно окружённый многочисленными заимодавцами, говорил о своих финансовых проблемах со светлым юмором. Своим заимодавцам, «сыпавшимся на голову, подобно граду», 22-го апреля 1914 г. он говорит: «Люди, да ведь вы же были такими приличными и спокойными, что с вами произошло, что всё это означает?.. И вот до сегодняшнего дня мне так и не удавалось поставить моих заимодавцев на

¹ Там же.

² Там же.

место – после того, как однажды растревожил их. А что до других разных больших и малых передраг, то их в моей жизни было более чем достаточно» (10, 203).

Между тем, среди бесконечного множества просителей, сопровождавших Туманяна на протяжении всей его сознательной жизни, всегда было достаточно много недовольных, поскольку поэт даже физически не мог осуществлять, реализовывать каждое желание каждого заявителя. Находились и такие, которые клеветали, злословили, когда то или иное ходатайство, пособничество писателя не увенчивалось успехом. «Не говорю уже о злословии и злопыхательстве этого мира, для чего эпохи и обстоятельства создали столько всяких удобств» (10, 201).

Разумется, далеко не все обращавшиеся к поэту за денежным пособием, за иного рода содействием просители оказывались неблагодарными и вечно недовольными. Очень и очень многие литературные труженики обращались к писателю со словами большой и искренней благодарности. Многие из просителей воспринимали Туманяна как «отца» в самом широком смысле этого слова. Так, когда работавший в Дербенте школьный учитель А. Айрапетян обратился к правлению Кавказского общества армянских писателей с просьбой назначить ему денежное пособие и получил отказ, то он обратился с письмом из Кутаиси от 7-го июня 1914 г. к Туманяну и, рассказав о своей крайней нужде, попросил писателя, чтобы тот из своих личных средств одолжил ему немного денег. «Преимущественно болезнь моих детей и жены истощили все мои средства и теперь... у меня ничего не осталось, даже для того, чтобы купить кусок чёрствого хлеба. Поэтому снова обращаюсь к Вам и прошу, чтобы Вы дали мне займы из ваших личных средств шестьдесят рублей. Господин Туманян, мне не к кому обратиться, Вы – моя единственная надежда, и я вполне уверен, что Вы не откажете мне, а в случае отказа даже не знаю, что я буду делать... прошу переслать деньги как можно скорее, хотя бы до 15-го числа этого месяца... Снова прошу не отказать мне»¹.

Некий 17-летний юноша по имени Карапет Дарбинян ищет встречу с Ов. Туманяном, чтобы с его помощью избежать службы в армии. В своей записке поэту от 11-го сентября 1914 г. он слёзно и надрывно просит его назначить ему встречу, чтобы решить этот вопрос. В записке читаем: «Если Вы хотите и чувствуете, что должны освободить от гибели, не дать быть растоптанным на дороге обязанности, под железными и смертоносными шагами обязанности 17-летнему армянскому студенту, тогда прошу дать мне возможность увидеться с Вами»².

Карапет Дарбинян был одним из очень многих не знакомых поэту юношей, по мнению которых Туманян мог освободить от воинской обязанности, и это в условиях начавшейся кровопролитной и жестокой

¹ Там же, д. 1485(369 доп.).

² Там же, д. 1122.

мировой войны... И несмотря на то, что решение этого вопроса было Туманяну не под силу при всём его желании, к нему продолжали обращаться снова и снова, ставя поэта в очень неловкое, затруднительное положение, возлагая на его хрупкие плечи тяжёлую моральную ношу.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. ПОЛЕМИКА С АМБАРЦУМОМ АРАКЕЛЯНОМ

«Да, среди драм нет более ужасающих, чем драмы великих души» (7, 150).

Ованес Туманян

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛЕМИКИ

В преддверии Первой мировой войны Туманян во имя защиты руководимого им Кавказского общества армянских писателей втянулся в публичную полемику с редактором газеты «Мшак» Амбарцумом Аракеляном. Однако до этого развернулась другая, столь же оживлённая полемика, в результате которой Туманян обрёл заклятого личного врага в лице А. Аракеляна.

Общеизвестно, что Ованес Туманян, будучи самым энергичным организатором и руководителем литературной жизни эпохи, очень часто вступал в разные дискуссии во имя защиты авторских прав армянских писателей¹, выступал против издательских обществ, в частности, против своеволия и произвола составителей учебников. Он выступал с полемическими статьями по проблемам развития армянского литературного языка, способов и дозволенной меры использования лексических заимствований, особенностей развития восточноармянского и западноармянского языка и другим проблемам². У поэта всегда было более чем достаточно оппонентов, которые попросту не могли смириться с мыслью, что Туманян превосходит их по своему поэтическому дарованию, по уму, по пониманию литературы и, что тоже вовсе не маловажно, по очень многим своим человеческим качествам. В этом отношении примечательна полемика и борьба поэта против Рубена Дрампяна³, Мушега Багратуни,

¹ Подробнее об этом см.: Сусанна Ованесян, «История жизни и творчества Ованеса Туманяна (1900-1912)», Ер., 2012, стр. 493-500 (на арм. яз.). В дальнейшем при ссылках на данное издание указываются фамилия автора и страница монографии.

² См. История полемики Туманяна с Мегрянном в 1910 г., С. Ованесян, стр. 486-491.

³ См. статьи Р. Дрампяна «Литературные авторитеты - плагиаторы», «Моё последнее слово Ованесу Туманяну». «Мшак», 1909, N 162, 28 июля; N 187, 27 августа; N 189, 29 августа.

Мкртича Потуряна¹, Симона Гамаяна², Тер-Езника, Александра Калантара, Ника Тер-Гевондяна, учителя приходской школы в Нор-Нахиджеване (Ростове-на-Дону) Аветиса Тер-Арутюняна³ и других, и в особенности, против Амбарцума Аракеляна. Многие из оппонентов объявляли Туманяна «плагиатором», «символом застоя нашей интеллектуальной жизни и прогресса», «разрушительной чумой нашей национальной деятельности», писателем, сказки которого «являются грязью нашей жизни».

Идейные противники ложью и подтасовкой понятий, партийной тенденциозностью, не столько инакомыслием, сколько неприкрытой злобой и завистью отрицали очевидные факты. Многие из них, как отмечает П.Севак, пытались «превратить в логово безнадёжной отсталости и уродливого консерватизма классический дворец Туманяна... Им, вероятно, мешала классичность Туманяна»⁴. Между тем поэт блестяще владел мастерством, умением убеждать читателя языком красноречивых аргументов, умением доказывать правильность своей концепции и жизненной позиции. В ответных статьях Туманяна своим оппонентам, которые составляют весомую часть его публицистического наследия, создавался художественный образ, тип невежественного и ограниченного, перевирающего факты амбициозного критика, публициста, попросту злонравного и завистливого человека, для которого характерны малодушие и озлоблённость ущемлённой, ущербной личности, воинственной, агрессивной невежественности, литературной и художественно-эстетической безвкусицы. Люди были разные, однако их собирательная, обобщённая сущность была одной и той же.

Характерной чертой Туманяна – человека и публициста – было включение в борьбу за свои убеждения и принципы. Он брал под свою защиту других людей, подчас жертвуя при этом своими интересами, расплачиваясь своим здоровьем и даже жизнью. Принципиальность и прямодушность постоянно вредили ему, и не только в нравственном отношении. Так было, когда он взялся отстаивать права Ширванзаде. Тогда поэту были нанесены личные оскорбления, было попрано его человеческое достоинство, и он отказался от того гонорара, который мог бы получить, если бы не стал вступаться за Ширванзаде и отстаивать его права⁵. Точно так же, за-

¹ Потурян, Мкртич Епремович (1881-1959) – арменовед, публицист, писатель.

² См. «Овит», 1913, №16, 28 апреля, стр. 252-253; № 22, 9 июня, стр. 345.

³ По мнению Ав. Тер-Арутюняна, подлинной причиной незнания армянского языка приходскими учителями является творчество Ованеса Туманяна, в частности, тот факт, что поэт осмеливался также заниматься художественной публицистикой. См. еженедельник «Луйс», Нор Нахиджеван, 1910, №24, стр. 3.

⁴ П. Севак, Собр. Соч. в 6-и тт., т. 5, Ер., 197..., стр. 360 (на арм. яз.).

⁵ Ради защиты авторитета Ширванзаде Туманян добровольно отказался от заказов Издательского общества, в одностороннем порядке аннулировав договор за номером 900, который на определённое время мог бы обеспечить жизненные запросы писателя. Туманян вернул деньги, полученные от Издательского общества в качестве аванса, сказав: «Я могу быть связан с Обществом только чувствами, а не издательскими заказами,

щищая честь Кавказского общества армянских писателей, он в одиночестве вступил в борьбу с А.Аракеляном, потерял очень много своего столь ценного времени и подорвал своё здоровье.

Первая публичная полемика Ованеса Туманяна с Амбарцумом Аракеляном, приведшая к судебному разбирательству, произошла в 1910–1911 гг., сразу же после смерти армянского католикоса Маттеоса Измирляна (11-е декабря 1910 г.), и напрямую была связана с выборами нового предводителя Армянской Апостольской Церкви¹.

Туманяну всегда удавалось формировать общественное мнение в отношении любого явления, руководствуясь собственными убеждениями; удалось ему это и в связи с новыми выборами патриарха и выясненнем причин безвременной кончины католикоса. Объяснялось это и великолепным владением Туманяном искусством слова, и тем, что истина всегда была на его стороне. Не менее важным представляется нам и психологический фактор: непререкаемый авторитет писателя. Именно это последнее обстоятельство не давало покоя большинству оппонентов поэта, и в их числе А. Аракеляну. Последний не брезговал никакими средствами, не останавливаясь ни перед чем, и даже использовал против Туманяна политическое оружие².

В то время, когда царские власти начали осуществлять политические преследования на Кавказе, когда было начато и находилось в стадии следствия «Дашнакское дело», по которому обвинялось более ста представителей армянской интеллигенции; когда большая часть этих людей уже по нескольку раз оказывалась в тюрьме и обвинялась в антигосударственной и революционной деятельности, совершенно неожиданно к карательной машине царского режима присоединились некоторые армян-

а когда чувства перестают фигурировать, между нами не может быть каких-либо отношений» (6, 92).

¹ Редактора «Мшака» А.Аракеляна разгневало выступление Ов.Туманяна, в котором подвергались критике и осуждению некоторые духовные деятели Эчмиадзина. Согласно распространившимся слухам, эти деятели отравляли последние годы жизни католикоса и ускорили его смерть. Аракелян во время начавшейся предвыборной борьбы провозгласил Туманяна «приверженцем Суреняна». На самом же деле у поэта вообще не было предпочтительного кандидата на должность патриарха, он просто предлагал создать равные условия для всех претендентов и выступал с требованием провести честные и справедливые выборы, которые важны во все времена и исходят из жизненных интересов народа.

² А.Аракелян был прекрасно осведомлён о так называемом «Дашнакском деле», и в качестве редактора «Мшака» время от времени освещал ход следствия на страницах газеты. Полемизируя с поэтом вокруг вопроса избрания нового духовного предводителя, он ни с того ни с сего решил напомнить властям о том, что его оппонент является «неблагонадёжным гражданином» и находится на свободе условно. Такое «напоминание» было своеобразным сигналом для царской охранной службы не выпускать поэта из поля зрения, и одновременно было ударом в спину в отношении своего идейного противника. «Но у вас есть один грязный конёк, на которого вы очень любите садиться и ездить туда и сюда. Это дашнакское дело, - пишет Туманян. - Это дело, господин, - уже находится в суде. Кто будет осуждён, кто будет оправдан, покажет будущее. Но какое отношение имеет это к делу епископа Карапета и к вашим лживым измышлениям?» (6, стр. 285).

ские периодические органы, указывая конкретных «революционеров» - Туманяна, Лео, весь редакционный состав «Орizona».

В любой дискуссии Туманян придавал большое значение не столько предмету спора, доводам за и против, и даже не столько тому, на чьей стороне справедливость, сколько человеческому облику и применяемым методам ведущих дискуссии. Если одна из сторон прибегает к бесчестным средствам для достижения победы, то она, по убеждению поэта, «ниспровергает и сокрушает» не противника, а «веру в людей, веру в человека и в честное слово человека» (6, 346).

Туманян видел, что желчность и озлобленность внутреннего врага бодрствует. Внутренний враг «спешил на помощь» внешнему врагу, лил воду на его мельницу. Самовольные предатели в большинстве своём были довольно известные, игравшие заметную роль в общественной жизни деятели, журналисты, которые время от времени пытались оставаться анонимными, без конца меняли свои псевдонимы, поскольку чувствовали и понимали, что их деяния достойны осуждения. Но у них, тем не менее, были конкретные имена – Амбарцум Аракелян, Саркис Черкезян (Катон), Гарегин Енгибарян, А.Кишмишян («Бывший цензор»), А. Саруханян, Асатур Ерицян, все ответственные работники периодических изданий «Овит», «Сурхандак», «Мшак». Это с их ведением и попустительством, при их непосредственном содействии публиковались все те корреспонденции, которые лучше любого «тайного агента» выполняли добровольно взятые на себя обязательства шпионов и соглядатаев царского охранного отделения¹.

26-го декабря 1910 г. А.Аракелян пишет корреспонденцию «По поводу смерти католикоса»², на которую Туманян откликается статьёй «Амбарцум Аракелян и последние события Эчмиадзина».

А.Аракелян предвзято и тенденциозно представлял обстоятельства смерти Измирляна и депутатские собрания, на которых присутствовал и Туманян. Поэт публично выявляет ложь и фальсификацию А.Аракеяна и его единомышленников.

Многие из современников Туманяна избегали конфликта с редактором «Мшака» и советовали Туманяну также не идти с ним на конфронтацию, мотивируя это тем, что «он ещё хуже станет ругаться, ещё сильнее станет клеветать... скажет ещё большую ложь» (6, 273, 274). Примечательно, что в своё время такой же совет дал сам поэт, обращаясь к Лео, который ответил ему следующим образом: «Не согласен с твоим мнением относительно А.Аракеяна. Вечно молчать невозможно. Молчание поощряет преступных людей... И позволить им, чтобы безнаказанно совершалось кощунство?.. А для чего тогда мы существуем? Ты, конечно,

¹ См. «Мшак», 1910, N 291, 29 декабря; «Овит», Тифлис, 1911, N 4, «Сурхандак», Тифлис, 1911, N 415, 16 октября.

² «Мшак», Тифлис, 1910, N 289, 26 декабря (на арм. яз.).

скажешь, что таким образом не заткнёшь рот наглости. Но какому человеческому гению удавалось заткнуть рот наглости? И при всём при этом необходимо говорить, обличать»¹. Несколько месяцев спустя Туманян и сам пришёл к этому выводу и включился в полемику.

Лживые измышления «печально известного», по определению Туманяна, «общенационального лжеца» Амбарцума Аракеляна, сами по себе, возможно, и не столь опасны, сколь опасно общество, безропотно терпящее, примирившееся со всей этой ложью и фальсификацией, с людьми, подобными Аракеляну. «Человек невольно задаёт самому себе вопрос, - пишет Ов. Туманян, - почему и каким образом живёт в нас этот омерзительный тип. Имеет ли он право на существование в нашей жизни? И приходим к тому печальному заключению, что да, имеет право, - это порождённый из скверны нашей жизни родной ребёнок, и общество, на протяжении многих лет будучи осведомлённым обо всех лживых измышлениях, фальсификациях, о злопыхательских и клеветнических заявлениях, не только по-прежнему выносит его, но и воспроизводит новых подобных ему людей» (8, 499).

Туманян в статье «А.Аракелян и последние события Эчмиадзина» в конце 1910 г. (28, 29, 31 декабря) характеризует редактора «Мшака» как «несимпатичную душу», которая хочет напугать и с помощью устрашения заставить замолчать своих противников. Туманян был одним из немногих, которые не «устрашились», и он не замолчал, продолжал смело отвечать на все выпады и инсинуации оппонента, однако делал это вовсе не для того, чтобы переубедить А.Аракеляна. Он знал, что это невозможно, но всё равно отвечал, чтобы формировать в обществе неприятие и негативное отношение к любым проявлениям лжи и фальсификации. «Я забываю и думаю, как это возможно, чтобы человек встал и извратил произошедшие на глазах множества людей события и слова, чтобы лгал, мошенничал и возвращал этим же самым людям: возьмите, мол, читайте... Это искажение, уродование, деградация человеческого облика»(6, 274). Поэт мог бы не отвечать Аракеляну с такой страстностью и эмоциональностью, если бы не был серьёзно обеспокоен ставшими обыденными в условиях выборов нового католикоса многочисленными фактами и явлениями подтасовок, клеветничества и фальсификации. Как уже было сказано, Туманян занимал нейтральную позицию в этом вопросе, и его возмущала неприкрытая тенденциозность и предвзятость публикуемых в периодике материалов. «И это явление ужасающее. Он (А.Аракелян – С.О.)... ещё долго может лгать, клеветать и ругаться»(8, стр. 499).

Ответ А.Аракеляна не заставил себя долго ждать. В периодике пока была опубликована только первая часть статьи Туманяна, когда Аракелян, не дождавшись её продолжения, выступил в «Мшаке» с ответной статьёй,

¹ См. письмо Лео Туманяну от 24-го июля 1911 г., МЛИ, ф. Туманяна, д. 704.

озаглавленной «Письмо в редакцию»¹. Хотя Аракелян и был известен своим ораторским мастерством, однако в полемике с Туманяном он всегда терял равновесие. Не будучи в состоянии выдержать натиск острого пера поэта, а также с целью ввести в заблуждение общественное мнение, он в публичном выступлении требует передать зародившийся между ним и Туманяном спор третейскому суду и со своей стороны предлагает в качестве судей Ованеса Спендиаряна, Аветика Езекяна и Арутюна Гаспаряна². На следующий день, 30-го декабря 1910 г., Ов.Туманян, приняв вызов, с большим достоинством своим острым и метким словом просто уничтожая противника, пишет: «Принимаю любой суд, какой хотите. Вы сказали своё слово, а я скажу своё, и пусть рассудят. Пусть будет суд, вы идите сами, лично, а я, если вам угодно, пошлю только свою шапку: этого будет вполне достаточно, чтобы показать, что вы – лжец и фальсификатор...

Вы беспрестанно высмеиваете достоинство человеческой личности, постоянно обманывая и мошенничая. Вы уронили честь и достоинство печатного слова...

Повторяю, принимаю арбитражный суд в составе тех самых людей, которых вы назвали. Давайте! А пока дело дойдёт до арбитражного суда, вы должны выслушать истину...

Истина – вот ваша смерть»(6, 284, 285).

Судебное заседание должно было состояться 12-го января 1911 г., однако поэт отсутствовал из-за того, что не был оповещён.

В тот же самый день, 12-го января, Туманян опубликовал в «Оризоне» письмо, написанное в ультимативной форме и обращённое к редакции «Мшака». «Прерывая свои статьи против А.Аракеляна, предлагаю перейти к арбитражному суду... В Тифлисе находятся председатель Эчмиадзинского парламентского собрания О.Хунунц, градоначальник Тифлиса г. Ал. Хатисян, тот же сотрудник «Мшака» доктор В.Арцруни... Пусть находящиеся в Тифлисе депутаты соберутся и увидят этот постыдный суд. Довольно превращать прессу в арену лжи. Нужно положить этому конец» (6, 288).

Три дня спустя, 15-го января, уже сам поэт, не имея больше иной альтернативы, снова требует рассмотрения спора в арбитражном суде и, в свою очередь, предлагает в качестве судей А. Амирханяна, Г. Мелик-Карагёзяна и А. Паповяна³.

Однако А. Аракелян оставляет в стороне своё же требование о созыве арбитражного суда, ясно осознавая, что это ни к какому поло-

¹ См. «Мшак», 1910, N 291, 29 декабря.

² См. статью А.Аракеляна «Мой последний ответ», «Мшак», 1911, N7, 15 января.

³ Туманян в статье «На суд» в качестве свидетелей приглашает всех депутатов, присутствовавших на совещании в Эчмиадзине. Он призывает судей не придавать спору частный, личностный характер, а также «быть неумолимыми» в отношении виновного – «буду это я или Амбарцум Аракелян»(6, 288).

жительному для него результату не приведёт, и следовательно, суд так и не созывается. Таким образом, его «вызов» оказывается всего лишь дешёвым шантажом, блефом, пустым бряцанием оружием. Это было всего лишь средство устрашения противника, с помощью которого он рассчитывал заставить его замолчать, ретироваться.

Таким образом, до известного судебного процесса 1912 г. Ов.Туманян обретает личного врага в лице редактора газеты «Мшак» Амбарцума Аракеляна. Должно пройти ещё много лет, пока А.Аракелян придёт к поэту с покаянием, признанием своей вины, и попросит у него прощения для успокоения своей совести. До этого между ними происходили ожесточённые схватки, и каждая из них была упорной, принципиальной и бескомпромиссной с обеих сторон.

НОВАЯ ПОЛЕМИКА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

И вот три года спустя неприятная во всех отношениях история обращения в арбитражный суд снова повторяется. Вражда между идейными противниками выходит на новую орбиту. Поводом для нового недовольства А.Аракеляна послужил литературный вечер на тему «Полемика в печати», организованный Кавказским обществом армянских писателей 2-го января 1914 г.¹ Музыкально-художественная часть вечера было организована с особенной тщательностью, и число учащих в зрительном зале было значительно больше, чем обычно. Объяснялось это школьными каникулами и рождественскими праздниками. И этого обстоятельства оказалось вполне достаточно, чтобы Амбарцум Аракелян 4-го января в своём отклике назвал руководителей Общества и организаторов вечера «партийной группировкой» и беспартийно заявил: «Вы развращаете юное поколение»². Аракелян выражал убеждение, что «незрелые и невежественные», «недоучившиеся» юноши и девушки никак не могут понять и усвоить лекции Лео о Григоре Арцруни, Хачатуре Абовяне, не говоря уже о лекциях, посвящённых культуре полемики в печати и различных других литературных мероприятиях, организуемых и проводившихся под руководством Ов.Туманяна.

Сразу же после публичной нападки А.Аракеляна, подписавшего свой пасквиль псевдонимом «Новоявленный писатель» и назвавшего всё руководство Общества писателей и лично Ов.Туманяна растлителями нового поколения, поэт написал большую ответную статью под названием «А.Аракелян на страже нравственности юного поколения» и опубликовал её 12-го января. В ней поэт приводит множество примеров неуважитель-

¹ Репортаж о вечере см. «Оризон», 1914, 8-го января, №4. О подробностях вечера см. С.Ованесян, «Туманян и Кавказское общество армянских писателей», Ер., 2007, стр. 85 (на арм. яз.).

² «Мшак», 1914, № 2, 4 января, стр. 3; № 6, 11 января, стр. 1 (на арм. яз.).

ного отношения к Обществу писателей со стороны «Мишака». Туманяна особенно возмутило то, что автор пасквиля, осуждающего и дискредитирующего большую и влиятельную общественную организацию, прикрылся псевдонимом, выступил фактически анонимно, попытался остаться незамеченным, спрятавшись в тени. «Прежде всего вы замечаете, что здесь нет человека, с открытым забралом, честного и смелого, который хотя бы показал своё лицо... Это хорошо знакомый нам доносчик, но только в другой области, в публицистике, который делает свой донос обществу... Это очень омерзительный тип, который может возникать только в очень плохой среде и низкого уровня периодической печати... это всего лишь злопахатель, и больше ничего...

Это тщедушные, мелкие человечки, полностью состоящие из желчи и ничтожных страстей. И вот его апофеоз – некий А.Аракелян. О чём бы он ни говорил, всё и всегда сводится у него к злобе и задним мыслям. И он никогда не высказывает того, о чём говорит, а всегда что-то другое...

Наконец, и сегодня, если он завёл разговор о нравственности юного поколения, то его заботит вовсе не проблема нравственности и безнравственности юного поколения, и не думайте, что он того мнения, что литературные вечера якобы могут развращать их...

Если бы он придерживался такого мнения, то он бы протестовал по поводу то и дело организуемых лекций в Тифлисе, которые посещают ученики.

В Тифлисе на одном из вечеров Общества армянских писателей была прочитана лекция о санинизме¹ и половых проблемах, под председательством этого самого А.Аракеляна, зал был битком набит стоявшими и созерцавшими учениками-ученицами, и он вышел и с упоением описал всё это...

И разве можно представить ещё большего развратителя юношества, чем этот человек, со своей якобы публицистикой, чем эта периодическая печать с подобными публицистами, которая действительно развращает и юное поколение, и старое поколение» (7, 121-122).

Несмотря на свою суровость и жёсткость, это выступление Туманяна было вполне уместным, смелым, и не выходило за рамки литературно-журналистской этики. Что касается его оппонента, А. Аракеляна, то он в своём ответном выступлении потерял чувство меры, напрочь забыл

¹ По имени главного персонажа романа М. Арцыбашева «Санин». В начале минувшего века развилось движение, основанное на использовании секса в качестве психологической разгрузки. В своей книге «Наука жить», изданной в Киеве в 1997 г., Альфред Адлер пишет: «После русско-японской войны и перипетий первой революции в России, когда люди потеряли надежду и уверенность, зародилось большое сексуальное движение, называемое "саннизм", в которое вовлекались как взрослые, так и подростки. Характерно, что именно во времена революций и войн, когда царит настроение бессмысленности жизни, сексуальности придается чрезмерное значение».

об им же самым декларированном общественном значении «принципиального» вопроса полового воспитания учащейся молодёжи, проигнорировал и пренебрёг решением правления Общества писателей об организации и проведении специальных ученических литературных вечеров и пошёл по пути компрометирования и дискредитации личности Туманяна. Его клеветнические измышления и инсинуации изложены в опубликованной в газете «Мшак» от 18 января 1914 г. статье «И Ов.Туманян говорит о нравственности». Автор пишет: «Туманян думает, что, придав проблеме шутовской характер (вероятно, потому, что он в своей жизни всегда являлся шутком и скоморохом), или говоря, что не следует верить словам А.Аракеляна, тем самым закроем проблему.

Но самое забавное то, что Ов.Туманян говорит... знаете, о чём? О нравственности». Автор угрожает поэту достать из пропылённых архивных ящиков такие обнажённые и убедительные факты, которые наглядно покажут грядущим поколениям, что «к стыду армянства, некогда жил какой-то поэт, который был нравственным чудовищем... И пусть он не осмеливается говорить о нравственности, а продолжает вести свой паразитический образ жизни в домах армянских богачей и пресмыкаться перед ними»¹. Аракелян пытается уверить читателей, что Туманян не имеет права говорить о нравственности или давать кому-либо советы, поскольку он является человеком, который « всю свою жизнь был паразитом, тунсядцем, сидящим на шее армянского общества, который всю свою жизнь являлся почитателем и провозвестником мракобесия, обскурантизма, фальсификатором по самой своей сути, потому что его дела и слова никогда не соответствовали друг другу; это человек, который лживым образом пел о своей любви к армянскому крестьянину, однако позволил самым безжалостным образом обобрать родного брата, эксплуатировать этого крестьянина, и он сам тоже пользовался плодами этой эксплуатации»².

На страницах того же номера газеты «Мшак» её редактор организывает публикацию статьи Вардана Тер-Григоряна «Задыхаемся от бесправия», в которой компрометируется брат поэта Ростом Туманян, являвшийся управляющим нескольких сёл, находившихся в ведении монастыря. Как пишет автор статьи, с назначением Ростомом «вдруг изменилась форма выплат податей»³. Однако совершенно очевидно, что изменение формы выплат податей выходило за рамки полномочий армянского чиновника столь невысокого уровня, но при этом Аракелян обвиняет Ростомом как личность, наделённую большими полномочиями, от которой зависело ответственное дело эксплуатации крестьян посредством непосильных податей. Автор пасквиля утверждал, что Ростом Туманян вместе

¹ См. «Мшак», 1914, N11, 18-е января, стр. 3 (на арм. яз.).

² Там же.

³ Там же, стр. 3-4.

со своими братьями якобы эксплуатировал односельчан, что он осмеливался открыто ухаживать за Ханум Аракелян-Покарян из села Марц и даже сделал её мужу непристойное предложение, получил от него отказ и из чувства личной мести оштрафовал его за то, что тот якобы пас скотину в лесах села Кариндж. Статья завершалась обращением к армянскому народу: «Обращаем внимание армянской общественности и требуем отчёта от Туманянов, куда идут эти огромные суммы, получаемые от поместий, принадлежащих всей нашей нации»¹. Трудно сказать, была ли в статье хотя бы самая малая толика правды. Действительность заключалась в том, что Ростом Туманян в качестве управляющего принадлежавшими монастырю лорийских селений Марц, Шамут, Атан и Кариндж находился в конфликтах с крестьянами из-за того, что взимал ежегодные подати не продовольствием, а деньгами. Такая форма взимания податей была введена, по всей вероятности, по распоряжению духовного руководства Эчмиадзина. Воспользовавшись случаем, противники Ов.Туманяна и, в частности, А.Аракелян публикуют от имени крестьян письма в редакцию, в результате чего некоторые из них, в том числе Вардан Тер-Григорян, оказываются в большой переделке и подвергаются очень серьёзным наказаниям². С целью проверки фактов, приведённых в газете «Мшак» и обвинявших Ростома Туманяна, были назначены две проверки (7, 431), одну из которых поддерживал начальник провинции Борчалу по приказу губернатора Тифлиса. В результате проверки комиссия выявила противозаконные действия, чинимые старостой Дсеха, приходским священником Лорута и лично Варданом Тер-Григоряном. Последний вместе со священником Лорута по приказу правительства подвергаются ссылке за различные махинации, и неприятности у них начинаются из-за предпринятых ими несправедливых нападков на Ростома Туманяна, подложных писем и подписей и т.д.³.

Конечно, А.Аракелян прекрасно понимал, что Ростом Туманян был слишком мелкой сошкой, чтобы самовольно менять или увеличивать размеры выплачиваемых податей, тем более, в самый канун Первой мировой войны, когда царская Россия особенно нуждалась в увеличении денежных средств на содержание армии. Этого мог не понимать житель села Хач Вардан Тер-Григорян, но никак не редактор газеты «Мшак». То, что во все времена взимание податей не доставляло никакого удовольствия налогоплательщикам, самоочевидно и не нуждается в доказательствах и разъяснениях. Как бы то ни было, нашей целью не является обвинение или реабилитация Ростома, тем более, что не сохранилось ни одного документального свидетельства, касающегося его личной жизни, кроме пересудов и кривотолков, общих оценочных заявлений за или против.

¹ Там же, стр. 4.

² См. «Мшак», 1914, N11, 46, 52, 61, 63, 66, 70 за 18 января, 2, 9, 20, 22, 27 марта, 1 апреля (на арм. яз.).

³ См. «Оризон», 1914, N229, 16-е октября.

Однако нетрудно с большой степенью уверенности предположить, что, организовав и заказав выступление в печати Вардана Тер-Григоряна, Амбарцум Аракелян не мог не сознавать, что положительные или отрицательные отзывы крестьян о Ростоме не имеют никакого, даже самого отдалённого отношения к вопросу о числе учащихся на литературных вечерах Общества писателей, или к тому, что, организовывая обсуждение творчества того или иного армянского писателя, Ов. Туманян тем самым «развращает юное поколение». По убеждению писателя, задачей А. Аракеляна и ему подобных является достижение своих целей – любимыми средствами и возможностями, всеми правдами и неправдами (7, 430). При этом Аракелян начинает наступление не только на Ованеса Туманяна, но и на весь его род, в частности, на братьев писателя Ростома и Ваана Туманянов.

22-го января 1914 г. передовая статья в «Оризоне» квалифицировала подобное поведение А. Аракеляна как следствие «отсутствия армянской общественной совести» и как следствие «безразличия армянского общества». На следующий день Аракелян написал новую ответную статью под названием «Фарисейство и демагогический призыв «Оризона»». Автор требовал уважительного отношения к себе и считал, что «Оризон» обязан запретить публикацию статей Туманяна на своих страницах – «в знак уважения к печатному слову», что газета обязана считаться с его сорокалетней публицистической деятельностью, что он всего лишь показал «омерзительный образ Ов. Туманяна», что он всего лишь «по достоинству» ответил Туманяну как «клеветнику, злопыхателю и нравственному чудовищу, как человеку, который стремится наделить своими качествами другого» и так далее¹.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ТЕЛЕГРАММЫ

В защиту личности и авторитета Ов. Туманяна выступили как руководители Общества писателей, так и вся литературная общественность Тифлиса, передовая периодическая печать². 26-го января в «Оризоне» была опубликована телеграмма из Баку за подписями Ваана Терьяна, Цолака Ханзадяна и Пogosа Макинцяна, которая получила очень большой общественный резонанс. В телеграмме, в частности, говорилось: «Неверно утверждение, что общество осталось безразличным к неслыханным оскорблениям, нанесённым большому писателю армянской страны. Телеграммы поддержки в нашей среде не выражают общественного мнения. Самым лучшим протестом является молчание. Да будет известно, что

¹ Там же, N15, 23-го января, стр. 3.

² См. «Оризон», N13, 19-го января, «Мшак», 1914, N36, 19-го февраля. См. также МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N43/2, 43/9.

армянский народ на веки вечные будет признателен Ованесу Туманяну. Никакое злопыхательство не сможет затмить красное солнце нашей литературы: оно будет сверкать, пока жив наш народ, да и после его смерти также, как поэт ацтеков Тецкойотл, который живёт и в наши дни, хотя его народ давно уже истреблён. Таким вот образом время высмеет презренного Терсита нашей печати»¹.

На эту телеграмму А.Аракелян отзывается статьёй «Прискорбный образчик из «жизни писателей»», в которой обвиняет «не имеющих никакого представления о нравственности» Макинцяна и Ханзадяна во лжи, мошенничестве и фальсификации². Он призывает Общество писателей оказать воздействие на своих членов и выражает убеждение, что своим «недостойным поведением» Ханзадян и Макинцян «похоронили сами себя». Его особенно возмутило наличие подписи Терьяна под телеграммой, что действительно было недоразумением, поскольку поэт находился в это время в Петербурге, тогда как телеграмма была послана из Баку. Кроме того, в те же самые дни Ваан Терьян пошёл навстречу А.Аракеляну и в письме Сурхатяну от 12-го января дал своё согласие на сотрудничество с «Мшаком». Аракелян пишет: «Даже если мы будем считать Ов. Туманяна незначительным поэтом, разве можно из-за этого порицать и осуждать нас? Однако больше всего меня в этот момент огорчила подпись Терьяна»³. Сурхатян по просьбе Аракеляна обращается телеграммой к Терьяну и 28-го января получает от поэта ответ следующего содержания: «Я не писал никакой статьи. Безусловно, произошло какое-то недоразумение. Постараюсь выяснить»⁴. На самом же деле Ханзадян и Макинцян до того, как поставить под телеграммой подпись Терьяна, послали в Петербург другую телеграмму и известили об этом поэта. Однако объяснить сложившуюся ситуацию в телеграмме было не так-то просто, и Терьяну не было до конца понятно, что именно предлагают ему друзья. И только впоследствии, после шумихи, поднятой Аракеляном, Терьян узнаёт в подробностях о произошедшем, знакомится с пасквилями редактора «Мшака» и незамедлительно, уже 29-го января, посылает в редакцию газеты «Оризон» телеграмму следующего содержания: «Вовсе не симпатизируя «Оризону», отрицательно относясь к общей направленности этой газеты, предпочитая газету «Мшак», которой дал согласие о сотрудничестве, тем не менее, только сегодня ознакомившись со статьями, направленными против Туманяна, искренне огорчён. Не могу сдерживать свой гнев и не протестовать против подобных шагов, которые совершенно недопустимы с точки зрения литературной этики.

Вполне понимая своих товарищей – Макинцяна и Ханзадяна, которые прикрепили мою подпись к своему протесту, полностью оправдывая

¹ «Оризон», 1914, N19, 26-го января.

² «Мшак», 1914, N21, 30-е января, стр. 1-2.

³ Там же.

⁴ Там же.

их, тем более, что посланная ими ещё до публикации протеста телеграмма осталась для меня не совсем понятной – по причине неосведомлённости о сущности вопроса, я выражаю своё самое глубокое благорасположение высокоочтимому поэту Туманяну.

Вопрос о сотрудничестве с «Мшаком» отпадает»¹.

Параллельно с этой телеграммой Терьян пишет также статью «Моё объяснение уважаемой редакции «Мшака»» для публикации в газете, однако А.Аракелян не печатает её². В своём «Объяснении» Терьян рассматривает проблему отсутствия культуры ведения публичной полемики в армянской действительности, подчёркивает, что каждая критика персонализируется, отмечает, что его друзья-единомышленники, взяв Туманяна под свою защиту, не преследовали при этом каких-либо партийных задач, не имели «кумовских» побудительных причин и мотивов, и отстаивает свободу печати, характеризуя свободу выражения мнений как «как священное право», однако при этом обвиняет те беспринципные периодические органы (в частности, газету «Оризон»), которые сегодня могут вознести автора до небес, опубликовать о нём панегирик (имеется в виду Ширванзаде – С.О.), а после напечатать о нём же статью в совершенно иной тональности (статья «Из-под пера графомана», подписанная псевдонимом «Чермак» («Белый») о том же Ширванзаде). Терьян в своей статье неоднократно подчёркивает, что не питает особых симпатий к партийному органу дашнаков «Оризону», обвиняет газету в недостаточной принципиальности и ответственности. Можно не сомневаться, что если бы в статье не было строк, возвеличивающих Ов.Туманяна и полностью оправдывающих поэта, то Аракелян с удовольствием опубликовал бы её, поскольку Терьян выражал в ней также своё положительное отношение к «Мшаку». Чётко демонстрируя контрастность и несходство своей позиции с позицией Аракеяна, Терьян пишет: «Теперь, когда я прямо выразил своё отношение к статье г. Аракеяна об Ов. Туманяне, мне хотелось бы сказать ещё несколько слов. Какими бы неприемлемыми мне ни представлялись статьи Аракеяна, одно остаётся несомненным – «Мшак», насколько мне известно, и в частности, г. Аракеян никогда не возвеличивали Ов.Туманяна – они всегда выражали отрицательное мнение о Туманяне. Возможно, их мнение ошибочное (я думаю, что да, ошибочное), однако люди считают так, и так и говорят. А когда «Оризон» говорит о Туманяне, что он – великий поэт, я ни на одну минуту не могу поверить газете, потому что опыт показывает, что завтра «без какой-либо причины» (или, вернее, по не известным мне причинам) тот же «Оризон» может назвать

¹ «Оризон», 1914, N23, 31-го января, стр. 4. См. также: В.Терьян, Собр. Соч., т. 4, стр. 147.

² По мнению литературоведа Геворка Эмина-Терьяна, это объяснение поэта является статьёй, однако В.Партизун опубликовал его как письмо. См. Г.Эмин-Терьян. Незвестные и неопубликованные статьи В. Терьяна, «Граканангитакан андес» («Литературоведческий вестник»), выпуск 14-ый, Ер., 2013, стр. 300 (на арм. яз.).

того же великого поэта графоманом, или дать ему какое-либо другое подобное уничижительное прозвище»¹.

Таким образом, ради Туманяна и своих убеждений Терьян в это время отказывается от сотрудничества с газетой «Мшак».

«Мшак» старался не упустить ни одного случая и повода, чтобы высказаться негативно о Туманяне и Обществе писателей. Новый такой повод не заставил себя долго ждать, и им оказалась лекция Погоса Макинцяна об Александре Цатуряне, прочитанная 16-го января. Туманян нередко сам подыскивал докладчиков и приглашал их выступить с трибуны Общества писателей за определённое денежное вознаграждение. Однако ознакомившись с не очень благоприятным мнением Макинцяна о поэзии Ал. Цатуряна, он обращается к правлению Общества и просит вынести решение коллегиально, а правление, в свою очередь, «имея в виду, что трибуна Общества армянских писателей является свободной для критики, тем более, что каждому разрешается выступить в качестве оппонента, решило пригласить г. Макинцяна выступить с лекцией»². А за критику, озвученную Макинцяном в адрес Цатуряна, первым стал обвиняться Туманян.

Вполне естественно, что беспочвенные и необоснованные нападки не могли не вызвать возмущения и гнева в армянских литературных кругах, не могли не удостоиться достойного отпора. И столь же естественно, что ответ должен был держать именно сам Туманян – и как председатель Общества писателей, и как правозащитник армянских писателей и литературы, который не только допускал, но и поощрял плюрализм, расхождение во мнениях и самые разные проявления честной, искренней и смелой критики на литературных вечерах общества. В статье «Документы» (9-го, 11-го февраля 1914 г.) писатель признаётся: «Я, исходя как из своей должности, так и, (ещё более того) из любви к Обществу писателей, вынужден был снова выйти против «Мшака» и его редактора» (7, 126). На этот раз уже наступает черёд Туманяна прислушиваться к призывам друзей и единомышленников или же игнорировать их. Многие советовали ему не спорить с Аракеляном. «Мои знакомые и незнакомые друзья по поводу последних его бранных обвинений передают мне свои ощущения и советуют не опускаться, не спорить с этим человеком. Но я, выражая им свою сердечную благодарность, не могу с ними согласиться» (7, 126).

Ованесу Туманяну было нанесено также личное оскорбление, и поэту предстояло ответить и как общественному деятелю, и как добропорядочному и уважаемому члену общества, которого оклеветали вместе со всем его родом и попытались перевести общественный спор в узкое русло межличностных отношений. «Теперь уже нам следует пойти в эту сторону, – говорит поэт. – Очень хорошо. Я на любой почве и в полной

¹ В.Терьян, Избранное, Ер., 2005, стр. 673 (на арм. яз.). См. также: МЛИ, ф. Ваана Терьяна, д. 105.

² Там же, 1914, N40, 23-е февраля, стр. 6.

готовности стою перед этим человеком и нигде не дам ему никакой поблажки» (7, 126). Туманян во всём своём праведном гневe выходит против Аракеляна – и не только по той причине, что воспринимает его как личного врага, но и, в большей степени, потому, что воспринимает его как символ падения, деградации общественных нравов, а проблему нравов, уклада жизни он характеризует как «проблему человеческой добропорядочности... как проблему души, сердца, совести»(7, 127).

Поэт пишет: «Ошибаются мои друзья, да и вообще все те, которые думают, что это проблема некоего А.Аракеляна, – отдельная, сепаратная проблема какой-то заурядной плохой личности. Нет, тысячу раз нет!

Это проблема общественных нравов.

Так же как физические болезни имеют свои особенные симптомы, признаки, так и общественные нравственные болезни имеют свои признаки, симптомы. И если при появлении какого-то едва заметного грибка или бациллы можно ужаснуться и обеспокоиться всем обществом... поскольку это угрожает нашему физическому существованию, то почему не следует беспокоиться и в том случае, когда мы подвергаемся опасности нравственного заболевания и в качестве симптома перед нами встаёт дурной человек?..

А.Аракелян является для меня симптомом наших национальных общественных нравов» (7, 127).

В очередной раз Туманян берётся за перо, чтобы бороться во имя оздоровления общественных нравов и именно по этому поводу поэт излагает свои мысли - мысли, которые никогда не потеряют своей актуальности, своего животрепещущего значения. «Человеческая нравственность является основой всех религий и законов... сами боги были и являются высшим развитием и совершенством понятия нравственности... Из хорошего и дурного нрава рождаются в жизни добро и зло – как для отдельных личностей, так и для народов и для всего мира. И горе тому народу, нравы которого деградируют. Нет ему спасения» (7, 127-128). Туманян выражает также своё понимание, толкование понятия нравственности. «В нашей среде, к сожалению, говоря о нравственности и безнравственности, имеют в виду половой аспект, не задумываясь о том, что именно здесь, в этой сфере, они имеют меньше всего прав для вмешательства, а подчас – не имеют никакого права» (7, 128). Он призывает не называть невинных влюблённых «безнравственными» и не подвергать их преследованиям, а вместо этого бороться против всех тех, кто, «меняя тысячу и один псевдоним», совершает тысячу и одну фальсификацию и подлог, то и дело насаждает ложь и провоцирует склоки и разбирательства. Он соглашается с Аракеляном, что тот не был зачинщиком их полемики, однако замечает при этом, что его оппонент всегда порочил его и злословил по поводу всего того, что он любил и что было дорого в жизни для него (7, 128). Для Туманяна были дороги и деятельность, цели и задачи Общества писателей, и его родная семья. Именно по этой причине он и не обошёл, не

игнорировал нанесённые ему личные оскорбления. Поэт пишет: «Во-первых, может случиться, что мой брат окажется совершенно невиновен... а во-вторых, представим, что мой брат сам сделал жёсткие распоряжения, допустил незаконные действия или имел какую-то историю с той или иной женщиной... Что мне делать с этим или какое отношение имеет всё это к вечерам Общества армянских писателей?» (7, 130). И чтобы разьяснить своему идейному противнику, что нельзя обвинять одного человека за преступления и деяния другого человека, что нельзя использовать в публичной полемике подобные «дешёвые и неуместные» методы (7, 430), он напоминает А.Аракеляну о ростовщической деятельности его отца в Персии, в частности, о том, что в Тебризе ходили самые разнообразные слухи, согласно которым его «зарезали и сделали с ним разные бесчестные вещи, о которых даже писать нельзя... Что может сделать его сын А.Аракелян? В лучшем случае он может горевать и очень сильно горевать, но нельзя же бранить его вместо отца» (7, 130).

Возражая своему оппоненту, Туманян по ходу изобличает некоторых публицистов и журналистов и, в частности, используемые А.Аракеляном недозволенные технологии – с целью ввести в заблуждение и представить ложь за правду и внушить доверие к этой правдоподобной лжи. «Вы только просмотрите всю армянскую периодику: несправедливое обвинение и опровержение, обвинение и опровержение – дескать, А.Аракелян говорит неправду. И знаете, как он поступает? Сперва пишет неправду. А через несколько дней пишет: «как известно...», а после этого – «как все уже знают...». Словно это уже безусловная истина» (7, 131).

Ов. Туманян без конца повторял, что проблема не в одной личности, не в одном Аракеляна, поскольку он и ему подобные распространяют, тиражируют ложь, делают её достоянием общественности и тем самым делают своё чёрное дело, ведя непосвящённого читателя по желаемому пути. «Он не одинок, это не проблема одного падшего человека, а проблема деградирующих общественных нравов. И это большая проблема.

Степень деградации ужасающая. Это страшная нравственная грязь, в которой уже невозможно продвигаться вперёд, невозможно жить, дышать, не говоря уже о том, чтобы воодушевляться и петь... Не должно быть этой грязи – вот первое требование. Как и всё на свете, так и деградация человеческих нравов должна иметь какие-то меры и пределы, иначе в скверне нравов могут утонуть все высокие и величественные замыслы и прекрасные дела, и мы навсегда останемся народом, который нельзя любить» (7, 131-132). Туманян призывает к самоочищению перед всей нацией – посредством «суровой и беспощадной» самокритики. Приводит одну за другой все козни Аракеляна, напоминает, как он боролся против организации юбилея Раффи, как он объявил Газароса Агаяна «убийцей», что стало одной из причин сердечного приступа и внезапной смерти писателя; напоминает о выступлениях Аракеляна против Симона Заваряна, а также обо всех других нравственных ударах, обидах и оскорблениях,

нанесённых Аракеляном армянским писателям и литературе, когда при поддержке и участии разных подчинённых журналистов и критиков он «усердствовал и старался втоптать в грязь их имена, которые являются самым большим богатством для всего народа: «это уже не разбой, это армянская публицистика» (7, 133).

Конечно, Туманян не был настолько наивным, чтобы думать, что своим острым пером он сумеет наконец-то остановить Аракеляна, заставит его замолчать, но, тем не менее, поэт продолжает бороться, приводит всё новые и новые доводы и аргументы, подкрепляя все свои обвинения конкретными фактами и доказательствами. «Но что может заставить Аракеляна замолчать, когда это его рот закрывался?.. Он даже писал обо мне, что я в печати призывал убить его и убийцами должны стать сотрудники «Оризона» (“Мшак”, 1911, номер 238). Что может заткнуть рот человеку, говорящему такое?” (7, 132).

В конце концов Туманян заявляет во всеулышание, что отказывается иметь какие-либо отношения с самым неприятным для себя на этот момент человеком, с самым большим личным недругом. “Пока что я публично заявляю и прошу, чтобы приглашающий на какое-нибудь мероприятие А.Аракеляна не беспокоился о том, чтобы пригласить и меня. На всех существующих в настоящее время совещаниях, где присутствует он, я прекращаю своё участие” (7, 134).

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО СУДА

Естественно, Амбарцум Аракелян не собирался отмалчиваться. Уже на следующий день, 10-го февраля 1914 г., он пишет свою ответную статью, вернее, письмо в редакцию “Оризона” - от своего имени и от имени своего брата, присяжного поверенного Аршака Аракеляна. Редакция “Оризона” отсылает письмо обратно со следующей припиской: “Редакция “Оризона” не может добровольно опубликовать на своих страницах никакой заметки за подписью А.Аракеляна”¹. Затем Аракелян обращается в комитет по цензуре, и «Оризон», насколько возможно оттягивая вопрос публикации, всё же оказывается вынужден после двухнедельной канители опубликовать этот материал на своих страницах, чтобы не нарушить 12-й пункт 114-ой статьи цензурного устава. Статья, представленная 10-го февраля, увидела свет только 26-го февраля.

Подписавшие статью двое братьев Аракелянов с гордостью отмечают, что их отец был не каким-то обычным ростовщиком, а «предводителем купечества», самолично сотрудничал с прежним царским наместником, удостоился от него награды в виде золотых часов, ордена Станислава и персидской медали Ширу-Хуршуда. Признавая, что их отец

¹ См. “Оризон”, 1914, N42, 26-го февраля.

действительно был убит, авторы письма уточняют при этом, что убили его не личные враги, а турецкие разбойники. Далее в письме говорится: «Не знаем, почему понадобилось Ов.Туманяну потревожить останки человека, который умер 34 года назад и не имел ни малейшего представления о существовании Ов. Туманяна, однако думаем, что манера письма этого поэта содержит в себе признаки клеветы, за что автор должен подвергнуться публичному осуждению... Предлагаем... Ов. Туманяну взять обратно своё клеветническое заявление и попросить прощения, в противном случае мы возбудим против Туманяна уголовное дело за клевету»¹. Естественно, Туманян не собирался просить прощения, а братьям Аракелянам предстояло обратиться в суд, чтобы претворить свои угрозы в жизнь.

В то же время в газете «Мшак» публикуются новые статьи А.Аракеляна, дискредитирующие Туманяна. И снова автор пасквилей прячется за разными псевдонимами. Вначале 13-го февраля за подписью «Форстер» публикуется статья «Поэт Ованес Туманян не является человеком народа»², затем выходит «Открытое письмо г. Ованесу Туманяну» под псевдонимом «Ибо из Ашхабада». В письме отмечается, что отец А.Аракеляна Аствацатур «был влиятельным армянином, наделённым таким исключительным качеством, которого не только лишены в настоящее время простые смертные вроде нас, но и многие из наших общественных и литературных деятелей, взявших на себя роль предводителей общества»³. Туманян обвиняется и в том, что нарушил его вечный покой, и от имени призрака покойного автор письма поучает писателя: «Не путайте личное с общим»⁴.

Туманян по свежим следам развернувшейся полемики пишет ответ и на это выступление А.Аракеляна, однако решает не публиковать его. Даже в этом случае Туманян сомневается в своей правоте, думает, что, возможно, было ошибкой упоминать слухи об отце своего оппонента, однако не считает лишним поговорить о причинах и мотивах своего решения. «Я сделал это, чтобы показать ему, что люди не ответственны за деяния своих родных, указал на всё то, что слышал и читал о его отце, добавив, что он ведь не может быть ответственным за своего отца и, следовательно, он напрасно приводит историю моего брата. Возможно, пример не очень удачен, это другое дело, однако последователен и логичен, и я ничего не выдумал от себя. И если, как говорит г. Ибо, он был хорошим человеком, то я сожалею, что о нём писали и распространяли много плохого и лживого (привычка, которую имеет его сын), и я пересказал это» (7, 136). Он снова отмечает неподобающее поведение Аракеляна, статью «Фостера» и

¹ Там же.

² «Мшак», 1914, N33, 13-го февраля.

³ Там же, N38, 21-го февраля, стр. 3-4.

⁴ Там же.

многое другое, и снова констатирует, что вынужден бороться «против злопыхательства, клеветы и лжи».

Поэт пишет ещё одну полемическую статью, под названием «Пока что», и снова не сдаёт её в печать. Уставший от бессмысленных споров с желчными посредственностями поэт в качестве эпиграфа к своей новой статье берёт слова самого любимого своего литературного героя – Гамлета: «Будь непорочна, как лед, и чиста, как снег, – не уйди тебе от напраслины»¹. Вначале Туманян выражает своё недовольство тем некогда распространённым и выступающим сегодня под словами «свобода печати» печальным явлением, когда общественное периодическое издание превращается в средство выяснения личных отношений, в средство выражения личной ненависти и враждебного настроения. И выделяет в этом отношении газету «Мшак», которая ещё со времён Арцруни проявляла, мягко говоря, недоброжелательное отношение к литературе и талантливым армянским писателям. «Да, в на страницах нашей периодики никогда не было недостатка в сугубо личном отношении авторов, в их горечи, страстях, желчи... и в руках большинства публицистов периодика была оружием преследования, клеветничества и компрометирования. В числе очень благородных преследуемых была и наша несчастная литература» (7, 428).

Туманян объяснял свои столкновения с издателями газеты «Мшак» именно любовью к литературе. И действительно, все его дискуссии с редакторами «Мшака», как правило, начинались с какого-то имевшего важное общественное значение вопроса или проблемы, в основе которой стояли интересы и права литературы или какого-либо конкретного армянского писателя, затем эти дискуссии постепенно перерастали в борьбу против явно наметившейся деградации общественных нравов в современной армянской действительности. В результате поэт приобрёл личных врагов, которые отравляли ему жизнь. Неприятие «Мшаком» Общества писателей было обусловлено, ко всему прочему, ещё и тем обстоятельством, что председателем его правления был Ованес Туманян. «Естественно, – пишет Туманян, – «Мшак» и в особенности его редактор А. Аракелян, должны были направить всё своё оружие против меня, а оружием этим является ложь, клевета и дискредитация. Старое, знакомое, ржавое оружие, а также омерзительное и грязное оружие» (7, 429). Именно из страха перед этим оружием очень многие известные общественные деятели избегали конфронтации с Аракеляном. Что касается Туманяна, то он всегда, подобно сказочным героям, вступал в борьбу с оружием своей честности и порядочности и искренне хотел верить в свою победу – если не в кратковременной борьбе, то хотя бы в обозримом будущем, чтобы предстать перед грядущими поколениями во всей своей гордой прямоте и довести до каждого свою непоколебимую правду. Именно по этому

¹ Уильям Шекспир. Трагедии. Ер., «Айастан», 1986, стр.

поводу он и сформулировал свой основополагающий принцип, которым руководствовался в жизни во время любого спора и каждого противостояния. «Для меня есть один незыблемый закон жизни – будь искренним, правдивым и добрым, вооружайся этим оружием, и после этого ты будешь непобедимым и надёжно защищённым против любого зла и злословия, потому что каждое деяние выйдет на поверхность, в каком бы углу оно ни пряталось, и у каждой дороги есть конец, и конец венчает дело» (7, 429-430).

Можно только предполагать, какими мотивами и доводами руководствовался поэт, не сдавая в печать эту свою статью, хотя потратил на неё столько времени, сил, энергии, нервов. Как поэт Туманян был наделён уравновешенным, гармоничным талантом, но он был вместе с тем и эмоциональной, раннимой личностью, в чьей душе каждая несправедливость порождала бурное извержение негодования и протеста, и он по горячим следам полемики передавал свои мысли и ощущения бумаге. Жизненная энергия поэта, направленная на преодоление психологических преград, наносимых оскорблений и обид, негативных общественных явлений, удваивалась, сознание своей правоты приводило к морально-психологической победе писателя над оппонентом. Поэт отвечал на нападки почти всегда, поскольку, как он писал, «...Меня зовут Ованес Туманян, и я буду отвечать за всё, что заверено моей подписью» (6, 446). Однако за потоком перехлёстывавших через край эмоций всегда следовал уравновешенный, сбалансированный подход, который одерживал победу над предметами и явлениями, и здесь важную, очень существенную роль играл природный дар «смотреть свысока» на всё происходящее вокруг. Он уже публично доказал свою правоту, общественное мнение и литературная среда выступили в его защиту и поддержку, а он всё ещё продолжал отвечать и противостоять нападкам А.Аракеляна. Новое возвращение к затянувшейся полемике могло сыграть на руку недостойному оппоненту, потому что только увеличило бы его значимость в собственных глазах. Сдержанность заставляла на каком-то определённом этапе противостояния публично пренебречь, ответить презрением своим оппонентам и недругам и оставить их нападки без ответа, примирившись с неизбежностью этих самых нападков.

В публицистическом наследии Ов. Туманяна очень много острых полемических статей и выступлений, и в основе его негодования и гнева, его непримиримости и нетерпимости к любому проявлению несправедливости, подлости, бесчестности лежали одни и те же мотивы, одна и та же побудительная сила. Он всегда был убеждён, что, «сколько бы крот ни рыл землю, он сыплет её на свою голову» (6, 445). Тем не менее, поэт всегда беспокоил тот тип человека, с которым он никогда не мог примириться и с которым боролся всю свою сознательную жизнь. Его возмущение и гнев предназначались и адресовались тем, кто оскорблял, обижал и порочил своих оппонентов, не имея доказательств и аргументов, не подкрепляя свои доводы фактами, никак не обосновывая их. Сам поэт

признавался: «Я очень терпим к каждому мнению, но никогда не мирюсь со злым умыслом и чёрной душой» (6, 434).

Туманян очень часто затрагивал морально-этические проблемы, потому что подлинной причиной его возмущения была озлобленность не какой-то конкретной души, а человеческой души вообще.

Общественная жизнь в Тифлисе и далеко за его пределами продолжала, между тем, бурлить в условиях непрекращавшейся жаркой полемики между Ованесом Туманяном и Амбарцумом Аракеляном.

Туманян получал письма из самых разных уголков страны, в которых авторы выражали ему свою поддержку, сообщали, что все их симпатии в этой борьбе на его стороне. Так, бывший сотрудник газеты «Мшак» Т.Тер-Григорян из Баку в своём письме от 12-го февраля 1914 г. пишет Туманяну: «С того дня, когда из «Мшака» исчезли искренность и честность, с того дня, когда газета перестала быть предводителем общественности и, наоборот, стала принаравливаться к образу мыслей и вкусам чёрной толпы, подонков общества, я перестал сотрудничать в газете. А когда её малодушные руководители с целью завуалировать свои предосудительные действия начали следовать политике дискредитации, когда они вполне осознанно стали втоптывать в грязь честь и достоинство ни в чём не повинных людей, подвергая их публичным оскорблениям, я перестал брать в руки их газету. В этом причина, что я очень поздно, из «Оризона» узнал, что имеющий самое отдалённое представление о чести и лишённый этого чувства А.Аракелян мерой своей нравственности пытается измерить и Вас. Позор и порицание ему!

Не останавливаясь на том обстоятельстве, что сражающиеся этим оружием прежде всего подтверждают всю порочность своей души, свою никчемность, беспомощность и слабость в идейной борьбе, я, тем не менее, согласен с Вами, что невыявление нравственного облика таких людей, примирение с подобными явлениями означает деградацию общественных нравов. Общество готово показать своё омерзение в отношении подобных средств и доказать, что о нравственности должны говорить не А.Аракелян и ему подобные, а та чистота, которая, словно луч в прозрачном утреннем эфире, отражается в вечно горящей, животворной, всегда ясной и всегда любящей душе поэта.

И пусть подобные черные пятна никогда не возмущают Вашу душу, которая даже в минуты гнева умеет любить и петь.

И пусть возвышенность природы и её величие, которые нашли такое высокое выражение в Вашей душе, и пусть чувства, выраженные разными людьми общества, которые доходят до Вас как в письменной, так и устной форме, будут прочным и гордым постаментом Вашей души.

Сердца каждого из нас, в особенности тех, которые не являются рабами по своему духу, которые умеют стремиться к вершинам, в глу-

бинах души которых излучается чистота и жизнь, – сердца всех этих людей с Вами»¹.

В ответ на высказанные Амбарцумом Аракеляном 30-го января 1914 г. беспочвенные обвинения и нападки в адрес П.Макинцяна и Ов.Туманяна, вослед опубликованному 23-го января заявлению В. Терьяна в защиту Туманяна П.Макинцян отправляет в редакцию «Мшака» открытое письмо, которое публикуется с большим опозданием, 19-го февраля. Отмечая в письме, что Ал.Цатурян является его давним и хорошим другом, автор добавляет: «С Ов.Туманяном я познакомился лично только после моих написанных статей, да и то много времени спустя...

Говоря об Ов. Туманяне, Вы берёте в кавычки слово «поэт». Вы говорите о поэзии Ов. Туманяна в момент столкновения с ним, не для исследования и оценки его литературных заслуг, а только лишь для дискредитации»².

Своё открытое письмо П.Макинцян завершает выражением неудовлетворенности и недовольства царящими в периодике нравами. «Я всегда протестовал против того явления, что наши газеты уделяют слишком много места сведению личных счетов и превращают периодику в семейную хронику»³.

Свои официальные отношения с «Мшаком» расторгло также правление Кавказского общества армянских писателей, опубликовав свои объяснения в защиту председателя и отметив, что Ов.Туманян необоснованно оболган и оклеветан, что со дня основания Общества писателей редакция «Мшака» заняла исключительно враждебную позицию в его отношении⁴. С этого момента Общество писателей прекратило публикацию своих объявлений и решений на страницах «Мшака».

В ответ на это решение, через четыре дня после его публикации, 27 февраля в «Мшаке» печатается статья А.Аракеляна «Тенденциозное опровержение», в которой он заверяет своих читателей, что Общество писателей является «не национально-культурной организацией, а выразителем узко партийных устремлений, поэтому «Мшак» счёл своим нравственным долгом отхлестать эту устремлённость»⁵. А.Аракелян характеризует Общество писателей как организацию, имеющую «группировочный дух», «нечистоплотный стиль работы», чьи литературные вечера, в частности, лекции о жизни и творчестве Саят-Новы и Х.Абовяна – всего лишь жалкий лепет и галиматья. Аракелян даже не пытается как-то завуалировать подлинную мотивацию своего «нравственного долга», стремления «отхлестать» деятельность Общества писателей, которая сводится к личности Туманяна. Пасквильянт обещает своим читателям: «До тех пор, пока во

¹ МЛИ, ф. Туманяна, д. 2201.

² «Мшак», 1914, N36, 19-го февраля, стр. 3.

³ Там же.

⁴ «Оризон», 1914, N40, 23-го февраля, стр. 6.

⁵ «Мшак», 1914, N43, 27-го февраля, стр. 2-3.

главе Общества будут стоять скомпрометированные люди вроде Туманяна (тем более сейчас, после известных разоблачений, от которых О.Туманян пока не оправдался), «Мшак» будет отрицательно относиться к его деятельности»¹.

Правление Кавказского общества армянских писателей сочло необходимым опровергнуть клеветнические наветы Аракеляна и поручило своему председателю подготовить ответ, основанный на имеющихся у него под рукой фактах². Написанная Ованесом Туманяном ответная статья под названием «Факты» публикуется 16-го марта в «Оризоне» от имени правления Общества писателей³. В своей статье Туманян поочерёдно перечисляет все те номера газеты «Мшак» (NN 227, 235, 248, 255, 268 и т.д.), в которых Общество армянских писателей подвергалось безосновательным нападкам и обвинениям, характеризовалось как организация, не внушающая никакого доверия и заслуживающая ликвидации, осуждалось за каждое новое начинание, мероприятие или инициативу, за каждый свой шаг, начиная с самого первого общего собрания, участники которого характеризовались как личности «с медными лбами, содержащими звонкую пустоту», как «шеренга болванов», как «чучела», как «армянские клакёры»⁴, а само Общество представлялось как «Тифлисский мейдан»⁵. В заключение Туманян пишет, что оставляет вытекающие из фактов выводы на суд истории. «И поскольку по-прежнему без конца продолжают враждебные нападки, клеветнические обвинения и злопыхательства, Правление, публикуя это объяснение, официально выводит факты на авансцену, оставляя поведение этой газеты на суд армянской читающей общественности и истории армянской литературы»⁶.

А 13-го апреля 1914 г. в своём письме из Лозанны Аветис Агаронян пишет Туманяну: «Ованес джан! Поверь мне, невозможно расчистить армянские авгиевы конюшни журналистскими полемиками, и тем более в наши дни... Ты так вцепился в А.Аракеляна, словно он является олицетворением определённой части кавказского армянства, и когда ты све-

¹ Там же.

² МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, д. 43.

³ На протяжении семи десятилетий статья Ов. Туманяна продолжала оставаться неизвестной в туманяноведении, поскольку была напечатана в периодике («Оризон», 1914, N58, 16-го марта) не за подписью автора, а от имени правления Общества писателей. Правление первоначально поручило Туманяну написать ответную статью, а затем, обсудив её, приняло решение опубликовать от своего имени. Основываясь на протоколах заседаний правления Общества писателей за 27-е февраля, 13-е марта 1914 г. (МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N 43/10, 43/13), мы впервые ввели статью «Факты» в научное обращение как статью Ов.Туманяна. См. Сусанна Ованесян, «По поводу двух статей Ованеса Туманяна («Факты», «Пока что»)), журнал «Норк», 1994, N2, стр. 104-111 (на арм. яз.).

⁴ Клакёр (фр. *claqueur*, от фр. *claque* – хлопок ладонью) – профессия человека, который занимается созданием искусственного успеха либо провала артиста или целого спектакля.

⁵ «Мшак», 1912, N235, 23-е октября.

⁶ («Оризон», 1914, N58, 16-го марта, стр. 3. См. также: Туманян, ПСС, т. 8, стр. 514.

дешь с ним свои счёты, всё закончится. Ошибаешься, друг мой, как ты этого не понимаешь? Неужели ты не видишь ещё более низких типов как раз в среде нового поколения, более опасных и лучше вооружённых, чем даже А.Аракелян. ...Говори что хочешь, мне жаль твоих затраченных часов, жаль твоей энергии»¹.

Подход Туманяна к этому вопросу, как уже было отмечено, был принципиально иным, он не мог игнорировать факты преследования, клеветы и дискредитации, — весь этот арсенал оружия, направленного не только против него, но и против армянских писателей и против армянской литературы.

Амбарцум Аракелян начинает судебный процесс против Ованеса Туманяна, обвиняя писателя в клевете. Туманян по этому поводу пишет: «И А.Аракелян, который не оставил в армянской стране ни живых, ни мёртвых, не оставил ни деятелей, ни их деяний, не оставил ни одного человека или учреждения, чтобы не ославить их, встал и пошёл жаловаться в государственный суд» (7, 430). Первое судебное заседание назначается на 12 часов 15-го марта. В суд являются братья Амбарцум и Аршак Аракелян, а Туманян не приходит, поскольку не получил повестки и не был оповещён надлежащим образом. 16-го марта Аракелян пишет: «Как сообщил следователь, на посланной Ов. Туманяну повестке было помечено, что Ованес Туманян отсутствует из города Тифлиса и уехал четыре дня назад. Следователь отложил дело на несколько дней. Однако вчера один из сотрудников нашей редакции, как и днём раньше другой сотрудник, до полудня лично видел Туманяна на улице...

На мой взгляд, поэту не делает чести подобными манёврами избегать суда, и не будучи отсутствующим из Тифлиса, вводить полицию в заблуждение»².

Конечно, несколькими днями позже, 20-го марта по требованию или просьбе следователя в той же газете публикуется опровержение этой очередной лжи. В публикации говорилось: «Следователь 2-го Тифлисского мирового отдела В.Добровленский просит нас исправить одну невольную ошибку, которую он допустил в отношении Ов.Туманяна. Сообщив Амбарцуму и Аршаку Аракелянам, что повестка не вручена Ов.Туманяну посредством полиции из-за его отсутствия из города, он не обратил внимания, что эта резолюция полиции относится к повестке, посланной другому человеку. Он по ошибке не послал повестку Ов. Туманяну. Теперь повестка послана ему на 22-е число этого месяца»³.

В субботний день 22-го марта 1914 г. в канцелярии Второго судебного следователя Тифлиса состоялось второе заседание суда, на котором уже, кроме братьев Аракелянов, присутствовал также Туманян. По сви-

¹ МЛИ, ф. Туманяна, д. 807.

² «Мишак», 1914, N58, 16-го марта, стр. 3.

³ Там же, N61, 20-го марта, стр. 2.

детельству «Мшак», «следователь предложил помириться. Братья Аракеляны сообщили, что есть только одно условие для примирения: Ов. Туманян должен признаться, что он оклеветал их, и должен попросить прощения, в противном случае просят передать дело прокурору»¹. Туманян, конечно же, не соглашается «признать свою вину» и попросить прощения. Дело с особым протоколом направляется прокурору.

В тот же период Амбарцум Аракелян вовлѣк в судебные тяжбы как редакции других периодических органов, так и отдельных граждан. 18-го июня «Оризон» пишет: «Так или иначе, А.Аракелян сорвал арбитражный суд с «Оризоном», как сорвал свои судебные разбирательства с С.Арутюняном, Г.Кафьяном, Ов.Туманяном и многими другими»². Однако судебное разбирательство с Туманяном А.Аракелян продолжал даже после начала Первой мировой войны.

Одно из очередных судебных заседаний было назначено на 6-е сентября и должно было состояться во Втором следовательском отделе Тифлисской губернии. Туманян к тому времени был занят уже совершенно иными проблемами и заботами. Поэт был серьёзно озабочен новыми вызовами, возникшими перед армянским народом вследствие начавшейся войны; и до суда, и после него он выражал свои тревоги и надежды в программных и концептуальных публицистических выступлениях. 4-го сентября он публикует статью «Война наций и их богатыри», а ещё две недели спустя, 18-го сентября – статью «Покаяние». Из-за чрезмерной занятости на суд вместо Туманяна является его представитель – адвокат Геворг Хатисян. Заключается перемирие, и дело прекращается. Согласно опубликованной в «Оризоне» информации, обе стороны конфликта выразили сожаление по поводу нанесѣнных друг другу оскорблений и обид³. Газета «Мшак», пытаясь представить заключѣнный мир как свою победу, утверждает, что Туманян признал себя клеветником. Г.Хатисян незамедлительно пишет письмо Аракеляну, напоминая, что никакой подобной формулировки не было и в помине, и если Туманян согласился на заключение мира, то только по той простой причине, что «не хотел стирать грязное бельѣ в такой исторический момент»⁴. Таким образом, спустя месяц после суда Аракелян пытается уверить общественность, что Туманян якобы признал себя клеветником, а он сам всего лишь «выразил сожаление» по поводу употребления оскорбительных слов и выражений в адрес Туманяна. При этом Аракелян признаѣтся: «Необходимо сказать, что формулировка мирного соглашения была написана карандашом, рукой Г.Хатисяна, и была представлена секретарю суда; в эту формулировку он действительно не включил слово «клеветник», и суд также не включил это

¹ Там же, N64, 25-го марта, стр. 3.

² «Оризон», 1914, N130, 18-го июня, стр. 2.

³ Там же, N197, 7-го сентября, стр. 4.

⁴ «Мшак», 1914, N232, 15-го октября, стр. 3.

слово в своё постановление»¹. Но даже при этом Аракелян продолжает по-прежнему упорствовать и утверждать, что в устных разъяснениях речь шла о клевете, что Туманян, по устному признанию его адвоката, согласился с этим. «Для меня вовсе не было никакой нужды, чтобы Ов.Туманян несколько месяцев просидел в тюрьме, - нет, мне было важно, чтобы Ов.Туманян признался, что он совершил клеветнический поступок и сожалеет об этом»². Такими словами редактор «Мшака» завершает свою статью «Одно разъяснение». Туманян был вынужден в последний раз ответить своему недостойному противнику, откликнувшись на это выступление Аракеляна. Поэт написал статью «По поводу «Одного разъяснения»», в которой поставил точку в продолжавшейся долгих десять предвоенных месяцев публичной полемике. 16-го октября поэт заявил во всеуслышание: «Считая совершенно невозможным в этот ужасный как в общечеловеческом масштабе, так и в национальной жизни момент заниматься А.Аракеляном и его «Одним разъяснением» в 232-м номере «Мшака», я верю, тем не менее, что наступит день, когда всплывёт вся правда, и раз и навсегда неопровержимо станет ясно, насколько чудовищной историей была эта якобы частная шумиха; выяснится, в чём была подлинная суть этого дела, почему и в чём именно я не мирился с А.Аракеляном, и к каким окольным средствам и клеветническим действиям он прибегал против меня, каких людей он привлекал к делу в качестве своих приспешников, и к чему это в конечном счёте привело, какие имело последствия. После этого станет ясно, какой драмой обернулась для нашего народа моя встреча с А.Аракеляном и А.Аракелянами, - встреча людей, совершенно не совместимых по природе своей и по рождению, не выносимых друг для друга, и тогда, я в этом не сомневаюсь, никто не удивится, для чего всё это было, но многие будут помнить с глубокой болью. А для меня изначально самым большим утешением остаётся та элементарная добродетель, что я не смог мириться с А.Аракелянами ни в одной сфере, никогда, и в будущем также не буду относиться к ним терпимо» (7, 155-156).

В эти же самые дни Туманян был занят делами, имевшими общенациональное значение, а перо в свои руки брал только для того, чтобы поддерживать, подбадривать, воодушевлять народ в борьбе за освобождение Западной Армении, внушать ему веру в победу. В том же октябре он написал и опубликовал направленные против союза Германии и Турции статьи «Этим победишь» (12-е октября), «Последняя тревога» (21-е октября), «Третий удар» (31-е октября). Понятно, что теперь уже у него не было ни времени, ни, тем более, настроения и желания отвечать А.Аракеляну.

¹ Там же.

² Там же.

Завязавшаяся в 1911-1914 гг. острая полемика с А.Аракеляном вызвала у поэта большое напряжение всех душевных сил, боль и гнев, бессонные ночи и невероятные страдания; однако, с другой стороны, написанные по этому поводу статьи стали одними из лучших страниц в истории армянской публицистической мысли, дали самую точную, неуязвимую оценку собирательному образу предвзятого и желчного журналиста всех времён. Для писателя было «утешением элементарной добродетели» то, что он не примирился с разрушительной деятельностью А.Аракеляна, рассматривая своего нечистоплотного и склочного оппонента не как отдельную личность, а как явление. Поэт был уверен, что рано или поздно выявится правда и станет достоянием грядущих поколений, поскольку не верил в конечную победу лжи и подлога, тем более, что сам он вёл борьбу против всего этого только честными, правдивыми и прямодушными средствами, боролся смело, без чувства подавленности и отчаяния, без душевного надлома. Туманян видел секрет победы любого правдивого, честного и справедливого дела, личности, страны и народа над несправедливостью и ложью в том, что борьба эта велась открыто, честным и правдивым путём. В статье «Пока что», как уже было указано выше, он определил незыблемый и неколебимый закон своей жизни, который был для него руководством, неукоснительным правилом и в ведении даже самых ожесточённых публичных дискуссий. «Будь искренним, правдивым и добрым, и даже если впоследствии весь мир ополчится против тебя, даже если А.Аракелян или преисподняя откроет свой рот и станет злословить в твой адрес – ты в конце концов победишь» (7, 433).

Завязавшаяся острая и ожесточённая публичная полемика с недостойным оппонентом и идейным противником, – завязавшаяся в месяцы, предшествовавшие войне, не могла пройти бесследно для любой творческой личности. Тем более для Туманяна, тем более что в основу полемики была положена борьба против лжи и наветов, против бесконечных фальсификаций и подлогов, манипулирования фактами, когда противником была такая одиозная личность, как Амбарцум Аракелян, снискавший себе печальную славу в армянской публицистике необоснованными и беспочвенными обвинениями, бесчестными нападками, своим агрессивным, наступательным стилем. В такой обстановке писателю было очень трудно, практически невозможно заниматься творческой работой, литературным трудом. «Ложь, ложь, ложь, фальсификация, клевета, площадная брань и самые разные проявления подлости. Ну иди и вдохновляйся в такой обстановке и пиши стихи. Даже стыдно» (10, 128). Борясь против общественной деградации и падения нравов, Туманян как деятель искусства преследовал ещё одну цель. Он стремился создать, сформировать такую общественную атмосферу, в которой было бы возможно творческое вдохновение и воодушевление, создание подлинного, высокохудожественного искусства.

Поэт очень тяжело, очень болезненно переносил физическую не-

возможность вдохновляться и заниматься своим самым любимым делом – литературным трудом, поэзией. Он горько сетует по поводу не благоприятствовавшей творческой деятельности инертной общественной обстановки. Он пишет: «Возможно, правильно говорит А.Аракелян, что я «некогда» был поэтом... Действительно, в той тяжёлой, затхлой атмосфере, которой дышат А.Аракелян и ему подобные – стихотворение не может дышать и жить» (6, 288).

Вполне естественно, что одержимый светлыми целями и задачами публицист должен был быть прежде всего воином и бойцом, чтобы суметь по достоинству противостоять вызовам амбарцумов аракелян.

Статьи Ованеса Туманяна, написанные в период полемики с Амбарцумом Аракеляном, выделяются такой уверенностью, убеждёностью в собственной правоте, которая присуща только великим мыслителям. Даже статьи, написанные по поводу нанесённых Туманяну личных оскорблений и обид, характеризуются глубокими обобщениями и содержат вопросы, имеющие большое общественное значение и звучание. Вопросы эти и сегодня не потеряли своей актуальности и непреходящей важности.

В каждой такой статье поэт доказывал, что его спор с А.Аракеляном не является частным, не носит личностного характера. В этих статьях голос Туманяна был голосом народа, поэт выступал ярким и подлинным защитником народных интересов, он боролся против фарисействующих демагогов, которые говорили от имени народа, от имени литературы и нравственности, но при этом сами же попирали права армянских писателей, не считались с общественными и культурными ценностями народа.

«ЗЛО КАК БЛАГО ВИДЕЛ Я...»

Из-за неприятного инцидента между Ов.Туманяном и А.Аракеляном все существовавшие связи и отношения между Кавказским обществом армянских писателей и газетой «Мшак» был окончательно разорваны. Два года спустя, уже после знаменательных брюсовских дней в Тифлисе, делаются попытки помирить Общество писателей с редакцией «Мшака». Давид Ананун¹ посылает два открытых письма правлению Общества, предлагая восстановить прежние доброжелательные отношения с газетой². Ещё несколько месяцев спустя в «Мшаке» выходит в свет статья «Призываем стороны прекратить распри» за подписью «С.». Кавказское об-

¹ Давид Ананун (другие имена - Тер-Даниелян Давид Оганесович, Тер-Данильянц Давид Оганесович, Ананян Давид)(1879 - 1943) - историк, публицист, общественный и политический деятель, был одним из видных представителей армянской политической мысли первой четверти 20-го века, в своих многочисленных работах пропагандировал идею консолидации всех армян.

² «Мшак», 1916, N10, 27, 46. См. также: МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, д. 45/2.

щество армянских писателей и его правление под председательством Туманяна принимает 17-го ноября 1916-го года решение «не вдаваясь в исследование прошлого, восстановить прерванные отношения с газетой»¹. С этого дня «Мшак» начинает периодически освещать деятельность Общества писателей, откликается на все литературные мероприятия, и теперь уже значительно более уравновешенно и без какой-либо враждебности.

Ованес Туманян включился в публичную идейную борьбу с Амбарцумом Аракелянном во имя интересов Общества писателей, отстаивая право на свободу критического слова. Впоследствии столкновение мнений и идей переросло в конфликт и выяснение личных отношений. Однако позднее поэт, опять же оставаясь верным своим жизненным принципам и убеждениям, сумел найти в себе силы для того, чтобы пойти на примирение с идеологическим противником, который причинил ему столько страданий, – и сделал это опять-таки исходя из общих, общественных соображений и интересов. Он не мог не принимать в расчёт то обстоятельство, что деятельность имевшего общенациональную значимость Общества писателей вообще не находит отражения в одной из самых крупных и влиятельных армянских газет, а у «Мшака» в тот период было довольно большое число постоянных читателей. Не следует забывать и о том, что Туманян по природе своей был великодушным человеком, умел прощать и всегда прощал всем своим врагам и обидчикам. И здесь также А.Аракелян не составил исключения.

Старшая дочь поэта Ашхен вспоминает, что в 1918 г. Амбарцум Аракелян пришёл к Туманяну домой – просить прощения. Не указывая конкретного числа и даже месяца, Ашхен свидетельствует, что когда её брат Мушег открыл входную дверь и увидел, кто именно пришёл к отцу в гости, то «ужаснулся и удивился». Он провёл посетителя к кабинету отца и поспешил сообщить ему о личности гостя. «Я со страхом ожидала, что сейчас начнутся споры и неприятности», – пишет Ашхен. – Вся напрягшись, прислушивалась. Никакого звука. Через 15 минут вышли. Аракелян уже шёл навстречу, кивнул мне головой, и они прошли в коридор. Отец проводил гостя и, улыбаясь, вернулся. Я сразу набросилась на него: «Почему ты его принял?». Отец ответил: «Народ говорит, что даже если к тебе придёт твой враг, ты должен принять его. Пришёл просить прощения за прошлое»².

В результате публичной полемики Ованеса Туманяна с Амбарцумом Аракелянном армянская публицистическая мысль обогатилась исключительно ценными статьями Туманяна, затрагивающими животрепещущие нравственные проблемы и вопросы. В публицистическом наследии писателя дискуссионные, полемические статьи, направленные против А.Ара-

¹ «Мшак», 1916, N259.

² Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., 2011, ст. 85 (на арм. яз.). См. также: Н.Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 167 (на арм.яз.).

кеяна, навсегда останутся как решительный протест гениальной личности против посредственности, отравляющей его жизнь, против серости и малодушия, зависти и лжи, фальсификации и брани, против ничем не обоснованных нападок. Эти статьи и выступления – ценнейшая страница публицистического наследия Туманяна. Это проявление гнева и ярости «Великого Праведника» в отношении злопыхательства и журналистской эквилибристики и фиглярства. Эти статьи и выступления относятся к самым большим достижениям многовековой истории армянской публицистической мысли и являются непреходящими ценностями в области культуры публицистической полемики, которые благодаря затронутым в них нравственно-этическим проблемам и вопросам непереоценимы во всей истории армянской культуры и армянской литературы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

Программа геноцида армян в Османской Турции стала осуществляться более явственно и откровенно в годы правления младотурок. Ярким доказательством этого явились погромы и резня в киликийском городе Адана в 1909 г., жертвами которых стали более тридцати тысяч армян. Новые власти, годом раньше свергшие султана Гамида Второго, с новой силой и с ещё большим рвением продолжили армяноненавистническую политику прежнего режима, став его последовательными правопреемниками. Постановления съезда партии «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»), прошедшего в Салониках в 1911 г., стали судьбоносными для проживавших в Османской империи нетурецких народов, и в особенности, для армян. Во имя «заветной» цели и программы создания «Великого Турана» от Балкан до Китая предводители турецкого правительства готовы были на всё, готовы были смести любую преграду на своём пути, и первоочередной задачей в намеченной программе стало физическое уничтожение всех армян. Подходящий момент не заставил себя долго ждать. Началась Первая мировая война.

ЛЕТНИЙ ОТПУСК

14-го июля 1914 г. Туманян с семьёй отправился из Тифлиса в дачную местность Цагвер (Дзагвер), чтобы подлечиться, успокоить свои нервы, физически восстановиться, ну и, конечно, чтобы наконец-то вновь вернуться к активным занятиям литературным трудом, в частности, завершить работу над пятым томом учебника «Лусабер». В душе поэт лелеял мечту и о возвращении к поэтическому творчеству, особенно, к детской литературе. Основная нагрузка по подготовке учебника к изданию ложилась на плечи Туманяна, потому что Левон Шант, являвшийся одним из соавторов «Лусабера», к этому времени, вероятнее всего, 21-го июля, отправился за границу¹.

19-го июля 1914 г.² Германия объявила войну России, и весть об этом мгновенно доходит до Тифлиса. Туманян узнаёт о начавшейся войне из тифлиских газет, узнаёт сразу же – благо, почтовая связь пока еще работала чётко и оперативно, без перебоев.

¹ «Оризон», 1914, N157, 22-го июля, стр. 3.

² Мы указываем даты по старому стилю, поскольку до 1918 г. в России был в обращении Григорианский календарь и в этот период как в дневниках Туманяна, так и в газетах даты указывались по старому стилю. По новому стилю война началась 28-го июля, когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии, а Россия вступила в войну 1-го августа (19-го июля по ст. ст.), когда ей объявила войну Германия.

Туманян остаётся в Цагвере до 14-го августа. Там он имел встречи с молодым композитором Анушаваном Тер-Гевондяном¹, который в то время был студентом последнего курса юридического факультета университета и консерватории в Санкт-Петербурге. Семья Туманяна сближается с семьёй Тер-Гевондянов. Туманян часто прогуливался с Анушаваном, и в беседах часто высказывал свою большую озабоченность судьбой Комитаса². Он очень сожалел, что все его старания удержать Комитаса от зарубежной поездки так и не увенчались успехом. По совету поэта перед отъездом Комитаса из Тифлиса, с целью каким-то способом подольше удержать композитора в городе, Армянское Благотворительное Общество приняло решение о создании большого смешанного мужского и женского хора, однако соответствующее финансирование запоздало, и Комитас, так и не вняв советам и настоятельным призывам Туманяна, отправился в Полис. Беспокойство Туманяна о судьбе Комитаса было вполне оправданным и обоснованным, хотя ему ещё не могло быть известно, какая трагедия ожидает его великого друга и единомышленника. Воодушевлённый благосклонным и дружелюбным отношением Туманяна, Анушаван Тер-Гевондян сообщает поэту о своём намерении написать на текст стихотворения «Ты меня не проси» камерное произведение для вокала, скрипки и фортепьяно, а также написать симфоническую поэму на текст баллады «Ахтамар». Поэт не только одобряет и поддерживает эту инициативу Тер-Гевондяна, но и приносит несколько дней спустя рукопись стихотворения «В армянских горах». Вполне возможно, что Туманян тем самым хотел привлечь внимание молодого композитора к патриотической теме в своей поэзии, побудить его к созданию музыкального произведения о любви к Родине.

19-го июля, когда в Цагвер приходит весть о начавшейся войне между Германией и Россией, в дачном посёлке начинается паника. Почтовая связь между городами Кавказа становится нерегулярной. Как и многие другие, Туманян также перестаёт полагаться на почту, и посылает свои письма через нарочных. В написанном в эти дни письме Степану Лисициану, который просил поэта приехать к нему для совместной работы над учебником, Туманян пишет: «Здесь воцарились страх и ужас, часть отдыхающих уехала из боязни, есть и другие уезжающие. Как раз в эту самую минуту наши соседи укладывают вещи, чтобы отправиться в путь. И неопределённость ситуации, и страх перед опасностью, и чрезмерно неустойчивое местоположение, одиночество наших домашних делает мой приезд невозможным. Каждый день здесь возникают такие новые настрое-

¹ Анушаван Григорьевич Тер-Гевондян (8 марта 1887, Тифлис – 6 июня 1961, Ереван) – армянский и советский композитор, музыковед, фольклорист; ученик М. Ф. Гнесина, А. К. Лядова, А. К. Глазунова. Народный артист Армянской ССР (1953).

² Комитас (настоящее имя Согомон Согомонян) (26 сентября 1869, Кютахья, Османская империя – 22 октября 1935, Вильжюиф, Франция) – великий армянский композитор, музыковед, фольклорист, певец и хоровой дирижёр.

ния и поступают такие новости – одна тревожнее другой, что иногда люди не могут заснуть ночью. В этом проклятом месте к тому же нет ни полиции, ни стражников» (10, 209).

В другом письме, написанном в Цагвере 23-го июля 1914 г. и адресованном Арменуи Тигранян, со свойственным светлым душам оптимизмом Туманян воспламеняется надеждой на возможность освобождения своего народа и пытается умиротвориться и успокоить всех окружающих. «Моим единственным утешением является то, что я совершенно не люблю войну, что этой войной Германия и вместе с ней милитаризм должны погибнуть или ослабнуть, а ещё вернее, Австро-Венгрия также должна получить своё наказание – как и весь эгоистический германский род; и моё русофильство должно победить. После этого, по-видимому, наступят мирные дни, и моя утопия расцвета осуществится»¹. Ту же мысль он выражает и в приведённом выше письме Лисициану: «Единственным утешением остаётся то, что негодную Германию и Австрию разобьют как следует, и мир надолго успокоится» (10, 210).

Несмотря на такое оптимистическое настроение, писателя ужасает мысль о том, что волны войны могут докатиться и до Кавказа. «Все мы поглощены войной. Все мы стали военными специалистами, - пишет он 18-го августа 1914 г. – Конечно, у меня нет никакого сомнения в нашей победе на западе, которая является всего лишь делом времени и больших потерь. И я ни в коем случае не пожелал бы, чтобы война была на востоке. Это было бы, скажем прямо, нашей последней тревогой и общенациональным бедствием, но поскольку и без этого армянский вопрос, вернее, вопрос турецких армян решается поражением Германии, то это было бы для нас только дополнительным несчастьем» (10, 214).

Необходимо заметить, что в первые дни и недели войны многие были настроены оптимистично. И Туманян не был исключением. Он питал надежду, что Россия одержит победу и накажет страны, развязавшие войну, и «третьим ударом», как это бывает в волшебных сказках, наконец-то принесёт долгожданную свободу западноармянскому населению на его же исторической земле.

Да, поэт надеялся на победу, однако пытался по мере сил и возможности оказывать личное содействие в деле столь желанной победы над Турцией.

До Туманяна доходят сведения, что свобода его односельчан подвергается опасности. Он узнаёт, что в середине июня 1914 г. губернатор провинции на протяжении четырёх дней был в Дсехе и распорядился об аресте некоторых людей, в том числе и Петроса, одного из самых авторитетных и уважаемых людей Дсеха (10, 205). В условиях войны ценность информации вне пределов Тифлиса значительно возрастала. Ре-

¹ «Оризон», 1914, N157, 22-го июля, стр. 3. Речь идёт о намерении Ов. Туманяна построить Дом творчества писателей «Литературный цветник» в Игатаке.

дакция «Оризона» выясняет, что вне Тифлиса газета продаётся «значительно дороже её реальной стоимости», и поэтому «редакция предлагает своим агентам принимать меры для того, чтобы пресекать подобные действия»¹.

Кажется, что вконец изнурённый тюремной жизнью², сильно сдавший в физическом отношении поэт, пользовавшийся в то время непререкаемым авторитетом в литературе и в общественной жизни своего народа, должен был стать всего лишь «кабинетным деятелем», патриотом «пера и бумаги». Но Туманян не боялся и не страшился ничего, не тушевался ни перед какой опасностью и ни перед каким врагом. Он был уверен, что в нём всё еще осталось достаточно сил, чтобы оказаться полезным своему народу в качестве национального деятеля. Везде и всюду отправной точкой его деятельности было постоянное самопожертвование. Никогда, ни разу и ни полусловом не обмолвившись о том, что царская Россия на протяжении многих лет подвергала его политическим преследованиям за его миротворческую деятельность и прекращение межнациональных столкновений в 1905-1906 гг.; о том, что с целью расправы над ним и многими другими видными представителями армянской интеллигенции его засадили в тюрьму, он по-прежнему изъявляет желание выступить миротворцем и своей деятельностью способствовать прекращению жестокого и бессмысленного кровопролития. Конечно, он вовсе не забыл ни о товарном вагоне, в котором его в декабре 1911 года повезли в Петербург, ни о наручниках, ни о мрачных тюремных стенах, ни о продолжительном и изнурительном судебном процессе, после которого прошло всего лишь два года и вследствие которого его расшатанное здоровье никак не восстанавливалось. Но он снова был готов к самопожертвованию.

Обеспокоенный возможностью возобновления в условиях начавшейся войны и неразберихи новой волны межнациональных столкновений на Кавказе, с целью избежать и предотвратить эти столкновения, Туманян из своего дачного посёлка 1-го августа 1914 г. обращается с посланием к губернатору провинции Лори и Борчалу Василию Гаврилову.

О своей готовности оказывать любое посильное содействие и желании быть полезным поэт обращается и к видному армянскому духовному деятелю Месропу Тер-Мовсисяну. «Кавказ окажется перевёрнутым вверх дном, и нам много чего предстоит сделать. И знай, что я готов на всё. Скоро приеду в Тифлис, наверное, в эти два дня, и мы должны быть бдительными и готовыми. Если я в случае смуты не пригожусь ни на что

¹ Там же, N169, 5-го августа, стр. 4.

² О политических преследованиях Ов. Туманяна со стороны царского охранного отделения, причиной которых была миротворческая деятельность поэта во время межнациональных столкновений 1905-1906 гг., подробнее смотри в кн.: Сусанна Ованесян. История жизни и творчества Ованеса Туманяна (1900-1912 гг.)(научная биография), Ер., «Гракан эталон», 1912, стр. 564-642.

более важное, моего предшествующего опыта будет вполне достаточно, - я, несомненного, пригожусь в наших краях» (10, 212).

Не боясь получить новые удары от царской карательной машины, Туманян заранее уведомляет о своей готовности помогать. «После нашей встречи в Тифлисе, - пишет поэт В. Гаврилову, - меня телеграммой вызвали в Цагвер, к моей семье, где я нахожусь сейчас и внимательно слежу за давно подготовленной, но вместе с тем внезапно вспыхнувшей большой войной, в которой России уготована самая важная и благородная роль. Сегодня из Тифлиса мне пишут, что возможно, на днях Турция также объявит войну России. Если эта весть подтвердится, то у нас, на Кавказе, обязательно начнутся обычные беспорядки, и будет крайне желательно, чтобы интеллигенция нашей провинции, своевременно сплотившись, объединилась вокруг Вас и приложила свои силы для сохранения мира в провинции. Если будет необходимость, и если Вы сочтёте целесообразным, прошу учесть, что я готов прийти к Вам и быть полезным моей родине, чем смогу» (10, 587-588)¹.

Из своего дачного посёлка Туманян внимательно следил за всеми событиями, происходившими в общественной жизни Тифлиса, и поскольку в тот момент он связывал судьбу армянского народа с Россией, то всего лишь неделю спустя после начала войны, 27-го июля 1914 г., он приветствует митинг тифлисских армян, состоявшийся во дворе главного собора Ванка, и участвует в панихиде по первым жертвам войны. Во всех выступлениях собравшихся звучала твёрдая вера в победу и помощь России. После церковного служения духовенство, распевая шараканы и молебны, «с крестами и хоругвями», под руководством епископа Месропа направилось ко дворцу царского наместника, где епископ выступил с речью и помолился за победу русского оружия. С ответной речью выступил царский наместник Воронцов-Дашков, выразив свои большие симпатии армянскому народу, высоко оценив его верность и преданность, и пообещал сообщить о мероприятии русского царя². Митинг и шествие были инициированы и организованы одним из личных друзей Туманяна – епископом Месропом, предводителем армянской духовной епархии Грузии и Имеретии. В своём письме к епископу от 3-го августа Туманян пишет: «Мой дорогой святейший Месроп! Нам довелось стать очевидцами исключительно важных событий, кто знает, возможно, не сегодня-завтра примем в них участие.

Я очень рад, что уже сегодня заговорило здоровое историческое здравомыслие и чувство, и мой народ стоит рядом с русским народом; и я очень рад, что ты оказался первым, с крестом в руке... У нашего народа нет иного спасения» (10, 211-212). Туманян как всегда был совершенно

¹ Эти межнациональные столкновения начались несколько позднее, в 1918 г., но Туманян к тому времени оказался в самой гуще военных событий, и распоряжения Гаврилова или кого-нибудь ещё ему не потребовалось.

² «Мшак», 1914, N164.

искренен, и его русская ориентация и вера в Россию в то время были незыблемыми и непоколебимыми.

Тревоги поэта о судьбах армянского народа заставляют его из дачного посёлка Цагвер 14-го августа 1914 г. вернуться в Тифлис, чтобы принять участие в работе Национального бюро и выступить со своими собственными идеями и инициативами.

И действительно, личные проблемы и неопределённость перспективы национальной судьбы в горниле мировой войны, доходящие до Кавказа противоречивые вести – всё это настолько перемешалось, что действительность стала напоминать вавилонское столпотворение – как в каждодневных заботах поэта, так и в сфере его общественной деятельности. И он всем своим душевным и физическим потенциалом, снова позабыв о своём рабочем кабинете, с головой окунулся в круговорот национально-общественной жизни.

Многие из тех армянских национальных деятелей, которые обратились в бегство, когда царская карательная машина стала фабриковать «Дашнакское дело», стали покидать приютившие их страны Европы и возвращаться на родину, на Кавказ. Это обстоятельство вселяло в поэта надежду на возможность успеха, поскольку поддержка вернувшихся политических и общественных деятелей, единомышленников могла помочь вести борьбу за освобождение западноармянского населения более организованно и целеустремлённо. Отметим в этой связи, что после своего оправдания в Петербурге, в судебном расследовании по «дашнакскому делу», поэт без конца обращался к своим скрывавшимся за границей друзьям и знакомым и всячески уговаривал их вернуться и помогать своему народу, своей родине. По этой причине в августе 1914 г. он с большой радостью констатирует известие о возвращении Ованеса Каджазнуни. «Келледжи¹ также сообщил, что возвращается. И очень правильно поступает» (10, 214).

16-го октября 1914 г. произошло то, чего очень опасались армянские общественно-политические деятели и вместе с ними Ованес Туманян. Поэт предполагал, предчувствовал, что Турция в скором времени также вступит в войну и попытается силой решить армянский вопрос, что это приведёт к межнациональным столкновениям на Кавказе, к «общенациональному бедствию» (10, 214). Это предположение и предчувствие поэта сбылось.

ИЕСОСТОЯВШАЯСЯ КОМАНДИРОВКА

В сентябре-октябре 1914 г. в армянских политических кругах по инициативе Армянского национального бюро было принято решение ко-

¹ Ованеса Каджазнуни близкие называли Келледжи, имея в виду героическое предание об одном из его предков, священнике Ованесе.

мандировать Туманяна в Россию для ведения переговоров по армянскому вопросу в официальных кругах, для ознакомления с программами России относительно Западной Армении, а также для встречи с императором Николаем Вторым. Предполагалось, что самый известный и самый народный армянский поэт и общественный деятель во время своего визита подтвердит преданность армянского народа российскому престолу, обсудит задачи участия армянского народа в войне, в частности, рассмотрит вопросы, связанные с организацией армянских добровольческих отрядов – словом, затронет все политические вопросы, волнующие армян и имеющие для них судьбоносное значение. Ещё одной важнейшей целью намечавшейся поездки Туманяна в Петербург и Москву и переговоров с правительственными кругами России было разработать стратегию защиты для армянского народа, оказавшегося перед лицом ожидавшихся и почти неизбежных бедствий и несчастий.

Решение о «северной командировке» Ованеса Туманяна было принято в сентябре. Из письма поэта от 19-го сентября, адресованного Погосу Макинцяну, узнаём, что вместе с ним в России должны были отправиться ещё два национальных деятеля, имена которых Туманян не упоминает. Поэту предстояло сперва поехать в Эчмиадзин, вероятно, для того, чтобы согласовать свои действия в Петербурге с Католикосом всех армян Геворгом Пятым. В упоминаемом письме Туманян пишет: «Решили, что я на этих днях должен вместе с другими двумя национальными деятелями отправиться на север; поеду в Эчмиадзин» (10, 217).

По всей вероятности, Туманян 14-го сентября 1914 г. принимал участие в работе съезда Армянского Благотворительного Общества на Кавказе, одним из главных пунктов повестки дня которого была организация помощи раненым воинам и пострадавшим на войне людям¹. В эти же самые дни в Тифлисе открываются больницы и лазареты для раненых и для заболевших заразными болезнями. Отметим, что в Тифлисе только за временной отрезок с 7-го по 16-ое сентября стремительно распространяются заразные болезни: эпидемия тифа (22 случая), скарлатины (2 случая), дифтерии (4 случая), ветрянки (3 случая), туберкулёза (7 случаев) и т.д.²

Упоминание об эпидемиях находим в письме Ваана Терьяна, написанном из Петербурга во второй половине октября 1914 г. и адресованном Нвард Туманян. Терьян узнал от находившегося в Москве сына поэта Артавазда, что его отец собирается отправиться в Петербург и Москву для встречи с российским императором. Об этом же сообщил Терьяну и Погос Макинцян³. В упоминавшемся письме Терьяна к Нвард Туманян читаем: «Артик в Москве говорил, что возможно Иван Фадеевич приедет в эти края, а я здесь получил письмо от Паоло (речь о Погосе Макинцяне –

¹ «Оризон», 1914, N203, 14-го сентября, стр. 1.

² Там же, N211, 226, 25-го сентября, 1-го октября, стр. 3.

³ Это письмо Макинцяна в архиве Терьяна не сохранилось.

С.О.), в котором он пишет, что Иван Фадсевич должен приехать, чтобы предстать перед императором»¹. В том же письме указываются и другие цели поездки Туманяна – организовать сбор пожертвований для бедствующего западноармянского населения и для противостояния всевозможным опасностям, которые таит в себе разразившаяся война. Терьян пообещал сопровождать поэта.

Возможно также, что сделанное Ов. Туманяну предложение отправиться в Петербург и Москву, встретиться с императором Николаем Вторым прямо или косвенно связано с разработанными в октябре 1914 г. программой тифлиского Армянского Национального бюро и функционировавшего под его эгидой и патронажем «Центрального комитета, помогающего пострадавшим от войны». Туманян становится членом этого комитета, и общественно-патриотическая деятельность писателя в 1914-1915 гг. самым непосредственным образом связывается с работами этой организации. Учредительное собрание комитета состоялось 5-го октября под председательством епископа Месропа Тер-Мовсисяна. Избирается центральный комитет во главе с Самсоном Арутюняном. А вице-председателем становится богатый благотворитель Константин Алиханян. Обязанности казначея возлагаются на Г.Цуриняна. Кроме выборов руководящего органа, на учредительном собрании принимается следующее постановление:

1. Просить католика специальным кондаком (официальное послание армянского католика – С.О.) призвать армянское население содействовать комитету для осуществления его цели.
2. Обращаться ко всем обществам и частным лицам, прося их помогать комитету.
3. Просить провинциальную интеллигенцию помогать городским органам самоуправления².

Намерение Национального Бюро командировать Ованеса Туманяна в Россию оставалось в силе вплоть до весны 1915 г. Упоминание об этом находим в письме Туманяна от 19-го апреля 1915 г. адресованном Пилипосу (Филиппу) Вардазаряну. «Меня хотели отправить в Россию – вести переговоры, а также организовать сбор пожертвований; я должен был приехать в Москву, но мои личные проблемы не дают мне возможности слишком отдаляться от дома» (10, 224). Это признание свидетельствует, что согласие Туманяна поехать в Россию было связано с тем, что его собирались командировать армянские «официально-политические» учреждения, а говоря о своих «личных проблемах», поэт имел в виду свою большую многодетную семью, бесконечные семейные заботы, а также тяжёлое материальное положение, немалое число время от времени

¹ Ваан Терьян, Собр. Соч. в 4-х тт., т. 4, Ер., «Советакан грох», 1979, стр. 164 (на арм. яз.).

² «Оризон», 1914, N222, 8-го октября, стр. 3. О состоявшемся 12-го октября втором собрании комитета см. там же, N228, стр. 3-4.

проявляющих нетерпение и беспокойство работодателей. Это означало, что, независимо от «командировки» Национального Бюро, от согласования с ним политических программ, поэт должен был поехать в Россию на свои средства, а это в то время было совершенно невозможно. Поэт ещё не погасил те свои долги, которые накопились у него в процессе судебного разбирательства, чтобы доставить всех свидетелей защиты из Кавказа и других мест в Петербург.

Несмотря на то, что поездка Туманяна и его встречи с Николаем Вторым и другими высокопоставленными должностными лицами Российской империи так и не состоялись, тем не менее, уже одно то, что его имя фигурировало в небольшой делегации, отправившейся в Россию с указанной целью, свидетельствует об очень большой авторитетности поэта как национального, политического и общественного деятеля.

ФОРМИРОВАНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ОТРЯДОВ

ПОЕЗДКА ТУМАНЯНА В БАКУ

В годы Первой мировой войны некоторые деловые поездки Ованеса Туманяна осуществлялись в рамках деятельности Армянского Национального Бюро.

Армянское Национальное Бюро было создано в Тифлисе 30-го октября 1912 г. на учредительном собрании представителей армянонаселённых регионов Российской империи, с участием делегатов из Тифлиса, Еревана, Баку, Ахалциха, Нор-Нахиджевана, Армавира, Батума и других городов¹. На собрании было избрано временное бюро из семи человек, так называемый центральный комитет, в составе которого были Ованес Туманян, Самсон Арутюнян, Александр Хатисян, Александр Калантар, Амбарцум Аракелян, Аветик Погосян, Никол Агбальян. Председателем избирается Самсон Арутюнян, который был давним другом Ов.Туманяна.

Туманян вместе с другими членами бюро должен был заниматься

¹ В составе Национального Бюро или Тифлиского Национального центрального бюро (октябрь 1912 г. – октябрь 1917 г.) доминирующее положение занимала партия Дашнакцутюн. Кроме всего прочего, Бюро занималось также вопросами размещения беженцев из Западной Армении, обеспечивало их продовольствием. После Февральской революции 1917 г. собрание представителей армянских политических направлений (Тифлис, март-июнь 1917 г.) сочло необходимым незамедлительно создать временный орган, которому предстояло заниматься организацией национальных проблем и их руководством, и в случае необходимости выступать бы в качестве выразителя стремлений и интересов армянского народа. Было также сочтено целесообразным создать подобный орган и при Национальном Бюро, не отдавая в нём предпочтения ни одной из политических партий и течений. Армянские большевики не признавали Национальное Бюро и выступали с необоснованными обвинениями против него. После создания Армянского национального совета (октябрь 1917 г.) Национальное Бюро прекратило своё существование.

текущими делами и должен был готовить созыв нового съезда. Второй съезд состоялся 25-го ноября 1912 г. На этом съезде состав Национального бюро расширяется, и коллегами поэта становятся врач Степанян, Аршак Джамалян¹, Лео, Х.Африкян, А.Аргутян, А.Абелян, А.Саакян и другие². Таким образом, как уже было отмечено выше, в Национальном бюро были представлены почти все политические партии и общественные организации. Участие Туманяна в работе Бюро в определённой степени объясняется также этим обстоятельством.

Ованес Туманян был единственным писателем в Национальном Бюро. Позднее, 22-го февраля 1915 г., когда был создан новый, реорганизованный центральный комитет из пятнадцати членов, поэт снова был включён в его состав и оставался в нём вплоть до его ликвидации. В задачи Бюро входило также организовывать международную помощь армянскому населению Западной Армении. Другой задачей Бюро было достичь решения Армянского вопроса, воспользовавшись благоприятной ситуацией, возникшей в результате Балканской войны 1912-1913 гг. Если первоначально Национальное бюро занималось пропагандой Армянского вопроса, то после начала Первой мировой войны оно стало всячески содействовать созданию армянских добровольческих отрядов и групп для участия в сражениях на Кавказском фронте.

Судя по всему, Ов. Туманян время от времени имел разногласия с другими членами Бюро и вступал с ними в спор; об этом мы узнаем из свидетельства полковника Андраника Озаяна, который, говоря о русской ориентации поэта, сообщает: «Туманян с его дальновидностью понял и осознал, что армянский народ ввиду его географического положения должен связывать свою политическую судьбу с русскими. Не следует возлагать надежды на помощь и содействие с другими, дальними странами. Туманян остался в Национальном бюро и боролся с тёмными и невежественными силами, до конца оставаясь поборником своих политических убеждений; его не заботило то, что члены бюро восставали против него...»³.

Своим указом от 23-го июля 1914 г. Николай Второй разрешил формировать национальные, в том числе и армянские, добровольческие группы и отряды. Армянские добровольческие отряды могли оказать реальную

¹ Аршак Джамалян (Исаакян) (1882, Гандзак – 1940, Париж) – общественно-политический, государственный деятель, член партии АРФ “Дашнакцутюн”.

² Съезд постановил оказывать содействие Католикосу всех армян Геворгу Пятому в деле установления связей с патриаршеством Константинополя, а также с армянскими духовными и политическими органами Эчмиадзина, Парижа и Санкт-Петербурга в целях представления Армянского вопроса, всячески пропагандировать Армянский вопрос в общественных и правящих кругах России. С целью озвучивания Армянского вопроса в странах Европы руководителем созданной национальной делегации был назначен Погос Нубар Паша. См. Национальный архив РА, ф. 222, оп. 1, д. 24, л. 25.

³ Туманян в воспоминаниях современников, стр. 551.

помощь в деле продвижения на Кавказском фронте, в направлении Западной Армении, во имя её освобождения от многовекового турецкого ига. После царского указа начались переговоры Армянского национального бюро с царским наместником на Кавказе Воронцовым-Дашковым. В результате этих переговоров начался процесс формирования армянских добровольческих отрядов. Одновременно начался приток на Кавказ десятков тысяч армянских добровольцев из самых разных мест.

Россия не могла рассчитывать на формирование добровольческих отрядов из западноармянского населения. И не только по той причине, что это были турецкие подданные, граждане Турции, но и потому, что Турция своей дальновидной политикой заблаговременно пресекла подобный возможный ход развития событий и лишила армян возможности сопротивляться. Во-первых, всех армян мужского пола независимо от возраста призвали в турецкую армию, затем начали разоружать и уничтожать их. Точно так же турки поступили и с греками. Армян переводили из фронтовых районов в тыл, использовали как рабочую силу в специально сформированных рабочих отрядах. Разоружённым мужчинам поручалась самая тяжёлая работа: строительство дорог, мостов и укреплений, перемещение грузов. Затем измождённых, изнурённых непосильным трудом и постоянным недосыпанием армянских солдат вывозили группами в 50 или 100 человек под военным или полицейским конвоем из места их дислокации и уничтожали. Поэтому Россия могла надеяться только на содействие населения Восточной Армении, которое изъявляло готовность и желание принимать участие в боевых действиях. Ввиду этого по специальному распоряжению была объявлена амнистия бежавшим от политических преследований армянским политическим и общественным деятелям и видным представителям национально-освободительного движения, которые также были интегрированы в это крупное общенародное начинание.

Россия решает привлечь к делу формирования армянских добровольческих отрядов народного героя, одного из лидеров национально-освободительного движения армянского народа, впоследствии генерал-лейтенанта русской армии Андраника. Во время Балканской войны 1912 г., в совместной борьбе болгар, сербов, греков, македонцев против турецкого господства, полководец Андраник неоднократно отличался своей храбростью и самоотверженностью, своими героическими подвигами. Вокруг его имени уже сплетались легенды, и армянский полководец к тому времени уже имел множество наград, в том числе Серебряный и Золотой Крест, а также «Крест за отвагу». Большую известность Андранику снискали его героические действия в Шапи-Гарахисаре, Сасуне, где он возглавил крестьянское восстание. В районе церкви Сурб Аракелоц Андраник разбил наголо и обратил в бегство значительно превосходящую по численности регулярную турецкую армию. Имея в виду боевую славу полководца и всенародную любовь к нему, российское военное начальство шифрованной телеграммой вызвало Андраника из Варны, и после того,

как он прибыл в Тифлис, 12-го августа 1914 г., узаконило армянское добровольческое движение, которое с 23-го июля находилось в стадии формирования.

Перед главнокомандующим Кавказского фронта генералом Ал. Мышляевским и его помощником Юденичем Андраник предстаёт в сопровождении епископа Месропа, Акопа Завриева и градоначальника Тифлиса Ал. Хатисяна. Андраник обещает русским генералам присоединиться к русской армии со своими четырьмя формированиями, каждое из которых состояло из тысячи воинов. Полководец Андраник, согласно предварительной договорённости с русскими военачальниками, должен был не только принять командование одним из добровольческих отрядов, но и выполнять миссию советника русского командования в ходе боевых действий.

Для русской стороны формирование добровольческих отрядов и их боевые действия имели очень важное значение. Роль армянских отрядов трудно переоценить в особенности с учётом особенностей географического положения, знания языков. По этой причине русские власти не скупались на неопределённые и ни к чему не обязывающие обещания о предоставлении автономии армянскому населению Западной Армении. Армянские национальные партии, общественные организации и вся передовая интеллигенция, поверив имперским заверениям и не имея никакой иной альтернативы, приступили к активным действиям. В Российской империи к началу мировой войны проживало более двух миллионов армян (точнее – два миллиона пятьдесят четыре тысячи), и из этого числа в царскую армию были призваны 250 тысяч армянских юношей.

Для формирования армянских добровольческих отрядов и обеспечения их оружием и боеприпасами был создан военный совет, представители которого стали проводить широкомасштабные рекрутские действия во многих армянонаселённых местах, а Армянское национальное бюро имело свои подразделения в Москве, Петербурге, Нор-Нахиджеване, Мариуполе, Баку и других городах. Ощутимую материальную помощь армянскому добровольческому движению оказали армянские комитеты Москвы, Петербурга, Баку, Тифлиса, а также Нью-Йорка, Парижа, Лондона, а оружием и обмундированием помогло царское правительство.

Добровольцы прибывали из разных городов России, Болгарии, Румынии, США и других стран. Число желающих записаться в солдаты и как можно скорее отправиться на фронт значительно превзошло все ожидания. Так, в сентябре 1914 г. уже были сформированы четыре армянских добровольческих отряда. Командирами были назначены Андраник (1-й отряд, который был сформирован в Салмасте), Драстамат Канаян (Дро, 2-й отряд), Амазасп Срвандзтян (3-й отряд, сформирован в Кагзване), Керы (Аршак Гафавян, 4-й отряд, сформирован в Сарикамыше). Позднее были сформированы 5-й отряд (командующий – А.Джанполадян), а в 1915 г. – также 6-й и 7-й отряды. 6-й отряд возглавил Григор Авшарян, которого

после его гибели в январе 1915 г. сменил Гайк Бжишкян (Гай). 7-й отряд сформировался осенью 1915 г. и во главе его встал Овсеп Аргутян.

К концу 1915 г. общее число армянских добровольцев приблизилось к десяти тысячам. В 1915-1916 гг. добровольческие отряды оказали весьма ощутимое содействие русским войскам.

Наиболее крупным добровольческим формированием был 1-й отряд под командованием Андраника – около 1200 солдат, тогда как в других трёх отрядах было по 400 бойцов. Ещё 600 добровольцев насчитывалось в запасном подразделении, которое возглавлял Ханасори Вардан. Армянские добровольческие полки, в отличие от воинских формирований, являлись самостоятельными, автономными воинскими частями, независимыми армейскими единицами.

Для армян это добровольческое движение носило патриотический характер, поскольку его целью было при поддержке действовавшей на Кавказе русской армии освободить Западную Армению от турецкого ига. Ованес Баграмян также утверждает, что шесть добровольческих отрядов и 7-я запасная воинская часть вошли в состав русской армии «с целью освобождения Западной Армении»¹. Между тем царское правительство преследовало только свои политические интересы – как на Ближнем Востоке, так и в Западной Армении. Россия была уверена в чувстве симпатии армянского народа и в заветные национальные устремления, связанные с возможностью освобождения исторической родины от векового врага. Именно это обстоятельство и пыталась использовать Россия для своей выгоды.

Формирование и комплектование добровольческих отрядов продолжалось. Именно с этой целью в первые дни ноября 1914 г. Туманян оказывается в Баку, куда он отправился, вероятно, в последние дни октября². Несмотря на то, что причины и цели поездки поэта не афишировались, но можно не сомневаться, что он отправился в Баку с целью оказания поддержки армянскому добровольческому движению и организации сбора пожертвований. Как всенародно известный поэт и пользующийся огромным доверием и авторитетом общественный деятель, он стремился вселить веру и надежду в освобождение Западной Армении, заражая народ своим жизнеутверждающим оптимизмом, заряжая его силой и энергией, необходимой для противостояния предстоявшим трудностям и испытаниям.

Конечно же, независимо от целей и задач, поездка Туманяна в Баку не могла оставить равнодушными армянских детей-бакинцев. Разумеется, поэт не мог принять все их приглашения, однако из корреспонденции в бакинской газете «Арев» за 3-е ноября 1914 г. узнаём, что писатель посетил

¹ См. И.Х.Баграмян, «Мои воспоминания», Ер., изд-во «Айастан», 1979, стр. 21.

² В Тифлисе эта информация была опубликована только 7-го ноября, однако о подлинной цели поездки поэта в Баку в ней не было сказано ни слова. См. «Оризон», 1914, N248, 7-го ноября.

бакинскую армянскую гимназию Рипсимян, где его радушно встретили представители попечительского совета, учителя, «стоявшие в коридорах парами многочисленные школьницы, в руках у многих из которых были букеты свежих цветов, чтобы преподнести своему любимому поэту»¹. «И как только поэт появился на пороге перед дверью, – продолжает автор корреспонденции, – вся школа всколыхнулась от приветственных возгласов»². Поэта приветствовал исполнением гимна школьный хор под руководством А.Маляна. Затем прозвучали отрывки из оперы «Ануш» и «Моя песня» на стихи Туманяна. С приветственным словом к поэту обратился инспектор гимназии, а учащиеся выступили с чтением его произведений³. Почти дословно приведённый в печати отрывок из выступления Ов.Туманяна не попал в десятитомное Полное собрание его сочинений, и поэтому мы приводим его здесь полностью и дословно, как его изложил корреспондент газеты «Арев». Обратившись к школьникам, Туманян сказал: «Вдохновителем армянского писателя, армянского поэта сегодня должна быть армянская школа. Сказано: воспитать мальчика – значит воспитать человека, а воспитать девочку означает воспитать мать, воспитать семью... Необходимо строить новые дома на руинах веков, и родную речь всегда нужно бережно хранить. Ваши учителя ведут вас не завоевывать страны, новые земли, а добиваться духовных завоеваний, и они открывают перед вами двери просвещения. Армянский писатель, армянский поэт всегда воодушевляется, видя то строение, над которым будет трудиться всё поколение»⁴. Как отмечается в уже цитированной корреспонденции, «учащиеся, воодушевлённые словами своего сердечного друга, снова всколыхнули школу приветственными возгласами»⁵.

3-го ноября 1914 г. поэт пишет и через два дня публикует в газете «Арев» стихотворение «Последняя тревога». В этом стихотворении Туманян, сказав о совместной борьбе армянских и русских воинов против Турции – «старого дракона», опосредованно призывает не поддаваться на провокации, поскольку надежду на спасение он видел в национально-освободительной борьбе армянского народа при поддержке России. На борьбу «со старым драконом» вышел армянский воин, храня в душе «древние надежды и вековое волнение», и вместе с ним – «северный орёл», который, летя над армянскими горными вершинами, должен был вести за собой «судьбу и завтра армянина».

В этот момент помощь России – «северного орла», виделась поэту довольно реальной и осуществимой, а подвиги и победы Андраника и армянских добровольцев на полях сражений становились для него источником оптимизма и веры в близость и возможность конечной победы.

¹ «Арев», Баку, 1914, N173, 3-го ноября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Примечательно, что в первом научном издании собрания сочинений поэта стихотворение «Последняя тревога» было опубликовано без третьей и пятой строф. Сегодня трудно утверждать наверняка, в чём именно кроется причина этого: в нежелании издателей представить эти строки массовому читателю, тем самым защитив Туманяна от возможных нападок и очередных обвинений в националистических настроениях, или же эти строки вырезала ножницами цензура. Однако очевидно, что в третьей строфе речь идёт о судьбах наших западноармянских братьев («полумёртвые страдальцы»), об армянских добровольческих отрядах («самоотверженные группы»), о нашем накопившемся многовековом гневе и борьбе.

Концовка стихотворения, в которой говорится о том, что «северный орёл» сыграет решающую роль в исторических судьбах армянского народа, в его завтрашнем дне, вызывает ассоциации с концовкой публицистической статьи поэта «Третий удар». В статье возможность решения неразрешимого «Армянского вопроса» также связывается с северным великаном. «Третьим ударом северный великан – великая Россия – решает старый, кровавый вопрос армянского народа, обеспечивает его будущее и ведёт его к братству свободных народов» (7, 159).

Без вышеупомянутых двух строф остаётся не совсем понятным, кто же этот «старый дракон», против которого вышел сражаться армянский воин, хранящий в душе «древние надежды и вековое волнение», и спешащий ему на помощь «северный орёл», которому суждено сыграть важную роль в судьбе армянского народа, в его будущем. Эти же настроения выражены в статье «Древнее слово», которую поэт написал, по всей вероятности, в эти же самые дни, хотя она была опубликована в иллюстрированном литературно-художественном приложении к «Оризону» от 23-го ноября 1914 г¹.

Весть о пребывании Ов.Туманяна в Баку в газетах Тифлиса публикуется с большим опозданием, только 7-го ноября, причём авторы корреспонденций старательно обходили вопросы, связанные с действительными политическими целями и задачами поездки, и подчёркивали только посещение писателем гимназии и оказанный ему исключительно тёплый приём².

В завершение остаётся только добавить, что поездка Туманяна в Баку вызвала большое воодушевление у всего армянского населения города, и писатель преуспевал как в организации сбора пожертвований в пользу западноармянских беженцев, так и в формировании армянских добровольческих отрядов. В этом смысле, конечно, важную роль сыграло его воодушевлённое выступление на встрече с армянской общественностью. Во

¹ См. «Оризон», 1914, приложение N2, 23-го ноября.

² «Оризон», 1914, N248, 7-го ноября.

многим благодаря Туманяну 5-го ноября из Баку на фронт отправилась большая группа армянских добровольцев¹.

Вернувшись в Тифлис, Туманян начинает готовиться к новой поездке, на этот раз уже не в тыл, а в самое пекло военных действий – на Кавказский фронт.

ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ

В 1914 году Ов. Туманян собирался поехать в Ани, чтобы обогатить хранилище древних рукописей (матенадаран) города как своими художественными произведениями, так и новыми арменоведческими книгами, а также чтобы вновь приобщиться к древним манускриптам армянской письменной культуры. Однако это намерение поэта в очередной раз сорвалось. Начавшаяся мировая война внесла свои коррективы в относительно размеренный ритм жизни поэта, расстроила все его планы и своим ужасным шествием подвергла смертельной опасности физическое существование его родины и армянского народа. Вместо намечавшейся поездки в Ани поэту пришлось в течение восьми месяцев (с ноября 1914 г. по июль 1915 г.) два раза отправиться в Западную Армению, в страну Васпуракан, в зону боевых действий, «в мир руин и трупов». Поездки эти он совершил по собственной инициативе и в рамках деятельности Армянского национального бюро.

Важным источником, повествующим о первой поездке поэта, являются его дневниковые записи, а также написанные с фронта и сохранившиеся три письма, отправленные семье и Филиппу (Пилипосу) Вардазаряну. Важные факты и подробности находим также в очерке Ширванзаде «Из мест войны».

Первая поездка Ов. Туманяна в Западную Армению, в самое пекло боевых действий, была связана с деятельностью армянских добровольческих отрядов.

Как уже отмечалось, в начальной стадии войны политика, которую вела Россия на Кавказе, была двойственной, в каком-то смысле – двуличной. Еще до начала войны, 23-го июля 1914 г., царское правительство приняло решение о пополнении русской армии инонациональными добровольческими формированиями, имея целью привлечь армян-добровольцев, вооружить и обмундировать их и при их деятельном содействии занять Западную Армению. После того как это решение было обнародовано, начались переговоры Армянского национального бюро с царским заместителем на Кавказе Воронцовым-Дашковым. В результате были сформированы армянские добровольческие отряды.

¹ Там же, N252, 12-го ноября.

Для армян это движение носило ярко выраженный патриотический характер, поскольку его главной задачей и целью было освобождение Западной Армении от турецких завоевателей, поэтому армяне готовы были всячески помогать русской армии, в которой они видели своего союзника и спасителя.

Оказывая содействие созданию добровольческих отрядов, русское правительство вместе с тем препятствовало их деятельности, беспокоясь по поводу возможного требования автономии со стороны армян. Конечно, беспокойство это не было беспричинным и необоснованным. По свидетельству будущего маршала Ованеса Баграмяна, созданные шесть добровольческих отрядов и седьмое запасное воинское подразделение вошли в состав русской армии «с целью освобождения Западной Армении»¹.

С одной стороны, из уст царского наместника звучали многочисленные обещания, с другой стороны, в российских официальных кругах распространялись клеветнические измышления и сплетни о самоотверженно сражавшихся за родину повстанцах. То есть делалось всё, чтобы дискредитировать армянских добровольцев и армянское население. Распространялись ложные слухи, что якобы армяне плохо сражаются, плохо обращаются с турецким и курдским населением, грабят его, что армяне не подчиняются русскому командованию, что, притворяясь ранеными, они позорным образом обращаются в бегство, что приграничные армянские сёла укрывают их и т.д. То есть армянские воины выглядели «сепаратистами», «автономистами».

Первые армянские добровольческие отряды отправились на передовую в ноябре 1914 г. Отряд Андраника сражался в направлении Хой-Дилман-Ван, отряд Дро (Драстамата Канаяна) – в направлении Игдыр-Баязет-Беркри-Ван, третий отряд – в направлении Кагзван-Алашкерт-Маназкерт-Багеш, 4-й отряд – в направлении Сарикамыш-Эрзрум. Армянские добровольцы, как это неоднократно отмечали очевидцы, сражались храбро и самоотверженно.

Однако, как мы уже отметили, цели и задачи царской России были совершенно иные и носили неприкрытый геополитический характер. Ей необходимо было использовать армянские добровольческие отряды, чтобы осуществить свои завоевательские, захватнические планы. Известно, что 5 апреля 1915 г. командующий Кавказским фронтом генерал-лейтенант Н. Н. Юденич обратился к наместнику на Кавказе И. И. Воронцову-Дашкову с предложением отправить из России в занятую русскими войсками Алашкертскую долину крестьян, которые должны были подготовить земли и пастбища для ее последующего заселения русским населением. Своим приказом от 7-го апреля Н. Н. Юденич запретил местным жителям, армянам, не только заниматься сельскохозяйственными работами в

¹ И.Х.Баграмян. Мои воспоминания. Ер., Изд. «Айастан», 1979, стр. 21.

Алашкертском, Диадинском и Баязетском округах, но и вернуть ся к своим родным очагам¹.

НА ПЕРЕДОВУЮ

Необходимость выяснения, уточнения причин и побудительных мотивов предвзятого отношения русских генералов вынудила руководство Армянского национального бюро и Католикоса сформировать по выбору председателя Бюро Месропа Тер-Мовсисяна группу из видных армянских духовных лиц и представителей интеллигенции и отправить её на фронт. В составе группы были М.Тер-Мовсисян, Ов.Туманян, Ширванзаде, епископ Хорен Мурадбекян (впоследствии католикос), инспектор Нерсисянской гимназии Овсеп Хунунц, Смбат Хачатрян (впоследствии мэр Еревана), священник Никогойос Бавоян (Тер Никол). Самсон Арутюнян предоставил Туманяну для этой поездки своё пальто.

Группа выехала из Тифлиса 15-го ноября и вернулась 15-го декабря. Предполагалось проехать через Игдыр и Карс в район Баязета, в долину Алашкерта, Басен, Делибаба, Хорасан, Зивин, Сарикамыш, Александраполь. Целью поездки было побывать в тех местах, где сражались армянские добровольцы, лично удостовериться, что происходит на самом деле на фронте. Именно во время этой поездки Туманян, встретившись и пообщавшись с некоторыми русскими офицерами и генералами, впервые узнаёт о вопиющих фактах несправедливого, предвзятого отношения высокопоставленных русских военных к армянам.

В Игдыре офицер запаса, прапорщик Аршо Шаххатуни сообщает, что генерал Пётр Огановский готов в любое время принять членов делегации. 18-го ноября с 10 часов утра Туманян дважды встречается и беседует с командиром корпуса, генерал-лейтенантом русской армии Огановским. Первая беседа проходит в присутствии генерал-лейтенанта Владимира Ляхова, который на протяжении всего разговора хранит молчание. Ляхов в годы Первой мировой войны был главным генералом штаба Первой армии, а в 1917 г. – командиром Первого Кавказского корпуса. Он был убит в Батуме неизвестными лицами. Туманян писал о нём в своих дневниках: «Ляхов – известный по Тегерану Ляхов. Он армяноненавистник и не скрывает этого» (Ов.Туманян, ПСС, т. 8, стр. 351. В дальнейшем будут указываться только том и страница этого издания). Это был первый случай, когда Туманян использовал определение «армяноненавистник» применительно к русскому генералу, и ему предстояло в последующие годы довольно часто повторять его, характеризуя других высокопоставленных военных русской армии. На протяжении всей беседы, хотя Ляхов и хранил молчание, однако у него было такое выражение лица,

¹ Лео. Из прошлого. Воспоминания, документы, суждения. Тифлис, 1925, сс. 321-323 (на арм. яз.).

которое со всей очевидностью выдавало его высокомерное отношение. Туманян заметил, что адъютант Огановского Азол (Озол) положительно относился к армянам, а «Ляхова совершенно не любил». По утверждению Туманяна, «епископ Месроп вёл беседу с большим тактом» (8, 351). 48-летний Огановский внешне принял армянскую делегацию довольно «любезно». Он сразу же поручил Шаххатунни сопроводить группу в качестве телохранителя до Арцапа. Огановский отдавал явное предпочтение храбрости и боевым качествам русских солдат, когда же разговор касался армянских добровольцев, он проявлял определённую дипломатичность: подчёркивая некоторые их достоинства и преимущества, не опровергал при этом распространяемые лживые слухи, давая тем самым понять, что они соответствуют действительности. По его утверждению, русская сторона предоставила в распоряжение армянских повстанцев Игдыра 900 винтовок, «400 винтовок Мосина, 500 берданок», причём последние были выданы для бесплатной раздачи с целью самозащиты, а некоторые из армянских добровольцев якобы «продавали их в окрестностях Сурмалу по десять рублей за штуку». По этой причине было сделано замечание начальнику армянского штаба в Игдыре Сааку и было начато расследование для выявления хозяев берданок. Огановский признавал важное значение армянских повстанческих групп, то, что они хорошо знали местность и язык населения, благодаря чему они и приносили пользу русским войскам, однако в присутствии Ляхова выражался по возможности сдержанно.¹ Огановский высоко оценивал роль генерала Андраника, его мужество и опыт и именно с ним связывал надежды на взятие Вана. Однако даже сдержанная оценка, даваемая Огановским армянским повстанцам, вызывает нескрываемое неудовольствие и возмущение его коллеги Ляхова, и он открыто выражает своё недоумение по этому поводу.

Вторая встреча с генералом Огановским происходит в тот же самый день в Игдыре, когда Огановский вместе со своим адъютантом Бекдабековым навещает с визитом армянскую делегацию. На этот раз генерал пытается выглядеть более доверительно; желая подчеркнуть свою объективность и непредвзятость, он упоминает о своём армянском происхождении, говоря: «Я искренне симпатизирую армянам... Знаете, в моей крови также есть немного «Карапета»».² Он снова заверяет, что относится к армянам с большой симпатией и выражает желание, чтобы проблемы «турецкоподданных армянских братьев» были окончательно решены. Вечером Туманян посещает бараки армянских добровольцев, где встречается с сотней армянских повстанцев, которым предстояло соединиться с отрядами бойцов, сражавшихся на передовой линии фронта. Среди них были как опытные воины, принимавшие участие в русско-японской войне, так и «безусые, безбородые студенты», ремесленники и рабочие. Был

¹ См. литературный сборник «Дзитени», Тифлис, 1915, стр. 10 (на арм. яз.).

² Там же.

среди них и известный в своё время русский оперный певец Волгин,¹ который разъяснил членам делегации, что приехал сражаться за свободу маленького многострадального армянского народа. Была на встрече и студентка, сестра милосердия Сатеник Погосян, которая через несколько дней у Сарикамышы вместе с составом санитарного поезда должна была попасть в руки турков и чудом спастись – после нескольких дней отчаянной борьбы.

В тот же день, 19-го ноября, по дороге в Оргов, куда делегация отправилась на девяти лошадях, Туманян встречается с верблюжьими караванами, везущими военное продовольствие. Чтобы избежать соседства с караванами, один из проводников меняет маршрут, и группа оказывается в заболоченной местности. Туманян, Ширванзаде и Хунунц были вынуждены слезть с лошадей и провести их через топь. Вместе с делегацией в трясины оказывается также целый верблюжий караван. Можно только предположить, каким невероятным страданиям подвергся часто болевший, легко простужавшийся поэт за те три с половиной часа, проведённые в холоде и сырости, пока им, наконец, удалось выбраться из трясины и взобраться на вершину Оргова. Это был крайний пограничный пункт, удерживаемый русскими военными. Там они встречаются с Арш. Шаххатуни и десятью русскими бойцами, которые выражают удивление, что армянской делегации удалось пройти через болота без потерь. Туманян и другие члены комиссии оказываются очевидцами ареста одного местного армянина, который с использованием полученного для самозащиты оружия собирался везти на продажу рыбу из Игдыра в Баязет. Разъярённый командир грозился доложить об этом генералу – с тем чтобы «армян разоружили».²

Переходя горный перевал Чингиля (Каркар) в условиях снежной бури, по обе стороны дороги делегация видит погибших лошадей и волов, а также караваны верблюдов. Шагая по оставленным на снегу верблюжьим следам, группа видит то самое место, где впервые произошло вооружённое столкновение между русскими и турками.

В полдень, в половине первого, делегация добирается до турецкой таможенной станции Кара, которую русские переименовали в Каре. Покидая станцию, турки успели разграбить казну и привести в негодность, «испортить» водоканал. Станция к тому времени служила временным пристанищем для раненых и больных воинов, которых переносили с поля боя без носилок. Туманян посещает служившее «госпиталем» полуразрушенное строение с земляным полом и замшелыми сырими стенами. Писатель отмечает, что «вокруг ближайших курдских поселений обработанных земель нет. Вспашка и засев оставлены армянским крестьянам».³

¹ Волгин – псевдоним певца Сергея Собинова (1876-1927), родного брата Леонида Собинова (1872-1934).

² Ширванзаде, Собр. Соч. в 10 тт., т. 9, стр. 111 (на арм. яз.).

³ Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 355.

Ничто не остаётся вне пределов его внимания: ни стаи куропаток, ни жалкие, превратившиеся в руины курдские поселения, в которых остались только заготовленные на зиму дрова, ни развалины дворца Ахмада-аги, ни разруха и грязь вокруг. А по наблюдению Ширванзаде, «грешно называть эти берлоги человеческим жилищем. Это, скорее, серые кучки навороченных камней, которые издали производят впечатление кладбища».¹ Туманян вместе с другими членами группы сходит с лошади и заходит в какое-то низенькое и полуразрушенное строение, где их встречают удивлённые русские офицеры и врач-еврей. Дорога в Арцап проходила мимо курдского села, близ которого произошло второе сражение русских воинских частей с турецкой регулярной армией, состоявшей из гамидиевских² солдат и 1500 аскеров. Потерпев сокрушительное поражение, турки в течение нескольких часов отступили из этого места в район Диадина, а курды, успев разграбить Арцап, скрылись в горах. Преодолев за шесть с половиной часов расстояние в 32 версты, снова попав в болотистую местность, армянская делегация во второй половине 20-го ноября добирается до Арцана, где в сознании поэта запечатлевается построенная на возвышенности древняя церковь со своим большим изогнутым куполом, а также исходящий из села дым.

Арцап стал первым западноармянским селом, куда ступила нога Туманяна. Он увидел крепость, окружённую полуразрушенными стенами, разрушенную церковь Св. Григора, а также Цахкаванк, который процветал вплоть до конца 19-го века. Женщины и дети вышли из домов, чтобы встретить незнакомых гостей. В селе не было школы, всюду царил нищета. Каждый дом имел от тридцати до девяноста наделов земли. Узнав о продвижении русского войска, арцапцы поначалу обрадовались, поскольку в их селе находились 1500 турецких солдат. Застигнутые врасплох, турки-гамидиевцы успели перед бегством разграбить армянскую церковь и несколько армянских домов, увели с собой восемьдесят голов крупного рогатого скота, а также многое из того, что встречали по дороге. Турки захватили в плен 90 армянских воинов, 82-м из которых удалось бежать. Русские почти всем арцапцам раздали ружья, однако жители села были недовольны. Причины были вполне понятны: русские солдаты проживали в домах армян, в которых комнаты были «маленькие, тесные и бедные».³ Солдаты бесплатно использовали все запасы дров, а древесины в селе не было, дрова приходилось привозить из Игдыра. Столь же быстро

¹ Ширванзаде, Собр. Соч., т. 9, стр. 115.

² Гамидие (тур. Hamidiye, в буквальном смысле означает «принадлежащие Хамиду») – хорошо вооружённые нерегулярные курдские и карапахаские кавалерийские формирования, которые действовали в восточных районах Османской империи. Учреждены и названы в честь султана Абдул-Гамида II в 1890 году. Гамидие были созданы по примеру русских казаческих формирований для патрулирования русско-турецкой границы. Однако, Гамидие чаще использовались османскими властями для преследований и нападений на армян в Западной Армении.

³ Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 355.

расходовались другие виды топлива, в том числе коровяк, а также корма для скотины – высушенная трава, сено. И если бы не поступило помощи извне, то «народ натерпелся бы из-за холода, а скотина вся погибла бы».¹

Однако жители были недовольны не столько усугублявшимся из-за русских военных бедственным положением, что в те роковые дни стало для них обычным явлением, сколько причинением беспокойства их женщинам. «В каждом доме живут солдаты, вместе с семьёй, - пишет поэт. – Жалуются, что трогают женщин. И керосина нет, бывает темно».² Но в глазах поэта женщины выглядели достаточно смелыми. О посягательствах на честь армянских женщин со стороны русских солдат свидетельствует в беседе с Туманяном житель армянского села Горганан, которого прозвали Орманом – в честь патриарха Магакия Орманяна. «Рассказывает, что солдаты, действительно, приходя ночью, заходят замёрзшие и залезают к ним в постель, но это частные случаи».³ Примечательно, что об этих случаях свидетельствовал армянин, который пользовался доверием и уважением среди русских.⁴

Во время путешествия самое угнетающее впечатление производили рассказы очевидцев об изнасилованиях армянских женщин. В дневнике Туманяна читаем: «Изнасилования женщин повсюду, без разбора – курдиянок, турчанок и армянок, совершались в ужасающих размерах – отступая, насиловали гамидиевцы, затем казаки, до сих пор, потом все без исключения погромщики. Хачатур говорит: своими глазами видел, жёны известных людей в Мосуне просто лежали и не могли встать, их настолько насиловали, подряд, по меньшей мере, 40 человек; в Диадине были слышны вопли женщин. А в домах армян солдаты и казаки спят вместе с хозяйками. И все деревни переполнены».⁵

Армянской группе в Арцапе было предоставлено большое помещение с земляным полом, глиняными стенами, овальным деревянным потолком, железной печкой. Измождённым от дороги, от холода и выюги членам комиссии эта комната показалась залом, «царской гостиной», тем более, когда им подают чай в маленьких чашечках для вина. Пришёл старый приходский дьякон и стал рассказывать о грабежах и бесчинствах, которые чинили вначале турки, затем курды. Безоружные молодые армяне были вынуждены скрываться в горах. К счастью, погромщики не убили женщин и детей. Затем пришли русские. Армяне открыли свои закрома и ничего не жалели для них, хотя к этому времени у них не было ни пшеницы, ни овса и сена, не говоря уже о топливе.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Орман сбежал из полка убившего его отца, оказавшего сопротивление туркам, тысяцкого турецкой армии курда Ахмад бека, присоединился в Игдыре к русскому войску и вернулся в Арцап. Русские ходатайствовали о назначении Ормана старостой села.

⁵ Ов. Туманян, ПСС, т. 8, стр. 377.

Русские грабили как напрямую, в открытую, так и в форме вымогательства. Они конфисковывали продовольствие и выплачивали мизерную часть его стоимости. Туманян пишет о следующем приказе командира размещённых в Караклисе и Таглиджане полках Волжской и Тверской казаческой армии полковника Тускана и его помощника Цугулуева: «Брать овёс в виде реквизиции за 30 и сено за 15 (цена овса была 70, а сена - 30). И таким образом грабят. Это стало обычным делом».¹ Были также случаи, когда русские грабили и во избежание наказания сваливали свою вину на армян. Так, например, русский офицер Свирин рассказывал Туманяну: «Казачи отобрали 40 овец и передали их какому-то армянину – дескать, отведи в село, а там передашь нам, будто бы это наше. Дело было раскрыто, более 100 солдат возмущаются против офицера. Тем не менее, 8 обвиняемых отправляют в Караклис – в полевой суд».² Можно только предположить, какого сурового наказания удостоились ни в чём не повинные армянские крестьяне в караклиском полевом суде, где всеми делами управлял известный армянофоб генерал Абациев.

В Арцапе местным жителям-армянам удалось обезоружить курдов. «Турецкоподданные армяне преимущественно проявили большую храбрость при разоружении курдов, в том числе и в Арцапе».³ Однако вскоре Туманян узнаёт, что от русского командования «последовал приказ разоружить всех, как армян, так и курдов».⁴

Утром 20-го ноября члены комиссии идут в церковь Арцапа, где собралось армянское население села. В Арцапе все дома через стены сообщались друг с другом, с целью предупреждения о возникшей опасности. «Можно с одного конца села войти в первый попавшийся дом и выйти в другом конце, не видя улиц».⁵ Курды разграбили церковь полностью, унесли кресты и хоругви, все настольные украшения, книги и полки, унесли даже вмонтированные в стены деревянные предметы, то есть всё, что могло гореть. «Это старая церковь, - пишет Туманян. – Народ пришёл. Жалкий, съёжившийся. Дьякон-беженец. Епископы Месроп и Хорен читали молебен. Первое, что бросилось в глаза, была могила, могила убитого семью выстрелами отца Ормана. Говорил епископ Месроп. Сказал, что это лишения временные, пройдут и т.д. Говорили из народа – о топливе, о скотине, о еде... И впервые был прочитан имперский молебен в древней армянской церкви Арцапа и были прочитаны соответствующие молитвы».⁶

¹ Там же, т. 10, стр. 218.

² Там же, т.8, стр. 367.

³ Там же, стр. 385.

⁴ Там же, стр. 358.

⁵ Ширванзаде, Собр. Соч. т. 9, стр. 121.

⁶ Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 356.

Утром комиссия отправляется из Арцапа в окружённый огромными скалами и кажущийся неприступным Баязет.¹ По дороге повсюду можно было видеть трупы павших от холода, голода и усталости лошадей, верблюдов и ослов и сгрудившихся на них ворон и других стервятников-падальщиков, а также части разбитых экипажей.² Поле сражения было настолько близко, что при входе в Баязет со стороны Мосуна были слышны канонада и разрывы артиллерийских снарядов. Одна из двух крепостей находилась в самом конце города, другая крепость – вне города, среди скал. Между тем из неприступного Баязета турки по военным сообщениям бежали, не сделав ни единого выстрела. По утверждению Туманяна, турки и курды унесли и спрятали часть своего имущества и бежали сами – с тем, чтобы вскоре вернуться и учинить расправу над армянами, однако начавшаяся уже на следующий день страшная буря и метель помешала им реализовать свои намерения и, таким образом, город в течение трёх дней оставался в руках у армян. Некоторые турки оставили свои ружья на хранение армянам, а некоторые вообще спрятались в армянских домах.

У самого города армянскую делегацию встретила группа всадников, которыми руководил дьякон. Вышедшее навстречу местное население встретило прибывших соотечественников хлебом и солью, хотя и настроенно. Сразу же многочисленной толпой они направляются в полуразрушенную и разграбленную церковь города, где звучат утешительные слова епископа Месропа. Туманян свидетельствует также о террористических планах турецких военных. Когда турецкая армия оказалась вынуждена отступить, вместе с ней бежало также турецкое население. Однако перед уходом турки разграбили имущество армян; они намеревались также подвергнуть резне всё население города численностью 3700 человек, однако успели убить только четырёх. Они собирались также арестовать и «задушить» пятьдесят одного известного представителя армянской интеллигенции. «У них была большая программа террора, - пишет Туманян. – пятьдесят одного человека убить в Баязете, а отступая, стереть Арцап и Мосун».³ Однако осуществить очередную свою кровавую программу туркам не удалось по двум причинам. Во-первых, армяне поставили об этом в известность курдского руководителя Мамед-бега, который, по определению армян, был «редкостным» вождём, ну и, во-вторых, к тому времени

¹ Город-крепость Баязет в одноименной провинции Эрзрумской губернии. В Баязете восседал наместник главы епархии (мутасариф) и консул России. В 1914 г. население Баязета составляло 5000 человек, из которых 2000 были армяне, остальные – курды и турки. В городе были три мечети, две армянские церкви, не считая руины древнейшей церкви Аменапркич. Армяне были полностью истреблены и депортированы в 1918 г., когда туркам удалось снова захватить город.

² См. Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 360.

³ Там же, стр. 357.

подоспела весть о том, что русские войска вплотную подошли к окраинам Баязета.

В Баязете Туманян узнаёт сразу несколько жутких известий – одно страшнее другого. В частности, о том, что турки вырезали всё население армянского села Хачан, в котором насчитывалось более шестисот домов.

Туманяна навещает также корреспондент газеты «Мшак», начальник полиции Баязета Абгар Тер-Абрамян. Он от имени кавказских армян просит организовать приём у уроженца Еревана, всегда служившего среди армян генерала-губернатора Дрягина (Баядина).¹ Беседа проходит сначала в кабинете губернатора, затем в гостиной, за обеденным столом. На встрече присутствовал также бывший российский консул Акимович, являвшийся к тому времени секретарём генерала. Он разъяснил, что часто происходят досадные недоразумения из-за незнания русского языка западноармянским населением, и предложил предоставить армянам переводчика. Туманян с горечью отмечает, что, кроме влиятельных курдских деятелей, например, Бако, русских настраивают против армян также грузинские служащие. «Против армян настроены грузинские служащие, и вообще много заявлений с тяжкими обвинениями дошло до высокого руководства». ² Без какой-либо серьёзной причины могли быть брошены в тюрьму те люди, которые протягивали армянам руку помощи. Туманян рассказывает: «Какой-то мельник, порядочный человек, который помогал армянам, обвиняется в том, что он якобы намеревался убить русского офицера и свалить вину на курдов. Он арестован».³

Дрягин замечает, что армяне притесняют курдов. Когда ему возражают и говорят, что всё обстоит наоборот, что угнетёнными являются именно армяне, он отвечает: «До сих пор – да, но теперь армяне стали притеснять курдов»⁴. Хотя с лица губернатора не сходит улыбка, он озвучивает угрозу: «После этого в этой стране будет действовать закон, а не насилие».⁵ Можно только предположить, каково было недоумение и разочарование поэта при таком откровенном выражении намерения наказывать невиновных армян. И сколько бы генерал ни обещал: «Во всяком случае, можете верить, что я ваших многострадальных соотечественников не оставлю без защиты»,⁶ и как бы он ни улыбался, настроение писателя не могло от этого измениться и озабоченность не могла исчезнуть. В эти же самые дни был получен приказ о разоружении как курдов, так и армян. Однако Дрягин успокаивал членов комиссии, убеждая, что приказ относится только к курдам, которые весной становятся угрозой для всех.

¹ Речь идёт о генерал-лейтенанте русской армии с 1911-го г., генерал-губернаторе Михаиле Николаевиче Дрягине (1852- ?), участнике русско-турецкой войны 1877-1878 гг..

² Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 357.

³ Там же.

⁴ Ширванзаде, Собр.соч., т.9, стр. 129.

⁵ Там же, стр. 130.

⁶ Альманах «Дзитени», стр. 37.

Епископ Месроп в свою очередь поднял беспокоивший русских вопрос об автономии армян, отметив, что об этом говорили русские власти и давали обещания, а сами армяне такого требования не выдвигали. Комиссия попыталась также выяснить причины обыска домов армян и изъятия у них оружия со стороны русских. Объяснение было более чем нелепым. Генерал-губернатор ответил, что якобы турки и курды при бегстве отдали своё оружие на хранение армянам – с тем, чтобы по возвращении получить обратно, и поэтому у армян конфискуется вражеское оружие. Естественно, комиссия не могла поверить словам Дрягина, поскольку, как отмечает поэт, армян всё-таки разоружали русские. Он записывает: «В районе Баязета оружие у армян не отбирают, но Караклисе собирают».¹

Утром 22-го ноября Туманян встречается с курдским полковником Маммад беком Амар ага оглы. Он вместе с восьмьюстами курдскими всадниками и со всем своим родом сдался русским властям. Дом Маммад бека в селе Мирзаджан обыскивают – это было связано, вероятно, с теми распространёвшимися слухами, что он и его жена на протяжении продолжительного периода времени перевозили оружие для дашнаков.²

В тот же день совершается церковный молебен в церкви Баязета в присутствии русских войск и генерала-губернатора Дрягина и его помощника. После выхода из церкви местные юноши сопровождают Туманяна и его спутников в одну из крепостей, находившуюся на восточной окраине города и переоборудованную в казарму. Туманян встречается с несколькими турками, которые не только не бежали, но и пришли выразить своё дружественное отношение к армянам. Хозяин дома с уважением представляет писателю известного помещика и члена суда Исмаила эфенди Налбанд Заде, который являлся членом комитета самообороны армян и спас многих от верной гибели.

Среди армянских повстанцев выделялись две группы. Первую составляли сформированные на Кавказе добровольческие отряды, которые сражались вместе с русскими войсками и имели в своём распоряжении ружья-мосины³, а вторую группу – отряды самообороны, сформированные из местных жителей и вооружённые берданками. Именно последние осуществляли дело возврата расхищенного имущества своих родных. Возможно, они забирали также оставленные врагами пожитки в качестве трофеев, руководствуясь чувством мести и стремлением восстановить справедливость.

Туманян свидетельствует, что когда армянам удавалось вернуть назад своё похищенное имущество, то русские и грузинские военнослужа-

¹ Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 365.

² Там же, стр. 362.

³ Так называлась 7,62-мм (3-линейная) винтовка образца 1891 года (винтовка Мосина, трёхлинейка) – магазинная винтовка, принятая на вооружение в Российской Императорской армии в 1891 году.

шие представляли письменные жалобы властям о «грабежах» армян. Поэт пишет: «Курды ограбили армян до прихода русских. Прошёл месяц, и теперь, когда армяне возвращают своё имущество, эти люди приходят и жалуется, что армяне их ограбили. А армяне не придают этому особого значения, тогда как этим создаётся настрой».¹

Писатель, вполне возможно, не верил в тенденциозность русских, но он, тем не менее, считал, что об этом следует говорить во всеуслышание и поставить в известность как Национальное бюро, так и русские власти. ««Автономия» чрезвычайно раздражает правительственных чиновников, - отмечает поэт, - и часто с иронией спрашивают: Ну как, скоро у вас будет свой царь, да?.. Военный командующий свидетельствует, что армяне, бойцы сражаются подобно львам и они очень храбры, а курды – стадо баранов».² Что же касается грабежей, то в таких военных условиях, когда отступает то одна сторона, то другая, грабежи и вымогательство были обычным явлением. Причём грабежами и мародёрством занимались не только турки и курды, но и сами русские, и довольно открыто. В записях Туманяна встречаем следующие факты: русские забрали из дома старосты села Мейрамана Татоса Сафояна продовольствия на несколько сотен рублей, отдав ему только 18 рублей. В Баязете взяли у Ованеса Крмояна овса на 300 р., а отдали только 60 р. и при этом ещё и избили хозяина дома. У крестьян забрали 12 000 пудов сена совершенно бесплатно. Истина была настолько очевидна, что даже русские власти признавали, что их солдаты и офицеры чинят, мягко говоря, «беспорядки», имея в виду то, что они обирали армянских, неуважительно относились к армянским женщинам, однако при этом заверяли, что не имеют возможностей призвать распоясавшихся солдат к порядку.

Перед отправлением армянской комиссии из Баязета в Диадин русские перековали лошадей. Генерал-губернатор Дрягин, имея в виду ожидавшиеся возможные опасности, доводит число сопровождающих группу солдат до двадцати пяти. В трудной дороге, несмотря на наличие телохранителей, Туманян ни на минуту не расставался со своим тяжёлым маузером. Епископ Хорен и Смбат Хачатрян также были вооружены. Фактически вся группа, кроме Ширванзаде, была вооружена, и самое тяжёлое и «самое ужасное» оружие было в руках Туманяна.

В окрестностях Диадина снова встречаются павшие лошади, верблюды, волы, различные части сломанных повозок, а также трупы турков и курдов, погибших в сражении 22-го октября и остававшиеся незахороненными почти месяц. Были слышны канонада и артиллерийские залпы. Многие раненые скончались из-за холода, поскольку ночами некоторые курды приходили и крали одежду у своих соотечественников. Туманян свидетельствует: «По обе стороны дороги, близ Диадина, мы увидели трупы

¹ Там же, стр. 357.

² Там же, стр. 358.

павших курдов гамидиевцев, некоторые были полуголые, некоторые в одежде. Они были убиты месяц назад, в сражении 22-го октября».¹ «Долина трупов» производит страшное впечатление: после сражения в Диадине курды не только не похоронили своих соотечественников, но и снимали одежду с раненых, вместо того чтобы их спасти. В Кызыл-Дизе группа встречает сотенные отряды русских, которые распевали песни, возвращаясь после расправы с курдами окрестностей Мосуна, до основания уничтожив семь курдских сёл. Причиной карательной операции послужило то, что курды убили двух русских солдат.

23-го ноября группа уже была в Диадине, в большом курдском селе у подножия маленькой горы, где были родники с минеральной водой. Село это не было исключением во всеобщей картине ужасающей бедности и нищеты. Дома курдов, по описанию писателя, были маленькие, тёмные, глиняные, с низкими дверями, узкими окнами и страшно грязные. Из 400 домов только 14 принадлежали армянам. Группа ночует в доме старосты («старшины») села Мелкона Манукяна. На протяжении трёх-четырёх ночей беспрестанное «хоровое» завывание собак бежавших курдов не давало никому покоя.

Через Диадин прошла турецкая армия численностью в 6000 человек, но она не причинила большого вреда местным жителям, вероятно, потому, что в основном это были курды.

Из Диадина группа продолжает свой путь через пролежавшую между двух горных хребтов долину Алашкерта, по берегам Евфрата, в котором уже плавали куски льда. Редкие деревья вдоль дороги напоминали о варварском отношении диких орд к природе. Малочисленные армяне пытались сажать деревья и сады, а соседние племена их рубили. Какой-то местный житель рассказал о том, как курдская разбойничья банда уничтожила недавно засаженный армянином сад.

«- Почему вы это делаете? – спрашивает хозяин.

- У нас нет садов, пусть и у вас не будет, - отвечают курды».²

И действительно, замечают, что деревьями засажено только армянонаселённое село Учкилиса. Деревья обнаруживают и в удостоившемся трагической участи, полностью разрушенном и прекратившем своё существование армянонаселённом селе Зеткан.

По дороге, ведущей из Диадина в Тагличай и Неркин Суфле, группа встречает 30-40 арабов и турецких пленников в лохмотьях. Перед своим отступлением они разграбили церковь Св. Ованеса в селе Учкилиса, сожгли все книги, а церковь превратили в конюшню. Местное население, вернувшись, оказало русскому подразделению прохладный приём, и это очень удивило и возмутило какого-то офицера-грузина. Жители пояснили:

¹ Там же, стр. 363.

² Ширванзаде, Собр. Соч., т. 9, стр. 143.

«Мы вспомнили о предыдущих отступлениях и о том, что случилось с нашим селом из-за этого».¹

В селе Зиро, населённом армянами и курдами, группа посещает армянскую церковь, которая трижды подвергалась грабежам и в которой осталось только изображение Богоматери с маленьким Иисусом на руках. Здесь Туманян узнаёт, что и русские принимали участие в разграблении церкви и совершенно не считались с армянскими святынями. Посту рассказывают и о случае в Караклисе, когда русские солдаты, обнаружив во время обыска в одном из армянских домов две серебряные чаши для причастия, переданные на хранение католической церковью, реквизировали их и впоследствии выменяли «на четыре хлеба».² Католический служитель церкви был страшно удручён и опечален потерей этих чаш и без конца сетовал и жаловался по этому поводу. Члены комиссии выкупили эти чаши за 12 рублей и вернули католической церкви.³

Туманян имел также беседу с генерал-губернатором Ардагана, и тот подтвердил факты грабежей армянского мирного населения со стороны русских, и объяснял это тем, что русская армия не была в достаточной степени обеспечена продовольствием и даже военными запасами. Жители села Хази были недовольны отношением русских и говорили: «Мы находимся на развилке дорог, у всех под ногами. Что-то разграбили, что-то потребовали – мы отдали. Больше у нас ничего нет. Всё время требуют, а мы и языка-то не знаем, чтобы понимать, нас избивают».⁴

В селе Зиро слышат также историю о похищенной 18-летней армянской девушке по имени Гюзал и о её возвращении родителям русскими солдатами.⁵ После Зиро следуют сёла Йонджалу, Еринджа.

Наконец поздно вечером они добираются до Караклиса, большого центрального населённого пункта, в котором в это время находился штаб русского военного подразделения. В Караклисе крестьяне натерпелись не только от бесчинств турецких янычар и гамидиевцев, но и от грабежей и произвола со стороны русских солдат и офицеров, которые чинились при попустительстве и подстрекательстве генерала Абацьева.⁶ Туманян пишет: «Русские казаки разграбили и разорили полностью 250 магазинов.

¹ Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 366.

² Там же.

³ Там же, стр. 387.

⁴ Там же, стр. 370.

⁵ Ширванзаде, Собр. Соч., т. 9, стр. 149.

⁶ Речь идёт о Дмитриии Константиновиче Абацьеве (Дзамболат Абадзиев, Абацев)(1857-1936). Осетин по национальности, мусульманин по вероисповеданию, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., трижды награждался солдатским Георгиевским крестом. За взятие ночным штурмом Битлиса в 1916 г. награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. Получив в 1912 г. звание генерал-лейтенанта, в тот же день был назначен командиром Второй Кавказской казаческой дивизии. В годы Первой мировой войны сражался в районах Сарикамыш, Алашкерта. После советизации России сражался в рядах белогвардейцев против большевиков, впоследствии бежал в Югославию.

Теперь в 50-и остаётся войско».¹ В этом районе население было настолько настроено против русских, что сравнивало их с турками и даже особенно подчёркивало гуманные действия отдельных турок. Начальник отряда повстанцев (хмбапет) Хачатур заверял Туманяна, что «турки при отступлении защищали имущество и жизнь армян, даже оружием».²

В эти же дни выясняется, что русские войска готовятся к отступлению. В то время обязанности командира Второго добровольческого отряда исполнял Армен Гаро, поскольку 30-го октября на фронте получил ранение Дро (Драстамат Канаян), чьим заместителем был Армен Гаро.

Следующей целью комиссии было пройти из Караклиса в Дутах, чтобы встретиться с армянскими повстанцами, а оттуда поехать в Басен. Абацнев решительно противится, утверждая, что без официального перемирия он не может позволить армянской группе перейти границу фронта. Члены группы продолжают настаивать на своём решении, говоря, что именно для присутствия при военных сражениях они предприняли своё опасное путешествие и оказались там, что они не боятся попасть в плен. Однако генерал был настроен решительно. Все понимали, что он просто не хотел, чтобы группа встретилась с повстанцами. Абацнев также запретил группе пройти в Даяр (Дахар), который находился всего лишь в двух днях пути, и всячески препятствовал встрече группы с армянскими повстанцами. Абацнев с нескрываемой иронией и высокомерием отзывался об армянских добровольцах, обвинял местное армянское население в том, что оно занимается одними только грабежами, и требовал, чтобы комиссия вернулась по той же самой дороге, по которой пришла, и добиралась до Сарикамышы через Игдыр. На встрече присутствовал также генерал главного штаба Лебединский³, который во всём соглашался с Абацневым и просто повторял все его слова.

Туманян почти дословно приводит всё, что сказал во время встречи преисполненный злобы и ненависти к армянам генерал русской армии: «Армяне заняты грабежами и ограбили все дома курдов и турок... Мы заставляем расстреливать курдов и турок за грабежи, но никого из армян при этом до сих пор не наказали, рука не поднимается, чтобы распорядиться о расстреле, и у нас есть приказ, чтобы армян опекать особо и давать им оружие».⁴ Абацнев откровенно лгал, утверждая, что русские разоружают только курдов и турок, «а армянам мы даём оружие, и не было ни единого случая разоружения армян».⁵ Комиссия уже убедилась в том, что

¹ Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 371.

² Там же.

³ Речь идёт о генерал-майоре Евгении Васильевиче Лебединском (1873-?). Происходил из дворян Орловской губернии. Образование получил в тифлисской кадетской гимназии. В 1909 г. был назначен начальником штаба Второй Кавказской казачьей дивизии, в октябре 1916 г. – командиром 6-й специальной пехотной бригады, а с декабря 1917 г. по май 1918 г. являлся командующим Кавказским фронтом.

⁴ Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 372-373.

⁵ Там же, стр. 373.

больше всего армян разоружали именно в Караклисе. Абациев клеветал также на армянских повстанцев, утверждая, что якобы они «также занимаются грабежами».¹ Когда же члены комиссии приводят очевидные примеры грабежей со стороны курдов, Абациев возражает: мол, армяне «разграбили у несчастных курдов всё имущество и увели всех лошадей».² Абациев даже не пытается скрывать свою антипатию к армянским повстанцам, обусловленную очевидными успехами добровольцев и многочисленными примерами их беззаветной храбрости и героизма в сражениях. Армянские повстанцы неоднократно доставали для русской армии продовольствие из армянских и курдских сёл, а генерал представлял это как расхищение и не скрывал своё нежелание видеть армянских повстанцев на поле боя. Создавалось впечатление, что мусульманин Абациев вовсе не имел желания сражаться против армии турок-мусульман. Поэт записал также следующее клеветническое заявление Абациева об армянских добровольцах: «Идя следом за нами, они начали брать из турецких и курдских сёл сено, еду и прочее для своих нужд, и это очень вредит нашему престижу... Сложилось впечатление, что всё это делается с нашего ведома. Вот поэтому я и предложил им: если хотите, идите впереди нас, а следовать за нами, в нашем тылу, и так поступать мы не позволим. И даже сказал им: если вы собираетесь продолжать в таком же духе, то лучше пусть вообще вас не будет».³

В Караклисе покровительством Абациева пользовался руководитель курдского племени Селим паша, который якобы «сдался» русским, а двое его сыновей – Саид и Расул – продолжали при этом воевать против русской армии. Он «породнился» с русскими только потому, что исход войны всё ещё был неясен. О Селиме паше говорили, что он ежедневно передаёт туркам секретную информацию о каждом шаге русской армии.

Селим паша встретился с Туманяном и другими членами комиссии и с помощью переводчиков Абациева – юного Хачатура, торговца по имени Мигран и Акоба аги – с азиатской льстивостью разглагольствовал о дружбе народов, о братстве Евангелия и Корана, о любви и мире.

На самом же деле главной целью прихода курдского паши к членам комиссии было желание уговорить влиятельных армян, чтобы они, используя свой авторитет, заставили местных соотечественников вернуть ему его скотину. Он был одним из тех, кто грабил и разорял армянские сёла, и армяне всего лишь вернули своё имущество. Под давлением и воздействием Абациева, армяне столь часто обвинялись в организации грабежей и наказывались, что многие из армян-заимодавцев боялись получать свои долги в виде натуральных продуктов, что в те годы было общепринятой нормой взаиморасчётов.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, стр. 374.

Абацнев своими измышлениями и инсинуациями больше всех остальных беспокоил Армена Гаро, заменившего в это время Дро на посту командира Второго добровольческого отряда. Генерал требовал, чтобы Гаро предпринял меры против повсеместных грабежей. Гаро 20-го ноября издал приказ и запретил местному населению заниматься грабежом. Но он при этом не имел в виду армян, поскольку в качестве командира армянского добровольческого отряда он никогда не мог относиться с доверием к какому-либо слову Абацнева. Об этом свидетельствует Туманян; ссылаясь на письмо Гаро, поэт пишет: «Генерал Абацнев заверял нас, что наш отряд находится не на передовых позициях, а следует за авангардным войском¹. В своем письме от 20-го числа Гаро утверждает обратное и заверяет, что генерал Абацнев имеет предвзятое к армянам отношение и ведёт прокурдскую политику (курсив наш – С.О.)²».

Согласно наблюдениям поэта, во многих сёлах русские защищали курдов намного больше, чем армян. Речь шла в первую очередь о воинских подразделениях Абацнева. Одного разговора с генералом оказалось вполне достаточно, чтобы Туманян пришёл к выводу, что Абацнев является убеждённым армяноненавистником, который, кроме притеснения армян и клеветнических обвинений и инсинуаций в их адрес, всячески старался приласкать курдов и убедить их в том, что русские войска сражаются ради них, хотя при этом ему так и не удалось завоевать их доверие. Туманян отметил, что главный генерал воинского подразделения Еревана в своих действиях руководствовался исключительно указаниями курдов, тогда как «те же самые курды объединились и разбили русских. Абацнев многих курдов снабжал записками, что будет руководить ими. После сражения казаки обыскивали карманы, доставали из карманов убитых и раненых курдов такие записки. Абацнев – армяноненавистник (курсив наш – С. О.)»³.

Туманян не переставал удивляться, что генерал, имевший мусульманское происхождение, в этой войне командует главными войсками русской армии, что, по мнению поэта, не исходило также из интересов России.

Об Абацнине поэт был наслышан ещё в Игдыре, до прихода в Караклис, однако личная встреча с генералом и общение с ним ещё раз убедили его в предвзятом отношении Абацнева к армянам и переполнили чашу терпения писателя.

О бесчинствах, жестокостях и грабежах, чинимых регулярной турецкой армией, в дневнике Туманяна есть множество упоминаний. Например, о том, как двухтысячная турецкая армия, отступая через долину Алашкерта, осуществляла грабежи и погромы по всему периметру долины.⁴ Ширванзаде, в свою очередь, свидетельствует, что армяне «все,

¹ Там же, стр. 379.

² Там же.

³ Там же, стр. 350-351.

⁴ Там же, стр. 366.

что имели, отдавали русским войскам и отдавали бесплатно. Но их при этом ещё и грабили».¹

Как бы ни было велико разочарование всякого рода абациевыми, Туманян, в силу своего жизненного принципа видеть во всём хорошее, стремился видеть также примеры доброжелательного отношения русских войск к армянам. Он записывает рассказы Хачатура Ереванци о внимательном и чутком обращении русских к армянам окрестностях Мосуна, в самые первые дни и недели войны. В некоторых местностях русские солдаты чувствовали необходимость поддержки армянского населения, просили, чтобы они сопровождали их в турецкие и курдские сёла, старались покупать продовольствие у армянских крестьян, а не вымогать или грабить. «Овца продавалась за 30-40 копеек. В Мосун пришла одна бедная женщина, сказала, мол, моего мужа турки забрали в армию, у меня маленькие дети, дайте мне одну овечку – не дали. Офицер приказал дать пять овец, дали – увела».²

25-го ноября по дороге от одного сторожевого пункта к другому провожатый рассказывал о различных способах ограбления армян со стороны русских. Туманян пишет: «Говорит, казаки собрали 500 овец, ограбили, продали, в тот же день отобрали снова, продали другим, и так с утра до вечера несколько раз продавали, снова отбирали и продавали».³

Перед отъездом из Караклиса 27-го ноября было получено письмо от главного полковника штаба Лебединского, согласно которому дорога в Делибаба была опасна и намечалось нападение врага на Сарикамыш. Фактически за 14 дней до нападения Абациеву было известно об этой информации, между тем он либо по беспечности, либо умышленно не поставил в известность военное руководство Сарикамыша. На следующий день, пройдя мимо села Ириц, слыша с левой стороны шум сражения в Дутахе, а с правой – оружейные выстрелы вышедших на грабежи и погромы курдов, под сильным снегопадом армянская комиссия отправилась в Алашкерт. В небольшом отдалении от передовой линии фронта происходили вооружённые столкновения между армянами и курдами. При противодействии разбойничьему нападению курдов на село Хачлу на помощь армянам пришли казаки, и они, потеряв двух бойцов, обратили курдов в бегство. Село спаслось благодаря русскому войску. «Крестьяне говорят, что если бы казаки вчера опоздали на 20-30 минут, курды полностью разрушили бы Хачлу».⁴ Комиссия ходатайствует о том, чтобы тела двух убитых молодых алашкертцев с помощью русских солдат были вывезены из села Хачлу. Командующий удовлетворяет ходатайство, и по свидетельству Ширванзаде, «несколько часов спустя трупы были привезены в изуродованном виде. Курды не забыли осквернить их, и осквернить самым омерзительным

¹ Ширванзаде, Собр. Соч., т. 9, стр. 165.

² Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 377.

³ Там же, стр. 375.

⁴ Там же, стр. 379.

тельным способом. Рот у одного был полон крови и забит...». ¹ При этом перестрелку начали родственники Селима паши. Туманян свидетельствует также о нападении курдов из селений, находившихся под сильнейшим влиянием Селима паши и фактически руководимых им, на армянонаселённое село Хиябек, которое находилось ниже Хачлу. 28-го ноября всё население села нашло убежище в Алашкерт. К Туманяну подходят чудом спасшиеся во вчерашней битве представители села Хачлу и жалуются, что у них нет оружия для противостояния нападениям. В этом районе, где находилась армия Абадиева, армян не вооружали, а, напротив, разоружали. Более того, даже противнику было известно, что в лице Абадиева у них есть надёжный союзник против армян. Туманян пишет: «Крестьяне Хачлу, в минувший день ограбленные курдами, рассказывают, что курды гамидиевцы им сказали, что вот, мол, у них есть бумага от Селима паши, что он получил право от караклисского генерала (Абадиева), чтобы нас, армян, убивать и разорять наши сёла». ²

28-го ноября в четыре часа пополудни армянская комиссия прибыла в Алашкерт. Хозяин приютившего их дома турок Аджи Ибрагим Фейгулла оглы во время нападения курдов спрятал в своём доме одиннадцать армянских семей и тем самым спас их от гибели. Свои услуги комиссии предлагает какой-то курдский юноша по имени Низамаддин, родители которого, спасаясь бегством, оставили его на попечение армян. В Алашкерт поэт беседует с одним из русских офицеров. Туманян отмечает: «Здесь командир казаков, довольно симпатичный человек, безоговорочно признавал важность наших добровольцев, в особенности из-за их знания страны, языковых обычаев и знакомства с расположением сёл и домов. Мы, говорит, совершенно не знакомы со всем этим» ³. Туманян, описывая маленькую хижину-церквушку одного из армянских католических сёл, в которой всё ещё оставались остатки сожжённых икон, рассказывал о тех армянских крестьянах, которые обращались за помощью к их комиссии, чтобы вернуть хотя бы часть своего имущества, отобранного у них русскими. «Некоторые из них, - пишет поэт, - дом которых был разграблен до основания, просили о ходатайстве перед грабителями, чтобы им вернули одно одеяло или мешок муки, чтобы жить». ⁴

Группа посещает могилу духовного выпускника Нерсисянской гимназии Овсепя Тер-Минасяна, рукоположенного в дни войны священником, убеждённого гуманиста, всю жизнь проповедовавшего мир и согласие между народами. Как только в Алашкерт приходит известие о приближении русской армии, первой жертвой становится священник, отец четырёх несовершеннолетних детей. «Турки схватили его, избили, стали глумиться, подвергать истязаниям. Затем обезглавили его, выкололи глаза и

¹ Ширванзаде, Собр. Соч., т. 9, стр. 161.

² Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 379-380.

³ Там же, стр. 378.

⁴ Там же, стр. 379.

поместили на какой-то жерди и три дня и три ночи водили по улицам Алашкерта».¹ Отец Никол над могилой исполняет песню-псалом, которая вызывает слёзы у всех собравшихся. Отец растерзанного турками армянского священника также был священнослужителем в Карсе и из-за неимения денег на дорожные расходы не смог увидеть ни тело, ни могилу сына.

29-го ноября члены группы, направляясь из Алашкерта в сторону села Хастур (Хазмир), заблудились и чуть было не стали жертвами обстрела русских солдат. Группа делает промежуточную остановку в селе Хастур, чтобы дать отдых лошадям, накормить и напоить их. В Хастуре было 150 армянских семейств, половина которых придерживалась григорианского направления, а другую половину составляли католики. Группа посещает как григорианскую, так и католическую церкви. Католическая церковь была значительно более благоустроенной. Объяснялось это тем, что до войны она находилась под опекой европейских консулов. Село Хастур было в относительно благополучном и обеспеченном состоянии, поскольку сын Мустафа-аги Гасан-ага вместе со своими братьями сумел отстоять село и спасти население от резни и погромов. На протяжении пятнадцати дней они с оружием в руках защищали армянских крестьян и укрывали их в своих домах.² Туманян здесь переживает минуты радости и гордости, узнав, что всё армянское население села грамотное, и даже каждый знает французский язык, поскольку Объединённое общество Константинополя всегда заботилось о сельской школе и опекало её.

Из Хастура группа отправилась в село Зеткан, до которого добралась к пяти часам вечера 29-го ноября. Жители села бежали, однако во время продвижения русской армии часть населения вернулась.

Зеткан находился в долине, со всех сторон окружённой невысокими холмами, и был очень лёгкой мишенью для противника. Вслед за курдами в село вступили русские, которые, в свою очередь, ещё больше усугубили бедственное положение населения. Туманян свидетельствует: «Русские всё берут и ни за что не платят. И забрали большое количество муки, кизяка и сена. Около 2000 повозок, каждая повозка по 80 пудов. Некоторые научили своих детей говорить: «Ей богу, нет», и они только это и знают: как только увидят казака, говорят: «Ей богу нет»».³ Крестьяне вообще не имели представления о стоимости рубля, и обманывать их было очень легко; а когда они понимали, что три рубля не составляют даже 40 копейек, оказывалось уже слишком поздно. В этом селе не спешили

¹ Ширванзаде, Собр. Соч., т. 9, стр. 161.

² Они помогали армянам из чувства мести в отношении турок. Братья-курды поверили обещаниям младотурок о равенстве и братстве народов, боролись бок о бок с ними и погибли как революционеры. По этой причине находившиеся под их влиянием селение Хастур, по свидетельству Туманяна, «решило и бесплатно выдавало корм лошадям русского войска, до настоящего времени проявляло заботу о нуждах 3000-ного войска» (Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 380).

³ Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 381.

воодушевляться по поводу побед русской армии. Так, крестьянин Погос Мурадян спрашивал: «Русские уже два раза занимали нашу страну и оставляли, уходили. Снова должны оставить?».¹ В это время многие не верили, что предчувствие старого крестьянина станет реальностью, и гости, члены армянской комиссии, призывали своих соотечественников набраться терпения и быть более оптимистичными. Старик доверился знатным и авторитетным представителям комиссии и пообещал: «В таком случае мы забудем обо всех наших бедствиях».²

Туманян замечает, что крестьяне Зеткана более образованы, нежели население восточно-армянских сёл. Жители села искренне радуются, увидев в гостях знаменитого поэта, чьи произведения они прекрасно знали, и не только в этом селе. Туманян пишет: «В разных селениях случалось так, что ко мне подходили юноши, молодёжь, говорили о моих стихотворениях».³

Встречаясь с любимым поэтом, некоторые жители, в особенности женщины и девушки, плакали от радости, просили оставить им что-нибудь на память. Они с гордостью показывали бережно хранившиеся в их домах книги Туманяна. Сейчас мы не можем сказать, что именно оставлял писатель на память своим почитателям, но то, что он выполнял эти просьбы, не подлежит сомнению. И никто никогда об этом не узнает, поскольку уже через одну-две недели все члены армянской группы будут вспоминать о Зеткане с ужасом и содроганием.

30-го ноября армянская комиссия получает два письма от Абациева, в которых сообщается, что село Даяр (Дахар) оказалось в руках у курдов и что туда можно идти только в сопровождении солдат. Одновременно предлагалось подождать соответствующего транспорта или вернуться в Караклис. Группа остаётся в Зеткане ещё один день. На следующий день она пытается отправиться в направлении села Башкёй (Дели-Кеой), однако выясняется, что оно осаждено курдами, так же как и селения Дахар и Хачлу. Принимается решение по горным дорогам Мосуна вернуться к пограничной территории и через Сарикамыш пройти к фронту. Через неделю после того, как армянская комиссия покинула Зеткан, русские войска получают приказ покинуть долину Алашкерта. Устрашённое армянское население оставляет свои дома и уходит вместе с русской армией. Находящиеся в глубине Алашкерта сёла Зеткан и Молла-Сулейман оказываются не в состоянии присоединиться к потоку беженцев и полностью истребляются курдами. Считанные дни спустя все девяносто армянских семейств Зеткана, каждое из которых состояло в среднем из тридцати человек, были уничтожены. «Остаются только руины села и, кто знает, возможно, воюющие на них собаки».⁴ Когда русская армия после очеред-

¹ Ширванзаде, Собр. Соч., т. 9, стр. 170.

² Там же.

³ Ов. Туманян, ПСС, т. 8, стр. 380.

⁴ Ширванзаде, Собр. Соч., т. 9, стр. 166.

ного своего отступления снова возвращается в Молла-Сулейман и Зеткан, то видит там ужасающие картины резни. Очевидец последствия этих погромов сообщает: «Не смог вынести горечи картины и ушёл».¹

В селе Молла-Сулейман картина была ужасающей. «В первый день наши казаки собрали на окровавленных улицах трупы семнадцати стариков, девятнадцати женщин и двадцати пяти детей, - рассказывает очевидец. – И в каком состоянии, Бог мой! Обезображенные, поруганные, осквернённые. Здесь головы, там ноги и руки. Здесь груди женщин, там их тела. У стариков выколоты глаза. Ручонки детей изрублены, видимо, чтобы оторвать от подолов матерей. И нужно видеть, как плакали наши казаки, вытирая слёзы своими рукавами. Люди, чувства которых были закалены в крови и огне, смягчились, словно дети...».² То же самое произошло и в Зеткане.

Через несколько вёрст от Зеткана члены группы встречаются с Арменом Гаро и его бойцами, с которыми проводят около двух часов. Наконец комиссия получает ответы на волновавшие её вопросы напрямую от армянских повстанцев. Согласно заверениям Армена Гаро, среди армянских повстанцев есть такие, которые сражаются хорошо, однако есть среди них и неопытные, но все они – и западноармянские и восточноармянские добровольцы – сражаются вместе дружно, согласованно и беззаветно.

Первого декабря, кроме известия об отступлении русских в Дахаре, члены комиссии узнают от командования села Хастур о том, что дороги в горах Хачлу стали особенно опасными. Их уверяют, что даже отряд из ста сопровождающих солдат не может гарантировать безопасность группы при продвижении по дороге в Башкёй.

В тот же день, отдохнув около часа в сёлах Хаскер и Чилкан, группа снова возвращается в Караклис. Здесь Туманян беседует с Ованесом Потикяном, который сообщает писателю огорчившую его весть о разоружении армян со стороны русского военного командования и приводит конкретные примеры. Так, согласно Потикяну, 20 дней назад «казаки вошли, произвели обыск, изъяли три пистолета, три ружья, а также золотые, серебряные украшения из сундуков. Пришёл командир, стал угрожать пистолетом, но не смог ничего вернуть».³ Армен Гаро, в свою очередь, свидетельствовал о случаях дезертирства русских солдат, о том, что некоторые из них избегают сражений и только тем и занимаются, что отлынивают от службы. Туманян пишет: «Армен Гаро говорит – русские солдаты сражаются для видимости и избегают опасностей, как бы между прочим отстают и остаются в траншеях на корточках, якобы стараются выбраться, и остаются в этом положении».⁴ На следующий день Армен Гаро, увидев тяжёлый маузер Туманяна, уговаривает его отдать оружие

¹ Там же, стр. 174.

² Там же.

³ Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 382.

⁴ Там же.

ему и забирает пистолет себе. Гаро хотел вернуться на передовую линию фронта, и для этого просил выделить ему всего лишь пятьдесят бойцов и «двадцать человек интеллигентов».¹ И опять же Абацнев делает всё, чтобы армянская комиссия не смогла встретиться с армянскими добровольцами, а повстанцы, в свою очередь, не могли объединиться и действовали бы отдельными, разрозненными группами, были бы в отдалении друг от друга и никоим образом не связаны с русскими войсками. Армен Гаро жаловался Туманяну, что Абацнев посылает его отряд не сражаться, а нести сторожевую службу. «Мы вынуждены выполнять караульную службу, к которой мы не имеем отношения. Во-вторых, он посылает нас в места, которые совершенно отрезаны от них – в Дерекор и Тунцин... о чём знает генерал Савицкий»². Теперь нас хотят разделить на две части и послать на зимовку в Комар и Бирюск. А мы хотим вернуться в долину Алашкерта – организовать и очистить тыл».³ Комиссия обещает вступить и передать письмо генералу Огановскому.⁴

Дорога в Башкёй была небезопасна, поэтому группа в 4 часа пополудни 2-го декабря делает остановку в селе Тахлича. Было больно видеть, что в условиях войны ни для одной из сторон не было ничего святого. Разница заключалась только в размерах и в степени варварства, изуверства. Так, русские солдаты превратили турецкую мечеть в конюшню для своих лошадей. По заверению Туманяна, в этих же местах «турки и курды, конечно, ещё хуже обошлись с армянскими церквями – не только завели туда лошадей, но и разграбили, сожгли и целились ружьями в глаза Христа».⁵

С группой в 50 человек Туманян преодолевает высоту Днадина, затем спускается в ущелья и снова поднимается на лошади до склона Мосуна, где все оказались вынуждены спешиться и преодолевать метель, снег и лёд пешком. Напряжения не выдерживали даже лошади – то и дело падали на лёд и с трудом снова поднимались.

Вечером 3-го декабря группа добирается до армянонаселённого села Мосун, которое разделило участь многих других армянских поселений: убийства, грабежи, изнасилования. Ночуют в селе, и так же, как и везде и всюду, членам комиссии и здесь приходится выслушивать скорбные стенания и жалобы. Стенания и жалобы относились также к русским, которые «ничего не платят за всё то, что забирают».⁶ Но, видимо, даже этого им показалось недостаточно, и русское военное начальство распрост-

¹ Там же.

² Генерал И.В. Савицкий был командиром 66-ой пехотной дивизии.

³ Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 383.

⁴ Там же, стр. 384.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 385.

ранило циркулярное письмо, которое предписывало «не делать никаких различий между армянами, турками и курдами...».¹

На следующий день рано утром члены комиссии выезжают из села и отправляются в Оргов, Игдыр. В Игдыре они снова встречаются с Огановским и узнают от него, что получено распоряжение о представлении объективного рапорта о грабежах и хищениях. Помощник генерал-губернатора Дрягина Фёдор Подгурский² свидетельствовал, что в краях Ардагана «казаки грабят не только сёла армян, но и молоканские сёла».³ Огановский, в свою очередь, рассказал один эпизод, когда из беседы покупателей похищенных товаров выяснилось, что грабителями были не армяне, а русские. Одним из утешительных известий, услышанных от Огановского, было то, что общее командование Кавказского фронта приняло решение не верить курдам, арестовать зачинщиков, вытребовать у них оружие и лошадей.⁴ Кроме этого, был отдан приказ о предоставлении 500 ружей-берданок армянам Алашкертского фронта для самозащиты. Огановский признаётся в том, что русские солдаты занимались грабежами и предпринимали другие неправомерные действия в отношении армян. Сперва армян грабили турецкие солдаты-гамидиевцы, затем, когда с приходом русских армяне надеялись получить своё расхищенное имущество обратно, русские войска выступили в качестве посредников и начали сами заниматься продажей разграбленного имущества армян. Особенно тяжело приходилось армянским сёлам, находившимся вблизи проезжих дорог. Русские войска не только грабили их, но и разоружали. Из слов Огановского стало ясно, что «даже то, что делали русские войска, приписывалось армянам».⁵ Генерал пытался оправдываться, говоря, что в смутной, хаотической ситуации трудно утверждать со всей определённостью, кто является в действительности убийцами и грабителями. Он предложил довести численность армянской добровольческой армии до 10000 и привезти для них оружие из Японии.

Положение действительно было смутным и хаотичным, однако чинимые войсками грабежи носили настолько повсеместный характер, что не замечать этого было попросту невозможно, так что было самоочевидно, что обвинение армян в грабежах в этот момент исходило из беспокойства по поводу усиления армян, а также из колониальной политики царизма.

Армянам, проживавшим на линии Алашкертского фронта, поначалу раздали 500 ружей-берданок, затем часть этого оружия изъяли – на том основании, что оружие это якобы используется для грабежей. А в районах Баязета и Диадина общая численность оружия достигала 70000. Тем не

¹ Там же.

² Речь идёт о генерал-лейтенанте Фёдоре Александровиче Подгорском (Подгуров) – 1860-1929.

³ Ов. Туманян, ПСС, т.8, стр. 383.

⁴ Там же, стр. 386.

⁵ Там же.

менес, политика, проводимая в отношении армян в Игдыре, была значительно более доброжелательной, чем, скажем, в Караклисе. Здесь, безусловно, свою важную роль, ко всему прочему, сыграло различие подходов генералов Огановского и Абациева.

5-го декабря вконец разочарованные, измученные от бесконечных душевных и нравственных страданий члены комиссии возвращаются в Эчмиадзин. Два дня спустя они едут в Ереван, а оттуда – в Александрополь, с тем, чтобы оттуда отправиться в Сарикамыш.

9-го декабря Католикос Геворг Пятый проезжал в поезде через Александрополь, и группа, воспользовавшись этой возможностью, встретила с ним. Патриарх возвращался из Тифлиса, обнадёженный российским императором Николаем Вторым, с которым встретился в Тифлисе в конце ноября.¹ Католикос выехал из Тифлиса 7-го декабря и 9-го декабря встретился с членами комиссии на станции Калтахчи и обнадёжил их. В это время русские власти старались угождать армянам и задабривать их, чтобы привлечь на свою сторону и тем самым обеспечить победу русской армии на фронте. Следовательно все измышления, инсинуации и сплетни об армянских добровольцах не были актуальны, им просто не придавали никакого значения. А это означало, что важнейшая цель поездки армянской комиссии на фронт также потеряла свою актуальность.

Однако, как это видно из письма Туманяна от 10-го декабря Пилипосу Вартазаряну, писатель вовсе не обнадёживался, разочарования и угнетающие впечатления от встреч с русскими генералами и высокопоставленными чиновниками значительно преобладали. О своём беспокойстве, связанном с обозримым будущим армянского народа, он пишет: “Невозможно передать в письме всё увиденное и услышанное, поэтому я и считал лишним писать до сих пор и сейчас делаю почти то же самое – хотя и пишу письмо. Вообще все мои впечатления очень печальны, и мы очень легко можем столкнуться с катастрофическими событиями, настолько шатко наше положение”.² Уже 10-го декабря он узнал, что неприятель завладел сразу несколькими городами и селениями, которые совсем недавно, всего лишь 19-го ноября, были освобождены армянскими добровольческими отрядами. Несмотря на то что ситуация изменилась самым радикальным образом, Туманян не отказывается от мысли поехать на линию фронта. Он решает поехать в Сарикамыш, а оттуда – на передовые позиции боевых действий. Члены группы берут с собой для раздачи войскам полмиллиона папирос, 100 пудов сахара, 3-4 пуда чая, предоставленных местным и Тифлиским Национальным Бюро. По дороге они встречают прибывших из Румынии армянских добровольцев численностью в 400 человек.

¹ Лео, Из прошлого, Тифлис, 1925, стр. 313 (на арм. яз.).

² Туманян, ПСС, т. 10, стр. 220.

11-го декабря группа добирается до Сарикамыша и вынужденно остаётся там на ночлег. Местный священник рассказывает о начавшемся массовом бегстве из села Кепри – в полночь, узнав об отступлении русских войск. По дороге русские помогали женщинам и детям, давали им своих лошадей, верхнюю одежду, многих кормили, заботились о детях, пока найдутся их родители. В Сарикамыше сосредоточились восемь тысяч армянских беженцев, отсюда им предстояло рассеяться по окрестным селениям. Туманян навещает их и становится очевидцем энергичной деятельности общества “Нпастаматуйц”, оказывавшего беженцам необходимую посильную помощь и поддержку. В это время поэту становится известно, что бывший начальник местного гарнизона К.Солоненко¹ отвечал на недовольство армян карательными мерами и действиями. Туманян свидетельствует: “В Тифлис отосланы для ссылки, якобы в качестве государственных преступников, Карапет Малхасян, Петрос Миннасян, Карапет Шамцян, Александр Тиратурян, Амаяк Хачатрян (под контролем Тер Тачата); предполагают, что к этому приложил руку бывший гарнизонный начальник Солоненко”.² Как можно увидеть из записей поэта, в этот период русских военачальников против армянских бойцов настраивали также некоторые грузины. “В армии недовольны только армянами из запаса; в особенности выходцами из села Шорагьял. Разносчиками сплетен были преимущественно грузины”.³ В этом контексте становится более очевидным и участие грузин в деле представления армян сепаратистами. Писатель снова встречается с “генералом-армяноненавистником” (по его определению) Трамбицким⁴, который осуществлял свою деятельность против армян в сотрудничестве с руководителем эвакуационного пункта грузином Апреванадзе. Туманян пишет: “Начальник местного гарнизона генерал Трамбицкий – ужасный армяноненавистник и без зазрения совести распространяет всякие плохие сведения и настроения. И главным образом с начальником Эвакуационного пункта Апреванадзе. Грузины и евреи (врач Шамал называет армян Сарикамыша автономистами). Столкновение Бабаджаняна с Трамбицким”.⁵ Командиром бакинского полка был грузин Нижарадзе, который также в каждой военной неудаче старался обвинить армян. Туманян пишет: “Бакинский полк бежал. Наибольшую часть этого полка составляют армяне. Начальником полка является грузин – Нижарадзе, армяноненавистник. Чтобы оправдать себя, обвинил армян. Хотя при этом он выступал против расстрела нескольких армян и т.д.”.⁶

¹ Константин Степанович Солоненко (1852-?) был военным инженером, генерал-майором. Участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., в 1912 г. был демобилизован и снова призван в армию сразу же после начала Первой мировой войны.

² Туманян, ПСС, т. 8, стр. 389.

³ Там же.

⁴ Генерал-лейтенант Евгений Георгиевич Трамбицкий (1859-1931).

⁵ Ов. Туманян, ПСС, т. 8, стр. 389.

⁶ Там же, стр. 390.

В доме Туманяна – Ашхен Туманян, Ов. Туманян, С.Терьян, Д.Демирчян, Нв.Туманян, В.Терьян, О.Айвазян, Л.Шант, М.Сарьян, Дж.Шант, Т.Туманян, Г.Хатисян, С.Туманян, О.Бозиян, Ов.Тер-Мартirosян, 1914

Слева направо: Ованес Туманян, Аветик Исаакян, Комитас, Аршак Чобанян, Геворг Башинджагян, Вртанес Папазян, Газарос Агаян в студии Г.Башинджагяна, 1908

Перед отправкой на фронт.
Слева направо: Ал.Ширванзаде,
епископ Хорен Мурадбекян, Ованес
Туманян, священник Николайос
Тер-Бавоян, Овсеп Хунунц.
Тифлис, 1914

Огановский Петр Иванович
(1851 – ?) Генерал-лейтенант

Абашиев Дмитрий Константинович
(Дзамболат Константинович
Абадзиев) 03.12.1857, – 4 июля 1936,
генерал от кавалерии (1919)

Андраник Озанян, армянский
военачальник, национальный
герой 25.02.1865– 31.08.1927

Ляхов, Владимир Платонович
20.06.1869– 30.04.1920,
генерал-лейтенант

12-го декабря в пять часов утра, когда полк и его товарищи по комиссии ещё лежали в своих постелях, раздаётся сигнал о наступлении турецких войск. Весть принесли О. Хунунц и С.Хачатрян. Туманян в этот момент пожалел, что уступил свой маузер Армену Гаро, но при этом не впал в панику и попросил у хозяина дома Маттеоса Тер-Степанянца найти для него оружие. Он был уверен, что примет участие в боевых действиях. Хозяин принёс какую-то изрядно заржавевшую берданку. Туманян с видом большого знатока оружия внимательно исследовал ружьё, прицелился и с печальным тоном констатировал: “Негодная вещь. Эх, мне бы мой маузер!”.

12-го декабря началось знаменательное сражение при Сарикамыше. На следующий день из Бардуса приходят армянские ополченцы из отряда Керы (Дяди). Они сообщают, что турки находятся на расстоянии восьми вёрст и рассказывают о постигшей их неудаче. В народе уже началась паника. И снова, вот уже который раз, русские генералы не разрешают, чтобы члены комиссии встретились с армянскими повстанцами. Фактически комиссия оказывается вынуждена вернуться ранее намеченного срока – 13-го или 14-го декабря. Во времена отступлений русской армии её командование проявляло “доброжелательность” к армянам, поскольку значительно возрастало значение их беззаветной, бесстрашной борьбы. В такие моменты русские военачальники не имели никакого желания говорить о “грабежах” со стороны армянских добровольцев.

Итак, 13-го декабря некоторые члены комиссии – Туманян, Ширванзаде, Хунунц и епископ Хорен возвращаются из Сарикамыша в Александрополь, а оттуда в Тифлис, так и не достигнув своей цели: добраться до передовой линии фронта и встретиться с армянскими добровольческими отрядами. Им мешали в этом не только воинственные курдские племена, но и некоторые русские военачальники. А 14-го или 15-го декабря Туманян был уже в Тифлисе. Газета “Мшак”, которая во время отбытия комиссии хранила полное молчание и так и не упомянула имена Туманяна и других её членов, на этот раз, в номере за 16-е декабря, поспешила сообщить своим читателям: “В Тифлис вернулись из Сарикамыша О.Хунунц, который поехал со стороны самоуправления городов, чтобы утвердить пищевые пункты, и Ширванзаде и Ов. Туманян, которые поехали со стороны Армянского бюро (Национального бюро). Вернулся также епископ Хорен”¹.

Ов. Туманян вернулся в Тифлис, не сумев побывать на передовой линии фронта и лично побеседовать с армянскими ополченцами, однако он встретился с некоторыми русскими генералами и увидел их двуличное, лицемерное отношение к армянскому населению и армянским добровольцам; ещё чаще он встречался с проводимой русскими военачальниками и чиновниками антиармянскими действиями, с многочисленными фактами и

¹ Газета “Мшак”, Тифлис, 1914, N284, 16-е декабря (на арм. яз.).

случаями грабежей со стороны русских войск, увидел воочию трагедию разорённых армянских городов и сёл и многое другое. Дочь писателя Нвард в своих воспоминаниях пишет, что Туманян вернулся из поездки “в угнетённом настроении, с ужасающими впечатлениями, о трагическом положении народа рассказывал со страшными подробностями”.¹

Эта поездка в смысле отношения поэта к России оказалась в определённом смысле переломной в его жизни. Разочарование было поистине огромным. Он своими глазами увидел войну, осуществлявшийся совместными усилиями турецких и курдских изуверов геноцид армянского народа, к которому оказались причастными и некоторые русские генералы. Являясь носителями реальной геополитики царской России, они своими действиями и стратегией способствовали замышлявшимся и уже реализуемым страшным преступлениям против всего армянства.

Это был далеко не первый случай, когда Туманян сталкивался с последствиями колониальной политики России. Будучи одним из 149 неправоммерно обвиняемых по так называемому “Дашнакскому делу”, он на протяжении четырёх-пяти лет находился под жёстким контролем царского охранного отделения, трижды арестовывался. Вконец измотанный и обессиленный из-за длительной тюремной жизни, он на себе сполна испытал всю тяжесть ударов российской карательной машины, но при всём при этом так и не изменил своей прорусской ориентации. На этот раз увиденное было ещё более ужасным, нежели продолжавшиеся годами политические преследования, гонения и притеснения лучшей части армянской интеллигенции. Если до первого своего посещения фронта он писал одну статью за другой, выражая в них своё убеждение, надежду и веру в скорое освобождение западно-армянских соотечественников с помощью России и воодушевляя армянских солдат, то после возвращения с фронта он на какое-то время умолкает, замыкается в себе. Великий гуманист и оптимист на время был выбит из колеи и совершенно растерян, он оказался вынужден выбирать меньшее из зол. Несколько месяцев потребовалось Туманяну, чтобы найти в себе силы, чтобы снова заговорить и снова внушать надежду, поскольку рядом с Абадиевым он видел также Озола, рядом с дезертирами и грабителями видел солдат, протягивавших армянам руку помощи, сочувствовавших “безбрежному морю армянского горя”, долгими днями заботившихся об армянских детях, потерявших своих родителей. Всем своим обликом, своей литературной и общественно-патриотической деятельностью Туманян олицетворял, символизировал жизнестойкость и жизнелюбие армянского народа.

¹ Нвард Туманян, Воспоминания и беседы. Ер., 2009, стр. 117 (на арм. Яз.).

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ ТУМАНЯНА

Оба писателя, Ширванзаде и Туманян, посетившие Западную Армению в составе делегации Национального Бюро, - на всём протяжении поездки вели ежедневные записи обо всём увиденном и услышанном. Однако, как уже было отмечено, Ширванзаде выполнял задание газеты «Кавказское слово», будучи её корреспондентом. По этой причине к его путевым заметкам «Из мест войны», опубликованным в «Кавказском слове», следует относиться с определёнными оговорками, поскольку русскоязычная газета сокращала, вычёркивала всё то, что относилось к реальной политической ситуации на фронте. В своей телеграмме редактор газеты сообщал Ширванзаде, что его интересует абсолютно всё, кроме действий добровольческих отрядов, и это даёт нам основания полагать, что все части и фрагменты статей, касающиеся армянского вопроса и участия армян в войне, в редакции газеты изымались. Об этом мы узнаём из дневниковых записей Ов. Туманяна, которые являются важными историческими свидетельствами, документами, повествующими о событиях тех дней, и поэтому по сей день не потеряли своего актуального значения. Кроме того, редактор «Кавказского слова» Долуханов через Ширванзаде сообщал и другим членам армянской группы, чтобы они не посылали для публикации в газетах никаких известий о действиях добровольцев, поскольку эти публикации «раздражают русских», и следовательно, могут нанести ущерб решению армянского вопроса (8, 352). По этой причине всё то, что написал и опубликовал Ширванзаде, в определённой степени обходило реальную картину событий, не совсем верно отражало действительность. Между тем дневниковые записи Туманяна, которые изначально не предназначались для публикации (во всяком случае, в тот период), наиболее точно и объективно представляют реальную ситуацию. По утверждению Нвард Туманян, её отец, который во время этого путешествия «зафиксировал печальные факты, события, впечатления, намереваясь на основании этого дневника написать и опубликовать свои путевые заметки»¹. Можно только предположить, какие серьёзные и мрачные аналитические размышления составили бы содержание этой книги, если учесть, что на поэта произвели двойственное впечатление опубликованные очерки Ширванзаде «Из мест войны». Туманян то и дело выражал свое недовольство и органическое неприятие проскальзывавшей в описаниях Ширванзаде насмешливой интонацией и смакованием второстепенных, не представляющих никакой важности подробностей. «Этот чудак, - говорил поэт во время одной из устных бесед, - словно поехал на какую-то свадьбу и вернулся оттуда... Разве может человек, видящий разрушенную страну, резню народа, толпы беженцев и ски-

¹ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, Ер., 2009, стр. 119 (на арм. яз.).

тальцев, писать таким образом? У него на глазах истребляется, уничтожается целый народ, а он вспоминает и описывает какие-то мелкие, забавные события...»¹. Путевые заметки и очерки Ширванзаде местами напоминали трагикомическую пьесу, в которой драма превращалась в комедию, в то время как жизнерадостный и жизнелюбивый Туманян видел вокруг себя только и только великую трагедию, и чувствовал, переживал эту трагедию настолько глубоко, что считал совершенно недопустимым отображение какого-либо случая в шутливой, игривой интонации.

Литературовед Лусик Карапетян видит причину этого недовольства Туманяна не в том, что Ширванзаде ощущал увиденное менее глубоко и не переживал трагическую действительность с такой же силой, как Туманян, а в самой форме повествования, когда после описания душераздирающей и ужасной сцены следует какая-то не вполне уместная шутка или забавная ситуация. «Кроме того, - пишет Л. Карапетян, - обращает на себя внимание то, что Туманяну отводится второстепенная роль. Без дневниковых записей Туманяна мы бы не узнали о его общении с местным населением, о его выступлениях перед народом, в церквях»². Ширванзаде старательно умалчивает о воодушевленном, очень тёплом приёме Туманяна со стороны местного населения, о том, что в заброшенных, забытых Богом западноармянских сёлах люди знали произведения поэта, умалчивает о большом воздействии выступлений Туманяна на собравшихся, однако при этом подробно описывает, как поэт искал свою лошадь, пишет о неуклюже свисавшем сбоку тяжёлом маузере, который с иронией называет «ящиком», отмечает, что Туманян в ряде случаев брался за пистолет «совсем без надобности» и т.д.

Туманян повсюду записывал всё, что видел и слышал, и хотя эти его дневниковые записи носят обрывочный, незавершённый характер, написаны в спешке, на ходу, а некоторые пометки и вовсе невозможно понять или даже прочитать, тем не менее, они являются исключительно важными документами, свидетельствующими о тяжелейшем положении западноармянского населения в годы Первой мировой войны, о великодержавной политике России, о деятельном участии армянских добровольческих формирований в боевых действиях; заметки эти имеют очень большое историко-познавательное значение, представляют реальную картину военных будней и, наконец, освещают самоотверженную патриотическую деятельность Ованеса Туманяна³.

В своих дневниках поэт отмечал только факты, оставляя их описание и толкование на время, когда для этого появится благоприятная воз-

¹ Там же, стр. 119.

² Лусик Карапетян. Общественная деятельность Ованеса Туманяна (Фрагменты). Ер., 1922, изд-во НАН РА, стр. 135.

³ Дневниковые записи Ованеса Туманяна, сделанные во время первой его поездки в Западную Армению, впервые опубликованы нами в 8-м томе второго академического собрания сочинений поэта. Ер., 1999, изд-во «Гитутюн» НАН РА, стр. 349-391.

возможность, когда можно будет использовать эти записки для публицистических статей или художественных произведений. И он непременно так и поступил бы, если бы время не оказалось столь жестоким и неумолимым. Как бы то ни было, поэт так и не успел написать путевых заметок или произведений других жанров на основе этих своих дневниковых записей, не успел он даже использовать записанные им во время этой поездки варианты сказки «Азаран блбул» («Тысячеголосый соловей»). Однако всё то, что он увидел и услышал, возымело своё воздействие, наложило свой печальный и неизгладимый след не только на его публицистические и художественные произведения, но и на всю его дальнейшую жизнь. В дневниковых записях поэта мы встречаем разнородные, разнохарактерные описания жизни населения Западной Армении. На протяжении всего путешествия Туманян был очевидцем довольно ощутимых материальных и моральных потерь в армянских добровольческих отрядах, причиной чему было предвзятое, недоброжелательное отношение к ним со стороны царских генералов. Они не только нарочно распространяли заведомо лживые, надуманные слухи о «грабежах», устраиваемых армянскими добровольцами, но и зачастую не давали им оружие и одежду. Так, например, 50 бойцов из группы Армена Гаро не получили своевременно тёплой одежды и, не выдержав ноябрьских и декабрьских холодов, вернулись в свои сёла. Поэт разоблачает один из подобных ложных слухов в отношении группы Гаро. Когда Гаро и Хечо со своими группами холодной и дождливой ночью добираются до какого-то курдского села в районе Оргова, курды отказываются приютить их на ночь. Когда одного из курдов заставляют открыть дверь, другие, убедившись в мирных намерениях армян, впускают их добровольно. По свидетельству одного из сельчан (урядника), «приняли их с честью и, взяв утром деньги за все оказанные услуги, мирно проводили их в путь» (8, 352). Но затем те же курды обращаются к приставу, заставляют составить протокол, что, дескать, армяне пришли, избили, ограбили... Жалоба доходит до царского наместника. Назначается следствие, которое ведётся только на основании показаний курдов и подкупленного курдами русского солдата («стражника»). В результате односторонне проведённого расследования дело передаётся следователю по особо важным делам Ереванского районного суда Чижевскому.

Первая из дневниковых записей, сделанных поэтом, относится к различиям в быте, укладе жизни и социальном положении курдов, проживавших в Восточной Армении и в Османской Турции (Западной Армении). «Курды в нашей стороне и в их стороне: в нашей – чистые и богатые, в их – бедные и худые» (8, 349). Возможно, это наблюдение побудило поэта задуматься о причинах того, что курды таким жестоким образом убивали и грабили армян. Курдам, жившим среди армян, не только удавалось разбогатеть, поскольку они постоянно грабили своих соседей-армян. Они ещё и учились у армян вести более чистый и опрятный образ жизни. В дневниковых записях поэта находим множество по-

меток, указывающих и подчёркивающих большое различие в занятиях, быте и укладе жизни живущих друг рядом с другом армян и курдов. Одна из таких записей сделана на таможене Гара (или Каре): «Вокруг близлежащих курдских сёл нет вспаханных земель. Полевые работы оставлены армянским крестьянам» (8, 355). А в Баязете поэт констатирует: «Почти вся торговля города находится в руках у армян, ремёсла – без какого-либо исключения. Народ очень здоровый. Вода благословенная, воздух – горный» (8, 362).

Туманян свидетельствует о некоторых фактах взаимосотрудничества и взаимосвязей между русскими генералами и армянской апостольской церковью, в частности, связей с Католикосом всех армян Геворгом Пятым. Примечательно, что армянского патриарха навещают и обращаются к нему за помощью не только имевший армянское происхождение командующий корпусом генерал Огановский, но и получивший от Туманяна определение «армяноненавистник» генерал Ляхов. В записях Туманяна встречаем также примеры политики насаждения русского православия среди армян со стороны царских высокопоставленных военных чинов. В некоторых сёлах начинается процесс распределения земель, причём земли предлагаются тем крестьянам, которые согласятся принять русскую православную церковь. Сведения об этом сообщил писателю Тигран Гево. В дневнике Туманяна читаем: «В ереванской епархии из среды армян без побуждения и вынуждения хотят принять русское православие. Например, в селе Геджрлу 75 домов (из 125-и), в Алапарсе – 40 домов из 300 домов, в Егварде – 30 домов из 150-и, в Дгыре – все 30 домов. Причины – либо распределение земель (преимущественно), либо несогласованность между собой. А в Дгыре – из-за турок» (8, 352).

Постоянно озабоченный социальным положением армянских крестьян, поэт в своём дневнике описывает одно из выигранных дел своего домовладельца в Баязете адвоката Багдасара Крмояна. Против крестьянина села Гуйлуч некоего Галуста было возбуждено дело. Он лет 10-12 назад продал телёнка, и вот, после подсчёта не полученной прибыли за эти 10-12 лет, выяснилось, что он должен уплатить 1500 лир, около 1500 рублей (8, 361). А Багдасару Крмояну удалось освободить несчастного крестьянина от этого обвинения.

Туманян свидетельствует о двойственном, противоречивом отношении русских высокопоставленных военных чинов и офицеров к армянам. Поэт рассказывает историю о том, как две группы армянских добровольцев во главе с Драстаматом Канаяном (Дро) и Девояном заночевали в курдском селе Шамшадинов Орговского района, а затем русские армейские чиновники возбудили против них уголовное дело, причём следствие проводили, как обычно, односторонне и предвзято, основываясь только на клеветнических показаниях и обвинениях «пострадавшей стороны» и «местного стражника». Туманян отмечает также положительное, благосклонное и доброжелательное отношение к армянским добровольцам

со стороны некоторых русских генералов и служащих отдельных регулярных воинских формирований. Тем самым писатель проявляет большую сдержанность в оценках и свой объективный и неодносторонний подход в этом очень щекотливом вопросе. Туманян пишет: «Преимущественно казаки знают своё дело, в особенности кубанцы и подопечные генерала Певнева, которого все очень любят. Казаки особенно хорошо относятся к армянам и армянским дружинникам» (8, 353).

Среди русских высокопоставленных должностных лиц, проявлявших доброжелательное отношение к армянам, поэт отмечает бывшего вице-консула Баязета, который в то время занимал должность помощника генерал-губернатора. «Бывший вице-консул Баязета Акимович очень хорошо относится к армянам и страшно возмущается по поводу произошедшего с ними» (8, 353). Встречаем в дневниковых записях также свидетельства о том, как русские войска избегали вступать в сражения, возлагая надежды на армянских добровольцев. Приводя в своём дневнике многочисленные примеры и упоминания о том, как русские солдаты грабили местное население, Туманян вместе с тем не забывает и с большим удовлетворением указывает на случаи доброго, человеческого, гуманного отношения русских войск к армянам. Поэт находился уже в Сарикамыше, когда сделал следующую запись на основании услышанного: «В русском Басене армянские женщины носят траур по поводу войны, сняли все украшения, надели чёрные одежды, расстались с радостью.

Во время отступления, бегства пластуны, казаки и остальные войска оказывали большую помощь народу. Пластуны-казаки целыми днями нянчили детей» (8, 390).

Примечательна также информация, согласно которой армянам удавалось с помощью армянских и турецких разведчиков добывать важные сведения о боевых действиях и передвижениях противника. Туманян пишет: «Генерал Абадиев говорит – есть армяне, которые содержат турецких шпионов, и даже есть армянские шпионы. Сведения о двух из них подтвердил сам Армен Гаро» (8, 375).

Желание русских покинуть поле сражения иногда оказывалось настолько велико, что нередко солдаты старались избежать участия в боях ценою членовредительства. Причём сведения о таких случаях поступали к Туманяну от русских офицеров и генералов. «В Оргове офицер говорил, что везут 29 симулянтов, все ранены в левую руку. 27 из них русские» (8, 367). Среди дезертиров армян не бывало вообще, или же они составляли очень незначительное количество. По этому поводу Туманян с большой гордостью отмечает: «Корпусный врач отослал обратно большой транспорт с симулирующими больными, и среди них нет ни одного армянина» (8, 367).

10-го декабря 1914 г. в Карсе Костандин Гюльназарян рассказал Туманяну о случае дезертирства, в котором, кроме русских, участвовали

также евреи и армяне. По его рассказу, "18 человек договорились в траншее и ранили друг друга" (8, 388).

Туманян задумывался над тем, чтобы найти какой-нибудь способ для противодействия антиармянским действиям генерала Абациева. Он резко сопротивляется решению генерала об изолировании армянских добровольцев от сражающегося в зимних условиях русского войска. Поэт разъясняет, что группа Армена Гаро не может осуществлять одну лишь постовую, караульную деятельность на пограничной передовой линии, будучи изолированной от русской армии на большом расстоянии, протяжённостью в пятнадцать вёрст. Поэт обращается с просьбой к руководству армии «дать им возможность расчистить на границе тыл войска от курдов» (8, 387). Конечно, первоочередной задачей для Туманяна была безопасность армян, и он очень хорошо понимал, что вооружённое до зубов курдское население опасно не для регулярной, обученной и хорошо вооружённой русской армии, а для безоружного мирного армянского населения. Тем более, что русские часто меняли свою дислокацию: то продвигались вперёд, то безо всякой причины отступали, причём эти совершенно беспричинные отступления стали обычным явлением. Поэт был склонен видеть в этих отступлениях злой умысел. Конечно, он вынужден был молчать по поводу причин этих совершенно непонятных и ничем не обоснованных отступлений, однако, тем не менее, пришёл к однозначному убеждению, что если родная земля когда-нибудь и будет освобождена, то только усилиями армян. Он утверждает: «Нигде мы не видели ни войска, ни офицеров, которые были бы озабочены войной. Все считают это делом армян» (8, 387).

Более того, Туманян не мог не заметить и не констатировать факты сотрудничества некоторых русских генералов с курдскими беками против армян. В качестве доказательства он собирался представить в Тифлисе таких генералов – не только Абациева, но и Дрягина и других. «У Дрягина, - свидетельствует поэт, - курд Бако Инд оглы, у Абациева – два курда-езида, которые не подпускают армян и пишут очень плохие рапорты» (8, 387-388). И подобные случаи не были единичными. Туманяну доводилось быть очевидцем русско-турецкого сотрудничества, направленного против армян, и в прежние времена. Ему даже приходилось бороться с этим во время межнациональных столкновений армян с кавказскими татарами в 1905-1906 гг¹.

Некоторые дневниковые записи поэта фиксируют осознанное, специальное искажение, извращение происходивших во фронтовой зоне событий со стороны русского военного руководства. С их подачи публикуемая в периодике информация доводилась до читателей в неверном свете. Так, по дороге из Диадина в Тагличай Туманян беседует с русским

¹ Подробнее см. С.Ованесян, История жизни и творчества Ованеса Туманяна (1900-1912), Ер., изд-во «Гракан эталон», 2012, стр. 374-375.

офицером Борисом Анатольевичем, который свидетельствует, что тифлисские газеты пишут неправду, в особенности когда дело касается статистических данных; цифры всегда явно преувеличиваются, когда речь заходит об убитых и взятых в плен. Вместо, скажем, пятнадцати указывается несколько сотен. Поэт приводит пример такой дезинформации: «В долине Алашкерта находилась регулярная турецкая армия численностью в 2000 человек. И когда пришли наши 10000, они убежали со всего Алашкерта, занимаясь грабежами по всей протяжённости долины. И об этом пишут, что многочисленная армия не устояла перед нашим нападением» (8, 366).

Туманян не был бы Туманяном, если бы не записывал в своём дневнике отдельные примеры, когда турки или курды во время военных действий помогали армянам, спасали им жизнь. Он свидетельствует, что «жителей села Дутах после отступления русских спасла от резни жена тысячника Гахраман-бека» (8, 375).

Впервые оказавшись в Западной Армении, Ов. Туманян старался подробно описывать топографическое расположение сёл, чтобы лучше узнать свою страну. Вблизи курдского села Гарбулаг, что в районе Чингила (Каркара), поэт вспоминает армянских царей и славное прошлое своей родины и пишет: «Вблизи картина Баязета – воспоминания. Внизу – Маку, наверху – Каракилиса и т.д. Арташес» (8, 354). Поэт замечает также, что Баязет «собирается спуститься вниз – в долину» (8, 354). В «стране руин и трупов» поэт находит в себе силы встать выше своих страданий и отмечает красивые пейзажи Западной Армении. Описывая хребты Армянского нагорья, он упоминает как армянские, так и турецкие их названия. «С одной стороны долины Баязета начинается горная цепь Аладага, с другой стороны – цепь Бартоха, по-турецки – горы Синака, между ними – прекрасная долина Алашкерта, со стороны Диадина – Евфрат – Мурадчай – Арацани. В конце долины, за церковью Сурб Ованеса виден Кёсадаг – очень красиво» (8, 367). А из села Йонджалу перед его глазами открывается другой вид на те же хребты Армянского нагорья. «Художественно, нежными волнами тянутся параллельно горные цепи Аладага – горы Цахканц и хребты Бартоха – горы Синака, среди которых вдали величественно и красиво возвышается Кёсадаг» (8, 371). В другом месте своего дневника Туманян, являвшийся автором детской игры об армянских реках, записывает: «Отсюда (имеется в виду Диадина – С.О.) начинается Евфрат. Через Диадина протекает Мурадчай (Арацани)» (8, 364). Заметив в Арцапе с четырёх сторон остатки крепостной стены, поэт вспоминает о том, как Гасан-хан взял село в кольцо осады и как жители села героически сопротивлялись на протяжении четырёх месяцев. Туманян становится очевидцем безмолвного страдания коренного армянского населения Западной Армении, перенёсшего ужасы резни и погромов, и ещё раз убеждается в правоте своих представлений, согласно которым именно родная природа даёт армянам силы для того, чтобы

храбро сражаться с захватчиками и противостоять жуткой и суровой действительности. В селе Йонджалу он пишет: «Народ, в особенности женщины, имеют нежные и здоровые лица, такие же и дети, несмотря на столько страданий, грязь и нищету. С двух сторон обнажив зелёные груди, кормят их горные хребты, а посередине, извиваясь, плавно течёт Арацани-Евфрат» (8, 371). Внимательно изучая географическое положение окружающей местности, неприступные горы и долины, преодолевая непреодолимые физические трудности на всем протяжении путешествия, Туманян хочет верить, что «этой страной никто не завладеет физически, остаётся культурная сила» (8, 385).

Туманян не мог остаться равнодушным к прекрасной природе Западной Армении, тем более что ему впервые открылась удивительная красота этой части его большой родины.

В дневниках Туманяна большое место занимают также сведения и пометки, содержащие статистические показатели. Вот один из таких примеров: «Баязет насчитывает 1000 домов, около 10000 жителей. У армян 310 домов, 3100 жителей, и это правда. В Санджаке 34 села, 5 посёлков городского типа – Алашкерт, Берд или Топраз Гале, Каракилиса, Диадин, Дуга и Батнос, а также город Баязет – 40 тысяч армянского населения» (8, 363). В другой дневниковой записи поэта читаем: «По берегам Евфрата с четырёх сторон сплошь курды. Посчитали – во время погромов на одного армянина приходилось сто курдов» (8, 368). Сообщается также число армян в Каракилисе: «Каракилиса – 2000 домов, 1500 турок, 500 армян. А в пересчёте на людей, считая, что в каждом доме в среднем по 10 человек, одна треть – армяне, две трети – турки. И вообще армянская семья больше турецкой. Торговля и ремёсла в руках у армян, но при этом турки богаче. Турки захватили лучшие земли и обогатились» (8, 372).

Поэт записывает также историю строительства крепости Баязета, предания, повествующие о Хенте, герое романа Раффи.

В этих записях явственно ощущается боль и тревога автора. Он испытывает сильные переживания по поводу древней урартской крепости Баязета, которая восемь раз подвергалась разрушениям¹. Поэт сообщает о строителе этого замечательного памятника зодчества, получившего название «Восточной красавицы», архитекторе Аветисе, которому отрубили руку сразу же после того, как это замечательное строение было завершено. Поэту было больно видеть следы пуль и пушечных ядер на стенах крепости, было больно из-за горестных историй, связанных с крепостью (8, 361). Отметим, однако, что в современной армянской историографии существует иное мнение о возрасте крепости. Так, по мнению Эприкяна,

¹ О древней крепости Баязета немецкий путешественник Вагнер писал: «Это дерзкое и чудотворное строение, основанное в таком месте, что даже ястребам и орлам не хватит смелости свить там гнёзда». См. Т.Акопян, Ст.Мелик-Бахшян, О.Барсегиан, Словарь топонимических названий Армении и прилегающих районов в 4-х тт., т.1, Ер., изд-во ЕГУ, 1986, стр. 584 (на арм. яз.).

крепость Баязета была построена в конце 18-го века по приказу Махмуда-паши и «руками какого-то армянского архитектора»¹. При этом об имени и судьбе зодчего, построившего крепость, ничего не говорится. Некогда в крепости был дворец, который считался одним из самых значительных строений в Османской империи. Залы дворца были выложены мрамором, в нём было множество колонн, а стены были разрисованы фресками в восточном стиле. Перед Туманяном же предстают руины; все строения были сровнены с землёй, кроме минарета мечети.

В своём дневнике Туманян перечисляет и поимённо называет всех поднявших руку на прекрасные армянские исторические памятники культуры варваров и исторических деятелей, которые прошли по этим местам и в течение одного лишь столетия восемь раз подвергали огню и мечу крепости, сохранившиеся с урартских времён. Это были «Чачан оглы, Тамур-паша, Тамур-ага из Вана, Надир-шах из Маку, Паскевич, Бебутов, в 1877 г. Тер-Гукасов, в 1914 г. и т.д.» (8, 363).

В дневнике писателя упоминаются многие курдские селения, в которых в качестве немых свидетельств их армянского прошлого остались только кладбища. Туманян записывает предания об армянском селе Цахкоц², ставшем Гюлисором, и о мосте над рекой Мурад, превратившейся в Евфрат. Поэт отмечает, что этот мост построен руками армян, пересказывает армянское предание, согласно которому река поменяла своё русло после того, когда армяне покинули село Цахкоц (8, 368).

Встречаются в дневнике и такие записи, из которых в дальнейшем могли родиться новые художественные произведения, либо они могли послужить документальным материалом для новых публицистических статей, либо могли быть использованы в исследовательских трудах писателя на историческую тематику.

Несмотря на то, что во время этой первой поездки в зону боевых действий Туманяну так и не удалось встретиться с армянскими добровольческими отрядами, тем не менее, поэт впервые увидел Западную Армению, её замечательную природу, увидел превратившиеся в руины армянские города и сёла, увидел угнетённый народ. Заметим, кстати, что определение «угнетённый» очень часто используется в произведениях Туманяна и характеризует многих его героев и персонажей. Поэт увидел во время своей поездки следы изуверства и жестокости, которые переходили все границы человеческого воображения; он ещё больше разочаровался в человеческой природе, поскольку увидел воочию «человека-зверя», «человека-людоеда». Думается, не будет преувеличением, если сказать, что Туманян каждой молекулой своей крови, каждым ударом

¹ Там же.

² Цахкоц (Гюлисор) – одно из селений Эрзрумской губернии, неподалёку от села Кармирк Хоторджурского района.

сердца и каждым трепетом души ощущал страдания и боль своих соотечественников.

Свои дневниковые записи, сделанные во время первого путешествия в Западную Армению, Ов. Туманян обобщает в нескольких пунктах. Это выводы и заключения поэта, исходящие из его впечатлений и ощущений от поездки. Эти выводы касаются главной цели поездки. Вовсе не случайно, что уже первый абзац относится к обвинению армянских добровольцев в грабежах. Поэт пишет о том, как он озвучил эту проблему во время своей беседы с генералом Огановским. «Грабежи – до прихода русских войск ограбленное гамидиевцами армянское население пошло, чтобы вернуть назад то, что отобрали у него; после этого, когда пришли войска, они грабили и продавали вместе с армянами или продавали им» (8, 386). Конечно, говоря это Огановскому, поэт рассчитывал убедить генерала на основании конкретных примеров, имевших место, в частности, в Диадине и Баязете. Затем поэт стал разъяснять, насколько опасна политика, проводимая руководством русских войск, в результате которой армянские сёла остаются в большом отдалении друг от друга. «Большие армянские селения, - отмечает он, - находятся на просеженной дороге. Трава, кизяк и еда закончились. Не разрешают обращаться к сёлам, находящимся в отдалении от дорог» (8, 386). Однако Туманян при этом считал наиболее губительным явлением (на которое он и обратил внимание генерала Огановского) то, что русское военное командование разоружает армянских добровольцев. Поэт сообщил генералу, что с учётом реальной и с каждым днём усиливающейся опасности нападения вооружённых курдских разбойников, он решил доложить об этом Армянскому национальному бюро и русским властям в Тифлисе и призвать их незамедлительно исправить ситуацию. «Оружие. Разоружили армян, во многих местах отняли даже оружие, имевшееся с турецких времён. Просить – дать армянам оружие, считая его наличие недостаточным, вместе с десятками тысяч их солдат и с нашей помощью разоружить курдов» (8, 386).

В этом контексте примечательны также несколько других предложений, которые Туманян, вероятнее всего, услышал от армянских добровольцев и русских военачальников и которые он решил представить в Тифлисе и проследить за их исполнением. Конечно, русское командование было вовсе не против, чтобы число армянских добровольцев ещё больше возросло, не возражало оно и против того, чтобы их славные победы на полях сражений обеспечивали не дезертирующие при первой же возможности и не имеющие никакого желания воевать русские солдаты, а поднявшиеся на ноги и храбро и отчаянно сражающиеся за освобождение своей родины армянские добровольцы. Туманян пишет: «Русский штаб предлагает армянскому штабу довести нашу армию для решения нашего вопроса хотя бы до 10000. У нас нет оружия, оружие следует купить у Японии – по 20 рублей за штуку, из расчёта 10000 ружей, по 500 патронов на ружьё» (8,387).

Идею покупки оружия из Японии поэту внушил некий доброволец по имени Саак, который убедил его, что использовавшимися на тот момент «маузерами 9-го и 10-го калибра» сражаться невозможно, потому что они очень «слабые». Эти маузеры в основном используются неприятелем, и армяне беспокоились по поводу того, что даже если бы русские согласились их вооружить, то дали бы им отнятое у врага негодное оружие. И Туманян, поднимая этот вопрос и считая его очень важным, выполняет просьбу Саака, выражая свое согласие с ним: «Необходимо непременно купить оружие из Японии и расширить дело, - армию и оружие» (8, 387). Однако в условиях войны исключительно важное значение обрел вопрос организации обучения военному делу. Вопрос этот теперь стоял намного острее, чем прежде, в мирное время. Одного только мужества и храбрости было совершенно недостаточно для победы. Именно по этой причине русское военное командование вместо того, чтобы озаботиться этим вопросом и предложить пути для решения проблемы, с нескрываемым пренебрежением и высокомерием относилось к армянским хмбапстам (атаманам). Офицер армянского происхождения тифлисского штаба армии Джанполадов информирует Туманяна: «Офицеры смеются и над Амазаспом, и над Керы. Они не имеют представления о пушках, пулемётах, о том, когда следует молчать... не знают, что нужно делать в том или ином случае» (8, 388).

Поэтому поэт был убеждён, что одной из важнейших задач, стоящих на повестке дня, является подготовка армянских офицеров. «Дайте нам (взамен студентов) людей, силы, революционеров, чтобы подготовить офицеров» (8, 387).

Поэт стал очевидцем действительных планов и замыслов царских властей, экспансионистской политики, недоброжелательного, мягко говоря, отношения значительной части русских генералов и старших офицеров. Были среди них и такие, которые даже не пытались скрывать своего резко отрицательного, предвзятого отношения не только к армянским добровольцам, но и ко всем армянам вообще. Поэт осознал, что русские сражаются на Кавказе только для того, чтобы завоевать Западную Армению как географическую территорию, и при этом абсолютно безразличны к судьбам турецкоподданного армянского населения. А турки, между тем, всячески стремились отвоевать Ардаган, Карс и Сарикамыш, после чего для них открылась бы дорога на Тифлис. Однако в сражении за Сарикамыш 90-тысячная турецкая армия потерпела сокрушительное поражение. Достаточно сказать, что были убиты 78000 офицеров и солдат-аскеров, многие попали в плен, погибли от морозов. Проезжая по дороге к Сарикамышу, Туманян был настолько близок к передовой линии, что мог видеть, как русские разоряют курдские сёла, слышал ружейную перестрелку между армянами и курдами, видел группы пленных, пролежавшие несколько месяцев незахороненными человеческие трупы, разрушенные церкви и сёла, в которых остались только собаки и кошки, которые ужасно

выли и мяукали по ночам – голодные и бездомные (10, 220). При этом поэт делится своим наблюдением: он считает, что собаки воют не только потому, что остались голодными и бездомными, но и потому, что своим собачьим инстинктом они чувствуют происходящие человеческие зверства.

В Караклисе поэт пишет: «Здесь также собаки группами воют ужасно. Их хозяева ушли. Но и другие собаки тоже воют» (8, 371). В другой записи читаем: «В Сарикамыше также засвидетельствовали, что начиная с мая, так же как и везде, все собаки воют» (8, 390).

Пережлётывающие чувства поэта переплетаются с трезвой рассудительностью, и ему удаётся не потерять веру и оптимизм в безбрежном море разочарований и держать по возможности дальше от своих мрачных и безрадостных мыслей армянских воинов и армянский народ. Он понимал, что рождающееся из разочарований всеобщее отчаяние способно привести к ещё большему бедствию. Поэтому он делал всё, чтобы его вера и надежда на светлое будущее своего народа всегда оставались незыблемыми. Он узнал, увидел своими глазами всех виновных в армянском горе, в том числе и разжигателей, подстрекателей и вершителей этого кровавого и масштабного бедствия, встретился с русскими генералами, осознал, что каждое государство руководствуется только и только собственными интересами, однако как великий гуманист никогда и нигде – ни в своих выступлениях, как письменных, так и устных, ни в своих художественных произведениях не сеял ненависти и вражды.

Слабые лёгкие Ованеса Туманяна кое-как выдержали суровую декабрьскую стужу 1914 года, однако, несомненно, эти трудности и лишения не прошли бесследно и сыграли решающую роль в его преждевременном старении.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОВАНЕС ТУМАНЯН НАКАНУНЕ ВТОРОЙ ПОЕЗДКИ НА ФРОНТ

Проходят месяцы после первой поездки Ов. Туманяна в Западную Армению, в зону боевых действий, а приносимые войной страдания и бедствия не только не отступают, но и возрастают, становятся всё более ужасными и поистине невыносимыми. Свидетельствующих об этом материалов и документов – несметное количество. Это периодические издания, протоколы и резолюции собраний, свидетельства очевидцев, докладные, рапорты, отчёты и послания, а также письма, написанные фронтовиками, непосредственными участниками кровавых сражений.

Ещё с февраля 1915 г. повсюду распространяются вести и слухи о крайне безысходном положении беженцев из Западной Армении, нашедших пристанище в юго-западной части Грузии. «Тиф в Гори совершает нашествия на больницы. Двое раненых скончались. Дети многих жителей уже заразились. Со стороны городских властей никаких санитарных мероприятий до сих пор не было предпринято»¹.

Конечно, как различные комитеты и общественные организации, так и всё армянское население в меру своих возможностей помогали беженцам, многотысячная армия которых всё больше и больше возрастала, но для решения их бесконечных больших и малых проблем ресурсов было явно недостаточно. Помощь поступала отовсюду – и из Тифлиса, и из провинций и районов. В Гандзаке 15-ое марта было объявлено «Днём одежды». О результатах этого благотворительного мероприятия сообщали все газеты того времени. «По решению местного комитета по делам беженцев сегодняшний день объявлен «Днём одежды». ...Для объезда были подготовлены около 15-и повозок. Сегодня все эти повозки украшены недавно заселенными ивовыми ветками, сзади и по бокам прикреплены объявления на армянском и русском: «Помогите беженцам!», а на самих повозках развеваются трёхцветные флаги. Объезд начался в 10 часов утра и продолжился до 4-х часов вечера. Результат в деньгах составил 592 р., а одежд было собрано около вагона. После дезинфицирования одежда будет отправлена беженцам»².

И действительно, восточноармянское население старалось принести как можно больше пользы потерявшим свои дома и имущество, чудом спасшимся от резни соотечественникам, хотя и ему самому приходилось очень нелегко, преодолевая каждодневные лишения. В статье «Забывтое решение» читаем: «Армянское крестьянство, а также другие сословия

¹ «Оризон», 1915, N28, 6-го февраля.

² Там же, N65, 27-го марта.

общества самоотверженным образом приютили турецкоподданных и ираноподданных беженцев и проявили о них заботу. Состоявшийся в Эчмиадзине съезд констатировал необычайные пожертвования со стороны крестьян. Все организации, занимающиеся делами беженцев и собирающие пожертвования для них наряду с центральным информационным органом Эчмиадзина взяли на себя все расходы беженцев, чтобы они больше не были обузой для крестьян»¹.

Ованес Туманян деятельно участвовал в работе Общества помощи беженцам и распределения пособий; поэт принимал также участие в формировании групп, отправляющихся в Западную Армению для оказания помощи местному населению. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления на имя поэта, в которых заявители просят привлечь их к тем или иным благотворительным мероприятиям, чтобы как-то помочь беженцам. Одна из подобных просьб содержится в адресованном поэту письме Петроса Тер-Манвеляна от 19-го марта 1915 г., в котором автор письма просит включить его в одну из групп, отправляющихся в Западную Армению. «Глубокоуважаемый г-н Ованес, дорогой наш поэт, - пишет он. - Прошедшим днём я причинил Вам беспокойство своим письмом, простите, хотя этим письмом собираюсь просить Вас о ещё более важном деле. Сегодня «Оризон» принёс очень радостную весть: приходский священник Мкртыч из Ардагана телеграфирует епископу Месропу, что «село Окропакерт не было разрушено. Есть необходимость оказания большой помощи». Нет сомнений, что Общество распределения пособий или Общество оказания помощи беженцам должны помогать продовольствием селу Окропакерт, жители которого не имеют никаких средств для жизни, поскольку их наверняка основательно ограбили. Конечно, Общество отбирает людей, приказчиков для отправления в сторону Ардагана, как для раздачи пособий окропакертцам, так и для определения понесённых ими убытков. Для меня желательно, чтобы я тоже сопровождал эту экспедицию, в качестве опропакертца... Я просил бы Вас ходатайствовать перед святейшим, либо перед Благотворительным обществом, либо куда следует, чтобы я принял участие в экспедиции, что я считаю своим священным долгом...»².

На состоявшемся 20-22-го февраля 1915 г. Национальном съезде Ованес Туманян в очередной раз избирается в центральный комитет реорганизованного Национального бюро. В состав центрального комитета, состоявшего из пятнадцати членов, вошли ещё епископ Месроп (председатель), Александр Хатисян и Овсеп Амирханян (сопредседатели), а также Лео, Геворг Хатисян, Степан Лисициан и другие³.

¹ Там же, N108, 19-го мая.

² МЛИ, ф. Туманяна, д. 2233 (470).

³ См. «Краткий вестник деятельности Национального Бюро в 1915-1917 гг.», стр. 3.

В деятельности Национального бюро принимали участие представители «распорядительных органов» добровольческих отрядов и «хмбапеты».

Можно не сомневаться, что в этот особенно трудный для него период жизни Ов.Туманян ни за что бы не согласился стать членом какой-либо общественной организации или союза, если бы не был твёрдо уверен в его общенациональной политической или культурной значимости, надпартийной сущности. Предпринятую в этот момент реорганизацию Национального бюро он рассматривал как плодотворное и результативное средство для того, чтобы объединить, сконцентрировать лучшие интеллектуальные силы нации и направить их в едином русле, чтобы организоваться, консолидироваться всей нацией и действовать сообща, солидарно и единодушно. И действительно, Национальное бюро стало заниматься объединением и сплочением армянских вооружённых сил, связывая основную свою надежду с армянским добровольческим движением. Участие Туманяна подтверждает общественно важную и полезную для нации направленность деятельности Бюро и его благородные, честные цели и намерения. Писатель был уверен, что эта организация была создана своевременно и что учреждение её было продиктовано насущной необходимостью, поскольку ей предстояло выполнить труднейшую и очень ответственную миссию по выводу всего армянского народа из крайне бедственного положения, преодолеть навалившиеся на армянский народ и следующие одна за другой беды и напасти.

Главной, основной заботой для всех армянских национальных, политических и общественных деятелей того времени была судьба Западной Армении, все они мечтали о свободе и независимости этого исконно армянского края, однако предпочитали благоразумно умалчивать об этой общенациональной и самой заветной своей мечте во время встреч и переговоров с русскими высокопоставленными должностными лицами. «В начале мировой войны в Тифлисе состоялось что-то вроде Национального собрания русскоподданных армян, с участием представителей провинций. Номинально собрание было создано для решения вопроса о том, какие именно добровольные и дополнительные обязанности должны взять на себя русскоподданные армяне для оказания помощи русской армии. Однако по существу всех собравшихся занимал вопрос независимости или автономии Турецкой Армении, говорить о котором не осмеливались, беспокоясь, что это может вызвать возмущение в правительстве и армии.

После закрытия заседаний состоялось большое торжественное пиршество в резиденции главы епархии Тифлиса. Провозглашались тосты за царя, за Воронцова-Дашкова, за русскую армию, за армянский народ и т.д., но никто не осмеливался открыть рот и сказать хотя бы одно слово о будущем Турецкой Армении, которая была предметом заботы для каждого. Очередь дошла до Туманяна, который, взяв бокал в руки, встал с места.

- Какой-то нищий и несчастный курд умер. Соседки собрались вокруг покойника. Жена покойного громогласно рыдала над телом мужа и причитала: «Вай, умереть мне за твой посеребрённый меч! Вай, умереть мне за твою златотканую одежду! Вай, умереть мне за твоего арабского скакуна!» Соседки, удивлённые такими причитаниями по покойнику, переглядываются. В конце концов одна из них не выдерживает, обращается к вдове курда и говорит: «Ахчи¹, но ведь у твоего мужа не было ни посеребрённого меча, ни златотканой одежды, ни арабского скакуна...» Вдова, вытерев глаза отвечает: «Правильно, не было, но всё это он держал в своих мыслях». Теперь, господа, я поднимаю этот бокал за то, что вы держите в своих мыслях»².

В первые месяцы войны Туманяну не изменяло его прославленное чувство юмора, и об этом свидетельствует также Ширванзаде. В течение трудной и опасной поездки в зону боевых действий, когда армянская группа была вынуждена проходить по труднодоступным местам, полным смертельных опасностей и угроз, Туманян по дороге время от времени рассказывал забавные истории, анекдоты, то и дело шутил, и это очень помогало его спутникам преодолевать страх перед смертью и трудности пути. Забегая вперёд, скажем, что поэт рассказывал смешные истории и анекдоты и в тот момент, когда его, неизлечимо больного и обречённого, врачи несли на носилках в операционную. Однако в дни всенародного бедствия он говорил с народом предельно серьёзно. Бедствие было общенациональным, и противостоять ему можно было только сплотившись, объединившись всем народом, всей нацией.

В своей статье «Бдительность», опубликованной 21-го марта 1915 г., поэт пишет: «Во время большой войны, когда каждый народ собирает воедино свои силы и напрягает их во имя всеобщего дела и цели, для армянского народа явилось удачей, что было создано Армянское национальное бюро. Национальное бюро принесло нам ту солидарность и то единение, которые были необходимы в это смутное и трудное время. Объединив все наши силы невзирая на партийные различия, оно пришло, чтобы в меру своих сил помочь той борьбе, которая обещает маленьким нациям права и свободу.

Разве может встать перед каким-нибудь народом более великая и священная цель, разве можно мечтать о более удобном моменте, разве можно создать более желасмый орган?» (7, 163).

Чуть ли не половину данной статьи, то есть почти всё, что следовало за этими строками, царские цензоры запретили к публикации на страницах «Оризона», и поэтому целая колонка в газете так и осталась пустовать. Остаётся только догадываться, что в довольно большом отрывке статьи, вырезанном цензорскими ножницами, речь шла не только о более опре-

¹ Просторечное обращение к девушке или женщине.

² См.: газета «Арач», Париж, 1982, 9-10 октября.

делённых, конкретных целях и задачах Национального бюро, но и о борьбе за осуществление «священного стремления» армянского народа, об освобождении родины от её векового врага.

Продолжая верить в мощный «третий удар», в завоевание Полиса и освобождение западноармянского коренного населения, писатель-публицист призывает своих соотечественников к бдительности, и призыв этот был направлен в первую очередь на поиски путей спасения, а для этого, по его убеждению, необходимо было прийти к национальному единению и активно сотрудничать с силами, борющимися с нашим вековым врагом. Фактически цензура допустила к публикации только ту часть статьи, в которой говорилось о необходимости объединённой борьбы вместе с Россией и Антантой, Тройственным союзом. В заключительной части статьи Туманян пишет: «Если мы являемся таким народом, который заслуживает лучших дней и лучшего будущего, то мы не должны допустить, чтобы в момент этого священного стремления в нашей среде находили пищу и возрастали дурные ростки несогласия. Мы должны сплотиться, должны объединить все наши силы и направить их на то, чтобы помочь победе России и Тройственного союза, которая ...является нашей победой и требует несомненного и прочного объединения в большой войне, чтобы выпестовать великое будущее» (7, 163).

Для писателя призыв к бдительности равносителен призыву к национальному единению, поскольку любое внутреннее разногласие было бы огромной и недопустимой расточительностью в тот роковой и судьбоносный момент. В тот момент слова «бдительность» и «единение» представлялись поэту синонимами. Он связывал большие надежды с реорганизованным, обновлённым Национальным бюро, потому что оно символизировало для него национальное единение.

Каждый раз, когда очередное отступление русской армии приостанавливалось и начиналось новое наступление, надежда и вера Туманяна возрастали. Каждая, пусть даже самая незначительная, победа на поле брани, возвращение каждого вынужденного скитальца-армянина в родные края воодушевляла его. Из этих переживаний рождается статья «Наши священные долины», которая была опубликована в «Оризоне» 31-го марта 1915 г. без каких-либо сокращений и купюр. Вера и надежда Туманяна были также проявлением веры и надежды его лишившихся родины соотечественников, поскольку жестокая и кровопролитная война всё ещё продолжалась, но прошедшие через все круги ада, видевшие погромы и резню алашкертцы возвращались вместе с русскими войсками в свои родные края, в свои разорённые очаги. «Так было во время всех русско-турецких и русско-персидских войн. Армянский народ всегда отступал и шёл вперёд вместе с русской армией» (7, 164). Говоря о «священных долинах», Туманян имел в виду долины, располагавшиеся между двумя реками, символизирующими его раздвоенную, разделённую на две части родину, – Араксом и Евфратом. «Одна река – это наша Матушка Река, а

другая – наша Священная Река. В долине одной реки развилась и прошла наша прошлая политическая жизнь, в долине другой реки расцвели наши древние и новые верования, наши национальные святыни, наша национальная письменность и литература» (7, 164). К этому времени вера и надежда Туманяна были настолько могучими, что он и краешком мысли не мог себе представить, что его западноармянские соотечественники могут лишиться всего своего годами нажитого имущества, своих домов и очагов, своей родины. Хотя, возможно, он тем самым хотел заверить позарившихся на наши родные края врагов, что у нас невозможно отнять нашу землю, нашу родину. Поэтому он и говорит: «Вероятно, легче будет выселить армянский народ из Эчмиадзина, чем из долин Аракса и Евфрата» (7, 164). Вот такая сильная была у него вера, и это при том, что совсем недавно он сам был очевидцем, как турки и курды «зверски растерзали попавшее к ним в руки армянское население Зеткана, Молла Сулеймана, Хастура и других сёл» (7, 165). И это при том, что тот же непримиримый враг всё ещё вперил свой взор в долину Евфрата – реки, которая была колыбелью человеческой цивилизации, была той родиной армян, где обитали его «старые боги» и цари, где многие властелины и тираны нашли свою кончину, где даже сама природа, родные горные вершины, хотя они и были многократно орошены кровью армян, должны были придавать силу родному народу, чтобы он мог там жить и созидать. Вера Туманяна была верой армянского духа, родившегося из армянской земли и армянской истории. Поэт во всеуслышание заявляет, что долина Евфрата – это Армения, где «язычники-армяне отмечали свои праздники Вардавар и Цахказард, почитали своих богов – Анаит и Астхик, Арамазда и Ваагна. В этой долине армянский народ вместе со своим Трдатом Великим получал крещение в священных водах Арацана, принял христианство и воздвигнул храм на месте своего крещения, выгравировал на его челе: «Кто ринется на эту скалу, будет сокрушён, а на кого обрушится эта глыба, тот потечёт, словно вода». В этой долине, где армянский народ веками сталкивался лоб в лоб со всеми властителями Персии и Востока. В этой долине стелется поле Дзирава; здесь своими бессчётными победами возвысились династии Аршакуни, Багратуни, Мамиконянов и Арцруни. В этой долине, окружённой горами Цахканц, хребтами Бартоха, Нпат и Сукавет, подняв свою седую голову до самого неба, сторожит Свободный Масис» (7, 165).

В этих строках ярко отразилось туманяновское восприятие родины, – ответ на вопрос, почему следует любить свою родину и почему не следует ей покидать. Родина – это обычаи и обряды, традиции и культура; природа – земля, горы, ущелья, леса и поля, реки и озёра, боги и цари, победы и поражения, боль и страдания, вся история, вся биография нации. Вот почему, независимо ни от чего, всегда следует возвращаться на родину. Часть алашкертцев возвращалась к своим разрушенным и разграбленным очагам в то самое время, когда другую её часть «сегодня

терзают, трупы ещё не захоронены, а над оставшимися в живых всё ещё воют курды из Глидж-Гядука и свистят их пули» (7, 165).

В советские годы при публикации этой статьи в первом научном издании собрания сочинений Ов.Туманяна (1950-1960 гг.) из её текста по идеологическим соображениям были изъяты заключительные строки, в которых поэт призывает всегда возвращаться в Западную Армению, а если это по каким-то причинам невозможно, то нужно объяснить властителям мира, что стремление армянина к своей исторической родине никогда не угаснет. Вот эти строки, которые были вырезаны из статьи ножницами советской цензуры: «Но снова вернёмся к той долине... Непреодолимо стремятся к той долине наши сердца, наши мысли, наши души. Там находится для нас всё то, что превращает один народ в великий и красивый, то, что даёт одному народу жизнь и душу.

Пойдём навстречу заветной долине Матери Аракса и Священного Евфрата» (7, 166).

Конечно же, на эту статью не могло не оказать своего воздействия первое путешествие Ов.Туманяна в те края Западной Армении, о которых он пишет. В статье ощущается огромная, безграничная гордость и любовь поэта к родной земле и природе, к армянской истории и культуре, та самая любовь, которая стала ещё более конкретной и предметной после того, как он увидел свою историческую родину воочию.

22-го декабря 1914 г. русская армия заняла Сарикамыш и успешно его удерживала, несмотря на продолжающиеся бои и отчаянный натиск неприятеля, и взятие Константинополя стало обретаť вполне реальные очертания. Во всяком случае, согласно выходявшим в Тифлисе периодическим изданиям, 15-го марта 1915 г. Босфор подвергся сильной бомбардировке, и турки были охвачены не просто тревогой за судьбу крупнейшего своего города и оплота, а самым настоящим ужасом и паникой. Они стали в спешном порядке сооружать защитные крепостные стены, стали минировать все подходы к городу, а 22-го марта турецкое правительство оставило Константинополь и перебралось в город Эски-Шехр. Подобно многим другим, Туманян также верил, что турецкие военные корабли не выдержат фронтальных нападений русского морского флота. И всё же, несмотря на то, что поэт продолжал верить и надеяться на победу русской армии, ощущение близкой беды, надвигающегося страшного бедствия также не оставляло его. Во второй декаде марта 1915-го года в письме другу Филиппу (Пилипосу) Вартазаряну Туманян пишет: «Тифлис и весь Кавказ, и особенно кавказское армянство пережили очень волнительные дни. После сражения Сарикамыша стало ещё очевиднее, насколько большой была опасность, а беспокойство – обоснованным. Конечно, опасная ситуация всё ещё продолжается, но самое главное уже позади. Теперь со дня на день ожидаем взятия Полиса, которым, конечно, всё должно завершиться.

Положение нашего народа, находящегося в пределах войны, ужасно. Истории о зверствах, резне и страданиях одна ужаснее другой, и нет им конца» (10, 222).

В 1915 г. военные действия на Кавказском фронте проходили в основном в районе Сарикамыша. Там сражался 4-й Кавказский армянский корпус, в составе которого были воинские подразделения под командованием Абадиева, Трухинуна, Чернозубова, Николаева.

Ов. Туманян как член Комиссии, осуществлявшей помощь пострадавшим от войны, принимал участие, а во многих случаях руководил различными мероприятиями, одним из которых было предотвращение эпидемий. Повсюду школьные здания и все подходящие строения оборудовались под больницы. Так, например, 12-го апреля 1915 г. тифлисская городская больница была настолько переполнена, что оттуда за один только день перевезли в переоборудованное под клинику новое здание школы Нерсисян 183 раненых и больных солдат.

В опубликованном в апреле отчёте осуществляющего помощь беженцам Центрального комитета, одним из самых активных членов которого был Туманян, говорилось: «В результате отчёта комитета выяснилось, что комитет с начала своей деятельности и по сей день предоставил в пользу пострадавших от войны 185.000 р. В пользу беженцев: из 30.000 рублей, выделенных со стороны гражданского самоуправления Москвы, комитет выделил беженцам Борчалу, беженцам Ардвина – 2000 р., беженцам Алашкерта – 6000 р., и беженцам, выхаживаемым в Тифлисе, – 3000 р.»¹.

Одно за другим начинают открываться общества по выхаживанию сирот, которые на заседаниях своего правления, годовых общих собраниях, в публикуемых протоколах и сообщениях постоянно информировали общественность о своей выполненной и предстоящей работе, о затраченных суммах, очередных нуждах².

Беженцы из Западной Армении находили пристанище преимущественно в районах Басена, Ларса и Тахта, и по этой причине для указанных трёх районов были назначены специальные разъездные контролёры – с целью прослеживания за распределением помощи беженцам. «Комитет из суммы 3000 р., выделенных на нужды беженцев, купил ткани для подушек, нанял врачей – исключительно для оказания помощи беженцам... Беженцам выдаётся очень скромное пособие и к тому же – мукой или хлебом, а не деньгами»³.

¹ «Оризон», 1915, N78, 12-го апреля.

² Годичное общее собрание одного из сиротских домов Тифлиса, которое располагалось по адресу: ул. Петхамская 3, в частном доме. На повестке дня был отчёт за 1914 год, связанный с выхаживанием сирот, а также утверждение сметы на 1915 год. См. «Оризон», 1915, N101, 10-го мая.

³ См. «Оризон», 1915, N88, 24-го апреля.

Туманян старается не поддаваться панике в связи с многочисленными сообщениями о резне и погромах в разных регионах Западной Армении. Пряча «безбрежное море армянского горя» в самых глубоких и невидимых складках своей души, он пытается воодушевить, заражать армянских воинов ожиданиями победы, верой и надеждой на благоприятный исход войны, организовывая пожертвования и вспомоществования и лично участвуя в этих мероприятиях, оказывать помощь беженцам и сиротам. В одной из публикаций в газете «Оризон» за 10-е мая 1915 г., размещённой в разделе «Внутреннее обозрение» общей рубрики «В пользу армянских добровольцев» приводится список участников добровольных пожертвований в рамках благотворительного мероприятия «Тифлис в ежемесячных выплатах», и первым в этом списке указывается имя Ованеса Туманяна: «Ов. Туманян – 25 р., Г. Хатисян – 25 р., Ал. Паповян – 25 р., Арт. Абегиан – 10 р., С. Тигранян – 25 р., О. Хунунц – 40 р., С. Лисициан – 25 р., С. Врацян – 15 р., Ник. Агбалиян – 10 р., Х. Карчикян – 25 р., ... Арш. Казарян – 3 р., Нар-Дос – 3 р., Сринг – 3 р., Аб. Иоаннисян – 5 р. ... итого 385 р.»¹.

Были в указанном списке и другие имена с минимальными пожертвованными суммами. Как говорится, в подобных случаях главное – участие, а не величина выплаченной суммы. Однако, если иметь в виду очень тяжёлое материальное положение поэта, имевшего большую многодетную семью с её нескончаемыми проблемами и заботами, множество кредиторов (в их число входили чуть ли не все банки Тифлиса), то в этом случае величина пожертвованной суммы также имеет своё значение.

Казалось бы, делалось всё возможное и невозможное, чтобы преодолеть обрушившееся на армянский народ невиданное бедствие, но самое худшее, самое ужасное было ещё впереди.

«О, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ДАЙ МНЕ ПЛЮНУТЬ ТЕБЕ В ЛИЦО!»

Первая мировая война с самого своего начала стала для младотурок сигналом к осуществлению давно вынашиваемого плана по массовому физическому уничтожению армянского населения страны. Факты красноречиво свидетельствуют о том, что геноцид армян был государственной политикой Османской Турции и подробно разрабатывался правительственными структурами ещё задолго до войны. Резня и погромы время от времени организовывались в самых разных армянонаселённых регионах Западной Армении.

¹ См. «Оризон», 1915, N101, 10-го мая.

15-го октября 1914 г. партия младотурок «Иттихад ве терраки» («Объединение и прогресс») приняло своё чудовищное решение — раз и навсегда покончить с «Армянским вопросом». В качестве мотивации власти ссылались на «нелояльность» армянского населения по отношению к Османской Турции. Однако это было явной нелепостью, поскольку о русской ориентации западноармянского населения можно было говорить только после открытия русско-турецкого фронта. Между тем к моменту принятия упомянутого решения Россия ещё не объявила войну Турции. Напомним, что только на следующий день, 16-го октября 1914 года турецкий военный флот, руководимый немецкими офицерами, приступил к бомбардировке русских городов Северного Причерноморья. И России ещё только предстояло объявить Турции войну — через несколько дней, 20-го октября¹.

Таким образом, решение о массовой насильственной депортации армянского населения Османской Турции с последующим его физическим уничтожением в пустынных местностях было принято осенью 1914 г. Самими младотурками это решение воспринималось как важный шаг по осуществлению повсеместного геноцида армян. После того, как война добралась до Западной Армении, в том числе и до Полиса, армяне забеспокоились и стали вести себя ещё более осторожно и осмотрительно: было не так уж трудно догадаться, что Турция попытается использовать подвернувшийся благоприятный случай, чтобы избавиться от коренного армянского населения и застрявшего, словно кость в горле, пресловутого «Армянского вопроса».

Весной 1915 г. среди тифлисского армянского населения в связи с беспокойством о дальнейшей судьбе западноармянских соотечественников царили противоречивые настроения. С одной стороны, продолжалось продвижение русской армии в нескольких направлениях — как в сторону Олти и Ардвина, так и в сторону Полиса, с другой стороны, приходили вести об ужасных погромах, резне и насильственной депортации армян. Тифлисское армянство, естественно, продолжало связывать все свои надежды на спасение с Россией, с освободительным наступлением русских войск. Предводитель Армянской Апостольской Церкви католикос всех армян Геворг Пятый 7 апреля 1915 г. оповещает министра иностранных дел России Сергея Дмитриевича Сазонова о крайне бедственном положении западноармянского населения. «По полученному телеграфному сообщению, подтверждаемому другими источниками, происходит резня беззащитных, обезоруженных армян — в Эрзеруме, Держане, Зейтуне и окрестностях; кровавые столкновения — в Битлисе, Ване, Муше; насилия, грабежи, убийства — в Эгине, Киликии, экономическое

¹ Центральный государственный исторический архив РФ (ЦГИА), ф. 821, оп. 13, д. 281, л. 16.

разорение всего армянского народонаселения. Паства моя волнуется»¹. Верховный патриарх просит о помощи: «Убедительно прошу Ваше высокопревосходительство не отказать моему народу в дальнейшем гуманном покровительстве и в защите в этот критический момент, спасти всеми возможными мерами невинно погибающих христиан. Удрученный ледящими душу вестями, одновременно обращаюсь телеграфно к нейтральным державам: президенту Соединенных Штатов и королю Италии с просьбой о защите подвергавшегося избиениям мирного населения. Почтительно прошу, найдите возможным соблагovolить поручить. Вашим послам в помянутых государствах воздействовать во имя христианства и гуманности на правительства последних в целях прекращения избиения армян и бесчинств в Турецкой Армении»².

Ещё несколько дней спустя до Тифлиса доходят известия о героическом сопротивлении жителей Вана. Восьмого апреля 1915 г. началась депортация армянского населения Зейтуна.

В мае 1915 г. трагические события произошли в Харберде. Первого мая были арестованы видные представители интеллигенции местного армянского населения. Под предлогом поиска спрятанного оружия начались истязания сначала мужчин, а затем и женщин. Особенно жестокими были истязания священнослужителей. Турки подвергали их самым изощрённым издевательствам, таскали их за бороды, вырывая из них ключья волос, избивали, сжигали живьём, стискивали их головы с такой силой, что люди теряли сознание от боли. Изуверы вешали людей и в полумёртвом состоянии снимали с виселицы, требовали, чтобы жертвы в полубессознательном состоянии сообщали им о спрятанных деньгах и драгоценностях и подписывали всё, что они им прикажут. Самым бесчеловечным и безжалостным образом вбивали им в ступни гвозди, подковывали, распинали³.

Очевидец тех трагических событий свидетельствует: «Священника Тер-Асатура из селения Кармир, находящегося в трех с половиной часах пути от Харберда, в полуудавленном состоянии повесили, потом вынули из петли и потребовали, чтобы он указал место, где хранится оружие. Он стойко держался, и за это был жестоко избит. Достопочтенного священника утром отпустили, чтобы он указал место, где хранится оружие. Несчастный убежал в селение Хойлу и бросился в колодец, откуда жандармы его тотчас же извлекли и после продолжительных истязаний размозжили ему голову топором»⁴.

¹ Русские источники о геноциде армян в Османской империи 1915-1916 гг. Сост. Абрамян Г.А., Севан-Хачатрян Т.Г., Ер., 1995, вып. 1, N 26, с. 21. Геноцид армян в Османской империи. Под ред. Нерсисяна М. Г., Ер. 1983, 2-изд., № 144-148, с. 279-281.

² ЦГИА РФ, ф. 821, оп. 13, Д. 279, Л. 10-12., Геноцид армян в Османской империи. Под ред. Нерсисяна М. Г., Ер. 1983, 2-изд., № 143, с. 278.

³ Там же, стр. 490.

⁴ Там же, стр. 491.

Такой же участи удостоился и столь же жестоким истязаниям подвергся другой священник, Тер-Атовм. Его «оседлали, как лошадь, сели на него верхом и полтора часа гоняли. Его довели до изнеможения и затем потребовали, чтобы он выдал тайны и указал место, где хранится оружие. Он стойко и твердо отпирался, тогда его подковали и распяли... Под тяжестью этих мук он испустил дух»¹.

В конце 1915 г. недовольство министра внутренних дел Турции Талаат-бея вызвала ссылка католикоса Киликии в Алеппо. Талаат был взбешён тем, что католикоса оставили в живых; он в срочном порядке послал губернатору Алеппо зашифрованную депешу, чтобы впредь никогда не сохраняли жизнь армянским священнослужителям и духовным руководителям и чтобы учинили расправу над ссыльными деятелями армянской церкви. В депеше говорится: «1 декабря 1915 г. До нашего сведения дошло, что некоторые духовные лица отправлены в такие сомнительные пункты, как Сирия и Иерусалим, несмотря на то, что армянское духовенство должно быть истреблено в первую очередь. Подобное разрешение вопроса является непростительным упущением. Место высылки этих мятежных людей - уничтожение. Я рекомендую Вам действовать в соответствии с этим.

Министр внутренних дел Талаат»².

Весной 1915 г. на Кавказском фронте началось массовое переселение армян, и подробности этого нового тяжкого испытания стали вскоре доходить до Тифлиса и стали предметом ещё одной заботы для армянских политических и общественных деятелей и вообще для всего населения Восточной Армении. Национальное бюро без конца посылало в Западную Армению своих представителей и, получив проверенную и достоверную информацию об оставшихся там или бежавших из этого ада соотечественниках, всячески стремилось помочь им – насколько это было возможно в то смутное и трудное время. Епископ Нерсес, который 21-го апреля отправился по делам беженцев в Маку, писал оттуда: «Болезнь ветрянки, широко распространённая среди детей в нескольких селениях этого района, преимущественно в Астапате, унесла довольно много жизней. В некоторых сёлах часть плодовых деревьев в садах замёрзла из-за имевших место в последнее время сильных дождей и морозов...»³.

Каждый день Ов. Туманян лично получал известия подобного рода и принимал активное участие в организации конкретных мероприятий, призванных хотя бы немного улучшить ужасное положение беженцев. Для этого поэту приходилось сотрудничать с десятками помогающих беженцам комитетов, обществ и иных благотворительных организаций. Национальное бюро каждый день созывало совещания и заседания, в работе

¹ Там же.

² Там же, стр. 485-486.

³ «Оризон», 1915, №91, 28-го апреля.

которых почти всегда принимал участие и Туманян. А телеграммы о новых погромах, грабежах, убийствах, насильственных действиях и депортации армян всё продолжали и продолжали идти. Национальное бюро работало с большой перегруженностью, в режиме чрезвычайного положения, выносило экстраординарные решения. Поэт свидетельствует: «У нас состоялось совещание с верхами, были чрезвычайные уведомления и распоряжения, посмотрим, что из этого получится» (10, 223).

Общеизвестно, что Ов. Туманян был исключительно сдержанным человеком и не имел привычки говорить во всеуслышание о своих переживаниях, личной боли и печали, однако даже ему это удавалось с большим трудом и не всегда. Так, в письме к другу Пилипосу Вардазаряну от 19-го апреля 1915 г. он под тяжёлым впечатлением от полученной днём раньше телеграммы признаётся: «Если меня спросят о моём самочувствии, то я по причине печальной гармонии внешних и внутренних обстоятельств, не смогу признаться с гордостью, что у меня всё в порядке.

Но кто в это время говорит о внутренних обстоятельствах, когда перед нашими глазами переворачиваются миры? А тут ещё вчера мы получили новую телеграмму, что в Западной Армении начались масштабные погромы и резня, то, чего мы все ожидали постоянно и о чём из опасения старались не говорить» (10, 223).

Однако поэт не может сдержать себя и не выразить своего возмущения и гнева по поводу турецких преступников, этого «всемирного чудовища», и он не хочет расстаться со своей верой и надеждой увидеть врага разбитым и разгромленным. В этом письме другу и меценату он не сообщает ни слова о своих личных и семейных делах, о своих нескончаемых трудностях и проблемах, он просто говорит ему то, что постоянно повторял в этот период: «Да, вот именно, турки в последний раз купаются в крови нашего несчастного народа. Я уверен, что это должно быть последним преступлением этого международного чудовища, но и для нас, впрочем, может стать ужасным ударом» (10, 223).

Чаша терпения всегда спокойного и уравновешенного поэта переполнилась, и если он мог себя сдерживать в своих художественных произведениях, публицистических статьях, выступлениях и не давать турецким извергам оскорбительных характеристик, то в личных письмах он чувствует себя намного более раскованно и называет их «всемирным чудовищем».

Ованес Туманя был ещё и председателем Кавказского общества армянских писателей, и он старался сделать так, чтобы другие известные писатели, члены Общества, также поднимали свои голоса против происходивших несправедливостей и жестокостей, дабы мир услышал и узнал о совершаемом в это самое время крупномасштабном и чудовищном преступлении против всего армянского народа. По этой причине он выходил с одного совещания и спешил успеть на другое, писал воззвания, искал какого-нибудь выхода из создавшегося положения. В апреле 1915 г. поэт

пишет: «Каждый день, каждый день мы на заседаниях, нервные, возбуждённые, усталые; вот и сегодня у меня три заседания, ожидаю какой-то комиссии, которая должна прийти ко мне, чтобы мы отредактировали воззвание Общества писателей – чтобы телеграфировать воззвание писательским организациям почти всех наций мира, крупным газетам и видным писателям» (10, 223-224).

Туманян продолжал получать многочисленные телеграммы из Маку, Вана, Эрзрума и других мест. В них звучала тревога и предостережение о том, что в скором времени всё армянское население Западной Армении и Киликии может подвергнуться резне, погромам и грабёжам. Этой информацией писатель делится с товарищами на заседании правления Общества писателей и сообщает, что готов написать от имени Общества воззвание, обращённое к разным народам мира, великим и нейтральным державам, их литературным организациям, редакциям газет, академиям и выдающимся писателям. Об этом свидетельствует также отчётная ведомость правления Общества писателей, посвящённая деятельности организации за 1914-1916 гг.¹

В апреле 1915 г. Ов. Туманян от имени Кавказского общества армянских писателей обратился к властям разных стран мира, писательским организациям и редакциям, призывая их поднять свой голос в защиту народа, подвергающегося невиданным и неслыханным до того времени гонениям и преследованиям, стоящего перед угрозой полного физического истребления. В периодике воззвание было опубликовано 21-го апреля 1915 г. Не следует думать, что писатель был настолько наивен, что думал, что с помощью каких-то воззваний можно разбудить совесть и сострадание народов мира. Но, тем не менее, как бы он ни сомневался в действенности и результативности подобных обращений, всё же он считал единственно правильным и безальтернативным решением бить в набат, звонить во все колокола. Туманян вообще был очень деятельной натурой. Он не мог бездействовать, сидеть сложа руки, просто пассивно скорбеть о царящей в мире несправедливости или отвлечённо бормотать слова о мести и возмездии. Нет, ему необходимо было действовать и верить при этом, что своей деятельностью, своими действиями он может хоть чуточку помочь общему делу, если сумеет довести до сознания прогрессивного человечества сущность трагедии армянского народа. Поэт продолжал верить, что во всех народах мира найдутся всемирно известные и авторитетные личности, которые поднимут свой влиятельный голос «во имя человеколюбия, христианства и культуры», поскольку он сам поступил бы именно так – даже если бы речь шла о турецком народе, вековой жертвой которого были его соотечественники и его историческая родина. Он был убеждён, что любое действие в любом случае и во всех отношениях

¹ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, д. 43/31,49, Музей Туманяна, о. д., д. 3427.

лучше, чем бездействие, что необходимо рассказать миру об армянском народе, о его исторических судьбах и о постигшей его в эти дни страшной трагедии. Туманян пишет: «Армянский древнейший народ стал одной из первых жертв великого турецкого похода. Со дня появления турок наша история и литература захлебнулись в крови и слезах, наша национальная культура была разрушена, и наше имя можно услышать только в связи с неслыханными погромами и ужасами. Наше положение особенно усугубилось с того дня, когда мы начали протестовать и заговорили о самых элементарных человеческих правах. Вот и сегодня, во всемирной суматохе, заблокированное и оставленное один на один со своей вековой жертвой, турецкое правительство встало на ноги, чтобы превзойти все свои совершенные до нынешнего дня преступления, чтобы резней раз и навсегда положить конец протесту и суду армянского народа. Оно начало резню от Эрзрума до Киликии, от Чёрного моря до Междуречья.

Общество армянских писателей в условиях этого ужасного кризиса обращается к совести наций - в лице их светлых учреждений и лучших сынов, просит поднять свой влиятельный голос против этого беспрецедентного преступления, во имя человеколюбия, христианства и культуры» (7, 166).

Воззвание на русском, французском и английском языках передаётся в апреле 1915 г. правительствам Италии, Болгарии, России, Румынии, Америки, Англии, Франции и других стран. Телеграммы, отосланные в Америку, либо по недоразумению, либо из-за проблем, связанных с условиями военного времени, вернулись обратно, а периодические издания других стран как-то откликнулись на «Воззвание».

Лео так же, как и Туманян, был членом Армянского национального бюро, однако не приветствовал этих усилий писателя, считая его инициативу совершенно бесполезным делом и будучи твёрдо уверенным, что «Воззвание» не получит никаких откликов. Он пишет в своих воспоминаниях: «Я снова донёс до него голос своего пессимизма, сказав, что жалко тех денежных средств, которые должны быть затрачены на такое количество телеграмм, однако он не захотел ничего слушать, был глубоко убеждён, что голос литературы не может не быть услышанным повсюду.

Он отправил телеграммы. И, конечно, ничего из этого не вышло. Бедный поэт! Он не знал - да и кто мог знать - что те государства, в которых расцветают эти научно-культурные учреждения, должны превратить реки крови армян в нефть Мосула или же в концессию Честера, чтобы наполнить карманы своих вампиров»¹.

Слова Лео о том, что «ничего из этого не вышло», не вполне соответствуют действительности, потому что многие передовые общественные, политические деятели, а также известные деятели науки и культуры - Джеймс Брайс, Арнольд Тойнби из Великобритании, Максим Горький,

¹ Туманян в воспоминаниях современников, стр. 97.

Валерий Брюсов из России, Анатоль Франс, Жак де Морган из Франции, Йозеф Маркварт из Германии, Герберт Гиббонс из Соединённых Штатов Америки, Франц Верфель из Австрии и многие другие – публично осудили преступные действия турецких варваров. И в этом деле свою роль сыграли многие армяне, поднявшие голос протеста и оповестившие мир о Геноциде армян в Османской империи. И среди них, конечно, был и Ованес Туманян.

В те самые роковые апрельские дни 1915 года, когда Ованес Туманян взывал к «властителям цивилизованного мира» и прогрессивным силам, действительно озабоченным дальнейшей судьбой человечества, правительство Османской Турции, первым делом обезоружив, а затем изгнав из своих домов и уничтожив всё мужское армянское население, приступило к следующему своему шагу: стало в массовом порядке арестовывать, ссылая и уничтожать представителей армянской интеллигенции, партийных и общественных деятелей, учителей, священников... Тем самым турецкие власти хотели лишить армянское население его руководящей, направляющей и организующей силы.

Начался новый, второй этап геноцида...

Доктор Назим на одном из тайных совещаний лидеров младотурок представляет свою программу, концепцию и обоснование необходимости физического уничтожения армян, подчёркивая, что начавшаяся война является очень удобным поводом для того, чтобы навсегда похоронить так называемый «Армянский вопрос».

15-го апреля 1915 г. министр внутренних дел Турции Талаат, министр обороны Энвер и один из идеологов и руководителей партии «Иттихат ве терраки» Назим заявляют, что каждый, кто осмелится защитить или спрятать армян, будет объявлен предателем и врагом родины и строго наказан. Так, весной 1915 г., прикрываясь необходимостью проведения массовой депортации, младотурки приступают к выполнению своего изуверского плана по уничтожению армян. По совместному решению и распоряжению триумvirата Талаат-Энвер-Назим местные власти провинций на рассвете 24-го апреля начинают переселять армянское население в направлении сирийской пустыни Дер-Зор. В первую очередь сослав и уничтожив всё мужское население в возрасте 18-45 лет, затем учинив жестокою расправу над армянской интеллигенцией, младотурецкие власти приступают к насильственной депортации и уничтожению оставшихся совершенно беззащитными женщин, детей и стариков. Все губернаторы Западной Армении получают секретный приказ об уничтожении армян.

То, что в качестве мишени на начальном этапе была избрана армянская интеллигенция, и то, что резня и погромы осуществлялись с исключительной и беспрецедентной жестокостью, не могло оставить равнодушным армянское население Тифлиса. Началось величайшее в истории преступление против человечества, охватившее всю территорию

от Эрзрума до Междуречья и далее – до Киликии. Это был геноцид армян, первый геноцид двадцатого столетия.

Население Восточной Армении особенно возмутило и потрясло известие об аресте и ссылке западноармянских духовных деятелей, в частности, наместника патриарха и восьмисот представителей интеллигенции¹.

26-го апреля 1915 г. патриарх Завен представил меморандум великому визирю Санду Галиму-паше². В меморандуме декларировалась лояльность армян властям Османской империи, а также выражались беспокойство и тревога по поводу совершаемых массовых арестов. Великий визирь выразил удивление и решительно отверг какие-либо сомнения в лояльности и преданности армян.

Массовые аресты армянской интеллигенции на всей территории Османской империи начались за три дня до арестов в Константинополе, однако самый тяжёлый удар по интеллигенции был нанесён именно в Полисе. 24-го апреля и в течение нескольких последующих дней в этом городе были арестованы и сосланы тысячи армян, в том числе писатели, искусствоведы, врачи, учителя, общественные деятели. В большей части источников о геноциде армян говорится о 235-и представителях армянской интеллигенции, арестованных в Полисе 24-го апреля 1915 г., а за несколько дней до этого и в последующие несколько дней были арестованы ещё сотни других, в том числе 196 писателей, журналистов, публицистов, 176 педагогов, 160 юристов, 168 художников, 575 музыкантов и композиторов, 62 архитектора, 64 артиста и т.д. Однако этот список далеко не полный³.

По дороге в ссылку армянские интеллигенты подвергаются самым изощрённым издевательствам и унижениям. Об этом свидетельствуют и зарубежные источники. Сопоставление опубликованных архивных документов Германии, Австро-Венгрии и Болгарии, которые являлись союзниками Османской империи во время Первой мировой войны, свидетельствует о том, что уничтожение армянской интеллигенции являлось

¹ «Оризон», 1915, №84, 19-го апреля.

² Саид Галим-паша (1863-1921) – турецкий государственный деятель. Один из руководителей младотурков и организаторов геноцида армян. Был известен своими теоретическими сочинениями. Считал, что ислам, в отличие от «препятствующего прогрессу христианства», является демократической религией, основанной на равноправии и свободе личности. По этой причине, согласно Санду Галиму, в исламском мире нет необходимости в борьбе за демократию и свободу. В 1913 г. был назначен великим визирём, одновременно продолжая исполнять обязанности генерального секретаря партии «Единение и прогресс». В завершающий период Первой мировой войны уступил должность великого визиря Талаату, после заключения мира в 1918 г. был арестован и привлечён к ответственности в качестве военного преступника и одного из организаторов депортации и массовой резни мирного армянского населения. Однако благодаря политическим интригам англичан ему удалось уйти от ответственности и отделаться ссылкой на Мальту, а в 1921 г. – освободиться. 6-го декабря 1921 г. в Риме Саид Галим был застрелен армянским народным мстителем Аршавиром Ширакяном.

³ Именной список арестованных представителей интеллигенции см.: И.Лепсиус, Секретная ведомость. Резня армянского народа. Ер., 2003, стр. 129 (на арм. яз.).

одним из этапов геноцида армян в Османской империи в 1915-1916 гг. Его целью было обезглавить нацию и тем самым реализовать план по уничтожению армянского народа. Уничтожение армянской интеллигенции доказывает тот факт, что геноцид армян был спланирован и осуществлен Иттихадской партией (младотурками) на государственном уровне¹.

Самоочевидно, что массовое уничтожение армянской интеллигенции ставило целью предотвратить какую-либо возможность и попытку организации самообороны во время резни и погромов. Самая большая часть армянской интеллигенции была сосредоточена именно в Константинополе, здесь же находились посольства крупных европейских стран. Удалив армянскую интеллигенцию из города, можно было лишить её возможности протестовать и обращаться с воззваниями к европейским странам. Как опять же свидетельствуют зарубежные источники, массовые аресты совершались, «чтобы заставить армянский народ молчать до начала грабежей, резни и погромов»².

Ни одному из арестованных не было предъявлено никакого обвинения. Их сослали в пустынные местности Сирии, в частности, в пустыню Дер Зор. Священник Э.Штыр в своём исследовании «Уничтожение армян в Турции» отмечает: «В ночь с 24-го на 25-е апреля 1915 г. в Константинополе внезапно были арестованы 600 армянских интеллигентов (депутатов, писателей, духовных служителей, врачей и т.д.), и несколько дней спустя без предъявления какого-либо обвинения и без решения суда их сослали в глубины Малой Азии – в Конию»³.

Такие же сведения сообщает профессор Венского университета профессор Вольфдитер Билль, однако он в качестве временного отрезка совершаемых арестов указывает 24-26-е апреля⁴.

Все старания влиятельных армян были тщетными. Ранним утром 25-го апреля, ещё до рассвета, арестованных отправили в самую глубь страны – в Ангору (Анкару), в Конию, в Диарбекир. По поводу начавшейся насильственной депортации армян и жестоких погромов и резни ещё 16-го января 1915 г. поднимает голос протеста Аршак Врамян, который являлся депутатом Османского парламента. Он протестует против бесправных действий правителя Вана Джемдета и правителя Эрзрума Тахсин-бея. Правитель Вана отказывается принять его, а какое-то время спустя организывает его убийство⁵.

¹ См. Германские источники о геноциде армян; Период Первой мировой войны. Сб. док. и мат., в 2-х т., сост. Степанян С. С., т. 1, Е., 1991. Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (1913-1919), Материалы Политархива МИД Кайзеровской Германии, отв. ред. В. А. Микаелян, Е., 1995, док. N35.

² Германские источники о геноциде армян; Период Первой мировой войны. Сб. док. и мат., в 2-х т., сост. Степанян С. С., Е., 1991, т. 1, с. 233.

³ Там же, с. 203.

⁴ Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (1913-1919), Материалы Политархива МИД Кайзеровской Германии, отв. ред. В. А. Микаелян, Е., 1995, т. 1, с. , 99.

⁵ См. А.Ширакян. Завешание мучеников. Ер., 1991, стр. 42 (на арм. яз.).

Напрасными оказались также все усилия, предпринятые известным армянским писателем, членом турецкого парламента Григором Зограбом. 25-го апреля он пошёл к Талаату домой, а 28-го апреля обратился к нему с официальным письменным запросом. У Григора Зограба были все возможности спасти свою жизнь бегством, однако он до последней секунды надеялся, что сможет что-то изменить, каким-либо образом помочь своим соотечественникам.

«Произошло то, что должно было произойти: вчера ночью полиция произвела множество арестов армян, - пишет Зограб 25-го апреля 1915 г., - все главные дашнаки... Затем большое количество врачей и аптекарей... по какой причине? Заговор? – напрасный страх. Осторожность или ответный удар по поводу событий, произошедших в разных местах?.. Я пока ещё на свободе... Ссейчас пришёл Вардгес¹... Пошли домой к Талаат-бею, поговорили. Бесплезно. После того, как партия «Дашнакцутюн» была рядом с «Иттихадом» и помогла ему, теперь вот оказался под его ударом»². И поскольку писатель прекрасно понимал, каким будет продолжение, первого мая 1915 г. он делает в своём дневнике следующую запись: «Какому дню суждено стать днём армянской резни?»³. Зограб знал, что он обречён и что его арест – дело времени, что, если он пока ещё на свободе, то вовсе не потому, что является депутатом турецкого парламента, меджлиса, а потому, что всем известно о его близких, дружеских отношениях с Талаатом. Знал он также и то, что рано или поздно очередь дойдёт и до него, однако это «рано или поздно» не дотянуло даже до одного месяца, и вскоре он был арестован вместе с депутатом Эрзрума Вардгесом Меренгуляном и отправлен в Диарбекир. Случилось это в 11 часов вечера 20-го мая 1915 г. Тем не менее, Зограб оказался именно тем человеком, который осмелился в страшный и судьбоносный день 25-го апреля потребовать объяснений у Талаата. Он обращается к Талаату ещё один раз, 27-го мая, уже из ссылки, из Гонии. Он намеревался обратиться к правительствам Германии и США. И можно не сомневаться, что именно поднятый Зограбом голос протеста сыграл решающую роль в его дальнейшей судьбе.

Среди арестованных армянских интеллигентов были также редактор армянского периодического издания «Азатамарт» и редакция в полном составе. Их всех отправили в Диарбекир, держали под арестом до 15-го июня, после чего убили.

Подлинные причины произошедшего, во всяком случае, на тот момент, и даже после ссылки, были для Григора Зограба непонятны и непостижимы. В противном случае он не стал бы по дороге в ссылку обращаться за помощью к разным влиятельным турецким деятелям, беям

¹ Речь идёт о депутате Эрзрума Вардгесе Меренгуляне.

² См.: Григор Зограб, Собр. соч. в 4 тт., т. 4. Письма, Дарственные надписи, Дневники. Ер., 2003, Изд-во МЛИ, стр. 431-432.

³ Там же, стр. 432.

(письма от 28-го июня к молле Неджмеддину, Хусейну Джахиду, Назым-бею, письмо от 2-го июля Халил-бею). Конечно, совершенно неправомерно упрекать писателя в том, что он даже перед лицом неминуемой смерти всё равно отказывался поверить в возможность, в реальность происходивших событий. Геноцид целого народа, тщательно организованный на государственном уровне и реализованный столь бесчеловечным и жестоким образом, - всё это не имело прецедента в истории человеческой цивилизации. Именно поэтому сознание писателя, его воображение не были готовы к тому, чтобы представить подобное коварство и вероломство, подобную неблагодарность от людей, которые ещё вчера называли его «армянским другом» и «армянским братом». Он был в отчаянии и панике, он был готов ухватиться за любую соломинку. Очень трудно, почти невозможно было поверить в предательство и чёрную неблагодарность людей, которым он сделал столько добра. «Не могу поверить, чтобы Халил-бей забыл обо всех моих заслугах и не пришёл на помощь»¹.

Зохраб не мог скрывать своего гнева и возмущения по поводу того, что отправлялись в ссылку и уничтожались те самые влиятельные армяне, члены той самой политической партии, благодаря деятельной поддержке и финансовой помощи которой пришли к власти люди, издавшие приказ о массовой депортации и уничтожении армян. Речь идёт о партии Дашнакцутюн, в отношении которой турецкие правители проявляли особую жестокость. Посол Болгарии Н. Колушев к своему рапорту, посланному в Софию, приложил полученное из Муша сообщение, в котором отмечалось, что убито значительное количество армян – по причине их принадлежности к комитету «Дашнакцутюн»².

Григор Зохраб был известнейшим юристом, писателем, публицистом, и ему было очень трудно примириться с этой трагической grimасой реальности, трудно было поверить во всё то, что творилось вокруг него с изуверской жестокостью, по приказу неблагодарных турецких «друзей и коллег», и только по дороге в ссылку, незадолго до смерти юрист-правовед Зохраб убедился: «В этой ситуации моя невиновность гроша ломаного не стоит»³.

Григор Зохраб погибает 15-го июля 1915 г. по дороге, ведущей из Урфы в Диарбекир, погибает страшной и мучительной смертью от руки некоего пещерного человека Черкеза Ахмеда, который убивает писателя камнем. Во время этого последнего своего путешествия, уже придя к горестному убеждению, что его заслуги перед этой страной никого не интересуют, что его «невиновность гроша ломаного не стоит», писатель пишет письмо жене Кларе. В нём говорится: «Теперь, любимая моя жена,

¹ Там же, стр. 315.

² См. «Геноцид армян в Турции в свете болгарских дипломатических документов», Ер., 1996, стр. 17 (на арм. яз.).

³ Григор Зохраб, Собр. соч. в 4 тт., т. 4. Письма, Дарственные надписи, Дневники. Ер., 2003, Изд-во МЛИ, стр. 315.

последний занавес для нас уже опускается. Писать более нет сил, если не останусь в живых, моё последнее пожелание и завещание моим детям, чтобы всегда относились друг к другу с любовью, уважали тебя и не причиняли тебе боли... и чтобы помнили меня. Если умру, 2000 золотых из моего имущества выделите на благотворительные цели»¹. Как видим, последней волей обречённого на гибель армянского писателя было служение благотворительным целям.

Трагическая гибель Григора Зограба всегда волновала каждого армянина. Смелое поведение армянского писателя, его готовность всегда и при всех обстоятельствах быть со своим народом и никогда не оставлять его; то, что он добровольно пожертвовал своей жизнью во имя своих жизненных взглядов и принципов, - всё это обессмертило его образ в истории армянской литературы, искусства и культуры, увековечив его человеческий подвиг в истории армянского народа. Героический облик Зограба, его мученическая смерть в дни Геноцида стали символом национального достоинства армянского писателя, его безграничной преданности своему народу. Гибель Зограба художественно отображена многими писателями и поэтами новых поколений. Перч Зейтунцян воспринимает и показывает его убийство не как частное злодеяние, а как уничтожение гнусным варваром выдающейся творческой личности, как уничтожение цивилизации вообще. «Черкез Ахмед подобрал с земли какой-то камень и стал бить по голове Зограба. Убийство личного врага доставляло ему какое-то необычное наслаждение, да, это было что-то необычное... - Околед, - вздохнул турок... Ахмед продолжал самозабвенно бить камнем по голове трупа. Затем от стал рассматривать свою жертву каким-то скотским воодушевлённым взглядом. Затем снял кольцо с руки Зограба и надел на свой палец»².

В трагической судьбе Григора Зограба, как в спектре, фокусируется судьба всего армянского народа. В стихотворении «Убийство Григора Зограба. Черкез Ахмед и Талаат» современного армянского русскоязычного поэта Гургена Баренца читаем:

- Господин, я пришел за наградой.
Дело сделано, мой господин.
Эту весть я принес как усладу
Для ушей твоих, мой господин.

Говорят, он был важною птицей:
Член меджлиса и эфенди.
Было б лучше ему не родиться,
Чтоб не сгинуть вот так, эфенди.

¹ Там же, стр. 317.

² Перч Зейтунцян. «Последний рассвет». Ер., 1988, стр. 653 (на арм. яз.).

Сколько мы убиваем их за день? –
Сам Аллах бы не смог сосчитать.
...Говорят, он почтенный писатель,
Не читал: не умею читать.

Я устал убивать – просто выжат.
День и ночь напролет, господин.
...Больше он ничего не напишет,
Заверяю тебя, господин.

Мы их били, пинали ногами,
Мы рубили их, мой господин.
...Господин, я убил его камнем,
Камнем в темя ему угодил.

Он все корчился и извивался,
Все кричал и стонал, господин.
Я смотрел на него и смеялся.
Все как ты мне велел, господин.

Там лишь женщины, дети, старухи,
Они клянчат хоть каплю воды.
Они мрут на дорогах, как мухи,
Пухнут с голоду их животы.

Сбились в кучу овечьей отарой,
Море жалких овец, господин.
Дай мне сотню лихих янычаров,
Я их всех истреблю, господин.

...Я замучил их, вывел из строя,
По заслугам меня награди.
Деньги, почести, крестик героя
Будут впору мне, мой эфенди¹.

Своё стихотворение автор снабжает «Необходимым примечанием», в котором говорится: «В ночь накануне своего ареста и убийства Григор Зограб был в гостях у министра внутренних дел Османской империи Талаата, играл с ним в покер и нарды. До этого, в годы правления Абдула

¹ См. Гурген Баренц, Стихи о Геноциде, «Порт-Фолно», Альманах, Монреаль, 2012 г., Выпуск #191; См. также: Гурген Баренц. «Мы несём на Голгофу свой крест», «Камертон», М., № 66 - Апрель 2015.

Гамнда, Зограб несколько раз спасал Талаата от неминуемой смерти. Талаат называл Зограба своим «лучшим другом» и «братом». Прощаясь с гостем, хозяин со вздохом поцеловал его в лоб. До самой последней минуты Зограб не мог поверить в возможность столь чудовищного коварства и вероломства со стороны человека, который был обязан ему своей жизнью. Что касается Черкеза Ахмеда, убийцы Зограба, то его ожидало большое разочарование: он был осужден и повешен».

Конечно, все отчаянные попытки Зограба отвести беду, спасти своих соотечественников от нагрянувшего всеохватного бедствия были изначально обречены на неудачу. И он был убит оружием пещерного человека на несколько месяцев раньше своих братьев по перу, вероятнее всего потому, что в качестве члена турецкого парламента и известного писателя и юриста представлял собой значительно большую опасность, чем все остальные, поскольку мог довести голос своего протеста до сведения цивилизованного мира. Судьбы литературных братьев Зограба – известных армянских поэтов, прозаиков и публицистов, сложились столь же трагично.

Потери армянской литературы были огромными. Был арестован цвет армянской интеллигенции и армянской литературы. Достаточно сказать, что среди арестованных были композитор Комитас, писатели Даниэл Варужан, Рубен Севак и Снаманто.

Представителей армянской интеллигенции, арестованных в двадцатых числах апреля 1915 г., турецкие жандармы разделили на две группы и сослали их в Аяш и Чангр. Арестанты, включённые в первую группу, были убиты сразу же, а попавшие во второй список, в том числе Комитас, Даниэл Варужан и Рубен Севак, отправились в долгий, тяжёлым в семь недель, изнурительный и полный лишений путь ссылки. Армянские писатели, которые к тому времени были уже всемирно известными и считались живыми классиками армянской литературы, чётко и ясно сознавали своё трагическое положение. Они постоянно подвергались издевательствам и глумлению, испытывали всё новые и новые физические и душевные потрясения, однако никто из них не принял унижительных, недостойных предложений покинуть место ссылки и спасти свою жизнь ценою компромисса со своей совестью и со своими жизненными принципами и убеждениями.

Рубен Севак ценою жизни доказал свою полную преданность национальной самобытности, нравственным ценностям, своему народу и его культуре. Свой патриотизм он отстаивал не только поэтическим словом и пером. После ареста 24-го апреля он был помещён в центральную тюрьму Константинополя, затем сослан в Чангр. Будучи по специальности врачом, он в Чангре стал лечить дочь турецкого главаря разбойничьей банды (четеджи) Арабаджи Исмаила. В знак благодарности Исмаил уговаривает его принять исламское вероисповедание и жениться на дочери турецкого чиновника, чтобы спасти свою жизнь от неминуемой гибели.

Некоторые из армянских деятелей, находившиеся в ссылке вместе с Севаком и понимавшие всю серьёзность и безысходность ситуации, советовали ему согласиться на это предложение и спастись. Однако Севак отвергает эту «милость», остаётся верным своей семье, своей жене и детям, своей христианской вере и народу и предпочитает смерть. Наместник управляющего Чангром, черкес по национальности, который был настроен к Севаку «по-дружески», оправдывается перед ним: «Я не могу не исполнить приказа, поступившего из Полиса»¹. Для того чтобы спасти жизнь Рубена Севака и освободить его из ссылки, самые отчаянные попытки предпринимают жена поэта Хелен Апель-Чилинкирян и её отец, тесть поэта, офицер в запасе германской армии Франц Апель. Они рассылают заявления и письма-прошения в министерство иностранных дел Германии, послу Германии в Константинополе Каунту Гансу фон Вангенгайму, послу Германии в Софии, консулу Лозанны, другим высокопоставленным должностным лицам. Но все их усилия оказываются напрасными.

12-го августа 1915 г. Рубену Севаку удалось телеграфировать жене, что он вместе с Даниэлом Варужаном находится в тюрьме Аяша. А уже на следующий день, 13-го августа, по дороге, ведущей в Аяш, между сёлами Чангр и Каледжик (Галайчик), в окрестностях селения Тюне (Тюнай), в каком-то ущелье неподалёку от города Анкара, вместе с четырьмя своими друзьями, среди которых были Даниэл Варужан и Сиаманто, руками наёмных убийц-варваров, турков и курдов, они были жестоко убиты камнями и ятаганами. Согласно свидетельству, данному извозчиком Гасаном в военном присутствии, самым последним был убит врач, то есть Рубен Севак². В момент своей страшной гибели Рубену Севаку было всего лишь тридцать лет. На год старше Севака был Даниэл Варужан.

Даниэла Варужана арестовали поздней ночью злополучного 24-го апреля 1915 г., в присутствии жены Аракси Ташчян и двоих детей – Вероники и Армена. Жена поэта ждала третьего ребёнка. В ночь ареста могла бесследно исчезнуть рукопись уже подготовленного к изданию сборника стихотворений Варужана «Песнь хлеба», но она была спасена благодаря стараниям супруги поэта, причём руку к этому чудесному спасению приложил, как это ни удивительно, предатель-армянин. Об этом рассказывает Гурген Маари: «Вместе с арестованным поэтом забирают и его... архив, среди бумаг которого была также рукопись неопубликованной книги «Песнь хлеба». Вдове поэта удаётся «найти язык» с преданным турецкой жандармерии извергом, предателем-армянином Аршавином Юсьяном, который пожелал «облегчить» совершённые грехи. Он

¹ См. https://hy.wikipedia.org/wiki/Рубен_Севак

² Там же.

вернул вдове Варужана «Песнь хлеба». Взяв при этом денежное вознаграждение»¹.

Варужана также поместили в один из изоляторов центральной тюрьмы Константинополя. Затем его перевезли в Энкюри (Анкару), а оттуда – в Чангр. А в тот самый день, когда турецкие и курдские наёмники убили Даниэла Варужана, родился его третий ребёнок, сын Айкак, который как бы стал символом продолжения и непрерывности жизни армянского народа. Как отметил писатель Анатолий Франс, «Армения находится на своём последнем издыхании, но она непременно возродится; та небольшая кровь, которая пока ещё течёт в её венах и питает её, очень ценная кровь, из которой суждено родиться героическому поколению. Народ, который не хочет умереть, не умирает»². Рождение третьего ребёнка Даниэла Варужана можно считать подтверждением этих слов.

Сиаманто был растерзан и убит турецким сбродом столь же жестоким образом – ятаганами, мотыгами, камнями, топорами³.

После зверских погромов и резни 1909 года в Адане, учинённых турецкой чернью по наущению младотурков, западноармянские писатели жили с мрачными предчувствиями новых рецидивов мракобесия и жестокости; чувство тревоги и беспокойства никогда не покидало их. Всё это стало целым мотивом в западноармянской поэзии – это были «Песни крови». Таким именно образом в армянскую литературу наряду с общечеловеческими темами вошли песни страдания, неизбывного, непреходящего страдания. Именно из кошмарных видений резни, погромов и пожаров в Адане родились знаменательные и горькие строки стихотворения «Танец»: «О, человеческая справедливость, дай мне плюнуть в твоё лицо!»⁴. Слова эти стали крылатым выражением ещё при жизни поэта и не потеряли своего актуального звучания в наши дни, поскольку более чем столетняя борьба целого народа в деле достижения справедливости и признания Геноцида во имя полутора миллионов его невинных жертв до сих пор не привела к желаемым результатам. Лирической поэзии не свойственно использование сюжетной линии, однако Сиаманто в своих стихотворениях и, в частности, в цикле «Кровавые вести от друга» создаёт ужасающие, берущие за душу картины резни и погромов, поскольку переполненная трагическими, драматическими событиями жизнь, казалось бы, сама побуждала и обязывала поэта обращаться к таким поэтическим образам, ситуациям, настроениям. В стихотворении «Танец» он рассказывает одну «непередаваемую историю» о том, как турецкое отребье обнажает двадцать доведённых до состояния полусмер-

¹ Гурген Маарн. Собр. соч. в пяти тт., т. 5, Ер., 1989, «Хорурдаин грох», стр. 646.

² <http://www.genocide-museum.am/arm/quotations.php>

³ <https://hy.wikipedia.org/wiki/Սիամանտո>

⁴ <http://www.genocide.ru/lib/siamanto/3.htm>

ти, «жаждущих смерти» армянских девушек и невесток и заставляет их танцевать под ударами плетей и кнутов.

"Должны плясать, должны плясать, неверные,
Должны плясать с открытыми грудями, безропотно...
Должны плясать, улыбаясь... Должны плясать
Без устали, до самой смерти.
Распутно, сладострастно, голые, -
Должны плясать, ибо стыд не для вас,
Ибо вы рабы, ибо наши глаза
Жаждут вашего тела и смерти...
Мы вашей смерти хотим!"
И пали наземь они, пали, чтобы больше не встать.
"Встать!" - орала толпа, толпа пребывала в экстазе,
И сабли блеснули, словно змеи, в саду.
Принесли кувшин керосина, - чернь ликовала... Облили всех...
О, человеческая справедливость, дай мне плюнуть в твое лицо!
"Должны плясать! - гремела обезумевшая толпа. - Вот вам
Благовония, каких даже в Аравии нет..."
И факелами подожгли невест истерзанные тела,
И корчились они, и смерть предстала перед ними...¹

Строку Сиаманто «О, человеческая справедливость, дай мне плюнуть в твое лицо!» использовали в своих стихотворениях и Сильва Капутикян, и Паруйр Севак, который взял литературный псевдоним, чтобы обессмертить и увековечить имя своего выдающегося предшественника Рубена Севака, ставшего жертвой турецкого ятагана.

Жертвами геноцида стали не только Григор Зограб, Даниэл Варужан, Сиаманто, Рубен Севак, но и другие армянские писатели – Рубен Зардарян, Арташес Арутюнян, Тлкатинци (Ованес Арутюнян), Ерухан, Тигран Чеокюрян, Смбат Бюрат; публицисты и редакторы Назарет Тагаварян, Тигран Келекян, Гагик Озанян и другие.

В июне 1915 г. в Константинополе на основании ложных доносов и обвинений были арестованы и повешены на одной из городских площадей двадцать деятелей партии «Гнчакян», в числе которых был видный армянский политический деятель Пармаз (Маттеос Саркисян).

Как отмечалось, младотурецкое руководство провело насильственную депортацию и резню армянского населения страны в несколько этапов. Вначале были разоружены и уничтожены все мужчины 18-45 лет, затем были арестованы, сосланы и убиты представители интеллигенции, а третьим и заключительным этапом стала массовая депортация и расправа над беззащитными женщинами, детьми и стариками.

¹ Там же.

В мае-июне 1915 г. началась депортация и резня армянского населения провинций Вана, Эрзрума, Битлиса, Харберда, Себастии, Диарбекира, регионов Киликии и Западной Анатолии и других местностей. Посол США в Турции Генри Моргентгау уже догадался, что депортация армянского населения преследует одну-единственную цель – массовое его уничтожение. Подлинная цель депортации была известна и понятна союзнице Турции – Германии, посол которой Ганс Вангенгайм в июле 1915 г. оповестил об этом правительство своей страны.

Изгнанные из мест своего постоянного проживания армяне группами-караванами отправлялись в глубь страны, в Междуречье и Сирию, где для них были созданы специальные концентрационные лагеря.

Заслуживает упоминания и адресованное английским периодическим изданиям и общественности письмо лорда Джеймса Брайса¹ от 27 ноября 1915 г., в котором он рассказывает об ужасах армянской резни. «Я чувствую, - пишет он, - что эти преступления должны быть выведены на белый свет, чтобы всеми возможными способами привлечь внимание других народов, вызвать сострадание к тем несчастным беженцам, родные и соотечественники которых безмерно пострадали... Кажется, что страдания горцев и крестьян Вана, Муша и Сасуна были более ужасными, чем те, которые довелось испытать мирным гражданам, сосланным в Алеппо и Гонию»².

Во второй части своего письма, опираясь на американские и армянские источники, лорд Брайс рассказывает несколько эпизодов из злодеяний Джемдет бея, о резне в Битлисе, Муше и Сасуне. Он пишет: «25 июня турки осадили город Битлис и отрезали его коммуникации с окрестными сёлами, и подобным образом продолжалась резня в Битлисе... В городе Муш армяне под руководством Аджи Курояна и других заняли прочные позиции в церквях и каменотёсных домах. Они четыре дня сражались, защищая себя, однако турецкие пушки, управляемые немецкими офицерами, вскоре разрушили армянские позиции. Армянские бойцы погибли, сражаясь до последнего дыхания, и когда над церквями и позициями нависла гробовая тишина, магометанский сброд напал на беззащитных женщин и детей и погнал их из города в заготовленные центры. Они подверглись непередаваемым зверствам... В горной провинции Сасуна армянские бойцы были осаждены большим числом турок и курдов, за этим последовала отчаянная и героическая борьба, которой всегда гордились горцы Сасуна. Женщины, мужчины и дети сражались

¹ Джеймс Брайс, виконт (1838–1922) – английский государственный деятель, правовед, историк. В 1916 под редакцией и с обширным предисловием Брайса в Лондоне был издан сборник документов «Положение армян в Османской империи в (1915–16 гг.)», «Синяя книга»; материалы сборника изобличают шовинистическую антиармянскую политику младотурок. В защиту армян Брайс имел и публичные выступления. В речи в палате лордов в феврале 1920 Брайс осудил кемалистов за преследования армян в Киликии.

² «Оризон», 1915, N238, 17 декабря.

серпами, косами и камнями, - всем, что оказывалось под рукой. Они сбрасывали камни с клинообразных круч, поражая много врагов... Когда в этой неравной борьбе уже пала большая часть бойцов, многие молодые женщины, чтобы не попасть в руки турок, бросались со скал, разбиваясь насмерть вместе с детьми»¹.

Жуткие известия, поступающие безостановочно из Западной Армении, истории о чудом спасшихся соотечественниках вызывали сильное волнение в Восточной Армении, возлагали на её население груз большой ответственности. Недостаточно было сочувствовать и сопереживать боли и потерям тысяч и тысяч беженцев, необходимо было действовать, оказывать им реальную помощь. Совершилось и продолжало совершаться величайшее, не имевшее себе равных в истории человеческой истории преступление – Геноцид армян в Османской империи. По дороге все арестанты и депортированные армяне подвергались нападениям турецкого сброда и вооружённых курдских разбойничьих групп. Многие из них были перебиты и растерзаны, только очень незначительная часть добралась до концлагерей. Например, в Трапезунде из 3000 изгнанников до Алеппо добрались только 35. Ссылных, добравшихся до пустынь Междуречья, часто выводили группами за пределы лагерей и убивали среди песков. Сотни тысяч людей становились жертвами голода, болезней и эпидемий. Посланной губернатору Алеппо секретной депешей Талаат требовал убивать всех армян без разбора, не обращая внимания «ни на пол, ни на угрызения совести». Сохранились тысячи свидетельств, посланий и описаний ставших невольными очевидцами этих трагических событий и чудом выживших в этом аду армян, а также зарубежных дипломатов, миссионеров и журналистов. Резня продолжалась и в последующие годы. Тысячи и тысячи армян были убиты в концентрационных лагерях Рас-ул-Айни, Дер-Зора (Дер-Эйр-Зора) и других. Пустыня Дер-Зор стала самой большой могилой для сотен тысяч незахороненных армян. Там и по сей день, более столетия спустя, в песках можно обнаружить человеческие останки.

В 1912 г. число армянских церквей и монастырей на территории Западной Армении превышало две тысячи двести. На протяжении нескольких лет, в 1915-1918 гг., турецкие варвары и вандалы разграбили и разрушили около 2150 армянских церквей и монастырей. Были убиты более четырёх тысяч священнослужителей. Были разграблены армянские церковные комплексы Армаша, Ахтамара и Муша. Были уничтожены рукописи и книги церквей и монастырей св. Аракела, св. Богоматери (Сурб Аствацацин), св. Саркиса, св. Карапета и многих-многих других. Только из книгохранилищ Дправанка и Армаша были изъяты и унич-

¹ Там же.

тожены более пятисот ценнейших рукописей¹. В освобождённой части Турецкой Армении русских воинов поразило варварское отношение турецкой черни к армянским церквям и монастырям, которые либо уничтожались, сравнивались с землёй, либо превращались в мечети. Историк М.Минасян в статье «Геноцид и церковь» отмечает: «Турки с особенной тщательностью и варварски уничтожают армянские церкви. И так повсюду. В Муше осталась неразрушенной только одна церковь, да и то только потому, что там расположился турецкий склад с мукой. Всегда и повсюду самым варварским образом оскверняются образы и иконы. Турки наверняка хотят стереть с лица земли всё армянское»².

В течение нескольких месяцев было сожжено около трёх тысяч армянских городов и деревень, более двух тысяч церквей и монастырей, тысячи школ. Да, величайший злодей и преступник в истории человечества Талаат имел все основания с нескрываемым цинизмом гордиться содеянным и утверждать, что за три месяца ему удалось сделать больше для решения «Армянского вопроса», нежели султану Абдулу Гамиду, получившему прозвище «кровавый», за тридцать лет.

Мы здесь рассмотрели лишь тот невероятный и необратимый урон, который был нанесён армянской литературе и культуре во время Геноцида. В качестве самой центральной и центростремительной фигуры армянской литературной жизни Ованес Туманян общался и сотрудничал с западноармянскими писателями, помогал им по мере необходимости и старался перебросить мост и соединить воедино две части раздвоенной, расколотовой литературы разобщённого народа, принимал многих западноармянских авторов в ряды Кавказского общества армянских писателей, содействовал изданию их произведений, составил антологическую хрестоматию «Армянские писатели», где под одной обложкой была представлена как восточноармянская, так и западноармянская литература. Поэт был лично знаком с Сиаманто, Зограб в своё время подал голос протеста против политических преследований Туманяна, осуществлявшихся царской карательной системой, он обращался к послам разных стран, чтобы освободить армянского поэта из тюрьмы. Туманян обещал Даниэлу Варужану сотрудничество с выходившим в Полисе армянским литературным журналом. Все погибшие в дни геноцида армянские писатели были очень дороги сердцу поэта, и это было обусловлено не только личными связями и симпатиями, но и их художественным творчеством, вкладом в литературу. В его глазах все они были жертвами геноцида армянской культуры, осуществлённого в Османской Турции. Сиаманто был членом Кавказского общества армянских писателей. В конце 1913 г. он был на Кавказе, и Туманян оказывал ему всяческое содействие, в том числе и

¹ См. М. Орманян. Армянская церковь: Ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее, Бейрут, 1960, шестое издание, стр. 258-265.

² <http://genhist.asj-qa.anv/124/1/131-142.pdf>

материальное. Благодаря денежным средствам, предоставленным Туманяном, Сиаманто сумел побывать в Эчмиадзине и Ани, увидел двуглавый Арарат. И когда у него не осталось денег для возвращения в Полис, Туманян снова протянул ему руку помощи. 20-го марта 1914 г. Сиаманто с большой благодарностью пишет Туманяну: «Увожу с собой самые лучшие воспоминания»¹.

Конечно, история не терпит сослагательного наклонения. И всё-таки трудно удержаться от замечания, что если бы Сиаманто не нашёл денег для возвращения в Полис и подольше задержался бы в Восточной Армении, то вполне возможно, он избежал бы своей трагической гибели. Отметим также, что после гибели Даниэла Варужана Туманян оказывал материальную поддержку и его семье².

Более подробные сведения о Геноциде армян в Османской империи читатель может почерпнуть из многочисленных сборников документальных материалов, из воспоминаний очевидцев, научных исследований, из исторических исследований и библиографических путеводителей³.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ВАНА И ЕЁ ОТГОЛОСКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТУМАНЯНА

После того как младотурки учинили расправу над армянским мужским населением и интеллигенцией, программа физического уничтожения армян в Османской империи вступила в свою третью фазу: очередь дошла до женщин, детей и стариков. Несмотря на отсутствие силы, способной организовать самозащиту и сражаться, давать отпор, тем не менее, в некоторых местах армянское население пыталось обороняться и оказывать сопротивление. В 1915-м году, вполне осознавая своё совершенно безнадежное, безысходное и обречённое положение, в ряде регионов Западной Армении армяне решились организовать самооборону. Героические сражения произошли в Ванском вилайете (в Шатахе, Айоц дзоре, Гяваше, Тимаре и других местах), в городах Ване, Муше, Сасуне, Шапин-Гаракисаре, на склонах горы Муса (Муса-дага), в Урфе, а также в Бюрик

¹ МЛИ, ф. Туманяна, оп. 2, д. 440. См. также письмо Ширванзаде от 9-го ноября 1913 г., в котором он просил Туманяна оказывать Сиаманто всестороннюю поддержку. МЛИ, ф. Туманяна, д. 1913.

² Подробнее об этом см. С. Ованесян. *Туманян и Кавказское общество армянских писателей. Ер., 2007, стр. 214.

³ Из наиболее известных авторов исследований по теме Геноцида армян в Османской империи отметим Мкртыча Нерсисяна, Джона Киракосяна, Рубена Саакяна, Николая Ованнисяна, Вардгеса Микаеляна, Юрия Барсегова, Аветиса Папазяна, Ваагна Татряна, Артема Оганджанияна, Вержине Свазлян, Степана Степаняна, Рубена Адаляна, Арутюна Геворкяна, а также некоторых зарубежных исследователей: Ива Тернона из Франции, Вольфганга Густа, Хильмара Кайзера из Германии, Яира Аарона из Израиля и других. Из турецких авторов заслуживает упоминания Танер Акчам.

(Шапин-Гарахисарский уезд), Синджаре (Диарбекирский вилайет), Фунджаке, Фрнузе, Кишелфиле, Берекое (Аданский вилайет), в Гуват-Шапа (Трапизонский вилайет и других местах.

Самое большое и отчаянное сопротивление туркам было оказано в Васпураканском районе, особенно в Ване, где армянам удалось одержать героическую победу и несколько долгих месяцев удерживать город в своих руках.

Турецкое правительство, подготовив чудовищную программу уничтожения армянского населения Ванского вилайета, назначило управляющим городом очень жестокого человека, отъявленного армяноненавистника Тахира (Такира) Джевдет-бея, который был известен своим кровавым и звериным нравом и бесчеловечными расправами над многими армянами.

Уже в первые месяцы войны в Ванском вилайете начались массовые погромы и резня армян, что объяснялось поражениями, которые турецкая регулярная армия терпела на Кавказском фронте. Отступающие турецкие войска, вооружённые разбойничьи банды курдов и сброд фанатиков-мусульман убивали, истязали, насилывали, грабили беззащитных армян, разрушали их дома, уничтожали сады. В этих условиях в некоторых провинциях и округах Ванского вилайета (Шатах, Айоц дзор, Алджаваз, Арчеш, Тимар, Гяваш, Карчкан и т.д.), а также в отдельных селениях (Белу, Атанан, Арен, Алюр и др.) армяне были просто вынуждены приступить к самообороне, ведя упорные бои против значительно превосходящего численностью и хорошо вооружённого противника.

В 1914 г. из сорока одной тысячи населения Вана двадцать три тысячи были армяне, остальные преимущественно турки. Город был разделён на две части – Айгестан (восточная сторона города, в которой проживало 23000 армян) и Кахакамеч (исторический Ван-Шамирамакерт, в котором проживало 3000 армян).

Джевдет начал с того, что организовал коварное убийство некоторых видных ванских армян – депутата турецкого парламента Аршака Врамьяна (Оника Дердзакяна)¹, Ишхана (Никогайоса Микаеляна) и других².

В конце марта 1915 г. по приказу Джевдета-паши был арестовыван один из дашнакских руководителей Шатахского уезда Овсеп Чолоян,

¹ Вопреки запланированной и методично реализуемой младотурками политике физического уничтожения армян, как Национальная резиденция главы епархии Вана, так и дашнакские руководители – Аршак Врамьян (Оник Дердзакян), Арам и Ишхан даже ценой своей жизни делали всё возможное и невозможное, чтобы не допустить армянских погромов и резни в Ванском вилайете, в регионах Васпуракана. А.Врамьян «представал перед правительством в качестве неподкупного выразителя всех страданий, жалоб; он был не только выразителем, но и защитником, упорным и последовательным». См. А. Косоян. Апрельские сражения в Ване. Ер., 1992, стр. 17.

² Ишхан (Никол (Никогайос) Микаелян) (1882 – 3-го апреля 1915 г.) – один из самых любимых народных героев.

который вскоре был убит в тюрьме. Джевдет-паша якобы для «мирного урегулирования» произошедшего инцидента предлагает Араму Манукяну отправить Ишхана расследовать случившееся на месте и выяснить все подробности. Ишхан пользовался очень большим уважением и авторитетом среди турок и курдов, и он сразу же принял предложение турецкого управителя. Вместе со своими товарищами в сопровождении отряда жандармов и начальника турецкой полиции он отправляется в Шатах. По дороге группа останавливается на ночлег в селе Хирч, у родственника Ишхана. Там же засланные губернатором Джевдетом черкесские разбойники ночью 3-го апреля тайно пробираются в дом и убивают Ишхана и его товарищей – Погоса Тутунджяна, Миграна Тер-Маркаряна, Ваана Храпяна. Убийство спавших безоружных людей, не способных защищаться – это всё, на что были способны трусливые и подлые разбойники и их приспешники.

Будучи уверенным, что убийством народного героя Ишхана и самого влиятельного эрзрумского армянина, депутата турецкого меджлиса Аршака Врамьяна он сумел окончательно сломить воинственный дух ванцев, Джевдет, предварительно пополнив находившиеся под его началом войска эрзрумскими отрядами, подготовился к нападению на Ван. Однако подлое убийство известных и отважных соотечественников, народных любимцев, только возмутило, разгневало и ещё больше сплотило жителей Вана.

В апреле 1915 г. по приказу Джевдет-бея турецкие войска, сопровождаемые многочисленными вооружёнными курдскими разбойничьими бандами, окружили Ван; отдельные части города оказались в осаде; осаждённым и отрезанным от других районов города оказался и квартал Айгестан. С 4-го апреля прервалась связь как между пригородными районами и городом, так и между двумя частями Вана. Джевдет-бей угрожал в случае неповиновения уничтожить также всех армянских детей “выше колена”.

На следующий день, 5-го апреля, армянское население перебралось из пригородных районов в кварталы Айгестана. Кроме того, в армянскую часть города перебрались более семидесяти тысяч беженцев из самых разных городов и сёл Васпуракана.

Население Вана осознавало всю безвыходность своего положения, понимало, что ему не остаётся ничего другого, как сопротивляться, защищаться против превосходящих сил противника. Только так можно было выстоять и избежать резни и жестокой расправы.

В апреле 1915 г. жители Вана, не дожидаясь помощи русской армии, не рассчитывая на какую-либо помощь извне, приступают к отчаянной самообороне города.

Всё население Вана объединяется перед всеобщей смертельной опасностью. Объединились и, оставив в сторону все имевшиеся разногласия, действовали сообща разные армянские политические партии.

Членами созданного в районе Кахакамеч военного органа стали Айк Косоян, Левон Галджян, Мигран Тороманян, Михрдат Мирзаханян, Саркис Шагинян, Давид Саркисян, Арутюн (Аро) Неркарарян, а также священник Езник Неркарарян и Мирзахан (Жирайр) Мирзаханян. На объединённом собрании национальных общественных организаций, созданном в Айгестане, был учрежден “Высший военный орган армянской самообороны Вана” под руководством Арменака Екаряна. Членами были избраны представители разных партий – «Гнчакян», «Рамкавар Азатакан», «Дашнакцутюн». Среди членов военного органа были Кайцак Аракел (Тигран Абаджян), Булгарацн Григор (Григор Кёзаян) и другие. В составе советников избранного штаба были Арам Манукян, Габриэл Семирджян и известный искусствовед, художник Фанос Терлемезян.

Подобная солидарность представителей разных партий и политических взглядов лишней раз свидетельствует о том, что перед лицом смертельной опасности нет никакой альтернативы объединению, сплочению всего народа, что это – единственный путь, ведущий к спасению. И вполне закономерно, что самым убеждённым поборником, апологетом всенародного сплочения и объединения в национально-освободительной борьбе был Ованес Туманян.

В Айгестане было 1500 мужчин, способных сражаться с оружием в руках. Из оружия было всего лишь 505 ружей и 549 пистолетов. Под командованием Джевдет-бея было около 12000 солдат, вооружённых новейшим по тем временам оружием, а также несколько десятков пушек. Положение в Айгестане было крайне тяжёлым, ощущалась катастрофическая нехватка боеприпасов и продовольствия. Силы были совершенно не равными.

Обрисовав во время одного из совещаний создавшуюся тяжелейшую ситуацию, Арменак Екарян обратился к участникам самообороны со следующими словами: “Вану не первый раз приходится показывать свой солидарный дух, когда он имеет дело с общим врагом. Этот дух имеет своё славное прошлое. Мы и на этот раз должны победить в этой войне, с тем же солидарным духом, без партийных разногласий. Нам приходится сражаться не по своей воле, война нам навязывается. У нас есть два пути: либо склонить свои головы перед тираном и дать себя истребить и принять унижительную смерть, либо выйти против него бестрепетно, с открытым лицом и предпочесть славный путь наших предков”¹.

В тылу в течение всего нескольких дней создаются органы распределения продовольствия, распределения оружия и боеприпасов, а также органы санитарной службы и судебного производства. Создаются также различные группы: “Группа снабжения”, “Армянский красный крест” и “Амрашен”, которые занимаются проблемами добывания пищи

¹ Арсен Кеоркизян. Героическая оборона Васпуракана. Бейрут, 1965, стр. 93.

для более чем семидесяти тысяч голодных и неухоженных беженцев из самых разных провинций, городов и сёл Васпуракана, бесчисленными проблемами жителей города, а также строительством защитных укреплений. Созданная женская организация должна была заниматься шитьём одежды для бойцов. Даже учащиеся школ создали музыкальный ансамбль “Фанфар” и на самых опасных участках давали бесхитростные концерты для ополченцев, пели песню “Смерть повсюду одна и та же”, всячески старались поднять их бойцовский дух.

Примечательно, что сражения стали особенно ожесточёнными, отчаянными и кровопролитными после произошедшего очередного инцидента, когда 7-го апреля турецкие солдаты напали на женщин-армянок, возвращавшихся из села Шушан в Айгестан. Защищая их, погибают двое армянских юношей, но затем подоспевшим на помощь армянским ополченцам удаётся одержать победу, обратить врага в позорное бегство и спасти женщин. Затем в тот же день турки предприняли нападение на Айгестан, однако снова были отброшены, причём с ощутимыми потерями.

Джевдет в своём стремлении любой ценой отомстить армянам снова пополняет свои войска, привлекает также курдских башибузуков, обещая дать побеждённый город им на растерзание и разграбление. Воодушевлённые подобным щедрым обещанием и возможностью поживиться, пятьсот битлисских курдов попытались атаковать позиции армянских ополченцев, однако встретили сильное и дружное сопротивление и в панике отступили, оставив множество убитых.

До 10-го апреля атаки турецких войск носили сумбурный и неорганизованный характер, но затем турки перегруппировали свои силы и при активной поддержке артиллерии непрерывно атаковали на протяжении нескольких дней, не достигнув при этом сколько-нибудь значительных успехов. Ополченцам, напротив, удаётся отнять у неприятеля несколько очень важных позиций и укреплений, которые они взрывают и сжигают.

Во всё время героической самообороны Вана за пределами города, по всей территории губернии не прекращались избиения и убийства армян; за три дня были вырезаны 24 000 армян, были разграблены и сожжены дотла более ста армянских селений Ванского вилайета.

Ованес Туманян узнавал обо всех этих трагических событиях во время заседаний Национального бюро, из газет и очевидцев, а также лично от своего сына Мушега, который в это время (в апреле и начале мая 1915 г.) служил в Диадине. Мушег сообщал, что 8-го апреля 1915 г. 20-25 армян чудом спаслись от резни и бежали из Арчеша и близлежащих сёл. “Я не могу повторить того, что они рассказывали и описывали...”, - писал Мушег¹. Тем не менее, Мушег рассказывал отцу и родным о некоторых событиях, о которых узнавал от беженцев – очевидцев резни и погромов.

¹ Переписка семьи Туманяна, стр. 67.

“Во вторник (как рассказывал беженец) вызывают всех армян и собирают всех мужчин в каком-то помещении, сказав, что в Вана начались беспорядки и их опасно выпускать, поскольку курды могут повредить армянам, и якобы они собрали их для защиты, но немного времени спустя всех отобранных выводят по 8-10 человек, связанных друг с другом по рукам, и всех расстреливают, в то же самое время безоружные и вооружённые курды, жандармы и толпа бросаются в дома армян и ищут женщин и детей.

А что происходит после этого, рассказчик не знает, говорит только, что на всём протяжении бегства из всех окрестных селений слышалась непрерывная ружейная стрельба”¹. Рассказывая затем о том, как жертвами резни стали 13 авторитетных жителей села Арчеш, и в их числе вардапет Егише и четыре приходских священника, Мушег продолжает информировать отца: “Рассказчик следующим образом описывает начало резни. Говорит, что турецкое правительство якобы обратилось к Арам-паше (Араму Манукяну) и Ишхану (Никогайосу Микаеляну) и потребовало обезоружить всех армян, а те ответили, что ни у кого нет оружия, и что всё оружие они сдали правительству... Тогда правительство пригрозило обысками, и когда начало своё дело, армяне Вана ответили перестрелкой, звуки которой доходили до Арчеша и, возможно, до других мест. Тот же человек говорил, что якобы Ишхан и Арам-паша повешены (по словам курдов), повсюду грабежи, резня, разруха”².

Это своё письмо Мушег пишет 9-го апреля, когда Ишхан уже был убит, а Арам Манукян был к тому времени жив-здоров и руководил героической самообороной Вана. Когда не удавалось уничтожить какого-либо известного армянина, турки распространяли ложные слухи, надеясь, что это приведёт армянское население в отчаяние, панику и подавит его волю к сопротивлению.

Мушег, находившийся неподалёку от Вана, был очевидцем происшедших событий и констатировал полное безразличие русской армии к судьбам осаждённых, обречённых на верную гибель и смотревших в лицо смерти армян. “Страна, переполненная нашим народом, разрушается, а армия здесь спокойно прохлаждается”³.

К сообщению родного сына добавляется телеграмма епископа Нерсеса из города Маку от 17-го апреля 1915 г., где он сообщает Туманяну о трагическом известии, которое принесли 160 беженцев с равнины Абага, нашедшие приют в монастыре св. Тадевоса. Беженцы рассказывали о новых погромах и убийствах, о смертельной опасности, нависшей над армянским населением Вана, о неравной героической борьбе ванцев, и просит о незамедлительной помощи⁴. Писателю ежедневно приходилось

¹ Там же.

² Там же, стр. 68.

³ Там же.

⁴ «Оризон», 1915, N84.

слышать также о многочисленных случаях, когда люди умирали от голода и холода, от болезней и эпидемий. В Тифлисе организовывается помощь беженцам и пострадавшим от резни соотечественникам.

В неравной борьбе с хорошо вооруженной регулярной турецкой армией армянским ополченцам Вана удаётся одержать победу. Конечно, этому во многом способствовали также активные действия армянских добровольческих формирований, их знаменательные победы за пределами Вана.

24-го апреля 1915 г. происходит сражение при Дилмане и несколько других сражений, в которых армянские добровольцы под командованием Андраника одерживают громкие победы, уничтожив армию Халил-бея. Военские части Андраника сражались на подступах к городу Вану. В апреле 1915 г. руководимый Андраником Первый добровольческий отряд проводил победоносные бои вблизи города Дилмана – столицы провинции Салмаст, продвигаясь в направлении к Вану. Совместно с русскими войсками армянский добровольческий отряд наголову разбил двенадцатитысячную армию Халил-бея. Эта победа сыграла большую роль, воспрепятствовав проникновению турецкой армии на территорию Закавказья. Преследуя обратившееся в паническое бегство войско Халил-бея, Андраник со своим отрядом пересёк турецко-иранскую границу и нанёс туркам новый мощный удар в горном ущелье Ханасора, затем прошёл в Башкале. Именно Андраник и Керы (Аршак Гафавян), двинувшись на Ван после разгрома Халил-бея, преградили путь турецким войскам, спешившим на помощь Джевдету, и тем самым сорвали его планы по новому нападению на Ван.

3-го мая турки подвергают Ван ожесточённому артиллерийскому обстрелу, но в тот же день вечером, узнав о приближении армянских добровольческих формирований и русской армии, оставляют свои огневые позиции.

Таким образом, Джевдет-бей оказался вынужден оставить свои попытки захватить город Ван, а 5-го мая он позорным образом пустился в бегство. Только через три дня после отступления турецких войск русская армия вошла в Ван. Первым в город вошёл Араратский полк под командованием генерала Ханасори Вардана, сражавшийся в составе воинского подразделения Николаева и состоявший из 2-го, 3-го и 4-го армянских добровольческих отрядов.

Арам Манукян был назначен управляющим города Вана. После освобождения города четыре армянских добровольческих отряда в составе армии генерала Трухнинина вели упорные сражения в южной стороне озера Ван и, преодолев сопротивление неприятеля, двинулись в направлении Муша и Багеша.

После победы ванцы сделали всё, чтобы достойно почтить высокую память своих благородных героев, погибших в сражениях и ставших жертвами коварных и подлых интриг неприятеля. С помощью армянских

добровольцев ванцы находят и перевозят в свой город растерзанные и изувеченные останки Ишхана и его соратников и 19-го мая хоронят в Пантеоне Вана. В церемонии похорон приняло участие всё армянское население Вана, в том числе губернатор Арам Манукян, командир Вардан, хмбапет (атаман) Амазасп, Костин Амбарцумян, Саркис Араратян. Наряду с церковными псалмами и шараканами звучали босвые мелодии в исполнении музыкального ансамбля, бойцы исполняли песни самого Ишхана.

9-го июля 1915 г. ударное воинское формирование, сформированное на правом крыле 3-й турецкой армии и состоявшее из одиннадцати дивизий, перешло в наступление против Кавказского 4-го корпуса русской армии. А ещё несколько дней спустя вновь отличился Андраник со своими армянскими добровольческими формированиями, напав на врага и обратив его в бегство. Только после этого, попутно освободив несколько армянских населённых пунктов, он 3-го июня добирается до Вана.

Героическая самооборона Вана, продолжавшаяся почти целый месяц – с 7-го апреля по 3-е мая 1915 г., а также сражения армянского населения сёл Васпураканского региона – Шатаха, Айоц Дзора, Арчеша, Тимара, Алджаваза и других против турецких регулярных войск вызвали большое и повсеместное воодушевление. «В славные дни этой войны крестьяне день и ночь рыли траншеи, - пишет один из участников и организаторов героической самообороны Вана Фанос Терлемезян. – Я видел детей 4-5 лет, которые выковыривали из земли вражеские пули и, достав их, несли нам. В 1915 г. ванцы с песнями воевали против турецкой армии, имея совершенно не равные силы. Сражались пистолетами, охотничьими ружьями и противостояли пушкам Крупа, потому что вера выгравировала у них на груди бронзовые щиты, и их солидарные и самоотверженные действия стали факелами, освещающими путь к надежде»¹.

С тех трагических дней прошло более столетия, однако героическая самооборона Вана, спасшая от верной, неминуемой гибели более 150000 армян, была и остаётся одной из самых славных и величественных страниц истории армянского народа и его национально-освободительной борьбы.

Именно в дни героической самообороны Вана были написаны стихотворение Ов. Туманяна «Последний день» (2-го мая) и статья «Ван и Ереван» (10-го мая), которые в свою очередь вселили веру и надежду в сердца как армянских добровольцев, так и находившихся в безысходном положении, но продолжавших бороться и цепко, до самой последней возможности державшихся за свою родную землю, за родной край и христианскую религию жителей Западной Армении.

¹ Ф. Терлемезян. Мы обязаны народу. «Ван-Тосп», Тифлис, 1916, N22-23, стр. 11.

Один только полководец Андраник вместе со своими армянскими добровольческими формированиями выиграл двадцать одно сражение. Особенно значимым было сражение при Дилмане (15-18 апреля 1915 г.), в котором, согласно генералу Чернозубову, решалась судьба всего Кавказа. Откликом на эту знаменательную победу и тяжелейшую, совершенно не равную, но при этом победную борьбу участников самообороны Вана¹ как раз и стало стихотворение «Последний день». Это было словом утешения скорбящему армянскому народу и одновременно призывом к борьбе. В стихотворении создается собирательный образ армянского ополченца, гайдука, атамана-хмбапета и воина-добровольца, которому удалось победить озверевшего и вышедшего на кровавое пиршество коварного и подлого врага.

В этом произведении поэт обращается к своему народу с призывом объединиться и в сплочённо, с помощью России и русского оружия, добиться свободы и независимости.

Двумя главными персонажами, лирическими героями стихотворения являются гайдук и его предводитель – хмбапет-атаман. Создавая второй образ, поэт явно имел в виду полководца Андраника, отличившегося в бою при Дилмане своими героическими подвигами, а в образе гайдука мог бы узнать себя каждый армянский ополченец-доброволец. Они оба бок о бок сражались на берегах Евфрата. Отряды гайдуков «неотступные и храбрые», между тем как турки и курды – «кровожадные». По поручению хмбапета гайдук с самой высокой вершины самой высокой армянской горы наблюдает за врагом и докладывает, что вражеская армия не поддается счёту и распространяется от зелёных долин Евфрата до самых гор Тавроса (1, 272). И куда бы ни ступала нога неприятеля, там – будь это долина Муша, горы Сасуна, побережье озера Ван, поля Абага или Зейтуна – отовсюду исходит дым и огонь. Нескончаемые ряды неприятеля истребляют, уничтожают всё на своем пути, не оставляя ничего живого и прекрасного. Но тот же «удалой» гайдук замечает со своей вершины выступающих против врагов полки армянских добровольцев, которые рассеяны от Чёрного моря до Каспийского, до «снежных преград Кавказа». Они спешат на помощь своему народу с тёмных Сюнийских гор, из ущелий Гутарка, с полей Ширака до Арарата, идут с берегов Матери-Аракса, со всех уголков Кавказа, «из дальних-дальних сторон» (1, 273). Если попытаемся сравнить это стихотворение по своей художественной силе с такими стихотворениями Туманяна, как «С отчизной» или «Поминове-

¹ Более подробно о героической самообороне Вана см.: Рубен Саакян, «Геноцид западно-армянского населения и оборонительные сражения в 1915 году». Ер., 2005; «Героическая самооборона Васпуракана», Ер., 1915; О. Мхитарян. «Героическая самооборона Вана», София, 1960; Арсен Керокизян, «Героическая самооборона Васпуракана», Бейрут, 1965; Сурен Саркисян. «Героическая самооборона Вана», в сб. «Столицы Армении», кн. 1, Ван. Ер., изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2013, стр. 163-169 (на арм. яз.).

ние», написанными в тот же период, то нетрудно будет убедиться, что «Последний день» явно уступает им. Однако при всём при этом «Последний день» имеет несомненную историко-политическую ценность. В нём с удивительной точностью представлена Западная Армения в годы Первой Мировой войны, описано, где в это самое время находились отряды Андраника, а где были ополченцы-добровольцы, указывается и местонахождение армии неприятеля. Безусловно, Туманян никак не мог обойти важное значение военной помощи России в этот судьбоносный для Армении момент, поскольку искренне верил в эту помощь, причём вовсе не потому, что был большим русофилом, а потому что не видел никакой другой альтернативы. Другой альтернативы тогда просто не существовало, а вступление без помощи сильного союзника в неравную борьбу с жестоким и коварным противником, превосходящим армян численностью и вооружением, могло обернуться национальной катастрофой. Вот поэтому и «удалой» гайдук своим острым и всевидящим орлиным взором замечает идущую «с могучего севера» русскую армию, которая наступает, подобно дракону. Туманяну очень хотелось подбодрить, воодушевить армянских воинов, сказать, что они вовсе не одиноки перед лицом многотысячной вражеской армии, и он устами атамана-хмбапета призывает армянских героев-гайдуков взяться за оружие и спуститься в поле, на берег священной реки Евфрат, и выражает уверенность в том, что это «последний удар войны», что это «агония старого преступника...» (1, 274).

Как поэт ни старался не озвучивать слов о возмездии и мести, тем не менее, он не смог удержаться и не привести примеры беззаветной храбрости, рождённые из мести за растерзанных, замученных родных и близких, за своих соотечественников. И он создаёт художественный образ, в котором свежая кровь жертв возносится в небо «кровавым смерчем» и требует возмездия, отмщения, вдохновляя армянских воинов на новые славные подвиги. На высоких склонах достигающих неба армянских гор собираются величавые души несчастных жертв резни и погромов, «которым нет числа», обращаются со своими жалобами к Богу, и эти их жалобы пронизывают небо насквозь, их «безмолвный шум» достигает слуха армянского гайдука и хмбапета-предводителя. Да, Туманян никогда, ни единого раза не осквернял своих уст словами проклятия и призывами к возмездию и мести, однако в его ушах постоянно звучали вопли невинных жертв, их жалобы и протесты, и успокоение, умиротворение этих душ виделось ему только в обретении свободы и независимости, в освобождении Родины.

Стихотворение «Последний день» - это призыв к объединению, к борьбе, и в нём находят выражение оптимизм и вера, без которых невозможно было воодушевить и вдохновить армянских ополченцев-добровольцев, невозможно было преодолеть всеобщую панику, уныние и скорбь. В произведении можно увидеть также вековую и заветную мечту армянского народа, а значит, и его самого любимого и почитаемого поэта,

о государственности нации, о возможности самостоятельно распоряжаться своей судьбой: не поэтому ли армянские гайдуки шли вперёд, «подняв родное знамя». Стихотворение завершается строкой, которая в те дни была жизненным убеждением поэта, - во всяком случае, ему очень хотелось верить, что армянский народ страдает от рук своих вековых врагов в самый последний раз.

Это – последний день великого страдания...

(Пер. подстрочный) (1, 274).

Всего лишь несколько дней спустя после публикации стихотворения «Последний день» в бакинской газете «Арев», оно было прочитано в городе Ване – на литературном вечере, организованном в честь героических добровольческих отрядов Андраника и защитников города. На вечере звучали патриотические произведения многих армянских поэтов, в том числе и стихи Ав. Исаакяна и Сиаманто.

Победа в самообороне Вана вселила в армян новые надежды. Ованес Туманян откликнулся на эту победу публицистической статьёй «Ван и Ереван», которую написал в те же самые дни и опубликовал 10-го мая в газете «Оризон». Поэт был охвачен большим ликованием и торжеством, и его надежда, что заветная мечта увидеть Армению свободной и объединённой может сбыться и стать реальностью, ещё больше усилилась. «После падения Еревана¹, - пишет поэт, - целых сто лет весь армянский народ мечтал о падении Вана. Падение Вана рассматривалось каким-то символом решения вопроса турецкоармянского населения...

Удачное и счастливое начало, положенное сражением за Ереван, должно получить свое дополнение, конец и увенчать успехом сражение за Ван. Ван и Ереван – означает всё армянство, единое армянство» (7, 167-168).

Поэт упоминает не сходявшие в эти дни с уст армянских бойцов строки стихотворения Микаэла Налбандяна «Песня итальянской девушки»:

Растоптана лихим врагом,
Глумящимся над честью,
Шлет родина сынов на бой,
Во имя гневной мести.

(Пер. Веры Звягинцевой)²

¹ Говоря о «падении Еревана», Туманян имеет в виду взятие Ереванской крепости русскими войсками под командованием генерала И. Паскевича 1-го октября 1827 г., что предопределило победный исход в русско-персидской войне 1826-1828 гг., в результате чего Восточная Армения была присоединена к России. В этой войне также армянские добровольцы сражались бок о бок с русскими войсками. В марте 1827 г. в Тифлисе была сформирована первая армянская добровольческая дружина, состоявшая из 117 человек. Уже в мае того же года число добровольцев достигло 600, а во время похода на Ереван это число превысило тысячу бойцов.

² <http://www.armenianpoetry.ru/archives/578>

По поводу этих строк Туманян говорит: «Но... это последний раз, когда мы поём подобную национальную песню, больше армянский народ не будет петь таких печальных песен, больше армянские поэты не будут сочинять подобных песен – после войны за Ван» (7, 168).

Ставя символические названия Ван и Ереван друг рядом с другом и уподобляя друг другу их историческую и современную судьбу, Туманян выражает также мечту о создании единой Родины, пусть даже эта Родина не станет свободной и независимой в одночасье; но пусть при этом «раз и навсегда, на веки вечные» будет стёрта и забыта «постыдная и злосчастная проблема её существования и чести» (7, 169). В самые трудные и трагические для армянского народа дни Туманян, как уже было не раз отмечено, вовсе не был столь наивен, чтобы мечтать о политической независимости и свободе Армении; он прескрасно представлял экспансионистскую политику царской России, он даже не верил многократным обещаниям и заверениям об автономии, которая якобы будет предоставлена западноармянскому населению, а о получении каких-либо прогрессивных реформ и преобразований от варварского младотурецкого правительства и вовсе говорить не приходилось. Вот почему он всего лишь мечтал, чтобы стали преданиями и легендами и навсегда, напрочь были забыты бесконечные унижения армянского народа, погромы, насилия и грабежи, чтобы прекратились ужасы и гонения, чтобы не было больше потоков скитальцев и беженцев, а самое главное, чтобы армянский народ стал «единым народом», чтобы он больше не делился на русскоподданных и турецкоподданных, чтобы можно было всем народом, всей нацией взяться за обогащение и строительство, за возрождение и преобразование своей культуры, своей литературы и искусства. В тот момент Туманян мечтал только о духовном освобождении и независимости армянского народа, о культурном пробуждении и расцвете, в результате чего ни один армянский поэт не будет озвучивать в своих произведениях слова проклятия, мести и возмездия. «Приходит и новая литература, которой предстоит освободить армянскую душу от духовного пленения, очистить её от многих приобретенных пороков, предстоит проявить самостоятельность, выявить новый мощный дух и говорить с армянами о большом мире, о великой жизни и их красоте. Придут и новые писатели, сердца которых не будут разбиты, которые увидят поддерживающий их свободный, здоровый и целостный народ и... громко и жизнерадостно будут говорить перед лицом мира, перед лицом народов, и больше уже не будет желчи в их словах, не будет враждебности в их песнях» (7, 169).

Эти слова, которые вполне созвучны со строками программного стихотворения поэта «С отчизной» («И поэты, не осквернившие своих уст проклятьями»), в армянской действительности в кошмарные дни геноцида озвучил только Туманян, тот самый Туманян, который во всех подробностях и деталях описывал все жуткие и дикие преступления озверевшей турецкой черни, описывал то, что видел собственными глазами или

слышал своими ушами, наполняясь вселенским негодованием и возмущением, возможно даже, ненавистью. И поэта страшило это бродившее и созревавшее в его душе чувство ненависти и желание проклясть, отомстить и воздать за всё то неисчислимое и безграничное зло, которое пещерный и пришлый сброд причинил его соотечественникам. Страшило, потому что ему необходимо было заботиться о нравственном, духовном здоровье своего народа, который веками своей христианской истории исповедовал только любовь к ближнему и веру, а ненависть, месть и возмездие всегда были органически чужды ему. Кому, как не самому народному армянскому поэту было заботиться о вечно борющейся, преодолевающей любые встречающиеся на пути трудности, но при этом возвышенной, благородной и незлобивой душе своих соотечественников!.. Именно так размышлял поэт, видевший воочию все ужасы резни, в то время как ранам этим не суждено было зарубцеваться вплоть до наших дней... В дни общенационального бедствия, «зулума», не проклинать заклятого врага своего народа был способен разве лишь только Ованес Туманян, являющийся символом нравственного здоровья армянского духа и евангельской доброты...

Приснилось, что овца мне говорит:
«Пускай Господь твоё дитя хранит,
Но вспомни: был ли сладок мой ягнёнок,
Его убив и съев, ты был ли сыт?»

Пер. Н. Гребнев¹

Следующая публицистическая статья Ов. Туманяна являлась логическим продолжением и развитием той же мысли. Она была озаглавлена «Навстречу великой жизни» и была опубликована в «Оризоне» ровно две недели спустя, 24-го мая. Естественно, что, о чём бы ни писал в те дни поэт, материалом должны были служить война и никак не решавшийся и не сходящий с повестки дня «Армянский вопрос». Писатель лелеял надежду, что вместе с судьбами многих угнетаемых народов, радикально изменится и судьба армянского народа. Одного только освобождения из-под тяжкого ига Османской Турции было бы вполне достаточно, чтобы население Западной Армении избавилось от извечной угрозы физического уничтожения, от постоянного страха насильственных действий над «жизнью, имуществом и честью». Наличие этих и им подобных проблем делает невозможным свободное развитие нации, не даёт ей шагать вровень с прогрессивным человечеством, поскольку эти проблемы постоянно растрavляют и расстраивают человеческую душу, какой бы она ни была, и причиняют ей большие травмы. «Они превратили нашу жизнь в ад, создали для нас не достойную человека унижительную ситуацию и унизи-

¹ Ованес Туманян. Избранное. М., «Худ. лит.», 1968, стр. 349.

тельные проблемы, и вместе с ними отвлекли наше сознание и внимание. Растравили нашу душу, развили в ней чувства мести и вражды, заставили петь «Песни крови»¹.

Нет ничего случайного в том, что статья поэта начинается крылатым выражением: «Природа создала животный мир, а человек – следствие эволюции». В эти дни воображение поэта рисовало образ идущего из каменного века и пещерного прошлого «человека-людоеда», однако, с другой стороны, человечество стало осуждать человека-убийцу, для успешной борьбы с которым цивилизованный мир прибегал к разным способам – создавал культурные ценности, нравственные и государственные законы, внедрял в жизнь нормы общественного поведения, возвышал и облагораживал душу произведениями разных видов искусства и т.д. С помощью всего этого в человеческой душе засеивались семена «вечного и доброго», людям прививались основы альтруизма и гуманизма, утверждение и власть которых в общественной жизни могли открыть перед человеком «великую вселенскую жизнь» (7, 170). Туманян сопоставляет озверевшего человека-людоеда и разительно, подчас диаметрально отличающегося от него вследствие воздействия прогресса цивилизованного человека, который, несмотря на все свои существенные отличия и преимущества, всё равно очень и очень далёк от совершенного человека. По убеждению поэта, прогресс осуществляют «избранные личности и нации», и таких личностей среди армян в начале двадцатого столетия было немало, и одним из них, несомненно, был сам поэт, которому очень хотелось бы видеть свой родной народ в числе этих самых избранных наций. «Да, мы ещё очень далеки, - пишет он, - от того хорошего человека и хорошей жизни, о которой мечтают лучшие мечтатели... таким образом, прогресс... – это божественное дело, которое выполняют избранные личности и нации во имя создания хорошего человека и хорошей жизни. И насколько честной и благородной является личность или нация, настолько более ревностно стремится она поскорее пойти по пути прогресса и настолько активнее и заинтересованнее хочет выполнить это божественное дело» (7, 170-171).

Этой статьёй Туманян в качестве одного из «лучших мечтателей» и «избранных личностей», старался развить лучшие качества своего народа, открыть для него новые горизонты, что было возможно только при условии победы России в мировой войне и решению благодаря этой победе Армянского вопроса. «Мы получаем возможность жить с намного более красивыми и глубокими чувствами, заниматься своими проблемами, войти в братство прогрессивных наций и мечтать вместе с ними о самых возвышенных материях, участвовать вместе с этими нациями в благородном

¹ В Ереване в 1907 г. увидел свет сборник стихотворений с таким названием – «Песни крови».

деле разработки великих общечеловеческих задач и идти вместе с ними навстречу великой жизни.

И наша удача заключается в том, что мы вполне способны на это, и именно здесь мы можем сказать – мы вовсе не маленький народ.

И именно этим дорог наш вопрос, этим осмысливается наша борьба, в этом всё величие нашего права» (7, 172).

Ованес Туманян никогда не отличался национальным тщеславием и чванством, более того, он больше всех остальных говорил во всеуслышание о недостатках и пороках армянского народа, однако в судьбоносное и роковое для народа время он подчёркивает преимущества армян, те их способности, качества, черты характера, благодаря которым он может и должен на равных правах встать в одном ряду с «избранными нациями», делить с ними их заботы и проблемы, иметь такие же стремления и мечты. Поэт с большой гордостью констатирует духовное величие своего немногочисленного народа. Именно с этой верой, внушая её как армянам, так и их врагам, он пытается препровождать свой народ навстречу «великой жизни».

Последняя статья, которую успел написать Туманян, прежде чем предпринял вторую поездку в Западную Армению, в зону боевых действий, называлась «Женщина и крах магометанских государств»¹. Она раскрывала негативные стороны образа жизни и быта магометанских государств, рассказывала об их бесконечных захватнических войнах. Среди этих негативных сторон автор выделял такое явление, как гаремы, которые стали самым настоящим бедствием не только для мусульманских женщин и девушек, но и для соседних христианских государств. Взятие врагами-мусульманами женщин-христианок в гарем превращалось в разновидность налогообложения, работоторговли и нередко приводило к вооружённым межнациональным столкновениям.

Проблема женщин занимала довольно существенное место в отношениях между христианскими и магометанскими народами. В качестве ярких и конкретных примеров следует привести армян и грузин, которые на протяжении веков были анклавными островами в большом море магометанских государств и народов. Если армяне и грузины боготворили семью, ставя женщину «во главе очага», где и были сосредоточены «удовольствия жизни и счастье» (7, 172), то жившие по соседству турки держали гарем, то есть не имели ни дома, ни семьи, а следовательно, они не рассматривали семью и домашний очаг как опору в жизни, у них не было особого стремления и мотивации для возвращения домой, у них не было желания сойти с лошади, и поэтому они, «уповая только на своё оружие, всегда воинственные и готовые воевать, были очень беспокойными и опасными соседями». Туманян характеризует гарем как ещё более «постыдное и низкое» явление, нежели рабство. В гареме женщина живёт

¹ «Харисх», 1915, 8 июня, N1.

«просто как самка», но при этом само явление гарема приводит к необратимым социальным и даже политическим последствиям. Поскольку в магометанском народе не может быть достаточного количества женщин, которые могли бы удовлетворить потребности содержания большого числа жён и наложниц, то вполне естественно, что магометане должны были обращать свои взоры на женщин соседних народов и отнимать их силой. Они «ломали, отнимали, силой уводили» женщин соседних народов (7, 174). Проигрывая войны, грузины оказывались вынуждены ежегодно отправлять тысячи грузинок для магометанцев в качестве дани. «По свидетельству грузинского царя Теймураза один только архиепископ Гурии посылал ежегодно двенадцать тысяч девушек в Турцию, и ещё восемьдесят – в дар султану» (7, 174). А армяне были вынуждены прятать своих женщин, закрывать им лица, нарочно уродовать красавиц или одевать их в мужскую одежду. Одному мужчине “на один свой честный заработок” было трудно содержать несколько не работающих женщин, и поэтому возникала необходимость отбирать у других средства на жизнь. Так что и этой причиной также можно объяснять “новые походы, новые грабежи, новые бесчинства, новые протесты и новые столкновения” (7, 175). С другой стороны, именно здесь следует искать причину того, что некоторым подвластным народам всё это “опротивело и они возмутились окончательно” и восстали, и им удалось освободиться от магометанского ига, “проклиная его и браня” (7, 176). В это время внимание Туманяна к этой теме было обусловлено тем обстоятельством, что, по его мнению, наступила очередь армян, подобно другим христианским народам, окончательно освободиться от магометанского ига. “И сегодня, когда мы в самую последнюю очередь, окровавленные и растерзанные, уже близки к тому, чтобы раз и навсегда оторваться, освободиться от неё (от Турции – С.О.), кажется, что мы снова слышим отдалённые вопли тысяч и тысяч наших терзаемых девушек и женщин, и снова укрепляемся на своём пути... и ясно понимаем, что... невозможно жить с турками” (7, 176).

Напоминая читателю, что армянские женщины жили в постоянном страхе, что они всегда оказывались во вражеском гареме против своей воли, насильственным путём, Туманян пытается “укрепить” воинственный дух армянских добровольцев, их мужество и волю к победе над врагом, придавая большое значение императиву, настоятельному требованию отстаивания чести армянских женщин, национального достоинства армян. Возможно также, что непосредственным поводом для подобных раздумий стала победа в героической самообороне Вана – противостояния, которое началось и из стремления и благородного порыва не дать в обиду армянских женщин, высоко держать их честь и достоинство. Ещё одним побудительным мотивом следует считать героический образ армянской женщины в дни геноцида. Известны многочисленные случаи, когда женщины-армянки спасали свою честь и достоинство ценою жизни, когда они, взявшись за руки и подбадривая друг друга, группами бросались с обрыва

в волны Евфрата, чтобы не стать жертвами варварского насилия, чтобы не оказаться наложницами в турецких гаремах.

И если Туманян, поэт-гуманист, призывающий к братству народов, выделял при этом “избранные и прогрессивные” нации, то есть не ставил знака равенства между всеми нациями, то причиной такого подхода было многожёнство, гаремы, наложницы – все эти неприемлемые для армянского поэта явления, присущие магометанским народам и, в частности, туркам. По глубокому убеждению Туманяна, «невозможно одновременно и содержать гаремы, и иметь здоровое государство, невозможно одновременно иметь гаремы и прогрессировать и входить в ряды передовых народов» (7, 176). Конечно, он не ставил креста на весь магометанский мир. Напротив, он был уверен, что «здравомыслящая часть» магометанского мира осознаёт уродливые последствия этих явлений как раз для них самих и «стремится встать на новый путь». Свои рассуждения Туманян обобщает следующими словами: «И, конечно, после этого на новом пути постепенно изгладятся, забудутся все горести и трагические случаи прошлого и будет создана возможность для совместной братской жизни бок о бок» (7, 176). Было бы странно, если бы поэт не завершил своей статьи на такой оптимистичной, незлобивой и незлопмятной ноте. Он не призывает уйти от своего векового врага с проклятиями и бранью на устах, как это сделали другие народы, он хочет верить и ожидать «возможности для совместной братской жизни бок о бок».

Эти размышления Туманян высказал до того, как предпринял новую поездку в Западную Армению. Эти настроения и мысли поэта претерпели определенные изменения во время его путешествия в Ван, а после этой поездки изменились ещё больше.

ЖЕСТОКИЕ БУДНИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Земляк Ованеса Туманяна, историк Самсон Каръян удостоверяет: «В туманяноведении отведено слишком мало места, в частности, посещению Вана, в то время как этот период жизни поэта имеет исключительно важное значение в контексте его общественно-патриотической деятельности и, дополняя его богатую биографию, ещё раз подтверждает, что для Туманяна национальные задачи не ограничивались рамками окружавшей его действительности. Он чувствовал себя обязанным идти навстречу истокам событий, дать им оценку и рассмотреть в философии исторического процесса»¹.

В июне 1915 г. писатель отважился второй раз отправиться в Западную Армению. Он побывал в Ване, в сёлах и городах Васпуракана,

¹ Самсон Каръян, Ованес Туманян и трагедия армянского народа. Ер., изд-во «Лусакн», 2008, стр. 118 (на арм. яз.).

которые он назвал «страной руин и трупов».

Одной из важнейших целей и задач второй поездки поэта, так же, как и первой его поездки, было выяснение подлинных причин недоброжелательного и неблагоприятного отношения русских военных властей по отношению к армянам, а также формирование единого подхода вокруг национально-политических проблем, касающихся судьбы западноармянского населения после освобождения Вана. Поэта беспокоила и волновала неопределённость политического положения его соотечественников, всеобщее и повсеместное разочарование, порождённое резнёй и погромами армян на всей территории Османской империи.

Из Тифлиса Туманян выехал 6-го июня, то есть ровно через месяц после освобождения Вана. Денежные средства, необходимые на дорожные расходы, он сумел достать сам, хотя и не следует исключать помощь со стороны Национального бюро. С целью изыскания денег на поездку в Ван поэт оформляет членство в «Обществе взаимного кредитования»¹, самостоятельно получает определённую сумму на своё имя и в тот же день в поезде отправляется в Эчмиадзин, а оттуда 7-го июня добирается до Игдыра.

Существуют свидетельства, что как в первый раз – в конце 1914 г., так и во второй – в середине 1915 г., Туманян приехал в Ван в сопровождении инспектора Нерсисянской гимназии Овсеп Хунунца. На этот раз также вместе с ними был и доктор философии Ерванд Франгян². Они втроём в девять часов утра 9-го июня приезжают из Игдыра на пограничную станцию Оргов, откуда отправляются на двух повозках и с большим трудом добираются до горного перевала Чингил. Арарат со стороны Баязета Туманян видит уже во второй раз. В течение четырёх-пяти дней они пробираются в направлении Игдыр – Оргов (перевал Чингил) – Каре-Кизил – Диза – Гаракянд – горный перевал Тапариза – поле Абага – Берк-ри-кала – Джаник – Ван.

В селе Каре были оставленные турками дома, которые поэт называет «берлогами» и «мышинными норами». Он затрудняется в определении домов бедных и богатых турок, поскольку все дома напоминали о быте людей, промышлявших разбоем и убийствами. Вечером 9-го июня поэт вместе со своими спутниками доезжает до села Кызыл-диза и останавливается на ночлег. Однако ему не удаётся ни отдохнуть, ни поспать: всю ночь напролёт солдаты рассказывали во всех подробностях о конкретных примерах жестоких преступлений турок и курдов. Речь, в частности, шла о чудовищных зверствах жителя села Гаракянда Али-бека. Под его началом объединились турецкие разбойничьи банды из двадцати семи близлежащих селений. Прежде чем попасть в руки русской армии, турецкие варвары самым бесчеловеческим и жестоким образом учинили расправу над беззащитным и безоружным армянским населением, в особенности

¹ Сохранилась квитанция этого Общества. См. Музей Туманяна, Новые материалы, л. 30.

² «Ашхатанк», Ван, 1915, N24 (на арм. яз.).

над женщинами. К счастью, русским удалось захватить его и переправить в Баку¹. Через родное село Али-Бека Туманян проезжал 10-го июня. Затем в течение четырёх-пяти часов поэт едет вдоль турецко-персидской границы, через горное ущелье Тапариз, спускаясь из которого, видит поле Абага. В полдень 11-го июня группа уже была в селе Баязед-ага. Как раз отсюда в тот же день поэт пишет письмо семье, которое является единственным дошедшим до нас письмом, написанным во время этой поездки. Туманян рассказывает о своих впечатлениях о поле Абага. «Конечно, очень интересными представляются как страна, так и всё, что происходит вокруг. Нет ни одного живого села – уничтожают друг друга и уничтожали курды и армяне» (10, 225).

Чтобы дать какое-то представление о богатстве растительного мира природы Западной Армении, поэт посылает в конверте лепестки мака и добавляет: «А если бы вы видели, какие большие здесь ирисы и гиацинты, дикие, конечно, то очень удивитесь» (10, 225). Об этом же находим пометку в его записной книжке. «Деревья есть только в армянских сёлах. Цветы на тыльной стороне Масиса и поля Абага – большие маки, ирисы и касатки – большие, гиацинты Тапариза, запах гниющих туш павшей скотины на речных берегах, на берегах озёр, деревень. Трели жаворонков над ними.

Трупы армян и курдов, лежащие вместе – на побережье озера» (8, 400-401).

Среди этих жутких, ужасных картин поэт не потерял своей способности восхищаться красотой природы. В своих коротеньких записях – в одну или две строки – он противопоставлял естественное и противоестественное: щедрую красоту природы и чудовищность реальной действительности. По дороге к Вану он заметил, что лесов было мало. От глаз поэта не ускользает также огромное число мух в Игдыре, он пишет о болотах и несметных полчищах комаров в поле Абага, в Баязете, Шамбуте и Игдыре, о минеральных источниках в Абага, о затухших вулканах Тандурека и Хора, о неисчислимом множестве ворон в местах военных действий. «В Игдыре, на Араратской равнине я понял, почему именно над головами царей и цариц размахивают опахалами, которые зачастую имеют форму конских хвостов; это не только для прохлады, но в ещё большей степени для того, чтобы отгонять мух» (8, 396).

После Абага поэт проезжает через поле Беркри-Кала и добирается до селения Джаник (Мадур), находящееся в сорока пяти вёрстах от Вана, и останавливается там на ночь. И здесь также поэту, по всей вероятности, не удалось ни поспать, ни отдохнуть, поскольку в селе были свежи следы и последствия от ужасов резни и погромов 5-го и 6-го апреля 1915 г. На следующий день, 12 июня, пройдя по заветным берегам величавого озера Ван, поэт наконец-то добирается до города.

¹ «Арев», Баку, 1915, №92, 9-го июля (на арм. яз.).

Газеты практически ничего не писали о поездке Туманяна в Ван. Причина, вероятно, заключается в том, что эта его поездка держалась в строжайшем секрете. Об этом свидетельствует также то, что в опубликованных в бакинской газете «Арев» путевых заметках и наблюдениях Е.Франгяна под названием «Из Игдыра в Ван» ни разу не упоминается имя Ов.Туманяна, хотя доподлинно известно, что что Франгян лично сопровождал поэта и практически не разлучался с ним¹.

Побудительные мотивы, цели и задачи трёх членов этой маленькой группы были разными. Хунунц приехал, чтобы в качестве члена «Армянского комитета помощи беженцам» изучить положение и нужды местного армянского населения. Он вернулся в Тифлис раньше, чем Туманян, и отчитался о своих впечатлениях на заседании указанного Комитета от 29-го июня, когда писатель всё ещё был в Игдыре². А с Е. Франгяном Туманян встретился по дороге в Ван, в Игдыре. Франгян был военным корреспондентом бакинской газеты «Арев», следовательно, его задачей было посылать репортажи с мест боевых действий. Корреспонденции Франгяна были опубликованы в газете под общим заголовком «Письма с приграничья». Что же касается Туманяна, то он отправился в Ван, по всей вероятности, по поручению Национального бюро. При этом он ставил перед собой несколько целей и задач:

а) Уточнить упорно муссируемые слухи о расформировании армянских добровольческих формирований;

б) Ознакомиться с непростыми отношениями между царскими высокопоставленными должностными лицами и высшим военным командованием русской армии – с одной стороны, и местным армянским населением и армянскими добровольческими формированиями – с другой;

в) Выяснить действительные причины недоброжелательного и неблагоприятного отношения русских властей к армянам вообще;

г) Сформировать с новоназначенными исполнительными властями Вана единые подходы по вопросам национально-политических проблем, непосредственно относящимся к судьбам армянства.

Поэта беспокоило и волновало неопределённое политическое положение его народа, всеобщее разочарование, порождённое повсеместными погромами и резнёй. Одним словом, причин, целей и задач, связанных с поездкой Туманяна в Ван, было более чем достаточно, а непосредственным поводом послужила телеграмма генерала Николаева в Тифлис, в которой сообщалось, что «армянские дружинники открыли огонь по козакам» (8, 393). Вообще вся телеграмма оставляла впечатление тенденциозности, она словно преследовала цель опорочить, дискредитировать армянских добровольцев. Отметим при этом, что впоследствии сам ге-

¹ «Арев», Баку, 1915, NN8, 92, 93, 95 и т.д., 27-го июня, 9-го, 11-го, 12-го июля и т.д.

² Там же, N83, 27-го июня

нерал Николаев заверял, что у него не было никакого намерения дискредитировать армянских ополченцев-добровольцев¹.

Сам факт того, что армянские добровольцы по ошибке приняли своих за врагов, в условиях военного времени нельзя было считать чем-то совершенно чрезвычайным и экстраординарным. Подобные случаи в суматохе были отнюдь не редким явлением. И делать из этого какие-то слишком далеко идущие выводы, подозревать, что инцидент вовсе не был случайным, конечно же, не следовало. По мнению писателя, к подобным случаям следовало относиться как к досадным недоразумением, и тем более, не стоило придавать им национальную окраску, – явление, которое в любой армии очень взрывоопасно и чревато опасными и непредсказуемыми развитиями. В приведённом случае это реально могло привести к резкому обострению отношений между армянскими и русскими воинами, которые совместно сражались против общего врага.

Поэту удаётся выяснить суть произошедшего. Оказалось, что один или два телохранителя известного армянского национального деятеля, в то время управляющего (фактически губернатора) города Вана и его окрестностей Арама Манукяна, в ночной темноте сделали несколько выстрелов в направлении русских солдат, ошибочно приняв их за турецких воинов. Туманян по этому поводу пишет: «Это произошло вот как. Группа курдов, около 200 человек, сдались в плен, когда они шли под конвоем 4-х казаков, четники Арама (Вана)² не заметили казаков, заняли позицию и открыли огонь. Когда заметили казаков, то вышли из укрытия и прекратили стрелять. Их поймали, хотят наказать военным полевым судом» (8, 391).

Командир Гуниба в письменном рапорте, искажив все факты, даже не используя слова «добровольцы», сообщил генералу Николаеву о случившемся, добавив от себя, что армяне грабят и убивают мирных курдов и что они, возвращаясь с добычей после набега «на расстоянии 150 шагов открыли огонь на мосту по русскому конвою» (8, 394). Не приводя никаких конкретных фактов, он сообщил, что подобные случаи происходят часто. Он требовал, чтобы армян судили и наказали, иначе «сдерживать их будет невозможно» (8, 394). Поведение и позиция, занятая командиром Гуниба, была вполне понятна Туманяну. Он уже знал, что у того были для этого основания, что он был заинтересованным лицом и преследовал личную выгоду. Этот командир был из тех царских кадровых офицеров, которые занимались воровством и грабежами, сваливая вину за содеянное на армян. Некоторые подробности об этом самом командире полка Гунибе рассказал Туманяну Акоп Завриев³. По свидетельству Завриева, «Коман-

¹ См. Лео, «Из прошлого», стр. 325-326 (на арм. яз.).

² Имеется в виду губернаторская должность Арама Манукяна.

³ Завриев (Заварян) Акоп Христофорович (1866, Тифлис – 1920, Москва) – врач, национально-политический деятель, дипломат, член партии АРФ «Дашнакцутюн». В 1917 г. являлся заместителем назначенного правительством России комиссара районов Вана,

дир полка Гуниба... считает армян своими конкурентами» (8, 395). Русский командир собирал остававшуюся без присмотра «бесхозную и якобы бесхозную» скотину армян и курдов в большом количестве и продавал «для своей выгоды» (8, 395). Когда его ловят за руку на месте преступления, он пытается изворачиваться, уверяет, что продавал скотину для запросов армии.

Незамедлительно отреагировав на «рапорт» командира полка, генерал Николаев фактически дезинформировал высшее командование русской армии в Тифлисе, где, не разобравшись в деле, поручили генералу Огановскому строго наказать провинившихся армян.

Писатель не сомневался, что подобное обострение отношений русского командования и армянских добровольцев носит не случайный характер. Однако он при этом вовсе не исключал действительно объективного и доброжелательного отношения к армянам со стороны некоторых генералов. Так, генерал Огановский заверял Туманяна, что лично он вполне убежден в том, что ночная стрельба армянских бойцов в направлении русского конвоя, сопровождавшего пленных курдов, была всего лишь досадным недоразумением, и что подобные случаи просто неизбежны во время войны. Генерал Николаев, посылая телеграмму в Тифлис, нарушил субординацию, обошел своего непосредственного начальника Огановского, чего не должен был делать. Об этом также Туманяну сообщил сам генерал Огановский. Хорошо зная Огановского по предыдущему своему приезду и будучи знакомым с его подходом к произошедшему инциденту, писатель думает, что тот, если бы был в курсе дела, мог бы предотвратить составление и отправку в Тифлис телеграммы с подобным провокационным содержанием, или хотя бы смягчить формулировки. Туманян отмечает, что «указанная выше телеграмма Николаева должна была быть отправлена через Огановского, однако этого не произошло; она была послана непосредственно и имеет натравливающий (провокационный) характер» (8, 393).

Факт обстрела русских конвоиров подтверждает также Давид Христофорович Завриев¹, сообщая, что все пять армянских добровольцев арестованы и для их наказания «создана комиссия военного полевого суда... под председательством Долуханова. Все думают, что расстреляют, потому что старшина казаков очень настаивает» (8, 393).

Хнуса, Эрзрума, Трапезунда, ведал вопросами экономики, медицинской помощи, а также организовал вооруженные группы (Зейтун, Ханасор, Маку и др. места), сыгравшие большую роль в самообороне армянского населения. Был помощником российского генерал-губернатора в Западной Армении. В 1918 г. после образования Республики Армении (вместе с Л. Назарянцем, Р. Дарбиняном) был направлен в Москву для ведения переговоров с советским правительством. Тайно встречался с С.Г. Шаумяном. После падения Бакинской коммуны (июль 1918) был арестован в Москве. Умер от тифа.

¹ Давид Христофорович Завриев (1889, Тифлис - 1957) – химик, в 1921 г. был ректором Ереванского государственного университета.

Проходя по полю Беркри-кала, Туманян 11-го июня получает известие, что двумя днями раньше, 9-го июня, этих злосчастных добровольцев уже осудили и приговорили к высшей мере наказания, то есть к расстрелу. И это не было единственным несправедливым решением. Немало было случаев, когда обвинялись и осуждались совершенно невинные армяне – безо всяких оснований, став жертвами правового произвола. Поэт отмечает в своём дневнике один такой факт. Шестидесятилетний торговец Арпиар Налбандян убегает от турецких преследователей к русским. В Караклисе его подозревают в шпионской деятельности и в суде предоставляют только турецкого переводчика, «с лёгкой руки» которого невинного человека приговаривают к повешению (8, 399).

Поставив перед собой задачу выяснить упорно муссируемые слухи о пресечении деятельности армянских добровольческих отрядов, Туманян в первой дневниковой записи во время своего второго путешествия приводит свидетельство некоего Саака: «Отношение к нам очень плохое. Есть распоряжение о том, чтобы остановить деятельность армянских добровольцев» (8, 391). Эту запись поэт делает в Игдыре, где остаётся два дня, встречается с русскими генералами и слышит жуткие истории беженцев, нашедших там временное пристанище. Нетрудно догадаться, какие именно истории мог слышать Туманян в Игдыре в эти дни от людей, чудом спасшихся от резни. Об этом повествуют документы и периодика эпохи, которая ежедневно публиковала истории, рассказанные очевидцами резни и погромов. В публикации «Беженцы в Игдыре», увидевшей свет 10-го июня 1915 г., один пожилой беженец рассказывал: «Я и вообще все беженцы из Алашкерта оставили всё своё нажитое имущество, я оставил своих овец, завёл их в хлев, запер на них дверь и направился сюда». Другой беженец говорил: «Эх, братец, даже язык не поворачивается рассказывать об этом... При переправе через реку Мурад вода поглотила столько детей! А сколько людей погибло от холода! И хоронить их не было никакой возможности. Откладывали снег немного в сторону и накрывали их»¹. Беженцы, нашедшие пристанище в Игдыре, конечно же, рассказали поэту за те два дня, которые он там провёл, намного больше историй и подробностей, которые, однако, писатель просто не успел, а может, был не в состоянии записать. Армянские добровольцы приводили несколько важных причин негативного, недоброжелательного отношения к ним со стороны русского военного командования. Поэт отметил в своём дневнике две из них. Первая причина – колониальная политика, проводимая царской Россией, а вторая – самоотверженная борьба армянских добровольцев и одержанные ими яркие победы. В дневнике Туманяна читаем: «А некоторые утверждают, что всё дело в ревности, что наши очень бросаются в глаза, а мы много говорим об этом. А другие считают, что распоряжение пришло сверху, в частности, от старика» (8, 391).

¹ «Оризон», 1915, №6, 10-го июня.

«Стариком» был главнокомандующий Кавказской армии, 78-летний генерал И.И. Воронцов-Дашков¹. Истине больше соответствовала вторая отмеченная причина. Завершившаяся победой героическая самооборона Вана только обеспокоила царскую Россию. Армяне проявили в ней огромную волю и показали, что умеют самоотверженно сражаться и готовы самостоятельно распоряжаться своей жизнью и судьбой, они выстояли в неравной борьбе с регулярными турецкими войсками и разбойничьими бандами и освободили город ещё до того, как русская армия подросла им на помощь. Если в первые дни войны у русских властей были сомнения и опасения по поводу необходимости формирования армянских добровольческих групп, то теперь, после освобождения Вана, эти сомнения и опасения значительно усилились. Не отказываясь от использования потенциала армянских ополченцев, русское военное командование при этом всячески препятствовало любой попытке их объединения, с ещё большей строгостью и жёсткостью препятствовало также естественному желанию армянского населения вернуться в свои пустующие дома, в свои ценою кровавых сражений освобождённые города и сёла. Эти изменения в худшую сторону были для Туманяна более чем очевидными. Для него было также вполне очевидно, что «старик» И. Воронцов-Дашков продолжает обманывать, юлить и изворачиваться, и он просто не знал, можно ли верить, стоит ли доверять тем русским военным функционерам, которые также отмечали изменения в тональности и акцентах поступавших «сверху» приказов и выражали своё недоумение и беспокойство по этому поводу.

Туманян встретился с А.Шаххатуни², от которого узнал, что генерал Огановский во время встречи с другим русским генералом заверял последнего, что он и сам удивлён резким изменением отношения к армянам в высших кругах военного командования и «спущенными сверху» инструкциями. Некоторые из русских генералов, в особенности известный своими армяноненавистническими взглядами и действиями русский генерал осетинского происхождения и магометанского вероисповедания Дзамболат (Дмитрий) Абадиев, с которым уже успел познакомиться и пообщаться Ов. Туманян во время первой своей поездки на Кавказский фронт, продолжали упорно настаивать на том, что армяне нарочно стреляют по русским солдатам и что они заняты только грабежами.

¹ Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837 - 1916), генерал от кавалерии, в 1905 – 1915 гг. наместник царя на Кавказе.

² Шаххатуни Аршо (Аршавир) Вагаршакович (1885, Александрополь – 1957, Париж) – армянский актёр, военный (офицер запаса в чине прапорщика), который сопровождал Туманяна во время его первого путешествия в Западную Армению в конце 1914 г. В годы Первой мировой войны принимал участие в боевых действиях на Кавказском фронте, стал офицером царской армии. В 1918 г. был назначен военным комендантом Ервана и оставался на этой должности до конца 1920 г., то есть до установления Советской власти в Армении. В 1928 г. стал инициатором съёмки фильма «Андраник», в котором выступил в ролях легендарного полководца и его отца.

Уже второй раз Туманян оказывается свидетелем и вновь получает возможность удостовериться, что Абациев потворствует и даже способствует резне и погромам армян, специально разоружает их и при этом разрешает курдам вооружаться. Однако на этот раз поэт встречает значительно больше высокопоставленных должностных лиц и военных функционеров, которые занимали откровенно предательскую позицию по отношению к армянам и вели антиармянскую деятельность.

Вот уже второй раз переживая большое разочарование, поэт во всех подробностях, насколько позволяли военные условия и будни, записывал в своих записных книжках и дневниках каждое проявление, каждый случай и факт, свидетельствующий о лицемерной и двурушнической политике русских властей в отношении армян – с тем, чтобы представить эти факты и свидетельства армянской общественности, высшему руководству русской армии в Тифлисе и Армянскому национальному бюро. Тем самым Туманян взял на себя трудную миссию – летописца военных будней, документалиста самых страшных, самых трагических событий в жизни армянского народа.

В дни формирования армянских добровольческих отрядов, когда Тифлис стал эпицентром и местом сбора ополченцев, когда в тифлисском Ботаническом саду организовывались боевые учения для неопытных и не владеющих оружием, но при этом горящих желанием помочь и патриотически настроенных юношей-армян, даже внутри одной и той же партийной организации, скажем, АРФ «Дашнакцутюн» были разногласия на этот счёт. Против армянского добровольческого движения выступали, в частности, такие известные национальные и политические деятели, как Арам Манукян, которому впоследствии предстояло стать одним из героев самообороны Вана, а также Симон Врацян¹, Саак Торосян. Особенно возражали западноармянские деятели дашнакской партии, которые требовали не нарушать решения 8-го съезда АРФ «Дашнакцутюн», состоявшегося в июле 1914 г., согласно которому западноармянское и восточноармянское население должно соблюдать нейтралитет и всего лишь проявлять верноподданничество и «добрую лояльность» в отношении своих стран. Конечно, их опасения не были безосновательными. Они были уверены, что турки стали бы рассматривать формирование армянских добровольческих отрядов как проявление неповиновения и устроили бы новые массовые погромы и резню. Однако, несмотря на то, что эти их побудительные мотивы были вполне честными и благородными, они не могли ничего изменить, потому что правители Османской Турции давно уже вынашивали далеко идущие планы по радикальному и свособычному

¹ Симон Врацян (1882 - 1969), армянский политический деятель, один из руководителей дашнакской партии. Был министром сельского хозяйства и государственного имущества, а также министром труда Первой Армянской республики, а также четвёртым премьер-министром.

решению «Армянского вопроса». Участь мирного западноармянского населения к тому времени уже была предreshена.

Дважды побывав в годы мировой войны в Западной Армении, став очевидцем героической борьбы армянских добровольцев и их славных боевых побед, Туманян убедился в правоте своего мнения о повстанцах, которое до этого опиралось на интуицию. Добровольческое, повстанческое движение было действительно необходимо, было продиктовано требованиями времени, исторической ситуации. Если в первые дни у поэта и были какие-то сомнения, и даже как-то в Эчмиадзине он искренне отговаривал нескольких неопытных юнцов воздержаться на определённое время и не спешить с решением идти в армию, то вскоре он сам в своих литературно-художественных произведениях старался воодушевить армянских юношей, идущих на поле брани, более того, стал выступать с призывами к борьбе. Поэт сделал в своей записной книжке очень краткую, но при этом ёмкую запись, характеризующую и оценивающую армянское добровольческое движение: «Значение добровольцев – было меньше резни» (7, 579).

Было меньше резни, потому что добровольцы протянули руку помощи своим обезоруженным соотечественникам, защищая их и от турецких погромщиков, и от тех своевольных действий некоторых русских генералов, которые могли бы стать причиной новой резни мирного армянского населения.

Туманян свидетельствовал, что полководцу Андранику удалось вернуть армянам часть отобранного у них оружия. «Я сам шёл, – говорил Андраник, – и насильно забирал из солдатских повозок оружие, отобранное у армян» (8, 403).

Как уже отмечалось, Андраник вместе со своими добровольческими формированиями вошёл в Ван 3-го июня 1915 г., однако из города он выехал и направился в сторону Востана в тот самый день, когда в Ван прибыл Ованес Туманян. Это было 12-го июня. Обстоятельства сложились так, что встреча двух великих армян в этот день не состоялась. Андраник отличался своим своенравным и независимым характером, он далеко не всегда подчинялся приказам русского военного начальства и нередко действовал самостоятельно, как считал правильным и нужным. Так, когда 17-го июня ему приказывают отступить и сдать с большим трудом занятые боевые позиции, он не подчиняется приказу и без поддержки русской армии, одними лишь своими небольшими силами одерживает трудную победу, за которую впоследствии его награждают Золотым Георгиевским Крестом¹.

Вполне естественно и закономерно, что национальный герой не мог подчиняться таким приказам и распоряжениям, которые шли вразрез с

¹ Исторические воспоминания полководца Андраника на Кавказском фронте в 1914-1917 гг., записанные телохранителями полководца. Бостон, 1924, стр. 30-31.

интересами его народа и подвергали смертельной опасности жизнь местного армянского населения. А такие решения принимал чаще других генерал Абадиев. Он был наиболее последовательным и активным проводником политики царского режима – «Армению без армян». Возвращаясь из сражения при Маназкерт, Абадиев отдаёт приказ умертвить всех армян, затем подвергает резне армянское население Хлата. В записных книжках Ов. Туманяна встречаем свидетельство, что Абадиев приказал, чтобы «Армянские селения не имели никаких отношений друг с другом, не перевозили пшеницу из одного села в другое и т.д., и всё это делается без ведома Огановского» (8, 392). Абадиев не гнушался даже распространением ложных слухов и вымыслов, которые стали для него своеобразным оружием в борьбе с теми русскими генералами, которые давали высокую оценку действиям армянских добровольцев, открыто восхищались их подвигами, хорошо к ним относились и защищали их или, по крайней мере, не отзывались о них плохо. Среди таких генералов были Огановский и его верный помощник и соратник Озол¹. После прошлогодних встреч с Огановским Туманян находит его «довольно изменившимся» (8, 392). В беседе с поэтом генерал посетовал на изменение отношения к нему со стороны высшего командования русской армии. Изменение это выражалось, в частности, в том, что от него отдаляли его верных служащих, например, Озола. «При этом Озола, который очень хорошо относился к армянам, удалили не только от него, но и вообще из района» (8, 392).

В этот период, вероятно, обострились отношения между Огановским и Абадиевым, что также, в свою очередь, негативно отражалось на отношении к армянам. Насколько это соответствует действительности, судить трудно, однако Огановский представил поэту суть вопроса именно в таком свете. Абадиев последовательно и целенаправленно удалял офицеров, хорошо относившихся к армянам, и тем самым ещё больше укреплял свое положение. По свидетельству Туманяна, Абадиев и в это время открыто и беззастенчиво «показывал свою армяноненавистническую позицию и рассказывал, как он поехал сражаться в Маназкерт и, вернувшись, приказал убить армян, отказал им в помощи, а теперь отправился в Хлат и вернулся – теперь вот их подверг резне» (8, 392). Даже уходящему в отпуск армянскому добровольцу Абадиев не разрешил воспользоваться им по своему усмотрению: запретил бойцу заехать по пути в

¹ Вольдемар Ансович Озол (1884 - 1949) – кадровый офицер Русской императорской армии, латвийский общественный и военный деятель, подполковник РИА (1917), Георгиевский кавалер (1917), генерал интербригад в Испании (1936), глава нелегальной резидентуры ГРУ ГШ во Франции (1940–1945). В царской армии служил с 1907 г., в 1914–1915 гг. занимался формированием армянских добровольческих отрядов, был ответственным за боевую и физическую подготовку новобранцев, руководил стратегией и разведывательной деятельностью добровольцев. При его непосредственном содействии в Канакере была открыта военная школа для армянских добровольцев. Известно, что он сделал всё, что в его силах, чтобы спасти армянское население, в особенности, армян Вана, от резни.

село Гёл, чтобы увидеться с братом и его семьёй, и только после этого поехать в родное село – Члкани.

С целью контролирования действий Абациева Огановский хотел переместить военный штаб в Арчеш, чтобы воинское подразделение Абациева также находилось в его подчинении. Это позволило бы Огановскому избегать очередных «сюрпризов» от коллеги, а также «сконцентрировав войска, ударить с тыла по Эрзруму» (8, 392). По свидетельству Туманяна, который, в свою очередь, основывается на устной беседе с Огановским, недоброжелательное отношение генерала Абациева к своему коллеге объяснялось военными победами Огановского, которые вызывали в Абациеве чувство зависти и ревности. Как отмечает Туманян, «Его (Огановского – С.О.) продвижение в этом направлении вызвало зависть у многих (его начальников и коллег)» (8, 392).

Если армянофобские действия русских военных были обусловлены идущими сверху инструкциями, носили общий характер и исходили из геополитических интересов царской России, то служащие в русской армии генералы магометанского происхождения становились самым настоящим бедствием для армян. Новые провокации и подстрекательские действия против армян были напрямую связаны с победой, одержанной защитниками Вана. Победа эта, как уже указывалось, вызвала озабоченность у руководства российской армии. Царского наместником И. Воронцовым-Дашковым и высшим командованием армии владело одно и то же беспокойство – как бы не сформировалась независимая армянская армия, и народ, как это произошло в победившем Ване, не обрёл бы независимость, автономию, не самоопределился.

Оставшихся в Дутахе армян преследовали и притесняли подполковник гарнизона, лезгин по национальности Бабанов и «батарейный» командир Мамед. Они запрещали армянам выходить на улицу, «ругались, говорили – вас всех нужно перебить» (8, 399). Армянам удаётся «перевести дух» только тогда, когда Бабанова и Мамеда убирают из гарнизона и командование гарнизоном в Дутахе возлагают на генерала Я. В. Амасийского¹.

Резко обострившаяся, взрывоопасная внутривосточная ситуация в России, связанная с активизацией революционного движения и расколом в обществе, привели к кризису власти в империи, расшатали до самого основания царский трон. Вследствие всего этого в армии воцарилось

¹ Генерал-майор Яков Васильевич Амасийский (1855 - ?), русский кадровый военный. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Произведен в генерал-майоры с увольнением от службы с мундиром и пенсией (05.03.1913). После начала мировой войны возвращен на службу тем же чином в резерв чинов при штабе Кавказского ВО. Участник мировой войны на Кавказском фронте. Командир бригады 66-й пех. дивизии (с 25.03.1915). Летом 1915 в период Алашкертской операции неоднократно возглавлял сводные отряды 4-го Кавказского корпуса. Награжден Георгиевским оружием. В 1917 занимал должность командующего 7-й Кавк. стрелковой дивизией.

полное безвластие, граничащее с анархией, в верхах принимались совершенно не связанные друг с другом, нелогичные, а временами и вообще противоречащие друг другу решения, а на местах нередко своевольничали не только генералы, но и солдаты. В такое смутное время, в условиях полного хаоса и неразберихи из Тифлиса приходили, причём нередко с большим опозданием, очень невнятные распоряжения, которые на месте заменялись другими, не имеющими с ними ничего общего и даже исключающие их.

В дневниковых записях Туманяна встречаются пометки и об информационной неразберихе, которая во многих случаях носила тенденциозный и целенаправленный характер. Так, русское военное командование, с одной стороны, распространяло слухи о расформировании армянских добровольческих отрядов и прекращении добровольческого движения вообще, а с другой стороны, предлагало создавать новые группы. С одной стороны, подвергало резкой критике своеволие полководца Андраника, с другой – награждало его Георгиевским Крестом.

Генерал Николаев, тот самый, который постоянно распространял лживые и злопыхательские слухи и послал провокационную телеграмму в Тифлис с требованием расправы над армянскими ополченцами, ошибочно принявшими казаков-конвоиров за курдов, посылает новую телеграмму, в которой распоряжается о создании семи дополнительных армянских добровольческих отрядов. Туманян находился во фронтовой зоне, когда узнал об этом распоряжении Николаева и о том, что точно такое же требование исходит от царского наместника на Кавказе И. Воронцова-Дашкова. Последний ещё до этого получил соответствующее указание из Петербурга, согласно которому создание новых армянских добровольческих дружин было не только целесообразно, но и необходимо (8, 394).

Ованес Туманян во время пребывания на Кавказском фронте поддерживал связь и с Национальным бюро. Ещё по дороге в Ван он уже знал, что Ованес Каджазнуни¹ уведомил Бюро телеграммой о том, что генерал

¹ Ованес Каджазнуни (Тер-Ованнисянц) (01.02.1868, Ахалкалаки – 10.01.1938, Ереван, жертва политических репрессий), общественно-политический и государственный деятель, издатель, архитектор. Был попечителем Нерсисянской гимназии (1906), одним из руководителей АРФ «Дашнакцутюн». В 1914 году вернулся в Закавказье. В 1917 году Каджазнуни был избран членом Армянского национального совета. В конце 1917 - начале 1918 года являлся представителем партии Дашнакцутюн в Закавказском сейме, затем Министром финансов Закавказской Демократической Федеративной Республики (апрель-май 1918). Принимал участие в Трапезундских и Батумских переговорах с Турцией вместе с Александром Хатисяном и Микаелом Бабаджяняном, подписывал Батумский договор. В мае 1918 года Каджазнуни в Армянском национальном совете в Тифлисе добился решения о провозглашении независимости Армении и был единогласно избран премьер-министром. В феврале 1919 года Каджазнуни отправился в Европу и США для организации помощи Армении. Каджазнуни принимал участие в Парижской мирной конференции, в сентябре 1920 года вернулся в Армению, где после установления советской власти был арестован и освобожден только во время Февральского восстания 1921 года. В 1921-1924 гг. Ованес Каджазнуни жил в Бухаресте. В августе 1923 года вышел из

Беляев обещал вооружить армян. Следовавшие одно за другим противоречивые указания и распоряжения, касавшиеся армянских добровольцев, а также общая хаотичная и смутная обстановка вынуждают Туманяна прийти к заключению: «Верхи не знают, низы не ведают» (8, 394).

В дневниковых записях писателя немало таких, в которых указывается не только на противоречивые решения русских должностных лиц, но и на действия, которые были направлены против распоряжений назначенных российским правительством и наделённых большими полномочиями армянских чиновников. Так, близ села Кохб какой-то русский солдат конфисковал оружие у турецких крестьян, генерал Огановский наградил его за это, а губернатор Еревана Тизенгаузен предложил подвергнуть наказанию. Другой пример. В селе Панчи русские разоружили армян, в то время как все армяне имели письменное разрешение на ношение оружия за подписью губернатора Вана Арама Манукяна. То есть даже для коменданта села Панчи решения армянского губернатора не имели абсолютно никакого значения. В том же селе некий «прапорщик открыто заявил, что не признаёт армянских добровольцев» (8, 394).

Желая завладеть имуществом покинувших свои дома турецких и курдских поселян, некоторые русские восначальники вступали в конфликты с армянами, поскольку считали их своими конкурентами. Не удосуживаясь уточнить обстоятельства, или специально некоторые ответственные военные посылали телеграммы об отступлении русской армии, что сразу же вызывало панику среди местного населения. Заметим по этому поводу, что одну такую дезинформирующую телеграмму об отступлении русских послал генерал Огановский своему коллеге Абациеву. О том, что такая телеграмма была и что она действительно была ложной, Туманяну сообщил Шаххатуни. А Огановский пытался оправдаться и был очень раздосадован и разгневан; он делал замечания, давал строгие выговоры всем тем своим подчинённым, кто убеждал его в реальности такого отступления, причём под «горячую руку» генерала попал даже епископ Хорен. Огановский всячески старался приводить всё новые и новые доказательства и примеры своего дружественного, доброжелательного отношения к армянам. Рассказывал, что «в Маназкерте очень много беженцев-армян. Болезни, чёрная оспа. Мы позаботились о них, одели, дали солдатскую одежду, дали им также продовольствия из наших пайков» (8, 393). У Туманяна не было никаких оснований не верить ему, потому что всё это также соответствовало действительности. И, записывая в дневнике свидетельство Огановского, писатель снова констатирует имевшиеся противоречия в политике, проводимой высшим русским военным руководством.

Вообще для военного времени присуще распространение самых проти-

партии АРФД. С 1925 года Каджазунни жил в Ереване. В 1937 году был арестован и умер в тюрьме.

воречивых, совершенно взаимоисключающих известий, в которых зачастую желаемое выдавалось за действительное. Причем нередко такая дезинформация приходила прямо с фронта. Так, к примеру, офицер армии Девоян телеграфировал, что курды выступили против турок, из чего русские военные сделали вывод, что курды сражаются на их стороне. Конечно, нельзя при этом вовсе исключать возможность, что им было просто выгодно представить дело в таком свете (8, 393).

Во время одной из своих бесед с Ов. Туманяном генерал Огановский высказал своё недовольство действиями добровольческих дружин и их атаманов-хмбапстеров и, между прочим, отметил, что до 29-го января они растранижили два миллиона патронов. Туманян снова попросил генерала использовать все свои возможности для оказания помощи армянским беженцам, оказавшимся в крайне бедственном, отчаянном и практически безвыходном положении. Огановский пообещал устроить беженцев в каком-нибудь удобном районе. «Он с радостью согласился переселить беженцев в районы по ту сторону Тапашира. В особенности, беженцев из Сурмалу, где, как он сказал, земли очень мало» (8, 400).

Когда Туманян высказал своё недовольство действиями Абациева, Огановский, несмотря на то, что по каждому поводу подчёркивал имеющиеся между ними противоречия и трения, постарался найти оправдания для своего коллеги и заявил, что решение Абациева не пускать армян в Маназкерт представляется ему правильным и мотивированным, потому что среди армянских беженцев распространена чёрная оспа. При этом генерал не упустил случая заверить Туманяна, что необходимая медицинская и иная помощь армянскому населению предоставляется. А когда Огановский пытался убедить Туманяна, что армяне много занимаются грабежами, поэт возразил русскому генералу, ответив, что грабежами занимаются как раз не армяне, а русские войска. Он записывает в своём дневнике: «Войска по-прежнему, как и в прежние времена, заняты грабежами в невероятных размерах. Есть офицеры, которые воруют и грабят» (8, 395). Нужно было быть очень смелым человеком, чтобы прямым текстом и во всеуслышание заявить генералу российской армии, что на самом деле мародёрством и грабежами в открытую занимаются те самые русские солдаты и офицеры, с которыми местное армянское население связывало большие надежды, на которых уповало и которых считало своими избавителями, освободителями. Поэт пишет: «Когда я намекнул, что никто бы столько не грабил, если бы наши войска не грабили, он сказал: нет, эти грабители, шакалы, идут вслед за войском» (8, 395).

Сопоставив факты грабежей со стороны русской армии во время первой своей поездки со вторым своим пребыванием на фронте, Туманян убеждается, что их число подобных грабежей значительно увеличилось, достигнув поистине невероятных размеров. Если в предыдущем своём дневнике ему необходимо было приводить разные примеры разбойничьих

действий, чтобы убедить и себя, и своих читателей, что явление это существует, то теперь в этом просто не было необходимости, потому что сами русские открыто говорили об этом. «Есть офицеры, которые говорят: нам просто стыдно» (8, 392).

Дело доходило до вопиющих фактов. Даже представители «Красного креста», вместо того чтобы перевозить в своих каретах людей, занимались расхищением имущества жителей Вана, увозили пианино и всю оставшуюся домашнюю утварь вынужденных переселенцев. Оставляя поля сражений, отступавшие в спешке русские солдаты уносили с собой ковры и самые разные разграбленные вещи. «Во время отступления не было ни одного казака, который бы не прихватил с собой ковёр у турка» (8, 403).

Другой случай. По дороге в Ван русские офицеры замечают в полях несколько оставшихся без присмотра коров и овец, принадлежащих туркам и курдам, и приказывают солдатам «оприходовать» всю эту живность, однако некоторым животным удаётся убежать. И тогда русские приняли решение под предлогом поиска «потерявшейся» скотины отнять у армян их коров и овец. Туманян пишет: «Теперь распорядились собрать всю эту скотину для интендантства, но поскольку не сумели найти – обвиняют армян, дескать, армяне всё увели; и теперь отбирают скотину у самих армян» (8, 393).

Занимаясь воровством и грабежами, либо откровенным вымогательством, русские солдаты не испытывали никакого страха или беспокойства из-за возможного наказания; они чувствовали себя настолько безнаказанными, что в Ване в присутствии ополченцев разбирали на части действующую водяную мельницу и уносили доски – на дрова (8, 399).

В Снджане, когда у армян была возможность вернуть свою скотину, оказавшуюся по ту сторону фронта, русские запрещают им сделать это и «перегоняют, приводят товар» сами, затем приказывают ограбленным крестьянам помалкивать и не смей никому об этом рассказывать, тем более – жаловаться их начальству. Туманян как очевидец записывает своё наблюдение: «Коменданты просто грабят везде и всюду» (8, 400).

Во время отступления комендант Каре (Гара) не позволяет армянским беженцам пить воду из родника – якобы, чтобы не заразились. Тем самым он создаёт для русских солдат отличную возможность нажиться на этих несчастных людях. Они продавали воду из родника по 5-20 копеек за стакан, а курды продавали снег, брали по пять копеек за снежок. Тот же самый комендант разоружал армянских беженцев и продавал отнятое у них оружие курдам, а тем, кто пытался противиться, угрожал расстрелом (8, 406).

Конечно, весь этот беспредел творился с ведома и открытого попустительства русского военного начальства. Между тем в среде местных жителей многие прекрасно помнили события тридцатисемилетней давности, времён русско-турецкой войны 1877-1878 гг., и рассказывали о них

своим детям, передавали из поколения в поколение то, о чём указывает в своих дневниковых записях Ов. Туманян: «Всё местное население с тоской вспоминает армию и генералов войны 1877-1878 гг.» (8, 392). В той давно уже ставшей преданием войне полководец русской армии армянского происхождения, командир дивизии генерал-майор Аршак Тер-Гукасов не допускал никакого мародёрства, никаких грабежей или действий, причинявших вред местному мирному населению. Тер-Гукасов тогда сражался именно в этих местах и занял Баязет, Диадин, Караклис, Алашкерт и другие населённые пункты. Туманян невольно вспоминает некоторые известные ему факты из прошлой русско-турецкой войны и делает следующую пометку: «Один раз какой-то казак отнял что-то у какой-то турецкой или курдской женщины – Тер-Гукасов поднял его на виселицу» (8, 392). Писатель с болью замечает, что в этой войне нет военачальников, подобных Тер-Гукасову.

Однако потворство и снисходительное отношение русского военного начальства по отношению к совершающимся разбоям и грабежам было, как говорится, не самым большим злом. Куда большую опасность представляли собой те решения генералитета, которые становились прямой или косвенной, вольной или невольной причиной резни и гибели армянского населения. Некоторые русские командиры в мае 1915 г. запрещали беженцам переходить линию фронта, отправляли их обратно в свои селения и тем самым становились причиной их мученической смерти от рук турецких или курдских извергов (8, 398). Русские военные чиновники послали на верную смерть армянских беженцев, находившихся в окрестностях Алашкерта, в частности, армян Понта. «Армяне плакали: у нас было имущество, всё забрали, а мы больные, как нам идти? После этого пришёл новый приказ – расчистить эти места» (8, 398).

После занятия города Алджаваза русские опять же, по-видимому, руководствуясь желанием по возможности скорее освободить близлежащие армянские селения от армян, приказывают армянам собратсья и отправиться в Ван. Главнокомандующий полка Лабиновского Гафалович, комендант города Скворцов проявляют особую жестокость в отношении местного населения. Туманян по этому поводу записывает: «Не дали людям даже одного или двух дней на сборы и начали выгонять из домов, и даже когда убежавшие мужчины вернулись и стали просить впустить их в дом, чтобы забрали свои семьи или свою пшеницу – не дали, погнали» (8, 399).

Туманян отмечает, что, какими бы опасными для армян ни были жестокие, бессердечные и неправомерные решения русских военных чинов, из-за которых армянское население определённых регионов становилось жертвой насилия и грабежей и даже резни, всё равно для всего армянского населения намного страшнее было совершенно непонятное и ничем не мотивированное, внезапное отступление русской армии из

занятых, или, правильнее будет сказать, освобождённых западноармянских территорий.

Можно сказать, что русская армия просто перестала воевать. Вблизи села Кохб регулярная армия численностью в пятьсот солдат, имея в своем арсенале две пушки, делает несколько выстрелов, убивает шесть человек из армии противника и отступает «на 30 вёрст в первый день, ...на 60 – в последующий день» (8, 396). Причём своё «отступление они объяснили тем, что должны получить подкрепление» (8, 396).

Такому же подстрекательству подверглось и подразделение Андраника. Когда легендарный полководец дошёл до местности Гасан-гала, находившейся в окрестностях Вана, пришёл какой-то курд и сообщил, что на них наступает целый вражеский корпус. Ему не поверили, захватили другого курда, который подтвердил то же самое. В итоге командир одного из отрядов подразделения Авлемян отступает со своим отрядом, поверив ложным сведениям засланного курдского шпиона.

Таким образом, Туманян совершает ещё одно очень опасное и трудное путешествие в Западную Армению, на Кавказский фронт. На протяжении 6-7 дней поэт бродит по обезлюдившим городам и селениям Западной Армении, видит в более реальном свете постигшее его соотечественников бедствие, видит следы и последствия совершённых турецким сбродом жестоких и бесчеловечных преступлений, погромов, резни. Во время этого второго путешествия образ турецких варваров и изуверов приобретает в его сознании более целостные и предметные очертания. Выезжая из Тифлиса, Туманян знал, насколько опасно находиться в местах, где совсем близко проходят боевые действия, и не только по причине возможных и ожидаемых нападений со стороны неприятеля. Об ужасах и кошмарах, происходивших здесь каждый день и на каждом шагу, сообщали газеты, рассказывали чудом спасшиеся от резни беженцы, озабоченные судьбой армянства и борющиеся за его будущее национально-политическим деятелям, а также дети писателя, развернувшие свою национально-патриотическую деятельность в Западной Армении. Ещё 27-го февраля 1915 г. сын Туманяна Мушег, как уже было отмечено, поставил отца в известность о том, что в Диадине и его окрестностях распространилась эпидемия сыпного тифа¹.

Мушег был совершенно прав, когда в письме, отправленном из Игдыра, констатировал: «Ну, и что остаётся в итоге? Старики 60-70 лет, бездомные и больные, и руины селений, да ещё бесконечные обвинения в адрес армян: дескать, это народ воров, разбойников, крестокрадов, грабителей, торгашей и обманщиков»².

Во время своей второй поездки на Кавказский фронт Туманян ещё раз убедился в несправедливой и предвзятой политике русских властей по

¹ Переписка семьи Туманяна, стр. 66.

² Там же, стр. 65.

отношению к армянским добровольческим дружинам. В результате пребывания в Западной Армении образ турецких и курдских варваров и изуверов становится более целостным и завершённым.

Итак, на всём протяжении пути в Ван поэт испытывает новые большие разочарования, хотя и не отчаивается и продолжает верить в возможность спасения своего родного народа и выхода из сложившейся крайне тяжёлой политической и социально-экономической ситуации.

В ВАНЕ

Как уже отмечалось, Ованес Туманян, покинув Тифлис 6-го июня 1915 г., добирается до Вана 12-го июня. За день до этого он был в поле Абага, в селе Баязет-ага, «вернее, близ него, потому что само село было разрушено» (10, 225).

Первыми увидели поэта, проехавшего в карете по улице Хач-поган, бывший в то время ещё 12-летним подростком Гурген Маари и Агаси Ханджян. Маари в своих воспоминаниях, перепутав июнь с маем, пишет: «В Ване была весна и май. Свободный Ван дышал полной грудью. Вместе с Агаси Ханджяном мы поднимались по улице Азгаин (Хач-Поган – С.О.). Стремительно проехала какая-то карета. В карете было двое людей. Один был в кепке, челюсть в бороде, с улыбочивым лицом, другой на голову выше, с непокрытой головой, миловидный молодой человек, с развевающимися на ветру волосами.

- Ованес Туманян! – воскликнул Агаси.

- Который? – спросил я.

- Тот, что был в шляпе.

- Откуда ты узнал?

- По фотографии, - ответил Агаси.

Я не видел его фотографии, но знал наизусть его «Братец барашек»: - «Братец барашек!»¹.

Маари пишет, что он впоследствии выяснил, что в карете вместе с Туманяном был Погос Макинцян, однако ни одного другого источника, подтверждающего этот факт, нам не известно.

В тот же день, по случайному совпадению, в Ван приезжает друг детства Туманяна Ростом Зорян, и поэт, узнав об этом, встречается с ним.

По свидетельству Саломе Джрбашян, в Ване Туманяна ожидал «невиданно радостный и восторженный приём»². Весть о прибытии поэта преисполняет всех жителей Вана ликованием и предвкушением «счастливой встречи – от мала до велика»³. По мнению ванцев, «приезд Туманяна в

¹ Гурген Маари, Собр. Соч. в пяти томах, т. 5, Ер., изд-во «Советакан грох», 1989, стр. 594 (на арм. яз.).

² Туманян в воспоминаниях современников, стр. 678.

³ Там же.

город был, казалось, кульминацией одержанной освободительной победы»¹. По их словам, особенно впечатляющим было «приветливое лицо любимого поэта», его «человеколюбивое слово».

Приезд Туманяна ванцы восприняли как символ, знак, таинство объединения двух разделённых, раздвоенных частей одного народа, как предначертание национального единства. «Кавказ, - как писала С. Джрбациян, - всегда был для ванцев ярким маяком, откуда должны были прийти свобода и знание. И Туманян, казалось, был факелоносцем этого света и дружбы, принёсшим этому маленькому, но героически сражавшемуся городу ту братскую помощь и поддержку, то воодушевление, которое не могло быть лишь следствием приезда одного поэта, а было миссией братства, дружбы, единства»².

Туманян посетил учащихся нескольких школ и гимназий Вана – Центральной, мужской гимназии Ерамян и женской гимназии Сандхтян. Он во время каждой из встреч заметно волновался, говорил слова поддержки, подбадривал, выражал своё искреннее удивление и восхищение «стремлением к прогрессу и делами» ванцев³.

Поэт увидел молчаливых свидетелей героической самообороны Вана – полуразрушенные позиции, баррикады армянского квартала города – Кахакамеча, повреждённые бомбами препятствия и заграждения и т.д.

16 июня поэт побывал на острове Ахтамар. Смотрел на столь дорогое сердцу каждого армянина озеро Ван, в глубинах которого, по преданию, находился храм Халди, верховного божества Урарту. Согласно другому древнему преданию, на дне озера Ван покоятся дворец и резиденция Солнца⁴. Вообще почти все предания и легенды о борьбе сил света и Солнца против божества тёмных сил связаны с бассейном озера Ван, и легенды эти свидетельствуют о языческих верованиях двух солнечных богов – Халди и Шивини. Как отмечалось в статье «Город солнца», «Поклонение богу Халди переплелось с образом Митры (армянский Мгер), а поклонение Ширвини – с Арегом»⁵. Туманян – блестящий знаток мифологии и, в частности, армянских легенд и преданий, прекрасно знал, что этот урартский город, Ван-Тушпа, был миром грёз и мечтаний армян, и поэтому всеми армянами воспринимался как вечный город Солнца, Света и Справедливости. Возможно, именно в этом была причина, что маленький и каменистый остров Ванского озера благоустроили армяне, в частности, в эпоху царя Гагика, построив на острове обращённый к Солнцу известный монастырь Ахтамар. Однако жизнь распорядилась так, что урартские, а заодно и армянские «старые боги» оставались немymi

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, стр. 679.

⁴ Гарегин Срвандзтянц. Сочинения, т. 1, стр. 76-77 (на арм. яз.).

⁵ Симон Амаякян, Лилит Симонян. «Город солнца». В кн. Столицы Армении, т. 1. Ер., изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2013, стр. 81 (на арм. яз.).

свидетелями, статистами и просто наблюдали за победным шествием сил мрака и несправедливости. Там же, на острове, размышляя об осуществлённой в этом городе вечного света ужасной резне армян, поэт написал стихотворение «На острове Ахтамар».

Свою знаменитую балладу «Ахтамар», в которой остров был лишь молчаливым свидетелем человеческого счастья и трагедии, Туманян написал ещё в 1891 г., когда его вдохновила услышанная от Тиграна Пирум-яна легенда, которая раскрывала этимологию названия острова Ахтамар, расположенного в озере Ван. Еще не видя ни озера, ни острова, поэт создал образ ревушей, грохочущей стихии озера Ван и отважного юноши, бросившего вызов этой стихии. Четверть века назад Туманян не просто описал чарующую природу и пленительную красоту озера Ван, но затронул и тему разрушения прекрасной любви и красоты со стороны «злонамеренных людей». В балладе милосердная и сострадательная природа противопоставлена озлобленности и ожесточённости людей¹.

Теперь же Туманян находился в воспетой им стране Васпуракан, на воспетом им озере Ван и острове Ахтамар. Теперь уже он столкнулся лицом к лицу с совершенно реальными варварскими деяниями жестоких, озлоблённых и не знающих жалости и милосердия людей. Поэта, ставшего невольным свидетелем и очевидцем резни, с новой силой волнует тема безграничной злобы людей, разрушающих красоту, грёзы и мечты. На острове Ахтамар он словно слышит роптанье Тамар, героини своей давней баллады, роптанья, причиной которого стала злонамеренность людей, извечное противостояние и борьба зла и добра. Образы прекрасной природы и кровавой резни пробуждают новые и противоречивые чувства в душе поэта. И выраженная четверть века назад трагическая идея получает на острове Ахтамар новое выражение и развитие.

17-го июня Туманян вместе с Ростомом Зоряном посылает телеграмму в Тифлис, центральному комитету Армянского национального бюро, и сообщает о положении дел в Западной Армении. «Полностью освобождены от резни Шатах, Хизан, Спаркет, Мокс, Мамртанк. Незначительная резня была в Айоц-дзоре и Тимаре. Полностью перерезано население Алд-жеваза, Арчеша, Беркри, Ахбака, Нордуза. Ван и окрестности переполнены беженцами. Есть крайняя нужда во всём» (10, 226).

На следующий день, 18-го июня, поэт встречается с молодёжью в большом и красивом саду Сафрастянов, куда его пригласила мать Саломе Джрбашян. В честь «известного кавказско-армянского поэта» эту встречу за чайным столом организовала молодёжная организация АРФД, членом которой, скорее всего, состояла Саломе Джрбашян. Разукрашенный фонарями сад, светящиеся изнутри деревья, звучащие всю ночь напролёт

¹ О преданиях и мифологических наслоениях баллады «Ахтамар» см. Эд. Джрбашян, «Баллады Туманяна», Ер., 1969 (на арм. яз.), а также В. Деврикан, История юноши, плывущего от берега к берегу и «Ахтамар», Сборник материалов межвузовской научной сессии «Ованес Туманян и современность», Ер., 2013, стр. 72-116 (на арм. яз.).

песни, музыка, танцы и чтение стихов произвели большое впечатление на всех участников мероприятия, в том числе и на Туманяна. Во время встречи прозвучало стихотворение поэта «В армянских горах» в исполнении учительницы гимназии Араксии Сафрастян¹, а «Келер-цолер» - в исполнении Заруи Сафрастян. Туманян подошёл и, протянув им руку, поблагодарил, сказал также «неспрычные слова благодарности» Саломе – как хозяйке дома и представительнице ванских женщин. Как свидетельствует сама Саломе, она была главным организатором вечера. «Помню, как вместе с группой женщин мы весь день готовились, напекли печеного, сладостей... В саду расположили огромные столы... Эта ночь встречи с Туманяном стала, можно сказать, большим народным праздником»². Каждое слово, произнесённое поэтом, производило неизгладимое впечатление. Саломе Джрбашян пишет: «Слова Туманяна были для меня очень дорогими и заветными, и я всегда, всю свою жизнь вспоминала их с гордостью и благодарностью»³.

Поэт был чрезвычайно тронут: после тяжёлых впечатлений, полученных «в мире руин и трупов», такой тёплый, искренний и сердечный приём окрылил его, а переживания и волнения этой встречи стали для него источником нового художественного вдохновения. В тот же вечер, во время перерыва, он уединяется на несколько минут и дорабатывает стихотворение «Тяжёлый камень перевёрнут...» и сам же декламирует его для участников встречи, так же как и другое только что написанное своё стихотворение – «На острове Ахтамар». Воодушевление, по словам самих гостей вечера, было поистине безграничным. Поэт говорил о трагедии своей родины, о страшных испытаниях и лишениях «Родины-матери», которая много веков находилась в нечеловеческих условиях, «под камнем» варварской тирании; говорил о жизнелюбии и стойкости народа, который после стольких бедствий и разрушительных смерчей и бурь стремится жить «честной и справедливой жизнью и надеждой»; говорил о необходимости продолжения борьбы, чтобы мечты и надежды народа наконец-то сбылись, стали явью.

Эти два стихотворения, написанные в течение первых трёх дней пребывания поэта в Ване, на первый взгляд, могут показаться проявлением его противоречивых настроений. Однако это не совсем так. В одном случае он констатирует вечный и непреходящий характер «грубого мира» и безвозвратно ушедших «разрушенных жизней», человеческой озлобленности и ожесточённости, а в другом – обнадеживает и говорит слова

¹ В дальнейшем, в 1919 г., Араксия Сафрастян написала воспоминания о пребывании Ов.Туманяна в Ване, прочитала их Деренику Демирчяну, затем на вечере, проведённом в школе Овнания и посвящённом 50-летию юбилею Туманяна, и лично вручила их поэту. Однако эти воспоминания, которые с большим волнением читали многие современники поэта, в том числе и сам Туманян, к сожалению, не сохранились.

² Туманян в воспоминаниях современников, стр. 679.

³ Там же, стр. 681.

утешения, пытается воодушевить и вдохновить читателя. Отчаяние и воодушевление – эти живущие в душе поэта полярные чувства становятся проявлением единства противоречий. Минуты отчаяния и разочарования во время частых встреч лицом к лицу с варварством и изуверством, и одновременно светящиеся надеждой слова, которые растворяют в себе, поглощают это чувство отчаяния и разочарования, потому что поэт не мог мириться даже с мыслью о возможной конечной победе зла, потому что он верил в необходимость и продуктивность победы со злом, потому что он как никто другой умел видеть и находить хорошее в плохом, свет в беспросветном, казалось бы, мраке. Для него отчаяние и разочарование без надежды и воодушевления было недопустимой роскошью. Этому во многом способствовала и суть исторического момента. Побудительным мотивом первого стихотворения – «На острове Ахтамар» – была резня, второго стихотворения – героическая самооборона Вана. Поэт хорошо осознавал историческое значение произошедшего. Он старался отвлечься, абстрагироваться от увиденных страшных картин резни и погромов, от услышанных душераздирающих и жутких историй и сдерживал непереносимую боль своей души, поскольку был свидетелем не только ужасающей трагедии своего народа, но и славной победы ванцев, которая обобщала в себе заветную мечту всего армянского народа о свободной, самостоятельной и независимой жизни.

Стихотворение «Тяжёлый камень перевернут» родилось из восхищения поэта высоким патриотизмом ванцев, их неукротимым духом, проявлениями выстраданного национального самосознания и героизма; а также из неуёмного желания поднять боевой дух жителей этого славного исконно армянского города, каждого воина-ополченца¹. Стихотворение можно рассматривать как призыв к единению нации – так же, как и написанное несколькими месяцами ранее программное стихотворение «Последний день».

В условиях судьбоносных исторических событий особенно обостряется необходимость быть «единодушными, солидарными». Примечательно, что именно эти слова прозвучали в обращении А.Екаряна к жителям Вана в самые роковые дни и часы самообороны города².

Как отмечает работавший в то время учителем Американской гимназии Вана Ованес Авакян, изначально, ещё до встречи с поэтом, им казалось, что после увиденных ужасающих и душераздирающих сцен резни и погромов мирного армянского населения сердце Туманяна не выдержит, «износится», что он будет окончательно разбит и растерян, однако во время упомянутой встречи и чаепития участники вечера были крайне

¹ Оба стихотворения Туманяна, написанные во время его пребывания в Ване, были впервые опубликованы в издававшейся в городе еженедельной газете «Ашхатанк». См. «Ашхатанк», Ван, 1915, N27, 24-го июня.

² Подробнее об этом обращении см. далее, в подзаголовке «Героическая самооборона Вана и её отклики в произведениях Туманяна».

удивлены, увидев преисполненного жизненной энергии, веры и надежды поэта и, тем более, услышав его «цельное и ёмкое напутственное слово», в котором «прежде всего был замечен настоящий армянин. Таким и был Туманян, который с улыбкой на лице обращал во все четыре стороны свой взгляд скромного человека»¹.

Каждому было понятно, что это стихотворение поэта получилось более сильным, выразительным и жизнеутверждающим, преисполненным большей веры и надежды в завтрашний день армянского народа. Поэт видит и показывает, как храбрая дружина армянских добровольцев катит давящий камень, побеждает безжалостного тирана, но вдруг армянский народ, который, кажется, был уже окончательно разбит, восстаёт из-под камня, подобно птице феникс, и из могилы выскальзывает фея победы, к которой обращены слова поэта, слова, которые впервые были опубликованы в Ване, в еженедельнике «Ашхатанк», но впоследствии не были включены ни в одно из академических изданий произведений Туманяна. В известном сегодняшнему читателю варианте этого стихотворения вообще нет ни слова о фее победы. Из-под камня, скрывавшего «неисчислимыя разрушения», выходит только «наш мир» – с «заплаканными», но при этом полными жизни, добрых и светлых надежд глазами. Живущий «в нашем мире» народ имеет благородную и возвышенную душу, которая каждым своим устремлённым ввысь порывом стремится к жизни, в которой расцветают «избранные народы и нации» (1, 276). Однако, как это видно из первой публикации стихотворения в еженедельнике «Ашхатанк», в раннем, предварительном варианте произведения представлен образ феи победы, к которой и обращены следующие слова поэта:

«Мои песни летят ей навстречу,
Мои грёзы весело танцуют вокруг неё,
И я также лечу, опьянённый своим счастьем,
И жизнь кажется лёгкой мечтой».²

(Подстрочный перевод)

Туманян говорит подбадривающие, воодушевляющие слова участникам героической самообороны Вана, в особенности тем женщинам, которые всячески поддерживали своих мужей и братьев, обеспечивали тыл ополченцев, защитников города, осуществляли живую связь между позицией обороны и городом. Слово поэта было весомым и слышимым, оно звучало как напутственная речь человека, взявшего на себя ответственность за судьбы родины. Это была речь, исполненная родственного тепла и отеческой ласки и нежности. Слово поэта было доходчивым и воздействующим, потому что он искренне верил в то, что его народ шёл

¹ Еженедельник «Ашхатанк», Ван, 1915, N27, 24-го июня.

² Там же.

на свой последний бой и был близок к тому, чтобы увидеть осуществившейся свою вековую мечту об освобождённой и независимой родине.

Корреспондент газеты «Ашхатанк» в своей заметке уверял читателей, что молодёжь Вана в эти тяжёлые и судьбоносные дни испытала счастливые минуты, получив возможность пообщаться в непринуждённой обстановке со своим самым любимым поэтом, с «провозвестником борьбы и зачинателем армянской мысли» - Ованесом Туманяном. Это счастье общения было обусловлено тем, что рядом с ними находился «порождённый недрами нашей литературы гений – Туманян, немного постаревший, но с горящими глазами, оживлённый, подвижный, бодрый и нежный, с детской душой, осенённый Святым Духом»¹.

Поэт подробно ознакомился с окрестностями Вана, с посёлками Ша-тах, Айоц-дзор, Алджаваз, Арчеш, Тимар, Гяваш, Карчкан, которые также вели неравную борьбу с турецкой регулярной армией, оборонялись в меру своих сил и возможностей. Многого узнал поэт и о патриотической деятельности героев и видных защитников Вана, о подвигах А. Екаряна, Кайцак Аракела, Булгарацци Григора, Арама Манукяна, Габриэла Семирджяна, Гранта Галикяна, Фаноса Терлемезяна.

С исключительным вниманием и большим восторгом выслушивал Туманян подробные рассказы обо всех самоотверженных подвигах жителей Вана, о беспримерном мужестве защитников города и стратегических и тактических уловках организаторов его самообороны. С чувством большой гордости за своих отважных соотечественников узнал поэт и о том, как сын Саломе Акоп Джрбашян и Арпиар Сафрастян спасли жизни трёхсот армянских детей. Им удалось допьяна напоить и усыпить турецких солдат, пришедших накануне сражения в пригород Вана Вараг с целью похитить детей, а затем тихо и молча вывести учащихся гимназии-интерната и тайными горными тропами довести до Вана. На следующий день рассвирепевшие и обманутые турки разграбили до основания монастырь Варага и убили монастырских служащих.

В Ване поэт провёл всего две недели. В течение этого времени он успел побывать в трёх школах города – Центральной, Еремян, Сандхтян; выяснил во всех подробностях и деталях историю самообороны Вана в апреле и первых числах мая; лично познакомился со многими участниками этого кровопролитного и сурового противостояния, в особенности, с женщинами, которые обеспечивали ополченцев одеждой, горячей пищей и создавали живую связь между домами города и линией обороны. Таких встреч и заинтересованных бесед с жителями Вана у поэта было более чем достаточно. В своих беседах Туманян не только подбадривал и воодушевлял ванцев, но и сам воодушевлялся и укреплялся духом, видя проявления высокого национального духа, патриотизма и человеческого достоинства, выслушивая истории, свидетельствующие о жизнестойкости и

¹ Там же, N28, 1-го июля.

мужественности его соотечественников, об их безграничной любви к своей родной земле, родному краю.

Еженедельник «Ашхатанк» посвятил несколько своих номеров пребыванию Ованеса Туманяна в Ване. Редакция газеты подготовила два материала о Туманяне для номера 24-го июня, однако из-за перегруженности издания другими срочными, оперативными материалами для статей о поэте в этом номере не нашлось места¹. Тем не менее, передовая статья еженедельника уведомляет читателей, что в следующем номере будут опубликованы статьи и материалы, посвящённые визиту поэта в Ван и его творческой деятельности². И действительно, в следующем номере публикуются статьи Ов. Мхитаряна «Поэт с нами» и Ов. Авакяна «Поэт, протянувший нам руку»³.

Как отмечает Мариам Овсепян в своей статье «Отголоски западно-армянской периодики на путешествия Ов. Туманяна в Западную Армению (в 1915 и 1921 гг.)», «жители Вана ожидали встречи с Ов. Туманяном с сердечным трепетом. «Ашхатанк» опубликовал материалы в связи с визитом поэта. В них выражены любовь и почитание ванцев к Туманяну-человеку и писателю»⁴.

И действительно, в ванском еженедельнике «Ашхатанк», который не прекратил своей деятельности даже в эти суровые и ужасающие дни, читаем: «Для нашего народа было вековой заветной мечтой увидеть границу рассечённой мечом армянских добровольцев, преграды – разрушенными перед нами, Кавказ – расстелившимся перед нами, и чтобы армяне отныне не делились на турецкоподданных и русскоподданных, а были просто армяне»⁵.

Туманяна называли «воспитателем молодёжи и пророком, провозвестником борьбы и знаменем свободы»⁶.

Ов. Мхитарян с статье «Поэт с нами» рассказывает о впечатлении, которое он получил при чтении «Давида Сасунского» Туманяна, и о том, что ещё с детских лет благодаря поэту верил, что Давид проживает в высоких горах Сасуна и должен продолжить свою героическую борьбу. «Земля задрожит, затрепещет от рокота сражения, и Давид своей огромной палицей наконец-то опрокинет наземь Мсра Мелика»⁷.

По словам автора статьи, Туманян являлся той самой прочной и роскошной колонной, на которую спокойно опиралось прекрасное, замечательное здание армянской литературы. Он от имени всех жителей Вана

¹ Там же, N27, 24-го июня.

² Там же.

³ Там же, N28, 1-го июля.

⁴ Ованес Туманян и современность. Сборник материалов республиканской межвузовской конференции (29 мая – 2 апреля 2013 г.). Ер., 2013.

⁵ Там же, N28, 1-го июля.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

заверяет, что все они с детских лет воодушевлялись и восхищались творчеством поэта. Во всех школах Вана программными произведениями были «Пёс и Кот», «Погос-Петрос», «Гикор». В Ване прекрасно знали в особенности «Старинное благословение» Туманяна, его поэмы и легенды. Учитель одной из ванских школ Арташес Солахян всегда на выпускных мероприятиях напутствовал учащихся словами из стихотворения «Старинное благословение»: «Живите, дети, но не так, как мы...». Всего лишь немного дней спустя А.Солахяну предстояло принять мученическую смерть от турецких изуверов и стать ещё одной жертвой Геноцида.

Имея в виду напряжённую национальную общественно-политическую жизнь, полную трудностей, трагических событий, жители Вана слова поэта «Живите, дети, но не так, как мы...» воспринимали как облачённую в стихотворную форму молитву-напутствие. И вот теперь автор «Старинного благословения» приехал к ним лично, чтобы воодушевлять, говорить им жизнеутверждающие и дышащие оптимизмом слова, чтобы поощрять их, окрылять верой и надеждой на то, что их правое и справедливое дело увенчается успехом, что их борьба в конечном итоге завершится победой, потому что зло не может продолжаться вечно и когда-нибудь должно уступить место добру. При этом поэт своим личным примером показывал им, что каждый армянин должен чувствовать свою ответственность за судьбу своей родины, отчизны. Времена изменились, и сегодня уже нельзя мириться с существующим положением дел, нельзя жить так, как жили вчера.

По свидетельству автора статьи, произведения Туманяна среди жителей Вана всегда пользовались огромной любовью и поистине всенародной популярностью, повышали национальное самосознание, побуждали к подвигам. В те самые дни, когда ещё не зарубцевались раны после кровавой резни, когда ещё не прошла острая, пронизывающая боль и скорбь по потерям многочисленных отважных бойцов, защитников города, когда у всех перед глазами ещё стояли силуэты горящих в огне армянских церквей, и отсвет пожаров освещал ночную тьму, в холодных рвах и траншеях отважные армянские ополченцы, по свидетельству Ов. Мхитаряна, повторяли про себя строки стихотворения «Армянское горе»¹. А когда в минуту отчаяния армянские воины с неизбывной тоской смотрели в сторону армянских гор, то в тылу раздавался обнадеживающий голос Поэта всех армян, и на этот раз уже им слышались строки стихотворения «В армянских горах»:

Глядим, не сводя тоскующих глаз
На сумрак земли,
На звезды вдали, -

¹ В своей публикации автор путает строки указанного им стихотворения и приводит строки другого произведения Туманяна. См. «Ашхатанк», Ван, 1915, N28.

Когда же рассвет заблещет для нас
В армянских горах,
В зеленых горах?!

(Пер. Н.Сидоренко)¹

Автор статьи обращается также к стихотворению «Тяжёлый камень перевёрнут...», прочитанному Туманяном 18-го июня на встрече с молодёжью Вана, причём его особенно интересуют строки, содержащие призыв к национальному единению.

Эй, парни, джан, плечо к плечу!
Объединитесь, будьте вместе,
Эй, парни, джан, сильней, сильней!
Камень вот-вот покатится².

(Перевод подстрочный)

По-видимому, Ов. Мхитарян либо выучил наизусть последние строки стихотворения, либо, что более вероятно, записал их на вечере; во всяком случае, в своей публикации он приводит эти строки точно, без какой-либо ошибки или пропущенных слов.

Туманян повсюду в Ване удостоивается больших почестей, его везде принимают с большим радушием, оказывают гостеприимство. Все считают его самым дорогим гостем, самым великим армянином.

Ов. Авакян в своей статье «Поэт, протянувший нам руку» провозглашает Туманяна поэтом, который родился из недр народа, вскормлен и воспет народными песнями; поэтом, который прославил предания и народное творчество своего народа. Туманян, по его убеждению, «высвободил из мавзолея забвения» армянские героические и патриотические песни, доведя их до самых вершин словесного искусства³.

В течение 15-16 дней, проведённых в Ване, Туманяну оказывал гостеприимство, сопровождал повсюду, показывал достопримечательности города, знакомил с историческими памятниками известный армянский живописец Фанос Терлемезян. Он одновременно был одним из героев армянского национально-освободительного движения. Так же, как и Туманян и многие другие представители армянской интеллигенции той эпохи, Терлемезян подвергался политическим преследованиям. В годы обучения в Петербурге он по требованию султана Гаида был арестован

¹ Ов. Туманян, Избранное, М., «Художественная литература», 1988, стр. 294.

² «Ашхатанк», Ван, 1915, №28.

³ Там же.

царской охранкой во время поездки в Эстонию и содержался в разных тюрьмах Российской империи – в Москве, Петербурге, Ростове, Тифлисе, Ереване.

С первых дней Первой мировой войны Терлемезян находился у себя на родине, в стране Васпуракан. Зов родины заставляет его в это судьбоносное время быть рядом со своими соотечественниками. Живописец несколько раз пересекал границу и переходил из Вана в Персию, закупал там оружие и перевозил в Ван и близлежащие сёла. Он очень метко стрелял из ружья, был одним из организаторов самообороны Вана в апреле-мае 1915 г. и в качестве снайпера своими меткими выстрелами уничтожил многих турецких офицеров и высокопоставленных военных, в том числе и Нури-пашу. И вот теперь он повсюду сопровождал Туманяна.

Терлемезян познакомился с Туманяном ещё 11-го декабря 1905 г., во время художественной выставки, организованной в Тифлисском храме Парац. Они сразу же подружились, и Терлемезян стал частым гостем в доме писателя, который, по определению самого художника, был «местом встреч для людей искусства». Именно там, в знаменитом «Вернатуне», художник прочитал для Туманяна и его гостей-писателей свои переводы, сделанные из персидского поэта Баба Тахира Урьяна и удостоился поощрительных оценок, в том числе и очень взыскательного и скупого на похвалы хозяина дома.

Год спустя после этого, летом 1906 г., Терлемезян вместе с живописцем Александром Мирзояном находился в Лори: художники рисовали этюды. На этот раз Терлемезян гостит в отцовском доме Туманяна. И несмотря на то, что в это время поэт был занят урегулированием армяно-татарских межнациональных столкновений, тем не менее, он находит время, чтобы показать Терлемезяну и его друзьям – Александру Мирзояну и инспектору одной из русских школ Тифлиса, достопримечательности Лори: руины церкви Сурб Григора, монастыри Санаина и Ахпата и т.д. Поэт с гордостью показывал гостям родную лорийскую природу, горы и долины, леса и ущелья, речку Марци. Впечатления, полученные от природы этого края, нашли выражение в картинах Терлемезяна «Лорийский пастух», «Паперть монастыря Санаина» и других.

И вот через девять лет наступила очередь Терлемезяна. Теперь уже он оказывал гостеприимство поэту в своём родном краю, в своём отчем доме, сопровождал друга по обширным прекрасным садам Айгестана, по покрытым коврами цветущих полей горным склонам Сурб Хача, показывал ему Дверь Мгера, неприступную крепость урартской эпохи (девятого века до н.э.). Здесь поэт взобрался на оставленную турками пушку и стал любоваться замечательными видами Вана и его окрестностей – Артоса, Егерова, горным хребтом Варага, лесами и садами долины Анкуйс, озером Ван и горой Немрут. В городе Ване было более двухсот источников минеральной воды. Можно не сомневаться, что Туманян отведал

также яблок Артамета, которые пользовались славой лучших яблок во всей Армении.

Поэт выразил своё восхищение и удивление художнику, когда последний сопровождал его и показывал достопримечательности города. «Послушай, друг, - сказал Туманян, - как могло так случиться, что мы до сих пор не видели эту нашу бесподобную страну?»¹. Но и без этих слов восхищение и восторг влюблённого в природу писателя были более чем очевидны для каждого. Терлемезян пишет: «Когда мы, сидя в беседке во дворе нашего дома, шутили за накрытым столом, то даже в эти минуты душевного застолья Ованес ненасытным взглядом рассматривал пространные сады Айгестана, разнообразные плодовые деревья и кустарники которых на разных расстояниях и самым причудливым, фантастическим образом переплетались друг с другом. Покрытые зеленовато-голубыми и разноцветными долинами горы Сурб-хача, хоровод ароматных садов Артамета с плещущимися волнами озера навевали на него мечты»².

У художника создалось впечатление, что «перед воображением Ованеса предстал в это время персидский ковёр 14-го века, вытканый под воздействием китайского искусства... Этот дивный вид, в котором, казалось бы, смешались друг с другом боги и райские кущи, обрёл их на каменное молчание. С юга были заметны Артос и горный хребет Егерова... С востока двуглавые горы Варага... тянулись с юга на север, подобно надевшим пару фиалковых хламид драконам...

Солнце стало склоняться за Немрут, и озеро сверкало своими желтоватыми и серебристыми волнами.

Я привёл в чувство зачарованных Ованеса и Хунунца и сфотографировал их в нескольких ракурсах. Мы спустились вниз из крепости, и наша карета устремилась в сторону Айгестана»³.

Можно не сомневаться также в том, что во время своего пребывания в Ване Туманян не упустил случая, чтобы побывать в церквях города. Из пяти церквей Айгестана неразрушенными оставались две – Арарк и Норашен, а в Кахакамече было семь церквей, из которых шесть были действующими. Это церкви С. Ншан, С. Погос, С. Тирамайр, С. Вардан, С. Циранавор и С. Саак⁴.

Туманяна также интересовали обычаи, быт и традиции ванцев, и он с удивлением заметил, что «в Ване нет ни одной бани» (8, 396). Разумеется, к тому времени все бани были уже разрушены, и об этом есть множество свидетельств и упоминаний рассказанных чудом спасшихся очевидцев геноцида. Шушаник Тутунджян так рассказывает о наиболее известных банях Вана: «В городе Ване было три бани, которые были

¹ Туманян в воспоминаниях современников, стр. 567.

² Там же, стр. 566.

³ Там же, стр. 566-567.

⁴ Ваник. Город Ван, топонимическая и экономическая статистика. «Бюракн», К.Полис, 1899, N38-39, стр. 608.

очень хорошие. Люди шли с утра, мылись там, обедали, а вечером возвращались. В бани часто ходили на смотрины невест, чтобы рассмотреть их телесные достоинства. Там назначались встречи, велись беседы»¹.

Из Вана Туманян выезжает в конце июня 1915 г., вероятно, 25-го или 26-го июня. 29-го июня он доезжает до Игдыра. Поэт возвращается с очень тяжёлыми впечатлениями, физически и духовно истощённый, вымотанный, больной и обессиленный.

По дороге Туманян продолжал вести дневниковые записи, вносил в записную книжку различные истории и рассказы армянских беженцев. В записных книжках поэта встречаем очень краткие пометки, которые он делал преимущественно на основании фактов, услышанных от беженцев, либо записывал свои собственные наблюдения.

На острове Ахтамар поэт делает следующую запись по рассказу помощника Керы Джаллада: «Вардан, Хечо и вардапет Даниэл во время переправы на остров Ахтамар видят тонущего в озере ребёнка. Отец сидит на берегу, не входит в воду, а мать не может сдвинуться с места, настолько обессиленна» (8, 397).

Ужасающие истории резни не давали покоя тем, кто её пережил, и особенно детям. Нескольких эпизодов, рассказанных чудом спасшимися участниками этих трагических событий, вполне достаточно, чтобы создалось общее представление о том, о каких ужасах был наслышан поэт во время этого путешествия, какие новые впечатления и истории прибавились к предыдущим, уже увиденным и записанным впечатлениям и историям. Все эти свидетельства особенно важны и ценны ещё и потому, что приводились по свежим следам, практически в те же самые дни, когда совершались эти невиданные и неслыханные до того времени зверства и жестокости. Фактически поэт не только слышал эти ужасающие истории, но и видел, читал их в глазах рассказчиков, в беспрестанно проливаемых или уже застывших, окаменевших слезах, чувствовал ужас в трепете, в дрожащей тональности голоса, замечал этот ужас в каждом движении. Поэт слышал их бессильные проклятия, обращённые к турецким варварам и изуверам, жалобы, обращённые к Богу, допустившему весь этот ад, эти беззакония и беспредел. Слышал он и благодарные молитвы за каким-то чудом спасшихся и выживших детей и родных, видел в глазах и в душах людей всё более и более усиливающийся страх и ужас, который навсегда останется с ними и будет преследовать их всю оставшуюся жизнь.

Вот всего лишь несколько из многочисленных душераздирающих историй, которые рассказали впоследствии очевидцы Геноцида, армянские сироты, которым в страшные дни резни было от трёх до десяти лет.

¹ Там же.

Сирак Манасян (8 лет): «5-го марта 1915 г. мы услышали сильные залпы артиллерии. Народ собрался на площади и пошёл, собрался в церкви...

Армянское село Кьюкьянц... Каждый день турки ловили армян – на наших глазах вешали или убивали. Одним из них был мой дядя Петрос... мы поднялись на вершину горы... Мы видели, что каждое утро турецкие дети – маленькие ублюдки приходили, начинали стрелять по какой-то мишени. Когда турки ушли, наши ребята спустились и подошли, увидели, что этой мишенью была голова моего дедушки. Безжалостные турки живьём закопали моего деда в землю, голову оставили снаружи – целились в неё и стреляли. ...Не могу забыть 1915 год, когда мы прошли горами, селениями; был месяц март, шли дожди, выла метель, было ужасно холодно. Последним селением, которое вело к Варагу, был Бердак. Там на улицах мы увидели обнажённых, убитых людей, которые раздулись, тела их разложились. Всюду стоял смрад. Мы прошли через всё это в направлении Варага. На рассвете в горах турки, которые заняли позиции, увидели нас и стали стрелять в нас...»¹.

Ншан Абрамян (7 лет): «Нас всех завели в хлев, собирались сжечь. Приходили, отбирали красивых армянских женщин, насильно уводили, поэтому они покрывали свои лица грязью, сажей, чтобы их не похищали. Перед хлевом протекала река, многие женщины из нашей группы, обняв своих детей, бросались в воду. Многие так погибли. Курды видели их трупы, длинными железными прутьями протыкали их тела, чтобы выяснить, живые они или мёртвые, чтобы ограбить... Когда мы уже достаточно отошли от села, они начали стрелять в нас, всех перебили. Среди трупов меня не заметили, вероятно, не обратили внимания, грабить было нечего. Так я вышел, попал в поле. Увидел убитых молодых мужчин одного возраста, уложенных в ряд. Головы отрезали и положили на одной линии, а тела – на другой. Как выяснилось, это были армянские юноши, призванные в армию. Их тела подверглись надругательствам. У одного был выколот один глаз, отрезан нос, отрезано ухо, на бёдрах были открыты карманы, руки засунуты в них; член был положен в рот. Я проходил через эти трупы. Трупы вздулись, были словно надутые. Что произошло со мной дальше, не помню»².

Макруи Саакян (8 лет): «В 1915 г. ...турки ворвались в наш дом... нас, семерых детей собрали в сеновале. Моя тётя, жена моего дяди, убежала из дома с ребёнком на руках, её поймали и убили. У меня был девятилетний брат... турки увели его, отуречили. Красивых девочек сажали в повозки, увозили. Детей поднимали на штыки и бросали на землю – убитыми. Матерей сажали в повозки, увозили...

¹ [http://www.armeniapedia.org/index.php?title=The Armenian Genocide: Testimonies of the Eye-Witness Survivors - Testimonies 1-49](http://www.armeniapedia.org/index.php?title=The_Armenian_Genocide:_Testimonies_of_the_Eye-Witness_Survivors_-_Testimonies_1-49)

² Там же.

Восьмилетнюю дочь нашего соседа, которая отошла от родителей, три турка изнасиловали прямо во дворе. Мы видели из стога сена. И она умерла через час...

Из нашего рода очень немногие добрались до Армении... Саак спрятался в стоге сена, смотрел, что происходит у них во дворе. И увидел, как его отца подняли из постели в кальсонах, привели к нему трёх связанных сыновей и заставляли отца, чтобы он убил своих сыновей. Отец не стал стрелять. Турки привязали его к дереву. У троих мальчиков вырвали зубы и заколотили во лбы, вырвали ногти, изрезали им лица штыками и всех троих таким образом замучили до смерти, а затем убили их отца...»¹.

Казар Геворкян (8 лет): «Наше село (село Хиндстан Айоц-дзора) сопротивлялось. Но что могли сделать двадцать-тридцать человек против турецкого и курдского отребья? Они насильно загнали население нашего села в дома, подожгли и мужчин, и женщин, не щадили грудных детей. Турок-янычар, заколов ребёнка штыком, бросал его на пять-десять метров и стоял и любовался делом своих рук»².

Сильва Бюзандян (7 лет): «Турки убивали всех подряд, всех, кто встречался на пути. Отрубали людям руки, ноги, вбивали в лоб гвозди, выкалывали глаза. Детей убивали на глазах родителей, родителей – на глазах детей. И получали от этого удовольствие, видя всё это»³.

Замечательной исполнительнице народных, ашугских песен, известной певице Шогик Мкртчян в 1915 г. было всего четыре года. Турки убили у неё на глазах её деда, и его мученическая смерть, подобно клину, глубоко вонзилась в её детское сознание. В своих воспоминаниях она пишет: «Турки повесили моего любимого деда перед нашим домом и убили таким образом. Я дожила до этого возраста и до сих пор не могу забыть эту ужасную сцену. Турки также отрезали язык моему отцу, и он умер на месте. Я помню эту ночь, это была ужасная ночь, когда турки уже врывались в дома и резали, убивали мирных армянских крестьян»⁴.

Ованес Туманян также был одним из тех, кому довелось пережить Геноцид, потому что он был очевидцем ужасающих картин резни и погромов. Вероятно, наиболее страшной, ужасной дневниковой записью является его наблюдение об увиденных последствиях резни, изложенное на бумаге 29 июля в Игдыре. Он в двух строчках пытается обобщить свои впечатления от увиденного и услышанного. Поэт свидетельствует: «Турки и курды, занимаясь резнёй в армянских селениях, каждый раз придумывали новые формы – в одном месте распинали и забивали или сжигали, как, например, в Горцоте и Тирамерике, в другом месте вспарывали животы и придумывали разные игры со внутренностями, наматывали киш-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

ки на шею и на ноги, где-то резали, ещё где-то связывали людей вместе и сбрасывали в реку (Абага, мост Беркри), в другом месте (Хндзоркен, более ста домов) всех поголовно, детей и женщин, повесили в их домах на брёвнах балок (мужчин убили в долине)” (8, 401).

В каждой строке этой записи сконцентрированы и спрятаны тысячи трагических историй тех дней, каждая из которых прошла через сердце поэта и за каждую из которых он чувствовал свою личную ответственность. Если каждый из рассказчиков и очевидцев был обречён пронести через всю свою сознательную жизнь боль и страдание от увиденного, то Туманяну предстояло всю оставшуюся жизнь нести в своём хрупком сердце всё “безбрежное море армянского горя”, боль и утрату каждого армянина. Резня, геноцид продолжались, и он должен был без конца, изо дня в день, на протяжении нескольких лет, отведённых ему земной жизнью, выслушивать всё новые и новые душераздирающие истории. Иногда он просто не выдерживал, вставал и, ничего не говоря, уходил, потому что хотел убежать, хотел ничего не видеть и не слышать, но был бессилён перед человеческим варварством и чудовищной несправедливостью.

История человечества является также историей войн. Сильные всегда стремились установить господство над слабыми, отобрать у них имущество, страну, поработить их. И всегда, во все времена жестокость сопровождала человека, причём не только во время войн. Но то, что произошло с армянским народом в годы Первой мировой войны, было выше человеческого представления, воображения. Проявлять “творческий подход”, “придумывать игры со внутренностями”, чтобы получать больше удовольствия от крови и мучений своих жертв, от детских воплей и физических и нравственных страданий, от их ужаса; ликовать, убивая грудных детей, заставляя родителей убивать своих детей и много-много других невиданных и неслыханных в истории человечества жестокостей должно было быть присуще, казалось бы, только имеющим душевные отклонения отдельным маньякам, но не всем. Между тем, турки и курды в массовом порядке предпринимали специальные усилия, чтобы сделать резню и погромы как можно более “интересными и разнообразными”, чтобы затем с гордостью заявлять о придуманных ими изощрённых формах убийства людей. Мозг этих нелюдей работал в одном-единственном направлении: “В одном месте вонзали штыки в животы, рубили головы топорами” (8, 405). В Муше сжигали людей семьями в их же домах (8, 407).

Если даже сегодня, более столетия спустя, при чтении рассказов и историй о подобных истязаниях у человека каждый раз проходит по телу дрожь и становится не по себе, то что должен был испытывать Ованес Туманян, как должно было реагировать его чувствительное сердце, когда он выслушивал всё это от ещё не оправившихся от шока и боли очевидцев, когда он повсюду видел следы и последствия кровавых вакханалий вражеского отребья. Но писатель мужался, крепился, его скорбящее сердце

находило силы, чтобы выдержать, вынести выпавшие на долю его народа невероятные, поистине нечеловеческие испытания и страдания. И он смотрел, выслушивал и записывал всё новые и новые истории людей, ставших очевидцами кровавой резни и геноцида, чудом спасшихся от трагической участи своих родных и близких.

Сталкиваясь на каждом шагу с последствиями войны и резни армян, с жестокими и кровавыми злодеяниями своих вековых врагов, которые в представлении поэта были хуже зверей, Туманян записал в своём дневнике, как в Битлисе турки и курды собрали всех мальчиков старше семи лет, “сосредоточили в казармах и каждый день выводили по двести человек из города, заставляли рыть для себя большие ямы” (8, 402). Таким вот образом они живьём закопали детей и подростков в ими же самими вырытых могилах... Подобным же образом они поступили в Датване и его окрестностях, но на этот раз использовали в качестве могил ямы для хранения пшеницы. “Опорожнили ямы с пшеницей, бросили туда людей, накрыли” (8, 403).

Лично, лицом к лицу встретившись с человеком-зверем, с “бывшим людоедом”, который в своём развитии преуспел настолько, что “стал лишь убийцей”, писатель убедился, что враги убивали армян не только по той причине, что было необходимо завладеть их родиной, их землёй и имуществом, и не только по той причине, что нужно было раз и навсегда решить так называемый “Армянский вопрос” в международных инстанциях, поскольку если не будет армян, то и не будет “Армянского вопроса”, но и потому, что в пришлых соседях говорила инстинктивная зависть и ревность к более развитому и талантливому народу, имеющему древнюю историю и культуру, преуспевающему в торговле, в сельском хозяйстве, в ремёслах. И к этой зависти и ревности добавлялось чисто звериное, первобытное, атавистическое удовольствие, ликование и радость от вида крови, от доставляемых жертвам физических и нравственных страданий и мучений. Не поэтому ли убийцы стали стараться разнообразить свои злодеяния, всячески изощрялись, чтобы убивать было “интереснее”, чтобы можно было подольше терзать беспомощных и беззащитных, не способных дать отпор людям, чтобы их жертвы не просто умирали, а умирали в адских мучениях, в долгой агонии. Вот такие были эти “новаторы”, “эстеты убийства” и такая была у них “эстетика”, представление о “прекрасном”. В своём представлении они были первопроходцами, создателями “образцового” учебного пособия по убийству и истязанию людей, которым впоследствии смогут воспользоваться другие поколения убийц и садистов.

Боль и горечь Туманяна была тем более глубокой, что он прекрасно знал, что путь от “полужверя до человека” очень и очень долог, что ждать этого превращения придётся “ещё не меньше миллиона лет”. Забегая вперёд, скажем, что каких-нибудь три года спустя, в первых числах 1918 г. его окончательно сразит горестное известие о трагической гибели от рук

таких же нелюдей его любимого сына Артавазда, Артика. А за месяц до получения этого злосчастливого известия поэт напишет своё самое мрачное четверостишие:

Стал много совершенней белый свет:
Стал лишь убийцей бывший людоед.
Он – полужверь, ему до Человека
Ещё не меньше миллиона лет.

(Пер. Н. Гребнева)¹

Можно только удивляться, как хрупкое и чувствительное сердце поэта выдерживало всё это, однако он не только не теряет рассудка, но и сохраняет самообладание, душевное равновесие, и размышляет о суде истории. Даже в эти хаотические и сумбурные дни он предпринимает конкретные действия, чтобы выставить неприятелю счёт за весь нанесённый урон и, не опускаясь до его уровня и не требуя мести и возмездия, наказать его вполне цивилизованными методами и потребовать компенсации. А для этого, по его убеждению, свидетельства, факты и документы будут нужны истории значительно больше, чем эмоциональные описания самых ужасных сцен резни и геноцида. Ни секунды не сомневаясь, что палачи усыновят политику огульного отрицания даже самых очевидных фактов, он начинает собирать статистические данные – с тем, чтобы когда-нибудь, в один прекрасный день вызвать свирепого неприятеля на суд истории и предъявить их ему, заставить его заплатить по всем счетам. Последние дневниковые записи, сделанные Туманяном в Ване, относятся к численности жертв геноцида. Представленные им данные о человеческих жертвах в 416 армянских селениях Ванского вилайета за один только апрель 1915 г. дают достаточно красноречивое представление о масштабах произошедшей общечеловеческой трагедии².

Туманян собирает также данные о человеческих жертвах в городе Битлисе Битлисского вилайета³, о потерях в 297-и селениях Лиз-копа,

¹ Там же, стр. 351.

² Согласно статистическим данным, сообщаемым Туманяном, в селе Карчкан и тридцати пяти других селениях Ванского вилайета были убиты 7000 армяни; в восемнадцати селениях Каркара резне подверглись 5000 человек; в сорока пяти селениях Мокса – 12000 человек; в сорока пяти селениях Агбака из 14000 жителей была перебита половина, то есть 7000 человек; в 62-х сёлах Шатаха были убиты 15000 человек; в 22-х сёлах Нордуза – 7500 человек; в 32-х сёлах Айоц-дзора – 2300 человек; в 16-и сёлах Хошаба – 7000 человек; в 32-х сёлах Аршака – 15000 человек; в 35-и сёлах Тимара – 27000 человек; в 18-и сёлах Беркри – 7000 человек; в 30-и сёлах Агджаваза – 14000 человек; в 18 сёлах Арчеша – 6500 человек; в восьми сёлах Абага – 3000 человек (8, 403).

³ Согласно данным Туманяна, 27 сёл Спаркертского района Битлисского вилайета дали порядка шести-семи тысяч жертв; 18 сёл Хизана – 5000; 18 сёл Шенидзора – более 8000; в городе Битлисе из 18-тысячного населения было перебито 1000; в 45-и сёлах Гёзалдара из 15-тысячного населения не спасся никто, все были перебиты; в 35-и сёлах были убиты 1200 человек; в 25-и сёлах Мамртанка из населения в 7000 были перебиты 5000; в 18-и

Падноса и тринадцати других районов, а также о численности жертв в 27-и сёлах Алашкертского района, в 10-и сёлах районов Диадина и Баязета, в 18-и сёлах Басенского района. Кроме того, Туманян удостоверяет наличие сотен тысяч исторических памятников – каменных свидетелей того, что исконными, аборигенными жителями и хозяевами этой территории, этих городов и сёл являются армяне, создавшие эти артефакты, эти исторические памятники. Изгнавшие, перебившие их и занявшие их дома кочевые племена турецких и курдских пришельцев веками методично и целенаправленно уничтожали языческие и христианские армянские памятники. Туманян пишет: “Курдские деревни, турецкие деревни, а в них – кресты, церкви, армянские кладбища, вот долины Баязета и Алашкерта, поле Абага, район Беркри – везде и всюду, везде и всюду, и не удивительно, что путешественники в последние века насчитывали 95% армянского населения” (7, 579).

Все приведённые выше и другие многочисленные дневниковые записи Ованеса Туманяна и сегодня не утратили своего значения в качестве исторических документов и свидетельств очевидца, поскольку справедливая компенсация, признание имевшего место Геноцида армян в Османской империи всё ещё остаётся неосуществлённым стремлением нашего народа. И поскольку геноцид как явление – это преступление против всего человечества, то современным историкам, политическим деятелям, дипломатам, юристам и правителям великих держав предстоит проделать немалую работу в этом направлении. Из сегодняшнего столетнего далека труд Туманяна, тщательно и скрупулезно собиравшего по крупицам информацию о жертвах резни и погромов, насильственной депортации коренного населения Западной Армении, просто недооценим. Поэт оставил, донёс до нас документальные материалы, в которых мы находим чрезвычайно ценные статистические данные, собранные и записанные «по горячим следам», в те самые трагические, судьбоносные для армянского народа дни.

Впечатления, полученные во время второго своего путешествия в Западную Армению, Туманян выражает в статье «В стране руин и тропов», которая так и осталась в черновом варианте, потому что у писателя не нашлось ни времени, ни сил, чтобы завершить и доработать её и опубликовать в периодике.

сёлах Бохтана из населения в 3000 было убито 1000 человек; в 12-и сёлах Барвара из населения 7000 было убито 1000 человек; в 17-и сёлах Сгерда из 7000 было убито 1500 человек; в 15-и сёлах Муша были убиты 2000 человек; в 35-и сёлах Буланыха из 16000 было убито 5000 человек; в 28-и сёлах Маназкертского района – 20000 человек; в районе Падноса – 10000 человек; в 14-и сёлах – 10000. Огромное число составляли также жертвы резни Алашкертского района: в 27-и сёлах было перебито около 20000 человек; в 10-и сёлах районов Диадина и Баязета было убито 7000 человек; в 18-и сёлах Басена – 15000 человек (8, 404).

Второй раз шагал Туманян по обезлюдившим дорогам своей исторической родины – дорогам, ставшим свидетелями бесчисленных ужасающих сцен и трагедий. Второй раз приходилось ему увидеть опустевшие армянские города и сёла, второй раз приходилось ему сдерживать готовый вырваться крик души, крик боли и отчаяния, и при этом он не только не сходил с ума сам, но и раздумывал о том, каким образом можно помочь своим несчастным соотечественникам, непосредственным очевидцам и жертвам этих адовых мучений и не дать им потерять рассудок, душевное равновесие.

Поэт даже не мог представить, что в эти страшные дни испытаний он мог бы не оказаться рядом со своим многострадальным народом, мог бы не сделать всего возможного и невозможного, чтобы хотя бы немного облегчить, смягчить его душевную боль. Туманян был уверен, что каждый армянин обязан помочь, насколько это в его силах, а поэт, писатель – тем более, чем кто-либо, обязан быть рядом с людьми.

Туманян намеревался представить и обобщить всё увиденное и услышанное во время двух своих поездок в большом исследовании, состоящем из двух основных разделов, один из которых должен был показать положение западноармянского населения, а другой раздел он собирался посвятить географическим сведениям, природе, ресурсам, а затем продемонстрировать, как эта прекрасная страна, замечательная природа уродуется пришлыми кочевыми племенами. Будучи ярко выраженным и убеждённым пантеистом, поэт никогда не был равнодушен к природе, и даже в дни массовой резни своих соотечественников он устремлялся к природе, находил в ней отдушину; более того, он искренне мечтал даже врагов своего народа приблизить к природе, объяснить, растолковать им чудодейственность и красоту природы, потому что всегда был убеждён в том, что именно отдаление от природы делает человека ущербным, несчастным, жестоким. В своих дневниках поэт делает следующую примечательную запись: «Целыми днями едем, едем, нет ни одного дерева, нет лесов и садов. Эти так называемые города похожи на жалкие деревни, а деревни – на мышинные норы...» (7, 577).

Черновые наброски статьи «В стране руин и трупов», в которых отмечены всего лишь разрозненные наблюдения и так и не стали целостным исследованием, начинаются такими словами: «Запустение, 1. Население, 2. Природа (по пути в Ван).

Турецкая Армения...

Увидели...

Хотя бы какую-то её часть. Мимолётным образом, но пусть даже мимолётно, это то, чего никак нельзя понять даже из самых пространственных объяснений.

И можно понять, только увидев, – из услышанного ничего не получится» (7, 439).

Далее поэт описывает сожжённые «в аду, называемом Турецкой Арменией», селения, разрушенные дома, турецкие «лачуги», а также приводит увиденные воочию и рассказанные очевидцами ужасы резни, истории погромов и жестоких убийств. Он не видит врагов непосредственно в момент совершения кровавых преступлений, а если и видит этих звероподобных варваров, то только пленёнными, перепуганными, съёжившимися и жалкими, но вместо этого он видит повсюду оставленные этими врагами страшные следы. «И какие следы они оставляют? – Сожжённые деревни, руины, запустение, голод и трупы, много трупов... следы курдов и турок... Мы увидели лачуги их знаменитых беков, наводящих постоянный ужас на армян, это были жалкие берлоги, построенные из глины, а сзади или рядом с ними другие такие же свернувшиеся в комок ещё более жалкие лачуги, с узенькими и решётчатыми щелями для света. Одна лачуга была дворцом Али-бека, вторая – Вали-бека, третья – Ахмад-бека, четвёртая – Махмад-бека, либо Гасан-бека или Хусейн-бека... а по обе стороны – их женская половина, гарем. И что они из себя представляют, эти самые беки – всего лишь грязные, полудикие убожества, единственная сила которых заключалась в том, что у них было право творить любые беззакония... А в женской половине у них похищенные отсюда и оттуда, зачастую у армян, невестки и девушки, у каждой из которых своя трагическая история. Увидели мы и съёжившиеся вокруг этих «дворцов» сотни мышиных нор, это квартиры челяди этих беков. Был случай, когда мы увидели и этих людей, оказавшихся вне поддержки их турецких хозяев, это был уже вовсе не разнuzданный, а сдавшийся, обезоруженный, беспомощный и жалкий сброд... который до сих пор жил грабежами, а теперь хочет откупиться награбленным, спасти свою шкуру...

Где только успевали, убивали армян, преимущественно мужчин, и уводили с собой красивых женщин, и если находилось время, если ужас и страх перед русской армией и армянскими добровольцами был не очень близок, они придумывали варварские забавы. Вбивали в головы детей гвозди, распинали, отрезали различные органы у живых людей, раскладывали в разных формах, играли в игры, помещали людей до половины в котлы и поджигали снизу, чтобы верхняя часть оставалась живой и чувствовала боль, прожигали раскалёнными прутьями различные места на теле и жарили на огне, жарили живьём. Убивали детей на глазах родителей, родителей – на глазах детей» (7, 440).

В дневниковых записях, сделанных в Абага, запечатлён всё тот же характерный турецкий почерк: отступая, турки убивали, уничтожали всех и всё, опустошали деревни, лишали их не только «природы, но и всякой жизни, - пишет Туманян. – Таким образом, страна почти обезлюдела, осталась без обитателей. К тому времени, как русская армия и армянские добровольцы подоспели от границы, турки и курды бежали от них, разрушая по пути всю страну и убивая мирных жителей...

И тянутся за ними их следы – со всех сторон разруха и смрад от разлагающихся трупов. На дорогах трупы, на побережьях рек – трупы, озеро Ван со всех сторон выбрасывает на берег трупы» (7, 578).

Вполне естественно и объяснимо, что после всего этого преобладающим чувством в армянах должны были стать месть и возмездие, могло возникнуть желание, искушение ответить врагу, наказать врага его же оружием и его же методами. И такая возможность, такое искушение вызывают чувство беспокойства у писателя. «Таким способом они доводят до исступления многих армян, превращают их в зверей, разрушая наш народ не только физически, но и нравственно» (7, 441).

Туманян пытался найти объяснение увиденным изуверствам, ему очень хотелось считать основными виновниками случившейся трагедии только турецких властителей, однако ему не удавалось освободить от ответственности тех конкретных варваров, полулюдей-полузверей, чьими руками были осуществлены погромы и резня; того человеческого отребья и сброда, которого приводила в экстаз и ликование собственная невиданная и неслыханная жестокость, пиршество крови. «Говорят, - пишет Туманян, искренне желая верить в такую возможность, - что турецкий и курдский народы не были согласны убивать армян, что это происки турецкого правительства... Какой-то, и по-моему, единственный курдский интеллигент сказал: «Курдам необходимо простить все эти их злые дела, они – молодой народ, ведут себя по-молодому незрело...»

Ещё одна добрая душа придерживается такого мнения, что курдов следует пожалеть...

Но оставим пока что эту дискуссию мирного времени...» (7, 441).

Если во время работы над «Давидом Сасунским» Туманян выделил один из основных мотивов эпоса о том, что виновниками войн всегда являются не народы, а их правители, то теперь уже охвачен смятением и сомнениями, поскольку увидел воочию получеловека-полузверя. В конце концов, ведь не правители же распоряжались о том, чтобы убийцы и исполнители их далеко идущих программ изощрялись в жестокости и придумывали игры и забавы с человеческими внутренностями. Светлый, жизнеутверждающий взгляд писателя на мир и природу человека был сильно омрачён, его некогда незыблемая вера сильно пошатнулась. После увиденного в Ване и Эчмиадзине в художественное творчество поэта проникла тема человека-зверя, и его размышления о сущности добра и зла, которым он предавался ещё в старые и добрые мирные времена, нашли выражения в стихотворениях и четверостишиях, написанных в 1915 – 1918 гг.

Но возвращение к художественному творчеству было ещё впереди, оно ожидало своей очереди. А пока что ему необходимо было выполнить до конца свою миссию, стать летописцем своей эпохи, записать всё увиденное и услышанное, необходимо было не только отчитаться о проделанной работе перед Национальным бюро, но и привести свои записи в

надлежащий вид, придать им вид имеющего юридическую силу документа, который при случае можно было бы представить на суд истории. Вот почему мы встречаем в его записях многочисленные статистические данные. А таких записей, как мы уже имели возможность убедиться, в его дневниках и записных книжках очень и очень много. Вот ещё одна из таких записей: «Из числа бежавших из Ахлата в Алджваз 600 человек погибли» (8, 397).

В записные книжки Туманян вносил также пометки о своих планах и намерениях после возвращения из Вана.

Вернувшись в Тифлис, поэт обобщает всё, что увидел, услышал и прочувствовал во время путешествия, и предаёт бумаге свои размышления о том, какими конкретными способами можно будет помочь армянским беженцам и сиротам. В уже упоминавшихся черновых набросках статьи «В стране руин и трупов» Туманян пишет: «Теперь там, в аду так называемой Турецкой Армении, существуют три армии.

Первая армия – воюющая армия.

Вторая армия – это армия женщин и детей, разного рода больных, голодающих, обнажённых и беженцев, которая и является самой большой армией.

Третья – это армия деятелей и оказывающих помощь, которая является самой маленькой и самой слабой армией.

Необходимо усилить маленькую армию гражданских деятелей и помощников и сделать оказание помощи целенаправленной.

Только увидев всё происходящее на месте, убеждаешься, что очень многое можно было бы спасти при разумной и целенаправленной организации дела, и всё ещё можно спасти.

Мы обычно посылаем деньги. Но нельзя всё делать с помощью денег там, где не продают всего, что необходимо. Откуда купить? Когда на острове Ахтамар кто-то раздавал беженцам деньги, некоторые из них вернули деньги...

- Почему вы возвращаете деньги?...

- А что ещё нам остаётся делать? » (8, 441-442).

В своих записях поэт упоминает просьбу Арама Манукяна, высказанную во время совещания в Ване. Губернатор города говорил о необходимости изготавливать тысячами деревянные ложки и тарелки. «Подобные мелочи не приходили в голову общественным организациям, однако они очень важны, и на деньги всего этого не купишь в той стране», - пишет Туманян и завершает своё слово акцентированием необходимости оказывать помощь двум указанным выше армиям – населению и военным. «Необходимо усилить армию общественных деятелей на местах и всегда поддерживать живую связь и отношения с ними.

Но есть ещё более важная задача. Необходимо усилить и всячески защищать воюющую армию. Добиться в нашей стране организованной помощи в деле её снабжения.

После заботы об этих двух армиях будет вполне обеспечена и третья большая армия – армия народа. Она будет обеспечена и защищена и от голода и тифа, и от меча противника» (7, 442).

В своём дневнике Туманян записал также просьбу Арама Манукяна, чтобы по возвращении в Тифлис доложить Бюро, что для ополченцев Арама Манукяна необходимо «2000 ложек простых, 200 эмалированных чашек, для воды и для пищи» (8, 397). Кроме того, поэт передал Национальному бюро ещё одну просьбу Манукяна: предоставить ему 1000 рублей – на непредвиденные расходы.

Увидев неутешительное положение резиденции главы ванской епархии («не имеет никаких средств») (8, 397), поэт решает поговорить с католиком и попросить о содействии. Он обратился к российскому правительству и к Национальному бюро с просьбой, чтобы они, предоставляя денежную помощь армянским добровольческим дружинам, не требовали подробного финансового отчёта, потому что предоставленные суммы нередко используются не на те статьи расходов, которые указываются в смете (8, 397).

И действительно, никакое Национальное бюро не могло учесть со стороны, на какие именно нужды необходимо затратить те или иные суммы сражающимся армянским добровольцам. В качестве примера Туманян отмечает, что ополченцы остались без шинелей, потому что во время отступления русской армии отдали их армянским беженцам. Другой пример: вследствие неотложных военных действий ополченцы не успели захватить с собой палатки и другие крайне необходимые предметы обихода.

В последние дни июня 1915 г. Туманян возвращается из своего второго путешествия в Западную Армению – сперва в Игдыр (29-го июня), а затем в Тифлис.

Став очевидцем ничем не обоснованного и неожиданного отступления русской армии, оставившей местное армянское население на произвол судьбы, а также ужасающих картин массового переселения своих соотечественников в долине Алашкерта, в поле Абага, в Ване и его окрестностях, Туманян вернулся домой крайне раздосадованный, обессиленный и больной. Большую боль причинили поэту и встречи с генералами русской армии, которые крайне разочаровали его.

Каким бы улыбчивым, жизнерадостным и оптимистичным ни предстал поэт перед жителями Вана, как бы он ни восхищался их беспримерной храбростью и отважностью, неукротимым духом, как бы ни восторгался чудесной окружающей природой и армянскими историческими памятниками, всё равно тоска и неуёмная боль превалировали; в его душе, страдающей в бескрайних просторах армянского горя, открылась большая рана, которой никогда не было суждено закрыться, зарубцеваться. Напротив, рана эта должна была всё больше углубляться и расширяться, достигнув космических, вселенских размеров. Дочь поэта Нвард свиде-

тельствует: «Он только вернулся из фронтовой зоны, побывал в долине Алашкерта, в поле Абага, затем в Ване... Видел отступление, переселение, ужасающие события. Был под подавляющим впечатлением всего этого и не мог успокоиться. Был разочарован, раздосадован, измождён, наполовину больной.

Со дня на день он становился всё более удручённым и подавленным, самочувствие всё более и более ухудшалось. Он больше уже не был прежним улыбчивым, бодрым, внимательным человеком»¹.

Таким образом, поэт своими глазами увидел общенациональную, всенародную трагедию, со всей глубиной ощутил бедствие, постигшее города и селения Васпуракана, всё западноармянское население. Некогда незыблемые вера и надежды Туманяна на счастливое будущее армянского народа значительно пошатнулись. Его природный оптимизм и умение видеть во всех явлениях хорошие и светлые стороны также оказались на грани крушения.

ОВАНЕС ТУМАНЯН И МАССОВОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИЗ ВАНА-ВАСПУРАКАНА

Наступили необычные времена, каждый день был чреват неожиданными потрясениями. В начале июля 1915 г. военные действия на Кавказском фронте складываются не в пользу русской армии. Абдул Керим-паша приказывает турецким войскам перейти в контрнаступление против подразделений 4-го корпуса русской армии в направлении Хнуса. Девятого июля сформированное в левом крыле турецкой 3-й армии ударное подразделение, состоящее из одиннадцати дивизий, перешло в широкое наступление на позиции Кавказского 4-го корпуса, продвинулось в направлении Коп-Маназкерт-Алашкерт-Кагзван, прорвало защитные линии русских войск и стало продвигаться вперёд, создавая опасность окружения Вана с юго-востока.

Прошло всего шестнадцать дней после того, как Туманян уехал из Вана, и вдруг внезапно, совершенно неожиданно для всех прозвучал приказ об отступлении, и русские подразделения стали покидать освобождённые территории Западной Армении². Начинается хаос и всеобщая паника. Ситуация ещё более усугубляется из-за ложных слухов, согласно которым турки якобы предприняли широкомасштабное наступление большими силами. Среди распространителей этой непроверенной информации был начальник разведывательного отдела 4-го корпуса русской армии, армянин по национальности, прапорщик Т.Девоян, который 14-го июля 1915 г. сообщил об этом в телеграмме, адресованной Армянскому Благо-

¹ Нвард Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 122.

² Национальный архив Армении, ф. 57, д. 102, л. 46.

ворительному обществу в Баку¹. За несколько часов до этого, ночью 13-го июля до жителей Вана доходят вести об отступлении русской армии и массовом переселении армянского населения Васпуракана.

Находившийся в Ване командир конного полка русской армии генерал Николаев также готовился к отступлению.

Весть об отступлении русской армии потрясла армянских добровольцев. Получив известие о нападении превосходящих сил турецкой армии, полководец Андраник немедленно обратился к начальнику штаба Кавказского фронта генералу от инфантерии Николаю Юденичу² с депешей, в которой заверил генерала, что он со своими добровольцами и местным населением может защитить Ван, и попросил только, чтобы его обеспечили необходимым стрелковым оружием, боеприпасами и горной артиллерией. Юденич дал своё согласие, однако его ответная телеграмма, согласно информации адъютанта генерала Трухина капитана Аршака Шаххатуни, была скрыта его непосредственным начальником. Узнав об этом от Шаххатуни, разгневанный Андраник находит командира 4-го армейского корпуса генерала Трухина в Арчеше, изливает на него весь свой гнев и возмущение и даёт ему пощёчину, заявив при этом, что «это отступление – полная фальсификация... здесь налицо интриги и предательство... предателя вам следует искать среди вас»³.

Полководец у всех на глазах подверг также избиению прапорщика Т.Девояна, который сообщил непроверенные и явно преувеличенные данные о якобы преобладающей численности противника⁴.

Конечно, Ов. Туманяну было хорошо известно, что Абадиева и некоторых других генералов русской армии раздражает независимое и вызывающее поведение полководца Андраника, который время от времени нарушал не только боевую дисциплину и субординацию, но и элементарные нормы поведения, если речь шла об интересах его соотечественников. Гнев и возмущение Андраника в той или иной мере должны были излиться и на голову откровенно враждебно относившегося

¹ Там же, ф. 27, л. 245, л. 76.

² Николай Николаевич Юденич (18 [30] июля 1862, Москва – 5 октября 1933, Кани, Франция) – русский военный деятель, генерал от инфантерии (1915). Один из самых успешных генералов России во время Первой мировой войны. В 1915 г. разгромил армию Энвера-пашы в Сарикамыше. В том же году вёл ожесточённые бои за освобождение Вана; город несколько раз переходил из рук в руки. 13-16 февраля занял Эрзрум, затем Трабзон. Во многом благодаря успехам генерала Юденича в 1916 г. большая часть Западной Армении была освобождена. Во время Гражданской войны Юденич возглавлял силы, действовавшие против советской власти на Северо-Западном направлении. Последний российский кавалер Ордена Святого Георгия II класса.

³ Исторические воспоминания полководца Андраника на Кавказском фронте в 1914-1917 гг., записанные телохранителями полководца. Бостон, 1924, стр. 35.

⁴ Симон Врацян, Дорогами жизни, т. 3, Бейрут, 1963, стр. 196. См. также: Андраник Челепиан, Полководец Андраник и армянское революционное движение. Ер., 1990, стр. 321.

к армянам генерала Абациева. Их пути когда-нибудь должны были пересечься. И пересеклись.

Когда началось отступление и практически одновременно с ним – массовое переселение жителей Вана и всего Васпураканского края, Абациев отдал приказ не оказывать никакой помощи местному населению. Кроме того, Абациев, будучи осведомлённым о позиции Н.Юденича и некоторых других генералов, согласных позволить армянам организовать самооборону Вана и помочь им оружием и боеприпасами, всячески старался этому препятствовать. Узнав об интригах Абациева, Андраник бросает ему в ноги телеграмму Юденича, оскорбительно высказывается о его генеральских эполетах и даёт ненавистному генералу звонкую пощёчину. Генерал-лейтенант русской армии Д.Абациев был в то время весьма заметной фигурой, и скандальный инцидент вполне мог бы завершиться военным трибуналом, но вмешавшимся казакам и их командиру генералу Бичерахову удалось замять дело. А уважительное отношение Бичерахова к Андранику в определённой степени было обусловлено также тем, что в его отряде самоотверженно сражались несколько армянских добровольцев во главе с Керы (Аршаком Завафяном). Думается, что даже если бы Ованес Туманян и не нашёл оправдания для предыдущих пощёчин, которые Андраник отвесил генералу Трухину и прапорщику Т.Девояну, то пощёчина Абациеву была бы ему по сердцу.

Командиры армянского добровольческого движения Андраник, Дро, Керы, Амазасп, Армен Гаро, видя, что массовый исход армян из Вана уже всё равно начался и носит необратимый характер, посоветались с губернатором города Арамом Манукяном и пришли к общему соглашению о необходимости поставить население в известность об ожидаемой опасности.

В то время как армяне были настроены вопреки неблагоприятному стечению обстоятельств организовать самооборону Вана, 18-го июля 1915 г. до Вана дошёл приказ командующего Кавказским фронтом о том, что если беженцы не успеют в течение трёх дней перейти границу Беркри, то вполне возможно, что линия отступления будет закрыта, и генерал Николаев после этого откажется нести какую-либо ответственность за судьбы вынужденных переселенцев¹. Тем самым русские власти фактически отказались обеспечить армянских добровольцев оружием и боеприпасами и вынудили оставить Васпуракан и город Ван. В тот же день, 18-го июля, началось массовое переселение армян Васпураканского края в Закавказье. Это вынужденное переселение оказалось самым настоящим бедствием для всего западноармянского населения, которое в одночасье лишилось не только своего имущества и своих домов, но и своей родины.

¹ «Азг», Бостон, 1915, N14, 8 октября. См. также: Национальный архив Армении, ф. 1021, оп. 5, д. 280, 8. А также: Симон Врацян, Дорогами жизни, т. 3, Бейрут, 1963, стр. 91.

Это внезапное и непонятное отступление русской армии¹, приведшее к массовому исходу армянского населения Васпуракана и Вана, является одной из самых печальных, трагических страниц в истории армянского народа. Поджигаются, уничтожаются в пожарах военные склады на большой территории², а также более трёхсот лучших домов. Уже на следующий день закрываются все магазины. Оставшиеся в городе Вана русские солдаты и пограничники стерегут магазины и торговые центры, оберегая их от грабежей.

Генерал Николаев покинул Ван 19-го июля, сразу же после того, как добился принудительного исхода местных жителей.

Главнокомандующий Кавказской армии, новоназначенный наместник царя на Кавказе Великий князь Н.Н.Романов (младший) решил пойти навстречу просьбам армянского католикоса и политических кругов и запретил разоружать армянских переселенцев.

Бесконечные караваны армянских переселенцев двигались по маршруту Ван – Аванц – Сев Гет – Геолу – Джаник – Панз – Беркри – Баязетага – Соук-су – Гяврешаме – горный перевал Тапариз – Каракенд – Кызыл-Дизе – Карабулах – горный перевал Чингил – ущелье Орводж – Игдыр.

На помощь населению Васпуракана в этот судьбоносный момент подоспели около пяти тысяч армянских добровольцев и трёх тысяч вооружённых юношей-гайдуков, которые сопроводили более 200.000 (по некоторым данным – 281.888, а по данным Анри Барси – 207.473) беженцев к русско-турецкой границе³. Статистические данные на этот счёт находим и в дневниковых записях Туманяна. Поэт сообщает, что на дорогах переселения за несколько дней от эпидемий погибло 8000 человек, из которых 3000 были дети. А общее число жертв составляло 40000⁴.

30-го июля периодическое издание «Овит» сообщает: «Дороги переполнены; нагие, босые, облачённые в отрепья матери с детьми за плечами... бредут безмолвно или разговаривают с животными... беженцам нет ни конца ни края»⁵.

31-го июля в горах Васпуракана выпал снег, значительная часть детей погибла от холода. Около пятисот детей спасли от гибели казаки, каждый отогрел и вынес под полами своей шинели одного ребёнка. Это делалось в обход приказа осуществлявшего переселение генерала-лейтенанта Абадиева, который, как мы помним, строго-настрога распорядился не оказывать никакой помощи переселенцам. Своим человеколюбием и

¹ Более подробно об этом см. **Аветис Арутюнян**. Великий исход населения Вана-Васпуракана, причины, течение, последствия и проблемы ответственности. В кн. «Столицы Армении», т.1, Ван. Ер., 2013, стр. 170.

² **Он. Мхитарян**, Героическая самооборона Вана, София, 1930, стр. 220.

³ Музей Туманяна, папка 51, стр. 7.

⁴ МЛИ, ф.Туманяна, д. 256, л. 6.

⁵ «Овит», Тифлис, 1915, N34, 21-го августа.

сострадательным отношением к беженцам особенно отличились казаки подразделения генерала Трухина¹.

Армянские периодические издания также откликнулись на помощь русских солдат. Газета «Амбавабер» пишет: «Русские «отступающие» всадники... стреляя в воздух, отпугивали неприятеля и прокладывали для себя дорогу»².

Обрадованные столь неожиданным подарком судьбы, ничем не мотивированным отступлением русской армии, турки быстрым маршем двигались в направлении Беркри, а курды Зилана, в свою очередь, окружили долину Беркри.

Переселение населения Васпуракана фактически явилось одной из составляющих Геноцида армян в Османской Турции и было столь же ужасным и жутким, как и пережитые на родине погромы и резня. Если бы целью турецких властей было избежать опасности, которая могла бы угрожать со стороны армян, или, скажем, этой целью было бы окончательное решение «Армянского вопроса», то переселение беженцев, их отступление не сопровождалось бы жестокими убийствами. То, что происходило с армянами, бежавшими из Васпуракана в течение месяца, является ещё одним доказательством запрограммированной политики физического уничтожения армянского народа со стороны Османской Турции.

25-го июля курдские башибузуки занимают каменный мост через реку Вардашен в Бандимахе и перекрывают дорогу беженцам. Часть беженцев погибает, а другая часть бежит обратно в сторону села Джаник, ещё какая-то часть направляется в сторону Ирана.

Историки того периода, обладавшие обширной информацией, знавшие рассматриваемый вопрос во всех его подробностях и деталях, искренне полагали, что невозможно охватить и описать картину переселения западноармянского населения в полном её объёме, во всём её содержании и со всеми её ужасами. А-До с полной уверенностью утверждает: «Перо ещё не достигло того совершенства, чтобы можно было описать переселение во всех его красках»³. И всё-таки, очень и очень многие очевидцы этого страшного переселения, пережившие все круги ада, впоследствии рассказали об этих страшных днях и событиях. Рассказы эти с большой ответственностью, тщательностью и скрупулезностью, с большой самоотверженностью собрала и записала собиратель народного творчества, учёный-геноцидовед, летописец Геноцида армян Вержине Свазлян⁴.

¹ ЦГВИА РФ., ф. 2100, оп. 1, д. 646, л. 82.

² «Амбавабер», Тифлис, 1915, а

³ А-До, Великие события в Васпуракане в 1914-1915 гг., Ер., 1917, стр. 479 (на арм. яз.).

⁴ Учёный-геноцидовед, собиратель народного творчества, доктор филологических наук, профессор Вержине Свазлян более пятидесяти лет собирала, записывала и представила на суд человечества изданную на шести языках книгу «Свидетельские показания оставшихся в живых после геноцида армян» (Ер., 2011), в которой собраны воедино истории очевидцев и неопровержимые фактические доказательства Геноцида армян. Это семьсот историй, семьсот исковерканных человеческих судеб, семьсот свидетельств, которые

Считаем нелишним привести здесь несколько рассказов очевидцев массового переселения армянского населения Васпуракана и Вана.

Агаси Канканян, 11 лет: «Свой родной дом мы оставили 13-го июля 1915 г., в одиннадцать часов утра. Прежде чем выйти из дома, моя мама собрала всех членов семьи, едва сдерживая слёзы поцеловала всех и сказала: «Мы отправляемся в трудный и неведомый путь, что случится с нами – не знаем. Ваша задача, чтобы вы выдержали – в суматохе не потеряли отца и мать». Мы вышли из дома. Дверь не заперли, как-то окаменели, стали бесчувственными. Стали идти в сторону главной улицы – Хачпоган. Из домов выходили другие семьи – соединялись одна с другой. Группа увеличивалась и двигалась вперёд. Прежде чем дойти до Игдыра, мы прошли десятидневный путь, под дождём, под солнцем, по грязи – голодные и жаждущие. По дороге часто нападали курды, убивали людей, грабили. Особенно тяжело пришлось у моста в Бандимахе, где было скопление людей. Сколько матерей в обнимку с детьми бросалось с моста в реку, чтобы не попасть в руки к турками и курдам! Тех, кто погибал и тех, кто умирал, оставляли на краю дороги, в одних случаях закапывали, в других – нет. Увидев незахороненные трупы, я настолько прочувствовался, что приобрёл болезнь – меланхолию, которая продолжается до сих пор. Я не могу по-настоящему радоваться. И это несмотря на то, что я был самым здоровым ребёнком в нашем квартале... Но после переселения этот розовощёкий, пышущий здоровьем ребёнок поблёк, стал бледным, печальным, стал неразговорчивым. Мать заставила отца отвести меня к врачу. Мы уже были в Ереване. Отец за два месяца скопил два золотых, чтобы отдать врачу. И отец повёл меня к врачу Араму Тер-Григоряну, который разъезжал с тростью и в карете. Врач осмотрел меня и сказал:

- У мальчика нет никакой болезни.

- А почему он не разговаривает? Почему похудел, потерял цвет лица?

- Откуда вы?

- Мы беженцы из Вана.

- Мальчик по дороге скитаний видел столько грустных событий, что получил болезнь меланхолию, это следствие скитальчества. Печальные события воздействовали на него. Со временем пройдёт...

Утром продолжили путь в направлении Арарата. По дороге курды часто нападали, убивали, грабили наше имущество. Например, родителей

В.Свазлян записала в 150 местностях Западной Армении, Киликии и Анатолии, разговаривая с армянами, разбросанными по всему миру. Книга в переводе турецкого диссидента Рагыба Заракоглу издана в Турции и представлена турецкому читателю. Переводчик подвергся преследованиям в своей стране и перебрался в Швецию. Ему принадлежат слова, сказанные во время визита в Армению: «В этой книге представлена история не только армянского, но и турецкого народа, потому что турецкий народ, прочитав эту книгу, должен столкнуться лицом к лицу со своим прошлым, должен увидеть, чем занимались его прадеды, его старейшины, должен понять их поведение и действия. Эта книга откроет глаза турецкому народу».

моего школьного товарища Семерджяна убили в дороге – этот маленький мальчик остался сиротой.

Прошли мимо Баязета... На одиннадцатый день добрались до Игдыра... Но на нашу беду русские перекрыли мост Маргара, не позволяли, чтобы беженцы входили. И в окрестностях Игдыра распространились тиф и холера»¹.

Сирак Манасян, 10 лет: «Переселение принесло нам ужасные лишения и страдания... Всё население Ванской губернии, используя все имевшиеся под рукой транспортные средства, начиная от повозок, тягловой четвероногой скотины, и кончая тем, что взваливали на плечи всё, что им было особенно дорого и необходимо, тронулось в путь. А оставшиеся отары овец – стада, в каждом селе оставив отдельным доверенным лицам, всё остальное имущество оставив в ямах и колодцах, теща себя надеждой, что снова вернётся, тронулись в путь. Перейдя реку Хошаб, поднялись по восточному хребту горы Варк, взяли направление на северо-восток, до села Беркри, после чего вошли в ущелье Беркри Гайли, в котором текла река Бандимаха. Она течёт из северо-востока и впадает в озеро Ван. Когда мы прошагали пять дней, до нас дошли слухи, что некоторые разбойничьи группы курдов из племени зилан пришли и заняли мост в Бандимахе, чтобы грабить армянских беженцев из Вана. Они знали, что ванцы были зажиточными людьми, что у них было много золота и ценных вещей, а также было много овечьих отар и стад. Таким вот образом армянские беженцы вместе со своими родными и родственниками медленно продвигались из одной провинции в другую, из одного села – в другое село, не ведая о надвигающемся бедствии. Какая-то часть беженцев, перейдя мост, добралась до открытого поля Беркри, а другая часть всё ещё медленно продвигалась вперёд: из-за узости моста проходили по очереди. Был вечер. Вдруг с южной стороны ущелья раздались ружейные выстрелы и зазвучало улюлюканье курдов-зиланов – бейте их, бейте! Они перекрыли выход моста. А некоторые из них перекрыли дорогу идущим вслед за караваном, а другая часть курдов-зиланцев спряталась за скалами и стреляла из укрытия по проходящим беженцам, надеясь, что они перейдут к самозащите и оставят свой скарб без присмотра, а они его похитят. Однако героический народ Вана, который до этого сумел отстоять свою честь в борьбе с гамидиевскими разбойничьими группами, не растерялся и не пришёл в отчаяние. Хотя и были люди, которые бросились в стремительные волны реки Бандимаха, надеясь перейти на другой берег, однако волны унесли их. Вооружённые беженцы сразу же заняли защитную позицию. Однако курды предусмотрительно укрепились на скалах, имея удобную высокую позицию и оставаясь одновременно незаметными, стреляли в беспомощных беженцев. Многие погибли. Погибло также

¹ [http://www.armeniapedia.org/index.php?title=The Armenian Genocide: Testimonies of the Eye-Witness Survivors - Testimonies 1-49](http://www.armeniapedia.org/index.php?title=The_Armenian_Genocide:_Testimonies_of_the_Eye-Witness_Survivors_-_Testimonies_1-49)

много животных. Так продолжалось два часа, пока не подоспел на помощь казачий гарнизон, расположившийся на отдых в Беркри. Мост был освобождён. ...Когда мы добрались до Беркри, нам не разрешили идти дальше, начальник гарнизона сообщил, что послали вспомогательные силы и через несколько часов дорога освободится. Одну ночь провели в Беркри. На следующее утро продолжили свой путь... Перебираясь через мост, в ущелье мы увидели трупы наших родственников, таких же беженцев. Что это была за картина, жутко даже вспоминать, несмотря на то, что армянам часто приходилось быть очевидцами подобных сцен. Переходя через мост Бандимаха, мы вроде бы почувствовали себя освободившимися от опасностей. Немного передохнули, чтобы набраться сил для предстоящей дороги. Через сколько дней мы добрались до Игдыра, затрудняюсь сказать, не помню. Помню только, что, когда мы добрались до Игдыра, до территории Русской Армении, начали продавать свою скотину местным армянам»¹.

Азнив Асланян, 7 лет: «...Летом 1915 г. началось первое переселение. Немецкие воспитательницы нашего сиротского приюта сказали: «Кто хочет идти с нами, пусть идёт, а кто не хочет – пусть идёт к своим родственникам». Я присоединилась к своим родственникам. Мы бежали с семьёй моего дяди, брата отца. В летнюю жару целый месяц находились в пути, дошли до Игдыра. Распространилась холера. Из нашего рода погибло восемьдесят человек».

Вараздат Арутюнян, 6 лет: «Мы вышли с улицы Хачпоган. Уложили наше имущество на спину коровы, которая сбросила с себя непривычную поклажу и убежала. Мы были вынуждены взвалить наше имущество на свои плечи; вышли из Вана, поднялись в сторону Беркри. При переходе через мост в Бандимахе ванцы дали много жертв. Мост был узким... Самые ожесточённые столкновения нам пришлось пережить в предместье Беркри. Русские войска усадили детей на свои фургоны, и курды, которые тогда были наняты турками, чтобы перебить армян, напали на нас. Фургоны переворачивались. Дети падали в реку, сопровождавшие нас русские солдаты прогнали курдов...»².

Арцвик Терзян, 5 лет: «Дорога была очень трудной, все были усталые, голодные. Мы оставляли на дороге погибших и шли дальше, потому что турки преследовали нас. Русское войско защищало нас. Раздали нам сухарей. Мы оказались бездомные, никому не нужные»³.

Лусик Баласанян, 5 лет: «Бабушка сказала моей маме, чтобы взяла детей и бежала, пока мы ещё живы. Не успели даже похоронить моего брата. ...В суматохе я потеряла родных и пошла по берегу озера Ван в направлении дачных посёлков американцев, где нашла убежище часть

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

беженцев... Мы снова вернулись в село, наша соседка-турчанка увидела меня, узнала, повела к себе домой, сказала, что она знает, где наши. Она отвела меня к маме... Затем русские солдаты сказали, что больше не могут нам помогать, что они возвращаются... Один из моих братьев потерялся... У озера Игдыр скончалась моя сестра Сирун, она была старше меня на два года...»¹.

Вардгес Алексанян, 4 года: «В нашем роду было около сорока человек... Всех перебили, всех уничтожили... Всех мужчин в нашем роду турки убили. Мать перенесла меня и двух моих сестрёнок на своих плечах. На третий день моя мама вконец обессилела, она больше была не в состоянии таскать на себе двух моих сестрёнок, которые еще не умели ходить. Мать оставила их на дороге... а меня донесла на плечах. По дороге нас доканывали голод, болезни. ...Неожиданно моя мама потерялась, я осталась одна-одинёшенька. На третий день мама меня нашла. Соседи присматривали за мной, чтобы я не умерла. Голод, лишения, болезни. С другой стороны, нас грабили курды. Искали золото. Когда мы говорили, что у нас его нет, убивали... Повозок не было. Женщины, маленькие дети шли пешком, грязные и запылённые, избегая нападений турецких и курдских разбойников. Мы в основном передвигались в ночное время. Во-первых, чтобы враги нас не заметили и не напали на нас, и потом, чтобы жара нас не убила. Враги безжалостно убивали всех подряд – и взрослых, и детей»².

Патрик Сароян, 9 лет: «15-го июля генерал Николаев потребовал, чтобы армяне уезжали, что турецкая армия получила большое подкрепление и готовится к нападению. Армянские руководители – Арам Манукян и другие, отказались оставлять город и ответили генералу Николаеву: «Мы победили без помощи, у нас есть сила воли, чтобы защитить нашу страну»... Началась суматоха. Нам дали три дня на сборы. Сколько было медных котлов, понесли и бросили в ямы. С той надеждой, что когда-нибудь вернёмся.

Началось переселение. Добрались до пристани Аванц. Здесь увидели множество трупов, это было дело рук турецкого отребья. Отец сшил для меня лапти-трехи и надел на меня. Ванцы оставляли со слезами на глазах свои очаги... всех объял ужас... Вокруг стоял вой собак, крик людей... Дошли до поля Абага. С одной стороны текла река Бандимаха со своим ужасным рёвом. ...Рассказывают, что река Бандимаха была вся в крови. Курды спускались с гор, чтобы ограбить нас. Мы с окровавленными ногами, усталые, обессиленные, голодные шагали день и ночь. Добрались до Оргова. После Баязета взобрались на какую-то вершину, мне в глаза бросилась гора Арарат... Мы стали медленно спускаться вниз. Курды на-

¹ Там же.

² Там же.

пали на нас, начали убивать. Армянские юноши сопротивлялись и защищали нас. Большие толпы беженцев наконец-то добрались до Игдыра»¹.

Макруи Саакян, 8 лет: «Мы начали переселяться. На пути с обеих сторон были горы, с обеих сторон нападали и убивали; кто-то спрятался под скотиной, спасся таким образом. Наконец ушли, добрались до моста в Бандимахе, здесь почти не осталось людей: детей усалили в воловьих повозки, повозки переворачивались и падали в реку. Кого-то убивали, кто-то сам бросался в воду. Люди убегали, но при этом оборачивались назад, чтобы увидеть, не преследуют ли их турки. Дошли до какого-то поля. Кто-то начал разводиться огонь, кто-то – печь хлеб. Нас мучили голод и жажда. Кто не выдерживал, не находил сил, чтобы встать, оставался на месте, остальные двигались вперёд»².

Арцрун Арутюнян, 8 лет: «...По дороге переселения, переходя через мост в Бандимахе, турки из-за скал стали стрелять в нас. Это были настоящие Содом и Гоморра. Нас было несколько детей в телегах. Какой-то ребёнок на наших глазах покрылся кровью и склонил голову набок, перестал двигаться. Мы не почувствовали, что он убит»³.

Ерванд Ширакян, 8 лет: «В начале июля 1915 г. русские военное начальство приказало армянам переселяться. Ванцы создали общее собрание, на котором с пламенными речами выступили молодые ополченцы, которые не соглашались оставлять город, но старшие всё же согласились... Моя сестра была трёхмесячным грудным ребёнком. Я усадил на свои плечи четырёхлетнего брата Гранта, пуля прошла через мои волосы и вошла в тело брата, и он скончался. Мы стали мигрировать; когда по дороге переходили мост Беркри, который назывался Бандмахским мостом, сообщили, что курды напали на нас. Курдов подстрекали турки, чтобы они нас убивали. Стоило им увидеть армян, как начинали их убивать»⁴.

Саркис Бадалян, 6 лет: «...Я помню, когда мы вышли из села и пустились в путь скитаний, Ван уже начал переселяться. Когда мы добрались до Вана, мы присоединились к ванцам... Ночами на нас нападали курды, наши оказывали сопротивление. Мы продолжали идти – умирая от голода и жажды. Всю нашу скотину перебили, наше имущество разграбили. Мы дошли до реки Бандимаха, у которой было очень сильное течение. Люди входили в реку, чтобы перейти, но многих река уносила»⁵.

Вардуи Потикян, 8 лет: «По дороге моя мама усадила меня на осла. ...По дороге я потерялась. Русские солдаты собирали всех потерявшихся детей и усаживали в телегу. И знаете, с чем нам довелось встретиться в пути? Ах, я даже врагу своему не пожелаю увидеть такое. Вуй, будь проклят тот чёрный день! Мы добрались до моста Беркри. Вдруг люди

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

начали кричать: убегайте! Спасайтесь! Во тьме мы увидели, как в узком ущелье Беркри, не доезжая до реки, на нас напали курды. Армяне старались убежать, спастись, но у них скользили ноги, они падали в реку, тонули. Кто-то пытался переправиться через реку на спине скотины, кто-то входил в воду, и его уносило течением. Все кричали, вопили, плакали. Курды стреляли в нас. Матери оставляли детей... Пропади пропадом мост Беркри, сколько людей погибло из-за него! Русские собирали всех потерявшихся детей и помещали их в каком-то пустынном месте. Я два месяца оставалась у русских. Моя мама, царство ей небесное, пришла и забрала меня»¹.

Туманян принимал страдания и боль беженцев очень близко к сердцу, уделял заботам о них очень много времени и внимания, и поэтому не удивительно, что его дневниковые записи о своих наблюдениях и об историях, рассказанных очевидцами тех трагических событий, стали для сегодняшних историков незаменимым источником документальных и достоверных свидетельств². Кроме того, в то самое время, когда поэт делал свои дневниковые записи уже находясь в Эчмиадзине, он беседовал не только с беженцами, но и с полководцем Андраником, и сделал соответствующие пометки из его рассказов о ходе массового переселения. Пометки эти относятся к плачевной судьбе оставшихся в Ване четырёрхсот армян, в них мы находим сведения о сожжённых армянских домах Вана, о действиях русской армии и отдельных её офицеров.

Так, Туманян свидетельствует: «Во время отступления из Вана, когда весь народ уже покинул город, старики остались сидеть у порогов своих домов» (8, 402). На Туманяна произвело особенно тяжёлое и удручающее впечатление то обстоятельство, что жители Вана стали сами поджигать свои дома, чтобы они не достались пришлым туркам и курдам. Это означало, что они сжигали не только свои дома, но и надежду когда-либо вернуться обратно, на свою родину. А с мыслью о безвозвратной потере родины поэт никогда не мог смириться. Если бы это зависело от него, то он никогда и ни за что не допустил бы этих пожаров, схватил бы за руку каждого, кто в отчаянии расставался со своими надеждами снова вернуться в свой дом, в свой родной город, в свой родной край, на свою родину. Поэт пишет: «Многие из ванцев поджигают свои дома и уезжают, а некоторые отдают ключи добровольцам – дескать, сожгите после нашего ухода» (8, 402). Особенно трагичными и душераздирающим представляются нам его записи об отступлении из Шатаха³. Некоторые жители не

¹ Там же.

² Аветис Арутюнян, ук. соч., стр. 179-183.

³ Это один из гаваров, т. е. административно-территориальные единицы, Ванского вилайета в Западной Армении. Находится в юге от озера Ван. Соседствует с запада с Сасунским, а

хотели, чтобы их находящиеся при смерти и престарелые родные попали в руки жестоких курдских и турецких башибузуков, которые наверняка стали бы истязать их, всячески изыматься над ними, терзать и подвергать самым нечеловеческим страданиям и пыткам, и во избежание этого решились на страшный поступок. Как рассказали поэту, «шатахцы перед уходом перебили своих престарелых отцов и матерей, больных, своими руками похоронили их и только после этого пустился в дорогу» (8, 404).

Однако подобных примеров было не так уж много. Чаще всего сыновья и взрослые дети не покидали своих старых и больных родителей. «Были беженцы из других мест, они переносили своих старых родителей, взвалив на спину», - отмечает поэт (8, 404).

Десяти-двенадцатилетние дети переносили своих младших братьев и сестёр. Четырёхлетние-пятилетние дети «ежедневно проходили расстояние в 30 вёрст» (8, 404). А одна маленькая девочка из Вана «добралась до Эчмиадзина на четвереньках» (8, 404).

В дневниках Туманяна, как уже говорилось, были также записи о поведении русских восначальников и простых солдат. В первые дни отступления, как выяснил поэт, русские войска самым откровенным образом и в невероятных масштабах занимались грабежами и присвоением имущества армянского населения Вана в качестве «военных трофеев». Поэт пишет: «Паника была настолько страшной, что все потеряли душевный покой – добровольческие группы, атаманы-хмбапеты и распорядители – и из-за перестрелки каких-то двадцати курдов у моста Беркри, в долине началась большая паника и суматоха, а что до русского войска – многие побросали ружья и убежали, а многие были заняты только грабежами. Ещё не ушедшие из Вана солдаты, казаки заходят в дома для грабежей, зашли даже в дом Арама» (8, 403).

Было немало и таких случаев, когда русские покидали раненых солдат. По свидетельству Туманяна, по дороге «раненого офицера сбросили с моста в реку. Турки достали его, перевязали раны, отправили

с востока Айоц Дзорским гаваром. Центр Шатахского гавара г. Тах. Шатах состоит из двух частей: горный и равнинный. Горный Шатах имеет глубокие ущелья, которые местные армяны называют «Гели». Горы в Шатахе покрыты лесами и имеют дикую природу. Гавар имеет много рудников, особенно медью. У села Шарманис есть и уголь. Из Шатаха начинается один из притоков реки Тигр, Шатах-Су, историческая имя которого Джерм, отсюда и древнее имя гавара Джермадзор. Поскольку в ландшафте Шатаха переобладают горы, то его жители в основном занимались животноводством. Знамениты тонкорунные козы «филик». Армяне в основном занимались пчеловодством и производством шалей. Шатахцы готовили хорошие абы(мужская одежда). В северо-западной части Шатаха находится равнина Песандашт, где жители занимались земледелием. Шатахцы были образованны - у них были и мужские и женские школы. Из населённых пунктов известны Ашканц, Мускав, Гомер, Качет и, конечно, Тах. Последний был населён армянами, имел неприступную позицию. Тах, после города Ван, был вторым благоустроенным городом Васпуракана. Дома были двухэтажными, издавались собственные журналы и тд. Записи на каменном мосте Таха свидетельствуют, что Тах был построен во времена правления Арцрунидов.

русским и сообщили, что русские солдаты сбросили его в реку» (8, 406). Вместе с «Красным Крестом» войска бросают на произвол судьбы 125 больных и раненых русских солдат, оставляют также боевые припасы. «Паника русских оказывается настолько большой, что не забирают с собой 4 пушки одной из рот, оставляют их в деревне Панч» (8, 497). Зато вместо этого они не забывают прихватить с собой пианино местных жителей, загружают награбленную утварь в повозки и увозят... ковры увозят на верблюдах и в повозках. Остались в большом количестве бомбы и боеприпасы» (8, 402). Более того, во время отступления, когда многие жители Вана перемещали в повозках свои семьи и увозили свой скарб и скотину, насколько это было возможно, русское командование приказывает конфисковать всю скотину беженцев. Солдаты немедленно бросаются выполнять этот приказ, проявляя при этом большое рвение, не останавливаясь ни перед чем и идя на всевозможные уловки. Стоило беженцам оставить без присмотра повозку со своим скарбом, сразу же отбирали и уводили. «Говорили – деньги получишь завтра. А он не может ждать и уходит» (8, 403).

Именно из дневниковых записей Туманяна мы узнаём, что, когда добровольческие формирования Андраника с отступлением добираются до Арчеша, многие из западноармянских бойцов заходят в свои сёла и видят «все свои семьи... зарезанными» (8, 402). Они отказываются возвращаться в армию и продолжать идти с ней. «Кладут ружья себе на колени и устраиваются на крышах своих домов. Дескать, вы идите, а мы должны остаться, больше не придём. Должны ждать, пока курды и турки придут; мы их убьём, они – нас, и всё закончится. И остаются сидеть на крышах» (402).

Третьего августа 1915 г. Джевдет-бей с четырьмястами воинов-четенцев вошёл в Ван и самым жестоким, самым варварским образом расправился с оставшимися жителями города, которых было около четырёх сотен. Кроме того, турки разрушили до основания и подожгли церковь Норашен, сожгли дотла дома Арама Манукяна, Ишхана, Булгарацци Григора и ещё около пятидесяти домов и сразу же, в спешном порядке, оставили город, потому что какие-то части русской армии направлялись в сторону Вана, и в городе были отчётливо слышны звуки выстрелов. И это также было совершенно непонятно и необъяснимо. Русские войска, покинувшие Ван пять дней назад, 28-го июля, почему-то стали быстрым маршем возвращаться обратно и добрались до города 3-го августа.

После ощутимых поражений, нанесённых турецкой армии в сражениях под Олти, Сарикамышем и Алашкертом, русская армия вновь занимает Ван, когда город был практически разрушен и сожжён, превращён в руины, и когда в нём практически не осталось жителей. Бежавшее более месяца назад население Вана, между тем, уже добралось до Игдыра, Еревана, Эчмиадзина. Фактически из-за необъяснимого и немотивированного отступления русской армии погиб один из самых важных,

процветающих городов Западной Армении, а его население, так же как и население всего Васпураканского края, лишилось своих домов, своего годами нажитого имущества, лишилось родины.

Забегая немного вперёд, скажем, что вскоре Ван снова оказывается в руках армян, снова заселяется армянами. 14-го октября 1915 г. в Ван входят армянские добровольческие дружины под командованием хмб-пета Смбата, а 23-го декабря в город входят формирования полководца Андраника.

Подлинная цель этого загадочного отступления русской армии давно уже рассмотрена как армянскими и русскими, так и зарубежными военными историками и политическими деятелями. Само отступление также получило свою историческую и политическую оценку. Отметим в связи с этим, что современники, очевидцы и участники событий тех лет единодушны в своём мнении, что это было чистой воды провокацией, и дали ему название «ложного отступления».

Отступление русской армии на Кавказском театре войны в июле 1915 г. было ни чем иным, как следствием последовательной и целенаправленной политики царской России, которая хотела видеть «Армению без армян». Иоганн Лепсус назвал это «псиной политикой». Известный пастор был убеждён, что «у командования армии не было никакой иной цели, как вывести из города армянское население Вана»¹.

Ни для кого не было большим секретом намерение командующего Кавказской армией генерала от инфантерии Николая Юденича заселить Западную Армению русскими. Эти свои далеко идущие планы он чётко выразил в письме от 5-го апреля 1915 г. (входящий номер 1482) к царскому наместнику на Кавказе и Главнокомандующему Кавказским фронтом Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову. Черносотенный генерал Юденич распорядился не выдавать земель армянскому крестьянству в Алашкертском районе; он ожидал прибытия большого числа русского крестьянского населения с Дона и из Кубани, которым предстояло заселить весь бассейн Восточного Евфрата, а сама местность должна была стать «Евфратским казачеством». Для освобождения обширных земельных участков им необходимо было резко сократить число армян, проживавших на своей исторической родине. Отсюда, как отмечает историк Лео, оставался всего «один шаг до завещания Лобанова-Ростовского: Армения без армян»².

Не случайно, когда в начале 1916 г. русские взяли Эрзрум, первым же изданным приказом армянскому населению запрещалось входить в пределы города³.

¹ И. Лепсус. «Сообщение о положении армянского народа д-ра И. Лепсуса, председателя немецкой восточной миссии и председателя Германо-армянского общества», К.Полис, 1919, стр. 211-212.

² Лео, Из прошлого, стр. 314.

³ Там же.

Многие современные армянские, да и не только армянские, историки также считают, что отступление русской армии, следствием которого стала фактически добровольная сдача города Вана, было организовано несколькими высокопоставленными российскими военными чиновниками. Отступление это обернулось новой трагедией для армянского народа, по его причине была уничтожена значительная часть западноармянского населения, которое уповало на русскую армию, связывало с ней все свои надежды.

И во время второго путешествия Туманяна в Западную Армению, на Кавказский театр военных действий, провидение чудесным образом уберегло поэта, поскольку если бы он выехал из Вана на несколько дней позже, то неизбежно оказался бы в числе тысяч и тысяч вынужденных армянских переселенцев, беженцев, которые добрались до Эчмиадзина ценою огромных человеческих потерь, подвергшись нападениям, убийствам и грабежам со стороны курдских и турецких разбойничьих групп.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ЗАБОТА ТУМАНЯНА О СИРОТАХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ованес Туманян происходил из рода долгожителей. Известные, прославленные во всём регионе Лори своими героическими деяниями деды поэта прожили долгую и здоровую жизнь. Однако писателя, к сожалению, ожидала совершенно иная участь. Чувствительной и ранимой душе поэта, «живущей с каждым и страдающей с каждым», стоило невероятных усилий, чтобы выдержать испытания, лишения и бедствия, свалившиеся на его многострадальных соотечественников. И если душе его как-то удавалось выстоять, то тело поэта очень быстро сдавало, не выдерживало постоянного, каждодневного перенапряжения, психологической и физической нагрузки. У поэта были слабые лёгкие, к тому же его беспокоили сердце и хроническая бессонница. Его на протяжении всей жизни сопровождала лихорадка, а в самые последние годы в его организме свила гнездо раковая опухоль, от которой ему не суждено было оправиться. Когда в первых числах июля 1915 г.¹ Туманян вернулся из Вана в Тифлис, он уже был физически измождённым и морально подавленным, старым и больным человеком. А ведь к тому времени ему было всего лишь сорок шесть лет.

Врачи настоятельно рекомендовали поэту поехать в какую-нибудь лечебницу, в санаторий, либо отдохнуть в каком-нибудь курортном месте, богатым минеральными источниками, скажем, в Кисловодске. Однако затруднительное финансовое положение, а ещё точнее, хроническое безденежье, отсутствие материальных средств делало эту возможность нереальной и неосуществимой.

За неимением лучшего выбора поэт предпочёл принять приглашение сатирика, драматурга и театроведа Ашота Атанасяна и отправился вместе с семьёй отдыхать в дачный посёлок Табахмела. До 26-го июля Туманян

¹ Сразу же после возвращения, в первой декаде июля, поэт доложил руководству Национального бюро об антиармянских, а зачастую и вовсе враждебных действиях высшего командного руководства русской армии. По свидетельству Лео, двое командированных на Кавказский фронт делегатов от Национального бюро, Хунунц и Туманян, «привезли из Вана богатую информацию», причём на первом месте по важности стояла информация о генерале Николаеве, заявившем, что он не написал в своей пресловутой телеграмме ничего плохого об армянских добровольцах и что его текст якобы был изменён в пути, а это означало, что депеша была подделана либо в штабе 4-го подразделения (генерал Огановский), либо в штабе командующего Кавказской армией (генерал Юденич). Вооружившись многими другими фактами, Туманян изложил свои впечатления и аргументы трём уполномоченным лицам Национального бюро – епископу Месропу, Ал. Хатисяну и С. Арутюняну, которые, в свою очередь, обратились совместным письмом к русским властям и описали создающуюся взрывоопасную обстановку и неприятные противоречия и трения между русскими войсками и армянскими добровольческими дружинами и местным армянским населением. См. Лео, Из прошлого, стр. 317.

находился в Тифлисе. Следовательно, он отправился в Табахмела не ранее 26-го июля.

Дом для большой семьи поэта нанял Ашот Атанасян. Компанию поэту составляет композитор Романос Меликян¹, несколько дней спустя к ним присоединяются Микаэл Манвелян², Левон Калантар³. Много времени проводит с ними местный крестьянин Никол Мантинян. И судьба распорядится так, что только один день, проведённый поэтом в этом дачном посёлке, складывается для него более или менее спокойно, во всяком случае, только в этот день друзья застают поэта в хорошем настроении, относительно весёлым и беспечным.

Конечно же, поэту очень хотелось как следует отдохнуть и хотя бы на какое-то время отвлечься, забыть обо всех своих проблемах и заботах. Увидев приехавших из Тифлиса на отдых студентов Микаэла и Левона, поэт говорит: «Словно мы не в этом мире, словно и нет войны. Иногда даже и не веришь тому, что пишут газеты»⁴. В действительности же, как заметили его собеседники, на душе у писателя было очень беспокойно. «Хотя Туманян и говорил, что устал и пресытился городом, однако, как теперь видно, тоскует по нему. Расспрашивал обо всём, интересовался новостями: впечатление было такое, словно он давно никого не видел и вот теперь наконец-то ему посчастливилось с кем-то встретиться», - писал в своих воспоминаниях Микаэл Манвелян⁵. Конечно, навряд ли поэт за один день соскучился по Тифлису, однако в это судьбоносное для всего армянского народа время он не мог избавиться от чувства беспокойства, которое ни на минуту не оставляло его.

Во время пиршества, взяв на себя по устоявшемуся обычаю роль тамады, поэт пытается отрешиться от давящих и неотвязчивых воспоминаний от недавней поездки, фронтовых будней и всего того, что ему довелось увидеть в Западной Армении, и проводит несколько приятных часов, забыв о личных горестях и невзгодах, о своей физической усталости и болезненном состоянии и произнеся искренние и вдохновенные тосты о победной героической самообороне жителей Вана, о светлом будущем армянского народа. Ведь после многовекового перерыва в Западной Армении у армян наконец-то был свой губернатор; пусть небольшая, но всё же национальная автономная власть и зародыш независимой государственности – маленькое пристанище для заветной многовековой мечты. Микаэл Манвелян рассказывает об этом следующим образом: «Наше пиршество продолжалось до самого рассвета. Песни, танцы, смех, речи,

¹ Романос Овакимович Меликян (1883-1935) – композитор, автор известных романсов.

² Микаэл Манвелян (1877-1944) – писатель, актёр, прозаик, литературовед, литературный критик.

³ Левон Александрович Калантар (1891-1959) – театральный деятель, режиссёр, один из основоположников Ереванского театра им. Г.Сундукяна.

⁴ Туманян в воспоминаниях современников, стр. 689.

⁵ Там же.

Туманян в роли тамады... Горести, заботы, война – всё это было забыто, было сумасбродное пиршество. Туманян радовался, как ребёнок. Всё было ему дорого и любо, всё ему было по душе. Даже спетая мною народная песня вдохновляла.

Незабываемым был этот день, и каждый раз, когда вспоминаю о нём, перед моими глазами отчётливо предстаёт Туманян со своей неуга-сающей улыбкой, со своим светлым лицом»¹.

Туманяну при жизни был присвоен титул «Тамады всех армян», потому что он всегда был душой компании, у него открытый и общи-тельный характер, а его мудрые, задушевные, искромётные и остроумные тосты, испещрённые поговорками, анекдотами, шутками и прибаутками, и даже самое его присутствие – всё это придавало застолью какую-то осмысленность, наполняло его светом и теплом. Однако очень немногим людям при этом было известно, что под светлой и ясной улыбкой поэта зачастую прятались бесчисленные общественные и семейные проблемы и заботы. Об этом можно судить хотя бы по его собственному давнему при-знанию, сделанному в стихотворении 1897 г. «Впечатления».

Хоть я и лёгким нравом наделён,
Нередко и со мной бывает так:
Смеясь, тяжёлый подавляю стон,
Я - с сокрушённым сердцем весельчак.
(Перевод А. Якобсона)²

Имея жизнерадостный и весёлый нрав и придавая важное значение хорошему расположению духа в жизни человека, поэт, независимо от своего настроения, всегда стремился радовать и веселить окружающих людей, и особенно это касалось застолий и пиршеств. Ведь он, в конце концов, был автором известнейшей в народе сказки «У пирующего пиры не оскудеют», которая была призвана научить людей искусству радоваться жизни, дорожить каждым её днём и мгновеньем. Он советовал: «Считай, что ты умер, каждый свой день рассматривай как подарок, и наслаждайся им». Его друзьям и близким, и, тем более, сотрапезникам никогда не приходилось видеть его печаль и грусть, видеть бескрайнее армянское горе в его душе. Ни один из современников поэта не пишет в своих вос-поминаниях, что Туманян когда-либо и по какому-нибудь поводу выс-казывал своё недовольство, что он был в отчаянии и не скрывал этого. Поэт ни с кем не делился, никому не рассказывал о своих горестях и забо-тах. Они, эти горести, заботы и печали, были известны только ему одному. В этой связи его дочь Нвард пишет: «Свою печаль и боль он тщательно маскировал, нёс её в себе безропотно и смиренно. Даже близкие люди не

¹ Там же, стр. 693.

² Ов. Туманян, Избранное, М., «Худ. Лит.», 1988, стр. 283.

знали о его заботах и страданиях»¹. И разумеется, эти усилия скрывать свою боль и страдания от посторонних глаз, улыбаться через силу, преодолевая горечь; дарить людям радость, когда тебе плохо, а в душе – беспросветный мрак, – всё это не могло не сказаться на здоровье, на физическом самочувствии поэта.

В стихотворении «Рустему», посвящённом своему личному врачу и одному из лучших друзей Аристакесу Заргаряну, поэт сознаётся в тревогах своего сердца, объятого «немыми горестями». Он пытается разъяснить врачу, беспокоящемуся о его больном сердце, причину своей болезни: сердце не выдерживает, потому что, как он пишет: «Я смеялся много раз, когда оно рыдало тайно... Я сдерживал его в себе... я без конца его душил // Из-за каждой тревоги жизни» (Перевод подстрочный) (1, 191).

И в дачном посёлке Табахмела также веселье Туманяна было чисто внешним и показным, однако стремление найти отдохновение и самозабвение среди пирующих сотрапезников тоже было вполне естественно и объяснимо. Как бы то ни было, и его радости, и его горести всегда носили внеличностный характер. Он никак и никогда не мог чувствовать себя счастливым, когда вокруг было столько несчастных людей, столько трагического... Ещё в 1902 г., когда жизнь вокруг была куда более размеренной и благополучной, когда горести и страдания ещё не носили всеобщего, всенародного характера, поэт в одном из своих программных стихотворений сделал следующее важное признание:

Дитя моё! Тому свидетель Бог:
Не так я подл, чтоб средь рабов растленных
Вполне счастливым пребывать я мог
В тюремных стенах.

(Перевод Б. Ахмадулиной)²

В первые дни лета 1915 г. неизбежное горе, причинённое массовой резнёй, погромами и насильственной депортацией армянского населения Западной Армении, огромное разочарование из-за откровенной колониальной политики царской России, из-за антиармянских, а в ряде случаев армяноненавистнических действий высокопоставленных российских чиновников и военачальников русской армии, в душе поэта переплелось воедино с радостью, в основе которой лежала вера и надежда на возможное спасение, освобождение армянского народа. Прекрасной предпосылкой для этого могла стать героическая и победная самооборона Вана. Могла стать, но, к сожалению, не стала. Судьба распорядилась иначе.

¹ Нвард Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 50.

² Ов. Туманян, Избранное, М., «Худ.лит.», 1988, стр. 292.

Ещё до того, как отправиться на лечение и отдых в Табахмела, Туманян знал о начавшемся массовом переселении в Васпуракане, однако пока ещё не мог предвидеть себе подлинных масштабов бедствия. Он, безусловно, был знаком с передовой статьёй в «Оризоне» за 22-е июля, в которой сообщалось, что «сегодняшние телеграммы не оставляют больше никаких сомнений. После общего отступления в Сарикамыше следующим сильным ударом стала новая паника армянского населения. Около 50000 турецкоподданных армян, преимущественно стариков, женщин и детей, которые спаслись от турецких зверств и начали на какое-то время оправляться с помощью русских в этих краях, снова оказались в ужасающем положении, снова мигрируют из родной земли в далёкие горизонты...

Турецкоподданное армянство – нагое, босое, голодное, ослабленное от эпидемических болезней, с бродяжническим посохом в руках снова отправилось в дорогу в сторону Араратской долины»¹.

Кроме того, первые телеграммы из Западной Армении с ужасными вестями приходили и в адрес Национального бюро, и Ованес Туманян как член бюро всегда был информирован обо всех самых свежих новостях и событиях, происходящих на Кавказском фронте. К тому же он и сам лично получал много телеграмм из Маку, Вана, Эрзрума, в которых сообщалось, что армянское население Киликии и Западной Армении подвергается резне, погромам, грабежам и насилию. Со всех сторон люди взывали о помощи, готовые ухватиться за любую спасительную соломинку. До какой степени отчаяния должны были быть доведены эти люди, что обращались к поэту, который вовсе не был всемогущим и никак не мог им помочь.

В самые первые дни своего пребывания в дачном посёлке Табахмела Туманян пытался хотя бы немного прийти в себя после страшных впечатлений от поездки в страну Васпуракан. Чтобы сбросить с себя тяжёлую ношу жутких воспоминаний и хоть как-то утихомирить боль своей души, он то и дело старался завести разговор о литературе и о самом любимом своём жанре – народном творчестве.

Когда Романос Меликян спросил мнение поэта об известном сказочнике и авторе ряда литературных обработок народных сказок и преданий Саркисе Камаляне, в частности, о его принципах обработки фольклорного материала, Туманян ответил: «Саркис Камалян похож на того антиквара, который находит на вершине горы какую-то мраморную статую, например, скульптуру Венеры, связывает её шею верёвкой и волочит по всей горе, приносит в город, а у неё разбиты, переломаны все хрупкие части

¹ «Оризон», 1915, N162, 22-го июля.

тела – пальцы, уши, нос... А ведь суть сказки как раз в этих хрупких частях»¹.

Туманян был писателем, и велико было его желание заниматься литературой, по крайней мере, размышлять на литературные темы, однако последней предоставившейся для этого возможностью он пользуется всего лишь два-три дня. Новые поступившие известия об ужасах переселения ванцев снова лишают поэта душевного равновесия, ещё больше волнуют его и без того смятенную, возмущенную душу, и в тот же вечер 28-го июля он принимает решение поехать в Эчмиадзин, чтобы оказать беженцам первую необходимую помощь.

Что и говорить, двухдневного отдыха, обсуждения с Романосом Меликяном принципов обработки фольклорного материала сказочником и собирателем народных сказок и преданий С. Камаляном, было явно недостаточно, чтобы писатель мог оправиться и отрешиться от воспоминаний и впечатлений, полученных «в мире руин и трупов». Тем не менее, больной и физически и духовно изможденный поэт ни на день и ни на час не откладывает своего возвращения в Тифлис.

Прошло всего два дня, как в «Оризоне» 26-го июля увидела свет его статья «Спокойно и с большой верой», в которой поэт всячески старался обнадежить армянских беженцев, чудом спасшихся от резни. Проповедывающий братство народов поэт-гуманист не мог более не замечать, что у турецких башибузук, этих заклятых врагов армян, – «всегда обagrённые кровью и проклятые руки» (7, 176); что страна турок, Тачкастан – это всего лишь бойня, где «одного всегда резали и истязали, а другой ожидал своей очереди, точно зная и постоянно помня, что его очередь тоже когда-нибудь наступит» (7, 194). Это публицистическое выступление было выражением гнева и проклятия возмущенного до глубины души поэта, а также его призывом не отчаиваться, в часы тяжких испытаний и всемирного бедствия объединиться, сжаться в единый кулак. Констатируя свершившееся общенациональное бедствие, поэт снова пытается вселить веру и надежду в своих отчаявшихся и многострадальных соотечественников. Он пишет: «Курдско-турецкие погромы, резня и разрушения опустошают Турецкую Армению... Повсеместной резнёй они стараются подвергнуть уничтожению наш древний и благородный народ, наш очень многострадальный и растерзанный народ, и избежавшие резни люди, образовав из сотен и тысяч большой поток, от курдско-турецких границ направляются в нашу сторону, в Русскую Армению.

Испытание велико, и бедствие ужасно.

Но мы не вчерашний и не позавчерашний народ, мы не в первый раз видим подобное бедствие, и то, что мы видим, не является для нас чем-то беспримерным.

Нам приходилось видеть и более ужасные бедствия, на значительно

¹ Нвард Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 123.

больших территориях, в течение более продолжительного периода времени, со значительно большими потерями... Сегодня мы боремся против наших врагов, наши беженцы имеют пристанище в Русской Армении, у своих братьев... наконец, у нас есть и та твёрдая вера, что каким бы злым и свирепым ни было варварство нашего врага, оно будет последним.

Каждому армянину необходимо хорошо сознавать всё это и необходимо всегда помнить: никто не должен говорить слов отчаяния и безнадёжности, что свойственно трудным минутам; каким бы большим ни было испытание, мы должны вынести его мужественно и встать вместе, объединёнными силами противостоять нашим лютым врагам и найти утешение в этом всеобщем национальном бедствии – спокойно и с большой верой, незыблемой верой в близкое и лучшее будущее» (7, 176-177).

Трудно с уверенностью утверждать, что у Туманяна в этот момент была эта «незыблемая вера», он сам страдал из-за неопределённых надежд, он был очень близок к отчаянию, однако при этом хорошо знал, что десятки тысяч беженцев ждут его публичного слова, его выступления, знал, что он обязан суметь из глубин своего горя внушить надежду своим несчастным, насильственно депортированным, лишённым родины соотечественникам.

Всего какой-нибудь месяц назад поэт находился в Ване и разделял вместе с ванцами радость и ликование победы, был полон самых радужных надежд на прекрасное будущее, а теперь по дороге в Эчмиадзин он становился очевидцем массового вынужденного переселения тех же самых жителей Вана и его окрестностей. Ему было хорошо известно, каким густонаселённым был в то время Ван, в котором нашли убежище и бежавшие из других мест армяне. И вот теперь всё это население Вана и Васпуракана съёжилось под стенами Эчмиадзина.

Бесконечно усталый от душераздирающих сцен резни и погромов, от тяжёлых впечатлений и разочарований, больной поэт теперь был вынужден развернуть свою патриотическую и общественную деятельность в Эчмиадзине. Утром 28-го или 29-го июля Нвард и Романос Меликян сопровождают поэта в Тифлис – с тем, чтобы он оттуда отправился в Эчмиадзин. Ночью 29-го июля Ованес Туманян уже оказался в аду Эчмиадзина.

В ЭЧМИАДЗИНЕ

Было лето 1915 года – самое тяжёлое, судьбоносное время для армянского народа. В Эчмиадзин стекались последние осколки, щепки чудом спасшегося от резни и погромов армянского населения Алашкерта, Эрзрума, Муша и Вана. Беженцы из Западной Армении заполнили всю Араратскую долину. Ощущалась самая насущная необходимость в деловых, предприимчивых, энергичных, самоотверженных и преданных деятелях. Не было государства, было только Национальное бюро, которое не

имело возможности противостоять пришедшему страшному бедствию ни финансовыми средствами, ни человеческими ресурсами.

Справедливости ради отметим, что с бедствием такого масштаба было бы трудно справиться даже правительствам многих развитых стран того времени. Нам думается, что недовольство и неудовлетворённость Лео деятельностью Национального бюро, которая казалась историку непродуктивной или даже вовсе безрезультатной, были явно тенденциозны и преувеличены. На самом же деле члены Бюро делали всё, что могли, всё, что было в их силах. Но при этом Лео был совершенно прав, утверждая, что из членов Бюро в этот период только Туманян подвергал себя риску «сумасшествия», доводил себя до полного изнеможения. Лео пишет: «Чем сильнее становилась летняя жара, тем больше пустело Национальное бюро. Члены-барины поспешили ради увеличения своей упитанности арендовать прохладные места и удалиться из города... а в это самое время сердце Армении было наполнено вселенским ужасом от жертв во время отступления армянского населения Вана и Маназкерта. Тифлис находился далеко от того места, но мы, тем не менее, чувствовали последнее дыхание большого трупа, и огромная смерть забирала и нас в свои объятия. Умиравший народ, рассеянный на всём протяжении выжженных солнцем земель Араратской долины... В дневное время на улицах и на рынках интеллигентные женщины бегали из дома в дом, из магазина в магазин, собирали хлеб, чтобы послать той умирающей массе людей. Ежедневно в Эчмиадзине, Ереване умирало 700-1000 человек. Ованес Туманян находился в этом аду, он действовал и, к счастью, не доходил до сумасшествия»¹.

По дороге в Эчмиадзин, несмотря на тёмное вечернее время, Туманян замечает, что часть беженцев спала, другая часть сгрудилась вокруг огня; одни молчали, другие стонали от боли и страдания или плакали. При этом все спрашивали дорогу в Эчмиадзин: «Как пройти в Эчмиадзин?» (8, 405). Им отвечали церковные колокола, звон которых напоминал о масштабном, всеобъемлющем горе и бедствии. «Никогда еще колокола Эчмиадзина не звонили столь печально... - куда, до каких пределов доходят эти стенания и стоны?», - писал поэт (8, 405).

Утром 30-го июля поэт увидел, что из-за огромного скопления беженцев в Эчмиадзине яблоку упасть негде. Он увидел матерей, державших на коленях мёртвых детей; какого-то человека, который избивал свою жену за то, что не уследила за детьми, и они потерялись; детей, которые рассказывали, как турки и курды зверски убивали их родителей. В тот день он сделал в своей записной книжке следующую пометку: «Нет воды. Шатахский ребёнок и семья. Эчмиадзин - переполнен»

Утром – переполнен везде и всюду.

Сутолока, плач, просьбы, стенания, скорбь –

¹ Лео, Из прошлого, стр. 322.

Море –

Посередине звонят колокола Эчмиадзина – подобно всеобъемлющему стону.

По утрам разбросаны мёртвые. Ночная скорбь – потерянное кладбище... матери с мёртвыми детьми на коленях; муж избивает жену – мол, где ты потеряла детей? Бездомные дети плачут на дорогах в ночном мраке.

...Длинный, смешанный и нищий, голодный, жаждущий караван – не имеет конца – под солнцем, в облаке пыли – молчаливый и покорный своей судьбе, некоторые довольны, что уже обеспечены – есть также дети, которые радуются этому огромному то ли паломничеству, то ли прогулке...» (8, 495).

Добравшись до монастырского двора, поэт видит неопишуемые и несказанные страдания, ужасы и кошмары, трагические в своей безысходности продолжавшиеся в Эчмиадзине адские сцены; голод, страшная летняя жара, долгая, бесконечная дорога просто вымотали, изнурили несчастных скитальцев-беженцев, среди которых писатель замечает и выделяет «интеллигентные лица... измученные, усталые, молчаливые... Старики... Женщины... Грудные дети» (8, 405-406).

Царили полная суматоха и хаос. Несмотря на то, что каждый пытался чем-нибудь помочь, далеко не каждому удавалось проявлять необходимую организованность. Ситуация была совершенно необычной и беспрецедентной для всех, масштабы бедствия – неохватными и необозримыми, а реальных помощников – очень и очень мало. Акоп Сарикян¹ утверждает, что, вспоминая проведённые в Эчмиадзине месяцы, Туманян «с ужасом и каким-то особенным возмущением говорил о невыносимо тяжёлом положении беженцев... особенно в Вагаршапате. Его чувствительная душа во всю свою мощь восставала против того непростительного равнодушия, свидетелем которого он был в Эчмиадзине.

- Более тяжёлого, более скорбного положения, чем то, что я увидел в Эчмиадзине, ты не можешь себе представить, - говорил он мне. – Много-тысячный народ: старики, женщины, дети – нагие, голодные, больные, заполнили Вагаршапат и окрестные сёла. Спали, где попадётся: в поле, под дождём, в хлевах, под стенами. Ели, что придётся: в этих сёлах не осталось ни одной кошки или собаки. Каждое утро можно было увидеть сотни, тысячи трупов. Мы шагали по этим трупам. Никто ни за что не нес ответственности. Сыпной тиф косил несчастных, которые пришли в

¹ Акоп Сарикян (1872–1945)- Армянский общественно-политический деятель, священнослужитель, педагог Акоп Сарикян оставил богатое наследие, в котором в полной мере отражена его жизнь и деятельность. Большой интерес представляют новые подтверждения известных исторических фактов и их оригинальная трактовка, которую дает в своих статьях и воспоминаниях А. Сарикян. Это относится, в частности, к борьбе армянских добровольческих отрядов, возглавляемых дашнакской и другими партиями в Персии (1895–1898 г.).

Эчмиадзин с надеждами, но от Эчмиадзина ничего не получали. Хотя бы собирали трупы и хоронили...»¹.

Ко всему этому добавлялись кошмарные бессонные ночи поэта, о которых он делает следующую запись в дневнике: «Ночами – повсеместные стоны, стенания, кое-где плач, всё разбросано – стелется по земле, время от времени – чёрные тени» (8, 409).

В рассказе «Гикор» есть эпизод, когда мальчик в предсмертной лихорадке просит дать ему родниковой воды с их гор. Теперь Туманян видел, как «все больные с высокой температурой бредят о родниках. Охи, охи» (8, 411).

Ованес Туманян, как мы уже отмечали, по своему мировосприятию был пантеистом и поклонялся родной природе. И поэтому природа означала для него намного больше, чем просто красота или зов родного края. Природа была для него философией жизни, родиной, началом всех начал, эстетическим идеалом. Природа в его представлении была способна сопереживать человеческому горю, становилась обителью и убежищем, спасавшим героев его произведений, становилась карающей рукой для зла. Природа для поэта всегда была живым существом, подобно человеку, и всегда находилась рядом с ним в самые трудные, роковые часы, поскольку гармония между природой и человеческой жизнью всегда была одной из самых сокровенных его желаний и мечтаний.

Говоря о бесконечно тянувшихся по всему пути от Вана до Эчмиадзина караванах беженцев, досконально зная ту дорогу, по которой они пришли, дорогу, по которой возвращался он сам и при этом лишь по счастливой случайности избежал смерти, Туманян отмечает: «Без конца, без конца, с каким-то тяжёлым и безмерным стенанием... спускаются они с высоких склонов Чингила, проходят с тыльной стороны Масиса по мосту через Аракс... Я старался не смотреть на Масис и Аракс... Но, тем не менее, посмотрел с каким-то непонятным трепетом – голова Масиса была накрыта облаками –

Аракс не издавал ни звука – не рокотал – тяжело и глубоко шипел...» (8, 496).

По свидетельству Ваана Тотовенца, «во дворе монастыря собрались десятки тысяч беженцев. В каждой точке умирали люди, дети кричали, старики стонали, молили, а молодые истощались. Вот чьи-то глаза открыты, смотрит молящим взглядом, всего лишь какое-то мгновение, и вот уже его нет. Голод, жара Араратской долины, ужас дороги и нещадная усталость согнули этот народ... Умирал целый народ. Какие бы глубокие и широкие ямы ни рыли, их не хватало для каждодневной жатвы смерти.

¹ Туманян в воспоминаниях современников, стр. 504.

Смерть косила не серпом или косой, а, казалось, какой-то неведомой доселе и новоизобретённой машиной»¹.

Очень схожее наблюдение мы встречаем и в воспоминаниях Арсена Ацагорцяна, по словам которого «осиротевший народ Вана безнадежно и беспомощно рухнул под стенами Эчмиазина, ожидая своей смерти... И смерть не заставляла себя ждать»².

Беспомощно и безвольно дожидавшимся смерти народом было то самое героическое население Вана, которое в течение месяца держало самооборону и в неравной борьбе с многократно превосходящими силами противника не только одерживало впечатляющие победы, но и доводило до бешенства и исступления турецких правителей и военачальников своим высоким боевым патриотическим духом.

Ярким примером этого боевого духа была героическая самооборона села Шитан Шатахского уезда Ванской губернии. Самооборона эта началась 27-28-го марта 1915 г., длилась полтора месяца, полных сорок пять дней, причём армянским ополченцам всё это время удавалось не просто удачно обороняться, но и не дать ни одной жертвы, доведя противника до белого каления своим неукротимым духом. Очевидцы Ншан Мурадян и Мовсес Азизян рассказывают: «Наши жили в осаждённом селе в приподнятом, весёлом расположении духа. Не было недостатка в песнях, танцах, развлечениях. Это всё очень плохо отражалось на настроении противника»³.

И вот теперь героические защитники своих родных домов и своей родной земли стали беженцами и собрались – смертельно усталые, разбитые, истощённые, измождённые, больные, голодные, нагие и босые – во дворе Эчмиадзинского Собора, около Геворкянского озера, в близлежащих лесах и повсюду. Зал типографии служил складом для поступавшей из-за рубежа гуманитарной помощи в виде продовольствия и одежды.

Когда поэт добрался до Эчмиазина, в здании семинарии нашли приют около пятисот детей-сирот. «Невозможно описать, какое это ужасающее бедствие, очевидцем которого я стал, - пишет Туманян 8-го августа» (10, 228).

Всего лишь в течение нескольких дней число это возросло в шесть раз. Уже к 14-му августа 1915 г. число нашедших пристанище в Эчмиадине армянских сирот превысило три тысячи, и пришлось открыть «новый сиротский дом под открытым небом» (10, 229).

Во второй декаде августа в здании духовной семинарии нашли приют 2000 детей-сирот, тогда как спальных мест было всего 405. Невероятными усилиями в классных комнатах семинарии удаётся разместить ещё двести детей. Учебный год был прерван, а сама семинария была пе-

¹ Там же, стр. 136.

² Там же, стр. 584.

³ Национальный архив Армении, ф. 227, оп. 1, д. 449, лл. 13-16. См. также: «Летопись скорби. Геноцид армян глазами очевидца», Ер., 2005, стр. 176 (на арм. яз.).

реоборудована в госпиталь, который был не в состоянии принять всех детей¹. По этой причине часть детей устроили в сельских домах. Согласно записям Ов. Туманяна, в эти дни ему удалось раздобыть и раздать хлеб 45.785 армянским беженцам, приехавшим в Эчмиадзин из Шатаха, Вана и его окрестностей, из Гяваша, Айоц-дзора, Каркара, Карчкана, Мокса, Арджавазы, Тимара, Хлат-Битлиса и других мест.

Приютившимся в Эчмиадзине армянским детям-сиротам предстояло пронести в своей памяти через всю оставшуюся жизнь жуткие видения резни, вынужденное переселение. Многим из армянских сирот так и не суждено было добраться до Эчмиадзина не потому, что их убили по дороге, а потому, что они стали невольными свидетелями жестокого, дикого истязания и убийства своих родителей, своей родни и вообще своих соотечественников. Они были всего лишь детьми и не выдерживали этого ужаса, их сердца разрывались от страха. Так, в селе Тимар Гявашского гавара, в котором было тридцать домов армян и всего один курдский дом, по свидетельству очевидцев Мурада Казаряна и Геворка Гохикяна, «из-за резни в селе до его освобождения от страха умерли 40-50 детей»².

В селе Арцке Алджавазского уезда³, в котором проживало 150 армянских семейств, спаслось всего шесть. Среди спасшихся был и семилетний Ншан Абрамян, который рассказывал: «Нам для ночлега выделили здания духовной семинарии Эчмиадзина. Днём мы шли, паслись, съедали всё, что попадалось под руку – будь то собака или кошка. По утрам только половина из нас просыпалась живыми... Хоронить было некому, трупов было так много, что не успевали хоронить по-человечески; некому было рыть ямы. Была одна воловья телега, по дороге, ведущей в Звартноц, была большая яма, трупы бросали в неё, прикрывали землёй. Американцы пришли, дали постель, готовили обед – фасоль, раздали одежду, открыли сиротский приют в том же здании... Стоило ночью пройти какой-нибудь кошке, кому-нибудь закричать, как все сироты Эчмиадзина начинали подавать друг другу голос. А священники, вместо того чтобы успокоить, подтверждали существование призраков, запугивали нас. В монастыре был колодец, священники говорили, что когда придут турки, эти воды превратятся в моря. Однажды ночью из монастыря св. Рипсима мы добежали до сиротского приюта, и опять из-за страха кладбищенских привидений... По вечерам вокруг каждого здания организовывались вечера песен, танцев. Дети каждого уезда представляли свои песни и танцы. Мать Татула Алтуняна⁴ была управляющей... Американцы стали отбирать детей и

¹ Переписка семьи Туманяна, стр. 72.

² Национальный архив Армении, ф. 227, оп. 1, д. 446, лл. 19-23. См. также: «Летопись скорби. Геноцид армян глазами очевидца», Ер., 2005, стр. 145 (на арм. яз.).

³ Национальный архив Армении, ф. 227, оп. 1, д. 12, лл. 2-25. См. также: «Летопись скорби. Геноцид армян глазами очевидца», Ер., 2005, стр. 111 (на арм. яз.).

⁴ Татул Алтунян (1901, Адана – 1973, Ереван) – дирижёр. Переехал в Ереван во время массового переселения в 1915 г. В 1935 – 1949 гг. руководил государственными хорами.

посылать в Америку. Меня наша воспитательница спрятала под кроватью, не позволила, чтобы меня забрали, почему – не знаю...»¹.

Другой ребёнок-сирота того же возраста, воспитанница детского дома в Ване Азнив Асланян, рассказала в своих воспоминаниях об Эчмиадзине о том, что ей особенно запомнилось: как Католикос поручил ежедневно закалывать двух баранов, готовить обед и раздавать беженцам и сиротам². Маленькая Лусик Баласанян жила в Игдыре, когда напали турки. Спаслась чудом, оказалась в Эчмиадзине. В её воспоминаниях также фигурируют американские миссионеры, которые «создали маленькие производственные артели, где мы обрабатывали хлопок, превращали в нити – за эту работу получали еду. Потом умерла моя мама. Мы остались одни. Мой брат был слепым, мы не хотели расставаться, но меня повезли в Лениакан, где был открыт детский дом для девочек. Американцы отбирали красивых, здоровых девочек и увозили в Америку... Но я больше никогда не увидела своего брата с незрячими глазами»³.

Девятилетнего Патрика Сарояна больше всего впечатляло то, что «матери хоронили своих детей без саванов»⁴. А для Вардуи Потикян слова «Эчмиадзин» и «Смерть» воспринимались как синонимы. «Пришли в Эчмиадзин, лежали в лесах. Кому суждено было умереть, умирал. Мой дядя умер в лесу. Люди принесли качку, увезли и похоронили. Кто-то умирал от тифа, холеры, а кто-то выживал»⁵.

Жизнь, тем не менее, продолжалась. Прибывшие для оказания помощи беженцам молодые добровольцы не только замечали красивых западноармянских девушек со звучными именами – Сирвард, Кармиле и Алвард, но и откровенно восхищались ими, влюблялись в них. В одну из таких красавиц, «высокую и стройную, красивую шатахскую девушку, изящную и грациозную» Тангик влюбился сын Степана Лисициана Левон Лисициан. А Тангик беспрестанно убегала и повсюду искала своих родных. Нвард Туманян пишет: «Целыми днями искали и не находили её. Кто знает, чьей невесткой была Тангик, кого она искала. Левон Лисициан решил во что бы то ни стало найти Тангик, уговорить её, забрать с собой в Тифлис, однако её так больше и не нашли»⁶. Узнав об истории Тангик, которая, возможно, потеряла рассудок от горя или стала жертвой эпидемии,

ми ансамблями Ереванской консерватории и Армении, в 1938 – 1970 гг. возглавлял также ансамбль армянской народной песни и пляски, который в 1974 г. был назван его именем. В 1958–1973 гг. – председатель Хорового общества Армении. В 1965 г. получил звание народного артиста СССР, в 1950 г. – Государственную премию. Его именем были названы армянские ансамбли в Каире, Буэнос-Айресе.

¹ Вержине Авакян. Геноцид армян. Свидетельства выживших очевидцев, N38. [http://www.armeniacpedia.org/index.php?title=The Armenian Genocide: Testimonies of the Eye-Witness Survivors - Testimonies 1-49](http://www.armeniacpedia.org/index.php?title=The_Armenian_Genocide:_Testimonies_of_the_Eye-Witness_Survivors_-_Testimonies_1-49)

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 125.

Дереник Демирчян решил назвать её именем героиню своей драмы «Приговор».

Казалось бы, песни армян остались в оборонительных окопах Вана, в сражениях за свободу и право жить независимой жизнью, однако даже в неопишуемых ужасах эчмиадзинских будней беженцы продолжали петь свои печальные песни, полные неизбывной горечи, песни скорби и боли. В памяти Нвард Туманян осталась, в частности, грустная мелодия народной песни «Хеди бажо», которую пели в поздние ночные часы. Нвард пишет: «Какая мать скорбела по своему сыну, или кто это вспоминал свои родные места и звал с такой печалью?..

За время, проведённое в Эчмиадзине, это была единственная песня, которая была слышна в поздние часы ночи сквозь стенания и скорбь»¹.

Туманян был исключительно организованным, целеустремлённым человеком.

При решении конкретных проблем он проявлял незаурядные деловые качества, был последовательным в своих действиях. По велению исторического момента он выступал с самыми необходимыми инициативами, умел собираться, концентрировать все силы для выполнения своей миссии в Национальном бюро и для оказания помощи и заботы армянским беженцам и сиротам в Эчмиадзине.

Поэт был наделён удивительной способностью работать одновременно в нескольких направлениях, не забывая при этом вести дневниковые записи, вносить в записную книжку определённые документальные факты, которые будут нужны для истории. Вносил он туда также заготовки, яркие и впечатляющие фрагменты для своих будущих художественных произведений.

В Эчмиадзине поэт услышал и записал ужасающие, душераздирающие истории о резне и погромах армянского населения в Ване, рассказанные чудом спасшимися очевидцами этих событий. Многие из беженцев рассказывали, «как перебили их родителей, увели сестру, увели невестку, зарезали дядю, увели жену дяди – сколько людей в доме были убиты, а сколько умерли, сколько выжили...» (8, 405).

Среди дневниковых записей поэта часто встречаются пометки о нанесённом материальном ущербе. Будучи твёрдо уверенным, что необходимо быть последовательными в своих требованиях возмещения убытков и что суровый и справедливый суд над турецким отребьем когда-нибудь состоится, Туманян вёл учёт человеческих и материальных потерь, сообщал точные сведения об оставленных в Маназкерт тридцати пудах

¹ Там же.

пшеницы, о сожжённых в собственных домах армянских семьях в селениях мушских полей и т.д. (8, 406).

Только в 1916 г. по инициативе Бакинского комитета АРФД предстояло начать последовательный и обстоятельный сбор информации в среде армянских беженцев об организации и осуществлении резни и погромов в Западной Армении, дав этой программе выразительное название «Вштапатум» («Летопись скорби»). Фактически Туманян предпринял это дело задолго до этого, когда шагал по городам и сёлам своей исторической родины, Западной Армении, а затем продолжил в Эчмиадзине. На юридическую основу он попытался поставить своё начинание значительно позднее, в начале 1918 г., когда возникла насущная необходимость представить меморандум на Парижской мирной конференции стран Антанты. Поэт по собственной инициативе создал Бюро по установлению потерь от Мировой войны, и сам же возглавил эту организацию. И вообще Туманян очень часто выступал с самыми разными патриотическими инициативами, обращёнными к общественности призывами. Поэт обладал удивительной способностью направлять весь внутренний потенциал нации в одном направлении, подчиняя его решению всеобщих задач.

В условиях трагической армянской действительности Туманян первым обратился с воззванием к армянским женщинам и девушкам, общественным организациям, чтобы они оказывали всестороннюю помощь и заботу армянским детям-сиротам. Добравшиеся до Эчмиадзина сироты самым острым образом нуждались в материнской ласке, в женской заботе и душевном тепле. Обращаясь к армянским женщинам и девушкам и призывая их стать сёстрами милосердия, Туманян прекрасно осознавал, что все, кто откликнется на его призыв, будут подвергать свою жизнь смертельной опасности, но не видел иного пути, не видел иного выхода. Не видел, потому что не было этого иного пути, иного выхода.

Вначале поэт обращается к помощи Национального бюро: просит послать сестёр милосердия. На следующий же день после приезда в Эчмиадзин, 30 июля 1915 г., поэт пишет: «Пусть услышат мольбу этих детей наши сердобольные женщины, девушки и армянские женские общественные организации. Желательно, чтобы они незамедлительно и повсюду организовывали специальные комитеты и посылали в Эчмиадзин, чтобы организовать здесь детские приюты» (10, 227).

В тот же самый день поэт представляет центральному комитету Армянского национального бюро ужасную ситуацию, царящую в городе. «Сотни тысяч беженцев приходят из Турции через Игдыр в Эчмиадзин. Пока ещё не видно конца этой идущей вереница за вереницей массе, которая движется в поднятой пыли. В большинстве своём это женщины и дети, обессиленные, усталые, голодные, босые. Их рассказы о зверствах курдов и турок полны неопишемого ужаса» (10, 227). В том же отчёте поэт сообщает, что приблизительно пятьсот сирых и бездомных детей добрались до Игдыра и Эчмиадзина, поскольку «побуждающая к бегству

паника наступила совершенно неожиданно, по этой причине родители теряли своих детей, дети – своих родителей. Многие из детей, потерявших родителей, голодные, измученные, отставали в пути и умирали, если их не забирали другие» (10, 227).

Одновременно поэт обращается с уже упомянутым призывом к общественным организациям, ко всем сердобольным женщинам и девушкам – приехать в Эчмиадзин, помочь несчастным детям-сиротам, которые так нуждаются в женской заботе и ласке.

Это воззвание, обращённое не только к женщинам, но и ко всему армянскому народу, писатель отправил в Тифлис вместе с нарочным, Самсоном Арутюняном, который являлся председателем Армянского Кавказского благотворительного общества и председателем Армянского центрального комитета по оказанию помощи беженцам. Не полагаясь только на Национальное бюро, поэт в тот же день, 30-го июля, вручает Самсону Арутюняну телеграмму с идентичным содержанием, адресованную правлению тифлисских армянских женщин при доме труда «Мегу»¹. Поэт получает следующее ответное письмо: «Правление Дома труда «Мегу» получило Вашу телеграмму от 30.07.1915 г., в которой Вы приводили душераздирающие подробности из жизни беженцев, подчёркивали бездомное и беспомощное положение более пятисот осиротевших детей и призывали организовать женские группы, чтобы содержать этих детей и заботиться о них до определения их положения.

Правление Дома труда «Мегу» как женское благотворительное культурное учреждение, конечно же, должно было спешно откликнуться на Ваш призыв. Но поскольку нам были совершенно неясны сферы наших обязанностей и деятельности, мы немедленно посылаем своего исполнительного представителя Ерванда Цолака, чтобы выяснить у Вас суть и условия дела.

Просим... дать нашему представителю необходимые указания, чтобы мы могли по возможности скорее после его возвращения сразу же приступить к делу»².

Письмо написано рукой заместителя председателя правления организации Вардуи Ованнисян – с тем, чтобы не посылать сестёр милосердия сразу же по получении телеграммы. Разумеется, разъяснение и оправдание отказа «непонятностью сферы обязанностей и деятельности» и желанием обсудить детали и условия - это всего лишь отписка, отговорка. Однако не желая, чтобы у писателя создалось впечатление, что так называемый «Дом труда» является организацией не дела, а слова, в том же

¹ Телеграмма эта не сохранилась, однако её содержание становится понятным из официального ответа правления тифлисских армянских женщин при доме труда «Мегу». См. МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N 1728. Из откликов выясняется, что телеграммы с таким же содержанием поэт отправил нескольким общественным организациям и комитетам, стараясь объединить как можно больше сил для противостояния общенациональному бедствию.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1728.

ответном письме от 30-го августа даётся отчёт об участии организации в инициативах по оказанию помощи беженцам в Тифлисе.

«Многоуважаемые господа С.Арутюнян и Ов. Туманян,

В первой половине августа центральный комитет Кавказского Армянского благотворительного общества и Армянский комитет по оказанию помощи беженцам уже организовали группы для командирования в Игдыр, Эчмиадзин и Дилижан»¹.

Несмотря на определённую медлительность адресатов, призывы и воззвания Туманяна не оставались без ответа. Конечно, в дни бедствия очень многие армяне из Москвы, Баку, Тифлиса, Еревана и других армянонаселённых мест пытались тем или иным способом оказать поддержку и содействие своим нуждающимся в помощи соотечественникам, нашедшим пристанище в Эчмиадзине, однако «трудностей было более чем достаточно»². Кроме того, в военное время ситуация была очень трудной и неутешительной повсюду. Что касается положения в Эчмиадзине, то здесь где-то начиная с середины августа оно стало постепенно улучшаться, в особенности после того, когда открылась амбулатория, пять больниц на 500 коек и новый сиротский приют на 3000 детей. На всех детей-сирот ежедневно приходилось всего 800 килограммов муки, кроме того, дети получали горячую пищу.

В эти дни Туманян встретился с прибывшими в Эчмиадзин представителями Бакинского благотворительного общества, которые привезли с собой в большом количестве одежду, посуду, продовольствие.

ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ НЕДАЛЕКО ПАДАЕТ

Среди откликнувшихся на призыв Ованеса Туманяна была также дочь поэта Нвард Туманян, которой в то время было 23 года.

Здесь мы не можем не отметить высочайшее качество патриотизма и преданности Туманяна своему народу, которое на первый взгляд не вполне понятно для обычных смертных. Поэт был любящим и преданным отцом десяти детей и чувствовал свою ответственность за каждого своего ребёнка. Он готов был отдать за каждого из них свою жизнь, готов был сделать всё, чтобы отвести от них опасность, угрозу для жизни. В конце концов, ради великой идеи, ради спасения родины и родного народа можно рисковать своей собственной жизнью, можно подвергать опасности свою жизнь, но можно ли распоряжаться судьбами детей, можно ли класть на алтарь их жизни? Поэт воспитал своих детей в довольно свободных и независимых условиях для того времени; он всегда прислушивался к их мнениям по любому вопросу, никогда не ограничивал их и не неволил, с

¹ «Оризон», 1915, N178, 182, 9-го, 14-го августа.

² Н.Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 129.

детских лет всячески поощрял их стремление быть самостоятельной личностью, и, конечно же, каждый из них был способен вполне независимо распоряжаться своей судьбой. Однако Туманян был недостижимым идеалом для своих детей, и все его дети, все без исключения, были готовы не только пожертвовать собой ради блага народа, но и, казалось бы, вступали в соревнование между собой, кто принесёт больше пользы. Единственной «виной» поэта, вероятно, было то, что он, в отличие от миллионов других родителей, которые всячески оберегали своих детей от соприкосновения с ужасной действительностью, держали их на безопасном расстоянии от эпицентра человеческих страданий, от смертельно опасных заразных болезней – он сам способствовал непосредственному участию своих детей во всём этом кошмаре, наставлял их и поощрял, а иногда и звал в опасные для жизни места. И это в том случае, что очень многие писатели и общественные деятели бежали подальше от подобных испытаний и сопряжённых с риском для жизни регионов, а если и оставались сами на Кавказе, то отсылали детей, чтобы оградить их от опасностей, от трудностей, чтобы спасти им жизнь и считать свою родительскую миссию успешно выполненной. Так, историк Лео об этих страшные днях, когда все вокруг стремились заполучить в банках свои денежные сбережения и уехать в относительно безопасные места, когда бегство от суровой реальности «становилось императивом, настоящим велением момента»¹, пишет: «Вот здесь-то и довелось встретиться нам двоим, мне и Ширванзаде. Получать нам, конечно, было нечего, и мы совершенно хладнокровно смотрели, как люди лезли на головы друг другу, чтобы войти в банк. Да, всё было именно так. Но мы были объаты очень большой родительской печалью, у нас у обоих были совершеннолетние и красивые дочери. Решили, что бы ни случилось, отошлём обеих, а после этого пусть будет то, что будет. Нам удалось повернуть это дело посредством наших пускавшихся в бегство знакомых и родственников. Избавились от очень большой заботы»².

А Туманян прекрасно понимал, что нельзя призывать чужих детей рисковать своими жизнями и при этом оберегать своих детей. Все совершеннолетние дети поэта в это время жили активной общественной жизнью, делали всё возможное и невозможное как для спасения Западной Армении, так и для оказания помощи беженцам и сиротам. И одной из них была дочь поэта Нвард, третий по старшинству ребёнок Туманяна.

В 1915 г. в Тифлисе функционировал «Комитет армянских девушек», одним из самых активных и деятельных членов которого была Нвард Туманян. Она сотрудничала с Тифлисским Центральным комитетом по оказанию помощи беженцам.

Воззвание Ованеса Туманяна к женщинам и девушкам об оказании

¹ Лео, Из прошлого, стр. 311.

² Там же.

помощи армянским детям-сиротам было адресовано в первую очередь «Комитету армянских девушек», а следовательно, и к дочери Нвард. Поэт своим личным примером и всей своей самоотверженной общественной и патриотической деятельностью показывал, как важно и необходимо заботиться об армянских беженцах и сиротах. И он не только не отстранял Нвард от тяжёлой и очень опасной для жизни работы в качестве сестры милосердия, но и с нетерпением ждал её приезда в Эчмиадзин и даже выражал беспокойство по поводу её задержки.

Любимая дочь поэта не разочаровала своего отца. Она первая откликнулась на его призыв и добровольно, с большой отзывчивостью подключилась к работе в эчмиадзинском аду. В своих воспоминаниях она пишет: «Некоторое время спустя я также вместе с несколькими подругами отправилась в Эчмиадзин, чтобы работать среди беженцев в качестве сестры милосердия»¹.

Вместе с Нвард Туманян в Эчмиадзин отправились три её подруги, имена которых опубликовала газета «Оризон» в своём номере за 9-е августа. «Армянский центральный комитет послал в Эчмиадзин девиц Н.Туманян, А.Даниелян, Р.Зорян и К.Лпанозян, которые по своей инициативе и своей доброй воле взяли на себя обязанность бесплатно работать на благо беженцев»².

В числе добровольцев, работавших в Эчмиадзине вместе с Нвард, были также молодые парни – А.Бархударян, Л.Ачмян, Л. Лисициан. По всей вероятности, несколько дней спустя было принято решение отправить Нвард не в Эчмиадзин, а в Игдыр. Об этом свидетельствует опубликованное в «Оризоне» новое сообщение Центрального комитета по оказанию помощи беженцам. Оно увидело свет через пять дней после предыдущего, 14-го августа. Согласно этому объявлению, Нвард в качестве руководителя группы, оказывающей помощь беженцам, должна была отправиться в Игдыр. В сообщении говорилось: «Учитывая потребность в интеллигентных силах в деле оказания помощи беженцам, Армянский центральный комитет организовал три группы. Первая группа, которая будет действовать в Игдыре, состоит из шести человек и сформирована из представителей Комитета армянских девушек под руководством Н.Туманян... Вторая группа будет работать в Эчмиадзине под руководством Капанакян, третья группа – в Дилижане, под предводительством врача Еазмачян и врача Туманян»³.

Нвард всегда держала в курсе царившей в Эчмиадзине обстановки своего брата – служившего в Диадине старшего сына поэта Мушега Туманяна. Последний, в свою очередь, получал необходимую информацию о ситуации с беженцами от очевидцев и из газет. Примечательно, что в

¹ Там же, стр. 123.

² «Оризон», 1915, N 178, 9-е августа, стр. 3.

³ Там же, 1915, N 182, 14-е августа, стр. 3.

своём письме за 31-е августа, адресованном сестре Нвард, Мушег, с одной стороны, требует дополнительной информации, а с другой стороны, воодушевляет её, сообщая, что солдаты встретили с ликованием и возгласами «Ура!» известие о том, что армянские девушки оказывают безвозмездную помощь беженцам и детям-сиротам. «Нвард-джан, - пишет Мушег, - как настроение у отца? В каком состоянии этот детский приют? Меня спрашивают со всех сторон о детском приюте семинарии, о его неподобающем и грязном виде. Разве ваше общество девушек не может чем-то помочь? Здесь, в воинских частях, я прочитал специальную телеграмму, в которой было написано, что со стороны Тифлисского комитета армянских девушек в Эчмиадзин отправилась группа, которая будет действовать под руководством Нвард Туманян, не знаю, правда ли это, однако солдаты 45 раз кричали «Ура!»»¹.

Дети писателя следовали примеру своего отца и не щадили не только своей жизни, но и жизни своих родных и близких, как не щадил Мушег своей сестры, ставя перед ней фактически непосильную задачу.

Конечно, они любили друг друга не меньше, чем любые другие брат и сестра, однако стремились любить свою родину и свой народ так, как любил их отец, – то есть больше, чем собственную жизнь.

По всей вероятности, Нвард попросила руководство своей организации не отправлять её в Игдыр, а оставить в Эчмиадзине, где ситуация была исключительно тяжёлой и где работы было невпроворот. Она была убеждена, что здесь, в Эчмиадзине она сможет принести больше пользы. Ну и, конечно, для неё было чрезвычайно важно оставаться рядом с отцом, поскольку она получала возможность заботиться не только о детях-сиротах, но и о слабом, нездоровом отце, который также нуждался в уходе и заботе.

Ованес Туманян вместе с дочерью проживали на первом этаже здания Эчмиадзинского матенадарана, а на втором этаже одну из комнат занимал местоблюститель Католикоса архиепископ Усик. Благодаря упорству и большой настойчивости архиепископка поэт обеспечивают завтраком – яичницей с помидорами; её начинает готовить сам поэт. Нвард Туманян свидетельствует, что святейший Усик «каждое утро посылал в тарелке помидоры для отца, и заодно – красные розы: помидоры – отцу, розы - дочери»².

Дождавшись, когда все сотрудники закончат обедать, в довольно позднее время Туманян вместе с дочерью направлялся в столовую и пользовался особым вниманием и расположением работника столовой Левона Баклачева. Поэт, однако, почти ничего не ел. Как свидетельствует

¹ Переписка семьи Туманяна, стр. 72-73.

² Н.Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 124.

Нвард, «сам он не мог ничего есть – не было ни времени, ни аппетита; он только пил чай и кофе, добавляя в них коньяк; пил несколько раз в день, чтобы предотвратить различные болезни»¹. А в столовую он шёл, чтобы составить компанию дочери и проследить, чтобы она не осталась голодной после трудного рабочего дня, заполненного массой самых негативных впечатлений и эмоционального напряжения.

Писатель всячески старался подключить к работе по уходу за детьми-сиротами главным образом местных женщин и девушек – жительниц Эчмиадзина. Стоило ему встретить на улице местную женщину или девушку, как он начинал упрашивать и уговаривать их не оставаться равнодушными к страданиям несчастных детей-сирот, помогать им, заботиться о них, тем более, что им, этим женщинам и девушкам, так или иначе приходится жить среди беженцев и сирот, в эчмиадзинском аду. Увидев двух сестёр, которые учились в Ереване и вернулись на летние каникулы в родной Эчмиадзин, он обратился к ним с просьбой о помощи и, убедившись, что они не возражают и готовы последовать его инструкциям и распоряжениям, поэт решает не откладывать дело в долгий ящик и говорит: «Поскольку вы сейчас свободны и видите состояние этих несчастных, которые сбились в кучу под открытым небом, то позвольте вас спросить, не хотели бы вы оказаться полезными для них, ведь они так нуждаются в помощи и сочувствии.

- Ну, конечно, с большим удовольствием, - подхватили мы хором, - вот только не знаем, к кому следует обратиться и как». Так рассказывает об этой встрече одна из девушек, Нвард Егибян (Багдасарян)².

Туманян сразу же вызвался сопровождать их и показал и больницу, и столовую, и сиротский приют, и пункт медицинской помощи. Обе сестры Егибян были польщены и воодушевлены возможностью пообщаться с великим армянским поэтом и сразу же приступили к работе. Впоследствии они поделятся своим наблюдением: «К кому бы ни подходил Туманян, куда бы он ни заходил, с кем бы ни разговаривал, все выслушивали его и отвечали поэту с глубоким уважением, с радостью... Было отчётливо видно, что он является душой всех инициатив; это был человек, живой пример которого вдохновлял очень многих и нас»³.

Ованес Туманян окружал большой нежностью и заботой каждую сестру милосердия, подвергавшую свою жизнь смертельной опасности. Он знал, что в этот исторический момент «в Эчмиадзине почти в каждом деле необходимо было сердце, сердечное отношение, причём особенно необходимо было в обители Детей» (7, 178).

¹ Там же.

² Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 683.

³ Там же.

Поэт часто заходил в столовую, чтобы напомнить служащим: «О девушках заботитесь или ждёте, чтобы они сами пришли? Ведь они работают с утра до ночи»¹.

Если не все, то, во всяком случае, очень многие из сестёр милосердия считали большой честью для себя работать под руководством Туманяна. Одна из них, Нвард Багдасарян, вспоминает: «Какая забота в отношении каждого из нас, к большим и маленьким, к больным и здоровым... Я чувствую себя счастливой, что имела возможность работать под его руководством»².

Поэт в свою очередь восхищался и восторгался, гордился самоотверженным трудом, «безумным самопожертвованием» армянских женщин и девушек в эти страшные дни. Об этом он пишет месяц спустя после возвращения в Тифлис: «Ситуация в Эчмиадзине – бедствующие беженцы, которые пришли большим потоком из Турецкой Армении и разлились морем вокруг Эчмиадзина, наряду с другими факторами выявили ещё одно характерное явление: стало ясно, на какое безумное самопожертвование способна армянская женщина, армянская девушка. В Эчмиадзине почти в каждом деле необходимо было сердце, сердечное отношение, причём особенно необходимо было в обители Детей, которая с той поры стала называться Сиротским приютом.

И вот здесь, среди нескольких тысяч грязных, нагих, голодных и больных детей, как раз и появились они, и нужно было видеть, что они делают в сиротском приюте и вокруг него; каждый раз при виде их я глотал слёзы от волнения и никогда, никогда не забуду этих прекрасных бойцов, в условиях страшной катастрофы вышедших сражаться лицом к лицу с голодом, тифом, холерой и с самыми разными лишениями и страданиями» (7, 178).

Туманян неоднократно признавался, что каждый раз, встречаясь с сёстрами милосердия, среди которых были даже тринадцатилетние подростки, он едва сдерживался, чтобы не заплакать, и прятал наворачивавшиеся слёзы.

И действительно, Ованес Туманян во время своего пребывания в Эчмиадзине находился в море всепоглощающей нищеты и обездоленности, в неправдоподобной, кошмарной, граничащей с абсурдом реальности, где повсюду была смерть, где повсюду раздавались стоны и стенания тяжело больных людей, раздавался плач и надрывные крики вечно голодных и неухоженных детей. Каждый день поэту приводилось

¹ Ов.Туманян в воспоминаниях современников, стр. 686.

² Там же.

видеть раздирающие душу сцены скорбящих по умершим детям родителей, рыдающих по умершим родителям детей. Каждый день поэт получал множество писем-прошений от беженцев и детей-сирот, в которых они слёзно умоляли его спасти их от голода и болезней.

7-го августа 1915 г. беженцы из Алашкерта пишут в своём коллективном письме: «Обращаемся к Вам, г-н Туманян, будучи уверенными, что Вы лучше кого бы то ни было понимаете наши страдания, лучше кого бы то ни было знаете наши мучения...

Благодаря Вашему человеколюбию не будет дозволено, чтобы чудом избежавшие курдских и турецких сабель осколки армянского народа умерли от голода и лишений»¹.

Столь же трогательное коллективное письмо-прошение было адресовано поэту за подписью «Беженцы села Дхе». В письме говорилось: «Наше село состояло из трёхсот пятидесяти домов, в нём было две тысячи жителей, все без исключения были перебиты. Однако здесь, в Эчмиадзине, мы, к сожалению, должны умереть от голода; обращаемся к Вам, нам не помогают, все отказывают, мы потеряли всякую надежду на кого-либо и обращаемся к Вам и просим, чтобы Вы не отказали нам в нашей просьбе и дали бы нам возможность выжить, пока мы сможем вернуться на родину»².

Таким вот образом не поддававшимся исчислению беженцы, отчаявшиеся получить хоть какую-нибудь помощь, потерявшие последнюю надежду, просили Туманяна «дать им возможность выжить», «помочь им вернуться на родину». И поэт не знал, кому и как помочь, что делать, чтобы вселенское горе в его душе не выплескивалось через край. И его преследовала неотвязная мысль, что, сколько бы ни делалось для беженцев и детей-сирот, всё равно, делается недостаточно и не так, как следовало бы. И он требовал большего от себя и от окружающих, будучи уверенным, что при лучшей организации дела и распределении обязанностей можно было бы добиться неизмеримо лучших результатов.

В своём стремлении идти навстречу каждой просьбе беженцев и сирот Ованесу Туманяну нередко приходилось руководствоваться только голосом своей совести, подчас нарушая при этом законы, правила и предписания церкви. Так, церковные служители были категорически против того, чтобы в сиротские приюты принимали детей, имеющих одного родителя или даже просто родственников. Однако нередко были случаи, когда матери, не будучи в состоянии прокормить своих детей, сами приводили их и оставляли у дверей сиротского приюта. Они прятались в каком-нибудь укромном месте и наблюдали. Поэт сделал в своём дневнике следующую запись: «Матери, воистину, приводят, уверяют, что это сироты, что они нашли их, что у них нет отца-матери, и умоляют

¹ Музей Ов. Туманяна, Новые материалы, л. 60.

² Там же.

принять несчастных детей; ребёнок часто зовёт женщину – «нани» или «маре»¹, крича и выдавая обман матери» (8, 408). Однако поэт принимал этих детей в приюты: ведь эти матери шли на такой обман, чтобы спасти жизнь своих детей.

Туманяну часто приводилось также видеть, как «некоторые из беженцев оставляют детей у дверей приюта, а сами уходят, исчезают» (8, 408).

Бывали и такие случаи, когда дети с криками «маре» убегали из приюта. Однажды утром служители обнаружили у дверей приюта больного ребёнка. Все решили, что это дело каких-то бессердечных и бессовестных людей. Туманян, между тем, чувствует, что ребёнок не беспризорный. «Я подумал, что его мать должна быть где-то поблизости, посмотрел по сторонам – за одним из деревьев стояла и наблюдала за происходящим мать ребёнка...» (8, 408). Точно так же поступает какой-то ванский торговец, который, не говоря ни слова, приводит ребёнка и оставляет в приюте, а сам уходит.

И всё же в большинстве своём дети, имевшие родителей, отчаянно бились и плакали, протестовали, не желая оставаться в сиротском приюте. Конечно, большим соблазном для них было то, что приютским детям-сиротам выдавали новую одежду, «халав»², худо-бедно кормили, но они, тем не менее, готовы были отказаться от всех этих льгот и привилегий, чтобы вернуться к своим родным и близким. Об одном из таких детей поэт пишет: «Один ребёнок весь дрожал и просил-умолял – сниму и дам вам свою одежду, только позвольте мне вернуться к матери» (8, 408).

Так Туманян оказался на перекрёстке противоречивых и взаимоисключающих просьб матерей и их детей и руководствовался при этом только стремлением спасти жизнь детей – независимо от того, являются они сиротами или нет. Встречались и такие родители, которые вначале представляли своих детей как сирот, а затем, не выдержав разлуки, приходили и просили вернуть им их детей. Часто они делали это после того, как их детей стригли, отмывали, кормили и выдавали одежду. Вот тогда-то и объявлялись родители и заявляли, что потеряли своих детей, и просили вернуть их им (8, 408).

Кроме многочисленных незнакомых людей, к Туманяну часто обращались также знакомые, представители различных организаций, и просили поэта принять в приют как беспризорных детей и сирот, так и детей, имевших родителей. Все эти бесчисленные просьбы и заявления свидетельствуют, что именно Туманян занимался вопросами приёма детей в сиротские приюты.

Так, 6-го августа 1915 г. епископ Маттеос от имени главного рас-

¹ «Нани», «Маре» – обращение к матери в Западной Армении.

² Халав – длинная рубаха с хлопчатобумажной ткани с косыми клиньями по бокам, длинными прямыми рукавами с ластовицей и прямым разрезом ворота, которую носили в Восточной Армении.

порядительного комитета организации «Братская помощь», которая функционировала под высоким патронажем Верховного патриарха, пишет: «Г-н Ованес Туманян!

Примите в сиротский приют этого ребёнка, который бродит беспризорный и неухоженный»¹.

Епископ Бардухимеос в письме от 5-го сентября 1915 г. пишет:

«Высокочтимый г-н Ов. Туманян!

Жена подателя сего письма ванского жителя Маркоса умерла вчера, два маленьких ребёнка остались заброшенными. Сам он беден – в самом прямом смысле слова. Прошу принять его малышом в управляемый Вами сиротский приют. Он служит у меня»².

А священник Саак оформляет своё прошение следующим образом: «Этот ребёнок, которого я прошу принять в ряды сирот, является подателем моего письма. Прошу не отказать в моей просьбе. Вот уже почти неделя, как он сидит на пороге моего дома и плачет вместе со своей маленькой сестрой из-за хлеба»³.

Разве мог Туманян отказывать в подобных случаях? Наиболее часто к поэту обращались с ходатайствами врачи больницы – Пюлпулян и Амазасп Оганджян, которые выхаживали больных и беспомощных родителей этих сирот. Родители нередко умирали у них на руках, и дети оставались сиротами.

Отметим, что представители общественной организации «Братская помощь» Бабкен-вардапет и другие активно противились и выражали крайнее недовольство подобным «либеральным» поведением Туманяна, однако поэт никак не собирался считаться с их подходами и шёл против их воли, зачастую принимая в сиротские приюты детей, имевших родителей. Об этом также находим соответствующую запись в дневниках писателя: «Арт. Абегиан и Бабкен-вардапет говорят, мол, зачем принимаешь так много, мол, у многих есть матери» (8, 408).

В это время кадровый набор сотрудников также осуществлял Туманян, именно он принимал на работу добровольцев, и он же увольнял их. Многие из сотрудников, не выдержав непосильной физической и особенно моральной нагрузки, просили поэта освободить их от выполнения своих обязанностей, чтобы они могли уехать подальше от этого опасного для здоровья места. В Эчмиадзине со дня на день всё больше и больше распространялись эпидемии тифа, чёрной оспы, дизентерии, дифтерии, холеры, трахомы и многочисленных иных заразных болезней. В этих условиях для поэта являлось сверхзадачей убедить людей – всех, кто в состоянии приносить пользу, оставаться в Эчмиадзине и помогать беженцам и сиротам. Было очень непросто просить обычных людей

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1674 (491).

² Музей Ов. Туманяна, Новые материалы, л. 32.

³ Там же.

проявлять самоотверженность и рисковать своим здоровьем и жизнью. Ситуация усугублялась тем, что приходилось уговаривать людей, каждому из которых настоящее представлялось трагическим и безысходным, а будущее рисовалось крайне неопределённым, зыбким.

Так, например, 30-го августа 1915 г. шатахские учителя Саак Мартиросян и Маркар Аветисян сообщили поэту о своём намерении покинуть Эчмиадзин и попросили дать им рекомендацию, чтобы они могли найти соответствующую работу в Ереване. В их обращении говорилось: «Уважаемый г. Туманян. Здесь болезни получили большое распространение, так что действовать в этой среде довольно рискованно и очень опасно, потому что здесь мы можем подорвать своё здоровье»¹.

Конечно, никого ни в чём нельзя обвинять. Писатель и сам удостоверяет, что из более чем двухсот сотрудников сиротского приюта только 20-30 человек избежали заражения, а некоторые скончались (7, 178).

Уезжавшие в качества аргумента приводили не только эпидемии, но и низкую заработную плату, что вообще никак не зависело от Туманяна. Иные просили поэта повысить им зарплату, а те, которые согласились в своё время работать бесплатно, теперь просили хоть какого-нибудь вознаграждения за свои труды или хотя бы дать им какие-то средства для существования. Всем почему-то казалось, что их судьба целиком и полностью зависит от Туманяна.

В сиротском приюте работали также беженцы, пришедшие в Эчмиадзин из Ванской губернии. Пять шатахских учителей, работая в приюте, рассчитывали на удовлетворительный заработок, однако нужда и неопределённость ситуации вынуждают их покинуть Эчмиадзин, и они 5-го августа 1915 г. письменно оповещают об этом поэта.

«Уважаемый г. Ованес Туманян.

Наш народ покидает это место. Наше положение в сиротском приюте неопределённое. Если дадите нам продолжительную и оплачиваемую работу здесь, то мы останемся, а если нет, мы должны будем уйти вместе со своим народом искать своё счастье»².

Туманян не щадил ни своей жизни, ни жизни своей дочери, но при этом он оберегал жизни тех людей, которые не были готовы к самопожертвованию, которые оказались в Эчмиадзине по воле судьбы, не имея даже приблизительного представления о том, что может их ожидать, тем более, если это были образованные и не привычные к суровым испытаниям интеллигенты, в особенности если они оказались с этим аду вместе со своими семьями и детьми. Конечно, в эти дни нация очень сильно нуждалась в образованных, интеллигентных людях, однако далеко не все из них, к сожалению, были способны выдержать такую физическую и психическую нагрузку.

¹ Там же, п. 32.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1897, 175, оп. 3.

Встретив в Эчмиадзине педагога и журналиста Арсена Ацагорцяна, который совершенно не хотел подвергать риску своё здоровье и здоровье семьи, поэт не только с пониманием отнёсся к его опасениям и страху, не просто посодействовал его скорейшему отъезду, но и дал денег на дорогу. Можно без преувеличения сказать, что и эта армянская семья была обязана своим спасением Ованесу Туманяну. А.Ацагорцян, возможно, немного лукавит, или, возможно, ему очень хотелось оправдать в собственных глазах своё решение о скоропалительном бегстве из Эчмиадзина; во всяком случае, он в своих воспоминаниях прикрывается готовностью поэта протянуть ему руку помощи. Он представляет дело так, что это Туманян уговорил его уехать. И деньги на дорогу также дал по собственной инициативе, а не по его просьбе. Так всё было или нет в случае с Ацагорцяном, утверждать однозначно очень трудно. Можем сказать только, что выглядит это не очень убедительно и совершенно не вяжется с жизненными принципами и убеждениями поэта. Как бы то ни было, Ацагорцян утверждает, что Туманян, случайно увидев его на одной из улиц Эчмиадзина, удивился и воскликнул: «Что ты делаешь в этой обители смерти? Почему не уезжаешь отсюда? Не советую тебе задерживаться здесь хотя бы на минуту. Сегодня же отправляйся вместе с семьёй, и чем дальше, тем лучше.

Слова поэта были такими решительными и такими наводящими ужас, что я и на самом деле в тот же самый день уехал с семьёй из Эчмиадзина...

Туманян вместе со своим советом не забыл также предоставить деньги на железнодорожный билет до Тифлиса, думая, что у меня, скорее всего, будут денежные затруднения»¹.

По свидетельству Карине Котанджян², которая находилась в те дни в Эчмиадзине и работала сестрой милосердия, в августе 1915 г. Туманян посоветовал ей уехать – и это при том, что она приехала в Эчмиадзин, откликнувшись на его воззвание. У нас нет никаких оснований для того, чтобы не доверять её словам. Туманян, разумеется, жалел девушку школьного возраста. Чтобы уговорить Карине, он повёл её на берег озера и показал ей ужасную картину: множество незахороненных трупов, умирающих от голода и болезней беженцев... Он хотел, чтобы девушка сама убедилась, что не сможет выдержать ожидавших её страшных испытаний, тем более, что она приехала в Эчмиадзин тайком от родителей. «На берегу озера, - пишет Карине Котанджян, - были распластаны обёрнутые в ломотья полуживые люди – с окостеневшими лицами, отёкшие... Завидев нас, они протянули высохшие руки: просили хлеба.

Вся дорога была устлана трупами.

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 585.

² Карине Котанджян – подруга Егише Чаренца, сыгравшая значительную роль в его личной и творческой жизни. Ей посвящены циклы стихов, в том числе одно из лучших произведений Чаренца – «Песнь личная».

Какая-то старая женщина с распущенными волосами умоляла похоронить её вместе с семью членами семьи, трупы которых находились рядом.

Улыбка поэта исчезла, он был бледен»¹.

Поэту так и не удалось уговорить девушку: она осталась непреклонной и приступила к работе. Однако немного времени спустя она тяжело заболела. Родные перевезли Карине в Москву, и врачам удалось её вылечить.

В этой суматохе Туманян никогда не терял головы, всегда был очень организованным, целеустремлённым и энергичным. Он давал распоряжения, издавал приказы, одного одаривал поощрительной улыбкой, другого журил, третьему давал конструктивные советы. В его дневниковых записях встречаются имена как беженцев и детей-сирот, так и сотрудников сиротского приюта, в частности, имена сестёр милосердия. Он выдавал зарплату персоналу приюта, за исключением тех добровольцев, которые приехали помогать сиротам по своей инициативе и не рассчитывали ни на какое вознаграждение. В одной из таких записей читаем: «1. Оган Аветисян, 2. Погос Мелконян, 3. Минас Алексанян, 4. Карапет Погосян, 5. Маттеос, 6. Левон, 7. Симону Мурадяну, барышне Вард – 20 руб., барышне Азнив Малхасян – 10 руб.»².

Несмотря на то, что Туманян фактически управлял делами сиротского приюта в Эчмиадзине и мог ограничиваться одним лишь руководством, изданием приказов и решением организационных вопросов, он, тем не менее, активно занимался выявлением новых детей-сирот, их приёмом в приют и всесторонней заботой о них.

Эчмиадзин и его окрестности были переполнены нагими, голодными, скорбящими и умирающими людьми. Особенно тяжёлое и удручающее впечатление производили на поэта дети-сироты, положение которых было поистине ужасающим. 8-го августа поэт пишет: «Невозможно описать, какое это ужасающее бедствие, очевидцем которого я стал. Все дороги, все строения, округа всех зданий, поля – всё переполнено нагими, голодными, больными, плачущими, стонущими, умирающими. Дети, дети, дети... беспризорные, голодные, больные... Теперь вот мне выпало на долю дело заботы о детях» (10, 228). Подобных записей в дневниках поэта немало. Вот ещё одна такая запись: «Очень трудно было говорить с ними и вызвать на разговор... Если говорил и вызывал их на беседу, то очень редко, да и то по случайности... однако постоянно у меня перед глазами их толпы, их тщедушные, голодные и нагие толпы... во всеобщем глухом

¹ Карине Котанджян. Не только пером. «Гарун», 1969, N7-12, стр. 20.

² Музей Ов. Туманяна, Новые материалы, п. 32.

шуме и в сутолоке со всех сторон выталкивают вперёд бесчисленные скелеты, которые всё ещё дышали» (7, 180).

Беспокойство Туманяна возрастало со дня на день – в связи с трудностями решения каждодневных бытовых вопросов, которые хоть и казались довольно простыми, но требовали постоянного напряжения и концентрации внимания.

В дневниковых записях, сделанных в Эчмиадзине, поэт сетовал: «Кубы либо не зажжены, либо их установили где-нибудь в подвале. Для пищи прежде всего необходимы тарелки, а они не находятся в ведении священнослужителей, лежат в продовольственном складе. При больнице – врачи всегда там – там полно и посуды, и ложек, в то время как и больные, и здоровые берут еду (если успевают) деревянными тарелками или жестяными консервными банками и облизывают пальцами, либо засовывают щепку и лижут»¹.

На каждом собрании, которое проходило в те дни в Эчмиадзине, обсуждались работы, проводимые для предупреждения дизентерии. В одной из своих записей поэт отмечает: «На каждом собрании говорится о том, что вода заражена, необходимо давать кипячёную воду, а кубов всё нет и нет, хлеб выпекается плохо, что способствует дизентерии, и всегда остаётся невыпеченным»².

Сироты обращались к Туманяну как к отцу, называли его «Айрик». «Некоторые из детей настолько привыкли ко мне, - пишет поэт, - что и после обеда держатся за полы моей одежды – айрик, я сирота, я несчастный, ни отца у меня, ни матери... Когда говорил им: должны сшить новую одежду для вас – они со всех сторон поднимали головы: Айрик, для меня сшейте красный халав» (8, 408-409).

Когда кто-то из детей начинал плакать, его примеру следовали другие; однако было среди них и немало таких, которые смотрели на это спокойно, которые продолжали есть, «а некоторые молча философски размышляли» (8, 409).

Туманян лично занимался вопросами кормления, купания, одежды для детей, обеспечением их кипячёной водой, стрижкой волос.

Многие из детей не позволяли поэту постричь себя наголо или даже подкоротить свои волосы. Один из них сказал: «Я уйду, оставлю свой халав, но волос своих вам не отдам» (8, 409). Речь шла о той одежде, о том «халаве», который выдал ему сиротский приют. Ребёнок убежал, так и не дав постричь себя. Через два дня его нашли мёртвым. Рядом с ним лежала его мёртвая мать. Сыпной тиф, передававшийся через вшей, сделал своё чёрное дело.

Каждый день на глазах у поэта умирали дети. Самым ужасным, жутким и невыносимым было видеть незахороненные трупы. Об одной

¹ Там же.

² Там же.

потрясшей его до глубины души сцене поэт пишет: «От нижней части черепа до челюстей (до кости) пустой ребёнок – внутри полно червей» (8, 409). А по соседству с этим трупом беспрерывно раздавались голоса детей-сирот, от которых звенело в ушах поэта: «Дяденька, дай мацуна!.. Дяденька, дай воды!..» (8, 409).

Поэт свидетельствует, что с 28-го июля по сентябрь, то есть за один месяц с небольшим в Эчмиадзине умерло 7000 беженцев, из которых 3000 были дети. Об одном из них, Хачатуре, читаем в дневнике писателя. Туманян описывает, как один из двух братьев, потерявших родителей, кладёт голову на колени другого и во сне умирает. Туманян подходит, а оставшийся в живых брат спешит рассказать о своей беде: «Отца убили в Беркри, мать умерла – мы сироты, ни отца у нас нет, ни матери... Это твой брат? – захотели поднять, он был мёртв; звал, звал – мы его отвели» (8, 409). Маленький мальчик, потерявший единственного оставшегося в этом мире родного человека, продолжал звать брата: «Эй, Хачо! Хачо!», и поэту стоило большого труда, чтобы отвести его в сторону и найти слова утешения, а сотрудники сиротского приюта были вынуждены пойти на маленькую хитрость, чтобы хотя бы на время успокоить ребёнка: «Он придёт, придёт, мы и его приведём» (8, 409). Найдётся ли кто-то, кто сможет осудить эту «ложь во благо»?

Да, каждый день и каждый час поэт оказывался очевидцем душераздирающих сцен, сталкивался со страшными болезнями, эпидемией, с многочисленными трудностями, связанными с организацией похорон.

Чего только не делал, чем только не занимался Ованес Туманян в Эчмиадзине! Принимал детей-сирот в приют, заботился об их содержании, организовывал их переброску из одной местности в другую, из одного сиротского приюта в другой; занимался вопросами их образования и воспитания, обозримым и перспективным будущим, их физическим здоровьем, предотвращением и предупреждением тифа, чёрной оспы, дизентерии и других инфекционных болезней, организовывал борьбу с эпидемиями, заботился об обеспечении сирот всем самым необходимым, следил, чтобы не было перебоев с кипячёной водой, доставал муку для выпечки хлеба и, что самое ужасное, организацией похорон умерших сирот. А в этот период времени в Ереване и Эчмиадзине ежедневно умирало семьсот беженцев и сирот. Поэт информировал об этом Армянское национальное бюро. В его письме от 1-го сентября 1915 г. читаем: «Около двух тысяч родителей-беженцев забрали обратно своих детей. Сегодня в семь часов вечера в Тифлис было отослано 600 человек. В районе Игдыра, в Эчмиадзине и Ереване каждый день умирает около 700 человек. Ожидается поток возвращающихся из Вана беженцев, состоящий из 25000 человек» (10, 230).

Туманяну приходилось заботиться даже о том, чтобы ямы для захоронений выкапывались не «на один всего лишь аршин», как было предписано, а глубже; заботился он также и об увеличении числа рабочих,

собиравших трупы на улицах и хоронивших их, а также об увеличении числа носилок. Туманян лично составлял или собирал списки здоровых детей и заботился о том, чтобы они не заразились от больных; он лично принимал решение о том, на какие именно средства хоронить детей, ставших жертвами смертоносных болезней. Вариантов было не так уж много, всего два: скудный бюджет данного сиротского приюта и столь же скудный бюджет всеобщего союза сирот... Как было уже отмечено, Туманян лично организовывал дело обеспечения и распределения хлеба, постельного белья, еды, тарелок, ложек и иной кухонной посуды; он занимался также поставками и складированием продовольствия.

Как-то в один из жарких августовских дней к поэту подошёл какой-то «фургонщик» и решительно заявил, что он больше не будет собирать на улицах трупы и перевозить их на кладбище, поскольку церковные органы, осуществляющие заботу о сиротах, и «Верховная распорядительная комиссия» платят ему очень мало. Туманян попытался взять на себя роль посредника и уладить этот вопрос на месте, но другая сторона, в свою очередь, заявила, что «фургонщик хочет слишком много». Не углубляясь в этот спор, Туманян поспешил в свою комнату и отдал извозчику свои последние деньги, чтобы умершие беженцы и сироты не остались незахороненными. О том, что Туманян ежедневно следил за работой «фургонщиков», то есть за организацией захоронения трупов, свидетельствует также Гурген Маари, который встретился с Туманяном в Эчмиадзине как раз в то самое время, когда поэт хлопотал о расчистке улиц от трупов. Маари пишет: «С неба проливался огонь на Араратскую долину и Эчмиадзин. Жара, душливое лето. В сквере монастыря и в лесопарке, под стенами монастыря и зданий, принадлежавших монастырю, стонала и умирала целая нация. Показался он. Я узнал его, хотя он был неулыбчив и мрачен.

Прошёл по зловонным, дышащим смертью аллеям, подошёл к сиротам, остановился, помолчал и удалился, подобно призраку»¹. Выказываясь по другому поводу, Маари поясняет: «Каждое утро катафалк-фургон объезжал группы беженцев и собирал мертвецов. Подобно фургонам, нагруженным сырым и некачественным мясом, отвозимым на казарменную кухню, фургоны-катафалки продвигались вперёд, останавливаясь там и тут. Пришёл Ов. Туманян и окружил себя сиротами; я знал его, это он, тот, кто написал «Каплю мёда», «Пёс и кот». На нём были белые одежды, на голову он надел кепку; со спокойным лицом он встал, молча посмотрел на всех, затем посмотрел вдаль и ушёл»². В памяти другого очевидца запечатлелось, как поэт вместе с дочерью собрал детей-сирот и укрыл их в здании духовной семинарии Геворгян, «чтобы избавить от холода и голода. ...Поэт смотрел печальным взглядом, был преисполнен

¹ Гурген Маари, Собр. Соч. в пяти томах, т. 5. Ер., изд-во «Хорурданн грох», 1989, стр. 594-595 (на арм. яз.).

² Газета «Банвор», Ленинакан, 1930, N83, 13 апреля, стр. 3.

отчаяния – видя эти ошеломляющие картины, погром, учинённый голодом и мором»¹.

Вообще в Эчмиадзине не было ни одного сколько-нибудь важного вопроса, который оказался бы вне ведения Ованеса Туманяна. Некая Кристина, которая, по всей вероятности, шила для детей-сирот постельное бельё или одежду, обратилась к поэту с просьбой: «Уважаемый г. Туманян, прошу как можно скорее доставить катушки с нитками, швы расходятся, нет катушек с нитками, белыми, 50-го номера»².

И всё-таки, как бы поэт ни старался, решение такого огромного количества важных и второстепенных, больших и малых вопросов было выше его сил. С большой душевной болью он делает в своей записной книжке следующую запись: «С 23-го (августа – С.О.) в Эчмиадзине осталось 70 незахороненных мертвецов, с предыдущего дня также было несколько десятков, с 24-го осталось ещё больше. Земля твёрдая, и найти рабочих не удаётся. Трупы трёхдневной давности под солнцем вздулись, разложились и распространили в округе зловоние» (8, 410).

СЛЁЗЫ САМОГО УЛЫБЧИВОГО ПОЭТА

В воспоминаниях современников Туманяна сохранилось несколько очень волнующих фрагментов, в которых не только раскрывается великая трагедия армянского народа, ставшая те дни в Эчмиадзине привычной, обыденной и будничной, но и обрисовывается во весь свой рост человеческий образ великого гуманиста, общественного деятеля и поэта. С улыбочивого и весёлого лица Туманяна почти совершенно исчезла улыбка. И это при том, что все знающие его люди хотели видеть в глазах постоянно улыбавшегося поэта только оптимизм и надежду, и терялись, не могли мириться с тем, что вместо улыбки видели на его лице слёзы.

Как-то одна из сестёр милосердия, Нвард Егибян, проходя мимо повозки, нагруженной трупами, заметила на глазах Туманяна слёзы. Повозки-катафалки были в то время настолько обычным и будничным явлением в Эчмиадзине, что Нвард Егибян, возможно, и не растрогалась бы и не заплакала, если бы не увидела великого поэта, человека неимоверно сильного духа, беспомощно скорбящим. «Однажды утром, когда я спешила на работу, увидела какую-то повозку, на которую погружали трупы мертвецов, беря их за плечи и ноги... О, ужасное и незабываемое зрелище... Там рядом с каким-то священнослужителем стоял Туманян, взволнованный и понурый.

Когда я проходила мимо этого содрогающего зрелища, он был настолько взволнован, что даже не заметил меня, и я не удостоилась его любезного приветствия. До моего слуха дошли произнесённые им слова:

¹ «Гракан терт», 1939, N12, 15 апреля, стр. 2.

² Музей Ов. Туманяна, новые материалы, п. 32.

«Несчастный, бедный народ, за какую твою провинность?» В этих словах было сосредоточено столько горечи и боли, что перо бессильно выразить. Я вернулась на несколько шагов, подошла... и то, что увидела, до сих пор ещё стоит у меня перед глазами. Он поднял голову, в его глазах застыли слёзы, как в глазах у отца, который потерял своего единственного сына, родного ребёнка...

Накопившиеся слёзы, которые я сдерживала изо всех своих сил, разрушили сдерживающее препятствие, и я безудержно зарыдала...»¹.

Разволнованный, молчаливо скорбящий поэт оказался вынужден сдерживать свои слёзы, сдерживать свою вселенскую печаль и найти слова утешения для безутешно, безудержно рыдающей молодой девушки. Он вытер своими руками слёзы на её глазах и с отеческой нежностью погладил её по голове: «Не плачь, доченька, хорошо, что они умирают здесь и находят могилу на родной земле, а что сказать о тех несчастных, не имеющих могил... которые становятся пищей для хищников?.. Мы должны стараться, чтобы их число было поменьше»².

ОДНА СПАСЁННАЯ ЖИЗНЬ

Одна из сестёр милосердия, которая проработала в 1915 – 1918 гг. в сиротском приюте Вагаршапата и имя которой, к сожалению, не сохранилось в документальных источниках, рассказывает, что каждый день сиротскому приюту предоставлялась запряжённая парой волов телега, на которой одна из сестёр милосердия и представитель попечительского совета приюта разъезжали по улицам города и в его окрестностях, чтобы найти и привести в приют бездомных, беспризорных, голодных, нагих и босых, а зачастую больных тифом детей-сирот. Сестра милосердия рассказывает: «Когда мы находили больного или истощённого от голода ребёнка, я машинкой стригла ему волосы, сажала на телегу, и мы привозили его в сиротский приют. Если было необходимо, укладывали в больницу.

В этот день со мной был Ованес Туманян, который долгое время был в Вагаршапате. Когда мы проезжали мимо какого-то поля, он попросил извозчика остановиться, и указал мне на поле. Посмотрела – действительно, кажется, там был ребёнок. Я пошла. Это был высохший, ставший скелетом ребёнок, сидевший в поле. Он не посмотрел на меня. Он был совершенно истощён, близок к смерти. С машинкой в руке я подошла, чтобы постричь ему голову, и ужаснулась. Он был весь покрыт вшами – на волосах, на одежде. Вши кишмя кишели. Не было свободного места. Я почувствовала такое отвращение, что повернулась и стала возвращаться к телеге. Туманян посмотрел на меня вопросительно.

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 684.

² Там же.

- Я не могу, господин Туманян, это невозможно.

...Туманян ответил:

- Да, понимаю. Дай сюда машинку.

Взял её и вошёл в поле. Постриг голову мальчику, затем обнял, принёс, уложил на телегу»¹.

Можно безо всяких преувеличений утверждать, что в этот день и в этот момент поэт спас от верной смерти ещё одну детскую жизнь – сперва заметив мальчика, затем – перевезя его в детский приют.

ПОДАРОК ОСИРОТЕВШЕЙ БУДУЩЕЙ АКТРИСЕ

В те же самые дни отеческую заботу Ованеса Туманяна ощутила на себе пятилетняя осиротевшая девочка, впоследствии успешная актриса Майрануш Пароникян. Её отца убили накануне переселения из Вана, и она, держась за руку матери, на протяжении долгих пятнадцати дней прошагала босиком, а отчасти проехала верхом на корове, пока добралась до Вагаршапата. А когда они устроились в непосредственной близости от двухэтажного здания Вагаршапатской конгрегации, девочке приходилось по несколько раз в день своими ранеными и потрескавшимися ножками ходить за водой к роднику и выстаивать длинные очереди. Как раз в такой очереди однажды обратил на неё внимание Ованес Туманян. Майрануш Пароникян рассказывает: «Ко мне подошёл какой-то человек. Посмотрел на меня, на мои лохмотья, на потрескавшиеся и кровоточившие ноги. Спросил, почему мои ноги в таком состоянии. Я сказала, что у меня нет туфель. Затем он протянул мне бумажную купюру и сказал:

Передашь матери, чтобы купила для тебя на эти деньги туфли.

Я побежала к нашим, передала деньги маме и рассказала о случившемся. Меня спросили: кто это был? Я посмотрела в сторону родника, увидела, что тот человек всё ещё находился там. Показала. Сказали:

Это Ованес Туманян»².

ПОЭТ ВСЕХ АРМЯН

Уже давно отношения, вернее, разногласия между Ованесом Туманяном и Католикосом Всех Армян Геворгом Пятым в связи с нашумевшей и общеизвестной историей, ставшей достоянием широкой общественности и получившей огромный, можно сказать даже, всенародный

¹ Рафаел Ишханян, «Реальные истории без приукрашивания», «Гарун», 1986, стр. 73. Когда Р.Ишханян, который дословно записал это воспоминание сестры милосердия, рассказал об этом случае младшей дочери поэта Тамар Туманян, она ответила: «Я могу с уверенностью утверждать только то, что отец очень хорошо управлялся с машинкой для стрижки волос, летом выстраивал всех нас и своими руками стриг наши головы». См. там же.

² Там же, стр. 74.

резонанс, вышли на уровень фольклорного материала. В основе инцидента, конфликта лежит следующий факт: Ованес Туманян ради защиты самых элементарных человеческих прав и интересов беженцев решился пойти против воли главы Армянской Апостольской Церкви.

Поэт навлек на себя гнев патриарха тем, что укрыл мокнувших под сильным ливнем беженцев в здании резиденции католикоса (по другой версии, в Главном Соборе Эчмиадзина).

При этом почти все очевидцы-мемуаристы отмечают, что католикос строго-настрого запретил укрывать беженцев в новостройке патриарших покоев, в то время как речь шла о Главном Соборе Эчмиадзина. Самым достоверным и надёжным свидетельством и источником информации является для нас дневник поэта, в котором чётко указано, что в ночь на 19-е августа, когда небо внезапно покрылось мглой, загремел гром, засверкали молнии и началась сильная гроза; не имевшие крыши над головой беженцы оказались в самом плачевном и отчаянном положении и к нему с просьбой об оказании помощи беженцам обратились Григор Варданян¹ и Вардгес Агаронян². Поэт вместе с Г.Варданяном и В.Агароняном обратился в конгрегацию, в частности, к епископу Баграту, который занимался делами беженцев. Они попросили открыть ворота всех строений Эчмиадзина, чтобы укрыть беженцев от ливня. Поэт свидетельствует: «С Главным Собором возникли затруднения, а в церковь Гаяне и в новостройку резиденции разрешили» (8, 410).

О том, что произошло дальше, рассказывают многие мемуаристы, хотя и с определёнными разночтениями и отличающимися подробностями. Мы считаем самым точным и заслуживающим доверия рассказ Нвард Туманян, поскольку она лично присутствовала при случившемся и точно указала его дату: 19-августа. Эту же дату отмечает в своём дневнике и Ованес Туманян. Нвард пишет: «Была ночь 19-го августа, незабываемая, тяжёлая ночь Араратской долины...

Буря, молнии, раскаты грома... Небо внезапно потемнело, почернело, покрылось черными мрачными тучами и начался сильный ливень. Беженцы находились под открытым небом.

Отец в чёрном плаще, с кепкой на голове спешно вышел из своей комнаты, чтобы укрыть беженцев в зданиях. В первую очередь он имел в виду новое, ещё не достроенное здание патриарших покоев, которое католикос отказался предоставить беженцам. Отец был разгневан. Вопреки запрету католикоса, он повёл беженцев в направлении новых патриарших покоев.

Студенты – Левон Лисициан, Ляля Аджемян, Александр Бархударян с факелами (прикрепили к концу деревянных шестов кизяк, облили

¹ Григор Варданян (1868 - 1938) – председатель Тифлисского союз учителей. Основал журнал «Нор дпроц» («Новая школа»), который стал печатный органом Союза.

² Вардгес Аветисович Агаронян (1888 - 1965) – литературовед, писатель. Сын А.В.Агароняна, писателя, педагога, общественного деятеля.

керосином и подожгли) шли по обе стороны отца и освещали ему путь.

Отец, завернувшись в плащ, под проливным дождём шёл вперёд, за ним следовала многотысячная толпа беженцев со своими узелками, детьми, даже с трупами родственников... Зрелище было ужасное...

В этот момент отец напоминал отца Огана из «Голубинового скита»¹.

Конечно, нельзя исключать, что Нвард путает Главный Собор с Патриаршими покоями, возможно также, что католикос не давал разрешения и на то, чтобы беженцев впустили в новостройку Патриарших покоев. А о том обстоятельстве, что шествие к Главному Собору состоялось в сопровождении студентов, свидетельствует и сам поэт. В его записных книжках находим следующую схематичную пометку: «Позвал народ – повёл – студенты» (8, 410).

По мнению Нвард Туманян, католикосу не понравилось – что вполне естественно и понятно – вызывающе независимое поведение Туманяна; то, что поэт демонстративно воспротивился его воле и желанию, проигнорировал его запрещающее решение. «На следующий день, - продолжает свой рассказ Нвард, - католикос вызывает отца к себе для объяснений – по поводу его самовольных действий: ведь он же запретил. Объяснение отца не удовлетворило католикоса, и он гневно напоминает: «Вы знаете, что я – Католикос Всех Армян?», а отец ответил: «А я – Поэт Всех Армян»². Согласно Ваану Тотовенцу, католикос потребовал у поэта объяснений в тот же день вечером³.

Несколько иначе представляет обстоятельства инцидента другой его очевидец – Ашот Патмагрян. Организации, занимавшиеся делами беженцев, хотели, чтобы новая патриаршая резиденция была предоставлена в их ведение, чтобы можно было устроить в ней несколько тысяч беженцев, «настолько просторным было строение со своим земельным участком». Католикос решительно отвергает такую возможность - из опасения, что недостроенное это строение в скором времени подвергнется разорению и станет разносчиком эпидемий, подвергая опасности жизни обитателей духовной семинарии и монастыря. Не удовлетворившись отрицательным ответом католикоса, руководители указанных организаций обратились к Туманяну с просьбой о посредничестве. Речь, безусловно, идёт о Григоре Варданяне и Вардгесе Агароняне. Поскольку новостройка патриаршей резиденции фигурирует во всех воспоминаниях, вероятно, такая постановка вопроса действительно существовала, однако во время переговоров Туманяна с Католикосом вопрос был решён положительно, в пользу беженцев. Согласно утверждению Патмагряна, именно Туманян говорил об этом с Католикосом, и несмотря на то, что ему так и не удалось уговорить патриарха, он продолжал настаивать на своём. Устав уже ко-

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 126.

² Там же, стр. 126-127.

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 137.

торый раз настаивать на своей позиции, Католикос воскликнул: «Я как Католикос Всех Армян не позволю, чтобы беженцы вошли в ещё не достроенное здание резиденции и разорили его». «А я как Поэт Всех Армян требую, чтобы вы открыли двери резиденции перед беженцами». После такой подачи обстоятельств спора автор воспоминаний подводит свой итог, не упуская случая заверить читателя, что его свидетельство не просто правдивое и точное, а полученная из первых рук истина в последней инстанции: «Вот источник приписанного Туманяну звания поэта всех армян, о чём со смехом рассказал нам сам Туманян в тот же день»¹.

Независимо от некоторых разночтений в подробностях между разными приведёнными воспоминаниями и свидетельствами очевидцев, несомненно то, что Туманян защитил, спас беженцев от сильной грозы и ливня, от «угрозы ужасных молний»² и бушующей стихии, укрыв их в новостройке патриаршей резиденции, причём сделал это вопреки воле Католикоса, а когда тот высказал ему своё недовольство, он возразил главе армянской церкви уже в качестве Поэта Всех Армян, добавив, что в случае необходимости он поступит точно так же и не подчинится чьей-либо воле.

Туманян в своих записях отмечает, что в эти дни умерли все переселившиеся из Вана священнослужители.

В Эчмиадзине с деятельностью Ованеса Туманяна были связаны известный общественный деятель Григор Варданян (впоследствии председатель Комитета Помощи Армении), Вардгес Агаронян, начальник канцелярии Эчмиадзина, представитель Эчмиадзина в центральном комитете оказания помощи беженцам священник (вардапет) Баграт Вардазарян³, школьный товарищ Туманяна по гимназии Нерсисян, член Эчмиадзинской конгрегации Арсен Глджян⁴, епископ Хорен, впоследствии ставший жертвой так называемого «Большого террора»⁵, полководец Андраник и другие.

¹ «Багин», Бейрут, 1982, N1, стр. 39.

² Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 137.

³ Баграт Вардазарян (1869 – 1939, расстрелян) – духовный деятель, был инспектором духовной семинарии Геворгян.

⁴ Арсен (Симон) Глджян (1868 - 1943) – архиепископ, юрист, филолог.

⁵ Хорен Мурадбекян (1873 - 1938) - Патриарх-Католикос Армянской апостольской церкви Хорен I. Во время Первой мировой войны занимался общественной деятельностью, возглавив Ереванское отделение комиссии «Братской помощи», которая занималась ранеными армянскими солдатами и помощью беженцам. В 1920 г. был отправлен в США. Через некоторое время вернулся в Армению, где произошли большие политические изменения. Чтобы как-то наладить отношения с новым правительством, Геворг V (1911–1930) в 1921 г. назначил его Патриаршим представителем перед государством (на этой должности архиепископ Хорен оставался до 1930 г.). 4 марта 1923 г. Патриарх-Католикос Георг V назначил Хорена своим Местоблюстителем и председателем Св. Синода. В 1924

После неожиданного и в определенном смысле предательского отступления русской армии на Кавказском фронте Андраник, оказавшись без поддержки и находясь в безвыходном и отчаянном положении, был вынужден оставить Западную Армению. Восьмого августа 1915 г. он оказался в Эчмиадзине, печальный и разочарованный. К многочисленным душевным ранам Туманяна добавляется ещё одна: непросто было видеть своего близкого друга и единомышленника, легендарного полководца, сломленным и потерянным, с печатью неизбывной и безутешной тоски и грусти на лице. Туманян сделал в своей записной книжке следующую запись: «Андраник – снаружи остатки его группы – сам он внутри, разбитый и и отчаявшийся» (8, 406).

В Эчмиадзине Туманян в редкие минуты отдыха посещал членов монастырской братии Саака Амадуни¹ и Галуста Тер-Мкртчяна². С.Амадуни был автором словаря «Айоц бар у бан» («Армянское слово и речь»), а Г. Тер-Мкртчян окончил университет Сорбонны, был в своё время редактором журнала «Арарат», являлся автором многочисленных фундаментальных филологических исследований. После тяжёлой болезни Г. Тер-Мкртчян был навсегда прикован к креслу.

г., отказавшись от руководства Араратской Патриаршей епархией, он окончательно обосновался в Св. Эчмиадзине и вел борьбу за независимость Армянской Церкви. 12 ноября 1932 г. Национально-Церковный Собор выбрал его Главой Армянской Церкви. 13 ноября в Кафедральном соборе Св. Эчмиадзина прошло торжественное помазание новоизбранного Католикоса с участием 12 епископов. 5-6 апреля 1938 г. Патриарх-Католикос Хорен I Мурадбекян мученически погиб. В официальных сообщениях было сказано, что он умер от апоплексического удара. Однако по свидетельству Гегамы Клекчяна, личного служителя Патриарха, и Гайка Егиазаряна, лечащего врача Католикоса, он был задушен. Это мнение поддерживает большинство историков.

¹ Саак Амадуни (1856 - 1920) - Исследователь армянской духовной музыки, составитель армянского словаря (1912).

² Галуст Тер-Мкртчян (Тер-Саргсян, прозвище «Миабан») (1860 - 1918) – член монастырской братии Святопрестольного Эчмиадзина, арменовед, историк, источниковед-текстолог, переводчик.

В 1874-78 гг. учился в Эчмиадзинской духовной семинарии Геворгян, а в 1878-81 гг. преподавал в школах Шемахи и Ахалцихе. Затем сдал выпускные экзамены в Тифлисской школе Нерсисян и отправился в Европу для получения университетского образования. В 1884 г. окончил отделение политэкономии Парижской свободной школы политических наук. С целью изучения немецкого языка слушал лекции в Мюнхенском университете. Вернувшись на родину, Г. Тер-Мкртчян занимал должность учителя в школах Ахалцихе, но вскоре после закрытия царским правительством в феврале 1885 г. около 600 армянских школ на Кавказе он отказался от светской жизни и в 1887 г. принял монашество, став членом братии Святого Престола (имел сан дьяка). С тех пор посвятил себя научной деятельности.

В 1888 г. Тер-Мкртчян попал под ливень и град, простудился и тяжело заболел воспалением спинного мозга. В 1892-1893 гг. лечился даже в Париже, однако все усилия врачей оказались тщетными - он лишился возможности ходить, до конца жизни был парализован. Несмотря на страшный недуг, Тер-Мкртчян неустанно занимался исследовательской работой - на страницах журнала "Арарат" (он редактировал его в 1892-1894 гг. и 1902 г.) опубликовал ряд ценных статей, благодаря которым стал одним из крупных авторитетов в области арменоведения далеко за пределами Армении.

Ов.Туманян с дочерью Нвард, сестрами милосердия и сиротами. Эчмиадзин, 1915

Сироты и сестры милосердия в Эчмиадзине, 1915

Сироты в Эчмидзине, 1915

Ов.Туманян и Сергей Городецкий, Тифлис, 1919

Ов.Туманян у гроба одного из усыновленных им эчмиадзинских сирот Миграна Тутунджяна. Тифлис, 1920

Туманян очень высоко ценил вклад и заслуги обоих учёных-арменоведов. Почти каждый день поэт встречался с жившим в то время в монастыре епископом Гарегином Овсепяном¹, которому суждено было впоследствии прославить своё имя в научной, культурной и духовной сфере.

В последних числах августа поэт встретился с Ашотом Атанасяном² и Никогайосом Адонцем³, которые на несколько дней приехали по делам в Эчмиадзин.

Туманян, несмотря на свою исключительную загруженность повседневной работой, встречался с теми выдающимися деятелями науки и культуры, которые находились в Эчмиадзине и в меру своих сил и возможностей также помогали беженцам и сиротам. К уже приведённым именам можно добавить имена Вардгеса Суренянца⁴, Егише Тадевосяна¹

¹ Гарегин Овсепян (1867 - 1952) - видный деятель культуры и просвещения, педагог, арменист, доктор философии, действительный член Кавказского отделения Московского и Петербургского императорских этнографических обществ, член Научного института Армении. Служил настоятелем монастыря Св. Рипсимэ, редактировал официальный орган Эчмиадзинского монастыря – журнал «Арагат», преподавал историю искусства и этнографию в Ереванском университете. В 1918 г. сражался в рядах народного ополчения, был участником судьбоносной Сардарпатской битвы. В годы советской власти вместе с великим зодчим Александром Таманяном участвовал в создании комитета охраны памятников Армении. В 1925 г. Гарегин Овсепян стал архиепископом, был назначен духовным предводителем армян Крыма и Новой Нахичевани. В 1927 - избран предводителем армянской епархии Нор Нахичевана и России, в 1938 - армянской епархии США, в 1943 - католикомом Киликии.

В период второй мировой войны содействовал сбору средств в армянской диаспоре для оказания помощи вооружённым силам СССР. В 1946г. - поддержал репатриацию зарубежных армян в Советскую Армению.

Умер в 21 июня 1952г. в Антилинасе (Ливан).

² Ашот Нахапетович Атанасян (Сал-Ман) (1870 - 1941) – редактор газет «Ашхатанк», «Нор ашхатанк», издатель, агроном, писатель.

³ Николай Георгиевич Адонц (Никогайос Тер-Аветикян) (1871 - 1942) – выдающийся учёный-византист и арменовед, общественный деятель, историк. В 1899 г. окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета с золотой медалью. В 1899–1902 гг. специализировался в области византологии в университетах Мюнхена, Сорбонны и Оксфорда. В 1909 г. году защитил диссертацию на соискание ученой степени магистра, а в 1916 г. – доктора филологии, в том же году был избран профессором кафедры армянской и грузинской филологии Санкт-Петербургского университета. С начала 1915 г. работал в «Армянском комитете» Петрограда, участвовал в размещении западноармянских беженцев и сирот, оказании им материальной и моральной поддержки. Летом 1916 г. в составе научной экспедиции Н. Я. Марра командирован в освобожденные районы Муш и Эрзерум. В 1917 г. руководил археологической экспедицией в Ван. В 1920 г. уехал за границу, жил в Европе: в Лондоне, затем в Париже (1921–1931) и в Брюсселе (с 1931 до своей смерти). С 1930 г. руководил кафедрой арменистики в Брюссельском Вольном университете (до закрытия университета в 1940 г.). Умер 27 января 1942 г. в Брюсселе.

⁴ Вардгес Акопович Суренянц (27 февраля 1860, Ахалцихе, – 6 апреля 1921, Ялта) – армянский живописец, график, театральный художник и теоретик искусства. В 1916 г. совместно с Е. Тадевосяном, М. Сарьяном, Ф. Терлемезяном и др. в Тифлисе организовал Союз армянских художников. В 1917 г. переезжает в Ялту, где пишет эскизы армянских церквей. Создал тематический композиционный цикл картин, отображающих резню и погромы армян в Османской Турции.

и, в особенности, Мартироса Сарьяна², который приехал в Эчмиадзин из Москвы в сентябре 1915 г. в качестве представителя новосозданного Комитета помощи армянским беженцам и привёз с собой деньги, собранные в результате благотворительных пожертвований армянской общины Москвы, а также лекарства. Вместе с Адонцем и Сарьяном из Москвы приехали сотрудники российских газет. Все они были устроены в монастыре Св. Гаянэ. Московских гостей принял и устроил для них торжественный обед Гарегин-вардапет. «Вместе с ними и мы с отцом впервые пошли в сад «Гры баг» и впервые отведали жёлтый виноград кишмиш», - пишет в своих воспоминаниях Нвард Туманян³.

Биограф Мартироса Сарьяна, внучка художника Рузан Сарьян пишет: «То, что увидел Сарьян в Араратской долине, внутри стен Святого Эчмиадзина, было реализовавшимся адом человеческого горя и страданий.

¹ Егнше Мартиросович Тадевоян (Татевоян) (24 сентября 1870, Вагарпашат – 22 января 1936, Тбилиси) – армянский художник. Учился в гимназии при Лазаревском институте в Москве, затем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, окончил его в 1894 г. Участвовал в выставках Товарищества передвижных художественных выставок. Состоял в дружеских отношениях с Василием Поленовым, вместе с последним в 1898 г. совершил путешествие в Палестину, и впоследствии многократно путешествовал по Ближнему Востоку. Позже участвовал в выставках «Мира искусства». До 1901 г. жил в Москве, затем в Тифлисе, преподавал живопись. В ранний период творчества находился под влиянием Вардгеса Суренянца, но в 1900-е гг. начал использовать в своём творчестве пуантилизм и экспрессионизм. В 1916 г. организовал и возглавил Союз художников Армении. В 1935 г. ему было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств Армянской ССР.

² С 1910 по 1913 гг. Мартирос Сарьян совершил ряд поездок в Турцию, Египет и Иран. В 1915 г. Сарьян приезжает в Эчмиадзин, чтобы помочь беженцам из Турецкой Армении. В 1916 г. приезжает в Тифлис и женится на Лусик Агаян, дочери армянского писателя Г. Агаяна. Тогда же Сарьян участвует в организации Общества армянских художников и «Союза армянских художников». В том же году он оформляет изданную В. Брюсовым «Антологию армянской поэзии». После Октябрьской революции 1917 г. Сарьян приезжает с семьёй в Россию. В 1918–1919 гг. М. Сарьян живёт с семьёй в Новой Нахичевани. Художник становится инициатором создания и первым директором Армянского краеведческого музея в Ростове-на-Дону. Сотрудничает с театром «Театральная мастерская». В 1921 г. по приглашению председателя Совета народных комиссаров Армении А. Мясникяна пересезжает на жительство в Армению. С этих пор он посвящает жизнь изображению её природы. В числе его работ в эти годы – создание герба Советской Армении и оформление занавеса первого армянского государственного театра. В 1926–1928 гг. художник живёт и работает в Париже. Большая часть его работ, выставленных в 1928 г. в парижской галерее Жерар, сгорела во время пожара на корабле при возвращении на родину. В 1930-х гг. главной темой Сарьяна остаётся природа Армении. Художник также пишет многочисленные портреты («Р. Н. Симонов»; «А. Исаакян»; «Автопортрет с палитрой») и яркие натюрморты («Осенний натюрморт»). Сарьян работал также как книжный график («Армянские народные сказки», 1930, 1933, 1937) и как театральный художник (декорации и костюмы к опере «Алмаст» А. Спендиарова в Театре оперы и балета им. Спендиарова, 1938–1939 гг., Ереван; «Храбрый Назар» А. Степаняна, «Давид бек» Тиграняна, «Филумена Мартуруано» Э. Де Филиппо и др.). Творчество Сарьяна сыграло ведущую роль в становлении национальной школы армянской советской живописи.

³ Нвард Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 126.

Хрупкая и человеколюбивая душа художника была глубоко потрясена. Он никогда не чувствовал себя таким несчастным и немощным»¹.

Сам Мартирос Сарьян о своих переживаниях в эти дни, проведённые в Эчмиадзине, пишет: «Я сделал несколько шагов. В глазах снова потемнело. Не мог кричать. Перед моим затуманенным взглядом один за другим, поодиночке возникали все увиденные мною ужасы. Затем они слились друг с другом в разросшейся толпе и начали в безумном беге кружиться вокруг церкви Шогакат, Рипсиме, Главного собора, Звартноца – со всё более усиливавшимся остервенением, с ещё большим переполохом»². После всего увиденного Сарьян пережил большое душевное потрясение, его чувствительное сердце не выдерживало, и по распоряжению Ов. Туманяна друзья художника перевезли его в почти бессознательном состоянии в Тифлис и уложили в больницу. Отметим также, что Мартирос Сарьян был для Туманяна не только известным художником, но и другом и наставником его сына Артавазда. В определённом смысле такое внезапное недомогание Сарьяна, его бессознательное состояние и срочный отъезд, как бы кощунственно это ни звучало, можно рассматривать как удачное стечение обстоятельств и даже как везение, потому что для любого человека каждый день и даже каждый час, проведённый в Эчмиадзине, был сопряжён с очень большим и реальным риском подцепить какую-нибудь смертельно опасную заразную болезнь. Ещё раз напомним, что в это время в Эчмиадзине страшные эпидемии ежедневно уносили сотни жизней. Правда, Сарьян был значительно моложе Туманяна, да и здоровье у него было значительно крепче, однако на поверку художник оказался слишком впечатлительным, для его сердца увиденные жуткие сцены оказались слишком большой нагрузкой. Далекое не каждое сердце могло выдержать вид нагих, босых, оборванных, бездомных, больных и несчастных людей. А у Сарьяна было особенно чувствительное и ранимое сердце художника, человека искусства. Между тем сердце преждевременно постаревшего от горестей и забот и физически очень сдавшего Ованеса Туманяна выдерживало, потому что если бы не выдержало его сердце, то чьё бы сердце выдержало? Да, сердце его выдерживало, однако из его глаз навсегда исчезла его до боли знакомая каждому армянину улыбка, и как бы он ни старался бодриться, выглядеть преисполненным жизненной энергии, веры и надежды, это у него не получалось. По словам М. Сарьяна, в Эчмиадзине Туманян предстал перед ним «отчаявшимся, в окружении женщин и детей, где он вместе со своей дочерью Нвард собирал детей-сирот в здании семинарии Геворгян, чтобы укрыть их от холода и голода. У энергичного и стройного поэта был исполненный

¹ Р. Сарьян. Переписка Мартироса Сарьяна. Диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук. Ер., 2013, стр. 26.

² М. Сарьян. Из моей жизни. Ер., 1966, стр. 153.

горечи взгляд, его переполняло отчаяние, когда он видел это трагическое зрелище, этот погром, устроенный голодом»¹.

Впоследствии Сарьян выражал искреннее и глубокое сожаление по поводу того, что оказался вынужден покинуть Эчмиадзин. В письме художника, написанном 28-го марта 1916 г. и адресованном архиепископу Гарегину Овсепяну, читаем: «Какое время было в Эчмиадзине! Хоть бы я не заболел и остался у Вас. Сколько бы я поработал!»². Так Мартирос Сарьян искал и находил в искусстве, в творчестве отдохновение и умиротворение для своей души. Рисуя цветы, натюрморты и пейзажи, портреты и природу, он пытался преодолеть, победить ужасы увиденных сцен.

В среде известных арменоведов и духовных деятелей Ованес Туманян был единственным армянским писателем, который в это время развил в Эчмиадзине подобную общественную и национально-патриотическую деятельность.

Поэту приходилось каждый день встречаться с беженцами, слёзно умолявшими его помочь им найти работу и средства для жизни. Среди бесконечного потока таких просьб нам хотелось бы остановить внимание только на одном. 9-го августа 1915 г. выпускник одной из школ-интернатов Вана с усиленным обучением немецкого языка Мкртыч Егиазарян пишет: «Уважаемый г. Туманян...

Сейчас я праздно шатаюсь повсюду – голодный, страждущий, поэтому и обращаюсь к Вашей совести, надеюсь, что Вы найдёте для меня подходящее занятие, которым я смогу как послужить своему народу, так и получу средство для жизни»³.

Оружием писателя является его перо, и многие писатели – разгневанные, опечаленные, а то и просто растерянные, пытались самоустраниться и уйти в себя, чтобы не видеть трагической и безысходной действительности; иные же реагировали на эту самую суровую действительность, на общенациональное бедствие своими произведениями, своей литературной деятельностью. К числу таких авторов принадлежал, к примеру, Ваан Терьян. После отступления русской армии и сдачи Вана летом 1915 г. Терьян, сильно задетый и страшно разтревоженный этим, решил написать поэму о героической самообороне Вана и последовавших трагических развитиях. Об этих замыслах поэта мы узнаём из воспоминаний Стефана Зорьяна⁴. В архиве Терьяна и сегодня хранятся сочинения питомцев Ереванского сиротского приюта о трагических событиях в Ване и Арчеше. Эти сочинения были написаны по поручению поэта в качестве подсобного материала для задуманной поэмы. Произшедшее видится Терьяну как общенациональное бедствие, а логика военных действий,

¹ М. Сарьян. «Воспоминания об Ов. Туманяне», «Гракан терт», Ер., 1939, N 12, 15 апреля, стр. 2 (на арм. яз.).

² М. Сарьян. Письма, т. 1, Ер., 2002, стр. 192.

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1151 (314 – доп.).

⁴ Ст. Зорьян, Книга воспоминаний, Ер., 1958, стр. 206 (на арм. яз.).

отступление русской армии является в глазах поэта самым настоящим предательством в отношении армянского народа. По утверждению Ст. Зорьяна, поэт говорил: «Люди всё больше и больше звереют, становятся извергами. Эта мерзкая война перевернула вверх дном жизнь нашего народа... Вчерашние обеспеченные семьи сегодня стали беженцами, не имеющими ни хлеба, ни угла. Умирают под стенами на улицах... Невиданное, ужасное бедствие...

Он говорил с глубокой тоской, и теперь он казался мне более бледным и худым, глаза ещё глубже западали и кашлял он намного чаще»¹. Откликом Терьяна на эти «окаянные дни» стало стихотворение «В моей окровавленной родине».

...По свидетельствам очевидцев, с места на место, от одной палатки к другой, от одной группы кучковавшихся беженцев к другой проходил высокий, очень худой, седовласый человек. У него был высокий лоб, добрый взгляд, открытое и улыбочивое, очень благородное лицо и глубоко посаженные, мудрые глаза. Разговаривая, он постоянно жестикнул руками, широко разводил их, чертил большие круги в воздухе. Имел привычку часто класть руку на плечо собеседника.

ПОСЛЕДНИЕ НЕДЕЛИ В АДУ ЭЧМИАДЗИНА

29-го августа Туманян вместе с дочерью Нвард отправился в карете в Ереван, увозя с собой из сиротского приюта Эчмиадзина 125 сирот, в том числе 43 новорожденных «грудных ребёнка». Дело было в том, что, во-первых, в Эчмиадзине больше не было места, а во-вторых, об этих грудных детях «некому было заботиться»². По дороге сделали небольшой привал в Араратской долине, чтобы хотя бы немного передохнуть от работы и гнетущих впечатлений Эчмиадзина. И снова поэт не может пройти равнодушно мимо родной природы и животного мира. «Как только мы выехали в Араратскую долину и показался Масис, мы почувствовали какую-то свежесть и лёгкость. Отцу нравились бродившие по заболоченным местам цапли. Заговорил о цаплях и вспомнил свою «Храбрую цаплю»³. У селения Паракар они снова ненадолго остановились, чтобы дать лошадям отдохнуть. Стоявшая у одного их садов женщина угощает их виноградом. А деревенские дети спешат окружить поэта и прочитать ему наизусть сказку «Пёс и кот».

В Ереване Туманян вместе с дочерью, судя по всему, остаётся с 29-го августа по 1-е сентября. Все эти несколько дней они занимаются делами детей-сирот. В Ереване они проживают в резиденции главы епархии, у

¹ Там же.

² Переписка семьи Туманяна, стр. 71.

³ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 127.

епископа Хорена Мурадбекяна, с которым поэт сблизился во время первого своего путешествия в Западную Армению. Обустроив привезённых сирот и организовав заботу о них, в особенности о самых маленьких и грудных детях, поэт и его дочь сразу же возвращаются в Эчмиадзин, где продолжают свирепствовать эпидемии, причём они распространяются с такой быстротой, что принимается решение, запрещающее беженцам покидать пределы города.

Узнав о приезде Туманяна в Ереван, многие из нашедших пристанище в столице беженцев спешат встретиться с поэтом или передать ему свои просьбы через посредников. Все прошения имели почти одинаковое содержание. Несчастные и обездоленные люди просили дать им возможность как-то выживать; устроить на какую угодно работу, лишь бы она давала возможность прокормить себя и свою семью. Те, которым не удавалось увидеться с поэтом и передать свою просьбу лично, обращались к нему с письмами-прошениями. Некогда преуспевающий и известный житель Вана Хачатур Левонян в своём длинном, несколько витиеватом и высокопарном письме, написанном 2-го сентября 1915 г. и адресованном Ов. Туманяну, представляет свои литературные заслуги и вклад в арменоведческую науку, рассказывает о безысходном и неутешительном положении своей семьи, отмечает, что «совсем недавно вышел из больницы», что одна из его дочерей недавно скончалась, и подчёркивает, что свою единственную надежду на выход из этого крайне тяжёлого положения и на спасение жизни остальных детей он связывает с поэтом. Он обращается к Туманяну на правах «собрата по перу» и выражает уверенность, что поэт поймёт, что он имеет преимущество перед другими беженцами и что его просьба важнее других подобных обращений, а, следовательно, найдёт для него работу и спасёт его семью от новых потерь.

«Именитый писатель!

Я, нижеподписавшийся, обращаюсь к Вам в качестве собрата по перу с надеждой высвободиться из настоящей невыносимой ситуации. Сейчас, когда я узнал, что находитесь в Ереване, очень обрадовался... проживаю среди грязных и больных беженцев, ютящихся в одном из верхних лесных массивов, нахожусь в распоряжении летучих мух, разносящих грязь по всей округе... потеряв красавицу-дочку, ставшую жертвой местного турка.

Таким образом, благородный господин, как человек, имеющий 30-35-летние заслуги в области пера и мысли, обращаюсь к Вам, который, как я понимаю, является защитником таких, как я, и старшим писателем и образованным человеком. Известно, что в качестве армянского писателя в материальном отношении имею такую же судьбу, как и все остальные писатели, и поэтому имею еды едва на одну-две недели своей семьёй, состоящей из семи человек. Следовательно, я не в состоянии нанять удобный дом и избавиться от этой зловонной обстановки, с тем, чтобы

остальные мои дети также не погибли. Я бы особенно просил, чтобы Вы позаботились поскорее дать распоряжение на этот счёт с исключительной любезностью, не ставя меня в один ряд с обычными беженцами, которые, как известно, представляют какую-то пользу только для себя самих, а я полезен для своего любимого народа, вот уже столько времени занимаясь литературными и, в частности, филологическими и историческими сочинениями во многих армянских газетах... моя жажда и настроение писать вовсе не уменьшились... у меня ещё немало поучительных сочинений в запасе... в интересах отечественных беженцев. И вот я, не имея никого в этом чужом краю, кто мог бы достойно представить меня Вам, принося извинения, вынужден сделать это самолично, надеясь, что Вы не сочтёте это бахвальством. Даже здесь Вы можете, вероятно, найти множество моих земляков, которые подтвердят сказанное мною, и я, таким образом, буду ждать результата, прося, чтобы Вы по возможности скорее соизволили распорядиться об этом и избавить меня и мою большую семью от нынешней невыносимой обстановки»¹.

Нвард Туманян вспоминает, что после возвращения из Еревана в Эчмиадзин они с отцом узнали, что в связи с распространением смертоносных эпидемий вынесено решение о том, чтобы беженцы не покидали Эчмиадзина. 2-го сентября Нвард записывает в своём дневнике: «Вчера приехали из Еревана. Там было немного получше, но хуже всего то, что беженцам запретили уезжать отсюда, а болезни усиливаются и холода приближаются»². Беженцам запретили покидать пределы города, потому что они являлись потенциальными разносчиками, распространителями эпидемий, и если сегодня смерть хозяйничала только в Эчмиадзине, то завтра царством смерти могла стать вся страна. Так что вполне возможно, что, своевременно вывезя в Ереван и обеспечив хорошим уходом и лечением 168 детей-сирот, Туманян спас жизни если не всех этих детей, то, во всяком случае, многих из них.

Однако, как это не трудно предположить по сообщениям газеты «Арев» и по статье «Помогите сиротам», Туманян ещё до своей поездки в Ереван вёл переговоры с правлением бакинского Комитета помощи армянским беженцам и Армянского гуманитарного общества и пришёл к соглашению о перевозке 350 сирот в Баку и об открытии там сиротского приюта. В указанной выше статье «Помогите сиротам», опубликованной в газете «Арев» 1-го сентября 1915 г., читаем: «В ближайшие дни санитарным поездом из Эчмиадзина в Баку будут привезены 350 сирот, для них в Баку будет открыт сиротский приют, для чего необходимы кровати как для маленьких, так и больших детей, матрасы, тюфяки, подушки, одежда, постельное бельё, умывальники и другие принадлежности. Бакинский комитет помощи армянским беженцам настоящим обращается к

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N 1352 (оп. 1523).

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 73.

общественности Баку и просит: помогите каждый, кто чем сможет. Кроме того, желающих заботиться о детях и ухаживать за детьми приглашаем сообщить об этом Армянскому гуманитарному обществу...»¹.

В своём письме брату Артавазду от 31-го августа Нвард Туманян рассказывает: «Беженцы уже рассеиваются, а сирот снова стало больше.

По прибытии в Ереван снова напишу. Если удастся устроить там прибывших сирот, мы вернёмся скоро. Я начала новую работу: раздаю сахар ванцам и шатахцам. Мы в порядке.

Отец очень хочет приехать, устал, но не может оставить работу незавершённой»².

Даже из этого письма отчётливо видно, что в исключительно трудных, полных лишений условиях, ежедневно сталкиваясь с несчастными, обездоленными и больными беженцами и детьми-сиротами, не имея ни минуты покоя, ни Туманян, ни его дочь Нвард не унывают, во всяком случае, не показывают этого даже самым близким людям («Мы в порядке»).

И действительно, даже несмотря на лютоющие эпидемии смертоносных болезней, бесконечный приток беженцев в Эчмиадзин не прекращался. В день возвращения из Еревана, 1-го сентября, Туманян посылает в Тифлис Национальному бюро уже приведённую выше телеграмму, в которой сообщает: ««Около двух тысяч родителей-беженцев забрали обратно своих детей. Сегодня в семь часов вечера в Тифлис было отослано 600 человек. В районе Игдыра, в Эчмиадзине и Ереване каждый день умирает около 700 человек. Ожидается поток возвращающихся из Вана беженцев, состоящий из 25000 человек» (10, 230).

В свою очередь, Национальное бюро по всем вопросам, так или иначе соотносящимся с Католикосом Всех Армян, обращается к Туманяну в качестве посредника. Так, например, в то время очень актуальный, животрепещущий характер носила задача организации благотворительных пожертвований. С этой целью Бюро пригласило из Тегерана доктора Степаняна, чтобы командировать его в Индию. Однако до этого «имеющего хорошие связи в Индии» врача посылают в Эчмиадзин, чтобы заручиться поддержкой Верховного патриарха. Задачей Туманяна было уговорить Католикоса вместе с врачом командировать в Индию одного из самых влиятельных духовных деятелей, который действительно оказался бы полезным для дела. В этом послании Национального бюро Туманяна отмечалось, что врачу «дали очень хорошие рекомендации послы как Англии, так и России», и осталось только решить вопрос выбора влиятельного духовного деятеля. Нам думается, что Бюро имело в виду именно епископа Баграта, не только по той причине, что тот занимался проблемами беженцев и лучше других знал, как именно и чем именно следует им

¹ «Арв», Баку, 1915, №137, 1-го сентября.

² Переписка семьи Туманяна, стр. 72.

помогать, но и потому, что врач Степанян был хорошо с ним знаком. В послании говорилось: «Пожертвования пройдут намного успешнее, если с ним подружится для этой цели какой-нибудь назначенный верховным патриархом умелый и влиятельный духовный деятель»¹.

Национальное бюро обращается со специальным письмом к Католикосу и просит его благословить эту миссию своим особым посланием (кондаком) и назначить подходящего духовного деятеля в качестве компаньона и помощника для доктора Степаняна. Далее в послании Национального бюро Туманяну читаем: «Просим тебя оказать ему содействие в этом деле, и со своей стороны также постарайся уговорить патриарха выполнить эту задачу. Тем более, что теперь, с учётом больших запросов армянских беженцев, Национальное бюро решило определённую часть пожертвованной суммы выделить в пользу беженцев и передать в распоряжение патриарха»².

Известно, что Туманян встретился с врачом Степаняном и обратился с ходатайством к Католикосу, и хотя иных подробностей, подкреплённых архивными документами, мы не знаем, однако есть все основания, чтобы с уверенностью утверждать, что из сумм благотворительных пожертвований, сделанных сильной в то время армянской общиной Индии, определённые средства дошли и до Тифлиса, и до Эчмиадзина.

7-го сентября 1915 г. Туманян снова пытается послать телеграмму Национальному бюро и представить положение в Вагаршапате. Записывает сведения, которые собирался сообщить Национальному бюро и общественности Тифлиса. Однако по каким-то неизвестным причинам эта новая телеграмма так и не была послана. В своих черновых набросках поэт отметил: «В сент. похоронили 7 тысяч человек с дифтеритом, и пока ещё только поднимают вопрос (врач Бабаджанян), что мясо является для них вредным. Они выражают мнение, что нельзя содержать больных и сирот вместе... и сами приносят и вываливают пищу у сирот... 7 тысяч человек умерло, почему не зажигают кубы хотя бы теперь – нет дров. Во-первых, главное – не дать им всем погибнуть, тем более, что отныне начнутся холодные ночи и будут идти дожди. 99 детей сегодня опускаем в могилы (они говорят)»³.

Восьмого сентября 1915 г. в эчмиадзинском матенадаране состоялось второе заседание «врачебного состава» под руководством врача Амо Оганджяна⁴, в котором приняли участие восемнадцать врачей, епископ Бабкен Вартазарян из «Братского комитета» и «представитель сиротского приюта» Ованес Туманян. Поэт в своём выступлении предложил «неза-

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1454 (368)

² Там же.

³ Музей Ов. Туманяна, Новые материалы, п. 32.

⁴ Амазасп (Амо) Оганджяна (1 февраля 1874, Ахалкалаки - 1947, Каир) - врач, национальный и общественный деятель, член партии Дашнакцутюн, третий премьер-министр независимой Армении.

медлительно собрать не имеющих крыши над головой беженцев, потому что скоро начнутся холода, и если даже есть более или менее здоровые люди среди беженцев, то и они заболели»¹. Туманяна поддерживает врач Л. Мясников, а отец Бабкен находит целесообразным укрыть беженцев в новом здании патриарших покоев.

Туманян свидетельствует, что среди детей сиротского приюта болели только те, у которых были навещающие родители, то есть инфекция почти всегда поступала из внешнего мира. «Среди детей случаи болезни наблюдались почти исключительно у тех, у которых есть отцы и матери, - приходят и уходят. Среди полных сирот нет ни одного случая болезни» (8, 410-411). Эту победу над эпидемиями в стенах сиротского приюта можно считать лучшей и самой наглядной оценкой самоотверженного и целенаправленного труда Ованеса Туманяна.

В течение без малого двух месяцев, проведённых в Эчмиадзине летом и ранней осенью 1915 г., Туманян трудился не покладая рук, «и днём и ночью», а в редкие минуты отдыха он сетовал, выражал свое недовольство «и духовенством, и различными комитетами по делам беженцев», и местными организациями, которые не могли как следует организовать дело, оказать беженцам своевременную помощь. Поэт волновался, негодовал и возмущался, когда видел в складских помещениях продовольствие и одежду, которые не были распределены своевременно и по назначению. Он взял на себя и эту непростую обязанность. Он открыл складские помещения тех или иных комитетов, забрал оттуда и раздал беженцам самую разную утварь, посуду, ложки, постельное бельё – беженцы ощущали острую нужду во всём этом. Предметы обихода и одежду решили распределить в ночное время, - вспоминает Нвард Туманян и продолжает: «Мы помогали. Ночами, когда беженцы уже спали, клали рядом с ними галеты, а также бельё, одежду. Каждый день мы давали им чай, обед, раздавали различные лекарства против дизентерии»².

Из Эчмиадзина Ованес Туманян вместе с дочерью Нвард выехал 15-го сентября и поездом вернулся через Ереван в Тифлис. Поэт вернулся домой изнурённый, ещё более постаревший и больной. По словам Нвард, «отец вернулся совершенно изменившийся, около двух месяцев пролежал больным в постели. Был печален, никого не принимал, ничто не приносило ему успокоения. Отец был усталый, слабый, с подорванным здоровьем»³.

Для восстановления сил поэту необходимо было провести продолжительное время под наблюдением врачей, основательно подлечиться и отдохнуть. Между тем всего лишь два дня спустя после возвращения он получает известие об убийстве брата Ростома.

¹ «Оризон», 1915, N215.

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 129.

³ Там же, стр. 130.

В своём письме от 10-го октября 1915 г., адресованном писательнице Забел Есяян¹, поэт констатирует своё изрядно пошатнувшееся здоровье и плохое самочувствие: «Ну, и я от всех горестей и лишений почти постарел» (10, 232).

В ноябре 1915 г. Туманян спешит встретиться с группой армянских интеллигентов, женщин и детей, среди которых была и Забел Есяян. Из-го военной обстановки группа была вынуждена добираться в Тифлис из Турции через Балканы, Бессарабию, преодолев трёхдневный путь за сорок дней. Спустя два-три месяца Туманян и З.Есяян очень сближаются и становятся добрыми друзьями и единомышленниками. «Никто, - писала З. Есяян, - в этот период не воспринимал действительность столь глубоко и не дарил мне свою сердечную дружбу так, как Ов. Туманян... Я чувствовала его защиту, его заботу и сердечность... И он точно так же относился и ко всем, кто чудом избавился от злоключений войны... Его жизнь была заполнена другими»². Забел Есяян рассказывала, как относились к ним русские власти в качестве военнопленных. По её словам, ей также, подобно другим, пришлось почувствовать на себе и «пережить сполна всю сладость царского режима». Некоторых мужчин «упрятали», то есть ликвидировали, расстреляли или сослали, а возможно, завербовали и заставили воевать на своей стороне. З. Есяян отмечала: «На меня главным образом воздействовали не материальные и физические трудности, а то большое разочарование и страдание, которые приходилось переносить, особенно при виде состояния составлявших часть нашей группы женщин и детей, отцы которых исчезли в потоке крови, созданной этим царским режимом»³. По свидетельству З. Есяян, в ноябре 1915 г. (группа добралась до Тифлиса 1-го ноября), Туманян «с большим сердечным чувством, с очень глубокой человечностью... интересовался и занимался практически жизнью и положением жертв войны»⁴. Туманян ещё раз убедился в завоевательской, экспансионистской политике царской России. Забел Есяян впоследствии попыталась изложить слова поэта буквально. «Знаете, - говорил Ов. Туманян с болью и горечью в голосе, - Россия хочет завоевать восточные вилайеты и с этой целью использует

¹ Забел Мкртычевна Есяян (Забел Никитична Ованнисян) (1878 - 1943) армянская писательница, переводчица, журналистка. Училась в Париже. Печататься начала в 1895. Выступила с новеллами из жизни трудящихся. В 1926 г. она переехала в Советскую Армению, а затем вернулась во Францию. В 1933 г. переехала в Ереван для участия в съезде писателей. Была делегатом 1-го Всесоюзного съезда писателей (1934). В 1936 г. она публично защищает писателей от политического преследования. Арестована в июне 1937 г. и объявлена «врагом народа». В январе 1939 г. она была приговорена к расстрелу, 8-го мая приговор был заменен на десять лет высылки. Сведения о ней теряются в ГУЛАГ-е в 1943 году.

² Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 151, 155.

³ Там же, стр. 150.

⁴ Там же, стр. 151.

национальные чувства армянского народа, даёт обещания, рисует какие-то перспективы... но при этом заинтересована в том, чтобы не выполнить эти обещания. Ей нужны восточные вилайеты, но без армян»¹.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУМАНЯНА В ЭЧМИАДЗИНЕ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОКОВ

Самоотверженная деятельность Ованеса Туманяна в Эчмиадзине получила свою оценку не только впоследствии, уже в наше время, но и при его жизни, «по горячим следам», и даже в те самые дни, когда он ещё находился в эчмиадзинском аду. Так, 30-го августа 1915 г. в зале Бакинского Армянского гуманитарного общества состоялось многолюдное собрание, на котором председательствовал предводитель местного прихода епископ Карапет Тер-Мкртчян. Выступавший с докладом о ходе организации оказания помощи беженцам Рубен Оганджян особо отметил деятельность Туманяна в Эчмиадзине, благодаря которой жизнь многочисленных детей-сирот в значительной степени улучшилась.

Многие современники очень высоко оценили самоотверженный труд поэта, высказывали своё восхищение по этому поводу. Имея в виду самоотверженную деятельность, которую Туманян развернул в Эчмиадзине, его помощь «в меру сил и возможностей», оказанную десяткам тысяч беженцев и детей-сирот, Лео пишет: «Это было самым настоящим самопожертвованием. Неделями он жил среди таких ужасов, от одного лишь сухого перечисления которых в жилах человека стынет кровь»².

Полководец Андраник также выразил своё восхищение человеческим подвигом Туманяна. При этом он видел перед собой не только своего дорогого товарища, но и человека, который пренебрёг спокойной жизнью «ради осколков своего народа и страдал вместе с ними, разделяя с ними их боль и горе. Горькая участь и мучения его соотечественников отняли радость на его лице и улыбку и смех в его глазах, сохранив в его сердце боль его сородичей»³.

Как уже было сказано, в Эчмиадзине впервые встретился с Туманяном Ваан Тотовенц. Впоследствии он ярко и живыми красками описал свои впечатления об этих днях. «В первый раз я увидел поэта во дворе монастыря. Он был высокий, худой, с белой кожей и седыми волосами; у него был широкий лоб, улыбчивые, не очень глубокие, но мудрые глаза. Он надел русскую белую блузу, с бахромчатым поясом. Разговаривая, широко-широко разводил руки... время от времени кладя руки на плечи собеседника...

¹ Там же, стр. 152.

² Там же, стр. 97.

³ Там же, стр. 551-552.

Туманян бегал от одной точки к другой, от палатки к палатке, от группы к группе, от одного умиравшего к другому умиравшему.

Распоряжался, приказывал, бранился, порицал, улыбался, поглаживал, гневался»¹.

Похожее свидетельство находим в воспоминаниях одной из сестёр милосердия, Нвард Егибян-Багдасарян. «Туманян, забыв про покой и сон, без конца обходил территорию, повсюду распоряжался, давал советы, обнадеживал, поощрял больных, беспомощно покинутых. И всё это делал с отеческой нежностью и любовью»².

Месяцы и даже годы спустя со словами признания и благодарности обращались к поэту даже те, кто не был очевидцем его деятельности в Эчмиадзине, а просто слышали или читали свидетельства очевидцев. При этом особенно благодарны были представители западноармянского населения. В письме одного из них, Карапета Кеосеяна, написанном 2-го февраля 1916 г., читаем:

«С большим восхищением услышал и прочитал о ваших делах в 1915 г., в особенности о проявленном Вами в Эчмиадзине братском отношении к несчастным жителям Армении...

Браво Вам!

С большим удовольствием прочитал написанное Вами и написанное другими о Вас в «Оризоне» в минувшем году.

От всей души желаю Вам ещё больше физической и интеллектуальной силы и больше энергии. Передать эти слова устно немного затруднительно...»³.

И всё-таки самой важной и самой ценной оценкой, безусловно, следует считать отзывы самих детей-сирот, которые присвоили поэту ещё один «всеармянский» титул - «Отца всех армянских сирот».

На первый взгляд может показаться совершенно невероятным, что среди всех этих ужасов и кошмаров детям-сиротам удалось увидеть что-то светлое. Однако согласно их же собственным признаниям, Ованес Туманян, «Айрик», был единственным человеком, встречи с которым как-то скрашивали их жизнь, а сам поэт казался им светлым видением»⁴ и своей «сказочной добротой» проникал во внутренний мир каждого ребёнка, заполнял собой их детскую сущность.

Находясь в Эчмиадзине, Ованес Туманян вот уже который раз увидел воочию всенародное, общенациональное бедствие, со всей глубиной ощутил великую трагедию, объявшаю все без исключения армян-

¹ Там же, стр. 136.

² Там же, стр. 684.

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N2342 (483).

⁴ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 846.

ские города и сёла Западной Армении, всё армянское население своей исторической родины.

Все эти впечатления стали неотъемлемой и составной частью биографии Туманяна, а боль и горечь от увиденных кошмаров и ужасов никогда уже больше не смягчились и не утихомирились в его душе. В своём письме Забел Есаян, отправленном из Боржома 1-го августа 1916 г., Туманян пишет: «В прошлом году в это время я был в Эчмиадзине. Невозможно рассказать, что представлял из себя Эчмиадзин в прошлом году в это время. Но я остался полтора месяца, занимался преимущественно сиротами и, воистину, я и в то время видел и чувствовал всю чудовищность обрушившегося несчастья и нищеты, но только после отъезда, и особенно сейчас, я не могу их видеть, так же как и вообще беженцев, но особенно – сирот.

Для того чтобы видеть их, нужна огромная сила, а я, как уже написал, очень надломлен, устал и болен... несмотря на мой неисчерпаемый оптимизм и весёлый характер; грусть, о которой я говорю, – настоящая и, увы, постоянная, непреходящая» (10, 245).

Деятельность Ованеса Туманяна в Эчмиадзине была очередным его жизненным подвигом, который явился высшим проявлением его патриотизма, человеколюбия и беззаветной преданности своему народу. Этот подвиг принёс бы честь не только любой, пусть даже самой масштабной, личности, но и любому народу, и даже всему человечеству. Подвиг Туманяна был ещё одним доказательством существования на свете крупной, масштабной личности, «с безумным самоотречением» жертвующей собой во имя человечества и человечности.

ОТЕЦ ВСЕХ АРМЯНСКИХ СИРОТ

На протяжении без малого двух месяцев Ованес Туманян занимался проблемой размещения детей-сирот в Тифлисе и в разных городах Армении. Во время пребывания поэта в Эчмиадзине в течение полутора месяцев «до десяти тысяч детей вошло... в сиротский приют и вышло оттуда, а число остававшихся там составляло 3500» (7, 179).

После возвращения в Тифлис Туманян по-прежнему продолжал заниматься проблемами сирот. Одновременно поэт распоряжался суммами, получаемыми в результате благотворительных пожертвований, которые организовывали Национальное бюро и ряд помогавших беженцам и сиротам общественных организаций. Туманян распределял эту суммы между управляющими сиротских приютов, которые росли, словно грибы после дождя.

Ежедневно растущее число детей-сирот и открывавшихся по всей территории Армении сиротских приютов вынуждали Туманяна работать не покладая рук, день-деньской, днём и ночью.

В вопросах распределения сирот по разным городам и приютам, а

также распределения скудных благотворительных сумм нередко возникали серьёзные разногласия и споры между руководителями сиротских приютов Эчмиадзина и новых детских домов. И вновь роль посредника и примирителя отводилась Туманяну, вновь именно он оказывался в центре переговорных процессов. Поэт старался найти компромиссные решения, руководствуясь принципами справедливости и учитывая реальные запросы каждого приюта.

Ещё в Эчмиадзине, вплоть до последнего дня пребывания писателя в городе, многие обращались к нему по вопросам распределения сирот в том или ином приюте. Так, между 10-14 сентября 1915 г. по просьбе Ш.Евангуляна, который основал сиротский приют в Тифлисе, к Туманяну обратились сёстры милосердия Катарина и Зорян. Евангулян ещё месяц назад, в первой половине августа, встретился с поэтом в Эчмиадзине и заручился его обещанием выделить определённую сумму в случае, если тот займётся заботой о сиротах. Теперь девушкам предстояло напомнить Туманяну о его обещании и уточнить число сирот, которые по решению поэта и соответствующих общественных организаций должны были поступить в их новоучреждённый сиротский приют. Ерангулян объяснял невозможность своего личного присутствия на переговорах в Эчмиадзине обстоятельствами своего физического недомогания. 16-го сентября он обратился к Туманяну с письмом, в котором читаем: «Уважаемый господин Ованес! Когда я вернулся из Эчмиадзина... пригласил на собрание всех членов нашего общества. Когда я рассказал о положении сирот в Эчмиадзине, они стали настолько серьёзными, что даже затрудняюсь передать. После долгих разговоров и обсуждений решили взять 30 девочек и содержать за наш счёт, но поскольку необходимость в помощи большая, и Вы мне сказали, что комитет выделит пособие, поэтому мы обязались взять на содержание ещё 70 на Ваши средства; я так и телеграфировал... случилось непредвиденное: в здешнем комитете, узнав, что мы берём 100 сирот и должны получить пособие, стали протестовать, говоря, что не допустят, чтобы нам отдали сирот... Открываемые Вами (в Эчмиадзине – С.О.) сиротские приюты временные, а наши – постоянные... Эчмиадзин проявил себя сполна... Сейчас я прошу по возможности скорее ответить мне, есть ли сироты?»¹.

Даже получив через посредство сестёр милосердия положительный ответ Туманяна, Ш. Евангулян продолжал беспокоиться и ещё раз попросил поэта подтвердить своё обещание о выдаче пособия для сирот.

В Эчмиадзине Ованес Туманян приобрёл среди врачей и сотрудников детского приюта новых знакомых, которые даже после его воз-

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N 1159 (319 доп.).

вращения в Тифлис не прекратили беспокоить писателя самыми разными просьбами по самым разным волнующим их личным вопросам, и в первую очередь, конечно, по устройству на подходящую работу.

Писатель получал многочисленные просьбы-заявления о предоставлении информации о местонахождении того или иного ребёнка. Заявителями являлись, как правило, родственники детей, потерявших родителей.

Врач-фармаколог больницы номер 1 Вагаршапата Арутюнян и служащий Вардан Дарбинян 4-го октября 1915 г. обратились к писателю с просьбой найти детей, которых они сдали в Эчмиадзине в сиротский приют и которые впоследствии были переведены в разные приюты по всему Кавказу, и сообщить имеющиеся о них сведения. В письме говорится:

«Высокочтимый Ованес Туманян!

Я очень сожалею, что не смог в последний момент увидеть Вас, или, ещё точнее, я упустил Ваш отъезд... чтобы попрощаться с Вами... Надеюсь, Вы со свойственной Вам снисходительностью позволите, конечно, чтобы я сказал несколько слов о наших ребятах. Как Вы помните, моя сестра, проживающая в Баку, пишет, что наших детей там не очень жалуют; один из друзей наших мальчиков сказал, что они остались в Тифлисе.

Я прочитал в «Оризоне», что из 500 сирот 300 были посланы в Баку, 100 – в Крцанис, 100 – в Ахалцха. Я бы особенно просил, чтобы Вы потрудились поискать наших мальчиков и... послать их к нам. Моя супруга приехала в Тифлис и на какое-то время остановилась в доме родственника; я бы просил, чтобы сведения, получаемые о наших мальчиках, Вы посылали через неё, если возможно»¹.

Автор письма не забывает, конечно, затронуть попутно и вопрос о своём трудоустройстве. «В больнице N 1 я бы поработал в качестве фармацевта, однако в последнее время она объединилась с больницей N2, и не осталось больше вакансии фармацевта. Я с начала этого месяца хожу здесь без работы, что в высшей степени тяжело для меня. Просил бы Вас во имя человеколюбия избавить меня от этого бездействия... и найти для меня какую-либо должность, чем очень обяжете меня лично и дадите мне возможность проживать вместе с супругой в Тифлисе...»².

Параллельно с общественными проблемами и вопросами, поэту всегда приходилось решать также личные проблемы конкретных людей. После его возвращения в Тифлис число аналогичных просьб от оказавшихся в Эчмиадзине беженцев ещё больше увеличилось.

В первые дни октября прикованный к постели Туманян пытался отыскать сирот в приютах разных городов по просьбам знакомых и

¹ Там же, N 1159.

² Там же.

незнакомых людей, скорбел по умиравшим беженцам и сиротам, по новым потерям, в том числе и по брату и по сестре милосердия Сатеник. Он пишет статью «Памяти дорогого человека»¹, посвящённую памяти Сатеник Оганджян, ставшей жертвой смертоносной эпидемии в Эчмиадзине.

В этой статье поэт выразил своё восхищение и благодарность, а также своё преклонение перед поколением замечательных молодых армянских женщин и девушек, которые откликнулись на его клич и, подвергая большому риску своё здоровье и свою жизнь, стали заботиться, ухаживать за сиротами. Риск был очень велик, цена патриотизма и милосердия – очень высокой. Для Сатеник Оганджян этой ценою оказалась её жизнь. И такая же участь могла постигнуть каждую из сестёр милосердия, в том числе и дочь поэта Нвард Туманян.

Сатеник Оганджян была сестрой второго премьер-министра Республики Армения, впоследствии министра иностранных дел Амазаспа (Амо) Оганджяна. Самоотверженная армянка с юного возраста вступила в ряды политической партии АРФ «Дашнакцутюн», являлась членом правления общественной организации «Мегу» в Тифлисе и приехала в Эчмиадзин по зову Туманяна.

Ещё в далёком 1898 г., когда ей не было и двадцати лет, она в Тифлисе и Телави работала сестрой милосердия в группах основанного её братом Красного Креста. Сатеник Оганджян была среди учредителей Женского Красного Креста и Дома труда в Константинополе (1908 г.). После резни в городе Адана в 1909 г. она вместе с группой армянских женщин поехала в зону бедствия, организовала дело выявления и перемещения детей-сирот. В годы Первой мировой войны она вновь оказывала помощь семьям беженцев, армянским добровольческим дружинам, женским общественным организациям. В 1915 г. в качестве члена группы медицинских санитарных работников Сатеник поехала в Ван, прошла по страшному пути вынужденного отступления. Туманян прекрасно знал во всех подробностях этот полный ужасов и кошмаров путь – ведь ему также доводилось пройти по тому же маршруту. Для поэта Сатеник Оганджян с её самоотверженной жертвенностью была каким-то неземным созданием, святой женщиной, ангелом во плоти.

В сентябре 1915 г. Сатеник должна была уехать из Эчмиадзина в связи с началом нового учебного года: она работала учительницей в школе. Однако она решила остаться в Эчмиадзине и помогать медицинскому персоналу больницы. Обратилась в школу с просьбой предоставить ей отпуск, но получила отказ. Она попросила Туманяна о ходатайстве, чтобы ей было дозволено остаться в Эчмиадзине и чтобы причину её отсутствия в школе посчитали уважительной. Поэт, увидев усталое, совершенно изнемождённое состояние Сатеник, попытался отговорить её от принятого решения, однако молодая женщина упорствовала. «Ну, а я, заметив, что

¹ Статья была опубликована в «Оризонс», 1915, 4-го октября.

она очень устала, что из более чем двухсот служащих сиротского приюта всего лишь двадцать-тридцать человек избавились от болезней и многие умерли, не стал ходатайствовать за неё и посоветовал, чтобы она немного отдохнула» (7, 178). Вместо того чтобы прислушаться к совету поэта, Сатеник на несколько дней отлучается из Эчмиадзина, увольняется с работы школьной учительницы, снова возвращается в Эчмиадзин, где вскоре заражается сыпным тифом. В очень тяжёлом, совершенно безнадежном состоянии её перевозят в Тифлис, где она, несмотря на все усилия врачей, мучительно умирает.

Случилось это 1-го октября 1915 г., то есть всего лишь две недели спустя после отъезда Туманяна из Эчмиадзина.

Поэт совсем недавно вернулся из «страны руин и трупов», лишь недавно похоронил убитого 16-го сентября в Дсехе брата, когда получил новый удар – известие о смерти Сатеник Оганджян. Эта смерть приводит на Туманяна очень тяжёлое впечатление – и не только потому, что он лично знал её и восхищался её преданностью делу, патриотизмом, самоотверженностью и сильным характером, но ещё и потому, что не мог отделаться от чувства своей причастности, ответственности и косвенной вины за всех тех армянских женщин и девушек, которые приехали в Эчмиадзин по его зову, и одновременно испытывал особую боль в связи с потерей редкого по своим качествам человека.

Поэт пытается разъяснить своим читателям, чем именно была ему дорога Сатеник, почему среди стольких смертей именно её смерть так больно отозвалась в его душе. «Она была мне дорога, потому что была одной из тех редких личностей, которые большей частью живут ради других.

Ведь на свете немало людей, которые живут только для себя, немало людей, которые живут для того, чтобы заставлять других страдать, и есть также люди, которые живут, чтобы помогать страдающим людям.

И, увы, на свете меньше всего именно таких людей. Одной среди этих немногочисленных, среди этих бесценных людей и была наша дорогая учительница Сато» (7, 178-179).

Статья публикуется 4-го октября в газете «Оризон». А год спустя, 13-го ноября 1916 г., в день открытия в Тифлисе библиотеки-читальни имени Сатеник Оганджян, было зачитано письменное приветственное слово Ованеса Туманяна от имени Кавказского общества армянских писателей.

Таким образом, после ужасающего геноцида и насильственной депортации армянского народа Армения стала «страною скорби и сирот». Заботы Туманяна умножились тысячекратно. Как бы он ни старался скрывать от внешнего мира, от знакомых и близких своё душевное состояние,

он был сломлен, повержен, охвачен горечью и отчаянием – в противном случае он бы не постарел столь стремительно, как говорится, не по дням, а по часам. Однако ценою нечеловеческих усилий, с какой-то невообразимой самоотверженностью ему удавалось продолжать свою активную патриотическую и общественную деятельность, находить в себе потаённые жизненные силы, чтобы быть полезным своему народу. В это страшное, роковое и судьбоносное для армянского народа время, когда над его родиной, подобно дамокловому мечу, повис вопрос жизни и смерти, было необходимо оказать всемерную поддержку беженцам, спасти умирающих от голода и эпидемий людей, найти пристанище для детей-сирот, для беззащитных женщин и стариков. Для поэта было очень непросто озвучивать свои впечатления об Эчмиадзине: это означало заново пережить их, однако он был убеждён, что информированная общественность будет значительно лучше подготовлена, чтоб протянуть руку помощи беженцам и сиротам. С этой целью он пишет и публикует в газете «Лума» очерк «Воспоминания о сиротском приюте Эчмиадзина».

Прежде всего поэт представил крайне тяжёлое положение сиротского приюта Эчмиадзина в самых общих чертах, подчеркнув насущную необходимость перемещения оттуда детей-сирот. Из этой статьи становится понятно, что, сколько бы ни обвиняли Туманяна в том, что он принимал в приют детей, имевших родителей, он никогда не изменял своей позиции и своих убеждений, и даже «легализовал» приём в сиротский приют детей при живых родителях, и он делал это открыто, нередко идя против воли некоторых духовных деятелей. «Эчмиадзинский сиротский приют не был настоящим приютом, - писал поэт, - а пристанищем для детей, потому что принимались также дети, имевшие родителей. Это было убежище, куда приводились, временно принимались вырванные из когтей голодной смерти дети, покуда из наших городов подрастут и заберут их. Это не был приют, как не являются приютами многие наши теперешние приюты, однако название приклеилось и осталось приютом» (7, 179).

Затем поэт описывает скопившуюся у входа духовной семинарии огромную массу народа, лес из окостеневших рук тысяч матерей, которые, казалось бы, согнувшись перед сильной бурей, ожидали, когда откроются двери, чтобы втолкнуть внутрь бесчисленное множество детей. Туманян рассказывает: «Помню те густые и длинные ряды детских скелетов, когда их сажали, чтобы накормить, контролирующие женщины и девушки, которые, подобно ангелам-хранителям, непрерывно кружили над ними, одетые с головы до ног в белые одежды, побледневшие, поблѣкшие из-за боли и невыносимо тяжѣлого воздуха и смрада, женщины и девушки...

Молча рассевшись густыми и длинными рядами, они не мигая вперяли свои взоры в двери, откуда должны были внести вѣдра с чаем, кофе или едой» (7, 180). И всё-таки, вероятно, самым страшным было то, что эти дети совсем не умели шалить и на протяжении довольно долгого времени не выказывали никаких признаков жизни. Об этом Туманян

пишет следующим образом: «Большую часть дня они были разбросаны на полу, в длинных прихожих или в просторном дворе, не могли оставаться на ногах; их худые голени и детские ножки, несколько сотен верст пробежавшие ноги...

Я помню также и тот хороший день, когда в первый раз контролёры пожаловались, что дети уже стали шалунами, что управлять ими стало труднее; когда увидели в первый раз... некоторые бодро пели хором, некоторые, сидя на скамейках, играют в лошадок, а некоторые шутят, весело кричат, хохочут...

И глаза каждого из нас наполнились слезами радости...

...В то время как из повозок, перевозивших мёртвых, с криками: «Трупы! Трупы!», собирали трупы их высохших от голода матерей, матерей, которые приходили и обессиленно съёживались под стенами сиротского приюта, поближе к своим детям, – или все скопом падали, подобно скошенной траве, под деревьями садов» (7, 180-181). Те же самые повозки увозили из Эчмиадзина его маленьких временных жителей. «А вот и длинные ряды фургонов и повозок, которые увезли их, одетых в красные и белые блузы...

И кто знает, когда их спрашивают теперь уже в разных городах: «Есть ли у вас матери?» - они отвечают: да, есть, и ещё дают записать имена своих матерей, не зная, что даже столько могильщиков не находилось в Эчмиадзине, чтобы пришли, похоронили многих из их матерей» (7, 181).

Очерк «Воспоминания о сиротском приюте Эчмиадзина» был единственной публикацией Туманяна 1915 года, в которой не было ни одного луча света, ни одного светлого слова. Между тем прошло всего лишь неполных три месяца после публикации его статьи «Спокойно и с большой верой». Впервые в цветовой палитре публициста использовались только мрачные, тёмные краски; весь очерк был написан в самых минорных и трагических тонах. «Страна скорби и сирот» как никогда прежде нуждалась в помощи и защите. При этом автор очерка вовсе не сгущал красок, просто он представлял без ретуши тот ад, в котором ему пришлось жить с 29-го июля по 15-е сентября 1915 г.

В дело заботы и ухода за сиротами были вовлечены армянские политические, общественные и национальные деятели, лучшие представители армянской интеллигенции, которые были способны на беззаветную преданность своему народу. Среди них своей исключительной самоотверженностью и неповторимым обликом великого гуманиста и патриота выделялся Ованес Туманян. В годы войны для поэта первостепенное значение имели заботы об армянских беженцах и осиротевших детях. Периодика тех лет переполнена, буквально наводнена ужасающими, душераздирающими историями и рассказами беженцев и сирот. В газете

«Оризон» за 10 июня 1915 г. был опубликован рассказ какого-то осиротевшего ребёнка о том, как у него на глазах турки повесили его отца. На покачивавшееся тело повешенного толпа взирала равнодушно. И только его маленький сын безутешно плакал, издав видя происходившую расправу¹. В том же номере газеты была опубликована фотография, изображавшая повешенного мужчину.

В тот период все армянские газеты пестрели лозунгом-призывом: «Помогите сиротам!». Под этой общей рубрикой публиковались воззвания, передовые статьи, редакторские колонки. В одной из публикаций тех дней читаем: «Помогите спасти невинных жертв политических распрей, переполюха и смуты, которые безжалостно истребляются голодом и болезнями. Помогите сохранить те осколки, которые должны стать будущими земледельцами и тружениками Армении»².

Конечно, как население, так и отдельные общественные организации всячески старались помогать беженцам и сиротам, повсюду открывались всё новые и новые сиротские приюты. На каждого сироту ежедневно приходилось несколько жалких копеек, однако при этом общественность незамедлительно оповещалась обо всех расходах и добровольных пожертвованиях. В номере газеты «Оризон» за 15-е августа 1915 г. читаем: «Открылся сиротский приют на 300 детей с обеспечением их проживанием, питанием, одеждой и всем другим необходимым, в том числе и образованием. Питание и уход за каждым осиротевшим ребёнком в годовом исчислении обойдётся приблизительно в сто рублей»³. А несколькими месяцами ранее, 23-го апреля 1915 г., газета «Оризон» опубликовала объявление: «К сведению бежавших из Турецкой Армении переселенцев: общество принимает в открывающемся в селе Мец-Каракилиса сиротском приюте мальчиков и девочек 6-10 лет, лишившихся отца и матери. В заявлении должно быть указано имя сироты, отчество, фамилия и место, откуда прибыл»⁴.

Забота в отношении сирот проявилась ещё до начала Мировой войны. Ещё 11-го апреля 1913 г. Туманян сообщил Овсепу Хунунцу, что он предоставляет бесплатные билеты на вечера Кавказского общества армянских писателей как для учащихся средних школ, так и для всех питомцев сиротского приюта Армянского Благотворительного общества⁵.

В годы войны, взяв на себя руководство десятками национальных политических и культурных советов и обществ, Туманян использовал каждую предоставившуюся возможность, каждую трибуну, чтобы ещё раз озвучить, напомнить о крайне бедственном положении чудом спасшихся от резни сирот. Он всячески стремился приковать внимание армянской

¹ «Оризон», 1915, №6, 10-го июня.

² Там же, №183, 15-го августа.

³ Там же.

⁴ Там же, №87, 23-го апреля.

⁵ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, №767.

общественности к проблемам выживания нации, к судьбе каждого осиротевшего ребёнка.

В этом контексте следует рассматривать организованную Туманяном лекцию на тему «В стране сирот». Лекция состоялась 28-го декабря 1916 г. в зале консерватории. Её прочитал Карен Микаэлян¹. Объездив все сиротские приюты Ереванского уезда, он собрал образцы художественного творчества наиболее одаренных детей и призвал Общество армянских писателей учредить специальный фонд, который, по его убеждению, непременно должен был находиться при этом Обществе. В одном из своих писем Туманяну (за 6-е декабря 1916 г.) К.Микаэлян писал: «Обхожу местные сиротские приюты. У меня было две цели: во-первых, записать... последнюю трагедию армян по рассказам детей и на их основе написать художественные произведения...

Во-вторых, собрать литературные произведения детей, появление которых явилось для меня большой неожиданностью. Сейчас я имею под рукой обширную литературу. Отсюда я отобрал стихотворные сочинения, в которых нередко встречаются характерные фрагменты. Эти фрагменты отражают последние события. Очень интересно и трогательно, как ребенок выражает в песне свое горе и радость, пережитые им страдания, увиденные им ужасы...»².

С этой лекцией К. Микаэлян уже выступал несколько раз: вначале в Ереване, на вечере новоучреждённого Общества любителей словесности³, затем – в Александрополе, а оттуда поехал в Тифлис, чтобы представить свою лекцию вниманию тифлисской армянской общественности.

До начала лекции собравшиеся по предложению Туманяна стоя почтили память родителей армянских сирот, ставших жертвой геноцида. В лекции К.Микаэляна были подробно представлены те стихотворения сирот, в которых нашли отражение последние кровавые события в

¹ Карен Саркисович (Герасим Сергеевич) Микаэлян (1883 - 1941) – писатель-новеллист, драматург, переводчик. Был председателем Московского комитета помощи Армении. Литературную деятельность Микаэлян начал в 1904 и в течение почти 30 лет выпустил только три сборника. Первый сборник рассказов Микаэляна вышел в 1907 г. В 1926 г. Микаэлян уехал за границу в составе делегации Армянского Красного Креста и Комитета помощи Армении, где пробыл свыше года. По возвращении из-за границы Микаэлян издал сборник новелл "Majestic", повествующих о жизни армянских беженцев в США.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1766 (913).

³ Общество любителей словесности было учреждено в Ереване в первой декаде декабря (на учредительных собраниях 3-го и 9-го декабря) 1916 г. Появление Общества свидетельствовало об активизации армянской культурной жизни в Ереване. Примечательно, что открывать это Общество собирались на протяжении двух лет, но осуществила этот замысел западноармянская интеллигенция. В информации «Оризона» сообщалось: «Турецкоармянские интеллигенты создали Общество любителей словесности, то есть общество, задачей которого является сохранить связи с разбросанными по миру турецкоармянскими писателями, собрать осколки турецкоармянской литературы, ознакомить с помощью лекций с турецкоармянской литературой – первая литературная беседа была посвящена М. Весперу, а следующая – «Кесарию» Шанта». См. «Оризон», 1916, N292, 30-го декабря.

Западной Армении. К. Микаэлян рассказал на основе собранного им материала, как маленькие дети, сироты излагали подробности пережитой ими трагедии. Особенно тяжёлое, гнетущее впечатление произвели на собравшихся стихи этих рано повзрослевших детей.

К. Микаэлян предложил создать при Кавказском обществе армянских писателей специальный фонд для поощрения одарённых сирот и издания их произведений. Докладчик рассказал также о своём намерении широко использовать биографии и документальные истории детей-сирот в своих новеллах и со временем издать их под общим названием «Растерзанная Армения»¹.

В незатейливых стихотворениях детей-сирот нашли отражение кровавые события в Западной Армении, пережитая детьми страшная трагедия, живущие в их сердцах и продолжавшие преследовать их сцены ужасов и кошмаров. Мнацакан и Айрик описывали скорбящие реки, которые покачивали на своих волнах тела убитых людей. Маленький Григор обратился к скорбящим птицам Армении, чтобы они полетели в чужие страны и рассказали всему миру о страданиях и мучениях армянского народа, а Аршак, обращаясь к тем же птицам, наказывал им: «Возьмите своими коготками землю и накройте опаляемые солнцем растерзанные трупы»². А Мисак, описывая плач, рыдания и скорбь матерей, обращается к равнодушной луне: «Луна, скажи, ты будешь ли свидетелем?» Айастан, будучи ещё очень маленьким ребёнком, тем не менее, уже сознавал, что от матери осталась одна лишь могила, да и то — далеко-далеко, на пороге отчего дома, отобранного врагами.

Во всех без исключения произведениях сирот говорилось об оставшихся незахороненными человеческих трупах, о матерях, по которым они тоскуют и мечтают видеть их хотя бы во сне, об оставшихся в чужой дали родных могилах. То, что маленькие дети не могли писать ни о чём другом, кроме смерти и могилах, кроме тоски и неизбывной боли, производило очень тягостное и удручающее впечатление, было столь же ужасно, как и сама резня. Эти незрелые, не представляющие какой-либо художественной ценности, но при этом исповедально искренние детские стихи также являются неотъемлемой и составляющей частью Геноцида армян.

Внимательно выслушав воспоминания сирот и стихи некоторых из них, Туманян обратился к собравшимся со следующими словами: «Общество армянских писателей... решило усыновить способных и талантливых сирот, которые завтра станут теми единственными свидетелями ужаса, содрогания и опустошения... и так же, как сами были пронзены и изрублены мечом врага, пронзят и изрубят они сердце человечества своим пером и словом... Мы должны отнести к ним как к своим родным детям, а иначе они, уже в своем юном возрасте направляющие стрелы протеста и

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 847.

² «Мшак», Тифлис, 1916, N292, 30-го декабря.

отчаяния в постылого армянского бога, молящие птиц своей страны, чтобы те своими коготками брали землю и прикрывали тысячи незахороненных трупов, завтра в своем праведном гневе могут восстать против нас» (7, 549).

Необходимо отметить, что и сама идея, и инициатива усыновления сирот Обществом армянских писателей принадлежит именно Ованесу Туманяну. С этим предложением он обратился к правлению Общества еще за десять дней до рассмотренной лекции, 18-го декабря 1916 г. Предложение это на общем собрании 3-го мая 1917 г. встретило ряд возражений, мотивируемых тем, что Общество писателей не является благотворительным обществом, что по уставу Общество не может заниматься заботой и уходом за сиротами, потому что это не является его прерогативой. Все эти и другие подобные возражения были высказаны на общем собрании 3-го мая 1917 г. Вопрос какое-то время оставался в подвешенном состоянии. Однако Туманян время от времени возвращался к нему, настаивал на своём, и ему удалось убедить всех: в качестве самого веского и убедительного довода он сослался на чрезвычайность, исключительность сложившейся ситуации, которая позволяет Обществу «не руководствоваться буквой устава»¹. Это был, пожалуй, первый случай, когда Туманян решился пойти на нарушение устава Общества, однако причина была более чем уважительной.

В июне того же года Общество усыновляет троих одарённых сирот, имеющих ярко выраженные творческие наклонности и литературные способности - Вагаршака Ерицяна (Норенца), Миграна Тутунджяна и Норайра Дабагяна. Предварительно ознакомившись с их литературными произведениями, поэт руководствовался также рекомендациями и указаниями инспектора сиротских школ, видного педагога и переводчика Тиграна Пирумяна². При этом поэт продолжал собирать информацию и о других одаренных сиротах.

Питомцы Общества фактически стали как бы усыновлёнными детьми самого Туманяна. К его десяти родным детям прибавилось ещё трое питомцев, которые сразу же привязались к нему, как к самому родному человеку на свете. Когда Вагаршак впервые оказывается в квартире Туманяна и видит поэта в уютной домашней обстановке, он, по его же собственному признанию, ощущает неопишуемую радость и ликование, потому что поэт стал для него «воплотившейся мечтой»³.

По настоянию поэта, в случае какой-либо надобности питомцы обращались лично к нему, бывали у него дома, обедали там и каждый раз находили теплый, радушный прием. «Я находил в семье великого поэта утешение, родной угол. Буквально восприняв слова поэта: «Приходи в

¹ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N46/7.

² Тигран Пирумян (1859 - 1935) – педагог, переводчик, журналист.

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 848.

любое время», я к месту и не к месту, не задумываясь об удобстве времени, заходил к нему домой... Иногда заходил ранним утром, когда он бывал ещё в постели, иногда во время завтрака или обеда... В заботливой и душевной атмосфере этой чудесной семьи... я так никогда и не почувствовал чего-либо фальшивого или сентиментального»¹, - пишет Вагаршак Норенц и добавляет, что посещать дом Туманяна постепенно стало для него «сильной внутренней потребностью»².

Питомцы чувствовали себя растерянными и стеснялись садиться за стол с поэтом, однако преодолевать эту растерянность и стеснение им помогало то, что их приглашали за стол искренне и от самого чистого сердца. Ну, и конечно, был и другой фактор, на который указывает Норенц: «Возможно, уже одно только то обстоятельство, что когда-нибудь я смогу сказать: «Я обедал с Ованесом Туманяном», - придало мне дерзости «отобедать»»³.

Туманян сам платил как за их обучение, так и за жильё и одежду. В сиротском приюте «Циранавор» по всем вопросам, касавшимся материальных нужд и запросов питомцев Общества писателей, руководство приюта обращалось лично к Ованесу Туманяну. 3-го февраля 1918 г. П. Могянц пишет поэту: «Уважаемый г. Туманян, для того, чтобы изготовить для Ваших усыновлённых троих питомцев по одному костюму и по одной паре обуви, необходимо приблизительно (1000) тысяча рублей. Если предоставите нам эту сумму, смогу заказать в течение нескольких дней»⁴.

В архиве Кавказского общества армянских писателей сохранилось множество документов, свидетельствующих о постоянной заботе Общества о сиротах. Есть среди них и такой: «Август 1918 г. Для сирот куплены книги и тетради собственноручно г-ном Туманяном – 58 руб. 70 коп. Выданы стипендии сиротам Армянской гимназии Норайру Дабагяну и Миграну Тутунджяну (258 р. 70 коп.), в 1918 г. выдано стипендий – 900 р. 1919 г. На книги и тетради для сирот выдано – 50 р. Сиротам выдано подарков на Новый год – 30 р.».

Примечательно, что Общество писателей насчитывало более ста членов и имело правление, в состав которого входило восемь человек, однако по решению этого самого правления только его председатель, то есть Ованес Туманян, должен был покупать в магазинах новогодние подарки для питомцев, именно Туманян должен был приобретать для них все школьные принадлежности, начиная с учебников и тетрадей, покупать всё, в чём они могут нуждаться. Не нашлось ни одного человека, который добровольно взялся бы за выполнение этих не столь уж и трудных и обременительных обязанностей, чтобы хотя бы немного поберечь столь ценное время самого занятого, сверхобременённого и перегруженного

¹ Там же, стр. 852, 853.

² Там же, стр. 852.

³ Там же, стр. 849.

⁴ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, 1776 (1239).

армянского национального деятеля и писателя. Туманян смиренно и безропотно выполнял все поручения правления Общества. Впрочем, что ему оставалось делать: ведь это он нарушил букву устава Общества, как когда-то нарушал запрет духовного руководства Святопрестольного Эчмиадзина и принимал в сиротские приюты детей, имевших родителей и родственников. Ну, и потом, это была его личная инициатива...

Если Туманян по делам отлучался из Тифлиса, то решение вопросов питомцев Общества откладывалось до возвращения писателя. Как-то во время отсутствия поэта питомцы обратились по какому-то вопросу к Левону Шанту и получили следующий ответ: «Это может сделать только господин Туманян, необходимо дождаться его возвращения»¹. Вполне возможно, что Шант был прав, и вопрос, с которым к нему обратились питомцы Общества, действительно мог решить только Туманян, однако для детей холодный приём Шанта, – то, что он даже не подумал пригласить их к столу, даже не соизволил вникнуть в суть вопроса и проявить элементарный человеческий интерес к их трудностям и проблемам, до глубины души обидело и разочаровало детей. Вагаршак Норенц напишет по этому поводу: «После этого печального случая моё отношение к Ованесу Туманяну превратилось почти в поклонение. Туманян – поэт и человек остались для меня воплощением совершенства. В его недостижимом величии я нашёл для себя что-то очень близкое, безгранично родное, что-то, что сыновья чувствуют только к своим родителям... Туманян был и остаётся для меня лучшим человеком в мире...»².

Поначалу все трое усыновленных питомцев Общества писателей жили в том же сиротском приюте, в Крцанисе, во дворе церкви Циранавор. Осенью 1917 г. все трое по рекомендации и благодаря ходатайству поэта поступают в новоучрежденную Армянскую гимназию в Тифлисе³, которая впоследствии вливается в гимназию Нерсисян. В письмах, адресованных поэту, питомцы рассказывали о своём житье-бытье, о своих больших и малых проблемах, сетовали по поводу того, что гимназия находится очень далеко, жаловались на нехватку учебников, тяжёлую работу и т. д. Они просили перевести их из приюта «Циранавор» в какой-нибудь другой приют, получше и поближе, наивно полагая, что в других сиротских приютах Тифлиса условия лучше.

Туманян обращается со специальными письмами-ходатайствами к начальнику библиотеки гимназии и к директору книжного магазина «Гир». Первого он просит проявлять как можно больше внимания к питомцам Общества, а второго – предоставить им запрашиваемые учебники и выслать ему счёт для оплаты покупки.

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 854.

² Там же, 854, 858.

³ Там же, стр. 852.

В семейном архиве Туманяна сохранилась фотография, изображающая похороны одного из питомцев Общества армянских писателей – Миграна Тутунджяна, который скончался от туберкулёза весной 1920 г. Вместо того, чтобы оплачивать его обучение в гимназии, поэту пришлось оплатить расходы на похороны питомца. Очевидец похорон Вагаршак Норенц рассказывает: «За гробом шли тысячи сирот со своими воспитателями. В похоронной процессии особенно возвышался своим ростом один человек, как могучий дуб среди молодого леса... Этот человек был наш отец, наш «Айрик», великий Туманян... Он печально проводил гроб нашего сирого товарища до кладбища, присутствовал на всей церемонии похорон. Он разделил с нами нашу скорбь, сказал сочувственные слова, одним из самых последних ушёл с кладбища...»¹. На этой фотокарточке, которая была размножена и распространена среди сирот, был изображён «величайший поэт армянского народа, стоящий в окружении тысяч сирот у гроба юноши. Это была не просто фотография. Это была одна из страниц истории армянского народа»².

Когда впоследствии армянских детей-сирот начали перевозить в Карс, Туманян перевёз питомцев Общества писателей в общежитие для детей-сирот при мастерской переплётного цеха Благотворительного общества, и тем самым спас их от нового бедствия, которое ожидало армянских детей-сирот в Карсе.

Отеческая забота Туманяна об усыновлённых Обществом писателей детях-сиротах не могла не вызывать зависти и ревности у других сирот. К поэту с самыми разными просьбами о помощи обращались не только усыновлённые сироты, но и очень многие другие. Многие сироты очень хотели, можно сказать, просто мечтали, чтобы их также усыновило Общество писателей, и временами, когда им не хватало смелости признаться в этом своём сокровенном желании, они просили Туманяна просто позаботиться об их дальнейшем образовании. Чаще остальных к поэту обращались дети сиротского приюта «Циранавор». Так, 18-го декабря 1917 г. питомцы этого приюта Ншан Делоян и Гурген Айрапетян в письме, адресованном поэту, сообщают: «Многоуважаемый г. Ов. Туманян! Мы, двое сирот, проживая в сиротском приюте «Циранавор» около трёх лет, прошли один курс. Однако мы рассчитывали получить за три года полноценное обучение. Но из-за нашей злосчастной доли никто не протянул нам руку помощи и не осуществил нашей цели.

Поэтому узнав, что вы хотите дать образование нескольким ученикам, обращаемся к вам, чтобы вы стали нашим благодетелем и вершителем нашей цели. У нас есть также несколько сочинений. Если хотите, прочтите и после этого узнаете наши намерения.

Надеемся, что не откажете в нашей просьбе.

¹ Там же, стр. 856.

² Там же.

Жаждающие знаний сироты –
Гурген Айрапетян и Ншан Делоян»¹.

Стоило кому-нибудь из сирот этого приюта написать стихотворение, как он считал необходимым обратиться непосредственно к Туманяну, чтобы узнать его авторитетное мнение о своём произведении. 16-го сентября 1919 г. шестнадцатилетний начинающий поэт сиротского приюта «Циранавор» пишет в своём обращении к Туманяну:

«Уважаемый, несравненный г. Туманян!

Моя жизнь, будучи цепью страданий... вдохновила меня сочинить несколько стихотворений, о которых хотелось бы узнать Ваше мнение»².

Сегодня невозможно точно установить, кому из своих юных корреспондентов писатель помог в осуществлении их мечтаний, а кому не сумел. Самоочевидно, что у него не хватило бы ни физических сил, ни времени отвечать каждому, не говоря уже об обстоятельных ответах, на которые, в принципе, и рассчитывали в глубине души практически все начинающие сочинители стихов. Можно не сомневаться, что из-за каждой невыполнимой просьбы душу поэта охватывала печаль, и он искал и находил утешение во всех тех уголках «страны сирот», где мог принести реальную пользу, оказать реальную помощь.

В СИРОТСКОМ ПРИЮТЕ АЛЕКСАНДРОПОЛЯ

Ованес Туманян был прекрасно осведомлён о жизни и заботах других сиротских приютов, находившихся в Армении и за её пределами, поскольку к нему обращались многие питомцы, а также управляющие и рядовые сотрудники этих приютов. Они сообщали поэту о проделанной работе и предстоящих намерениях, о своих нуждах и потребностях. И поэт, не считаясь с перенапряжением своих сил, с расстроенным здоровьем, подвергая опасности свою жизнь, всячески старался помочь, быть полезным. Сиротских приютов было очень много, и находились они в самых разных регионах Армении и Кавказа – в Эчмиадзине, Дилижане, Нор-Баязете, Ахалкалаке, Караклисе, Карсе, Игдыре, Батуме, Санаине, Александрополе, Аштараке, Баку, Тифлисе, Ереване и других местах.

Особо пристальное внимание писатель уделял сиротским приютам Александрополя. Дети, нашедшие пристанище в этих приютах, впоследствии вспоминали свои будни во всех деталях и подробностях. Их воспоминания объясняют, почему именно детские дома Александрополя всегда были в центре внимания поэта и стали предметом его особой заботы.

Ншан Абрамян рассказывает: «Мы давали прозвища различным сиротским возрастным отделениям. Первыми шли самые маленькие – *виши-*

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1484 (767).

² Там же, N1019 (275 доп).

вые, затем – разносчики новостей. Остальные были беспризорниками, нищими гордецами. Управляющей одного из таких приютов была женщина. Там были Даштенц¹, Шираз². Большинство преподавателей университета были оттуда – Наири Зарьян³ и другие»⁴.

Лусик Баласанян констатирует факт отправления армянских детей-сирот в США, что не могло не вызывать чувства беспокойства у поэта. Об александропольском приюте Лусик рассказывает следующее: «Мой брат был слепым, мы не хотели расставаться друг с другом, но меня отвезли в Лениакан, где был открыт сиротский приют для девочек. Американцы отбирали красивых, здоровых девочек, увозили в Америку... я никогда больше не увидела своего слепого брата»⁵.

Вардгес Алексанян вспоминает чрезвычайно плохие условия в приюте и равнодушное отношение его служащих к сиротам. «Нас перевезли в приют Гюмри. Было около сорока тысяч сирот. Нас устроили в бывших солдатских казармах – по возрастным категориям. Я был в младшем отделении. Здесь также было много умиравших, потому что здание не отапливалось, еда была очень плохой, американцы иногда очень строго наказывали, лишали хлеба. Мы все ели хлеб, а тот, кто был наказан, сидел в уголке и смотрел на нас. А мы ели холодную фасоль. Были сильно распространены чесотка, трахома. Всё наше тело обмазывали фосфором и выстраивали на солнцепёке. Там была школа, учителя были армяне. Мы очень любили варжапета Саака, он был отцом Согомона Таронци⁶. Стульев, столов не было. Сироты упражнялись в чистописании на спинах друг у друга. Я учился в сельскохозяйственном отделении. Первую половину дня мы учились, а вторая половина дня была посвящена практике. Нас везли заниматься земледелием»⁷.

Макруи Саакян из села Бжнкерт, родители которой были состоятельными людьми, вспоминала, как её, восьмилетнюю осиротевшую девочку, мистер Нельсон и мисс Кэмпбел забрали вместе с другими сиротами из дилижанского приюта и перевезли в Александрополь, устроили в

¹ Хачик Даштенц (Тоноян Хачик Тоносвич) (1909 - 1974) – известный армянский писатель, поэт, переводчик.

² Ованес Тадевосович Шираз (Оник Карапетян) (1914 - 1984) – классик армянской поэзии. Его отца убили на пороге своего дома, во время турецкого похода. Маленький Оник оказался в сиротском приюте Александрополя, откуда сбежал.

³ Наири Зарьян (Айастан Егназарян) (1900 - 1969) – армянский поэт, прозаик, драматург, переводчик. Был председателем правления Союза писателей Армении (1944 -1946).

⁴ Вержине Свазлян, Геноцид армян. Свидетельства и показания очевидцев. [http://www.armenianpedia.org/index.php?title=The Armenian Genocide: Testimonies of the Eye-Witness Survivors - Testimonies 1-49](http://www.armenianpedia.org/index.php?title=The_Armenian_Genocide:_Testimonies_of_the_Eye-Witness_Survivors_-_Testimonies_1-49)

⁵ Там же.

⁶ Таронци Согомон Саакович (наст. фам. Мовсесян; 1905–1971) – арм. поэт. Переводил произведения восточных поэтов («Тысяча сердец», кн. 1–2, 1961–66). Редактировал соч. арм. классиков.

⁷ Вержине Свазлян, Геноцид армян. Свидетельства и показания очевидцев. [http://www.armenianpedia.org/index.php?title=The Armenian Genocide: Testimonies of the Eye-Witness Survivors - Testimonies 1-49](http://www.armenianpedia.org/index.php?title=The_Armenian_Genocide:_Testimonies_of_the_Eye-Witness_Survivors_-_Testimonies_1-49)

армейских казармах. «Нас было так много, что мы спали по двое в одной постели, кровати были двухэтажные. Нас обеспечили продовольствием, одежи. Американцы остались у нас. За нами ухаживали госпожа Тагуи, госпожа Нвард, барышни Макруи, Шушаник, Гоар; все они были из Вана. Санитарки нас купали. Мы сочинили песенку об американцах: «Мистер Браун приехал, собрал всех сирот. Никого не оставил бездомным, без присмотра и без защиты». Я там училась хорошо. Уже знала английский, русский. Однажды мистер Браун вызвал меня: хотел отправить в Америку. Но я не согласилась»¹.

Вот по этой причине Ованес Туманян, прекрасно осведомлённый о ситуации и жизни в сиротском приюте Александрополя, именно оттуда отобрал несколько детей-сирот и повёз к себе домой в Тифлис, чтобы заботиться о них.

Сохранилось свидетельство матери видного армянского государственного и политического деятеля советского периода Карена Демирчяна², жительницы Вана Люси (Луснтаг) Караханян о посещении Туманяном александропольских сиротских приютов и о деятельности, которую развернул поэт по организации ухода и заботы о детях-сиротах. Эти свидетельства дошли до нас благодаря книге Риммы Демирчян «Память», которую она посвятила памяти своего супруга Карена Демирчяна³.

На долю Луснтаг Караханян выпала судьба сотен тысяч армянских детей-сирот. Её семье удаётся добраться до озера Ван, откуда предстояло продолжить свой путь на лодке. Римма Демирчян об этом эпизоде рассказывает так: «Ван был сказочно красив: окаймленный устремленными ввысь горами, утопающий в изумрудном море зелени, отраженной в благородной синеве Ванского озера, с богатыми домами и владениями Айгестана. Семья Караханянов была радушная, гостеприимная... Роковой день 24 апреля на всю жизнь остался в памяти 9-летней Люси тяжелым страшным воспоминанием, незаживающей душевной раной. ... Братья из Стамбула как раз приехали домой, то ли на каникулы, то ли в отпуск. Семье удалось бежать, добежать до озера, где они собирались сесть на судно. Но вдруг отец Люси Овсеп, вспомнив, что оставил волов привязанными, решил вернуться домой, освободить их и потом присоединиться к семье. Ушел и не вернулся... его убил турок, 12 лет служивший у них дома. Затем он убил обоих сыновей Овсеп, как видно, уже на берегу, и

¹ Там же.

² Карен Демирчян (17 апреля 1932, Ереван – 27 октября 1999, там же) – советский и армянский партийный и государственный деятель. В 1972–1974 гг. был секретарём, а в 1974–1988 гг. – Первым секретарём ЦК КП Армянской ССР. Был депутатом Совета Союза Верховного Совета СССР 10-11 созывов (1979–1989) от Армянской ССР, Верховного совета Армянской ССР. Член ЦК КПСС (1976–1989). В 1998 г. создал и возглавил Народную партию Армении. В июне 1999 г. был избран председателем Национального собрания Армении. 27 октября 1999 г. во время террористического акта в здании парламента Армении был убит.

³ Римма Демирчян, «Память», Ер., 2013.

сбросил трупы в озеро»¹. Таким образом, маленькая девочка становится очевидицей страшной гибели всей своей семьи – отца Овсеп, который был очень состоятельным человеком, владел поместьями, занимался рыбодоводством и был известен как благотворитель, а также убийства двух её братьев. На глазах своих малолетних дочерей обезумевшая от горя женщина бросается на ятаган и погибает: «Мать Люси, не выдержав потрясения, стала умолять турка, чтобы он ее тоже убил... то ли турок удовлетворил ее просьбу, то ли она сама закололась, бросившись на турецкий ятаган. Девятилетняя Люси и трехлетняя Анаит наблюдали эту жуткую сцену, спрятавшись в стоге сена,- излагает рассказ своей свекрови Римма Демирчян и продолжает:- До сих пор поражаюсь, как детская психика выдержала это потрясение, как выжили эти несчастные дети. Девочки несколько месяцев скитались, кормились плодами, травами, случайными подачами, пока их наконец подобрали русские казаки и доставили на сборный пункт в Эчмиадзине, где собирали сирот перед отправкой в приют»².

Как это ни трудно представить, турок убивает тех самых людей, которые двенадцать долгих лет были его хозяевами, работодателями, благодаря которым он кормился сам и кормил свою семью. Какие чувства владели двумя маленькими девочками, когда они в одночасье лишились всей своей семьи и стали сиротами, остаётся только догадываться...

Из пересказа истории Люси мы узнаём, что её младшая сестра была тяжело больна и что их разлучили в Эчмиадзине: старшую, Люсю, Луснтаг, перевезли в приют в Александрополе, и ей никогда уже не было суждено увидеть своё младшую сестру или хотя бы получить о ней какие-то сведения. Далее рассказ Люси в изложении Риммы Демирчян звучит так: «Приют в Александрополе часто посещал Ованес Туманян. При очередном посещении черноглазая смышленная девочка, видимо, приглянулась поэту, и он забрал Люсю вместе с несколькими детьми к себе в дом... семья Туманяна была хоть и многочисленной, но очень спаянной и дружной. Они не были богаты, но держались с достоинством, никогда не принимали материальную помощь от меценатов, а те в свою очередь, чтобы как-то помочь, оказать внимание, часто всю семью приглашали на обеды. На одном из них присутствовала и свекровь. Она рассказывала, какой роскошный и соблазнительный стол был накрыт, и с каким ровным спокойствием вся семья, и она в том числе, отнеслись к трапезе, словно это было обычным явлением в их жизни. Так диктовал неписанный закон семьи»³.

Из воспоминаний Луснтаг мы узнаём, что в доме Ованеса Туманяна проживали и другие дети-сироты. Сама Луснтаг прожила в доме поэта

¹ "Семья Карена Демирчяна - история беженцев", газета "Новое время", Ер., 18 апреля 2015 г.

² Там же.

³ Там же.

целый год и даже познакомилась там с легендарным полководцем Андраником. Она часто ходила вместе с большой, многодетной семьёй поэта в гости к их родственникам, друзьям и знакомым. «Люся рассказывала, - пишет далее Римма Демирчян, - как Андраник расспрашивал ее, задавал вопросы, гладил по голове, а в конце попросил что-нибудь спеть . Она спела одну из многочисленных песен о полководце . Год прожила свекровь в семье Туманянов.... Свекровь часто с гордостью повторяла, что она крестница Туманяна (видимо, ее, как и других сирот, нашедших приют в семье Туманянов, там крестили)»¹.

В СИРОТСКИХ ПРИЮТАХ ТИФЛИСА

Конечно, наиболее тесно Ованес Туманян был связан с тифлисскими сиротскими приютами.

В 1916 г. в Тифлисе функционировали девять сиротских приютов, в которых нашли пристанище 743 ребёнка. Среди тифлисских детских домов больше всего внимания поэт уделял приюту, учреждённому Благотворительным обществом, который находился немного за пределами города, во дворе церкви Циранавор. Этот сиротский приют по месту его нахождения часто называли также приютом Крцанис. Он был окружён большими садами и огородами. Приют имел свой детский сад, а школа была начальной, пятилетней. В связи с деятельностью этого приюта Туманяну приходилось тесно сотрудничать с «Земляческим союзом турецких армян», который, в свою очередь, также старался всячески помогать, приносить пользу сиротскому приюту.

24-го сентября 1915 г. председатель земляческого союза Аршак Сафарян и казначей союза Акоп Тер-Арутюнян дали в газетах следующее объявление: «Настоящим «Земляческий союз турецких армян» сообщает армянской общественности, что начиная с 15-го сентября он взял на себя заботу о 150-170 сиротах, нашедших приют в Крцанисе, во дворе Церкви Циранавор, покрывая их повседневные расходы, и намеревается взять опеку над их воспитанием.

Сообщая об этом, Земляческий союз призывает всех, кто неравнодушен к судьбам бежавших из разорённой родины несчастных сирот, внести свою лепту, в каком бы размере она ни была, сделать добровольные пожертвования ради обеспечения этих несчастных сирот питанием и ради их воспитания в национальном духе»².

В этом приюте находились и питомцы Туманяна, и многие питомцы из Эчмиадзинских приютов, которые прекрасно знали и помнили поэта по прежней обители. Среди них был и известный архитектор, близкий друг

¹ Там же.

² «Оризон», 1915, N215, 24-го сентября.

самой младшей дочери поэта Тамар Туманян Вараздат Арутюнян¹. Он оказался среди сирот Эчмиадзина в шестилетнем возрасте. Вараздат Арутюнян часто вспоминал и рассказывал о своём сиротском детстве, о той поистине отеческой заботе, которую проявлял Ованес Туманян по отношению к детям. «Из-за эпидемии тифа ежедневно умирали сотни людей, - вспоминает В. Арутюнян. – Даже дома превратились в лазареты. Когда скончался мой брат Гурген, я увидел, как умерших людей складывают друг на друга, словно дрова, чтобы ночью похоронить в общей могиле. Мой отец увидел, что мы тоже должны умереть, и собрал нас, отъез в Тифлис... Мы оказались в сиротском приюте. Я, мой брат и сестра, все мы выросли в приюте Благотворительного общества, шефство над которым осуществлял Ованес Туманян... Приют находился во дворе тифлисской церкви Циранавор... В Тифлисе была столовая Тиграна Назаряна, там кормили беженцев. В его саду было построено деревянное помещение для театра – там укладывали беженцев на ночь, прямо на полу сцены»².

Автору этих строк очень часто доводилось встречаться с Вараздатом Арутюняном в музее Ов. Туманяна, поскольку он принимал участие практически во всех туманяновских мероприятиях, и учёный-архитектор всякий раз повторял, что «единственными светлыми и яркими, достойными упоминания эпизодами прожитых в сиротском приюте лет были встречи с Ованесом Туманяном»³.

В течение двух-трёх последующих лет число как сиротских домов, так и самих сирот удвоилось и даже утроилось – и по всей территории Закавказья, и в Тбилиси. И это несмотря на исключительно высокую смертность среди детей-сирот. В качестве общественного и национального деятеля, в качестве председателя ряда общественных организаций, союзов и обществ Ованес Туманян присутствовал и принимал участие почти во всех тех мероприятиях и совещаниях, которые были посвящены судьбам армянских детей-сирот, вопросам заботы и ухода за ними.

1-го октября 1918 г. Отдел по работе с беженцами Армянского национального совета в Грузии обратился к Туманяну как председателю Кавказского общества армянских писателей и попросил делегировать двух представителей «для участия в совещании по вопросу заботы и ухода за армянскими сиротами, которое назначено на сегодня, 1-го октября, в 7

¹ Вараздат Мартиросович Арутюнян (29 ноября 1909, Ван – 20 марта 2008, Ереван) – армянский архитектор и искусствовед, историк армянской архитектуры. Академик Национальной академии наук Республики Армения (1996), доктор архитектуры (1964), профессор (1965). Заслуженный деятель искусств Армянской ССР (1961). Основал земляческий союз «Ван - Васпуракан».

² Вержине Свазлян, Геноцид армян. Свидетельства и показания очевидцев. [http://www.armeniapedia.org/index.php?title=The Armenian Genocide: Testimonies of the Eye-Witness Survivors - Testimonies 1-49](http://www.armeniapedia.org/index.php?title=The_Armenian_Genocide:_Testimonies_of_the_Eye-Witness_Survivors_-_Testimonies_1-49)

³ Об этом см. также: <https://hy.wikipedia.org/wik> .

часов вечера, в зале Кавказского Армянского Благотворительного общества (площадь Абас-Абаджян)»¹.

По утверждению одного из питомцев Туманяна Вагаршака Норенца поэт часто навещал сиротские приюты Тифлиса, беседовал с детьми и обнадеживал их, потому что пережившие ужасы резни и вынужденного переселения дети нуждались не только и не столько в пристанище, питании и одежде, сколько в ласковом и тёплом, нежном слове родного человека. Поэт был также частым гостем на литературных вечерах детей-сирот. Эти встречи делали лишившихся всех родных, обездоленных, бездомных и беспризорных детей чуть ли не счастливыми. Один из таких сирот, Цолак Айказян, как-то обратился с письмом к Тамар Туманян и автору этих строк с письмом, в котором назвал встречи с Туманяном «Лучом света на дождливых дорогах наших блужданий»².

Объятый безграничным и страшным горем, Туманян находит в себе силы, чтобы улыбаться детям и быть для них «лучом света». О портрете поэта, написанном в 1919 г. его одноклассником по Нерсисянской гимназии Амаяком Акопяном³, учившимся впоследствии в Мюнхенской Художественной академии, Г. Карапетян пишет: «Если бы даже до нас не дошло ни одной страницы, документально показывающей тяжёлые дни Туманяна, пережитые им в 1919 г., то одного только выполненного с натуры портрета Амаяка Акопяна было бы достаточно, чтобы мы... почувствовали всю горечь души поэта в эти дни... Постарел раньше времени... И на улыбочное его лицо наложились складки и морщины, и чёрные тучи страданий... Печальный и поглощённый глубокими думами сидит перед нами поэт. Его мудрый лоб избороздили морщины, лицо, которое всегда могло пленять людей волшебной улыбкой, объяла тоска. Глаза опущены, пряча в глубинах бездонную любовь к жизни и к миру»⁴.

Примечательно, что в эти же самые дни, когда создавался этот портрет, окружавшие поэта дети-сироты даже не заметили этой глубокой и неизбывной печали. Именно своей неповторимой улыбкой Туманян продолжал оставаться «лучшим другом» и самым родным человеком для детей-сирот, и они мечтали о том, чтобы он присутствовал на всех их

¹ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, 107/3.

² Когда мы занимались исследованием темы «Туманян – Отец всех армянских сирот» и опубликовали в периодике тех лет объявление о четырёх усыновлённых питомцах Общества писателей, Ц. Айказян указал нам на ошибку, растиражированную в своё время газетой «Оризон», отметив, что на самом деле число усыновлённых питомцев было не четыре, а три. Он подробно рассказал нам в своём письме о жизни в сиротском приюте. Письмо хранится в нашем личном архиве.

³ Амаяк Степанович Акопян (1971 - 1939) – армянский художник. Учился в императорской академии в Мюнхене. Жил и работал в Германии, Швейцарии, на Кавказе (в основном в Тбилиси). Один из учредителей Общества взаимопомощи кавказских художников (1907), тогда же выставлялся на выставке этого общества. 1917, 1919 гг. участвовал в выставках Союза художников-армян и Грузинского художественного общества. Писал преимущественно портреты, натюрморты, пейзажи.

⁴ Г. Карапетян. «Портрет поэта», газета «Банвор», Ленинакан, 1983, 2 июня, стр. 3.

мероприятиях, литературных вечерах, чтобы они могли наслаждаться его присутствием, его участием. В ответ на приглашение принять участие в их ученическом утреннике 20-го июля 1919 г. поэт пишет правлению Союза учеников-сирот следующее письмо: «Я очень сожалею, что из-за официального выездного заседания не смогу присутствовать на утреннике.

Восторгаюсь Вашим светлым воодушевлением и возвышенным волнением.

От имени совета Армянских писателей и правления Общества писателей из находящейся в моём распоряжении суммы выделяю две тысячи рублей (2000)» на ваши издательские дела, которые и принесу лично. Всегда ваш Ованес Туманян» (10, 331).

В приведённом письме поэт называет всех детей сиротского приюта “духовными питомцами” Общества армянских писателей. Конечно, он и на этот раз нарушил целевую направленность суммы, выданной лично ему: деньги эти предназначались на торжества по поводу его 50-летнего юбилея. Но он, как мы увидели, счёл необходимым распорядиться деньгами по-своему. Фактически он передал детям сиротского приюта свои личные средства, причём сделал это от имени правления Общества писателей. Отметим, что не было ни одного случая, чтобы Туманян взял из литературного фонда Общества писателей на свои личные нужды хотя бы одну копейку - в качестве компенсации за какие-то расходы, или в качестве пособия, или в качестве дарственной. Архив Кавказского общества армянских писателей сохранился почти полностью, и в этом архиве нет ни одного свидетельства современников о том, что Туманян хотя бы единожды воспользовался суммами литературного фонда Общества в своих личных целях, в то время как в тот же самый период он выкраивал какие-то средства и выдавал пособия другим армянским писателям и искусствоведам – Ширванзаде, Д. Демирчяну, Атабеку Хнкояну и другим¹.

Две тысячи рублей, которые поэт передал детям сиротского приюта, были затрачены на издание еженедельника «Парос». В этом своём периодическом органе питомцы приюта рассказывали обо всех волнующих проблемах, и прежде всего – об опасностях, угрожающих их физическому существованию. Так, в номере еженедельника за 30-е марта Туманян прочитал письмо в редакцию за подписью «Сиротки Дарачичака». Письмо это представляло собой крик души, мольбу о спасении. В нём говорилось: «Мстель бушует более десяти дней. Мы отрезаны от мира без средств существования. За восемь месяцев на все наши многочисленные обращения

¹ См. МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N215, Журнал поступлений и расходов Кавказского общества армянских писателей. В 1918 г. было израсходовано 12.050 руб. на пособия двенадцати членам Общества – Ширванзаде (1000 р.), Вртанесу Папазяну (1000 р.), Вардгесу Агароняну (1000 р.), Деренику Демирчяну (1000 р.), Г. Ага-няну (1000 р.), Л. Манвеляну (1000 р.), Торосу Тороманяну (1000 р.), Степану Канаянцу (700 р.), Атабеку Хнкояну (1600 р.), Амбарцуму Мазманяну (500 р.), В. Валадяну (500 р.), Аристаку Заргаряну (500 р.).

и мольбы о помощи соответствующие органы не откликнулись. Плохо, если люди берут на себя обязательства и не посвящают себя общественной цели, и сегодня обрекают на голодную смерть 4000 сирот. В качестве частицы национального целого мы протестуем против такого поведения и просим помощи ради нашего спасения.

Где десятки наших уполномоченных?

Восемь месяцев мы живём впроголодь, но сегодня голод постучался в наши двери, и это наш последний призыв – на помощь! На помощь!»¹.

Ованес Туманян не успел ещё взять на себя обязанности председателя Комитета по сбору пожертвований для помощи армянским сиротам и беженцам, как уже различные благотворительные организации и частные лица, занимавшиеся заботой о сиротах, обращались к писателю с просьбами по самым разным вопросам, связанным с детьми-сиротами, тем самым обратив писателя в народного предводителя и в этой сфере. Так же, как и все возможности и средства Общества армянских писателей, так и возможности и средства других руководимых им общественных организаций Туманян использует для того, чтобы ещё шире развернуть деятельность по уходу за детьми-сиротами. Так, 4-го декабря 1918 г. (то есть буквально на следующий день после того, как он узнал из газет о трагической гибели сына Артавазда), поэт в своей квартире председательствует на заседании центрального совета Союза земляческих союзов и предлагает изыскать денежные средства и возможности для открытия новых сиротских приютов².

С целью координации деятельности разных сиротских приютов и обеспечения общего контроля за работой приютов Туманян созывает собрание представителей всех общественных организаций Тифлиса, занимающихся заботой о сиротах. Собрание это состоялось в 7 часов вечера 4-го июля 1919 г. в зале Армянского Благотворительного общества. В этой связи управляющая сиротским приютом «Гаянян» (N5) при Американском комитете Амаспюр Мирзаханян обращается к поэту с письмом и обращает его внимание на следующее обстоятельство:

«Уважаемый г. Туманян,

Учитывая, что собрание непременно рассмотрит вопросы заботы о наших сиротах, я и мои подруги, вместе с которыми мы вот уже более пяти лет занимаемся физическим и нравственным воспитанием наших детей (формально – в качестве должностного лица, а на самом деле – в качестве хозяек сирот), сообщаем Вам и обращаемся с просьбой, чтобы Вы раз и навсегда освободили нас от разных так называемых опекуноско-попечительских организаций. Эти организации не только являются абсолютно лишними службами, но и совершенно губят и препятствуют делу воспи-

¹ Литературно-общественный еженедельник «Парос» («Маяк»), 1919, N 1, 30 марта (на арм. яз.).

² Л. Карапетян. Туманян и Союз земляческих союзов. «Историко-филологический вестник», 2002, N2 (160), стр. 39 (на арм. яз.).

тания и заботы о наших детях. Если бы ответственные лица всех сиротских приютов занимались своей работой от души и не оставались бы в роли одних только должностных лиц, сегодня то же самое могли бы сказать и все другие.

Мы преисполнены надежд, что сегодняшнее собрание учредит какой-нибудь орган, состоящий из личностей, пользующихся доверием собрания. И этот орган сможет организовать и упорядочить дело заботы о сиротах и разработать определённую образовательную-культурную программу, избавив наших детей от различных опекающих рук»¹.

Кроме сиротского приюта «Циранавор», Туманян периодически навещал и другие приюты Тифлиса. Туманян поощрял не только детей, занимавшихся литературным творчеством, но и всех тех, кто имел желание хорошо учиться, получить хорошее образование и специальность.

Воспоминания очевидцев дополняют историю, а еще точнее – хронике деятельности «Отца Всех Армянских Сирот» в Тифлисе. Так, уроженец Вана Гурген Киракосян, отец известной зарубежной армянской писательницы Алисии Киракосян², рассказывает, что в тифлисский приют, питомцем которого он был, часто приходил Туманян; он раздавал одежду и еду, принимал самое искреннее участие в судьбе каждого ребенка. Во время одного из своих посещений поэт, призывая детей учиться как можно лучше, пообещал во время следующего своего визита, то есть через неделю, повести к себе домой наиболее отличившихся учащихся и познакомить их с полководцем Андраником. Можно представить, как это обещание воодушевило сирот. Все жили ожиданием. «Наконец Туманян приехал, отобрал десять самых успевающих сирот, среди которых был и я, и повел к себе домой, где мы встретились с великим полководцем – Андраником; с нами побеседовали, затем усадили нас за стол, угостили и проводили обратно. Этот памятный день произвел на нас неизгладимое впечатление, а немеркнущие образы Андраника и Туманяна сопровождали меня всю мою жизнь»³. И вообще всякий раз, когда Андраник приходил в

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1754 (402).

² Алисия Киракосян (1936, Кордова, Аргентина – 2014, Лос-Анжелес, США) – армянская испаноязычная поэтесса. Была почётным председателем испаноязычных писателей Америки. Почётный доктор НАН РА (2007). В 1996 году Алисию номинировали на Нобелевскую премию в области литературы.

³ Эту историю рассказал дочери поэта Тамар Туманян один из посетителей музея поэта, присутствовавший на очередных Туманяновских чтениях. Мы считаем этот рассказ вполне достоверным и убедительным, хотя документального подтверждения он нигде не получал. Случай этот мог произойти либо в апреле 1916 г., когда Андраник, 18-го марта войдя в открытый конфликт с генералом Абациевым, передал свой отряд Смбату и приехал в Тифлис, либо в мае 1916 г., когда Андраник подал в отставку в Тифлисе – в связи с расформированием армянских добровольческих дружин, либо в январе или апреле 1917 г., когда полководец был частым гостем дома Туманяна. Ещё более вероятно, что встреча сирот с Андраником состоялась между 28-м апреля и серединой мая 1919 г., когда полководец, сдав 27-го апреля в Эчмиадзине всё вооружение и боеприпасы Католикоку, приезжает в Тифлис и некоторое время, точнее, около двух недель, проживает в

гости к своему другу-поэту, тот не упускал удобного случая, чтобы дать возможность своим питомцам-сиротам пообщаться в легендарным полководцем, -уверенный, что встреча и общение с великим патриотом Армении станет для детей самым лучшим уроком патриотизма. Об этом говорит в своих воспоминаниях Вагаршак Норенц.

В свою очередь, дети-сироты, постоянно видя искреннюю и заинтересованную заботу со стороны знаменитого писателя, получая от него не сравнимую ни с чем духовную пищу, которую давали им и произведения Туманяна, и ежедневное общение с ним, – старались быть благодарными, поскольку только в нём они видели замену своим потерянным родным.

Для детей-сирот, так же как и для всех армянских детей 50-летний юбилей самого народного поэта был настоящим праздником, и это вопреки воле самого Туманяна, который решительно противился проведению каких-либо торжественных мероприятий, попросив своих литературных друзей «не поднимать шума». Но при этом он, конечно же, не мог не принимать искренних поздравлений от всех учащихся тифлисских армянских школ, не говоря уже о питомцах сиротских приютов. А дети большими группами собирались под окнами дома писателя, чтобы увидеть великого сказочника, автора самых любимых и известных детских произведений; они приглашали его в свою школу или сиротский приют, приходили сами к нему домой, писали ему поздравительные письма и открытки и т.д. Дочь поэта Нвард свидетельствует: «Посещение сирот было очень трогательным. Они с любовью и удивлением смотрели на отца и радовались»¹.

Во всех поздравительных письмах сирот Туманян по-прежнему был для них «отцом», «айриком», хотя далеко не все из них были его усыновлёнными питомцами, далеко не все из них проживали у него дома. Но все они были сиротами, и всем им жизненно необходимо было называть кого-то отцом, обращаться к кому-то этим самым сокровенным, самым дорогим и самым нежным словом: «Айрик».

Как уже отмечалось, лишённые родителей и родительской ласки и нежности дети стали называть Туманяна «отцом», «айриком» ещё в Эчмиадзине, и это обращение, или даже можно сказать, почётный титул сопровождал поэта всю его сознательную жизнь, вплоть до самой смерти.

В числе многочисленных поздравительных писем, открыток и телеграмм было и послание учащихся первого класса гимназии Лисициан Григора Кочойкяна, Левона Мнацаканяна и Даниэла Шахбазяна. В нём говорилось:

«Дорогой айрик!

доме Туманяна. Только 7-го мая он получает разрешение на выезд в Европу и 10-го мая выезжает из Тифлиса. См. Андраник Озаян, Документы и материалы, Ер., 1991, стр. 448.

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 186.

Сегодня на уроке армянской литературы мы проходили «Гикор», когда г. Гисак¹ заставил нас встать и сказал:

- Дети, сегодня мы проходим произведение того великого поэта, которому исполнилось 50 лет. Сегодня праздник этого большого человека.

Наш первый класс читал много Ваших рассказов и научился очень-очень многому. Примите и наши искренние поздравления, дорогой Айрик. Желаем Вам долгой жизни...»².

Туманян старался по мере возможностей не отказывать детям в их просьбах и приглашениях посещать их мероприятия. Его присутствие вызвало большое оживление и ликование на литературном утреннике, организованном создателями ученического еженедельника «Парос» 7-го июня 1919 г. в зале Кавказского Армянского Благотворительного Общества. В этот день Туманян идёт на мероприятие в сопровождении Дереника Демирчяна, Исаака Арутюняна и других писателей и видных представителей интеллигенции. Утренник постепенно переходит в торжества, посвящённые 50-летию Туманяна³. Поэт волнуется и ощущает неловкость из-за «безудержных восхвалений»⁴ как питомцев приюта, так и управляющего сиротским приютом Нерсисян поэта Азата Вштуни⁵.

Поэт часто посещал эти приюты не только для того, чтобы приобщаться к жизни детей-сирот, чтобы облегчать их проблемы и оказывать им содействие, но и для того, чтобы беседовать с ними о национальной культуре, истории, искусстве и литературе, о планах на будущее. При этом подробную информацию о встречах с Туманяном, о прочитанных поэтам лекциях и докладах первым публиковал ученический периодический орган – еженедельник «Парос», денежные средства для издания которого передал приютским детям не кто иной, как Туманян. Понятно, авторами информационных материалов, так же как и стенографистами выступлений поэта были преимущественно его усыновлённые питомцы.

Так, 13-го июля 1919 г. в тифлисском сиротском приюте «Юринян» Ованес Туманян выступил с лекцией на тему «О задачах нового поколения», и поскольку еженедельник «Парос» к тому времени испытывал денежные затруднения и выходил с перебоями, то краткое изложение лекции увидело свет только 3-го августа 1919 г.

¹ Речь идёт о педагоге Гисаке Ованнисяне, который также подписал данное письмо, представившись следующим образом: «Воспитатель первого класса, Ваш младший ученик». См. МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1514 (1688).

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1514 (1688).

³ «Парос», 1919, N12, стр. 3.

⁴ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 855.

⁵ Азат Вштуни (Карапет Сетович Мамиконян) (1894, Ван - 1958) – армянский поэт, педагог, журналист, литературно-общественный деятель. Сотрудничал с газетами «Ван-Тосп» и «Ашхатанк». Учился в Стамбуле; был слушателем Сорбонны (1911–14). С 1914 жил в Тбилиси, затем в Ереване. Участвовал в борьбе за установление Советской власти в Закавказье и Крыму (1917-1920). Вёл руководящую работу в литературных организациях Советской Армении.

С детьми, прошедшими все круги ада и видевшими резню, погромы, вынужденное переселение, поэт беседовал о духовной и интеллектуальной свободе и раскрепощённости, о необходимости преодолеть чувство ненависти и мести, о том, что нужно всем народом, всей нацией научиться осознавать свои недостатки и искать пути для их преодоления. Поэт обособлял физическую и духовную свободу, добившись единства которых можно будет обеспечить полноценную свободу личности. «Наша вечерашняя свобода ещё очень неполная, а наша большая, настоящая свобода придёт к нам только тогда, когда мы душой и мыслью также освободимся от турецкого засилья» (7, 554). Поэт говорил с детьми о самой большой беде армянского народа, – о том, что, прожив долгие годы под турецко-татарским игом, армяне приобрели дурные качества, от которых пришло время избавляться. Для подтверждения этой своей мысли он приводит слова из «Предисловия» к англо-армянскому словарю, составленному Джорджем Байроном¹: «Все достоинства и добродетели армян – их собственные, а все отрицательные качества они переняли у народов, которые их поработили» (7, 555)².

Великий гуманист, проповедовавший правовое равенство народов, тем не менее, видит в них существенные различия, среди которых выделяет два: отношение к женщине и творческий потенциал. Поэт различал нации по их отношению к искусству и культуре, по той роли, которую они сыграли в истории цивилизации. В этом смысле армянский поэт, что вполне естественно, отмечал преимущества своего созидającego и склонного к творчеству народа, причём делал это без тени тщеславия и национального чванства. Он подчёркивал эти преимущества как проявление культурной экспансии Запада и представлял их, в частности, в контексте огромного значения Запада для истории человеческой цивилизации и

¹ Джордж Гордон Байрон (Нозл)(22 января 1788 – 19 апреля 1824) – английский поэт-романтик, покоривший воображение всей Европы своим «мрачным эгоизмом». Наряду с П. Б. Шелли и Дж. Китсом представляет младшее поколение английских романтиков.

² В 1816 г. Джордж Байрон посетил армянскую конгрегацию на острове Св. Лазаря. Вдохновленный армянской культурой и, в частности, литературным наследием, Байрон стал изучать армянский язык. Известно его выражение об армянах и Армении: «Но какова ни была бы их судьба, а она печальна, что бы не ожидало их в будущем – их страна всегда должна оставаться одной из самых интересных на всем земном шаре; и уже самый их язык, быть может, требует только большего изучения, чтобы получить все больше привлекательности... Если писание правильно толкуется, то рай был расположен именно в Армении, которая заплатила также дорого, как и потомки Адама вообще, за мимолетное участие ее почвы в блаженстве того, кто был создан из ее праха; там начала спадать вода после потопа и вылетел голубь. Но почти что с исчезновением рая начались и несчастья страны, потому что хотя она долгое время была могущественным царством – она редко была независима; персидские сатрапы и турецкие паши в равной степени содействовали разорению того края, где бог создал человека по своему образу и подобию.

На земном шаре нет другой страны, которая была бы так насыщена чудесами, как земля армян...». См.: Джордж Байрон – об Армении и армянах. <http://ru.havazg.info/%D0%91%D0%B0%D0%B9%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%94%D0%B6%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%B6%D0%9D%D0%BE%D1%8D%D0%BB%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%BE%D0%BD>

культуры, в контексте принципиально различных подходов к женщине со стороны Запада и Востока. Поэт говорил: «Как и все христианские народы, так и армяне возвысили женщину настолько, что внесли её в церковь, дали ей имя Богоматери и поклоняются ей, в то время как турки замуровали её в гареме и считают её низшим существом, годным лишь для удовлетворения желаний мужа» (7, 555). В качестве наглядного примера того, что армяне имеют творческую душу и преклоняются перед красотой, поэт простым и ясным языком рассказал следующий случай: «В 1896 г., когда в Ване происходила резня армян, турки, круша и уничтожая всё вокруг, убивая людей, вошли в дом одного человека, и тот среди всего этого ужаса и кошмара начал защищать своё произведение, скульптуру, чтобы её не разбили, и это при том, что турки убивали людей» (7, 555).

Разумеется, Туманян не мог в эти годы совершенно не затрагивать вопроса о вполне естественном и справедливом чувстве мести, охватившем целый народ, у которого отняли всё, лишили родного очага, дома, города, родных и близких, лишили родины. Поэтом владело беспокойство; он боялся увидеть поколсение, выросшее на ядовитой ненависти и мести, и поэтому он говорил, обращаясь к детям: «Ну, и как нам теперь обрести свою свободу? Вероятно, многие думают: убивая и мстя туркам. Но нет, это уже само по себе несчастье; убивая, мы помогаем туркам добиться своей цели, мы уподобляемся им; мы должны стремиться не уподобляться туркам, а просветить их самих, уподобить их себе. Те народы, которые переполнены мести один к другому, не имеют покоя, они режут друг друга, разрушают достижения друг друга и наносят друг другу огромный урон» (7, 555).

Поэт говорил всё это нагим и голодным, прошедшим резню и погромы подростками и детям, и поэтому должен был внушить им надежду и веру, чтобы они могли обрести уверенность и смотреть в будущее без страха и опасений. Поэт говорил: «Я верю, что это – закат нашего рабства, что отсюда начинается открываться рассвет нашей великой свободы, и именно вы заложите её основы... Не думайте, что если кто-то нищий и сирота, то не может стать большим человеком и совершить великие дела. Напротив, биографии великих людей доказывают, что величайшие люди были бедными. Я глубоко убеждён, что именно вам суждено выковать нашу свободу, ту самую, о которой я говорил» (7, 556). Он всячески заверял детей, что каждый из них является родным сыном своего народа и наделён его творческими способностями.

Своё выступление поэт завершил несколькими наказами и наставлениями, среди которых в памяти детей сохранились следующие: «Вы должны узнать себя, самопознание является самой большой победой... для детей, подобных вам, самым большим врагом является самоуверенность и переоценка своих потенциальных возможностей» (7, 557).

После выступления дети задают докладчику множество вопросов и еще долго удерживают в приюте своего, по их же собственному выра-

жению, «самого любимого поэта». Авторы информации о встрече отметили: «Лекция завершилась бурными аплодисментами, в конце были заданы вопросы, на каждый из которых дорогой лектор ответил со всей обстоятельностью»¹. В заметке о встрече отмечалось также, что «каждое слово Туманяна явилось для нас заповедью и наставлением, указывающим грядущее маяком»².

В 1917-1918 годы положение детей в сиротских приютах было особенно ужасным. Голод и эпидемии ежедневно уносили тысячи детских жизней. В телеграмме, отправленной из Тифлиса в ноябре 1918 г. в адрес попечительства, говорилось: «У приютов нет денег... Положение критическое»³. А еще раньше, весной того же года, столь же тревожную телеграмму отправляет Армянское благотворительное общество: «Положение приютов в Тифлисе ужасающее. Национальный совет отказывается содействовать. Просим незамедлительно помочь»⁴. Несмотря на то, что телеграммы эти были отправлены не на имя Туманяна, он и в этом случае не замедлил откликнуться, прийти на помощь. И не случайно, что когда по инициативе Верховного комиссара Армении при Армянском национальном совете в Грузии полковника Гаскеля (назначение получил летом 1919 г.)⁵ был организован Комитет помощи армянским беженцам и сиротам, то председателем его был избран Ованес Туманян⁶. Членами Комитета были представитель верховного комиссара союзных государств Эрнест Гароу, князь Борис Аргутян-Еркайнабазук (Долгорукий) (казначей) и Тигран Ованнисян (секретарь)⁷. И теперь уже Туманян по должности был обязан делать то, что давно уже делал по своему собственному желанию и почину. В качестве председателя этого Комитета Туманян проводил совещания у себя дома.

Упоминания заслуживает заседание Комитета от 24-го марта 1920 г., в котором приняли участие члены комитета по сбору вспомоществований, а также председатель Американского комитета Э. Гароу, представители прессы и другие лица. Было принято решение в самые короткие сроки организовать добровольные пожертвования. С этой целью необходимо было опубликовать воззвание и распространить благотворительные квитанции среди различных общественных организаций. И опять-таки с призывом к общественности обратился Туманян – и как председатель Общества попечительства сирот, и как непререкаемый авторитет, слово которого имело огромную действенную силу. Обращаясь к своему народу,

¹ «Парос», Тифлис, 1919, N19, 3 августа.

² Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 856.

³ Национальный архив Армении, ф. 28, оп. 1, д. 609, л. 34.

⁴ Там же, л. 43.

⁵ «Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики (1828-1923)», под ред. Дж. С. Киракосяна. Ер., 1972, стр. 550 (на арм. яз.).

⁶ «Слово», 1920, N48, 29-го февраля.

⁷ Там же, N88, 21-го апреля.

поэт говорил: «Значительная часть нашего народа, проживавшего в Армении, подверглась резне, остальная часть рассеялась в виде сирот и беженцев. В каждой стране, где у людей есть сердце, содрогнулись от этого невиданного бедствия и со всех сторон пришли на помощь, чтобы защитить наших несчастных соотечественников. Самая большая помощь поступила и продолжает поступать от великого американского народа, и этого армяне никогда не должны забывать.

В нашей стране спасшийся от резни крестьянин поделился своим сухим куском хлеба со своим несчастным братом.

Далёкие поселения беженцев также поспешили доставить свою братскую помощь, и продолжают помогать. Только армянство Грузии, которое не подверглось турецкому бедствию, допустило упущение в выполнении своего священного долга.

Правда, многие пришли на помощь – как отдельные лица, так и группы людей, однако эта помощь так никогда и не приобрела характера общей общественной помощи.

Конечно, явление это не следует объяснять недостатком чувства сопереживания или сознания долга, а тем обстоятельством, что не было организовано дело общего вспомоществования.

По инициативе Верховного комиссара Армении полковника Гаскеля состоялось совещание и была создана комиссия, призванная восполнить этот досадный пробел в деле оказания помощи армянским сиротам и беженцам.

Комиссия сотрудничает с Американским комитетом: в неё включён представитель Верховного комиссара Армении, и полученные денежные суммы периодически должны передаваться Американскому комитету, который продолжает заботиться о наших сиротах и беженцах. И в нашей периодике должны периодически публиковаться списки дарителей и даваться публичные отчёты.

Комитет считает, что это дело имеет несколько материальное, настолько и моральное значение; следовательно, вопрос этот касается не только богатых, но и, в первую очередь, нашей интеллигенции и разных слоев трудящихся.

«Кто чем может, должен прийти на помощь сиротам и беженцам и иметь в своем кармане квитанцию нашего комитета»¹. Квитанцию эту Туманян называет «нравственным пропуском», который, по его убеж-

¹ Черновой экземпляр Воззвания хранится в МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, 107/3. Воззвание не было включено ни в одно из научных изданий произведений поэта. Впервые отдельными фрагментами мы опубликовали его в своей монографии «Туманян и Кавказское общество армянских писателей», Ер., 2009, стр. 124. Полный текст под названием «Армянский народ Грузии» от имени председателя Комитета и его членов был опубликован в газете «Нор ашхатавор», Тифлис, 1920, N11 (83), 17-го апреля.

деню, обязан иметь каждый армянин – от мала до велика, каждый, кто имеет в груди человеческое сердце и национальное чувство¹.

Далее отмечалось, что денежные суммы на имя комиссии можно передавать Торговому и Кавказскому банкам Тифлиса, Обществу взаимного кредита, Армянскому национальному совету Грузии, а также редакциям газет «Ашхатавор», «Мшак», «Слово». Отмечалось также, что желающие помочь в деле добровольных пожертвований учреждения, организации и группы могут получить книжки квитанций лично от председателя Комитета Ованеса Туманяна (по адресу ул. Вознесенская 18) или от казначея Комитета Бориса Еркайнабазук-Аргутяна (по адресу ул. Вознесенская 7). Сообщалось также, что на всех квитанциях будут подписи председателя, казначея Комитета или заменяющего его лица, а также круглая печать Комитета. Книжки квитанций заверены печатью Армянского Национального совета Грузии и подписью представителя контрольной комиссии².

Верховный комиссар Армении полковник Гаскель в своих выступлениях часто отмечал, что денежные суммы для армянских сирот и беженцев большей частью собирал и посылал простой народ Америки, рабочий и ремесленник, все трудящиеся американцы. Откликом на подобные выступления следует считать статью-обращение Ованеса Туманяна «Всеобщее добровольное вспомоществование», адресованную каждому армянину. Ещё в 1919 г. Эрнест Гароу собирал совещания с целью организации добровольных вспомоществований для беженцев и сирот, в которых участвовал также Туманян. Однако результаты были неудовлетворительными. Война привела к массовой, повсеместной нищете. Тем не менее, было необходимо каким-то образом спасти от голода и гибели многочисленных беженцев и сирот, нашедших пристанище на территории Закавказья. Туманян пишет: «Мы можем давать тысячу и одно объяснение, почему именно мы не приняли должного участия в деле спасения наших сирот и беженцев, однако ни одно объяснение не может послужить для нас оправданием.

И виноваты не только наши богачи, но и мы – каждый из нас виноват.

Кто сколько мог отдать – это отдельный вопрос, но что каждый из нас мог отдать: у кого много – больше, у кого мало – меньше, но не дали – вот в чём проблема.

Несколько раз эта проблема поднималась в нашей периодике и осталась без последствий...

И вот теперь эту же проблему вновь ставит на повестку дня Верховный комиссар Армении полковник Гаскель.

¹ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, 107/3.

² Там же. См. также: «Нор ашхатавор», Тифлис, 1920, N11 (83), 17-го апреля.

Из его слов, между прочим, видно, что миллионы, затраченные на наших сирот и беженцев, большей частью копейка к копейке собрали и послали обычные люди Америки... Многие из них, не имея возможности давать из излишков, подвергали себя лишениям, отрезали от своих ежедневных расходов и давали, чтобы суметь помочь армянским беженцам и сиротам.

Были случаи, когда люди распродавали всё своё имущество и дарили созданному в Америке Комитету попечения об армянских сиротах и беженцах.

В связи со всем этим, вместе с чувством глубокой признательности, на человека давит какой-то тяжёлый стыд – мол, а что сделали мы?

Проблема вновь выносится на повестку дня, и есть только один выход, чтобы избавиться от ощущения этого стыда.

Семья каждого армянина должна взять на себя добровольное обязательство: по мере возможностей и через Армянский национальный совет Грузии передавать собранные суммы Американскому комитету.

Речь идёт о кавказском армянстве и, в особенности, об армянстве Грузии.

Только добровольное ежемесячное вспомоществование может освободить нас от того ужасного осуждения, которое неизбежно придёт.

Нет ни иного выхода, ни какого-либо способа оправдания» (7, 397)¹.

Сам Туманян взял на себя добровольное обязательство и от имени своей семьи ежемесячно выплачивал фонду сирот и беженцев 300 рублей. Он пытался своим личным примером внедрить в армянское население Тифлиса и всего Кавказа традицию, культуру ежемесячных добровольных взносов. Вполне естественно, что руководимое Туманяном Кавказское общество армянских писателей не могло остаться безучастным как в этом всеобщем добровольном вспомоществовании, так и в любом другом мероприятии, направленном на оказание помощи армянским сиротам и беженцам. Ещё два года назад (как, например, в октябре 1918 г.) на все мероприятия и совещания Отдела по работе с беженцами, функционировавшего при совете грузинских армян Вирка и Тифлиса, приглашались в основном представители Общества армянских писателей².

Отеческая забота Туманяна о детях-сиротах не прекращалась вплоть до самой смерти поэта. В 1920 г. он продал право на издание своих книг и из полученной суммы в 30.000 рублей 10.000 руб. передал армянским сиротам, ещё 10.000 руб. отдал пострадавшим от разрушительного землетрясения в Грузии, а оставшиеся 10.000 руб. перечислил фонду голодающего населения России³.

¹ См. также: «Ашхатавор», Тифлис, 1920, N16, 22-го января.

² МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, 107/3.

³ «Ашхатавор», Тифлис, 1920, N55.

ИГРЫ И ВИКТОРИНЫ НА АРМЯНСКУЮ ТЕМАТИКУ

Прошёл почти целый год после того, как в связи с резко ухудшившимся летом и осенью 1915 г. состоянием здоровья Ованеса Туманяна обеспокоенные врачи предписали ему полный покой и назначили длительное и серьёзное лечение в санатории или каком-нибудь курортном месте. Наступил уже июнь 1916 г., а каких-либо заметных изменений в лучшую сторону в самочувствии поэта не наблюдалось. «Я очень усталый и слабый», - сетовал поэт 3-го июня 1916 г. (10, 240). Тем не менее, этот страшный и судьбоносный для всего армянского народа год оказался довольно плодотворным и продуктивным в жизни Туманяна, оказался периодом энергичной деятельности, направленной на спасение жизней многих детей-сирот, на сохранение физического и духовного здоровья народа. Целое поколение армянских детей стало очевидцем варварства и немыслимых жестокостей турецких и курдских убийц и в одночасье потеряло своих родителей и родных, родственников, родной очаг и родину. Возможно, что самым ужасным в этой трагедии было то, что целое поколение армянских детей фактически потеряло своё детство. Потеря эта, конечно, была необратимой. Однако Туманян не умел отчаиваться, опускать руки. Он искренне верил и надеялся, что когда-нибудь, в один прекрасный день турецкие и курдские преступники предстанут перед лицом истории и нанесённый армянам материальный ущерб будет в той или иной степени компенсирован. Поэт стремился также вернуть осиротевших детей в их детский мир, а это уже было не вопросом обозримого и перспективного будущего, а чрезвычайно важным, животрепещущим и не терпящим никакой отсрочки и отлагательства делом.

Мир детей был самым любимым миром Ованеса Туманяна, к которому он стремился всегда, и в самые радостные, и в самые печальные дни своей нелёгкой жизни.

Даже в самые тяжёлые для своих западноармянских соотечественников дни, в дни резни, погромов и депортации поэт не только лично заботился о сиротах и ухаживал за ними, не только усыновлял наиболее одарённых из них, но и придумывал для детей различные занимательные и образовательные игры и викторины, пытаясь вернуть им их детство. До самых последних дней своей земной жизни он сохранял в себе это нежное и заботливое чувство к миру детей, и даже будучи тяжело и неизлечимо больным, находясь в московской больнице со страшных диагнозом, он вспоминал свои детские годы, стремился вернуться в своё детство, в детство вообще, «в тот зелёный возраст, который зовётся детством»¹.

¹ Нвард Туманян, Ованес Туманян (к семидесятилетию со дня рождения). Ер. «Петрат», 1939, стр. 94.

В дни своего 50-летия Туманян, обратившись к детям, сказал: «Это не вы мне обязаны, а я вам обязан и благодарен, дорогие мои дети, вы подарили мне самые яркие и лучшие дни и мгновения моей жизни, я был с вами, я жил вами»¹.

Туманян сопровождает армянских детей с самого раннего возраста, чуть ли не с пелёнок. Об этом говорилось и писалось очень много и ещё часто будет повторяться, поскольку ни один современный армянский детский писатель не может обойтись без учёта богатейшего опыта Туманяна, и в этом смысле Туманян всегда будет находиться рядом с каждым армянским детским писателем, будет служить ему путеводной звездой.

Детские произведения Туманяна никогда не устареют, как никогда не может устареть детский крик и детский смех, удивление и улыбка, стремление узнать и понять злое и доброе начало в этом мире, как не может устареть радость при виде победы добра в мире волшебных сказок. Значение таланта Туманяна ещё более возвышает то обстоятельство, что он, став самым родным спутником армянских детей, своим восприятием и осмыслением жизни никогда не отдаляется от детей. Это действительно исключительное качество литературного дарования. Видный туманяновед Левон Ахвердян отмечал: «Не так уж и много писателей, которые берут ребёнка за руку, когда он только начинает делать первые шаги, и идут с ним до последних его шагов, до глубокой старости, всегда оставаясь для него мудрым и близким. Одним из этих немногих является Ованес Туманян»².

На первый взгляд создание обучающих игр в такое, скажем прямо, неблагоприятное во всех отношениях время кажется совершенно невероятным делом, тем более для такого перегруженного работой и всевозможными заботами и обязанностями человека, как Туманян. Однако великий детский писатель в это многотрудное время больше, чем когда-либо, был озабочен душевным здоровьем подрастающего поколения, покалеченными детскими судьбами, задачей возвращения каждого ребёнка из той ненормальной, экстремальной ситуации, в которой он оказался не по своей воле и в силу рокового стечения обстоятельств, в размеренную жизнь, в нормальную психологическую обстановку, в которой, в принципе, он и должен находиться. Поэт в это время старался обеспечить детей не только питанием и одеждой, чтобы они не погибли от голода и холода, но и духовной пищей, чтобы эти раньше времени повзрослевшие мальчики и девочки снова ощутили себя детьми, вернулись к полноценной и полнокровной жизни.

В годы войны Туманяну не удаётся написать какое-либо детское произведение – будь то сказка, баллада или рассказ, или просто детское стихотворение. Чтобы как-то восполнить этот пробел, писатель переводит

¹ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 198.

² Л.Ахвердян, Мир Туманяна. Ер., 1966, стр. 358 (на арм. яз.).

двенадцать сказок, большую часть из произведений братьев Grimm. Только в 1914-1915 гг. он опубликовал девять сказок братьев Grimm, четыре из которых он переложил до начала войны, и пять – уже в годы войны. В 1916 г. он переводит литературную сказку С.Т.Аксакова «Аленький цветочек» и немецкую сказку «Невидимое царство», а в последующие два года – всего лишь одну немецкую народную сказку – «Золотой ключ».

К переводу сказок братьев Grimm Туманян приступил ещё в октябре 1913 г. Именно в это время Кавказское Армянское издательское общество стало вести с поэтом переговоры по изданию книги сказок братьев Grimm¹.

У Туманяна было множество иных творческих планов, осуществлению которых помешала начавшаяся война, однако переводом сказок он, тем не менее, занялся, хотя и не выполнил просьбу издательства в полном объёме и перевёл всего лишь незначительную часть заказанной книги. Но в этом вопросе решающим фактором оказалась всё-таки не война, а творческий подход Туманяна к художественному переводу. 16-го ноября 1913 г. в письме, адресованном к председателю Издательского общества Аристакесу Заргаряну, поэт пишет: «Я не стану переводить всё. Переведу только те сказки, которые мне нравятся, или которые считаю важными.

Конечно, если посмотреть с точки зрения денег, для меня будет выгодно перевести всё, но я должен сказать тебе, что, во-первых, сожалею, что буду заниматься переводом, во-вторых, ведь не станешь же переводить ради денег всё подряд, что захотят или предложат мне» (7, 193).

Туманян переводил сказки достаточно вольно. Он приспособлял сюжеты сказок к армянской действительности и армянской среде, большинство персонажей переименовывал, давал им понятные детям имена. Всегда отказываясь от принципа дословного перевода, поэт создавал в этих сказках вольные переложения, родственные психологии и менталитету армянских детей, широко используя выразительные средства армянского народного творчества².

Вопрос о том, чтобы занять армянских детей и, в особенности, детей-сирот, отвлечь их внимание от суровой действительности и помочь им забыть ужасы и кошмары, случившиеся в их жизни, был насущным вопросом времени. В педагогических взглядах и подходах той эпохи жанры сказки и беседы также рассматривались как виды игр. Так, в статье 1915 г., посвящённой детским играм и подписанной К.С., читаем: «К художественным играм в определённой степени относится и сказка. Здесь также художественный вымысел играет большую роль, воображение работает самым энергичным способом. С помощью сказки ребёнок пе-

¹ Национальный архив Армении, ф. 318, оп. 1, д. 10, лл. 4, 47, 67.

² Об отношении Ов. Туманяна к художественному переводу и о его переводческих принципах подробнее см.: Магда Джанполадян, «Когда строку диктует чувство...», Ер., изд-во РАУ, 2006, сс. 17-27. См. также: Сусанна Ованесян, Из переводческого наследия Ованеса Туманяна, «Норк», 2005, N1, стр. 133-138.

реносится в незнакомый мир и остаётся там благодаря художественному вымыслу, иллюзии. Он отождествляет себя с героем или героиней сказки. Его воображаемый мир настолько реалистичен, что ему кажется, что всё, что происходит с героем, в его представлении происходит с ним самим¹. Ставя сказку в один ряд с детскими обучающими играми, автор приходит к следующему выводу: «Сказка и беседа, как и драматические игры и пластмассовые игрушки, являются предпосылками художественного удовольствия»².

И вот, чтобы не лишать детей этого самого «художественного удовольствия», Туманян решил взяться за переводы сказок. Он словно чувствовал себя виноватым перед детьми, тем более, что из-за военного времени и из-за перегруженности поэта в 1915-1916 гг. не выходит в свет учебное пособие «Лусабер».

И всё же сказки в переводах Туманяна доходят до маленьких читателей в виде отдельных книжек. В 1916 г. одна за другой выходят «Русские сказки», затем «Зарубежные сказки». Однако поэт остался недоволен собой. Для него создавать новые оригинальные произведения было чрезвычайно трудно не только и не столько из-за нехватки времени (хотя, конечно, это тоже было важной причиной), а потому, что не было для творческого труда ни вдохновения, ни соответствующего приподнятого настроения. 12-го августа 1916 г. во время отдыха и лечения в Боржоми поэт признаётся: «Я очень разбитый и усталый, в сущности. Тем не менее, иногда занимаюсь. Стихов, конечно, не пишу, да и не могу. Разве может настолько усталый и отравленный усталостью человек писать стихи?» (10, 248). Результатом этих периодических занятий литературным трудом стала баллада «Комар и муравей», написанная в Боржоми на основании рассказа полковника Андраника. Полководец, в свою очередь, слышал народный вариант баллады в Западной Армении. В годы войны Туманян написал для детей только лишь эту балладу. Всё, что он писал, относилось к трагической судьбе его родины, сущности и природы человека, его инстинктов, общечеловеческих проблем бытия; либо имело скрытый политический подтекст.

Стремление, побуждение внести какое-то разнообразие и интерес в жизни детей заставляет поэта взяться за дело создания детских обучающих игр, а его мечта увидеть когда-нибудь свою историческую родину единой, монолитной и свободной находит своё проявление в образовательной направленности и армянской тематике этих игр.

Поэт придавал огромное значение играм – «лёгкому и приятному занятию», способствующему как физическому и умственному, так и нравственно-духовному развитию всех людей вообще и в первую очередь, конечно, – детей (7, 207).

¹ «Амбавабер», Тифлис, N40, стр. 1272.

² Там же.

Раскрывая эту свою идею, писатель отмечает: «Прогрессивные народы придают очень большое значение игре, и играют все, от мала до велика...

Мы имеем в виду людей каждого возраста, однако особенной необходимостью игра является для детей и юношества, для того возраста, которое наш язык определяет одним словом - детство (подчёркнуто Туманяном – С.О.).

Детство является в жизни человека тем самым периодом проявления способностей, когда он вбирает в себя всё и со всех сторон, получает пищу и постоянно развивается. Следовательно, следует давать ему пищу постоянно, чтобы он всегда рос и развивался» (7, 207).

И Туманян сразу же отвечает на поставленный перед собой вопрос: «какую пищу давать и каким образом давать?» (7, 207). Он доподлинно знал, что абсолютно всё, что окружает ребёнка, всё, «что существует на свете», является пищей для ребёнка. Было важно правильно её выбирать, потому что есть пища, которая вредна или, во всяком случае, не очень полезна для ребёнка; необходимо было найти ту здоровую пищу, которая только способствовала бы развитию ребёнка. «Но только необходимо узнать, найти способ преподнесения этой неисчерпаемой пищи» (7, 207).

И поскольку Ованес Туманян во всех областях и сферах был самым национальным – и как общественный деятель, и как поэт, и как детский писатель – то он решил создать детские образовательные игры с национальной окраской и содержанием, чтобы в самые трудные для них дни научить потерявших родину детей знать свою родину, её горы и реки, знать каждый её камень, природу во всей её целостности, её города и селения. И каким бы ни было название игры, первым словом-определением должно было быть «Армянские». Скажем, «Армянские реки», «Армянские горы» и т. д., – одним словом, игра должна была служить познанию армянской истории и географии, укоренению в каждом ребёнке, в его сердце и в каждой молекуле его крови представления об армянской стране.

Обучающая игра была тем самым способом, который избрал поэт, будучи уверенным, что игра может и должна смягчить горе и тоску детей, прошедших пешком, а иногда даже ползком, ужасные дороги вынужденного переселения и скитальчества, горечь потери родителей и всех родных, родного дома и родного края... Игра могла и должна была утереть слёзы на глазах и в душах детей. Игра была в то время больше, чем просто необходимость для всех армянских детей, и неважно, были ли это дети, прибывшие из Западной Армении, или наслаждавшиеся домашним уютом и семейным теплом восточноармянские дети, потому что последние также в своей будничной, обыденной жизни ежедневно слышали ужасающие истории о резне и погромах, они также жили «в безбрежном море армянского горя», и обучающая игра могла бы стать тем самым важным и главным способом, который был бы в состоянии объединить всех детей и

избавить их от стресса, от душевного кризиса. «И пока мы сидим и глубокомысленно размышляем над этой трудной загадкой, сам детский возраст подсказывает этот чудесный способ и требует все виды пищи в своей желанной форме – в форме игры» (7, 207).

Создавая обучающие игры, поэт рассчитывал и надеялся на то, что тем самым поможет детям «стать армянами и людьми» (10, 224). Туманян решил в течение двух лет научить всех армянских детей «хотя бы названиям» армянских рек, городов, озёр (10, 223). На этот раз великий детский писатель входил в жизнь армянских детей и становился важной и составляющей частью их жизни с помощью обучающих игр. «Игра является для него, маленького человека, естественной, органической потребностью, его серьёзностью, его сущностью; играет каждая частица его юной жизни, играет его трепещущее сердце в юной груди, и ко всему в жизни он подходит с помощью игры, игрою исследует, игрою познаёт и принимает. Это его способ и его метод» (7, 208).

В марте 1915 г. в письме другу Пилипосу Вардазаряну (Филиппу) поэт пишет: «Замечая, что все мы, – как взрослые, так и дети, совершенно невежественны и несведущи о нашей стране, о нашей родине, и в то самое время, когда мы вне дома говорим о значительных вещах и вернувшись домой, видим, что наши дети всё больше отчуждаются от всего армянского, я надумал предпринять и издать целый ряд познавательных игр на армянскую тематику и иных игр – как для детей, так и для юношей и даже для взрослых» (10, 222). И Туманян точно так же, как писал для людей всех возрастов, так и задуманные обучающие игры решил адресовать всем поколениям своих соотечественников.

И всё-таки – игры неотделимы в первую очередь от детства. Ребёнок изначально является играющим человеком. И каждый детский писатель должен считаться с этим фактором. В этом смысле также дарование Туманяна является весьма своеобразным. Играть для ребёнка означает развлекаться, проводить время за любимым занятием, получать удовольствие. Юмористические детские произведения Туманяна являются художественным отражением детского поведения и психологии. В этом отношении ни один армянский писатель, а тем более, детский писатель даже близко не подходит к Туманяну и не может составить ему серьёзной конкуренции.

Очень меткие и ёмкие определения и оценки, высказанные поэтом о детской игре, не потеряли своей значимости и актуальности и сегодня. Многие из них стали крылатыми выражениями и афоризмами. Поэт пишет: «Сильный дух и здоровое сердце выражаются с помощью игры» (подчёркнуто автором – С.О.). Или: «Игра или подобные ей и считающиеся незначительными вещи играют свою решающую роль, создают жизнь, душу, язык, создают человека» (10, 222). Вот почему Туманян придавал очень важное значение роли игры в образовании и воспитании ребёнка. В период Геноцида писатель в своих публичных выступлениях

подчёркивал важность игры и заверял, что всё, что даётся ребёнку в виде игры, тот принимает с радостью, усваивает легко, не уставая, не тяготясь и не скучая.

Туманян настолько хорошо понимал роль игры в жизни ребёнка, настолько был уверен, что игра является «замечательным законом природы» и что с помощью игры проявляется «жизнь и всё живое», что в самый трагический период многовековой истории армянского народа, взвалив на свои плечи огромный груз всенародного и личного горя и разных общественных обязанностей, ежедневно смотря в печальные, полные ужаса и тоски глаза умирающих от голода и эпидемий детей, он создал и издал детские обучающие игры. За короткий промежуток времени Туманян создал, говоря его же словами, «домашние педагогические», «образовательные» игры об армянских реках, горах, буквах алфавита, загадках, поскольку сам он себе обещал: «Я решил сделать так, чтобы за два года обучить всех армянских детей хотя бы названиям армянских рек, городов, гор, озёр и т.д.» (10, 223).

Многодетный отец при непосредственном участии всех десяти своих детей организует общество «Манук» («Дитя») под руководством сына Артавазда. То есть независимо от того, что некоторые из детей писателя находились на расстоянии нескольких тысяч километров друг от друга, всё равно они были вместе во всех своих начинаниях или инициативах отца. Руководитель Общества был избран вполне справедливо: Артавазд был самой подходящей кандидатурой, поскольку он и сам являлся автором детских игр. «Это общество выполняет большой объём работы. Составляет целый ряд игр – о драгоценных камнях, о звёздах, о красках, армянских реках, о буквах»¹. Как вспоминает дочь поэта Нвард, по указанию отца они собирали географические сведения, выдержки из произведений армянских писателей об армянских реках, картины – для клише².

В результате такого сотрудничества поэта со своими детьми выиграли все армянские дети. Возвращаясь домой с бесчисленных собраний, после споров о национальных вопросах Туманян объяснял своим детям значение образования и развития, науки и обучающих игр и, подключая их к этому важному делу, одновременно воспитывал как своих детей, так и всех армянских детей. Из бесед отца на эту тему в памяти детей сохранились следующие слова поэта: «Наука, художественное искусство, литература – всему этому ребёнок должен обучаться с детских лет и, что самое главное, должен учиться посредством игры, чтобы было легко и приятно. Всё в жизни – игра и удовольствие, и на самые серьёзные вещи в

¹ Гоар Симомян, «Роль Ованеса Туманяна в развитии армянской детской литературы», «Вестник общественных наук», Ер., 1982, №4, стр. 37.

² Н.Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 120.

жизни следует смотреть, как на игру. Вот тогда люди чему-нибудь научатся, что-нибудь создадут с удовольствием.

Всё нужно делать с удовольствием, посредством игры – это и легко, и красиво»¹.

Игры печатались в типографиях и распространялись через книжные лавки. А сиротским приютам Туманян дарил свои игры лично: у него не было привычки навещать детей-сирот с пустыми руками. Об одном из таких посещений вспоминает Нвард Туманян: «В один из сентябрьских дней мы с отцом пошли в сиротский приют в районе Ортачала. Взяли для детей игры нашего общества «Манук»: «Игра в реки», «Игра в цвета», «Остроумный пастух», «Игра в звёзды» и другие.

Отец побеседовал с сиротами, а они организовали литературный вечер – в честь отца»².

Однако из задуманных одиннадцати игр были опубликованы только девять; не были изданы шестая и десятая игры. Конечно, в этом вопросе свою роль сыграла дороговизна бумаги и издательских затрат.

Изданные игры имели следующие названия:

1. «Армянские реки»
2. «Драгоценные камни»
3. «Остроумный пастух»
4. «Тыква» (игра в цвета)
5. «Армянские реки» (сокращённый вариант)
6. «Армянские загадки»
7. «Армянские пословицы» (лото)
8. «Игра в звёзды»
9. Армянские пословицы (вторая игра)

Как и во всех направлениях творческой деятельности Туманяна, здесь также проявилось национальное качество дарования поэта. Он пытался, пользуясь его же словами, «в это чёрное и трагическое время нашей истории» восстановить «наши красивые и мудрые национальные игры» и сообщить новое дыхание. В тот самый момент, когда все его многострадальные соотечественники, населявшие Западную Армению, лишились своей родины и стали вынужденными переселенцами и скитальцами, Туманян с болью пишет: «Мы не знакомы со своей родиной, с её природой, её жизнью, её прошлым и настоящим. Это очень досадное явление, которое объясняется и оправдывается только тяжёлыми и злополучными условиями нашей жизни» (7, 206).

Туманян не мог примириться с потерей исторической родины, и он делал всё, чтобы привести в чувство свой отчаявшийся народ и придать ему сил. Никакие «злополучные условия» не могли помешать поэту найти в себе сверхчеловеческие силы, чтобы предпринять шаги для организации

¹ Там же.

² Там же, стр. 130.

новой, живой, бодрой, здоровой и воодушевляющей жизни армянских детей (большинство из которых были сиротами), чтобы обнадёживать их и доставлять им минуты радости. С этой целью Туманян беседовал, общался с армянскими детьми как посредством обучающих игр, так и языком художественных произведений, говорил с ними «как о нашей родине, так и вообще о нашей жизни и о мире, обо всём» (7, 208).

Как уже было сказано, созданные Туманяном игры имели в основном обучающий, образовательный характер. Они обучали истории и географии Армении, названиям её рек и гор, городов и озёр. Прежде чем приступить к созданию той или иной игры, писатель сам очень серьёзно изучал географию исторической Армении. По свидетельству Нвард, 22-го февраля 1915 г. он уже две недели как «воодушевлённо изучал географию Армении. Составлял игры «Армянские реки» и «Армянские горы»¹. Географические игры Ованеса Туманяна приносили детям больше знаний по географии Армении, чем школьные учебники. И, во всяком случае, сильнее связывали детей с родной страной. Состоявшая из 69 карточек игра «Армянские реки» обучала детей восьми бассейнам армянских рек, начиная с правых и левых притоков Аракса, правых притоков Куры (кроме реки Поцхов) и кончая бассейнами Евфрата, Тигра, реками, впадающими в Чёрное, Средиземное море, озеро Ван. В игру «Армянские реки» могли одновременно играть две-три группы детей, состоявшие из четырёх человек. Вместе с иллюстрированной игрой в комплект входили объяснительный путеводитель и карта.

Туманян не был бы Туманяном, если бы созданные им игры обошли народное творчество, которым была пропитана вся жизнь поэта и его художественные и публицистические произведения. Фольклор был для него основой и источником вдохновения и сопровождал поэта и радости, и в печали, и в тюрьме, когда он писал «Каплю мёда», и во время его путешествий по Западной Армении в годы Первой мировой войны, когда поэт, на каждом шагу сталкиваясь с последствиями резни и погромов мирного армянского населения, записывал васпураканский вариант поэмы «Азаран блбул» («Тысячеголосый соловей»). Поэма эта стала одним из тех немногих, исключительных произведений, над которыми поэт продолжал работать и в годы войны.

С помощью лото «Армянские пословицы» Туманян учил детей тем пословицам, которые, по его глубокому убеждению, в ёмкой и обобщённой форме передавали суть мудрых изречений. По словам Туманяна, пословицы являются обобщающим выводом, исходящим из многосторонних явлений жизни и многовекового опыта народа. Пословицы, являясь изречениями и крылатыми словами, идущими от предков, многоопытных и мудрых старцев, «всегда на устах народа и имеют силу и значение закона» (7, 213).

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 120.

В разъяснительном приложении к игре Туманян подчёркивал «огромное значение народных пословиц», в особенности для детей, «тем более, если человек приобщается к ним с детства» (7, 213). Способствуя усвоению пословиц как готовых крылатых слов и изречений, Туманян развивал в детях и культуру речи, передавая им мудрость многих поколений.

Ещё с детских лет Туманян любил смотреть в небо, думать о космической бездне и тайнах необъятной вселенной. Он был уверен, что люди, привязанные к земле, устремляющие свои взгляды только вниз, в землю, всегда являются более раздражительными, корыстолюбивыми и злыми, тогда как человек, воспринимающий безраздельность и единство земли и неба, осознающий бескрайность космоса, рассуждающий о бренности бытия и вечности мироздания, всегда великодушен и благороден. Вот почему в разъяснении к «Игре в звёзды» поэт настоятельно советует детям: «Смотрите и в небо тоже. И смотрите в небо почаще. Ваша душа станет больше, ваше сердце станет благороднее, и ваш взгляд станет глубже и шире» (7, 214).

В «Игре в звёзды» могли участвовать от двух до десяти детей, которые с помощью 60 карточек в течение одной игры познакомились с Солнцем, Луной, Землёй, четырьмя внешними и четырьмя внутренними планетами, с четырьмя кругами Луны, с явлениями затмения Луны и Солнца, с Млечным Путём, с Летучей звездой, а также с созвездиями Большой Медведицы, Быка, Близнецов, Льва, Ориона (Айка), и с тремя другими созвездиями.

Уже в апреле 1915 г. обучающие игры Туманяна были отпечатаны в типографии Гюта Аганяна. 15-го апреля 1915 г. Гют Аганян сообщает поэту: «Дорогой Ованес, печатание игры завершили, можно получить, и вот счёт»¹.

Таким образом, совершенно изнурённый и разочарованный, утративший своё здоровье и жизнеутверждающий оптимизм, состарившийся раньше времени из-за страшных бедствий, свалившихся на его соотечественников, ставший очевидцем массовой резни и вынужденного переселения коренного населения Западной Армении, Ованес Туманян ценою огромных усилий пытался не отчаиваться и не терять надежды и веры в возрождение родного народа, старался найти отраду и утешение в нескольких начинаниях и инициативах, имевших общенациональную значимость. Среди таких начинаний и инициатив была деятельность на благо армянских детей, их спасения, физического и нравственного воспитания и образования. Видимо, одним из самых интересных и значительных начинаний Туманяна было то, что он, словно доказывая всему окружению и самому себе незыблемость своей веры и надежды, своего

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N841 (485).

оптимизма, создаёт детские обучающие, образовательные игры с патриотической, познавательной направленностью.

Туманян хотел победить печаль и тоску “разумностью, мудростью и терпением” (10, 232).

Энергичная национально-общественная и патриотическая деятельность Ованеса Туманяна в годы Первой мировой войны и Геноцида является той важной вехой в его жизни, которая продемонстрировала безграничную самоотверженность и беззаветную преданность поэта-гражданина в самый трудный и трагический период истории армянского народа, его целеустремлённость и беспрецедентный человеческий подвиг. Во мраке чёрных дней истории он зажёл не свечу, а факел для своего народа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В КРУГОВОРОТЕ ОБЩЕСТВЕННО-НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ (1916 – 1918 гг.)

23-го августа (5-го сентября по н.ст.) 1915 г., после продолжительных неудач России в мировой войне, царь Николай Второй стал Верховным главнокомандующим всей русской армии, а Великий князь Николай Николаевич (Младший) был назначен главнокомандующим войсками Кавказского фронта. Однако царю не удалось вывести страну из хаоса; не удалось ему и противостоять усиливавшемуся, нараставшему революционному движению. Осенью 1915 г., когда армянская общественность делала отчаянные попытки реформирования армянских добровольческих отрядов, по распоряжению Великого князя Николая Николаевича и генерала от инфантерии Н. Янушкевича¹ привезённое из Америки большими партиями сверхсовременное оружие, средства коммуникации, телефоны и бинокли были конфискованы в Тифлисе, на таможене². Зимой 1915 г., когда Россия готовилась расформировать армянские добровольческие дружины, Туманян на заседании Бюро 27-го декабря напомнил о высказанном в его присутствии беспокойстве и опасении генерала Огановского и министра иностранных дел России Сазонова³, что армянские добровольческие формирования впоследствии могут стать ядром армянских вооружённых сил. Туманян советовал приложить все усилия, чтобы

¹ Янушкевич Николай Николаевич (1(13).5. 1868 – 18.10. 1918, Тбилиси), русский генерал от инфантерии (1914). Окончил Михайловское арт. училище (1888) и Академию Генштаба (1896). С 1896 г. служил на различных административных должностях в Главном штабе, Военном совете и канцелярии Военного министерства. С 1910 г. читал курс военной администрации в Академии Генштаба. Член Совета объединённого дворянства. Янушкевич был черносотенцем, ярким сторонником самодержавия, защитником интересов помещиков и крупных капиталистов. С 1913 г. начальник Академии Генштаба, с 1914 – начальник Генштаба, хотя был совершенно не подготовлен к этой должности. С началом 1-й мировой войны начальник штаба верховного главнокомандующего. В авг. 1915 г. был смещён и назначен помощником наместника на Кавказе по военной части, затем начальником снабжения Кавказского фронта. После Февральской революции 1917 г. ушёл в отставку.

² «Краткий справочник деятельности Национального бюро в 1915 – 1917 гг.», стр. 5 (на арм. яз.).

³ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860-1927) - Министр иностранных дел царской России. Свою дипломатическую карьеру начал с должности секретаря посольства в Лондоне, затем был посланником при папе Римском. В 1909 г. Столыпин назначил его товарищем министра иностранных дел, а в 1910 г. - министром. На этом посту он усиленно старался проводить политику сближения с Англией. В 1916 г. получил отставку и был назначен присутствующим членом Государственного Совета. 12 янв. 1917 г. Сазонов был назначен царским послом в Лондон. Этот пост ему помешала занять Февральская революция. После Октября Сазонов становится активным деятелем белогвардейской контрреволюции. В 1919 г. он был включен в состав министерства генерала Деникина, а затем был назначен министром иностранных дел правительства Колчака. Умер в эмиграции.

сохранить и усилить армянские добровольческие отряды¹. В своём выступлении поэт отметил: “От Америки до Азии армянский народ своими сыновьями и денежными средствами участвует в деятельности этих отрядов, нет другой подобной дружины, и поэтому она должна быть организована специальным образом”².

Туманян выражает своё недовольство и протест по поводу ещё одного проявления завоевательской, экспансионистской политики России. По распоряжению царского наместника на Кавказе Николая Николаевича Романова было принято решение перебросить армянские добровольческие отряды на иранский фронт – для войны с Персией. Это был хитроумный и своеобразный способ расформирования армянских отрядов. На заседании Национального бюро 19 декабря 1915 г. Туманян с большой досадой и гневом заявляет, что Персия – это не Турция, чтобы армяне сражались против неё³. Обсудив этот приказ, Национальное бюро приняло решение о создании специальной комиссии для ведения переговоров с наместником царя. Туманян также был включён в эту комиссию, наряду с епископом Месропом Тер-Мовсисяном.

Нам неизвестны подробности этих переговоров, однако, думается, они не увенчались успехом, поскольку в декабре 1915 г. поступает приказ императора о расформировании армянских добровольческих дружин и о формировании из них новых стрелковых батальонов. Этот приказ вызвал полную деморализацию в армянских добровольческих отрядах, и очень многие бойцы в отчаянии покинули фронт; в итоге остались почти одни только русскоподданные добровольцы, подлежащие военному призыву.

После расформирования добровольческих отрядов возникла необходимость дать всенародную оценку деятельности бойцов, чтобы деморализация не приняла ещё более масштабного характера и чтобы история зафиксировала ещё один этап армянской национально-освободительной борьбы. По этой причине на заседании Национального бюро 5-го марта 1916 г. было принято решение издать специальный сборник о подвигах, совершённых армянскими добровольцами во время Первой мировой войны. Дело составления и издания сборника взял на себя Ованес Туманян – в качестве председателя правления Кавказского общества армянских писателей. Он поручает собрать материалы о самоотверженных и героических действиях армянских добровольцев. Поэту, к сожалению, не удалось довести это дело до конца, поскольку было очень много других, не менее важных и срочных проблем и задач, решение которых не терпело никакой отсрочки и отлагательства. В то время как Туманян был вынужден откладывать составление сборника до более удобного и подходящего времени, М. Шатирян в Тифлисе издал красочный иллюстриро-

¹ Национальный архив Армении, ф. 22, оп. 1, д. 111, л. 13.

² Там же.

³ Там же, стр. 21.

ванный альбом с предисловием на армянском, русском и французском языках. В альбоме были размещены фотографии армянских героев-добровольцев. Альбом был очень быстро распродан, и потребовалось второе издание. Средства, вырученные от продажи книги, были израсходованы на оказание помощи семьям добровольцев. Этим альбомом было положено начало многочисленным памятным книгам, освещавшим героические фрагменты истории армянской национально-освободительной борьбы, – книгам, изданным позднее – уже за рубежом.

Национальное бюро предприняло самую последнюю попытку помочь чудом выжившему, но не покинувшему своих родных домов армянскому населению Западной Армении, однако командование русской армии строго-настрого запретило не только въезд интеллигенции в занятые местности Западной Армении, но и вооружение местного армянского населения, оставив его совершенно беззащитным перед лицом жестокого врага.

После расформирования армянских добровольческих дружин возникла ещё одна проблема, также требовавшая незамедлительного решения. Необходимо было позаботиться о расходах, связанных с возвращением бойцов, а также следовало помогать инвалидам. На мартовском заседании Бюро Туманян поднял вопрос о том, чтобы обратиться к русским властям с просьбой о выделении солдатам “ликвидационных средств”¹. В этом вопросе поэту и Национальному бюро удаётся добиться кое-каких успехов. По императорскому указу какие-то суммы выделяются, хотя это решение объяснялось не столько стараниями Туманяна, сколько желанием русских властей немного “смягчить” обострившиеся русско-армянские противоречия. Они прекрасно понимали, что России ещё очень потребуется помощь армянских добровольческих отрядов.

Одной из важнейших проблем армянской общественной жизни по-прежнему оставалась проблема тысяч и тысяч беженцев, и в этом вопросе также роль Национального бюро не была значительной. И беженцы со своими бесчисленными трудностями и заботами обращались в Бюро далеко не в первую очередь.

В октябре 1916 г. беженцы района Казаха стали выражать своё недовольство более активно. Их представители “телеграфировали члену Государственной Думы Мик. Пападжаняну, главному уполномоченному по делам беженцев генералу Тамамшиеву² и главному уполномоченному

¹ Протокол заседания Национального бюро от 12 марта 1916 г. Национальный архив Армении, ф. 222, оп. 1, д. 111, л. 42.

² Тамамшев Василий Михайлович (Тамамшян Барсег Михайлович) (26.07.1859 - 01.03.1932) - Генерал-майор, дворянин. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Состоял при войсках Кавказского военного округа (17.03.1903-8.12.1909), был штаб-офицером для поручений при наместнике на Кавказе (8.12.1909-23.02.1913), в МВД (1911-1912), исполнял должность генерала для поручений при наместнике на Кавказе (23.02.1913 - ?), генерала для поручений при наместнике на Кавказе (1913-после

Кавказского отделения союза городов Ал. Хатисяну о том, что положение беженцев там очень плохое: они месяцами не получают пособия, многие умирают от голода, очень много случаев болезней”¹.

Роль Национального бюро со дня на день всё уменьшается². Распространяются слухи о том, что денежные средства используются совершенно не продуктивно и не по назначению.

Полководец Андраник потребовал отчёта об использовании денежных сумм, которые он собрал и передал в распоряжение Национального бюро. Андраник собирался выразить своё недовольство и возмущение в периодике, публично, однако Туманяну удаётся предотвратить этот шаг, который поэт считал необдуманым и опрометчивым, поскольку не стоило в создавшейся ситуации подливать масло в огонь. Действиями Бюро были недовольны также беженцы из Западной Армении, ожидания которых не оправдались.

Почётный председатель Национального бюро епископ Месроп попросил Туманяна принять меры для того, чтобы немного разрядить обстановку, рассеять сгустившиеся вокруг организации тучи. Новоназначенный предводитель тифлисской епархии епископ Мхитар также обратился за содействием к Туманяну: “Что нужно сделать, чтобы положить конец шуму турецких армян?” (10, 257). Поэт решил пойти им навстречу, поскольку видел, что жалобы и протесты западноармянских беженцев “могут принять угрожающий характер” (10, 257). Поэт сделал попытку вывести Бюро из состояния бездействия, или хотя бы спасти его авторитет. С 24-го октября по 5-е ноября 1916 г. он созывает совещания в своей квартире: “Вот уже десять дней, почти непрерывно, у меня проходят собрания” (10, 257). Вот ещё один пример, когда поэт оказывается вынужден заниматься делом, для которого у него не было ни желания, ни времени.

Февральская революция 1917 г. в России возымела очень сильное воздействие во всём Кавказском регионе. Национальное бюро продолжало делать отчаянные попытки реанимации своей активной некогда деятельности, старалось ожить, активизироваться и выразить свою позицию по самым важным, ключевым политическим вопросам.

Первое своё заседание после революции Бюро созывает 7-го марта 1917 г. Предлагается избрать новый центральный комитет в составе двадцати человек. Туманян возражает, считая, что пятнадцати членов будет

15.04.1914); генерал для поручений при главнокомандующем Кавказской армией (6.11.1914-1917).

¹ “Оризон”, 1916, N231, 16 октября.

² Этому способствовали и новые назначения Католикоса Геворга Пятого. Он перевёл энергичного, предприимчивого члена Бюро епископа Месропа, являвшегося предводителем Тифлисской епархии, прекрасно знавшего русский язык и наделённого дипломатическими навыками и инициативным характером, в Астрахань в качестве предводителя местной епархии, а предводителем епархии армян Вирка назначил безынициативного и невзрачного епископа Мхитара. См. Лео, Из прошлого, стр. 360.

вполне достаточно. Поэт возражает также против предложения Григора Чалхушьяна¹ о созыве съезда. Он больше не связывал никаких надежд с Национальным бюро, однако не мог отказаться от сотрудничества с ним, поскольку при всех своих недостатках это была организация, представляющая общенациональные интересы армянского народа.

На заседании Бюро 4-го апреля 1917 г. было сделано предложение обратиться к Америке с просьбой о помощи, которое также было встречено поэтом очень сдержанно и прохладно, поскольку он не видел в этом никакой перспективы. Бывший председатель Национального бюро Самсон Арутюнян, в свою очередь, рассчитывал на помощь со стороны Японии. Не считая все эти обращения и предложения сколько-нибудь серьёзными, Туманян и полководец Андраник всегда оказывались в оппозиции к другим членам правления Бюро. О принципиальности и конструктивности выступлений Ованеса Туманяна на заседаниях Бюро, об энергичной деятельности поэта Андраник пишет так: “Туманян своей дальновидной проницательностью понял, осознал, что... не следует ожидать и рассчитывать на помощь и содействие из далёких краёв для улучшения положения и освобождения народа. Туманян остался в Национальном бюро и боролся против тёмных и невежественных сил, до самого конца отстаивая свою политику, и неважно, что члены Бюро восставали против него своими тёмными силами и печальными интригами...”².

28-го мая 1917 г. состоялось одно из последних заседаний Национального бюро, на котором завязались оживлённые прения, однако Туманян, совершенно потеряв всякую надежду, связанную с деятельностью этой организации, не принял участия в этом заседании.

Ованес Туманян не принял и не приветствовал Февральскую революцию, но и не оставил её без отклика и без внимания. Ясно видя великодержавную политику и экспансионистские устремления России в годы Первой мировой войны, ещё раз убедившись, что связывать какие-либо надежды с Россией на освобождение и восстановление государственности Армении было бы по меньшей мере политической слепотой и наивностью, поэт, тем не менее, никогда не отказывался от своей русской ориентации. Какими бы очевидными ни были геополитические устремления царской России, другого выбора, другой альтернативы не было, и поэт в лице России видел единственную реальную силу, способную противостоять Турции – этому вековому и заклятому врагу Армении и армянского народа. И после двух победных революций поэт продолжал верить и надеяться, что в России победят передовые, прогрессивные, демократические силы. По этой причине 7-го мая 1917 г., с некоторым опозданием, поэт откликается на Февральскую революцию статьёй “Освобождение

¹ Чалхушьян, Григорий Хачатурович (1861-1939) - видный армянский общественный деятель. Возглавлял Благотворительное общество. Автор документального историко-публицистического труда “Красная книга” (1919).

² Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 551.

богатыря”, где сравнивает Россию с былинным русским героем – Ильёй Муромцем, который встаёт на ноги и “отправляется в путь, чтобы исполнить заветное желание своего сердца – послужить своей угнетённой родине, очистить её от разбойников и защищать христианскую землю. И просит для этого отцовского благословения” (7, 319)¹. Не считаясь с политической ситуацией в России, с воцарившимся в ней хаосом и неразберихой, фактически начавшейся гражданской войной, Туманян продолжал видеть в России оплот и защитницу христианских народов.

Туманян по своему мировосприятию и жизненным убеждениям никогда не был революционером, потому что был против кровопролития и жертв, без которых не может обойтись никакая революция. Человеческая жизнь была для него самой большой ценностью. По этой причине он в этой статье обращается к жертвам революции и кровопролитию, осуществлённому под личиной демократии, и делает это, конечно, со свойственной ему туманяновской “дипломатичностью”. Поэт пишет: “В мире не осталось больше болтуна, который не сказал бы, что Россия – сбитый с ног паралитик, что из неё ничего не получится. В последние дни болгарский министр договорился до того, что назвал её трупом, и...

И вдруг... богатырь поднялся со своего места.

И в одно прекрасное утро проснулась Матушка-Русь, увидела – её любимый сын, её парализованный Илья, её Дума уже встала по-исполински, расчищает страну от разбойников, и за один день сделала столько дел, сколько не могла сделать за целый век.

Но случается, что годами лежащие богатыри, поднявшись, не сразу могут твёрдо встать на ноги, не один раз падают на колени, покуда не встанут прочно. И всякий раз, когда богатырь падает на колени, тысячи из тысяч людей попадают ему под ноги и гибнут понапрасну” (7, 319-320)².

В это время Туманян желал для России только стабильности, и он был совершенно искренен, когда говорил, что каждый человек должен помочь исполину, чтобы он твёрдо встал на ноги. Он пока еще не мог знать, чего следует ожидать от новой России, но при этом не хотел, чтобы проливалась кровь, чтобы были “напрасные жертвы” – как в России, так и где бы то ни было.

Февральская революция, как и все другие революции на свете, перевернула и разрушила миллионы человеческих судеб. Волна революции вынесла на поверхность множество любителей ловить рыбу в мутной воде, самых разных “великих комбинаторов”, авантюристов и искателей приключений. Представители высшего сословия, потерявшие свою власть и своё имущество, естественно, не могли просто так примириться со своими потерями. А многие, желая воспользоваться создавшимся благо-

¹ Статья в сокращённом виде опубликована также в третьем томе 3-томного русскоязычного собрания сочинений Ов. Туманяна. Ер., 1969, сс. 103-107.

² См. также: Ованес Туманян. Избранные произведения в трёх томах, т. 3, Ер., 19169, с. 107.

приятным положением, присоединялись к ним, прибегали к самым разным уловкам и любым незаконным действиям, хотя и трудно утверждать наверняка, какие действия в условиях политического хаоса, смуты и неразберихи можно считать законными, а какие – незаконными. Оказавшиеся невольными очевидцами всего этого представители армянской интеллигенции, вместо того чтобы принимать деятельное участие в “установлении справедливости”, в любой запутанной ситуации, недолго думая, обращались за помощью к Туманяну и пытались взвалить на его плечи решение и урегулирование различных политических интриг и инцидентов.

Одни вполне серьёзно просили писателя восстановить – ни много ни мало – честь “Свободной России”. Многие были уверены, что Туманяну по плечу назначать или увольнять управляющих в любом районе Грузии и Армении, что он может найти общий язык и прийти к соглашению с новосозданными и уже играющими определённую роль в социально-политической жизни рабочими партиями. Так, 10-го марта 1917 г. поэт Ваан Миракян¹ пишет Туманяну из Шулавера: “Сегодня, 10-го марта, в Шулавере произошёл нежелательный и уродливый случай (явление), не делающий чести Свободной России. Помещик Борчалинского уезда князь Сумбатов (предводитель дворянства), который всю свою жизнь выполнял роль полицейского в отношении крестьян, с помощью бывших сыщиков... вышел против группы шулаверцев и посредством турецких агаларов² провёл временные выборы, избрав от имени деревень уезда местные комитеты и административных служащих, раздавая должности опять же среди послушных слуг режима и подонков общества, чем...³ не только наносит вред идеалу Свободной России, но и лишает народ возможности вкушать плоды свободы... Мы рассчитываем, что Вы хотя бы из ваших мест, пока ещё не слишком поздно, сами пошлёте временных управляющих. Было бы хорошо, если бы Вы посоветовались с рабочей партией и пришли к соглашению”³.

В деле по этим незаконным выборам упоминается также имя бывшего управляющего уездов Лори и Борчалу Василия Гаврилова, к которому обращался Туманян в первые дни войны, предлагая своё содействие, чтобы предотвратить возможные межнациональные столкновения и обеспечить мир в регионе. Теперь роли кардинально поменялись, и в

¹ Ваан Миракян (1866, село Шулавер, ныне г. Шаумян Груз. ССР, – 1942, Тбилиси) – армянский поэт. По профессии педагог. Печатался в журн. «Мурч», «Ахпюр» и «Тараз» под псевд. Мир-Коно. Миракян – автор сб. стихов «Без струн» (1897), пьес о крестьянской жизни «На пороге новой деревни» (1927), «Свадьба Мануш» (1927), «Жена свинопаса» (1928), рассказов и др. Большую популярность приобрела поэма «Охота на Лалваре» («Лалвари ворс», 1929), в которой изображены патриархальный быт и нравы обитателей гор, вековые предрассудки, жизнь порабощенной женщины, непосильная борьба горцев с окружающей суровой природой.

² От слова *ага*, означающего *старший, начальник*.

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1753 (401 доп.).

сложившейся неблагоприятной ситуации Гаврилов вынужден уже сам обращаться за помощью к Туманяну.

По заверению Гаврилова, его оклеветали в глазах Александра Хатисяна. Для реабилитации своей чести и достоинства Гаврилов просит Туманяна помочь ему избежать возможного наказания, что неизбежно приведёт к краху его семью. Над бывшим российским чиновником нависла реальная угроза оказаться выброшенным на улицу, оказаться без работы и средств к существованию. Своё спасение он связывает с Туманяном и 20-го марта 1917 г. обращается к нему с письмом.

«Глубокоуважаемый Оганес Татевосович.

Сумбатов в Шулавере произвёл выборы новой администрации незаконно и ловко меня оклеветал перед А.И.Хатисовым. Мне, чтобы жить и сохранить семью, нужно себя реабилитировать. Без этого я, выброшенный на улицу, не могу найти себе никакой работы. Совесть моя чиста. Ради Бога, в память Вашего ко мне доброго отношения, назначьте день и час, когда я могу переговорить обо всём с Вами. Не откажите, помогите. Вся надежда на Вас...

Простите за беспокойство. Примите уверение в уважении и преданности

Вашего В. Гаврилова

Р.С. Я бывший Начальник Борчалинского уезда Василий Павлович Гаврилов»¹.

Уже в первые годы войны Туманян убедился, а в апреле 1916 г. заявил во всеуслышание, что “царям нужна Армения без армян”². При этом он не терял надежды на то, что Россия когда-нибудь образумится и, осознав свои политические интересы, придёт на помощь самому верному ей на Кавказе армянскому народу, значительная часть которого была перебита, подверглась насильственной депортации, вынужденному переселению и скитальчеству из-за экспансионистской политики России и временами совершенно бездарных и не поддающихся никакой логике действий русской армии. Конечно, русские власти принимали решения об оказании помощи армянским беженцам, поскольку необходимо было угождать армянскому народу, и это также являлось составной и неотъемлемой частью колониальной политики царской России, политики “кнута и пряника”, но все эти решения и постановления так и оставались на бумаге. Дальше заверений и обещаний дело, как правило, не шло. А различные армянские общественные организации, комитеты и общества

¹ Там же, N1080.

² Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 873.

не имели достаточно возможностей и денежных средств, чтобы выдавать беженцам пособия и решать их бесчисленные проблемы.

Какие бы средства ни предпринимались, какие бы благотворительные денежные суммы ни собирались – всё это было лишь каплей в море для национальных нужд и запросов, в особенности для решения неисчислимых проблем огромной армии беженцев и сирот. Армянский народ никак не мог оправиться от пережитой великой трагедии. Каждодневно протоколировались не имевшие ни конца ни края проблемы лишившегося родины западноармянского населения.

“Положение беженцев очень плохое: месяцами не получают государственного пособия, многие умирают от голода, очень много случаев болезней, холодно; дров, керосина и одежд нет. Хлеб выпекают из горькой муки и пекут плохо”¹.

Деятельность поэта этого периода непосредственно связана с “Центральным комитетом оказания помощи пострадавшим от войны”, который подчинялся Армянскому национальному бюро. Однако и этот комитет также не был в состоянии творить чудеса.

В кругах армянских интеллектуалов предпринимались отчаянные попытки найти какой-нибудь выход из создавшегося положения и с этой целью созывались совещания и продолжительные обсуждения.

29-го сентября 1917 г. открылся Первый Восточноармянский съезд (Армянский национальный конгресс), на котором обсуждались национально-политические проблемы, задачи культурного строительства, вопросы деятельности Национального бюро и армянского добровольческого движения, административного деления Кавказа, вопросы, связанные с Карабахом и положением беженцев. Туманян не участвовал в работе съезда по причине отсутствия из Тифлиса. На многопартийном конгрессе не было недостатка в разногласиях. Андраник окончательно разорвал свои отношения с партией АРФ “Дашнакцутюн”. Было расформировано Национальное бюро, членом центрального комитета которого, как мы помним, был и Туманян.

11-12-го октября должен был быть заслушан отчётный доклад председателя Национального бюро Самсона Арутюняна². На этом же совете на смену Национальному бюро пришёл Армянский национальный союз.

Ещё не закончилась мировая война, как в России разразилась новая революция – Октябрьская. Армянскому народу предстояло сделать свой политический выбор и разработать программу дальнейших действий.

21-го декабря 1917 года состоялось чрезвычайное общее собрание армянской интеллигенции Тифлиса, на котором была предпринята попытка оценить новую создающуюся ситуацию в Закавказье – “Задачу момен-

¹ “Оризон”, 1916, N231, 16-го октября.

² Подробности о съезде см.: Андраник Челепян, Полководец Андраник, Ер., 1990, стр. 383-386 (на арм. яз.), а также: Грачик Симонян. Время Андраника, Книга первая, Ер., 1995, стр. 592-632 (на арм. яз.).

та”. Основным докладчиком был Туманян. Было сделано предложение подготовить резолюцию собрания в соответствии с содержанием доклада поэта, согласно которой необходимо “действовать в солидарности с русской демократией и интеллигенцией всех народов Кавказа, чтобы добиться всеобщего демократического мира и осуществить великие принципы, декларированные революцией”¹.

У всех было такое ощущение, что Кавказ представляет собой большую пороховую бочку, которая может взорваться в любую минуту. Осенью 1917 г. повсеместно начинаются межнациональные столкновения.

28-го ноября 1917 г. Акоп Сарикян пишет Туманяну из Владикавказа, что город превратился “в конгломерат наций и языков”, в котором началось “какое-то ужасное кипение, которое с лёгкостью может превратиться в разрушительный вулкан и всё похоронить под своей золой”². Сарикян рассказывает о бесконечно продолжающихся межнациональных столкновениях – то между казаками и ингушами, то между лезгинами и русскими солдатами. “И каждый раз с десятками и сотнями человеческих жертв, - пишет Сарикян. – И сейчас, когда я пишу эти строки, армянские солдаты Грузии, объединившись с рабочими, столкнулись с чеченами. Человеческих жертв больше сотни. Поджигают рудники Грузии, железная дорога в нескольких местах разобрана, служащие в ужасе бегут с вокзалов. А в нашем городе к тому же практикуется похищение детей и возвращение за выкуп... В районе Дона из-за событий прервано железнодорожное сообщение”³.

В подобной ситуации всеобщей смуты и хаоса 5-го декабря 1917 г. в Эрзинджане было подписано соглашение о прекращении огня между Турцией и закавказским комиссариатом⁴, однако вскоре, уже в январе 1918 г. турецкая сторона нарушила это соглашение, и на Кавказе начались новые военные действия. Турция напала на Южный Кавказ и Закавказье, заняла Мамахатун, Ерзнка, Эрзрум (в марте), Карс (в апреле), Александрополь. Армения оказывается в тяжелейшем положении, фактически оказавшись один на один со своим злейшим, самым заклятым врагом. В этот судьбоносный для страны и народа период Ованес Туманян разворачивает бурную общественную и национально-патриотическую деятельность, сотрудничает со многими политическими и общественными организациями. Жизнь Туманяна в одном только 1918 г. настолько насыщена событиями, что дошедшего до нас архивного и документального материала за один лишь 1918 год более чем достаточно для отдельного исследования, отдельной монографии. Здесь же мы считаем необходимым отметить только, что будучи очень серьёзно обеспокоенным неопределённой

¹ “Оризон”, 1917, NN 267, 268.

² “МЛИ”, ф. Ов. Туманяна, N1970 (436 доп.).

³ Там же.

⁴ Андраник Озаян, Документы и материалы, “Вестник архивов Армении”, N1 (89) – N2 (90). Ереван, 1991, стр 434.

политикой России на Кавказе, ясно сознавая реальную опасность отступления русской армии из Западной Армении и Закавказья и необратимые последствия этого отступления для армянского народа, Туманян 3-го января 1918-го г. публикует в газете “Кавказское слово” открытое письмо Сергею Городецкому¹, уже известному к тому времени русскому поэту, который с первых чисел апреля 1916 г. в качестве сотрудника Всероссийского союза городов и корреспондента газеты “Русское слово” был командирован на Кавказский фронт. В своём письме Туманян пишет:

“Дорогой Сергей Митрофанович!

За время великой войны все народы выявили перед лицом всего света свой лик почти во всей целости, и больше всего, может быть, народ русский, ибо кроме войны он делал и революцию. Стало ясно, что народ этот – кентавр, и мы его во всей целости не видели и не знали.

До сего времени мы видели только его голову в лице его писателей и интеллигенции, а самый народ – туловище оставался в темноте и был нам неведом.

И я теперь только постигаю столь свойственное русской литературе и чуждое литературам других народов стремление: “познать свой народ”....

И думается мне, что великие дерзновения большевизма и анархизма, в их лучшем понимании, не чужды русской душе. И русский народ имеет совершить великую миссию в жизни народов.

¹ Городецкий Сергей Митрофанович (17.01.1884, Петербург - 08.06.1967, Москва) – Поэт, переводчик, общественный деятель. Окончил гимназию, историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1916 г. Городецкий едет на Кавказский фронт в Западную Армению корреспондентом газеты «Русское слово». Он стал очевидцем погромов армянского населения, развернул энергичную деятельность по снабжению его продовольствием, оказанию медицинской помощи беженцам, организации приютов для сирот. Его мысли о Западной Армении, стихотворения, романы представляют читателю трагическую судьбу многострадальной страны и ее народа. В 1917-1921 гг. Городецкий жил и творил в Закавказье, принимал активное участие в культурно-просветительной жизни края, общался с армянской интеллигенцией, был близок с О. Туманяном, принимал участие в праздновании юбилеев поэтов О. Туманяна, Д. Варужана, артиста О. Абеяна и ашуга Дживани. В публицистических статьях - «Ответ Ованесу Туманяну», «Ржавые перья», «Рго Арменіа», «Новая рана», «Живое кладбище», «Бедствия Армении», в цикле «Путешествие в Эривань», публичных выступлениях об Армянском вопросе он защищал интересы армянского народа, разоблачал колониальную политику европейских государств в отношении к Армении, говорил о фактах жестокого насилия над народом и выражал свою веру в его жизнестойкость. Таким обвинительным актом прозвучали его статьи «Рго Арменіа» и «Последний крик». Израненная «человеческим зверством», лежала Армения в развалинах и пепле. «Развалины не страшны, – пишет Городецкий, – ... но страшна память страданий, причиненных человеком человеку...». В Городецком всегда жила крепкая вера в спасение народа, это спасение он увидел в национальном знамени – ало-сине-желтом, которое сверкнуло «куском радуги». «Я вдруг понял, что значит народное бедствие. Та минута навсегда сроднила меня с Арменией, а моя служба превратилась в служение», - так судьба и гонения армянского народа, его история всегда были в центре внимания русского поэта. В статье «Карабах» (1919) он раскрыл значение этого исконно армянского края для Армении.

Так смотря на Россию и так её понимая, я ограничиваю своё слово Кавказом и хочу задать вопрос, на который Вы, может быть, дадите ответ, как русский поэт и толкователь души своего народа.

На ваших глазах, здесь, на Кавказе происходит чрезвычайно странное явление.

В то время, когда все народы Кавказа друг за другом приветствуют новую свободную Россию и на своих национальных съездах выносят решения о том, что остаются в составе великой свободной российской республики, в это именно время на нашем фронте русская армия, победоносно врезавшаяся вглубь вражеской страны и ставшая там хозяином положения, начинает отходить не только с полей сражений, но и покидать самый Кавказ.

Верить ли, что русские могут так легко оставить поля своих побед и Кавказ?

Верить ли, что русские только по воле царей шли на Кавказ, и ныне, за отсутствием этой воли, возвращаются домой?

Разве Россия представляет из себя одну лишь резиновую массу, которую растянули далеко и теперь на свободе она стягивается обратно, или же в этом историческом поступательном движении русского народа был свой внутренний смысл, обусловленный великим духом народа?

При завоевании Кавказа и вообще Ближнего Востока лучшие русские люди выражали ту мысль, что Россия призвана создать в этих странах свободную гражданскую жизнь, укрепить справедливый правопорядок и быть носительницей культуры и просвещения.

Как Вы думаете, всё это были лишь пустые фразы, и мы, верившие до сих пор, ошибались?

Россия за столетие с лишним положила миллиарды денег и миллионы жизней в бесчисленных героических войнах и создала обширнейшее государство, представляющее ныне великую российскую республику.

Как Вы думаете, нет никакой связи между теми миллионами русских людей и нынешними? И свободные русские люди наших дней, стоящие ещё на исторических братских могилах, разве ныне отказываются от своего наследства, от своего положения на Востоке и от исполнения своей великой национальной миссии?

Разве развал этого нового третьего Рима не отдаётся с болью в сердцах его сынов и великая родина не найдёт защиты в многотысячных своих полках и не создастся новое мощное движение для защиты величия, свободы и чести России?" (7, 346-348)¹.

Письмо это ещё раз доказывает неколебимую веру и надежду Ованеса Туманяна на Россию, на помощь русской армии и русского оружия в противостоянии Армении и Османской Турции, и свидетельствует о том,

¹ "Кавказское слово", 1917, N1, 3-го января.

что, несмотря ни на что, политическая ориентация армянского поэта не претерпела никаких изменений.

К этому письму неоднократно обращались многие армянские литературоведы и историки¹.

Поэт видел очень большую и серьёзную опасность в отступлении русской армии из Южного Кавказа и Закавказья и не ошибался в своих опасениях. Если во Владикавказе межнациональные столкновения приняли столь острый и кровавый характер, то в Закавказье эти столкновения должны были принять ещё более жестокий характер и развернуться в ещё большем объёме.

Ответ Сергея Городецкого не заставил себя долго ждать. 9-го января “Кавказское слово” публикует открытое письмо русского поэта.

А через месяц, 6 февраля 1918 г., С. Городецкий посвящает Ованесу Туманяну стихотворение, в котором выражает своё восхищение образом самого народного армянского поэта.

Мудрецу

О.Т.

Когда зажгутся звездные лампы,
Мой вещий друг, в час Рока, перед сном,
Подумай обо мне, в ком жизни яды,
Горя, змеятся гибельным клубком.

И что увидишь, мудрый, расскажи мне,
Чтоб знал, чего мне ждать: расцвета мук
И мести неба, - иль в хвалебном гимне
Прекрасных Муз ко мне простертых рук.

6. 02. 1918 С.Г.»².

Годы спустя С. Городецкий признался, что первым ударом по его мировоззрению были слова Туманяна: “Царям нужна Армения без армян. Царям, но не русскому народу”³.

То, что Туманян из многих русских деятелей культуры в качестве адресата для своего Открытого письма выбрал именно Сергея Городецкого, вовсе не было случайностью. Городецкий и Туманян познакомились и сблизились ещё в первые годы войны, во время массовой резни и насильственной депортации армянского населения Западной Армении.

¹ См. Сергей Городецкий, “Последний крик”, составитель, автор предисловия и комментариев Ирма Сафразбекян, Ер., 2010. См. Также: Анушаван Закарян, Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь, Ер., 1984, стр. 184 (на арм. яз.).

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, 1100 (297 доп.).

³ Анушаван Закарян, Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь, Ер., 1984, стр. 95 (на арм. яз.).

Городецкий в своих воспоминаниях о Туманяне отметил: “Величие души Ованеса Туманяна сказалось и в том, что в неустанных трудах и вдохновенном творчестве на спасение и благо своего народа нашёл он горячий уголок в своём сердце и для меня, несколько растерянного в те дни русского поэта.

В мудром и нежном внимании ко мне я чувствовал его любовь к России, его веру в высокую дружбу армянского народа с русским, проверенную историей и утверждаемую поэтами, умеющими слышать голос народа”¹.

Сергей Городецкий был командирован на Кавказ московской общественной организацией «Всероссийский союз городов» и редакцией газеты “Русское слово”. Городецкий познакомился с Туманяном в тот самый момент, когда армянский поэт старался уговорить градоначальника Тифлиса Александра Хатисяна организовать помощь армянскому населению Вана, которое отказывалось покинуть осаждённый турками город. Хатисян был уверен, что в Ване больше не осталось армян, тогда как Туманян без конца повторял: “Там ещё остались люди...”². Узнав о том, что Городецкий командирован в Ван, Туманян в первый же день знакомства с ним просит русского поэта: “Собирайте и спасайте детей. Они там бродят. Живут в развалинах, в ущельях. Одичали. Организуем приют”³.

В тот же вечер Туманян пригласил Городецкого к себе домой на ужин и познакомил с сыном Артаваздом, который также собирался отправиться в Ван. Городецкого поразила искренность и непосредственность армянского поэта, его умение вести беседу. “Много я знал замечательных собеседников, но у Туманяна была такая горячность, такая искренность, что беседа с ним была художественным наслаждением. Он как будто открывал двери в свою душу и приглашал собеседника не таиться перед ним. Да и как можно было таиться перед этим прямо в тебя устремлённым ясным и прямым взором”⁴.

В начале апреля 1916 г. Туманян посоветовал Городецкому написать о трагедии Западной Армении, с которой русскому поэту вскоре предстояло столкнуться, увидеть воочию. “Вы увидите жизнь страшную, жизнь народа на краю смерти. Напишите про то, что увидите, - это и будет поэзия”⁵.

А ещё через несколько дней, 13-го апреля, Городецкий, “потрясённый и окрылённый” встречей и душевной беседой с самым народным поэтом Армении, написал стихотворение “Армении”, строки которого

¹ С. Городецкий об Армении и армянской культуре. Составление и комментарии И.Р. Сафразбекян. Ер., “Айастан”, 1974, стр. 76.

² Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 871.

³ С. Городецкий об Армении и армянской культуре, стр. 78.

⁴ Там же, стр. 79.

⁵ Там же.

впоследствии послужили вступлением к новой книге его стихов – “Ангел Армении”, увидевшей свет в 1918 г. в Тифлисе и посвящённой Ованесу Туманяну.

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
Друг другу золотые двери отворить.
Армения, звенящая огнём и кровью!
Армения, тебя хочу я полюбить!¹

В небольшую по объёму книгу Сергея Городецкого “Ангел Армении” вошли путевые заметки поэта о Западной Армении. Эпиграфом к книге послужили слова: “В небе – рай, на земле – Ван”. Автор подарил книгу Туманяну с дарственной надписью: “Вам, светлый друг, я посвятил эту книгу не только потому, что я до корня сердца очарован Вашей личностью, но и потому, что Ваше имя – это идея, прекрасная идея армянского воскресения в дружбе с моей родиной”².

Свою огромную озабоченность и беспокойство по поводу судеб армянских детей и особенно детей-сирот Ованес Туманян выражал повсеместно, даже во время застолий, выступая с тостами. Во время “прощального ужина”, данного поэтом в своём доме в честь Городецкого, на котором присутствовали Дереник Демирчян, известный знаток и собиратель древних армянских манускриптов Гарегин вардапет и другие, Туманян в своём слове очень высоко оценил работу Валерия Брюсова над сборником “Поэзия Армении”, а в завершение снова высказал пожелание уезжающим в Ван: “Спасите детей”³.

Провожая уезжающих и прощаясь с ними, он ещё раз повторил эту фразу и добавил: “Не забывайте и курдских детей. Они такие же бесприютные, как и наши, армянские”⁴.

Это было напутственное слово и поручение армянского поэта тем, кому предстояло увидеть в облаках пыли огромные толпы, караваны армянских беженцев, одетых в обноски, отрепья, лохмотья, мучимых голодом и жаждой⁵. Многим из отправлявшихся в Ван и Васпуракан миссионеров предстояло увидеть страшные картины вынужденного переселения, голод и нищету скитальцев впервые в жизни. “Я впервые видел бедствие народа, уходящего с родной земли. ...И Восток впервые предстал передо мной таким, каким он был не в мечтах, а в жизни”, - признавался С. Городецкий⁶.

¹ Там же, стр. 80.

² Там же, стр. 144. См. также: С. Городецкий об Армении и армянской культуре, стр. 4.

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 875. См. также: С. Городецкий об Армении и армянской культуре, стр. 81.

⁴ Там же, стр. 81.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Городецкий по каждому поводу с большой любовью подчёркивал, что именно Туманян стал для него источником вдохновения. “Он вдохновил меня на один из лучших взрывов моего творчества – на посвящённую ему книгу “Ангел Армении”¹. По признанию русского поэта, долгие беседы с Туманяном просто перепахали его душу. “У больших поэтов нет разницы между дружескими разговорами и стихами, которые они в это время пишут. Тут стирается разница между стихами и прозой. Поэзия перестаёт быть литературой”².

24-го апреля 1916 г. С. Городецкий пишет Туманяну из Джульфы: “Дорогой мой и прекрасный друг! Я всё ещё не в Армении, не у вулканов, Сипан и Нимруд ещё не радуют моих глаз. Но и Персия как сказка – нелепая, смешная, очаровательная, жуткая. В душе у меня начинается какая-то новая песня, первое начало которой положено в Тифлисе, в гостеприимном Вашем доме. Шлю всем привет, ангелу Тамарочке целую чёрную головку.

Преданный Вам и любящий Вас С. Городецкий”³.

Городецкий выполнил поручение Туманяна. Он начал дело спасения и регистрирования армянских сирот с пятилетней девочки Шамирам, которая бродила по заброшенному саду и доверчиво подошла к незнакомому человеку и назвала себя. За ней следовала кошка ванской породы, и девочке не хотелось расставаться с ней⁴.

Русский поэт собирал детей, записывал их имена и передавал в приёмный пункт Игдыра, в распоряжение двух женщин-армянок.

Осенью 1917 г. С. Городецкий обратился к генералу Воронову с предложением перебросить сиротский приют из Игдыра в более безопасное место, на что генерал не очень внятно, но всё же дал ему понять, что желательно им самим убраться оттуда, причём чем скорее, тем лучше. О дальнейших планах армии говорилось только полунамёками, до приказов дело не доходило, и всем было понятно, что русскому командованию вообще нет никакого дела до судеб армянского населения, всё ещё не покинувшего Западную Армению. “Два года спустя, - пишет Сергей Городецкий, - я купил у него (бывшего генерала царской армии Воронова – С.О.) спички, которыми он торговал на улицах Тифлиса. Я поблагодарил его. Хотя бы намёком он дал нам возможность приготовить фургоны и волов”⁵.

Вернувшись в Тифлис, Городецкий начал интересоваться не только армянской литературой, но и историей армянского народа и вообще армянской культурой. Об этом свидетельствует его короткая записка Ованесу Туманяну, датированная 6-м декабря 1917 г. “Дорогой Ованес

¹ Там же, стр. 88.

² Там же.

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1095.

⁴ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 876.

⁵ Там же, стр. 878.

Фаддесевич! Очень прошу, если можно, книгу об армянском театре. Мечтаю получить сегодня вечером и Вашу статью на эту тему – очень мечтаю, хоть краткую! Ваш душевно С. Городецкий”¹.

Туманян всегда умел различать власть имущих и народ, чиновников и деятелей культуры, и никогда не сваливал вину одних на других. В то же самое время, когда воронцовы-дашковы попирали права армянского народа, способствовали его переселению из родных мест, когда генералы абациевы проявляли жестокость в обращении с беспомощным армянским населением, лучшие представители русской культуры и интеллигенции всячески старались помочь армянскому народу, протянуть ему руку помощи².

Русский народ в лице своей замечательной интеллигенции откликнулся на трагедию армянского народа. Очевидцами страшных испытаний, выпавших на долю армянского населения Западной Армении, оказались поэт Сергей Городецкий, литературный критик, историк и публицист Вячеслав Полонский³, писатель Иероним Ясинский⁴, писатель и путешественник Василий Немирович-Данченко⁵. Все они проявили участие и сострадание к трагической участи армян, публиковали в газетах и журналах эпохи сочувственные отклики, статьи, очерки и заметки об ужасном бедствии, постигшем армянский народ, выступали с публичными лекциями и полученные денежные средства передавали на благотворительные цели, в частности, в пользу пострадавших от войны. Сохранились также сведения о благотворительной и гуманитарной деятельности дочери Льва Толстого Александры⁶ в Западной Армении. Она работала сестрой милосердия в Игдыре и, выступив в “Русских ведомостях” со статьёй “Армянские беженцы”, призывала российскую общественность всячески помогать армянским сиротам и беженцам. Сама Александра Толстая делала всё возможное, чтобы облегчить страдания несчастных людей, чудом спасшихся от мучительной гибели и оказавшихся в крайне тяжёлом и безвыходном положении.

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1098 (297 доп.).

² Анушаван Закарян, Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь, Ер., 1984, стр. 144 (на арм. яз.).

³ Вячеслав Павлович Полонский (настоящая фамилия Гусин) (23 июня 1886, Санкт-Петербург – 24 февраля 1932) – российский, советский критик, редактор, журналист, историк.

⁴ Иероним Иеронимович Ясинский (18 апреля 1850, Харьков – 31 декабря 1931, Ленинград) – русский писатель, журналист, поэт, литературный критик, переводчик, драматург, издатель и мемуарист.

⁵ Василий Иванович Немирович-Данченко (25 декабря 1844 (6 января 1845), Тифлис – 18 сентября 1936, Прага) – русский писатель, путешественник и журналист, старший брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

⁶ Александра Львовна Толстая (18 июня 1884, Тульская губерния – 26 сентября 1979, Уэлли Коттидж, Нью Йорк) – младшая дочь и секретарь Льва Толстого, автор воспоминаний об отце. Основательница и первый руководитель музея в Ясной Поляне и Толстовского фонда.

Трагедия армянского народа воплотилась в творчестве русских поэтов, явившихся невольными свидетелями и очевидцами тех страшных событий. Целый цикл стихов, озаглавленный “Песни о Западной Армении”, опубликовал в периодике Василий Немирович-Данченко, сын офицера русской армии и армянки. Публицистические выступления и стихотворные произведения русских поэтов, ставшие одними из первых отголосков массовой резни и погромов, насильственной депортации, вынужденного переселения, этой Голгофы и распятия армянского народа, публиковались в основном в “Армянском вестнике”, “Русском слове”, а также в других периодических изданиях¹.

ОБЩЕСТВО «АЙКАЗЯН»

Старания и усилия Ованеса Туманяна в деле обсуждения и решения задач культурного строительства являются одной из важнейших ипостасей его общественно-национальной деятельности.

В истории культуры каждого народа важную роль играют союзы и общества, в которых сплочённо и объединённо выступают лучшие представители интеллигенции, творческие личности. Эти союзы, объединения и общества особенно важны для народов, не имеющих государственной независимости, поскольку они зачастую осуществляют функции государственного значения, которые не могут быть призваны к жизни без объединения и сплочения определённых слоёв общества и солидарной деятельности.

Начиная с конца восемнадцатого столетия армянский народ, не имея никакой государственной поддержки, оказался вынужден решать все важнейшие общественные вопросы самостоятельно, самоорганизовываясь. Программы кардинального переустройства армянской общественно-политической жизни на протяжении целого века предлагали и пытались осуществить либо общественные союзы и организации, либо политические партии и отдельные деятели. В этом смысле не стала исключением и армянская действительность второго десятилетия двадцатого века.

В годы Первой мировой войны, Геноцида армян, социальных потрясений и катаклизмов на Кавказе, в Баку, Ереване, в особенности, в Тифлисе, который в то время являлся центром восточноармянской культурной жизни, а также в К.Полисе, Париже, Петербурге, Москве и других местах действовали армянские национальные объединения и общества

¹ О теме Геноцида армян в русской литературе подробнее см.: М. Д. Амирханян. Русская художественная литература и геноцид армян. 2-е издание. Ер., “Айастан”, 1990; см. также: М. Джанполадян. Тема геноцида армян в русской литературе (1918-1991). В кн. «Айоц мец егерн-90». Сб. статей. Ер., изд-во ЕГУ, 2005, сс. 74-89; см. также: М. Джанполадян. Отголоски армянской трагедии в русской поэзии второй половины XX века. “Вестник Ереванского университета: русская филология”, 2015 № 1 (16), стр. 3-15.

художественной, литературной и культурной направленности, общества помощи пострадавшим от войны, стараниями которых в той или иной степени преодолевались хотя бы некоторые из неисчислимых проблем и трудностей того времени. Общественные объединения и союзы способствовали прогрессу и развитию искусства и литературы, содействовали интеграции армянской культуры в пространстве мировой цивилизации, упрочению культурных связей между разными народами и т.д.

Некоторые из общественных организаций и союзов, например, Общество армянских писателей и Общество истории, перед лицом обрушившейся на армянский народ страшной трагедии и радикально изменившейся действительности на какой-то период прекратили свою деятельность, однако спустя некоторое время продолжили свою энергичную и плодотворную работу. Более того, именно в годы войны и Геноцида в Восточной Армении были учреждены новые общества, основной и главной целью которых было развитие армянской культуры и оказание помощи её деятелям. При этом беженцы из Западной Армении также пытались создавать свои общества, которые дали бы им возможность объединиться и продолжить свою культурную и литературную жизнь. Так, 28-го мая 1915 г. в Баку открылось Армянское общество любителей словесности¹, а в марте 1916 г. в Тифлисе был учрежден Союз художников². 3-го ноября 1916 г. усилиями западноармянской интеллигенции в Ереване было создано Общество книголюбов, целью которого, кроме организации литературных мероприятий и вечеров, было также создание библиотеки на основе собранных книг западноармянских авторов, издание неопубликованных произведений, оказание помощи писателям-беженцам³. В 1916 г. в Тифлисе был создан Союз западноармянских учителей. Кроме того, в годы войны продолжало свою деятельность Армянское музыкальное общество под председательством Овсеп Тер-Давтяна. В 1916 г. функционировали также Общество армянских искусствоведов, Общество истории и археологии (было учреждено 29-го мая 1913 г.) и многие другие творческие объединения.

Ованес Туманян в те годы был председателем, вице-председателем, либо членом правления или почётным членом более десятка подобных обществ, что свидетельствовало о том большом значении, которое армянская общественность придавала этим организациям. Редкий день обходился без того, чтобы в квартире Туманяна не проходило заседание какого-либо общественного союза или творческого объединения, где обсуждались многочисленные вопросы большой общественной значимости. Дочь поэта Нвард свидетельствует: «Вокруг этого стола часто проводились заседания различных правлений, совещания, на которых пред-

¹ «Мшак», 1915, N118, 3-го июня.

² Там же, 1916, N63, 20-го марта.

³ «Оризон», 1916, N247, 7-го ноября.

седательствовал отец. Например, правления Общества писателей, Общества Айказян, Земляческого союза и т.д.; он одновременно был председателем семи правлений”¹. Многие из этих обществ и союзов – Общество Айказян (1916-1917), Союз Земляческих союзов (1918), Бюро по установлению потерь армянского народа в годы Первой мировой войны (1918), Комитет помощи армянским сиротам и беженцам (1920) – были созданы и развернули свою деятельность в годы мировой войны.

Мы здесь затронем лишь вопросы, связанные с историей учреждения Общества Айказян, а также остановимся на некоторых эпизодах деятельности Общества писателей, поскольку деятельность каждой общественной организации и участие Туманяна в них являются предметом специального исследования и отдельной монографии.

В годы войны предметом особой заботы для Ованеса Туманяна являлись проблемы и задачи развития и распространения науки, образования и просвещения. Одной из очередных инициатив поэта стало создание в 1916 г. сети народных библиотек. Об этом мы узнаём из письма Микаэла Туманяна, датированного 26-м марта 1916 г., в котором, в частности, говорится: “Уважаемый и дорогой г. Туманян... в создании народных библиотек с радостью примем участие как Лисициан, так и я”².

Идею создания Общества Айказян Туманян вынашивал ещё в марте 1912 г. в Петербурге, непосредственно после оправдательного приговора на суде по “Дашнакскому делу” и выхода из тюремной камеры. Он тогда публично заявил о необходимости создания общенационального фонда арменоведения, армянской академии наук и национального университета.

Однако, создав 3-го ноября 1912 г. Кавказское общество армянских писателей и являясь его бессменным руководителем на протяжении почти десяти лет, полностью выкладываясь на работе в Национальном бюро и в других организациях, поэт из-за нехватки денежных средств так и не сумел претворить в жизнь эти свои намерения.

Ещё в 1912 г. Туманян считал очень важной фигурой в деле учреждения Армянской академии наук Николая Марра³; он даже лично обратился к учёному с этим вопросом (25-го апреля 1912 г.), а затем, 6-го мая 1912 г., подключил к переговорному процессу епископа Месропа Тер-Мовсисяна (10, 149). А чуть позднее, 25-го мая, поэт сделал попытку

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 93.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1270 (684). Микаэл Туманян одновременно послал Туманяну написанный им устав общества по вопросам культуры, считая, что он может пригодиться писателю в его начинании.

³ Николай Яковлевич Марр (1864 - 1934) - историк-арменовед, филолог, этнограф и археолог, академик Императорской академии наук (1912), затем академик и вице-президент АН СССР. После революции получил громкую известность как создатель «нового учения о языке», или «яфетической теории».

подключить к этому обсуждению члена эчмиадзинской монастырской братии Галуста Тер-Мкртчяна.

“Если бы мы могли... взаправду иметь свою академию наук...” (10, 151), - мечтал поэт в мае 1912 г. и поделился своей мечтой с Галустом Тер-Мкртчяном, сообщая ему в письме: “Наконец-то у нас будет свой очаг науки... и в этом случае ты обретаешь центральное положение в народе, на тебя ложится обязанность предпринять очень серьёзное дело” (10, 150).

Конечно, Туманян не только мечтал. 2-го мая 1912 г. он опубликовал в газете “Оризон” статью “Национальный фонд арменоведения”, в которой представлял своё видение необходимости создания этого фонда и его программы. Именно на основных постулатах этой статьи позднее, уже в годы Первой мировой войны, были изложены устав и программа Общества Айказян. Туманян предложил десять пунктов программы, согласно которым на средства Национального фонда и при участии учёных-арменоведов должны были изучаться иноязычные периодические издания, а также сведения греческих, римских, ассирийских, персидских, русских, арабских и грузинских историков об Армении и армянском народе, должны были приобретаться относящиеся к арменоведению документы и материалы из разных стран, в том числе из Ватикана, Иерусалима, из церковных и армянских патриаршеских архивов, из музеев Европы; должны были совершаться археологические раскопки и создаваться различные исследования, главные акценты в которых необходимо было ставить на историю последних столетий (6, 356-358).

Фактически эта культурная и научная программа одновременно преследовала также политические цели, поскольку, развивая и пропагандируя арменоведение, историю армянской культуры, она также повышала национальное самосознание и чувство человеческого достоинства. Поэт был уверен, что Армянский вопрос в международных инстанциях должны поднимать высокообразованные политические и общественные деятели, специалисты и дипломаты, прекрасно знающие историю и культуру армянского народа. Это также было одним из обстоятельств, обуславливающих необходимость создания общества.

Ованесу Туманяну и его единомышленникам и сподвижникам предстояло пройти очень долгий путь, прежде чем было создано Общество Айказян. Важными вехами на этом пути были и созданное Туманяном Кавказское общество армянских писателей, и учреждённое 29-го мая 1913 г. по личной инициативе и при непосредственном участии поэта Общество Армянской истории и археографии, целью которого было сосредоточение и исследование приобретённых документов и материалов, организация исследовательских походов и экскурсий, раскопок, организация конкурсов научных работ, издание научных трудов и многое другое¹. Под уставом

¹ Устав Армянского исторического и археографического общества, Тифлис, 1914 (на арм. яз.).

этого Общества наряду с другими подписями – Степана Лисициана, кандидата восточных языков Петербургского Императорского университета Смбата Тер-Аветикяна, кандидата наук Аслана Шахназаряна¹ и других – стояла также подпись Ованеса Туманяна.

Задолго до этого Туманян намеревался в рамках Кавказского общества армянских писателей проводить подобного рода исследовательские и пропагандистские работы, которые теперь рассчитывал выполнить посредством Общества Айказян. Поэт собирался основать в Обществе писателей музей литературы, “Музей армянских писателей”, где в качестве экспонатов должны были представлены рукописи армянских писателей и деятелей литературы, их письма и архивы и даже личные вещи. Он намеревался также ежегодно издавать по два сборника под общим названием “Сборник армянской литературы”, где помещались бы разнохарактерные материалы, относящиеся к армянской литературе и писателям².

Если бы Туманяну удалось реализовать эти свои планы и намерения, то его начинания, безусловно, в большой степени способствовали бы развитию армянской филологической мысли, литературоведения, армянской культурологии и арменоведения, что, в свою очередь, могло бы стать хорошей основой для создания академии наук и университета. Такую же цель преследовал писатель, когда использовал трибуну Кавказского общества армянских писателей в интересах науки. Кроме литературных мероприятий и популярных лекций, Общество писателей нередко организовывало специальные беседы “литературно-научного содержания” (они назывались также “научно-литературными специализированными беседами”), рассчитанные только на членов Общества, так сказать, для “внутреннего пользования”³. Одним из таких закрытых вечеров было заседание 12-го мая 1917 г. в зале школы Гаянян, на котором Ов. Туманян должен был выступить с докладом “Состояние и содержание армянской литературы”⁴. Организация серии литературных бесед в мае 1917 г. была вовсе не случайной, поскольку именно к этому периоду относится самая активная и энергичная деятельность поэта в интересах Общества Айказян.

Как нетрудно заметить, в канун Первой мировой войны вопрос об организации научных мероприятий и исследований уже стоял на повестке дня. Летом 1914 г. правление Общества народных университетов создаёт комиссию, которая, в свою очередь, должна была сформировать секцию лекций. Эта комиссия, в состав которой входили также Ованес Туманян и Арамаис (писатель Мисак Тер-Даниелян), была многонациональной⁵.

¹ Аслан Мирзоевич Шахназарян (15.01.1877 - 17.05.1955) - известный историк, нумизмат, педагог, популяризатор науки.

² “Оризон”, 1914, N30.

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N46/7.

⁴ “Мшак”, 1917, N97, 11-го марта, стр. 3.

⁵ Там же, N124.

Все эти культурные и просветительские начинания, которые инициировал и которыми руководил, или, по крайней мере, в которых участвовал Туманян, ставили перед собой одну цель – основать армянскую академию наук и университет.

Из-за начавшейся мировой войны на некоторое время, около года, работы во всех этих направлениях были временно прекращены. Однако начиная с 1916 г. воодушевлённый победами, одержанными русской армией на Кавказском фронте, Туманян с новой энергией принимается за прерванное дело.

Поэт первым откликается на последний, тринадцатый том фундаментального исследования Гюта Аганяна¹ «Диван² армянской истории, книга 13-я, Эксплуатации в Турецкой Армении (Документы 1801-1888)», опубликовав 7-го ноября 1915 г. рецензию на эту книгу. В ней писатель высоко оценивает труд исследователя и призывает общественность также оценить по достоинству титанический труд исследователя и отмечает, что составление многотомного собрания документов по истории Армении «является очень важным и серьёзным делом» (7, 193).

Новый том «Дивана армянской истории» проливал свет на угнетённое положение коренного армянского населения Западной Армении, что представлялось Туманяну особенно ценным, и поэтому он отметил актуальность и непреходящее значение изданной книги. Среди достоинств книги поэт отмечает публикацию тех документов, которые констатировали, что «чем больше длились и возрастали эксплуатация и угнетение, тем больше разрасталось и сильнее становилось стремление армян к России. Хотя они порой страдали из-за своего русофильства, как страдают до сих пор... Наконец, эта книга является новым свидетельством, показывающим, что последняя резня армян в Турецкой Армении вовсе не была каким-то беспрецедентным несчастным случаем, а стала новым и ужасным деянием, продолжением систематического уничтожения армян, что стало возможным во всемирном хаосе и свершилось независимо от любых внешних обстоятельств» (7, 195, 197).

Статью эту Туманян написал и исходя из злободневности темы и материала, и из стремления ещё раз озвучить и подчеркнуть необходимость создания армянского национального университета. К тому же это был шаг, направленный на осуществление программ, предложенных в статьях «Армянская история» и «Национальный фонд арменоведения».

¹ Гют Карапетович Аганян (1956 - 1920) - Историк, филолог, собиратель материалов по истории Армении. Автор 13-ти томного сборника документов о новом периоде истории армянского народа – «Диван армянской истории» (Тифлис, 1893-1915).

² Диван – сборник документов. Слово «диван» появилось не позднее XVI века и означало на фарси, на турецком и арабском языках сначала «исписанные листы бумаги» или «списки», затем этим словом стали обозначать учётные книги, потом канцелярии. Лишь значительно позднее оно стало обозначать типичную для подобных учреждений мебель – длинные скамьи с мягкой набивкой.

Данная рецензия, написанная в самый разгар войны, оттеняет особенности мировоззрения поэта, его восприятие истории, дипломатические навыки при рассмотрении сложных и неоднозначных политических вопросов, а также его умение правильно ориентироваться в перипетиях социально-политических брожений текущего момента.

Программа Общества Айказян предполагала огромный объём работы, которая должна была обеспечить культурное возрождение нации при непосредственном и активном участии передовой, лучшей части армянской интеллигенции. Для народа, не имеющего государственности, этот смелый шаг был сопряжён с многочисленными трудностями, и поэтому число скептически настроенных оппонентов было велико. Туманяна это вовсе не обескураживало, и он продолжал обращаться ко многим компетентным и высокообразованным представителям армянской интеллигенции. Он обращался и к властям, чтобы получить соответствующее разрешение; разрабатывал список потенциальных преподавателей, состоявший из подвижников сферы науки и образования; лично обращался к проживавшим и работавшим в других странах учёным и уговаривал их оставить чужбину и приехать в Тифлис. Поэт писал статьи, давал объявления в газеты, разъяснял всем и каждому важность и насущную необходимость предпринимаемого дела.

Идею Туманяна поддерживали и приветствовали все, но в успех, в возможность осуществления этой идеи верили немногие. Присяжный поверенный Тигран Ованнисян¹ специально приехал из Баку в Тифлис, чтобы переговорить с Туманяном, обсудить программу, планы и намерения Общества Айказян, рассмотреть организационные вопросы. Так и не сумев встретиться с поэтом, который с последних дней июля до конца августа находился на лечении и отдыхе в Боржоми, Т.Ованнисян был вынужден обсудить эти вопросы с Забел Есаян, которую Туманян в последнее время часто информировал о своих планах, касающихся национально-общественной жизни. В письме от 22-го августа 1916 г. Т. Ованнисян от своего имени и от имени Мхитара Тер-Андреасяна² выражает сомнение и беспокойство по поводу успешности предпринимаемого дела. “Дорогой Ованес, - пишет он, - мы все безусловно симпатизируем вашим планам и приветствуем предпринятое тобой дело, но для того, чтобы включиться в это дело, мы должны быть уверены, что сумеем с честью выйти из него...”³.

В октябре 1916 г. Туманян, приступив к подготовительным работам по учреждению Общества Айказян, обратился с просьбой о сотрудничестве к нескольким крупным арменоведам, и в первую очередь, к Николаю

¹ Тигран Ованнисян (1865 - 1921) – юрист, председатель бакинского Общества любителей словесности, общественный деятель.

² Мхитар Тер-Андреасян – химик-инженер, один из сподвижников и единомышленников Туманяна.

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1524 (790).

Марру, попросив его сообщить о своих условиях. “Покорно прошу, соизвольте сообщить – как бы Вы хотели, чтобы было поставлено дело: можете перебраться в Тифлис навсегда, или приедете только на время; на сколько тысяч в год согласитесь?.. Есть намерение создать также армянскую академию” (10, 254). Поэт заверяет учёного, что Общество не остановится ни перед какими затратами. Он отмечает, что Общество Айказян создаётся по инициативе Общества писателей, при участии интеллигенции и состоятельных филантропов. Примечательно, что свою личную инициативу, идею, которая зародилась в нём задолго до создания Кавказского общества армянских писателей, поэт приписывает своей писательской организации.

Осенью 1916 г. Ов. Туманян вступил в переписку с выдающимся учёным-языковедом Рачия Ачаряном¹, с которым он делится своими соображениями об исключительной важности и безальтернативности создания университета, о незаменимой роли учёных-арменоведов – преподавателей университета. Идея находит живой отклик в сердце окончившего университет Сорбонны языковеда. Когда Ван был освобождён, Ачарян вознамерился на свои личные средства открыть там высшие лингвистические курсы и посвятить себя спокойной преподавательской работе. Об этих своих намерениях, о том, что он планирует в перспективе создать в Ване университет на основе лингвистических курсов, Р. Ачарян сообщил Антуану Мейе², который посоветовал ему не спешить с этой затеей.

В годы войны Ованес Туманян не был единственным, кто мечтал о создании национального университета и академии наук, однако он был единственным, кто предпринимал конкретные шаги в этом направлении. На первоначальном этапе он предполагал развивать три направления и, соответственно, открыть в университете три факультета: армянского языка, истории и армянской литературы. Р. Ачарян, со своей стороны, предложил включить в курс обучения двадцать один предмет и пообещал преподавать ряд дисциплин. В своём письме от 6 ноября 1916 г. Ачарян пишет: “Ваше письмо подтверждает мои мысли и указывает другой путь для их применения. Душой симпатизирую Вашему делу и полностью отдаю себя в Ваше распоряжение.

Первый факультет (языков – С.О.), на мой взгляд, должен содержать следующие предметы:

¹ Рачия Акопович Ачарян (8 марта 1876 - 16 апреля 1953) – армянский лингвист, филолог, этимолог, полиглот, действительный член Академии наук Армянской ССР (1943). Известен своими работами в области диалектологии, лексикологии, лексикографии, истории языка и т. д.

² Поль-Жюль-Антуан Мейе (11 ноября 1866 - 21 сентября 1936) – крупный французский лингвист, автор трудов по сравнительно-историческому языкознанию, индоевропеистике (в том числе индоевропейской метрике), латинскому и греческому языкам, славистике, иранистике, арменистике. Вёл интенсивную педагогическую деятельность.

А. Языки

1. Греческий
2. Латинский – три великих классических языка
3. Санскрит.
4. Французский
5. Немецкий
6. Английский – три новых европейских языка
7. Персидский
8. Древний персидский
9. Пахлавский
10. Новый персидский – четыре великих иранских языка
11. Курдский
12. Турецкий (языки наших соседних народов, которые оказывают большое влияние на новый армянский язык)
13. Ассирийский
14. Армянское источниковедение.

Б. Общее языкознание

15. Сравнительное языкознание
16. Морфология
17. История языкознания

В. Армянское языкознание

18. Сравнительное изучение армянского языка
19. История армянского языка
20. Диалектология
21. История армянского языкознания

...Подлинный арменовед обязан в той или иной степени быть знакомым со всеми вышеприведёнными предметами. Если будет необходимо, я могу взять на себя какую-то часть этих предметов”¹.

В эти же дни инициативу писателя приветствовал и юрист-социолог Аломон Егиазарян, которого Туманян письмом от 30-го октября приглашал переехать из Киева в Тифлис – с той же целью. Однако у А.Егиазаряна были возражения, связанные с переездом, к тому же он сомневался в возможности соответствующих финансовых вложений. В ответном письме Туманяну от 13-го ноября 1916 г. А. Егиазарян просит выслать ему устав Общества. Он пишет: “Нельзя не выразить симпатии цели Общества... К сожалению, не могу дать определённого ответа... Намеченная

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N867 (491).

цель (насколько я понимаю) требует большой суммы и тысячу рублей в начальный фонд. В этом случае вопрос ещё больше усложняется. Для академии нужна огромная сумма. Кроме того, Академия вне пределов Армении не может быть армянской Академией, потому что не имеет исторической основы. Тифлис в моих глазах является колонией, в которой нет даже духа Армении. В Тифлисе армянский язык искажается.; Я человек народа, люблю только тот язык, который понятен народу... поскольку юридическая и социальная жизнь народа всегда была предметом моих исследований”¹.

В ноябре 1916 г. Туманян был уверен, что вопрос о создании национального университета и академии будет наконец-то решён, поскольку он получил обещания о крупных денежных вложениях сразу от нескольких армянских богачей. Шестого ноября 1916 г. в письме к своему другу епископу Месропу поэт пишет: “Сообщу тебе ещё одну хорошую весть. Помнишь, что я ещё с прошлого года старался ради обеспечения и развития нашей литературы и культуры предпринять какие-то меры? Вот именно это дело уже получается – группа богачей и интеллигентов присоединились, заложили основу...” (10, 257-258).

Бурная организационная деятельность по созданию Общества Айказян началась в апреле 1917 г. 20-го апреля было составлено циркулярное письмо-обращение о планах и предстоящих задачах Общества. Хотя под обращением стоят двадцать подписей, можно не сомневаться, что текст написан самим Туманяном: это легко угадывается по стилю письма. Подписали обращение в основном спонсоры Общества, люди, обещавшие Туманяну свою денежную помощь. Это были известный банковский деятель, основатель тифлисской Музыкальной школы Констадин Алиханян², Хачатур Африкян³, Амбарцум Меликян⁴, Филипп Вартазарян, Геворг Хатисян⁵, а также историк, востоковед Сиракан Тигранян¹. Цир-

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1152 (615).

² Алиханян (Алиханов) Константин Михайлович (Алиханян Констадин Микаэлович) (1849 - 1931) - Панист, педагог. Председатель Тифлисского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества. Основатель новой музыкальной школы (1876) и музыкального училища (1886) в Тифлисе. В 1917 г. при его активном спонсорстве построен Концертный зал Консерватории (Тифлис). Организовал аптекарский магазин и склад «Кавказского товарищества торговли аптекарскими товарами „Санитас“». Директор Общества маслособойных, мыловаренных и свечных заводов в Тифлисе. Председатель правления Тифлисского коммерческого банка. Принимал участие в становлении молодого Ф. Шаляпина, содействовал и субсидировал его начальное профессиональное образование и формирование. Был бездетен в браке. Супруга К. М. Алиханова – Надежда Алиханова также активно занималась благотворительностью. Она была членом многих благотворительных обществ и длительное время входила в правление Армянского женского благотворительного общества.

³ Хачатур Африкян – богатый предприниматель из Баязета.

⁴ Амбарцум Меликян (1861 - 1932) – известный нефтепромышленник, издатель газеты “Оризон”.

⁵ Геворг Хатисян - известный общественный и политический деятель, юрист.

кулярное письмо было опубликовано в газете “Оризон”². В нём говорилось: “На днях в Тифлисе откроется Общество под названием «Айказян», целью которого является защита нашей литературы, науки и художественного искусства... Учредителями Общества будут, с одной стороны, вкладчики денежных средств, и с другой стороны, армянские писатели, учёные и деятели искусства. Вкладчики будут вносить деньги... а писатели, учёные и деятели искусства – это такие личности, авторитет которых не будет вызывать сомнений для общественности нации” (7, 322 - 323)³.

Циркулярное письмо-обращение было опубликовано в разных редакциях. В одной из редакций сообщается, что на следующий день, то есть 23-го апреля 1917 г., должно состояться заседание инициативной группы с целью учреждения Общества Айказян. Мы более чем уверены, что текст второй редакции письма также составил Туманян, ещё сильнее акцентируя цели и задачи учреждаемого Общества. В этой редакции письма-обращения говорится: “Нижеподписавшиеся приглашают ревностно относящихся к нашей культуре и наделённых способностями людей – известных состоятельных людей, учёных, писателей и деятелей искусства, объединиться и составить сильный национальный союз, большое общество.

Общество, которое будет называться «Айказян», предполагает создать Армянскую академию, заложить основы Армянского университета, развивать арменоведение и всесторонне исследовать нашу страну, нашу старую и новую жизнь, нашу литературу и искусство, их историю и современность; общество предполагает создать обеспеченную жизнь для учёных, писателей и деятелей искусства. Одновременно Общество Айказян будет следить за деятельностью наших культурных учреждений и помогать им при необходимости”⁴.

Письмо публикуется впервые. Считаем, что это письмо в редакцию “Оризона” под названием “Общество Айказян” должно было найти место в новом академическом издании произведений Ованеса Туманяна.

¹ Тигранян Сиракан Фаддесевич (Тигранов Сиракан Фаддесевич, Тигранян Сиракан Татевосович) (1875 - ?) - Из дворян. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1897 г. был в студенческом движении, участвовал в «ветровской» демонстрации. Участвовал в разогнанном полицией центральном национальном собрании в Эчмиадзине от г. Александрополя. Преподаватель юридических и философских наук в Эчмидзинской духовной семинарии. Был ректором Тифлисской армянской семинарии, а также преподавал право и философию в Эчмиадзинской семинарии. Депутат II Думы от Эриванской губернии (фракция эсеров). Был сослан, бежал. В 1917 г. стал дашнаком. Комиссар Кавказского учебного округа. В 1918-1919 гг. - министр иностранных дел Армянской республики. В советское время был на педагогической работе.

² “Оризон”, 1917, N81, 22-го апреля, стр. 3.

³ “Мшак”, 1917, N82, 27-го апреля, стр. 3.

⁴ “Оризон”, 1917, N81, 22-го апреля, стр. 3.

Примечательно, что за день до публикации письма-обращения на учредительное собрание были приглашены все желающие, однако в тот же день было принято решение провести собрание за закрытыми дверями. Присутствовать на собрании могли только те, кому достались специальные пригласительные билеты.

23-го апреля, в воскресный день, в зале Артистического общества состоялось расширенное заседание, которое с определёнными оговорками (Устав ещё не был утверждён) можно считать учредительным собранием Общества Айказян. Присутствовавший на собрании русский комиссар, профессор Беншевич “тёплыми словами” приветствовал учреждение Общества¹.

На собрании председательствовали Констадин Алиханян и Ованес Туманян. С положениями Устава Общества собравшихся ознакомил Минас Берберян². Он был единственным юристом среди трёх авторов Устава.

С помощью добровольных пожертвований к тому времени уже было собрано 100.000 рублей; эта сумма передаётся на хранение Тифлисскому коммерческому банку. Состоятельные члены Общества должны были вносить в качестве членских взносов по пять тысяч рублей, а те из них, которые не были в состоянии внести эту сумму сразу, могли погасить задолженность в течение пяти лет. В списке членов Общества очень много людей, внёсших в казну десять рублей. Ованес Туманян расплатился за всех членов своей большой, многодетной семьи, а также за своего зятя Геворга Хатисяна.

Было принято решение в ближайшее время созвать новое собрание, на котором предстояло избрать правление Общества в составе восемнадцати человек: девяти состоятельных вкладчиков и стольких же писателей и деятелей науки и искусства. Обществу писателей было поручено составить список писателей, деятелей науки и искусства, состоящих в Обществе Айказян.

В тот же день было принято решение послать телеграмму Николаю Марру и просить его “близкого содействия”³.

7-го мая, когда всё ещё продолжался процесс учреждения Общества, Туманян опубликовал в периодике ещё одну статью, которую назвал “Общество Айказян”. В ней он снова отмечает, что становление и развитие арменоведения как науки, создание “правдивой научной истории” нашего народа является “трудным и большим делом”, которое выше любых личных усилий, и даже усилий одного творческого объединения (7, 325). Он определяет основные направления деятельности национальной

¹ Там же, №84, 26-го апреля, стр. 3.

² Берберян Минас Ованесович (1871 - 1919) – литературовед, юрист, публицист, общественный деятель.

³ “Оризон”, 1917, №84, 26-го апреля, стр. 3.

академии: это история, литература, язык и языкознание, искусство и другие гуманитарные науки.

Дав Обществу название “Айказян”, писатель имел в виду общенациональный характер предпринимаемого дела, и, следовательно, участие в нём каждого представителя нации. “Мы все вместе, объединёнными усилиями, сумеем защитить и повести вперёд это общее большое дело, участвуя в нём и делая взносы: одни – больше, другие – меньше...” (7, 327).

Поэт придавал исключительно важное значение обучению на родном армянском языке. “Необходимо объединить армянских учёных, создать науку на армянском языке и храм науки, очаг наук, Армянскую Академию. И необходимо создать армянский университет, чтобы можно было преподавать высшие дисциплины и обучаться на армянском языке...”

Для того чтобы стать и называться высоко цивилизованным народом, нет иного пути, кроме искусства” (7, 325).

Последнее предложение звучит словно изречение и подчёркивает существующее различие между варварскими и цивилизованными народами.

Мировая война со своим звериным оскалом и со всеми присущими ей ужасами помешала многим планам Туманяна, но поэт при этом считал нужным объяснять всем и каждому, что никакая война и никакое бедствие не способны помешать очень важным и благородным инициативам. Имея в виду создание армянского университета и национальной академии наук, поэт говорит: “А если они учреждаются в такие тяжёлые дни, то это только делает нам честь. Если итальянцы могут открыть университет на поле боя, в траншее, и заниматься наукой и искусством, то почему мы не можем в такой дали от траншей заниматься той же наукой и искусством?”

Не будем забывать, что, какое бы возвышенное дело ни принимал армянский народ, он всегда делал это, невзирая на трудное и горькое время...

И в этом заключается величие нашей нации и великая драма нашей жизни, - пишет Туманян и заключает: - “Всё, что будет с нами, будет и с нашим университетом” (7, 327).

Как уже отмечалось, Обществу писателей предстояло составить список членов-учредителей Общества Айказян из числа писателей, учёных и деятелей искусства. У Туманяна был очень большой опыт организации общественных мероприятий, и поэтому он знал, что необходимо считаться с мнением большинства, без чего каждая включённая или не включённая в список кандидатура, вне зависимости от её значимости, неизбежно явилась бы предметом споров, причём мишенью нападок и обвинений, как это обычно бывало, станет он сам. По этой причине Туманян обратился к разным организациям и периодическим изданиям, в частности, к редакциям газет “Оризон”, “Мшак”, “Арев”, “Горц”, к Армянскому драматическому обществу, Музыкальному обществу, Обществу

деятелей искусств, Этнографическому обществу, Историографическому обществу, Бакинскому обществу любителей словесности – и попросил выступить со своими предложениями. Почти все указанные общества, за исключением Этнографического, а также редакции газеты “Горц”, ответили писателю.

За одной лишь подписью Гарегина Левоняна¹ Общество армянских деятелей искусства 16-го апреля прислало список из 75 человек, из которых только 30 проживали в Тифлисе; остальные были жителями Парижа, К. Полиса, Каира, Венеции, Москвы и т. д. В списке фигурировали практически все видные деятели искусства.

Бакинское общество армянских любителей словесности не прислало своего списка, доверив выбор Туманяну и одновременно пожелав удачи в предпринятом начинании, которое “составит новую эпоху в истории армянской культуры”².

Бакинская газета “Арев” за подписью Симона Акопяна³ прислало список, включавший сорок одно имя. В списке Армянского музыкального общества, составленном Овсепом Тер-Давтяном⁴, было 45 имён; в списке газеты “Мшак”, подписанном Амбарцумом Аракелянцем и Стефаном Зорьяном, было 24 имени, а в списке Армянского исторического и археографического общества, составленном Степаном Лисицианом и Смбатом Тер-Аветикяном, 31 имя.

Туманян не ошибался в своей уверенности, что непременно найдутся недовольные, что во всех случаях недовольство людей просто неизбежно. И даже если бы были учтены все без исключения мнения, это ничего не изменило бы.

27-го мая 1917 г. Д. Казарян⁵ и Е. Сардарян из Еревана пишут поэту: “Глубокоуважаемый г. Ов. Туманян,

Если наши имена отсутствуют в том списке, который составило Общество армянских писателей, то есть в списке членов-учредителей Общества Айказян, то просим включить нас в качестве учредителей Тиф-

¹ Левонян Гарегин Дживанович (24.10.1872 - 28.10.1947) - Литературовед, искусствовед, художник, исследователь ашугской поэзии. С 1908 г. издавал и оформлял в Тифлисе ежемесячный иллюстрированный журнал изящных искусств и литературы «Гехарвест» («Искусство») – первый армянский художественный журнал, публиковавший материалы по всем сферам искусства и литературы и сыгравший исключительную роль в истории армянской художественной периодики.

² Письмо это подписали председатель Бакинского общества любителей словесности Тигран Ованнисян и секретарь Цолак Ханзадян. См. Музей Ов. Туманяна, Новые материалы, л. 40. Список, составленный Обществом писателей, написан рукой Туманяна (там же).

³ Симон Акопян (1880 - 1965) – литературовед, публицист, редактор армянской газеты “Бакви дзайн” (“Голос Баку”).

⁴ Овсеп Георгиевич Тер-Давтян (1862 - 1938) – армянский пианист, педагог, музыкальный и общественный деятель. Был председателем Тифлисского армянского музыкального общества (1914-1917).

⁵ Казарян Даниел Авакович (17.05.1883 - 14.12.1958) – композитор, дирижёр, певец, один из основателей Тифлисского армянского хорового общества, заслуженный деятель искусств Армянской ССР.

лисского общества армянского хорового пения, поскольку это Общество очень близко нашему сердцу”¹.

Из ответного письма редакции газеты “Оризон” за 8-е мая 1917 г. видно, что это авторитетное периодическое издание, ознакомившись с предварительным списком членов-учредителей Общества Айказян, возражало против включения в списки имён состоятельных людей. В этом вопросе подходы редакции “Оризона” и Ов.Туманяна не совпадали. “Оризон”, предложив всего лишь двадцать имён, предлагал руководствоваться “тем принципом, чтобы приглашались личности, представляющие собой несомненный авторитет в области армянской литературы, искусства и науки”².

Туманян был убеждён, что без содействия богатых вкладчиков идея создания общенационального культурного и научного общества не может осуществиться и обречена на провал, к тому же он всегда руководствовался принципом, согласно которому в основе общенационального дела должно быть общенациональное единение.

Совместить все предложения было очень трудно, если возможно вообще. В конце концов был составлен список, включавший 111 имён. В нём были представлены известные писатели – Нар-Дос, Ширванзаде, Л. Шант, Врт. Папазян, Ав. Исаакян, В. Терьян, И. Иоаннисиан, А. Чопанян, Д. Демирчян, Лео, Забел Есяян и др.; публицисты и литературоведы – А. Аракелян, Н. Агбальян, А. Сурхатян, А. Тертерян, П. Макинцян и др.; переводчики – Ов. Масеян, Т. Ованнисян и др.; учёные и мхитаристы – Н. Адонц, Р. Ачарян, М. Абемян, С. Тигранян, А. Манандян, Ст. Лисициан, Е. Лалаян, Г. Ованнисян и др.; художники – Е. Тадевосян, Г. Башинджагян, Ф. Терлемезян, М. Сарьян, Шаин и др.; скульпторы, архитекторы и музыканты, артисты – Т. Тораманян, Ал. Спендиарян, Комитас, Антон Маикян, А. Тигранян, Ов. Абемян, Арменян, Сирануш, Алиханян и другие³.

Этот список, в котором немало имён, имеющих международную славу, свидетельствует о том, что армянский народ в начале двадцатого столетия имел огромный научный и образовательный потенциал. И все эти замечательные деятели культуры, науки и искусства были готовы принять участие в работе Общества Айказян и принести свой талант на служение общенациональной инициативе Ованеса Туманяна. Заслуживают большого признания также те предприниматели и состоятельные армяне, которые были готовы своими вкладами и благотворительными пожертвованиями помочь общему делу.

В кругах учредителей Общества Айказян существовало намерение после общего собрания 31-го мая 1917 г. освободить работавших в сред-

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1550.

² Музей Ов. Туманяна, новые материалы, л. 40.

³ Там же. Список является черновиком, написанным рукой Туманяна, чернилами и карандашом, на двух листах, исписанных с обеих сторон.

них школах учёных-арменоведов от этих обязанностей и дать им возможность заниматься серьёзной наукой. В первую очередь имелись в виду учитель гимназии историк Ашот Иоаннисян¹ и работавший учителем в Нор-Нахиджеванской школе Рачия Ачарян².

В апреле-мае 1917 г. число членов Общества Айказян из России возросло до ста человек, тридцать из которых к тому времени были с этой целью уже в Тифлисе³.

Как отмечалось, Устав Общества Айказян написал Ов. Туманян вместе с К. Алиханяном и М. Берберяном⁴. 23-го мая Устав был представлен в районный суд Тифлисского первого гражданского отдела Временного правительства на Кавказе. В тот же день авторы получили отказ в регистрации – из-за отсутствия нотариально заверенного списка членов Общества. На самом же деле это был всего лишь подходящий повод для придирки. Чиновники – бюрократическая машина Временного правительства России – всячески затягивали решение вопроса. Устав в конце концов был утверждён, но только 1-го декабря 1917 г., то есть после победы социалистической революции. Однако связанная с утверждением Устава бюрократическая волокита не помешала учредителям Общества предпринимать последовательные и целеустремлённые шаги по созданию национального университета.

31-го мая 1917 г. в восемь часов вечера в зале Тифлисской музыкальной консерватории состоялось общее собрание Общества Айказян, которое газеты поспешили объявить “учредительным”. Председателем собрания был избран Констадин Алиханян, секретарём – Степан Малхасянц⁵. Был создан временный исполнительный орган, состоявший из восемнадцати человек, который впоследствии должен был избрать правление Общества и его председателя. Ов.Туманян был избран членом

¹ Иоаннисян Ашот Гарегинович (17.06.1887, Шуши, Арцах - 30.06.1972, Ереван) – видный армянский историк, государственный деятель, профессор Московского Лазаревского института (1918-1919). Действительный член АН Армянской ССР (1960), действительный член АН СССР (1960), заслуженный деятель науки Армянской ССР (1961).

² “Оризон”, 1917, N110, 27-го мая, стр. 3.

³ Там же, N108, 25-го мая, стр. 3, а также N112, 30-го мая, стр. 3.

⁴ В это же время Туманян в составе специально созданной комиссии работал также над изменениями в Уставе Общества писателей. После свержения царского режима в новом Уставе Общества писателей, представленном на утверждение новых властей, были внесены изменения, затруднявшие вступление в ряды Общества в качестве писателя. При этом Устав стал либеральнее, “демократичнее”. Вступить в Общество мог каждый “любитель словесности”, каждый “книголюб”. И он мог пользоваться всеми правами, кроме получения пособий. Пособия выдавались только профессиональным писателям. См. “Оризон”, 1917, N108, 25-го мая, стр. 3.

⁵ Степан Саркисович Малхасянц (25 октября 1857 - 21 июля 1947) - академик Академии наук Армянской ССР, выдающийся филолог, лингвист и лексикограф, автор трудов по классическому армянскому языку, автор Толкового словаря армянского языка, толкователь и переводчик произведений древнеармянских авторов на современный армянский язык.

избирательной комиссии Общества, в составе которой были также Л. Шант, М. Абемян, Н. Агбальян, Ст. Лисициан, Ф. Вартазарян и другие¹.

Было объявлено, что с осени в национальном университете откроется факультет арменоведения. Возникла необходимость срочно сформировать и укомплектовать библиотеку академии и Общества Айказян, собрав всю имеющиеся издания трудов об армянах и Армении.

На собрании было много выступлений. Среди выступавших были также Борис Аргутян, Амбарцум Аракелян, Ширванзаде, Левон Шант, Фанос Терлемезян и другие.

Некоторые из выступавших не скрывали своего скепсиса по поводу осуществимости целей и задач Общества. Им всем ответил Ованес Туманян. Он, в частности, сказал: “До сих пор армянский народ имел только один духовный центр – Эчмиадзинский Собор, теперь мы хотим построить новый храм – храм науки, литературы и искусства – Общество Айказян. И армянский народ имеет как материальные, так и интеллектуальные возможности для построения этого нового храма. У нас нет профессиональных писателей, посвятивших себя литературе, после этого они у нас будут. У нас нет армянских учёных, после этого будут. У нас нет армянских деятелей искусства, после этого будут. И в будущем пишущий историю развития армянской культуры должен будет разделить её на два периода – до Общества Айказян и после Общества Айказян”².

Своим выступлением Туманяну удаётся рассеять сомнения скептиков, и его слова, по свидетельству, были встречены “громом аплодисментов”³.

4-го июня 1917 г. временная комиссия на своём заседании избрала председателем правления Общества Айказян Константина Алиханяна. Его заместителями стали Ованес Туманян и Л. Гулян, секретарями – Степан Лисициан и Степан Малхасянц, казначеем – М. Берберян. Были избраны также две подкомиссии – хозяйственная и учебная. Туманян вошёл в учебную подкомиссию, в которой были также Н. Агбальян, Л. Шант и М. Абемян.

7-го июня состоялось заседание учебной подкомиссии под председательством Туманяна. Николай Марр, уважив приглашение Туманяна, приехал в Тифлис и в тот же день, 7-го июня, был гостем его семьи.

Н. Марр выразил убеждение, что Армянский университет вместе с Грузинским университетом, который также намечалось открыть в ближайшее время, смогут успешно развивать кавказоведение, что, в свою очередь, будет способствовать развитию науки в целом. Приветствуя создание Армянского университета, Марр посоветовал наладить и поддерживать постоянную связь с Грузинским университетом и, в особенности, с

¹ “Оризон”, 1917, N116, 3-го июня; См. также: “Мшак”, 1917, N117, 6-го июня.

² “Оризон”, 1917, N116, 3-го июня, стр. 4.

³ Там же.

факультетом восточных языков Петербургского университета, откуда при необходимости можно будет приглашать преподавателей, а также отправлять туда наиболее перспективных своих студентов для усовершенствования. Было принято решение, что арменоведческий факультет будет иметь три отделения – языковедческое, библиографическое и историческое, на каждом из которых должны преподаваться основные и вспомогательные предметы. Перечень предметов по просьбе собравшихся должен был составить Н. Марр.

9-го июня состоялось следующее заседание подкомиссии, которое так же, как и предыдущее, прошло на квартире Туманяна, хотя к тому времени “канцелярия Общества уже была размещена в здании городского кредитного общества”¹. На этом заседании была утверждена программа, составленная Н. Марром². Было также принято решение установить четырёхлетний курс обучения, приглашать на работу преподавателей, имеющих учёную степень (магистра, доктора).

С июня по декабрь состоялись ещё одиннадцать заседаний учебной подкомиссии, в работе которых участвовал (а в ряде случаев и руководил) Ованес Туманян³.

Сохранилась переписка между Ов. Туманяном и Р. Ачаряном в июле-августе 1917 г.⁴ 14-го июля Рачия Ачарян должен был дать конкретный и определённый ответ попечительскому совету приходской школы Нор-Нахиджевана, в которой он работал преподавателем, однако он ещё не получил официального приглашения от Общества Айказян и не мог принять окончательного решения. По этой причине он попросил Туманяна как можно скорее ответить ему официальным письмом. Языковед отмечает также, что он является военнообязанным, так что в случае освобождения от работы в школе ему может реально угрожать призыв в армию⁵. Ответ на это письмо, как и на письмо от 7-го августа, поэт пишет только 11-го августа из Пятигорска, поскольку он получил первое письмо с большим опозданием, “после долгого путешествия” (10,

¹ Там же, N118, 7-го июня, стр. 3.

² Н.Марр включил в программу такие предметы, которые, как, скажем, история Передней Азии, должны были преподаваться параллельно курсам всемирной истории и культуры. Было предложено открыть “свободные кафедры”, с целью чтения лекций вне обязательной программы. Марр пообещал прочитать лекцию на русском языке о создании армянской письменности и истории Ани, в частности, для тех студентов, которые составят группу для работы в Ани.

³ 11-го июня было решено установить размер зарплаты в зависимости от учёной степени – соответственно 3000 и 2000 рублей в год. Были распределены уроки. 12-го июня решили установить трёхлетнее обучение – для экономии средств, а также для того, чтобы давать студентам возможность совершенствоваться в Петербурге. Расходы одного факультета по предварительным подсчётам составляли 200.000 рублей. Десять учёных предполагалось содержать и для научных исследований. В их числе были Р.Ачарян, М.Абегян, А.Иоаннисян и др.

⁴ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N868 (493), N869 (492), N870 (299), N871(494).

⁵ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N870 (299).

265)¹. Письмо поэта было более чем обнадеживающим. “Будет или не будет открыт Армянский университет – Ваш вопрос я считаю решённым. Общество Айказян – не только для университета, но и для того, чтобы освободить наших деятелей науки, литературы и искусства от посторонних должностей, и давать им возможность заниматься своим делом и своей специальностью... В частности, я могу Вас заверить, что Вы уже являетесь одним из избранных учёных Общества Айказян и с осени свободно будете заниматься своей специальностью” (7, 265). Из этого письма мы узнаём также, что одной из трудностей, связанных с открытием университета, было укомплектование профессорско-преподавательского состава качественными специалистами. По мнению Н. Марра, таких преподавателей было немного. По этой причине “было решено вместо открытия университета дать возможность некоторым деятелям науки на денежные средства Общества Айказян подготовиться в России или за рубежом для предстоящего университета” (10, 266). Ачарян был включён как в эту группу, так и в группу армянских филологов и учёных под названием “Армянская академия”.

“Как бы то ни было, - пишет Туманян Ачаряну, - Вы после этого должны посвятить себя делу изучения армянского языка, – делу, величие которого Вы представляете лучше всех, делу, в котором Вы, если не ошибаюсь, незаменимы среди нас” (10, 266).

Открытие университета откладывается на неопределённое время. По мнению Ачаряна, проблемы недостатка качественных преподавателей не существовало. 20-го августа 1917 г. он пишет Туманяну из Баку: “Глубокоуважаемый г-н Туманян,

По-моему, эти три факультета университета, о которых вы предварительно приняли решение, можно было бы открыть и сейчас... разве восьми преподавателей недостаточно для трёх факультетов? ...Тон Ваших писем делает мне большую честь. Был бы счастлив оказаться полезным хотя бы вполовину ожидаемого”².

Однако в связи с военным временем намерение командировать учёных-арменоведов в зарубежные страны осенью 1917 г. было также отложено³.

¹ Ответное письмо Туманяна, которое он послал из Пятигорска в Баку, где в это время должен был находиться Ачарян, по роковому стечению обстоятельств также не дошло до адресата, потому что тот уже выехал из Баку. Это письмо Туманяна не сохранилось. Не сохранилось также письмо поэта Константину Алиханяну, в котором он ходатайствовал о незамедлительном материальном обеспечении Р.Ачаряна.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N868 (493).

³ Рачия Ачарян продал свой дом и всё своё имущество в Новом Нахиджеване с целью переехать в Тифлис. В новонахиджеванской школе он мог претендовать на повышение должности. Он имел также реальную возможность перейти на работу в Ростовский университет, преподавать на открывавшейся кафедре арменоведения. В письме Туманяну от 24-го ноября 1917 г. Ачарян выразил своё разочарование работой в Тифлисе. “Я очень и очень пострадал, нерассудительно поверив преждевременным объявлениям Общества

Насколько дело открытия университета откладывалось, настолько увеличивалось беспокойство людей, которые возлагали большие надежды на Общество Айказян. Мишенью нового недовольства неизменно становился Ованес Туманян¹.

Туманяну очень хотелось верить, что вот-вот осуществится его заветная мечта и будут созданы самые благоприятные условия для развития и расцвета арменоведения, благодаря чему в обозримом будущем будет обеспечено его возрождение. Отчасти и поэтому он развил исключительно бурную и энергичную организационную деятельность в период учреждения Общества Айказян, а именно в июне-июле 1917 г. И это при том, что как раз в эти месяцы его самочувствие значительно ухудшилось. 15-го июня он пишет Ерванду Тагианосяну: “Я болен, нервы совершенно расшатались, превратились в изношенную верёвку, сердце ослабело, повисло подобно пустому мешочку. Ну, что ещё там осталось?” (10, 262). Правда, писатель не щадил себя, не жалел сил и жизненной энергии для осуществления своих перспективных инициатив, имевших национальную значимость и устремлённых в будущее, однако, с другой стороны, его преследовали тревоги, в сердце ютились нехорошие предчувствия, связанные с тем же самым обозримым будущим. В приведённом выше письме от 15-го июня 1917 г. поэт отмечал: “Наш мир перевернётся с ног на голову. Он похож на заряженное ружьё с расшатавшимся затвором в руках неловкого человека, и всё ждёшь, что вот сейчас возьмёт и выстрелит...” (10, 262).

В августе, когда поэт был полностью поглощён проблемами усиления Общества Айказян, его вещее сердце предчувствовало беду: “В особенности... страшные картины будущего нашей страны не дают мне покоя ни на день, ни на час. Чудо должно совершиться, чтобы мы перенесли это время без больших бедствий” (10, 267).

Айказян, и нежелательно, чтобы я после этого пострадал ещё больше”. См. МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N871 (494).

¹ 20-го ноября 1917 г. Тигран Ованнисян из Баку просит за счёт денежных средств обеспечить поэта Иоаннеса Иоаннисяна, поскольку был уверен, что он больше не переизберётся в депутаты городской думы. “Поэтому будет хорошо, если Общество Айказян по возможности скорее примет решение о нём. Это ведь ещё более важно с той точки зрения, что он упорствует и хочет непременно установить свою урну и выйти на голосование.

Наша фракция не хочет голосовать за него, а мой знакомый сегодня сказал, что фракция армянской народной партии также не проголосует за него, социалисты и социал-демократы тем более не дадут своих голосов. Так что понапрасну будет скомпрометирован один из корифеев армянской литературы... подчиняясь партийной дисциплине, проголосую согласно решению фракции”. См. МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1525 (379 доп.).

В ПЯТИГОРСКЕ

Вопросы, связанные с восстановлением здоровья поэта, становятся особенно актуальными. На этот раз поэт выбирает для отдыха и лечения Пятигорск. Конечно, он не забывает при этом о возможности совмещения лечения и отдыха с литературной работой.

Туманян выехал из Тифлиса в карете 16-го июня 1917 г., 19-го июня добрался до местечка Млет, заночевал там, а наутро продолжил свой путь. Следующей ночью добрался до Владикавказа, откуда на поезде отправился в Минводы и доехал до Пятигорска 21-го июня¹.

В Пятигорск Туманян поехал со всеми своими дочерьми – Ашхен, Нвард, Ануш, Арпик, Седой и Тамар. В лечебных целях в свободные часы принимал серные ванны. Большое внимание и заботу семье поэта уделял ирано-армянский коммерсант Амаяк Бзнуни. Туманян и здесь делает отчаянные попытки заняться литературным трудом. Просит сына Амлика прислать ему книгу Луи Жаколио² “В дебрях Индии”(10, 263). Поэт посетил дом Лермонтова, место его дуэли. Он ещё раз убедился, насколько важно для понимания произведений творческой личности знать её биографию и насколько тесно соприкасаются жизнь великого писателя и его художественное наследие. Имея в виду Лермонтова, Туманян пишет: “Многие страницы его сочинений можно понять только здесь” (10, 264).

В эти же дни Туманян встречается с композитором Александром Гречаниновым³, который к тому времени начал работу над оперой по поэме Туманяна “Ануш”.

15-го августа в доме, который Туманян снял в Пятигорске, гостит полководец Андраник. В тот же день из Петербурга приехали в Пятигорск сын поэта Мушег вместе с зятем Геворгом Хатисяном. Они привезли с собой новую карту Кавказа, на которой, по-видимому, Армения занимала довольно значительную территорию. Изучив эту карту вместе с Андраником, поэт сказал: “Ничто меня не радует, потому что положение на фронте сейчас очень неустойчивое, и армия изнурена; вместо того, чтобы защищать, она становится бедствием” (10, 268).

С первого же дня пребывания в Пятигорске врачи диагностируют у Туманяна сильную переутомлённость. “Нашли, что органической болезни у меня нет, но я чрезмерно устал, и почти истощён” (10, 264).

И всё же ни чрезмерная переутомлённость, ни предчувствие новых надвигающихся бедствий, - ничто не препятствовало поэту заниматься в санатории делами Общества Айказян и многими другими делами. Поэт организовал добровольные пожертвования и привлёк 29 новых состоя-

¹ Об этом см. письмо дочери поэта Ануш Туманян, датированное 22-24 июня 1917 г. Музей Ов.Туманяна, отделение документов, N2855.

² Луи Жаколио (1837-1897) – французский писатель.

³ Гречанинов Александр Тихонович (13 октября 1864, Москва – 4 января 1956, Нью-Йорк) – русский композитор.

тельных инвесторов к Обществу Айказян, которое к тому времени насчитывало около пяти тысяч членов¹. Поэту удаётся даже собрать деньги для оказания помощи командующему составу на Кавказском фронте². Ему удаётся также заполучить большой дом в Пятигорске для отдыха армянских писателей. “Обществу армянских писателей уже подарили один дом” (10, 264). Этот дом, стоимость которого составляла 200.000 рублей, подарила “какая-то астраханская госпожа”, имя которой периодические издания не сочли нужным предавать огласке³.

Туманян неоднократно ездил по делам из Пятигорска в Кисловодск и возвращался обратно. Он созывал собрания, на повестке дня которых, как правило, стояли одни и те же вопросы: оказание содействия Обществу Айказян и положение на Кавказе (10, 270). Поэт организовывал благотворительные мероприятия и добровольные пожертвования и с целью оказания помощи бойцам, сражавшимся на Кавказском фронте.

Одно из таких собраний в Кисловодске проходило в доме местного богача Патвакана Цатуряна. На повестке дня стояли всё те же основополагающие и вместе с тем сакраментальные вопросы: “политические, экономические и культурные” (10, 272). Туманян выступил с докладом “О нынешнем незащищённом положении армянского населения” и предложил оказать помощь воинам, сражающимся на Кавказском фронте. Здесь же поэт встретился с местными армянскими учёными, которые очень плохо владели армянским языком, и сразу же загорелся идеей помочь им в этом деле. Он обратился с письмом к Констадину Алиханяну и предложил на денжные средства Общества Айказян обучить обрусевших армянских учёных родному армянскому языку, поскольку все они были готовы “стать армянскими учёными” (10, 273).

Отдыхавшие в Пятигорске соотечественники настойчиво приглашали поэта посетить Новый Нахиджеван, Ростов, Армавир, Екатеринодар, Владикавказ. Поэт вежливо отклонял эти приглашения, хотя и понимал, что благодаря путешествиям он сумел бы значительно увеличить число членов, а значит и потенциальных вкладчиков Общества Айказян. Тем не менее, он имел намерение поехать в Новый Нахиджеван, чтобы продолжить там дело организации вспомоществований, а также чтобы открыть там филиал Кавказского общества армянских писателей и перевезти в Тифлис архив Микаэла Налбандяна⁴.

¹ Некоторые из богатых вкладчиков давали деньги только на своих условиях, для конкретных целей. Так, по сообщению газет, Хачатур Асланян пообещал дать 25.000 рублей для того, чтобы были собраны, исследованы и опубликованы материалы по зокскому диалекту Агулса, причём исследования и публикации должны были быть посвящены его “светлой памяти”. См. “Оризон”, 1917, 226, 24-го октября, стр. 4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Налбандян Микаел Лазаревич (14.11.1829 - 31.03.1866) – выдающийся армянский писатель, поэт, публицист, общественный деятель. В 1855-58 годах учился на медицинском факультете Московского университета. В 1858-60 годах сотрудничал в

В середине 1917 г. Туманян отослал дочерей в Тифлис, а сам остался, чтобы довести до конца дело организации добровольных денежных пожертвований. Он одной ногой был в Пятигорске, а другой – в Кисловодске. 2-го октября 1917 г. поэт пишет жене: “Меня то и дело приглашают поехать туда-сюда, но я спешу завершить свои дела и вернуться. А мои дела – это Общество Айказян и одно другое Общество, название которого вскоре узнаете. Привожу с собой для Общества Айказян более миллиона – деньгами и обещаниями” (10, 276). Говоря о “другом Обществе”, Туманян имел в виду “Общество помощи Кавказскому фронту”, которое поэт намеревался создать сразу же по возвращении в Тифлис. Однако на дворе был октябрь 1917 г., до новой революции оставались считанные дни, и по вполне понятным причинам эта инициатива Туманяна так и осталась нереализованной.

Уже в течение первой недели своего пребывания в Пятигорске Туманяну удалось собрать довольно значительную сумму. Причём один из этих немногих дней оказался особенно удачным, особенно “урожайным”. В письме Акопу Сарикяну от 15-го августа поэт пишет: “В Кисловодске мы славно потрудились. На следующий день после твоего отъезда удалось собрать для нации почти полмиллиона денег” (10, 279).

Таким вот “плодотворным” образом проводил свой “отдых и лечение” переутомившийся и физический изнурённый поэт – на благо своего народа.

Примечательно, что армянская и грузинская общественность практически одновременно создали организации, способствующие учреждению национальных университетов. С целью основания грузинского университета в октябре 1917 г. было создано “Общество Грузинского Университета”¹, инициатором которого был грузинский учёный Иване

московском армянском журнале “Юсисапайл” (“Северное сияние”). В годы революционной ситуации в России 1859-61 годов Налбандян под влиянием пропаганды “Колокола” и “Современника” первым из армянских писателей перешел на позиции революционного демократизма. В 1860-62 годах совершил путешествие в Турцию, Индию, страны Западной Европы. В Константинополе создал вокруг армянского журнала “Мегу” (“Пчела”) тайное революционное общество “Партия молодых”. В Лондоне сблизился с А.И.Герценом, Н.П.Огаревым, М.А.Бакуниным, а также с Н.А.Серно-Соловьевичем и др., участвовал в обсуждении проекта статьи-воззвания “Что нужно народу” (программа будущей “Земли и воли”). В главном публицистическом труде “Земледелие как верный путь” (1862 г.) Налбандян подверг уничтожающей критике крестьянскую реформу 1861 года, однако сделал это с позиций общинного социализма. Единственный выход для пореформенной России он видел в крестьянской революции. По возвращении в Россию был арестован и заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости (июль 1862 г.), судим по “процессу 32-х”. В ноябре 1865 года, больной туберкулезом, выслан в Камышин. Скончался в г. Камышине 31 марта 1866 года в возрасте 36 лет.

¹ См. Закаре Кикнадзе, “Ованес Туманян и Тифлисский университет”, “Гракан терт”, Тифлис, 1961, №9, 24-февраля, стр. 3.

Джавахишвили¹. Председателем Общества становится известный грузинский предприниматель и крупный землевладелец Григорий Диасамидзе². В адресованном ему письме Туманяна, написанном 20-24 октября, говорится:

“Дорогой Григорий Николаевич!

Только наука, литература и искусство способны заполнить ту бездну, которая разделяет народы, и только они могут создать лучшую жизнь будущего и настоящего человека. И поэтому Вам должна быть понятна моя радость, когда я узнал об открытии грузинского университета.

Я с восхищением представляю гордого и честного грузина, который получит своё высшее образование на родном языке” (10, 279-280). Туманян посылает также “свой скромный вклад” – 100 рублей и выражает надежду, что эта сумма “возможно, станет одним кирпичом в большом здании грузинской культуры, стоящей на пути своего расцвета” (10, 280)³.

Поздравительное письмо Туманяна было зачитано на заседании правления “Общества Грузинского Университета”, и было принято решение написать ответное письмо с сердечной благодарностью. Правление отметило, что в письме Туманяна нашли выражение искренняя радость и восхищение всего армянского народа. В ответном письме, написанном 25-го октября, говорится:

“Милостивый Государь Ованес Татевосович,

Правление Общества Грузинского Университета с большим нравственным для себя удовлетворением выслушало Ваше письмо, адресованное Григорию Николаевичу Диасамидзе, по поводу учреждения Грузинского Университета.

Выраженные Вами чувства симпатии к грузинскому народу и к вновь зарождающемуся очагу высшего национального образования в Грузии, - нашли живейший отклик в сердцах членов Правления Общества.

В глубоко прочувствованных словах Ваших, как лучшего сына своей родины и талантливого выразителя её дум и чувств, мы видим ласку и привет всего армянского народа, - тысячелетия добрососедски живущего бок о бок с грузинским народом и находящегося с ним в постоянном взаимодействии на почве культурного развития и духовного совершенствования.

Пережив прекрасные чувства, вызванные Вашим приветом, мы не можем не повторить Ваших глубоко знаменательных слов: “Только наука,

¹ Джавахишвили Иван Александрович (11 апреля 1876 - 18 ноября 1940) – грузинский историк, академик Академии наук СССР (1939), основатель Тбилисского университета, который носит его имя.

² Григорий Николаевич Диасамидзе (1870–1960) – крупный грузинский землевладелец; вместе с шестью братьями и сестрой владел в Горийском уезде 1855 десятинами земли; вел лесное хозяйство. Умер в США.

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N2145. Отрывок из этого письма опубликован также в газете “Оризон”, 1917, N223, 9-го ноября.

литература и искусство заполняют пропасть, разделяющую народы, и лишь они создадут лучшую жизнь истинного человека".

Примите искреннюю признательность всего состава Правления Общества Грузинского Университета и лично мою за сердечный привет Ваш и пожертвование - в пользу Грузинского Университета.

Кн. Конст. Абхизи"¹.

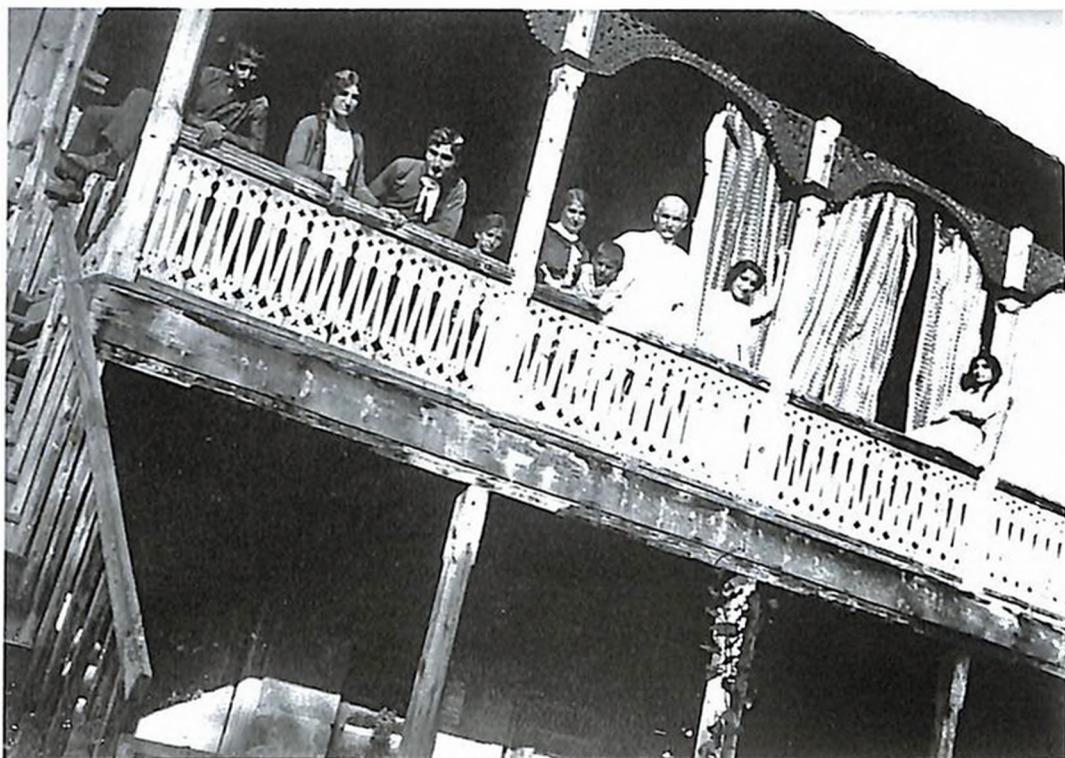
Первое заседание правления Общества Айказян, которое Туманян созвал после своего возвращения из Пятигорска, состоялось 28-го октября 1917 г. На этом заседании в Общество Айказян были приняты все лица, которые сообщили поэту в Пятигорске о своём желании стать его членами и принимать участие в его деятельности. Ещё в Пятигорске поэт убедился, что число желающих помогать Обществу в среде проживающих вдали от родины значительно возросло, и поэтому на этом заседании он предложил составить новое циркулярное воззвание и распространить его во всех армянонаселённых местностях. На заседании обсуждалось предложение некоторых преподавателей о переносе открытия университета на более поздний срок, чтобы у них была возможность повысить свою квалификацию и освежить свои знания. Туманян представил Ашота Иоаннисяна в качестве молодого и перспективного историка, во время личных бесед и переговоров с которым он имел возможность убедиться, что "Иоаннисян также является молодым пополнением и заслуживает содействия нашего Общества"². Поэта особенно заинтересовали собранные и опубликованные Ашотом Иоаннисяном материалы об Израеле Ори, а также труд о Давид-Беке. В своём выступлении Туманян в очередной раз подчеркнул, что задачей Общества является не только обработка и исследование арменоведческих материалов, но и их распространение, популяризация и пропаганда.

На заседании 28-го октября был избран совет из восьми членов, которому предстояло избрать преподавателей университета и членов академии³. Туманян также вошёл в состав совета вместе с Л.Шантом, Н.Агбальяном, М.Абегяном, С.Тиграняном и Ст.Лисицианом.

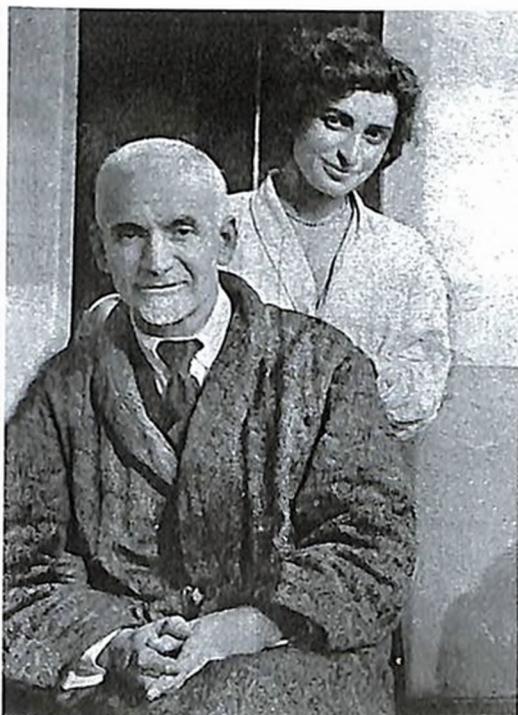
¹ См. Закаре Кикнадзе, "Ованес Туманян и Тифлисский университет", "Гракан терт", Тифлис, 1961, №9, 24-февраля, стр. 3.

² Музей Ов. Туманяна, Новые материалы, л. 39.

³ Члены академии избирались пожизненно; члены могли быть почётными, свободными и действительными. Последние были обязаны в течение года представить и прочитать два доклада: один в рамках собственных арменоведческих исследований, второй - о деятельности другого учёного-арменоведа. На заседании 30-го октября действительными членами были избраны Рачия Ачарян (языкознание), Смбаг Тер-Аветикян (историография), Манук Абегян и Акоп Манандян (филология), Сиракан Тигранян (этнография и право) и другие. Они должны были получать ежегодное пособие. Почётными членами были избраны Николай Марр и Никогойос Адонц. Свободные члены не получали

Семья Туманяна в Дзахвере – слева направо: Арег, Арпик, Амлик, Седа, Ольга, Тамар, Ов. Туманян, Нвард, Ануш, 1914

Ов.Туманян с дочерью Нвард
1919, Тифлис

Артавазд Туманян – 1916

Семейное фото: слева направо в первом ряду: Арпик, Ов.Туманян, Седа, Ашхен, Ольга Туманян, Тamar, Ануш, второй ряд: Артавазд, Нвард, Арег, Мушег, Амлик, Тифлис, 1915

Ов.Туманян и О.Хунунц у ворот Вана, 1915

На заседании 3-го ноября вновь председательствовал Ов.Туманян. Были избраны семь действительных членов Отделения литературы. Это были Ов.Туманян, Ав.Исаакян, Ав.Агаронян, Л.Шант, И.Иоаннисян, Ширванзаде, Лео. В Отделении искусства были избраны Комитас и Егише Тадевосян. Торос Тораманян был избран свободным членом, и сразу же было решено оказать ему материальную помощь, чтобы дать ему возможность продолжать свои архитектурные исследования. Н.Агбалиану и А.Иоаннисяну предоставлялась денежная помощь для повышения квалификации и чтения лекций. В состав академии выдвигались только те учёные, которые проживали на территории Кавказа. Исключение было сделано только для Комитаса и Ав.Исаакяна.

На заседании совета 5-го ноября с докладом снова выступил Ов.Туманян. На этот раз он говорил об отличительных свойствах и особенностях армянской академии. По мнению поэта, она должна была отличаться от академий европейских стран тем, что должна была включать в свой состав не только авторитетных учёных, но и тех, которые способны развивать науку. Туманян в своём выступлении сказал: “Наша академия будет не академией славы, а таким учреждением, которое будет давать средства и удобства учёным, занимающимся в нашей действительности разработкой разных направлений арменоведения, чтобы они имели возможность посвятить любимому занятию всё своё время и все свои силы”¹.

По убеждению поэта, национальная армянская академия должна была быть действующей организацией и в ней не должны были быть “неструдовые должности”.

Когда предлагается кандидатура Ов.Туманяна для избрания действительным членом, поэт высказывается против. Однако его самоотвод не принимается, и тогда он выступает с заявлением. Приводим текст этого заявления полностью.

“Уважаемому правлению Общества Айказян
от члена правления Ованеса Туманяна
Заявление

На заседаниях совета Общества Айказян при составлении списка кандидатов в члены академии Айказян, когда я по тем или иным причинам попросил, чтобы моё имя было снято из списка, члены совета не согласились, возражая, что, включая имена армянских поэтов, они не могут пропустить моё имя. Тогда я согласился с одним условием, чтобы моё имя было вписано без денежного пособия.

Сейчас я прошу уважаемое правление прикрепить это моё заявление к протоколу совета и отметить, что моё имя вписано без денежного

пособий, однако для них были предусмотрены денежные вознаграждения за конкретную научно-исследовательскую работу. На том же заседании совета, 30-го октября, почётными членами академии были избраны Н. Адонц и Н. Марр.

¹ Музей Ов.Туманяна, Новые материалы, л. 39.

пособия, и не ставить этот вопрос на обсуждение и не делать его предметом дискуссий.

Ованес Туманян,
5-го ноября 1917
Тифлис" (10, 280-281).

Таким образом, Ованес Туманян в категоричной форме отказался от ежегодного пособия в 6000 рублей. Правление согласилось также с просьбой отложить выдвижение кандидатов среди писателей, поскольку их было неизмеримо больше, чем учёных.

Деятельность Ованеса Туманяна, направленная на создание национальной армянской академии наук и армянского университета в годы Первой мировой войны, — деятельность, на которую были направлены его огромные усилия, — также была своеобразным гражданским и человеческим подвигом.

Примечательно, что именно в годы империалистической войны, в частности, в 1916-1917 гг., Туманян со всей настойчивостью и серьёзностью поднял эту задачу, и пусть всего лишь на короткое время, но всё-таки преуспел в своём начинании.

КРИК О ПОМОЩИ, ОСТАВШИЙСЯ НЕУСЛЫШАНЫМ

В 1918 г. борьба за существование Армении и армянского народа перешла рубежи Восточной Армении и решалась в Араратской стране. В декабре 1917 г. в Брест-Литовске начались переговоры между державами Четверного союза и Советской Россией. Обсуждались также вопросы, связанные с территорией Армении. 3-го февраля 1918 г. Советская Россия приняла все условия, предъявленные Четверным союзом. Согласно заключённому договору Россия обязывалась в срок не позднее восьми недель вывести войска из занятых территорий, расформировать отряды, состоявшие из воинов-армян, вернуть в юрисдикцию Турции Западную Армению, Карсскую область и Сарикамышский район. Ни одну из европейских стран совершенно не интересовало, кто должен защищать освобождённые территории Западной Армении и спасти последние осколки армянского населения, чудом спасшегося от массовой резни, от геноцида. Вывести войска из занятых территорий и расформировать армянские вооружённые отряды означало не только потерять всю Западную Армению, но и поставить под удар Восточную Армению. Политические силы Закавказья, отказавшись признать большевистскую советизированную Россию, в ноябре 1917 г. создали новую краевую власть — Закавказский комиссариат, а 10-го февраля 1918 г. — Закавказский Сейм (высший законодательный орган), который в самые короткие сроки проявил преступное и даже

предательское равнодушие к судьбам армянского народа. Уже через полтора месяца, 28-го марта 1918, Закавказский Сейм был ликвидирован, и тем самым была расформирована Закавказская Республика. В тот же самый день Грузия провозгласила свою независимость, на следующий день заявил о своей независимости Азербайджан, а ещё через день, 28-го мая, функционировавший в Тифлисе Армянский Национальный совет принял декларацию о независимости Армении. Но одно дело – провозгласить независимость, и совсем другое дело – удержать, защитить, отстаивать эту самую независимость. Сделать это в тех историко-политических условиях было чрезвычайно трудно.

На Кавказском фронте в период завершения войны армянские вооружённые силы остались в одиночестве перед явно превосходящей их численностью и вооружением турецкой армией. К тому же турецкой регулярной армии помогали вооружённые турецкие, курдские разбойничьи банды и примкнувшие к ним отряды так называемых “кавказских татар”, которые вскоре станут гордо именовать себя азербайджанцами.

Силы были не равны. 10-го апреля турки заняли Сарикамыш, затем, 12-го апреля, - Карс.

Во время мирных переговоров в Батуми турки потребовали передать в их распоряжение железную дорогу Карс-Александрополь-Джульфа. В ночь с 14-го на 15-е мая турки в ультимативной форме потребовали, чтобы армяне в течение трёх часов сдали Александрополь и чтобы армянские войска отошли на двадцать пять километров от города. Первое в мае 1918 г. серьёзное сопротивление турецкой регулярной армии было оказано в Джавахке и Шираке. Турки хотели занять Ахалцих, однако им это не удалось. В мае армянские вооружённые силы одержали трудные победы в Джавахке, Шираке, Сардарапате, Баш-Апаране.

11-го ноября 1918 г. в 11 часов 11 минут было объявлено об окончании Первой мировой войны. Она унесла жизни десяти миллионов людей, с атласов мира исчезли четыре огромные империи, и несколько народов оказались на грани исчезновения.

Одной из самых больших жертв мировой войны оказался армянский народ. Он не только дал около трёх миллионов жертв, но и потерял свою историческую родину – Западную Армению. Но даже оказавшись в такой труднейшей ситуации, став жертвой первого в двадцатом столетии и самого массового и жестокого геноцида, потеряв всё и ничего не получив взамен, армянский народ продолжал самоотверженно сражаться за своё физическое выживание, за свою свободу и независимость.

И вот в роковом и судьбоносном 1918 г. в Тифлисе стали создаваться земляческие союзы, целью и задачей которых была организация самозащиты в провинциях, прекращение межнациональных столкновений, установление мира и согласия. По инициативе Ованеса Туманяна весной 1918 г. было принято решение о создании централизованной организации, которая могла бы объединить все отдельные земляческие союзы.

1-го марта 1918 г. состоялось объединённое собрание всех земляческих союзов, в котором приняли участие представители организаций Ахалциха, Ахалкалака, Гандзака, Старого Нахиджевана, Карабаха и Зангезура, Казах-Шамшадина. Открыл собрание и единогласно был избран его председателем Ованес Туманян. В своём выступлении он предложил объединить все силы и создать Союз армянских земляческих союзов, чтобы добиться положительных результатов. В этот день Туманян ещё оставался представителем Лорийского земляческого союза, но уже 6-го марта он единогласно был избран председателем новосозданного Союза армянских земляческих союзов. Заместителями председателя были избраны Аристакес Заргарян и Степан Малхасянц, а секретарём – Амазасп Амбарцумян. Таким образом, и в этой крупной общественной организации Туманян стал центральной фигурой.

Мы не ставим перед собой цели представить здесь в полном объёме деятельность Ованеса Туманяна в Союзе армянских земляческих союзов, хотя эта общественная организация была учреждена незадолго до окончания Первой мировой войны. Деятельность поэта в этом Союзе в одном лишь 1918 году настолько богата и насыщена событиями, что является предметом специального исследования. Здесь мы ограничимся только тем, что укажем: начиная с октября 1918 г. Туманян всячески и неоднократно подчёркивал важность, необходимость представления соответствующим международным инстанциям меморандума об огромном уроне, нанесённом армянскому народу во время Первой мировой войны. И сделать это, по мнению поэта, следовало от имени Союза армянских земляческих союзов. И поэт усиленно и настойчиво работал в этом направлении.

На заседании Союза земляческих союзов от 2-го ноября 1918 г. составление меморандума было поручено Ованесу Туманяну и Аршаку Джамаляну. 4-го и 5-го декабря, когда до поэта только-только дошла весть о трагической гибели сына Артавазда при возвращении из Вана, заседания Союза проходят на квартире поэта, и на них обсуждаются задачи изыскания денег для обеспечения безопасности мирного населения в армянских провинциях и для открытия сиротских приютов. Утверждается Исследовательское бюро (или комиссия) по установлению потерь армян в мировой войне¹, председателем которого был избран Ованес Туманян. Удивительно, но в то время никому и в голову не приходило, что убитый горем писатель (Туманян прочитал известие о гибели сына в газетах 3-го декабря 1918 г.) может оказаться не в состоянии заниматься общенациональными вопросами. И на него возложили новую, причём очень ответственную обязанность. Секретарём организации был избран Корюн Казарян, Лео стал заведующим историко-общественным отделом, Христофор Вермиш-

¹ О деятельности Исследовательской комиссии подробнее см.: Анушаван Закарян, «Ново-выявленные документы о деятельности возглавляемого Ов. Туманяном «Бюро по установлению потерь армянского народа в годы мировой войны», «Историко-филологический вестник», 2002, N2 (160), стр. 271-304.

янц¹ - заведующим экономическим отделом, Тигран Ованнисян – уголовно-следовательским отделом, генерал Александр Кулебякин² - военно-историческим отделом. На этот небольшой коллектив возлагалась ответственность за составление истории “Армянского вопроса”, а также за освещение роли и значения участия армянских вооружённых формирований в мировой войне. Они должны были также подсчитать и зарегистрировать потери армянского народа во время войны, выявить варварские, изуверские действия, истязания и убийства мирного коренного армянского населения во время Геноцида и насильственной депортации. Ответственность за составление меморандума возлагалась на Ов. Туманяна.

Приводим текст меморандума, который мы обнаружили в личном архиве дочери великого поэта – Нвард Туманян. Машинописный вариант текста был предоставлен нам младшей дочерью поэта – Тамар Туманян³.

Публикуемый документ – Обращение Центрального Совета армянских земляческих союзов к представителям союзных государств на Кавказе - был написан более девяноста лет назад, но и сегодня он – констатируем это с сожалением – не потерял своей актуальности. В отличие от «Воззвания к народам мира», этот документ значительно пространнее и известен только очень узкому кругу специалистов. Нужно ли его комментировать? Нужно ли предварять его кратким историческим экскурсом или предисловием? Думаем, что в этом нет необходимости. Он говорит сам за себя. Он напоминает нам о самом трагическом, самом страшном периоде в истории нашего народа.

Отметим только явное нарушение «жанра» - обычно обращения и воззвания имеют форму телеграммы. В определенном смысле это – крик души. Крик, оставшийся неслышанным. Далеко не наивные люди, подписавшие это Обращение, - Ованес Туманян и Амазасп Амбарцумян – просили представителей великих держав о милосердии, понимая, что в политике такого понятия не существует. Наша душевная доброта и благодушный настрой могут в очередной раз сыграть с нами злую шутку. И в этом смысле публикуемый документ – совсем не лишнее напоминание о прошлом. Заметим также, что обращение подписано 19 декабря 1918 г.,

¹ Вермишев (Вермишнянц) Христофор Аввакумович (1863 - 1933) - Издатель ряда газет в Баку и Батуми. Журналист, государственный и общественный деятель.

² Кулебякин Александр Парфентьевич (29.05.1870 - не ранее 1923) - Известный русский военачальник, терский казак, поэт и общественный деятель начала XX века, участник военных действий на Кавказском фронте первой мировой войны, в Западной Армении. Подробнее о деятельности Ал.Кулебякина см.: “Участие генерала Кулебякина в работе Бюро по установлению потерь армянского народа от всемирной войны”, “Айкакан банак” (“Армянская армия”), 2002, N1-2, стр. 155-161. См также: Анушаван Закарян, Александр Кулебякин и Армения. Ер., 2003.

³ Впервые мы частично опубликовали этот документ в материале “За преданность европейской культуре и союзным державам”, см.: газета “Голос Армении”, 2 февраля 2013 г. См. также нашу публикацию “Обращение Центрального Совета Армянских Земляческих союзов”, журнал “Историко-филологический вестник”, 2013, N1 (192), стр. 178-185.

ровно 16 дней спустя с того черного дня, когда Туманян из газет узнал о гибели своего сына Артавазда.

Приводим данный документ:

ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СОЮЗНЫХ ГОСУДАРСТВ НА КАВКАЗЕ

В знаменательный час заключения всемирной войны и подведения окончательного итога столкновения мировых держав, Центральный Совет Армянских Земляческих Союзов констатирует следующее: Армянский народ благодаря географическим условиям своей родины и неблагоприятно сложившемуся для него ходу истории, в течение многих столетий вел неравную борьбу за существование, и несмотря на это, не задумываясь, принял на свои слабые плечи непосильную тяжесть участия в гигантской войне наших дней, выставив все свои силы против коалиции государств Центральной Европы.

Находясь в дальней периферии военных действий Союзных держав, армянский народ со своими сравнительно небольшими силами очутился лицом к лицу с много раз превосходившим его врагом – Турцией, мало считающейся с элементарными правилами человеческого общества, выработанными культурой Европы.

В первый период войны, когда Россия еще не сложила оружия, армяне массами вливались в ряды русских войск и наравне с последними несли на себе все тяготы войны; помимо того, организовывая особые отряды добровольцев, они действовали под руководством русского высшего командования, оказав русской армии ценные услуги. По оставлении же Кавказского фронта русскими войсками армяне образовали национальные воинские части с целью продолжать дело союзников на этом фронте; однако, подавленные непомерно превосходящими силами врагов и ослабленные накинувшимися на них с тыла бандами кавказских татар, организованными и вооруженными эмиссарами Турции и ее союзников, армяне понесли колоссальные потери и дали делу союзников неисчислимые жертвы.

Турецкие регулярные войска, возбужденные фанатизмом, планомерно и фанатично выполняли поставленную ими преступную задачу уничтожения армянского народа. Действуя под руководством турецких офицеров, темные банды кавказских татар, движимые дикими инстинктами, предали страну нашу огню и мечу, беспощадно истребив все, что не успело скрыться с поля их зрения.

Вырезано и уничтожено не менее миллиона армян. Вся Турецкая Армения и большая часть Кавказской Армении превращена в пустыню. Выжжены города и села, предано грабежу все имущество армян тех районов, куда вступали турки и их союзники – кавказские мусульмане, и в

настоящее время, в торжественный час расплаты, Родина наша представляет собой печальную картину разрушения и смерти, а именно:

КАРССКАЯ ОБЛАСТЬ. – Ко времени прорыва турецкими войсками Сарикамышского фронта местным мусульманским населением Ардаганского и Ольтинского округов Карсской области под руководством турецких офицеров был отрезан путь отступления для армянского населения, и оно было перебито поголовно, за исключением одной тысячи детей и женщин, выпущенных впоследствии из Ардагана избитыми, изнасилованными, истленными, - в соседний Ахалкалакский уезд. Армяне же двух других – Карсского и Кагызманского – округов той же Карсской области большей частью успели бежать в город Карс, оставив на месте все свое имущество – хлеб в зерне и мукою, скот, инвентарь и домашние вещи. После сдачи Карса все беженцы в панике кинулись в направлении к Александрополю, но около станции Караяз организованными бандами мусульман они были ограблены до последней нитки. Бежав далее от Александрополя, большая часть этих несчастных перебита в дороге и в селении Б.Караклис.

АЛЕКСАНДРОПОЛЬ И УЕЗД. – Невзирая на условия Брест-Литовского мирного договора, турки внезапной бомбардировкой города Александрополя навели панику на его население, перешли в наступление по всей линии, предали огню и грабежу села и погнали население, обезумевшее от учиненных над ним зверств, в горные проходы и овраги Караклиса. Здесь турецкие регулярные части со своими союзниками – мусульманскими бандами совершили неопишуемые ужасы: изнасилование женщин и растление детей, массовое методическое истребление мужчин с подразделением их на категории, расстрел привязанных друг к другу сотнями мирных обывателей, - ужасы, кои не подлежат описанию. Из очевидцев сотни людей потеряли рассудок, не будучи в силах перенести эти зверства. Колодцы, ямы, овраги, реки полны и по сей день разложившимися трупами убитых. Из оставшегося на местах в Александропольском уезде населения, не успевшего бежать, свыше 10.000 молодых людей угнано вглубь Турецкой Армении, к Эрзеруму, где погибли они под пулями и ударами аскеров, от голода, холода и болезней. Из этих несчастных только несколько сот человек вернулись на родину. В какой степени в селениях Александропольского уезда и ближайших районов царил произвол и разгул – можно видеть из следующего: в селении Илли-Караклис из населения в 1500 человек осталось в живых лишь 200 человек. В этом районе изнасиловано и похищено не менее 5000 женщин и девушек, многие из которых отравились, будучи не в силах вынести позор и зверства, учиненные над ними; многие приняли ислам. Здесь же расстреляны тысячи мирных жителей, не принимавших никакого участия в военных действиях. Угнано более 50 тыс. голов крупного рогатого скота, 100 тыс. голов мелкого скота, 5 тыс. лошадей, увезено около 2,5 миллионов пуд. пшеницы, 1 мил. пуд. ячменя, ограблена вся мануфактура, ору-

дия, обстановка, домашний скарб, украшения, золото, серебро, деньги, преданы огню общественные и государственные строения, уничтожены сады, огороды, мельницы, вывезены оконные и дверные рамы и даже балки с крестьянских домов.

АХАЛКАЛАКСКИЙ УЕЗД. – Захватив Ахалкалакский уезд, турки перебили все оставшееся армянское население за исключением католиков-армян. Так, поголовно вырезано двухтысячное крестьянство селений Тагча и Хомрения, не успевшее бежать. Бежавшее же стотысячное население уезда оставило на месте свое имущество за малым исключением, угнав с собой лишь часть скота, и нашло приют в соседних районах – Бакуриани и Цалки, скоро превратившихся в сплошные кладбища для этих несчастных. Из 85 тыс. беженцев-армян этого уезда погибло в течение 5 месяцев более 40 тысяч человек. От болезней, холода и голода умирало ежедневно в среднем 300 человек. По официальным данным в августе месяце 1918 г. в Бакуриани обслуживались беженскими организациями 32 тыс. человек, а в ноябре – всего лишь 14 тыс., остальные 18 тыс. погибло. Из 2060 душ жителей селения Кандза за это время на Цалки погибло 720 человек, из 1700 душ сел. Ханчалы погибло 1150 чел., из 3250 душ селения Сатка погибло 2500 человек... Между тем эта голодная масса оставила в уезде более 2,5 миллионов пудов хлеба и зерна, около 8 миллионов пудов урожая, 15 тыс. ульев, большое количество фуража, земледельческих орудий, сельскохозяйственных продуктов и военного имущества, церковной утвари, старинных рукописей. Оставшееся у беженцев движимое имущество распродано спекулянтам разных национальностей за бесценок, а скот почти весь организованно угнан турками в Ахалкалакском уезде – бандами, совершавшими под руководством турецких офицеров и с участием аскеров систематические набеги на беженцев, причем угнанный скот, как это установлено очевидцами, поступал в распоряжение турецкого высшего командования в Ахалкалаки и Ахалцихе, как это имело место 12 июня, 19 июня и т.д.

ПАМБАКСКИЙ РАЙОН. – Из 28 армянских селений этого района уцелело только селение Амзачиман, куда турки не вступили, а другие 27 селений подверглись всем ужасам, учинённым турецко-татарскими войсками и бандами. Формы и виды зверств – известные, перебиты люди массами – привязанные друг к другу, расстреляны сотнями, изнасилованы женщины, дети... Турки своих жертв заставляли рыть могилы для себя и зарывали их живыми. В селении Кишлаг перебито 250 человек, в Парни – 150 человек, Безабдале – 200, и т.д. Уведены тысячи женщин и девушек в плен, ограблено все имущество Памбакских сел: скот, зерно, домашняя утварь, орудия, ковры, паласы¹, деньги, украшения, снята с женщин и

¹ Палас – (от перс. Пелас, тат. – палас), двусторонний безворсовый ковер, коврик; выполняется в технике ручного или машинного ткачества, а также в сочетании того и другого. Широко распространены украинские, молдавские, кавказские, среднеазиатские, болгарские, индийские и другие паласы. Размеры чаще всего встречаются шириной от 80–100

мужчин более или менее сносная одежда, книги из библиотек употреблены на топливо, - словом, район разгромлен дотла. Убийства, грабежи, изнасилование, пленение, принуждение к тяжким работам – продолжались систематически и за все время пребывания турок в Памбакском районе. Материальные убытки – миллионные.

ЛОРИЙСКИЙ РАЙОН. – Со сравнительно меньшей дикостью и варварством разграблен и разгромлен Лорийский район. Здесь также имели место убийства, изнасилование и увод женщин, растление детей, но массового характера эти преступления не принимали. Однако в имущественном отношении потери этого района также огромны: угнан скот, увезено зерно, картофель, капуста, уничтожены хозяйства, вывезено все, что может представлять какую-либо ценность: двери, оконные рамы и т.д. – все это вывезено на арбах местных армян, которые так и пропали бесследно со своими арбами и рабочим скотом...

НОВОБАЯЗЕТСКИЙ УЕЗД. – В Новобаязетском уезде, наименее пострадавшем, также имелись убытки: татарскими бандами, действовавшими под руководством турецких офицеров, в селениях Кирбулах, Тускулу и Загалу дали уничтоженными несколько сот хозяйств, причем, угнано на миллионы рогатого скота. Селение Басаргечах находилось в осаде 6 месяцев, вследствие чего там пало 5000 крупного и 10.000 мелкого скота.

КАРАБАХ И ЗАНГЕЗУР. – Карабах, обнимавший Дживанширский, Шушинский и Карягинский уезды с 200-тысячным армянским населением, не желая войти в состав Азербайджана, стать объектом действий турецко-татарских войск и банд, до самых последних времен отстаивал себя. Однако по взятии Баку пятитысячный турецкий отряд двинулся на Карабах, по пути разгромил целый ряд армянских сел, подвергнув население последних обычным турецко-татарским ужасам и заняв центр области – гор. Шуши, потребовал разоружения армянского населения рядом с вооруженными до зубов татарскими массами. Армяне, искушенные опытом своих сородичей других уездов, принуждены были взяться за оружие, дабы не стать жертвой дикого разгула турко-татар. Осажденные со всех сторон, карабахские армяне во многих местах дали уже массы жертв, которые погибли от голода. Турецкие войска стремятся ворваться внутрь этого края через Зангезурский уезд, также осажденный ими, но защищаемый отрядом генерала Андраника, ведущим с самого начала войны неравную борьбу с турко-татарами.

ЕЛИЗАВЕТПОЛЬ. – С декабря месяца 1917 г, в Елизаветполе начались частичные убийства армян и грабежи, принимавшие постепенно массовый характер, и наконец как город, так и весь район армянских

см, длиной от 3 до 15 метров и более. Паласы украшались вышивками, аппликациями и другими видами ручного декорирования. С развитием технологии окрашивания менялись и расцветки паласов.

селений были осаждены татарскими массами и бандами, руководимыми турецкими офицерами. Население в несколько десятков тысяч жило как бы в осажденном лагере в течение восьми месяцев. Все многомиллионное имущество армян, как то: хлопковый урожай и запасы, заводы, склады и т.д., оставшиеся в мусульманских частях или в районе действий последних, расхищено и присвоено. Всякое сношение армян с внешним миром прекращено, приостановлена торговля. Материальные убытки населения Елизаветполя и района составляют, таким образом, десятки миллионов рублей.

ШЕМАХА И ГЕКЧА. – Руководимые турецкими эмиссарами, в Шемахе местные татары свои неприязненные действия против русских и армян начали в марте. Они внезапно напали на казармы, перебили и разоружили русский гарнизон, состоящий из русских и армян. После этого по данному сигналу из селений двинулись татарские массы и начали резню как в городе, так и в уезде. Часть армян успела скрыться в соседних молоканских сёлах, население которых вместе с армянами бежало в Баку. Эти несчастные не избежали смерти и здесь: по взятии Баку турками они большею частью вырезаны поголовно. Все армянские селения в Шемахинском и Геокчайском уезде разгромлены и сровнены с землей, в том числе и большие, богатые села: Мадраса, Салиан, Керкеич и др. Та же участь постигла армян Геокчайского уезда: все женщины изнасилованы, а мужчины вырезаны. Все 11 армянских сел сровнены с землей. Незначительная часть армян скрылась в лесу близ селения Рушан, где татары и турки охотятся за ними, как за зверьми, вылавливают и убивают; те же, которым удается избежать судьбы затравленного зверя, погибают в лесу от голода, холода и эпидемических болезней.

НУХИНСКИЙ И АРЕШСКИЙ УЕЗДЫ. – Армянское население Нухинского и Арешского уездов, в числе 60 тыс., окруженное морем мусульманского населения, даже в мирное время имело сообщения с внешним миром, связанное с разбоями, грабежами и убийствами. Под руководством турецких офицеров в этих уездах началось избиение армян. Последние несколько раз подвергались ужасам резни и дикого разгула соседей, охвативших их тесным кольцом. В феврале 1918 г. разгромлено 16 селений, в конце июня того же года резня охватила более широкий район, и из 52 селений Арешского и Нухинского уездов временно уцелели в первом – лишь селения Бююк-Согутлы, Бела-Согутлы, Хошкашен, Дзирик и Тосик, а во втором – Варташен, Ниж, Джалут, Джарлу и Мирза-Беклы. Все эти якобы уцелевшие селения были обезоружены турецким командованием, причем им была обещана неприкосновенность жизни и имущества. Однако по окончании уборки хлеба в сентябре месяце все их имущество турко-татарами было отобрано, не успевшие бежать мужчины старше 12 лет вырезаны поголовно, а женщины и дети уведены в мест. Агдаш и более красивые из них отправлены в дар разным бекам и влиятельным лицам из мусульман. Организаторами изложенного называют

местного помещика Махезд бек Люфталибекова и теогешца Галжи Юсуфа, объявившего себя особоуполномоченным турецкого и адербейджанского правительства. Все движимое имущество армян 52 сел захвачено без остатка мусульманами, а в опустошенных селениях поселились лезгины. Часть армян, около 20 тыс., успела скрыться в соседние леса и горы, а часть достигла даже Дагестанской области, где доживает свои последние дни без всякой помощи. В этих уездах число погибших достигает 40 тыс. человек. Материальные убытки достигают сотен миллионов.

ОРДУБАТ-АКУЛИССКИЙ РАЙОН. – После Нахичеванских событий, сопровождавшихся резней и разрушениями и последовавших 5-6 июня сего 1918 года, турецкие воинские части двинулись в направлении Джульфы, а отсюда часть их направилась на Ордубат. Расположенное на этом пути большое армянское селение Аза, подвергшись нападению, оказалось разрушенным дотла. Татары окрестных сел, соединившись с регулярными турецкими частями, предали огню и мечу все селение, сожгли дома и постройки, разграбили и увезли все достояние армян, а самих жителей вырезали. Перебито более 150 человек, похищены женщины и девушки. Часть населения, чудом избегшая смерти, удалилась в горы. Селение Кахакик, населенное армянами, потерпело ту же участь: предварительно разгромив селения, ограбив дочиста армянское имущество, турко-татары занялись здесь кровавым, но обычным для себя, делом: вырезали мирных жителей, а женщин и девушек, в числе 35, увезли. Из последних впоследствии удалось спасти лишь нескольких, а остальная часть и поныне находится в плену. Здесь было вырезано не менее 100 человек. А те, которым удалось спасти себя бегством, частью погибли, частью же гибнут от голода, холода и эпидемических болезней.

Совершенно разгромлено богатое и благоустроенное армянское село Танакерт. Население, состоящее из 120 домов, убежало в горы, где погибает в ужасных условиях холода, голода и болезней. Вырезано все население Дисата. Бегством спаслись лишь 4-5, а взято в плен 9 человек.

Остальные армянские села данного района, находясь под властью турко-татар, испытывают все ужасы рабства и влачат жалкое существование. Здесь бывают случаи, когда для турецких офицеров или паши уводят армянок. Согласно последним сведениям, Халил бей осадил армянские села Парака, Бист, Ухна и Рамис, предъявил требование сдать оружие, угрожая в случае неисполнения подвергнуть их участи Аза. Понесенные этим районом материальные убытки исчисляются миллионами.

Таким образом, родина наша за преданность свою европейской культуре и Союзным державам, врагами последних обращена в пустыню. Миллион армян погибло за время войны, усеяв трупами своими беспредельные пространства от Эрзерума до знойной Месопотамии и степей южной России. Национальное достояние наше в течение столетий усидчивым трудом и ценою крайнего напряжения народной энергии накопленное, разгромлено, разрушено, уничтожено...

Но твердое сознание справедливости нашего дела и непоколебимая вера в конечную победу принципов культуры озаряли ярким светом крестный путь многострадального нашего народа, и ныне, в минуту победного торжества и союзников и устроения мира на новых началах, мы, Армянские Земляческие союзы, представляющие нашу провинцию и ее жителей, обращаемся к союзникам с нижеследующим:

Первое. Мы просим немедленно же освободить нашу Родину от воинских частей Оттоманского правительства и явных и тайных агентов последнего, продолжающих свое злое дело сеяния раздоров и смуты между нами и вековыми нашими соседями – трудовыми мусульманскими массами, пользуясь темнотой последних.

Второе. Принять действенные меры к срочному и безболезненному возвращению беженцев в родные места.

Третье. Принять экстренные меры к тому, чтобы отходящие турецкие войска и мусульманские банды не увозили с собой и не уничтожали наше уцелевшее имущество.

Четвертое. Принять меры к тому, чтобы немедленно же был наложен арест на имущество наше, уже вывезенное, где бы оно ни находилось – на станциях ли железных дорог, пристанях ли и других путях в Турцию и в частности – установить охрану по Эрзерумскому шоссе и на Батумской линии – для прекращения открытого разбоя.

Пятое. Предложить турецкому командованию и местным татарам, действующим под руководством последнего, снять осаду Карабаха, если таковая еще продолжается (Елисаветпольская губ.), освободить беженцев Геокчайского и Шамахинского уездов, запертых в лесах, и беженцев Нухинского и Арешского уездов, осажденных в горах и лесных дебрях.

Шестое. Установить по Закавказью свободу передвижения и обеспечить безопасность жизни армян и неприкосновенность имущества также и при их передвижении.

Седьмое. Установить порядок, которым было бы устранено влияние и давление турок и их агентов при решении внутренних вопросов между нами и соседними нам мусульманскими трудовыми массами .

Восьмое. До окончательного политического устроения нашей Родины на предстоящем всемирном конгрессе не отказать весьма срочно отпустить достаточные материальные средства – деньгами, продовольствием и земледельческими орудиями, для восстановления нашего трудового хозяйства, без чего истребление нашего народа будет продолжаться и далее, но только уже мирным путем.

Центральный Совет Армянских Земляческих Союзов, взяв на себя приятную обязанность возбуждения настоящего ходатайства перед представителями союзных держав, вполне уверен в благоприятном для армянского народа разрешении поставленных в сем вопросов, ибо оно вытекает из самого понятия о справедливости, культуре и необходимости

восстановления поправного права, к чему союзные державы так последовательно и планомерно шли по настоящий день.

Председатель Центрального Совета Армянских
Земляческих Союзов: Ованес Туманян
Секретарь Совета: Амазасп Амбарцумян
19 декабря 1918 года.
Гор. Тифлис. №83

“Я СВЯЗАН С НИМИ ТЫСЯЧАМИ НИТЕЙ...”

Все мои беды были из-за моей безотказности, я жертва безотказности.

Ов. Туманян

Параллельно росту популярности и всенародной известности Ованеса Туманяна в годы войны росла также армия просителей, которые обращались к поэту с самыми разными просьбами. Это, естественно, было обусловлено трудным военным временем и резко ухудшившимся социально-экономическим положением людей.

Выше мы уже говорили о том, что Туманян приобрёл славу “работодателя”, хотя сам поэт нигде официально не работал. И если таких просителей было более чем достаточно ещё до начала войны, то после войны их число увеличилось в несколько раз.

Приведём здесь всего несколько примеров, чтобы стало ясно, какому огромному моральному давлению подвергался вечно занятый, обременённый неисчислимыми заботами национальный поэт и общественный деятель. А просьбы эти были самые разнохарактерные.

Микаэл Аствацатрян¹ из Александрополя 17-го февраля 1915 г. посылает Туманяну с нарочным, каким-то стариком, письмо и просит, чтобы писатель лично либо через епископа Месропа обратился к наместнику царя, чтобы пасынка этого старика освободили от службы в армии, поскольку он является кормильцем и единственным работником семьи².

Школьный учитель Сурен Назанян из Александрополя, лишившись работы, 18-го февраля 1915 г. обратился к Туманяну с письмом, в котором просил, чтобы писатель ходатайствовал перед градоначальником Тифлиса Ал. Хатисяном, чтобы тот, в свою очередь, ходатайствовал перед градоначальником Александрополя о том, чтобы ему предоставили работу “помощника бухгалтера, экономиста или смотрителя” в Александропольской

¹ Микаэл Мкртычевич Аствацатрян (1878 – 1937, репрессирован и расстрелян) – педагог, журналист, провинциальный корреспондент.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, №952.

больнице на 3000 коск, которую намеревалось открыть Общество российских городов. Назаян при этом делал неловкую попытку оправдаться за причиняемое поэту беспокойство. Он пишет: “Я до этого уже обращался к Вам с несколькими просьбами, и не побеспокоил бы Вас снова, если бы мои дети не были лишены каких-либо средств для жизни. К тому же, я ведь не мог сказать каждому то, что только что сказал Вам. Вы поймёте меня и простите. В нынешние времена очень трудно обращаться с просьбой к каждому человеку. А Вас я не стесняюсь”¹.

5-го марта 1915 г. одноклассница поэта по школе в Джалалоглы Варсеник Геворгян² просит Туманяна устроить её родственника Арменака из села Одзун на какую-нибудь должность в консистории в Ереване. “Прошу тебя, точно зная, что Святой отец не откажет тебе в просьбе и ты, во имя нашей старой дружбы, не оставишь мою просьбу невыполненной...”

...Дело не в том, удастся или не удастся в обязательном порядке устроить этого господина, а в том, насколько ты уважишь мою единственную, возможно, последнюю просьбу, и я хотела бы, чтобы в веренице неисчислимых разочарований моей многострадальной жизни хотя бы этот заветный уголок остался незабываемым и устойчивым”³.

8-го апреля 1915 г. Арам Тер-Григорян⁴, не будучи в состоянии лично оказать материальную помощь своим родственникам, недавно окончившим гимназию, просит Туманяна, чтобы он привлёк Амбарцума Меликяна⁵ или какого-нибудь другого состоятельного человека для назначения им стипендий, чтобы они не уповали на своего бедного отца, занимающегося портняжным делом, и могли бы продолжать учёбу⁶. Чтобы стало до конца понятно, насколько затруднительной была эта просьба для Туманяна, отметим, что указываемый в письме богатый нефтепромышленник Амбарцум Меликян сам в это же время (в письме от 6-го мая 1915 г.) от имени издательства “Луйс” требовал у Туманяна погасить задолженность “20 рублей один долг и 209 руб. 28 коп. второй” до 1-го июня, в противном случае Издательское общество “Луйс” “будет вынуждено признать, что Вы отказываетесь быть пайщиком”⁷. Добавим к сказанному, что поэт в находился в столь стеснённом финансовом положении, что целый год тянул с выплатой этого долга.

Очень многие просители, прекрасно зная бедственное положение поэта, просили денег взаймы не лично у него, а просили достать эти

¹ Там же, N 1797.

² Геворгян Варсеник Тиграновна (1870 - 1944) – директор школы в Джалалоглы, дочь Тиграна Тер-Давтяна.

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1113.

⁴ Тер-Григорян Арам Сукиасович (21.05.1879 – 08.12.1925) – юрист, журналист, брат Ваана Терьяна.

⁵ Меликян (Микаэлян) Амбарцум (1861 - 1932) – нефтепромышленник, богатый филантроп, издатель газеты “Оризон”.

⁶ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N2182 (498/4).

⁷ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N 2118 (498/4).

деньги у других людей. 15-го апреля 1915 г. владелец типографии, арменовед Гют Аганян просит Туманяна помочь ему выкупить часть типографии на аукционе. “На 18-е число этого месяца назначена аукционная продажа части нашей типографии. Будьте добры достать денег, чтобы, добавив ещё немного, я мог остановить это дело”¹.

9-го мая 1915 г. Маргар Аветисян² из Олти попросил Туманяна обратиться к духовным властям, чтоб они посылали во фронтовые зоны знающих, подготовленных, “полезных” священников, поскольку необходимо даровать армянским бойцам “душевное утешение”. Он также просит поэта, чтобы его при содействии главного штаба перевели в армянские добровольческие отряды³.

7-го июня 1915 г. с просьбой о трудоустройстве к Туманяну обратился Арам Бекзадян⁴.

Царская цензура и российская государственная машина, введя запрет на свободу слова, в особенности относительно обстановки на фронтах войны, создавала определённые трудности и проблемы, подчас даже опасные ситуации для сотрудников, в частности, главных редакторов армянских периодических органов. Царила общая атмосфера страха. Даже в тех случаях, когда газета ещё не была подвергнута штрафу или закрыта, обеспокоенные сотрудники обращались к Туманяну с просьбой предотвратить возможные негативные последствия.

В бакинской газете “Арев” (номер 153 за 1915 г.) была опубликована статья под названием “Положение в Ване” за подписью “Вен”. Редактор газеты Арам Аракелян⁵ доверил дело сокращения и редактуры этой статьи делопроизводителю газеты Сейри. Последний по недосмотру и по небрежности пропустил статью в печать безо всяких изменений. В статье была растиражирована недопустимая для русской стороны информация – полная неприглядная правда о положении в городе Ван. Арам Аракелян в письме к Туманяну от 23-го сентября 1915 г. просит писателя в случае, если цензура в Тифлисе заметит что-то неладное и поднимется шум, сделать всё возможное, чтобы спасти газету “Арев” и его самого. Не на шутку перепугавшийся редактор пишет: “Здесь пока ещё ничего не сказали, но возможно, что цензор в Тифлисе обратит внимание и поднимет шум из-за этой глупости.

Очень и очень прошу тебя, никому ничего не говоря, проследи за этим...

Очень и очень прошу тебя, предприми все средства и, если начнётся дело, задуши его в самом начале. Сама корреспонденция ничего из себя не

¹ Там же, N 841 (485).

² Аветисян Маргар Мкртычевич (20.05.1880 - 1944) – писатель, педагог, переводчик.

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N964 (257 доп.).

⁴ Там же, N1047 (279 доп.).

⁵ Арам Аракелян (1870 - 1933) – один из товарищей Туманяна по гимназии Нерсисян, учитель, общественный деятель, журналист.

представляет, однако она может поднять большой шум: возможно, подумают, что мы специально совершаем нападки”¹. Опасения и беспокойство А.Аракеляна оказались небеспочвенными. По приказу генерала Вольского редакция газеты “Арев” была подвергнута штрафу в размере 1000 рублей, а в случае невыплаты штрафа редактора газеты ожидало тюремное заключение сроком на один месяц. 4-го октября 1915 г. Айк Тер-Микаэлян обратился телеграммой к Ал. Хатисяну, а редакция газеты “Арев” – к Самсону Арутюняну, упрашивая их аннулировать штрафные санкции или, по крайней мере, уменьшить размер штрафа. Не сумев добиться какого-либо результата, Арам Аракелян 9-го октября 1915 г. снова обратился за помощью к Туманяну: “Удивительное дело, что из-за какой-то глупой статьи власти нашей страны прибегли к столь суровому наказанию. Наверно, они думают, что если “Арев” издаётся в Баку, значит, восседает на мешках с золотом; что 1000 рублей штрафа – для газеты незначительная сумма.

Как бы то ни было, я убеждён, что ты постарайся закрыть этот вопрос как можно скорее, до понедельника...

Вся беда в том, что у нас нет свободных денег для выплаты, а садиться в тюрьму совсем не хочется, да и потом – из-за чего садиться?”².

Сотрудник бакинской газеты “Арев” Сейри 15-го мая 1916 г. попросил Туманяна послать его на месяц в Западную Армению, пусть даже на работу. Желание увидеть свою историческую родину у журналиста было очень велико, но средств на поездку он не имел. И он даже подсказал Туманяну обратиться с этим вопросом к доктору Агаджаняну³.

Туманян продолжал получать коллективные письма-заявления по самым разным вопросам, в самых разных областях общественной жизни. В этих письмах целые коллективы, а в отдельных случаях и руководители учреждений от имени своих коллективов обращались к поэту с просьбами поддержать работников той или иной переживающей экономической кризис и стоящей на грани полного разорения отрасли, поскольку и без того незавидное положение этих людей в годы войны и разрухи ещё больше ухудшилось. От имени коллектива ереванского филиала Кавказского объединения учителей и учительниц армянских школ председатель правления в письме-заявлении, датированном 25-м августа 1916 г., просит Туманяна “помочь армянским учителям выстоять в этой трудной борьбе” и сделать “очередной задачей своего глубоочтимого авторитета и выразительного пера решение проблем армянского учительства”⁴.

Заметим в этой связи, что Туманян в своих публицистических выступлениях неоднократно поднимал вопрос о положении армянских школ и повышении зарплаты учителей, причём нередко его публикации приводили к достижению конкретных результатов, в особенности в вопросе

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N928 (527).

² Там же, N 929 (528).

³ Там же, N 1978 (450).

⁴ Там же, N 1437.

увольнения учителей попечительскими советами на незаконных основах. Видимо, по этой причине и в трудное военное время учительские коллективы решили снова обратиться за помощью к Туманяну, прося поэта “стать защитником справедливого дела и чести учителя”, спасти “жизнь педагогов и умирающую армянскую школьную культуру”¹.

Если у кого-то возникало желание опубликовать статью или просто письмо о своих личных проблемах в “Оризоне”, то в качестве посредника вновь избирался Туманян, и это при том, что уже с последних месяцев 1911 г. он уже не являлся редактором этой газеты. Именно с такой просьбой обращается к поэту Арташес Эрибекян из города Ессентуки в своём письме от 12-го декабря 1916 г.²

К поэту с просьбами обращалось не только мирное населения тыла, но и солдаты с фронтовых полей, и даже военнопленные. Так, попавший в плен в Германии Наапет Мурадян попросил послать ему посылку с едой и одеждой³.

В годы войны значительно чаще, чем когда-либо, к Туманяну за помощью обращались писатели и деятели литературы и культуры. Отчасти это были просьбы сугубо профессионального, творческого характера, нередко затрагивались и общие вопросы о положении и правах писателей вообще, но, конечно, большая часть этих обращений носила личный характер и не имела никакого отношения к литературе.

Конечно, из-за войны и разрухи литературный фонд Кавказского общества армянских писателей был почти полностью опустошён. Каждый член Общества писателей остро нуждался в деньгах и стремился получать ежемесячное пособие или, на худой конец, разовую материальную помощь или хотя бы ссуду. За помощью к Туманяну обращались не только члены Общества писателей, но и писатели, журналисты или даже просто любители словесности из Западной Армении, нашедшие пристанище в Тифлисе. Нередко случалось и так, что писатели просили выдать пособие или ссуду для других нуждающихся лиц.

27-го января 1917 г. Забел Есяян попросила Туманяна помочь деньгами молодому литератору Левону Тютунджяну. “Предоставьте ему хотя бы 100 рублей... из заёмной суммы. Прошу Вас, чтобы сразу же, как только будет возможность, сделать распоряжение”⁴.

Письма-прошения, между тем, шли нескончаемым потоком. Каждый начинающий писатель, талантливый или бездарный литератор, деятель науки и культуры стремился заручиться поддержкой и опекой Туманяна, услышать его авторитетное обнадёживающее мнение, и не очень-то заботился о том, что обременённому общенациональными проблемами поэту

¹ Там же.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1168 (325 доп.).

³ “Оризон”, 1916, N271.

⁴ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1155 (617).

не хватает двадцати четырёх часов в сутки для того, чтобы успеть выполнить хотя бы небольшую часть самой необходимой и неотложной работы.

31-го марта 1916 г. Минас Берберян посылает Туманяну свой перевод и просит отредактировать, исправить “грамматические ошибки” и сообщить ему об имеющихся недостатках¹.

16-го мая 1916 г. Акоп Ханларян² из Гориса “с особенной радостью и большим удовольствием” послал Туманяну по почте сборник своих стихотворений, назвав Туманяна тем единственным человеком после своей матери, который тепло отозвался о первых его литературных опытах и который всегда “столь любезен” в своём отношении к начинающим поэтам. По его убеждению, душа Туманяна “уже сама по себе является поэтическим совершенством”³.

30-го ноября 1916 г. священник Григор Нждехян из Карса посылает поэту свой перевод сочинения курдского писателя Забил-Фроша и просит написать письменный отзыв, который помог бы ему опубликовать свой перевод⁴.

Некоторые из начинающих писателей считали своим долгом ознакомиться классика армянской литературы со своей подробной биографией, творческими планами, и всячески пытались привлечь писателя к своей творческой жизни, старались завести обстоятельный разговор о теории литературы, стихосложении и других основополагающих вопросах литературного мастерства.

Шестого мая 1917 г. Р.Абрамян из Абастумана пишет Туманяну: “В последнее время у меня возникло желание почаще бывать у Вас и узнать, между прочим, Ваше мнение о некоторых моих стихотворениях, образцы которых я Вам посылаю.... В армянском языке возможно не только традиционное стихосложение, так что отсутствие рифмы и ритмы было досадным недоразумением (Терьян не только не является исключением, как думают многие, но и его ритмические опыты значительно более примитивны, чем у других наших крупных поэтов. У меня есть исследование об этом)... Надеюсь, Вы простите меня за то, что я имею дерзость отнять существенную часть Вашего драгоценного времени...”⁵.

Таким образом, Ованес Туманян казался своим современникам одновременно и самым “могущественным”, и самым доступным поэтом эпохи. Он, словно магнит, притягивал к себе многих людей из самых разных уголков мира. Даже в тех случаях, когда у людей не было никакого конкретного дела или просьбы к писателю, они всё равно обращались к нему и просили помочь им советом, то есть просто хотели пообщаться с ним.

¹ Там же, N997 (212).

² Акоп Ханларян (1885 - 1966) – поэт, учитель.

³ МЛИ, ф. Туманяна, N1381 (346 доп.).

⁴ Там же, N1825 (417).

⁵ Там же, N780 (215 доп.).

27-го мая 1917 г. Товмас Саргисян из Тавриза просит Туманяна позволить ему хотя бы на отдалении быть рядом с ним, выслушивать его полезные и мудрые советы. “Уважаемый поэт Ов. Туманян, - пишет Т. Саргисян. – Уже давно я горю желанием общаться с вами с помощью писем. Я сам, будучи почитателем музыки, поэзии, сердечно желаю быть поближе к поэтам и титанам мысли. Меня очень инересуют жизни поэтов и писателей (подчёркнуто автором – С.О.). Независимо от себя самого, какая то сила подталкивает меня находиться в общении с такими личностями. Я хочу хотя бы в письме обмениваться с вами мыслями, поскольку нет возможности видеться и говорить лично. Прошу вас, если возможно, напишите мне письмо и дайте полезные советы. С нетерпением жду вашего полезного письма, которое должно принести мне большую радость и уверенность. Я хорошо знаком с вашей биографией, и моё священное стремление – быть поближе к вам”¹.

Что же делал Туманян в этом море писем-обращений? Сохранилось довольно большое количество документов, которые свидетельствуют, что поэт делал всё, что было в его возможностях, чтобы каким-либо образом помочь обращающимся к нему людям, решить их проблемы. Так, из письма Арама Аракеляна от 23-го сентября 1915 г. узнаём, что поэт обратился нему с просьбой устроить доктора Худабашяна на работу в бакинской больнице, но получил отказ. Некто Дастак, который должен был принять на работу рекомендуемого доктора, ответил, что не в состоянии удовлетворить просьбу поэта. “К сожалению, ничего сделать невозможно. С большой радостью и готовностью... выполнил бы просьбу, если бы это было возможно”². Причиной отказа были вынужденные сокращения, проводимые в больнице. Но даже если бы в больнице открылись новые вакансии, просьба поэта не была бы удовлетворена, поскольку “эта должность скорее должна быть предоставлена тем докторам, которые на протяжении нескольких лет безвозмездно трудились, ожидая удобного случая, чтобы получить должность”³.

Когда 15-го октября 1916 г. епископ Месроп Тер-Мовсисян ещё только добрался до Астрахани, его навещает посыльный Туманяна, над которым епископу надлежало осуществлять опеку. Епископ ещё находился в Баку, когда к нему от имени поэта обратился некий юрист Мирзоян Джаза-оглу. А епископ в тот же день со своим посыльным отправляет письмо Туманяну, в котором просит “прислать какую-нибудь примерную девушку”, чтобы та работала в открывающейся женской гимназии⁴.

Но даже если бы не сохранились и не дошли до нас эти и многочисленные другие свидетельства, уже одного внушительного числа просителей вполне достаточно, чтобы представить самый большой, пожалуй,

¹ Там же, N1976 (437).

² Там же, N928.

³ Там же.

⁴ Там же, 1738.

недостаток в характере писателя – его неумение никому ни в чём отказывать. В огромном потоке столь важных дел он откликнулся на любую просьбу любого просителя, а это отвлекало поэта, отнимало его бесценное время, мешало общественно-политическому и национальному деятелю и отцу большого многодетного семейства заниматься более важными делами.

В декабре 1916 г. в Тифлис приехал Ваан Терьян, где он встретился с Ованесом Туманяном. Терьян приехал на Кавказ по поводу призыва в армию; он собирался использовать это стечение обстоятельств и был намерен выступить с лекциями и поэтическими вечерами.

В Тифлисе дела у поэта сложились не совсем удачно. 7-го января 1917 г. в зале Тифлисской музыкальной школы состоялся доклад Мамбре Матенчяна¹ “Сиаманто и Ваан Терьян”. Терьян “с чёрными чётками в руках” появляется в зале в тот самый момент, когда докладчик даёт его стихам не совсем лестные характеристики. Поэт садится рядом с Нвард Туманян². В этот день на докладе присутствовала актриса Айкуи Гарагаш, которая в своих воспоминаниях пишет: “Матенчян пришёл и начал доклад, который продолжался около двух часов. С начала и до конца он уничтожал Терьяна. Считал его творчество лишённым искусства, не имеющим армянских корней, бессодержательным, фальшивым и обвинял молодёжь в её увлечении этими пустыми стихами. Одним словом, это было какое-то безудержное порицание Терьяна и его лирики.

Мы красшком глаза смотрели на Терьяна. Пальто было у него на плече, одним локтем он опирался на сиденье напротив, склонив голову на ладонь, молчал, вперив взгляд в землю. В такой позе он оставался на всём протяжении доклада. Когда доклад завершился, он встал, так же молча удалился.

Мы все были опечалены, нам было больно и обидно, и с этого дня мы ещё больше полюбили Терьяна”³.

Имеется высказывание Ов. Туманяна по поводу этого выступления Матенчяна. В тот же вечер, 7-го января 1917 г., Туманян выразил своё отношение к литературной критике тех лет. “В нашей среде, как правило, не умеют критиковать: берут лишь внешнюю сторону, внутрь не углубляются. Главным является дыхание писателя.

Критиковать, быть критиком – дело не из простых, это дано не каждому. Необходимо выявить достоинства писателя, подходить к нему с меркой этих достоинств и характеризовать его. О поэте нужно судить по

¹ Мамбре Матенчян (1880 - 1920) – литературный критик, педагог.

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 156.

³ Р.Ишханян, Терьян каким он был, Ер., 1990, стр. 34.

его удачным произведениям, по ним нужно осмысливать и оценивать его”¹.

12-го января газеты сообщили, что Ваан Терьян отправился из Тифлиса в Ереван по приглашению местного “Общества книголюбов”, чтобы выступить с лекциями².

Терьян приехал на Кавказ и с целью немного подлечиться. Однако главным для поэта, по мнению Симона Врацяна, было освободиться от службы в царской армии. Ваан Терьян приехал в Ереван с письмами Ованеса Туманяна и Степана Мамиконяна³, адресованными Николу Агбальяну. В своём письме Туманян ходатайствовал о включении Терьяна в списки армянских добровольческих формирований, чтобы таким образом освободить его от обязательной службы в царской армии. С. Врацян пишет: “Несколько дней поэт Ваан Терьян находился в Ереване. Приехал из Москвы, где его должны были призвать в армию. Он не хотел исполнять воинскую службу. Причиной была болезнь”⁴. И с какой стати Терьян должен был гореть желанием служить в царской армии, когда были сформированы добровольческие армянские отряды?

В Тифлисе Ованес Туманян посоветовал Терьяну записаться в армянские добровольческие отряды. И поскольку Добровольческий штаб перевёлся в Ереван, Терьян поехал туда, чтобы “что-нибудь предпринять”⁵.

Никол Агбальян, прочитав ходатайство Туманяна, сразу понял замысловатый манёвр своего друга. Туманян с пониманием и очень уважительно отнёсся к просьбе очень серьёзно и неизлечимо больного Терьяна и решил не подвергать его жизнь новой смертельной опасности, хотя освобождение кого бы то ни было от воинской обязанности было против его принципов и правил. Симон Врацян в своих воспоминаниях пишет: “Никол бросил мимолётный взгляд на принесённое Терьяном рекомендательное письмо Туманяна, свернул его, положил в карман и обратился ко мне.

- Знаешь, Симон, Ваан хочет записаться в добровольцы...

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 156.

² “Мшак”, 1917, N7, 12-го января, стр. 3.

³ Степан Мамиконян (1859 - 1921) – юрист, известный общественный деятель, издатель-публицист, член Армянского национального совета восточных армян (1917 г.).

⁴ Стефан Зорьян в своих воспоминаниях о Терьяне пишет: “Чухотка, которая свила гнездо у него в груди (и увела его в могилу), совершенно истощила его тело; вечерами его душил кашель, и он часами кашлял во всю силу своих лёгких. И даже в таком состоянии он не переставал думать о нашей литературе. Во время наших бесед какие надежды, какие планы он выдвигал!

- Вот закончится война, увидим, какая будет у нас литература. Начнём издавать избранные книги – оригинальные, переводные... обеспечим всех писателей и скажем: Иван Фаддеевич (речь об Ованесе Туманяне), садись и пиши “Тысячеголового соловья”, а ты, Иван Никитич (речь об Иоаннесе Иоаннисяне), садись и дай нам “Илиаду” и “Одиссею”. И так же другим...” См. Ст. Зорьян, Книга воспоминаний, Ер., 1958, стр. 206 (на арм. яз.).

⁵ С. Врацян, По дорогам жизни; лица, переживания, Бейрут, 1967, стр. 184 (на арм. яз.).

- Нет, - отрезал Терьян, - Ваан хочет освободиться от воинской службы... Не хочу быть бессмысленной жертвой...
- Оставляете эту честь нам? – заметил я.
- Оставьте её кому угодно, мне-то что? – рассердился он.
- Хорошо, хорошо, - сказал Никол, - фарисейство здесь не к месту. Что-нибудь сделаем, Ваан”¹.

Правнук В. Терьяна, литературовед Геворг Эмин-Терьян пишет: “Врацян обращается к этому эпизоду, чтобы дискредитировать В.Терьяна”². Конечно, С.Врацян в приведённом фрагменте воспоминаний представляет их беседу в несколько ироническом свете и тенденциозно, поскольку он, известный деятель партии АРФ “Дашнакцутюн”, писал в это время об убеждённом противнике дашнакской идеологии. И если бы не было ходатайства Ованеса Туманяна, то они могли бы и не пойти навстречу просьбе Терьяна. Но ни Симон Врацян, ни, тем более, друг Туманяна по “Вернатуну” Никол Агбалян не могли отказать ходатайству самого народного армянского поэта, тем более, что речь шла об очень больном и к тому же замечательном молодом поэте, который в свои тридцать два года уже был признанным классиком армянской литературы. Нет, они непременно должны были “что-нибудь предпринять”. И предприняли.

Для Ованеса Туманяна география решаемых деловых вопросов и задач также была довольно обширной и не ограничивалась одним лишь Тифлисом. Армянские писатели, встречаясь с разного рода трудностями и проблемами на огромной территории России, да и не только России, не задумываясь обращались за помощью к Туманяну. И как это ни удивительно даже в условиях безвластия, смуты и анархии, сложившейся в стране после Февральской революции, поэту время от времени удавалось решать задачи, которые многим, если не всем, казались просто невыполнимыми.

5-6 февраля 1917 г. В. Терьян поехал лечиться в Сухуми³, и там у него возникла конфликтная ситуация с руководством лечебницы. В 1917 г. Терьян ещё не был большевиком, поэтому его негодование и возмущение не следует приписывать партийной принадлежности, как это делалось в советские годы. Война всё ещё продолжалась; в лечебнице были не просто спартанские, а нечеловеческие условия: питание было очень плохое, к тому же даже этого плохого питания было чрезвычайно мало, и в допол-

¹ Там же, стр. 184.

² Геворг Эмин-Терьян, Ваан Терьян, Ер., 2014, стр. 203.

³ 11-го февраля Терьян уже был в Сухуми. Об этом свидетельствует его письмо к Нвард Туманяну. См. В. Терьян, Собр. соч., т. 4, стр. 305 (на арм. яз.).

нение ко всему всюду царил антисанитария¹. Терьян от имени всех пациентов лечебницы написал жалобу на директора Кошко и врача Шульца².

Пациенты санатория, находившегося вдали от города, высоко в горах, вынуждены были спускаться в город, чтобы прикупить еды и всего необходимого. Не все больные могли себе это позволить, тем более, что плата в лечебнице была довольно высокой. Терьяна больше всего выводило из себя не столько вызывающее и откровенно хамское поведение владелицы санатория госпожи Кошко, которая отреагировала на коллективную жалобу пациентов весьма своеобразно: “Кому не нравится, может убираться”, сколько поведение врача Шульца, который вёл себя откровенно нагло и вызывающе, нарушал все нормы и правила врачебной и общественной этики. Терьян считал его поведение “безобразным”.

Конфликт обострился настолько, что руководство санатория предъявило ультиматум двум пациентам, в том числе и Терьяну, обязав их покинуть лечебницу в ближайшее время. Оба “смутьяна” подозревались в организации “бунта на корабле” и в подстрекательстве пациентов к недовольству и протестам. Терьяну пригрозили, что в случае, если он не покинет санаторий незамедлительно, ему не будут выдавать питания и вышвырнут вещи из комнаты. Терьян пишет заявление, озаглавив его “Сухумская ловушка”, текст которого по политическим соображениям в советские годы не публиковался³.

17-го марта Терьян написал из сухумской лечебницы письмо Туманяну и сообщил, что собирается приехать через несколько дней в Тифлис. Однако его конфликт с директором и врачом Шульцем настолько обостряется, что он в отчаянии посылает Туманяну срочную телеграмму, в которой сообщает, что в лечебнице с ним обращаются очень плохо. “Покорнейше прошу председателя писателей через посредство тифлиских властей срочно обратиться к местным властям, дабы оградили меня от издевательств врача Шульца и содержательницы санатория. Не зная здесь никого, больной, я бессилен. Терьян”⁴.

Туманян сразу же обратился к русскому чиновнику по фамилии Либшиц, от которого вскоре пришёл ответ: “Отношения Терьяна налаживаются. Либшиц”⁵.

Таким образом, Туманяну удалось урегулировать конфликтную ситуацию, и В. Терьян остался в сухумской лечебнице до 30-го марта.

Неисчислимы письма-прошения, поступавшие на имя Ов. Туманяна, свидетельствуют о том, что армянский поэт пользовался в кругу

¹ Геворг Эмин-Терьян, ук. соч., стр. 237 (на арм. яз.).

² См. В. Терьян, Собр. соч., т. 4, стр. 444 (на арм. яз.).

³ Геворг Эмин-Терьян, ук. соч., стр. 235-241 (на арм. яз.).

⁴ См. В. Терьян, Собр. соч., т. 4, стр. 309 (на арм. яз.).

⁵ В. Партизун, Жизнеописание В.Терьяна, Ер., 1984, стр. 302 (на арм. яз.). См. Также: Геворг Эмин-Терьян, ук. соч., стр. 241 (на арм. яз.).

своих современников непререкаемым авторитетом и снискал славу человека большой, доброй и открытой души.

Таким образом, в годы Первой мировой войны к Туманяну с письмами-заявлениями и самыми разнохарактерными просьбами обращались не только его собратья по перу, но и известные национальные и общественные деятели, близкие и далёкие родственники, знакомые и соседи, даже совершенно незнакомые люди, которым просто очень хотелось пообщаться, сообщить о себе и своих жизненных неурядицах, заботах и проблемах самому известному, самому великому армянскому поэту, самой центральной фигуре в армянской литературе и общественной жизни. Невозможно даже приблизительно пересчитать всех людей, которые причиняли беспокойство поэту своими важными и не столь уж важными личными проблемами. И больше всех других в этом был виноват сам поэт, который не умел никому и ни в чём отказывать, шёл навстречу каждому, не задумываясь покидал свой рабочий стол, срывался со своего места, чтобы помочь очередному просителю. Он не умел беречь себя, жалеть себя. Он не умел беречь своё бесценное время, свои и без того скудные средства и возможности, свою жизненную энергию, свои нервы и силы, которые вовсе не были безграничными и неисчерпаемыми. Он сознавал, что эта черта его характера делает его уязвимым, подтачивает и изнашивает здоровье, отнимает весь потенциал жизненных сил и ресурсов и, в конечном счёте, мешает заниматься литературным творчеством — своей главной миссией в земной жизни.

Я жизнь свою не в светлый сад, а в площадь превратил.
Ту площадь кто хотел — топтал; цветов я не взрастил.
Бесследно промелькнул мой век... О, как я виноват
Пред тем, кто жизнь мне даровал — мой невзраченный сад!
(Пер. Н. Гребнева)¹

Да, поэт прекрасно видел и понимал всю губительность этой черты своего характера, но ничего не мог с собой поделать.

Как мог, я одарял людей, и оттого устал.
Я исцелял их от скорбей, и оттого устал.
И мне бы повстречать того, кто одаряет щедро,
Его искал я много дней, и оттого устал.
(Пер. Н. Гребнева)²

¹ Ов. Туманян, Избранное, М. "Худ. Лит.", 1988, стр. 356.

² Там же, стр. 354.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ТВОРЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В 1914-1918 гг.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ (1914-1918 гг.)

То, что Ованес Туманян с первых дней мировой войны с головой окунулся в общественную и национально-политическую жизнь, в литературном мире было принято не совсем однозначно. Лео писал: “Его можно было видеть повсюду, при выполнении разного рода миссий – со свойственной ему энергией и бодростью. Однако для его близких такое перевоплощение Туманяна вовсе не было желательно. При любых обстоятельствах он должен был быть с литературой, жить ею. В этом было его призвание, и он это прекрасно чувствовал, но не мог сопротивляться бурным течениям жизни. В этой слабости не было ничего хорошего”¹.

Конечно, частое отсутствие Туманяна не могло не ощущаться в литературной жизни, однако преисполненная самых неожиданных потрясений действительность нуждалась в действиях и зажигающих речах каждой сильной и авторитетной личности.

Примечательно, что в годы войны поэта приглашали выступить с лекциями во многих армянонаселённых местах, однако людей в первую очередь интересовали не вопросы литературы и культуры, а политическая ситуация, настоящее и ближайшее будущее их края, Армении и всего армянского народа. Сохранились многочисленные официальные приглашения из разных организаций Тифлиса, Баку, Нового Нахиджевана, Еревана, из многих других городов, в которых функционировали армянские комитеты².

Тем не менее, в годы Первой мировой войны и Геноцида Ованес Туманян по-прежнему не разлучался с литературой. Он активно занимался проблемами материального обеспечения писателей, их авторских прав, или, по его же выражению, “защитой литературы”; он также не оставлял без внимания вопросы распространения, популяризации и пропаганды армянской литературы, стараясь по достоинству представить её как армянскому, так и иноязычному читателю.

Оказавшемуся на грани гибели, физического истребления народу было необходимо заверить весь мир в том, что народ этот является создателем, творцом и наследником богатейшей культуры, что он наделён огромным творческим потенциалом, и следовательно, составляет неотъем-

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 97.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1385 (348 доп.).

лемую часть цивилизованного мира и хотя бы уже поэтому имеет право на жизнь.

Возможно, этот аргумент мог показаться очень наивным и ничего не означать для властей, однако для других народов, для творческой интеллигенции этих народов, это могло и должно было что-то означать. Во всяком случае, таким был подход и мировосприятие армянских деятелей культуры того времени. И в этом вопросе с ними были солидарны лучшие представители русской и грузинской интеллигенции.

18-го января 1916 г. Н.А.Гредескули в своей лекции “Россия и её народы” затронул вопросы истории армянского народа и отметил: “Армяне также являются культурным народом и имели свою серьёзную культуру. Они очень рано потеряли свою независимость, потому что, находясь на юге, часто подвергались набегам кочевых племён”¹. Русские писатели и деятели культуры в эти годы также задавались целью показать обществу, что армяне являются древней и культурной нацией; они публиковали на страницах своих периодических изданий произведения армянских писателей, составляли антологические сборники многовековой армянской литературы и т.д.

Лично к Туманяну поступало очень много предложений о сотрудничестве в новосозданных периодических изданиях из самых разных армянонаселённых российских городов, из армянских общин. В большинстве случаев писатель соглашался сотрудничать, однако нередко не укладывался в оговоренные сроки, либо просто не мог предоставить новые произведения с нетерпением ждущим редакциям этих газет и журналов.

23-го февраля 1916 г. редакция московского еженедельного журнала “Армянский вестник” в лице его редактора-издателя пишет Туманяну: “Милостивый Государь, Редакция “Армянского вестника” выражает Вам свою глубокую благодарность за согласие участвовать в журнале и просит выслать материал для одного из ближайших номеров”².

А в армянской действительности все без исключения газеты и журналы, в особенности все новосозданные периодические органы (независимо от места их издания) хотели видеть имя Ованеса Туманяна среди сотрудничающих с ними авторов. Примечательно, что армянские благотворительные общества в те годы занимались не только проблемами беженцев и сирот, но и учреждением новых периодических изданий. Так, Кавказское Армянское благотворительное общество основало еженедельник “Амбавабер” (“Вестник”), и 14-го мая 1916 г. от имени редакции к Туманяну обратился председатель правления Общества Самсон Арутюнян, попросив срочно прислать статью, поскольку ему хотелось включить в предстоящий номер только материалы “выдающихся писателей”³.

¹ “Оризон”, 1916, N19, 27-го января, стр. 3-4.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N 995 (265).

³ Там же, N1503 (375 доп.).

Осенью 1916 г. в Баку проводились подготовительные работы по созданию периодического издания “Горц” (“Дело”). От имени редакции переговоры с Туманяном вели Цолак Ханзадян¹ и Ерванд Тагняносян². 31-го октября 1916 г. они от имени редакции пишут Ов.Туманяну: “Дорогой поэт! Тот очень условный максимум, который назначен Правлением за Ваши сочинения, по нашему мнению, вовсе не будет достойной оценкой Вашей литературной работы, поэтому редакция журнала “Горц” очень рада, что имеет возможность выйти за пределы этого максимума и предложить Вам специальные “условия”, которые обязывают не Вас, а редакцию.

Назначив 600 руб. ежегодно (с этого ноября), мы пожелали защитить Ваши права по мере установленного нами максимума... если в конце года выяснится, что Вы написали больше, чем на 600 рублей. Тем самым наш максимум обернется для Вас минимумом... Мы убеждены, что сколько бы Вы ни написали, предложенные нами 600 руб. вознаграждения – это не много... Редакция журнала “Горц” сожалеет, что не имеет возможности сделать подобное предложение всем известным армянским авторам (исключение составляет Вы, Лео, Ав. Исаакян и В. Терьян).

Дорогой Ованес! ...Главная цель нашего предложения, сделанного Вам, заключается в том, чтобы наше “Дело” стало и Вашим делом. Мы знаем, что нельзя писать “по заказу”. Мы только просим Вас давать журналу “Горц” то, что Вы пожелаете; если по окончании года Вы нам ничего не дадите, или дадите очень мало, мы не предъявим Вам никаких претензий...” (подчёркнуто авторами письма – С.О.)³.

И действительно, осенью 1916 г. Туманян начинает сотрудничать с журналом “Горц”. Первым произведением, которое поэт предложил бакинскому периодическому журналу, была баллада “Комар и муравей”. Получив басню, Цолак Ханзадян 24-го сентября написал Туманяну: “Дорогой поэт! ...Выздоровливайте, и без того у нас хватает бед, и сообщите нам радостную весть о Вашем здоровье. Причиной моей нынешней радости является Ваша новая басня. Очень понравилась, я прочитал её в классе моим ученицам, они были в восторге...”

Я несказанно рад, что наш первый номер будет украшен Вашим дорогим именем. Желаю Вам здоровья и энергии – на радость каждому армянину”⁴.

Однако поэту не удаётся посылать свои произведения с такой частотой, с какой хотелось бы ему или редакции журнала. Он пообещал написать большую рецензию на книгу Рачия Ачаряна “Словарь диалектов

¹ Ханзадян Цолак Хоренович (23.03.1886 - 19.09.1935) – юрист, литературовед, публицист, критик, переводчик. Был одним из близких друзей Ваана Терьяна.

² Тагняносян Ерванд Фадеевич (1864 - 1948) - юрист, литературно-культурный и общественный деятель, один из организаторов армянского издательства в Баку.

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N 1371 (61).

⁴ Там же, N1368 (59).

армянского языка” – с тем, чтобы журнал публиковал её в нескольких номерах 1917 г.. Первая часть рецензии была опубликована в номере журнала за июль-август, но продолжения так и не последовало¹.

А. Чилингарян 4-го декабря 1917 г. послал Туманяну телеграмму следующего содержания: “Глубокоуважаемый товарищ Ованес! Просим поторопиться... Пожалуйста, будьте добры послать нам материалы для январского номера журнала “Горц”².

В годы мировой войны в журнале “Горц” были опубликованы следующие произведения Туманяна: статья “Словарь диалектов армянского языка”³, четверостишия “Как много скорби и могил в моём усталом сердце” и “Вернитесь...”⁴, басня “Комар и муравей”⁵, баллада “Шах и разносчик”⁶.

Туманяну поступало также очень много предложений от периодических изданий о сотрудничестве на безгонорарной основе, в благотворительных целях.

17-го декабря 1915 г. правление филиала Кавказского Александропольского союза учителей и учительниц армянских школ в лице председателя союза Тиграна Рашмачяна и редакции газеты “Гавары дзайн” (“Голос провинции”), с целью выпустить 26-го декабря благотворительный номер газеты в пользу учащихся-беженцев, обратилось к Туманяну с просьбой принять участие в этом благотворительном номере и прислать какое-нибудь стихотворение⁷.

23-го января 1915 г. редакция московской газеты “День печати” обращается к Туманяну с просьбой присоединиться к их благотворительной программе, сотрудничать с газетой, поскольку её доходы будут переданы пострадавшим от войны. В письме говорилось:

“Милостивый Государь!

Сотрудниками московских периодических изданий предполагается выпустить 9-го февраля с.г., взамен всех обычно выходящих в Москве газет, одну общую специально составленную на этот день газету под названием “День печати”, весь доход от которой предназначается в пользу жертв войны. Расходы по составлению, изданию и распространению этой однодневной газеты берут на себя соответствующие учреждения печати”⁸.

Это письмо было адресовано лично Туманяну, однако та же самая редакция также сочла необходимым публично обратиться к нему и

¹ См. “Горц”, Баку, 1917, N7-8, стр. 146-154.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, 1922(423).

³ См. “Горц”, Баку, 1917, N7-8, стр. 146-154.

⁴ Там же, 1917, N11-12, стр. 33, 35.

⁵ Там же, 1917, N1, стр. 104-106.

⁶ Там же, 1917, N9-10, стр. 5-7.

⁷ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, 1955 (186, 3-я оп.).

⁸ В состав редакционного совета газеты “День печати” входили: кн. М. Львов (председатель совета), Н.В. Давыдов, А. Дживелегов, И.А. Бунин, В.В. Вересаев, И.В. Жилкин, А.П. Жертваго, С.С. Расцкий, В. Фриче и другие. См. МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N 1143, (156 доп. сп.).

Аветису Агароняну и попросить их выразить своё отношение к войне. Ниже приводим сообщение об этом в периодике и ответ Туманяна редакции газеты, который публикуется впервые. Эта телеграмма Туманяна выпала из поля зрения составителей научного издания сочинений писателя и до сих пор не была известна туманяноведению.

“В Москве 9-го февраля должна увидеть свет газета под названием “День Печати”, редакция которой, составив анкету о войне, обратилась также к Ов.Туманяну, спросив его об отношении к нынешней войне и о значении войны для России. Ов. Туманян, получив приглашение с опозданием, ответил следующей телеграммой:

«Ужасная война свергнет узкий национализм и милитаризм. Прежде всего принесёт свободу сражающимся народам. Русский народ, дав свободу другим народам, свяжется с ними прочными узами дружбы. Россия обретёт могущество, идея мира станет чрезвычайно сильной. Европа потеряет значение всемирного центра”¹.

В этой телеграмме Туманян поднимает, озвучивает перед всей Россией стремление Восточной Армении к независимости. Он искренне желает, чтобы в этой империалистической войне победу одержала Россия и стала могущественной настолько, чтобы ей было по плечу выполнить свою историческую миссию и дать свободу и независимость угнетаемым народам.

Были и такие периодические издания, которые рассчитывали на помощь Туманяна в сборе материалов для своих авторских статей. Причём речь идёт не только о тифлиских изданиях. Так, сотрудник журнала “Уральская жизнь” Михаил Борисов 25-го марта 1916 г. пишет Туманяну:

“Милостивый Государь,

Интересуюсь для статьи материалами по истории армянской литературы и искусства вообще и театра, в частности. Беру смелость обратиться к Вам с покорнейшей просьбой не отказать сообщить, могу ли я найти эти материалы на русском языке?”².

4-го марта 1915 г. редакция московского двухнедельного периодического издания “Национальные проблемы” обратилась к Туманяну со следующим письмом:

“Милостивый Государь,

Прилагая программный проспект, редакция журнала “Национальные проблемы” обращается к Вам с просьбой принять участие в новом органе. Защита интересов угнетаемых национальностей, как основная задача журнала, и поддержка, обещанная “Национальным проблемам” целым рядом общественных деятелей, дают основание обратиться к Вам и рассчитывать на Ваше участие и поддержку.

Выражая уверенность в получении от Вас благожелательного отве-

¹ “Оризон”, 1915, N30, 8-го февраля, стр. 3.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N 1064 (83 доп.).

та, редакция “Национальных проблем” рассчитывает в своей работе при Вашем содействии держаться в строгом соответствии с лучшими заветами русской общественности и её благородных выразителей.

Примите выражение глубокого уважения и признательности. От имени редакции “Национальных проблем”

Заведующий редакцией С.Раецкий”¹.

Некоторые русские писатели, редакторы периодических изданий и литературные деятели, а также их армянские соратники и единомышленники старались привлечь Ованеса Туманяна к армянской общественной жизни в России. В Москве и Петербурге готовился к изданию русскоязычный сборник произведений современных армянских писателей под названием “Сборник армянской литературы”. На тот момент в состав редакционного совета в числе других входили Юрий Веселовский, Александр Цатурян. Самое активное участие в подготовке сборника принимали Ваан Терьян, Погос Макинцян и Карен Микаэлян. Сборник предполагалось издать осенью 1915 г.

15-го мая 1915 г. Карен Микаэлян пишет из Москвы Туманяну: “С целью ознакомления русской общественности с нашим духовным богатством и творческой мыслью мы намерены здесь издать несколько больших томов, в которых должны найти место блестящие жемчужины нашей литературы.

Для осуществления этой цели Московский армянский комитет передал в наше распоряжение 10.000 рублей.

Переводы должны быть выполнены лучшими русскими литературными силами. Даже прозаические сочинения должны быть отредактированы рукой известных прозаиков. Издание должно быть очень роскошным... Кроме нескольких стихотворений и легенд, из Ваших произведений мы намерены перевести также “Давид Сасунский” и “Гикор”. Первое из них – “Давида”, ршили дать перевести Бальмонту или Брюсову.

Настоящим просим Вас сделать свободный выбор из Ваших произведений.

Любое Ваше указание или пожелание с Вашей стороны мы выслушаем с радостью”².

К тому моменту, очевидно, предполагалось выпустить один сборник армянской литературы, куда вошли бы и поэзия, и проза. В дальнейшем было решено издать два антологического сборника: сборник «Поэзия Армении» под редакцией Валерия Брюсова вышел в свет в 1916 году в Москве, а редакторскую работу над «Сборником армянской литературы, куда вошли проза и драматургия (Петроград, 1916) взял на себя Максим

¹ Там же, N 1952 (178 доп. сп.). Письмо публикуется впервые.

² Там же, N 1764 (911).

Горький. Этот сборник был составлен Кареном Микаэляном и Вааном Терьяном.

В ноябре 1915 г. Ов. Туманян получил официальное письмо от петроградского книгоиздательства “Парус” – за подписью А.Н.Тихонова¹. В письме говорилось:

“Милостивый Государь!

В недалёком будущем книгоиздательство “Парус” имеет в виду выпустить в свет сборник армянских писателей, составленный г. Терьяном, под редакцией М.Горького.

Ввиду этого издательство обращается к Вам с просьбой разрешить поместить в сборник некоторые Ваши стихотворения.

Ответ Ваш благоволиите сообщить по адресу: Петроград, Большая Монетная, 18, кв. 4. К-ву “Парус”.

С почтением,
А. Тихонов”².

Карен Микаэлян вёл переговоры с Туманяном относительно публикации его произведений и в другой антологии – сборнике “Поэзия Армении”. В письме от 4-го декабря 1915 г. К. Микаэлян просит Туманяна выслать “самые удачные” свои фотографии, а если это возможно, то и фотографии Ав. Исаакяна тоже. Он сообщает, что сборник Брюсова “Поэзия Армении” уже готов и будет сдан в типографию 2-го января 1916 г. “Ваши произведения, - отмечает К.Микаэлян, - уже переведены – “Песня пахаря”, “Армянское горе”, “Голубиный скит”, “Сердце девы”. Переводится “Ануш” полностью.

Ваши замечания насчёт переводов из Кучака и Саят-Новы я сегодня слово в слово передал Брюсову. В ближайшие два дня отнесу газету и прочитаю при нём³. Он с радостью принимает каждое исправление и выслушивает каждое замечание. Его добросовестности в отношении начатого дела – нет предела. Однако, к сожалению, должен заметить, что ряд недостатков наш сборник, тем не менее, будет иметь, потому что мы продвигаем дело вперёд с большой поспешностью, стараясь завершить издание книги к настоящему моменту. Объём книги вместе с пространном предисловием Брюсова составит более трёхсот страниц”⁴.

Предпринимаются также попытки подключить Ованеса Туманяна к работе над другими антологиями армянской литературы, издаваемыми в России. От имени “Московской армянской комиссии” Сергей Мхитаров 27-го января 1916 г. пишет: “Высокопочтимый господин Ованес Туманян!

¹ Александр Николаевич Тихонов (псевдоним - Серебров) (20.10.1880 – 27.8.1956) - директор издательства “Парус”, ближайший помощник М.Горького.

² Там же, N1941.

³ Речь идёт о газете “Оризон”, N266 за 26-е ноября, в которой опубликована статья Туманяна “По поводу русских переводов Кучака Наапета и Саят-Новы”.

⁴ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1765 (912).

Переводной сборник армянской поэзии, издаваемый по инициативе нашего комитета, имеет один недостаток: в нём не представлены в достаточном объёме Патканян, Шахазиз, Алишан и поэты их периода, а также турецко-армянская поэзия.

Обращаясь к Вам как к компетентной личности, убедительно прошу отметить среди упомянутых стихотворений те, которые сочтёте удобными для перевода.

...Соизвольте ответить как можно скорее, чем очень обяжете”¹.

В Брюсовской антологии “Поэзия Армении” из произведений Ов. Туманяна были опубликованы “Ануш”, “Армянское горе”, “Капля мёда”, “Перевал”, “Сердце девы”, “Перед картиной Айвазовского”, “Песня пахаря”, «С горных высот стремится ручей...», «Экспромт», «Голубиный скит», а в составленный М.Горьким “Сборник армянской литературы” вошли “Ахтамар”, “Гикор”, “Лампада просветителя”, “Погос-Петрос” и другие произведения.

Произведения Туманяна были переведены Валерием Брюсовым, Вячеславом Ивановым, Константином Бальмонтом, Погосом Макинцяном, Владиславом Ходасевичем, Юрием Верховским.

В 1916 г. в кругах литераторов и армянской интеллигенции Баку и Тифлиса возникло желание серьёзно подготовиться и торжественно отметить 30-летие творческой жизни и литературной деятельности 47-летнего Ованеса Туманяна. Такое чествование поэта могло бы, ко всему прочему, облегчить его семейные заботы, улучшить материальное положение. Его баллада “Пёс и кот” была написана в 1886 г., но первым опубликованным произведением стала другая баллада: “Солнце и луна” (1887). И поскольку баллада “Пёс и кот” была опубликована позднее, только в 1892 г., то организаторы юбилейных мероприятий решили руководствоваться датой первой публикации и отметить юбилей в 1917 г. Об этом мы узнаём из письма Цолака Ханзадяна из Баку Туманяну от 7-го августа 1916 г.: “Дорогой поэт!.. В каком месяце и в какой газете было опубликовано Ваше первое стихотворение? Начало литературной деятельности следует отсчитывать с первого опубликованного произведения, не так ли?..

...Прошу дать определённый ответ – это очень необходимо”².

Несмотря на завуалированную и отвлечённую постановку вопроса, Туманяну нетрудно было догадаться, с какой целью у него выпытывают эти сведения. Поэт в общем высоко оценивал воодушевление, с которым народные массы отмечали юбилей своих любимых деятелей культуры и литературы. Он считал это ярким выражением любви к своему национальному достоянию, к своей культуре и литературе. Сам Туманян неоднократно организовывал юбилей или мероприятия по увековечению памяти выдающихся деятелей армянской и мировой культуры и литературы.

¹ Там же, N1777.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1363 (54).

Это были вечера, посвящённые Грибоедову, Льву Толстому, Лермонтову, Пушкину, Шекспиру, Сервантесу и другим. Чествовать, возвеличивать какого-либо писателя или деятеля культуры, по убеждению писателя, означало возвышаться и возвеличиваться вместе с ним. Однако каждый раз, когда очередь доходила до него, он резко и категорично высказывался против. В ответном письме Цолаку Ханзадяну, написанном 12-го августа, он спрашивает: “Но всё же интересно, для чего это тебе? Если собираешься затронуть вопрос юбилея, то должен предупредить тебя и сообщить, что я клятвенно пообещал своим товарищам-писателям никогда не отмечать юбилеи. Говорить сейчас об этом означает нанести мне большую боль, чего я, во всяком случае от тебя, не ожидаю. Тем более в такой год, когда и без того мы все переживаем столько потрясений, да ещё каких... Наконец, какой бы ни выдался год... Только бы не было шумихи” (10, 247).

Ц. Ханзадян, естественно, не разделял точку зрения поэта. 15-го августа 1916 г. он пишет: “Дорогой поэт! Причину моего любопытства Вы в общем-то поняли, однако только в общих чертах. У меня нет настроения и намерения устраивать “шумиху”, но трубить в трубу – это да... Я не собираюсь устраивать шумиху, нет у меня также цели выступить с определёнными юбилейными призывами, но если даже наднете мне на шею верёвку и станете душить, я не могу замалчивать тот факт, что наша поэзия сейчас должна не грустить или скорбеть, а ликовать, тысячекратно ликовать, потому что деятельности её величайшего, её лучшего представителя исполнилось тридцать лет” (подчёркнуто Ц.Ханзадяном – С.О.)¹.

Цолак Ханзадян продолжал настаивать, “докучать и надоедать”, пытаясь уточнить у поэта, какое из его произведений было опубликовано первым. 17-го августа 1916 г. он вновь обращается к Туманяну с просьбой дать достоверную информацию о своей первой публикации².

А в октябре Ц. Ханзадян попросил Туманяна послать одну из своих фотографий – вероятно, для использования во время чествования поэта, а впоследствии – чтобы держать у себя дома. В его письме от 3-го октября читаем: “Дорогой поэт!.. Я почувствовал сильное желание иметь фотографию обожаемого моего Пушкина над своим столом, с робостью приготовил на стене рамку (моя жена – ярая “пушкинистка”), и словно какое-то маленькое счастье вошло в мою комнатку. Я очень рад, но, заполучив Пушкина, почувствовал необходимость видеть рядом с ним Вашу фотографию, каждую секунду, каждый день...”³.

Поэзия Туманяна была настолько популярной, её настолько любили, что независимо от всяких юбилеев и чествований его повсюду прославляли и возвеличивали, его творческой деятельности повсеместно посвящали

¹ Там же, N1365 (56).

² Там же, N1366 (57).

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1369 (60).

литературные вечера и доклады. Одним из таких мероприятий был организованный в первые дни февраля 1916 г. Горийским кружком армянских книголюбов литературный вечер, во время которого только лекция о творчестве Туманяна продлилась более двух часов¹. А 24-го февраля состоялась лекция Акопа Соловяна о поэзии Туманяна².

С годами возрастал и интерес армянских и русских композиторов к художественному творчеству Туманяна. Начали инсценироваться музыкальные произведения, написанные на основе стихотворений, баллад и поэм поэта. В бакинском театре Маилян в годы войны с большим успехом шла опера “Пёс и кот”, музыку которой написал Саркис Мурадян³.

Когда в феврале 1916 г. поэт и переводчик Вячеслав Иванов прочитал композитору Гречанинову свой перевод поэмы “Ануш”⁴, последний сразу же вознамерился написать оперу и даже специально поехать в Армению – для изучения мелоса, музыкальных традиций армянского народа⁵.

В годы войны поэма “Ануш” вдохновляла и других композиторов. Так, Саркис Бархударян написал симфоническую поэму “Ануш”, которая “в своё время исполнялась в Тифлисе”⁶.

В первых числах декабря в Тифлис приехал композитор Александр Спендиарян, чтобы, как сообщали газеты, “познакомиться на месте с армянской и вообще восточной музыкой и написать оперу на текст поэмы Ов.Туманяна “Взятие крепости Тмук””⁷. 5-го декабря Спендиарян был в гостях у поэта. Дочь поэта Нвард пригласила также свою подругу Бемию Тер-Минасян, чтобы та исполнила армянские народные песни для композитора. В благодарность за красивое исполнение этих песен Туманян подарил девушке свою поэму “Взятие крепости Тмук”, надписав в книге: “Тмкабердской соловушке”. В книге расписался также Спендиарян⁸.

На следующий день, 6-го декабря, Ованес Туманян и Александр Спендиарян были гостями председателя правления Армянского Музыкального общества О.Тер-Давтяна, и здесь уже армянские народные песни звучали в профессиональном исполнении известных армянских исполнителей, певцов и певиц, а также народных певцов – ашугов⁹. А девятого декабря Туманян организовал литературно-музыкальный вечер в честь Спендиаряна в здании Тифлисской консерватории и выступил с вступительной речью. Поэт пригласил ансамбль Азири, в составе которого были известные исполнители песен Саят-Новы, чтобы лучше познакомить

¹ “Оризон”, 1916, N28, 6-го февраля., стр. 4.

² Там же, N42, 24-го февраля, стр. 3.

³ Там же, N275, 9-го декабря, стр. 4.

⁴ С. Гаспарян, “Туманян в музыке”, газета “Ерекоян Ереван”, 1969, 8-го июня.

⁵ “Оризон”, 1916, N43, 25-го февраля, стр. 3.

⁶ С. Гаспарян, “Туманян в музыке”, газета “Ерекоян Ереван”, 1969, 8-го июня.

⁷ “Оризон”, 1916, N274, 8-го декабря, стр. 3.

⁸ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 152.

⁹ Там же.

Спендиаряна с творчеством великого поэта-ашуга. Композитор пришёл на вечер не с пустыми руками. Он подарил литературному фонду Общества армянских писателей 300 рублей¹.

Вечер открылся приветственным словом Туманяна, обращённым к Спендиаряну. В своей речи поэт говорил о массовой резне армян в Западной Армении, о сотнях тысяч беженцев и сирот и о необратимых последствиях Геноцида, о его негативном воздействии на армянскую культуру. Он говорил о том, “как был перебит и разгромлен наш древний род, как далеко рассеялись и раскинулись его осколки и как извращены и искажены наши национальные духовные произведения” (7, 298). Эта встреча с Александром Спендиаряном стала прекрасным поводом, чтобы Туманян в афористической форме выразил свою большую любовь к музыке: “Музыка...– самое нежное и самое трудное, самое дорогое... самое тонкое и самое святое, самое ценное из всего того, что есть в мире и в жизни” (7, 298). Обращаясь к Спендиаряну, Туманян попытался определить общие и отличительные свойства и признаки поэзии и музыки. Он сказал: “Поэт только даёт форму своим мыслям и чувствам и своим вдохновением передаёт им живое дыхание, чтобы они жили вечно, однако чтобы поэзия летела, ей нужны крылья, а обрести крылья она может только в волшебном мире, который называется музыкой. Таким образом, вы приходите, чтобы дать крылья живым художественным произведениям армянских поэтов, чтобы они стали могучими и совершенными, волшебными сочинениями” (7, 298-299).

Как отмечают присутствовавшие на вечере зрители, “слова Туманяна потонули в громогласных аплодисментах”².

Вечере принял участие ашугский ансамбль “Саят-Нова” из восьми человек, который исполнял исключительно песни великого армянского поэта-ашуга. На вечере выступил также председатель Армянского музыкального общества Овсеп Тер-Давтян.

В тот вечер прозвучали также армянские и персидские народные песни. Среди исполнителей народных песен были Мушег Агаян (сын писателя Газароса Агаяна) и барышня Б. Тер-Минасян. Затем по просьбе присутствующих Спендиарян сыграл на фортепьяно свои сочинения, в том числе мелодии крымских татар в своей обработке. В тот вечер Александр Спендиарян записал несколько особенно понравившихся ему народных армянских мелодий³.

На следующий день уже Спендиарян приглашает Туманяна в гости к своему брату, юристу Ованесу Спендиаряну, где во время своего приезда остановился композитор. Почти все дни своего пребывания в Тифлисе Спендиарян проводил в общении с Туманяном. Композитору

¹ “Оризон”, 1916, N276, 11-декабря, стр. 3.

² “Оризон”, 1916, N279, 15-го декабря, стр. 4.

³ Там же.

очень понравилась баллада Туманяна “Парвана”, однако он считал, что её сюжет маловат для воплощения в оперу, и по этой причине отдал предпочтение поэме “Взятие крепости Тмук”, содержание которой для него слово в слово перевёл её автор. А композитор, в свою очередь, попросил поэта написать несколько новых песен для главного героя поэмы Татула, чтобы его роль стала богаче. Таким вот образом они, “сидя вдвоём, до поздней ночи делили поэму на сцены, очерчивали образы... Отец доставал книги из шкафов, читал отрывки и объяснял. Отец спокойно читал и переводил, а Спендиарян, потеряв покой, слушал и после каждого отрывка вставал с места”, - вспоминает Нвард Туманян¹.

В поэме Туманяна героиня не имеет имени. Объясняется это тем, что поэт руководствовался желанием придать обобщённый характер её образу и деяниям, представить её как явление. Однако у сценического искусства свои неукоснительные правила и законы, в музыкальном произведении необходимо было как-то к ней обращаться, а у Спендиаряна к тому времени уже, по-видимому, возникла идея назвать свою оперу именем героини поэмы. Туманян первоначально предложил назвать и героиню поэмы, и саму оперу “Гоар”, однако по музыкальным и фонетическим соображениям (поэта и композитора немного смущало соседство гласных) они остановили свой выбор на другом имени – “Алмаст”. Они решили, что следующим летом Туманян поедет в Крым, в Судак, где находилась летняя дача Спендиаряна, чтобы поработать над либретто. Но этому намерению, этим творческим планам не суждено было сбыться – и вновь из-за войны².

Дарование Ованеса Туманяна в сложнейший период войны и геноцида с одинаковой силой проявилось одновременно во всех областях общественной жизни – как в литературно-культурной, так и национально-политической.

Рассматривая историю создания Общества Айказян, мы затронули деятельность многих общественных и культурных организаций и объединений, появление которых было обусловлено пробуждением национального самосознания. Императивом и самым непосредственным проявлением духовного возрождения армянского народа стала деятельность Кавказского общества армянских писателей, которое было учреждено 3-го октября 1912 г. стараниями Ованеса Туманяна и бессменным и незамени-

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 154.

² Либретто для оперы в итоге написала крымская поэтесса Софья Парнок. См. “Ерекоян Ереван”, 1969, 8-го июня, стр. 4.

мым председателем которого поэт оставался вплоть до 1922 года¹.

Каждый раз во время новых выборов не выдвигалось ни одной иной кандидатуры, кроме Ованеса Туманяна, и поэт всегда избирался единогласно. И это – одно из тех редких явлений, когда полное единодушие имело место вовсе не из-за недостаточной демократичности общества, а являлось выражением доброй воли всех известных и авторитетных писателей и деятелей литературы тех лет. Достаточно было Туманяну по каким-либо причинам отсутствовать из города, как деятельность всех руководимых им общественных организаций замирала: не проводились заседания правлений, уже начатые дела временно замораживались. И только личной инициативой поэта было обусловлено то, что на протяжении почти целого десятилетия, когда происходили самые страшные и судьбоносные события в жизни армянского народа, Общество армянских писателей не только не свернуло, но и расширило сферу своей деятельности, стараясь откликаться на самые актуальные и животрепещущие проблемы народа и принимать самое активное участие в его борьбе за физическое выживание. И когда Туманян по причине своего резко ухудшившегося самочувствия отказался от должности председателя Общества, то оно просто прекратило своё существование.

Организуемые каждую неделю литературные вечера, беседы, литературные “суды”, лекции и доклады-обсуждения Общества армянских писателей формировали оживлённую атмосферу, в которой проявлялись новые принципы литературной критики, новые критерии оценки художественных произведений, новые теории, эстетические восприятия и подходы. Кроме того, своей организационной деятельностью Туманян добивался воспитания и повышения художественного вкуса среди самых широких слоёв народа, способствовал созданию серьёзной читающей общественности, что непременно должно было привести к повышению роли и авторитета литературы.

Особенно большую роль сыграл Туманян в деле популяризации и пропаганды литературы и возвышения литературного, писательского труда. Напомним, что самая большая активность поэта пришлась на годы, предшествовавшие Первой мировой войне.

На литературные мероприятия Общества армянских писателей в Тифлис специально приезжали представители интеллигенции из самых разных провинций. После литературных чтений, лекций и докладов начиналась “художественная часть”: звучали песни, музыка, выступали чтецы, давались небольшие представления, благодаря которым залы всегда были

¹ После отставки Туманяна в 1922 г. Общество официально просуществовало до 16-го апреля 1923 г. Подробнее об этом см.: Сусанна Ованесян, Туманян и Кавказское общество армянских писателей, Ер., 2007, изд-во НАН РА “Гитутюн” (на арм. яз.).

настолько переполнены, битком набиты, что от тесноты и духоты у зрителей нередко случались обмороки¹.

В годы мировой войны история деятельности Общества армянских писателей дополняет интересными фактами историю армяно-русских, армяно-французских, армяно-грузинских, армяно-английских, армяно-немецких, армяно-курдских, армяно-испанских литературных и культурных связей. Однако в эти годы Общество писателей более всего способствовало повышению национального самосознания армянского народа, причём делало это благодаря различным литературным и культурным мероприятиям, посвящённым древней, средневековой и новой армянской литературе и творчеству современных армянских писателей. Туманян выполнил данное им обещание: “Мы будем говорить, думать, размышлять о том, кто мы такие, откуда идём, куда направляемся, что имеем и чего не имеем” (6, 389).

Современники поэта признавали и констатировали, что Туманян этой своей просветительской и популяризаторской деятельностью, организовывая и проводя лекции и беседы, посвящённые классической литературе, лучшим деятелям мирового искусства минувших веков, поднимал национальное самосознание армянского народа, пробуждал любовь и заботу по отношению к собственной национальной культуре. “Армяне начинают узнавать себя, осознавать своё прошлое и настоящее”².

Накануне войны армянская литературная жизнь в Тифлисе кипела знаменательными событиями. Достаточно отметить открытие памятника Саят-Новы и многочисленные литературные мероприятия, посвящённые великому поэту-ашугу, а также организационные работы под руководством Туманяна. В начале 1914 г., в частности, в весенние месяцы, в обычном ритме продолжались литературные мероприятия Общества армянских писателей, на которых либо перед выступлениями лекторов и докладчиков, либо после них в обязательном порядке выступал председатель Общества Ов. Туманян, открывая вечер или обобщая его заключительным словом. Поэт выступал с трибуны на литературных лекциях и беседах на следующие темы: “Полемика в периодике” (2-го января 1914 г.), “Общая теория армянской архитектуры” (лекция Тороса Тораманяна, 23-го января 1914 г.), на 85-летию со дня смерти А.Грибоедова (церемония панихиды состоялась во дворе церкви Св. Давида 30-го января 1914 г.), на литературно-музыкальном вечере, посвящённом ашугскому искусству (30-го января 1914 г.), на обсуждении лекции Гаспара Ипекяна “Аршак Чопанян” (6-го февраля 1914 г.). Поэт принял участие в дискуссии, посвящённой творчеству Саят-Новы, роли литературной критики, призванию критика (14-го марта 1914 г.), выступил на лекции Никола Аг-

¹ Сусанна Ованесян, Туманян и Кавказское общество армянских писателей, Ер., 2007, изд-во НАН РА “Гитутюн”, стр. 98, 236 (на арм. яз.). См. также: “Оризон”, 1914, N119, 4-го июня, 1916, N226, 11-го октября, 1917, N48, 5-го марта и т.д.

² “Оризон”, 1914, N4.

баляна “Будущее армянской литературы” (20-го марта 1914 г.), на лекции Мамбре Матенчяна о драме Ширванзаде “Из-за чести” (10-го апреля 1914 г.), на диспуте, посвящённом творчеству Петроса Дуряна (17-го апреля 1914 г.). Самые страстные выступления поэта относились к вопросам развития армянского литературного языка. Такая горячая дискуссия завязалась на лекции Дереника Демирчяна “К вопросу об общенациональном литературном языке” (24-го апреля 1914 г.).

Ов. Туманян принимал активное участие и в других общественных и культурных мероприятиях, таких, как 25-летний юбилей педагогической деятельности учителя гимназии Нерсисян Исаака Арутюняна (20-е апреля 1914 г.), 35-летие сценической деятельности актёра Маттеоса Агаяна (22-го апреля 1914 г.) и т.д.

Поэт предпринимал также определённые шаги для культурного сближения народов. Он послал телеграмму с соболезнованием в Париж – по поводу смерти видного французского общественного деятеля Р. Пресансье (22-го января 1914 г.), старался укрепить армяно-грузинские литературные и культурные связи. Первым шагом, который он делает для того, чтобы познакомить армянскую, русскую и иноязычную общественность Тифлиса с прошлым и настоящим грузинской литературы, было приглашение М. Цулукидзе выступить с обзорной лекцией о грузинской литературе на одном из литературных вечеров Общества армянских писателей. Лекция эта состоялась 6-го марта 1914 г. Именно в этот день Туманян произнёс следующие слова: “Нет почвы более благородной и связи болсе прочной для тесного сближения и взаимопознания народов, для согласия, любви и уважения между народами, чем литература, в которой выражаются лучшие чувства народа, его национальный дух и гений” (7, 542).

Представители разных национальностей, собравшиеся в зале Армянского Благотворительного общества на лекцию Цулукидзе, приветствовали в его лице грузинскую литературу и грузинский народ. Обращаясь к слушателям, Туманян сказал: «И я, присоединяясь к вам, аплодирую лектору как представителю грузинского народа, содействующему укреплению разумной любви и уважения между братскими народами народами» (7, 542-543). Он заверил собравшихся в том, что «Общество армянских писателей и в дальнейшем будет устраивать вечера, посвященные грузинской литературе. И в будущем, все ближе и ближе знакомясь друг с другом, мы еще больше полюбим друг друга» (7, 543).

Туманян сдержал свое слово. 16 декабря 1916 года на очередном литературном «четверге» Общества с лекцией о грузинской литературе выступил Илья Накашидзе¹. От имени Общества армянских писателей

¹ Накашидзе Илья Петрович (1863 - 1923) - крупный общественный деятель и публицист, сотрудничал с Л.Н. Толстым в защите секты духоборов (отказывавшихся от военной службы); затем преподаватель университета в Тбилиси.

Туманян подарил ему сборник «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» под редакцией В. Брюсова, в котором, по словам председателя правления Общества, «обобщены душа нашего народа и самые дорогие наши чувства» (7, 299). С. Какабидзе также изъявил желание выступить с лекцией о поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», однако лекция эта по неизвестным причинам не состоялась (она была назначена на 27 января 1917 г.)¹.

Конечно, основной и первоочередной задачей Кавказского общества армянских писателей было всемерное содействие развитию армянской литературы, для чего необходимо было глубоко и всесторонне изучить историю армянского народа и традиции национальной литературы и искусства. Но именно ради сохранения национальной самобытности необходимо было проявить чуткое и заинтересованное отношение к культуре, искусству и литературе иных национальностей, изучать и пропагандировать их достижения. Организованные Кавказским обществом лекции о грузинской литературе стали фактически поводом для того, чтобы в день доклада И. Накашидзе многие грузинские писатели приняли решение периодически выступать на вечерах Общества армянских писателей и, в свою очередь, попросили правление Общества поручить армянским писателям и литературным критикам прочитать перед грузинской общественностью цикл лекций об армянской литературе на русском языке².

Очень высок был также интерес Кавказского общества армянских писателей к искусству и литературе соседнего Ирана, поскольку армянская и иранская литература и культура на протяжении многих веков находились в постоянных взаимных контактах и связях. 25 мая 1914 г. правление Общества организовало вечер, посвященный персидской литературе. На вечере присутствовали иранский консул Саяд-ул Мюлк, вице-консул Мирза Таги-хан и другие члены консульства. Узнав о намерении Общества армянских писателей организовать цикл лекций о персидской литературе, консульство с готовностью согласилось оказать необходимую помощь в этом достойном всяческого поощрения начинании. В полное распоряжение Общества были переданы персидские ученые-лекторы, чтецы, певцы, за что консульство удостоилось публичной благодарности Туманяна. В обсуждении лекции Эйнали Бек Султанова приняли активное участие и представители армянской творческой интеллигенции В. Агаронян, Т. Галаджян, С. Тараян и др., что, безусловно, свидетельствовало о большой осведомленности и интересе армянской общественности к персидской культуре. Были прочитаны лекции о средневековых персидских поэтах – Фирдуси, Хафизе, Низами, Саади, Омаре Хайяме, Джамии...

¹ Газета «Оризон», Тифлис, 1917, №15 (на арм. яз.).

² Газета «Баку», 1916, №282.

Круг интересов Общества Армянских Писателей был необычайно широк. На литературных вечерах и лекциях обсуждались произведения Шекспира и Байрона, Оскара Уайльда, Расина и Мольера, Гюго, Леконта де Лиля, Верлена, Мопассана и Анри Барбюса, Сервантеса, Шиллера, Шопенгауэра и Ницше, Толстого и Тургенева, Генрика Ибсена и Георга Брандеса...

Руководствуясь этим принципом, Туманян использует трибуну Общества армянских писателей для обсуждения творчества русских писателей.

В 10-е годы минувшего столетия общественность Тифлиса проявляла большой интерес к произведениям Ф.М.Достоевского. Осенью 1913 г. с лекцией о гениальном русском писателе выступил московский критик Л.Козловский. 1-го мая 1914 г. состоялась лекция В. Валадяна (Мкртыча Ванецяна)¹ о Достоевском. Докладчик рассматривал творчество писателя с точки зрения нравственно-этической проблематики его произведений. Докладчик подчеркнул, что основой нравственно-этического восприятия Достоевского является его этический дуализм, сочетание и органический сплав эгоизма и альтруизма. Анализируя образы героев Достоевского, он подчеркнул общность творческой индивидуальности писателя, дуалистической созвучности, совмещения принципиально различных и даже противоречивых начал, действующих в его духовном мире, а также в мире созданных им художественных образов. «За спиной героев Достоевского, - говорил В.Валадян, - стоит сам Достоевский. Ни один из героев, взятый отдельно, не похож на него. Но взятые вместе, похожи все. Достоевский не в силах быть Кирилловым, не может он быть и Зосимой»². Именно такой двойственностью объяснял докладчик трагические ситуации в произведениях великого русского писателя, драматизм в конфликтах и развязках, нравственные страдания и муки героев. В прениях по докладу выступили Никол Агбальян, А. Казарян и другие. Знакомясь с их выступлениями, сегодня можно обнаружить интересные параллели в восприятии человеческого совершенствования, в умении увидеть Бога в человеке и человека в Боге, которые нашли свое конгениальное отражение в поэме «Книга скорбных песнопений» великого армянского поэта X столетия Григора Нарекаци и романах Достоевского. У обоих писателей, отделенных друг от друга девятисотлетним временным пространством, Бог является не только объектом слепой веры, драматического поклонения, но и выражением эстетического идеала, таким живущим в сознании и мечтах человека совершенством, к которому можно только вечно стремиться, к

¹ В. Валадян (Мкртыч Акопович Ванецян) (1883, Тифлис – 1974, Бостон, США) – драматург, журналист.

² Газета «Оризон» 1914, №94 (на арм. яз.).

которому можно в лучшем случае приблизиться, но которого при всем желании нельзя достичь¹.

Кавказское общество организовывало вечера, посвященные не только литературам соседних народов, но и их истории, различным общественно-политическим вопросам, связанным с их жизнью и бытом. Так, 10 февраля 1913 г. историк Лео прочитал лекцию «Армяне и курды и их взаимоотношения». Лекция вызвала бурную полемику, выступавшие приводили много интересных фактов из жизни и истории курдов. Подводя итог прениям, Туманян сказал: «Когда я шел на этот вечер, я думал, что получу очень мало новых сведений о курдах, я лично знаю их мало, но теперь вижу, что очень многое прояснилось»².

Таким образом, в преддверии войны основным стержнем литературной, общественной и организационной деятельности Ов. Туманяна являлась задача переоценки национального культурного наследия с целью повышения национального самосознания армянского народа. И в этом отношении самым примечательным, самым важным и крупным культурным событием данного периода было открытие в Тифлисе 15-го мая - 1914 г. памятника великому поэту-ашугу восемнадцатого столетия Саят-Нове, а также последовательная и целенаправленная популяризация и распространение его творчества не только в Тифлисе, но и среди всего армянского народа.

САЯТ-НОВА В ЖИЗНИ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА

Не затрагивая всохватную и многогранную довоенную деятельность Ованеса Туманяна, направленную на популяризацию и пропаганду творчества Саят-Новы, скажем только, что большая любовь Туманяна к

¹ Параллель Нарекаци – Достоевский впервые провёл в армянском литературоведении Левон Мкртчян в послесловии к изданной им в 1969 г. на русском языке книге, где были помещены шесть глав из поэмы «Книга скорбных песнопений» в переводе Наума Гребнева. «Из писателей нового времени, - писал Л. Мкртчян, - к Григору Нарекаци близок, как мне думается, Достоевский, близок своими страданиями, израненностью своей души, поисками правды и самобичеванием, самораспятием. ...При всей огромной разнице во времени, при разнице тем и сюжетов общие черты у Нарекаци и Достоевского сказываются не в случайном, а в том, что, как оба писателя страдали за людей... Оба писателя в борьбе со злом «принимали огонь на себя», убивая зло в себе самих. Самобичевание, самораспятие не знало границ ни у Нарекаци, ни у героев Достоевского. ...Тема творчества Нарекаци, как и творчества Достоевского, - раздвоенная личность... Нарекаци и Достоевский так велики, потому что их сердца терзались муками мира...». См. Григор Нарекаци. Стихи; Книга скорбных песнопений (отрывки). Ер., изд-во «Айастан», 1969, сс. 35-46.

² Газета «Мшак», 1913, №35 (на арм. яз.).

творчеству армянского поэта-ашуга зародилась в нём ещё со школьных лет, когда поэту было 12-13 лет, и он учился в школе Джалалоглы¹.

Позднее эта любовь ещё больше усилилась во время литературных вечеров и занятий группы “Вернатун”². Именно литературная группа “Вернатун”, благодаря своей огромной любви к творчеству Саят-Новы, возродила почти основательно забытые песни ашуга и стала активно и повсеместно популяризировать и пропагандировать эти песни³.

Шесть постоянных участников “Вернатуна” – Г. Агаян, Ов. Туманян, Л. Шант, Н. Агбальян, Ав. Исаакян, Д. Демирчян – были солидарны и единодушны в своём отношении к творчеству Саят-Новы, однако трое из них – Ов. Туманян, Н. Агбальян и Ав. Исаакян – имели какое-то особенно трепетное отношение к песням великого поэта-ашуга позднего средневековья.

Впоследствии Ованес Туманян на протяжении всей своей жизни искал и старался выявить произведения ашуга – как в прямом смысле слова, так и в своём стремлении поглубже проникнуть в сущность творчества Саят-Новы. В этом смысле не составили исключения и годы Первой мировой войны.

Исследования и статьи Туманяна о Саят-Нове начали публиковаться в 1910-е годы, ещё до начала войны, и продолжились в военные годы. Впервые произведения поэта-ашуга упоминаются в одной из статей писателя 1910 г., точнее, в рецензии на книгу Н. Марра “Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. XII, СПб, 1910”. В своей рецензии Туманян рассматривает взгляды и подходы Марра к вопросу почитания культа женщины и рыцарства в поэме Шота Руставели. Именно в этом контексте поэт и упоминает имя своего обожаемого армянского ашуга.

Вторично Туманян обращается к творчеству Саят-Новы в своей рецензии 1911 г. на книгу Аршака Чопаняна “Ашуг Нагаш Овнатан и худож-

¹ Школа была основана в мае 1879 г., закрылась 6-го декабря 1882 г., затем открылась и снова закрылась 22-го января 1883 г. Затем она снова ненадолго открылась и закрылась окончательно в конце 1882-1883-го учебного года. См. Арам Инджикян, Ованес Туманян. История жизни и творчества 1869-1899, Ер., 1969, изд-во АН Арм. ССР, стр. 91, 115-116 (на арм. яз.).

² В 1899 году Ованес Туманян основал армянский литературный клуб – объединение. Собрания кружка проходили в квартире Туманяна по адресу Тбилиси, Бехбутия № 44 на самом последнем – четвертом этаже («вернатун» - мансарда). Постоянными членами Вернатуна были Газарос Агаян, Аветик Исаакян, Левон Шант, Никол Агбальян, Дереник Демирчян. Они один или два раза в неделю собирались в доме Ованесса Туманяна, чтобы увидеться и пообщаться. Во время этих встреч писатели читали и обсуждали произведения новых авторов и классиков зарубежной литературы, а также выносили свои работы на всеобщее обсуждение. Вернатун просуществовал 7-8 лет: в связи с отсутствием и уходом членов он прекратил свое существование в конце 1908 года. Подробнее об этом см.: Сусанна Ованесян, История жизни и творчества Ов. Туманяна (1900-1912), Ер., 2012, стр. 25-59 (на арм. яз.).

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 11-12.

ник Овнатан Овнатаян”¹. Свою рецензию Туманян озаглавил “Нагаш Овнатан и любовь Кучака Наапета и Саят-Новы”.

На этот раз поэт значительно более подробно и обстоятельно представляет любовную лирику Саят-Новы, что доказывает, что Туманян всё более углублялся в поэзию великого ашуга и что для него исследование песенного наследия Саят-Новы не только носит продолжительный характер, но и стало делом всей его жизни.

Поэт был уверен, что любое слово и выражение Саят-Новы, да и вообще любого настоящего поэта, рождается из глубоко пережитого чувства. А любовь, по словам поэта, является жаждой, голодом. В понимании Туманяна удовлетворённость, сытость, вернее сказать, пресыщенность принижает, приземляет человека, а недостижимость любви рождается из тоски. Поэт пишет: “Всё высокое исходит из тоски. Что представляют из себя идеалы? – тоску души” (9, 441). Такой подход Туманяна и сегодня находит свои отклики. Академик НАН РА Сергей Саринян пишет: “И удивительное и привлекательное заключается в том, что чувства влюблённого поэта лишены описания чувственных, плотских наслаждений, но свидетельствуют только о высокой, преданной рыцарской любви, о неопалимом вдохновении неизбывной тоске”².

Здравомыслие, рыцарское отношение к любви и человеческая порядочность как Саят-Новы, так и Ованеса Туманяна высвободили их из оков любовного сладострастия и вожделения, потому что они оба умели подчинять чувства разуму, жертвовать личным благополучием. В произведениях Ов.Туманяна почти всегда чувство всепоглощающей любви выражалось в мужестве преодоления желания и в отказе от любви. В этом отношении Саят-Новы был близок и понятен Туманяну, как никто другой. Какая-то неистовая духовность всегда и всюду сопровождала обоих поэтов, и неверно было бы думать, что, отказываясь от любви, Туманян или Саят-Новы становились пленниками общественного мнения. В туманяновском мировосприятии свободен тот человек, который умеет владеть собой и своими страстями.

Как это духовное родство, так и влюблённость Туманяна в песенное творчество Саят-Новы, заставили писателя даже в самый страшный для армянского народа год, когда он безропотно переносил сыпавшиеся подобно граду общенациональные и личные бедствия и лишения, с пристальным вниманием следить за русскими переводами Саят-Новы для вышеназванных антологических изданий. Туманян сам был переводчиком, много и плодотворно переводил, и поэтому хорошо представлял себе, насколько трудно переводить довольно сложные и местами не до конца понятные, а иногда и просто зашифрованные стихотворения Саят-Новы.

¹ Аршак Чопанян, “Ашуг Нагаш Овнатан и художник Овнатан Овнатаян”, Париж, 1910, изд-во Тигран-хан Келекяна.

² С.Саринян, Саят-Новы, История армянской литературы в 6-х тт., т. 3, Ер., 2015, изд-во НАН РА “Гитутюн”, стр. 38 (на арм. яз.).

М. Джанполадян отмечает, что “главной задачей Брюсова было воссоздать творческую индивидуальность Саят-Новы – его особую, неповторимую интонацию, в которой столько искренности и непосредственности, удивительный мир образов и красок, завораживающую силу звучания”¹.

В сентябрьском номере журнала “Новая мысль” за 1915 год были опубликованы произведения Наапета Кучака и Саят-Новы в переводах Валерия Брюсова и с его же предисловием, в котором русский поэт с большой любовью представляет переводимых поэтов, заверяя читателя, что одних только произведений этих двух гениальных поэтов было бы вполне достаточно, чтобы армянский народ “уже навсегда включил себя в число культурных наций, участвующих в совместном творчестве человечества” (7, 621)².

Несмотря на общую высокую оценку переводов В. Брюсова и чувство искренней благодарности к русскому поэту за глубокие и удивительно точные наблюдения о двух титанах армянской средневековой поэзии, Туманян не мог пройти мимо замеченных неточностей в переводах и попытался своими аргументированными замечаниями помочь переводчику, оказаться ему полезным. Конечно, он был особенно заинтересован в том, чтобы поэзия Саят-Новы была представлена русскому читателю в безукоризненных и точных стихотворных переводах. Исходя из этих побуждений, он 26-го ноября 1915 г. публикует рецензию “О переводе на русский язык Наапета Кучака и Саят-Новы”³.

Указывая на конкретные смысловые неточности в переводах Брюсова, Туманян обращается к истории переводов песен Саят-Новы на русский язык, начиная с Якова Полонского⁴, который как-то увидел у своего друга Геворга Ахвердяна⁵ тетрадку с песнями Саят-Новы, ознакомился с нею и написал восторженную статью о поэте-ашуге и перевёл несколько стихотворений (7, 203).

Поэт с большой требовательностью, чуткостью и вниманием относился к каждому составленному подстрочнику и требовал максимальной точности исполнения, потому что, по его убеждению, “только мы узнавали гениев других народов, любили их и привязывались к ним сердцами, а гениев нашего народа никто не узнавал, поэтому и никто нас не ценил, не любил и духовно не привязывался к нам” (7, 204). По-видимому, именно эта забота заставила Туманяна в 1915 г. вновь затронуть тему качества переводов, чтобы Саят-Нова также “парил в эфирных высотах”, где парил

¹ М. Джанполадян, “Саят-Нова на русском языке”, “Вестник Ереванского университета”, Ер, 2013, N1, стр. 47.

² См. также: «Русская мысль», 1915, N 9. См. также сб. Брюсов и Армения, кн. 1. Ереван, 1988, с. 54.

³ “Оризон”, 1915, N266, 26-го ноября.

⁴ Яков Петрович Полонский (6 (18) декабря 1819 - 18 (30) октября 1898) – русский поэт, писатель.

⁵ Геворг Ахвердян (1818 – 1861) врач, литературно-общественный деятель.

Гафиз и другие великие поэты средневековья, чтобы армянский поэт-ашут также оказался в том “счастливом мире”, где родины и религии соединяются по законам красоты, истины и справедливости. Конечно, время не могло не наложить своего отпечатка на рецензию поэта, и судить об этом можно хотя бы по одному его выражению: “Настало время, - пишет Туманян, - чтобы узнали наши русские братья и наши более отдалённые друзья, что “высота эфира” никогда не была чуждой и недоступной армянской душе, что и армянский гений парил в этих возвышенных, священных и утончённых сферах, хотя сам армянин всегда купался в море крови, – точно так же, как и сам Саят-Нова” (7, 204)¹.

Статья-рецензия Туманяна “О переводе на русский язык Наапета Кучака и Саят-Новы” нашла отклик в периодике того времени. С.Израелян в своей “рецензии на рецензию”, соглашаясь со многими положениями и оценками Туманяна, спорит с поэтом по поводу перевода отдельных слов².

Погос Макинцян в статье “Литературные мелочи” возражает против толкования имени Саят-Новы как “Князя песни”, “Царя песнопений” и т.д. Но Туманян вовсе не считал себя безгрешным, а свои доводы и аргументы – неуязвимыми для критики. Он отмечал: “Конечно, это моё мнение и мои объяснения, они могут оказаться неверными, однако если не все, то хотя бы то или другое замечание могут оказаться верными, и я вновь достигну своей цели, которая заключается в следующем: предоставляя русским поэтам дословный перевод, нужно подходить очень осторожно и давать проверенные переводы” (7, 203).

17-го мая 1916 г. публикуется ответная статья Туманяна под названием “Литературные замечания”. До этого он написал письмо Карену Микаэлян и попросил его иметь в виду, что в трактовке отдельных слов в текстах Саят-Новы он был не прав (10, 233).

К вопросу о недостатках в русских стихотворных переводах Туманян возвращается и в 1917 г. в связи с брюсовской антологией “Поэзия Армении”. В статье “По поводу второго издания книги “Поэзия Армении”” он указывает на два десятка смысловых искажений в переводах и отмечает: “Эти ошибки, которые я привожу, и привожу только из нескольких песен Саят-Новы, да и то не все, я считаю такими ошибками, в которых (возможно, за одним исключением) переводчики неповинны.

И наконец, из сделанных мною замечаний многие по-прежнему остаются спорными в нашей среде... необходимо откорректировать тексты переводов и освободить книгу хотя бы от таких ошибок, которые совершенно меняют смысл стихотворения и принижают ценность замечательного произведения” (7, 312).

Вовсе не случайно, что писатель в самый разгар мировой войны, в 1916 г., издаёт в Тифлисе отдельной книгой свою пространную статью

¹ См. также: Ов. Туманян. Избранные произведения в трёх томах. Том 3, Ер., 1969, с. 241.

² “Оризон”, 1915, N283.

“Нагаш Овнатан и любовь Кучака Наапета и Саят-Новы”, опубликованную в виде рецензии ещё в апреле-мае 1911 г.¹ Это была одна из очень редких публикаций Туманяна, в которых он не скупился на цитаты. Из песен Саят-Новы он привёл около пятидесяти строк, из Омара Хайама, Кучака, Нагаша Овнатана – 160 строк. Причина заключалась в том, что поэзия Саят-Новы, да и других обильно цитируемых авторов, была практически неизвестна литературной общественности. Сам поэт объясняет своё решение следующим образом: “Вместо того чтобы пересказывать своими словами, я предпочёл их же словами, их стилем и дыханием, их рифмами и оттенками сопоставить любовь трёх наших старых поэтов... они настолько интересны с каждой стороны - как литературно-исторической, так и языковой – что каждый интеллигентный армянин должен познакомиться с ними. Когда познакомится – полюбит.

И каждый поэт должен любить и гордиться такими поэтами, как Кучак Наапет и Саят-Нова” (6, 328).

И в этой статье также Туманян проявляет удивительно богатые и глубокие знания по разным европейским и восточным религиям и, в частности, по истории армянского и грузинского народов.

Многие литераторы считали целесообразным сообщать свои замечания, связанные с русскими переводами стихов Саят-Новы, в первую очередь Туманяну, и со временем у поэта собралось множество таких замечаний. То же можно сказать и о наблюдениях и замечаниях по поводу изданного в 1852 г. Геворгом Ахвердяном сборника стихотворений Саят-Новы. Так, 21-го мая 1916 г. Бардухимеос (Варфоломей) Чугурян из Эчмиадзина написал в своём письме Туманяну:

“Высокочтимый г. Ованес Туманян,

Я с большим вниманием прочитал песни Саят-Новы, изданные Ахвердяном. Имея в виду, что Московский комитет организует переводы ашугов, и вполне вероятно, что многие места будут поняты неверно, как это видно, я изучил и нахожу, что многие строки требуют пояснения. Я с сегодняшнего дня пишу свои объяснения, если Вы согласны, pošлю Вам, чтобы издали в точности написанное мною... с примечаниями либо отдельно, и Ваши исправления, чтобы всё это использовали... переводчики”².

В годы войны Туманян обращается к творчеству Саят-Новы и в статье “История армянского народа”, написанной в 1916 г. В ней он рассматривает поэта-ашуга как символ армянского народа и истории Армении. Поэт пишет: “Саят-Нова, что означает “царь песни”, “владыка музыки”...

¹ Рецензия публиковалась в четырёх номерах газеты “Оризон” за 1911 год: N90, 30-го апреля, N91, 1-го мая, N92, 3-го мая, N99, 11-го мая.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1581 (809).

И почему это нельзя считать Саят-Нову символом жизни и страданий армянского народа, его истории?

С печатью гения на челе, с крестом христианства в руках, с кинжалом, пронзившим его благородное и большое сердце..." (7, 222).

Более высокой оценки поэзии Саят-Новы просто невозможно представить. В этих словах Туманяна ощущается также дыхание времени. В те годы мировой войны "с печатью гения на челе, с крестом христианства в руках, с кинжалом, пронзившим благородное и большое сердце", погибли выдающиеся представители западноармянской литературы. И по этой причине также Саят-Нова воспринимался поэтом как "символ жизни и страданий армянского народа, его истории". Ведь Туманяну было известно, что рукоположенный в священники в 1771 г., но так и не сумевший отказаться от удовольствий мирской жизни поэт-ашуг Саят-Нова был убит в 1795 г. во время варварского нашествия Ага-Магомед-хана. В этот момент более, чем когда либо, отождествились судьбы великих поэтов восемнадцатого и двадцатого столетия, создающих национальные и общечеловеческие художественные ценности. И вовсе не обязательно, чтобы в грудь поэта был вонзён кинжал. Увиденных во время Геноцида ужасов оказалось вполне достаточно, чтобы Комитас на протяжении двух десятилетий так и не оправился от душевного потрясения и провёл остаток жизни в парижской клинике для душевнобольных, а Туманян состарился намного раньше времени и, будучи представителем рода долгожителей, умер в возрасте 54 лет, причём весь отведённый ему последний отрезок земной жизни провёл в горестях и болезнях.

Рассмотренные выше статьи-рецензии Туманяна являются результатом его серьёзной филологической работы и имеют значимость небольшого научного исследования.

Среди статей и исследований Туманяна в области саятноведения, написанных в предвоенные месяцы и в годы войны, есть и такие, которые непосредственно связаны с конкретными событиями текущей литературной жизни и главным предназначением которых была популяризация и пропаганда творчества великого поэта-ашуга. В этих статьях Туманяна мы также встречаем немало исключительно точных и ёмких определений, которые представляют большую ценность для саятноведения и в определённом смысле предопределили его дальнейшее развитие. Воодушевление национального поэта и его огромная любовь к творчеству Саят-Новы во многом способствовали зарождению и распространению интереса к песням поэта-ашуга и закрепили представление о нём как о великом песеннике не только в сознании армянского, но и других народов. Появление этих статей, как уже отмечалось, было связано с деятельностью

Туманяна, направленной на популяризацию и пропаганду творчества Саят-Новы¹.

При этом Туманян характеризует нацию, забывшую могилу и песни ашуга, как разбитую от тяжёлых ударов сурового времени, изувеченную и запутавшуюся толпу, чернь, которой необходимо прийти в себя, возродиться, объединиться и сплотиться вокруг ею же порождённых священных, великих и прекрасных имён, согреться от неугасимого огня их пламенных душ (6, 385).

Туманян характеризует Саят-Нову как родное и великое имя, замечательного певца несчастной любви, как «вечно пламенную душу в прекрасном обликии, честное и цельное сердце, родной могучий дух, который, подобно родному духу нашей страны, будет всегда веять над народами Кавказа – армянами, грузинами, тюрками, ибо он пел с одинаковой силой и по-армянски, и по-грузински, и по-тюркски»². Туманян характеризовал Саят-Нову как “гордость целого народа”, как сугубо лирического, личностного поэта, в песнях которого мало воображения, но много чувства, как певца-исполнителя, который поднял, возвысил звание и назначение ашуга, который наделён нежным и любящим сердцем, благородной и глубокой душой. «И как прекрасно, что именно таков наш великий Саят-Нова – великолепный влюблённый, объятый пожаром любви и сгорающий в нём, он видит мир и вещи в свете своего огня, чувствует, что сам горит и сгорает, но остаётся бодрым и добрым, беззлобным и справедливым, величавым и возвышенным, как большой друг мира и человека. ... Он гневался, но никогда не озлоблялся, страдал, но никогда не проклинал»³. По Туманяну, несмотря на выпавшие на его долю мучения и страдания, певец всегда оставался добрым, нежным и благородным. Саят-Нова, по определению Туманяна, “является синтезом жизни и духовного могущества многих восточных народов” (6, стр. 29, 58, 59, 60, 61, 62, 400).

Высказываясь о значении сборника “Поэзия Армении”, Туманян отмечает, что отныне русские читатели будут знать и судить об Армении и армянском народе не по его нищете и массовым погромам, а по его поэзии, и непременно полюбят эту поэзию. “Не могут не полюбить, потому что она вся является любовью, - пишет Туманян в 1917 г., - а говоря словами нашего неповторимого Саят-Новы, “Любовь приносит любовь” (7, 472).

¹ Из многочисленных обсуждений, посвящённых открытию памятника Саят-Новы, изданию рукописей поэта-ашуга, организации литературных вечеров и обсуждений его творчества, сохранилось 23 протокола заседаний правления возглавляемого Туманяном Общества писателей. Только в газете “Оризон” за 1913-1914 гг. было опубликовано более сорока объявлений и сообщений о решениях Общества писателей; были опубликованы также программы литературных вечеров и торжественных мероприятий. См. МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей.

² Ов. Туманян. Избранные произведения в трёх тт., т. 3, с. 200-201.

³ Там же, с. 201-202.

В течение всего лишь одного года, предшествовавшего войне, Туманян организовал четыре литературных мероприятия и торжественных вечера, посвящённых Саят-Нове. Все эти мероприятия имели грандиозный успех и получили широкий общественный резонанс. Периодическая печать, отражая ликование и воодушевление тифлисской армянской общественности, писала: “Хорошие оперы повторяются по несколько раз в году, а вечера, посвящённые Саят-Нове, которые следует признать каким-то художественным откровением, отныне можно повторять в нашей среде по несколько раз в год, и они, несомненно, всегда будут пользоваться успехом”¹.

Во многом благодаря Туманяну имя поэта-певца стало предметом большого интереса для самой широкой общественности. Стали организовываться всё новые и новые литературные мероприятия, вечера, лекции, доклады и дискуссии, был составлен ансамбль из ашугов, специализировавшийся на исполнении песен Саят-Новы. Благодаря всем этим мероприятиям почти все забытые и вышедшие из обращения мелодии поэта-песенника были возрождены.

В результате новой волны общественного резонанса все экземпляры сборника песен Саят-Новы, составленного Геворгом Ахвердяном, были распроданы. И это при том, что до недавнего времени они вообще никого не интересовали и пылились на полках книжных магазинов и лавок. Возникла необходимость переиздания сборника. Туманян старался осуществить новое издание книги как можно скорее, причём это издание должно было быть исправленным и дополненным, и в книгу необходимо было включить биографию Г.Ахвердяна. Книга была переиздана в два приёма: сперва тиражом в 2500 экземпляров, затем – 2400 экземпляров.

Таким же, а возможно, и ещё большим был общественный резонанс по поводу открытия памятника Саят-Нове. Туманян вёл переговоры с мраморными компаниями Бернардо Вила и Рицци. Памятник был изготовлен по проекту Рубена Мартиросянца и под непосредственным контролем Геворга Башинджагяна².

Открытие памятника состоялось за два месяца до начала мировой войны – 15-го мая 1914 г. Туманян обратился к населению с просьбой, чтобы каждый посетитель памятника поэта-ашуга, известного своей любовью к розам, приносил с собой по одному цветку. Сам поэт утром 15-го мая получил 1000 роз, “более ста видов”.

¹ “Оризон”, 1913, N124, 7-го июня.

² См. МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N43/28, дневник от 5-го июня. В протоколе было специально отмечено: выразить благодарность Г.Башинджагяну и Р.Мартиросянцу. В выраженной в письменной форме благодарности Р.Мартиросянцу отмечалось: “Наше правление считает своим приятным долгом выразить Вам благодарность за ту готовность, с которой Вы в добровольном порядке выполнили все работы относительно проекта памятника Саят-Новы” (МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N56).

И вот всё армянское население Тифлиса с розами в руках направилось в сторону городского Майдана и двора церкви Св.Геворга. Даже в песнях ашугов, написанных по этому случаю, открытие памятника поэта-песенника рассматривалось, как “праздник культурной победы армянской общественности”¹. А в опубликованных в периодике сообщениях открытие памятника было охарактеризовано как исключительное явление, которым армянская общественность “представила уровень своей культурности, поскольку только культурные народы способны поднимать произведения прошлого и оценивать их для настоящего”². А грузинская газета “Теми” охарактеризовала церемонию открытия памятника как национальное торжество, сердцем и душой которого был Ованес Туманян.

На памятнике были выгравированы слова Саят-Новы:
...Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!
Не верь: меня легко свалить! Гранитна твердь основ моих³.
(Пер. В. Брюсова)

Между тем многие предлагали Туманяну выгравировать на памятнике своё замечательное и получившее всенародную известность восьмистишие, точно характеризующее гениального поэта-ашуга.

С пеньем пришёл,
Тенью ушёл Саят-Нова.
Любя пришёл,
Скорбя ушёл Саят-Нова.
Лучом зажжён,
Мечом сражён Саят-Нова.
И всё ж нашёл
Любви слова Саят-Нова.
(Пер. Т. Спендиаровой)⁴.

Однако поэт скромно отверг эти предложения (7, 83-84).

Тысячи армян, надев национальные наряды, собрались во дворе церкви и расположились под стенами стросний, на балконах, даже на деревьях и на крышах домов; у каждого на груди красовалась алая майская роза. Честь открытия памятника была доверена Ованесу Туманяну. Он снял саван, накрывавший памятник⁵.

На открытии памятника присутствовали также представители русской, грузинской интеллигенции, писатели, музыканты, деятели литера-

¹ “Оризон”, 1914, N103, 104, 16-го, 17-го мая.

² Там же.

³ Саят-Нова. Стихотворения. Ленинград, «Советский писатель», 1961, с. 71.

⁴ Ов. Туманян, Избранное, М., 1988, “Худ. лит.”, стр. 314.

⁵ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 669.

туры, искусства, культуры. Среди них были Иосеб Имедашвили, Коте Магашвили, Нино Накашидзе¹, Илья Накашидзе, Иосеб Гришашвили² и другие. Именно в этот день Иосеб Гришашвили, познакомившись с Туманяном и услышав его восторженные слова о Саят-Нове, решил перевести стихотворения поэта-ашуга на грузинский язык, и в результате напряжённого четырёхлетнего труда молодого грузинского поэта и переводчика в 1818 г. увидели свет сразу две книги Гришашвили. В одной из них были представлены грузинские переводы песен армянского ашуга, а вторая книга являлась литературоведческим исследованием творчества Саят-Новы³. Впоследствии Гришашвили признавался: “Моя работа в этой области была бы очень трудной, если бы мне не помогли академик Марр, художник Г.Башинджагян и в особенности Ов. Туманян. Когда мне с трудом удавалось найти какой-нибудь факт, связанный с его жизнью и творчеством, мне на помощь приходила большая эрудиция Ов. Туманяна... Вот таким образом Саят-Нова сблизил меня с Туманяном”⁴.

И действительно, во время обычных бесед Туманян часто приводил слова Саят-Новы и большую часть его песен знал наизусть. В самом начале войны, 24-го августа 1914 г., Туманян предоставил Иосебу Гришашвили модель памятника Саят-Новы, клише (10, 215).

Сам Туманян был также очень воодушевлён литературными и иными мероприятиями, посвящёнными Саят-Нове, и говорил: “Я должен сделать так, чтобы армянское население Тифлиса и всего Кавказа знало и любило нашу литературу, должен сделать традицией, чтобы каждый год в день рождения Саят-Новы наши поэты и писатели приходили с букетами на его могилу и украшали розами могилу влюблённого в розы великого ашуга”⁵. Позднее, в 1916 г., именно он сопровождает Валерия Брюсова к памятнику Саят-Новы⁶.

В начале войны Туманян предпринимает шаги, чтобы одну из улиц Тифлиса назвали именем Саят-Новы. 12-го июня 1914 г. в газетах публикуется информация о том, что “Комиссия, дающая названия улицам города”, постановила назвать “Мейдан” именем Саят-Новы. Однако всего лишь три дня спустя на страницах той же газеты было опубликовано другое сообщение, согласно которому вышеуказанная комиссия не утвердила решения комиссии Думы и решила не переименовывать “Мейдан”.

Война всегда обостряет межнациональные отношения. Не стал исключением и Кавказ. В данном случае турецкое название “Мейдан” ока-

¹ Накашидзе, Нино Иосифовна (1 января 1872 - 2 июля 1963) - грузинская детская писательница и переводчица, редактор.

² Гришашвили, Иосиф Григорьевич (12 (24) апреля 1889 - 3 августа 1965) - поэт, литературовед, переводчик. Народный поэт Грузинской ССР (1959). Заслуженный деятель искусств Армянской ССР (1945).

³ Газета “Арач” (“Вперёд”), Тифлис, 1919, №18, 4-го февраля.

⁴ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 662-663.

⁵ Там же, стр. 407-408.

⁶ Там же, стр. 694.

залось сильнее имени великого армянского поэта, писавшего на четырёх языках, в том числе и по-грузински и по-турецки, поскольку националистические грузинские настроения к тому времени уже начали поднимать голову и давать о себе знать. В грузинской газете “Закавказская речь” совершенно безобидная и не имевшая никакого отношения к политике инициатива была охарактеризована как “разжигающее националистические страсти” предложение и “намерение захватить Тифлис”. Тем не менее, было принято решение переименовать улицу Красильная, находившуюся рядом с “Майданом”, в улицу Саят-Новы, потому что Туманяну удалось разъяснить сотрудникам “Комиссии, дающей названия улицам города”, что имя армянского поэта-ашуга является символом солидарности народов.

Благодаря организации многочисленных мероприятий, посвящённых Саят-Нове, своей целеустремлённой и последовательной деятельности, направленной на популяризацию и пропаганду творчества великого поэта-ашуга, Туманяну удалось заполучить от правнука ашуга Баграта Тер-Мовсисяна рукописную тетрадь – “Давтар” Саят-Новы¹, который впоследствии, 13-го октября 1921 г., он через народного комиссара просвещения Советской Армении подарит Музею литературы и искусства новосозданной республики(10, 400)².

В годы войны, в особенности после издания брюсовской антологии, среди разных народов, проживавших в Тифлисе, возрастает интерес к поэтическому и песенному творчеству Саят-Новы. И Туманян, несмотря на свою исключительную занятость, находит время для того, чтобы ознакомить заинтересованных представителей других народов с творчеством Саят-Новы. Война продолжалась, и причины этого интереса не могли ограничиваться одними лишь культурными побуждениями.

По свидетельству Стефана Зорьяна, а первые годы войны Туманян успешно основал “Армяно-германское общество”, целью которого было культурное сближение и взаимное узнавание двух народов³. Конечно, находились люди, которые обвиняли поэта в том, что он пытается завести дружеские отношения с врагом. Однако этот шаг поэта был обусловлен только тем, что он умел отличать власть имущих и простой народ, умел отличать культуру и политику. В Туманяне жил прирождённый дипломат, который время от времени добивался весомых результатов в своей деятельности. Он часто встречался с руководителем германской дипломатической миссии в Тифлисе генерал-майором Фридрихом Фон Крессом⁴, и

¹ “Оризон”, 1913, N81, 14-го апреля.

² МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N41.

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 116.

⁴ Кресс фон Крессенштейн, Фридрих (24 апреля 1870, Нюрнберг – 16 октября 1948, Мюнхен) - германский военный деятель, генерал. Во время Первой мировой войны входил в группу немецких генералов и офицеров, которые командовали в армии Османской империи. Был Главнокомандующим 8-й армией Османской империи.

это при том, что Германия была союзницей Турции, и по её преступному попустительству в Османской империи был совершён и всё ещё продолжался геноцид армянского народа. Тем не менее, поэт предпринимал всё новые и новые попытки с помощью влиятельного немецкого генерала облегчить положение населения той или иной армянской провинции или спасти жизнь хотя бы одного армянина. Несколько раз поэт просил Фон Кресса принять меры, чтобы турецкие паши в Памбаке, Лори, Ахалкалаке и Карабахе не притесняли местное армянское население. Стефан Зорян свидетельствует: “И если в районах Лори и Дилижана народ не пострадал от меча завоевателей, то это в определённой мере можно приписать усилиям Туманяна”¹.

30-го ноября 1916 г. состоялся первый вечер Армяно-германского общества. И первым армянским поэтом, которого Туманян захотел представить немецкой аудитории, был Саят-Нова. Он открыл вечер и прочитал лекцию о творчестве армянского поэта-ашуга. На вечере присутствовал также Фридрих Фон Кресс с членами своей дипломатической миссии. Немецкий дипломат, в свою очередь, не упустил случая, чтобы польстить Туманяну, сказав в ответном слове: “Армянский народ – это вы, Союз земляческих союзов, а не Национальный совет”². Разумеется, все присутствовавшие понимали, что эти слова немецкого военного и дипломата – всего лишь дань вежливости, что в них нет ни капли искренности. Стефан Зорян по этому поводу заметил: “Я впервые увидел и понял, что такое дипломатия. И, конечно, намного лучше понимал это сам Туманян, но считал это важным для армянского народа, потому что время было такое, что всё зависело от дипломатии и дипломатов... Цели сторон были понятны. Немцам это Армяно-германское общество было необходимо, чтобы распространить своё влияние среди армян, а Туманяну нужна была их благосклонность, чтобы предотвратить надвигающиеся бедствия...”³.

Тем не менее, для поэта смыслом этого вечера было сближение культур и представление творчества гениального армянского поэта-ашуга немецкой аудитории. В тот же вечер выступил также немецкий археограф доктор Дюр, затем снова взял слово Туманян, и его речь перевёл внук Хачатура Абовяна Костандин Абовян.

На вечере прозвучали стихи и песни Саят-Новы на армянском, немецком, русском, грузинском языках. Стефан Зорян вспоминает: “Туманян, конечно, говорил по-армянски, и его речь фрагментарно переводилась на немецкий. И к чести Туманяна следует сказать, что, говоря о Саят-Нове, он, с целью сделать своё слово доступным для гостей, сопоставлял любовные песни Саят-Новы с песнями Гейне и находил такие оригинальные параллели, что немцы напряжённо следили за ним и часто

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 116.

² Там же, стр. 117.

³ Там же.

аплодировали. А когда время от времени переводились мудрые, образные строки и строфы Саят-Новы, дисциплинированные немецкие солдаты аплодировали с ликованием. Помню лицо Фон Кресса, на котором в эти минуты была видна улыбка, и он, положив белые перчатки на колени, аплодировал Туманяну. Его примеру следовали другие военные”¹. Можно предположить, что поэт сказал приблизительно то же, что написал несколько лет назад в рецензии об исследовании Марра, изданном в 1910 году в Петербурге: “На далёком западе пламенный Гейне в часы своего любовного безумия восклицал: “Я вырву с корнями самое высокое дерево, обмакну в огненный океан и горящими буквами напишу на небе, чтобы всегда читали – Агнесса, я люблю тебя”. Так же, как этот или другой речевой оборот, так и все истории переходят из одного мира в другой и в каждом мире, под каждым солнцем, в устах каждого народа обретают своеобразный оттенок, вкус и запах” (6, 212).

По инициативе Туманяна Общество армянских писателей издало сборник песен Саят-Новы и назначило очень доступную цену, которая была ниже себестоимости книги. Даже в условиях военного времени, при массовой бедности населения, тиражи книги были распроданы в течение очень короткого времени. И все те, кому не посчастливилось своевременно приобрести книгу, обращались не к кому-нибудь, а к Туманяну. 20-го января 1916 г. Мхитар Тер-Андреасян из Баку обращается к Туманяну с просьбой выслать ему сборник песен ашуга. В письме говорится: “Дорогой мой Ованес, вот уже целый год я ищу новое издание “Саят-Новы” (Общ. Армянских Писат., 14 г.) и всегда получаю от наших книготорговцев один и тот же ответ, мол, скоро получат. Наказал жене купить в Тифлисе, также не нашла... Сейчас я прошу, чтобы ты выслал мне один экземпляр этой 25-копеечной книги бандеролью, либо поручил книготорговцу, чтобы тот послал мне наложенным платежом”². И таких писем было немало.

Таким образом, Туманян при содействии художника Геворга Башинджагяна и Никола Агбаляна в 10-е годы двадцатого столетия положил основу всенародной славы и известности Саят-Новы.

Сегодня также изречения Туманяна о Саят-Нове звучат как самые точные и ёмкие характеристики творчества великого поэта-ашуга, в которых замечательный песенник предстаёт как выдающееся, неповторимое явление. А оценки Ованеса Туманяна, данные творчеству Саят-Новы, говоря словами Паруйра Севака, “имеют значение краеугольного камня”³.

В годы войны и геноцида Туманян не прекратил своих усилий и своей деятельности в области исследования, популяризации и пропаганды творчества Саят-Новы и, в частности, в достойном представлении песен-

¹ Там же, стр. 116-117.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N2169 (1433).

³ П. Севак, Собр. Соч. в 6 тт., т.5, стр. 366 (на арм. яз.).

ного наследия поэта-ашуга в русских переводах. Туманян исследовал каждое слово и каждую строку Саят-Новы, который зачастую намеренно шифровал свою стихотворную речь, прибегал к приёмам тайнописи и криптограммы. Даже лучшие авторы подстрочных переводов, специализировавшиеся в этом деле и знавшие армянский язык в совершенстве, нередко оказывались в затруднительном положении и неправильно понимали и трактовали те или иные слова и строки Саят-Новы. Туманян по мере сил и возможностей помогал им, чтобы у русских поэтов-переводчиков было чёткое и полное представление о стихотворениях-оригиналах, их ритмическом рисунке, а самое главное – об образно-метафорической структуре и смысловом содержании подлинников.

Статьи и исследования Ованеса Туманяна, написанные в рассматриваемый период, кроме конкретного прикладного, практического значения, имеют также важное историко-литературное значение и представляют большую и непреходящую ценность не только для саятнововедения, но и для всей армянской литературы вообще, для будущих исследователей истории армянской и грузинской культуры.

ОЖИВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ТИФЛИСА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война, как, впрочем, все другие войны в истории человечества, с самого начала повсеместно вывела жизнь из обычного русла. Жизнь армянского народа оказалась под угрозой физического уничтожения. Вся периодическая печать была наводнена объявлениями, с помощью которых мать надеялась найти своего ребенка, ребенок – мать, жена – мужа, брат – сестру, дочь – отца... Литературно-общественная жизнь временно замерла: было не до нее. В таких условиях 1-го октября 1914 г. правление Общества армянских писателей под председательством Ованеса Туманяна приняло решение о временном прекращении публичной литературно-культурной деятельности¹.

До восстановления публичной деятельности Общества квартира поэта служила местом для созыва заседаний правления и различных деловых и литературно-культурных встреч.

Дом Туманяна всегда был своеобразным литературным салоном, местом встречи и общения всех видных деятелей армянской литературы и культуры. Современники рассказывают о доме Туманяна сотни историй, многие из которых стали легендами. Дереник пишет: “У Туманяна была обворожительная особенность... он заполнял собой квартиру, общество людей. Его зал был “меджлисом”. А огромное множество

¹ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, 45/9.

гостей, приходящих и уходящих по каждому поводу, частые застоля, живая атмосфера превращали его дом в монастырь, празднество, постоянное место свиданий”¹.

В его доме бывали очень многие как армянские, так и инациональные политические деятели, писатели, художники, композиторы, учителя, представители интеллигенции, люди самых разных специальностей и занятий, руководители сотен общественных организаций и периодических изданий.

В годы войны гостеприимный дом Туманяна продолжал оставаться домом культуры и искусства, местом встреч известных общественных и политических фигур, видных деятелей самых разных областей науки, культуры, искусства. Вот уж действительно “монастырь” и “меджлис”!

В доме писателя обсуждались проблемы и вопросы возможных последствий войны, вопросы оказания помощи пострадавшим от резни беженцам и сиротам, военно-стратегические проблемы, в том числе и вопросы оказания сопротивления турецким вооружённым формированиям в случае их вероятного нападения; рассматривались также многочисленные актуальные вопросы армянской и мировой литературы. Если учесть, что в качестве председателя Армянского союза земляческих союзов и вице-председателя Общества Айказян поэт проводил заседания правления у себя дома, то будет легче представить тот многогранный круг вопросов, которые рассматривались и вокруг которых разгорались оживлённые дискуссии в квартире Туманяна.

Однако независимо от груза национальных проблем, поэт никогда не самоустраивался от литературных дел и писательских забот. В этом вопросе войне не была “препятствием”. Только в апреле 1915 года в квартире Туманяна были и до поздней ночи беседовали с ним Погос Макинцян, Ваан Терьян (январь 1915 г., 22-го апреля и т.д.), Дереник Демирчян, Никол Агбальян (25-го апреля 1915 г.), А.Дживелегов² (май 1915 г.), профессор Ваан Тотомянц³; юрист, редактор нескольких русских газет, один из руководителей “Армянского комитета” Москвы Степан Мамиконян⁴ (май 1915 г.) и многие, многие другие литературные и общественные деятели, искусствоведы и зарубежные гости.

В случае необходимости поэт и сам наносил деловые визиты. В начале 1915 г. поэт посетил находившегося на смертном одре классика гру-

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 36.

² Алексей Карпович (Карпетович) Дживелегов (14 марта 1875, Ростов-на-Дону – 14 декабря 1952, Москва) – российский и советский историк и искусствовед, доктор искусствоведения, переводчик.

³ Тотомянц Ваан Фомич (Товмасович)(03.02.1875 - 09.05.1964)- Экономист, исследователь истории кооперативного движения.

⁴ Степан Мамиконян (1859 – 1921) - известный общественный деятель, издатель-публицист, член Армянского национального совета восточных армян (1917 г.).

зинской литературы Важа Пшавелу¹ в его квартире в квартале Вера. Грузинский писатель был очень близок Туманяну своей простотой и непритязательностью, непритязательностью в бытовых вопросах. “Комната была без убранства. Была его тахта, один стол и стул, а сам он был в чухе²”.³ Встреча прошла в тёплой и сердечной обстановке, и Туманян вернулся “в умиротворённом, хорошем настроении”, даже не представляя, что это будет его последняя встреча с грузинским писателем. Когда же он вернулся из своей поездки в Ван, то узнал о смерти Важа Пшавелы. Он сразу же обратился к грузинскому народу с соболезнующей телеграммой, выразив свою скорбь и печаль по поводу кончины “хорошего человека, талантливейшего и бесподобного поэта – Важа Пшавелы” (10, 226). Туманян присутствовал на панихиде по Акакию Церетели, проведённой в церкви Кашвети 6-го февраля 1915 г., и на похоронах писателя 8-го февраля 1915 г. Весной 1915 г. Туманян был вынужден заниматься улаживанием разгоревшегося конфликта между историком Лео и актёром Арменом Арменяном, пытаясь восстановить нарушенные авторские права Лео. Однако довести дело до конца ему не удалось из-за обрушившихся на его плечи неисчислимых более важных дел⁴. А летом 1916 г. Туманян был вынужден заниматься урегулированием конфликта между Лео и членом правления Общества писателей, секретарём Общества Гютом Аганяном⁵.

В первые месяцы войны Туманян старался связывать содержание и тематику вечеров Общества писателей с требованиями времени⁶: он организовывал лекции и доклады об Армянском вопросе, о проблемах психологии сражающихся на фронтах войны солдат, о положении на Кавказском фронте и т.д. Денежные доходы от этих мероприятий частично или полностью передавались на лечение раненых армянских воинов⁷.

¹ Важа Пшавела (14 июля (26 июля) 1861 - 27 июня (10 июля) 1915) - известный грузинский писатель и поэт XIX века, признанный классик грузинской литературы.

² Чуха (тюрк.- сукно) - мужская верхняя одежда типа черкески у народов Кавказа. Обычно имела сильно клешённый подол, собранный на спине в мелкие складки или сборки.

³ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 122.

⁴ Актёрская труппа Армена Арменяна инсценировала в Баку и Тифлисе пьесу Лео “Дочь мелика”, не выдавая автору причитающиеся ему гонорары. То, что Туманян уделял время для примирения сторон в получившем большой общественный резонанс конфликте, подтверждается протоколами заседаний правления Общества армянских писателей. См. МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, NN44/6,45/6, 44/7, 117. См. также: “Оризон”, 1915, N56, 12-го марта.

⁵ Гют Аганян обвинял Лео в недобросовестном пользовании архивными документами Ереванской приходской школы. См. “Оризон”, 1916, NN135,137,146,147, 19-го, 22-го июня, 3-го, 5-го июля.

⁶ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N44/2.

⁷ Там же, N43/31.

Первый вечер, посвященный Армянскому вопросу, состоялся 17-го декабря 1914 г. С лекцией на тему “Армянский вопрос в Турецкой Армении” выступил Лео. Докладчик связывал решение Армянского вопроса с победой русского оружия. Туманян в своём выступлении также заверил собравшихся, что Россия была и остаётся защитницей Армении и Армянского вопроса.

Прерванные 1-го октября 1914 г. литературные вечера Общества писателей по инициативе Туманяна были возобновлены в 1916 г. Правда, год начался брѳсовскими днями, однако решение Общества о возобновлении литературных мероприятий было принято значительно позднее, в марте 1916 г., когда в газетах появилось следующее сообщение: “Общество армянских писателей, которое по причине войны прервало свою деятельность, решило возобновить свои литературные вечера”¹.

Во время этих литературных вечеров затрагивались многочисленные национально-культурные, литературные, теоретические, методологические вопросы и проблемы, а также вопросы, не относившиеся к литературе. Первый такой вечер, проведѳнный 31-го марта 1916 г., был посвящѳн Микаэлу Налбандяну, в связи с 50-летием со дня смерти писателя и публициста, “Певца свободы”². Этим вечером как бы вновь выражалось волеизъявление армянского народа жить свободно и бороться во имя свободы.

Затем по инициативе и при самом активном участии Туманяна проводились многочисленные культурные мероприятия и литературные вечера, беседы, дискуссии и торжества. Перечислим здесь некоторые из них, и станет ясно, какую огромную культурно-просветительскую деятельность осуществлял Ованес Туманян параллельно своей национально-патриотической и общественной деятельности. Это вечер памяти Шекспира и Сервантеса, приуроченный к 300-летию писателей (28-го апреля 1916 г.); открытие Союза армянских искусствоведов (1-го мая 1916 г.); лекция М. Матенчяна “Парнасское направление во французской литературе” (28-го октября 1916 г.); лекция врача Х.Бонапартяна на тему “Положение армянского народа в Турции (1908-1915)”, посвящѳнная Армянскому вопросу и частично затронувшая также вопросы западноармянской литературы (11-го ноября 1916 г.); лекция Арутюна Сурхатяна³ “Новое направление турецко-армянской литературы и язычники” со вступительным и заключительным словом Ов.Туманяна (18-го ноября 1916 г.); лекция самого Туманяна “Проблемы армянского литературного языка” (25-го ноября 1916 г., 2-го декабря 1916 г.), лекция Ильи Накашидзе о грузин-

¹ “Оризон”, 1916, N59, 15-го марта.

² 20-го марта 1916 г. правление Общества писателей решило послать телеграмму в Новый Нахиджеван и попросить Гр. Чалхушяна выслать сто экземпляров книги М.Налбандяна для распространения в Тифлисе.

³ Сурхатян Арутюн Манукович (1882 - 1938) – литературный критик.

ской литературе (16-го декабря 1916 г.); лекция Аршака Джамалаяна¹ о драме “Кесарь” Левона Шанта (23-го декабря 1916 г.), в которой рассматривались преимущественно жанровые проблемы².

В день лекции А.Сурхатяна “Восточноармянская новейшая поэзия” (30-го декабря 1916 г.) Туманян выступил со своей программной речью “Напутствие начинающим поэтам”. Доклад известного деятеля национально-освободительного движения Ованеса Каджазнуни был посвящён теме “Что такое искусство?” (13-го января 1917 г.), а доклад Степана Лисициана – теме “Влияние географии Армении на её историю и культуру” (20-го января 1917 г.). Затем последовали лекции Рубена Абрамяна “Поэзия и язык как творчество” (10-го февраля 1917 г.), Дереника Демирчяна – “Литературное искусство” (24-го февраля 1917 г.), лекция “Ночь армянской поэзии”, посвящённая антологии Брюсова “Поэзия Армении” (3-го марта 1917 г.), литературный вечер, посвящённый памяти Александра Цатуряна (14-го апреля 1917 г.). Конечно, мы не можем в рамках настоящего исследования рассмотреть все выступления Ованеса Туманяна на литературных вечерах и мероприятиях Общества армянских писателей; отметим только, что как организованные усилиями и стараниями поэта литературные вечера, так и его выступления на всех этих мероприятиях имели очень большой успех. Подобная регулярность литературных вечеров после годовичного вынужденного простоя в кругах армянской интеллигенции была воспринята с радостью и ликованием. Газета “Оризон” писала: “Это явление действительно является очень радостным, создаётся какая-то литературная атмосфера... благодаря этим вечерам постепенно утверждается живая связь между литературой и обществом”³.

Между тем в самом начале 1916 г. решение правления Общества писателей о временном прекращении литературной и культурной деятельности было публично раскритиковано. Арташес Абегиан⁴ был уверен, что “можно организовать хотя бы несколько вечеров и лекций, говорить какие-то утешительные слова по поводу нашей и без того чёрной и траурной действительности, вселять надежды на лучшее будущее и не позволять, чтобы разрушительный пессимизм продолжал своё губительное шествие”⁵.

Даже враждебно настроенная против Туманяна и Общества армянских писателей газета “Мшак” начала откликаться на деятельность Общества, потому что Туманян счёл необходимым восстановить прежние

¹ Джамалаян Аршак Джамалович (1882 - 1940) - Деятель национально-освободительного движения, член партии АРФ “Дашнакцутюн”.

² “Оризон”, 1916, N290, 28-го декабря, стр. 3.

³ “Оризон”, 1916, N276, 11-го декабря.

⁴ Арташес Габриэлович Абегиан (1877 - 1955) – известный армянский филолог, историк, педагог, общественно-политический деятель.

⁵ “Оризон”, 1916, N33, 12-го февраля, стр. 1.

доброжелательные отношения с газетой, которые резко ухудшились из-за его публичной полемики с главным редактором “Мшак” Амбарцумом Аракеляном. Туманян предложил просто забыть о конфликте – безо всяких предусловий, “без оглядки на прошлое”¹. И первое же своё пространное сообщение о деятельности Общества писателей “Мшак” посвящает лекции Ованеса Туманяна “Проблемы армянского литературного языка”, прочитанной 25-го ноября. Корреспонденция была написана в положительной и комплиментарной интонации. В ней, в частности, отмечалось, что “Г-н Туманян сделал свой материал ещё более интересным, когда перешёл к значению языка, отметив, что говоря “язык”, мы понимаем “нацию”².

По вполне естественным и понятным причинам содержание литературных вечеров Общества писателей непосредственно связывалось с войной. И не было ничего случайного в том, что второй, осенний сезон прерванной из-за войны деятельности Общества начинается с лекций Забел Есяян и Мамбре Матенчяна, посвящённых творчеству Григора Зограба, Сиаманто, Рубена Севака, Даниэла Варужана, Рубена Зардаряна (7-го октября 1916 г.). Более, чем когда-либо, Туманян обратил внимание общественности на западноармянскую литературу. Он решил посвятить отдельные литературно-музыкальные вечера также “начинающим турецко-армянским писателям”, “ссылным писателям” и Акопу Пароняну³.

Ов. Туманян намеревался также в издаваемых на средства Общества писателей курсах лекций особо выделить “турецко-армянскую литературу, древнеармянскую поэзию и философию армянской истории”⁴.

Такое внимание в большой степени объяснялось как заботой о развитии армянской литературы, так и сознанием необходимости создания истории литературы и культуры фактически прекратившей своё существование Западной Армении. При этом поэт продолжал верить в возможность возрождения Западной Армении, и поэтому с большой ответственностью относился к её будущему. Он считал делом исключительной важности достойно отметить память трагически погибших западноармянских писателей, горел желанием хотя бы немного смягчить боль утраты, которая жила в сердце каждого армянина. При этом с трибуны Общества писателей звучали лекции и доклады не только об отдельных писателях, но и обо всей западноармянской литературе новейшего периода, о её общих характерных чертах и особенностях, закономерностях и отличительных сторонах, о литературных течениях, школах и направлениях в западноармянской действительности. Эти и другие подобные вопросы рассматривались в лекциях А.Ипекяна (7-го ноября 1913 г.) и А. Сурхатяна о за-

¹ “Мшак”, 1916, N259, 18-го ноября.

² Там же, N268, 30-го ноября.

³ Акоп Паронян (19 ноября 1843 – 27 мая 1891) – выдающийся армянский писатель-сатирик.

⁴ “Оризон”, 1916, N231.

падноармянской литературе (18-го ноября 1916 г.). Лекция Арутюна Ипекяна была одной из тех редких лекций, прочитанных в годы войны, которая была посвящена вопросам теории литературы, причём материалом для неё служила вся западноармянская литература в целом. Один только Манук Абегян прочитал три лекции, посвящённые проблемам древней армянской литературы. Первая лекция – “О древней армянской поэзии”(14-го октября 1916 г.), вторая лекция называлась “Григор Нарекаци и его эпоха” (14-го ноября 1916 г.), а третья – “Средневековые армянские басни” (14-го января 1917 г.). Все три лекции учёного были насыщены богатым иллюстративным материалом, взятым из древней и средневековой армянской литературы, интересным сравнительным анализом и тонкими литературоведческими наблюдениями.

21-го октября 1916 г. состоялась лекция Айка Ованнисяна на тему “Историко-философское мировоззрение армянских историков”.

Никогда армянское средневековье не становилось предметом такого пристального внимания, как в годы Первой мировой войны и Геноцида. В армянской действительности никому из деятелей культуры, никакой литературной или общественной организации не удавалось вызвать такой интерес в обществе к вопросам истории литературы и вообще к литературе, как это удалось сделать Туманяну, причём в самые ожесточённые годы мировой войны¹.

Несмотря на такую активность и такое разнообразие обсуждаемых литературных проблем, военное время не могло не сказываться и не накладывать своего отпечатка на деятельность Общества армянских писателей. Как уже было отмечено, многие мероприятия сугубо литературной направленности спонтанно превращались в обсуждение более актуальных и животрепещущих вопросов – ситуации на Кавказском фронте и нерешённым проблемам армянских беженцев и сирот.

Военно-политическая тематика по вполне понятным причинам пользовалась приоритетом. 3-го февраля 1917-го года трибуна Общества писателей была предоставлена Мкртычу Ванецяну, выступавшему под псевдонимом В. Валадян, доклад которого был посвящён текущему моменту военных действий на Кавказском фронте и назывался “На поле боя”. Докладчик коснулся вопросов психологии находящихся на полях сражений воинов, затронул взгляды Льва Толстого и Достоевского на рассматриваемую тему, считая, что взгляды этих величайших писателей и мыслителей на жизнь и смерть отличались, с одной стороны, жизнеутверждением, смелостью, самоотверженностью, а с другой стороны, страхом и непреодолимым ужасом и, одновременно, безразличием к смерти, а затем подверг критике волюнтаристский подход к таким понятиям, как человеческие инстинкты и рассудок, и напоследок резюмировал: “Любая

¹ “Оризон”, 1916, N241, 28-го октября.

война сама по себе является преимущественно неестественным инстинктивным явлением”¹.

Примечательно, что В. Валадян в своём докладе подчёркивал ничтожность и уязвимость жизни одного человека, одной личности, и подчинённость их интересов интересам более общего характера – группы, военного подразделения, армии, народа. “Бедствия войны и природы, - говорил Валадян, - и вообще судьбоносные ситуации доставляют многим людям удовольствие, хотя они, эти бедствия, приносят им разрушения и смерть”². Во время обсуждения этих вопросов выступил также Туманян. Хотя информация об этом выступлении и не сохранилась, однако вовсе нетрудно догадаться, о чём мог говорить писатель, если учесть, что до этого он уже два раза был в Западной Армении и на Кавказском фронте, был очевидцем как ужасов массовой резни и насильственной депортации мирного армянского населения, так и того ликования, которое переживал наш вековой враг в этом кровавом пиршестве. Писатель был хорошо знаком с его нравом и почерком, с его “гением” изготавливать игрушки из человеческих органов и внутренностей и забавляться, развлекаться этими игрушками, упиваться нечеловеческими мучениями и страданиями агонизирующих людей. Да, поэту довелось стать свидетелем поистине атаквистической ненависти и звериных поступков и деяний, невиданных и неслыханных во всей истории мировой цивилизации. Он не только записывал в своих дневниках всё увиденное и услышанное, свои впечатления и мысли, но даже предпринимал попытки представить войну в виде художественных произведений в различных жанрах (7, 442-447), и он уже написал несколько четверостиший, в которых осмысливал философские вопросы взаимоотношений жизни и смерти. Конечно, поэт обратил внимание на мысль докладчика, согласно которой война и резня могут доставлять некоторым людям радость и удовольствие.

Организация лекций и докладов, рассматривающих проблемы, касающиеся самых разных нравственно-психологических проявлений и изменений, происходящих в духовном мире человека в условиях войны и вообще в экстремальных ситуациях, а также личный пример Ованеса Туманяна как писателя и председателя правления Общества армянских писателей, его пребывание на первой линии фронта, непосредственная и постоянная связь с народом и его воинами-защитниками – всё это ещё раз подтверждает особое отношение поэта к проблемам военно-политической тематики, свидетельствует о его усилиях сделать актуальные задачи текущего момента предметом всеобщего рассмотрения и обсуждения.

¹ Там же, 1917, N28.

² Там же.

Война не могла препятствовать решению и твёрдому намерению поэта оживить литературную жизнь, развивать её и сообщить ей новое дыхание, но война мешала осуществлению этих решений и намерений. Как и упоминавшийся выше составленный Ов. Туманяном “Диван армянской литературы”, который должен был положить начало серии изданий, включающих прочитанные с трибуны Общества писателей лекции и доклады, так и усилия и старания писателя создать периодический вестник “Записки армянской литературы” остались нереализованными – из-за отсутствия денежных средств. Туманян начал, но опять-таки не сумел довести до конца работы по сбору материалов для задуманного им “Музея армянской литературы” или “Музея армянских писателей”, в котором должны были храниться личные вещи, рукописи и письма армянских писателей¹. Учитывая дороговизну бумаги и имея под рукой письма Арсена Багратуни², Гевонда Алишана³, Арсена Айтняна⁴, Хримяна Айрика⁵, Маттеоса Мамуряна⁶, Туманян решил ограничить свой проект изданием только одного или двух томов издательской серии. В первый том, предположительно состоявший из 320 страниц, должны были войти четыре письма А.Багратуни, семь писем Г. Алишана, два письма А.Айтняна и все письма Хримяна Айрика и М. Мамуряна⁷. Однако ему не удаётся сделать даже этого.

Ованес Туманян, как уже было отмечено, находил время для участия во всех мероприятиях различных общественных организаций. Он участ-

¹ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N38.

² Арсен Багратуни (1843 - 19.12.1911) - Педагог, литератор, переводчик.

³ Гевонд Алишан (6 июля 1820, Константинополь – 9 ноября 1901, Венеция) – армянский поэт, филолог и историк. Будучи ещё учеником семинарии, Алишан становится членом арменоведческой конгрегации мхитаристов в Венеции. Сразу же по завершении учёбы назначается учителем той же школы. В течение всей жизни Алишан занимается плодотворной педагогической деятельностью в Венеции и Париже. С 1849 по 1855 год был главным редактором периодического органа мхитаристов Венеции журнала «Базмавеп». С 1850-х годов Алишан проявляет серьёзный интерес к различным областям арменоведения. В библиотеках, музеях, книгохранилищах разных городов Западной Европы он изучает армянские рукописи, обнаруживая многочисленные ценные материалы, связанные с историей и культурой армянского народа. Алишан – автор капитальных трудов по армянской истории, этнографии, географии, культуре, многие из которых переведены на итальянский, английский, французский, немецкий языки.

⁴ Арсен (Вичен) Айтнян (1825-1902) – филолог, языковед.

⁵ Хримян Айрик (Мкртич I Хримян) – (4 апреля 1820 - 29 октября 1907) - армянский религиозный и общественный деятель, писатель. Патриарх армян Константинополя (1869–1873), Прелат Вана (1880–1885), Католикос всех армян (1892–1907).

⁶ Маттеос Мамурян (1830– 1901) - видный западноармянский публицист, общественный деятель.

⁷ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N45/15.

вовал в их работе либо по должности – как председатель правления Общества, либо как частное лицо. Даже в тех случаях, когда приглашения поступали в адрес правления Кавказского общества армянских писателей, именно Туманян неизменно и единодушно избирался в качестве делегата. Эти решения были обусловлены искренним желанием писателей, чтобы их организацию представлял самый авторитетный и самый известный в народе человек, а также тем, что во всех приглашениях, адресованных Обществу писателей, указывалось имя Ованеса Туманяна, то есть приглашающие организации также хотели видеть у себя в гостях в первую очередь именно Туманяна.

22-го декабря 1916 г. поэт принял участие в утреннике, организованном польской общиной Тифлиса. Мероприятие состоялось в зале Артистического Общества и было посвящено памяти Генрика Сенкевича¹. На мероприятии Туманян встретился с его организатором Бродским, а также с И. Выховским, И. Мачавариани, Пекарским. В художественной части утренника приняли участие одетые в национальные костюмы польские дети. Поэт вместе с руководителями тридцати грузинских организаций, делегация которых принесла серебряный венок, возложил лавровый венок перед памятником Сенкевича. И даже в этой речи писателя отчетливо ощущалось дыхание времени и плачевное состояние соотечественников поэта. “Бессмертная душа, которая в жизни польского народа обрела плоть под именем Сенкевича, чтобы утешить его в страданиях, прими любовь и восхищение литературного сообщества одного из самых многострадальных народов мира – армянского народа... Мы возлагаем венок твоей памяти от имени одной самых древних литератур мира – армянской литературы” (7, 299-300).

В годы мировой войны Туманян был ещё более внимателен к литературно-культурным процессам в жизни других народов и последователен в вопросе сближения, установления культурных мостов, в проведении мероприятий, литературно-музыкальных вечеров, торжеств, способствующих укреплению духовных связей между народами.

Материалы, хранящиеся в архивах Кавказского Общества Армянских Писателей и Ованеса Туманяна, достаточно красноречиво и убедительно свидетельствуют о связях Общества и с другими литературно-общественными организациями различных национальностей, проживавших на Кавказе и на территории России. Благодаря подвижнической деятельности всех этих обществ и тесному сотрудничеству между ними литература поистине стала одним из прочных связующих звеньев в диалоге культур, в деле укрепления дружбы народов, их духовного, культурного взаимоузнавания, взаимосближения и взаимообогащения.

¹ Генрик Сенкевич (5 мая 1846 - 15 ноября 1916) - польский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1905 года. Был членом-корреспондентом (с декабря 1896 года) и почётным академиком (с ноября 1914 года) Императорской Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности.

За десять лет своей деятельности Кавказское Общество Армянских Писателей приняло участие в многочисленных мероприятиях, организованных инонациональными тифлисскими организациями. Среди них – открытие мемориального памятника Илье Чавчавадзе (6 мая 1913 г.), вечер памяти редактора московской газеты «Русские ведомости» Соболевского (16 мая 1913 г.), 60-летний юбилей Владимира Короленко¹ (21 июля 1913), вечер памяти видного английского историка Генри Линча (21 ноября 1913 г.), 50-летие основания «Русских ведомостей» (октябрь 1913 г.), вечер памяти французского писателя Франсиса Пресанса (22 января 1914 г.), 85-пяtilетие смерти А.Грибоедова (30 января 1914 г.), панихида и похороны Акакия Церетели (6-8 февраля 1915 года), вечер памяти Максима Ковалевского (28 марта 1916 г.), вечер памяти Генрика Сенкевича (22 декабря 1916 г.), мероприятие, посвященное поэту Йосебу Гришашвили (24 марта 1919 г.), 30-летие литературной деятельности В.Барнова (8 ноября 1919 г.), учреждение клуба грузинских писателей «Химерион» (28 декабря 1919 г.), 25-летие литературной деятельности грузинского романиста Клдиашвили (15 февраля 1920 г.), праздник грузинской национальной поэзии (9 мая 1920 г.) и многие, многие другие. Поздравляя с юбилеем инонационального писателя или деятеля культуры и искусства, Туманян выражал признание и любовь к культуре данного народа. В одном из своих писем он пишет: «Величие народов проявляется в их духовной культуре. И первым признаком величия каждого народа является его литература» (10, 345). Поэт считал литературу кратчайшим и самым верным путём взаимного обогащения культур разных народов, рассматривая её как область, в которой каждый народ предстаёт со своей уникальной и самобытной психологией, национальными особенностями.

Весной 1916 г. в Англии и Испании в торжественной обстановке отмечали трёхсотлетие со дня смерти У. Шекспира и М. Сервантеса. Армянская общественность также не осталась безучастной к этому знаменательному событию. 22-го апреля в Тифлисе в литературно-художественном салоне состоялся вечер, посвящённый Шекспиру. Великому английскому драматургу было посвящено также очередное мероприятие Общества армянских любителей словесности в Гори, а 28-го апреля 1916 г. по инициативе Туманяна прошёл литературный вечер в Обществе армянских писателей, посвящённый Шекспиру и Сервантесу. Вечер вступительным словом открыл сам Туманян. Имея в виду расхожее мнение о том, что оба писателя умерли в один и тот же день, 23-го апреля 1616 г., поэт сказал: «В один и тот же день скончались в Англии Шекспир, а в Испании – Сервантес, и таким образом на горизонте мировой литературы одновременно закатились два огромных солнца...

Два огромных солнца...

¹ Короленко Владимир Галактионович (1853, Житомир - 1921, Полтава) - писатель, общественный деятель.

Однако преобладает блеск британского гения... И каждый писатель, в каком бы мире он ни творил, видит свой путь уже освещённым его лучами и, почти все, за очень маленьким исключением, преклонялись перед его гением”(7, 230).

Это выступление поэта слышали присутствовавшие на вечере трое членов английской медицинской комиссии по распределению гуманитарной помощи для беженцев – Гарольд Бэкстон, Альфред Бакхауз и Джордж Хачки, которые были почётными гостями Туманяна, так что слова поэта об английской культуре и Шекспире были обращены и к ним¹.

На вечере присутствовали также американские, русские, грузинские и французские гости: супруги Степлтоны, Кер, Смит, корреспондент парижской газеты “*Le Soir*”, известный французский писатель Анри Барбюс и журналист Симе. Туманян, таким образом, пытался использовать каждый повод, чтобы посредством литературных мероприятий добиться благосклонного и благожелательного отношения иностранцев, исполнявших в это время свои различные миссии, к армянскому народу. Вот почему во всех своих приветственных речах он никогда не забывал сделать небольшой исторический экскурс и ознакомить иностранных гостей с армянским народом и его горькой судьбой. Если в речи, посвящённой памяти Г.Сенкевича, он характеризовал армянский народ как “один из самых многострадальных народов в мире”, то по поводу Шекспира и Сервантеса он писал: “Нет такой страны и народа, который преподнёс столько трагических и волнующих материалов для поэзии, как Армения”².

29-го апреля 1916 г. Туманян от имени Общества армянских писателей и всего армянского народа послал телеграмму в Лондон – организатору шекспировских мероприятий Джорджу Александру, где выразил признательность, восхищение и уважение армянского народа “великому английскому народу, его великолепной литературе” (10, 238). 17-го мая 1916 г. в Лондоне председатель англо-армянского комитета Аньюрин Вильямс получил поздравительную телеграмму Туманяна и доложил о ней председателю организационного комитета по проведению мероприятий, приуроченных к 300-летию Шекспира, Дж. Александру. А. Вильямс был уверен, что Джордж Александер «и его комитет оценят по достоинству это выражение восхищения армянского народа нашим национальным поэтом»³. После ответного письма Вильямса Туманян получил также благодарный ответ от Дж. Александера⁴.

¹ “Оризон”, 1916, N95, 1-го мая.

² МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N63/3.

³ “Оризон”, 1916, N125, 7-го июня.

⁴ В телеграмме Джорджа Александера говорилось: “Я очень благодарен Вам за Ваше письмо-телеграмму от имени Общества армянских писателей и буду чрезвычайно признателен, если Вы будете добры передать высокую оценку правления нашего

Туманян не только не отказывался присутствовать на благотворительных вечерах разных организаций, но и старался содействовать им, чтобы они также имели возможность внести свой вклад в общее дело организации подобных общенациональных мероприятий. В марте 1915 г. Общество “Мегу” обратилось к Туманяну и попросило его организовать благотворительный вечер с целью передать половину полученного дохода семьям армянских воинов-добровольцев.

Поэт и сам старался выкроить время для участия в различных мероприятиях, имевших общественную значимость, независимо от того, кому принадлежала инициатива проведения этих мероприятий. 11-го мая 1917 г. он присутствовал и выступил на первом заседании Армянского Учительского съезда. Это его выступление, являвшееся фактически словом приветствия, до сих пор оставалось неизвестным и нигде не публиковалось. По этой причине мы считаем целесообразным привести его текст полностью. “Товарищи, мы живём в военное время, когда ценность воинов очень возросла, однако не следует забывать, что есть также борьба мрака и света, и в этой борьбе самая тяжёлая и трудная обязанность лежит на армянских учителях. В дни тиранического режима школа и литература были скованы, и литература, благодаря этой системе, не имела своего блестящего выражения. Теперь, когда школа должна возродиться в новых условиях, станет процветать и армянская литература, потому что эти две действенные силы органически связаны друг с другом. Отныне армянская литература вступит в свой новый период – благодаря возродившейся, свободной школе. Эта свобода должна быть не только внешней, но и внутренней. Внутреннее освобождение должно произойти в наших сердцах. Из освобождения сердца произойдут процветающая светозарная школа и литература. Завершая своё слово, от имени Общества армянских писателей приветствую съезд и желаю ему полного успеха”¹.

Вовсе не исключено, что составители двух научных изданий произведений Туманяна обошли это выступление по политическим соображениям, поскольку в советский период было не совсем удобно тиражировать выступление, которое свидетельствует о положительном отношении писателя к Февральской революции; вместо всегда подчёркивалось, что поэт связывал большие надежды с Октябрьской революцией. На самом же деле, Туманян признавал и считал Россию – вне зависимости от её политического строя – союзницей Армении и армянского народа.

комитета их сердечному приветствию, на которое мы отвечаем взаимностью”. МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N63.

¹ “Мшак”, 1917, N100, 16-го мая, стр. 4.

В литературном мире любая потеря не только огорчала поэта, но и отягчала его будни. В годы мировой войны одной из самых больших потерь в семье армянских писателей была смерть Александра Цатуряна. В этой связи Туманян созывал совещания, давал распоряжения, связывался со всеми культурными учреждениями. До нас дошли сведения о созданном писателем совещании 3-го апреля 1917 г., в восемь часов вечера¹.

На имя Туманяна приходили все телеграммы с соболезнованиями, значительную часть которых он предлагал редакциям для публикации. Среди этих телеграмм были соболезнования от бакинского журнала "Горц", телеграмма Иоаннеса Иоаннисиана, Аветика Тер-Погосяна из Эчмиадзина, Вячеслава Самуеляна из Шуши, председателя Московского общества армянских женщин, оказывающего помощь армянским студентам, – Катарине Жамгарян, а также другие телеграммы от самых разных организаций и частных лиц.

Туманян устроил литературный вечер, посвящённый памяти Ал. Цатуряна, и, как всегда, всю организационную работу взял на себя².

В годы Первой мировой войны в жизни армянской общественности Тифлиса знаменательным событием стали две лекции Валерия Брюсова, да и вообще брюсовские дни, организатором и душой которых был Ованес Туманян.

БРЮСОВСКИЕ ДНИ В ТИФЛИСЕ

Как уже отмечалось, в годы Первой мировой войны и Геноцида исключительно важным и значительным событием в литературной жизни армянского народа было издание антологии "Поэзия Армении" и приезд её редактора Валерия Брюсова на Кавказ. Одним из непосредственных организаторов визита русского поэта был Ованес Туманян.

Ещё в 1915 г. Туманян был осведомлён о подготовке к изданию большой антологии армянской поэзии и внимательно следил за работой по её созданию. Летом 1915 г. Погос Макинцян пишет Туманяну из Москвы:

"Мой дорогой Иван Фадеич!

Дело в том, что здешний комитет избрал редакционный совет (Ал. Цатурян, К.Микаэлян, Веселовский, К.Кусикян³)", которым и поручил дело издания сборника. В Москве находятся только Ал. Цатурян, К.Микаэлян, которые взялись за это дело. Мы начали с того, что обратились к В.Брюсову, чтобы он взял на себя обязанности редактора.

¹ Там же, N69, 6-го апреля, стр. 3.

² "Мшак", 1917, N74, 13-е апреля, стр. 3; N75, 15-го апреля, стр. 2.

³ Кусикян Карапет Борисович (1855 - 1915) - Преподаватель армянского языка в Лазаревском институте в Москве.

Совместно. Но он сказал, что без знания языка не может редактировать сборник, который будет полностью переводным. И вот я начал давать ему уроки армянского, и наши занятия продвигаются.

Кроме того, я предоставляю ему всё то, что написано об армянах, армянской литературе и армянской истории на русском, французском и немецком. Удивительно трудолюбивый человек, и уже всё, что есть на этих языках, прочитал, даже “Историю” Хоренаци в переводе Эмина.

И вот, ознакомившись с нашей средневековой поэзией и народными песнями в переводах Аршака Чопаняна, говорит – давай оригиналы... Саят-Нова... Всё, что есть у меня под рукой, дал ему. Но народных песен нет и нет.

Говорит – читай наизусть... Ни одной песни не знаю от начала до конца. Поэтому и вынужденно обращаюсь к Вам, чтобы послали всё, что есть.

...Брюсов, ознакомившись на французском языке, восхищён...

...Дорогой мой Иван Фадееч, и в эти красные дни как-то нет настроения заниматься такими вещами, которыми я сейчас занимаюсь, и тем более занимать этим других – но что поделаешь?..”¹.

После организованной в Москве 15 октября 1915 г. “Обществом свободной эстетики” лекции Брюсова, посвящённой армянской лирической поэзии, комитет бакинского “Общества любителей армянской словесности” (председатель – Тигран Ованнисян, секретарь – Цолак Ханзадян) 21 ноября на заседании своего правления принял решение пригласить Брюсова в Баку для участия в цикле лекций, организуемых в пользу армянских писателей-беженцев. 26 декабря Брюсов даёт своё согласие и посылает тезисы лекции. О том, что к инициативе пригласить Брюсова на Кавказ с самого начала был причастен и Туманян, свидетельствует телеграмма Тиграна Ованнисяна от 1-го января 1916 г., в которой он информирует поэта: “Желательно повторение лекции первого февраля театре или раньше клубе: прошу поговорить мною телефону привет Иоаннисянц”². Можно не сомневаться, что телефонный разговор с обсуждением организации приезда и пребывания Брюсова на Кавказе состоялся в те же дни, до прибытия поэта в Баку 7-го января³.

Уже 3-го января 1916 г. Туманян предложил правлению руководимого им Общества армянских писателей пригласить Брюсова также в Тифлис для чтения лекций⁴. Все члены правления единогласно решили, что “приглашение Брюсова в Тифлис важно со многих точек зрения для нашего народа и литературы”⁵. На том же заседании было принято решение организовать в честь Брюсова “обед с музыкальным сопровожде-

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1638 (384 доп.).

² Там же, N1526 (985 доп.).

³ МЛИ, ф. Тиграна Ованнисяна, N264.

⁴ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N45/1.

⁵ Там же.

нием". Организовать "музыкальную часть обеда" было поручено Д.Демирчяну¹.

Уже в первые дни января 1916 г. Валерий Брюсов был на Кавказе – первоначально по приглашению Бакинского Общества армянских любителей словесности, а затем и по приглашению Ов.Туманяна. Видный русский поэт В.Брюсов представлял армянской, русской и инонациональной общественности огромную роль многовековой армянской литературы и культуры в истории человеческой цивилизации.

8 января 1916 г. Брюсов прочитал в Баку лекцию об армянской поэзии, приводя в качестве иллюстративного материала свои переводы.

11 января (по ошибочному утверждению жены Брюсова Иоанны Матвеевны, 13-го января) Брюсов прочитал свою вторую лекцию в Баку. И на первом, и на втором вечере председательствовал поэт Иоаннес Иоаннисиан, функции секретаря выполнял Цолак Ханзадян.

11 января 1916 г. Тигран Ованнисян телеграфирует из Баку Туманяну: "Брюсов выедет понедельник вечером 11 часов встречайте закажите Ориенте номер = Иоаннисянц"².

Повсеместно в кругах армянской общественности возникал живой интерес к личности Брюсова и его лекции. 12-го января 1916 г. Гегам Армен из Александрополя сообщает Туманяну, что Общество "Дети Алагяза" "изъявило большое желание пригласить видного русского поэта В. Як. Брюсова и просить повторить в Александрополе свою лекцию об армянской поэзии"³. С этой целью там была создана специальная комиссия, которая собиралась приступить к организационным вопросам сразу же после получения согласия Брюсова. Комиссия была готова преодолеть любые трудности организационного и экономического характера, предоставить русскому поэту лучший номер в перворазрядной гостинице города, приставить к нему специальных сопровождающих, которые будут готовы выполнить любое желание Брюсова и ответить на все интересующие его вопросы. Однако для этого организаторам необходимо было заручиться поддержкой Ованеса Туманяна: присутствие армянского поэта в Александрополе рядом с Брюсовым было для них очень желательно. Гегам Армен пишет: "Я очень надеюсь, что Вы можете уговорить русского мастера исполнить наше желание... А если бы вы вместе с русским поэтом также соизволили присоединиться, мой дорогой и благородный друг, это уже должно наполнить сердце каждого ликованием и высшим чувством"⁴.

12 января 1916 г. днём Брюсов прибывает из Баку в Тифлис. На вокзале русского поэта и его супругу Иоанну Матвеевну Брюсову встре-

¹ Там же.

² Там же, N1527.

³ Там же, N1085 (292 доп.).

⁴ Письмо было отправлено через актёра Айка Хосровяна, который был избран посредником для передачи пожеланий Брюсова александропольцам. См.: там же.

чают Ованес Туманян вместе с дочерью Нвард и весь состав правления Общества армянских писателей. Специально ради встречи с Брюсовым и участия в брюсовских днях в Тифлис из разных мест съехались представители армянской интеллигенции. Среди них был и Погос Макинцян, приехавший из Еревана, где он работал в то время школьным учителем. Встретив дорогих гостей букетами цветов, Туманян сопровождает их в находившуюся на Головинском проспекте первоклассную гостиницу “Гранд отель”, где заказал для них лучший двухкомнатный номер.

Первый же вечер Брюсов с женой проводят в гостях у семьи Туманяна, в его квартире по ул. Вознесенская, 18. В гостеприимном доме армянского поэта московским гостям составляют компанию армянские и грузинские писатели, представители интеллигенции. Вечер прошёл в тёплой и дружеской обстановке. Нвард Туманян так рассказывает об этом вечере: “Отец пригласил их к нам домой на ужин. Денег у него не было, одолжил у Макинцяна. Дома также мы ничего заранее не приготовили, однако отец со всей беззаботностью пригласил гостей и встречавших на ужин. Мы пошли на рынок по улице Пушкина, сделали покупки, принесли домой. В девять часов прибыли гости. Вечер прошёл тепло и интересно”¹.

На следующий день, 13-го января, в зале Тифлисского Артистического театра состоялась лекция Брюсова об армянской поэзии. В эти дни ещё были свежи боль и горечь из-за кровавой массовой резни армянского населения в Западной Армении. Не успевший оправиться после ужасающих, душераздирающих картин и кошмаров, опасности физического уничтожения, армянский народ выслушивал исключительно высокую оценку своей духовной культуры из уст выдающегося деятеля русской литературы. Речь Брюсова констатировала право армянского народа на духовное и физическое существование. И этим также во многом было обусловлено то большое воодушевление, с которым была воспринята лекция Брюсова. В своём приветственном слове Туманян напомнил, что Брюсов “называет армянскую поэзию свидетельством благородства армянского народа”², а затем сказал: “О нашей поэзии, о нашей культуре просвещённый мир и, в особенности Россия, знают мало. Вы явились первым из русских поэтов, который вместе со своими известными коллегами широко знакомит читателя с поэзией, творческой силой армянского и других братских народов и связывает эти народы узами взаимного уважения и любви” (7, 220)³.

В дни страшных испытаний, в самое трагическое и тяжёлое для армянского народа время Туманян не мог ни на минуту забыть, что “родина армян истерзана и истекает кровью от края до края, армянин лишь глубоко мучается и страдает, но не отчаивается, не впадает в уныние, и

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 136.

² Ов. Туманян. Избранные произведения в трёх тт., т. 3, Ер., 1969, с. 100.

³ См. также: Ованес Туманян, Избранные произведения в трёх томах, т. 3, Ер., 1969, с. 101.

творческий дух его не ослабевает ни на мгновение” (7, 219)¹. Геноцид армянского народа продолжался, и поэтому поэт попытался изложить свои размышления о сходстве, общности судеб армянских писателей разных поколений и разных эпох. Эту мысль довольно схематично, всего несколькими штрихами, поэт выразил в своей небольшой статье “Армянская история”. В смятенной душе поэта всё ещё не утихала боль по зверски убитым собратям по перу. В оставшейся черновым наброском статье о лекции Брюсова Туманян напоминает читателям о трагически погибших западноармянских писателях и поэтах – Зограбе, Сиаманто, Варужане, Р.Севаке и обо всех других замученных жертвах геноцида, напоминает об оставшихся незахороненными окровавленных трупах: “И в эти минуты также наши сердца объаты скорбью – в какую пустыню утнаны наши талантливейшие поэты и писатели Турецкой Армении, и на каких неведомых дорогах лежат их пронзённые кинжалами трупы?”

Вот так, несмотря на то, что кинжал нередко оказывался в груди наших лучших сыновей, наш национальный гений никогда не прекращал творить...” (7, 568). Однако речь Туманяна не могла выражать одну только скорбь и горечь; даже в самые трудные и безнадёжные дни войны и Геноцида он находил какой-нибудь луч света, чтобы сорвать власть зла и мрака над нашей страной и нашим народом, и поэтому он сразу же добавлял: “Даже в эти ужасающие дни бедствий мы опечалены, но не побеждены отчаянием – и мысль армянина не перестаёт творить” (7, 568).

Валерий Брюсов в представлении Туманяна явился “одним из тех немногих людей, который сумел прочесть... волшебные письма и обнаружить их миру”². Туманян здесь имел в виду известную строку Саят-Новы, высеченную на памятнике поэта-ашуга: “Не всем мои писанья чтить – особый смысл у слов моих”.

В глубокой и содержательной лекции В.Брюсова армянская многовековая поэзия представлена как гармоничное единство, как синтез культур Востока и Запада, которая, однако, очень своеобразна и самобытна и представляет собой поистине уникальное явление, потому что смягчает, уравнивает в себе сдержанность и гармонию Запада и сугубо восточную цветистость и пышность образов.

По мнению Брюсова, армянская поэзия десятого века “дошла до такой высоты, до которой не может добраться ни какая-либо другая лирика, ни европейская поэзия того же периода... Ни одна нация не имела духовного поэта, подобного Нарекаци, и в средние века европейцы не имели столь же талантливых и чувственных поэтов, как средневековые армянские лирики”³. Характеризуя своеобразие поэзии Григора Нарекаци, Брюсов отмечал, что у него “религиозное чувство соединяется с истинным

¹ Там же, стр. 100.

² Ованес Туманян, Избранные произведения в трёх томах, т. 3, Ер., изд-во “Айастан”, 1969, стр. 101.

³ “Оризон”, 1916, N11, 17-го января; N20, 28-го января.

поэтическим вдохновением, и многие аллегорические гимны этого поэта остаются прекрасными, независимо от их богословского толкования"¹. По другому поводу он писал, что "Тригор Нарекаци довел до высокого совершенства форму стихов, любовно культивируя звукопись задолго до того, как она расцвела в лирике персидской и арабской"².

В своей лекции Брюсов также подчеркнул жизнеспособность армянской поэзии, которая, несмотря на неблагоприятные исторические обстоятельства, всегда умела воспевать жизнь, любовь, природу, надежду. Он считал, что ионациональные литературоведы и критики в обязательном порядке должны пристально изучать армянскую поэзию, что это является велением времени, императивом и неизбежной необходимостью.

После лекции состоялся большой банкет в честь Брюсова, в котором участвовали около двухсот гостей, в том числе русские, грузины, а также литературоведы, писатели, публицисты, общественные и политические деятели других национальностей. Пиршество, на котором тамадой был градоначальник Тифлиса Александр Хатисян, постепенно превратилось в вечер дружбы народов. С тостами выступали Ов.Туманян, Д. Демирчян, князь Гр. Диасамидзе, И. Накашвили, Гр. Робакидзе³, С. Канчели и другие. В газетной информации о литературном вечере и его "художественной части" отмечалось: "В этот вечер чувствовалось, какую волшебную силу имеет литература: она сближает народы"⁴.

Если до тифлисской лекции только александропольское Общество "Дети Алагяза", действуя через Туманяна, приглашало Брюсова для выступлений в своём городе, то после 13-го января приглашения посыпались на русского поэта как из рога изобилия. Он получал всё новые и новые приглашения из Армении и разных армянонаселённых районов Грузии. На некоторые из этих предложений, судя по всему, Брюсов отвечал согласием. Об этом можно утверждать исходя из опубликованных в периодических изданиях сообщений, в которых указывалось на предстоящие лекции поэта в Александрополе, Ереване, Гандзаке и Кутаиси. И снова почти все приглашения Брюсову сперва адресовались Ованесу Туманяну. И почти во всех случаях, как, например, в случае с попечительским советом батумских армянских школ, приглашающая сторона настаивала на том, чтобы Туманян непременно сопровождал Брюсова. В одной из телеграмм, адресованных Туманяну и опубликованных в газете, говорилось: "Визит именитого поэта Брюсова, так же как и Туманяна, непременно внесёт

¹ В. Брюсов. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. – В кн.: "Брюсов и Армения", т. 1. Ереван, 1988, с. 89.

² Там же.

³ Робакидзе Григол Титович (1884 - 1962), грузинский писатель; писал на грузинском, русском и немецком языках. Создатель грузинской символистской литературной группы "Голубые роги". В 1931 эмигрировал в Германию.

⁴ "Оризон", 1916, N23, 31-го января.

определённую свежесть в местную тривиальную жизнь”¹. Однако из всех указанных выше городов русский поэт повторил свою лекцию только в Ереване. И в других городах – в Ереване, в Эчмиадзине – Брюсова сопровождал не Туманян, а П. Макинцян. В сопровождении последнего Брюсов отправился из Тифлиса в Ереван 14-го января. И эту поездку также организовал Ов. Туманян, подключив к делу не литературных деятелей, а членов своей семьи. “В годы войны дороги были настолько перегружены, что найти свободное место в вагонах было невозможно, - свидетельствует Иоанна Брюсова. – Один из сыновей Туманяна занял для нас купе в пустом вагоне, ещё задолго до отправления поезда”².

Прочитав 18-го января свою лекцию в Ереванском городском клубе, Брюсов вернулся в Тифлис. “Когда мы, вернувшись из Еревана, вновь приехали в Тифлис, Туманян и Брюсов встретились, расцеловались, словно родные, - пишет Иоанна Брюсова. – Не требовалось большой наблюдательности, чтобы увидеть на их лицах какое-то особенно сдержанное, тёплое чувство”³.

Вторая лекция Брюсова в Тифлисе – “Исторические области Армении и развитие армянской поэзии” – была отложена и состоялась 22-го января 1916 г. Она не имела громкого успеха первой лекции⁴. Корреспондент газеты “Арев” в информации от 30-го января пишет, что в этой лекции “не были упомянуты литературные памятники 7-10 веков, архитектурные памятники, не было сказано об Ани – городе, который сам по себе является прекрасным синтезом разных культурных начал”⁵.

Как верно отметил литературовед Анушаван Закарян, одной из причин неудачи второй лекции Брюсова являлся выбор темы, для освещения которой требовалась многолетняя исследовательская работа видных учёных-армноведов, серьёзные специальные литературоведческие познания.

Много писалось и говорилось о большом значении этих лекций. Тифлисский корреспондент газеты “Арев” послал в Баку информацию о том, что все восхищены лекциями русского поэта, и вот уже неделя, как имя Брюсова у всех на слуху, что благодаря этим лекциям в школах начали активно и заинтересованно изучать средневековую армянскую лирику, и армянскую поэзию читают повсюду – в издательствах, в парках и домах⁶. Об этом же пишет и газета “Кавказское слово”⁷. О значении лекций Брюсова говорилось в статьях и заметках “Наша действительность” Г. Чалхушяна⁸, “Лекция Брюсова” М. Матенчяна¹, “Постыдное явление”

¹ Там же, N15, 22-го января.

² Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 694.

³ Там же, стр. 695.

⁴ Более подробно о причинах этой относительной неудачи см.: Анушаван Закарян, “Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914-1920)”, Ер., 1984.

⁵ Газета “Арев”, 1916, 30-го января.

⁶ Там же, 21-го января.

⁷ “Кавказское слово”, Тифлис 1916, 15-го января.

⁸ “Оризон”, 1916, N28, 7-го февраля.

Микаэла Варданяна², “Объяснение” Ов.Туманяна (7, 218)³, в анонимной заметке “Бакинская лекция В.Брюсова”⁴, а также в заметках и статьях “Ереванская лекция” А-До⁵, “По поводу ереванской лекции” Марта Арутюняна⁶, “Вопросы армянской литературы” Лео⁷, и в многочисленных других публикациях. В газете “Оризон” о своих впечатлениях от первой тифлисской лекции Брюсова из номера в номер рассказывает какой-то журналист, скрывавший своё настоящее имя за подписью “Один зритель”. Эти корреспонденции под общим заголовком “Брюсов на Кавказе” печатаются в газете с 22-го января по 31-января⁸.

Почти вся армянская периодика была наводнена откликами на лекции Брюсова и их толкованиями. Вот несколько свидетельств очевидцев: “В тот вечер невозможно было не почувствовать, видя столько армян, то большое общественное значение, которое имела лекция Брюсова”⁹, или: “Мы чувствовали в этот вечер сердце Руси, которое искало и нашло наше сердце. Вот почему мы называем этот вечер явлением, а не лекцией”¹⁰; или: “Брюсов со своими товарищами открыл для нашей и русской общественности Дарданеллы”¹¹.

В эти же дни начинают переводиться на армянский язык и публиковаться стихотворения Брюсова, такие, как “На медленном огне горишь ты и сгораешь, Душа моя”, “Поблек предзакатный румянец” в переводах Г.Калашяна, “Каменщик” в переводе Сим. Бабаяна, “Жрец” (“Бронзовая статуя”) в переводе Ов. Туманяна, “Утренняя звезда” в переводе Оноприоса Анопяна и т.д. Публикуются и перепечатываются переводы Брюсова из армянской поэзии, в том числе “Ласточка” (в русском переводе - “Милый стриж”) Геворга Додохяна¹². Армянские поэты посвящали стихотворения Брюсову. В известном стихотворении Ов.Туманяна “Явился из снегов, издалека”, посвящённом В.Брюсову, пришедший “из страны снегов” русский поэт пробуждает новые желания и надежды на лучшее будущее и счастливую жизнь, приносит с собой добро и любовь.

Явился из снегов, издалека,
Призвал к величью духа и любви,
И стала так чиста и глубока

¹ Там же, N11, 17-го января, стр. 4.

² Там же, N9, 15-го января.

³ Там же, N10, 16-го января, стр. 3.

⁴ Там же, N13, 20-го января, стр. 3.

⁵ Там же, N18, 26-го января, стр. 3.

⁶ Там же, N25, 3-го февраля, стр.2.

⁷ Там же.

⁸ Там же, N9, 15-го января, N18, 26-го января; N20, 28-го января; N23, 31-го января.

⁹ Там же, N18, 26-го января.

¹⁰ Там же, N15, 22-го января.

¹¹ Там же.

¹² Додохян Геворг Аствацатурович (17 февраля 1830 - 8 июля 1908) - армянский поэт, преподаватель, переводчик.

Надежда, овладевшая людьми.

(Перевод Б. Ахмадулиной)¹

Ованес Туманян был воодушевлён и горд высокой оценкой, данной Валерием Брюсовым армянской духовной культуре, тем более в такое трудное для его соотечественников время, и в своём стихотворном посвящении русскому собрату по перу он лелеет надежду и мечту на счастливое будущее для своего многострадального народа, мечтает увидеть, как “страны согласуют голоса под общим небосводом доброты”². Поэт изъявляет желание, чтобы люди всегда помнили, “что лишь им дано явить собою нравственность земли”³. Заключительная строфа посвящения дышит неколебимым оптимизмом.

И прав поэт, что предсказал нам бег
Времён – в пресветлый и желанный век,
Где человека любит человек,
Где с человеком счастлив человек.

(Перевод Б. Ахмадулиной)⁴

Стихотворение было посвящено Брюсову, однако в каждой его строке стучало и билось суровое время, и перед лицом ужасов и страшных испытаний военного времени желание поэта, чтобы люди стали лучше и совершеннее, чтобы они сильнее и искреннее любили друг друга, воспринимается как призыв бороться за добро и красоту, как вызов эпохе. Конечно, самой большой мечтой поэта было и оставалось осуществление заповедей Священного Писания, чтобы можно было любовью и добром победить зло, но он при этом вовсе не был настолько наивен, чтобы верить в перевоплощение или поражение человека-зверя и человека-людоеда в обозримом будущем, и даже более того – в ближайшие столетия. Не случайно и то, что уже следующим после его мажорного и оптимистичного посвящения Брюсову было стихотворение “Перед адом”, которое написано в совершенно иной тональности и является своего рода предупреждением, предостережением людям о том, что человек-зверь не только живёт и процветает, но и находится в опасной близости, по соседству, и его нужно серьёзно опасаться.

Возвращаясь к стихотворному посвящению Брюсову, отметим, что воодушевление Туманяна исходило как из его личной симпатии к Брюсову, так и из его отношения ко всей русской литературе.

Разделяя озабоченность Туманяна отсутствием в Тифлисе серьёзного литературного периодического издания, Брюсов предложил исполь-

¹ Ов. Туманян, Избранное, М., 1988, “Худ. лит.”, стр. 322.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

зовать денежные средства Общества армянских писателей в основном для этой цели. Он неоднократно утверждал, что необходимо “в широкой перспективе основать журнал и обеспечить его издание”¹. Туманян давно уже задумывался над этим вопросом и несколько раз созывал собрания с этой целью, но это его намерение так и не было осуществлено. Военное время диктовало свои условия и свои правила игры: все армянские писатели бедствовали, находились в нищенском положении; каждому необходимо было помогать, выдавать пособия или бессрочные ссуды. Многие писатели были не в состоянии выплачивать ежегодные членские взносы в размере пяти рублей.

Учредить литературный журнал в Тифлисе не удавалось, однако в 1916 г. Туманян активно сотрудничал с издаваемым в Москве Т.Амиряном “Московским вестником”, постоянными авторами которого были В. Брюсов, Ю. Веселовский, А. Дживелегов, В. Тотомянц, К. Шаховский, А. Авсаркисов и другие.

Во все дни своего пребывания в Тифлисе Брюсов был неразлучен с Туманяном. Армянский поэт организовывал для своего русского гостя различные экскурсии. Он сопровождал семью Брюсовых к памятнику Саят-Новы во дворе церкви Сурб Геворг, повёл их на гору Св. Давида и в монастырь Св. Давида, чтобы Брюсов мог преклонить колени перед могилой А. Грибосдова. Оба поэта побывали в тифлисском Ботаническом саду и в окрестностях города, во всех его предместьях. Кроме того, в часы обеда и ужина Брюсов в обязательном порядке был гостем семьи Туманяна, в его доме, который правомерно считался самым гостеприимным и хлебосольным очагом во всём Тифлисе.

В своём «Слове, обращённом к Брюсову» Туманян отметил: «До сегодняшнего дня из России посылали к нам полицейских, чтобы ловить воров, разбойников и негодяев. Они приезжали и находили и воров, и разбойников, и негодяев. Посылали к нам прокуроров – разоблачать убийц и преступников и судить их. Они приезжали и находили убийц и преступников. ...Но никогда не посылали из России поэтов, чтобы искать на Кавказе поэзию. И теперь впервые приезжает к нам русский поэт, чтобы познакомиться с армянской поэзией. Впервые к нашей поэзии приобщаются выдающиеся русские поэты и находят в ней многие ценности. И отныне пройдёт по России слух, что на Кавказе есть у армян поэзия, и поэты...»².

За день до своего отъезда, 23-го января 1916 г., когда Брюсов, как обычно, гостил в семье Туманяна, между поэтами открылся разговор о переводах. Брюсов поинтересовался мнением Туманяна насчёт перевода поэмы “Ануш”, принадлежащего перу Вячеслава Иванова. Туманяну не

¹ “Оризон”, 1916, N15, 22-го января, стр. 3.

² Ованес Туманян, Избранные произведения в трёх томах, т. 3, Ер., “Айастан”, 1969, стр. 288-289.

нравился этот перевод, но он со свойственной ему тактичностью ответил мягко и с юмором, выразив своё сожаление по поводу постигшей переводчика неудачи: “Неплохо, но только жаль, что моя Ануш превратилась в блондинку”¹. А Вяч. Иванов, по свидетельству Мартироса Сарьяна, с большим восхищением отзывался о поэме и о Туманяне, лелеял надежду встретиться с армянским поэтом и лично выразить ему свое восхищение².

Валерий Брюсов с женой выехали из Тифлиса 24-го января 1916 г., передав Туманяну в момент расставания стихотворение “К армянам”, написанное днём раньше. Туманян опубликовал его в газете “Оризон”, в номере за третье февраля. Туманян, в свою очередь, приготовил для русских гостей на дорогу большой свёрток с едой и дал Брюсову свою фотокарточку с просьбой передать её Карену Микаэляну – для включения в готовящийся к изданию сборник.

Чета Брюсовых по приезде в Москву послала семье Туманяна посылку со сладостями – в знак благодарности за радушный приём и гостеприимство. Брюсов послал также телеграмму Туманяну: “Присоединяемся общей радости приветствуем наших друзей, Брюсовы”³.

В душе Валерия Брюсова ещё долго жили неизгладимые впечатления о поездке на Кавказ, и особенно – воспоминания о встречах с Туманяном, о светлой личности и щедрой душе армянского поэта. Об этом свидетельствует его стихотворное посвящение Туманяну, написанное 25-го февраля 1916 г. Он приложил его к своей дарственной надписи на титульном листе первого тома “Полного собрания сочинений и переводов”⁴. Приводим этот автограф и приложенное к нему стихотворное посвящение.

“Ивану Фаддсевичу⁵ Туманяну, поэту. Блистательнейшей звезде светлого трехзвездия армянской поэзии – от сердечно преданного автора”⁶.

И. Ф. Туманяну

... Да будет праведно возмездие

Судьбы – и в годах и в веках:

¹ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 138.

² М.Сарьян, “Воспоминания об Ов. Туманяне”, “Гракан терт”, Ер., 1939, N12, 15-го апреля, стр. 2.

³ МЛИ, ф. Ов.Туманяна, N1058.

⁴ В.Я. Брюсов, «Полное собрание сочинений и переводов», т 1, М,1913.

⁵ Сразу же сблизившись с Туманяном, Брюсов обращался к нему по имени и отчеству, в русифицированном варианте. Однако, как свидетельствует Нвард Туманян, вскоре Брюсов узнал, что отца Туманяна Тадевоса до рукоположения в священники звали Асланом (тюркское слово, означающее “лев”), и с этого дня в полушутку называл Иван Львович. Лео также подхватил это обращение и стал называть Туманяна Иваном Львовичем. См. Н.Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 137.

⁶ Брюсов и Армения: В 2-х кн. Составление, вступительная статья и примечания К. Айвазяна, С. Дароняна, Г. Татосяна. Ереван, гос. Пед ин-т рус. и иностр. яз. им. В.Я. Брюсова. Кн. 14. Стихи, статьи, очерки, письма В.Я. Брюсова. Ер. “Совет грох”, 1988, 380 с., стр. 323-324.

Так! Создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.

Пусть звёзды малые и крупные
Тебя кропят, пронзая тьму:
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянию твоему!¹

12-го апреля 1916 г. Туманян посылает Брюсовым телеграмму: “Получили. Тронуты. Всегда с восторгом вспоминаем наших дорогих друзей. Приветствуем, целуем” (10, 237). Вероятнее всего, это ответ на посылку со сладостями, которую послали Брюсовы по прибытии в Москву.

В письме к Ов. Туманяну от 13-го апреля 1916 года Брюсов писал: “Не буду упреждать события и не буду говорить о достоинствах книги,— да мне, как се редактору и главному сотруднику, это не пристало. Но считаю себя вправе похвалиться одним достигнутым результатом: еще до выхода в свет книги она возбудила в широких кругах русских читателей интерес к армянской поэзии. Недавно я читал лекцию о «Средневековой армянской поэзии» (от Григория Нарекского до Саят-Новы), в университете (в обществе любителей российской словесности) и мог убедиться, как заинтересованы читатели, раньше и не думавшие о существовании армянской поэзии. И я получаю много писем, от армян и русских, свидетельствующих об том же. Если достигнута будет одна эта цель, и то я признаю свою работу окупившейся в сто и более раз”².

Год спустя, 3-го марта 1917 г., в связи с выходом в свет антологии “Поэзия Армении”, Ованес Туманян организовал литературный вечер на русском языке под названием “Ночь армянской поэзии”. В музыкальной части вечера принимали участие хор Армена Тиграняна, ансамбль ашуга Азири, Мушег Агаян и Никол Агбальян, который исполнял песни Саят-Новы. Хор женской гимназии Овнанян исполнил песню “Наша родина”.

Благодаря огромной популярности русскоязычной антологии и стараниям Туманяна зал был настолько переполнен, что “из-за тесноты были случаи обмороков”³.

В январе 1917 г. Валерий Брюсов снова получил приглашение от Бакинского Общества любителей армянской словесности и побывал в Баку, выступив с лекциями на разную тематику. Туманян попытался воспользоваться удобным случаем и пригласить русского поэта в Тифлис — с тем, чтобы он прочитал три лекции: о видном бельгийском поэте Эмиле Верхарне, о Пушкине и о восточных философах (“учителях”). Однако вскоре из газетных сообщений Туманян узнал, что “в Баку заболел Валерий Брюсов”⁴. 18-го января 1917 г. Брюсов телеграфирует Туманяну и

¹ Там же, т. 1, с. 38.

² Там же, с. 315-316.

³ “Оризон”, 1917, N48, 5-го марта, стр. 3.

⁴ Там же, N19.

просит его либо отложить, либо отменить вообще свои лекции в Тифлисе. “Расхворался если возможно умоляю отменить или перенести Великий Пост подробности письмом крайне извиняюсь приветствую всех Валерий Брюсов”¹. Зная организованность и пунктуальность Туманяна, мы можем смело предположить, что поэт в ответной телеграмме (она, к сожалению, не сохранилась) дал своё согласие и выразил своё беспокойство по поводу болезни друга. Об этом свидетельствует новая телеграмма Брюсова, датированная 19-м января 1917 г. “Благодарю, здоров тронут любезным приёмом предпочитаю если можно ехать двадцать третьего субботу Брюсов”². 25-го января Туманян публикует в газетах сообщение, обещая, что “Брюсов скоро приедет из Баку в Тифлис”³. Однако состояние здоровья Брюсова снова ухудшается, в Баку его лекции то и дело откладываются, к тому же русского поэта ожидали неотложные дела в Москве. 1-го февраля Брюсов уже был в Москве и оттуда послал объяснительное письмо Туманяну, в котором оправдывался, приносил свои извинения и ссылался на невозможность приезда в Тифлис. Он обещал позднее специально приехать в Тифлис и только там прочитать свои лекции. В своём письме Брюсов пишет:

“Дорогой и многоуважаемый Иван Фаддеевич!

Не знаю, как и извиняться перед Вами – в том, что вовлёк Вас в хлопоты, обещав приехать в Тифлис, а потом принуждён был отказаться от этой чести и удовольствия. Ибо, поистине, я считаю большой честью читать под Вашим председательством, и для меня было бы огромным наслаждением – вновь увидеться с Вами и со всем тем тифлисским кругом, который так радушно встретил нас, И.М. (Иоанну Матвееву – С.О.) и меня, в прошлом году и который мы сердечно полюбили. Но судьба судила иное. Во-первых, лекции мои в Баку затянулись, а в Москве ждали меня неотложнейшие дела. ...Как бы то ни было, я решительно не мог ехать в Тифлис, и ещё раз очень, очень извиняюсь в этом перед Вами. Если Вы всё же хотите, чтобы я прочёл одну или несколько лекций в Тифлисе, я постараюсь приехать ...во вторую половину поста. Разрешите подробнее написать Вам об этом плане из Москвы, когда выяснится точнее, в какие дни мне можно будет предпринять это путешествие. Теперь же я должен только просить Вас отнестись к моему отъезду снисходительно и верить, что мне больше всех было трудно отказаться от мечты увидеться с Вами и вновь побывать в Тифлисе. Наиболее пострадавший в этом всё же я, так что не лишайте меня Вашего доброго расположения, которое мне так дорого.

.... Вас лично от души благодарю за доброе внимание и за предупредительное желание устроить мою лекцию. Верьте, что я неизменно

¹ МЛИ, ф. Ов.Туманяна, N1056.

² Там же, N1057.

³ “Оризон”, 1917, N17, 25-го января, стр. 3.

люблю Вас, как исключительного художника и глубокого поэта, и сердечно предан Вам за все Ваше дружественное к нам отношение”¹.

В протоколе заседания правления Общества армянских писателей от 16-го февраля 1917 г. кратко, но вместе с тем вполне определённо отмечается: “Брюсов спросил у председателя, когда правление считает его приезд удобным.

Просить, чтобы приехал после Пасхи”².

22-го февраля Туманян снова информирует тифлисскую армянскую общественность, что “в один из предстоящих субботних дней В.Брюсов прочитает в Тифлисе лекцию, а в субботу Пасхи с лекцией выступит Ю.Веселовский”³. Из этого газетного сообщения узнаём, что Туманян пригласил в Тифлис и Юрия Веселовского.

И всё-таки второму приезду Валерия Брюсова в Тифлис так и не было суждено состояться. Возможно, причиной тому были политические потрясения, опасности, подстерегающие на дорогах в нестабильное военное время, а возможно, поездке помешали какие-то личные дела или другие причины. Однако в архиве Кавказского общества армянских писателей до нынешнего дня сохранились тезисы и программы этих несостоявшихся лекций русского поэта⁴. В своём письме Туманяну от 10-го апреля 1917 г. Брюсов снова просит прощения за то, что не может приехать с Тифлис.

С такими же тёплыми и яркими впечатлениями рассталась с Тифлисом и Туманяном супруга русского поэта – Иоанна Матвеевна Брюсова, которая годы спустя, когда многие события и лица успели потускнеть в её памяти, с большой душевной теплотой отзывается от незабываемом “добропорядочном” образе Туманяна. И.Брюсова пишет: “Центром армянской литературной жизни в то время был Тифлис. Здесь вокруг Ованеса Туманяна объединились многие армянские литераторы...

Из всех моих воспоминаний о тифлиских встречах самыми яркими являются воспоминания, относящиеся к Ованесу Туманяну. Все лица помутнели перед неизгладимым образом незабываемого поэта... Вообще серьёзный и задумчивый Туманян умел быть очень любезным и сердобольным человеком, заботливым отцом (любил гордиться своими детьми), и одновременно самым остроумным собеседником”⁵.

Таким образом, благодаря непосредственным стараниям и усилиям Туманяна состоялись брюсовские дни в Тифлисе, которые в период 1910-х годов и Первой мировой войны стали одними из самых интересных и знаменательных страниц армянской национальной культурной жизни.

Подобная широкомасштабная деятельность Ованеса Туманяна в годы мировой войны и Геноцида ещё раз подтверждает убеждение поэта,

¹ Брюсов и Армения, т. 1, сс. 316-317.

² МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N46/3.

³ “Оризон”, 1917, N38, 22-го февраля, стр. 3.

⁴ МЛИ, ф. Кавказского общества армянских писателей, N181.

⁵ Ов.Туманян в воспоминаниях современников, стр. 694.

согласно которому независимо ни от чего каждая отдельная личность или нация до последнего мгновения своей жизни, своего физического существования должны опираться на свои духовно-культурные ценности. В предисловии к сборнику литературно-художественных произведений начинающих писателей под названием “Раздан” поэт высоко оценил то обстоятельство, что западноармянские и восточноармянские писатели выступают объединённо, под одной обложкой. Он приветствовал объединение двух расколотых, раздвоенных частей армянского народа и подчёркивал устремлённость, предрасположенность своих соотечественников к творческой деятельности, видя в этом залог их жизнеспособности. “Но непотопляемо стремление нашего народа к культуре, и его жажда и ирвенне к творчеству – непреодолимы.

Как только наш всё потерявший беженец развёл огонь на зелёной траве, одной из первых его забот стало основать библиотеку, открыть школу и издавать газету.

Вот и теперь, когда кровь и слёзы одной стороны ещё не высохли, а другая сторона колышется от дыхания жестокой тревоги, наши молодые писатели обоюднo сблизилсь, соединили слёзы горестей своего прошлого и радостей своего будущего, чтобы оросить и излечить потрясённую душу армянства” (7, 369).

Сколько бы Туманян ни занимался проблемами и заботами беженцев и детей-сирот, он так и не отошёл от культурных, литературных проблем своего народа, не забыл о литературе и искусстве, потому что в тот труднейший период он был более чем уверен в тех доктринах, которые отстаивал в статье 1918 года “Выход”. “Народы могут забыть многое, но не могут забыть свою историю, свою культуру. И действительность доказывает, что культурно-исторические принципы являются более ценными для народов, нежели даже этнические” (7, 388).

Именно этим была обусловлена равноценная и одновременная борьба поэта сразу на двух баррикадах – национальной и культурной.

ТВОРЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА В 1914-1918 гг.

ПУБЛИЦИСТИКА

Несмотря на то, что время и условия были очень неблагоприятными, Туманян старался использовать каждую возможность, чтобы заниматься творчеством, литературной деятельностью, чтобы хотя бы в этом находить душевный покой. Однако поэту никак не удавалось обрести этот покой, поскольку заниматься творчеством при его перегруженности неисчислимыми заботами и обязанностями было очень трудной задачей. 12 августа

1916 г. поэт пишет в письме Цолаку Ханзадяну: “Только теперь я чувствую, насколько, в сущности, разбит и устал; не пишу, да и не могу. Такой усталый и отравленный усталостью человек разве может писать стихотворения?” (10, 248).

Среди почти ста статей публицистической и общественно-политической направленности, написанных Ов. Туманяном в 1914-1918 гг., восемнадцать остались незавершёнными, в черновых набросках и были опубликованы только после смерти поэта, а шесть из 83-х опубликованных статей увидели свет в разных сборниках и книгах в виде предисловий или пояснений. Остальные статьи и выступления нашли место в периодических изданиях эпохи – в армянских газетах “Оризон” (44), “Мшак” (3), “Харисх” (1), “Лума” (1), “Айастан”(1), “Горц”(1), “Жоговрди дзайн” (“Глас народа”) (1), а также в русскоязычных газетах “Республика” и “Кавказское слово”.

В 1914 г. поэт намеревался вновь посетить Ани, чтобы отвезти материалы для местного хранилища рукописей (матенадарана). Намерение это во многом было обусловлено активной арменоведческой деятельностью Н.Марра в этот период. Ещё 29-го июня 1914 г. тифлиссские газеты сообщили о прибытии Марра¹. А 18-го июля в газетах появилась информация о том, что Н.Марр основал хранилище рукописных книг при музее Ани, основу которого составляла научная литература не только по истории города, но и по археологии и археографии вообще². Однако начавшаяся война внесла свои коррективы и помешала осуществлению планов поэта.

Были нарушены и многие другие намерения Туманяна, в том числе все его творческие планы. 23-го июля 1914 г. поэт пишет в письме к Арменуи Тигранян из дачного местечка Цагвер: “Я очень и очень устал, как физически, так и морально, и этот дачный уголок был большой удачей для меня, но и это отравила война... Было настроение немного позаниматься – и снова не получилось. Наряду с внешними причинами вновь помешали внутренние причины, как всегда” (10, 208). Даже во время войны, этого страшнейшего бедствия, Туманян находит в себе силы заниматься проектом и планировкой Дома творчества для писателей – в живописной местности, в лорийском селе Айгеат³.

Война уже началась и успела принести с собой страшные беды и испытания. Но, несмотря на свои переживания и бушующее в его душе

¹ “Оризон”, 1914, N139, 29-июня, стр. 3.

² Там же, N154, 18-го июля, стр. 3.

³ Эта “утопическая” идея Туманяна так никогда и не была осуществлена, хотя поэт купил с этой целью земельный участок на 2000 рублей, которые были частью наследства, оставленного лично ему Варварой Мелик-Айвазян. Подробнее об этом см: Сусанна Ованесян, История жизни и творчества Ованеса Туманяна (1900-1912), Ер, “Гракан эталон”, 2012, стр. 180.

“бездбрежное море армянского горя”, Туманян продолжал оставаться для окружающих самым весёлым, остроумным, улыбочивым человеком, который доставлял радость всем и каждому своими неисчерпаемыми анекдотами и забавными историями. В первый период войны его в очередной раз навещает редактор периодического издания “Нор осанк” (“Новое течение”) Аршак Казарян, которому поэт уже сдал для публикации свои произведения “Сердце девы”, “Месть певца”, и просит Туманяна предоставить ему ещё несколько новых произведений. Туманян пошутил: “Этот царь Николай арестовал столько людей, многие из которых невинны, осудил ни за что; почему тебя тоже не забирают, чтобы я от тебя избавился?..”¹.

Поэт и сам чувствовал, что в качестве художника-творца он выбит из обычной, нормальной колесни, и с глубокой ностальгией вспоминал прошлые дни. Теперь же он значительно реже писал и публиковал стихи и выступал прежде всего как публицист, как национальный и общественный деятель.

В первый период войны Туманян был настроен довольно оптимистично. Он надеялся, что Россия вместе со своими союзниками, Англией и Францией, сумеет победить страны Тройственного союза – Германию, Австро-Венгрию и Турцию, и одержав победу, накажет инициаторов и поджигателей войны, а затем “третьим ударом”, как бывает в волшебных сказках, принесёт окончательную свободу и независимость его исторической родине – Западной Армении. В тот же самый период, то есть в начальной стадии войны, многие представители армянской интеллигенции рассчитывали на доброжелательное и даже дружеское отношение Германии. 11-го июля 1914 г. армянские периодические издания публикуют корреспонденцию об учреждённом в Берлине “Армяно-германском обществе”, которое имело беспартийный характер и целью которого являлось:

1) Распространять в Германии верные, объективные сведения об армянском народе и о немецком народе – среди армян;

2) Дать основополагающую ознакомительную информацию о художественном творчестве армянского народа и о стремлении немецкого народа к ознакомлению с армянской культурой;

3) Разработать почву для установления личных отношений между немцами и армянами”².

¹ Там же, стр. 118.

² Для достижения указанных целей было решено издавать двуязычный немецко-армянский журнал и представлять в нём культуру и литературу армянского и немецкого народов, а также открыть библиотеку, организовать преподавание немецкого языка в армянских школах, ознакомить армянских и немецких учащихся и студентов с историей обеих стран. В числе 115-и подписей под воззванием организаторов Общества были подписи Ав.Исаакяна, Джемса Гринфилда и других писателей и интеллигентов. См. “Оризон”, 1914, N 149, 11-го июля, стр. 4.

Ещё до того, как отправиться в своё первое путешествие в зону боевых действий, то есть с самых первых дней начавшейся мировой войны, поэт проявил бурную активность в области публицистики. При этом семь из десяти написанных в этот период статей относились к Армянскому вопросу. С 4-го сентября до 23-го ноября 1914 г. статьи эти следовали одна за другой: “Война наций и их богатыри” (4-го сентября), “Покаяние” (18-го сентября), “Сим победиши” (12-го октября), “Последняя тревога” (21-го октября), “Третий удар” (31-го октября), “Старое слово” (23-го ноября), “Важная надежда и вековая дорога”. Шесть из указанных статей были опубликованы на страницах газеты “Оризон”, а одна статья, последняя, осталась незавершённой и сохранилась в черновом виде.

Во всех этих статьях рассматривались проблемы, относившиеся к судьбам армянского народа в связи с начавшейся мировой войной с её необратимыми последствиями. И почти везде поэт уповал на победу России и на её помощь в деле освобождения Западной Армении, выражал оптимистическую надежду на близкое и окончательное решение Армянского вопроса.

Затем поэт впервые побывал в Западной Армении, совершил своё первое путешествие на Кавказский фронт, но из поездки вернулся вконец разочарованный поведением и отношением некоторых генералов царской армии к местному населению и бойцам армянских добровольческих отрядов. Однако даже выявив для себя внутреннюю сущность завоевательской, экспансионистской политики России, поэт, тем не менее, не озвучивает публично это своё разочарование, хранит каменное молчание вплоть до марта 1915 г., когда стремительно развивающиеся трагические события вынудили его взяться за перо и выступить с призывом о сдержанности. 21-го марта 1915 г. в газете “Оризон” публикуется статья поэта “Сдержанность”.

Как уже было сказано, только три из вышеуказанных десяти статей не имели никакого отношения к Армянскому вопросу, к политической ориентации армянского народа, к продолжавшейся мировой войне. Одна из них, озаглавленная “По поводу одного “Объяснения””, была адресована ставшему личным недругом редактору газеты “Мшак” Амбарцуму Аракеляну¹, а две другие статьи – “Несколько слов” и “Великий приёмный сын Кавказа” – касались литературной жизни.

Статья “Великий приёмный сын Кавказа” была написана по поводу 100-летия М.Лермонтова и опубликована накануне дня рождения русского поэта – 2-го октября 1914 г. Ещё за месяц до этого, в сентябре 1914 г., в армянских и русских литературных кругах велась подготовка к юбилею Лермонтова. Решение о проведении торжественных мероприятий по этому

¹ Более подробно об этом можно узнать из третьей части первой главы настоящей монографии – “Общественная жизнь. Poleмика с Амбарцумом Аракеляном”.

поводу приняло даже городское правление города Грозный¹. Однако из-за военного времени проведение юбилейных торжеств было отложено. Туманян писал: "...Из-за войны откладывается празднование этой светлой даты, которая должна была вызвать ликование и волнение в миллионах сердец всех народов и племён России... Я думаю о том, что как сегодня не время праздновать этот столетний юбилей, так и не время было Лермонтову родиться сто лет назад. Но он родился, родился с пламенной душой, которая ещё с детства искала прекрасное в окружавшем его сумраке России прошлого столетия, - России, которая жила жизнью, закованной в чиновничий мундир" (7, 149)². Тем не менее, несмотря на то, что шли первые месяцы войны, в Тифлисе юбилей великого русского поэта не был обойдён вниманием. Армянская общественность и литературные круги не прошли равнодушно мимо юбилея как-то особенно любимого на Кавказе русского поэта. "Откладывается. Мы все откладываем. Однако совершенно молчать нельзя", - заявляет Туманян (7, 150).

Номер газеты "Оризон" за 2-ое октября 1914 г. почти полностью был посвящён Михаилу Лермонтову. Там были опубликованы статья Ов. Туманяна "Великий приёмный сын Кавказа", Ю.Багдасаряна "Лермонтов", С. Гамалаяна "Бессмертный поэт", Г.Чермака "Лермонтов"³. В городских муниципальных и частных школах организовывались мероприятия в память о русском поэте, 11-го октября в новом здании "Общественного клуба" состоялся вечер, посвящённый Лермонтову⁴.

С поэзией Лермонтова Туманян был знаком ещё со школьной скамьи и испытывал самые глубокие чувства к творчеству русского поэта. Хронология переводческой деятельности Ов. Туманяна открывается стихотворением Лермонтова "Желание" (переведено в 1889 г.). А поэма Лермонтова "Мцыри" в переводе Туманяна была издана отдельной книгой уже в 1896 г. Она стала одним из самых ярких проявлений духовного родства Туманяна с романтической поэзией первой половины девятнадцатого века. В девяностые годы Туманян перевёл также произведения Лермонтова "Я не хочу, чтоб свет узнал"(2, 233) и "Ангел" (2, 238), а позднее – лермонтовское переложение из Гёте "Горные вершины" (2, 282). В конце девяностых годов армянский поэт начал переводить известную статью В.Белинского "Стихотворения Лермонтова", но не довёл перевод до конца из-за возникших разногласий с Издательским обществом.

В ноябре 1902 г. Туманян написал письмо Юрию Веселовскому и признался в своём духовном родстве с лирикой Пушкина и особенно Лермонтова. Армянский поэт признавал также определённое воздействие их поэзии, но только на ранний период своего творчества. "Я только начал под их воздействием" (9, 384). Намного сильнее и явственнее было воз-

¹ "Оризон", 1914, N209, 23-го сентября, стр. 3.

² См. также: Ов. Туманян. Избранные произведения в трёх тт., т. 3, с. 228.

³ Там же, N217, 2-го окт., стр. 1-3.

⁴ Там же, N221, 7-го ноября, стр. 3.

действие этих величайших русских поэтов на “душу, литературный вкус и взгляды” Туманяна (380). Под этим воздействием было написано произведение “Отвергнутый закон”, в чём поэт признался в 1919 г.¹ В письме к Лео от 27-го октября 1902 г. поэт пишет: “Из русских поэтов на меня больше всех воздействовал Лермонтов, затем - Пушкин” (9, 344). А 18-го августа 1904 г. поэт признаётся в “байроновско-лермонтовской” направленности своих эстетических и мировоззренческих исканий (9, 443). В своей большой любви к творчеству Лермонтова поэт признавался и в своей “Автобиографии”, написанной в 1905 г. и занимавшей несколько страниц (6, 145).

Будучи вовлечённым с первых недель и месяцев после начала мировой войны в круговорот трагических событий, Ованес Туманян в статье “Великий приёмный сын Кавказа” воздаёт должное Лермонтову. При этом он обращается не к творчеству русского поэта, которое было вполне родственно и созвучно его поэтическим пристрастиям, а к его трагической судьбе, говорит о роли Кавказа в жизни Лермонтова, подчёркивает неизбежную драму великой личности, бросившей вызов властям, “голубым мундирам” своей родной страны – отчизны, которую он любил “странною любовью”. Поэт не мог понять, “победить рассудком”, политику России, и поэтому стал жертвой этой непонятной и чуждой его мировоззрению политики. Даже само название статьи представляется нам очень важным и ценным для лермонтоведения, поскольку в ней даётся самая точная, яркая и своеобразная характеристика русского поэта. Туманян характеризует Лермонтова как поэта с “пламенной и устремлённой ввысь душой”, ещё с детских лет ищущего невиданное и необычное в жизни, пережившего “ужасающую драму” великой личности. Поэт подвергается политическим гонениям и преследованиям в своей стране, но продолжает любить её, пусть даже своей необычной, “странною любовью”, неподвластной рассудку. Лермонтов прожил свою недолгую жизнь в обществе, в котором его “никто не понимал и не ценил, в котором обожаемый им Пушкин был “невольником чести” и “пал, оклеветанный молвой”. Он удалился из России, которая всегда виделась ему “страной рабов, страной господ”, и нашёл пристанище на Кавказе. Туманян ждал, надеялся и верил, что скоро наступят мирные и спокойные дни, и армянское население Кавказа вместе с другими кавказскими народами торжественно отметит знаменательное событие – столетний юбилей Лермонтова. «И когда наступит время отпраздновать столетие со дня рождения Лермонтова, мы, кавказцы, отметим эту дату не только как праздник великого русского поэта, которому, как и всей русской литературе, мы многим обязаны, но и как праздник поэта, чей дух нам близок, кто является великим приёмным сыном нашей общей

¹ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 205.

обитатели – Кавказа, ещё с детства мечтавшим о кавказском небе и о кавказских синих горах» (7, 152)¹.

Другое публичное выступление Ов.Туманяна было не столько статьёй, сколько кратким словом, информирующим общественность. Информация эта касалась деятельности Кавказского общества армянских писателей, председателем правления которого являлся поэт. Имея в виду также военное положение, Туманян оповещал общественность, что цена на пользующийся большим спросом в среде армянских читателей и любителей словесности сборник стихотворений Саят-Новы будет назначена ниже себестоимости книги.

Таким образом, за очень небольшим исключением, все публичные выступления Ов. Туманяна рассматриваемого периода непосредственно относились к Армянскому вопросу и будущей судьбе армянского народа. В этом ряду первой публикацией была статья “Война народов и их богатыри”, написанная в первых числах сентября 1914 г. Эта статья, как и все остальные, увидела свет в газете “Оризон”².

Статья начинается с рассказа о переживаниях, связанных с предчувствием близкого начала разрушительной войны. “Так же, как перед большими грозами духота сдавливает дыхание людей, так и перед началом великой войны сердце почти каждого человека сдавливало какое-то тяжёлое предчувствие. Разорвалась буря, за тяжёлым предчувствием последовали ужасные потрясения и суматоха” (7, 146).

И действительно, до начала Первой мировой войны Туманян предчувствовал надвигающееся всесокрушающее бедствие и ожидающую армянский народ великую трагедию. В августе 1916 г. в статье “Возможное и желаемое” поэт пишет: “Мною руководило предчувствие поэта... многие, возможно, удивятся, если я скажу, что в предшествовавшие войне месяцы я настолько отчётливо чувствовал войну, что написал специальное стихотворение, даже хотел его опубликовать в журнале “Нор осанк” (“Новое движение”), но по каким-то соображениям счёл это неудобным” (7, 466). Однако, верный себе поэт сразу же озвучивает оптимистическую ноту: “И это пройдёт, откроется ясное солнце и улыбнётся мирный день... после этой войны вопрос цивилизованного человека встанет с большой силой и в большом объёме, или, ещё точнее, вопрос человека, которого своими зверствами порождает просвещённый германец и открывает тему для серьёзных размышлений для всех народов и мыслителей” (7, 146, 147). Извечной заветной мечтой поэта было дружно и

¹ См. также: Ов. Туманян. Избранные произведения в трёх тт., т.3, с. 230.

² “Оризон”, 1914, N194, 4-го сентября.

мирно живущее человеческое сообщество. В одном из своих четверостиший поэт писал:

О чём я думаю, что нужно мне?
Мне б уголок от шума в стороне,

Где род людской без войн, вражды и злобы
Я мог бы видеть в тихом детском сне!

(Пер. Н. Гребнева)¹

И поэт хотел при этом верить, что начавшаяся битва титанов, как в мифологиях и народных эпосах, закончится “священным словом мира” (7, 147).

Турция ещё не включилась в войну, когда Туманян написал статьи “Покаяние” (18-го сентября) и “Сим победиши” (12-го октября), в которых возвысил голос праведного гнева против “цивилизованной” Европы и поставил знак равенства между способными на варварство европейцами и известными всему миру своими жестокостями и изуверствами турками и курдами. Поэт очень внимательно следил за ходом войны, и каждое появлявшееся в периодике сообщение о новой трагедии, о разрушениях храмов и городов, о сожжённых библиотеках ранило его душу, в особенности когда всё это происходило в цивилизованной Европе, осквернялось руками европейцев. Туманян обращается к вековому заклятому врагу своего народа и с иронией “просит прощения”: “Простите нас, о курды, о турки, что в 1878 году мы пошли в Берлин и пожаловались на совершенные вами грабежи, насилия, убийства, пожары и разрушения, называя вас варварами и зверями, а их – гуманными судьями.

Однако сегодня... с последними стонами крестьян, обстрелянных руками немцев..., с горькими проклятьями людей, у которых выколоты глаза, отрезаны языки, в красных отсветах пожара библиотеки Лювена, в грохоте разрушения храма Реймса мы вынуждены с разбитым сердцем признать нашу наивность и попросить у вас прощения за то различие, которое мы ставили между вами и цивилизованными людьми.

В наших сердцах был храм намного больше храма Реймса, в котором он, цивилизованный человек, жил отдельно от вас; они разрушили тот великолепный храм и остались вне его, среди их же руками сделанных руин, вместе с вами, наравне с вами” (7, 148). Велико было разочарование поэта “цивилизованной” Европой, потому что такой объём совершенных озверевшим человеком дикостей и изуверств не имел прецедента. Поклонявшийся природе поэт-пантеист ставил знак равенства между турками и европейцами, однако не желал при этом сравнивать европейцев с

¹ Ов. Туманян. Избранное. М., 1988, с. 350.

бессознательным диким зверем, неосознанный звериный нрав которого позволял ему всего лишь решать проблему своего выживания, между тем как осознанное, порождённое разумом зверство человеческого мира приводило поэта в ужас и трепет, разрушало его представление о разумной сущности человека, подрывало веру в гуманную природу людей. Поэт выражал сожаление о том, что в своё время был хорошего и высокого мнения и человеческом роде, и приходил к печальному выводу: “Вероятно, было бы справедливо попросить прощения и у зверей за то, что все эти жестокости мы называем “зверством”, и, быть может, было бы очень мудро и уместно пойти жаловаться обо всем этом собакам, которые неспособны на такие поступки, и они даже на полях войны проявляют столько жалости и сочувствия...” (7, 148). Для поэта в европейском просвещении отныне “не господствует ни божественное дыхание, ни человеческая совестливость” (7, 148).

Туманян ставит под большое сомнение воздействие слов великих гуманистов, философов и искусствоведов мира на человечество: “Увы, словно напрасно живут и проходят великие философы, великие учёные и великие поэты, для народов они большей частью являются всего лишь роскошными украшениями” (7, 149).

В статье “Сим победиши” в начале октября 1914 г. Туманян выражает свою надежду на то, что страны Тройственного Союза Антант (Англия, Франция, Россия) одержат победу в войне, что, по его убеждению, должно было принести свободу и независимость населению Западной Армении. Он напоминает об уроках истории, в частности, о поражении Наполеона, чтобы предупредить “опьянённую собой” Германию, которая даже в своём государственном гимне провозгласила себя превыше всего на свете и “встала с рёвом и урчанием, чтобы растоптать всё вокруг”, об ожидающем её великом разочаровании (7, 152). Поэт с болью и сожалением констатирует, что война руками немецкого оружия не пощадил даже процветавшую Бельгию и уподобила её жителей “армянским беженцам из Муша” (7, 153).

В своей балладе «Великан» Ованес Туманян писал, что, несмотря на то, что «перед сильным всегда виновен тот, кто слаб», но при этом «всегда есть то, что сильнее сильного, а сильнее всего – смерть». Однако поэт вовсе не был настолько наивен, чтобы не понимать и не признавать роль количественного соотношения вооружённых армий, роль военной подготовки, сверхсовременного оружия, материальных вложений в деле конечной победы в войне. Однако ещё большее значение он придавал духовной силе сражающихся сторон, их боевому настрою, который, в свою очередь, был обусловлен нравственной поддержкой, сознанием своей правоты, справедливого характера борьбы и её необходимости. “В мире существует одна лишь сила, которую невозможно покорить, - сила, которая делает малого великим, слабого - могущественным, которая обеспечивает победу и героические дела. Это – дух народа, народное вооду-

шевление, - пишет Туманян и заключает: - Народное воодушевление играет решающую роль и в нынешней великой войне" (7, 153)¹. В этот момент Туманян искренне верил, что "все люди, независимо от положения, классовой принадлежности и убеждений, - на стороне противников Германии и радуются их победам. Характер войны таков, что каждому кажется, будто в лице России, Англии и Франции - Толстой, Гладстон и Жорес (не говоря уже о Бельгии с её Метерлинком) вышли на бой с Бисмарком, Меттернихом, за которыми из полумрака выступает жестокое лицо Абдула Гамида"(7, 153)². Поэтому автор статьи считает себя вправе полагать, что в войне столкнулись две силы: с одной стороны - "бурные симпатии и воодушевление народов", а с другой - "ненависть и звериная злоба врага, выражающаяся в неслыханных преступлениях и варварских разрушениях"(7, 154)³. Статью автор завершает убеждением, что победа Тройственного Союза, Антанты является императивом, велением времени. "Ныне мы вступаем в новую эпоху, встречаем новые рассветы. Теперь всё чаще слышатся и всё громче звучат голоса народов. Теперь без этого уже не объединить народы, не воодушевить их и не создать силу, способную одержать победы вне пределов страны и обеспечить ей внутренний мир и покой"(7, 154)⁴.

Через несколько дней после вступления Турции в войну, 21-го октября 1914 г., в "Оризоне" публикуется статья Ов. Туманяна "Последняя тревога", а ещё через несколько дней - статья "Третий удар".

В статье "Последняя тревога" нашли выражение непотопляемый оптимизм, вера и надежда поэта на светлое будущее своего народа. В отличие от предыдущих статей, в которых поэт в основном рассуждал о возможном исходе войны, в новой статье предметом его главной и основной заботы была судьба западноармянского населения, а следовательно, проблема политической ориентации всего армянского народа. Поэт хотел верить и обнадежить своих соотечественников в том, что для армянского народа началась последняя общенациональная тревога. Точные, меткие и острые определения получают и народы и кочевые племена, сражающиеся на стороне противника. И если курды кишат подобно "воронам-падальщикам" и они - "чёрные провозвестники войны", то немцы характеризуются как "новоевропейские курды", проявляющие такое же "разбойничье" поведение. Туманян пишет: "Родина великих поэтов и великих философов Германия, родина великих учёных и великих педагогов Германия идёт дорогой курдов. Вот и мы примем её, словно курда... встанем все от мала до велика и выступим против тёмных и просвещённых курдов" (7, 157). Самую большую свою надежду в деле освобождения запад-

¹ См. также: Ованес Туманян, Избранные произведения в трёх томах, т. 3, Ер., "Айастан", 1969, стр. 83.

² Там же, стр. 83-84.

³ Там же, стр. 84.

⁴ Там же, стр. 84-85.

ноармянского населения Туманян по-прежнему возлагал на Россию, и в этот период его подход и его ориентированность были вполне чёткие и определённые. Абсолютно убеждённый в своей правоте, Туманян заявляет: “Наше будущее уже связано с Россией... Национальное самостоятельное существование турецкоармянского населения должно стать реальностью и должно развиваться руками России.

В тот самый день, когда русские войска перейдут армянские горы, с того самого дня ряды армянских беженцев не будут переходить через эти горы в чужие края. В какую армянскую область они ни войдут, там навеки прекратятся резня и ужас перед резнёй, который по ту сторону границы изнашивает и изматывает нас” (7, 157). Поэту искренне хотелось верить в возможность освобождения западноармянского населения и в его возрождение вместе со своими восточноармянскими соотечественниками. Вот поэтому-то он и определяют все навалившиеся на армянство военные бедствия, испытания, лишения и невзгоды как “последнюю тревогу”. Статья завершается призывом и наставлением, обращённым ко всему армянскому народу: “Это последняя тревога, которую мы переживаем. Какое-то священное таинство и глубокая серьёзность должны прибавиться к нашему бурному воодушевлению, и мы должны приложить свои совместные усилия, чтобы с честью перенести эту последнюю тревогу” (7, 158).

Десять дней спустя, 31-го октября 1914 г., поэт публикует статью “Третий удар”, в которой отводит России всё ту же роль спасительницы и освободительницы армянского народа. К тому времени прошло всего лишь две недели после того, как Турция объявила войну России. Здесь туманяновский оптимизм находит своё выражение в уверенности, что Россия сурово накажет инициаторов и разжигателей войны, повергнет их решающим “третьим ударом”, как это обычно бывает в волшебных сказках. И этому победоносному удару предстояло принести окончательную победу западноармянскому населению на его исторической родине.

По трактовке Туманяна, наш вековой враг уже получил два мощных удара. Один из них был нанесён во время русско-персидской войны 1827-1828 гг, вследствие которой Восточная Армения вошла в состав России; второй удар был нанесён во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Однако подобно тому, как это бывает в сказках, враг не был повержен окончательно после первых двух ударов; требовался ещё один, самый важный, самый решающий удар, и удар этот должен был быть нанесён во время Первой мировой войны. Поэт выделял, обособлял как уже ставшие реальностью и ещё только ожидавшиеся результаты войн, так и героев этих войн, ставших собирательными образами. “Первый удар освободил одну часть армянского народа из безнадежного ада и внушил надежду на самостоятельную жизнь. Второй удар поднял вопрос об автономной

Армении¹. Третий удар приведёт турецко-армянское население к национальной автономной жизни” (7, 158). Под “третьим ударом” Туманян подразумевал продолжавшуюся в эти дни войну России на Кавказском фронте против мусульманского мира. Напомним, что после первых двух войн (1827-1828 гг. и 1877-1878 гг.) были освобождены Ереван и Карс. Туманян искренне верил, что в результате новой войны будет освобождён символ Западной Армении – город Ван.

Отмечая трёх народных героев, Туманян вновь отдаёт явное предпочтение третьему – легендарному полководцу Андранику, которому и предстояло нанести самый сокрушительный третий удар. Андраник был реальной исторической личностью, в отличие от двух предыдущих героев, которые несмотря на то что имели реальную основу и реальных прототипов, всё-таки являлись литературными персонажами. Первым героем был Агаси из романа Х.Абовяна “Раны Армении”, вторым героем – Вардан из романа Раффи “Хент”. Примечательно, что говоря об освобождении своих западноармянских соотечественников, Туманян первоначально называл Андраника, и потом уже только – Россию. “А армянский народный герой третьей войны Андраник – уже реальная личность, со множеством друзей; идея свободы всеобщая и движение – общенациональное.

Таким образом, эта третья война является третьим традиционным символическим ударом. Третий удар решает проблему. Третьим ударом северный исполин, великая Россия, решает стародавнюю, кровавую проблему армянского народа” (7, 158-159).

Как мы увидели, оптимистическое настроение Туманяна в тот период находит своё выражение в словосочетаниях “третий удар” и “последняя тревога”, которые становятся понятиями-идеями, констатацией политических побед, к которым, по мнению поэта, должны были привести всесокрушающие исторические события. Словосочетания эти неоднократно использовались в письмах поэта, в его устных выступлениях, становились заглавиями как публицистических статей, так и художественных произведений.

Статья “Старое слово”, опубликованная в газете “Оризон” 23-го ноября 1914 г., стала последним публичным выступлением Туманяна перед его отправлением на Кавказский фронт. В статье автор пытался связать роль России в деле освобождения христианских народов с народным преданием. По всей вероятности, Туманян написал эту статью 12-13-го ноября, всего лишь за несколько дней до своего первого путешествия в Западную Армению. В момент её публикации в иллюстрированном

¹ Туманяну, конечно, было известно, что когда Россия в Адрианополисе подняла вопрос об автономии армян в Османской империи, Англия выступила против этого, и по её требованию вопрос об автономии был закрыт и вместо него речь пошла только о социально-экономических реформах. Туманян указал на это в примечаниях к статье (7, 158). Но при этом поэт придавал большое значение тому, что вопрос был впервые озвучен и оказался на повестке дня.

литературно-художественном приложении газеты “Оризон”, поэт находился в Диадине (приложение газеты выходило раз в неделю, поэтому оно увидело свет только через неделю после отъезда поэта, 15-го ноября)¹.

В рассматриваемой статье речь вновь идёт о вековом враге армянского народа Турции, которую Туманян в предыдущей статье “Последняя тревога” охарактеризовал как “древнего дракона”. Примечательно, однако, что здесь уже нет восторженных отзывов и характеристик в адрес России, которыми были испещрены предыдущие статьи и стихотворение “Последняя тревога”.

Поэт проводит небольшой исторический экскурс, рассказывает о том, как бежавшие от монголов турки, перекочевав в 1225 г. из Хорасана, впервые появились на Армянском нагорье, а затем и в Европе; как они в 15-м столетии завоевали Константинополь и переименовали его в Стамбул. После этого начались скорбь и горькие стенания цивилизованного мира. “И весь христианский мир и культурное человечество застонали под этим ударом и стали скорбеть об этом событии” (7, 159).

Согласно народному преданию, когда во время богослужения турки проникли в Софийский собор; стены собора открылись и спрятали чашу для причастия, священнослужителя, проводящего литургию, “вместе со всеми церковными служителями” (7, 159-160). Согласно этому же преданию, с севера должно прийти какое-то могущественное государство и освободить Константинополь и Айа-Софию от турецких завоевателей, а стены храма вновь должны раскрыться, “и снова выйдут проводивший литургию священнослужитель с чашей для причастия в руках и все облачённые в церковную одежду служители, и прерванная несколько веков назад литургия продолжится”, - пишет Туманян и констатирует: “Так, под религиозным обличем, старая надежда христианских народов на освобождение от турецкого ига бессмертно живёт в старом слове. Живёт прочно и упорно” (7, 160). Туманяну очень хотелось в это верить, и он представлял своё заветное желание как ожидаемую действительность. По его словам, в мае 1915 г. должна будет продолжиться прерванная в 1453 г. в храме Св. Софии христианская литургия, а “турки снова вернуться туда, откуда пришли в Европу, и будет положен конец вековой скорби и стенаниям народов, разрушению и разорению стран” (7, 761). Здесь отчётливо просматривается одна из самых заветных грёз Туманяна – увидеть свою историческую родину не только освобождённой от турецкого ига, но и свободной от турок вообще.

В этот момент оптимизм Туманян был вполне оправдан. Он был обусловлен реальным и победным продвижением русской армии, воодушевлением армянских добровольческих формирований и возвращением Андраника из Болгарии. Не случайно именно Туманян первым публично откликнулся на возвращение Андраника. Всего лишь месяц спустя

¹ См. приложение “Оризона”, 1914, №2, 23-го ноября.

оказавшись на фронте, Туманян пережил огромное разочарование и понял, что основы его оптимизма довольно зыбкие, что невозможно связывать большие надежды с вынашивающей свои планы и ведущей неприкрытую экспансионистскую, завоевательскую политику царской Россией. Но он, тем не менее, не захотел лишать свой народ надежды – исходя из той простой истины, что надежда умирает последней. И отчасти вынужденно, а отчасти добровольно и осознанно, поэт не стал предавать широкой огласке факты, свидетельствующие о несправедливом и предвзятом отношении некоторых генералов русской армии к армянам. Более того, в художественных произведениях этого периода он продолжал обнадёживать своих соотечественников, ожидавших скорого освобождения Западной Армении, боровшихся за своё физическое выживание, остававшихся лицом к лицу с неисчислимыми лишениями и испытаниями.

Возможно, многим такой оптимизм поэта покажется странным, тем более, если учесть дальнейшее трагическое течение событий, однако в данный исторический момент этот оптимизм имел своё обоснование. Действительно, Россия в этой войне имела свои интересы и вела завоевательскую политику, так же, кстати, как и во время предыдущих войн, и всё же, если бы Февральская и, особенно, Октябрьская революция не перетасовали все карты, то какая-то, пусть даже незначительная часть заветной мечты Туманяна могла бы сбыться, то есть Россия, пусть даже в своих геополитических интересах, могла вызволить, освободить Западную Армению, вырвать её из рук Турции. В этой связи считаем нелишним напомнить, что с первого же дня русско-турецкой войны на Кавказском фронте, то есть с 16-го октября 1914 г. русская армия одерживала одну победу за другой, причём по всех направлениям.

Как уже было отмечено, оптимизм Туманяна в первые месяцы войны, нашедший выражение в его художественных и публицистических произведениях, сыграл важную роль в формировании армянских добровольческих отрядов, вдохновляя армянских воинов на справедливую освободительную войну против турецких захватчиков.

Публицистические статьи и выступления Ованеса Туманяна 1915 г. в основном относились к многочисленным проблемам чудом спасшихся во время массовой резни и вынужденного переселения армянских беженцев и сирот. Значительную часть этих статей мы уже рассмотрели в предыдущих главах. В этот трагический год поэт написал восемнадцать статей, выступлений, исследований и воспоминаний. Две статьи из этого числа остались незавершёнными, в черновом виде. Это статьи “В стране руин и трупов” и “Из военных впечатлений”. Среди опубликованных статей особняком стоят две, в которых поэт давал отпор нападкам грузинских националистов, сетовавших по поводу размещения армянских бежен-

цев на территории Грузии. Это статьи “Несколько свидетельств” (23-го октября 1915 г.) и “Бедствие, но не политика” (1-го ноября 1915 г.). Редактор газеты “Закавказская речь” К.Туманов (К.Туманашвили) публиковал в грузинских газетах письма за подписью “Грузин”; ещё кто-то публиковал статьи за подписью “Скальпель”, и в обоих случаях авторы выражали свои националистические, шовинистические взгляды. После первых опубликованных писем “Грузина”¹ Туманян с большой тактичностью и деликатностью, но вместе с тем решительно и смело выразил своё удивление и недоумение по поводу того, что перед лицом страшных, ужасающих условий, в которых оказался армянский народ, автор писем не постыдился “устроить политическую шумиху” (7, 182). Между тем, сутью этой “политической шумихи” было следующее обстоятельство. Согласно трактовке грузинского автора, русские проявляют заботу об армянах и специально привезли армянских беженцев на Кавказ, чтобы притеснить коренное население региона. По заверениям “Грузина”, армянские беженцы заселяются в Закавказье, потому что их страна бедная, климат ужасный, лесов и растительности нет. А самих армян он считал пришельцами, которые объявились на Кавказе уже после прихода русских. Чтобы изобличить невежественного злопыхателя в вопиющем подлоге и фальсификации исторических фактов, Туманян ссылается на грузинских историков, в частности, на книгу Вахушти², сына Вахтанга Четвёртого³, “География Грузии”, в которой грузинский историк и географ чётко и определённо указывает, что Лори и Памбак с незапамятных времён были армянскими территориями, а к северу от реки Дебед в направлении Тифлиса – это грузинские земли. Примечательно, что грузинский историк считал Арменией и весь Ахалкалакский район, Вирк. Говоря о Тифлисе, Туманян снова ссылается на свидетельство Вахушти, согласно которому Шах-Аббас⁴ заселил берега Куры племенами турок-борчалинцев. Пришельцами являлись также турки-казахи. “Жители Тифлисской крепости и Сейдабада – магометане. Вне крепости живут преимущественно армяне и небольшое число грузин” (7, 183)⁵. Затем Туманян упоминает грузинского принца Иована, который 24-го июля 1802 г. попросил управляющего Кавказа Карла Кнорринга⁶ переселить армян и заселить в Грузии, на свободных землях Карталины и Кахетии. Такую же политику проводили

¹ “Закавказская речь”, Тифлис, 1915, NN205, 213, 227.

² Вахушти (Багратиони) (1695-1784) – груз. историк, географ и лексикограф.

³ Вахтанг IV (1413–1446) – царь Грузии (1442 – декабрь 1446). Из династии Багратионов.

⁴ Шах-Аббас (27 января 1571 – 19 января 1629) – шах Ирана из династии Сефевидов, правивший в 1587–1629 гг.

⁵ Царевич Вахушти, География Грузии, пер. М.Джанашвили, Записки Кавк. Отд. Импер. русск. геогр. общ., кн. XXIV, вып. 5.

⁶ Карл Фёдорович Кнорринг (1744 – 180.?) – Генерал-лейтенант. 24-го октября 1799 г. был назначен инспектором Кавказской линии и заведующим пограничными делами Кавказской области. Был первым русским главнокомандующим Грузии.

также Давид IV Строитель¹ в двенадцатом веке и царица Тамара². А на довод “Грузина” относительно бедности Армении природными ресурсами поэт ответил “контраргументом” магометанского историка 9-го столетия Ахмеда Ибн Фазыха: “Я не видел более богатой и переполненной животными страны, чем Армения” (7, 187)³.

1-го ноября увидела свет статья “Бедствие, но не политика”, которая фактически являлась продолжением, второй частью предыдущей статьи. В ней подвергается обстоятельной и обоснованной критике мнение “Грузина”, согласно которому армяне постепенно становятся гегемоном, доминирующей силой на Кавказе, и вскоре станут предъявлять свои требования и претензии России. Туманян возразил, что если Грузия с её пятидесятитысячным населением в своё время приглашала армян в свою страну и ни о чём при этом не беспокоилась, то с какой стати Россия с её пятидесятиллионным населением должна беспокоиться о гегемонии армян? ““Грузин” напрасно пугает Россию, и Россия от этого не перепугается” (7, 189).

В этой завязавшейся дискуссии, предметом которой были права народов, населяющих великие державы, поэт формулирует своё понимание обязанностей государства. “Государство – это целостное образование, которое должно заботиться о своих составляющих частях и обеспечивать не только физическое существование населяющих его народов, но и самые разные права, которые не мешают благополучию других...” (7, 190). А по мнению “Скальпеля”, наводнившие Кавказ армянские беженцы – “это порох, который взорвёт добрые отношения соседних народов” (7, 190). Поэт на это ответил следующим образом: “Люди не знают: то, что является для них порохом, для нас является огнём, и мы в нём сгораем. Они не знают: то, что в их глазах представляется политикой, на самом деле является страшным бедствием и несчастьем для всего армянского народа. Они действительно не знают, что армяне вовсе не хотят уходить из своей страны... напротив... армяне только о том и мечтают, чтобы рассеявшиеся по разным краям люди вернулись в поля и долины Алашкерта, Вана и Муша” (7, 191). А в заключительной части поэт “дипломатично” приписывает шовинистические, националистические подходы этих грузинских авторов недоразумениям, недостаточной информированности и недопониманию всей сложности вопроса с их стороны. При этом Туманян вполне искренне даёт очень высокую оценку грузинскому народу и обращается ко всем тем, кто мог думать так же, как и “Грузин” или “Скальпель”. “Чего ещё вы хотите? Почему вы, не будучи знакомыми с нами и нашими желаниями, нашими стремлениями, нашими страданиями и нашей борьбой,

¹ Давид IV Строитель (1073 – 24 января 1125) – царь Грузии (1089–1125) из династии Багратионов.

² Тамара (1166 год–1213 год) – царица Грузии, с именем которой связан один из лучших периодов в истории Грузии – «золотой век грузинской истории».

³ Сб. материалов для описания местностей и племён Кавказа, т. 31, стр. 23.

так жёстко и грубо прикасаетесь к нашим ранам – такими близкими и родными руками?.. Армянские беженцы – это бедствие, а не покровительствуемая политика”(7, 193).

Статьи Туманяна находят живой отклик со стороны русских и грузинских интеллигентов, которые выступили в защиту основных доводов армянского поэта в той же газете “Закавказская речь”. Среди таких откликов была статья “Армянская печать о Кавказе”, в которой автор осуждал шовинистические подходы “Грузина”, “Скальпеля” и их елиномышленников.

Примечательно, что публицистические статьи и выступления Ованеса Туманяна 1916-1917 гг. имели преимущественно культурную направленность. Во многом это определялось визитом В. Брюсова, а также изданиями сборников армянской литературы на русском языке, актуальностью проблем развития армянского литературного языка, оживлением различных областей искусства, учреждением Общества Айказян и многими другими факторами. Однако самым главным фактором были ощутимые успехи русской армии на Кавказском фронте. Каждый раз, в прямой взаимосвязи с победами на территории Западной Армении, возрастало желание жить мирной культурной жизнью. Однако постоянные посягательства векового непримиримого врага на физическое существование армянского народа время от времени омрачали душу поэта. Тем не менее, он продолжал тешить себя надеждой, что война эта рано или поздно закончится и откроется новая страница в жизни его соотечественников, которые наконец-то смогут вздохнуть свободно.

Статья “Новая эпоха Востока” увидела свет в газете “Оризон” от 21-го июля 1916 г. Наделённый душой восточного человека и высоко оценивавший восточную культуру поэт писал: “Восток никогда еще не имел столь дикого, столь бескультурного и недостойного представительства... После турецкого господства Восток и мракобесие и варварство стали синонимическими понятиями” (7, 273). Зверства турецких нелюдей Туманян объяснял также их непригодностью к творческой деятельности, неспособностью творить, создавать что-то действительно ценное и непреходящее. Вместо этого турки были наделены другим качеством: они самым бесчестным и бесцеремонным образом присваивали чужие достижения, чужую культуру и искусство. “Они не только не внесли свой вклад в культуру и не дали миру ничего гениального, но и не восприняли ничего от других народов. Всегда оставались с разрушительным мечом в руках. И если мы запретим им под общим названием ислама украшать себя именами персидских, арабских или индийских гениев, то они останутся

стоять посередине, в своей нормандской наготе, с вечным окровавленным мечом в руках” (7, 273).

В 1917 году Туманян оказался очевидцем обеих русских революций. Сохранилась написанная им в 1918 г. статья “Из наших различий”. В ней поэт сначала беседует со временем, со своей эпохой, размышляет о большевизме и большевиках и делит их на две разительно отличающиеся друг от друга категории: погромщиков-террористов и идейных борцов. “Вот стоит перед тобой русский большевизм, и ты хочешь понять... Не тот ужасный большевизм, который разрушает и вселяет ужас, а тот большевизм, который обещает человеку общественное и личное счастье” (7, 493).

Поэт рассматривает причины возникновения русского большевизма, и как первую и главную причину отмечает многовековое социальное неравенство людей. “И вот миллионы нищих и обездоленных поднимают свой голос против тысяч имущих и счастливых, и на авансцену выходит великий суд нищих и обездоленных” (7, 494). Поэт записывает, но затем вычёркивает следующие строки: “Что это за утверждение, что счастье меньшинства не может быть прочным при бедности большинства?” (7, 491). Туманян сопоставляет подходы старых и новых эпох к одной и той же проблеме и формулирует различия между религиозной идеологией, предписывавшей сочувственно относиться к нищему и давать ему милостыню, и идеологией социализма: “И вот таким образом, как видим, на обозрение вынесен суд человеческого большинства, без национальных различий.

В старые времена суд нищих и обездоленных был основан на сочувствии и был личным делом каждого судящего; в наши времена этот суд основан на общественном сознании и является организованным политическим делом. В первом случае этот суд был религиозно-политическим требованием и обязательством, в другом – политическим и гражданским требованием и общественным строем...

Один говорит людям – братья, другой – товарищи...” (7, 496).

В годы войны Туманян не переставал делать в своих дневниках и записных книжках пометки на культурную, историческую или политическую характера, из которых впоследствии должны были родиться статьи и исследования. Однако и этим намерениям поэта суждено было остаться нереализованными, и снова ему помешали война и Геноцид. Эти записи и пометки относились к возможности обретения Арменией государственной независимости – в условиях резко изменившейся историко-политической ситуации. Всегда оптимистично настроенный поэт в новой обстановке не верил в полноценную независимость армянского народа. Он прекрасно знал нрав соседней Турции – этого векового и заклятого врага Армении, и не мог представить реальную независимость своей страны в условиях страшной угрозы, нависшей над физическим существованием его соотечественников. Жизненный опыт и политическая мудрость, интуи-

ция и на этот раз не подвели поэта: Турция воспользовалась ситуацией и напала на изнурённую, обескровленную Армению. И вот в судьбоносные дни, когда армянский народ в 1918 г. вёл неравную борьбу за своё физическое выживание, поэт сделал свой трудный выбор в пользу существования своей нации, в пользу возможности её дальнейшего культурного развития, и он пишет, пожалуй, самые печальные строки в своей жизни. “Да, независимость – вещь хорошая. Не будем говорить об этом.

Но если сам армянский народ физически, в финансовом и моральном отношении не способен защищать свою независимость, и ни одно государство не берётся опекать и защищать его, - что тут поделаешь? Не хотим.

Если независимость станет верёвкой, чтобы задушить армянство, - не хотим.

Если независимая Армения станет маленькой клеткой с закрытыми со всех сторон дверями, и единственная открытая дверь будет открыта для турка-аскера, - не хотим...” (8, 451, 652). Для того, чтобы написать в такой ответственный момент такие ответственные строки, самый известный поэт и общественный деятель эпохи должен был проявить поистине незаурядное мужество. Можно не сомневаться в том, что в то время многие деятели полностью разделяли такую позицию и такой подход, но не могли решиться сказать это вслух, во всеуслышание. Разумеется, Туманяну ещё только предстояло развить эти свои невесёлые размышления, предстояло объяснить, почему он решил выбрать наименьшее из зол, почему он отдал предпочтение физическому и культурному существованию, почему самым важным делом для него оказалось сохранение жизни каждого армянина и вообще – каждого человека, его право на жизнь. Увидев под самый конец войны её страшные, чудовищные последствия для судеб его родины и народа, ставший очевидцем Геноцида и массового переселения своих соотечественников, самый жизнестойкий и оптимистичный армянский поэт в это время находился в состоянии крайнего отчаяния. “Я больше не вижу восходящей зари, напротив, я преисполнен сомнения в будущем, у меня есть только одно желание: чтобы оставшаяся часть армян сохранила своё физическое существование” (7, 493). Каким бы мужественным и оптимистичным ни был поэт, он всё же не был сверхчеловеком, он был обычным смертным, и чувство отчаяния не было ему чуждо. И он передал бумаге своё настроение в самую тяжёлую минуту жизни, но он при этом даже не помышлял о том, чтобы опубликовать эти свои горестные размышления, чтобы не огорчить ещё больше свой народ в его самые трагические и безысходные дни. И несмотря на своё отчаяние, Туманян на чисто интуитивном уровне правильно чувствует и понимает своё время. Армянский народ в той ситуации действительно не мог сохранить свою политическую, государственную независимость, когда даже соседние народы, которые не подверглись геноциду, не потеряли своей родины и не

пережили всех ужасов, выпавших на долю армян, не имели сотен тысяч беженцев и сирот, также не смогли сохранить свою независимость.

В своих дневниках Туманян пытался охарактеризовать роль армянского народа и других национальностей, в частности, “духовного Востока и делового Запада” в истории человеческой цивилизации, а также декларированные французской революцией принципы братства, равенства и свободы, закреплённые английской великой хартией права человека, задачи социализма и коммунизма в новой России (8, 450, 652).

В другой записи, также сделанной в 1918 г. и начатой словами “Я никогда не называл себя социалистом”, поэт излагает мысли о своей партийной принадлежности, проводит сопоставительный анализ между проповедниками религии и социализма¹.

Сравнивая религиозный и социалистический подход к социальной несправедливости и неравенству, поэт отмечает, что апостолы церкви обосновывают счастье бедняков и вообще всех людей милосердием и совестью, а новоявленные апостолы, социалисты, кладут в основу своей теории справедливое распределение честного труда и доходов, удовольствий жизни. Тем не менее, поэт заявляет, что не является социалистом, хотя ему и близки и понятны идеи социализма. То же самое Туманян говорил и о других партиях. С некоторыми национальными партиями он сблизился, сотрудничал, когда необходимо было осуществлять общественную и патриотическую деятельность; в определённые отрезки времени поэт даже состоял в той или иной партии, разделяя её взгляды и симпатизируя её программе, но при всём при этом никогда не считал себя партийным, и даже по разным поводам всегда подчёркивал свою надпартийную сущность, всегда считая любую партийную идеологию слишком односторонней и узкой. Придавая большую важность человеческому фактору в любой сфере жизни, поэт пишет: “Один социалист может быть настолько же опасным для социализма, насколько один духовный деятель – для христианства” (7, 489).

Туманян придерживался убеждения, что если общественный деятель мог принадлежать к какой-нибудь партии, то искусствовед, деятель культуры не мог себе этого позволить, поскольку любой искусствовед обязан жить большой, космической жизнью и поклоняться одной-единственной “идее” – прекрасному. Отмечая, что художник и общественный деятель являются людьми “разных в духовном понимании климатов”, поэт пишет в черновом наброске статьи “Завербованы...”: “В то время как центром поклонения одного (имеется в виду христианин) является нравственность, идеалом для другого – свободная и справедливая общественная система, предметом поклонения для меня и мне подобных является прекрасное... я имею в виду прекрасное в представлении немногих” (7, 491). Будучи

¹ Возможно, указанный отрывок был написан как часть статьи “Завербованы...” (7, 486), однако затем поэт не счёл целесообразным использовать его или опубликовать.

одновременно и поэтом, и общественным деятелем, Туманян, несмотря на свою активную общественную деятельность, всегда считал себя преимущественно художником-искусствоведом, которого характеризовал следующими словами: “Поэт по своему складу от природы наделён свободной и парящей мыслью, всегда нищущей душой, он является самостоятельной творческой личностью; если хотите, каждый из них является отдельной и самостоятельной партией” (7, 492).

Мы рассмотрели здесь только некоторые записи и размышления в дневниках и черновых набросках Туманяна, а все эти записи в полном объёме представляют довольно богатый материал, которого более чем достаточно для отдельной исследовательской работы.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ОВАНЕСА ТУМАНЯНА В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ГЕНОЦИДА

СВЕТ И ВЕРА ПОЭТА В ТРАГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ РАЗРУШЕННЫХ НАДЕЖД

Ованес Туманян как мыслитель и художник с одинаковой силой выступает как в публицистике, так и в художественном творчестве, причём порой почти одновременно использует одну и ту же тему и даже одно и то же название, подтверждая тем самым единство и цельность своего мировоззрения и его воплощение во всех сферах искусства и общественной жизни.

Дочь поэта Нвард Туманян свидетельствует: “В годы войны... отец мало занимался литературой, очень мало писал. Когда редакторы газет или журналов в срочном порядке просили какой-нибудь материал, отказывался писать. В крайнем случае доставал из бюро своих рукописей какой-нибудь материал, перерабатывал и отдавал им”¹.

В очередной раз война оказалась непреодолимым препятствием для многочисленных творческих планов и намерений поэта, причём среди всех художников она более всего помешала именно ему, потому что он больше кого бы то ни было жертвовал своей литературной работой, своим художественным творчеством во имя национальной и общественной деятельности. Тем не менее, Туманян прежде всего был и продолжал оставаться поэтом, говоря его же словами, “почитателем прекрасного”, и только потом уже публицистом. Каким бы суровым и страшным ни было время, он так и не сумел даже в условиях великого общенационального бедствия отложить в сторону своё перо поэта. Его муза словно почувст-

¹ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 117-118.

вовала необходимость своего бодрствования, свою значимость для всего многострадального армянского народа, продолжавшего идти дорогой невероятных физических и нравственных страданий и мучений, и в итоге были созданы стихотворения, которые указывали, очерчивали линию национальной самобытности, воспитывали волю к жизни и созидательному труду, вселяли в народ надежду и придавали ему силы для сохранения и защиты права на самостоятельное и независимое национальное существование.

Только благодаря поэтическому вдохновению Туманян создал свои стихотворные произведения военного времени, только благодаря извержению сильных и искренних чувств сумел он написать стихотворные шедевры, неподвластные времени. Все немногочисленные стихотворения этих лет были написаны потому, что просто не могли быть не написаны. И это при том, что у поэта не было ни времени, ни возможностей для того, чтобы полностью посвятить себя литературе, исследовать фольклорные материалы, обработать какую-либо новую сказку, закончить свои многочисленные незавершённые художественные и научные, историографические или филологические произведения.

Одним из самых жестоких ударов, нанесённых сердцу Туманяна Геноцидом, был арест и ссылка турецкими янычарами, а впоследствии – душевное расстройство и помещение в парижскую психиатрическую клинику его близкого друга, “верховного патриарха армянской песни”, композитора Комитаса, прославившего на весь мир свой армянский народ. В апреле 1915 г. в квартиру Комитаса в К.Полисе ворвались трое полицейских и по приказу Сулеймана эфенди стали обыскивать его дом. На полу среди прочих бумаг оказались также незавершённые партитуры опер на текст поэмы Туманяна “Ануш” и по мотивам армянского эпоса “Сасна Црер” (“Безумцы из Сасуна”) – результат двадцатилетнего кропотливого труда композитора. Они были разбросаны, “подобно разодранному в ключья перьям раненной сохой птицы”¹.

На протяжении недели для получения решения о помиловании Комитаса боролись посол США Моргентану² вместе с супругой, послы Италии, Болгарии, Швейцарии, посол Австро-Венгрии с супругой. Они забрасывают письмами-прошениями соответствующие властные инстанции Турции. 30-летний престолонаследник Меджит-эфенди, который был большим любителем музыки и живописи, неоднократно слушал концерты Комитаса, от своего имени и от имени жены на коленях умоляет своего

¹ Х.Бадикян, Комитас – каким он был, Ер., 2002, стр. 127 (на арм. яз.).

² Генри Моргентану (26 апреля 1856 – 25 ноября 1946) – посол США в Турции в годы Первой мировой войны.

отца освободить Комитаса. “Комитас не армянин, а человек, принадлежащий всему человечеству, как Шекспир, Чайковский и другие таланты”¹.

В конце концов эти усилия увенчались успехом, и почитателям Комитаса удаётся вызволить его из этого ада. Вернувшись домой, композитор попытался скленть разорванные листы, но это оказалось невозможно. Ему удалось спасти только отдельные рукописи. Частично были спасены и рукописи оперы “Ануш”. Черновики эти так и не были подготовлены для публичного исполнения. Не случайно Комитас на своих концертах никогда не исполнял ни одного отрывка из этого произведения.

Трагическая судьба Комитаса была для Туманяна не только выражением общенационального горя, порождённого огромной потерей для армянского музыкального искусства, для всей армянской культуры, но и большой личной болью, открытой и незаживающей раной.

Литературный критик Никол Агбальян в свое время, в 1914 г., констатировал: “Ованес Туманян, вардапет Комитас и Горос Тораманян – вот три имени, которые символизируют степень развития нашей культуры. Один создаёт оригинальную литературу, другие исследуют армянскую музыку и архитектуру, прокладывая дорогу для будущих творческих деятелей”².

В последующие годы эта мысль была закреплена в истории армянской культуры как бесспорная, безоговорочная истина. Роль Туманяна и Комитаса сравнивалась с той ролью, которую сыграли в русской культуре Пушкин и Глинка. Подобно им, Туманян и Комитас были признаны патриархами новой армянской национальной художественной культуры. Они оба черпали своё вдохновение из многовековой народной культуры, оба создали искусство в национальном духе и стиле.

В мировосприятии Комитаса и Туманяна роль искусства, подходы к понятиям добра и зла также были сходны. Для них обоих было непреложной истиной, что именно народное творчество является “зеркалом души данного народа, его биографией”³. И они оба знали, что только “у злых людей нет песни”⁴.

И Комитас, и Туманян были наделены, по определению Рачия Ачаряна, “морем исключительных достоинств”⁵. Они оба стали жертвами войны и Геноцида, хотя и не пали от янычарского ятагана или от оружия пещерного человека – камня, подобно некоторым другим представителям армянского искусства и литературы. Жизнь обоих деятелей стала легендой, мифом. А их “овеянное славой дело”, как отмечает Ав. Исаакян, стало

¹ Х.Бадикян, Комитас – каким он был, Ер., 2002, стр. 363 (на арм. яз.).

² Л.Ахвердян, Туманян и его время, Ер., “Арег”, 1995, стр. 42 (на арм. яз.).

³ Х.Бадикян, Комитас – каким он был, Ер., 2002, стр. 127 (на арм. яз.).

⁴ Там же, стр. 128.

⁵ Современники о Комитасе, Ер., 1960, стр. 75.

“чудесным преданием”¹. Они оба являются гордостью нашего народа, а их творческое наследие – “неисчерпаемым национальным богатством”².

На души этих двух великих – Ов.Туманяна и Комитаса – наложило своё жестокое клеймо “безбрежное море страданий и горя”. Они оба унесли с собой столько “песен и ран”, унесли молча, безропотно. Они оба были великими мучениками и великими армянами, один – Патриарх всеармянской песни, другой – Поэт всех армян. Они оба стали красугольными камнями и одновременно высочайшими вершинами армянской музыки и литературы, воплощением того свособычного и неповторимого, которым одна нация отличается от другой. В то же время они были воплощением того всеобщего и общечеловеческого, что объединяет культуры всех народов. Они были “библейским посохом”, высекавшим из скалы национальную песню, были олицетворением общенациональной тоски и печали, были нашей “Песнью песней”. Комитас был убеждён, что каждая нация, каждый народ имеет своё неповторимое, уникальное горло. Паруйр Севак, называя Туманяна “нашим национальным горлом”, нашей народной музыкальной трахесей и голосом одновременно, отмечает: “Голос Туманяна – самый национальный, настолько национальный, насколько национален голос его духовного собрата и сверстника, великого Комитаса”³.

Насколько неисчерпаемым было оставленное этими двумя “духовными братьями” творческое наследие, настолько неисчерпаемыми были их потери. Паруйр Севак пишет: “Вместо того, чтобы путешествовать “В Беспредельность”, Туманян был вынужден совершить путешествие не только в Ван и Эчмиадзин, навстречу аду тысяч сирот и беженцев, но и в страшную преисподнюю нашей многовековой истории, чтобы снова гореть в том адовом огне, которого не мог вынести даже иноземный очевидец, а не то чтобы Поэт всех армян.

И если Туманян также не сошёл с ума, подобно своему великому духовному собрату и сверстнику Комитасу, то, видимо, по той причине, что безжалостный бог уже получил с избытком свою жатву безумцев.

Но потеря так и осталась потерей. Если Комитас не написал свою оперу “Сасна Црер”, то Туманян не дописал свою поэму “Давид Сасунский”. Если Комитас не оставил нам свою “Ануш”, то Туманян – своего “Тысячеголосого соловья”... Один – свой “Патараг”, другой – свои стихотворения “Неведомое” и “В Беспредельность”. От одного сохранились фрагменты, от другого – такие же фрагменты, под названием “четверостишия”...

Полёт “В Беспредельность” завершился, ещё не начавшись”⁴.

¹ Ав. Исаакян, Собр. соч. в 6-и тт., т. 5, Ер., “Советакан грох”, 1977, стр. 51. (на арм. яз.).

² Там же.

³ П. Севак, Собр. соч. в 6-и тт., т. 5, Ер., “Айастан”, 1974, стр. 355. (на арм. яз.).

⁴ Там же, 377-378.

И действительно, из-за мировой войны и Геноцида Туманян не сумел довести до конца многие свои начатые произведения, однако больше всего пострадала “Давид Сасунский” и “Тысячеголосый соловей”. По свидетельству дочери поэта Ашхен Туманян, не менее обидными, досадными потерями являются незавершённая поэма “Конец зла” (“Бездомная кукушка”) и в особенности – “Автобиография”. Ашхен рассказывает: “Как-то я сказала: “Почему не пишешь свою автобиографию? Останется навсегда”. Ответил: “Подожди, напишу такую автобиографию, удивлю вас. Только форму пока не нашёл”¹.

Последний раз поэт работал над поэмой “Тысячеголосый соловей” летом 1914 г. в лечебнице². Однако уже в годы войны он понял, что не сможет завершить ни свою автобиографию, которую намеревался написать уже давно, ни свою сказку-поэму “Азаран блбул” (“Тысячеголосый соловей”). 19-го мая 1916 г. поэт с сожалением признался: “Моя жизнь также станет “Тысячеголосым соловьём”... не будет написана, не состоится... Собрал самые лучшие вещи, выбрал самые лучшие дороги и составил самые лучшие программы, и ничего не получилось... ничего... Все мои планы пошли насмарку, душа перевернута вверх дном, расстроена...”³.

Туманян хотел написать сказку “Тысячеголосый соловей” в виде драматической поэмы, а для этого были необходимы мирные условия. Затем он решил написать её прозой, “вперемешку с песнями”, лишь бы довести до завершения. Он был уверен, что именно сказка-поэма “Тысячеголосый соловей” станет его главным шедевром. Поэт часто повторял: “Какая там ещё “Ануш”, я напишу такую вещь, что наши художники, музыканты... смогут черпать столько материала, сколько захотят”⁴.

Этим своим произведением поэт хотел поведать миру о важности соблюдения чувства меры. Он хотел объяснить людям, что нельзя выпускать из рук золотую уздечку – чувство меры. Даже воодушевление, которое обычно “безумно и необузданно, нуждается в золотой уздечке”⁵. Крайне неблагоприятное время, которое без конца мешало поэту, при этом всегда держало его мысль в напряжении – в стремлении написать сказку-поэму “Тысячеголосый соловей”. Поэт этой сказкой хотел сказать своему народу, что для того, чтобы войти в светлый дворец, необходимо преодолеть “горести, несчастья, всё ты должен вынести, должен бороться... Нужно уверенно и смело идти по этой дороге, не придавая значения горестям жизни”⁶.

¹ Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., “Мугни”, 2011, стр. 115.

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 115, 182.

³ Там же, стр. 145.

⁴ Там же, стр. 182.

⁵ Там же, стр. 207.

⁶ Там же.

Поэту всегда становилось не по себе, когда он вспоминал о своём незавершённом произведении, потому что он был уверен, что в случае завершения этой работы он принёс бы своему народу пусть небольшое, но всё-таки какое-то облегчение. Он искренне считал исцеляющие возможности искусства, художественного слова неисчерпаемыми и безграничными: “Есть раны, против которых наука бессильна, а искусство – целебно”¹. Их этих его слов можно с уверенностью заключить, что поэт огорчался в первую очередь не потому, что не будет написано ещё одно произведение, под которым могло бы стоять его имя, а потому, что силой искусства он не сможет залечить хотя бы одну из неисчислимых ран в душе своих соотечественников.

За несколько месяцев до смерти, в ноябре 1922 г. поэт снова с горечью говорил о своём незавершённом произведении: “Сожалею о моём “Тысячеголосом соловье”. Мне нужно было четыре месяца, чтобы на четыре месяца оставили меня в покое, не мешали, и я бы написал своего “Тысячеголосого соловья””². За девять лет – с лета 1914 г. до конца своей жизни в марте 1923 г. – в жизни поэта не оказалось четырёх относительно спокойных месяцев для осуществления своей заветной мечты, и уже на смертном одре он ещё острее почувствовал свою обделённость покоем и возможностью творить. За последние три месяца жизни он три раза – 13-го января, 21-го января, 6-го февраля – с большой горечью, как о невосполнимой потере несбывшейся мечте, говорил о своей незавершённой сказке-поэме.

К работе над другим оставшимся незавершённым произведением – второй частью поэмы “Давид Сасунский”³, Туманян в последний раз обращается в апреле 1922 г., однако подтачивавшая его организм неизлечимая болезнь не давала больше поэту никакой возможности работать серьёзно и с полной отдачей. Если сказка-поэма “Тысячеголосый соловей” в своём завершённом, окончательном виде виделась, представлялась одному только её автору, то второй части поэмы “Давид Сасунский” с нетерпением и большими надеждами ожидали очень многие, поскольку первая часть имела большой успех и среди взрослых читателей, и среди юношества. А некоторым близким поэту людям и представителям литературных кругов посчастливилось услышать прочитанные самим поэтом отдельные отрывки и фрагменты из второй части поэмы⁴. Выхода второй части поэмы ожидали даже немцы, которые обратились к Туманяну с

¹ Там же.

² Там же, стр. 273.

³ Анализ сохранившихся в архиве поэта нескольких фрагментов из второй части поэмы – о Давиде и Хандут – дан в монографии М. Джанполадян «Туманян и народный эпос». Ер., 1969, с.с. 70-74.

⁴ Там же, стр. 240.

просьбой помочь им экранизировать его поэму “Давид Сасунский” по образцу “Песни о Нибелунгах”¹.

Тем не менее, в годы войны и Геноцида Ов. Туманян сумел написать 37 лирических произведений – 11 стихотворений и 26 четверостиший, а также балладу “Шах и разносчик” и басню “Комар и муравей”.

В апреле 1916 г. в Тифлисе увидел свет сборник Ов. Туманяна “С отчизной”, который был опубликован издательским обществом “Мамул” (“Печать”). Книга “С отчизной” была единственным прижизненным изданием произведений поэта, составленным по тематическому принципу. Это обстоятельство во многом было продиктовано требованиями времени.

Об издании нового сборника Туманяна сообщается в нескольких номерах газеты “Оризон”². На 56-и страницах были размещены 15 стихотворений поэта на патриотические мотивы, в том числе “С отчизной”, “Наш обет”, “Армянское горе”, “Нашим предкам”, “Сирота”, “Голубиный скит”, “Поминование” и другие.

В сборнике произведения разных жанров (отрывок из неоконченной поэмы “Старая вражда”, баллады “Сирота”, “Голубиный скит”, “Лампада Просветителя”) были расположены без соблюдения хронологического принципа. Поэт при составлении книги руководствовался внутренней логикой произведений, создаваемым ими настроением. Сборник открывался стихотворением “С отчизной”, которое являлось путеводителем, выражающим раздумья и эмоциональные переживания автора. Завершалась книга стихотворением “Последний день”, преисполненным ожиданий в деле преодоления национальных страданий и бедствий. Поэт отобрал для сборника самые совершенные образцы своей патриотической лирики. Каждое включённое в книгу произведение является конкретным выражением осмысления судеб Армении и армянского народа. Языком лирической поэзии автор создаёт собирательный и символический эпический, трагический и героический образ своей родины, отчизны.

Паруйр Севак пишет: “Туманян, находясь в Тифлисе, во время Геноцида был со своей отчизной, возможно, более, чем кто-либо из армян.

И не будет ни малейшего преувеличения, если скажем, что ни один армянский поэт не откликнулся на ужасы Геноцида так, как это сделал Туманян”³.

Конечно, мировая война и Геноцид помешали полнокровной творческой деятельности не только Туманяна, но и всех армянских писателей. В передовой статье газеты “Оризон”, озаглавленной “Восточноармянская литература в 1915 г.”, автор констатирует почти полное отсутствие художественных произведений в виде изданных книг и отдельных сборников (исключение составляли только книга Е. Чаренца “Голубоглазая Родина” и

¹ Там же, стр. 232.

² “Оризон”, 1916, N77, 6-го апреля, стр. 1, 3; N78, 7-го апреля, стр. 4.

³ П. Севак, Собр. соч. в 6-и тт., т. 5, Ер., “Айастан”, 1974, стр. 371. (на арм. яз.).

антологический сборник “Олива” (“Дзитени”) и добавляет: “1915 год был таким годом, какие в мировой истории случаются очень редко; чем меньше будут повторяться такие годы, тем лучше будет для всех народов и особенно для армян... О какой литературе, тем более, прекрасной литературе может идти речь? У армянских поэтов не было ни настроения, ни времени, чтобы взять в руки перо для того, чтобы воспеть прекрасное. Взгляд каждого был устремлён в сторону родины, в сторону окровавленного народа, беспризорных сирот... Когда по ту сторону границы резали турецкоподданных армянских поэтов, когда на дорогах ссылки испускал свой дух Зограб, когда доносились известия о смерти Варужана, Сиаманто, то с каким сердцем должен петь русскоподданный поэт?”¹.

Книга “С отчизной” была единственным поэтическим сборником Туманяна, вышедшим в свет в годы войны. Но поэт предстал перед читающей общественностью и с другими отдельными книгами в различных жанрах. Он переиздал поэму “Ануш” (Тифлис, 1916, 48 стр.), издал литературоведческое исследование “Нагаш Овнатан и любовь Кучака Наапета и Саят-Новы” (Тифлис, 1916, 32 стр.). В том же 1916 г. отдельными книжками были опубликованы сказки-переложения “Аленький цветочек” и “Василиса Прекрасная” (Тифлис, 1916, 26 стр.), “Зарубежные сказки” в двух книгах (в первую вошли сказки “Бесценный камень”, “Кошелёк волшебника”, “Король-Гром”, Тифлис, 1916, 31 стр., а во вторую были включены “Невидимое государство”, “Женщина, сошедшая со звёзд”, Тифлис, 1916, 23 стр.).

Из общего числа художественных произведений писателя 22 были опубликованы в периодических изданиях, в частности, в газетах, еженедельниках и журналах “Тараз”, “Аскер”, “Арев”, “Горц” (Баку), “Ашхатанк” (Ван), “Оризон”, “Гехарвест”, “Арег”, “Амбавабер”, “Миутюн”, “Ars” (Тифлис), “Ширак” (Александрополь), “Туркестанское слово” (Андижан), “Армянский вестник” (Москва).

Поэту было также очень непросто продолжать с энергией былых мирных лет работу по составлению школьных учебных пособий. В 1915-1916 гг. не издаётся учебник “Лусабер”, составителем которого был Туманян в соавторстве с Л.Шантом и Ст.Лисицианом. Издание учебника возобновляется с 1917 г., однако выходит в свет только “Лусабер” для второго года обучения, а все остальные книги, рассчитанные для первого, третьего, четвёртого и пятого классов, не переиздаются; не составляются и новые учебники.

Отметим при этом, что Туманян время от времени, с определёнными перерывами пытался заниматься составлением и изданием школьных пособий. Сказанное особенно относится к первым месяцам после начала войны. В сентябре 1914 г. поэт был серьёзно занят работой над подго-

¹ “Оризон”, 1916, N1, 1-го января, стр. 5.

товкой второго издания первой части фундаментальной, состоявшей из 688 страниц, хрестоматии “Армянские писатели”.

Да, старые учебники не переиздавались и новые не составлялись, но просветительская деятельность поэта продолжалась и нашла для себя новую нишу в виде восьми созданных им детских игр учебно-образовательного характера. Все эти игры были изданы на сбережения детей Ованеса Туманяна. В качестве издателя игр выступало Общество “Манук”, которое также было создано детьми поэта под его руководством.

В учебнике “Лусабер”, в хрестоматии “Армянские писатели” и в составленном Г.Ванцяном сборнике “Армянские авторы” было опубликовано в общей сложности тридцать произведений Ов.Туманяна, из которых 27 – в 1914 г. и только три – в 1917 г.

В вышедшей в Москве брюсовской антологии “Поэзия Армении” было помещено десять произведений Туманяна, в изданном под редакцией М. Горького петроградском сборнике “Армянская литература” – семь, в том числе и прозаических. В московском журнале “Армянский Вестник” были опубликованы два произведения, а в Андижанском журнале “Туркестанское слово” – одно (“Капля мёда”); в тифлисском журнале “Агс” были опубликованы шесть четверостиший и надпись, сделанная поэтом в книге, подаренной Нимфе Городецкой. Переводчиками девятнадцати опубликованных на русском языке произведений поэта были В.Брюсов, К.Бальмонт, П.Макинцян, Г. Иванов, Вл. Ходасевич, Ю.Веселовский, С.Городецкий, М.Део (Джанумян).

Сам Туманян в жанре лирической поэзии в эти годы перевёл всего три стихотворения: “Раздумья на берегу Куры” Н.Бараташвили¹ (в 1915 г.), “Если бы я был в пустыне” Р.Бёрнса² (21-го января 1917 г.), “Из Гёте” (“Горные вершины...”) М.Лермонтова (дата перевода неизвестна). В черновом виде сохранились переводы из китайских поэтов: “Красная роза” Ли-Тай-По (в 1916 г.), “Отвергнутая” (в 1916 г.), “Судьба человека” (дата перевода не известна). Примечательно, что в этот период возрастает интерес поэта к древней и средневековой китайской литературе и философии.

Значительно больше внимания Туманян уделял в эти годы переводам эпических произведений. Он не сумел завершить работу над своей эпической поэмой “Давид Сасунский”, но при этом выполнял переводы из сербского и грузинского эпоса. Из “Витязя в тигровой шкуре” Шота Руставели он перевёл главу “Соревнование Ростевана и Автандила” (в 1917 г.). Работу эту трудно считать переводом в строгом смысле слова. Скорее это было свободное переложение столь же свободного перевода Степана

¹ Николай (Николоз) Мелитонович Бараташвили (15 (27) декабря 1817, Тбилиси – 9 (21) октября 1845, Гандзак) – выдающийся грузинский поэт-романтик.

² Роберт Бёрнс (1759–1796) – шотландский поэт, фольклорист, автор многочисленных стихотворений и поэм, написанных на так называемом равнинном шотландском и английском языках.

Бастамяна¹, выполненного, к тому же, на тифлисском наречии. Туманян фактически использовал переложение Бастамяна в качестве подстрочника, основательно, до неузнаваемости переработав его, внося в текст многочисленные смысловые изменения и уточнения, введя каноническую рифму и выполнив свой перевод на литературном армянском языке. Переложение Туманяна предназначалось для публикации в учебнике “Лусабер”.

Культурный, литературный процесс в армянской действительности, несмотря на своё парализованное состояние, продолжался, причём не только в пределах Закавказья. При этом ни одно сколько-нибудь заметное литературное явление не могло обойти Туманяна, выпасть из поля его зрения.

Погос Макинцян перевёл рассказ “Гикор” и намеревался передать его для публикации журналу “Русское богатство”, редактором которого был В.Короленко. Макинцян лично и через сына поэта Артавазда Туманяна просил у автора разрешения на публикацию. Летом 1914 г. он пишет: “Дорогой Иван Фадееч! Артик сидит сейчас рядом со мной, и я только что прочитал ему “Гикор” на русском языке... Официальное разрешение считаю важным, до выхода в свет моего перевода, поэтому не теряю надежды, что подтвердите его в двух строках”².

Туманян в своём письме сыну Артавазду 11-го августа 1914 г. пишет: “Передай большой привет Погосу, скажи, что напишу на днях письмо. Разрешение, конечно, даю. Пусть передаст большой привет Короленко. У меня очень хорошие воспоминания о нём. Очень милый человек” (10, 213)³.

Как уже отмечалось, Ованес Туманян неоднократно анализировал свои способности предчувствия и предвидения. Ясновидение и предчувствие были составной и неотъемлемой частью его мировосприятия и важными средствами, способами проникновения в человеческую душу, познания мира. Есть множество свидетельств его сверхчувственной связи и коммуникации с самыми близкими ему людьми.

Туманян намеревался уделить в автобиографии особое место своей интуиции, телепатическим способностям и вещим снам. “Сон, предчувст-

¹ Степан Бастамян (1815 - 1872) – тифлисский армянский врач, литературный и общественный деятель, автор первого армянского перевода поэмы Ш.Руставели.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1636 (384 доп.).

³ С В.Г. Короленко Туманян познакомился в конце марта 1912 г. в Петербурге - через адвоката Н.Д. Соколова. В квартире русского писателя они долго беседовали о творчестве Пушкина. Затем столь же долго ходили по Невскому проспекту, “то и дело провожали друг друга и никак не могли расстаться”. См. Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 647.

вие – это значительные вещи и важные. В своей автобиографии я должен уделить особое место своим снам, предчувствиям”¹.

По разным поводам и случаям Ованес Туманян признавался в этом своем особом природном даре. Согласно утверждениям поэта, он предвидел русскую революцию 1905 г. Летом 1904 г. в Шулавере поэт увидел во сне, что “небо над степью России разорвалось и стали проливаться кровь и гной; небо покраснело, почернело”². На следующий день он стал заверять всех и каждого, что скоро в России начнётся революция, причём был настолько уверен в своих предсказаниях, что даже заключал пари³. А по свидетельству Дереника Демирчяна, Туманян предсказал начало кровавых межнациональных столкновений в 1905 г. между армянами и кавказскими татарами, причём сделал это задолго до начала событий⁴.

В разное время и на очень большом расстоянии поэт почувствовал вначале смерть своего отца Тер-Тадевоса (1898 г.), а затем и убийство брата Ростома (1915 г.).

20-го июня 1911 г. в девять часов пятнадцать минут утра, в тот самый момент, когда скоропостижно скончался Газарос Агаян, с которым за день до этого он мирно беседовал у себя дома, Туманян во сне чётко увидел образ своего близкого друга, старшего собрата по перу и родного человека для всего семейства Туманянов. Поэт увидел Агаяна умершим, причём видение это полностью совпадало с реальным фактом смерти писателя (6, 360).

В начале 1912 г., когда Туманян находился в Петербурге в качестве политического заключённого и ему реально грозили пожизненная ссылка или смертная казнь, он предчувствовал не только то, что царский суд его полностью оправдает, но и то, что сам государственный обвинитель, чьим предназначением является обвинение, примет его сторону и станет его защищать (10, 540).

Находясь в петербургских тюремных застенках, Туманян как-то увидел во сне, что его отец стоит на перекрёстке светлого и тёмного миров. Он препроводил стоявшего на тёмной дороге сына к светлой дороге. По словам Нвард Туманян, “после того как отец увидел этот сон, он успокоился в тюрьме и был уверен, что его оправдают”⁵.

Позднее, в феврале 1921 г., когда Туманяну необходимо было пересечь границу между большевиками и дашнаками, из-за гражданской войны оказавшимися по разные стороны баррикад, поэт оказался под двойным обстрелом, однако невозмутимо продолжал идти вперёд, будучи уверенным, что раз уж он не предчувствовал своей гибели, значит, ни одна

¹ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 216.

² Там же, стр. 188. Нвард ошибочно указывает 1905 год. На самом деле Туманян был в Шулавере годом раньше.

³ Там же.

⁴ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 31.

⁵ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 190.

шальная пуля в него не попадёт. И действительно, ни одна из сотен пуль, летевших в сторону поэта, не попала и не задела его (10, 379).

9-го марта 1922 г., уже находясь в крайне тяжёлом состоянии, во время операции в больнице Шахпароняна поэт предугадал, что в его организме есть опухоль – что-то, что необходимо “вырезать”, однако врачи не удалят её из-за того, что не придут к согласию, к единому мнению на этот счёт¹. Заметим в этой связи, что в марте 1922 г., когда поэту ещё не был поставлен правильный диагноз и, по мнению врачей, его могли вылечить в Европе, Туманян увидел во сне свою смерть и похороны (10, 248)².

Как и многие другие творческие личности, Ов. Туманян сочинял свои произведения также во сне. Известно, что одним из самых ярких проявлений творческого процесса является “наитие”, интуитивное “сверкание мысли”. Поэт часто создавал свои произведения под воздействием образов своих сновидений. Об этом сохранились многочисленные свидетельства современников. Так, Тигран Пирумян пишет: “У него есть привычка вставать посреди ночи с постели и записывать внезапно пришедшие на ум строки. Он также часто говорит во сне стихами и проснувшись, записывает”³.

Для Туманяна “самой важной вещью является интуиция; ясновидение, откровение. Она стремительна, словно молния – мгновенно освещает, у неё сила вулкана – яростно извергается”⁴.

Ещё до начала мировой войны, летом 1914 г., поэт уже предчувствовал надвигающееся страшное всепоглощающее бедствие, грядущие ужасные события и ожидающую армянский народ великую трагедию. Об этом рассказывает Нвард Туманян: “В Цагвере настроение у него было плохое. В душе были какие-то печальные переживания”⁵. Об этом же своём нехорошем предчувствии, но уже значительно позднее, задним числом, говорит и сам поэт. В статье “Возможное и желаемое” читаем: “И я думаю теперь, что по прошествии нескольких лет мои соотечественники должны быть рады, что их поэт ещё задолго до войны очень верно воспринял и ясно сказал всё то, что произошло впоследствии... Мною руководило предвидение поэта... многие, возможно, удивятся, если скажу, что в месяцы, предшествовавшие войне, я настолько чётко чувствовал войну, что даже написал специальное стихотворение, даже хотел напечатать его в журнале “Осанк”” (7, 466). Туманян счёл не совсем “удобным” передать стихотворение для публикации, поскольку оно всё ещё оставалось необработанным.

¹ Там же, стр. 255.

² Там же, стр. 190.

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 345.

⁴ Н.Туманян, стр. 216.

⁵ Там же, стр. 114.

Поэт догадывался с помощью интуиции, видел глазами души и передавал бумаге увиденные во сне ожидаемые, надвигающиеся ужасы, то, что ещё не произошло, но не сегодня-завтра непременно произойдёт. Так создавалось, в частности, стихотворение “Стреляют ружья в сердце у меня”. Возможно, оно было написано под непосредственным впечатлением сновидения, увиденного поэтом в ночь с 25-го на 26-е января 1914 г. В письме жены поэта Ольги Туманян, написанном 26-го января 1914 г. и адресованном сыну Артавазду, читаем: “Вчера ночью отцу приснился плохой сон, у него было плохое настроение”¹.

Почти во всех строках упоминаемого стихотворения описываются те ужасы, которые вскоре предстояло пережить армянскому народу. В своём воображении поэт настолько ярко и чётко видел картины резни и погромов, что проклинал сильных мира сего и тех, чьими руками совершено это величайшее злодеяние.

В первых числах ноября 1914 г., как уже отмечалось, Туманян в Баку написал и опубликовал стихотворение “Последняя тревога”. Не прошло и двух недель после того, как он напечатал публицистическую статью под тем же названием, а теперь он использовал его для художественного произведения, программного стихотворения. Это лишний раз подчёркивает врождённый оптимизм поэта, беспредельно верившего в жизнестойкость и жизнеспособность своего народа; его желание и заветную мечту, чтобы наконец-то прекратились лишения и испытания, сыпавшиеся, подобно граду, на головы его соотечественников, и чтобы эти испытания оказались самыми последними. Эта надежда, эта вера не покидали поэта не только все долгие годы войны, когда он написал стихотворение “Последний день” (1915), статью “Последний отлив” (1918), но и после войны, когда он, разгневанный и возмущённый коварным наступлением кемалистской Турции на Армению, написал статью “Последние злодеяния” (1920).

Вовсе не случайно, что, увидев истерзанную Западную Армению и своих соотечественников-изгнанников, поэт написал в последние дни января 1915 г. свой стихотворный шедевр “С отчизной” и перевёл отрывок из сербского эпоса под названием: “Что послал турецкий султан царю Московии вместо даров”, пометив: “Сербский народный эпос (с русского)”. Туманян обратился к образу былинного сербского героя, будучи уверенным, что “сила и дух каждого народа находит воплощение в его народном эпосе” (7, 146).

В каждом эпическом произведении разных народов Туманян подчёркивал героическое содержание материала, объединяя эпическое и драматическое начала, придавал большое значение борьбе, страданиям и героическим страницам истории этих народов, рассматривал судьбу отдельной личности как важную частицу общей народной судьбы.

¹ Переписка семьи Туманяна, стр. 58.

Ещё в своей статье “Национальные войны и их богатыри”, являвшейся первым откликом на начавшуюся мировую войну, поэт пытался представить подходы воюющих стран как рукопашную схватку героев их эпических повествований, а ожидаемые развития событий он рассматривал как поведение былинных богатырей. Поэт подчёркивал, что германец Зигфрид “поднялся, чтобы... в одиночестве завладеть неисчислимыми сокровищами мира...” (7, 146). Он последовательно, одного за другим, упоминал немецких, французских, английских, русских национальных эпических героев, и открывал этот перечень именем Марко, “сербского мятежного храбрца – королевича” (7, 146). Туманян пишет: “И поскольку сила и дух каждого народа находят воплощение в его народном эпосе, то мы со всей смелостью можем утверждать, что это богатыри народов – сербский Марко, германский Зигфрид, французский Роланд, английский Беовульф и русский Илья – встали перед нами из мира легенд, и мы – свидетели борьбы этих богатырей” (7, 146).

Перечислив подвиги этих эпических богатырей, поэт показывает, что все их поступки созвучны ходу событий текущих дней и национальным особенностям этих народов. Зигфрих хочет в одиночестве господствовать над миром, Беовульф, завладев сокровищами дракона, стремится передать их только своему народу, а Илья Муромец идёт освобождать мирный и ни в чём не повинный народ от нашествия врагов.

Из всех перечисляемых подвигов богатырей поэт отдаёт явное предпочтение только одному, самому характерному, и несколькими предложениями даёт меткие и ёмкие определения этим образам. “Можно не сомневаться, что будут рассеяны и развсены алчные устремления германского Зигфрида, - пишет поэт. - ...Можно не сомневаться, что под ударами этих исполинов будут расчленены и Турция Европы – Австро-Венгрия, и Турция Азии, у которых даже в ряду этих богатырей нет своего представителя... наконец должен решиться вопрос Турецкой Армении, или, если хотите, уже решён. Ведь среди “побратимов” богатыря Ильи Муромца – и наш Давид Сасунский” (7, 147).

С точки зрения гуманистического мировосприятия и мироощущения поэта довольно показательна концовка статьи, которая ещё раз утверждает его миротворческую концепцию, его идеал, на этот раз выраженный в публицистической форме и представленный в виде “мирного и солидарного человечества”. Поэт снова и снова выдвигает одну из своих основных философских и эстетических задач, свою самую заветную мечту – превратить человека-полузверя в цивилизованного человека или, по крайней мере, просто в человека. Идея эта, кстати, является основной идеей, краеугольным камнем и в сказке-поэме “Тысячеголосый соловей”. Туманян пишет: “Но есть нечто более великое. Народы обычно заканчивают эпос святым словом о мире. И действительно, после этой войны с невиданным размахом и объёмом встанет вопрос мира во всём мире, и вместе с ним встанет ещё один большой вопрос – вопрос о цивилизованном человеке,

или, ещё точнее, вопрос о человеке, который заставляет сегодня поднять просвещённый германец своими зверствами поднимает и превращает этот вопрос в тему для серьёзных размышлений для всех народов мира и для всех мыслителей” (7, 147).

Желание перевести отрывок из сербского эпоса (“Что послал турецкий султан царю Московии вместо даров”) возникло у Туманяна из идеи утверждения исторической роли России в Первой мировой войне, согласно которой Россия имеет важную миссию по освобождению христианских народов от турецкой тирании. Не случайно, что такое же содержание имеют почти все статьи Туманяна этого периода, относящиеся к Армянскому вопросу, в том числе его статья “Несколько слов о сербском народном эпосе”, опубликованная 10-го июля 1916 г. В ней автор пишет: “В сербском эпосе ярко живут воспоминания дотурецкого периода и эпохи турецкого господства, исторические события и герои... Величайший герой сербского эпоса – сын Вукашина королевич Марко, который является воплощением заветных национальных чувств и добродетелей сербского народа, его Давидом Сасунским... И поскольку в это время Россия также раз и навсегда выступила против турок и наносила тяжкие удары врагу, – Россия тоже вошла в национальный эпос сербского народа”(7, 271).

Эта статья, написанная через полтора года после перевода из сербского эпоса, даёт чёткое объяснение, почему именно Туманян сразу же после своего возвращения из первой поездки в Западную Армению принял решение незамедлительно взяться за этот перевод.

В сербском народном эпосе нашли отражение взаимоотношения русских царей и турецких султанов в 16-м и последующих столетиях – в связи со священными реликвиями христианства. Эпическая песня “Что послал турецкий султан царю Московии вместо даров” была опубликована 25-го января 1915 г. на страницах газеты “Оризон”¹. Современники Туманяна очень высоко оценили этот перевод. Месяцы спустя после публикации Туманян всё ещё слышал восторженные отзывы и похвалы. 22-го августа 1916 г. Тигран Ованнисян пишет поэту: “Хочу выразить своё восхищение великолепным переводом сербской поэмы. Письменно выражаю своё восхищение”².

Перевод этого отрывка сербского эпоса при жизни автора больше нигде не публиковался. Это также означает, что его основу составляли скорее политические мотивы и цели, нежели художественные, а для того, чтобы сделать текст перевода более целостным и совершенным в поэтическом отношении, у поэта просто не оказалось ни времени, ни возможности.

Конечно, политические мотивы и задачи в то время являлись очень сильным побудительным импульсом, но они не могли заслонить собой

¹ “Оризон”, N19, 25-го января, стр. 2.

² МЛИ, ф. Ов.Туманяна, N1524 (790).

художественные и эстетические наклонности и пристрастия Туманяна, которые лежали в основе его интереса к сербскому эпосу¹. По какому-то поводу в 1920 г. Туманян сказал: “Эпос – очень важное дело, особенно наш эпос, богатый, роскошный и, пожалуй, более значительный, чем эпосы других народов. В мировой литературе наш эпос занимает своё место. У нас есть представитель нашего духа, выражение нашего духа – это Давид Сасунский. Среди других народных эпосов богатым и удачным является сербский эпос”². Эти слова Туманяна также подтверждают, что, кроме политических обстоятельств, его перевод был обусловлен как большой любовью к народному творчеству вообще, так и несомненными художественными достоинствами сербского эпоса, пробудившими в поэте определённый творческий интерес. Приведённая оценка поэта означает также, что его высокое мнение о сербском эпосе не изменилось и впоследствии, когда он уже перевёл отрывок из него и знал о нём намного больше, чем приступая к переводу. Именно по этой причине он всегда выделял, обособлял сербский эпос среди эпических произведений других народов.

Считаем необходимым отметить также, что в своей работе над переводом сербского эпоса Туманян использовал в качестве оригинала-первоисточника литературный перевод известного русского поэта Аполлона Майкова³, который был помещён в составленном Н.В. Гербелем⁴ сборнике “Поэзия славян” под названием “Как отдалил турецкий султан московского царя”.

Выступающий в произведении “праведный старец”, павший мученической смертью патриарх, напоминает Отца Огана из “Голубинового скита”. Он советует турецкому султану послать в дар русскому царю христианские реликвии – золотую корону императора Константина, ризу Златоуста, скипетр Неманича Саввы, боевое знамя с крестом национального героя Сербии царя Лазаря. “Эти вещи совсем тебе не нужны, - уговаривает старец султана, - а для него они очень желанны” (4, 181).

Туманян остановил свой выбор именно на этом отрывке, потому что, несмотря на мученическую смерть праведного старца, тиран лишается всего того, на чём держалась его деспотическая власть, причём он лишается своей власти, послав дары русскому царю. То есть в выбранном отрывке носителем главной идеи были не сербские герои, которые

¹ О взглядах Ов. Туманяна на сербский эпос, отражённых в его статьях, о его переводах из сербского эпоса см. в монографии М. Джанполадян «Туманян и народный эпос». Ереван, 1969, с.с. 82-84, 91-97, 104-108, 127-130 (на арм. яз.). Её статья «Туманян и сербский эпос» была опубликована в Белграде, в журнале «Књижевност» (1998, №9-10, сс.1836-1844).

² Н.Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 224.

³ Аполлон Николаевич Майков (23 мая 1821, Москва – 8 марта 1897, Санкт-Петербург) – русский поэт.

⁴ Николай Васильевич Гербель (26 ноября 1827, Тверь – 8 марта 1883, Петербург) – русский поэт-переводчик, литературовед, издатель-редактор, библиограф.

боролсь за освобождение своей родины, а Россия со своей исторической миссией в деле освобождения всех угнетаемых христианских народов. Скорее всего, эти надежды вселили в поэта победы, одержанные в конце 1914 г. и начале 1915 гг. русскими войсками в районе Сарикамышы. Обращение к эпическим образам разных народов в годы войны как в переводах, так и в публицистических произведениях было вовсе не случайным. Это исходило из убеждения писателя, что “народы ни в чём не выражают себя так ясно и ярко, как в своём национальном эпосе” (4, 392).

Приблизительно в то же самое время, в конце января 1915 г., Туманян написал стихотворение “С отчизной”. Впервые стихотворение было опубликовано в иллюстрированном приложении газеты “Оризон” 8-го февраля 1915 г., в 12-м номере, причём за неделю до публикации в газете было опубликовано сообщение, что в ближайшее воскресенье увидит свет новое произведение Туманяна под названием “С отчизной”. А несколько месяцев спустя, в августе 1915 г., стихотворение было напечатано в первом номере журнала “Нор осанк” (“Новое течение”).

Поэт мог позволить себе искренне делиться своими волнениями, тревогами, заботами, отчаянием, страхами и предчувствием новых бедствий только в письмах, но он не мог говорить обо всём этом вслух, во всеуслышание, не мог рассказывать об этом своему многострадальному народу.

Рождение стихотворения “С отчизной” в январе 1915 г. было обусловлено оптимистическими настроениями поэта и верой в то, что армянский народ переживает свою “последнюю тревогу”, что он в состоянии вести победную войну со своим вековым врагом. С одной стороны, жуткое время, ужасные дни и страшные, удручающие впечатления, полученные от поездки на передовую линию военных действий. С другой стороны, светлые, жизнеутверждающие строки, которыми завершается стихотворение “С отчизной”. Это был удивительный синтез, симбиоз двух крайних, противоречивых переживаний и ощущений. Поэт чувствовал, что именно ему предназначено в эти страшные дни поддерживать надежду в сердцах своих соотечественников, поднимать как можно выше знамя национально-освободительной борьбы, внушать веру в конечное торжество справедливости и светлое будущее народа. Эти настроения Туманяна сохранялись довольно продолжительное время. В марте 1915 г., сетуя на свои переполненные постоянными заботами и хлопотами будни, поэт пишет: “Собрания, собрания, собрания... тоска смертная. Но, конечно, у всех этих ужасов будет счастливый конец. Даже если не будет ничего иного, то хотя бы освободимся от курдов и турок” (10, 223).

Первые две строфы стихотворения в прямом смысле слова связаны с путешествием Туманяна в Западную Армению и его фронтовыми впе-

чатлениями. Именно там он увидел разрушенную страну и отчаявшихся, беспомощных людей. Он был в стране скорби, “в долине слёз”, слышал горький плач и печальные, тоскливые песни, видел горестные лица, армян, страдающих от старых и новых ран... Сердце поэта трепетало и обливалось кровью, когда он слышал стоны и стенания, видел разрушенные вражеской рукой города и селения, затоптанные поля, толпы обессиленных изгнанников – следы кровавых пиршеств человека-зверя... Выражением всех этих впечатлений и стали первые две строфы стихотворения.

Пуškai в неведомое, вдаль, свой взор вперяю я,
Пусть в беспредельности давно витает мысль моя, —
Но каждый раз, когда к тебе вернусь, влском тоской,
Мне сердце ранит и томит стон безутешный твой,
Твоих запуганных детей бездомная орда,
Селенья скорбные твои, пустые города, —
О мой родимый край,
Судьбой гонимый край!

Толплятся полчища врагов пред мыслию моей,
Идут топтать твоё лицо, цветы твоих полей;
Взвывая хищники бегут к тебе со всех сторон,
Неся с собой кровавый пир, пожар, погром, полон.
Ты обращён в долину слёз, и каждый твой напев —
Как горький плач, и грустен взор твоих печальных дев, —
О ты, рыданий край,
О ты, страданий край!

(Пер. В. Ходасевича)¹

Однако поэт в этих строфах описывает не только то, что увидел совсем недавно собственными глазами. Поэт смотрел в корень, говорил обобщениями, старался охватить всю многовековую историю своего народа, в которой было много скорби и много трагических страниц. В этом отношении его стихотворение во многом созвучно “Ранам Армении” Хачатура Абовяна, потому что в приведённых первых двух строфах стихотворения в обобщённом виде представлен весь пройденный путь армянского народа. И если Мовсесу Хоренаци в V веке довелось увидеть утрату государственности и независимости своей страны, и эти чувства он выразил в заключительной главе своей «Истории Армении» – «Плаче», то Туманяну довелось увидеть и пережить утрату своей исторической родины.

¹ Ов. Туманян, Избранное, 1988, М., “Худ. Лит.”, стр. 316.

Но Туманян не мог ограничиться одними лишь скорбными картинами и образами, как бы это ни соответствовало действительности. Пользуясь выражением видного туманяноведа Эдварда Джрбашяна¹, “Туманян не был бы Туманяном”², если бы не увидел на небосводе своей родины хотя бы слабый отсвет надежды. Да, его страна и его народ очутились на краю бездны, да, не скорбеть о плачевной и безотрадной судьбе своих соотечественников, не откликнуться на их страдания, не сопереживать им было попросту невозможно, но ведь он был самым народным, самым национальным поэтом своего народа и своей страны, был Поэтом всех армян, а следовательно, был обязан обнадеживать людей, даже в том случае, если была разрушена его личная вера в очеловечивание человека-зверя, даже в том случае, если он предчувствовал и предвидел трагическое развитие событий. Он не имел права не преодолеть своей личной боли и общенационального горя; не преодолеть отчаяния, не сказать жизнеутверждающих, дышащих оптимизмом слов; не имел права не вселить надежду в сердца людей. И в последующих шестистрочных строфах в виде рефрена прозвучали слова надежды и веры, слова о новой и могущественной отчизне. Думается, не будет никакого преувеличения, если скажем, что в тот исключительно трудный момент одухотворённые высокой патетикой, жизнеутверждающие, обнадеживающие слова поэта стали лечебным бальзамом для всего армянского народа, помогли переживавшим сильнейший духовный и психологический кризис людям преодолеть своё уныние и отчаяние.

Какой огромной душевной силой, какой волей и жизнестойкостью нужно было обладать, чтобы в самый разгар мировой войны, в условиях полной неопределённости в дальнейшей судьбе народа, перед лицом неизбежных новых бедствий и опасностей создать образ возрождённой родины, родной страны, восставшей, подобно птице-фениксу из пепла.

Но ты стоишь ещё живой, в крови от ран своих
На тайном рубеже времён — грядущих и былых.
Глубоким голосом скорбей ты с Богом говоришь, —
И в сердце горестном глагол до времени таишь, —
Глагол, что суждено тебе поведать пред землёй,
Как суждено тебе для нас заветной стать страной, —
О зорь встающих край,
Надежд грядущих край!

Слова эти произносит поэт, который совсем недавно воочию встретился с атаквистически ненавидящим его народ человеком-зверем, который

¹ Эдуард Мкртчичевич Джрбашян (1923 - 1999) – литературовед, туманяновед, действительный член АН АрмССР (1982), Заслуженный деятель науки АрмССР (1970), Лауреат Государственной премии АрмССР (1974, 1980).

² Эд. Джрбашян, Четыре вершины, Ер., 1982, “Советакан грох”, стр. 42 (на арм. яз.).

смертельно устал и пришёл в полное отчаяние от политических игр великих держав, от предательского отношения властей. Тем не менее, он не только заставляет умолкнуть душастый его праведный гнев и возмущение, но и возвещает о времени, когда поэтам не нужно будет осквернять свои уста проклятьями:

В одеждах пламенных придёт заря грядущих дней,
И будут сонмы светлых душ — как блеск её лучей.
И жизни радостной лучи улыбкой озарят
Верхи до неба вставших гор, священный Арарат;
И вот поэт, что уст своих проклятьем не сквернил,
В воскресшей песне воспоёт расцвет воскресших сил, —
Наш воскресённый край,
Несокрушённый край!

(Пер. В. Ходасевича)¹

Ни один другой армянский поэт в преисполненном невообразимых ужасов 1915 году не озвучивал подобных жизнеутверждающих строк. Академик Эд. Джрбашян характеризует две последние строки стихотворения как “своеобразный итог патриотической лирики Туманяна, всей его поэзии... светлый и лучезарный завет великого национального поэта”². Другой известный туманяновед — Левон Ахвердян³ написал о последней строфе стихотворения следующим образом: “Последняя строфа стихотворения “С отчизной” своим звонким оптимизмом, искрящейся верой, бестрепетным мужеством, пророческой пронизательностью уникальна — ничего подобного до этого не писали не только другие, но и сам Туманян. Эти строки мог написать только Туманян, человек, переживший эту жизнь, наделённый этим обликом, — лучезарный человек, обладающий энергией, мыслью; и он написал”⁴.

Паруйр Севак характеризует стихотворение “С отчизной” как “символ веры чудом избежавшей гибели части народа, её неумирающей надежды...”⁵.

Через два дня после публикации стихотворения “С отчизной”, 10-го февраля 1915 г., поэтесса Арменуи Тигранян⁶ прочитала его на литера-

¹ Ов. Туманян, Избранное, 1988, М., “Худ. Лит.”, стр. 316.

² Эд. Джрбашян, Четыре вершины, Ер., 1982, “Советакан грох”, стр. 42 (на арм. яз.). См. также: История новой армянской литературы в 5-и тт., т. 5, Ер., 1979, стр. 314 (на арм. яз.).

³ Левон Оганесович Ахвердян (1924 - 2003) - литературовед, туманяновед, литературный критик, театровед. Академик (1996), заслуженный деятель науки АрмССР (1972), Лауреат Государственной премии АрмССР (1983).

⁴ Л.Ахвердян, Мир Туманяна, Ер, 1966, изд. “Айастан”, стр. 470.

⁵ П.Севак, Собр. соч. в 6-и тт., т. 5, Ер, 1974, “Айастан”, стр. 371-372.

⁶ Арменуи (Менуи) Тиграновна Тигранян (1888, Александрополь, ныне Гюмри – 1962, Нью-Йорк) – армянская поэтесса, сестра композитора Армена Тиграняна.

турно-музыкальном вечере, посвящённом Армянскому вопросу. Стихотворение это, которое и сегодня не потеряло своего значения, своей актуальности и магнетической, завораживающей силы, в те годы оказывало огромное воздействие на людей, обещая им “зарю грядущих дней”.

По убеждению поэта, каждый армянин обязан верить в зарю будущего, которая непременно взойдёт на склоне священной горы Арарат, на её упирающихся в небо вершинах. И вовсе не случайно, что только Туманян, сгорая в огне народных судеб, сумел настолько отстраниться от гнева и проклятий, спрятать, сокрыть в своей душе общенациональную горечь и боль. Сделать это мог только летописец и биограф народа, полномочный и полноправный представитель неповторимых качеств и черт его характера в этом мире. И какое точное, ёмкое название нашёл поэт для своего программного произведения – “С отчизной”! Тем самым он возвестил своим современникам и будущим поколениям армян, что нельзя быть с отчизной, не веря в её будущее, нельзя быть с отчизной, только скорбя о её потерях и произнося слова проклятий в адрес её врагов, какими бы коварными, жестокими и подлыми они ни были. Да, очень трудно удержаться, чтобы не повторить: необходимо было обладать действительно большой, недюжинной силой духа, чтобы растворить чувство потерь, боли и страданий, чувство безысходности и отчаяния в жизнеутверждающем оптимизме. Необходимо быть наделённым великой и могучей душой, чтобы извлекать свет из моря страданий и горя.

Поэт был наделён несгибаемой и непреклонной волей, и никто и ничто на свете, никакой варвар и полужуверь в человеческом обличье, никакой “друг”, предающий его интересы и прячущий за пазухой камень, - ничто не могло сломить его волю, поколебать его жизненные принципы и устои. Это был человек беспокойной души, которая так и не обрела покоя в земной жизни.

Стихотворение “С отчизной” стало своеобразным манифестом, который констатировал и укрепил вечное и незыблемое единство Поэта всех армян и армянского народа.

Туманян умел заражать и заряжать своим оптимизмом молодых, начинающих писателей. Поэт делал всё, что в его силах, чтобы уберечь творческую молодёжь, делающую первые шаги в литературе, от отчаяния и пессимистических, упадочнических настроений. Молодая поэтесса Варсеник Агасян¹ вспоминает: “Во время войны 1914 г. и в период гражданских войн Туманян всегда был с нами...”

В тех трудных условиях именно он и обнадёживал нас...

Отчаяние, покинутость, тоска – всё это перемешалось, словно какая-то чёрная масса легла на наши сердца, и мы, подобно захваченному бурей кораблю, покачивались в буре тех дней.

¹ Варсеник Григорьевна Агасян (1898 - 1974) – армянская поэтесса.

- Отчаяние – нехорошая вещь, - говорил он, - любую трудность необходимо преодолевать... мысль поэта не должна останавливаться. За этими тяжёлыми днями последуют счастливые дни, наступят когда-нибудь, поживём и увидим... - И именно благодаря его заботливому отношению я со всем воодушевлением продолжала писать”¹.

После возвращения из своего первого путешествия в Западную Армению Туманян пытается выразить свои впечатления в жанрах художественной прозы или литературного очерка. В итоге у него получилось нечто среднее между литературным произведением и публицистической статьёй. Черновой вариант написанного материала так никогда и не был обработан и при жизни писателя не был опубликован².

В этом повествовании, озаглавленном “Из военных впечатлений”, поэт обращается к образу человека как мыслящего существа, к проблеме уничтожения его индивидуальности. Проблема “потерянного поколения” волновала также таких видных писателей, как Анри Барбюс (в романе “Огонь”, 1916), Эрнест Хемингуэй (в романе “Прощай, оружие”, 1929), Эрих Мария Ремарк (в романе “На западном фронте без перемен”, 1929), Ричард Олдингтон (в романе “Смерть героя”).

В своих заметках “Из военных впечатлений” поэт рассказывает о двух солдатах, которые были насильно призваны в армию и отправлены на передовую. Они стали жертвами войны и представляли собой разные проявления одного и того же явления. Автор описывает суматоху и хаос фронтовой жизни, грохот орудий и адский огонь, панически убегающего человека от озверевших преследователей, юношу-солдата, который, хоть и является участником войны, но при этом ничего не понимает в происходящих вокруг него ужасах. Он выполняет приказы начальства и тем самым становится орудием зла, и так и не поняв сути происходящего, погибает, подсознательно придя к выводу, что его жизнь на поле боя не стоит ломаного гроша. Целью писателя было донести всю абсурдность ситуации до сознания людей, озвучить её, рассказать об этом всем и каждому. “Слышат, слышат все, кто не оглох от грохота пушек (и лязга войны). Видят все (те, чьи ясные глаза смотрят сверху), кто не ослеп от пыли, поднявшейся с родных полей” (7, 442). В произведении немцы обстреливают и бомбят Антверпен, и оттуда “народ среди адского огня в смертельной панике снуёт взад-вперёд, убегая с одной улицы на другую, с площади на площадь, расшибаясь о стены...” (7, 443). В этой жуткой сумятице и панике среди убегающих находится и их королева, которая,

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 657.

² Впервые этот материал опубликовала дочь поэта Нвард Туманян. См. журнал “Совстакан гракантун”, 1941, N12, стр. 25-26.

“подобно древней Гекубе”, бежит и спрашивает, кто это непрерывно сеет этот адский огонь? Ответ оказывается кратким и чётким: “Ваш брат, князь Баварии Рупрехт”. Этим автор хотел сказать, что в человеческой семье каждый народ имеет право на жизнь, что все народы должны быть связаны друг с другом узами родства, все они братья и сёстры. Под падающими, подобно граду, пушечными ядрами никто не слышит королеву. “Не было времени для разговоров, даже глазом моргнуть было некогда” (7, 443).

Взрывы ядер заглушают людей, распространяют вокруг смерть и разруху, усиливают панику, и в этой суматохе судьба королевы оказывается неизвестной. Это фантазмагория, в которой всё условно; Туманян мог бы даже не называть зачинщиков войны, как он это обычно делал, чтобы подчеркнуть обобщённость явления, однако в этот момент его гнев против Германии был очень велик, и поэтому он называет сеятеля зла Германией, а неопределённая судьба королевы ещё более подчёркивает бесчеловечную сущность войны, когда родные люди выходят друг против друга, и никто никого не щадит. Подчёркивая трагичность образа, автор, кроме всего прочего, надеялся пробудить впоследствии совесть преступников.

Во второй части произведения, возможно, и во втором рассказе того же цикла, Туманян повествует о солдате, сидящем в окопе, который из-за постоянного треска ружей боится поднять голову. “...Иногда только он высовывал немного голову, чтобы увидеть, что творится перед ним и вокруг него... Выстрелил в сторону позиций врага. Выстрелил просто так, ни в кого не целясь” (7, 444).

Солдат, у которого нет имени, поскольку он является отвлечённым символом, не имеет времени и права думать, однако смерть всегда у него перед глазами, и по этой причине вся его жизнь мелькает перед ним: “минувшие дни, пережитые события, дорогие лица” (7, 444). Война является злом ещё и по той причине, что она не имеет ничего общего с нравственным обликом человека и может превратить в преступника и убийцу каждого невинного человека. “И такой незлобивой была его душа, такой храброй и беспечной, что он был готов обнять даже стреляющего в него врага... Он удивлялся, как это стреляют из ружей, или как он сам стреляет?..

И он никогда до этого также не представлял, что будет убивать других. У него были другие мечты – яркие, добрые, честные, и он не сумел осуществить даже самую малую часть или хотя бы рассказать, чтобы мир узнал, о каких хороших вещах он мечтает” (7, 444). И солдат вместе со своими прекрасными мечтами оказывается убитым какой-то шальной пулей противника. Его бездыханное тело хоронят вместе с другими убитыми в общей могиле. И в тот же день командир докладывает об этом боевом дне: “Всё без перемен в восточных позициях” (7, 445).

В следующем неоконченном произведении того же цикла вновь какой-то безымянный солдат постоянно, вплоть до ранения и смерти в госпитале, оставаясь в сознании до последнего дыхания, то ли наяву, то ли в бреду повторяет: “Что ему от меня нужно?” Течение войны уносило его, словно в каком-то кошмарном сне, от которого он не мог пробудиться. Такого страшного, странного и ужасного сна ему никогда прежде не доводилось видеть.

Туманян был одним из тех писателей-гуманистов мировой литературы, кто поднимал свой голос протеста против войны, кто показывал в своих произведениях порождаемую войной трагедию.

Черновые наброски, озаглавленные “Из военных впечатлений”, представляют собой эскизы трёх незавершённых произведений, которые после доработки могли бы стать циклом рассказов на военную тематику. Каждый из этих рассказов стал бы новым туманяновским толкованием разных граней и сторон войны. В этом цикле должны были также найти отражение политические взгляды поэта, его отношение к мировой войне, озабоченность чрезвычайно неопределённой судьбой армянского народа.

Как мы уже отметили, Туманян в то время пока ещё не видел путей, ведущих к подлинной, реальной государственной независимости Армении. Он мыслил реальными категориями, брал в расчёт все обстоятельства и факторы, и интуиция подсказывала ему, что переоценка своих возможностей и политическая близорукость некоторых общественных и партийных деятелей может привести к настоящей катастрофе и необратимым последствиям. Для него жизнь человека, и, тем более, его соотечественника, была дороже, чем амбиции и геополитические устремления любой мировой державы, любой партийной доктрины и любых государственных интересов.

Туманяну удалось найти единственную возможность для преодоления своего отчаяния, надломленного душевного состояния, для противостояния всенародному горю и страданию. Он создаёт одну из лучших страниц армянской поэзии – стихотворение “Поминовение”, которое по праву считается непревзойдённым, самым проникновенным произведением о Геноциде. Объяснение этому следует искать не только в исключительном даровании поэта, но и в том, что он был очевидцем всех ужасов и нечеловеческих страданий, которые принесли армянскому народу мировая война и Геноцид. После возвращения из Эчмиадзина, из этого кромешного ада, переполненного беженцами и сиротами, он уже просто не находил в себе сил для того, чтобы говорить своим несчастным соотечественникам слова утешения; он мог только страдать вместе со своим народом, возможно, больше, чем другие, потому что он был и считал себя поэтом своего народа, его патриархом. И по этому праву национального

поэта он произносит слова поминовения и обращается с ними ко всему армянскому народу.

...Мир праху вашему вовек; в стенаньях проку мало.
В себе скрывает человек звериное начало.
Умолкнул я, и всё кругом пришло на миг в движенье,
И повторило мой псалом далёких рек теченье.
И словно от камильниц, ввысь над каменной твердыней
Густые тучи поднялись и скрылись в дали синей,
Чтоб на далёкие луга в долинах неоглядных
Ронять дождинок жемчуга и дым нести лампадный
В пределы все: от берегов, покрытых кровью ныне,
До непротопанных песков египетской пустыни.
Мир праху, сироты мои, нет окончанья бедам —
Как в век пещерный, человек остался людоедом.

(Пер. Н. Гребнева)¹

Поэту, стоящему перед всем своим народом и “строго, как Масис седой” читающему слова поминовения об оставшихся незахороненными жертвах массовой резни, помогает родная природа, армянские горы Ара и Сипан, Немрут и Тангурек – эти снеговые вершины, которые он зажёт, “как свечи восковые”; помогают ему и армянские реки Тигр и Евфрат, которые читают своими скорбными голосами псалмы по душам замученных, ратерзанных людей; участвуют в поминовении и облака, пришедшие из долины Дзирава и разносящие аромат курящегося ладана по всей округе.

О стихотворении “Поминовение” высказывали свои суждения и комментарии многие писатели и литературные критики, и все они единодушно подчёркивают высочайшее историко-художественное значение произведения. По словам известного туманяноведа Эд. Джрбашяна, “Поминовение” является “величественным реквиемом, вышедшим из глубины страдающего сердца псалмом-молебном”². По мнению Гранта Тамразяна³, это стихотворение является “исключительным явлением политической поэзии”, “потрясающей душу трагедией... песней умирающей родины... с бездонным космическим охватом”⁴. По словам Левона Ахвердяна, это “горе сильного и мудрого человека, без слёз и без рыданий... “Помино-

¹ Ов. Туманян, Избранное, М., “Худ.лит.”, 1988, 317-318.

² Эд. Джрбашян, Четыре вершины, Ер., 1982, “Советакан грох”, стр. 41 (на арм. яз.). См. также: История новой армянской литературы в 5-и тт., т. 5, Ер., 1979, стр. 313 (на арм. яз.).

³ Грант Смбагович Тамразян (26.09.1926 - 09.02.2001) – литературовед, историк армянской литературы. Действительный член НАН РА (1996), заслуженный деятель науки Армянской ССР (1970), лауреат Государственной премии Армянской ССР (1974).

⁴ Г. Тамразян, Ованес Туманян. Поэт и мыслитель, Ер., 1995, изд-во “Наири”, стр. 450.

вание” должен был написать именно Туманян, друг и ровесник Комитаса”¹.

Паруйр Севак пишет: “К чести Туманяна, мы должны констатировать, что если миллионы наших не имеющих могил и надгробий убиенных получили надгробные надписи, то первой и лучшей эпитафией было несравненное “Поминование” Туманяна, которое сейчас невозможно читать без содрогания и ужаса.

...Трагедия Туманяна была трагедией в квадрате... Геноцид пришёл, чтобы возвести эту трагедию в квадрате в куб. И поразительно то, что Туманян, изнемогая в этой возведённой в куб трагедии, не утратил своего присутствия духа, обнаружил такое душевное мужество, которое также ни с чем не сравнимо”².

Туманян характеризовал поэзию следующим образом: “Поэзия это не что иное, как познание жизни. Иначе она не нужна”³. А в это время жизнь предстала перед ним в образе жестокого варвара, человека-зверя – во всей своей обнажённости.

Тему потерявшего свой человеческий облик зверя-людоеда Туманян затронул в феврале 1916 г., несколько месяцев спустя после “Поминования”, а впоследствии написал об этом в своих замечательных четверостишиях. Школьный учитель, дашнакский деятель Аршак Джамалян в своих воспоминаниях рассказывает, как бурно реагировал Туманян на рассказ солдата – очевидца резни в Сасуне учителя Мартироса. Очевидец во всех подробностях и деталях рассказывал о невообразимых жестокостях курдов и турок, которые истязали, замучивали людей, расчленяли тела и т.д. “Мы все были потрясены, а лицо Туманяна стало белым, как мел. Когда очевидец рассказал, как турки заставляли женщину-армянку выпить кровь собственного ребёнка за здоровье султана, Туманян встал с места и трясушимися ногами покинул заседание. Целую неделю он болел”⁴.

Об этом эпизоде свидетельствует также Нор-Айр⁵ в своей статье “Поэт всех армян”. Он пишет:

“Я хорошо помню следующий случай, когда учитель Мартирос очень спокойно рассказывал о вырезанных грудях девушек, разорванных утробах и других ужасающих изуверствах, очевидцем которых ему довелось побывать во время своих долгих скитаний от Сасуна до русской границы”⁶.

О впечатлении, которое произвели на Туманяна рассказы очевидцев резни, прозвучавшие на заседании Национального бюро, рассказывает

¹ Л.Ахвердян, Мир Туманяна, Ер., 1966, “Айастан”, стр. 466.

² П. Севак, Собр. Соч. в 6-и тт., т. 5, Ер., 197..., стр. 371-372 (на арм. яз.).

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 873.

⁴ “Вем”, Париж, 1933, N1, стр. 21.

⁵ Нор-Айр (Норайр Александрович Арутюнян) (18.09.1912 – 26.05.1981) – армянский прозаик.

⁶ Нор-Айр, Поэт всех армян, Багин-Бейрут, 1982, стр. 36-37.

также Лео в своей книге “Из прошлого”. “Мрачной, покинутой, заброшенной была комната Бюро, боровшегося против Османской империи. Был вечер. Электрическая лампа, прикрепленная к потолку, распространяла тусклый свет, и комната наполовину была погружена в полумрак. Была жара, тифлисская жара, однако по нашим телам пробегала дрожь. Нас было трое. Перед нами сидел посторонний человек, который приехал из Сасуна, то есть он прошёл через всю страну ужасов, ада, спеша как можно скорее добраться, доложить Бюро. И докладывал он приглушённым заморгильным голосом, словно холодный, окаменевший живой свидетель. Он рассказывал подробности резни в долине Муша. Вырисовывались образы. В этих ужасах не было ничего человеческого. Если бы они были человеческими, нервы людей выдерживали бы. Но они не выдерживали, значит, человеческая природа восстаёт против них, не признаёт, что они могут поместиться в человеческие возможности. Вот ночь опускается на долину Меграгета. Из-под камней с большими предосторожностями, стараясь не издавать ни звука, ни шороха, выползают люди, на протяжении всего дня оставшиеся по горло в воде. Желудок даёт о себе знать, и они идут... в опустевшие сёла, чтобы найти, подобно собакам, какую-нибудь пищу и жить... Да, чтобы жить таким образом...

Рассказчик и сам был сасунцем, учителем и дашнаком. Его рассказ был бесконечен, постоянно кровь, постоянно нищета, постоянно слёзы. И его глухой голос иногда издавал рокот стенания в пустой комнате. Исчезло население, состоявшее из 100000 людей. И разве не стоило, чтобы душипательную историю этого исчезновения услышали больше, чем трое людей? Но где они? Из каких прохладных высот, из каких глубоких низин мы должны были достать, привести их, посадить на их стулья, чтобы не эти пустые стулья окружали учителя?..”¹.

Вот из этих жестоких и тяжёлых впечатлений и переживаний родилось стихотворение “Перед адом”, которое впервые было опубликовано 28-го февраля 1916 г. в газете “Оризон”. На оборотной стороне рукописи была сделана запись: “Мужчин перебили, молодых женщин увели, остались старые матери, сторожат в поле трупы своих сыновей. У каждой в руках по веточке, которыми отгоняют ночью хищных зверей, а днём птиц, чтобы не разгрызли, не съели их тела”².

На следующий день редакция сочла необходимым отметить, что “в предыдущем, сорок шестом номере “Оризона” под стихотворением Ов. Туманяна было пропущено примечание. Рассказанный в стихотворении случай о том, что мать заставили выпить кровь своего ребёнка, взят из действительности последних дней”³. Тем самым свидетельство А. Джамалаяна находит ещё одно подтверждение.

¹ Лео, Из прошлого, стр. 322-323.

² “Оризон”, 1916, N46, 28-го февраля.

³ Там же, N47, 1-го марта.

Кромешный ад, в котором оказался армянский народ, предстаёт перед поэтом в виобразах неисчислимых незахороненных трупов, человеческих скелетов и костей, в образе потерявшей ребёнка и обезумевшей от горя матери.

День гаснет... Звуки тише, глуше...
Огонь и сталь идут стеной
В армянский ад, ворота руша,
Чтоб ужаснулся мир земной.
Как холодно скелетам белым
Глядеть в открывшуюся тьму!
И этой тьме — лишь тьма пределом,
Неподдающимся уму.
В котле ветров — скалы вершина.
Застыла женщина на ней.
Ей дали чашу с кровью сына:
«За здравие султана пей!»

(Пер. А.Наймана)¹

В этих строках стихотворения Туманян ещё раз констатирует существование человека-зверя, выражает всю глубину скорби, трагедии армянского народа, и приходит к чрезвычайно печальному заключению.

Она стоит полунагая —
Когда-то Человек и Мать, —
Умом больным не постигая,
Как этот кубок ей поднять.
Стоит недвижно, одиноко,
Вдыхая ветер, холод, смрад;
На небо чёрное жестоко
Скелеты белые глядят,
Отверсты их уста немые,
И крик не прежний, а иной,
Казалось, прогремит впервые
И содрогнётся мир земной.

(Пер. А.Наймана)²

По поводу этих строк Паруйр Севак заметил, что они могли бы стать эпиграфом к сборнику Туманяна “С отчизной”, потому что они делают эпоху, в которую жил поэт, более красноречивой и выразительной³.

¹ Ов. Туманян, Избранное, М., “Худ.лит.”, 1988, 321.

² Там же.

³ П. Севак, Собр. Соч. в 6-и тт., т. 5, Ер., 197..., стр. 371 (на арм. яз.).

БИОГРАФИЯ ДУШИ ПОЭТА

Ованес Туманян всегда, на протяжении всей своей жизни переживал драму творческого человека, который не имеет возможности посвятить всего себя без остатка литературе и искусству. Внешние и внутренние факторы, не имеющие ни начала, ни конца семейные заботы и общественные дела мешали ему, отнимали всё время и всю жизненную энергию. Он чувствовал, понимал, что годы летят, жизнь проходит, а он между тем вынужден ежедневно с утра до вечера заниматься решением национально-политических проблем народа, решать бесконечные социальные, экономические, хозяйственные, бытовые вопросы, помогать просителям, наконец, просто спасать жизни людей. Но, тем не менее, какими бы огромными и значительными ни были потери Туманяна, именно в годы Первой мировой войны, в 1916-1918 гг. в его поэтическом творчестве заметное место заняли классические четверостишия.

До 1916 г. поэт написал всего лишь два четверостишия, оба в 1890-м году. Между тем, в 1916-1918 гг. он написал 37 четверостиший, из которых передал для публикации только двадцать. До конца своей жизни Туманян продолжал создавать четверостишия, как бы подводя итог всему своему жизненному и творческому пути. При жизни поэт опубликовал 46 четверостиший, около тридцати четверостиший остались неопубликованными. Сохранилась заметка, которую сам поэт озаглавил: “Почему я начал писать четверостишия” (2, 503). В ней он подчеркивает, в основном, личные побудительные мотивы и потери близких людей – сначала братьев Ростом и Арташа, а затем сына Артавазда. Поэт пишет: “В сентябре 1915г. был убит мой брат – Ростом. Ростом был от природы поэтом, очень хорошо знал восточные предания – поэмы... и т.д. и т.д. и знал многие баяти¹, и всегда подыгрывал и пел.

После смерти его живой голос удивительным образом оставался в моих ушах и пел непрерывно. Под воздействием этих песен я начал писать баяти – четверостишия, и начал с него – Арташ – (а с ним и тоска по родине, сверчки и тому подобное).

В начале 1918 г. я принял полномочия Национального совета, и творчество надолго прекратилось.

Затем всё пошло вверх дном.

А после этого сообщили весть о потере моего Артика, в декабре того же года – и я на какое-то время снова замолчал, затем поменялось и настроение, и форма”².

¹ Баяти – восточные народные четверостишия.

² См. Музей Ов. Туманяна, Новые материалы, л. 40.

Упоминание о гибели Артика свидетельствует, что эту свою запись Туманян сделал после ноября 1919 г., поскольку в ней приводится четверостишие “Невидимый досель, неведомый Поэт”, которое было написано в ноябре 1919 г. и посвящено Кате Тамамшян¹. Видимо, поэт стал задумываться о причинах своего обращения к жанру четверостиший в связи с подготовкой к изданию книжки четверостиший в 1920 г. Трагическую основу своих четверостиший сам поэт объяснял потерями своих близких. “Четверостишия – очень сильные штрихи, это биография моей души”². Однако действительные причины, на наш взгляд, кроются гораздо глубже и не ограничиваются одними лишь внешними факторами биографического характера.

Туманян в своих беседах нередко касался жанра четверостиший и при этом давал им косвенное толкование. Он очень высоко оценивал четверостишие как разновидность стихотворения и подчёркивал, что четверостишия являются одной из самых трудных поэтических форм. Они требуют больших способностей к обобщению и дают простор для мощной стихии рассуждений. Поэт предупреждал, что четверостишия не являются материалом для беглого, поспешного прочтения, а дают большую пищу для размышлений.

“Четверостишие – это миниатюра поэзии, дело тонкого вкуса. Четверостишия необходимо читать спокойно и вдумчиво, и не каждый человек может понять, оценить. Есть люди, которые читают четверостишия, как стихи, и ясно видишь, что не понимают, что такое четверостишие”³. А вот несколько других туманяновских определений четверостиший. “Четверостишия – это очень тонкие, благородные, глубокие и красивые произведения”⁴. “Четверостишия являются результатом зрелого периода – мудрости, возвышенности”⁵. “Четверостишия мягкие, нежные, глубокие, очень краткие и содержательные. Четверостишие – это жемчужина, и она непременно должна быть обработанной”⁶.

Все эти характеристики и определения Туманяна если не прямо, то косвенно подтверждают нашу мысль, что биографические факторы и побудительные мотивы являлись только внешней, видимой стороной увлечения поэта этим поэтическим жанром. Ведь Туманян был разножанровым писателем, он прежде всего ощущал себя поэтом, а следовательно, искушение создавать произведения в жанре, который был одним из самых главных для восточных поэтов раннего средневековья, для Омара Хайама, Фирдоуси и Гафиза – тем самым как бы вступая с ними в заочное состязание.

¹ Катя Тамамшян – племянница Пилипоса Вартазаряна (дочь его сестры Лизы).

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 290.

³ Там же, стр. 213.

⁴ Там же, стр. 216.

⁵ Там же, стр. 217.

⁶ Там же.

зание, было большим и самодостаточным. Ну и, кроме всего прочего, для него уже наступила пора “мудрости, возвышенности”.

Туманян сделал для себя наблюдение, что он пишет четверостишия преимущественно в осенние и зимние месяцы, сидя в кабинетной тиши у огня печки. “Как видно, - пишет поэт, - это более удобное время: то ли огонь печки настраивает, то ли холод, когда я запираюсь в своей комнате”¹. Однако некоторые свои четверостишия поэт написал ночью, уже лёжа в постели, в полудрёме, возможно, под воздействием своих вещих снов. Утром поэт никак не мог вспомнить написанное. По этой причине он повесил на стену маленький вышитый цветами ларец из красного дерева, в котором хранил бумагу и карандаш. Однажды ночью музы посетили его дважды, и он, не зажигая света, записал в темноте на одной и той же бумаге два четверостишия, а утром никак не мог ни вспомнить их, ни хотя бы прочитать написанное. До сегодняшнего дня эти два четверостишия остаются непрочитанными.

В туманяноведении по поводу разных произведений и переводов поэта на протяжении многих десятилетий существовали разногласия, однако в вопросе четверостиший до сих пор все литературоведы, писатели, литературные критики, да и все читатели единодушны в своих оценках и толковании.

Крупнейший туманяновед академик Эдуард Джрбашян справедливо отмечает, что четверостишия стали для Туманяна “своеобычным итогом духовных и поэтических исканий” (2, 502), что они “являются непревзойдёнными примерами классической ясности и глубины, естественной свободы слова и краткости, идеальной гармонии мысли и чувства. Каждое из четверостиший может стать поводом для рассмотрения самых сложных проблем жизни и искусства², для раскрытия всё новых и новых пластов его интеллектуального и духовного мира, мастерства его слова”.

Исходя из мощной силы художественного воздействия четверостиший, а также из общности ряда мотивов – беседы со Всевышним, раздумья о человеке, о смысле жизни, о добре и зле и т. д., литературовед Грант Тамразян подчёркивает точки соприкосновения творческих исканий Туманяна и Нарекаци. “Самое важное – духовная связь, духовное родство в исследовании жизни и человека... Если рассматривать хотя бы четверостишия и философские стихотворения, то более близкого Григору Нарекаци человека, чем Туманян, трудно найти, даже если иметь в виду очевидные взаимосвязи и общие грани у Сиаманто, Мисака Мецаренца и Егише Чаренца”³. Здесь нельзя не заметить, что Туманян особенно трепетно относился к творчеству Нарекаци, никогда не расставался с его бес-

¹ Н.Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 217.

² Эд. Джрбашян, Ованес Туманян, “История новой армянской литературы”, т. 5, Ер., 1979, изд-во АН Арм.ССР, стр. 316-317.

³ Г. Тамразян, Ованес Туманян. Поэт и мыслитель, Ер., 1995, изд-во “Наири”, стр. 483 (на арм. яз.).

смертной поэмой и, по свидетельству дочери Нвард, “в летние месяцы всегда носил с собой” издание “Книги скорбных песнопений” 1875 г.¹

По определению Туманяна, Нарекаци был тем гениальным армянским поэтом, который обращался к самым заветным и тонким чувствам не только своих соотечественников, но и вообще всех людей, и “поднял свою голову до самых небес и беседовал с Богом лицом к лицу” (7, 219). Туманян не расставался с книгой Нарекаци, где “говорит не язык армянина, рассказывают не уста армянина, а воспламенённое сердце, которое пылает, охватив всё небо, вопиет исстрадавшаяся душа – до самого неба” (6, 266). Влияние Нарекаци, бесспорно, ощущается в четверостишиях Туманяна, и это воздействие – предмет особого исследования.

Левон Ахвердян охарактеризовал четверостишия поэта как “памятник пережитой Туманяном трагедии”². По мнению литературоведа, в момент создания четверостиший “один конец мысли поэта был с чем-то возвышенным, отвлечённым, другой – с его пережитой и увиденной жизнью”³. И действительно, даже невооружённым глазом можно заметить, что в четверостишиях границы художественного видения расширяются, мир родной природы перерастает в космическую бездну, человек обобщается, становится человечеством, а переживаемая им эпоха превращается в историческую эпоху. Синтез земного и небесного с помощью силы искусства обеспечивает современность, актуальность и неугасимое очарование четверостиший Туманяна во все времена. П. Севак воспринимал четверостишия как “наиболее нестареющий, неустаревающий, вечный исток... который идёт навстречу беспредельности”⁴.

Рафаел Ишханян⁵ неоднократно и настойчиво повторял, что четверостишия Туманяна необходимо включить в качестве специального курса армянского языка и литературы в учебные программы всех армянских школ, и после окончания спецкурса учащиеся в обязательном порядке должны знать наизусть все четверостишия поэта. Ишханян пишет: “Четверостишия писали и другие армянские поэты, в их числе Чаренц, Ов. Шираз, С. Капутикян, Р. Ованнисян и другие. Четверостишия Туманяна по совершенству своей формы, по своей философской глубине являются вершиной армянской лирической поэзии и остаются непревзойдёнными. Они принадлежат к самым драгоценным образцам лучших классических четверостиший Востока”⁶.

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 115.

² Л. Ахвердян, Мир Туманяна, Ер., 1966, “Айастан”, стр. 485 (на арм. яз.).

³ Там же, стр. 495.

⁴ П. Севак, Собр. Соч. в 6-и тт., т. 5, Ер., 197..., стр. 378 (на арм. яз.).

⁵ Рафаел Аветисович Ишханян (1922–1995) – армянский библиограф, филолог-языковед, занимавшийся вопросами филологии и истории. Профессор Ереванского государственного университета. Депутат Верховного Совета Армении (1990–1995 годы).

⁶ Р. Ишханян, Четверостишия Туманяна, журнал “Армянский язык и литература в школе”, Ер., 1989, N1, стр. 45.

В годы Первой мировой войны Туманян написал следующие четверостишия: “Ты не верулся...” (июнь 1916), “В лугах – концерт невидимых певцов...” (июнь 1916), “Ушли навек...” (июнь 1916), “Устал метаться меж двумя мирами...” (15 января 1917), “Горе, горе моё, словно море, где нет берегов...” (9 февраля 1917), “Как много скорби и смертей в моём печальном сердце...” (ноябрь 1917), “Вернитесь...” (11 ноября 1917), “В наш мир, где тьма людей персбывала...” (11 ноября 1917), “Зачем бегу, зачем себе я лгу...” (12 ноября 1917), “Придя сюда, мы ведаем едва ли...” (30 ноября 1917), “Я видел всё: предательство и зло...” (24 декабря 1917), “Приснилось, что овца мне говорит...” (24 декабря 1917), “Кто ни сжигал меня: и друг, и враг!...” (24 декабря 1917), “Сегодня нас с тобой победа ждёт...” (26 декабря 1917), “Я много видел горя, много зла...” (4 января 1918), “О сердце, сердце, мне с тобой беда...” (25 января 1918), “Где б ни был, что б ни делал, - постоянно...” (26 января 1918), “О чём я думаю, что нужно мне?” (2 февраля 1918), “Я ранил птицу, ранил тяжело...” (2 февраля 1918), “Вот два могильных холмика вдали...” (4 февраля 1918), “Кто там руками множества ветвей...” (февраль 1918), “Осенним днём, в далёком далеке...” (февраль 1918), “На все поля окрест, на все леса...” (июнь 1918), “Стал много совершенней белый свет” (ноябрь 1918).

Туманян разочаровался и устал от великодержавных геополитических устремлений царизма, но ещё накануне Февральской революции он успел также разочароваться и устать от революционеров, которые ни перед чем не останавливались, крушили и разрушали всё на своём пути, для которых все средства были хороши, если приближали их к достижению своих целей.

Меж двумя мирами я,
Меж двумя камнями я.
Всё мечусь меж новым днём
И былыми днями я.

(Пер. К. Липскерова)¹

Четверостишие было написано 15-го января 1917 г., и в нём явственно выражено предвидение, предсказание о том, что скоро царь будет побеждён и станет “старым”, то есть пройденным этапом.

Массовые погромы, резня и Геноцид превратили в пустошь и в “страну смерти и руин” все те края Армении, которые в недалёком прошлом были цветущим садом и в которых поэт осуществлял свою деятельность. Туманян давно уже научился философски относиться ко всему, ничему не удивляться, и уже более десяти лет назад высказал ставшую крылатым выражением мысль о том, что каждый человек в этой жизни – всего лишь гость, что он смертен, однако мысль эта вовсе не носила тра-

¹ Ов. Туманян, Избранные произведения в трёх тт., т. 3, стр. 125.

гического оттенка. Поэт не боялся смерти, поскольку природа установила свою закономерность и очерёдность. В “Прологе” поэмы “Взятие Тмкаберда” читаем:

Друзья! Мы в жизни гости все.
Со дня рожденья мы
Бредём по суетной стезе,
И ждёт нас царство тьмы.
Пройдёт любовь, умрёт краса.
Всему придёт черёд.
Для смерти смертный родился,
Деянье — не умрет!
(Пер. П. Антокольского)¹

Однако на протяжении трёх долгих лет он жил и творил в условиях жестокой, кошмарной действительности, видел тысячи смертей, гибель целого народа, которая вовсе не была естественной, а была осуществлена озверевшими варварами на глазах у равнодушно созерцавшего мира, считавшего себя вполне добропорядочным и цивилизованным. Каждая увиденная смерть была большим испытанием для поэта и ложилась тяжким грузом на его душу, а ведь с ними, этими смертями, ему приходилось сталкиваться чуть ли не ежедневно, а ведь их, этих смертей, были тысячи, и тысячи, и тысячи...

После всего увиденного вполне естественно звучит объяввший душу поэта страх смерти:

Как много скорби и смертей в моём печальном сердце;
А сколько было вас, друзей, в моём печальном сердце.
Я знаю: в мире смертны все, придёт и мой черёд,
И смерти страх в груди моей, в моём печальном сердце.
(Пер. Н.Гребнева)²

Поэт, на протяжении всей своей жизни смотревший на смерть с философской созерцательностью, уже выведен из душевного равновесия, раздосадован и разгневан; теперь уже он называет смерть преступной и обвиняет её в том, что она ненасытна, что приходит несвоевременно и отнимает жизни у невинных людей.

Ты не вернулся,
Ушёл ты и пропал, ты не вернулся,
Земле и смерти насыщенья нет,

¹ Там же, стр. 152.

² Там же, стр. 347.

Ты узником их стал, ты не вернулся.
(Пер. Н. Гребнева)¹

Личные потери побудили поэта написать несколько четверостиший:
“Ты не вернулся...”

“Ушли навек...”, “Как много скорби и смертей в моём печальном сердце...” и другие. А после гибели сына Артавазда их число возросло: “Ушли, ушли... Как мало вас осталось!...” (8 октября 1919), “О где же ты, я сбился с ног, как мне тебя найти?..” (4 февраля 19120) и другие. Хотя четверостишия эти и были написаны уже после окончания войны, однако их импульсом была гибель сына, который стал жертвой войны, жертвой Геноцида. Однако поэт сумел возвыситься над своей болью и потерей, и его личное горе перерастает в обобщённое выражение общечеловеческого страдания.

Поэту необходимо было найти выход для преодоления страха, ужаса перед смертью. И на помощь ему приходит родная природа – в образах лесов, зовущих его вернуться в родные края (“Кто там руками множества ветвей // Мне машет, чтоб вернулся я скорей?”); сверчков, поющих в его родном краю (“В лугах – концерт невидимых певцов”); печального, тоскующего и ждущего возвращения поэта жаворонка:

Осенним днём, в далёком далеке
Печальный жаворонок на пеньке
Всё смотрит на лорийскую дорогу,
Всё ждёт меня, в надежде и тоске.
(Пер. Н. Гребнева)²

Другими важными темами четверостиший являются переменчивость и постоянная обновляемость мира; относительность удачи и благополучия; мотив тесной взаимосвязи человека и космоса:

Душа моя, живя в земном дому,
Вселенную объяла — свет и тьму,
Но то, что я владыка всей вселенной,
Кому известно, ведомо кому?
(Пер. Н. Гребнева)³

И всё-таки самым главным, определяющим мотивом четверостиший поэта является то, что любую трудность, возникающую в жизни, в том

¹ Там же, стр. 346.

² Там же, стр. 351.

³ Там же, стр. 349.

числе и страх, разочарование и отчаяние, - можно преодолеть и победить с помощью любви.

Я видел всё: предательство и зло.
Бывало — и меня коварство жгло.
Но я любил, смотрел прощавшим взглядом,
Мне часто было и во тьме светло!
(Пер. Н. Гребнева)¹

Шёл ноябрь 1918 года. Война уже закончилась, но геноцид армянского народа продолжался. Поэт в своих ночных кошмарах постоянно видел человека-зверя, к образу которого он уже обращался в стихотворении “Поминование”. Он продолжал раздумывать о путях и возможностях, которые могут позволить одержать победу над живущим в человеке зверем. Он мечтал о том, чтобы завершить работу над поэмой-сказкой “Тысячеголосый соловей”, где он хотел показать, что силой искусства можно превратить зверя в человека. Но это было всего лишь несбыточной мечтой. Туманяну также пришлось пережить страдания Григора Нарекаци, которые рождаются из ощущения несовершенства человека. В приводимом ниже четверостишии содержится огромная экспрессивная нагрузка, а также призыв к размышлению над природой человека, у которого атрофировано чувство сопереживания и милосердия, справедливости и совести, который убивает, чтобы убивать, и не способен отличать зло от добра.

Стал много совершенней белый свет:
Стал лишь убийцей бывший людоед.
Он — полузверь, ему до Человека
Ещё не меньше миллиона лет.
(Пер. Н. Гребнева)²

Мы здесь рассмотрели только некоторые из тех четверостиший, которые Ованес Туманян написал в годы Первой мировой войны и Геноцида, и в качестве обобщения считаем необходимым вспомнить ещё одно четверостишие, написанное 2-го февраля 1918 г. Здесь выражена мысль, которая является заветной мечтой для каждого армянина, выжившего в условиях выпавших на его долю страшных, нечеловеческих испытаний. Четверостишие это понятно каждому нормальному человеку, мечтающему о мире, где нет места войне, где людям не нужно ненавидеть друг друга, о мире, в котором можно найти покой и чистоту,

¹ Там же, стр. 348.

² Там же, стр. 351.

О чём я думаю, что нужно мне?
Мне б уголок от шума в стороне,
Где род людской без войн, вражды и злобы
Я мог бы видеть в тихом детском сне!
(Пер. Н. Гребнев)¹

К сожалению, и этой мечте поэта также не суждено было сбыться, и его ожидали такие же, а возможно даже, более суровые годы... Продолжалась национально-освободительная борьба его народа – во имя своего физического выживания, во имя своего будущего, в которое продолжал свято верить самый народный, самый национальный армянский поэт Ованес Туманян.

¹ Там же, стр. 350.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СЕМЬЯ И БЛИЗКИЕ ПОЭТА В ГОДЫ ВОЙНЫ И ГЕНОЦИДА

1. БРАТЬЯ ТУМАНЯНА

РОСТОМ

В годы Первой мировой войны бедствия, несчастья и невзгоды так и сыпались на семью и отцовский очаг Ованеса Туманяна, следовали одно за другим.

Ованес Туманян, родившийся в семье Тер-Гадевоса и Соны Туманян, был их старшим ребёнком, у него было четыре брата – Ростом (1871-1915), Ваан (1882-1937), Аршавир (1888-1921), Арташ (1892-1916) и три сестры – Осан (1874-1926), Искуи (1878-1943) и Астхик (1885-1953).

В самом начале мировой войны трое из братьев поэта – Ваан, Аршавир и Арташ – были призваны в царскую армию и находились на фронте, а четвёртый брат, Ростом, остался в Дсехе, и все трудности и заботы по содержанию большого семейства легли на его плечи.

В семье родителей Ов. Туманяна Ростом был по старшинству вторым ребёнком; он был младше поэта на два года, и они были неразлучны в детстве, следовательно, были теснее связаны друг с другом, чем с другими братьями, которые были значительно младше их. В школе Джалалоглы оба брата учились вместе, и Туманян часто говорил, что “Ростом способнее, чем он”¹. У Ростомы также были склонности к творчеству. В июле 1912 г. в своём отцовском доме в Дсехе поэт показал Лео стихотворения брата. “Ростом писал стихотворения для себя, - пишет Лео, - и Ованес заверял, что он проявил в них неплохие способности”².

Жена Ов. Туманяна Ольга рассказывает, что сразу же после их женитьбы (1-го декабря 1888 г.) Туманян позвал Ростомы в Тифлис, чтобы осуществить его мечту о продолжении образования³. Однако поэт не рассчитал своих возможностей: имевшиеся материальные средства были явно недостаточны. Ростом был вынужден вернуться обратно в Дсех, чтобы достать денег и только после этого поехать в Тифлис, однако мать не позволяет ему, говоря, что “дома некому вести хозяйство”⁴. И действительно, после смерти отца поэта Тер-Гадевоса (5-го января 1898 г.) Ростом оставался в доме за старшего, и вся ответственность за благополучие и

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 334.

² Там же, стр. 83.

³ Там же, стр. 334.

⁴ Там же.

преуспеяние большого семейства была возложена на него. Из всех братьев именно Ростом был больше всех связан с семьей поэта, с его детьми.

Ростом работал непродолжительное время инспектором гимназии в Лоруте (в 1893 г.), был вначале заместителем управляющего (в 1906-1907 гг.), а затем управляющим монастырских земель в селениях Марц, Шамут, Атан, Кариндж (1913-1915 гг.). По стечению обстоятельств и в связи со своими должностными обязанностями у него возникали конфликты с жителями этих сёл¹. Главной причиной этих конфликтов было нежелание крестьян платить налоги. Заметим при этом, что некоторым крестьянам удавалось избежать налогообложения. Поместья села Марц были предметом постоянных раздоров между Св. Эчмиадзином и правительством. “Пользуясь этим, на протяжении долгих лет находящиеся в этом регионе сёла не выплачивали регулярного налога государству и Эчмиадзину, накопилась большая задолженность. Леса оставались без присмотра и без надзора. Деревья вырубались десятками тысяч. После избрания Ростомом управляющим доступ к лесу был закрыт, были запрещены незаконные вырубки”², - пишет Гарник Шахкян³. Это вызвало недовольство среди местного населения. Один из руководителей лагеря недовольных крестьян В.Тер-Григорян предложил Ростому выдать ему разрешение на вырубку двух сотен деревьев и поделить выручку между собой. Эта провокация впоследствии претерпела метаморфозу и стала одним из пунктов обвинений, выдвигавшихся против управляющего. Ростом обвиняли также в злоупотреблении своим служебным положением. Кроме того, некоторые крестьяне имели стародавние споры с семейством Туманянов из-за границ земельных участков. Об этом свидетельствует также Дереник Демирчян⁴. В его воспоминаниях читаем: “Не могу сказать, в какой степени правдивы рассказы о строгостях Ростом, поскольку мне известны многочисленные описания, как в Лори уничтожались леса. Но говорилось очень многое, и Туманян отмалчивался”⁵.

Д.Демирчян даже намекает, что вполне возможно, что Ростом удерживался на своей должности управляющего благодаря посредничеству или авторитету его знаменитого брата. Мы уверены, что мемуарист ошибается на этот счёт: если Ростом, собирая подати, допускал строгости по отношению к крестьянам, то это исходило из интересов людей, назначивших его на эту должность. Напротив, в интересах поэта было, чтобы Ростом оставил свою должность и занялся каким-нибудь иным делом, и

¹ Об этом см. подглаву “Общественная жизнь. Полемика с А. Аракеляном” настоящего исследования. См. также: “Мшак”, 1914, NN 11, 23, 46, 52 и т. д.; “Оризон”, 1914, NN 51, 53, 124 и т.д., а также письмо Ов. Туманяна брату Ваану, написанное 10-го октября 1915 г., Ов. Туманян, Собр. соч., т. 10, стр. 230-232.

² Г. Шахкян, Мир семьи Туманяна, Ер., 2011, изд-во “Тигран Мец”, стр. 31.

³ Гарник Шахкян (род. в 1937 г. в селе Шнох Лорийского района) – доктор архитектуры, член архитектурной академии, деятель культуры, туманяновед.

⁴ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 40.

⁵ Там же.

тогда, возможно, у Туманяна было бы поменьше неприятелей и недоброжелателей, и они не отравляли бы ему жизнь по каждому поводу... Что касается взаимоотношений Ростом с крестьянами, то они действительно никогда не были идиллическими, причём это далеко не всегда было связано с его должностными обязанностями.

Туманян отмалчивался, выслушивая разные слухи и кривотолки, в которых, весьма возможно, была определённая доля правды, отмалчивался в присутствии посторонних, пытался вникнуть и разобраться в положении вещей, старался держаться подальше от конфликтов и открытой конфронтации с крестьянами, однако когда над его братом начинали сгущаться тучи, когда ему угрожала реальная опасность, он вмешивался, но вмешивался по-своему, по-туманяновски, прощая и освобождая от ответственности и наказания зачастую довольно недостойных противников своего брата.

До властей дошли сведения о жалобах, подписанные крестьянами, причём многие подписи были поддельными, а жалобы – ложными и необоснованными. Подлог вскоре был выявлен, и многие крестьяне должны были подвергнуться ответственности, что ещё больше обострило бы и без того враждебные отношения между Ростомом и крестьянами лорийского региона, однако благодаря вмешательству поэта этим крестьянам удалось избежать тюремного заключения и ссылки. В своём письме к другому брату, Ваану, Туманян пишет в октябре 1915 г.: “Я ведь каждый раз, постоянно одёргивал его, чтобы он держался подальше от всяческих споров и сдерживал себя. Он примирился с населением сёл, я настоял на аннулировании всех протоколов” (10, 230). Под “протоколами” поэт подразумевает ложные доносы с фальсификацией подписей, после аннулирования которых и прощения виновных состоялось примирение между Ростомом и жителями трёх деревень. Однако при этом поэту не удалось прекратить ту вражду, которая была обусловлена проблемой спорных земельных угодий. Споры семейства Туманянов с соседями из-за этих участков имели вековую давность, их история насчитывала без малого сто двадцать лет. Родовые угодья Туманянов были незаконным образом захвачены. После продолжительной борьбы Ов. Туманяну наконец-то удалось в июле 1913 г. на основании специального приказа высшей инстанции добиться права на возвращение земель. В заключении отмечалось, что эти земельные угодья “всегда были и должны остаться” собственностью семейства Туманянов (10, 185). Однако, как показывает дальнейшее развитие событий, изданный приказ оказался не по нраву некоторым крестьянам, и борьба за земли продолжилась уже между братьями поэта, в частности, Ростомом, и теми крестьянами, которые не пожелали лишиться незаконно захваченных земель. Среди них был и род Фаноса, с которым семье Туманяна не удалось прийти к соглашению. Известно, и это подтверждается свидетельством поэта, что после примирения с односельчанами “теперь уже вперёд выступила старая шайка – Петрос, Вардан со своими

друзьями и, в особенности, сыновья Фаноса. Сыновья Фаноса никак, никоим образом не согласились ни с одним предложением, всё больше и больше обострили борьбу” (10, 230).

Поэт предложил брату часть земель, купленных на деньги своих спонсоров-меценатов, чтобы земельные распри были урегулированы, однако Ростом не согласился променять свои родовые, дедовские земельные угодья на участок брата.

Заметим, что Ованес Туманян никогда не предъявлял никаких претензий на какую-то долю наследства от отцовского имущества. Более того, когда его братья Ростом и Ваан отделились и стали делить имущество, поэт отказался от своей доли, чтобы между братьями не возникло вражды, и это при том, что он был старшим сыном в доме. А теперь он был согласен отказаться от своего личного земельного участка в Игатаке, чтобы не углубилась и не обострилась вражда и борьба между его братьями и какой-то преступной “шайкой”.

С самых первых дней после начала войны, когда трое братьев поэта поехали на фронт, Ростом оказался в одиночестве в своём селении. Поэт беспокоился, однако война превратила его будни в сущий ад, и он был перегружен самыми разнообразными личными и общественными проблемами и заботами. Поэт, который безо всяких условий отказался от своей доли наследства, теперь мог только со стороны наблюдать и беспокоиться, видя со дня на день ухудшающуюся обстановку и сгущающиеся чёрные тучи над отцовским домом. Туманян чувствовал также определённые угрызения совести, потому что предвидел, предчувствовал то бедствие, то страшное несчастье, которое должно было обрушиться на его отцовский очаг, но при этом помочь делу никак и ничем не смог. Если бы его братья не были на фронте и если бы он сам не был обременён неисчислимыми обязанностями и заботами, то Ростом не оказался бы в одиночестве, в полной изоляции, и тогда, возможно, удалось бы предотвратить беду. В упоминавшемся выше письме от 10-го октября 1915 г. поэт пишет сражавшемуся на фронте брату Ваану: “После того, как вы рассеялись, Ростом оказался окружённым врагами, а я, обременённый тысячей и одной забот, со страхом и трепетом постоянно ожидал какого-нибудь несчастья” (10, 230).

Сыновья Фаноса – известные своими преступными деяниями односельчане Ростом Петрос и Вардан, воспользовавшись благоприятной ситуацией и одиночеством Ростом, ранним утром 16-го сентября 1915 г. убили его в поле селения Кариндж. Ростом в это время направлялся за своей матерью, чтобы привести её домой с горного пастбища и отправить в Тифлис к старшему сыну. Таким образом, в отцовском доме Туманяна именно Ростом становится жертвой вражеских интриг. Двое из убийц, которые были жителями сёл Марц и Кариндж, были вскоре убиты при попытке бегства – в долине Дсеха, на дороге, ведущей в Джалалоглы.

Третьему убийце, сыну Фаноса, удаётся бежать, однако вскоре он был схвачен.

Туманян подробно вспоминает и рассказывает о том, как в конце лета 1915 г. в Эчмиадзине он увидел во сне и предсказал смерть Ростома. Поэт рассказывает дочери Нвард: “Есть сны, которым я верю, подобно предчувствиям наяву. Летом 1915 г., будучи в Эчмиадзине, во сне я сбрасывал себе усы. Испугался, вскочил с места, у меня томилось сердце и было плохое предчувствие. На следующий день послал телеграмму брату в Лори, чтобы приехал в Тифлис”¹. Об этом сне несколько иначе рассказывает Ашхен Туманян: “В 1915 г. отец в Эчмиадзине увидел во сне – один зуб выпадает и соседний шатается. Сразу же телеграфировал Ростому, чтобы приехал в Тифлис и дожидался его приезда”².

Само содержание вещих снов поэта не представляло собой особой важности. Не имело существенного значения, что именно он видел во сне. Намного важнее было то ощущение надвигающегося бедствия, несчастья, с которым поэт просыпался, томление сердца с нехорошими предчувствиями. Так были и с его сновидением относительно брата Ростома. Он поверил своему предчувствию и сразу же сообщил о нём брату. Поэт возвращался в Тифлис в уверенности, что брат прислушается к его совету и придет. Поэт очень надеялся застать Ростома в Тифлисе, у себя дома. Но этого, к сожалению, не случилось. И в тот же день до поэта доходит весть о трагической гибели брата от рук убийц.

Туманян вернулся из Эчмиадзина в Тифлис 15-го или 16-го сентября 1915 г. и, ещё не успев прийти в себя после утомительной дороги, на следующий же день, 17-го сентября, поехал в Дсех на похороны брата. Он посылает телеграммы служащим в действующей армии братьям – Ваану, Аршавиру и Арташу, сообщая о постигшем семью несчастье. Приехать домой на похороны брата и на побывку с десятидневной увольнительной удалось только самому младшему брату – Арташу. Разрешение на такой же срок получает и другой брат поэта – Аршавир, однако несколько позднее, 9-го октября. Туманян никак не мог оставаться в отцовском доме надолго, и дело было не только в заботах и хлопотах его большой, многодетной семьи, но и в многочисленных общественных обязанностях, в его новых начинаниях и инициативах, которые делали его присутствие в Тифлисе обязательным. Поэт пережил большую личную потерю, но трагедия, которую в эти же дни переживал весь армянский народ, была неизмеримо больше. И именно на долю Туманяна выпала миссия облегчения страданий армянских беженцев и сирот. Но, с другой стороны, он не мог и не хотел оставить без помощи и в одиночестве свою мать и семьи братьев. По этой причине он, находясь в Дсехе, начал заниматься вопросом о служ-

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 191.

² Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., “Мугни”, 2011, стр. 115.

бе Ваана, желая переместить его поближе к родному селу и матери. «Теперь я буду заниматься твоим делом, чтобы ты служил в этих местах», - пишет он (10, 231).

Ваан был первым и фактически единственным близким человеком, с которым поэт поделился своим горем, написав ему подробное письмо 10-го октября 1915 г., спустя всего три недели после гибели Ростома. Поэт рассказал брату все подробности случившегося несчастья. «16-го сентября... пришли и всё разрушили. Узнал – убийц было трое... Сын Фаноса убежал, пришло новое известие, что поймали. Теперь ищут других участников. Таким образом не только рухнул наш дом, и мы остались с нескончаемой болью, но и наши дома связаны пролитой кровью. Теперь речь идёт о том, чтобы, во-первых, наказать убийц, во-вторых, погасить этот огонь, а в-третьих – не потерять нашего имущества, и, наконец, иметь мужество перенести все эти испытания» (10, 231). Если на какое-то мгновение отвлечься от мотива и импульса, побудившего поэта написать эти слова, то можно заметить, что здесь в обычной и привычной последовательности выражены подходы Туманяна, которых он придерживался ещё десять лет назад, во время армяно-татарских межнациональных столкновений. Сперва наказать инициаторов, зачинщиков совершённых злодеяний, затем «погасить огонь», и при этом ни в коем случае не прибегать к отмщению, продолжать жить в мире и таким именно образом преодолевать любые трудности и испытания. То же самое можно сказать и о других словах поэта, с которыми он обратился к брату, чтобы подбодрить его, поднять его дух. Слова эти вполне могли быть обращены к любому человеку и ко всей нации, когда на них обрушивается несчастье. «И вновь благоразумие, мудрость и терпение одерживают победу над любой напастью.

Держись, мы все возлагаем свои надежды на тебя, чтобы не оказаться раздавленными врагом, чтобы наш дом не был разрушен и чтобы мы не только не пали, но и стали еще сильнее, продолжали идти вперед... как видишь, ничего в этом мире нет – тем более в это проклятое время, но всё равно, живущие должны жить своей жизнью» (10, 232).

В Дсехе болезнь Туманяна ещё больше обострилась, и он, вернувшись домой, в Тифлис, долгое время оставался прикованным к постели. Естественно, после июньского путешествия в Ван и Васпуракан, после нравственных и физических страданий и мучений, которые ему пришлось пережить в Эчмиадзине, наконец, после трагической гибели брата поэту требовалось много времени, чтобы прийти в себя, восстановить подорванное здоровье.

Дочь поэта Нвард свидетельствует: «...На два дня отец поехал в Дсех. Вернулся совсем изменившимся. Около двух месяцев оставался в

постели, болел. Был печален. Никого не принимал, ничто его не успокаивало; по вечерам говорил о брате, вспоминал о днях, проведённых вместе с ним в Лори. Не мог вынести это горе»¹.

Поэту не хотелось никого видеть, хотелось побыть одному, однако даже будучи постельным больным, он был вынужден принимать многочисленных гостей, приходивших выразить свои соболезнования.

Чтобы не волновать брата Ваана, поэт в своём письме за 10-е октября пишет о своей затянувшейся болезни в прошедшем времени: «Я приболел, только недавно встал с постели» (10, 231). На самом же деле болезнь к тому времени и не думала отступать. Она продолжалась и даже начала вызывать озабоченность в кругах тифлисской армянской общности. Газета «Оризон» в своём номере от 28-го ноября сообщила, что по совету врачей «поэт должен в скором времени поехать лечиться минеральными водами»².

Личная утрата и национальная трагедия, словно сговорившись, совместными усилиями наносят очередные удары по и без того хрупкому здоровью поэта. И не только по здоровью. Из-за всех навалившихся испытаний к поэту приходит преждевременная, ранняя старость. В дни болезни он как-то признаётся: «Ну и я тоже из-за всех горестей этого тяжёлого положения почти постарел» (10, 232).

Туманян пытается найти утешение и немного отвлечься от горестных мыслей по поводу трагической смерти брата с помощью чтения. Но даже чтение давалось ему с большим трудом, и он был вынужден обращаться за помощью к детям. Как-то вечером он попросил Нвард почитать ему. «Найди какую-нибудь книгу, прочти что-нибудь сильное, чтобы я мог развеяться, забыться»³. Однако какую бы книгу ему ни читали, он не мог сосредоточиться, не мог развеяться. В беседах с родными и домочадцами он постоянно возвращался к теме погибшего брата и оставшегося без кормильца и хозяина отцовского дома.

Личное горе Туманяна подействовало на многих, тем более, что его общественная и национально-патриотическая деятельность в этот период вызывала всеобщее восхищение и признание. Многие просто приходили к поэту домой, чтобы выразить сочувствие, как, например, Анушаван Абовян, Папа Калантарян и другие⁴, а некоторые посылали ему телеграммы с соболезнованием. В сочувственном письме присяжного поверенного Александра Артемьевича Паповяна от 17-го сентября 1915 г. читаем: «Дорогой Ованес,

...В эти злополучные дни нашего общенационального бедствия, когда ты столько утруждал себя заботами о гибнущем на поле боя родном народе, знаю, что ты должен чувствовать, видя янычарство убийц, совер-

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 130.

² «Оризон», 1915, №268, 28-го ноября.

³ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 130.

⁴ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 236.

шасмое в тылу, но и при всём при этом глубоко убеждён, что ты со своим украшающим душу величием преодолеешь давящее на тебя горе...

Желающий тебе от всего сердца здоровья и мужества
Твой Александр»¹.

Война своей страшной поступью потопила в крови всё, и жестокое время поставило своё клеймо на судьбе жизнерадостного и мудрого поэта. Он смертельно устал от крови, от вражды и распрей, от внутренних и внешних врагов.

После смерти Ростомы поэт избегал поездок в родные лорийские края, ему было непросто справляться со своими чувствами. Дочь поэта Нвард вспоминает: «После сентября 1915 г. отец мало ездил в Лори и с тяжёлыми чувствами вспоминал свою родину. Сердце его было разбито»².

А сын поэта Артавазд 1-го октября 1915 г. написал в письме, адресованном Погосу Макинцян: «На отца очень тяжёлое впечатление произвело убийство Ростомы, и он ещё долгое время не сможет писать.

Для Ивана Фадеича наступили трудные дни»³.

АРТАШЕС

Всего каких-нибудь три месяца спустя после гибели Ростомы, 24-го января 1916 года, возвращаясь домой с вокзала после проводов Валерия Брюсова, Туманян получил извещение о смерти самого младшего своего брата, 23-летнего Арташеса. Весть о его гибели была опубликована в тифлиссских газетах⁴.

Газета «Оризон» в своём номере за 27-е января сообщала: «В Тифлисе получена телеграмма, что брат поэта Ов. Туманяна прапорщик А.Туманян 23-го января героически погиб в районе Чмырмыха, сражаясь против турок»⁵.

Арташес погиб неподалёку от Батума, на фронте Арахве. До этого он за свои боевые подвиги был удостоен нескольких наград: орденов Станислава, Анны и т.д.

На протяжении двух недель поэт обращался к русскому военному руководству, к своим знакомым в Батуми с просьбой помочь с отправкой тела брата в Тифлис. И когда 6-го или 7-го февраля это наконец удалось, Туманян в публичном открытом письме выразил свою благодарность и признательность организаторам. Письмо это после публикации на страницах «Оризона» до сих пор не было опубликовано ни в одном из научных изданий произведений поэта и публикуется впервые.

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1936 (177, 3-я оп.).

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 130.

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 410.

⁴ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N 1936 (177, 3-я оп.); см. также «Тараз», 1916, N3, стр. 45.

⁵ «Оризон», 1916, N19, 27-го января, стр. 3.

«От своего имени и от имени своего семейства выражаю сердечную благодарность командиру полка и боевым товарищам, офицерам, моим батумским друзьям и армянской общественности Батума за почести и уважение, которые они проявили при пересылке тела моего преждевременно погибшего брата прапорщика Арташеса Туманяна, убитого 23-го января в героическом сражении при Арахве, в Тифлис, куда он был привезён неожиданно, так что мы не были в состоянии оповестить об этом наших родственников»¹.

Туманян вместе с братьями принимает очень трудное, тяжёлое и ответственное решение: похоронить Арташа в Тифлисе и скрыть его смерть от матери, которая совсем недавно потеряла другого своего сына. Конечно, поэта очень волновало и беспокоило душевное состояние матери, скорбящей о смерти Ростома. Он понимал, что нельзя скрывать от матери смерть Арташа и тем самым лишить её возможности проститься со своим младшим ребёнком и похоронить его, но, с другой стороны, для поэта было очевидно, что Сона просто не выдержит нового удара судьбы, не вынесет «непередаваемого горя», что сообщить эту весть перенёсшей «друг за другом столько боли и страданий» старой женщине «с безумным сердцем» – то же самое, что «застрелить её, убить или свести с ума, что ещё хуже» (10, 234). Однако обмануть мать было не так-то просто, потому что она также была наделена сильным даром предчувствия, телепатии (Туманян перенял свой дар предвидения у неё) и чувствовала сердцем, что младшего сына нет в живых; она без конца требовала новых и новых доказательств и фактов, подтверждающих, что Арташ жив.

Ещё не прекратился идти поток телеграмм с соболезнованиями по поводу смерти Ростома, как последовала новая череда телеграмм – по другому трагическому поводу.

29-го января 1916 г. Усик Аркепископосян из Эчмиадзина пишет Туманяну письмо следующего содержания: «Уважаемый и дорогой Ованес, в газете «Кавк. Слово» я прочитал сообщение о смерти Вашего брата на поле сражения.

Выражаю Вам своё глубокое и сердечное соболезнование, молясь, чтобы Господь дал Вам мужество вынести несчастья, следовавшие одно за другим, по случаю преждевременной смерти Ваших братьев.

Шлю вам свой привет любви и сочувствия»².

В письме Карапета Кеосеяна за 2-е февраля 1916 г. говорится: «Удивляюсь, что в Вашем угнетённом состоянии вы вновь находите энергию и время, чтобы быть полезным нации и служить народу. Вместе с физической стороной не забываете и о его духовной стороне, держите высоко дух и честь...»³.

¹ Там же, N29, 7-го февраля, стр. 4.

² МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1548 (1502 доп.).

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N2342 (483).

Тогда же, в феврале 1916 г., другие братья Туманяна – Ваан и Аршавир – были ранены на поле сражения и находились в госпиталях Тифлиса (10, 234).

Таким образом, в 1916 г., в самый разгар Первой мировой войны, несчастья и испытания продолжали следовать одно за другим и преследовать семейство Туманяна. В одном из своих писем этого периода, датированном 2-м марта 1916 г., поэт пишет: «И действительно, эти последние несколько месяцев оказались ужасными в моей жизни. Сперва Ван, затем летом – Эчмиадзин, после этого – убийство одного моего брата, затем – убийство второго, дом остался совершенно без присмотра – только растерянные скорбящие женщины и дети, другие мои дети – на далёких фронтах или в госпиталях, сыновья мои разбросаны там и тут и находятся в опасности, дома – больные группами, причём месяцами, наконец, впридачу такие истории, о которых и писать невозможно – одним словом, чтобы эти последние месяцы ушли и больше не вернулись» (10, 234).

В июне 1916 г. физическое состояние поэта оставалось по-прежнему неважным, не наблюдалось никаких изменений в сторону улучшения самочувствия. «Я очень устал и ослабел», - пишет он Тиграну Ованнисяну (10, 240).

Однако поэт прекрасно понимал, что не имеет права опускать руки и впадать в отчаяние. Ещё совсем недавно он советовал брату Ваану крепиться, держаться, быть сильным. «Знай, что сейчас на тебя возлагаются большие надежды, - писал он. – Тот, на которого смотрят столько людей, должен быть прочен, как скала» (10, 232). Он знал, что и ему также следует «быть прочным, как скала», потому что если на Ваана смотрели с надеждой все женщины и дети их рода, то на него смотрят с надеждой и упованием, от него жду помощи тысячи и тысячи чудом спасшихся от резни голодных и оборванных беженцев и сирот, у которых нет ничего и никого на всём белом свете – ни крыши над головой, ни родных и близких, ни родины. На него с надеждой и упованием смотрели бедствующие, нищенствующие писатели и интеллигенты; наконец, он был главной и единственной надеждой и опорой для своей многодетной семьи и большого рода. И он держался, старался быть сильным, стойким и «крепким, как скала». И пользовался каждым удобным случаем и каждой возможностью, чтобы помогать людям. На это у него всегда хватало сил, энергии и времени...

Да, Туманян был прежде всего поэтом, и поэтому искал и находил душевный покой и ушедших навсегда из его жизни родных и близких в своих произведениях, в частности, в четверостишиях. В июне 1916 г., раздумывая о своих утратах, о своём 23-летнем убитом брате Арташе, который был ровесником его детей и их товарищем по играм, поэт пишет:

Ушли навек,
Покинув отчие края, ушли навек,

Я, плача, призывал — никто не отозвался.
Вы не откликнулись, друзья, ушли навек!
(Пер. Н. Гребнева)¹

Поэт крайне редко делился своими горестями, мало кому рассказывал о своих недомоганиях и плохом физическом самочувствии. Среди этих немногих людей была писательница Забел Есяян, которой он пишет в письме от 1-го августа 1916 г.: «Должен признаться, что здесь я только сейчас почувствовал, насколько я разбит и устал как физически, так и морально. И какая-то тяжёлая тоска постоянно давит мне на сердце. Многого разрушено для меня в этом мире, и мир уже переполнен горестями. Есть многое, чего я уже не люблю, но есть и такие вещи, которые я люблю, но не могу видеть. Например, после того дня, как я увидел свою мать над телом моего убитого брата, а смерть другого убитого брата (офицера) мы скрыли, чтобы она не узнала, я не могу больше видеть её — свою мать» (10, 245).

И опять-таки, Туманян не был бы самим собой, если бы, говоря о своих личных бедах и невзгодах, не перешёл сразу к самой большой своей боли — «безбрежному морю армянского горя» и вопросу беженцев и сирот (10, 245).

Гибель братьев Ростом и Арташеса, десятки тысяч умерших в Эчмиадзине беженцев и сирот, которых ему пришлось хоронить, — всё это стало жизненным импульсом для того, чтобы 12-го июля 1918 г. поэт приступил к написанию так и оставшегося незаконченным четверостишия, в котором перед нами предстаёт огромная и неизбывная печаль поэта, его общенациональное горе. Поэту никак не удавалось найти в третьей строке определение для слова «мир», однако и без этого определения всё четверостишие словно окрашено цветом алой человеческой крови. Повторяющееся в первой, второй и четвёртой строке рифмообразующее слово «кровь» как бы становится символом истории армянского народа рассматриваемого периода, становится самым точным и метким её определением.

В написанном 9-го сентября 1918 г. стихотворении «Видение» поэт снова обращается к воспоминаниям о счастливых днях своего детства, проведённых вместе с братом Ростомом. Ростом хорошо пел, и после его смерти в ушах Туманяна то и дело раздавался сильный голос брата, песни в его исполнении. И как впоследствии признавался поэт, именно этот голос, именно эти песни и преждевременная гибель обоих братьев стали побудительной силой, импульсом для написания многих поздних стихотворений и, в частности, четверостиший.

Вон — та гора... Бежит мой брат,
А впереди на шаг

¹ Ов. Туманян, Избранное, М., «Худ. Лит.», 1988, стр. 347.

С весёлым ласм, дружбе рад,
Бежит наш пёс Чалак.
И голос брата вторит псу,
Как будто наяву:
Они недалеко в лесу,
Сейчас их позову...
Они давно за той стеной,
Где ни лесов, ни гор,
А голоса их — всё со мной,
Со мной, с тех самых пор.

(Пер. А. Якобсона)¹

Это было самым любимым стихотворением Амо Сагияна. В своей статье «Удивляюсь и теряюсь» Сагиян пишет: «С создателями мировой литературы я более или менее знаком... знаю... Но больше всех люблю и лучше всех понимаю Туманяна.

Понимать понимаю, но, представьте, каждый раз, открывая двери в его творческий мир и входя в него, удивляюсь и теряюсь... Как много в нём красок, вкусов, запахов, пропастей и горных вершин, которых до сих пор я не видел...

Скажу также, что в море мировой поэзии самое любимое моё стихотворение – «Видение». Все лучшие стихотворения являются для меня предисловиями к большим романам... У Туманяна же наоборот. Стихотворение является послесловием романа»².

Как замечает Сагиян, Туманян в приведённом стихотворении сплетает роман о пасторальной, идиллической жизни, он с такой выразительностью говорит «Вон — та гора», что даже для горожанина, никогда не видевшего гор вообще, она кажется знакомой; он так произносит «Они недалеко в лесу», что образ близкого и непременно густого и тёмного леса обретает зримость. Голос брата лирического героя, который «смело» вторит псу, также вызывает у Сагияна «удивление и растерянность». Он пишет: «Неужели для того, чтобы следовать за псом, нужна какая-то особенная смелость? Просто идущий – старший брат, который для младшего всегда является смелым»³.

Действительно, как во многих четверостишиях, так и в стихотворении «Видение» Туманян тоскует и скорбит по целому потерянному миру – миру, в котором необратимо, безвозвратно остались родные лица и родная природа, тоскует и скорбит по миру, где он был самым старшим и смело шёл впереди своих младших братьев, для которых он был «самым смелым»...

¹ Ов. Туманян, Избранное, М., «Худ. лит.», 1988, стр. 327.

² «Гракан терт», Тбилиси, 1989, №9, 24-го февраля, стр. 2 (на арм. яз.).

³ Там же.

2. ДЕТИ ТУМАНЯНА

«Это были присматривающие глаза,
любящие руки и сострадательное сердце».

Нвард Туманян

Ованес Туманян был многодетным отцом, кормильцем большого семейства. И как бы он ни был занят и перегружен общественными делами, всегда находил время для того, чтобы заниматься воспитанием детей, в особенности, в молодые свои годы.

Семейные заботы легли на его плечи в раннем юношеском возрасте. Когда он женился (в 1888 г.), ему было всего лишь 19 лет. Ему едва исполнилось 38 лет, когда он уже был отцом десяти детей. Он часто повторял, что дети являются главным счастьем в его жизни.

По свидетельству детей, Туманян часто водил их на прогулки в большие тифлиссские парки Муштаиди или Арцруни. Дочь поэта Ашхен пишет: «В первую очередь он обращал внимание на питание. А если он бывал дома и если дети играли, он всегда принимал участие в наших играх, возможно, во многих случаях мешал..., но принимал участие»¹.

Туманян уделял также большое внимание физическому развитию детей, организовывал для них различные развлечения, отдавая предпочтение подвижным играм. Особенно часто играли в крокет². Очень часто поэт будил детей по утрам и учил их делать разные физические упражнения, утреннюю зарядку³.

А ещё Туманян учил детей быть с самого раннего детства самостоятельными и организованными. Дети сами изготавливали игрушки для новогодней ёлки, хотя и не были уверены при этом, будет у них ёлка или нет. По опыту своей маленькой жизни они знали, что отец может потратить предназначавшиеся для ёлки деньги на других детей. Ашхен рассказывает, что когда Дереник Демирчян или кто-нибудь другой из друзей отца находился за границей, Туманян проявлял заботу об их детях. И делал это в ущерб развлечениям своих детей. Вместо того, чтобы купить ёлку для дома и для своих детей, он покупал фрукты и подарки для детей своих отсутствующих друзей⁴.

¹ Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., «Мугни», 2011, стр. 112.

² Крокет – спортивная игра, участники которой ударами специальных молотков на длинной ручке проводят шары через воротца, расставленные на площадке в определённом порядке.

³ Ирма Сафразбекян, Страницы жизни семьи Туманяна, Ер., «Эдит Принт», 2009, стр. 32, 40.

⁴ Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., «Мугни», 2011, стр. 112.

Дети Туманяна знали, что отец в меру сил и возможностей всегда помогает не только беженцам и сиротам, но и всем тем детям, которые обращались к нему за помощью, стучались в их дверь. «Бывали приехавшие из деревни дети, которые приходили всегда; один просил одежду, другой – книги, третий – тетради и т.д., тогда не было министерства, учреждённых организаций, чтобы заботились о них»¹.

Таким образом, лишаясь новогодней ёлки и тысячи других материальных благ, дети поэта с малых лет приучались сознавать ценность благотворительности и необходимость самоограничения. Случалось и так, что из-за неимения обуви дети поэта не могли идти в школу²; иногда из-за неуплаты задолженности за обучение прерывалось образование. Именно по этой причине в 1910 г. Ашкен была исключена из Высших женских курсов³, по этой причине Ануш не смогла завершить своё образование. Однако дети поэта никогда не жаловались и не сетовали на это.

Туманян был не только добрым и ласковым в своём отношении к детям, но и, когда это было необходимо, строгим, требовательным и взыскательным. Для всех детей поэта слово отца было законом. Он часто повторял: «...Я делаю замечание один раз». «Если отец сказал «нет», это было для нас законом», - пишет старшая дочь поэта⁴.

Ещё большее значение придавал и больше внимания уделял поэт духовной пище для детей, их умственному развитию, познанию мира, образованию. Он любил рассказывать детям сказки, занимательные истории, отрывки из жизни великих философов и писателей. Вместе со своими детьми поэт часто посещал выставки художников – Ладо Гуднашвили⁵, Геворга Башинджагыана, Шарбабчяна⁶, водил детей в дома знаменитых актёров – Сирануш⁷, Карапета Галфаяна⁸ и других.

Туманян читал детям как свои оригинальные детские произведения, так и лучшие произведения мировой детской литературы. Он всячески старался привить детям хороший художественный вкус. Поэт вообще придавал огромное значение эстетическому вкусу, называя его «ароматом жизни»⁹. Когда некоторые из его детей – Артик, Амлик, Арег, Ануш – пробовали свои силы в творчестве и отдавали свои художественные сочинения и переводы редакциям периодических изданий для публика-

¹ Там же, стр. 113.

² Там же, стр. 59.

³ Там же, стр. 60.

⁴ Там же.

⁵ Ладо (Владимир) Гуднашвили (1896 - 1972) – грузинский художник.

⁶ Григор (Гиго) Шарбабчян (1884 - 1942) – армянский художник и декоратор.

⁷ Сирануш (Меропия Исааковна Каптарджян; 25 мая 1857, Константинополь – 10 июня 1932, Каир) – выдающаяся армянская актриса.

⁸ Карапет Галфаян (31. XII. 1877 - 18. IX. 1920) - армянский актёр. Сценич. деятельность начал в 1897. С 1899 играл в Константинополе (Стамбул), выступал во многих городах Закавказья, во Франции (Париж, 1899). Исполнял гл. обр. трагедийные роли - Отелло и др. После П. Адамяна Галфаян - второй исполнитель роли Гамлета на арм. сцене.

⁹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 42.

ции, поэт советовал им: «До того, как... писать, необходимо читать, много читать об искусстве, развить вкус, и потом только писать»¹.

Туманян советовал детям прежде всего читать Шекспира, «жизнь Гёте, Байрона, Пушкина, Лермонтова... читать Гейне, Мицкевича»². Только читая, зная самые лучшие произведения самых лучших писателей мира, можно развить литературное чутьё, художественный вкус, который необходим, чтобы отличать настоящую поэзию от литературных поделок, настоящие стихотворения – от виршей³. К теме художественного, эстетического вкуса поэт возвращался в своих беседах не раз и не два, по самым разным поводам и случаям. «Вкус – великое дело. В жизни самые большие вещи стоят очень дёшево, даже ничего не стоят, но приобретаются очень трудно»⁴. По другому случаю поэт заметил: «Вкус – это очень важная вещь, вот поэтому и древние греки никогда не сходят со страниц истории; они знали, как двигаться, как есть, как жить, делали это правильно и красиво; они поклонялись душе и телу»⁵.

Вот почему Туманян целенаправленно и целеустремлённо развивал в детях вкус в самых разных сферах жизни: и в быту, и в искусстве, в частности, в литературе, живописи, музыке. Он даже пел сам и обучал пению своих детей, когда им было по 4-5 лет⁶. А когда они немного подросли, он в основном вёл с ними беседы на литературные темы, рассказывал о великих писателях, о великих произведениях мировой литературы, об армянской литературе и культуре, о науке и искусстве, о чтении, об истории разных народов и о многом другом.

На стенах столовой комнаты поэт развешивал записанные на карточках пословицы и поговорки разных народов или высказывания великих людей, чтобы дети всегда помнили, что «и дорога длиною в тысячу вёрст начинается с первого шага», что «в здоровом теле живёт здоровый дух», что «порядок – великая сила», что «звезда твоего счастья сверкает в твоём сердце», что «чистота – залог здоровья» и т.д.⁷

Туманян часто покупал для детей игры, часто возил их с собой в родное село, учил любить родную природу, исторические памятники, монастыри и церкви, учил общаться с простыми людьми, с народом. Когда детям исполнялось восемь лет, они по совету отца начинали вести дневники, в которых записывали свои впечатления о природе, об окружающих предметах и явлениях, о прочитанных книгах. Поэт следил, чтобы дети всегда заполняли свои дневники памятными записями и не давали им превращаться в «пустостраничники».

¹ Там же, стр. 101.

² Там же, стр. 158.

³ Там же, стр. 179.

⁴ Там же, стр. 220.

⁵ Там же, стр. 303.

⁶ Там же, стр. 17.

⁷ Там же, стр. 37.

Конечно, немаловажную роль в воспитании и образовании, в формировании духовного мира детей поэта играла та литературная среда, в которой они росли. И здесь невозможно переоценить роль литературного кружка «Вернатун», все члены которого сблизились, сдружились с детьми поэта, и эта дружба продолжалась даже после смерти Туманяна, до конца их жизни. Все дети Туманяна, независимо от их избранной впоследствии специальности, сумели понять исключительную важность искусства и культуры, многочисленных национально-общественных задач, которые обсуждались и решались у них дома, на созываемых заседаниях правлений и собраниях.

Думается, не будет никакого преувеличения, если сказать, что дети Туманяна жили и росли в самой гостеприимной, хлебосольной армянской семье. Дети знали, что отсутствие или недостаток денежных средств никогда не были для их отца непреодолимым препятствием, мешающим принимать гостей. Старшая дочь поэта Ашхен вспоминает: «Было несколько магазинов, в которых наши долги никогда не кончались. И я должна признаться, что гости питались лучше, чем дети – «за кулисами»¹. Видимо для того, чтобы читатели её воспоминаний не подумали плохо о её замечательном отце, Ашхен сразу же добавляет: «Он очень любил детей, очень о них заботился»².

Безграничное гостеприимство, казалось, было у этой семьи в крови и передавалось из поколения в поколение. Мы можем лично засвидетельствовать удивительно гостеприимный и хлебосольный характер и нрав младшей дочери поэта Тамар Туманян³. Её гостеприимство просто не знало границ и представлялось нам невероятным⁴.

О застольях в доме Туманянов создавались и распространялись по всему Тифлису многочисленные легенды... Даже в суровые годы войны в день именин поэта в его дом в обязательном порядке приходили гости, которые считали чуть ли не своим гражданским долгом почтить дом Ту-

¹ Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., «Мугни», 2011, стр. 60.

² Там же.

³ Тамар Ованесовна (Тамара Ивановна) Туманян (10.05.1907, Тифлис - 19.09.1989, Ереван) – младшая дочь поэта, была директором музея Ованесса Туманяна (1966-1989). Заслуженный деятель культуры Армении. С именем Тамар Ованесовны ассоциируется "золотой век" музея Туманяна. С ее приходом в музей Туманяна изменилось многое. Стали периодически проводиться Туманяновские чтения, она принимала деятельное участие в строительстве нового корпуса музея, по ее проекту была создана красочная диорама Лорийского ущелья, с шумящим Дебедом и музыкальным сопровождением из оперы "Ануш". По выражению видного архитектора Варздата Арутюняна, музей Туманяна стал местом паломничества для всего армянского народа.

⁴ Тамар Оганесовна не только угощала всех проходящих в музей литературоведов и писателей, но и зарубежных гостей, а также многочисленных одарённых детей, переступавших порог музея. И если замечала, что кому-то из гостей особенно понравилось какое-то кушанье, то на свою маленькую советскую зарплату ежегодно отправляла ему посылки. Так, она ежегодно посылала десятки банок с ореховым вареньем персоналу теплохода «Туманян». Каждый год она покупала мешок детских игрушек, чтобы раздавать новогодние подарки проходящим в музей детям – от имени Деда Мороза.

манянов своим присутствием. Для многих из них было совершенно не важно, что их никто не приглашал. Гостиная в такие дни оказывала битком набитой гостями. Так, 14-го (27-го по н.с.) января 1917 г. за столом гостиной с расставленными двенадцатью стульями расселись шестьдесят пять человек, в том числе полководец Андраник, Забел Есаян, Ширванзаде, Ваан Терьян, Стефан Зорьян, Пахаре, Дереник Демирчян, Степан Лисициан и многие другие¹.

Несмотря на войну, жизнь продолжалась и оставалась жизнью, требовала своё. В своём доме дети видели, что многие даже в суровое военное время умели радоваться от души, расслабляться. Так, во время упоминавшегося застолья в январе 1917 г., в это исключительно трудное для армянского народа время, полководец Андраник лихо танцевал в доме Туманяна. Тот самый легендарный полководец, который наводил страх и ужас на вражеские войска. Напомним, что турки настолько боялись Андраника, что во время мирных переговоров в Батуми одним из выдвигаемых ими условий была отставка Андраника.

Туманян учил своих детей, в том числе и своим личным примером и поведением, радоваться жизни, быть жизнестойкими и жизнерадостными. Он учил их трудному искусству ощущать себя счастливыми, довольствоваться тем, что имеют. Поэт часто повторял слова Омара Хайама: «Представь, что ты уже умер, и пируй, живи для себя, наслаждайся текущим днём»².

В доме Туманяна провели многие дни как армянские, так и зарубежные деятели культуры, и они также своим личным примером и поведением учили детей поэта быть весёлыми и улыбчивыми, никогда не унывать. Заметим, кстати, что на упоминавшемся застолье 14-го января 1917 г. все 65 гостей поэта торжественно пообещали, что на следующий год в тот же день и в том же составе снова будут гостями в радушном домашнем очаге Туманяна. Чтобы придать своей «угрозе» более весомый и серьёзный вид, они попросили детей поэта принести бумагу и ручку и заверили «документ» своими подписями.

Огромную роль в жизни детей Туманяна сыграла также богатейшая по тем временам личная библиотека поэта. Приобретя за свою недолгую жизнь порядка десяти тысяч ценных книг (из своего отцовского дома поэт ушёл всего лишь с тремя книгами), Туманян превратил свой дом в настоящий университет для детей.

¹ См. Ирма Сафразбекян, Страницы жизни семьи Туманяна, стр. 32. См. также: Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 157.

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 83.

По определению Вардгеса Агароняна, «дом Ов. Туманяна был маленьким музеем и богатым хранилищем рукописей, матенадараном... У Туманяна были не только армянские переводы любимых произведений зарубежных писателей, но и подлинники. Рядом с Пушкиным и Толстым на русском языке были Шекспир и Лонгфелло на английском, Гёте и Гейне на немецком, Данте на итальянском и Сервантес на испанском»¹. Далее В. Агаронян отмечает: «Туманян любил книгу вообще... После его детей предметом его нежности и ласки была его библиотека»².

Один из товарищей поэта юношеских лет, Арсен Глджян, свидетельствует, что Туманян «много читал, всегда собирал книги, нередко затрачивая на их покупку стоимость проживания на целый день»³. Старшая дочь поэта Ашхен свидетельствует: «Как только получал деньги – 30, 50 или 100 рублей, шёл к книготорговцу, чтобы купить книги. Иногда покупал так много, что возвращался домой в карете, и мы были вынуждены собрать последние копейки в доме, чтобы заплатить вознице, тогда как дома не было обеда»⁴.

Библиотека Туманяна – большое собрание с любовью, с особой заботой приобретённых и подобранных книг по кавказоведению, арменоведению, искусствоведению, историографии, философии и другим областям науки на разных языках.

Библиотека поэта представляет большую библиографическую и культурную ценность с нескольких точек зрения. Сам выбор книг свидетельствует об особенностях вкуса и широте пристрастий и интересов Туманяна. Здесь можно найти исследования по истории древнего мира, антропологии, истории библейских пророчеств, книги, относящиеся к Откровению Иоанна⁵, книги по географии и геологии, книги о животных и растениях, о фауне и флоре, библиотечные серии научных изданий «Наука и жизнь», «Жизнь для всех», издававшиеся в Риге, Петербурге и других городах⁶, книги по кавказоведению⁷, по устному народному творчеству,

¹ В. Агаронян, Человек и поэт, Бостон, изд-во «Раздан», 1936, стр. 44.

² Там же, стр. 47.

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 278.

⁴ Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., «Мугни», 2011, стр. 60.

⁵ См. Мортилье Г., Мортилье А. Доисторическая жизнь: Происхождение и древность человека, Пер. с французского. СПб., 1903, 575 стр, Морозов Н. Пророки: «История возникновения библейских пророчеств, их литературное изложение и характеристика». (М., 1914, изд-во Сытина, 312 стр), того же автора «Откровение в грозе и буре: История возникновения Апокалипсиса» (СПб., изд-во Саблина, 1907. 322 стр).

⁶ См. Муратов П. «Образы Италии. М., 1911-1912), Мусин С. «Человек и земля», (Рига, Библиотечная серия «Наука и жизнь»), Муганская степь: «Природа и население», (Колл. Автор под общей ред. П.П. Архипова. Тифлис, 1912. Сохранился выпуск 3), «Животный мир Мугани», «Москва и ее жизнь» Сборник. Сост. Роман Кумов. СПб., Серия «Жизнь для всех», 1914. Среди авторов: Л. Толстой, И. Тургенев, А. Чехов, Ф. Достоевский, А. Пушкин, Н. Гоголь и др.

⁷ Муравьев Н.Н. Грузия и Армения. СПб., 1848. В трех томах, Муравьев Н.Н., Война за Кавказом в 1855 году. СПб., 1877.

филологии¹, книги, касающиеся взаимоотношений мужчины и женщины в культурной жизни эпохи², книги по этнографии, исследовательские работы, относящиеся к самым разным сферам мировой науки и цивилизации.

Книг на русском языке в библиотеке Туманяна было значительно больше, нежели на армянском. Библиограф Алвард Айрапетян во втором томе издания «Личная библиотека Ованеса Туманяна в Ереване» (Ер., 1989) описала более 5.200 книг на русском языке (3.700 наименований). Армянские книги составляют 2.400 единиц (2.042 наименования), а книги на иностранных языках – 529 единиц (430 наименований).

Из русских периодических изданий поэт выписывал журналы «Русское богатство», «Мир Божий», «Русская мысль», «Вестник Европы», «Былое»³.

Поэт разместил свои книги в двенадцати книжных шкафах⁴.

Более чем в 550-и книгах можно увидеть карандашные пометки, сделанные рукой Туманяна. По ним можно судить о пристрастиях и широте исследовательских интересов поэта. Поэта особенно интересовали кавказоведение, фольклор, история стран Востока, вопросы естествознания. Немало пометок поэта находим также в русскоязычных изданиях, таких как, скажем, «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» Л. Будакова, «Армянский вестник», «Записки Кавказского отдела Императорского географического общества», «Кавказский сборник», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» и др.

На письменном столе поэта часто можно было видеть сборник народных песен Гердера. Туманян всегда проявлял самый живой интерес к древнегреческой мифологии и литературе. Он часто вёл продолжительные беседы с детьми о классических произведениях мировой литературы. Из рассказов детей узнаём, что поэт сравнивал Прометея с грузинским мифическим героем Амирани и с армянскими героями Артаваздом и Мгером. С большим воодушевлением он читал для детей отрывки из «Илиады» Гомера, в котором повествуется о Терсите. С удовольствием читал рас-

¹ Музеус. Собрание немецких народных сказок. М., изд-во И.Сытина, 1906.

² Мужчина и женщина: Их взаимные отношения и положение, занимаемое ими в современной культурной жизни Коллектив авторов. СПб., Просвещение, 1911. В двух томах. Сохранился второй том.

³ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 62.

⁴ Каждый из книжных шкафов поэт отвёл для книг определённой направленности и тематики. В первом шкафу была сосредоточена литература о Востоке. Этот шкаф носил название «Илья Муромец», поскольку был куплен на гонорар от перевода этой былины. Второй шкаф поэт отвёл для фольклора, третий – для естественных наук, четвёртый – для истории России, пятый – для арменоведения, шестой – для общей истории, седьмой – для зарубежной литературы, восьмой – для русской художественной литературы, девятый – для кавказоведения, десятый – для армянской художественной литературы, одиннадцатый – для философии, педагогики и медицины и т.д., а двенадцатый шкаф – для искусствоведения и культурологии. И ещё один шкаф был выделен для словарей. Поэт покупал словари как европейских, так и восточных (персидского, арабского, санскрита) словарей.

сказы Чехова, в особенности «Лошадину фамелию», «Каштанку». Он очень любил юмор Марка Твена, шведскую писательницу Сельму Лагерлёф¹.

У Туманяна была привычка покупать понравившуюся ценную книгу в нескольких экземплярах, чтобы впоследствии кому-нибудь подарить. Часто он дарил даже книги, имевшиеся у него в единственном экземпляре.

В 1921 году Туманян купил у какого-то батумского школьного учителя книгу «Дело о дуэли Лермонтова», состоящую из 21-й страницы большого формата, и послал её в Москву А.Луначарскому. Поэт был уверен, что «работы, относящиеся к Лермонтову, должны концентрироваться в Москве»². В настоящее время эта книга хранится в Петербурге, в Институте русской литературы.

Поэт значительно чаще дарил свои детские книги, причём иногда раздавал все экземпляры до последнего, так что у него самого не оставалось ни одной книги. Когда в 1923 г. в Москве собирались издать его баллады «Капля мёда» и «Пёс и кот», вдруг неожиданно выяснилось, что в доме поэта нет ни одного экземпляра этих книг. Жена Туманяна Ольга рассказывала, как поэт каждое утро запихивал в «большие карманы» своего длиннополого пальто экземпляры только что вышедшей в свет книжки «Звуки гармонии» («Союзники») и раздавал на улицах всем своим встречным знакомым. «Вечером возвращался без книг... Спустя годы, увидев эту книгу у кого-то, забирал обратно, приносил, чтобы сохранить в библиотеке»³.

Дочь поэта Ашхен вспоминает: «Хотя он и был очень заботливым и щедрым, но, с другой стороны, был очень требователен. Подарил тебе книгу – храни её бережно»⁴.

На Новый год поэт имел привычку дарить детям самые лучшие издания мировой детской литературы. Эти свои подарки он вручал им утром 1-го января.

Несомненно, именно с этой привычкой дарить книги знакомым и незнакомым связана закрепившаяся в нашей сегодняшней действительности культурная традиция – День дарения книги, приуроченный ко дню рождения Ованеса Туманяна, 19-му февраля. Традиция эта представляет из себя совершенно уникальное и исключительное явление в мировом масштабе.

Туманян читал для детей не только детские или художественные книги, но и произведения познавательного, образовательного характера. В частности, он читал вслух отрывки из исторических произведений Лас-

¹ Сельма Оттилия Лувиса Лагерлёф (1858 – 1940) – шведская писательница, первая женщина, получившая Нобелевскую премию по литературе (1909).

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 239.

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 341.

⁴ Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., «Мугни», 2011, стр. 113.

тивертци¹, Гандзакеци² и Урхасци³, старался привить им стремление к самообразованию. Советовал им читать произведения крупных армянских и зарубежных писателей, скажем, «Путешествие в Центральную Азию» Н. Пржевальского, а также биографии гениальных людей. Предлагал, чтобы каждый из детей выбрал какого-нибудь автора, подготовил и читал на литературных вечерах; предлагал устраивать маленькие домашние спектакли. На одном из таких семейных литературных вечеров Арег выбрал жизнь и творчество П. Дуряна⁴, а Нвард – Дж. Байрона⁵.

Считаясь с советами и рекомендациями отца, дети Туманяна читали фундаментальное шеститомное исследование Альфреда Брема⁶ «Жизнь животных», книгу Мориса Метерлинка⁷ «Жизнь пчёл». Поэт также рекомендовал детям прочитать книги о великих художниках эпохи Возрождения.

Библия была настольной книгой Туманяна. Он «очень высоко оценивал её глубину и искусство»⁸. С удовольствием читал поэт и произведения известного армянского учёного-фольклориста Гарегина Срвандзтяна⁹.

¹ Аристакеc Ластивертци (до 1022 – между 1072–1087 гг.) – один из крупнейших армянских историков XI века. О нём известно только, что он родом из местечка Ластиверт (к северу от современного Эрзурума). Одной из основных работ Аристакеcа Ластивертци является «Повествование о бедствиях армянского народа», состоящее из 25 глав.

² Киракос Гандзакеци (1200 - 1271) - армянский историк, автор "Истории Армении". Первая ее часть охватывает период с начала IV века по 1197 год, во второй – изложение доведено до 1265 года. Более ценной является 2-я часть, основанная на устных свидетельствах современников и личных наблюдениях Киракоса Гандзакеци, долгое время бывшего в плену у монголов. В ней подробно описано нашествие хорезмского правителя Джалаладдина и особенно монголо-татарских орд. Сочинение Киракоса Гандзакеци – важнейший источник по истории монгольского владычества в Армении и сопредельных странах.

³ Маттеос Урхасци (Матфей Эдесский) (дата рождения неизв. – 1144) – армянский историк и хронист XII века родом из города Эдесса (Урха). Стиль повествования Матвея Эдесского отличается большой скрупулёзностью и внимательностью к деталям. Сочинения Матвея Эдесского – единственные сохранившиеся источники информации о церковных и светских событиях его родного региона в современную Матвею эпоху. Матвей был страстным армянским патриотом и в своих сочинениях воспевал героизм и оплакивал тяжёлую долю своего народа. Благодаря ему до наших дней дошли два важных документа того времени – письмо византийского императора Иоанна Цимисхия армянскому царю Ашоту III и запись речи, которую произнес в Софийском соборе в присутствии императора Константина X Дуки Гагик II, изгнанный армянский царь из династии Багратидов, касательно разногласий между константинопольской православной и армянской апостольской церквями.

⁴ Петрос Дурян (20.V.1852, Константинополь, – 21.I.1872, там же) – арм. поэт, драматург. Один из крупнейших армянских лириков.

⁵ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 158.

⁶ Альфред Эдмунд Брем (2 февраля 1829 года – 11 ноября 1884 года) – немецкий учёный-зоолог и путешественник, автор знаменитой научно-популярной работы «Жизнь животных».

⁷ Морис Полидор Мари Бернар Метерлинка (29 августа 1862, Гент – 6 мая 1949, Ницца) – бельгийский писатель, драматург и философ. Писал на французском языке. Лауреат Нобелевской премии по литературе за 1911 год.

⁸ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 67.

⁹ Гарегин Аветисович Срвандзтян (17.11.1840 – 15.11.1892) – выдающийся учёный-

Покупая книги для детей, поэт обращал внимание не только на их содержание, но и на внешнее полиграфическое оформление, на качество печати.

Ашхен Туманян вспоминает, что отец «всегда говорил, что ребёнку... в первую очередь... нужно давать читать хорошие, красивые книги, чтобы ребёнок не хотел с ними расставаться... Более всего он был строг в отношении книг, и в первую очередь – к себе самому, ставя цель писать для детей и содержательные и доступные произведения. Поэтому он всегда заранее проверял свои сочинения, читал их нам, выслушивал наше мнение, если что-то было непонятно – менял...»¹. «Когда мы были маленькие, - продолжает Ашхен, - отец покупал иллюстрированные сказки. Когда узнавал, что мы проходим таких-то авторов, сразу же покупал их книги, например, Пушкина, Толстого, Гончарова... Дома по вечерам для нас, старших, читал книги Раффи»².

Туманяну особенно нравились такие книги, в которых преобладал юмор. Он любил перечитывать произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Кольцова, Шекспира, Лонгфелло, Гёте, Гейне, исследовал былины, легенды, предания и сказки разных народов. Он отдавал предпочтение тем авторам, источником творчества которых был народ. Из литературы Востока предпочитал Фирдоуси, Хагани, Низами, Хайама, Гафиза, Саади, Руми. Сильное впечатление на поэта произвела книга В. Щеглова «Дуэль и смерть Пушкина»³.

Весной 1912 г., возвращаясь из Петербурга через Москву в Тифлис, Туманян привёз с собой пять ящиков с книгами⁴. Поэту понравились и Москва, и Петербург, однако больше всего в этих больших городах его привлекали букинистические магазины, и он мечтал снова вернуться туда, «главным образом, чтобы закупить книг»⁵. «Это стало для меня хорошим поводом, - говорил поэт перед возвращением на Кавказ, - я набрал у букинистов довольно хорошие книги, везу с собой»⁶.

«Хорошим поводом» для поэта были долгое, изнурительное путешествие в товарном вагоне из Тифлиса в Петербург, куда он отправлялся в качестве политического обвиняемого; судебный процесс по так называемому «Дашнакскому делу»; реальная угроза быть осуждённым на смертную казнь или пожизненную ссылку; длительное пребывание в тюремной камере и последовавшее оправдание.

филолог, этнограф, собиратель фольклора, общественный деятель.

¹ Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., «Мугни», 2011, стр. 113.

² Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., «Мугни», 2011, стр. 47-48.

³ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 150.

⁴ Большинство этих книг были сборники по фольклористике, которые охватывали также материалы по устному народному творчеству.

⁵ Там же, стр. 99.

⁶ Там же.

Находясь вдали от дома, поэт всегда обращался к родным с просьбой проявлять заботу о его библиотеке. Туманян был одним из тех редких писателей, для которых его домашняя библиотека была предметом и источником вдохновения. Отметим, кстати, что стихотворение, посвящённое своей библиотеке, поэт также написал в дни мировой войны, 20-го января 1917 г. Стихотворение «Моя библиотека» родилось не только из чувства поклонения книге, а из той тоски, которую поэт испытывал ввиду нехватки времени, ввиду невозможности предаваться чтению. Война заставляла забывать о книгах, отходить от них, что также причиняло большую боль поэту. Он так и не сдал это стихотворение в печать, потому что считал его выражением своей личной тоски по книгам, по чтению.

Каждый день они восседают вокруг меня,
Все великие гении мира,
Поют, рассказывают гармонично и глубоко
О смысле и таинстве смерти и жизни (1, 290).
(Пер. подстрочный)

Две последние строки стихотворения связывались с буднями поэта. Каждый день и каждый час к нему за помощью, «за хлебом и одеждой» обращались десятки и сотни бедствующих, нищенствующих просителей, в то время как его книги

Вот так, со мной, каждый день в моём доме,
Не просят у меня ни хлеба, ни одежд (1, 290).
(Пер. подстрочный)

Туманян передал своим детям это поклонение перед книгами и любовь к чтению, и впоследствии они с такой же особой любовью и заботой продолжали хранить личную библиотеку своего отца.

Поэту удалось вырастить и воспитать замечательных детей, честных и прямодушных, знающих цену искусства и науки, наделённых отменным художественным и эстетическим вкусом. Глубокое осознание значения книг, важности и незаменимости чтения и образования стало постоянным спутником и путеводной звездой для всех детей Туманяна. И как раз по этой причине, несмотря на продолжительные, можно даже сказать, постоянные материальные затруднения, дети поэта (и особенно это относится к сыновьям) сумели получить высшее образование в лучших университетах того времени: Артик и Арег – в Москве, Мушер – в Петербурге, Амлик – в Париже. Ашхен закончила, хотя и с некоторыми перерывами, высшие женские курсы в Тифлисе, Нвард стала выпускницей историографического факультета Закавказского университета, Арпеник окончила Тифлисский Политехнический институт. Высшее образование получили также самые младшие дочери поэта – Седа и Тамар, но уже в Ереване.

И только Ануш не успела получить высшего образования, она не окончила даже гимназию Гаянян и безвременно скончалась, когда ей не было и тридцати лет. Но она также была одарённой девушкой и выбрала искусство. Она написала два рассказа, посвящённые отцу («Цветок», «Что должно было быть, что случилось»). Уже в 22-летнем возрасте Ануш успела удивить и восхитить своего отца. В письмах от 25-го и 30-го сентября 1920 г., адресованных Ашхен, поэт пишет: «Правда, парни рассеялись и, наверно, так будет ещё долго, но Ануш и Нвард дома, и наш дом устойчив, потому что устойчива моя душа, каким бы волнениям она ни подвергалась. Хотя я и знал Ануш, однако, как выяснилось, плохо её знал. В этом году... три-четыре дня, почти непрерывно, мы беседовали с нею, и я обнаружил для себя новую, какую-то божественную Ануш.

Один раз она меня так удивила, столько в ней сердечности, столько привлекательности, столько мудрости и глубины; у неё такие широкие и свободные взгляды и, вместе с тем, в ней столько вкуса и нежности... что мне часто хочется только вспоминать и переживать эти часы, и я ощущаю полное счастье, думая, что это моя Ануш» (10, 356, 359).

Таким вот образом Туманян мог гордиться своими детьми и ощущать всю «полноту счастья» от одного их присутствия, и вкушать плоды своего воспитания. Поэт никогда не скрывал свою безграничную любовь к детям. В письмах, адресованных детям, читаем: «Даже самая незначительная неудача в вашей жизни очень сильно действует на меня...» (10, 361); «Если бы кто-нибудь любил меня так, как я вас люблю...» (10, 358); «Всё для вас, я хочу быть с вами, открыть своё сердце. Хотел бы видеть каждого из вас совершенным и хорошим. Это не только отцовское чувство, вместе с этим есть более глубокое, более сильное и нежное чувство, которое я подарил вам»¹.

В последние годы жизни, принёсшие ему много потерь и бедствий, поэт как-то особенно нуждался в душевном тепле и опоре. И этой опорой для него стали дети, все без исключения. 11 декабря 1919 г. уставший от всего на свете, душевно и физически надломленный поэт сказал: «Больше никого не хочу видеть, хочу быть только со своими детьми, только с самыми близкими людьми»². А 9 декабря 1921 г. поэт пишет Аветику Исаакяну: «Центром моего счастья стали мои дети, в особенности дочери» (10, 409). Своих дочерей поэт выделяет вовсе не по той причине, что любит их больше, чем сыновей, а потому, что в этот момент рядом с ним находились и окружали его своим вниманием и заботой именно дочери. Арег в то время работал в Ереване руководителем организационного и агитационного отделов Компартии Армении, Мушег был в Шулавере со своей новосозданной семьёй, Амлик поехал в Венецию, а оттуда в Париж, чтобы продолжить образование в университете Сорбонны. А дочери были

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 211.

² Там же, стр. 209.

всегда рядом с отцом, окружали его безграничной любовью, заботой и вниманием, всячески старались утешить отца после гибели Артика, смягчить его боль и тоску, залечить его больную душу. Когда сыновьям поэта доверяли различные должности, он считал своим долгом предупредить их о том, что власть «имеет опьяняющую силу». И это при том, что ему самому доводилось занимать десятки самых ответственных должностей. Сохранились следующие слова поэта, обращённые к Арегу: «Я верю, что ты будешь дальновидным и человечным. Власть ослепляет людей, если люди ещё меньше, чем их должность; власть опьяняет, если они ещё слабее, чем их должность. Я верю, что ты всегда будешь оставаться выше своей должности» (10, 385).

Эпоха преломилась и в судьбе семьи Ованеса Туманяна. Из всех своих детей Туманян увидел смерть только одного сына – Артавазда. Провидение, вероятно, пощадило поэта, и ранняя его смерть не позволила ему увидеть ни смерти 29-летней дочери Ануш от воспаления лёгких, ни гибели остальных троих своих сыновей в сталинских застенках. Мушег не выдержал суровых условий сибирских концлагерей и умер в возрасте 49 лет. Амлик дважды арестовывался по приказу Берии; в первый раз был арестован в 1935 году, но выпущен через шесть месяцев. Второй раз он был арестован в 1937 г., суд над ним проходил в Тбилиси. 10-го августа 1937 г. он был приговорён к высшей мере наказания – расстрелу. Был расстрелян тогда же. К моменту гибели ему было чуть больше сорока лет. А Арег в возрасте 37 лет был расстрелян 14-го июня 1938 г.¹

У Ованеса Туманяна было десять детей, он мечтал увидеть сто внуков, однако число его внуков – семь – не дошло даже до числа его детей. Носителем фамилии был только один внук – от сына Мушега – Виген Туманян, однако и он погиб в самые первые дни Великой Отечественной войны, в 1941 г., в возрасте 21 года. У Вигена была возможность избежать отправления на фронт. В списках призывников его фамилия не значилась. Кроме того, ему предлагалось на выбор продолжить образование в училище или остаться в запасном полку. Однако он добровольно выбрал фронт, выбрал смерть, чтобы доказать, что он не является сыном врага народа².

Таким образом, судьба семьи Ованеса Туманяна даже после смерти поэта продолжала оставаться символом судьбы армянского народа. Это семья, история которой стала миниатюрным макетом истории всей нации в то жестокое время. Это семья, которую не обошло ни одно бедствие, обрушившееся на армянский народ: ни 1915 год, ни 1918 год, ни гражданская война 1921 года, ни сталинская мясорубка 1937 года.

¹ Ирма Сафразбекян, Страницы жизни семьи Туманяна, Ер., «Эдит Принт», 2009, стр. 118-247.

² Там же, стр. 164-165.

В ДАЧНОЙ МЕСТНОСТИ ЦАГВЕР

«Моя душа устойчива, каким бы волнениям она ни подвергалась».

Ов. Туманян

В середине июня 1914 г. Туманян с несколькими своими детьми находился на отдыхе и лечении в дачном посёлке Цагвер (Дзагвер). Вместе с ними был также Левон Шант, и поэту предстояло не только заботиться о детях, но и работать вместе со своим товарищем и соавтором над составлением учебника «Лусабер». 2-го июля Нвард пишет письмо брату Артику и сообщает: «15-го июля отец вместе с Шантом отправился на улицу Шоссейная Цагвера...»¹.

На даче поэт обучал Нвард древнеармянскому языку грабару, и эти уроки представлялись девушке «вдохновенными часами»². Поэт читал для дочери отрывки из армянских историков пятого века, преимущественно из Мовсеса Хоренаци, однако с ещё большим воодушевлением и волнением читал Нарекаци. Нвард Туманян вспоминает: «Как он читал, как любил и как переживал!.. Во время чтения лицо его просветлялось. Затем начинал говорить о Нарекаци»³. Однако вскоре уроки грабара прекратились: пришло известие о начавшейся войне.

Весть о том, что началась война, Туманян встретил без паники, относительно спокойно. В обстановке всеобщего страха и беспокойства он в эти дни пишет Степану Лисициану: «Часть дачников уехала из страха, есть и другие уезжающие. Вот в эти самые минуты наши соседи складывают вещи, чтобы отправиться в путь... Каждый день здесь создаются такие новые настроения и приходят такие новости – одна волнительнее другой, что иногда люди по ночам не могут спать» (10, 209)⁴.

В сложившейся взрывоопасной ситуации самым главным делом для поэта становится безопасность семьи. Когда Ст. Лисициан предлагает Туманяну приехать на два дня в Тифлис, чтобы вместе поработать над

¹ Переписка семьи Туманяна, стр. 61 (на арм. яз.).

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 115.

³ Там же.

⁴ В 10 томе ПСС Туманяна это письмо датировано второй половиной июля 1914 г. Однако при его сопоставлении с письмом Ольги Туманян дочери Ашхен, написанном 28-го июля, мы с большой уверенностью можем утверждать, что рассматриваемое письмо также написано 28-го июля 1914 г. В обоих письмах говорится о том, что их соседи собираются уехать. Ольга Туманян пишет: «О нашем отъезде – мы пока остаёмся. Хотя многие уже разъехались, а сегодня наши соседи-русские уехали в Баку». См. Переписка семьи Туманяна, стр. 61 (на арм. яз.). По-видимому, в этот день кто-то из отдыхающих собирался поехать в Тифлис, и Туманян с супругой решили использовать это обстоятельство и написали по письму, чтобы отправить их с нарочными.

составлением учебника «Лусабер»¹, поэт отказывается от этого предложения. И это вполне понятно и объяснимо: поэт не мог оставить семью в такой напряжённой и неопределённой ситуации. Он пишет: «Как неопределённое положение, так и страх перед опасностью и здешняя чрезвычайно шаткая ситуация и одиночество наших делают мой приезд совершенно невозможным... В этом проклятом месте к тому же нет ни полиции, ни стражников. Но что поделаешь, если место хорошее: человеку не хочется лишать детей этого места» (10, 209).

Туманян вместе со своей семьёй остался почти в одиночестве в дачном посёлке: все отдыхающие в первую же неделю августа разъехались по домам. А поэт продолжал заботиться об отдыхе детей. Вывозил детей из Цагвера, отвозил в Бакуриани и в тот же день возвращался, либо водил детей к местной достопримечательности – «Новому роднику», который находился посреди леса, на довольно большом расстоянии от их дома. Кроме того, поэт каждый день сопровождал детей, чтобы они «поиграли в крокет или в лото»².

Поэт всегда покупал для детей много самых разных фруктов, которые, к тому же, в связи с отъездом большинства отдыхающих очень подешевели. Ольга Туманян по этому поводу заметила: «Они едят фруктов больше, чем пьют воды»³.

В условиях начавшейся из-за войны всеобщей паники и суматохи Туманян очень беспокоился о своих родственниках и друзьях, находившихся в разных местах. Близкие товарищи поэта Никол Агбальян, Дереник Демирчян и Филипп (Пилипос Вартазарян) находились в Дилижане (10, 205, 206). 18-го июля Левон Шант сообщил, что ему необходимо срочно уехать за границу и он беспокоится, что дороги будут закрыты. Туманян по этому поводу делится своим беспокойством со Ст.Лисицианом: «Но не знаю, удалось ли Левону уехать или нет... Сумеет ли он добраться без проблем, или по дороге столкнётся с тысячей проблем и лишений» (10, 210).

Оживление культурной жизни, связанное с летними каникулами и отпусками, стало сходить на нет. Литературные контакты значительно сократились.

С первых же дней войны личная, семейная жизнь Ованеса Туманяна превратилась в самый настоящий хаос. Его родным и, в особенности, сыновьям и братьям угрожала смертельная опасность. Сам поэт характе-

¹ Туманян в свою очередь предложил Лисициану приехать в Цагвер для совместной работы над учебником, однако Лисициан вначале сообщает о своих затруднениях, а позднее, в первых числах августа, присоединяется к Туманяну, и они совместными усилиями доводят дело составления учебника «Лусабер» до завершения (10, 210).

² Переписка семьи Туманяна, стр. 61 (на арм. яз.).

³ Там же, стр. 62.

ризует своё семейное положение следующим образом: «Маленький переполох среди всемирного переполоха» (10, 214).

В письме другу Филиппу от 18-го августа 1914 г. поэт сообщает причины своего преждевременного возвращения в Тифлис. Среди этих причин – близкие роды Ашхен, необходимость перевести Амлика из Нерсисянской гимназии в гимназию Геворгян, наведение справок о судьбе Мушега, который в то время находился в Германии, беспокойство и забота о семьях ушедших на фронт братьев и о об отцовском доме в Дсехе (10, 214).

В очередной раз, как обычно, поэту не удаётся обрести хотя бы немного покоя и стабильности, размеренности в своей жизни, но он не любил жаловаться и сетовать на трудности, на превратности судьбы. В уже упоминавшемся письме Филиппу он пишет: «Цагвер был хорошим местом, однако оказалось невозможным воспользоваться им как следует. Я остался ровно месяц, и на здоровье отразилось очень хорошо» (10, 214). Вероятно, как это уже отмечалось, одной из важных причин того, что Туманян стоически и безропотно переносил все лишения и трудности жизни, являлось то, что он практически ежедневно сталкивался с десятками и сотнями самых разнохарактерных просьб о помощи, с бесчисленными письмами и заявлениями просителей.

Летом 1914 г. старшая дочь поэта Ашхен ожидала своего первенца. Поэт вернулся в Тифлис 14-го августа, за неделю до того, когда должен был родиться его первый внук – Овик (Ованес).

Ещё находясь в Цагвере, поэт в письме к Ашхен посоветовал дочери устроиться поближе к отцовскому дому, чтобы легче было общаться и помогать ей по уходу за ребёнком. Ашхен прислушалась к совету отца, об этом мы узнаём из её воспоминаний: «Снова поменяли квартиру, устроились рядом с нашими. Квартира была большая, солнечная и хорошая. Из больницы приехали прямо в новую квартиру»¹.

После возвращения из Цагвера радость ожидания рождения внука омрачалась тем, что поэт находился в крайне тяжёлом материальном положении. Он был вынужден обратиться за помощью к Филиппу (10, 218).

Внук поэта Ованес родился 22-го августа 1914 г. Разумеется, для Туманяна рождение первого внука было большим событием. Самого поэта называли Ованесом в честь его деда – Ованёса Овакимовича Туманяна (Ованес-ага)², теперь в честь поэта его именем называли внука.

¹ Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., “Мугни”, 2011, стр. 83.

² Ованес Овакимович Туманян (1795 - 1868) – дед поэта. Во время русско-персидской войны 1826-1828 гг. служил в русской армии в качестве переводчика персидского языка. Отличился своими боевыми подвигами в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. и в Крымской войне 1853-1856 гг. Сражался против турок за освобождение Ахалциха, Ахалкалака, Кюрукдара (1853 г.). За проявленную отвагу в этих сражениях был произведён в офицеры, награждён медалями. Его стараниями в Лори были построены дороги. Поль-

Маленького Ованеса крестили 13-го октября, в воскресный день. Крёстным отцом стал член Государственной Думы М. Аджемян.

Действительность была такова, что Ов. Туманян, взваливший на свои плечи всю тяжесть общественных дел, занимавшийся решением сотен и тысяч неотложных вопросов общенациональной значимости, предпринимавший неимоверные усилия для того, чтобы повсюду успеть и всё сделать, далеко не всегда успевал своевременно позаботиться о нуждах своей семьи, своих родных детей, не успевал решать проблемы, перед которыми они оказывались. Поэт при всей своей неуёмности, активности и энергичности не был сверхчеловеком и не мог везде и всюду действовать с одинаковой силой и отдачей, и по этой причине нередко страдала его семья. Конечно, он предпринимал все необходимые действия и прилагал все свои усилия, чтобы помочь сыновьям, находившимся в разных далёких городах, доставал и посылал деньги сыну Артавазду, стучался в разные двери, чтобы узнать, всё ли в порядке с находившимся в Германии Мушегом, обращался к дирекции гимназии Геворгян, чтобы Амлик мог продолжить своё образование, но, тем не менее, не успевал, не мог сделать для семьи и для родных хотя бы малую толику того, что было в пределах его возможностей. Груз национальных и общественных забот не давал ему ни малейшей передышки, отнимал всё его время и энергию, жизненные ресурсы, да и он сам по складу своего характера отдавал приоритет общественно значимым делам, откладывая личные проблемы и заботы. Но иногда такой подход приводил к неутешительным и даже необратимым последствиям для его родных и близких. Вот почему он нередко ощущал угрызения совести и обвинял себя.

«ОСТАНЕМСЯ ДО КОНЦА». МУШЕГ ТУМАНЯН

Больше всего в это время Ованеса Туманяна беспокоила судьба 25-летнего старшего сына Мушега, который находился в Европе, в Германии.

Когда началась мировая война, Туманян не располагал никакими известиями о Мушеге, который учился в Петербургском университете. Накануне войны Мушег отправился в Германию, в город Лейпциг. Из-за начавшейся войны связь с Мушегом прервалась, и от него не было никаких сведений. В последний раз Туманян послал сыну деньги в Лейпциг в июне месяце. Многие, в том числе и сам поэт, не без оснований полагали, что Мушег оказался в плену.

Чтобы заполучить хоть какие-то сведения о сыне, Туманян обра-

зовался большим авторитетом у окружающих. Вардан Одзнецци охарактеризовал Ованеса-агу как высокорослого, выносливого, отважного и «по-видимому, потомка армянских нахараров». См. Матенадаран им. М.Маштоца, N8822, л. 64. Другие подробности о жизни Ованеса-аги можно узнать из монографии Арама Инджикяна «Ованес Туманян. История жизни и творчества, 1869-1899», Ер., 1969, изд-во АН Арм. ССР, стр. 38-42 (на арм. яз.).

тился к помощи посла Испании. Об этом мы узнаём из письма поэта сыну Артавазду, в котором он выражает своё беспокойство и озабоченность. «И от Мушега до сих пор не имеем известий. Несомненно немцы держат его в плену. Посмотрим, какую весть получим с помощью испанского посла» (10, 213). Затем с помощью Артавазда, который в то время учился в Москве, поэт даёт объявление в газете «Русские Ведомости». И только в конце августа он узнаёт, что Мушег находится в Лейпциге и что с ним всё в порядке.

Без малого целый месяц поэт страдал и мучился от неопределённости и неизвестности, будучи уверенным, что сын находится в немецком плену. Первое известие о том, что Мушег жив и здоров, поступило в К.Полис 9-го августа, когда туда дошло открытое письмо из Лейпцига, в котором сообщались сведения о студентах, поехавших в Германию из России. Затем 5-го сентября эта информация находит подтверждение в корреспонденции Галуста Искендеряна «Наши студенты в Германии», опубликованной в газете «Оризон»¹. В корреспонденции отмечалось, что Мушег Туманян вместе с Артаком Шириняном и другими армянскими студентами находится в безопасном месте. «Алиханян Ашот, Гевонджян Еновк, Туманян Мушег, Ширинян Аршак, Кафьян Александр с женой – все находятся в Лейпциге живые и здоровые и надеются при первой же возможности вернуться на родину. Пока ещё мы вынуждены ждать»². Вскоре Мушегу удаётся освободиться и вернуться в Петербург для продолжения образования.

Туманян очень беспокоился по поводу судеб Александра Хатисяна и его жены Ксении, поскольку в городе распространились слухи, что они также находятся в плену (10, 212). Супруги Хатисяны остались за рубежом из-за начавшейся войны. Однако всё обошлось для них благополучно, и они 16-го августа вернулись в Тифлис. Встретившись с Туманяном, Хатисян рассказал обо всём, что им пришлось пережить. За границей им «доставили много хлопот» (10, 215).

Мушег Туманян прервал своё образование в Петербурге, оставил его незавершённым и отправился на Кавказский фронт, стал воевать во Второй армянской добровольческой войсковой части.

Обратимся к некоторым из писем Мушега, написанных из Западной Армении, которые свидетельствуют о патриотизме армянского студента, о его озабоченности судьбой своей родины, о его готовности перенести любые трудности и лишения на фронте. Вместе с тем эти письма являются документами, повествующими о буднях Первой мировой войны, о Геноциде армян в Османской Турции. Эти письма ещё раз свидетельствуют о предвзятом, необъективном отношении ряда генералов русской армии по отношению к армянам, подтверждая впечатления Туманяна, полученные

¹ «Оризон», 1914, N195, 5-го сентября.

² Там же.

во время его поездок в зону боевых действий. Сын шёл по тем же самым дорогам, по которым не так давно проходил его отец, и полностью разделял его беспокойство, связанное как с кажущейся на первых порах непонятной царской самодержавной политикой, так и с последствиями объединённой кровавой и варварской деятельностью турецких и курдских военных формирований и разбойничьих групп.

Чарующая красота исторической родины в восприятии Мушега обладала великой притягательной силой. Даже разорённая, превращённая в руины Западная Армения вызывает у молодого Мушега желание обосноваться там. 1-го января 1915 г. по дороге Ереван-Игдыр Мушег Туманян, служивший вместе с сыном Степана Лисициана Левоном, пишет в письме к семье: «Надеемся, что не станем убегать вместе с другими студентами, останемся до конца... большая часть моих друзей жалуется на здоровье, один кашляет, другой дрожит от озноба... всё время сетуют, что очень тяжёлые условия... сейчас не время для этого... скажите бабушке, пусть не беспокоится. Построю в Диадине хороший дом, раскину хороший сад, обзаведусь хозяйством»¹.

И в Игдыре, и в других местах Мушег занимался решением проблем и обустройством армянских беженцев и сирот, принимал их, обеспечивал временным жильём и отправлял в Восточную Армению. Он был одним из первых, кто забил тревогу по поводу новой серьёзной опасности, угрожавшей армянским осиротевшим детям.

Многие из русских офицеров и казаков стали распоразаться судьбами детей на свой лад. Они решили взять в свои руки дело дальнейшего обустройства армянских сирот и стали переправлять их в Россию. Детям, лишившимся родителей, родных и родины, теперь предстояло потерять ещё и свою национальность. Прекрасно владея русским языком, Мушег обращался во все инстанции, к военному руководству, упрашивал офицеров не лишать детей возможности отправиться в Армению и жить со своими соотечественниками, однако его просьбы чаще всего встречали непонимание.

Первого февраля Мушег узнаёт, что что русские офицеры «распределили детей между собой. Одного взял какой-то подполковник, а остальных – казаки, которые усыновляют детей, русифицируют – одним словом, превращают в свою собственность. Обращаемся – не отдают, говорят – мы их спасли от смерти, теперь они наши; и кто его знает, в какой угол теперь их отправят – Урал, Сибирь, Северный Кавказ»².

И Мушег в лице своей сестры Нвард обращается за помощью ко всем армянским барышням и сёстрам милосердия. Предлагает сестре временно оставить заботу о раненых солдатах и армянских добровольцах в

¹ Переписка семьи Туманяна, стр. 64 (на арм. яз.).

² Там же, стр. 65.

Тифлисе, поскольку «о войнах и без того есть кому подумать»¹, и прийти на помощь западноармянскому населению, о котором никто не заботится. «Ими пренебрегают, оставляют голодными и в бедствии. Сёла разрушены, мужчины перебиты, женщины и девушки пленены и изнасилованы, остались только старики и дети, и из всего получается, что армянский народ предстаёт перед следующим жертвоприношением, перед следующим грабежом, перед расхищением детей...»².

Ещё не успев прийти в себя после увиденных и пережитых ужасов и бедствий, озабоченный судьбой своей родины и народа, Мушег пишет родным из Игдыра: «Вопрос народа настолько важен и неотложен, имеет настолько жизненно важное значение для нас, что даже не знаю, что сказать, что-нибудь сделайте для них, придумайте что-нибудь».

Всё, что мы здесь слышим и видим до сих пор, намного хуже того, что можно вообразить и увидеть; с четырёх сторон зажиточные деревни, населённые вооружёнными курдами, которые свободно и нагло бродят по этим местам, а рядом с ними – брошенные и пустынные армянские сёла, и не видно ни одного человека, никто не осмеливается подойти к своему дому, к своему месту, в то время как курды свободно входят во все дома, грабят дома наших армян и смеются над нами»³.

Затем Мушег продолжает выполнять свою работу в Диадине. 12-го февраля 1915 г. он обособляет из числа 80-и беженцев больных и обеспечивает их уходом и заботой. На него производит очень сильное, тягостное впечатление захоронение годовалого осиротевшего ребёнка, но, с другой стороны, он гордится тем, что «в эти дни наши перебили достаточно много турок и захватили две пушки»⁴. Эти пушки захватили при освобождении местности Глыч-Гядукн, и Мушег стал очевидцем того, как взяли в плен 14-15 турок.

Прежде чем предпринять своё второе путешествие в Западную Армению и отправиться в Ван и Васпуракан, Туманян самым подробным образом изучил ситуацию на Кавказском фронте, и в особенности – в тылу. Ситуация эта мало изменилась после первого путешествия поэта. Об этом периодически рассказывал отцу в своих письмах служивший в тех местах Мушег, по заверению которого вследствие продвижения вперёд русской армии турецкие военные части бежали, не оказывая никакого сопротивления. Мушег сообщал также о случаях, когда русские воинские подразделения убивали армянское население – якобы по недоразумению. Мушег, который был воспитан на русской культуре и несколько лет проучился в России, который с большой любовью и уважением относился к русскому народу и вообще ко всему русскому, даже краешком мысли не мог допустить, что эти погромы и убийства могли бы быть и по злому

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, стр. 65-66.

⁴ Там же, стр. 66.

умыслу, являясь осуществлением продуманной в верхах политической программы «Армения без армян». А выражение «по недоразумению» могло быть отличным, всегда срабатывающим и беспроигрышным прикрытием своих действий.

«Из всего получается, - пишет Мушег семье 13-го мая 1915 г., - что враг обращается в бегство до Маназкерта, Понта и Коба, русские войска идут вперёд – без войны, без применения оружия и пушек... На этот раз русские солдаты и казаки обошлись с курдами очень сурово, перебили беспощадным образом, но следует добавить также, что среди жертв было также много армян, которые внешне мало отличаются от курдов, и русские не знают как курдов, так и армян, каждого встречного принимают за курда и убивают.

А обратившиеся в бегство курды поспешили заранее проявить свой нрав»¹.

Таким образом, сын поэта рисует вполне реальную картину событий, происходивших в Западной Армении и на Кавказском фронте, не забывая, конечно, рассказать и об антиармянских действиях генерала Абациева, неприкрытая армянофобия которого достигла таких масштабов, что перевешивала собой любые отдельные попытки русских военных оказать помощь армянскому населению. В уже приводившемся письме Мушега поэт прочитал и следующие строки: «Всех мужчин (в Понте) связывали вместе по 30-40 человек и стреляли по очереди. Из этих несчастных жертв освободились только 4 человека, двое ранены в руку, один – в голову и другой – в живот, которым первую помощь оказал какой-то русский военный врач и отправил к нам.

Подробности рассказали они сами...

Но рассказанное ими – это ещё куда ни шло. Приходят новые беженцы, с новыми ранами и жалобами... Они – из беженцев Маназкерта и Коба или Алашкерта, которые были пленными у курдов.

Они рассказывали, что русский генерал Абациев очень плохо обращался с армянами... Одним словом, храбрая армия занята своим великим делом, армянам не дают никакой возможности и средства отойти в сторону, тогда как курды свободно, с оружием в руках, бродят по горам и долинам, а черкесы и осетины, которые во время прошлой войны переселились сюда и теперь их добровольческие полки сражаются против русских войск, сейчас выражают свою преданность генералу Абациеву. ...

На днях с войны пришёл какой-то беженец (наш старый знакомый). Он и несколько его друзей организовали добровольческую группу из 70 человек, вступили в схватку с курдами, отняли у них оружие, раздали народу, и на протяжении целого дня продолжалась борьба и преследовали врага, подоспело русское войско, помогло прогнать врага, ...но на следующий день по приказу Абациева всех армян разоружили, и когда наши

¹ Там же, стр. 69.

предложили свою помощь, им ответили: мы не нуждаемся в вашей помощи»¹.

Местное армянское население выражает в письме своё недовольство противоправными действиями, поведением и отношением русских войск и просит помощи. Мушег относит это письмо 14-го или 15-го мая 1915 г. в Эчмиадзин и передаёт католикосу. Это письмо, по словам Мушега, «на всех нас произвело очень тяжёлое впечатление»². Сразу же после доставки письма по назначению Мушег намеревался вернуться в Игдыр и отправиться «в Караклис, Маназкерт, Коп... Муш... и, возможно, в Ван»³. Однако в августе он всё ещё оставался в Диадине, и скорее всего – из-за запрета русского военного начальства.

Кроме Диадина, Мушег Туманян в Западной Армении с самыми разными поручениями побывал также в Ване, Копе, Муше. Год спустя он вернулся в Петербург и продолжил своё образование, окончил университет. В Петербурге Мушегом увлеклась его будущая супруга, полька Мария Сокальская (Маруся Архилевна). Внучка Ов. Туманяна Ирма Сафразбекян опубликовала её признание, сделанное в возрасте 87 лет. «Почему именно я его полюбила? В нём было то, что можно было назвать высокой человечностью. Это была, в первую очередь, любовь к родному народу, в ущерб собственному благополучию; стремление самоотверженно служить ему. Это было уважение к Армении, к её простым людям, которые на одной горсточке земли создавали великие произведения искусства»⁴.

Впоследствии Мушег закончил также снайперское училище и с августа 1917 г. продолжил свою воинскую службу в Александрополе. В 1918 г. турки окружили Александрополь, и Мушег вместе с женой отступил из города.

В 1919 г. он уже служил в Карсе.

АМЛИК ТУМАНЯН

*«Перед этим морем горя
человек забывает о себе».*

Ованес Туманян

Ованес Туманян почти не находил времени, чтобы заниматься решением проблем своей большой, многодетной семьи. И дело было вовсе не в том, что поэт забывал о своих нерешённых семейных проблемах и заботах, а в том, что этих проблем и забот было слишком много и они со дня на

¹ Там же, стр. 69-70.

² Там же, стр. 70.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 127.

день увеличивались. У поэта было десять детей, четыре сына (с небольшой оговоркой для младшего) были призывного возраста; братья поэта также были в армии, и ему приходилось считаться с тем, что их семьи и его мать в отцовском доме в Дсехе остались фактически без кормильцев.

Печальное признание Туманяна: «Перед этим морем горя человек забывает о себе» (10, 228), сделанное им в 1915 г., было связано с тем, что поэт не заплатил своевременно взнос за обучение Амлика, и вследствие этого не только образование, но и жизнь его сына оказались в опасности.

К тому времени Амлику ещё не было 18 лет (он родился 23-го августа 1896 г.), и он выразил желание перевестись из шестого класса Нерсисянской гимназии в Эчмиадзинскую духовную семинарию Геворгян. 5-го июня 1914 г. он обратился к педагогическому совету семинарии Геворгян с просьбой принять его в шестой или седьмой класс (10, 584). В свою очередь Туманян 10-го июня обратился к инспектору семинарии епископу Баграту Вардазаряну с просьбой уважить просьбу его сына. Однако через несколько дней, 11-го или 12-го июня, епископ отказывает Амлику в его просьбе, наложив на его заявление резолюцию: «Нет места и приёма» (10, 584).

Туманян не смог примириться с этим отказом. Он уже намеревался достать деньги для оплаты обучения в каком-нибудь банке; кроме того, ему предстояло заблаговременно обратиться к помощи специалистов-репетиторов, чтобы они позанимались с сыном и подготовили его к ожидаемому вступительному экзамену; затем ему следовало заняться отправкой соответствующих документов Амлика в Эчмиадзин.

Поэт попросил Погоса Макинцяна позаниматься с Амликом.

4-го сентября 1914 г. Туманян снова послал в Эчмиадзин телеграмму, обратился к Баграту Вардазаряну с той же просьбой и одновременно поинтересовался, дошли ли до него посланные документы, и спросил: «Принят ли мой сын?» (10, 215). На этот раз поэту ответил новый инспектор семинарии Ст. Малхасянц¹, заменивший на этой должности Вардазаряна. Ответ снова был отрицательный и с той же мотивацией: «Приёма нет»².

Туманян в это время и без того находился в предельно обеспокоенном и встревоженном душевном состоянии: от сына Мушега всё еще не было никаких известий, Артавазд в Москве не сумел преодолеть большой конкурс на приёмных экзаменах в институте художеств (из 400 абитуриентов поступили только 30), а теперь ещё отказывали Амлику. Сделать что-

¹ Степан Саркисович Малхасянц (7 ноября 1857 – 21 июля 1947) – академик Академии наук Армянской ССР, выдающийся филолог, лингвист и лексикограф, автор трудов по классическому армянскому языку, автор Толкового словаря армянского языка, толкователь и переводчик произведений древнеармянских авторов на современный армянский язык.

² Национальный архив Армении, ф. 312, п. 24, д. 21, л. 22. Фотокопия документа хранится в Музее Ов. Туманяна, Отдел документов, л. 330.

либо в Германии или Москве он не мог, поэтому пытался хотя бы найти общий язык с руководством семинарии Эчмиадзина. Война к тому времени только началась и была на самой ранней своей стадии. Туманян тогда ещё искренне надеялся, что она скоро закончится победой России, поэтому вполне естественно, что он не хотел, чтобы 18-летний сын прервал своё образование и был призван в царскую армию в качестве простого солдата, которого вполне могли бы послать не на Кавказский фронт, а на далёкий германский. А если бы Амлик по какой-либо причине выбыл из семинарии, его сразу же призвали бы в армию и послали на войну.

Как отец он чувствовал также угрызения совести из-за того, что физически не успевает в необходимой мере уделять достаточно времени и внимания решению семейных проблем. По этой причине 19-го сентября 1914 г. он попросил инспектора семинарии Ст. Малхасянца принять к сведению, что его сын окончил 6-й класс («имеет свидетельство») Нерсисянской школы в Тифлисе, но при этом не просится в 7-й класс семинарии, следовательно, нет необходимости в приённом экзамене. Одновременно поэт просит: «То, что говорится в поговорке, мол, плачущий о других слепнет, когда очередь доходит до него, обрушилось на мою голову. Целые дни напролёт занимаюсь делами разных обществ, на этом и на том собрании, помогаю тому или другому найти работу – своих детей оставил почти без присмотра, и в этом году сразу несколько из них потерпели неудачу из-за моей беззаботности и своей беспризорности.

Теперь я прошу устроить у вас моего сына» (10, 217).

Туманян был несправедлив к себе, поскольку он вовсе не был беззаботным, а дети – беспризорными. А в неудачах, постигших некоторых его детей, его никак нельзя было считать виновным, потому что он неоднократно обращался куда следует и к кому следует, хотя и нужно при этом отметить, что он никогда не пытался добиться каких-либо льгот и скидок в оплате за обучение своих детей. С этой целью он никогда и никуда не обращался.

В конце концов Амлик Туманян был принят в семинарию Геворгян, однако на платных условиях. Самому известному, самому национальному и народному армянскому поэту не делают никаких уступок.

25-го октября 1914 г. Ст. Малхасянц информирует поэта, что несмотря на то, что Амлик в сентябре успешно сдал вступительные экзамены, по личному распоряжению Католикоса Всех Армян Геворга V он принят в пятый класс семинарии на платных условиях, в качестве «оплачиваемого питомца», при условии внесения ежегодного взноса в размере 200 рублей¹. Первую половину взноса – 100 рублей – необходимо было заплатить в первых числах сентября 1914 г., а вторую половину – в январе

¹ См. письмо Ст. Малхасянца от 25-го октября 1914 г. МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1630 (1124).

1915 г. В упоминавшемся официальном письме Степана Малхасянца от 25-го октября 1914 г. за выходным номером 693 читаем:

«Глубокоуважаемый Ованес Туманян,

Наше правление просит прислать первую часть взноса нынешнего года – сто рублей»¹.

Однако поэт не успел внести плату за обучение, потому что он в ноябре-декабре 1914 г. по распоряжению Армянского национального бюро и католика Геворга V находился в Западной Армении – на Кавказском фронте. Из-за неуплаты взноса за обучение Амлика Туманяна исключают из духовной семинарии. 25-го июля 1915 г. Туманян телеграфирует Гарегину Овсепяну с просьбой уладить этот вопрос, однако телеграмма не доходит до адресата, потому что Г. Овсепяна в тот момент не было в Эчмиадзине².

Жена поэта Ольга Туманян находилась в отчаянном положении. Нелегко было быть матерью десяти детей и иметь такого мужа, который превратил их дом в гостиницу для знакомых и незнакомых людей, деятелей культуры и крестьян. Напомним, что квартира поэта являлась канцелярией для самых разных общественных организаций и там проводились заседания правлений этих обществ. Ольга молчаливо выносила всё это и преодолевала трудности и препятствия, создаваемые на каждом шагу её мужем. Историк Лео то ли в шутку, то ли всерьёз называл Ольгу «жертвой», а Туманяна – «семейным бедствием»³. Сам поэт был признателен жене за её безропотность и молчаливое долготерпение и в последние дни своей жизни признался детям: «Свою зарплату и пенсию раздавал направо и налево, занимался делами разных людей, превратил вашу мать в кухарку, а вас сделал служителями народа»⁴.

Католикос Всех Армян Хримян Айрик, который был хорошо знаком с характером Туманяна, по какому-то поводу – и опять же, то ли в шутку, то ли всерьёз – сказал Ольге: «Давать развод – дело не из лёгких, мы очень трудно его даём, но если ты захочешь, тебе дадим. Содержать поэта – трудное дело. Десять детей – одна забота, а поэт – другая, но содержать поэта ещё труднее»⁵. Дереник Демирчян, поднимая тост за Ольгу, говорил: «За твоё терпение», а когда пил за здоровье Туманяна, повторял: «Оля, за твоего одиннадцатого ребёнка»⁶.

Но всякому терпению когда-нибудь приходит конец. Переполнилась до самого края и чаша терпения Ольги. И в одном из своих писем мужу она выплескивает накопившуюся обиду, жалуется и сетует: «Оставил своих детей беспризорными, содержишь чужих детей: этим по четыре-

¹ Там же.

² Национальный архив Армении, ф. 312, п. 24, стр. 14.

³ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 56.

⁴ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 306-307.

⁵ Там же, стр. 175.

⁶ Там же, стр. 121.

пять лет, а твоим – 18-19. Когда кто-то из знакомых узнаёт об этом, смеётся надо мной, мол, как это вы довели дело до этого и из-за какого-то пустяка теряете своего сына»¹. Можно не сомневаться, что речь в этом письме идёт о судьбе Амлика, который из-за неуплаты взноса за обучение был отчислен из духовной семинарии Геворгян.

Кроткий, покладистый, терпеливый и безропотный характер Ольги Туманян и привычка поэта добродушно отшучиваться в ответ на её «тихие протесты» стали легендой, вошли в воспоминания многих современников поэта, пересказываются из поколения в поколение. Дошли они и до Вильяма Сарояна². Ваагн Давтян³ рассказывает: «Когда речь зашла о Туманяне, Сароян улыбнулся – ясно и светло:

- Его ответ жене замечателен и очень нравится мне.

- Какой ответ?

- Жена говорит Туманяну: «Ованес, ты вообще не приходишь домой, день и ночь где-то пропадаешь». Туманян, у которого было одиннадцать детей, ответил: «О женщина, по меньшей мере одиннадцать раз я приходил ночью домой»... Хороший ответ, превосходный ответ»⁴. Жанру устного народного творчества свойственно преувеличение, отклонение от действительности. Вот и здесь В.Сароян «увеличил» число детей Туманяна...

29-го июля 1915 г. Туманян, приехав в Эчмиадзин, попросил Католикоса Геворга Пятого восстановить в семинарии исключённого сына и сообщил об этом военному присутствию в Тифлисе. Католикос пообещал пойти навстречу поэту. Однако в это время патриарх, возможно, не знал, что причиной исключения Амлика является неуплата ежегодного взноса за обучение. В тот же день Католикос получил телеграмму от председателя военного присутствия в Тифлисе Кананяна с просьбой уточнить статус Амлика Туманяна. Католикос в ответной телеграмме сообщает, что Амлик больше не является учащимся духовной семинарии. Об этом Туманян узнаёт в первой декаде августа и, растерянный и обиженный, а также находясь под воздействием письма жены, 10-го августа 1915 г. обращается к новому инспектору семинарии Гарегину Овсепяну. В своём письме Туманян пишет:

«Просьба.

Мой сын Амлик с середины учебного года перестал посещать семинарию по причине неуплаты в положенный срок взноса за обучение, что произошло вследствие моего отсутствия из дома на протяжении месяцев.

¹ Музей Ов. Туманяна, Отдел документов, N2745.

² Уильям Сароян (31 августа 1908, Фресно, Калифорния, США – 18 мая 1981, Фресно, Калифорния, США) – выдающийся американский писатель армянского происхождения.

³ Ваагн Давтян (15 августа 1922 – 21 февраля 1996) – известный армянский поэт, заслуженный деятель культуры Армянской ССР. Академик НАН РА.

⁴ Ваагн Давтян, Добрый великан. Встречи с Вильямом Сарояном, Ер., 1979, «Советакан грох», стр. 42 (на армянском языке).

Сейчас я покорно прошу представить вопрос о неуплаченном взносе благосклонному руководству Его Святейшества, чтобы он позволил моему сыну продолжить своё обучение, которое было прервано по указанной причине» (10, 229).

Инспектор семинарии Гарегин Овсепян, проживавший в то время в Эчмиадзинском монастыре, был вынужден по долгу службы письменно доложить Католикосу, что годовая задолженность Амлика до той поры всё ещё не была выплачена, однако вместе с тем он внёс предложение освободить сына поэта от этого долга и восстановить в правах учащегося семинарии – «в знак уважения к литературной и общественной деятельности г. Туманяна»¹.

Гарегин Овсепян был единственным человеком, осмелившимся ходатайствовать за сына Туманяна, но и его ходатайство не было уважено. На этом составленном поэтом обращении, вероятно, рукой делопроизводителя семинарии была наложена следующая резолюция: «Его Святейшество не соизволило принять»².

Считаем нелишним отметить, что Католикос отказал в просьбе Туманяну в те самые дни, когда поэт, подвергая смертельной опасности не только свою жизнь, но и жизнь своей дочери Нвард, безвозмездно и самоотверженно руководил делом организации необходимой помощи и заботы об армянских беженцах и сиротах, спасал людей от голода, от опасных заразных болезней. Что касается воинского призыва Амлика, то он был освобождён от службы в царской армии, однако всего лишь несколько месяцев спустя после освобождения добровольно отправился на фронт и примкнул к армянским вооружённым формированиям.

Эта страница жизни Ованеса Туманяна осталась в его памяти, окрашенная в самые печальные и мрачные тона. И хотя он как никто другой умел прощать всем и всё, тем не менее, забыть нанесённую обиду было нелегко. 25-го января 1919 г., когда гостивший в доме Туманяна поэт Иоаннес Иоаннисиан в порыве откровенности открыл перед хозяином дома своё сердце и признался: «Ах, этот Эчмиадзин не раз давал мне жару...», Туманян ответил: «И мне тоже... Весной 1915 г. по официальному посланию, кондаку Католикоса я на свои средства поехал в долину Алашкерта. Когда я проезжал через Эчмиадзин, мне пообещали, пусть даже на платном основании, обучать моего сына в семинарии – до моего возвращения. Меня с речами, напутствиями отправили в путь; я уезжаю, а эти, не дожидаясь моего возвращения, исключают моего сына из семинарии, отсылают домой»³.

¹ Национальный архив Армении, ф. 312, п. 24, д. 61, стр. 21.

² Там же.

³ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 202.

САМАЯ БОЛЬШАЯ ЖЕРТВА ПОЭТА

Ованес Туманян и полководец Андраник Озаян познакомились в первых числах декабря 1904 г. в Тифлисе. Их познакомил Сако Цованян (Севкаречи Сако)¹. Между двумя великими армянами с первой же минуты знакомства установилась взаимная симпатия, очень скоро переросшая в тёплые дружеские отношения. Эта дружба возобновляется и проявляется с особой силой во время Первой мировой войны, с 1916 года. Поэта всех армян и Полководца всех армян сближало очень многое. Им обоим причиняла большое беспокойство трагедия, постигшая их соотечественников в Западной Армении, неопределённость судьбы армянского народа; их объединяла самоотверженная национально-патриотическая деятельность, преданность идее освобождения исторической родины и создания единой и свободной, независимой Армении. Объединяли их также некоторые сходные, общие черты и особенности характера.

Туманян в своих публичных выступлениях, во время встреч с известными и авторитетными зарубежными, русскими, европейскими и грузинскими общественными деятелями и должностными лицами неоднократно старался отстаивать интересы прославленного полководца, содействовать ему, всячески развеивал распространявшиеся тенденцизные и негативные слухи и небылицы о нём, выявлял злонамеренность и целенаправленность этих слухов.

Даже грузинские газеты - «Самшобло» («Родина»), «Сахалхо пурцели» («Народная газета»), «Танамедрове азри» («Современная мысль») — и те публиковали, тиражировали и распространяли надуманные, вымышленные, высосанные из пальца истории о том, что якобы Андраник формирует отряды для войны с грузинами, а епископ Месроп получает большие партии оружия и раздаёт его армянам (7, 260-261). Туманян в своей статье «Что говорят?» (8-го июня 1916 г.) охарактеризовывал авторов подобных беспочвенных инсинуаций как злопыхателей и пустомелей и заверял: «Если Андраник решит формировать свои отряды, то он сформирует их не для того, чтобы выйти против вас, а чтобы помочь вам» (7, 261). При этом поэт напоминает знаменательные слова Андраника, которые полководец часто повторял: «Когда вечером кладёте головы на подушки, чтобы заснуть, подумайте немного о вашем народе. Затем подумайте о своих соседях, будь то армяне или турки, или грузины, кто бы они ни были, и думайте по-доброму» (7, 262).

¹ Севкаречи Сако (Цованян Саркис) (1870–1908) - деятель армянского национально-освободительного движения, фидан (так назывались участники вооруженной борьбы армянского народа против турецких поработителей в Западной Армении, Киликии и населенных армянами местностях Османской империи в конце XIX – начале XX вв.). Член партии Дашнакцутюн.

Газета «Сахалхо пурцели» перепечатала слова Андраника и, откликаясь на статью Туманяна, завершила читателей, что укор поэта был бы справедливым, если бы грузинская общественность была согласна и солидарна с озвученными обвинениями в адрес Андраника¹.

Не считаем нужным останавливаться на откликах других грузинских газет. Заметим только, что по этому поводу Туманян написал стихотворение «Грузии», которое опубликовал 18-го сентября 1916 г. в газете «Оризон» (в N208). В первой публикации стихотворение было снабжено подзаголовком «Вместо статьи». В своём стихотворении поэт говорил, что его охватывают бесконечное удивление и стыд, когда он слышит о том, что Грузия охвачена «кровавой враждой» к Армении и армянам (1, 286-287).

Исключительно трудное и смутное время и политическая неразбериха совершенно не повлияли на дружеские отношения поэта и военачальника. В лице Андраника поэт видел преданного и самоотверженного солдата родины, национального героя, внушающего врагу непреодолимый страх и ужас, содействовать и помогать которому он считал долгом своей души.

14 апреля 1917 г. Андраник, Ваан Тотовенц, Аик Бонапартян и Тер-Акопян заключают в Тифлисе соглашение об издании ежедневной газеты «Айастан»². Об этом мы узнаём из письма Андраника Левону Кюледжяну³, в котором автор письма отмечал также отношение Туманяна к Кюледжяну. Андраник пишет: «Уважаемый профессор... Западные армяне просят выступить с призывом об издании новой газеты. Доктор Бонапартян и Тотовенц уже предпринимают шаги в этом направлении... Ованес Туманян часто вспоминает Вас. Он очень глубоко восхищён (очарован) Вами»⁴.

Должность редактора новой газеты поручается Ваану Тотовенцу. Целью и задачей газеты было выявление экономических, политических и социальных проблем западных армян. Газета не имела партийной направленности. Об этом говорится в её передовой статье. «Она (газета – С.О.) принимает западноармянскую часть как отдельное течение, устанавливая золотую основу для сотрудничества и единства всех западноармянских общественно-политических организаций»⁵. В первом же номере газеты

¹ «Сахалхо пурцели», Тифлис, 1916, N597; см. также: «Оризон», 1916, N139, 24-го июня.

² Андраник Озаян, Документы и Материалы, «Вестник архивов Армении», N1 (89) – 2 (90), Составители Арутюнян А.О., Арутюнян Г.Г., Эвоян В.С., Мирзоян С.С., Сафян П.Г., Шатирян Г.М., Ереван, 1991, стр. 444.

³ Левон Кюледжян был одним из телохранителей Андраника. Родился в Себастии. С 1920 г. жил во Фрезно, в США. В 1924 г. составил и издал под своей редакцией «Хронику боевых действий Андраника на Кавказском фронте». С 1925 года редактировал во Фрезно газету «Мшак».

⁴ «Мшак», Фрезно, 1934, N900-901, 7-го сентября; см. также: Андраник Озаян, Документы и Материалы, стр. 222-223.

⁵ Газета «Айастан», Тифлис, 1917, N1, 16-го апреля.

была опубликована статья Ов. Туманяна «Армения должна говорить», которая являлась, по существу, передовой статьёй. То же самое, в принципе, можно сказать и о статье Андраника «Переустройство родины», опубликованной в том же номере.

Туманян в своей статье с болью вспоминал, что только после того, как увидел Западную Армению, он более глубоко узнал свою историческую родину. И перед ним в новом свете представилась неравная борьба коренного населения страны со своими турецкими захватчиками и поработителями; в новом свете открылась та великая трагедия, которая постигла его соотечественников, испокон веков заселявших эти территории. «Я увидел вблизи народ Армении, и огромная боль легла на моё сердце – мол, как мало сведений имею я о сегодняшней живой Армении, я, считавшийся одним из хорошо знающих её людей; я, который всегда выражал свои суждения о ней и более или менее трудился для неё... Какое-то печальное сознание охватило всю мою сущность и какая-то глубокая скорбь, - мол, насколько мы беспомощны перед обрушившимся на нас бедствием, беспомощны физически, материально и нравственно» (7, 324).

Упоминая о своих впечатлениях, полученных от поездки в Западную Армению, и называя себя одним из тех, кто встретил на Араратской равнине бурлящее море армянских беженцев и сирот, поэт пишет, что пришло время более громко озвучить перед миром Армянский вопрос и проблемы населения Западной Армении.

«Непреклонно и с открытым лицом может говорить такой народ, который жил наилучшими человеческими стремлениями и дал всё, и готов дать ещё всё, что необходимо, во имя свободной жизни» (7, 324).

*«Дороже этого у меня ничего нет,
следовательно, я ничего не жалел...»*

Ованес Туманян

В 1917 году, в эпоху русских революций, Армения и армянский народ вновь оказались в очень затруднительном положении, между молотом и наковальней. В конце 1917 г. правительство советского государства заключило перемирие с Германией. Закавказский Комиссариат также откликнулся на идею заключения мира и решил начать мирные переговоры с Турцией. 5-го декабря 1917 г. в Ерзнка (Эрзинджан) было подписано соглашение о перемирии¹. Руководителями Закавказского комиссариата интересы Армении и армянского народа не учитывались вообще.

Русские революции в феврале и октябре 1917 г. сыграли особенно

¹ Андраник Озаян, Документы и Материалы, стр. 434.

отрицательную роль в боеспособности и боевом духе русской армии. Почти полумиллионная русская армия, дислоцированная в южной части Кавказа, была полностью деморализована и расформирована и начала покидать Кавказский фронт, и Закавказский Комиссариат не предпринял никаких мер, чтобы помешать этому. Вновь над Арменией и армянским народом повис, словно дамоклов меч, вопрос физического существования. Для беспокойства было несколько причин.

Во-первых, был разрушен фронт протяжённостью в 750 километров, и с ноября 1917 г. создались благоприятные условия для нашествия турецких вооружённых полчищ на территорию Восточной Армении. А во-вторых, на освобождённых русскими войсками территориях оставались остатки незащищённого и невооружённого западноармянского населения, которое теперь оставалось один на один с вооружёнными турецкими и курдскими ордами.

С одной стороны, холодная зима, голод, разруха, а с другой стороны – разбойничьи нападения турецких и курдских головорезов, зверские убийства, грабежи, изуверства.

Создавшееся тревожное и судьбоносное положение вынуждает руководителей армянского народа принимать срочные меры и выносить ответственные решения. Необходимо было создать военные формирования для защиты границ Армении. Некоторые члены Армянского национального совета выступали против назначения полководца Андраника командующим этими формированиями и в качестве аргументов приводили две основные причины. Во-первых, они считали, что это назначение разозлит, приведёт в бешенство турецких военачальников, а во-вторых, сомневались, что Андраник сумеет успешно бороться против регулярной турецкой армии. Андраник, несмотря на свой вспыльчивый и обидчивый характер, не дожидаясь вынесения окончательного решения, пошёл к главному командующему русской армии на Кавказе и предложил, чтобы его срочно послали на фронт в качестве рядового солдата. После этого решительного шага национального героя назначают главнокомандующим армянских пограничных воинских частей¹.

Над сотнями тысяч армян, всё ещё остававшихся на территории Западной Армении, нависла новая угроза массового истребления, новой резни и Геноцида. Андраник в последние дни 1917 г. в газете «Айастан» снова поднимает обострившийся до предела вопрос о физическом существовании своей страны и своего народа, озвучивает тревогу по поводу будущего Армении и армянства и призывает объединить все свои силы, чтобы общенациональными усилиями суметь противостоять новым вызовам времени. С этим призывом он обращается ко всем политическим си-

¹ Арсен Мармарян (псевдоним Ваана Тотовенца). Полководец Андраник и его войны, стр. 277. См. также: Л. Карапетян, Общественная деятельность Ованеса Туманяна (фрагменты), Ер., 1992, Изд-во АН Армении, стр. 197.

лам, ко всем общественным организациям и ко всему армянскому народу. Великий полководец и близкий друг Ов. Туманяна также не потерял надежды на сотрудничество с Россией. Он пишет: «Многострадальный армянский народ, мы сейчас стоим на такой бурливой странице армянской истории, что наш народ будет либо переживать свои последние дни, либо окажется в преддверии завтрашней свободы... Завтрашний ответ армянскому народу должен быть либо «да», либо «нет».

...Пусть похоронит меня тот казак, который вчера рядом со мной выставлял свою грудь против нашего врага»¹.

Андраник хотел сплотить вокруг армянства все те народы, которые испытали на себе варварство турецких янычар, долгие века находились под турецким игом – русских, езидов, курдов и даже сам тюркский народ, – всех тех, которые были свидетелями и очевидцами геноцида армянского народа. Он предупреждал руководителей грузинского народа, что турки ни перед чем не остановятся, что если туркам удастся расправиться с армянами, то очередь рано или поздно, но неминуемо дойдёт и до грузин. Он выражал свою благодарность армянским матерям, которые в этой борьбе не на жизнь, а на смерть героически воодушевляли и направляли своих сыновей на защиту своей страны, своей отчизны. В письме-призыве Андраника говорилось:

«Русская армия после длительных тягот войны и в результате последних событий покидает Армению. Для нашей родины и мирного населения создаётся роковое положение.

Братья в Турецкой Армении! Родина в опасности.

Моими устами к вам обращается весь народ и тень многострадальных мучеников.

Я обращаюсь ко всем без различия партиям: прекратите ваши споры и идите вместе со следующей за вами молодёжью к подвергшимся опасности границам родины.

Я обращаюсь к вам, земляческие союзы. Приступайте к действиям и ведите соотечественников на защиту родины.

Я обращаюсь к тебе, молодая интеллигенция, отдай все способности и силы делу самообороны.

Я обращаюсь к вам, учителя, врачи, юристы, люди других профессий: помогите вашими знаниями делу защиты родины.

Ремесленник, крестьянин и рабочий, я обращаюсь к вам: вы всегда были способны к самопожертвованию, помогите родине в минуту опасности.

Спешите все, кто умеет чувствовать и осознавать угрожающую родине опасность, спешите защищать границы родины и народ»².

Первым человеком, откликнувшимся на этот призыв полководца,

¹ Газета «Айастан», Тифлис, 1917, N182, 22-го декабря.

² Там же.

был Ованес Туманян. Уже на следующий день, 23-го декабря 1917 г., публикуется открытое письмо Туманяна полководцу Андранику. В нём говорится: «Дорогой Андраник! В этот ужасный час каждый человек должен принести на жертвенный алтарь всё, что у него есть и что он может – как для того, чтобы предотвратить надвигающуюся опасность, так и для того, чтобы достичь желанного мира.

У меня четыре сына, и все четверо находятся в распоряжении правительства, Национального совета и в твоём распоряжении, а четыре мои дочери добровольно идут на работы в тылу и будут выжимать всё, на что способны.

И у меня, безусловно, нет ничего дороже детей, следовательно, я ничего не пожалел, только бы мы смогли вместе со всеми честными народами и свободолюбивыми душами отбить надвигающуюся опасность и защитить наши священные права и свободу. Я непреклонно верю в твой опыт, накопленный в бурях испытаний, в твой пламенный патриотизм и свободолюбие, равно как и в твой прирождённый гуманизм и высокий военный талант, и готов идти туда, куда позовёт твой братский голос. Целую твой героический лоб» (10, 281-282).

Туманян также добровольно взял на себя обязательство ежемесячно выплачивать сто рублей в общую национальную казну. Тем самым он ещё раз своим примером подтверждал, что в национальной борьбе на жертвенный алтарь должно быть положено не только всё имущество, но и жизнь, причём не только собственная жизнь, но и жизнь самого дорогого для тебя существа – твоего ребёнка.

Ответное письмо Ов. Туманяна было выражением самой высокой оценки, которую поэт давал деятельности национального героя, а также готовности к самой большой жертве ради родины, ради отчизны.

Воодушевлённый полководец не мог не отреагировать, не откликнуться на беспрецедентную жертвенность своего великого друга. «Мы должны забыть на какой-то миг своё перо, заменив его мечом, чтобы создать свою родину. Только в мирных объятиях которой расцветает жизнь искусства... Я очень тронут Твоим высоким порывом и надеюсь, что вся наша интеллигенция последует Твоему примеру, и таким образом мы будем ковать нашу священную свободу», - пишет полководец¹.

Открытое письмо Туманяна Андранику стало явлением в тифлисской общественной жизни, было воспринято как своеобразный человеческий подвиг поэта. Письмо это по призыву редакции газеты «Айастан» было частично или полностью перепечатано во многих газетах Тифлиса и Еревана².

Однако Национальный совет весьма странным образом отреагировал на призыв Андраника и ответ Туманяна, который, в свою очередь,

¹ Там же, N185, 25-го декабря.

² «Республика», 1917, N137; «Мшак», 1917, N271; «Ашхатанк», Ереван, 1917, N67.

являлся обращением и призывом ко всему народу. Общенациональный резонанс, который получили воззвания двух едва ли не самых великих армян той эпохи, вызвал ревность у Армянского национального совета, и этот совет решил напомнить всем, что именно он является верховным органом для армянства России. Совет принял специальное решение, согласно которому обращаться с призывами к армянскому народу является только и только его прерогативой, и что только он наделён этим правом. Постановление было принято «с целью предотвратить подобные разделяющие шаги» Андраника и Туманяна¹. Постановление Национального совета было опубликовано через шесть дней после того, как увидело свет ответное письмо Ованеса Туманяна, в номере газеты «Оризон» от 29-го декабря 1917 г.

Таким образом, восемь детей Туманяна (младшие дочери – Седа и Тамар – были ещё маленькими, им было 12 и 10 лет) присоединились к той всенародной патриотической стихии, которая объединила их отца и близкого друга их семьи – великого полководца Андраника Озаняна.

Слово Туманяна всегда было делом. И с самого начала 1918 г. его сыновья служили родине. Несмотря на то, что его сыновья Артавазд и Амлик получили годовую отсрочку как студенты, однако несколько месяцев спустя оба отправились на фронт. Амлик в качестве рядового солдата оказался в Александрополе, а Артавазд как сотрудник «Всероссийского союза городов» отправился вначале в Джульфу, а затем - в Ван.

На фронте в новосозданной Первой армянской военной части служил и выделялся своими героическими действиями и подвигами ещё не достигший призывного возраста, семнадцатилетний Арег Туманян, который сражался и в Западной Армении. Он находился в армянском артиллерийском полку и участвовал в сражениях за Эрзрум (25-го февраля 1918 г.). За проявленную отвагу и мужество Арег был награждён Георгиевским крестом. Об этом мы узнаём из приказа военного командования 13-го сентября 1918 г. за N443, в котором говорится:

«Дано сие мл. унтер-офицеру пулемётной команды Эрзерумского пехотного Армянского полка Арегу Туманяну в том, что он за бой под Эрзерумом 25 февраля 1918 года действительно награждён Георгиевским крестом за N 923 306, что подписью и приложением казённой печати удостоверяю.

Тифлис 13 сентября 1918 года
Командир Эрзерумского Армянского пехотного полка
Подполковник (подпись неразборчива)
Полковой адъютант
Подпоручик Мелик-Гайказянц»².

¹ «Оризон», 1917, N275, 29-го декабря.

² Этот документ недавно предоставила нам внучка Ов. Туманяна Ирма Сафразбекян-Туманян, за что выражаем ей благодарность. Документ публикуется впервые.

Таким образом, обещание, данное Туманяном полководцу Андранику, было выполнено сполна. При этом дети поэта пошли сражаться за свою отчизну и за свой народ не по принуждению или по указке отца, а по велению собственного сердца, и сражались самоотверженно и храбро, стремясь высоко держать честь своего отца и славного рода.

Печальное признание Ованеса Туманяна «Перед этим морем горя человек забывает о себе» (10, 228) имеет самое непосредственное отношение не только к несвоевременной выплате годового взноса за обучение Амлика, но и к готовности Туманяна положить на жертвенный алтарь всех своих совершеннолетних детей... Для поэта, который всегда руководствовался приоритетностью народных, общенациональных, общественных проблем и задач, все личные и семейные заботы и хлопоты отступали на второй план, имели подчинённое значение. Таковы были его жизненная позиция, его убеждения и мировосприятие, и забывать об этом мы не вправе.

АРТАВАЗД: ДОБРОВОЛЬНАЯ ЖЕРТВА ГЕНОЦИДА И НЕИЗБЫВНОЕ ГОРЕ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА

В июне 1915-го года в течение одной недели поэт ходил по опустевшим сёлам и городам Васпуракана, воочию видя следы и последствия совершённых турками страшных преступлений, резни и погромов, бесчеловечных истязаний. Он назвал города и сёла Васпуракана «страной руин и трупов» и увидел постигшее его народ бедствие в совершенно ином, более реальном свете. В эти дни отряды генерала Андраника сражались за освобождение населённого пункта Баш-Кала неподалёку от Вана. Затем, 15-18-го мая Андраник проявляет чудеса храбрости и героизма в боях за Борчала-Даг, с небольшим отрядом напав на значительно превосходящие силы врага и обратив его в бегство, после чего полководец продвинулся вперёд, к 31-му мая освободил несколько сёл Армянской долины, а 3-го июня добрался до Вана и вошёл в город¹. Спустя три дня в Ван приехал также Туманян.

Победы прославленного полководца, одного из лучших друзей Туманяна, переполняли гордостью, вдохновляли и воодушевляли писателя, и это его настроение, в свою очередь, благотворно сказывалось на боевом духе армянских воинов-ополченцев, сражавшихся за освобождение Вана. Свои надежды и веру в осуществление заветной мечты объединения Западной и Восточной Армении поэт выразил в опубликованной 10-го мая статье «Ван и Ереван», в которой Ван представлен как символ

¹ Андраник Озаян, Документы и материалы, Вестник архивов Армении 1 (89) – 2 (90), Составители Арутюнян А.О., Арутюнян Г.Г., Эвоян В.С., Мирзоян С.С., Сафян П.Г., Шатирян Г.М., Ереван 1991, стр 443.

решения вопроса западноармянского населения. По убеждению поэта, Ван являлся неофициальной столицей Западной Армении и вместе с Ереваном был символом единой, объединённой Армении. «Ван и Ереван – означает армянство, единое армянство»¹. Туманян всем своим сердцем хотел верить в освобождение Вана, что в его представлении было равнозначно спасению всей Западной Армении.

Казалось бы, сложившаяся ситуация должна была заставить поэта запретить своим сыновьям и дочерям отправляться в Западную Армению, однако он поступил совсем наоборот. В Васпуракане развернули активную деятельность двое из его сыновей – Мушег и, в особенности, Артавазд (Артик).

Третий сын и пятый ребёнок поэта Артавазд оказался в круговороте мировой войны в двадцатилетнем возрасте. Вскоре после начала войны Артавазд призывается в армию и в должности начальника экономического отдела Всероссийского Союза городов отправляется сначала в Джульфу, а затем – в Ван.

Ещё до того, как отправиться в Ван, и Туманян, и его сын Артавазд были хорошо информированы о положении на фронте, в частности, в тылу. Об этом им периодически писал служивший там Мушег, который 1-го января 1915-го г. вместе с Левоном Лисицианом добровольно отправился в Западную Армению. Он сообщал о продвижении русской армии и о паническом бегстве неприятеля, который практически не оказывал никакого сопротивления, и одновременно информировал о случаях притеснения и погромов армян со стороны русских, считая эти случаи досадными недоразумениями. Ещё 27-го февраля 1915-го г. Мушег сообщил своей семье о страшных последствиях распространения эпидемии тифа в Диадине и Васпуракане².

В конце 1915 г. в армию призывается Артавазд Туманян, который проходит военную службу в частях «Всероссийского Союза городов». Основной задачей этих частей было не непосредственное участие в боевых действиях, а помощь оказавшемуся во фронтовой зоне населению, в частности, осиротевшим детям. Сирот ставили на учёт и давали им приют.

Без малого два с половиной года, вплоть до весны 1918 г., Артавазд не только нёс службу, но и развернул активную национально-патриотическую деятельность в Западной Армении, в Ване, занимая должность управляющего делами по хозяйственной части в Кавказском комитете Всероссийского Союза городов при Международном Красном Кресте³.

Этот период жизни Артавазда исключительно важен в контексте его патриотической деятельности и дополняет не только его биографию, но и

¹ Ов. Туманян, Полное собрание сочинений в 10-и тт., т. 7, Ер., 19...стр. 167-168 (на арм. яз.)

² Переписка семьи Туманяна, стр. 66 (на арм. яз.).

³ Серия «Дети Туманяна», Ашхен: Воспоминания и семейные истории, Ер., 2011, стр. 165 (на арм. яз.).

богачейшую, интереснейшую биографию Ованеса Туманяна, лишней раз подтверждая тот неоспоримый факт, что как для великого писателя, так и для его сына, национальные проблемы и задачи не ограничивались одними лишь вопросами физического выживания народа. Артавазд так же, как и его отец, чувствовал себя обязанным всегда быть в эпицентре, в самом горниле судьбоносных для армянского народа событий, жить и бороться всеми возможными и невозможными способами.

Именно поэтому Артавазд Туманян оказался в круговороте военных действий. В первое время он служил в Игдыре, и по долгу службы ему приходилось бывать в самых разных городах и селениях исторической Армении. С января 1915 г. Артик находился в Джульфе, там же год спустя он узнаёт о гибели дяди, брата Ованеса Туманяна Арташа. 17 февраля 1916 г. он едет из Джульфы через Дилман и Хой в Ван, получив назначение на должность полномочного представителя Кавказского комитета Всероссийского Союза городов. Он оставался в Васпуракане и работал на этой должности вплоть до окончательного падения города Вана в марте 1918 года. Он без конца разъезжал по Западной Армении, бывал в разных регионах, городах и сёлах Васпуракана. С октября 1916 г. на протяжении нескольких месяцев он был в Игдыре и занимался проблемами сирот. Он стал последним комендантом Вана.

Артавазд родился 28 ноября 1894 года и трагически погиб во имя Вана и ванцев, вероятнее всего, в марте 1918 г. Ему тогда не исполнилось и 24 лет. Имя Артавазда, так же, как и имена первых трёх своих детей, Туманян взял из романа Раффи «Самвел». Начальное образование Артик получил в частном пансионе Лисициана, затем продолжил образование в гимназии Нерсисян. Однако указанные образовательные центры не могли удовлетворить его интересов в сфере архитектуры, живописи, театрального искусства и литературы¹.

В первые месяцы войны двадцатилетний Артавазд находился в Москве, куда он отправился для учёбы ещё в августе 1913 года². Он намеревался перебраться из Москвы за границу, однако по совету Мартироса Сарьяна решил остаться в Москве, брать уроки живописи и прослушать курс лекций по искусству. Уроки прикладного искусства он посещал с большим удовольствием и прилежанием. Когда ему поручают нарисовать декорации по восточным мотивам, он работает с большим рвением и упоением и признаётся: «Я никогда не был таким прилежным и послушным учеником, как теперь»³. С первых же дней своего пребывания в Москве он принимает активное участие в культурной жизни армянской

¹ Некоторые подробности биографии Артавазда Туманяна см. в книге: Ирма Сафразбекян. Переписка семьи Туманяна, сс. 133-144.

² В это время Артик проживал в Москве по адресу: Соломенная. Ивановская улица, дом 5 квартира 4.

³ См. Переписка семьи Туманяна, с. 59.

диаспоры, сближается с Мартиросом Сарьяном, Погосом Макинцяном и Вааном Терьяном.

Все дети Ов. Туманяна, независимо от избранной ими специальности, всегда стремились жить теми интересами и ценностями, которыми были окружены и воспитаны в семье, в своём доме, который даже для чужих, посторонних людей был центром искусства и литературы. Для них образцом, непререкаемым авторитетом и идеалом был их обожаемый отец и его творчество, его общественно-политическая и национально-патриотическая деятельность – вообще всё то, что он делал.

В январе 1914 года Мартирос Сарьян привлекает Артавазда к работам по созданию «Общества, покровительствующего армянским памятникам старины». Артик был воодушевлён инициативой Сарьяна. «Отец, это в высшей степени необходимое и прекрасное Общество... а во главе его стоят такие люди, как Сарьян, Мясникян, Геворкяны.

Я уверен, что все наши монастыри, хачкары, картины, предметы старины, наше столь прекрасное и изящное искусство попадёт в заботливые руки»¹.

Из всех десяти детей Ованеса Туманяна по своему душевному складу, внешности и беззаветной преданности, приверженности искусству, даже по своей природной одарённости больше всех был похож на отца именно Артик. Об этом свидетельствуют как сохранившиеся фотографии, так и оставленное Артиком литературное и научное наследие, а также воспоминания современников, в частности, Лео, С.Городецкого, Д.Демирчяна, В.Тотовенца и других. Трудно сказать, не было ли преувеличенным распространённое мнение, что самым любимым из детей для Туманяна был Артик, поскольку поэт всех своих детей любил одинаково, и особенно нежно любил и особенно сильно тосковал по своим дочерям, однако поразительное сходство Артика с отцом вполне могло сыграть в этом определённую роль. Как и Туманян, Артик был очень остроумным и приятным собеседником. Серик Давтян вспоминает: «Артик был очень искренним, откровенным парнем и остроумным, интересным собеседником. Глаза были похожи на отцовские»². Так же, как и Туманяна, отмечает Д. Демирчян, «Артика любили все»³. Одним из близких друзей Артика был Ваан Тотовенц, по удостоверению которого, «из всех детей Туманяна на отца больше всех был похож Артик – внешностью, улыбкой, тональностью голоса, движениями и колоритом. У него были явные литературные наклонности, он пытался писать пьесы, очень любил детей»⁴.

Артавазд Туманян был очень одарённым, талантливым юношей, яркой личностью. Личный пример отца и воспитание, богатейшая по тем временам домашняя библиотека, царившая в доме литературная обстанов-

¹ Там же, с. 57.

² См. Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 610.

³ Там же, стр. 42.

⁴ Там же, стр. 138.

ка – всё это способствовало развитию таланта молодого Артавазда. Подобно отцу, он был большим книголюбом, книги были для него предметом поклонения. В семнадцатилетнем возрасте он уже прочитал Чехова, Тургенева, Толстого, Байрона, Ибсена, Джека Лондона и был как-то особенно увлечён художественным творчеством Оскара Уайльда. Он в подробностях изучил и даже пытался передать на бумаге рассказ о пройденном жизненном пути английского писателя, надёленного некрасивым телом, но при этом обожающего красоту. В том же юном возрасте проявился также интерес Артавазда к науке. Он прочитал исследование «Психология великих людей», книгу О. Чахарбекияна «Теория фольклора», трактат Гюго «Принципы искусства и поэзии», а также труды Метерлинка, Брандеса и других. Он хорошо выучил, перенял жизненный принцип Туманяна – побеждать зло добром, ставить духовные ценности выше материальных. В одном из своих дневников восемнадцатилетний Артик пишет: «Сколько всего хорошего и плохого пришло и ушло, но для меня всегда осталось хорошее, доброе, чистое, прекрасное... прекрасное...»

Эх, вспомнил, что нет у меня новых туфель, но зато ведь душа у меня новая, молодая, светлая»¹.

Артавазд был похож на своего великого отца разносторонней художественной одарённостью, своими предпочтениями и пристрастиями как в обыденной жизни, в быту, так и в литературе и искусстве. Схожими были основные направления художественных и научных интересов отца и сына: их отношения к жизни, культуре, искусству, литературе.

Литературное наследие Артавазда, как и наследие Туманяна, в жанровом отношении многообразно. Он писал стихи, прозаические произведения – рассказы, сказки, писал публицистические статьи, научные исследования, занимался художественным переводом. Большею частью написанное им осталось в незавершенном и необработанном, черновом виде. Его произведения, которые он стал писать с 1905-го года, когда ему было всего лишь одиннадцать лет, сохранились в десятках тетрадей. Тетради эти, которые виделись ему будущими сборниками, имели выразительные названия и свидетельствовали о сильном воздействии Терьяна и Саят-Новы: «Звёзды и песни», «Из узвлённого сердца раненого», «Осенние песни», «Моя вторая кяманча». Однако сильнее всего ощущалось влияние мотивов и стилевых особенностей творчества Ов. Туманяна. Иногда он даже использовал названия произведений отца, например, «Поэт и Муза». Артавазд много писал о животных и цветах. Ещё в своих письмах, написанных из тюрьмы, Туманян советовал своим детям всегда читать о жизни животных и растений, прочитать книгу Брема, считал недостаточным и приводящим к одностороннему развитию чтение одних лишь книг о жизни людей (10, 538).

¹ См. Эд. Джрбашян. «Сын поэта». «Гарун», Ер., 1977, №9, с. 49.

В вопросе переводов Артик также следовал примеру отца, неукоснительно и безоговорочно считаясь с его художественным вкусом и предпочтениями. Переводил Гейне, переложил стихотворение Лермонтова «Ангел» и поэму «Беглец». В тетради 1907 г. «Первые шаги» есть его перевод стихотворения Ильи Чавчавадзе «Родина». Понятно, что в таком подростковом возрасте переводы Артавазда никак не могли иметь какие-то художественные достоинства и являлись скорее неуклюжими подстрочниками. Несколько месяцев спустя Ов. Туманян, словно для того, чтобы показать сыну, что такое настоящий художественный перевод и как именно следует переводить, представляет армянскому читателю стихотворения И. Чавчавадзе «Элегия» и «Весна» в своих поэтических переложениях. Влияние отца становится для Артавазда той лестницей, по которой ему предстояло войти в большую литературу, попутно преодолевая все воздействия выдающихся мастеров литературы и стараясь найти свой собственный путь в искусстве. В отличие от отца, Артавазд серьёзно увлекается лирическими мотивами и формами Уолта Уитмена, пробует писать свободным стихом («Зелёные кудри», «Безумец», «Исчезновение», «Руки», «Ночные розы» и т.д.)¹. Примечательно также, что Артавазд подражает также терьяновской школе, и это неудивительно, поскольку притягательная сила и популярность Терьяна в среде армянской молодёжи была в те годы огромной.

От своего отца Артавазд перенял также уникальную способность предчувствовать события и веру в вещие сны. Так, он предчувствовал и даже воплотил в художественное произведение свой сон о предстоящем аресте отца и брата Мушега и их заключении в Метехскую тюрьму. В стихотворении «Арестованный поэт» он увидел в своём воображении и отобразил чёрные стены тюрьмы и сверкающие железные цепи, которым предстояло заменить лиру поэта².

Значительную часть прозы Артика составляют переводы и переложения из Льва Толстого, А. Куприна, Д. Мамина-Сибиряка, М. Горького, А. Франса, Г.-Х. Андерсена и других авторов. Примечательно, что он писал и небольшие истории-анекдоты, так же, как это делал Ов. Туманян на заре своей литературной жизни. Многие из литературных анекдотов Артика публиковались на страницах детского журнала «Аскер» («Колосья») под псевдонимами «Артавазд Смелый», «Сломанная ложка». Ов. Туманян, прочитав в журнале «Аскер» переложение своего тринадцатилетнего сына сказки Мамина-Сибиряка «История храброго зайца», 3-го августа 1907 г. посылает из санатория в Манглисе открытку с портретом Гёте с шутливой надписью: «В дар от автора «Фауста» автору «Храброго зайца»» (10, 32).

¹ Дети Туманяна. Артавазд Туманян. Книга вторая. Ер., 2014, с. 158.

² Там же, стр. 125.

Артавазд Туманян обрабатывал также мифологические и фольклорные сюжеты («Нарцисс», «Роза с могилы Гомера»), сказки («Лиса и лошадь», «Лиса-корзинщица», «Медведь, волк и лиса», «Лиса-мулла», «Хлеб и соль»); он писал и стихотворения в прозе («Позолоченный олень», «Море», «Смерть»); написал несколько рассказов («Цветы счастья», «Угрызения совести», «Дневник Адама»).

Ов. Туманян всю свою жизнь считал себя драматургом, оставил несколько незавершенных пьес, любил театр. Его сын Артавазд тоже был связан с театром, и даже возможно, более, чем отец. Он писал драмы, одна из которых – «Рубенс» - в своё время, 4-го марта 1912-го г., была даже поставлена режиссёром Арамом Вруйром в Тифлисе - на сцене Кавказского Армянского Благотворительного Общества. И хотя пьеса не произвела большого впечатления, однако Артавазд в качестве автора поднялся на сцену, удостоился аплодисментов и цветов. К тому же Артик в качестве актёра выступал в различных любительских коллективах. Он, в частности, был первым исполнителем роли Амбо в постановке «Гикора». В 1913-м г. в постановке пьесы «Апофеоз», посвящённой годовщине смерти Габриела Сундукяна, Артик сыграл роль великого драматурга. Нельзя не вспомнить по этому поводу, что Ов. Туманян также поднялся на сцену в качестве статиста в восемнадцатилетнем возрасте. 12 февраля 1887 года ему довелось даже оказаться на сцене вместе с самим Петросом Адамяном в пьесе Акопа Кариняна «Вардан Мамиконян (или «Армянский Вардан Великий», или «Война Вардананц»).

Драматургия была стихией Артавазда Туманяна, так же, как и живопись. Здесь мы обращаем внимание на два обстоятельства. Это, во-первых, доходящая до поклонения любовь Ов. Туманяна к драматургии вообще и к Шекспиру, в частности. Ведь одной из причин, по которым Туманян не обращался к жанру драмы, было то, что он сомневался, сумеет ли добиться шекспировского уровня. Возможно, его сын Артавазд хотел воплотить в реальность заветную мечту отца. С другой стороны, не менее важным обстоятельством была особенность дарования Артика. Он был художником-искусствоведом в самом широком смысле слова. Он пытался самореализоваться и как актёр, и как драматург, и как живописец, и как музыковед. И прекрасно сознавал возможность синтеза всех этих направлений на сцене. Перед тем как отправиться на фронт, он признался отцу, что начал писать героическую драму. Но и эта драма, вместе с двадцатью другими начатыми пьесами и творческими задумками, осталась незавершённой... Конечно, у Артавазда были и завершённые пьесы, две из которых были опубликованы, а одна – инсценирована. Он преимущественно черпал тематику для своих драм из знаменательных фрагментов истории армянского народа («Парандзем»), но охотно обращался и к современным темам («Колыбельная», «В реальной жизни», «Трое близких», «Современники», «Эстер»), а также обрабатывал классические истории из древнегреческой мифологии (легенда о Нарциссе и Эхо). Любовь

к искусству заставляла Артика писать пьесы о гениях эпохи Возрождения Леонардо да Винчи, Тициане, выдающемся художнике-живописце, основоположнике фламандской школы Питере-Пауле Рубенсе, великом голландском художнике Антонисе Ван-Дейке, крупнейшем немецком драматурге и философе Фридрихе Шиллере. Он намеревался написать пьесу и о жизни Рафаэля Санти. Нет нужды объяснять, что при обращении к пьесам этого тематического ряда Артавазду приходилось прилагать особые усилия, проводить серьёзную исследовательскую работу, подробно изучать все имевшиеся в литературе данные о жизни этих великих людей. Работая над пьесами «Рубенс» и «Ван-Дейк», он пользовался книгой Вольфа «Жизнь замечательных детей». Будучи сыном великого писателя и изучая биографии великих людей, Артавазд не только старался удовлетворить свой исследовательский интерес, но и в каком-то смысле хотел понять сложную, «фаустовскую» душу отца. Д. Демирчян пишет: «Туманян был очень сложным человеком. Понять его – не такое уж лёгкое дело. Многие давали ему характеристики и при этом ошибались. Характеризовали его с внешней стороны, односторонне и выводили «приятным», «жизнерадостным», «добрым», или «дипломатом», «угодником», «оппортунистом». Подобная односторонность ошибочна. Туманян был целым комплексом многосторонних черт»¹. Именно эти многосторонние черты пытался обнаружить Артик в жизнеописаниях великих деятелей мировой культуры, героев его будущих пьес.

Вместе с братом Амликом Артик впервые переделал рассказ отца «Гикор» в пьесу в двух действиях и четырёх сценах. Весной 1914-го г. эта драма должна была быть поставлена в школах Нерсисян, Овнанян и Гаянян.

Однако начавшаяся мировая война заставляет молодого писателя-драматурга вновь обратиться к исторической тематике, к героическому прошлому армянского народа. Как и Ованеса Туманяна, Артика в смутные, полные опасностей дни ужасов и кошмаров, начавшихся погромов и целенаправленного геноцида не покидает живой интерес к художественному творчеству, к публицистической и научной деятельности. Проживая более двух лет в Ване и объезжая близлежащие регионы, Артик занимался изучением рукописей, хранившихся в монастыре Ахтамар. В то время как Ованес Туманян в Зеткане записывал варианты народной сказки «Азаран Блбул», Артавазд переписывал остававшиеся всё ещё не опубликованными произведения Григора Ахтамарци и посылал отцу. Помимо своего основного занятия – хлопотах об устройстве армянских сирот и беженцев – молодой искусствовед умудрялся выкраивать время для написания пьесы о царице Нане. Восьмого февраля 1917 года в письме сестре Нвард Артик пишет: «Самой большой пользой для себя считаю то, что завершил (вернее, написал) свою последнюю пьесу из эпохи царицы Нанэ. Меня это

¹ См. Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 43.

очень заинтересовало и захватило. Это намного интереснее, чем «Парандзем». Как-нибудь в мирное время, если удастся сделать первую корректуру, то я буду очень доволен»¹. Слова Артика относились к его оставшейся незавершённой драме «Агсартан», в которой главными героями были жена царя Абаса, вдовствующая царица Нанэ, дочь Иванэ, и незаконный сын царя Агсартан. Безусловно, увиденные в Западной Армении исторические памятники сыграли свою роль при создании образа царицы Нанэ. Она строила мосты, памятники-хачкары, когда, уступив Мацнаберд и власть Агсартану, воины попытались забрать из дворца драгоценную утварь. Однако Нане приказывает всё оставить на месте и добавляет: «Не забудьте взять книги»². Примечательна также беседа Нане с Католикосом Всех Армян у недавно построенного моста.

Нане: - Пройдут века, выгравированные мастером надписи останутся, люди узнают, кто построил этот мост; но кто узнает, какие глаза наблюдали, какие руки ухаживали, на какие чувства опирались эти своды?

Католикос: - Не говори так, царица, какие строения оставили наши предки, - разве мы забыли о них? В моих глазах живы все благодетели, царицы и цари, мастера, которые построили эти памятники. Подобно камням Гугарка, надолго и неизбежно останется этот мост. Лишь деяния людей бессмертны, царица³.

В этих словах патриарха выражена не только уверенность в бессмертии человеческих деяний, но и озабоченность автора судьбой исторических памятников Западной Армении, оказавшихся перед опасностью полного уничтожения, а также его неизбежная вера в то, что они вечны.

Артавазд начал сочинять детские забавные игры-викторины ещё до того, как это стал делать его знаменитый отец. Если Ов.Туманян создал свои первые детские познавательные игры только в 1915 г., то его сын Артавазд ещё в 1912 г. опубликовал составленную из 50-и карточек игру «Флирт»⁴, а в 1915 г. создал викторину «Драгоценные камни», составленную из 37-и карточек.

В определённый период своей жизни Ованес Туманян активно занимался журналистской деятельностью, редактировал газету «Оризон». Его сын Артавазд ещё в раннем подростковом возрасте то ли в шутку, то ли всерьёз основал двухнедельную газету «Махат» («Большая игла») и провозгласил себя её редактором, взяв псевдоним «Биз» («Шило»), а издателю дал прозвище «Шампур» («Шомпол»). В этой тетрадке-газете он публиковал произведения в стихах и прозе, переводы, объявления и

¹ Дети Туманяна. Артавазд Туманян. Книга первая. Ер., 2013, с. 208.

² Дети Туманяна. Артавазд Туманян. Книга вторая. Ер., 2014, с. 391.

³ Там же, стр. 374.

⁴ «Действующие персонажи» игры указываются в виде названий цветов и соревнуются в своих познаниях армянской поэзии (Пешикташлян, Цатурян, Туманян, Исаакян, Шант, Терьян). Сохранилось свидетельство Артика о том, что он благодаря этой игре поженил одну молодую пару в Нухи (См. Переписка семьи Туманяна, с.с. 79-80.).

сообщения, редакционные письма, адресованные воображаемым читателям. А в годы учёбы в школе Нерсисян совместно с одноклассником Айком Петросяном (Пахаре) редактировал рукописный вестник «Тотобанк» («Лепетание»), на страницах которого публиковал художественные произведения семинаристов¹. Уже значительно позднее, во время войны, Артавазд с Кавказского фронта посылал в тифлиссские газеты корреспонденции о положении дел в Ване. Кроме того, Артик вместе с В. Тер-Погосяном (впоследствии актёр и драматург Вагарш Вагаршян) намеревался издавать литературный альманах под названием «Гарнанамут» («Начало весны»). Это начинание создало определённую конкуренцию между ним и издателями журнала «Патани» («Юноша»), тем более, что недовольные этим журналом некоторые сотрудники объединились вокруг Артавазда. Как отмечает Мисак Эприк, «весть об этом переполохе дошла до Туманяна. Он своим вмешательством положил конец делению молодых писателей на две группировки. Приверженцы журнала «Гарнанамут» организовали литературный вечер в зале Кавказского Армянского Благотворительного общества. После примирения сторон этот вечер был объявлен объединённым»².

Артавазд хорошо усвоил также один из уроков отца о необходимости высоко оценивать науку – урок, который был дан в письме Туманяна сыну от 10-го августа 1910 г. – из Абастумана в Лейзен. В письме говорится: «Ты знаешь о жизни великих художников больше, чем весь Абастуман, который очень удивился твоей информированности. Но самое лучшее – это то, что ты также знаешь, что каким бы талантливым ни был человек, именно наука, идеи и впечатления обогащают его, наполняют, углубляют» (10, 102).

В архиве Артавазда Туманяна сохранились небольшие журналистские статьи и некоторые научные исследования, переводы из научных трудов и трактатов и самостоятельные размышления. Часть всего этого была в своё время опубликована в периодике, в частности, в газете «Оризон», под псевдонимом Arti. Из его опубликованных статей можно отметить: «Художественная выставка общеобразовательных школ Кавказа», «Начинающие драматурги», «Новые художественные курсы», «О Джоконде Леонардо да Винчи», «По поводу смерти В.А.Серова», «О выставке произведений прикладного искусства В. Вермишяна» и другие рецензии и сообщения. Как уже было отмечено, Артика больше всего интересовали жизнеописания и творчество великих художников эпохи Возрождения, в частности, Леонардо да Винчи, Рубенса, Тициана, Рафаэля, а также Бетховена, Шиллера, Пушкина и др. И здесь также, особенно в очерке, посвящённом Пушкину, чувствуется влияние и направляющая рука Ов. Туманяна. Обращаясь к высказываниям Белинского,

¹ См. Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 676.

² Там же, стр. 558.

Гоголя, Достоевского, А. Григорьева, Тургенева, Гончарова, Добролюбова о Пушкине, молодой критик характеризует русского гения так же, как это сделал бы его отец. Он пишет: «Когда мы говорим о Пушкине, перед нами предстаёт русская нация, русская душа... каждый великий поэт велик тем, что предстаёт как представитель своего народа и только в этом случае получает право в качестве национального поэта занять место в ряду бессмертных»¹.

Юный искусствовед и критик приступил к написанию исследований «Драгоценные камни в песнях Саят-Новы», «Средневековые армянские художники», «Японская живопись» и других, причём в некоторых статьях он описывал хачкары Лорийского региона. Он написал также очерки о Егише Тадевосяне и Мартиросе Сарьяне. Он, кстати, был первым, кто верно отметил особенности изобразительного искусства Сарьяна, первым, кто глубоко проанализировал живопись великого художника. Вот некоторые из характеристик Артавазда: «В картинах Сарьяна есть столько искусства, сколько не было ни в одной из работ армянских художников»; «Сарьяна относят к художникам-ориенталистам: это означает не понимать либо ориентализм, либо Сарьяна»; далее он разъясняет свою мысль: «Сарьян не уподобляет своё искусство восточному искусству, а просто рисует Восток, потому что чувствует большую близость, чувствует Восток как что-то своё»; «Для понимания нового искусства необходимо глубоко проникнуть в него, искать корни новых форм, понять смысл художественного творения»².

В своих очерках и статьях о художниках Артавазд боролся против тех критиков, которые отождествляли живопись с фотографией и требовали от художника буквальной точности в воспроизведении действительности. Конечно, рукописи исследований Артика остались в основном неопубликованными, однако они свидетельствуют, что его переполняла неутолимая жажда постижения искусства и науки. Он был охвачен навязчивой идеей создать гармоничную связь между понятиями родины, науки и искусства. Важнейшей святыней его кратковременной жизни было объединение этих трёх понятий, категорий. Это прямо или косвенно было обусловлено тем, что он был достойным сыном великого художника слова, было обусловлено его генами и воспитанием.

Как известно, мир личных и художественных связей Ованеса Туманяна был поистине велик. Артавазд старался не отставать от своего отца. В юношеские годы он был лично знаком со многими известными людьми, а с некоторыми из них даже дружил. Известны дружеские отношения Артавазда с Г. Агаяном, Г. Сундукяном, Ширванзаде, со всеми членами «Вернатуна», с Романосом Меликяном, Егише Тадевосяном, Мартиросом Сарьяном, Арменуи Тигранян, Арташесом Тер-Мартиросяном,

¹ «Гарун», Ер., 1977, N9, с. 55.

² Там же.

Погосом Макинцяном, скульптором Микаелом Микаеляном, филологом Гарегинном Овсепяном и многими другими. После смерти Газароса Агаяна он написал воспоминание-эссе «Памяти деда», в котором выразил свою большую любовь и горечь по поводу потери лучшего друга семьи и Великого человека¹. С какой-то особенной любовью Артик относился к другому постоянному посетителю их дома, который стал почти что членом их семьи – Деренику Демирчяну, среди других его достоинств высоко ценя музыкальные и литературоведческие пристрастия и художественно-эстетический вкус. «Дереник талантлив... с превеликим удовольствием читаю каждую его рецензию. Это какос-то откровение для нашей литературы», - говорил Артавазд².

Уже отмечалось, что Артавазд серьёзно занимался живописью. С 1910-го года посещал школу живописи в Тифлисе, был учеником Егише Тадевосяна, удостоился приза. При этом он был настолько одарённым, что Мартирос Сарьян прочил ему будущее художника, неоднократно высказывал убеждение, что если бы Артик не погиб в молодом возрасте, то непременно стал бы большим художником. Ещё в детские годы Артик художественно оформлял тетради со своими литературными сочинениями. Он намеревался также подготовить иллюстрации к книге «Легенды о Христе», к рассказу Чехова «Толстый и тонкий». Позднее, находясь в местах военных действий, он вместе с Н.Адонцем и Ашхарабекком Калантаром разъезжал по регионам Западной Армении и рисовал армянские монастыри и крепости.

Находясь в Джульфе, в письме к родным от 2-го февраля 1916-го г. Артик просит послать ему через товарища красок и альбом этюдов «на пять рублей»..

Разъезжая по территории исторической Армении, Артик повсюду встречал вызывающие восторг и восхищение прекрасные строения, памятники архитектуры и природные достопримечательности, преклонялся перед армянскими святынями. В письме сестре Нвард от 2-го марта 1916 г. Артик пишет о дороге, связывающей Дилман с Хоем: «Если бы ты знала, по каким красивым, восхитительным местам я проходил: достаточно назвать поле Аварайра... как прекрасно...

Затем следовали река Кармир, места гибели Вардана Мамиконяна и Гевонда... гавары Гер и Зареванд... Какие цари, князья, какие личности проходили по этим дорогам! Не перестаю удивляться Раффи, с каким мастерством, точно и замечательно он описал каждую подробность, какие пронизательные глаза были у этой «беспокойной души», какими чувствами лелеял он каждую задуманную строку»³. Примечательно, что Артик характеризует Раффи так, как Ованес Туманян охарактеризовал выдаю-

¹ Дети Туманяна. Артавазд Туманян. Книга вторая. Ер., 2014, с.с. 223-224.

² «Гарун», Ер., 1977, №9, с. 49.

³ Переписка семьи Туманяна, с. 79-80.

шегося романиста в день двадцатипятилетия его смерти. Это лишний раз показывает, насколько хорошо знали дети Туманяна не только его художественные произведения, но и публицистические, литературно-критические статьи и исследования, и даже выступления.

Артик просто влюбился в Западную Армению, там же и тогда же у него возникло сильное чувство к англичанке Элизабет Армстронг, которая находилась в Ванской области в качестве сестры милосердия. Элизабет, или Бетти, как её обычно называли, в свободные от работы часы давала Артавазду уроки английского языка. В двух молодых сердцах – драматурга и художника Артавазда и дочери «Туманного Альбиона» – загорелись красивые лирические чувства. В минуты любовного вдохновения Артавазд посвящает Элизабет стихотворение.

Артавазд писал Элизабет волнующие и трогательные письма на английском языке, выражая ей свою благодарность за гуманитарную миссию на его бедствующей родной земле. В ответных письмах англичанки ощущается её взаимная любовь, тоска и сердечный трепет по поводу проведённых в Ване дней. Элизабет Армстронг в одном из своих писем пишет: «Дорогой мой армянский юноша, дорогой мой ученик, не забывай английского, чтобы писать мне длинные-длинные письма. Что бы ты ни писал, как бы ты ни писал, я смогу тебя понять. И всегда помни, что я всегда буду проверять свой почтовый ящик. С беззаветной любовью и вечно твоя сестра Бетти»¹. Эта история чистой дружбы, искренней взаимной симпатии и любви прервалась трагической гибелью Артика. По той же причине прервалась история любви Артавазда и дочери известного врача и общественного деятеля О. Завриева.

Весной 1916 г., в частности, в период с конца апреля и в течение всего мая, Артавазд в Западной Армении занимается оказанием помощи сиротам. Сергей Городецкий свидетельствует: «В теснинах, находящихся между Ванской долиной и Армянским ущельем, где армянское население продержалось долго, Артавазд Туманян вместе с товарищами выявлял одичавших детей. Помню в их присутствии танец детей в запустелом дворе: ухватив друг друга за плечи, они покачивались в скорбном ритме: «Открой хурджин, достань оттуда нож». Артавазд объяснил мне смысл этой песни: возлюбленные делят яблоко. Затем он отвёл меня к окну и сказал: «Посмотри, вон там девушка-курдиянка, вон там – парень-курд»². Примечательно, что Артик находил время не только для того, чтобы истолковывать С.Городецкому армянскую песню, но и обучать русского поэта армянскому алфавиту³.

Артавазд вплоть до последнего дня своей жизни не перестаёт оказывать посильную помощь и проявлять заботу о беженцах и сиротах в

¹ «Азг», Ер., 2010, N11 (94), 24 июля.

² См. Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 877.

³ Об этом см. А. Закарян, Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье. Ер., 2015, стр. 22.

Западной Армении. Он знал, что отец гордится его беззаветной и самоотверженной патриотической деятельностью, всегда с большим волнением и трепетом ждёт от него какой-нибудь весточки. 23-го июня 1916 г. Ов. Туманян пишет сыну: «Из твоих писем узнаём, что ты здоров. А от приезжающих узнаём, что тебя все любят – радуемся. Старайся не болеть, возвращайся, чтобы заниматься своими делами. Мы ждали тебя. Ты говорил, что приедешь на какое-то время. Но ничего, война скоро закончится. Со всех сторон начали такое наступление, что возможно, этим летом закончится» (10, 241, 242). Каждое широкомасштабное нападение на Германию или Турцию вселяло в поэта надежду и оптимизм, и он хотел передать эту надежду и оптимизм своему сыну, ежедневно смотрящему в глаза смерти. Зная, что сын не может жить без искусства и творчества, поэт посылал ему через юриста Сиракана Тиграняна краски, чтобы Артик отображал на полотне природный мир и исторические памятники страны Васпуракан. В это время на плечах Ов. Туманяна лежал огромный груз национальных забот, его участия, помощи и заботы ожидали тысячи беженцев и сирот в Эчмиадзине и Тифлисе, ожидали самые различные, бесконечные и безотлагательные дела в Союзе Земляческих союзов, Национальном Бюро, Кавказском обществе армянских писателей, в Центральном Комитете помощи пострадавшим от войны... Сам писатель в дни своей болезни признаётся: «Из-за всех этих горестей, лишений и испытаний я почти состарился»¹.

В январе 1917 г. Артавазд собирался поехать в Муш. В Беркри он открывает чайные предприятия и пункты общественного питания. 23-го июня 1917 г. он возвращается в Ван, затем отправляется в Беркри-Кала, а с декабря 1917 г. вновь возвращается в Ван и остаётся там до весны. В эти годы он встречается с русским генералом и поэтом Ал. Кулебякиным, с Н. Адонцем, Ашхарабеком Калантаром, С. Городецким² и другими, а также с полководцем Андраником, через которого отправляет семье свою зарплату. Артавазд старался уведомлять семью, в особенности, отца о каждом своём шаге, о каждой, пусть даже самой незначительной, новости. В его письме от 27-го июня 1917 г., адресованном находившемуся на лечении в Пятигорске отцу, читаем: «Завтра утром едем в Кьошк-Ангх-Востан, чтобы открыть пункты питания. Возможно, останусь на несколько месяцев, или даже меньше»³. Письма Артавазда семье описывают будни войны и в этом смысле имеют также определённое историческое значение. В особенности в письмах, адресованных Ов. Туманяну, он старался по возможности подробнее обрисовать реальное положение населения, оказавшегося в тылу фронта, театра военных действий. Так, 27-го июня 1917 г. он информирует отца об обострении армяно-курдских взаимоотношений,

¹ Там же, стр. 232.

² Сергей Городецкий также занимался живописью. Об этом подробнее см.: А. Закарян, Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье. Ер., 2015, стр. 22.

³ Переписка семьи Туманяна, с. 94.

чему способствовали немцы. «Встретился с Поповичем, который приехал для ведения следствия по событиям Беркри. Вообще армяно-курдские отношения приобрели очень острый характер, в особенности благодаря нескольким немецким военным – они, наверно, вскоре уберутся отсюда»¹.

Артавазд получал разные поручения и задания не только в силу занимаемой должности – из Всероссийского Союза городов, но и от армянских военных и национальных деятелей. 2-го июля 1917 г. он пишет сестре Нвард: «Три дня сижу в Беркри-Кала. Приехал привести в порядок наш пункт питания... Очень пустынное место, каменистое и разрушенное»². Он сообщает также, что решением Патриарха он назначен представителем армянства районов Беркри и Абага. А до этого он занимался делами крестьян Беркри. 12-го декабря 1917 г. Артик снова уведомляет отца: «Через несколько дней еду в Тимур (Альюр) в должности комиссара. Там тринадцать сёл. Посмотрим, необходимо хорошо и стойко поработать, но что я очень надеюсь»³.

Вся семья и сам Ов.Туманян всегда беспокоились об Артавазде, потому что из-за войны письма очень редко доходили до места назначения, к тому же времени для их написания было очень мало. Однако беспокойство особенно усилилось в самом начале 1918 г., когда уже не оставалось никаких оснований для оптимизма. Русская армия отступила, оставила передовую линию Кавказского фронта, и ситуация в окрестностях Вана резко обострилась и осложнилась.

Как уже говорилось, Артавазд унаследовал от отца дар предвидения. С первых дней 1918 г. он был назначен комендантом Вана, став таким образом последним в истории армянским комендантом Вана. Письма Артика за 1918 г. полны тревог и предчувствия надвигающихся трагических событий, хотя ситуация была настолько тяжёлой и безысходной, что предвидеть грядущие трагические события не представляло большой трудности. Артик никогда, ни по какому поводу не роптал и не выражал недовольства, хотя трудился дни и ночи напролёт и выполняемая им работа была чрезвычайно опасна, сопряжена с большим риском для жизни. 18-го января 1918 г. он пишет отцу: «Положение совершенно запуталось, мне кажется, мы попадём в очень плохую ситуацию, поскольку здесь царит полная неразбериха. Уже неделя, как я назначен здесь комендантом и чрезвычайно занят»⁴. Письма с большим трудом добирались в обе стороны, и сын, в свою очередь, беспокоился о семье. 2-го февраля 1918 г. Артавазд пишет из Вана: «Дорогой отец! С каждым выезжающим стараюсь послать вам сведения – как о себе, так и о здешней ситуации. От вас не имею никаких вестей...

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, стр. 96-97.

⁴ «Гарун», 1977, N9, с. 56.

Моё здоровье и настроение хорошие. Дела здесь также постепенно улаживаются. Вчера на мосту в Беркри убили какого-то солдата-грузина. Это был старый человек, и очень хороший человек, по фамилии Кагава»¹.

Артавазд всё время остро тосковал по родным, он словно чувствовал, что никогда больше их не увидит. 7-го февраля он пишет из Вана: «Дорогой отец! О здешнем положении ничего не пишу. Расскажут те, кто придет.

Отец, ради всего святого, пишите письма! После получения моего письма в Ван отправятся очень многие люди. Пошлите письма с ними.

Положение страны довольно неопределённое – как бы оптимистично мы ни настраивались. Я живу очень и очень хорошо. Одно только плохо, что не получаю от вас писем и сведений»².

Невольно вспоминаешь никогда и ни при каких обстоятельствах не унывавшего, не терявшего присутствия духа Ованеса Туманяна. Он не выразил ни единого слова негодования и недовольства, когда его, законного в цепи, везли в товарном вагоне в Петербург. Более того, из тюремных застенков поэт всегда писал семье и близким друзьям светлые и жизнерадостные письма, постоянно подчеркивая: «Со мной всё в порядке» (10, 535). Он был очень болен, но писал: «У меня хорошее самочувствие. Настроение спокойное и умиротворённое. Никакого беспокойства»³. Понятно, что ни один арестант не может чувствовать себя комфортно, и Туманян не был исключением, но в его характере было никогда не сетовать и не унывать. Таким же образом он воспитывал своих детей.

Тоска по семье и беспокойство о её судьбе были настолько велики, что Артик писал письма, не дожидаясь на них ответа, писал почти каждый день. В письме к сестре Ашхен от 8 февраля 1918 г. он интересуется делами своего четырёхлетнего племянника Ованеса (Бобика), состоянием сестёр и других родных⁴. На конверте письма указано карандашом, что это последнее письмо Артика из Вана: вероятно, Ашхен имела в виду, что это было последнее письмо, адресованное ей. Из письма, написанного четыре дня спустя, 12 февраля, и адресованного матери Ольге, становится ясно, что Артавазд совершенно точно знал, что в случае, если он немедленно не покинет Ван, то окажется в городе, осаждённом со всех сторон турецкой регулярной армией; он отчётливо понимал, что ожидает тех, кто останется в городе, но при этом вовсе не собирался покинуть боевые позиции. «Майрик-джан, - пишет Артавазд, - письмо своё пишу у врача, который предупреждает меня, чтобы я писал ясно, чтоб можно было прочитать. Писать особенно не о чем. Положение очень смутное, и мне даже кажется,

¹ Переписка семьи Туманяна, с. 97. См. также: МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1776 (1239)

² Там же, стр. 97.

³ Там же, стр. 138.

⁴ Дети Туманяна. Ашхен. Воспоминания и семейные истории, Ер., 2011, ст. 165 (на арм. яз.).

что через несколько дней ситуация очень ухудшится. Мы окружены, осаждены врагами. Здесь самое настоящее армянское царство... Турки захватили мост и Ахлат и приближаются к Арчешу (посмотри карту)»¹. Он уже доподлинно знал, что больше никогда не увидит свою семью и родных, однако старался казаться оптимистом: «Посмотрим... увидимся ли мы друг с другом или нет? Это вопрос, но я настроен оптимистично»².

С этой минуты Артик уже был уверен, что если он не выедет из города немедленно, то ему не удастся спастись, однако он был сыном национального поэта Армении, смелым, самоотверженным представителем благородного рода, и он не мог отступить. Ованес Туманян своей неустранимостью, постоянной готовностью смотреть в глаза опасности, способностью никогда не роптать и не сетовать на судьбу, преодолевать трудности верой и надеждой был идеальным примером для своего сына. Это именно тот самый случай, когда яблоко от яблони недалеко падает.

Артик реально мог спастись. Ведь письмо дошло до места назначения, значит, и он вместе с нарочным мог добраться до Тифлиса, однако, предвидя близкий фатальный исход, он продолжал нести свою службу в обречённом на гибель городе – ещё один месяц, последний в своей жизни. И он продолжал бы служить ещё, если бы его не сразил вражеский ятаган. Каждую свободную минуту он использовал для того, чтобы написать ещё одно безответное письмо родным. Покидающих Ван беженцев было очень много, началась массовая миграция. Но Артавазд даже не помышлял о том, чтобы покинуть Ван. Его письма всё ещё доходили до семьи, а ответные письма он не получал по той простой причине, что покидающих Ван были тысячи, но приезжающих в Ван не было. Тем не менее, он продолжал писать. 22-го февраля Артавазд пишет письмо семье, будучи уверенным, что не сегодня-завтра окажется осаждённым во вражеском кольце, что он обречён на мученическую смерть. Невероятно тягостно читать эти письма, в которых он словно игнорирует близкую и неизбежную смерть и пишет о своей тоске и не столько о надеждах, сколько об ожидании чудес. Убеждение в невозможности спасения и новых встреч с родными ещё более усиливало тоску по ним. «Дорогие мои! Никогда ещё за время отдалённости от вас я так не скучал и не тосковал по вам, как в эти последние дни. Уже более двух месяцев я не получаю писем ни от кого из вас... Мы уже находимся в кольце, и это кольцо сужается, и в один прекрасный день мы обнаружим себя осаждёнными – это моё убеждение. Если каким-то чудом с Кавказа придёт армия, возможно, спасёмся... и вместе освободим нашу страну от них.

Прискорбно, но действительность такова.

¹ Переписка семьи Туманяна, с. 98.

² Там же.

Погода уже весенняя, что будет очень способствовать продвижению нашего врага вперёд.

Было очень трудно после ухода русских принять армянские склады, предприятия и в то же самое время снабжать припасами войска и защищать области. Каждый из нас исполняет десять обязанностей – таково положение.

Настроение моё не такое уж и плохое...»¹.

Когда в самом начале марта начинается всеобщее отступление, Артавазд опять не собирается покидать Ван. А 7-го марта, в дни массового панического отступления, накануне неизбежной гибели, Артавазд пишет: «Дорогие мои! Вот уже 4-5 дней страшная паника началась по поводу отступления. Пока ещё решено оставаться, но не думаю, что это продлится долго.

Возможно даже, что через несколько дней мы тоже отступим.

Если будет возможность остаться – хорошо, в противном случае – надеюсь, что мы благополучно отступим»².

Каждый день последний комендант Вана под рокот и гул перестрелки в ближайших от города населённых пунктах совершал обход почти опустевшего города, получал по разным телефонам известия и сводки о военном положении, о погромах и резне армян, и всё больше и больше убеждался, что отход неизбежен, но при этом всё равно не покидал позиции. Храбрый сын великого лорийца Ов. Туманяна мог оставить Ван только вместе с последним защитником города.

Последнее письмо, полученное семьёй от Артавазда Туманяна, было датировано девятым марта. Вероятнее всего, это было самым последним письмом в жизни Артика. После этого от него не было никаких известий. В этом последнем письме отчаявшийся юноша снова пытается обнадежить свою семью, и в первую очередь, мать. «Майрик-джан, здешнее положение довольно шаткое. Вчера с ночи в Востане начались обстрелы. Посмотрим, что будет. Вообще положение очень неопределённое, но я, тем не менее, убеждён, что отступление неизбежно. И это будет очень трудное отступление.

Наша надежда – на Персию, но и там уже идёт страшная резня. У меня на каждой линии есть телефоны, и я сразу же всё узнаю. Ничего, очень скоро, я надеюсь, всё закончится, и мы встретимся – живые и здоровые. Ради Бога, напишите хотя бы одно письмо, очень хочу получить хоть какое-нибудь известие о вас...»³.

¹ Там же.

² Там же, стр. 99.

³ Там же.

Отступление из Вана под руководством комиссара Ванской области Костина (Самвела) Амбарцумяна¹ было организовано через территорию Персии. После гибели К. Амбарцумяна в Саин-Кала губернатору Гяваша Левону Шагояну² удаётся одержать победу над турками и спасти беженцев, которых он сопровождает в направлении Ирака. Присоединившись к английским военным подразделениям, он добирается до Багдада и устраивает для беженцев палаточный городок неподалёку от города Басра. Если бы Артавазд находился в его группе, то ему удалось бы спастись. Однако он на свою беду выбрал путь прямого возвращения в Армению. Тем не менее, несмотря на стремление поскорее вернуться домой, он решает сделать привал в селе Гёй-Тапа (Синий Холм), чтобы поработать в медицинско-санитарной части, оказывая помощь отступающим армянским ополченцам и беженцам. Говорят, история не любит сослагательного наклонения. Но решение Артавазда органически дополняет его человеческий облик, свидетельствует о его благородной душе, отважном и самоотверженном характере. Если бы Артавазд не спешил и не был озабочен судьбами армянских беженцев и сирот, то он, скорее всего, вернулся бы домой живым и здоровым. Однако именно в дни последнего отступления из Вана, по-видимому, в приграничном посёлке Гёй-Тапа (Синий Холм), при исполнении своей патриотической миссии в медсанчасти, Артавазд Туманян был жестоким образом убит. Более точных сведений о времени и обстоятельствах гибели сына поэта до нашего времени не выявлено. Сергей Городецкий на основании разрозненных и скудных данных 8-го декабря 1918 г. опубликовал статью «Венок родным», в которой писал: «Они пали не в открытом бою, а в коварной засаде, их прямодушная доверчивость и бесстрашие встретились с вероломством и подлостью врага»³.

Из своих драматических произведений Артавазд выше всего оценивал пьесу «Рубенс», а пьеса «Рафаэль» могла бы стать вершиной его творчества. Юноша мечтал: «Но если я напишу «Рафаэль!» О, если я напишу его удачно, драма станет бессмертной, да, станет бессмертной»⁴. Вот с какими грёзами отправлялся на войну одарённый, преисполненный жизни и любви юноша, который, конечно же, и представить не мог, что погибнет в 24-летнем возрасте, оставив незавершёнными многочисленные твор-

¹ Кости (Самвел) Амбарцумян, Васпураканский Костин, "Ухтавор" (1882, Шуши - 1918, Саин-Кала, на территории нынешнего Ирака) - деятель армянского национально-освободительного движения. член партии "Дашнакцутюн". В 1908 г. организовал доставку оружия через Персию. С осени 1917 г. был руководителем временного правления г. Вана. В 1918 г. вместе с Левонем Шагояном организовал вынужденное отступление армян из Вана. Был убит в битве с турками.

² Левон Шагоян (1887, Хараканц, Васпуракан, губерния Вайоц Дзор - 1933), член АРФ "Дашнакцутюн", деятель армянского национально-освободительного движения, представитель армянского фиданского движения.

³ Кавказское слово, Тифлис, 1918, 8-ое декабря.

⁴ «Гарун», Ер., 1977, N9, с. 54 (на арм. яз.).

ческие планы, что он навсегда расстанется со своей любимой и любящей семьёй и возлюбленной девушкой, с родными и близкими, с жизнью...

По свидетельству С. Городецкого, впоследствии, после поездки в Константинополь, Ов. Туманяну удалось найти очевидцев убийства сына, которые утверждали, что «Артавазд был смертельно ранен в голову ударом меча и упал в реку»¹.

На протяжении восьми долгих месяцев Ов. Туманян не имел никаких вестей о сыне, он был очень обеспокоен, но не отчаивался. Ужасы войны наложили свой неизгладимый отпечаток на судьбу некогда жизне-радостного и мудрого поэта. Он устал от крови, устал от вражды людей и народов. Эти впечатления и настроения поэта нашли выражение в пронзительном и полном отчаяния четверостишии, написанном 12-го июля 1918 г., когда его сына уже не было в живых. Поэт всё ещё не располагал никакой определённой информацией о сыне, он всячески старался отталкивать от себя дурные мысли и предчувствия, но подсознание говорило ему, что столь долгое молчание Артавазда означало его гибель; поэту повсюду виделась кровь, он скорбел о кровавой судьбе своего народа.

Куда идти? – твои следы в крови.
К кому идти? – знакомый, друг в крови.
И как забыть мне этот мир в крови?
Внимаешь песне, но она в крови.

(Пер. Гургена Баренца)²

С октября до середины декабря 1918 г. Ов. Туманян тяжело болел и был прикован к постели. Самым чёрным, ужасным и трагическим днём в его жизни оказалось 3-е декабря. В этот день он просматривал утреннюю почту и случайно прочитал в тифлисской газете «Нор Оризон» сообщение об убийстве Артавазда. В небольшой заметке говорилось: «По дороге, ведущей из Беджара в Хамадан, курдами были убиты доктор Варданян, Микаэл, Туманян Артавазд и девица Саакян (служащая «Союза городов»)»³. Сражённый горестным известием, словно молнией, поэт уже никогда не смог прийти в себя, не смог оправиться.

Нвард Туманян в своих воспоминаниях пишет: «Утром получили номер «Оризона»... Прочитал... Известие сразило отца... Он рыдал с газетой в руках. Тяжёлое, очень тяжёлое было зрелище»⁴.

¹ См. Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 886 (на арм. яз.).

² Перевод публикуется впервые.

³ «Нор Оризон», 1918, N 12, 3 декабря (на арм. яз.). См. также: Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 167 (на арм. яз.).

⁴ См. Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 167 (на арм. яз.).

Услышав о гибели Артавазда, Ваан Тотовенц поспешил навестить Туманяна и дал описание великого поэта в момент величайшей его скорби. «Никогда ещё весёлые, гостеприимные и ликующие стены дома Туманяна не были такими мрачными. Все тихо плакали. Туманян сидел напротив стола и проливал горькие слёзы, которые тихо капали, настолько душеспипательными и жалостными они были.

До сих пор ещё я помню его слёзы, чистые слезинки великого поэта, столь же чистые, как весенняя роса, и такие же жгучие, словно капля расплавленного серебра»¹.

Поэт скорбел, тосковал, грустил, однако не хотел и не мог примириться со случившимся несчастьем. Но с того самого дня, как бы он ни сомневался в правдивости газетной информации, как бы его сознание ни отвергало возможность гибели Артавазда, Туманян до последнего дня своей жизни оплакивал смерть сына. Д.Демирчян пишет: «Этот случай глубоко уязвил его. Туманян вообще был мужественным, философом, и в несчастиях – будь то общественные или личные – был мужчиной, но именно в этом была причина, что он страдал ещё сильнее... И вот судьба нанесла Туманяну удар, дав убить такого сына в глубине Персии, да ещё кто знает с какой жестокостью...

- Ушёл, не вернулся, - говорил он мне часто и печально покачивался на качелях...

- Ах, ну что же произошло с моим мальчиком?..

Туманян был неузнаваемым в часы печали.

«Улыбчивый поэт», «вечно улыбающийся Туманян», «жизнерадостный поэт», - такими словами обычно характеризуют Туманяна говорящие о нём современники. Однако у Туманяна был свой внутренний, тайный мир: когда он говорил о своих личных переживаниях – совершенно менялся. Умолкали шумы окружавших его бюро, правлений, посетителей, исчезали обыденные задачи, и Туманян говорил о своих горестях и раздумьях»².

Мировая война, погромы, резня, геноцид, смерть двух братьев почти обессилили поэта, однако трагическая гибель сына окончательно срубила его, и он после этого никогда уже не смог оправиться от боли. Дочь поэта Нвард пишет: «Начиная с 3-го декабря, когда пришло известие об убийстве Артика, наш дом помрачнел. Хотя и до этого под грузом как всеобщего, так и личного горя отец уже согнулся, потерял здоровье и свой весёлый нрав, но при этом всё ещё не был сломлен... Убийство Артика внезапно перебило ему спину.

С этого самого дня, 3-го декабря, сердцем отца, казалось бы, овладела большая безутешная печаль...

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с.с. 145-147.

² Там же, стр. 41-42.

До этого, как бы он ни был обременён заботами и горестями, он всё ещё продолжал и принимать гостей, и идти в гости, шутил и остроловил, однако после этого он больше не мог скрывать переживаний и начал избегать посторонних людей»¹.

Но время всё же было военное, могло случиться какое-то недоразумение, и поэт отказывался верить, признавать очевидное, думал, что газеты могли ошибиться. Он не видел тела сына, ему предстояло заниматься этим до конца своей жизни. В период с 3 по 7 декабря 1918 г. он пишет письмо проживавшему в Хамадане Сааку Степаносяну, одному из друзей Артавазда, и просит узнать что-либо о судьбе Артика, и если он действительно погиб, то хотя бы выяснить, уточнить обстоятельства гибели сына (10, 297)². Одновременно он обращается к Аршак-хану Горояну, представителю Американской миссии мистеру Джеймсу с просьбой сообщить ему достоверные сведения об Артавазде. 6 декабря один из героев апрельской героической самообороны Вана Григор Булгарацци встречается с Туманяном и подтверждает весть об убийстве Артавазда (10, 297). На следующий день, 7 декабря, поэт передаёт письмо мистеру Джеймсу, чтобы тот переправил его в Тегеран Овсепу Мирзояну. По поводу сообщения Григора Булгарацци Туманян в этом своём письме пишет: «Это ужасающее известие о том, что мой сын Артавазд (Артик), который был в Ване этапным комендантом, по дороге из Беджара в Хамадан вместе с товарищами был убит курдами.

Я и вся моя семья просто раздавлены под грузом этого горя и живём только теми лёгкими сомнениями, возбуждаемыми с разных сторон, что это неправда»³.

В том же письме поэт упоминает о своих письмах-прошениях, адресованных Сааку Степаносяну, Аршак-хану Горояну и мистеру Джеймсу, а также об их обещаниях: «Умоляю, Вы также со своей стороны предпримите меры, чтобы узнать, что произошло, и дайте знать через мистера Джеймса, Аршак-хана или консульство Персии. А если это произошло, то посодействуйте с перевозкой тел моего сына и его товарищей в Хамадан. Телеграфируйте немедленно, я вышлю все расходы, и я также приеду, заплачу всем сполна»⁴.

В лексиконе чрезвычайно гордого поэта слово «умоляю», да ещё в вопросе, касавшемся личной жизни, почти никогда не встречалось, и в этот раз поэт умолял не только за своего сына, но и его погибших товарищей. Туманян даже в своём огромном и страшном горе не забывал и чужих бедах.

¹ Нвард Туманян, Воспоминания и беседы, с. 170.

² Саак Степаносян в это время работал в Хамадане садовником у губернатора. Письмо Туманяно утеряно.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 297-298.

Со всех концов страны к поэту поступали слова утешения и соболезнования. Одновременно с болью и горечью многие выражали своё искреннее восхищение личными качествами и организационной, патриотической деятельностью Артика, сожалели о том, что его большое и несомненное дарование так и не успело раскрыться. 6-го декабря 1918 г. Л.Евангулян пишет: «Высокочтимый г-н Туманян!

Смерть несчастного Артавазда глубоко меня опечалила. Не знаю, как выразить мою искреннюю боль, что судьба была чрезвычайно жестока как в отношении Вас, так и в отношении тех, кто знал этого честного и талантливого юношу.

Летом 1916 г. я поехал в Ван, где познакомился с Вашим сыном, этим честным, умным, ласковым, благовоспитанным Артаваздом, которого любили не только его коллеги, сотрудники Союза Городов, но и английская санитарная группа, которая в то время функционировала в Армении, но и беженцы, о которых он заботился... Две недели мы вместе с беженцами удалялись из Вана в направлении границ Еревана. И всё это время я был с Артаваздом, во многих случаях убеждался, насколько разумную любовь питал он к своему народу и насколько полезен он был своей неутомимой деятельностью... он распоряжался о предоставлении сиротам пристанища; Артавазд приносил большую пользу, каждый принимал его с большой любовью, с улыбкой на лице. Сожалею, очень сожалею»¹.

А Сергей Городецкий, который во время долгого путешествия в Ван очень сблизился с Артиком и которого именно Артик обучал армянскому языку², послал свою телеграмму с соболезнованием 3-го декабря 1918 г., то есть именно в день публикации в периодике известия о гибели Артавазда. В телеграмме Городецкий писал:

«Дорогой Ованес Фаддеевич.

Сейчас Вартгез перевёл мне из “Оризона” печальные строки о гибели в бою наших общих друзей и в их числе нашего нежного темнокрылого голубя Артика. Слезы мне застилают глаза, я его любил как единокровного брата, но моё горе кажется мне маленькими сумерками по сравнению с огромной ночью Вашей скорби.

Я не смею утешать Вас, отца героя, но я так близко-близко стою около Вас и смотрю вместе с Вами в опустевший мир и жду минуты, чтобы поднять вместе с Вами глаза к вечным звёздам, где теперь душа Артика.

Обнимаю Вас и целую Вас крепко.

Ваш всею душой Городецкий»³.

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1158 (318 доп.)

² См. об этом: Анушаван Закарян, Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье, Ер.,

³ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1102.

С. Городецкий называл Артика незабываемым другом с прекрасным взглядом и душой и говорил: «Как много творческих сил погибли в нём, жаль его сердца, которое было переполнено горячей туманяновской кровью. Артавазда ожидало процветание. Вся юношеская неуравновешенность, которая была в нём, непременно должна была превратиться в прекрасное произведение. Что он унёс с собой: эпические полотна, в которых должен был рассказать, если бы стал художником, о страданиях своего народа? Трагедии, которые он написал бы, если бы остановился на театре, и в которых отразился бы исторический перелом его народа... Смерть выбрала в качестве своей последней жертвы самых лучших, самых преданных, самых необходимых, и только их светлые тени будут парить над Арменией – в дни её возрождения»¹.

Впоследствии С.Городецкий начинает, но оставляет незавершённым роман «Сады Семирамиды», в котором с большой художественной выразительностью и воодушевлением описывает свою поездку в Западную Армению и уделяет значительное место «сыну самого любимого поэта Армении», сделав Артавазда одним из главных персонажей своего произведения. Артик изображён как большой патриот, как стройный и благообразный юноша, наделённый огромной любовью к искусству, прекрасно разбирающийся в искусстве и оригинально о нём рассуждающий.

Полковника Андраника весть о гибели Артавазда застаёт в Горисе. И уже 26-го декабря 1918 г. в письме, адресованном А.Хатисяну, наряду с подробным описанием положения нашедших приют в Зангезуре беженцев, обо всех его перенесённых страданиях и злоключениях, о содержании детского приюта за счёт скудных средств и возможностей его отряда, о своём решении оставить Зангезур, о своих взаимоотношениях с руководством Республики Армения, он выражает своё искреннее соболезнование в связи с гибелью сына Ов. Туманяна. Это своё письмо генерал послал через Шириняна и Костаняна. Андраник писал: «Передайте привет Вашему брату – Ованесу Туманяну. Я получил его письмо. От моего имени передайте мою глубокую скорбь по случаю смерти его благородного сына»².

А за несколько дней до этого, 14 декабря, Туманян пишет письмо Андранику о горестях народа и о своем личном горе. «В последние несколько дней получили известие, что в Персии был убит мой второй сын – Артавазд, который был с беженцами из Вана. Мы просто раздавлены под тяжестью этого горя» (10, 299). Поэт уведомляет также генерала о тех обвинениях, которые распространялись об организаторах и ответственных

¹ «Азг», 2010, N11 (94), 24 июля.

² Национальный архив Армении, ф. 370, оп. 1, д. 53. См. также: Андраник Озанян, Документы и материалы, Вестник архивов Армении 1. (89) – 2 (90), Составители Арутюнян А.О., Арутюнян Г.Г., Эвоян В.С., Мирзоян С.С., Сафян П.Г., Шатириян Г.М., Ереван, 1991, стр. 329-331.

за самооборону Вана лицах, о распространившемся общественном мнении по вопросу вынужденной сдачи Вана: «Должен тебе сказать, что Григор Булгарац и его друзья прямо виноваты во всех бедствиях переселения из Вана. Так рассказывают и осуждают все прибывшие»¹.

Гибель сына Артика побуждает поэта обратиться к размышлениям о вечности, о безграничности, о космических и вселенских категориях. Не случайно, что он в эти самые дни, вечером 15-го декабря, перечитывает свою поэму «В беспредельность» и выражает удивление по поводу того, что написал это философское произведение в возрасте 24-х лет. Высказывает сожаление, что не поддался уговорам Л.Шанта и не сохранил вторую часть поэмы, что уничтожил её, поскольку она оставляла угнетающее впечатление. Сожалел о том, что оставил поэму незавершённой².

На протяжении долгих месяцев Туманян пытался унять щемящую и безысходную тоску, часами разглядывая фотографии сына и мысленно беседуя с ним. 2-го января 1919 г., когда люди отмечали Новый год, поэт, по словам Нвард, «весь день ходил по комнате, смотрел на фотографию Артика, со слезящимися глазами, с понурой головой, согбенной спиной, и сам был печальный, печальный... Взгляд его был устремлён на сына, он, казалось, спрашивал... где ты? Неужели ты не придёшь?..

В этот день он не был с нами, он забыл всех нас»³.

Первого января 1919 г., в новогодний день, первым посетителем дома Туманяна был Сергей Городецкий, затем пришли Тигран Ованнисян, Вртанес Папазян, один из лучших друзей детских лет поэта известный пианист Ростом (Степан Зорян), который совсем недавно вернулся из Персии и обещал привезти какие-то сведения об Артике. Но он при всём своём желании не мог сказать ничего хорошего или, хотя бы, определённого. То, что случилось, было реальностью, а найти тело погибшего Артика было невозможно. Поэтому после ухода товарища поэт загрустил ещё сильнее. В эти дни он разговаривал со своими детьми о жизни и о смерти, вспоминал близких и выражал веру и надежду, что существует какая-то невидимая связь между умершими и их живущими родными. Он то и дело продолжал обращаться во все инстанции, ко всем лицам, которые могли бы располагать хоть какой-то информацией, с угасающей надеждой что-то разузнать. Как видно из ответного письма Овсепя Мирзояна, поэт обращался к нему, однако он не мог сообщить ничего нового и утешительного. Мирзоян пишет Туманяну из Тегерана: «Мой дорогой друг, Ваше письмо и весть об убийстве Вашего сына причинили мне большую боль. Я постарался незамедлительно собрать здесь сведения. Однако, к сожалению, не добился никакого положительного результата. Точно известно только то, что Артик вместе с тремя другими товарищами выехал из Беджара, но

¹ Там же, стр. 300.

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 168 (на арм. яз.).

³ Там же, стр. 171.

так и не добрался до Хамадана. О том, что случилось с ними, рассказывают разное, но ни одно известие не является точным.... Все эти сведения основаны на одних домыслах и предположениях.

По этой причине я написал в Хамадан – брату, чтобы он приложил все усилия и, не останавливаясь перед затратами, собрал информацию и срочно сообщил мне. Естественно, что если я получу от него известие, немедленно сообщу Вам...

До получения этих сведений молю, желаю, чтобы непроверенные сведения об убийстве Артика оказались ложными, и он в один прекрасный день появился у Вас, чтобы утешить Ваше отцовское сердце»¹.

Трагическая гибель сына явилась самым печальным эпизодом в личной жизни Туманяна, и эпизод этот совершенно исключителен по своему огромному воздействию на душевный мир великого страдальца, видевшего много смертей, много горя, потерь и лишений².

Тот, кто видел писателя в минуты его неизбывного и безутешного горя, до конца своей жизни не мог забыть этого угнетающего впечатления, не мог без волнения рассказать и привести в воспоминаниях каждое произнесённое им слово, каждый взгляд и жест некогда «весёлого и жизнерадостного» Туманяна. И поскольку видели его горе и тоску главным образом его родные и домочадцы, его собратья по перу, то они с большой художественной силой и выразительностью воссоздали, передали образ скорбящего, смертельно тоскующего поэта, который, несмотря на охва-

¹ МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N1756 (403).

² В письме от 2-го марта 1916 г. Туманян пишет: «И действительно, последние несколько месяцев были ужасными в моей жизни. Сперва – Ван, затем летом – Эчмиадзин, после этого убийство одного моего брата, затем убийство другого; дом остаётся совершенно без присмотра – одни лишь растерянные, скорбящие женщины и дети, а другие мои дети находятся на отдалённых фронтах либо в госпиталях, сыновья разбросаны здесь и там и находятся в опасности, дома группами болеют, причём месяцами; наконец, вместе со всем этим происходят истории, о которых и писать не хочется – одним словом, пусть эти последние месяцы уйдут и не возвращаются» (10,234). Туманяна особенно волновало состояние скорбящей матери и то, что от неё долгое время скрывали весть о погибшем на фронте сыне, поскольку были уверены, что Сона не вынесет этого «непередаваемого горя», что сообщить это скорбную весть старой женщине «с безумным сердцем», пережившей одну за другой столько потерь и столько горестей, равносильно тому, чтобы «расстрелять её, убить или довести до сумасшествия, что ещё хуже» (10,234). Однако держать мать в неведении было очень не просто, поскольку Сона была наделена сильным даром ясновидения и чувствовала сердцем, что сына нет в живых; она без конца требовала новых доказательств о том, что её сын жив. Сам поэт старался быть сильным, держаться, поскольку при необходимости он сам говорил окружающим людям: «Тот, на кого смотрит столько глаз, должен быть подобен скале» (10,232). Поэт чётко сознавал, что на него с надеждой и упованием смотрит целый народ, чудом спасшийся от резни, от геноцида, голодный и раздетый, бесприютный и лишившийся родного очага, Родины. На поэта смотрели и нуждались в его помощи и поддержке тысячи беженцев и сирот, нищенствующие писатели и интеллигенты, смотрела его семья и весь его род. Именно поэтому он был твёрд «как скала», держал себя в руках, почти никогда не терял присутствия духа и готовности всегда помогать нуждающимся людям, в то время как в душе его гнездились большое горе, неизбывная тоска, и «море армянского горя» было его личным горем, личной трагедией.

тившее его отчаяние, несмотря на неисчислимыe потери и утраты, старался победить, преодолеть своё горе. Это образ очень сильного духом, очень стойкого человека, одновременно и сломленного и не сломленного ударами судьбы, и он всегда будет волновать каждого читателя, как волнуют сегодня шекспировские образы, мужественно переносящие свои несчастья и скорбящие по своим утратам. В воспоминаниях в дневниковых записях современников Туманян предстаёт перед нами то верящим в возвращение сына Артавазда, то потерявшим всякую надежду и скорбящим о невозможной утрате. Речь идёт, в частности, о воспоминаниях Ширванзаде, Нвард Туманян, Тотовенца, Лео, Городецкого и других.

3-го января 1919 г. Туманян пригласил детей в свою комнату и завёл речь о смысле жизни и смерти, а в конце беседы «снова заговорил об Артике, сожалел, скорбел. То с надеждой верил в его возвращение, то печально оплакивал его потерю»¹. На ту же тему – «о бессмертии, о таинстве жизни и смерти»² поэт говорил с детьми и 5-го января и делал всё возможное, чтобы утешить их, смягчить их боль и тоску по брату, разъяснял, что «только сильные в нравственном отношении люди могут оказаться в Царстве Божьем»³. Говорил поэт и о том, что самым главным в жизни является внутренняя творческая сила, воля, нравственная сила, для чего необходимо всегда «совершенствоваться, быть сильными, совершенными...»⁴.

Ширванзаде через пятнадцать лет после гибели Артавазда пишет в своей статье «Поэт и отец» о том, как в период пика своей славы, когда всенародно отмечалось пятидесятилетие поэта, Туманян сказал: «Поверь, сегодня я предал бы огню все свои произведения, только бы вернули мне моего потерянного сына»⁵. Ширванзаде вспоминает: «Он не переставал, и даже до самого смертного своего часа не перестал скорбеть о своём самом любимом сыне, который стал одной из жертв империалистической войны и которого он лелеял всей силой своей чувствительной души»⁶.

В высшей степени выдержанный в выражении своих чувств поэт, как бы он ни старался, не мог скрывать своего неизбывного горя. Джалал Тер-Григорян пишет: «Туманян... всей своей сущностью, до глубины души был объят безутешным горем и опешил от тяжёлого удара; он, казалось, попал под воздействие сфер мистицизма. При этом в нём время от времени появлялась искра надежды, что смерть сына может оказаться неправдой. Днём и ночью он не находил себе места от горестных раздумий и душевных страданий»⁷.

¹ Н. Туманян, Воспоминания и беседы, с. 171 (на арм. яз.).

² Там же, стр. 172.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 399.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 411.

Каждый раз, когда кто-то из Западной Армении через Персию добирался до Тифлиса, Туманян спешил встретиться с ним и расспросить об Артике, получить хоть какой-то обнадеживающий ответ или узнать что-то новое, какие-то подробности о его гибели, однако каждый раз его ожидало разочарование, и он возвращался домой беспокойный и взволнованный, и в минуты подобного отчаяния уединялся в своём кабинете, старался спрятать от всех и каждого своё горе и свои страдания.

Одним из таких дней было 25-го января 1919 г. Совсем недавно скончался один из его близких товарищей – Степан Зорян (Ростом), и его смерть также произвела на поэта тяжёлое впечатление. Нвард вспоминает: «В этот день он словно потерял все свои надежды. Вечером собрал нас в своей комнате, побеседовали; он немного рассеялся, настроение улучшилось. Ночью поздно лёг спать. В два часа мама разбудила меня – мол, отец плохо себя чувствует. Я пошла в его комнату; он был бледен, сердце томилось, хотел воздуха... «Привиделся Степан... он страдал передо мной, я помогал ему, я видел только его половину, он обнимал меня...»

Мы открыли окна, дали воды, долгое время беседовали, сидя рядом с ним; он говорил об Артике. В эти месяцы все его мысли вращались вокруг смерти. Он был мрачен, печален, угнетён...»¹.

12-го декабря 1919 г. поэт рассказывает о своём угнетённом состоянии и отмечает его причины, одной из которых является смерть Артика; он был вынужден объяснить детям, почему он больше не может улыбаться всем, радоваться чему-то. «1915-1916 годы, разруха наших дней и миграция народа, разрушили жизнь моего Артика... Я немало потерял – мой родной дом и его – Артика, это слишком большие потери, чтобы я мог остаться прежним»².

Да, он не переставал скорбеть, хотя и старался скрывать свою боль и тоску, насколько это было возможно, потому что находился в постоянном окружении беженцев и сирот, которым не было ни конца ни края, которые были ещё более несчастны, чем он сам, и которых следовало утешать, поддерживать, подбадривать, которым следовало помогать...³

¹ Н. Туманян. Воспоминания и беседы, с. 173.

² Там же, стр. 211.

³ Судьба одного из близких друзей очень сильно взволновала поэта. Речь идёт об активном участнике общественной жизни и национально-освободительного движения, многоопытном педагоге и публицисте Акопе Сарикяне. Он потерял своего сына почти в то же время, что и Ов. Туманян. 20-го октября 1918 г. в возрасте 20-лет скончался от туберкулёза сын Сарикяна Хорен. И поэт, сам находясь в большом горе, в феврале 1919 г. пишет Сарикяну письмо, в котором говорит, что стойко переносить страдания могут только люди с сильным духом. «Дорогой мой Тер Акоп. С большой болью прочитал я твоё письмо. Дорогой Тер Акоп, возможно, в другие дни я бы не понимал с такой глубиной твою скорбь, как в эти дни, когда глаза мои ещё не высохли от горечи потери сына. И если ты знаешь или не знаешь, то, возможно, чувствуешь, с каким тёплым чувством отношусь я к тебе, и можешь этим измерять, насколько я переживаю за тебя и за твоего сына» (См. 10,304). Это вовсе не были слова вежливости, поскольку Туманян очень высоко ценил человеческие качества и заслуги Сарикяна, и его признание, которое находим в более

Когда после смерти Артика прошло уже почти два года, горе, боль и тоска поэта совершенно не отступили, не притупились, а, казалось, напротив, усилились. Туманян всё ещё продолжал надеяться, он не мог противостоять непреодолимому желанию вновь увидеть сына. Известно, что поэт был наделён очень сильным даром ясновидения. Но однажды, 11-го марта 1920 г., предчувствие его подвело. Возможно, это был единственный подобный случай. Тоска и ожидание сына оказались сильнее благоразумия, способности трезво оценивать реальность и, тем более, мириться с ней. Бушующие чувства боли и страдания пересилили мудрость поэта, и в указанный день он, возможно, не столько верил, сколько хотел уверить себя в том, что сын вернётся домой, и отец спел для него несколько известных церковных песен – шараканов, затем всю ночь напролёт просидел в гостиной - за столом, за чаркой вина, чтобы открыть сыну дверь. Вот как рассказывает об этом дне Нвард Туманян: «Была поздняя ночь. Вдруг я проснулась, до моего слуха долетел голос поющего отца; он пел очень мягко и нежно, но бодро и легко. Пел песню «Сурб-сурб».

Вначале мне казалось, что мне это слышится во сне, настолько издали и мягко слышался голос... Затем я встала с постели, думая, что уже утро, или что к отцу пришёл гость. Пошла в гостиную. Вижу – на столе стоит вино мадера, стол накрыт, а сам он одиноко сидит, пьёт и поёт; настроение у него было хорошее, вернее, было очень плохое. Ему вдруг почудилось, что Артик должен вернуться, и он не смог заснуть, встал, пришёл в гостиную, накрыл стол и стал ждать...

Было два часа ночи. Он пел и, напевая, казалось, звал его. Его песня была плачем, горем, тоской и зовом...

В модуляциях песни было столько глубины и возвышенности, столько горести, в горе было столько слёз, и на лице было столько света и ясности...»¹.

Безграничное горе и огромное страдание Туманяна не могли не выплеснуться, не могли не воплотиться в поэтические образы, в художественное слово. И в каждом четверостишии поэта, написанном после чёр-

раннем письме к Сарикяну, говорит о многом. После совместно проведённого с Сарикяном отдыха и лечения в Пятигорске поэт писал 15-го августа 1917 г.: «Мне кажется, что я приобрёл нечто очень ценное, то есть нашёл человека» (10,267). Эти слова признания следует воспринимать исходя из мировоззрения поэта, который отличался исключительной требовательностью в морально-этических вопросах, касающихся человека и человечности. Среди многочисленных личностей, постоянно окружавших поэта, очень редко встречались такие, которые полностью отвечали его представлениям о почётном звании человека. Ещё в 90-е гг. Туманян сделал в своём блокноте следующую запись: «Намного легче находить друзей, чем людей. Так же и я – имею много друзей, но среди них мало кого можно назвать человеком» (См. Туманян. Исследования и публикации, т. 5, Ер., 1998, с. 176 (на арм. яз.). Нельзя исключать, что в таком тёплом отношении поэта определённую роль сыграло обстоятельство общности отцовских судеб.

¹ Н. Туманян. Воспоминания и беседы, с. 225.

ного дня 3-го декабря 1918 г., в каждой строке, посвященной огромному армянскому горю, следует искать личную боль писателя. Одно из этих четверостиший было написано 12-го июля 1922 г. и свидетельствует о непреходящей, не слабеющей до самого конца жизни боли и тоске поэта.

Как много скорби и могил в моем усталом сердце!
Я столько близких схоронил в моем усталом сердце.
Я и припомнить не могу в жестокий этот час,
Чтоб свет когда-нибудь светил в моем усталом сердце.
(Пер. Н. Гребнев)¹

Даже в марте 1921 г., когда Туманян отправлялся в Ереван, чтобы прекратить братоубийственную гражданскую войну, сопровождавшие поэта люди видели в его глазах безутешную скорбь отца, потерявшего сына. Серик Давтян пишет: «Туманян был озабочен. В глубине его глаз была печаль, какая-то глубинная печаль. Таким печальным я его видела впервые. После убийства Артика я не видела Туманяна»².

Отнять у поэта его веру и надежду было невозможно. Даже 7-го марта 1921 г., когда родные отвезли его в больницу на операцию, и поэт думал о возможном неблагоприятном исходе, Туманян дал наказ: «Я бы очень хотел, чтобы вы отвезли меня в наше село и похоронили на холме Дыд, я очень любил это место в детстве, и до сих пор люблю. И постарайтесь найти Артика. Если он окажется живым – прекрасно. И если когда-нибудь найдёте его, приведите ко мне, похороните рядом со мной, пусть мы будем вместе. Ведь он для меня – самое дорогое в моей жизни... Я сам себе не настолько дорог, насколько он для меня; хотел бы, чтобы он был рядом со мной...»³.

За несколько дней до смерти, 18-го марта 1923 г., в Московской клинике поэт спрашивает свою дочь Ашхен, чья смерть, по её мнению, тяжелее – отца или сына? У смертного одра своего отца Ашхен, мать девятилетнего сына, которая тогда, конечно же, не знала, что ей через годы придётся увидеть смерть своего единственного ребёнка, отвечает отцу: «Отцы бывают разные, дети тоже бывают разные». Туманян ей возразил: «Нет, ошибаешься. Я очень любил своего отца, очень... Мой божественный отец... Его смерть причинила мне очень большую боль, но боль из-за Артика была сильнее...»⁴.

Таким вот образом, до самых последних мгновений своей жизни Туманян скорбел по утрате сына так, как переживал её 3-го декабря 1918 г., а возможно, ещё сильнее и ещё глубже.

¹ Ов. Туманян. Избранное. М., 1988, с. 357.

² Ов. Туманян в воспоминаниях современников, с. 617.

³ 29,254.

⁴ Там же, стр. 311.

Почти столетие прошло со времени трагической гибели Артавазда Туманяна, однако его судьба продолжает волновать каждого, кто был знаком с его жизнью и творчеством, с его ярким человеческим образом. Он, этот блестящий юноша, беззаветно влюблённый в Западную Армению, в страну Васпуракан, был одной из жертв Первой мировой войны, одной из жертв Геноцида армян, хотя и мог спастись, если бы был воспитан по-другому, если бы не вырос на примерах национальных героев, не получил уроков мужества, храбрости, беззаветного и самоотверженного патриотизма, если бы не был сыном Поэта Всех Армян – Ованеса Туманяна.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*Покуда мог – свет отдавал я людям,
даровал, покуда не иссяк.*

Ованес Туманян

Самозабвенный, самоотверженный подвиг Ованеса Туманяна в годы Первой мировой войны и Геноцида, его разносторонняя плодотворная общественная деятельность являются яркими примерами патриотизма и гуманизма. Поэт своими делами показал, что общественный и национальный деятель в дни испытаний должен быть со своим народом, делить с ним его боль и страдания, жить его буднями, радостями и горестями, его надеждами. Это было жизненным убеждением Туманяна, его гражданской позицией; он просто не мог себе представить иного подхода.

В начальный период войны Туманян оказался на перекрёстке надежд и разочарований, но, тем не менее, со свойственным светлым душам оптимизмом он сумел преодолеть эту свою растерянность. Он не только констатировал в качестве свидетеля и очевидца преступления, совершённые Османской империей против армянского народа и человечества, но и, обратив свой взор в будущее, направил свои старания на подсчёт ущерба, нанесённого армянскому народу мировой войной, и на восстановление исторической справедливости.

Удивительным, но вместе с тем и вполне понятным и объяснимым было то, что в условиях мировой войны и ужасов массовой резни и изгнания западноармянского населения с какой-то особенной силой начал пробуждаться и возрастать интерес армянской интеллигенции к своей национальной культуре, к своему самобытному искусству и литературе – интерес, который мог способствовать повышению национального самосознания армянского народа, мог объединить и сплотить его перед лицом страшного испытания. Было понятно и объяснимо стремление поэта противопоставить средневековому варварству и мракобесию векового врага свою высокую культуру, предстать перед цивилизованным миром своей богатой и славной многовековой поэзией. Компенсирование физической слабости огромной нравственной, духовной силой исходило из историко-философского мировосприятия нашего народа. Ещё в пятом веке, накануне потери Арменией своей государственной независимости, Месроп Маштоц противопоставил мечу врагов письменную культуру и сумел одержать победу, обеспечив культурное существование своего народа на протяжении всех последующих веков. Именно в этом контексте необходимо рассматривать как появление многочисленных общественных организаций, так и значительные события в духовной жизни народа, пристальное внимание деятелей зарубежных культур и, в частности, русской культуры к истории, культуре, литературе и искусству армянского народа,

и брясовские дни в Закавказье, и новое пробуждение армянского искусства; рождение нового поколения армянских талантливых деятелей культуры и расцвет творчества уже состоявшихся поэтов, писателей, художников, музыкантов, учёных.

Литературное творчество Ов. Туманяна, созданное в годы войны, ещё раз подтвердило, что его исторической миссией являлось во что бы то ни было, ценою всех своих сил и возможностей сохранить веру и надежду народа в возрождение единой родины, в создание могучей объединённой Армении, великого свободного и независимого армянского государства, и этой самой идеей, этой верой и надеждой утешить тысячи и тысячи армянских беженцев и сирот, своих растерянных, потерявших все жизненные ориентиры соотечественников.

Туманян в художественно-литературных и публицистических произведениях выразил свою давнюю и заветную мечту о том, чтобы армянский народ мирно и счастливо жил в семье развитых, культурных и цивилизованных народов. Впрочем, об этом же применительно к своему народу и всему человечеству мечтала каждая светлая душа, все великие философы, мыслители и гуманисты всех времён и народов. И, подобно всем другим великим людям, Туманян противопоставлял «вечно живущему злу» добро и красоту, и он верил, что в конечном итоге добро и красота победят зло, сумеют спасти мир.

Центральным вопросом эпохи являлся «Армянский вопрос», который, в свою очередь, поднял на новую высоту армянскую публицистическую мысль. Здесь свой серьёзный вклад имеет также Ованес Туманян. В период мировой войны и Геноцида его публицистический талант раскрылся с новой силой, по-новому проявились его блестящие и редкие способности с удивительной, поистине научной точностью и глубиной оценивать все актуальные проблемы и задачи текущей литературной жизни, толковать самые острые, жизненно важные и судьбоносные вопросы с точки зрения национальных интересов.

В годы войны и Геноцида публицистические статьи, выступления и воззвания Туманяна по своему содержанию являлись проявлениями его ни на минуту не прекращающейся борьбы, направленной на обеспечение физического выживания своего народа. Эти выступления были своеобразной баррикадой, откуда выстрелы поэта нередко попадали точно в цель.

Противопоставляя себя завоевательной политике и национализму, шовинизму враждующих, воюющих друг против друга правителей, столкнувших народы в кровавой бойне, поэт в одном из своих черновых набросков пишет: «Всё человечество – это единая семья. Народы являются членами этой семьи. Все они идут к одной цели, и у каждого из них – своя роль: сделать счастливыми всех, и сделать это всеобщее счастье счастьем каждого человека. Какую роль играет каждый народ? Узкий национализм и т.д. наносят вреда настолько, насколько наносят вреда правительства, секты и т.д.» (8, 450).

В годы войны и Геноцида поэт ценой невероятных усилий на протяжении нескольких лет пытался справляться с ужасающими образами и картинами массовой резни и изгнанничества своих западноармянских соотечественников, старался переносить боль и горечь утраты исторической родины – Западной Армении, выдерживать трагедию невиданных до того в истории человечества, доходивших до невероятных масштабов погромов, беспрецедентно жестоких убийств и истязаний пещерного человека-зверя; старался перенести разочарование, потерю веры и надежды в победу освободительной русской армии; старался пережить убийства двух братьев, следовавшие одно за другим; поэт был вынужден скрывать гибель брата от своей матери, чтобы горе не подкосило её, не лишило рассудка; он осознанно, за неимением другого выхода, подвергал смертельному риску жизнь почти всех своих детей; он на протяжении большого срока был лишён какой-либо возможности заниматься художественным творчеством, литературой; на него, таким образом, сразу навалились и личная, и национальная трагедия.

Именно в годы войны и Геноцида Туманян озвучил в своих четверостишиях космические мотивы, обращался к темам таинства жизни и смерти, стал размышлять о вселенной и стал одним из ее «обитателей» («Душа моя, живя в земном доме, Вселенную объяла – свет и тьму»)¹. Армянское горе, страдания всего человечества, горечь и боль от его личных утрат свили гнездо в его большом, словно вселенная, сердце:

Как много в мире зла в наш трудный век,
Печаль сердца прожгла в наш трудный век.
Боль всех сердец в одну соединилась
И на меня легла в наш трудный век.
(Пер. Н. Гребнева)²

Поэт пытался верить в то, что, обрушив на его семью и на его народ столько страданий и мучений, Бог подвергает испытанию его веру. Он ощущал себя библейским Иовом блаженным, ради испытания степени и пределов веры которого Творец лишил его того, что тот имел. Подобно Иову, ставшему синонимом долготерпения и кротости, незабываемой веры в Бога, Туманян также молчаливо и безропотно переносит все выпавшие на его долю несчастья и трагедии и говорит: «Наконец, подобно Иову блаженному, мы должны воскликнуть: да будет благословенна воля Господа. Что ещё нам делать, не всё же в наших руках» (10, 235).

До начала мировой войны Туманян, несмотря на политические преследования, которым он подвергся, несмотря ни на что – во всяком случае, в глазах общественности – был самым жизнерадостным и улыб-

¹ Ов. Туманян, Избранное, М., «Худ. лит.», 1988, стр. 349.

² Там же, стр. 356.

чивым, приносящим людям радость человеком во всём Тифлисе. Вот характеристика его близкого друга поэта Аветика Исаакяна: «Он был украшением общества, душой, пылающим факелом всех пиров, приглашений. Он повсюду был тамадой, непревзойдённым тамадой... Каждый, кто один раз видел его, хотел снова и снова его увидеть. Быть рядом с ним, слышать его беседы, шутки, остроты – было величайшим удовольствием. Куда бы он ни шёл, брал с собой свою весёлость. Каждый, кто общался с ним, забывал, что на свете существуют горе и боль»¹.

Однако горе и боль существовали на свете, и ещё какое горе и какая боль! И если Туманян часто повторял, что «У пирующего пиры не оскудеют», то вместе с тем в глубине души полностью разделял мнение своего друга, легендарного армянского полководца Андраника, который также повторял эту поговорку Туманяна, но уже в своей редакции: «У пирующего пиры не оскудеют, у горящего горя не убавится; мир таким был, таким и останется»².

Однако после войны автору знаменитой сказки «У пирующего пиры не оскудеют», известному своим весёлым и жизнерадостным нравом и получившему в числе своих славных «титолов» звание Тамады всех армян Ованесу Туманяну порой казалось, что в жизни у него не было радостных дней. Со временем, уже на закате жизни поэта, бездонное горе бесчисленных потерь не только не утихомирилось, но и стало ещё больше, ещё беспредельней.

Как много скорби и могил в моём усталом сердце!
Я стольких близких схоронил в моём усталом сердце.
Я и припомнить не могу в жестокий этот час,
Чтоб свет когда-нибудь светил в моём усталом сердце.
(Пер. Н. Гребнева)³

Безвозвратная утрата радостных дней, «света» в усталом сердце поэта была связана не только со «скорбями и могилами». Среди похороненных близких были и все мечты и творческие планы поэта, которые так и остались нереализованными. Время расширило список ненаписанных и незаконченных произведений поэта, разрушило многочисленные творческие начинания и все надежды когда-либо довести их до завершения.

Как и все гении, Туманян осознавал свою великую миссию на земле и, не будучи в состоянии в полном объёме реализовать своё дарование, поставить его на служение своему народу и человечеству, поэт боролся с суровым временем и считал, что потерпел поражение, поскольку он свою жизнь «не в светлый сад, а в площадь превратил», поскольку ему так и не

¹ Ов. Туманян в воспоминаниях современников, стр. 20.

² См. письмо Андраника Ов. Туманяну от 11-го марта 1919 г., написанное на бланке «Начальник армянского особого ударного отряда». МЛИ, ф. Ов. Туманяна, N 893 (504).

³ Ов. Туманян, Избранное, М., «Худ. лит.», 1988, стр. 357.

удалось «взрастить свой сад». Поэт был уверен, что он виноват перед Творцом и остаётся у него в долгу, потому что не оправдал возлагавшихся на себя надежд:

Бесследно промелькнул мой век... О, как я виноват
Пред тем, кто жизнь мне даровал – мой невзращённый сад!
(Пер. Н. Гребнева)¹

И это при том, что очень многие армянские и зарубежные писатели и деятели культуры держались как можно дальше от реалий мировой войны, в упор не замечали страданий народа и занимались своей жизнью, своими делами и своим творчеством.

Отчаянные попытки сопротивляться, противостоять обрушившимся на армянский народ бедствиям отнимали у поэта почти всё время, а литература, поэзия так и продолжали оставаться на втором плане. Поэт мечтал дожидаться благоприятного времени, чтобы можно было полностью посвятить творчеству. Он сравнивал себя с известным персонажем восточного фольклора Насреддином, который сидел на берегу речки и чего-то ждал. «Его спрашивают: чего ты ждёшь? – А он: жду, мол, когда река пройдёт, чтобы потом я мог пройти. Точно так же и мы – ждём, когда время пройдёт, чтобы могли жить той жизнью, какой хотим, чтобы могли заниматься... и всё ждём и ждём» (10, 253).

Однако Туманян был несправедлив к себе: как бы не мешал Туманян-национальный деятель Туманяну-поэту, тем не менее, даже в годы войны поэт не был пассивным созерцателем, он не только дожидался благоприятного времени, но и всячески старался приблизить это время. Он был несправедлив к себе, когда говорил: «цветов я не взрастил». Одних только стихотворений «С отчизной» и «Поминовение», и, конечно же, четверостиший, было бы вполне достаточно, чтобы говорить об очередной победе его творческого духа в годы войны и Геноцида. Таким же примером слишком строгого, несправедливого отношения поэта к себе является и следующее исповедально-искреннее четверостишие:

Жизнь сном была иль явью, я не знал, — всё пролетело.
Мелькали дни, я гнался, не догнал, — всё пролетело.
Не воплотилось то, о чём мечтал, — всё пролетело.
Я жизнь как будто в споре проиграл — всё пролетело.
(Пер. Н. Гребнева)²

По мнению литературоведа Левона Ахвердяна, у Туманяна нет более несправедливой по отношению к себе строки, чем последняя строка

¹ Там же, стр. 356.

² Там же, стр. 352.

этого четверостишия. Ахвердян пишет: «Наоборот, совсем наоборот. Не проигранная в споре жизнь, а однозначно выигранная жизнь. Такая победа творческого духа, которая редко удаётся даже гениальным личностям. Это жизнь-подвиг, жизнь-созидание, жизнь-бессмертие»¹.

Ованес Туманян был также исключительным и уникальным в своём роде отцом большого семейства, который, безгранично любя всех своих детей, нашёл в себе столько мужества и душевных сил, чтобы в самые страшные для армянского народа дни, когда стоял вопрос его физического существования, положил на жертвенный алтарь самое дорогое, что у него было – жизни своих совершеннолетних детей. Мало кому из смертных людей дано понять такое решение, такое человеческое поведение. И жестокое время со злорадством и с открытыми объятиями приняло эту великую жертву поэта. Война отняла у него любимого сына, оставив на сердце безутешного поэта незаживающую рану.

За какое бы дело ни брался Ованес Туманян, будь то научное исследование, поручение общественного или национально-патриотического характера, он всегда глубоко вникал в суть вопроса и брался за него со всей отдачей, с чувством ответственности. Единственным человеком, на которого он полагался, к которому был беспощадно требователен и которого он нещадно эксплуатировал, лишив покоя и не давая ни минуты передышки, был он сам. И тем не менее, Туманян в итоге оказался в выигрыше, потому что он был убеждён, что человек всегда выигрывает в той мере, в какой отдаёт себя. Он выиграл то, что, по его же выражению, было самым трудным делом в жизни – высшее звание Человека. Вспомним его слова, сказанные в последний период жизни: «На свете всё просто, и только одно трудно – быть человеком»². Звание Человека поэту вручили его соотечественники, пережитое им время и история, провозгласив его воином, сражающимся во имя человеколюбия, гуманизма.

Ованес Туманян просходил из рода долгожителей. Его дед Ованес-ага прожил 105 лет и перед самой своей смертью сказал: «Стоило ли рождаться ради этих нескольких дней?»³. Поэт использовал это выражение деда в одном из своих четверостиший:

О ты, клянущий всё кругом, о жадный человек!
Ты, может, и велик умом, но невелик твой век.
Здесь многие уже прошли, и свой двухдневный путь
Пройди, стараясь отличить, где суета, где суть.
(Пер. Н. Гребнева)⁴

¹ Л.Ахвердян, Туманян и его время, Ер., «Арег», 1995, стр. 111 (на арм. яз.).

² Н. Туманян, Воспоминания и беседы, стр. 290.

³ Там же, стр. 213.

⁴ Ов. Туманян, Избранное, М., «Худ. лит.», 1988, стр. 352.

Ов. Туманян прошёл свой жизненный путь за 54 года. Много это или мало? Другие писатели и деятели армянской литературы, члены туманяновского литературного кружка «Вернатун», близкие друзья поэта прожили намного больше. Все они перешагнули рубеж семидесяти лет. Так, Ав. Исаакян и Л.Шант прожили 82 года, Д. Демирчян – 79 лет, Н.Аг-балян – 72 года. И это замечательно, потому что дерево армянской литературы, армянской культуры продолжало жить и приносить плоды. Все перечисленные деятели армянской литературы прожили после Геноцида 1915 года около четырёх десятилетий, тогда как Туманян после 1915 года прожил всего восемь лет. И главным стимулом было его стремление конкретными делами и действиями помочь своему многострадальному народу, вынужденному противостоять вызовам времени и вести неравную борьбу с силами зла за своё физическое существование. Он жил, чтобы угаснуть, давая свет людям.

Первый читатель этой книги и её редактор, туманяновед Магда Джанполадян в процессе работы над книгой сказала: «До сих пор я считала, что земная жизнь Туманяна была очень короткой, но теперь я удивляюсь, как он смог столько прожить в таких условиях? И теперь я почувствовала, что Туманян за отведённый ему срок успел сделать намного больше, чем кто-либо другой». Наблюдение это вполне понятно. Кажется, что всего того, что увидел и пережил поэт за свою жизнь, более чем достаточно, чтобы подорвать самое крепкое человеческое здоровье, чтобы разорвать самое здоровое человеческое сердце, чтобы свести с ума самого душевно уравновешенного человека. А Туманян не просто видел всё это, он был не просто свидетелем и очевидцем всех ужасов своего времени, а непосредственным участником, потому что он жил среди этих ужасов, все эти ужасы происходили с ним и с его народом. Он жил жизнью своего многострадального народа. В течение нескольких кошмарных месяцев, проведённых в Эчмиадзине в 1915 г., поэту пришлось пройти все круги ада; он увидел такие страшные картины человеческих страданий и мучений, которые не могли бы привидеться даже Данте в самых жутких его видениях.

В годы Первой мировой войны и Геноцида, в борьбе армянского народа за своё физическое выживание Туманян стал средоточием, оплотом, оазисом надежды на спасение, стал символом национальной судьбы и особенностей национальной психологии, стал верой и светочем, синонимом потерянной исторической родины армян и уверенности в том, что когда-нибудь в будущем эта родина будет вновь обретаена.

Документально освидетельствованная хроника каждого дня, пережитого поэтом в годы мировой войны и Геноцида, подтверждает, что Туманян, кроме поэтического, творческого гения, был наделён также незаурядными способностями предводителя народа, общественного и национального деятеля, пламенного патриота, способного воодушевлять народ на выдающиеся подвиги.

Жизнь поэта была ни на минуту не прекращающейся и не прерывающейся борьбой и подвигом. Он был одним из тех великих армян, тех ярких исторических личностей, которые олицетворяли свою эпоху - таких, как Андраник, Гарегин Нжде¹, Симон Врацян и другие. Все они знали и понимали цену своего самопожертвования. Гарегин Нжде говорил: «Жертвуй, жертвуй без конца, без остатка. Жертвуй и страдай с лучезарной улыбкой удовольствия на лице... И ты приблизишься к Богу, ты станешь человеком-Богом»². Однако в отличие от этих и других выдающихся патриотов, Туманян был ещё и великим поэтом, и он проявил те же качества – преданность, храбрость, стойкость, жертвенность, понимание общенациональных интересов – и в своём творчестве. Поэт перебросил мост между физической и духовной Арменией, между её прошлым и настоящим, между её настоящим и будущим, и именно этим, в первую очередь, стал собирательной совестью и душой своего народа.

Ованес Туманян был наделён самым большим сердцем самого большого армянина, самой глубокой душой. Счастливое сочетание этих качеств загло его сердце неугасимым пламенем, в котором в первую очередь сгорел он сам. Поэт по какому-то поводу заметил: «Это так: кто хочет давать свет, должен гореть» (7, 105). И он сгорел в пожаре, который охватил его родину и его народ, но сгорел не в качестве жертвы, как его западноармянские собратья по перу; он сгорел от своего же пламени, сгорел, живя судьбой каждого армянина. Поэт освещал всё вокруг, и он иссяк, излучая свет. В четверостишии, датированным 24-м декабря 1917 г., он пишет:

Кто ни сжигал меня: и друг, и враг!
Горел я, озарял собою мрак.
Покуда мог — свет отдавал я людям,
Свет даровал, покуда не иссяк.

(Пер. Н. Гребнев)³

Свет, излучаемый поэтом, настолько ярок, что и сегодня является маяком, указывая не только армянам, но и всему человечеству путь к будущему, путь извилистый, долгий и полный непредвиденных опасностей.

¹ Гарегин Нжде (настоящее имя – Гарегин Егишевич Тер-Арутюнян; 1 января 1886 – 21 декабря 1955) – армянский военный и государственный деятель, основоположник концепции армянской национальной идеологии.

² См. Г. Нжде, «Дашнакский Пантеон», Бейрут, 1968, стр. 329-330.

³ Ов. Туманян, Избранное, М., «Худ. лит.», 1988, стр. 349.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

- Абациев Дзамболат – 102, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 117, 119, 122, 127, 128, 142, 187, 142, 187, 188, 190, 191, 193, 194, 223, 224, 225, 311
- Абашидзе Григол – 12
- Абдул Гамид – 80, 100, 157, 163, 207, 464
- Абдул Керим-паша – 222
- Абегян Арташес – 143, 261, 432
- Абегян Манук – 362, 364, 365, 372, 433
- Абемян Александр – 89
- Абемян Ованес – 341, 362
- Абовян Анушаван – 517
- Абовян Константин – 426
- Абовян Хачатур – 426, 466, 492
- Абраамян Г. А. – 145
- Абрамян Р. – 390, 432
- Абрамян Ншан, беженец – 211, 248, 302
- Абхизи К. – 372
- Авакян Вержине – 249
- Авакян Ов. – 202, 205, 207
- Аветис, архитектор крепости Баязет – 130
- Аветисян М. – 18, 262, 387
- Аветисян Оган – 264
- Авлецян, командир отряда – 197
- Авсаркисов А. – 450
- Авшарян Г. – 91
- Агаджанян, врач – 388
- Агасян Варсеник – 495
- Аганян Гют – 309, 329, 353, 387, 430
- Агаронян Аветис – 22, 33, 72, 400
- Агаронян Вардгес – 271, 272, 273, 361
- Агаян Газарос – 10, 407, 452
- Агаян Маттеос, актёр – 411
- Агаян Мушег (сын Г. Агаяна) – 407, 452
- Агбальян Никол – 39, 88, 143, 362, 364, 373, 393, 394, 410, 413, 415, 427, 429, 452, 477, 537, 594
- Адалян Рубен – 164
- Адамян Петрос – 524, 563
- Адамянц Тачат – 26, 37
- Аджемян Гегам – 39, 40
- Аджемян Ляля – 271
- Аджемян М. – 539
- Адлер Альфред – 57
- А-До – 226, 447
- Адонц Никогайос – 275, 276, 362, 568, 570
- Азизян Мовсес – 247
- Азири, ашуг – 406, 452
- Айастан, беженка – 297
- Айвазян Акоп – 41
- Айказян Цолак – 308
- Айкак, сын Д. Варужана – 159
- Айрапетян А., учитель – 49
- Айрапетян Г., беженец-сирота – 282, 302
- Айрик, беженец-сирота – 297
- Айтнян Арсен – 436
- Акимович, секретарь генерала Дрягина – 104
- Акоб ага, торговец – 110
- Акопян Симон – 361
- Акопян Амаяк, художник – 308
- Аксаков Сергей Тимофеевич – 322
- Александр Джордж – 439
- Алиханян Конст. – 357, 359, 362, 363, 364, 369, 539,
- Алишан Гевонд – 404, 436
- Амазасп, хмбапет – 224
- Аматуни Саак – 20, 21, 33, 34, 274

- Амасийский Яков Васильевич (1855 – не ранее 1917), генерал русской армии
- Амбрацумян Амазасп – 376, 377, 385
- Амбарцумян Костин – 575
- Амирханян А. – 55
- Амирханян Овсеп – 136
- Амирян Вардан – 40
- Амирян Т. – 450
- Амстронг Элизабет – 569
- Анаит, сестра Л. Караханяна – 305
- Ананун Давид – 30, 31, 77
- Андраник – 8, 15, 89 – 93, 96, 98, 170 – 174, 189, 192, 197, 223, 223, 232, 234, 235, 273, 274, 286, 306, 311, 323, 334, 335, 339, 368, 381, 466, 467, 527, 550 – 557, 570, 580, 591, 595
- Андерсен Ганс-Христиан – 562
- Анопян Оноприос – 448
- Антокольский Павел – 507
- Апель-Чилингарян Хелен (жена Р. Севака) – 158
- Апель Франц – 158
- Арабаджи Исмаил, главарь банды – 157
- Аракелян Арам – 387, 388
- Аракелян Амбарцум – 52 – 56, 58 – 62, 64 – 66, 70, 71, 73 – 78
- Аракелян Аршак – 73
- Аракелян-Покарян Ханум – 59
- Арамаис (Мисак Тер-Даниелян) – 353
- Араратян Саркис – 171
- Аргутян А. – 32, 39, 89
- Аргутян-Долгорукий Борис – 45, 316, 318, 364
- Аргутян Овсеп – 92
- Аркепископосян Усик – 519
- Армен (сын Д. Варужана) – 158
- Армен Арменян (актёр) – 362, 430
- Арутюнян Ашот Осипович – 551, 557, 580
- Арутюнян Аветис – 225
- Арутюнян Арташес – 160
- Арутюнян Арцрун, беженец – 231
- Арутюнян Вараздат – 307
- Арутюнян Гурген, брат Вараздата Арутюняна – 307
- Арутюнян Г. Г. – 551, 557, 580
- Арутюнян Исаак – 411
- Арутюнян Мартирос – 30
- Арутюнян Мовсес – 41
- Арутюнян Самсон – 97, 253
- Арцруни Григор – 56
- Арцруни В. – 55
- Арцыбашев Михаил – 57
- Аршак, беженец-сирота – 297
- Асланян Азнив, беженка – 229
- Асланян Амазасп – 26
- Асланян Хачатур – 369
- Аствацатрян Микаэл – 385
- Атанасян Ашот – 237
- Ахвердян Геворг – 417, 419, 422
- Ахвердян Левон – 321, 477, 494, 499, 505, 592, 593
- Ахмад-бек – 101, 218
- Ахмадулина Белла – 12, 240, 448, 449
- Ахмад ибн Фазых – 469
- Ацагорцян Арсен – 247, 263
- Африкян Хачатур – 357
- Ачарян Рачия – 355, 356, 362, 363, 365, 366, 399, 477
- Баба Тахи Урьян, персидский поэт – 208
- Бабаджаниян, врач – 283
- Бабанов, подполковник – 191
- Бабкен, вардапет – 261, 284
- Бабаян Симон – 448
- Бавоян Никогайос (Тер Никол), священник – 97
- Баграмян Ованес – 92, 96
- Багдасарян Нвард – 258, 287
- Багратуни Арсен – 436
- Багратуни Мушег – 50

- Бадалян Саргис, беженец – 231
 Бадикян Х. – 476, 477
 Байрон – 6, 314, 412, 459, 525, 531, 561
 Баклачев Левон – 256
 Бако, курдский вождь – 104, 128
 Бакунин Михаил Александрович – 370
 Бакхауз Альфред – 438
 Баласаниян Лусик, беженка – 229, 249
 Бальмонт Конастантин – 402, 404, 483
 Бараташвили Николоз – 483
 Барбюс Анри – 412, 439, 495
 Бардухимеос, епископ – 261, 419
 Баренц Гурген – 155, 156, 576
 Барнов Василий – 438
 Барсегов Юрий – 164
 Барсегян О. – 130
 Баруздин Сергей – 12
 Бархударян Саркис, композитор – 406
 Бархударян Александр – 255, 275
 Бастамян Ст. – 483
 Башинджагян Геворг – 362, 422, 424, 427, 524
 Белинский Виссарион Григорьевич – 5, 459, 566
 Бекдабеков, адъютант генерала Огановского – 98
 Бекзаян Арам – 387
 Беляев, генерал – 193
 Берберян Минас – 359, 363, 364, 390
 Бёрнс Роберт – 483
 Бетховен – 566
 Бзнуни Амаяк – 368
 Бжишкян Гайк (Гай) – 92
 Билль Вольфмайер, проф. Венского университета – 152
 Бисмарк – 463
 Бичерахов, генерал – 224
 Бонапартян Айк – 551
 Бонапартян Х., врач – 431, 551
 Борисов Михаил – 401
 Ботев Христо – 6
 Брайс Джеймс – 149, 161
 Брандес – 413, 561
 Браун – 304
 Брюсов, Валерий Яковлевич – 12, 77, 150, 276, 345, 402–404, 411, 416 – 418, 423 – 425, 430, 432, 441 – 454, 471, 482, 483, 518, 589
 Брюсова Иоанна Матвеевна – 443, 446
 Брем А. – 531, 561
 Будаков Л. – 529
 Булгараци Григор (Григор Кёзаян) – 167, 204, 234, 578, 581
 Бунин Иван Александрович – 400
 Бэкстон Гарольд – 442
 Бюзандян Сильва, беженка – 212
 Валадян В. (Мкртыч Ванецян) – 309, 413, 434
 Вали-бек – 218
 Варданян, доктор – 567
 Варужан Даниэл – 18, 157 – 160, 163, 164, 433, 444, 481
 Вангейгайм, посол Германии в Турции – 158, 161
 Вардазарян Баграт – 273
 Вардазарян Пилипос (Филипп) – 87, 95, 147, 325
 Варданян Микаэл – 447
 Варданян Григор – 271, 272, 273
 Вахтанг IV – 469
 Вахушти (Багратиони) – 469
 Веселовский Юрий – 402, 441, 450, 454, 483,
 Веранян Тигран (Тер-Ованес) – 37, 40, 42
 Вересаев В. В. – 400
 Верлен – 412
 Вермишев Христофор – 377
 Вермишян В. – 566

- Вероника, дочь Д. Варужана – 158
 Верфель Франц – 150
 Верхарн Эмиль – 452
 Верховский Юрий – 404
 Веспер М. – 296
 Вильямс Аньюрин – 439
 Волгин – 99
 Воронов, генерал – 346
 Воронцов-Дашков Илларион
 Иванович – 22, 33, 84, 90, 95,
 96, 137, 187, 191, 192, 235, 347
 Врамян Аршак, депутат Осман-
 ского парламента – 152, 165,
 166
 Вращян Симон – 23, 26, 34, 143,
 188, 223, 224, 393, 394, 595
 Вруйр, актёр и фотограф – 24, 563
 Вштуни Азат – 313
 Выховский И. – 437

 Гаврилов Василий – 83, 84, 337,
 338
 Гадасянц – 27
 Галаджян Т. – 412
 Галджян Левон – 167
 Галикян Грант – 204
 Галфаян Карапет – 524
 Гамалян С. – 51, 459
 Гамсахурдия Константин – 12
 Гандзакеци – 531
 Гарагаш Айкуи, актриса – 392
 Гарегин, вардапет – 345
 Гаро Армен – 109, 111, 116, 117,
 121, 125, 127, 128, 224
 Гароу Эрнест – 316, 318
 Гасан-ага бек – 114, 129
 Гасан, извозчик – 158
 Гаскель – 318
 Гаспарян Арутюн – 55
 Гаспарян С. – 406
 Гафалович, командир Лабинского
 полка – 196
 Гафиз – 417, 504, 532
 Гахраман бек – 129

 Гево Тигран – 126
 Геворг V – 119, 144
 Геворгян Варсеник – 386
 Геворкян Арутюн – 164
 Геворкян Казар, беженец – 212
 Гевонджян Еновк – 540
 Гегам Армен – 443
 Гейне – 426, 525, 528, 532, 562
 Гёте – 6, 10, 459, 483, 525, 528,
 532, 562
 Гербель – 490
 Герцен Александр Иванович – 370
 Гладстон – 34, 37, 463
 Глджян Арсен (Симон) – 273, 528
 Глинка – 477
 Гоген Поль – 8
 Гомер – 10, 233, 529, 563
 Гончаров – 532, 567
 Городецкая Нимфа – 483
 Городецкий Сергей – 12, 341, 343–
 345, 483, 569, 570, 575, 576,
 579–581, 583
 Гороян Аршак-хан – 578
 Горький Максим – 149, 402 – 404,
 482, 562
 Гохикян Геворк, беженец – 248
 Гранин Даниил – 12
 Гребнев Наум – 13, 15, 176, 215,
 396, 413, 461, 498, 508–510, 521,
 586, 590–593, 595
 Гречанинов Александр – 368
 Грибоедов Александр Сергеевич –
 404, 410, 437, 450
 Григор, беженец-сирота – 297
 Григорьев Аполлон – 13
 Гримм братья – 48, 322
 Гудиашвили Ладо – 524
 Гуниба, командир отряда казаков –
 184, 185
 Густ Вольфганг – 164
 Гюго Виктор – 412, 561
 Гюльназарян Конст. – 127

 Дабагян Норайр – 298, 299

- Давид IV Стронтель – 469
 Давтян Ваагн – 548
 Давтян Серик – 560, 586
 Давыдов Н. В. – 400
 Даниелян А. – 255
 Даниэл, вардапет – 210
 Дарбинян Вардан – 290
 Дарбинян Карапет – 49, 53
 Даштенц – 303
 Девоян Т., прапорщик – 126, 194,
 222–224
 Деврикян Вардан – 200
 Делоян Ншан, беженец-сирота –
 301
 Демирчян Д. – 10, 19, 39, 250, 415,
 512, 523, 537, 564, 577, 594
 Демирчян Карен – 304
 Демирчян Римма – 304, 305
 Деникин Антон Иванович – 331
 Диасамидзе Гр. – 371
 Джавахишвили Иване – 371
 Джалаладдин, хорезмский
 правитель – 531
 Джамалян Аршак – 431
 Джами – 412
 Жанполадян Магда – 416, 480,
 489, 594
 Джевдет-бей – 152, 161, 165–168,
 170, 234
 Дживани – 341
 Дживелегов Алексей – 429
 Джрбашян Акоп – 204
 Джрбашян Саломе – 201
 Джрбашян Эдуард – 12, 492, 493,
 504
 Добровленский В. – 73
 Добролюбов Николай
 Александрович – 567
 Додохян Геворг – 448
 Долуханов – 123
 Достоевский Фёдор Михайлович –
 413, 414
 Дрампян Рубен – 50
 Дро (Драстамат Канаян) – 96, 109,
 111
 Дрягин М. Н. – 104
 Дурян Петрос – 531
 Дюр, немецкий археолог – 426
 Еазмачян, врач – 255
 Евангулян Катарина –
 Евангулян Л. – 579
 Евангулян Ш. – 289
 Егиазарян Аломон – 357
 Егиазарян Гайк, врач – 274
 Егиазарян Мкртыч, учитель – 278
 Егибян-Багдасарян Нвард – 257,
 268, 287
 Езекян Аветик – 55
 Екарян Арменак – 167, 202, 204
 Енгибарян Гарегин – 53
 Ереванци Хачатур – 112
 Ерицян Асатур – 53
 Ерицян Вагаршак (Норенц) – 298
 Еркайнабазук-Аргутян Борис – 45,
 316, 318
 Ермаков, фотограф – 24
 Ерухан – 160
 Есаян Забел – 285, 288, 354, 362,
 389, 433, 521, 527
 Жертваго А.П. – 400
 Жилкин И. В. – 400
 Жорес – 463
 Заварян Симон – 22–25
 Завен, патриарх – 151
 Завриев (Заварян) Ашот – 184
 Завриев Давид – 185
 Закарян Анушаван – 343, 347, 376,
 377, 443, 569, 570, 579
 Зардарян Рубен – 160, 433
 Заргарян Аристакеc, врач – 27,
 240, 309, 322, 376
 Зарьян Наири – 303
 Збанацкий Ю. – 12
 Звягинцева Вера – 12

- Зейтунцян Перч – 155
 Зограб Григор – 153, 154, 156, 157, 163
 Зорьян Стефан – 11, 393
 Зорян Ростом – 584
- Ибсен – 413, 561
 Иванов Вячеслав – 406, 450
 Иванов Георгий – 483
 Измирлян – 23, 52, 53
 Имедашвили – 423
 Инджикян Арам – 414, 539
 Иоаннисиан Иоаннес – 362, 367, 440, 443, 549
 Иоаннисян Абгар – 42, 143
 Иоаннисян Ашот – 363, 365, 372, 373
 Иован, грузинский принц – 469
 Исаакян Аветик – 10, 174, 276, 362, 373, 399, 403, 415, 457, 477, 534, 565, 591, 594,
 Исмаил эфенди Налбанд заде – 105
 Израелян С. – 418
 Ипекян Гаспар – 433, 410
 Ишхан (Никогайос Микаэлян) – 165
 Ишханян Рафаел – 230, 270, 392, 506
- Каджазнуни Ованес – 85, 192, 193, 431
 Казарян Аршак – 143, 413, 456
 Казарян Даниел – 361
 Казарян Корюн – 376
 Казарян Мурад – 248
 Кайзер Хильмар – 164
 Кайцак Аракел (Тигран Абаджян) – 167, 204
 Какабидзе С. – 411
 Калантар Александр – 51, 88
 Калантар Ашхарабек – 568, 570
 Калантар Левон – 30, 238
 Калантарян Папа – 517
- Калантарян, цензор – 30, 31
 Калашян Г. – 448
 Камалян Саркис – 241, 242
 Камсаракан – 46, 47
 Канаян Драстамат (Дро) – 95, 96, 109, 126
 Канаянц Степан – 309
 Канканян Агаси, беженец – 227
 Канчели С. – 446
 Капанакян – 255
 Капутикян Сильва – 11, 160, 506
 Карапетян Г. – 308
 Карапетян Л. – 19, 124, 314, 557
 Караханян Луснтаг, беженка-сирота – 304
 Кармиле, беженка – 249
 Каръян Самсон – 180
 Катарина, сестра милосердия – 289
 Кафьян Александр – 540
 Кафьян Г. – 74
 Келекян Тигран – 160, 415
 Керы (Аршак Гафавлян) – 91, 121, 133, 170, 210, 224
 Кикнадзе Закаре – 370, 372
 Киракосян Алисия - 311
 Киракосян Гурген, отец Алисии Киракосян – 311
 Киракосян Джон – 164, 316
 Кишмишян А. – 53
 Клара, жена Зограба – 154
 Клдиашвили – 438
 Клекчян Гегам, священник – 274
 Кнорринг Карл – 469
 Ковалевский Максим – 438
 Кочойкян Григор – 312
 Козловский Л. – 413
 Колушев Н., посол Болгарии в Турции – 154
 Кольцов – 532
 Комитас – 15, 81, 157, 362, 373, 420, 476–478, 499
 Короленко Владимир Галактионович – 437, 483, 484
 Косоян Айк – 165, 167

- Костанян – 580
 Кочевский Виктор – 12
 Крмоян Багдасар – 126
 Крмоян Ованес – 106
 Кулебякин Александр – 377, 570
 Куприн Александр – 562
 Кусикян Карапет – 441
 Кусикян Овсеп – 41
 Кучак Наапет – 403, 415–419, 481
 Кюледжян Л. – 551
- Лалаян Ерванд – 24, 362
 Ластивертци – 530, 531
 Лебединский Е.В., генерал – 109, 112
 Левон, студент – 40
 Левонян Гарегин – 361
 Левонян Хачатур – 280
 Лео – 21, 22, 28, 33, 39, 53, 56, 58, 89, 97, 119, 136, 149, 184, 235, 244, 254, 286, 362, 373, 376, 397, 399, 414, 430, 447, 451, 459, 500, 501, 511, 560, 583
 Леонардо да Винчи – 564, 566
 Леонидзе Георгий – 12
 Лепсиус Иоганнес – 151, 235
 Лермонтов Михаил – 368, 404, 458–460, 483, 525, 530, 532, 562
 Леконт де Лиль – 412
 Лианозян К. – 255
 Линч Генрих – 437
 Лисициан Левон – 541
 Лисициан Ст. – 31, 34, 46, 81, 82, 136, 143, 249, 255, 271, 312, 350, 352, 361, 362, 364, 372, 432, 482, 527, 536, 537, 541, 558, 559
 Ли-Тай-По – 483
 Львов М. – 400
 Лобанов-Ростовский – 235
 Лонгфелло – 528
 Луначарский Анатолий – 530
 Ляхов Владимир, генерал – 97, 98, 126
- Маари Гурген – 198, 267
 Магашвили Коте – 423
 Мазмалян Амбарцум, учитель – 43–46
 Мажинян Амаяк – 27
 Маикян Антон – 362
 Маилян А. – 93
 Майков Аполлон – 490
 Макинцян Погос – 61, 71, 362, 402, 418, 441, 483
 Малхасян Азнив – 264
 Малхасян Карапет – 39
 Малхасянц Степан – 363, 545, 546
 Мамед, командир батареи – 103, 191
 Мамиконян Степан – 393, 429
 Мамин-Сибиряк – 562
 Маммад бек, курдский полковник – 105
 Мамурян Маттеос – 436
 Манандян Акоп – 362, 372
 Манвелян Микаэл – 238
 Манвелян Л. – 309
 Манасян Сирак, беженец – 211
 Мантинян Никол – 238
 Манукян Арам – 8, 166, 167, 169, 170, 171, 184, 188, 193, 204, 220, 221, 224, 230, 234
 Манукян Мелкон – 107
 Мариам, жена Д. Демирчяна – 39
 Маркварт Йозеф – 150
 Маркос, житель Вана – 261
 Мармарян Арсен (Ваан Тотовенц) – 553
 Марр Н. – 351, 364, 365, 372, 456
 Мартиросян Саак – 262
 Мартиросянц Рубен – 422, 426
 Масеян Ованес – 362
 Матевосян Грант – 5
 Матенчян Мамбре – 392
 Матисс Анри – 8
 Мачавариани И. – 437
 Махмад-бек – 218
 Маштоц Месроп – 15, 588

- Мегрян – 50
 Меджит-эфенди – 476
 Межелайтис Эдуардас – 12
 Мейе Поль-Жюль-Антуан – 355
 Мелик-Айвазян Варвара – 456
 Меликян Амбарцум – 357, 386
 Меликян Романос – 238, 241, 243
 Мелконян Погос – 264
 Меренгулян Вардгес – 153
 Метерлинк Морис – 531, 463
 Меттерних – 463
 Мецаренц Мисак – 505
 Микаелян Вардгес – 152, 164
 Микаелян Микаел – 568
 Микаэлян Карен – 296, 297, 386, 388, 402, 403, 418, 441, 451
 Минасян М. – 163
 Минасян Петрос – 120
 Миракян Ваан – 337
 Мирза Таги-хан – 412
 Мирзаханян Мирзахан (Жирайр) – 167
 Мирзаханян Амаспюр – 310
 Мирзоян Александр, живописец –
 Мирзоян Джаза-оглу – 391
 Мирзоян Овсеп – 581
 Мирзоян С.С. – 551, 557, 580
 Мисак, беженец-сирота – 297
 Мицкевич Адам – 6
 Мкртыч, врач – 35, 36
 Мкртыч, священник – 136
 Мкртчян Левон – 413
 Мкртчян Шогик – 212
 Мнацакан, беженец-сирота – 297
 Мнацаканян Левон – 312
 Мольер – 412
 Мопассан – 412
 Морган Жак – 150
 Моргентау Генри, посол США в
 Турции – 161
 Мортилье А. – 528
 Мортилье Г. – 528
 Морозов Н. – 528
 Муравьев Н. – 528
 Мурадбекян Хорен – 97
 Мурадян Наапет – 389
 Мурадян Ншан, беженец – 247
 Мурадян Погос – 115
 Мурадян Саркис – 406
 Мурадян Симон – 264
 Муратов П. – 528
 Мхитар, епископ – 334
 Мхитаров Сергей – 403
 Мхитарян Ов. – 205, 207
 Надир-шах – 131
 Назанян Сурен, учитель – 385, 386
 Назарян Тигран – 307
 Назарянц Л. – 185
 Назим, доктор – 150
 Назым-бей – 154
 Нжде Гарегин – 15, 595
 Нждехян Григор, священник – 390
 Найман А. – 501, 502
 Накашвили И. – 446
 Накашидзе Илья – 411, 412, 431
 Накашидзе Нино – 423
 Налбандян Арпиар, торговец – 186
 Налбандян Микаэл – 369, 370
 Наполеон – 463
 Нарекаци Григор – 15, 413, 414, 433, 445, 505
 Нар-Дос – 143
 Наровчатов Сергей – 6
 Неджмеддин, молла – 154
 Нельсон – 303
 Немирович-Данченко В. И. – 347, 348
 Неркарарян Арутюн (Аро) – 167
 Неркарарян Езник – 167
 Нерсес, епископ – 146, 169
 Нерсисян Мкртич – 145
 Неф Жак – 5
 Низами – 412, 532
 Нижарадзе – 120
 Николай Второй – 89, 331, 457
 Николай Николаевич, великий князь – 331

- Николаев, генерал – 142, 170, 183–185, 192, 223–225, 230, 237
- Нор-Айр (Норайр Арутюнян) – 500
- Норенц Вагаршак – 299–301
- Нури-паша – 208
- Ованес, внук Туманяна, сын Ашхен – 572
- Ованес-ага Овакимович – 538, 593
- Ованесян Рачия – 6, 11, 506
- Ованесян Сусанна – 17, 50, 56, 72, 83, 128, 164, 322, 408, 409, 415, 456
- Ованнисян Айк – 434
- Ованнисян Вардуи – 252
- Ованнисян Гисак – 313, 362
- Ованнисян Николай – 164
- Ованнисян Тигран – 316, 354, 361, 362, 367, 377, 443, 489
- Овсеп, отец Л. Караханян, матери К. Демирчяна – 304
- Овсепян Гарегин – 275, 278, 547–549, 568
- Овсепян Мариам – 205
- Овнатан Нагаш – 415, 418, 481
- Овнатанян Овнатан, художник – 415
- Оганджанян Амо (Амазасп) – 283
- Оганджанян Артем – 164
- Оганджанян Рубен – 286
- Оганджанян Сатеник – 291
- Огановский, генерал – 97, 98, 118, 126, 185, 187, 190, 191, 193, 194, 237
- Огарёв Николай – 370
- Одзнеци – 15, 539
- Озол – 98, 122, 190
- Озанян Гагик – 160
- Олдингтон Ричард – 496
- Ори Исраел – 372
- Орманян Магакия, католикос – 101, 163
- Пападжанян Мик. – 333
- Папазян Аветис – 164
- Папазян Вртанес – 35, 40, 41
- Паповян Ал. – 143
- Пармаз (Маттеос Саркисян) – 160
- Паронян Акоп – 433
- Пароникян Майрануш – 270
- Партизунни Ваче – 62
- Паскевич Иван – 131, 174
- Патканян Рафаел – 404
- Патмагрян Ашот – 272
- Пекарский – 437
- Первомайский Леонид – 12
- Петефи Шандор – 6
- Петровых Мария – 12
- Пешикташлян Мкртыч – 565
- Пирумян Тигран – 485
- Погосян Аветик – 88
- Погосян Карапет – 264
- Погосян Сатеник – 99
- Подгорский Фёдор, генерал – 118
- Полонский В. – 347
- Полонский Я. – 417
- Попович – 571
- Потикян Вардуи, беженка-сирота – 231, 249
- Потикян Ованес – 116
- Потурян Мкртыч – 51
- Пресанс Франсис – 437
- Пресансье Р. – 411
- Пржевальский Николай – 531
- Пушкин Александр Сергеевич – 12, 13, 15, 404, 405, 444, 452, 459, 460, 477, 484, 525, 528, 532, 566, 567
- Пшавела Важа – 429
- Пюлпулян, врач – 261
- Раецкий С. С. – 400, 402
- Расин – 412
- Расул, сын Селима паши – 110
- Рафаэль – 564, 566, 575
- Раффи – 26, 33, 466, 559, 568
- Рашмачян Тигран – 400

- Рен (Татарян), поэт – 29
Ремарк Эрих-Мария – 496
Робакидзе Григол – 446
Романов Н. Н. (младший), великий князь – 225
Ростом (Степан Зорян), пианист – 198, 581
Рубенс – 563, 564, 566, 575
Руми – 532
Руставели Шота – 6, 411, 415, 483
- Саади – 412, 532
Саак, доброволец – 133
Саак, беженец – 186, 215
Саак, учитель (варжапет) в Гюмри – 303
Саак Партев – 15
Саак, священник – 261
Саак, начальник армянского штаба в Игдыре – 98
Саакян, служащая «Союза городов» - 276
Саакян А. – 89
Саакян Макруи, беженка-сирота – 211, 231, 303
Саакян Рубен – 164, 172
Сагян Амо – 11, 522
Сазонов С. Д., министр иностранных дел России – 144, 331
Саид Галим-паша, великий везирь – 151
Саид, сын Селима паши – 110
Саинян Анаит – 11
Самуелян Вячеслав – 440
Сардарян Е. – 361
Саргисян Товмас - 391
Саринян Сергей – 416
Саркисян Давид – 167
Саркисян Маттеос (Пармаз) – 160
Саркисян Сос – 16
Саркисян Сурен - 172
Сароян Вильям – 548
Сароян Патрик, беженец – 230, 249
- Саруханиян А. – 53
Сарьян Мартирос – 7, 8, 275–278, 362, 450, 559, 560, 567, 568
Сарьян Рузан – 276, 277
Сарикян Акоп – 245, 340, 370, 584, 585
Сафарян Аршак – 306
Сафрастян Араксия – 201
Сафрастян Арпиар – 204
Сафрастян Заруи – 201
Сафразбекян Ирма – 18, 343, 344, 523, 527, 535–537, 541, 544, 556, 558, 559
Сафян Павел – 551, 557, 580
Сафоян Татос – 106
Саяд-ул Мюлк, иранский консул – 412
Саят-Нова – 28, 39, 71, 403, 406, 407, 410, 414–428, 441, 445, 450, 452, 460, 482, 561, 567, 403, 416, 420, 422, 423,
Свазлян Вержине – 226, 227, 303, 307
Севак Паруйр – 5, 6, 16, 51, 160, 427, 478, 481, 494, 499, 502, 505
Севак Рубен – 157, 160, 158, 433, 444
Севан-Хачатрян Тигран – 145
Сейри – 387
Селим-паша – 110, 113
Семирджян Габриэл – 167, 204
Сенкевич Генрих – 437–439
Сервантес – 404, 412, 431, 438, 439, 528
Серно-Соловьёвич Николай – 370
Серов Валентин – 566
Сиаманто – 157–160, 163, 164, 174, 392, 433, 444, 481, 505
Сидоренко – 207
Симе, журналист – 439
Симонов Рубен – 276
Симонян Гоар – 326
Симонян Грачик - 339
Симонян Лилит - 199

- Сирануш – 362, 524
 Сирвард, беженка – 249
 Сируни Акоп – 17, 18
 Скворцов, комендант Вана – 196
 Смбат Бюрат – 160
 Смит – 438
 Соболевский – 437
 Соколов М. Д., адвокат – 484
 Сокальская Мария, жена Мушега
 Туманяна – 544
 Соловян Акоп – 406
 Солахян Арашес – 206
 Солоненко К., начальник
 гарнизона Сарикамышы – 120
 Спендиаров А. – 276
 Спендиарова Т. – 423
 Спендиарян Ал. – 362, 406–408
 Спендиарян Ованес – 55
 Срвандзтян Амазасп – 91
 Срвандзтян Гарегин – 199, 531
 Сринг – 143
 Степанян А. – 276
 Степанян, врач из Тегерана – 282,
 283
 Степаносян Саак – 578
 Степанян Степан – 152, 164
 Столыпин – 331
 Сумбатов – 337, 338
 Сундукян Габриел – 538, 563, 567
 Сурениянц Вардгес – 275, 276
 Сурков Алексей – 12
 Сурхатян Арутюн – 61, 362, 431,
 433
 Табидзе Тициан – 12
 Тагаварян Назарет – 160
 Тагианосян Е. Ф. – 367, 399
 Тагуи – 304
 Тадевосян Егише – 276
 Талаат-бей – 146, 150, 151, 153,
 155–157, 162, 163
 Тамамшев Василий, генерал – 333
 Таманян Александр – 275
 Тамара, грузинская царица – 469
 Тамразян Грант – 499, 505
 Тамур-ага – 131
 Тангик, беженка – 249
 Танк, Максим – 12
 Тараян С. – 412
 Тарковский Арсенный – 16
 Таронци Согомон – 303
 Тарьянц Овсеп – 19, 20
 Татрян Ваагн – 164
 Тахсин-бей, правитель Эрзрума –
 152
 Ташчян Аракси, жена Д. Варужана
 – 159
 Теймураз, грузинский царь – 179
 Тер-Абрамян Абгар, начальник
 полиции Баязета – 104
 Тер-Аветикян Смбат – 352
 Тер-Аветисян Нерсес – 34
 Тер-Акопян – 551
 Тер-Андреасян Мхитар – 354, 427
 Тер-Арутюнян Аветис – 51
 Тер-Арутюнян Акоп – 306
 Тер-Асатур, священник – 145
 Тер-Атовм, священник – 146
 Тер-Григорян Арам – 227, 386
 Тер-Григорян Вардан – 58–60, 512
 Тер-Григорян Джалал – 383
 Тер-Григорян Г. – 70
 Тер-Гевондян Анушаван – 26, 27,
 81
 Тер-Гевондян Николай – 51
 Тер-Гукасов Аршак, генерал-
 майор – 131, 196
 Тер-Давтян Овсеп – 361
 Тер-Егише – 37
 Тер-Езник – 51
 Тер-Манвелян Петрос – 136
 Тер-Маркарян Мигран – 166
 Тер-Микаэлян Айк – 388
 Тер-Минасян Бемия – 406, 497
 Тер-Минасян Овсеп, священник –
 113
 Тер-Мкртчян Галуст (Тер-Саргсян
 «Миабан») – 274, 351

- Тер-Мкртчян Карапет, епископ – 286
 Тер-Мовсисян Баграг – 425
 Тер-Мовсисян Месроп – 83, 87, 97, 332, 351, 391
 Тер-Ованесян Даниэл, священник – 36
 Тер-Ованесян Никогайос – 36
 Тер-Погосян Аветис – 440
 Тер-Погосян В. (Вагарш Вагаршян) – 566
 Тер-Степанян Барсег - 42
 Тер-Степанян Маттеос – 121
 Тер-Тадевос – отец Ов. Туманяна – 484, 511
 Тер-Шнорх – 24
 Терзян Арцвик, беженец – 229
 Терлемезян Фанос – 167, 171, 175, 204, 207–209, 279, 362, 364
 Тернон Ив – 164
 Тертерян Арсен – 362
 Терьян Ваан – 10, 38, 62, 63, 86, 87, 386, 390, 392–395, 399, 402, 429, 527, 560–562, 565
 Тигранян Армен – 31, 32, 34, 276, 362, 452
 Тигранян Арменуи (Менуи) – 82, 456, 494, 567
 Тигранян Сиракан – 143, 358, 362, 372, 570
 Тизенгаузен – 193
 Тиратурян Александр – 120
 Тихонов Николай – 12
 Тихонов А. Н. – 403
 Тлкатинци (Ованес Арутюнян) – 160
 Тойнби Арнольд – 149
 Толстая Александра, дочь Льва Толстого – 347, 348
 Толстой Лев Николаевич – 467, 528
 Тораманян Торос – 24, 362, 373, 410, 477
 Тороманян Мигран – 167
 Тотомяц Ваан – 429
 Грамбицкий Е. Г., генерал – 120
 Грдат Великий – 15
 Трухин (Трухинин) – 142, 170, 223, 223, 226
 Туманов (Туманишвили) К. – 468
 Туманян Амлик – 42, 368, 524, 533–535, 538, 539, 544–546, 547, 548, 549, 556, 557, 564
 Туманян Ануш – 368, 524, 534, 535
 Туманян Арег – 524, 531, 533–535, 556
 Туманян Арпеник – 533
 Туманян Артавазд (Артик) – 32, 86, 215, 326, 483, 503, 518, 524, 533, 535, 536, 545, 556, 558–586
 Туманян Аршавир – 511, 515, 520
 Туманян Астхик – 511
 Туманян Ашхен – 478, 515, 523, 524, 526, 528, 530, 532, 533, 538, 572
 Туманян Ваан – 511, 513–517, 520
 Туманян Виген – 535
 Туманян Искуи – 511
 Туманян Мариам – 12
 Туманян Микаэл – 350
 Туманян Мушерг – 42, 78, 168, 169, 197, 256, 368, 535, 537–544, 558
 Туманян Нвард – 86, 122, 123, 221, 222, 239, 240, 242, 243, 249, 250, 253–258, 268, 271, 272, 276, 277, 279, 281, 282, 284, 287, 291, 304, 312, 320, 326–328, 350, 368, 377, 392, 394, 406, 408, 443, 444, 451, 475, 484–486, 495, 505, 515–518, 523, 531, 533, 534, 536, 541, 549, 564, 568, 571, 576, 577, 581, 583–585
 Туманян Ованес-ага – 538, 593
 Туманян Ольга – 511, 530, 536, 537, 547
 Туманян Осан – 511
 Туманян Ростом – 58, 59, 503, 511, 512, 514, 521

- Туманян Седа – 533, 556
 Туманян Сона – 519, 582
 Туманян Тамар – 270, 307, 308,
 311, 377, 526, 533, 556
 Туманян Тадевос – 451
 Тускан, полковник – 102
 Тутунджян Мигран – 298, 299, 301
 Тутунджян Погос – 166
 Тутунджян Шушаник – 209
- Уайльд Оскар – 412, 561
 Уитмен Уолт – 562
 Урхаеци – 531
 Усик, архиепископ – 256
- Фёдоров Р. – 12
 Фет А. – 15
 Филиппо Э. – 276
 Фирдоуси – 504, 532
 Франгян Ерванд – 181, 183
 Франс А. – 150, 159, 562
 Фриче В. – 400
- Хагани – 532
 Хайам Омар – 412, 418, 504, 527,
 532
 Халил-бей – 154, 170, 383
 Ханасори Вардан – 92, 170
 Ханзадян Рубен – 28
 Ханзадян Цолак – 60, 61, 361, 399,
 404, 405, 442, 443, 455
 Ханджян Агаси – 198
 Ханларян Акоп – 47, 390
 Хатисян Александр – 36, 55, 88,
 91, 136, 192, 237, 334, 338, 344,
 385, 388, 446, 540, 580
 Хатисян Геворк, адвокат – 74, 136,
 143, 358, 359, 368
 Хафиз – 412
 Хачатур, хмбапет – 101, 109
 Хачатур, торговец – 110
 Хачатур, беженец-сирота – 266
 Хачки Джордж – 438
 Хачатрян Амаяк – 120
- Хачатрян Смбат – 97, 106
 Хемингуэй Эрнест – 496
 Хечо – 125, 210
 Хнкоян Атабек – 39, 309
 Ходасевич Владислав – 404, 483,
 492, 493
 Хорен, епископ – 102, 106, 121,
 193, 273
 Хорен Мурадбекян (католикос
 Хорен I) – 273, 274, 280
 Хорен, сын Акопа Сарикяна – 584
 Хосровян Аик, актёр – 443
 Хоренаци Мовсес – 441, 492, 536
 Хранян Ваан – 166
 Хримян Айрик – 15, 436, 547
 Худабашян, доктор – 391
 Хунунц Овсеп – 41, 55, 97, 99, 121,
 143, 181, 183, 209, 295, 237
 Хусейн Джахид – 154
- Цатурян Александр – 41, 63, 71,
 402, 432, 440, 441, 565
 Цатурян Патвакан – 369
 Церетели Акакий – 430, 438
 Цованян Сако (Севкаречи Сако) –
 550
 Цугулуев – 102
 Цулукидзе М. – 411
 Цуринян Г. – 87
- Чавчавадзе Илья – 437, 562
 Чайковский Пётр Ильич – 476
 Чалхушьян Григор – 335
 Чаренц Егише – 10, 13, 18, 22, 263,
 481, 505, 506
 Чаргчян (Казарян) Арам – 28, 29
 Чахарбекян О. – 561
 Чачан оглы – 131
 Челепян Андраник – 223
 Черкез Ахмед – 154, 155, 157
 Черкезян Саркис (Катон) – 53
 Чермак Г. – 459
 Чернозубов, генерал – 142, 172

- Чехов Антон Павлович – 528, 530, 561, 568
 Чилингарян А. – 400
 Читунни Тигран – 21, 33
 Чолоян Овсеп – 165
 Чопанян Аршак – 362, 410, 415, 441
 Чугурян Бардухимеос – 419
 Чуковский Корней – 12
- Шагинян Саркис – 167
 Шагоян Левон – 575
 Шамирам, беженка-сирота – 346
 Шамцян Карапет – 120
 Шанг Левон – 10, 80, 230, 296, 300, 362, 364, 372, 373, 415, 431, 482, 536, 537, 565, 581, 594
 Шарбабчян Григор – 524
 Шатирян Микаел – 332
 Шатирян Г. М. – 551, 557, 580
 Шаумян Степан – 185
 Шах-Аббас – 469
 Шахазиз Смбат – 404
 Шаххатуни Аршавир – 97–99, 187, 193, 223
 Шахбазян Даниэл – 312
 Шахкян Гарник – 512
 Шахназарян Аслан – 352
 Шаховский К. – 450
 Шиллер Фридрих – 412, 564, 566
 Шираз Ованес – 303, 506
 Ширакян Аршавир – 151, 152
 Ширакян Ерванд, беженец – 231
- Ширванзаде – 10, 51, 62, 95, 97, 99, 100, 102, 104, 107, 108, 111–115, 121, 123, 124, 138, 164, 254, 309, 362, 364, 373, 410, 427, 567, 583
 Ширинян Артак – 536
 Ширинян Аршак – 536, 580
 Шульц, врач – 395
 Шушаник – 209
 Шевченко Тарас – 6
 Шекспир – 6, 15, 68, 404, 412, 431, 438, 439, 476, 525, 528, 532, 563, 583
 Шервинский Сергей – 12
 Щеглов В. – 562
- Эвоян В. С. – 551, 557, 580
 Эмин Геворг – 6, 11, 441,
 Эмин-Терьян Григор – 62, 394, 395
 Энвер-паша – 150, 223
 Эприкян – 130
 Эприк Мисак – 566
 Эрибемян Арташес – 389
 Эртевещян Нерсес, священник – 38
- Юденич Николай – 91, 96, 223, 224, 235, 237
- Яир Аарон – 164
 Якобсон А. – 13, 239, 522
 Янушкевич Н., генерал – 331
 Ясинский Иероним – 347

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абага, поле – 169, 172, 181, 182, 198, 214, 217, 219, 222, 223, 231
Аванц – 226, 231
Австрия – 7, 82
Австро-Венгрия – 82, 151, 457, 488
Адана, вилайет – 80, 159, 165
Азербайджан – 375
Азия – 333
Айгестан – 165, 166-168, 209, 210
Айрарат (Арарат) – 164, 172, 228, 236
Айоц Дзор, село – 164, 165, 171, 200, 201, 205
Аладан, горная цепь – 129
Алапарс – 126
Алашкерт – 96, 97, 107, 108, 112-115, 129, 130, 142, 196, 217, 222, 223, 235, 244, 260, 303, 470, 544, 550
Алашкертский район – 97, 217, 236
Алджаваз – 165, 171, 196, 201, 205, 221, 249
Александрополь – 31, 43, 45, 47, 97, 119, 303-307, 341, 375, 379, 385, 446, 545
Алеппо – 146, 161, 162
Алюр – 165
Америка (США) – 145, 149, 153, 161, 304, 319, 320, 333, 336, 446
Амзачиман – 380
Англия – 149, 283, 438, 463, 464
Ангора (Анкара, Энклиори) – 152
Андижан – 487
Ани – 95, 164, 447, 456
Астапат – 146
Астрахань – 337
Аракс – 139-141, 172, 247
Арарат – 182
Арахве – 519, 520
Арацани (Евфрат) – 107, 129-131, 139, 140
Ардаган – 108, 133, 136, 379
Ардвин – 142, 144
Арен – 165
Ареш, Арешский уезд – 386
Армаш – 162
Армавир – 88, 369
Армения (Восточная) – 90, 125, 146, 151, 162, 164, 350, 374, 465, 542, 554, 558
Армения (Западная) – 7, 75, 86, 90-92, 95, 96, 123, 125, 129, 132, 133, 135-137, 141-145, 147, 150, 161, 162, 171, 173, 178, 180, 182, 189, 197, 198, 217, 222, 223, 236, 237, 239, 241, 242, 252, 255, 289, 298, 329, 334, 342, 345, 347, 350, 374, 375, 433, 457, 458, 463, 466, 468, 471, 489, 491, 542, 548, 551, 553, 554, 558, 570, 585
Артамет – 210
Артос, горный хребет – 210
Арцап – 98, 100, 101-103, 129
Арцке – 249
Арчеш – 165, 168, 169, 171, 191, 200, 201, 205, 574
Аршак, село – 217
Атан – 59, 513
Ахалкалак – 303, 376, 380, 426, 469
Ахалциха – 88, 291, 375, 376, 380
Ахбак – 200, 201
Ахпат – 209, 574
Ахлат – 221
Ахтамар, остров – 162, 199, 201
Аяш – 157
Багдад – 576
Баку – 30, 61, 70, 88, 91, 92, 94, 95, 182, 224, 254, 282, 291, 303,

- 349, 350, 366, 382, 397, 442, 443,
447, 453
- Бакуриан – 380
- Балканы – 286
- Батум – 88
- Баязед-ага, село – 182, 226
- Баязет – 96, 99, 103-106, 118, 126,
127, 129-132, 182, 196, 217, 229,
231
- Баязетский район – 97
- Бандимаха, река – 227, 229, 230-
232
- Бардус – 121,
- Бартох, горная цепь – 129, 140
- Басен – 97, 109, 127, 142
- Басенская равнина – 217
- Батнос – 130
- Батум – 303, 519, 520
- Баш Апаран – 375
- Башкёй, курдское село – 115
- Бейрут – 224
- Белу – 165
- Беджар – 577, 579
- Берд (Топраз Гале) – 130
- Береко – 165
- Берлин – 457, 462
- Беркри – 96, 200, 201, 214, 225,
226, 227, 229, 230, 232-234, 572
- Беркри-кала – 181, 182, 186, 571,
572
- Бессарабия – 286
- Битлис (Багеш) – 96, 108, 144, 161,
215, 216
- Битлисский район – 216
- Бирюск – 117
- Болгария – 149, 151
- Боржом – 355
- Босфор – 141
- Борчала-Даг, горный перевал –
338, 339
- Борчалу – 59, 83, 142, 338
- Брест-Литовск – 374, 379
- Буланых – 217
- Бюрик – 164
- Вагаршапат (Эчмиадзин) – 284,
291
- Ван, город – 8, 21, 96, 98, 144, 148,
152, 161, 164, 223, 226, 228, 229,
234, 235, 237, 238, 242, 244, 247,
274, 305, 316, 346, 466, 470, 517,
521, 543, 545, 558-560, 571, 572,
575, 576, 579, 581
- Ван, озеро – 329
- Ван-Тушпа – 199
- Варна – 90
- Вараг, село – 209
- Вардашен – 227
- Васпуракан – 95, 180, 223, 224,
226, 227, 242, 346, 517, 543, 558,
560
- Ватикан – 352
- Венеция – 361, 535
- Видея, село
- Вирк – 469
- Владикавказ – 341, 368, 369
- Востан – 571
- Гандзак – 135, 376, 446
- Гаракянд – 181
- Гарбулаг – 129
- Геджрлу – 126
- Германия – 7, 75, 80-82, 151, 153,
161, 426, 457, 463, 464, 540, 541,
547
- Гёзалдара – 217
- Гёл, село – 226
- Гёй-Тапа – 576
- Глыч-Гядук – 141, 543
- Гония – 161
- Гори – 135
- Горис – 384, 587
- Горцот – 213
- Гуват-Шапай – 165
- Гугарк – 172
- Гуйлуч – 126
- Гуниб – 184, 185

- Грузия – 308, 318, 320, 338, 341, 375, 446, 469, 470
- Гюлисор – 131
- Гюмри – 304
- Гяваш – 164, 165, 205, 249
- Гяврешаме – 226
- Дарачичак – 310
- Датван – 215
- Даяар (Дахар) – 109, 115, 116
- Делбаба (Дели-Баба) – 97
- Дели-Кеой (Башкёй) – 115-116
- Дербент – 49
- Дер-Зор – 150, 152, 162
- Дерекор, село – 117
- Дерджан – 144
- Джавахк – 375
- Джалалоглы – 415, 515
- Джаник (Мадур), село – 181, 182, 226, 227
- Джульфа – 347, 375, 559-560, 569
- Дзирава – 140
- Диадин – 100-101, 106, 107, 117, 118, 128, 130, 132, 168, 196, 217, 542, 543, 545, 559
- Диадинский район – 97
- Дилижан – 39, 254, 256, 303, 426, 538
- Дилман – 96, 560, 569
- Диарбекир – 152, 153, 161
- Донской район – 236
- Дправанк – 162
- Дсех – 59, 82, 512, 517, 546
- Дхе – 260
- Дутах (Айнтап) – 109, 112, 130, 191
- Дыгыр – 126
- Европа – 85, 315, 352, 378, 462, 467, 488
- Евфрат – 107, 129, 130, 131, 139, 140, 172, 173, 236, 329
- Егвард – 126
- Егеров, горный хребет – 210, 211
- Едесия – 37, 40, 42
- Екатеринодар – 369
- Елизаветполь – 381
- Ереван – 18, 44, 88, 104, 125, 174, 175, 193, 209, 228, 254, 263, 267, 280, 281, 282, 283, 285, 303, 349, 393, 397, 444, 446, 447, 466, 534, 535, 542, 559, 580, 588
- Ерзнка – 341
- Еринджа, село – 108
- Закавказье – 340, 341, 344
- Зангезур – 376, 381
- Зейва – 8
- Зейтун – 144, 145, 172
- Зеткан – 107, 114, 115, 116, 140
- Зивин (Зиван) – 97
- Зиро – 108
- Игдыр – 96-100, 109, 111, 118, 119, 181-183, 186, 211, 213, 222, 226, 228, 229, 230, 235, 250, 252, 254, 256, 283, 303, 347, 542, 543, 545, 560
- Иерусалим – 146, 352
- Индия – 283
- Иран – 227, 412
- Ирак – 576
- Ирец-Гёл, село – 112
- Испания – 438
- Италия – 145, 149
- Йонджалу – 108, 129, 130
- Кавказ – 33, 52, 81, 82-85, 88, 90, 95, 96, 105, 133, 141, 192, 199, 226, 236, 303, 340, 342-344, 373, 441, 443, 460, 470
- Каир – 361
- Кагзван – 96, 223
- Казах-Шамшадин – 334, 376
- Калтахчи – 119
- Каменск – 33
- Карабах – 376, 381, 426

- Караблудлах – 226
 Каракенд – 226
 Каракилиса (Караклис) – 102, 105, 108-111, 115, 116, 119, 130, 134, 196, 303, 379, 545
 Каре (Гара) – 99, 126, 181
 Кариндж – 59, 515
 Кармир, село – 145
 Карс – 97, 114, 127, 133, 302, 303, 341, 374, 375, 379, 390, 466
 Карталина – 469
 Карчкан – 165, 205
 Кахети – 469
 Кепри-Кёй – 120
 Кёсадаг – 129
 Кизил-Диза (Кызыл-Дызе) – 107, 226
 Киликия – 23, 144, 146, 148, 149, 151, 161, 242
 Кишелфил – 165
 Кисловодск – 369, 370
 Кония – 152
 Константинополь (К.Полис, Полис) – 21, 23, 81, 89, 139, 141, 144, 151, 152, 159, 164, 349, 361, 467, 476
 Коп – 223, 544, 545
 Кохб, село – 197
 Крцанис – 236
 Кубан – 236
 Кутаиси – 446

 Ларс – 142
 Лейпциг – 540
 Лениакан – 250
 Лиз-Коп – 216
 Лондон – 91, 439
 Лори – 83, 238, 338, 381, 426
 Лорут – 59

 Маку – 129, 146, 148, 169, 242
 Мамахатун – 341
 Мамртанк – 200, 201

 Маназкерт – 96, 190, 193, 194, 223, 251, 544, 545
 Мариуполь – 91
 Марц – 59, 209, 513
 Масис – 140, 182, 243, 280
 Междуречье – 151, 161
 Мец Кети – 44, 45
 Млет – 368
 Мокс – 200, 201
 Молла Сулейман – 115-116, 140
 Москва – 18, 41, 86, 87, 142, 209, 254, 265, 277, 349, 361, 393, 402, 441, 451, 452, 534, 546, 547, 560
 Мосул – 149
 Мосун – 101, 103, 107, 112, 115, 117
 Муш – 144, 154, 161, 162, 164, 244, 470, 545
 Мурадчай (Евфрат, река Мурад, Арацани) – 107, 129-131, 186

 Немрут, гора – 209, 210
 Нью-Йорк – 91
 Нор Баязет (Новый Баязет) – 303
 Нор Нахиджеван (Новый Нахиджеван) – 35, 38, 51, 88, 91, 369, 397
 Нордуз – 200, 201
 Нпат – 140
 Нухи – 382

 Олти – 144, 235, 387
 Орводж (ущелье) – 226
 Оргов – 99, 118, 125, 127, 231
 Ордубат – 383
 Окропакерт – 136

 Падносский район – 217
 Памбак – 426
 Панз – 226
 Панчи, село – 194
 Париж – 89, 91, 349, 361, 411, 534
 Персия – 140, 209, 333, 575, 585

- Петербург – 17, 26, 38, 40, 61, 83,
 85, 86, 89, 91, 209, 342, 349, 365,
 368, 402, 534, 540, 541, 573
 Пятигорск – 365, 368-374
 Понт – 544

 Рас Уль Айн – 162
 Рим – 343
 Ростов – 209, 369
 Россия – 7, 59, 80-92, 94-96, 122,
 124, 139, 144, 149, 173, 175, 191,
 283, 332, 334-337, 339, 342, 343,
 374, 378, 444, 460, 463-466, 468,
 470, 485, 489, 543, 547, 555
 Румыния – 119, 149

 Санаин – 209, 303
 Сардарпат – 375
 Сарикамыш – 96, 97, 99, 108, 112,
 119, 120, 121, 127, 133, 141, 142,
 235
 Сасун – 23, 161, 164, 500, 501
 Себастья – 161
 Сев Гет – 226
 Синака, горы – 129
 Синджар – 165
 Сибир – 542
 Синак (горы) – 129
 Сирия – 146, 152, 161
 Снджан – 165, 195
 София – 154, 467
 Спаркерт, район – 200
 Спаркет – 201
 Судак – 408
 Сукавет – 140
 Сурмалу – 98, 194
 Сухум – 394

 Табахмела – 238-242
 Тагличай, село – 102, 107, 117, 128
 Тагча – 380
 Тандурек – 182
 Тапариз, горное ущелье – 181, 182,
 194, 226

 Тахт – 142
 Тегеран – 283
 Тимар – 251
 Тифлис – 8, 17, 19, 23, 25, 26, 36,
 40, 43, 44, 47, 53, 55, 59, 73, 80,
 82-84, 88, 94, 119, 121, 137, 141,
 142, 144, 145, 185, 188, 192, 198,
 209, 238, 239, 253, 254, 259, 264,
 283-286, 301, 303, 305, 307-321,
 355, 363, 374, 442, 447, 453, 512,
 516, 520, 534, 541, 551, 569, 585
 Тирамерик – 213
 Трапизон (Трабзон) – 162
 Турция – 75, 84, 85, 90, 93, 125,
 143, 144, 146, 150, 161, 176, 179,
 252, 333, 343, 374, 378, 457, 467,
 468, 488, 541

 Учкилиса, армянонаселённое село
 – 107
 Урарту – 199
 Урфа – 164
 Урал – 542

 Франция – 149, 463, 464
 Фрнуз – 165
 Фунджак – 165

 Хази – 108
 Харберд – 145, 161
 Хамадан – 577, 583
 Харьков – 38
 Хаскер, село – 116
 Хастур (Хазмир) – 114, 116, 140
 Хач – 59
 Хачани, село – 104
 Хачырлу (Хачлу), село – 112, 113,
 115, 116
 Хизан – 200, 201
 Хирч – 166
 Хлат – 190
 Хндзоркен – 214
 Хой – 96, 560, 569
 Хомерения – 380

- Хошаб, река – 230
 Хошаб, село – 217
 Хор – 182
 Хорасан – 97
- Цагвер – 32, 80-85, 456, 486, 537-540
 Цахканц (Аладаг), горный хребет – 129, 140
 Цахкоц, село – 131
- Шамахи – 382
 Шамут – 59, 513
 Шамбут – 182
 Шапин-Гарахисар – 164, 165
 Шатах – 165, 200, 166, 171, 201, 233, 234, 248, 249
 Шитан – 248
 Ширак – 172, 375
 Шулавер – 338, 339, 535
 Шушан – 168
- Шуши – 47, 381
- Чангр – 157, 159
 Честер – 149
 Чилкан – 116, 191
 Чингили (Каркар), горный перевал – 129, 181, 226
- Эгин – 144
- Эрзрум – 96, 144, 148, 152, 153, 161, 236, 244, 341, 379, 557
 Эрзрумский район – 103, 149, 151, 242
 Эски-Шехр – 141
 Эстония – 209
 Эчмиадзин – 7, 21, 38, 53, 59, 86, 89, 119, 136, 140, 164, 181, 189, 220, 233, 235, 237, 243-295, 303, 306, 308, 419, 447, 498, 513, 516, 517, 521, 545-547, 550

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. В БЕЗБРЕЖНОМ МОРЕ АРМЯНСКОГО ГОРЯ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	17
ОВАНЕС ТУМАНЯН И БУДНИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ В 1912-1914 ГГ.	17
ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. ПОЛЕМИКА С АМБАРЦУМОМ АРАКЕЛЯНОМ .	
ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛЕМИКИ.....	50
НОВАЯ ПОЛЕМИКА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ.....	56
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ТЕЛЕГРАММЫ	60
ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО СУДА	66
«ЗЛО КАК БЛАГО ВИДЕЛ Я...»	77
ГЛАВА ВТОРАЯ	
В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ	80
ЛЕТНИЙ ОТПУСК	80
НЕСОСТОЯВШАЯСЯ КОМАНДИРОВКА	85
ФОРМИРОВАНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ГРУПП	88
ПОЕЗДКА ТУМАНЯНА В БАКУ	88
ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ	95
НА ПЕРЕДОВУЮ	97
ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ ТУМАНЯНА	123
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
ОВАНЕС ТУМАНЯН НАКАНУНЕ ВТОРОЙ ПОЕЗДКИ НА ФРОНТ	135
«О, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ДАЙ МНЕ ПЛЮНУТЬ ТЕБЕ В	
ЛИЦО!»	143
ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ВАНА И ЕЁ ОТГОЛОСКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ	
ТУМАНЯНА	164
ЖЕСТОКИЕ БУДНИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	180
В ВАНЕ	198
ОВАНЕС ТУМАНЯН И МАССОВОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИЗ ВАНА-	
ВАСПУРАКАНА.....	223
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	
ЗАБОТА ТУМАНЯНА О СИРОТАХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	238
В ЭЧМИАДЗИНЕ	244
ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ НЕДАЛЕКО ПАДАЕТ	254
СЛЁЗЫ САМОГО УЛЫБЧИВОГО ПОЭТА	269
ОДНА СПАСЁННАЯ ЖИЗНЬ	270

ПОДАРОК ОСИРОТЕВШЕЙ БУДУЩЕЙ АКТРИСЕ	271
ПОЭТ ВСЕХ АРМЯН	271
ПОСЛЕДНИЕ НЕДЕЛИ В АДУ ЭЧМИАДЗИНА	280
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУМАНЯНА В ЭЧМИАДЗИНЕ В ОЦЕНКЕ СОВРЕ- МЕННИКОВ	287
ОТЕЦ ВСЕХ АРМЯНСКИХ СИРОТ.....	289
В СИРОТСКОМ ПРИЮТЕ АЛЕКСАНДРОПОЛЯ	303
В СИРОТСКИХ ПРИЮТАХ ТИФЛИСА	307
ИГРЫ И ВИКТОРИНЫ НА АРМЯНСКУЮ ТЕМАТИКУ	321
ГЛАВА ПЯТАЯ	
В КРУГОВОРОТЕ ОБЩЕСТВЕННО-НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ (1916 – 1918 гг.)	332
ОБЩЕСТВО “АЙКАЗЯН”	349
В ПЯТИГОРСКЕ	368
КРИК О ПОМОЩИ, ОСТАВШИЙСЯ НЕУСЛЫШАННЫМ	374
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СОЮЗНЫХ ГОСУДАРСТВ НА КАВКАЗЕ	378
“Я СВЯЗАН С НИМИ ТЫСЯЧАМИ НИТЕЙ...”	385
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
ЛИТЕРАТУРНО-ТВОРЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В 1914-1918 гг.	397
КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ (1914-1918 гг.)	397
САЯТ-НОВА В ЖИЗНИ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА	414
ОЖИВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ТИФЛИСА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	428
БРИСОВСКИЕ ДНИ В ТИФЛИСЕ	441
ТВОРЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА В 1914-1918 гг.	455
ПУБЛИЦИСТИКА	455
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ОВАНЕСА ТУМАНЯНА В ГОДЫ МИРО- ВОЙ ВОЙНЫ И ГЕНОЦИДА	475
СВЕТ И ВЕРА ПОЭТА В ТРАГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ РАЗРУШЕННЫХ НАДЕЖД ..	475
БИОГРАФИЯ ДУШИ ПОЭТА	503
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
СЕМЬЯ И БЛИЗКИЕ ПОЭТА В ГОДЫ ВОЙНЫ И ГЕНОЦИДА	
1. БРАТЬЯ ТУМАНЯНА.....	512
РОСТОМ	512
АРТАШЕС	519
2. ДЕТИ ТУМАНЯНА	524
В ДАЧНОЙ МЕСТНОСТИ ЦАГВЕР	537
«ОСТАНЕМСЯ ДО КОНЦА». МУШЕГ ТУМАНЯН.....	540

АМЛИК ТУМАНЯН	545
САМАЯ БОЛЬШАЯ ЖЕРТВА ПОЭТА	551
АРТАВАЗД: ДОБРОВОЛЬНАЯ ЖЕРТВА ГЕНОЦИДА И НЕИЗБЫВНОЕ ГОРЕ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА	558
ПОСЛЕСЛОВИЕ	589
УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН.....	597
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	611
СОДЕРЖАНИЕ	617

СУСАННА ГУРГЕНОВНА ОВАНЕСЯН

**ОВАНЕС ТУМАНЯН
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Компьютерная верстка В. Папян

Заказ № 830

Подписано к печати 01.02.2018г.

Формат 70 x 100¹/₁₆

Печ. 38.75 л. Тираж 250 экз.

Типография издательства “Гитутюн” НАН РА,
Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24.

[5000p]

ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0459924

Р II
1657846

Сусанна Гургеновна Ованесян (01.12.1955 г.) - ведущий научный сотрудник Института литературы НАН Республики Армения, доктор филологических наук. Член Международной академии литературы и искусства. Лауреат международной литературной премии им. Н. Гоголя. Автор нескольких монографий и более двухсот научных статей и публикаций, посвящённых актуальным проблемам новой армянской литературы, в частности, истории армянской критической мысли.

Приоритетными в её литературоведческих интересах являются исследования о жизни и творчестве классика армянской литературы Ованеса Туманяна. Она выявила и впервые ввела в научный оборот несколько неизвестных публицистических статей Туманяна, составила и написала примечания к восьмому тому полного собрания сочинений поэта, а также составила летопись семи лет его жизни. Ее работы широко известны как в Армении, так и за ее пределами.

В 2012 г. увидела свет фундаментальная монография Сусанны Ованесян "История жизни и творчества Ованеса Туманяна. 1900-1912 гг.". Это первая научная биография самого национального армянского поэта, охватывающая зрелый период его жизни. Книга была представлена на Государственную премию Республики Армения.

Замужем, имеет двух дочерей и сына.

